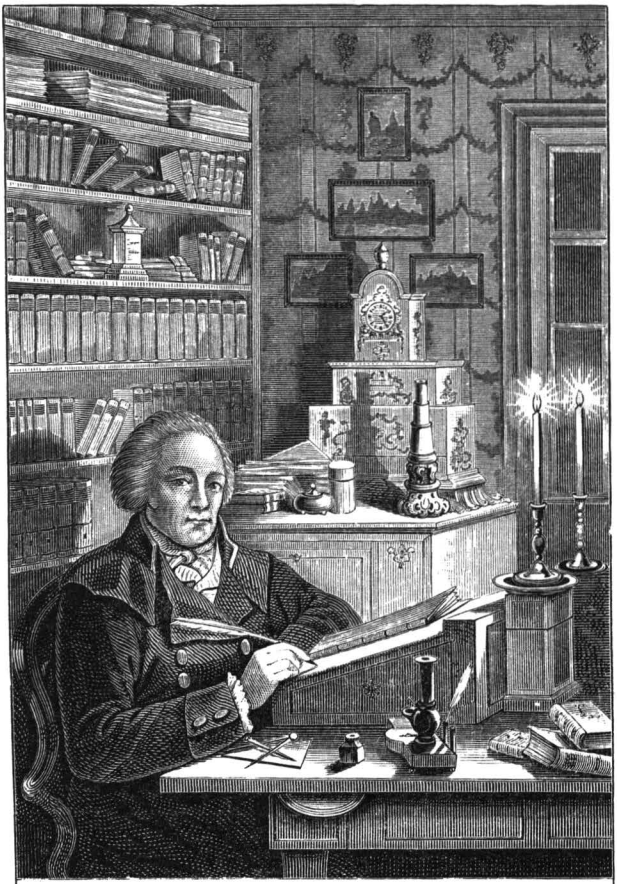
Р1(С132)
579

Дорогому Всеволоду
Ивановичу
В память об Алексее
Алексеевиче.

8.03.78 Ваша
З. А. Ваншина

Из библиотеки
В.И.Крутикова



Точное изображеніе,
Той комнаты и мѣста, гдѣ писана
Сія книга. въ 1789. и 1790. году. въ Богородицкѣ.

РИС. БОЛОТОВЪ. 1789 Г. ГРАВ. АКАД. Л. А. СѢРЯКОВЪ.

А. Т. БОЛОТОВЪ.

Род. 7 октября 1738 г., ум. 7 октября 1833 г.

[ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ I ТОМУ «РУССКАЯ СТАРИНА» 1870 Г., ИЗД. ТРЕТЬЕ].

Дозволено цензурою. С.-Пб., 17 мая 1875 г. Типографія В. С. Балашева (Больш. Сад., д. № 49—2).

ЗАПИСКИ

АНДРЕЯ ТИМОѲЕЕВИЧА

БОЛОТОВА

1738—1795.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1870 ГОДА.

Изданіе третье.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 л., 7.
1875

Р1 (с132)
Б79

(153)

268810

Туль[illegible]ная
[illegible]
на[illegible]ка

Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова составляютъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ достояній нашей исторической литературы. Объемля внутренній бытъ русскаго общества за все XVIII-е столѣтіе, а именно съ царствованія Петра Великаго по 1795-й годъ включительно — онѣ касаются самыхъ разнообразныхъ его сторонъ. Такимъ образомъ, въ этомъ историко-литературномъ памятникѣ заключаются живѣйшія подробности о домашнемъ и общественномъ воспитаніи русскихъ дворянъ прошлаго вѣка, ихъ домашней же и общественной жизни, также о прохожденіи ими военной и гражданской службы; о жизни нашихъ предковъ въ деревнѣ, въ провинціальныхъ городахъ и въ столицахъ, о состояніи сельскаго хозяйства, о состояніи въ прошломъ вѣкѣ русской литературы, науки и книжной торговли; о военныхъ дѣйствіяхъ XVIII вѣка—въ особенности объ участіи Россіи въ войнѣ съ Фридрихомъ II-мъ и о войнахъ Екатерины II-й съ турками, поляками и шведами.

Записки Болотова представляютъ послѣдовательный разсказъ о разныхъ распоряженіяхъ правительствъ восьми царствованій, съ Петра I по царствованіе Екатерины II включительно; здѣсь находится довольно много подробностей о русскомъ дворѣ эпохи Елисаветы, Петра III и Екатерины II; тутъ же разсѣяно множество драгоцѣннѣйшихъ подробностей для біографій государственныхъ, военныхъ и вообще общественныхъ русскихъ дѣятелей—за время преимущественно съ 1740-го по 1795-й годъ включительно; наконецъ, почтенный авторъ этихъ записокъ, повѣствуя о дворянскомъ сословіи по преимуществу и поднимаясь иногда въ высшіе слои его, не забываетъ и народъ. Фигуры русскаго крестьянина, русскаго солдата, русскихъ купцовъ, приказнаго и священника выпукло выдѣляются въ полномъ жизни и правды разсказѣ Болотова.

Лучшія стороны этого разсказа составляютъ необыкновенная искренность автора, любовь къ правдѣ и къ дорогому отечеству, превосходный, чисто русскій языкъ. Болотовъ есть полный представитель лучшихъ русскихъ людей прошлаго столѣтія. Природныя дарованія онъ развилъ упорнымъ изученіемъ наукъ и литературы какъ отечественной, такъ и иностранной, въ особенности нѣмецкой. Независимо отъ этого, это былъ человѣкъ прекраснѣйшихъ душевныхъ качествъ: въ Запискахъ его, какъ въ зеркалѣ, отражается его чистое, прекрасное сердце. Отсюда эта теплота разсказа и правдивость, этотъ добродушнѣйшій юморъ.

Обширною начитанностью Болотова объясняется замѣчательная легкость и живость изложенія его разсказа. Мѣстами онъ до того увлекателенъ, что невольно забываешь, что это пишетъ человѣкъ, родившійся въ царствованіе Анны Іоанновны и первоначально обучавшійся чуть еще не у дѣдушекъ знаменитыхъ россійскихъ педагоговъ: «Кутейкина», «Цыфиркина» и «Вральмана».

Вотъ главнѣйшіе факты жизни Болотова.

Андрей Тимоѳеевичъ родился въ Тульской губерніи 7 октября 1738 г.; десяти лѣтъ онъ зачисленъ капенармусомъ въ армейскомъ полку, командуемомъ его отцомъ; на двѣнадцатомъ году Болотовъ лишается отца, а два года спустя умираетъ его мать. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, по происхожденію своему изъ дворянъ средней руки и притомъ весьма недостаточный,—начинаетъ самъ прокладывать себѣ дорогу. Въ 1755 году Болотовъ, волею-неволею, вступаетъ въ дѣйствительную службу сержантомъ въ Архангелогородской полкъ, девятнадцатилѣтнимъ офицеромъ—принимаетъ участіе въ кровавыхъ битвахъ русскихъ съ пруссаками, и затѣмъ, пробывъ въ дѣйствующихъ войскахъ 1756 и 1757 гг. и въ канцеляріи русскаго губернатора Восточной Пруссіи 1758—1761 гг., онъ, однимъ изъ первыхъ,—спѣшитъ воспользоваться свободою, предоставленною россійскому дворянству манифестомъ 18 февраля 1762 года.

Добродушный, тихій нравъ и любовь къ умственнымъ занятіямъ—чтенію, письму, рисованью, а также къ сельскому хозяйству влекли Болотова изъ среды военнаго и придворнаго міровъ. Онъ оставляетъ полкъ и постъ адъютанта при генералъ-полиціймейстерѣ Петербурга, радуется, что судьба спасла его отъ участія въ событіяхъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Екатерины II, ни мало не сожалѣетъ о чинахъ и почестяхъ, которыми готовы были его осыпать его друзья, сторонники новой государыни, еслибы онъ принялъ участіе въ ихъ дѣйствіяхъ,—женится и водворяется въ родовомъ своемъ сельцѣ Дворяниновѣ, Алексинскаго уѣзда, Тульской губерніи, гдѣ и проводитъ—въ качествѣ помѣщика и—въ Богородицкѣ, той же губерніи—въ званіи управляющаго имѣніями Бобринскаго, — 70 лѣтъ—въ трудахъ сельско-хозяйственныхъ, ученыхъ и литературныхъ.

Живя въ уединеніи, Болотовъ, не упуская ни малѣйшей бытовой черты той жизни, которая его охватила, сталъ заносить въ свою автобіографію все, что̀ относилось до тогдашней какъ государственной, такъ и общественной жизни Россіи, что̀, при установившихся его сношеніяхъ съ Н. И. Новиковымъ и другими образованнѣйшими русскими общественными дѣятелями, а также и при его страсти къ чтенію книгъ, газетъ и журналовъ, представлялось дѣломъ довольно легкимъ.

Болотовъ умеръ 7 октября 1833 года, 96 лѣтъ отъ роду.

Въ деревнѣ, въ возрастѣ уже пожиломъ, именно въ 1789 году, Болотовъ начинаетъ свой многотомный трудъ, нынѣ предлагаемый читателямъ, и пишетъ его съ поразительнымъ постоянствомъ около тридцати лѣтъ. А именно, начавъ первый томъ въ 1789 году, Болотовъ двадцать-девятую его часть оканчиваетъ въ 1816 году *).

*) Кромѣ Записокъ, Болотовъ оставилъ нѣсколько ученыхъ и литературныхъ трудовъ, изъ которыхъ при жизни его были напечатаны: 1) „Дѣтская философія, или нравоучительные разговоры между одною госпожею и ея дѣтьми, сочиненные для поспѣшествованія истинной пользѣ молодыхъ людей". 2 части. Москва, 1776—1779 г.; 2) „Экономическій Магазинъ, или собраніе всякихъ экономическихъ извѣстій, опытовъ, открытій, примѣчаній, наставленій, записокъ и совѣтовъ, относящихся до земледѣлія, скотоводства, до садовъ и огородовъ, до луговъ, лѣсовъ, прудовъ, разныхъ продуктовъ, до деревенскихъ строеній, домашнихъ лекарствъ, врачебныхъ травъ и до другихъ всякихъ нужныхъ и не безполезныхъ городскимъ и деревенскимъ жителямъ вещей, въ пользу россійскихъ домостроителей". 40 частей. Москва, 1780—1789 г. Магазинъ этотъ изда-

Громадный трудъ Болотова есть, безспорно, одинъ изъ наиглавнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи русскаго общества восемнадцатаго столѣтія. Внѣшняя сторона рукописи также интересна. Она разбивается на двадцать девять томиковъ, въ одинаковый, малый, восьмидольный форматъ и почти одинаковаго объема: 400 съ небольшимъ страницъ въ каждомъ томикѣ. Всѣ 29 частей писаны рукой Болотова почти безъ малѣйшихъ помарокъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что каждый томикъ предварительно написанъ авторомъ вчернѣ и затѣмъ имъ же самимъ переписанъ. И какъ переписанъ! Никакой искусный каллиграфъ того времени не положилъ бы столько старанія и труда при этомъ, какіе употребилъ Болотовъ. Почеркъ его четокъ, ясенъ, красивъ, — на каждой страницѣ одинаковое число строкъ, чуть не одинаковое число буквъ; каждое письмо къ фантастическому пріятелю (Записки вмѣсто главъ разбиваются на письма) имѣетъ особое заглавіе; въ первыхъ томикахъ находятся фигурныя буквы, виньетки и заставки, и все это рисовано перомъ частью самимъ авторомъ, частью его единственнымъ сыномъ Павломъ — подъ его руководствомъ, — рисовано довольно красиво и отчетливо. Смѣло можно сказать, что въ нашей литературѣ историческихъ записокъ XVIII вѣка нѣтъ другой такой рукописи, которая бы такъ была любопытна и съ внѣшней своей стороны. Не довольствуясь мелкими рисунками, авторъ приложилъ картинку, сдѣланную водяными красками, а къ первому томику приложилъ свой собственный портретъ или, точнѣе, вѣрное изображеніе кабинета, въ которомъ написаны имъ его Записки.

При всѣхъ этихъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствахъ, многолѣтнему и многотомному труду Болотова не посчастливилось въ русской литературѣ.

Долго хранились Записки его въ неизвѣстности, въ семейномъ архивѣ его потомковъ. Въ 1839 году въ «Сынѣ Отечества» (кн. VIII и IX) появляются первые небольшіе отрывки изъ Записокъ Болотова—самымъ безцеремоннымъ образомъ противъ подлинника передѣланные и исправленные. Въ 1850 году Записки эти начинаютъ дѣлаться извѣстными русскому обществу въ болѣе обширныхъ размѣрахъ.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1850 года, а именно въ томахъ: LXIX, LXX, LXXI и LXXII помѣщены первыя четыре части Записокъ Болотова, въ 1851 году въ томъ же журналѣ (томы LXXIV, LXXV и LXXVI) напечатаны пятая и шестая части. Но любопытно обратить вниманіе на то, какъ напечатана эта шестая лишь доля автобіогра-

---

вался листами при „Московскихъ Вѣдомостяхъ“; 3) „Краткія, на опытахъ основанныя замѣчанія о электрицизмѣ и о способности электрическихъ машинъ помоганію отъ разныхъ болѣзней съ изображеніемъ и описаніемъ наипростѣйшаго рода машинъ и разныхъ способовъ, употребляемыхъ при врачеваніи ими болѣзней“. Спб. 1803 г., съ фигурами.—Кромѣ того, Болотовъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ „Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества“ и, вслѣдствіе этого, въ первые десятки годовъ существованія этого журнала онъ помѣстилъ въ немъ много своихъ статей по сельскому хозяйству. Познанія Болотова въ этой отрасли наукъ были громадны, и это едвали не самый замѣчательный русскій агрономъ XVIII столѣтія.

Краткая біографія А. Т. Болотова напечатана С. А. Масловымъ въ „Земледѣльческомъ журналѣ“ 1838 года, кн. 8. Г. Масловъ отдалъ полную дань уваженія достопамятному русскому агроному, писателю и ученому.

фіи Болотова. Мы взяли на себя трудъ самымъ тщательнымъ образомъ сличить текстъ печатный съ подлинникомъ, и не нашли сряду десятка строкъ, которыя не были бы исковерканы либо лицами, которыя сообщили рукопись редакціи, либо цензурою. Не говоря о томъ, что весь строй разсказа Болотова, его форма—передѣланы, слогъ исправленъ, большая часть его разсужденій, ярко рисующихъ нравственный обликъ разскащика, выброшены, пострадала и фактическая сторона Записокъ. Въ доказательство отмѣтимъ особенно крупныя сокращенія, сдѣланныя въ подлинникѣ Записокъ Болотова при напечатаніи первыхъ шести (изъ 29) его частей.

Въ I части, въ 3-мъ письмѣ, въ печати мы не находимъ, между прочимъ, предсказанія, сдѣланнаго однимъ странникомъ-монахомъ бабкѣ Андрея Тимоѳеевича Болотова.

Въ 4-мъ письмѣ въ печати нѣтъ въ высшей степени простодушнаго разсказа о первомъ днѣ рожденія Андрея Тимоѳеевича и объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ этотъ фактъ.

Въ 10-мъ письмѣ въ печати довольно большой пропускъ тѣхъ страницъ рукописи, на которыхъ трактуется о нѣкоторомъ курляндскомъ дворянинѣ Корфѣ.

Во II-й части, въ письмѣ 15-мъ, находится довольно много пропусковъ въ разсказѣ о сельскомъ духовенствѣ, разсказѣ весьма невиннаго свойства, но довольно характеристичнаго для знакомства съ положеніемъ въ средѣ дворянскихъ семей того времени духовенства и для обрисовки отношеній лицъ этого сословія между собой. Въ 16-мъ письмѣ той же части значительные выпуски подробностей, относящихся до злоупотребленія тогдашнихъ воеводъ.

Въ 18-мъ письмѣ сдѣланъ громадный пропускъ въ чрезвычайно характеристичной сценѣ изъ учебнаго быта Андрея Тимоѳеевича Болотова.

Въ письмѣ 19-мъ опять большой пропускъ въ разсказѣ о тогдашнихъ суевѣріяхъ.

Въ 23-мъ письмѣ выброшенъ довольно характеристичный разсказъ изъ сельской жизни автора.

Въ III части Записокъ встрѣчается много пропусковъ, преимущественно тѣхъ мѣстъ, гдѣ авторъ дозволяетъ себѣ характеризовать нѣкоторыхъ, болѣе или менѣе высшихъ, военныхъ дѣятелей своего времени; такого рода пропуски особенно часты въ письмахъ 27, 28 и 29.

Вообще всякаго рода злоупотребленія въ тогдашней военной службѣ, откровенно и незлобно передаваемыя Андреемъ Тимоѳеевичемъ въ его Запискахъ, не были воспроизведены въ печатномъ изданіи или, правильнѣе сказать, извлеченіи изъ первыхъ шести частей его Записокъ. Равнымъ образомъ, не переданы весьма интересныя подробности русскаго солдатскаго быта прошлаго столѣтія, о которомъ, кстати сказать, мы крайне мало знаемъ, и тѣмъ, казалось бы, слѣдовало болѣе дорожить тѣми данными, которыя мы встрѣчаемъ у нашихъ правдивыхъ и обстоятельныхъ писателей, каковъ Болотовъ. Достойно замѣчанія, что выпуски и искаженія при печатаніи первыхъ томиковъ его труда коснулись даже тѣхъ мѣстъ его простодушнаго разсказа, въ которыхъ повѣствуется объ его любовныхъ шашняхъ. Такого рода пропуски въ письмѣ 34-мъ и др.

Чтобы нагляднѣе судить, до чего доходило, двадцать лѣтъ тому назадъ, искалѣчиваніе историческихъ памятниковъ при напечатаніи ихъ, мы приведемъ на удачу нѣсколько выдержекъ изъ печатнаго текста Записокъ Болотова, сопоставивъ ихъ съ соотвѣтственными мѣстами подлинника.

Вотъ образчики:

Часть III, письмо 27, стр. 70 — 75, по подлинной рукописи:

....Мужикъ имѣлъ между тѣмъ время нажаловаться на насъ генералу Ливену, и обвинялъ насъ тѣмъ, чего у насъ и на умѣ никогда не бывало, а именно, что лошадь сію никто иной, какъ мы сами у него украли. А генералъ, будучи природный эстлянецъ и великій всѣмъ чухнамъ защитникъ и покровитель, пылалъ тогда гнѣвомъ и яростію, и въ бѣшенствѣ своемъ клялся, что отъ разжалуетъ меня за то безъ суда вѣчно въ солдаты. Зять мой ужаснулся, услышавъ о семъ въ канцеляріи генеральской, куда онъ прежде зашелъ и не зналъ, что дѣлать и какъ защитить меня отъ предстоящаго мнѣ толь великаго и напраснаго бѣдствія. Онъ хотя и разсказывалъ въ канцеляріи порядокъ всего дѣла и о нашей невинности, однако его увѣряли, что генералъ по горячности своей ничего того не приметъ, и что я, конечно, претерплю несчастіе, если не предпримется какое-нибудь другое средство.

Находясь въ таковыхъ замѣшательствахъ и дурныхъ обстоятельствахъ, не зналъ мой зять, что ему тогда предпринять было наиполезнѣе. Наконецъ, по великодушію своему и по особливой любви ко мнѣ, другого средства не нашелъ, кромѣ того, чтобъ снять всю сію бѣду на себя, и сказать, что помянутая окаянная лошадь его, а не моя, дабы спасти чрезъ то меня отъ напасти, ибо онъ надѣялся, что съ нимъ не поступитъ генералъ столь строго, какъ со мною.

Принявъ сіе намѣреніе пошелъ онъ къ генералу, который не успѣлъ его увидѣть, какъ оборвался на него, какъ на человѣка, величайшее преступленіе учинившаго, и пылалъ огнемъ и пламенемъ. зять мой приносилъ ему оправданіе, изъяснялъ свою невинность и въ доказательство оной слался на того корчмара, у котораго въ корчмѣ лошадь была куплена, и на всю свою команду, прося, чтобъ приказано было изслѣдовать. Но генералъ, такъ, какъ было уже предсказываемо, не принималъ никакихъ оправданій. А ревность и усердіе его къ эстляндскому народу простиралась такъ далеко, что онъ въ запальчивости своей выговорилъ при всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ чиновниковъ такія слова, которыя всего меньше пристойны были россійскому генералу. «Я, с у д ы р ь», сказалъ онъ моему зятю: «л у ч ш е о д н о м у

Въ печатномъ изданіи «Отеч Зап.» 1850 г., т. LXXI, стр. 175

....Мужикъ имѣлъ между тѣмъ время нажаловаться на насъ генералу, и обвинялъ насъ тѣмъ, чего у насъ и на умѣ никогда не бывало, а именно, что лошадь сію никто иной, какъ мы сами у него украли. Зять мой ужаснулся, услышавъ о семъ въ канцеляріи генеральской, куда онъ прежде зашелъ, и не зналъ, что̀ дѣлать и какъ защитить меня отъ предстоящаго мнѣ толь великаго и напраснаго бѣдствія. Онъ хотя и разсказывалъ въ канцеляріи порядокъ всего дѣла и о нашей невинности, однако его увѣряли, что генералъ вѣроятно ничего того не приметъ, и что я, конечно, претерплю несчастіе, если не предпримется какое-нибудь другое средство.

Находясь въ таковыхъ замѣшательствахъ и дурныхъ обстоятельствахъ, не зналъ мой зять, что̀ ему тогда предпринять было наиполезнѣе. Наконецъ, по великодушію своему и по особливой любви ко мнѣ, другого средства не нашелъ, кромѣ того, чтобъ снять всю сію бѣду на себя, и сказать, что помянутая окаянная лошадь принадлежитъ ему, а не мнѣ, дабы спасти чрезъ то меня отъ напасти, ибо онъ надѣялся, что съ нимъ не поступитъ генералъ столь строго, какъ со мною.

Я могу сказать, что я много обязанъ былъ въ семъ случаѣ моему зятю, ибо безъ него конечно бы мнѣ быть въ солдатахъ....

чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а нетолько твоей командѣ и корчмарю, котораго ты, можетъ быть, закупилъ». Услышавъ такія слова, не осталось болѣе ничего говорить моему зятю; онъ замолчалъ и дожидался, какое рѣшеніе учинитъ онъ сему дѣлу.

Сіе рѣшеніе и не преминуло тотчасъ воспослѣдовать, и было самое премудрое и достойное такого разсудительнаго генерала. Не принимая никакихъ оправданій и нехотя слышать о просимомъ изслѣдованіи сего дѣла и сысканіи продавца, въ которомъ намъ корчмарь ручался, приказалъ онъ зятю моему не только мужику лошадь отдать, но, сверхъ того, заплатить еще за каждый день по рублю, сколько тотъ мужикъ проходилъ и проискалъ своей лошади. Но и симъ еще не удовольствуясь, и самъ истинно не зная за что, велѣлъ послать въ полкъ ордеръ, что зятя моего безъ очереди послать на цѣлый мѣсяцъ на караулъ, позабывъ, что онъ былъ полковымъ квартермистромъ и что квартермистры на караулъ не ходятъ и ни съ кѣмъ не чередуются.

Вотъ сколь правосуденъ былъ тогдашній нашъ генералъ Ливенъ, и вотъ какое окончаніе получило сіе дѣло, угрожавшее мнѣ толь великою напастью!....

Часть III, письмо 29, стр. 139—143, по подлинной рукописи.

.... Услышавши отъ меня о причинѣ моего пріѣзда, и о всѣхъ обстоятельствахъ, сказали они почти всѣ въ одно слово: «дай Богъ тебѣ, братецъ, благополучіе и получить милость божескую; авось-либо и намъ при тебѣ не худо будетъ, и ты разрѣшишь можетъ быть нашу судьбину!» Я удивился и не понималъ, что они говорили; просилъ ихъ объ изъясненіи и, наконецъ, услышалъ, что они подобные мнѣ несчастные люди, обойденные въ минувшее произвожденіе; что ихъ болѣе тридцати человѣкъ, и что они болѣе мѣсяца здѣсь живутъ, но ни того, ни сего получить не могутъ. «Ты не повѣришь, братецъ», говорили они, «что мы уже бы ради были, еслибъ намъ отказали, а то истинно уже стѣны всѣ въ канцеляріи обтерли,

Часть III Записокъ Болотова въ печатномъ изданіи въ «Отеч. Запискахъ», т. LXXI, стр. 187.

.... Услышавши отъ меня о причинѣ моего пріѣзда, и о всѣхъ обстоятельствахъ, сказали они почти всѣ въ одинъ голосъ: «Дай Богъ тебѣ, братецъ, благополучіе и получить милость божескую; авось-либо и намъ при тебѣ не худо будетъ, и ты разрѣшишь нашу судьбину!» Я удивился и не понималъ, что они говорили; просилъ ихъ объ изъясненіи и, наконецъ, услышалъ, что они подобные мнѣ люди, обойденные въ минувшее производство; что ихъ болѣе тридцати человѣкъ, и что они болѣе мѣсяца здѣсь живутъ, но ни того, ни сего получить не могутъ.

Господинъ Яковлевъ, за великимъ множествомъ дѣлъ, которыми онъ обремененъ былъ, невольно, позабывалъ о производствѣ ихъ, а

а толку никакого нѣтъ. Только и добра, что ходи къ обѣднѣ и молись Богу. Иной, братецъ, у насъ уже раза два въ Невскій пѣшковъ встряхивалъ, а иные ходили, ходили, да и ходить перестали».

Для меня все сіе было чудно и непонятно, и я просилъ ихъ разсказать мнѣ о томъ обстоятельнѣе. Они и исполнили мое желаніе, и изъ словъ ихъ узналъ я слѣдующее. Господинъ Яковлевъ старался оказать себя тогда наинабожнѣйшимъ человѣкомъ. Онъ не пропускалъ ни одной обѣдни, и маливался въ церквахъ наиприлежнѣйшимъ образомъ; а какъ онъ при томъ былъ весьма забавный человѣкъ, то не знаю, что вздумалось ему съ помянутыми изъ подковъ для таковой же просьбы съѣхавшимися сержантами вести шутку. Между тѣмъ, покуда дѣла ихъ производились въ канцеляріи, игралъ онъ всѣми ими невиннымъ образомъ. Онъ заставливалъ ихъ разныхъ всякій день ходить къ обѣднѣ, и симъ образомъ приучалъ къ богомолью. А какъ они принуждены были ходить въ самую ту церковь, въ которую и онъ ѣзживалъ, то не упускалъ онъ примѣчать за ними, кто изъ нихъ былъ богомольнѣе и смирнѣе и кто вертопрашнѣе прочихъ. На-утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами, и тутъ бывали обыкновенно инымъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе и проч. (см. далѣе стр. 321 и 322 до словъ «Обстоятельство сіе»....)

Приведенныхъ выписокъ, какъ кажется, достаточно, чтобы имѣть понятіе о тѣхъ искаженіяхъ, которымъ подверглась почти каждая страница первыхъ шести частей Записокъ Болотова при напечатаніи ихъ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Восемь лѣтъ спустя послѣ первой попытки кое-что напечатать изъ Записокъ Болотова — сдѣланъ былъ второй опытъ въ этомъ же родѣ: въ 1858 году въ «Библіотекѣ для Чтенія» въ т. CXLVIII, CL и CLII, и наконецъ въ томъ же журналѣ въ 1860 году, въ т. CLVIII напечатаны части 7, 8 и 9 Записокъ; но и при потому такъ долго принуждены они были рѣшенія онаго дожидаться и жить въ Петербургѣ по пустому....

этомъ—явилась лишь выборка отдѣльныхъ эпизодовъ, причемъ, впрочемъ, искаженій собственно языка подлинника мало, но пропуски въ печати противъ подлинной рукописи встрѣчаются уже сотнями страницъ, и это въ описаніи событій, въ высшей степени интересныхъ, 1760 — 1762 гг.

Просвѣщенной любви къ отечественной литературѣ и исторіи—со стороны Павла Алексѣевича и Владиміра Алексѣевича Болотовыхъ, родныхъ правнуковъ Андрея Тимоѳеевича, — «Русская Старина» обязана тому, что получила возможность издать драгоцѣнныя Записки ихъ прадѣда.

Къ этимъ строкамъ, написаннымъ въ 1870 году, выпуская нынѣ, въ 1875 г., третье изданіе 1-го тома Записокъ Болотова, мы добавимъ нѣсколько словъ.

Въ теченіи четырехъ лѣтъ, 1870—1873 гг., исполнено обѣщаніе, данное читателямъ «Русской Старины»: мы имъ представили полное изданіе всѣхъ двадцати девяти частей Записокъ Болотова, напечатавъ ихъ, возможно тщательно, въ четырехъ томахъ, въ два столбца, мелкимъ убористымъ шрифтомъ (въ каждомъ томѣ болѣе тысячи страницъ)—безъ малѣйшихъ пропусковъ или измѣненія текста подлинника; впрочемъ, пропускъ былъ: опущены четыре строки въ III-мъ томѣ, тамъ гдѣ Болотовъ положительно указываетъ на происхожденіе Алексѣя Григорьевича Бобринскаго (т. III, Зап. Болотова, изд. 1872 г. стр. 812), да въ IV-мъ томѣ опущены совершенно неинтересныя и неимѣющія связи съ жизнеописаніемъ автора—его стихотворенія и нѣкоторыя письма къ его сыну, Павлу Андреевичу Болотову.

Третье изданіе перваго тома Записокъ А. Т. Болотова при печатаніи вновь тщательно сличено съ подлинною рукописью автора, что̀ исполнено почтеннымъ, однимъ изъ лучшихъ въ Петербургѣ, корректоромъ Евгеніемъ Яковлевичемъ Кореневымъ, подъ наблюденіемъ котораго печатались и первыя два изданія I-го тома этихъ Записокъ, а также томъ II-й и болѣе двухъ-третей III-го тома.

Кромѣ болѣе исправнаго воспроизведенія текста подлинника,—причемъ сохранены даже нѣкоторыя особенности правописанія автора,—третье изданіе перваго тома жизнеописанія Болотова отличается отъ предыдущихъ тисненій значительно бо́льшимъ числомъ рисунковъ и виньетокъ; такъ какъ эти рисунки составлены и исполнены частью авторомъ, частью, по его указаніямъ, его сыномъ Павломъ, притомъ же многія изъ нихъ по содержанію довольно характеристичны, то мы сочли нелишнимъ воспроизвести всѣ безъ исключенія рисунки, какіе только нашли въ текстѣ Записокъ, притомъ воспроизвести возможно точно, что̀ исполнено граверомъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

Гравюра портрета или, какъ значится въ подписи подъ нимъ, точнаго изображенія комнаты, въ которой писана эта книга, исправлена Л. А. Сѣряковымъ. Это вполнѣ вѣрный снимокъ съ рисунка Болотова, и въ немъ надобно искать не его портрета, а только изображенія мелкихъ особенностей любимой комнаты этого писателя; что же касается до портрета автора, то отличная гравюра, рѣзца того же академика Л. А. Сѣрякова, приложена при IV-мъ томѣ Записокъ Болотова, изд. 1873 г.

М. И. Семевскій.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ I.

(НАЧИНАЯ СЪ ПРЕДКОВЪ И ДО 1750 ГОДА ВКЛЮЧИТЕЛЬНО; ПИСАНО ВЪ 1789 ГОДУ).

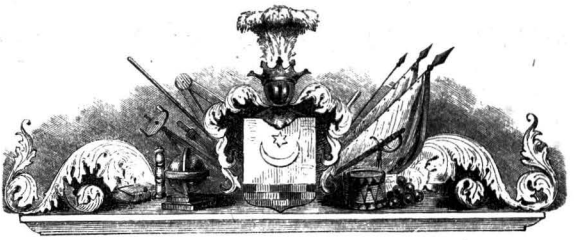
ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предъувѣдомленіе.

Не тщеславіе и не иныя какія намѣренія побудили меня написать сію исторію моей жизни; въ ней нѣтъ никакихъ чрезвычайныхъ и такихъ достопамятныхъ и важныхъ произшествій, которыя бы достойны были преданы быть свѣту, а слѣдующее обстоятельство было тому притчиною.

Мнѣ во всю жизнь мою досадно было, что предки мои были такъ нерадивы, что не оставили послѣ себя ни малѣйшихъ писменныхъ о себѣ извѣстій и чрезъ то лишили насъ, потомковъ своихъ, того пріятнаго удовольствія, чтобъ имѣть объ нихъ и о томъ, какъ они жили и что съ ними въ жизни ихъ случилось и происходило, хотя нѣкоторое небольшое свѣдѣніе и понятіе. Я тысячу разъ сожалѣлъ о томъ и дорого бъ заплатилъ за каждый лоскутокъ бумажки съ таковыми извѣстіями, еслибъ только могъ отыскать что-нибудь тому подобное. Я винилъ предковъ моихъ за таковое небреженіе, а не хотя и самъ сдѣлать, подобную ихъ и непростительную, погрѣшность и таковыя же жалобы навлечь со-временемъ и на себя отъ моихъ потомковъ,—разсудилъ употребить нѣкоторые праздные и отъ прочихъ дѣлъ остающіеся часы на описаніе всего того, что случилось со мною во все время продолженія моей жизни, равно какъ и того, что мнѣ о предкахъ моихъ по преданіямъ отъ престарѣлыхъ родственниковъ моихъ, которыхъ я засталъ при жизни, и по нѣкоторымъ немногимъ записка мъ отца моего и дяди, дошедшихъ до моихъ рукъ, было извѣстно, дабы сохранить, по крайней мѣрѣ, и сіе немногое отъ забвенія всегдашняго, а о себѣ оставить потомкамъ моимъ незабвенную память.

При описаніи семъ старался я не пропускать ни единаго произшествія, до котораго достигала только моя память, и не смотрѣлъ, хотя бы иныя были изъ нихъ и самыя маловажныя, случившіяся еще въ нѣжнѣйшія лѣта моего младенчества. Сіе послѣднее дѣлалъ я наиболѣе для того, что напоминаніе и прочитываніе произшествій, бывшихъ во время младенчества и въ нѣжныя лѣта нашего возраста, причиняетъ и самимъ намъ нѣкоторое пріятное удовольствіе. А какъ я писалъ сіе не въ томъ намѣреніи, чтобъ издать въ свѣтъ посредствомъ печати, а единственно для удовольствованія любопытства моихъ дѣтей и тѣхъ изъ моихъ родственниковъ и будущихъ потомковъ, которые похотятъ обо мнѣ имѣть свѣдѣніе,—то и не заботился я о томъ, что сочиненіе сіе будетъ нѣсколько пространно и велико, а старался только, чтобъ чего не было пропущено; почему въ случаѣ если кому изъ постороннихъ случится читать сіе прямо на-бѣло писанное сочиненіе, то и прошу меня въ томъ и въ ошибкахъ благосклонно извинить. Наконецъ, что принадлежитъ до расположенія описанія сего образомъ писемъ, то сіе учинено для того, чтобъ мнѣ тѣмъ удобнѣе и вольнѣе было разсказывать иногда что-нибудь и смѣшное.



ИСТОРІЯ МОИХЪ ПРЕДКОВЪ И ПЕРВѢЙШИХЪ ЛѢТЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

Письмо 1.

Любезной пріятель! Наконецъ рѣшился я предпріять тотъ трудъ, которой давно уже былъ у меня на умѣ и которой вамъ съ толикою нетерпѣливостью видѣть хотѣлось, а именно: сочинить исторію моей жизни или описать всѐ то, что́ случилось со мною во все теченіе моей жизни. Я посылаю къ вамъ теперь начало сего труда, предпріятаго не менѣе для удовольствованія и вашего любопытства, сколько и для пользы и любопытнаго свѣдѣнія обо мнѣ моимъ будущимъ потомкамъ. Если трудъ сей будетъ имъ угоденъ, то должны они благодарить нѣсколько и васъ за оный, ибо еслибъ не побудили вы меня къ тому, то, можетъ бы, не собрался я никогда къ дѣйствительному приступленію къ сему давно уже замышляемому дѣлу. Вы уничтожили нерѣшимость мою и разсѣяли тѣ сумнительствы, кои удерживали меня до сего отъ предпріятія теперешняго, и нашли способъ удостовѣрить меня, что обстоятельство—что жизнь моя не такова славна, чтобъ стоила описанія, и что въ теченіе оной не случилось со мною никакихъ чрезвычайныхъ, рѣдкихъ и особливаго примѣчанія достойныхъ произшествій,—ни мало не мѣшаетъ описать мнѣ жизнь свою. Вы уговорили и увѣрили меня, что въ произшествіяхъ, бывшихъ, со мною и безъ того много кой-чего такóва найдется, о чемъ можно писать и разсказывать, и о чемъ какъ вамъ, такъ и потомкамъ моимъ можно будетъ не безъ удовольствія и любопытства читать и слушать. Но я не знаю, не ошибаетесь ли вы въ томъ, любезной пріятель! Я исполню ваше желаніе; но буде послѣдующее описаніе жизни моей нѐ будетъ для васъ таково любопытно, весело и пріятно, какъ вы себѣ воображаете, то вините уже сами себя, а не меня; ибо мнѣ не достанется другова дѣлать, какъ пересказывать вамъ только то, что́ дѣйствительно со мною случилось, и вы сами того вѣрно не похотѣли-бъ, чтобъ я, для украшенія моего сочиненія, или для приданія ему болѣе пріятности, сталъ выдумывать небылицы, или затѣвать и прибавлять что-нибудь лишнее къ бывшимъ дѣйствительно приключеніямъ.

Теперь, прежде приступленія къ дѣйствительному началу моей исторіи, надобно мнѣ васъ попросить о двухъ вещахъ. Во-первыхъ, чтобъ вы дозволили мнѣ начало учинить краткимъ описаніемъ всего того, что́ извѣстно мнѣ о моихъ предкахъ, дабы чрезъ то сохранить память объ нихъ моимъ потомкамъ, и чтобъ не поскучали вы, если описаніе сіе, слѣдовательно, самое начало сочиненія моего будетъ нѣсколько

сухо и скучновато. Во-вторыхъ, чтобъ не поскучали уже и тѣмъ, что я послѣдующую затѣмъ исторію мою начну съ самого моего младенчества и буду разсказывать и все то, что̀ помню еще я изъ случившагося со мною въ сіе нѣжнѣйшее и, можно сказать, наипріятнѣйшее для насъ время жизни. Я располагаюсь дѣлать сіе для того, что напоминаніе сихъ произшествій производитъ самому мнѣ нѣкоторое увеселеніе, ибо человѣкъ, приводя себѣ на память все то, что̀ случалось съ нимъ въ младенчествѣ и въ малолѣтствѣ, власно-какъ возвращается на то время въ тогдашній возрастъ и сладость тогдашней жизни чувствуетъ вновь и при самой своей старости. Сверхъ того, описаніе сихъ, въ самомъ дѣлѣ, хотя сущихъ бездѣлицъ, можетъ быть, придастъ сколько-нибудь и всему сочиненію болѣе пріятности и сдѣлаетъ его для чтенія не таковымъ скучнымъ.

Итакъ, приступая теперь къ самому дѣлу, прежде всего, скажу вамъ, любезной пріятель, что я природы Татарской!... Вотъ какое странное начало. Однако, вы тому не дивитесь. Я говорю самую правду и ни мало не стыжусь тѣмъ; ибо подобныхъ мнѣ между Россійскими дворянами очень много; нѣкоторые и многіе изъ нихъ нынѣ гораздо меня знатнѣе и лучше, но, со всѣмъ тѣмъ, такой же природы, какъ и я. Ибо сіе не что иное значитъ какъ то, что первые наши предки были Татары и выѣхали въ Россію изъ Золотой Орды, сего славнаго въ древности восточнаго и великаго царства, владѣвшаго нѣкогда многіе годы всѣмъ Россійскимъ государствомъ.

Кто таковъ именно первой основатель нашей фамиліи былъ? въ которое время и при которомъ государѣ въ Россію выѣхалъ, и гдѣ сперва поселился—того всего я подлинно не знаю. Небреженіе ли моихъ предковъ, невѣжество ли тогдашнихъ времянъ, или иной какой случай, не могу вамъ вѣрно сказать, лишилъ меня сего удовольствія; однимъ словомъ, родословная наша весьма мала, и порядочной мы и по сіе время не имѣемъ. Покойной дядя мой, родной братъ отцу моему, оставилъ только мнѣ небольшой реестръ или краткую поколѣнную роспись нашимъ предкамъ, которыхъ могъ онъ собрать изъ книгъ и дѣлъ въ разныхъ приказахъ.

Помянутой дядя мой разсказывалъ мнѣ, что онъ не могъ далѣе дойтить какъ до Василья Романова сына: а чей сынъ былъ Романъ, того уже онъ не знаетъ. Можетъ быть сей Романъ былъ и первой тотъ, которой выѣхалъ и принялъ святое крещеніе, что̀ нѣкоторымъ образомъ и вѣроятно, по счисленію лѣтъ: ибо я смѣчаясь находилъ, что жилъ онъ около времянъ царя Іоанна Васильевича, или прежде за нѣсколько времяни. А въ сіе время, какъ извѣстно, многія Татарскія фамиліи къ намъ выѣхали и, въ здѣшнихъ мѣстахъ поселившись, пріобщены были къ Россійскому дворянству и натурализированы. Какой онъ человѣкъ былъ, всего того не знаю. А сказывала мнѣ одна только старушка, ближняя моя родственница, которую засталъ я еще въ-живыхъ, что слыхала она отъ своего дѣда, что самые выѣзжіе предки наши были знатной Татарской княжеской породы, да и здѣсь не служилъ никто изъ нихъ низкимъ чиномъ, но бывали всегда чиновными людьми и хаживали съ царями на войну. Правда ли все сіе, или нѣтъ—въ томъ не ручаюсь; по крайней мѣрѣ, то достовѣрно, что мы нынѣ на-ряду съ прочими Россійскими дворянами и имѣемъ всѣ тѣ же преимущества, какія они имѣютъ.

У помянутаго Василья былъ одинъ только сынъ Гаврила, прозвищемъ Горянъ, а у сего Горяина было два сына: Ерофей и Еремей. О семъ Еремеѣ разскажу я вамъ послѣ обстоятельнѣе, а что касается до Ерофея, то отъ него раздѣлилась фамилія наша на-четверо, ибо у него было четыре сына: Осипъ, Кирила, Ерофей и Дорофей; но поколѣніе сихъ послѣднихъ двухъ уже давно, а третьяго недавно, и при мнѣ уже, пресѣклось. Я и мой двоюродной братъ происходимъ отъ поколѣнія Осипова, а домъ за нѣсколько лѣтъ умершаго со-

сѣда моего, послѣ котораго находится нынѣ въ живыхъ одна только дочь, происходитъ отъ поколѣнія Кирилова.

Ежели хотите далѣе знать, кто таковы обоихъ сихъ колѣнъ ближайшіе къ намъ предки были, то вкратцѣ теперь скажу, что отъ Кирилы былъ сынъ Матвѣй, отъ Матвѣя Никита, отъ Никиты же недавно умершій Матвѣй; а въ разсужденіи нашего поколѣнія отъ Осипа былъ Ларіонъ, отъ Ларіона Петръ, отъ Петра Тимоѳей и Матвѣй. Первый былъ отецъ мой, а послѣдній моего двоюроднаго брата.

Изъ сего видите, что весь нашъ родъ очень невеликъ, и Провидѣнію небесъ неугодно было сдѣлать его многочисленнымъ. Нынѣ вся наша фамилія состоитъ въ четырехъ особахъ: двухъ старыхъ и двухъ молодыхъ; и я съ братомъ и обоими нашими сыновьями составляемъ всю оную.

О мѣстѣ, гдѣ жили предки наши, мы подлиннаго знанія не имѣемъ. Сказывали только мнѣ, что до сего жили они хотя въ томъ же Коширскомъ уѣздѣ, но верстъ съ двадцать отъ нынѣшняго жилища, а именно — на рѣкѣ Безпутѣ. Но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что они не въ тѣхъ мѣстахъ жили, гдѣ нынѣ мы живемъ, ибо видно по книгамъ и писмамъ, что имѣли тутъ совсѣмъ другіе люди жительство и владѣніе. Въ одномъ принадлежащемъ намъ теперь мѣстѣ жилъ нѣкакой князь Шестуновъ, почему находящійся подлѣ сего мѣста лѣсъ и понынѣ еще называютъ Шестунихою; а въ другомъ, а именно въ пустоши Шаховой, жилъ князь Гундоровъ. Въ которыхъ урочищахъ и самыя мѣста, гдѣ были ихъ жительствы, видны и понынѣ. Овинныя и погребныя ямы доказываютъ, гдѣ ихъ дворы стояли, а части, оставшіяся отъ плотинъ,—гдѣ ихъ пруды были. Чрезъ какой случай сіи селенія опустѣли—неизвѣстно; но, чаятельно, чрезъ свирѣпствующее въ тогдашнія времяна моровое повѣтріе, а можетъ быть разорены они и во время войны Татарской. Но какъ бы то ни было, но сіи опустѣвшія мѣста даны потомъ за службы нашимъ предкамъ, кои около сихъ мѣстъ имѣли уже поселеніе свое на рѣчкѣ Скнигѣ и въ другой, въ близости того мѣста бывшей, деревни, посящей и понынѣ еще имя ихъ фамиліи. Кирила и Ерофей жили уже въ здѣшнихъ мѣстахъ и имѣли дачи и владѣніе на рѣкѣ Скнигѣ, которыми владѣемъ мы и понынѣ.

Что касается до исторіи и до дѣлъ нашихъ предковъ, то равномѣрно имѣю я о томъ очень малое и недостаточное свѣдѣніе. Невѣжество тогдашнихъ времянъ было тому причиною, что они не старались оставить потомкамъ своимъ о томъ какова-нибудь свѣдѣнія, хотя бы то было для насъ нынѣ весьма пріятно, и я дорого бы заплатилъ, еслибъ могъ только отъискать и достать какія-нибудь писменныя объ нихъ и о родѣ ихъ жизни и приключеніяхъ извѣстія. Итакъ, все извѣстное объ нихъ состоитъ только въ нѣкоторыхъ словесныхъ преданіяхъ, да и то очень несовершенныхъ и темныхъ. Знатныхъ и отмѣнно прославившихся людей не было между ими—не хочу я тѣмъ хвастать. А не угодно было также судбѣ одарить ихъ и знаменитыми достатками и преподать имъ случай, по примѣру прочихъ, пріобрѣсть себѣ богатство: они были дворяне недостаточные и незнаменитые. При случающихся войнахъ хаживали они на войну съ царями нашими и важывали съ собою по нѣскольку человѣкъ собственныхъ своихъ людей, по тогдашнему обыкновенію. Когда же въ новѣйшія времяна введено въ войскѣ нашемъ регулярство, то служили они въ полкахъ офицерами. Однако, выше штапскаго чина никого почти не было изъстарыхъ.

Объ одномъ только изъ нашихъ старинныхъ предковъ, а именно о Еремеѣ, сынѣ Гаврилинѣ, а внукѣ Василья Романовича, предана мнѣ повѣсть, которая, по особенности своей, достойна внесена быть въ сіе описаніе. Но какъ она довольно пространна, то дозвольте мнѣ, любезной пріятель, разсказаніе оной отложить до послѣдующаго за симъ втораго письма, а между тѣмъ, будьте до-

вольны симъ первымъ и не взыщите, что наполнилъ его столь сухою матеріею; будущее можетъ быть будетъ уже для васъ любопытнѣе и не таково скучно. Я окончу оное, сказавъ, что я есмь, и прочее.

ИСТОРІЯ ЕРЕМЕЯ ГАВРИЛОВИЧА.

Письмо 2.

Любезной пріятель! Обѣщавъ вамъ въ предслѣдующемъ моемъ письмѣ разсказать вамъ повѣсть, преданную мнѣ объ одномъ изъ моихъ предковъ, хочу теперь обѣщаніе мое исполнить и надѣюсь, что вы не поскучите ея чтеніемъ, но будете ею довольны.

Предокъ сей, какъ прежде мною уже упомянуто, назывался Еремеемъ. Онъ былъ сынъ Гаврилы, прозваннаго Горяиномъ, и жилъ въ помянутой, неподалеку отъ насъ находившейся и на рѣчкѣ Гвоздевкѣ сидящей, деревнѣ, которая по немъ стала называться Болотово; между тѣмъ какъ братъ его родной Ерофей поселился на берегахъ рѣки Скниги, и въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ мы нынѣ живемъ. У сего Еремея было два сына и двѣ дочери. Одна изъ сихъ послѣднихъ выдана была замужъ за сосѣдственнаго дворянина Ладыженскаго, а другая находилась въ дѣвкахъ. Какъ около тогдашняго времяни случилось нашимъ государямъ имѣть войну съ Крымскими Татарами, и все дворянство, по тогдашнему обыкновенію, имѣло въ томъ участіе, то принужденъ былъ и помянутой Еремей, оставивъ жену и дочь въ дѣвкахъ, иттить на оную съ обоими своими сыновьями и лучшими людьми. Но сія война была ему крайне злополучна. При глазахъ его поражены были оба его сыновья и пали мертвы къ ногамъ своего родителя. Сіе такъ тронуло сего несчастнаго старика, что онъ въ безпамятствѣ почти бросался на непріятелей, желая отмстить за смерть дѣтей своихъ, но тѣмъ лишь только свое несчастіе усугубилъ. Будучи отхваченъ отъ своихъ, хотя и долго оборонялся онъ отъ окружившихъ его непріятелей, но наконецъ принужденъ былъ уступить силѣ и дать себя взять въ плѣнъ и отвесть въ жестокую неволю.

Какъ въ семъ плѣну препроводилъ онъ долгое время, и объ немъ въ Россіи ни какова слуха и извѣстія не было, то щитали его всѣ погибшимъ. Жена и дочь были о лишеніи его неутѣшны. Но небо въ особливости изліяло гнѣвъ свой на сей несчастной домъ и присовокупило новыя бѣдствія и напасти. Немногіе годы спустя, ночнымъ временемъ напали разбойники на домъ сей госпожи; они ограбили оной весь и самоё ее, измучивъ, тираническимъ образомъ лишили жизни. Бѣдной дочери ея удалось уйтить босикомъ и совсѣмъ почти обнаженною. Къ несчастію, устрашенная боязнію, чтобъ ее не нашли и не догнали, воспріяла она бѣжать въ ближнюю и самую ту деревню, гдѣ мы нынѣ обитаемъ, и гдѣ тогда жили двоюродные ея братья Кирила и Ерофей, искать у нихъ спасенія и прибѣжища. Но когда разгнѣванное небо похочетъ кого гнать, то можно ли найтить гдѣ спасенія и укрыться отъ его гнѣва. Самой сей побѣгъ, свободившій ее отъ рукъ и варварства злодѣевъ, обратился ей въ вящее несчастіе. Какъ случилось сіе въ зимнее время и въ жесточайшіе морозы, то она, бѣжавъ около трехъ верстъ до нашей деревни босая по снѣгу, отзнобила ноги и, пришедъ въ домъ родственниковъ своихъ, пала безъ памяти. Страхъ, печаль, простуда и самая боль ногъ въ короткое время низвели ее во гробъ. А какъ за короткое предъ тѣмъ время и замужная

ея сестра умерла бездѣтно, то пресѣклось чрезъ то все ихъ поколѣніе, и имѣнію ихъ остались наслѣдниками помянутые ея родственники, то-есть наши предки, Кирила съ своими братьями, въ которое они и вступили спокойно во владѣніе.

Всѣ думали тогда, что отца ея, настоящаго владѣльца сего имѣнія, не было въ живыхъ, ибо нѣсколько уже лѣтъ прошло, какъ онъ безъ вѣсти пропалъ, и не было о немъ ни малѣйшаго слуха. Со всѣмъ тѣмъ, онъ былъ живъ и претерпѣвалъ всѣ суровости плѣна. Слишкомъ двадцать лѣтъ принужденъ онъ былъ, удаленнымъ отъ отечества, отъ дома и родныхъ своихъ, стонать подъ игомъ жесточайшей неволи, быть рабомъ у многихъ перемѣнныхъ и немилосердыхъ господъ и отправлять всѣ должности раба и невольника. Многажды покушался онъ уйтить, но всѣ его покушенія были тщетны и произвели только то, что содержать его стали жесточѣе, а для отвращенія отъ побѣга, по варварскому своему обыкновенію, взрѣзали ему пяты и, насыпавъ рубленыхъ лошадиныхъ волосъ, заростили оныя въ нихъ, дабы неспособенъ онъ былъ къ долговременной ходьбѣ.

Наконецъ, судьба соединила его съ однимъ землякомъ, такимъ же дворяниномъ, каковъ былъ онъ, и которой былъ не только ему знакомъ, но и нѣсколько съ-родни. Сей несчастной былъ фамиліи Писаревыхъ и, будучи взятъ тогда же въ полонъ, претерпѣвалъ такую-жъ неволю и рабство. Хотя сей столько-же мало могъ подать ему помощи, сколько онъ ему, однако, обоимъ имъ приносило соединеніе сіе великую уже отраду. По крайней мѣрѣ, могли они совокуплять всѣ слезы и жалобы на суровость своего жребія и, напоминая свою родину, говорить другъ съ другомъ и утѣшать себя взаимно.

Нѣсколько времяни препроводили они вмѣстѣ, служа одному Татарскому господину. Наконецъ, убѣжденъ былъ мой предокъ товарищемъ своимъ къ испытанію еще разъ своего счастія въ побѣгѣ. Близость тогдашняго ихъ пребыванія отъ предѣловъ и границъ Россійскихъ и явившійся удобной кому случай подавалъ имъ къ сему поводъ. Но и въ сей разъ не были они счастливѣе прежняго. Они ушли, но ихъ догнали и наказали наижесточайшимъ образомъ.

Сіе прогнало въ нихъ охоту къ предпріятію впредь тому подобнаго. Однако, въ самое то время, когда они всего меньше о томъ думали и когда лишилась уже на вѣкъ надежды видѣть когда-нибудь любезное свое отечество, явился неожидаемой и новой благопріятствующій имъ случай. Одна старушка, раба того-жъ господина, сжалилась на ихъ несчастіе. Благопріятствуя имъ во всякое время, не могла она безъ соболѣзнованія смотрѣть на раны, ими претерпѣваемыя. Она утѣшала ихъ и говорила, что имъ никогда не уйтить, если не похотятъ они пользоваться ея помощію; при ея-же вспоможеніи, они вѣрно отечество свое увидѣть могутъ. Легко можно заключить, что не надобно было имъ сіе два раза предлагать. Они пали къ ея ногамъ и просили, чтобъ помогла, если только можетъ. Татарка обѣщала имъ сіе сдѣлать и велѣла дожидаться, покуда найдетъ она къ тому удобное время.

Чрезъ нѣсколько дней она и исполнила свое обѣщаніе: «добро!» сказала она, пришедъ въ одинъ день съ поспѣшностію къ нимъ: «мнѣ надобно сдержать свое обѣщаніе, не могу болѣе видѣть вашихъ слезъ и горести; добродушіе и постоянство ваше меня тронуло; вотъ, возмите сіе и, не теряя времени, бѣгите и будьте счастливы. Богъ да поможетъ вамъ увидѣть вашу землю и родныхъ вашихъ». Въ самое то время отдала она имъ связку и напоминала, чтобъ они въ нужномъ случаѣ хотя-бъ все кинули, но не бросали-бъ, а берегли маленькой узелокъ, завязанной въ связкѣ. Они не знали, что это значитъ; однако, поблагодаря старушку и простившись съ нею, отправились того часа въ путь свой.

Цѣлую ночь бѣжали они неоглядкою въ ту сторону, которую указала имъ старушка, и, дошедъ до одного назначеннаго ею мѣста, спрятались въ камышъ для

отдохновенія и препровожденія въ ономъ всего дня того.

Тутъ имѣли они время осмотрѣть все, что находилось въ связкѣ. Они увидѣли, что добросердечная старушка снабдила ихъ всѣмъ нужнымъ къ продолженію путя ихъ. Находилось тутъ нѣсколько денегъ и столько съѣстныхъ припасовъ, что имъ можно было ими до пришествія въ свое отечество пропитаться. Но что привело ихъ въ великое удивленіе, то былъ помянутой узелокъ, о береженіи котораго старушка неоднократное имъ дѣлала подтвержденіе. Въ ономъ не нашли они ничего, кромѣ двухъ небольшихъ пучковъ незнакомой имъ травы. Хотя они и не знали, что-бъ это значило, однако, положили свято хранить старушкино завѣщаніе и, для лучшаго сохраненія, взяли оба по пучку и спрятали въ безопаснѣйшее мѣсто.

Но не успѣли они, скарбъ свой опять связавши, нѣсколько отдохнуть, какъ услышали уже вдали крикъ и вопль Татаръ, скачущихъ по пространнымъ степямъ и другъ другу голосъ подающихъ. Не трудно было имъ заключить, что то была за ними погоня. Они ужаснулись отъ близости предстоящаго имъ бѣдствія и пали ницъ въ густомъ камышѣ, прося Бога о помилованіи ихъ и о защищеніи отъ гонителей. Слухъ и топотъ отъ скачущихъ лошадей приближался отчасу ближе, и страхъ ихъ былъ неописанный, какъ Татары, гнавшіе за ними и ихъ повсюду искавшіе, прискакали къ самому тому болоту и камышу и въ ономъ повсюду искать ихъ начали. Но небо похотѣло тогда конецъ положить ихъ страданіямъ: Татары не нашли ихъ, хотя нѣсколько разъ и въ такой близости отъ нихъ ѣздили, что одному изъ нихъ едва-было головы лошадьми не раздавили. Они спаслись и, возблагодаривъ Бога, пролежали тутъ весь день, и не прежде пошли въ дальнѣйшій путь, какъ по наступленіи опять ночи.

Симъ образомъ, идучи всегда по ночамъ, препроводили они нѣсколько сутокъ въ безпрестанномъ страхѣ и боязни, покуда не дошли благополучно до предѣловъ Россійскихъ и не достигли до любезнаго своего отечества. Тутъ отдохнули они по желанію и благословляли Бога, что вывелъ ихъ благополучно, наконецъ, изъ долговремянной и жестокой неволи и далъ еще прежде смерти увидѣть свое милое отечество.

Совсѣмъ тѣмъ, мѣсто ихъ родины отстояло оттуда еще далеко, и имъ предстоялъ путь гораздо дальнѣйшій. Но какъ бы то ни было, но продолжали они оной охотно, питаясь мірскимъ подаяніемъ, ибо собственнаго ничего болѣе у себя не имѣли. Надежда вскорѣ увидѣть свои домы и родныхъ увеселяла ихъ духъ и облегчала трудности путешествія. Но сколь мало зналъ мой предокъ, какія печальныя вѣсти его тамъ дожидалися, гдѣ онъ веселіе найтить надѣялся!

По приближеніи къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ уже неподалеку ихъ обоихъ жилища были, распрощались они другъ съ другомъ наинѣжнѣйшимъ образомъ, и каждой спѣшилъ къ своему дому и обиталищу. Съ какими чувствіями приближался нашъ старикъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ рожденъ, воспитанъ и препроводилъ большую часть вѣка своего, живучи въ покоѣ, и отъ конхъ толь долгое время былъ отлученъ и не имѣлъ надежды никогда видѣть,—сіе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать, удобнѣе. Трепетало сердце его и наполнялось нансладчайшею радостіею, какъ начали уже появляться тѣ мѣста, которыя ему съ-малолѣтства были знакомы, и встрѣчаться съ нимъ всѣ тѣ положенія мѣстъ, тѣ рѣчки, ручьи, вершины и бугорки, которыхъ и званія не могло изъ памяти его истребить толь долговремянное отсутствіе. Переходя оные, называлъ онъ каждый изъ нихъ знакомымъ ему еще именемъ и каждое привѣтствовалъ. Всѣ они были ему милы и казались глазамъ его имѣющими въ себѣ нѣчто пріятное и прелестное, а многія мѣста не могъ уже онъ и узнавать совсѣмъ, а особливо лѣса и рощи. Во время толь многихъ годовъ его отсутствія, многія совсѣмъ иной видъ воспріяли. Тамъ,

гдѣ при отшествіи его на войну были лѣса, находилъ уже онъ пашни и поля, а гдѣ низкіе кустарники и чепыжи были, тамъ высокія и большія рощи и заказы стояли. Однимъ словомъ, все ему казалось ново, мило и пріятно. Но, не зная, что̀ въ домѣ его происходило и кого онъ найдетъ, находился онъ между страхомъ и надеждою.

Передъ вечеромъ было то, какъ нашъ старикъ, изнемогшій отъ трудовъ и долговремяннаго путешествія, въ пыли, въ поту, въ разодранномъ рубищѣ, съ котомкою за плечами и съ посошкомъ въ рукахъ добрелъ, до своихъ полей и тѣхъ мѣстъ, откуда хотя вдали, но могъ уже онъ свое жилище видѣть. Вострепетало сердце его при узрѣніи сего селенія, и вся душа взволновалась въ немъ. Онъ удвоилъ остатки своихъ силъ и спѣшилъ добраться до одного знакомаго ему еще бугорка, съ котораго можно было ему свой домъ видѣть и съ котораго, идучи на войну, онъ въ послѣдній разъ съ нимъ прощался. Онъ доходитъ туда. Но, увы! какое зрѣлище представляется его зрѣнію! Нигдѣ, нигдѣ не видитъ онъ своего дома и хоромъ, и глаза его тщетно ищутъ сего обиталища, которое ему до сего столь мило было и которое онъ съ толикимъ вожделѣніемъ видѣть желалъ. Отъ сердца его власно-какъ оторвалось тогда что-нибудь! Вся кровь взволновалась въ немъ при семъ печальномъ предвозвѣстіи, и онъ едва-было на самомъ томъ мѣстѣ не упалъ, обезсилѣвъ. Однако, нѣкоторой остатокъ надежды подкрѣплялъ еще его: «можетъ быть», говорилъ онъ самъ себѣ: «жена моя перенесла хоромы въ другое мѣсто; можетъ быть, новой домъ и на другомъ мѣстѣ построила! Лѣтъ не мало прошло съ того времени, какъ я отлучился! Поспѣшу вонъ на этотъ пригорокъ!.. Оттуда уже явственнѣе все увижу и всю деревню обозрю!» Сказавъ сіе и собравъ остатки силъ, поспѣшалъ сей, сѣдинами покрытый, мужъ добраться до пригорка вожделѣннаго. Ноги его едва служить ему могли, колѣна его согибались противъ хотѣнія и никогда не былъ ему посошокъ его такъ нуженъ, какъ въ то время. Наконецъ, достигаетъ онъ и до того пригорка и съ ѣтрахомъ и надеждою восходитъ на него и обозрѣваетъ вновь всю деревню. Но, увы! онъ и тутъ ничего не видитъ. Онъ ищетъ темнѣющими глазами своихъ хоромъ, но и слѣда хоромъ и дворянскаго дома не находитъ. Повсюду видны только были мужичьи хижины и дворы, а на мѣстѣ, гдѣ онъ живалъ, былъ уже огородъ и росли конопли. Онъ и мѣста не узналъ бы, если-бъ нѣкоторыя деревья, оставшіяся отъ бывшаго его и любезнаго ему садика, не дѣлали его примѣтнымъ. Однимъ словомъ, онъ не могъ болѣе никакъ сомнѣваться, и все доказывало дома и жилища его совершенное уничтоженіе.

Тогда не могли уже ноги его болѣе на себѣ держать: колѣна его подломились, и онъ, изнемогши, рынулся на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ, и слезы, какъ градъ, покатились изъ очей его. Нѣсколько минутъ сидѣлъ онъ тутъ опершись на посошокъ и орошая оной слезами, и не былъ въ силахъ встать и продолжать путь свой!

Наконецъ, пришло ему въ мысли, что, можетъ быть, жена его умерла, и дочь вышла замужъ, или и она еще жива, но живетъ съ замужнею дочерью. Сія мысль ободрила его нѣсколько и подала новой лучъ надежды и отрады... Въ сихъ помышленіяхъ видитъ онъ вдали человѣка, приближающагося къ себѣ и возвращающагося въ домъ свой съ поля съ хлѣбопашеннымъ своимъ орудіемъ. «Подожду», сказалъ онъ тогда, «сего земледѣльца я къ себѣ, и услышу отъ него о судьбѣ моего дома и моихъ домашнихъ. Нельзя ему не знать, что̀ съ нимъ и съ живущими въ немъ учинилось и какимъ случаемъ онъ совсѣмъ уничтожился».

По приближеніи сего человѣка, показались ему черты и признаки его лица знаемы. Старикъ то былъ сѣдинами покрытой, и хотя двадцатилѣтнее время много видъ его перемѣнило, но онъ вскорѣ призналъ, что сей человѣкъ принадлежалъ прежде ему и былъ самой тотъ, которой, при отъѣздѣ его изъ дома, былъ

старостою. Обрадовался нашъ старикъ, узнавъ и увидѣвъ сего знакомаго человѣка; однако, имѣлъ столько терпѣнія и духа, что не открылъ тотчасъ о себѣ, но хотѣлъ видѣть, узнаетъ ли онъ его. И пользуясь неузнаніемъ, готовился распровѣдывать у него обо всемъ, и потому хотя съ нетерпѣливостію, но дожидался его къ себѣ.

Земледѣлецъ, поровняясь противъ его и видя дряхлаго и престарѣлаго человѣка, неинако его счелъ какъ нищимъ, а будучи добросердечнымъ человѣкомъ, не могъ его пройтить мимо. «Старинушка!» сказалъ онъ ему: «небось ты, бѣденькій, усталъ и сезодни еще не обѣдалъ?... Добреди, дружокъ, до моего двора и переночуй у насъ, мы тебя напоимъ и накормимъ». — «Спасибо, мой другъ!» отвѣтствовалъ опечаленной старикъ и, сказавъ сіе, началъ собирать свои силы и вставать. Добродушной крестьянинъ, видя его дряхлость и изнеможеніе, подошедъ къ нему и помогши подняться, не хотѣлъ его покинуть, но самъ восхотѣлъ довесть его до двора.

На дорогѣ спрашивалъ онъ его, откуда и изъ какихъ мѣстъ онъ? — «Издалека, добрый человѣкъ!» отвѣтствовалъ нашъ старикъ: «и болѣе двадцати лѣтъ въ здѣшнихъ мѣстахъ не бывалъ. И куда какъ у васъ всѣ мѣста здѣсь перемѣнились! И не узнаешь уже ихъ!... Вотъ здѣсь, помнится мнѣ, стояли хоромы и былъ домъ господской, а теперь и слѣда его нѣтъ!» — «Да, старинушка! тутъ былъ домъ нашего прежняго боярина... Покойникъ-свѣтъ, дай Богъ ему царство небесное, бояринъ былъ доброй, и мы его очень любили». — «А нынѣ чьи же вы, доброй человѣкъ», спросилъ его нашъ путешественникъ. — «Племянниковъ его, старинушка! которые живутъ вонъ въ энтой деревнѣ». — «Племянниковъ его, подхватилъ изумившійся старикъ: но развѣ не осталось у него дѣтей? Мнѣ помнится, что они у него были... Я какъ теперь ихъ вижу». — «Такъ, старинушка! Дѣти были, но всѣ на томъ свѣтѣ!... Сыновья его побиты на войнѣ, самъ онъ тамъ же безъ вѣсти пропалъ, а бѣдную боярыню нашу разбойники разбили и до смерти замучили. А изъ дочерей его одна была замужемъ и умерла, а другая ноги отзнобила, бѣжавши отъ разбойниковъ, и оттого также на томъ свѣтѣ!... И какъ никого не осталось, то такъ и перевелся этотъ домокъ, и мы достались его племянникамъ».

Легко можно заключить, что немногія сіи слова поразили несчастнаго старца власно-какъ громовымъ ударомъ. Не въ силахъ онъ былъ выслушивать далѣе хотящаго говорить добросердечнаго крестьянина. Колѣни его подломились, и онъ, воскликнувъ только: «о, Боже милосердый!», безъ памяти рынулся на землю и не въ состояніи былъ говорить болѣе: слезы, какъ градъ, покатились изъ очей его, и вздохи послѣдовали за стенаніями. Таковое явленіе удивило простодушнаго крестьянина. Онъ оробѣлъ, сочтя, что старикъ опасно занемогъ, и стоялъ надъ нимъ въ изумленіи. «Что тебѣ, старинушка, сдѣлалось?» сказалъ онъ потомъ, примѣтя, что онъ нѣсколько поопамятовался: „о чемъ ты, дружокъ, такъ плачешь и горюешь?—

«О, мой другъ! есть о чемъ мнѣ плакать и горевать», отвѣтствовалъ, вздыхая и всхлипывая, старикъ: «куда мнѣ теперь приклонить свою голову? всего того уже нѣтъ, чѣмъ бы могъ я веселиться—всей надежды я теперь лишился!»...

Слова сіи невразумительны были для крестьянина. Но онъ вскорѣ его вывелъ изъ сумнѣнія, сказавъ, чтобъ онъ посмотрѣлъ пристальнѣе на него; и не узнаетъ ли онъ въ немъ своего прежняго боярина?—«Ахъ батюшка, Еремей Гавриловичъ!» закричалъ, узнавъ его, крестьянинъ и упалъ къ нему въ ноги, «въ живыхъ ли тебя, государя нашего, видѣть!.. Откуда ты это къ намъ взялся? Мы тебя, государь, давно уже поминаемъ и думали, что ты давно на томъ свѣтѣ! Какъ это тебя Богъ спасъ и на святую Русь вынесъ? Пожалуй, батюшка, поцѣловать мнѣ свою ручку».—Старикъ не могъ тогда удержаться, чтобъ не удвоить своихъ слезъ и чтобъ не обнять своего старинаго подданнаго; онъ облобызалъ его и обмочивъ вкупѣ лицо его слезами, изъявляя радость, что нашолъ хотя его еще въ-живыхъ и его незабывшаго.

Приключеніе сіе въ такое замѣшательство привело добросердечнаго сего крестьянина, что онъ не зналъ, что̀ тогда ему съ господиномъ его дѣлать: и въ деревню бѣжать, и повозку для отвоза его къ себѣ въ домъ привезть ему хотѣлось, но не хотѣлось и утрудженнаго и крайне опечаленнаго старика оставить одного на полѣ, ненаходящагося въ состоянiи иттить далѣе. Онъ озирался кругомъ, не увидитъ ли кого иного, но, не видя никого, усердіе превозмогло наконецъ. Онъ упросилъ его, чтобъ онъ на минуту посидѣлъ и отдохнулъ на томъ мѣстѣ, а самъ бросился въ деревню и, схватя первую телѣгу, попавшуюся ему въ глаза, спѣшилъ обратно на помощь къ своему господину.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило и покуда они до деревни ѣхали, успѣлъ разнестись о приключеніи этомъ слухъ по всей деревнѣ. Семья того мужика разсыпалась по всѣмъ дворамъ и встревожила всѣхъ жителей. Со всѣхъ сторонъ бѣжалъ и стекался народъ и собирался ко двору того крестьянина, и множество было тогда сбѣжавшихся, какъ пріѣхали они въ деревню. Всякой спѣшилъ, отчасти изъ усердія, отчасти изъ любопытства, видѣть прежняго своего господина, и многіе отъ нетерпѣливости бѣжали ему на встрѣчу и, кланяясь, изъявляли свою радость. А не успѣлъ онъ пріѣхать, какъ многіе напрерывъ бросались его вынимать и цѣловать у него руки. Сколь старикъ ни былъ печалію отягощенъ, но не могъ, чтобъ не чувствовать тогда нѣкоторой отрады. Онъ соединялъ тогда слезы горести съ слезами радости и удовольствія и не оставилъ никого изъ всѣхъ, кого бы не облобызалъ онъ и не обмочилъ слезами. Всѣ отъ мала до велика принуждены были къ нему подходить и всѣхъ старался онъ приласкать, колико было ему тогда можно. Многихъ засталъ онъ еще живыхъ, которыхъ зналъ, но большая часть была незнакомыхъ, отчасти родившихся послѣ его, отчасти такихъ, коихъ оставилъ онъ еще въ малолѣтствѣ, но всѣ до единаго были ему рад*и* и не могли на него насмотрѣться.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, бѣгалъ хозяинъ почти безъ памяти взадъ и впередъ и суетился о скорѣйшемъ пріуготовленіи милому своему гостю ужина. Все, что̀ достатокъ крестьянской лучшаго могъ снискать, сносимо и пріуготовляемо было бабами, понуждаемыми то-и-дѣло кропочущимся старикомъ-хозяиномъ. А по изготовленіи, что̀ могли въ скорости успѣть, приглашаютъ они утрудженнаго старца, сажаютъ почти насильно ѣсть нехотящаго за столъ, окружаютъ оной толпами и просятъ, чтобъ покушалъ и не прогнѣвался на худую пищу.

Сколь мало и имѣлъ старикъ охоты къ пищѣ, но принужденъ былъ сдѣлать имъ удовольствіе, а между тѣмъ суетился ужъ хозяинъ о пріуготовленіи ему мѣста для отдохновенія. Хозяйки принуждены были сломя голову бѣгать и приготовлять все, что̀ къ тому было потребно. Уже все было готово, и уже начали приглашать старика, чтобъ онъ далъ

утрудженнымъ членамъ своимъ отдохновеніе, какъ появились его племянники и тогдашніе владѣльцы его имѣнія. Нечаянной и власно-какъ нарочной случай доставилъ до нихъ слухъ о возвращеніи ихъ дяди изъ полону, скорѣй нежели могъ кто думать. Одинъ ихъ человѣкъ, случившійся въ самое то время тутъ въ деревнѣ, какъ его привезли, бросился опрометью съ извѣстіемъ о томъ къ своимъ господамъ; а они не успѣли услышать и въ томъ удостовѣриться, какъ бросились на лошадей и поскакали опрометью къ своему дядѣ, котораго съ младенчества еще любили и почитали.

Свиданіе ихъ съ нимъ было нѣжно и таково, которое не можетъ никакъ описано быть. Слезы съ обѣихъ сторонъ имѣли наивеличайшее участіе въ ономъ. Они не могли съ нимъ довольно наговориться и не хотѣли никакъ допустить чтобъ онъ остался ночевать въ крестьянскомъ домѣ. Коляска по повелѣнію ихъ пріѣхала вскорѣ за ними, и хотя утрудженному и къ трудамъ и худой постели привыкшему уже старцу пріятнѣе бы было остаться и взять скорѣе покой тутъ, но не могъ онъ отказать на усильныя прозьбы и лишить удовольствія семьи и домашнихъ племянниковъ своихъ, чтобъ видѣть себя еще въ тотъ же вечеръ.

Тутъ принужденъ онъ былъ опять вновь плакать и непринужденно соотвѣтствовать тѣмъ, которые его съ радостными слезами встрѣчали и были ему какъ отцу, ради. Сіе много помогло ему, перенесть съ великодушіемъ печаль, которую имѣлъ онъ о потеряніи жены и обѣихъ дочерей своихъ. Онъ благодарилъ Бога, что не всѣхъ еще родныхъ лишился, но видитъ столь многихъ столько-жъ ему радующихся, какъ дѣтей отцу своему.

На другой день извинялись племянники его предъ нимъ въ томъ что во владѣніе его имѣніемъ вступили, и что, не чая его быть въ-живыхъ, перевезли домъ и строеніе его въ свое жилище и тамъ дворъ его уничтожили. Но онъ никогда не почиталъ ихъ въ томъ виноватыми, но давно уже оправдалъ ихъ въ своемъ сердцѣ и доволенъ былъ тѣмъ, что они крестьянъ его не разорили, но заставили себя также любить, какъ они его любили. Но какъ стали они съ великою охотою возвращать его имѣніе и успльно просить, чтобъ онъ по прежнему вступилъ во владѣніе своей деревни и выбралъ для жилища своего любое жило въ ихъ дворѣ, которое хотѣли они перевесть, и гдѣ прикажетъ онъ, поставить, то онъ поступилъ далѣе, и будучи ласкою и пріязнію ихъ доволенъ, имъ сказалъ: «не хочу я сего и никакъ не соглашусь на вашу просьбу... вѣкъ мой уже коротокъ и жить мнѣ на свѣтѣ осталось уже не долго! къ чему мнѣ вступать въ такія хлопоты и поднимать труды, силамъ моимъ несоразмѣрные!.. Проводивъ столько лѣтъ въ неволѣ и въ рабствѣ, позабылъ уже я какъ и управлять другими. Мнѣ теперь всему учиться надобно. Но кому мнѣ прочить и для кого трудиться?.. Кто остался у меня на свѣтѣ, кромѣ васъ, друзей моихъ?.. Всевышнему угодно было лишить меня жены и дѣтей и дозволить вамъ заступить ихъ мѣсто, будьте-жъ вы оными въ самомъ дѣлѣ. Не хочу отнимать у васъ то, что даровало вамъ небо, но не хочу и оставить васъ и дѣтей вашихъ. Сіе утѣшеніе осталось мнѣ въ жизни. Хочу окончить жизнь мою у васъ, не мѣшая ни мало вамъ въ правленіи моими деревнями; владѣйте ими, мои други, а меня кормите и пойте, покуда буду жить, и погребите кости мои, когда умру и переселюсь въ вѣчность. А до тѣхъ поръ, можетъ быть, найдется праздной уголокъ въ вашемъ домѣ, гдѣ-бъ я могъ изнемогшимъ членамъ моимъ давать отдохновеніе и приносить молитвы мои Господу. Можетъ быть, не помѣшаю я вамъ ни мало и не наскучу».

Излишнее будетъ, если мнѣ описывать теперь тѣ чувствія, какія имѣли тогда его племянники и мои предки: они были неудобь-изобразимыя перомъ и преисполнены наинѣжнѣйшею благодарностію. Они и подлинно соотвѣтствовали таковой поступкѣ стариковой достойнымъ образомъ и не только кормили, поили, покоили и

одѣвали его до смерти, но не инако почитали и любили его, какъ отца, и имѣли объ немъ попеченіе. Онъ прожилъ у нихъ нѣсколько лѣтъ въ совершеннѣйшемъ спокойствіи и удовольствіи и окончилъ жизнь, благодаря Бога, что онъ при концѣ оной допустилъ его наслаждаться покоемъ и, лишивъ его родныхъ, даровалъ другихъ дѣтей, отъ которыхъ не могъ онъ лучшей и совершеннѣе той любви и почтенія требовать, какое они ему оказывали.

Вотъ, любезной пріятель, повѣсть, которая предана мнѣ помянутою старушкою, моею родственницею*). Она, доживъ до глубочайшей старости, запомнила еще того честнаго старика и была тогда ребенкомъ, когда онъ возвратился и у нихъ жилъ въ домѣ, и разсказывала мнѣ все сіе происхожденіе неоднократно.

Теперь не знаю, не наскучилъ ли я вамъ, любезной пріятель, своимъ болтаньемъ. Писмо мое слишко велико, но мнѣ не хотѣлось прервать повѣсть; но какъ теперь она уже вся, то, окончивъ, остаюсь,

и прочая.

ИСТОРІЯ БЛИЖНИХЪ ПРЕДКОВЪ.

Письмо 3.

Любезной пріятель! И для прочтенія сего письма нужно вамъ небольшое терпѣніе, ибо и въ ономъ не начнуеще я разсказывать вамъ собственную мою исторію, а наполню все оное краткимъ повѣствованіемъ о протчихъ моихъ и ближайшихъ предкахъ, которое хотя и не таково любопытно будетъ, какъ предслѣдующее, но вы должны уже быть онымъ довольными, ибо мнѣ не выдумывать-стать любопытныя и такія исторіи, которыя-бы читать было пріятно, если таковыхъ въ самомъ дѣлѣ не происходило! Сего, я думаю, и сами вы не потребуете.

Итакъ, возвращаясь къ моимъ предкамъ, скажу, что о прапрадѣдѣ моемъ, Осипѣ Ерофеевичѣ Болотовѣ, не имѣю я почти никакого свѣдѣнія. А то только знаю, что умеръ онъ въ молодыхъ лѣтахъ, и съ вышеупомянутыми братьями его, Кириломъ и Ерофеемъ, жилъ уже въ одно время оставшій послѣ его сынъ, а мой прадѣдъ, Ларіонъ Осиповичъ, а ихъ родной племянникъ.

О семъ прадѣдѣ моемъ также ничего мнѣ болѣе неизвѣстно, кромѣ того, что онъ жилъ уже особо отъ дядей своихъ и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ я живу; также, что былъ онъ великой дѣлецъ по приказнымъ дѣламъ, имѣлъ пословицу «реку», и хаживалъ еще въ бородѣ. Впрочемъ, сказываютъ, былъ онъ человѣкъ неуступчивой и не скоро себя давалъ въ обиду. Почему и въ тогдашнее еще время было между обоими нашими домами, то есть домомъ прадѣда моего и Кирилы Ерофеича времянемъ не очень согласно. Далѣе, имѣемъ мы отъ сего прадѣда моего и понынѣ еще одну антику, доказывающую вкусъ тогдашнихъ времянъ и вкупѣ раченіе его о церкви, ибо рѣзныя и вызолоченныя царскія двери въ нашей приходской церкви, въ селѣ Русятинѣ, были его построенія, какъ то изъ надписи на нихъ и понынѣ еще видно.

Обоимъ симъ старикамъ наслѣдовали дѣти ихъ. Послѣ Кирилы остался сынъ Матвѣй, а послѣ Ларіона дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ, а Матвѣевъ двоюродной племянникъ, но съ тою-жъ опять разницею, что дѣдъ мой остался послѣ прадѣда моего очень молодъ и еще въ самомъ младенчествѣ, а Матвѣй Кириловичъ былъ уже на возрастѣ. Натура раздѣлила оба сіи

*) Она называлась Варварою Матвѣевною, бывшая замужемъ за Темирязевымъ, и дочь Матвѣя Кириловича Болотова.

домы чуднымъ образомъ, снабдивъ ихъ весьма разными свойствами. Потомки Осиповы были немногочисленны и не долговѣчны, но добродѣтельные и лучшихъ свойствъ и качествъ душевныхъ, а потомки Кирилины гораздо долговѣчнѣе и многочисленнѣе, но при томъ далеко не такихъ свойствъ были. Однимъ словомъ, нравы обоихъ сихъ домовъ изстари были несогласны между собою. Наши предки были добродушны, откровеннѣе, чистосердечнѣе, дружелюбнѣе, а тѣ скромнѣе или, прямѣе сказать, лукавѣе и неприступнѣе, почему и самое господствующее иногда между ими согласіе было только наружное и притворное, по которой причинѣ нашимъ не безъ обидъ съ той стороны иногда бывало.

Не успѣлъ дѣдъ мой Петръ Ларіоновичъ приттить въ возрастъ, какъ началось въ войскѣ нашемъ регулярство, слѣдовательно, и онъ служилъ уже въ регулярныхъ войскахъ и былъ офицеромъ. Онъ женился на одной дворянской дѣвушкѣ, фамиліи Бабиныхъ, и взялъ въ приданое за нею двѣ деревнишки, которыя были хотя очень невелики, однако, по тогдашнимъ обстоятельствамъ очень важны, а особливо потому, что самъ дѣдъ мой былъ человѣкъ небогатой. Все его имѣніе состояло въ нѣсколькихъ крестьянахъ, жившихъ въ той деревнѣ, гдѣ мы нынѣ живемъ, да въ нѣсколькихъ крестьянахъ, доставшихся на его долю изъ владѣнія помянутаго несчастнаго старика Еремея Гавриловича, въ деревнѣ Болотовѣ, въ которыхъ обоихъ мѣстахъ не думаю чтобъ душъ 50 за нимъ было. Изъ сихъ взятыхъ за женою своею въ приданое деревень, одна была въ Коширскомъ уѣздѣ и называлась Бурцово, которая дошла до рукъ моихъ, и я ее перевелъ уже въ другое и лучшее мѣсто; а другая въ Епифанскомъ уѣздѣ и называется и понынѣ Бабинкою, и которою я и поднесь владѣю.

Бабка моя, а его жена, называлась Екатерина Григорьевна, и объ ней слышалъ чудное повѣствованіе. Было ихъ у отца три дочери: сія Екатерина, другая Лукерья, выданная за Арсеньева, а третья Афимья, бывшая въ замужествѣ за Тутолминымъ, дѣдомъ нынѣшняго Архангелогородскаго намѣстника. Нѣкогда, какъ бабка моя была еще въ дѣвкахъ, случилось приттить къ нимъ одному монаху, странствующему и сбирающему милостыню изъ земли обѣтованной. Любопытству подвержены были люди во всѣ времена. Бабка моя, бывшая тогда еще въ дѣвкахъ, показывала ему руку и требовала предсказанія, ибо онъ угадывалъ многимъ и былъ хиромантикъ. Вопросъ клонился болѣе къ тому, долго-ли жить и быть-ли замужемъ? Старецъ, посмотрѣвъ, сказалъ ей удивительное предсказаніе, а именно, что ежели хочетъ она долго жить, то не ходила-бъ замужъ, буде же пойдетъ, то жизнь ея только пять лѣтъ продолжится.

Послѣдствіе доказало, что предсказаніе сіе было очень справедливо. Какъ онъ сказалъ, такъ и сдѣлалось. Ее выдали еще въ тотъ самой годъ замужъ, и она жила съ нимъ дѣйствительно только пять лѣтъ и родила только двухъ сыновей, которые и остались живы. Одинъ изъ нихъ былъ Тимоѳей и самый тотъ, которому я рожденіемъ моимъ обязанъ, а другой Матвѣй, оставшійся послѣ матери самымъ младенцемъ и еще у груди. Дѣдъ мой находился тогда въ службѣ, какъ она умерла, почему взяла дядю моего къ себѣ тетка его, а ея сестра, Лукерья Григорьевна, бывшая уже замужемъ, и воспитала своею грудью. Изрядной примѣръ бывшаго между сестрами сими согласія и любви совершенной.

Жизнь дѣда моего продолжалась также недолго. Онъ дослужился маіорскаго ранга и умеръ наконецъ въ Ригѣ, и погребенъ въ церкви Алексѣя, человѣка Божія. Дѣти его были тогда при немъ, и отецъ мой былъ уже записанъ въ службу и едва ли уже не офицеромъ. Какъ около сихъ временъ отечество наше, подъ премудрымъ правленіемъ славнѣйшаго въ свѣтѣ государя Петра Великаго, начало изъ прежняго невѣжества выходить, и часъ-отъ-часу просвѣщаться, то и дѣдъ мой

воспиталъ дѣтей своихъ не по примѣру своихъ предковъ, но гораздо лутче. Онъ отдалъ ихъ въ Ригѣ въ Нѣмецкую школу, и выучилъ ариѳметикѣ и нѣмецкому языку, что̀ послѣ отцу моему служило въ великую пользу.

По кончинѣ отца своего, продолжалъ отецъ мой военную службу. Братъ его послѣдовалъ ему въ томъ же, да инако въ тогдашнія времена было и не можно, ибо всѣ дворяне должны были служить, почему вступили въ тоже время и дѣти Матвѣя Кириловича въ службу, которыхъ было четверо: Семенъ, Богданъ, Никита и Еремей. Они служили всѣ въ разныхъ полкахъ, а не вмѣстѣ, и всѣ подвержены были разнымъ жребіямъ. Изъ помянутыхъ четырехъ братьевъ, внучатныхъ дядьевъ отцу моему, одинъ только остался живъ, а трое прочіе лишились разными случаями жизни. И Никита былъ тотъ, которому судьба назначала прожить до глубокой старости и быть отцу моему, а потомъ и мнѣ современникомъ.

Что касается до моего отца, то служилъ онъ въ гранодерскомъ Лессіевомъ полку, которой послѣ переименованъ Бѣлозерскимъ, подпоручикомъ. Изъ сего полку, при случаѣ сочиненія третьяго гвардейскаго полку, взятъ былъ тѣмъ же чиномъ въ Измайловской полкъ, въ которомъ служилъ онъ до 1740, и почти до самаго того времяни, какъ я родился.

Во время сей своей службы бывалъ онъ во многихъ посылкахъ и походахъ, а особливо въ Турецкихъ съ фельдмаршаломъ Минихомъ, и дослужился наконецъ въ гвардіи до капитанскаго чина. Одинъ изъ славныхъ нашихъ Бироновъ любилъ его особливымъ образомъ, и онъ былъ у него въ милости. Впрочемъ, служба его счастливо продолжалась. Онъ не навелъ себѣ никакого нареканія, былъ всѣми любимъ и почитаемъ и не бывалъ никогда въ штрафахъ и подъ судами.

Одну изъ его посылокъ почитаю я всѣхъ достопамятнѣе, ибо досталась мнѣ отъ того вещь для меня весьма драгоцѣнная. Не подумайте, чтобъ онъ что-нибудь во время сей посылки нажилъ. Нѣтъ, любезной пріятель! отецъ мой не такова былъ сродства, чтобъ неправеднымъ образомъ что-нибудь себѣ наживать. Вся достопамятность состоитъ только въ томъ, что я нашолъ одинъ ордеръ, данной отцу моему отъ Петра Великаго, сего славнаго и безпримѣрнаго въ свѣтѣ монарха, подписанной собственною его рукою. Мой отецъ былъ въ то время еще армейскимъ подпоручикомъ и посыланъ былъ изъ Риги отъ самого государя, для отвоза жнецовъ Нѣмецкихъ въ наши степныя мѣста. И сіе-то письмецо почитаю я тою драгоцѣнною для меня вещію, хотя она въ самомъ дѣлѣ ничего не стоитъ.

Вся сія долговремянная служба не принесла отцу моему много прибыли. Онъ принужденъ былъ жить однимъ почти жалованьемъ, ибо отъ малыхъ своихъ деревень, полученныхъ въ наслѣдіе послѣ отца своего, а моего дѣда, не могъ онъ получать знатныхъ доходовъ; а сверхъ того, не имѣлъ никогда и случая жить въ нихъ, а пріѣзжалъ времянно, и то на самое короткое время, въ деревню; слѣдовательно не имѣлъ способа о приведеніи оныхъ въ лутчее состояніе стараться. Вся прибавка состояла только въ томъ, что онъ взялъ за женою своею, а моею матерью, небольшую деревнишку, или, прямѣе сказать, одинъ только дворъ въ Чернскомъ уѣздѣ въ приданое, да сдѣлалъ основаніе маленькой деревеньки въ Шадскомъ уѣздѣ.

Мать моя была фамиліи Бакеевыхъ, внука живущаго неподалеку отъ насъ одного кошпрскаго дворянина. Отецъ ея назывался Степанъ Гавриловичъ и служилъ въ Ингермоландскомъ пѣхотномъ полку маіоромъ, а послѣ въ Рижскомъ гарнизонѣ полковникомъ, и прославился при одномъ случаѣ, во время Шведской войны, а именно при взятіи 4-хъ фрегатовъ, въ которое морское сраженіе будучи съ полкомъ своимъ на галерахъ, взялъ онъ Шведскаго шутбенахта въ полонъ своими руками. За сіе пожалована была ему отъ государя Петра Великаго золотая медаль съ цѣпью, и записано было имя его въ журналѣ сего великаго монарха.

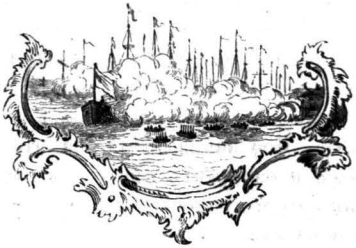
Какъ былъ онъ завсегда въ службѣ, то жила дочь его, которая называлась Маврою, съ своей матерью у его отца, Гаврилы Прокофьевича Бакѣева, въ деревнѣ, которой и выдалъ ее безъ отца за моего родителя. Приданое ея было по тогдашнимъ временамъ очень невелико, но надежда та была, что она была одна у отца дочь, слѣдовательно, всему имѣнію наслѣдница, что̀ послѣ и здѣлалось. Ибо какъ дѣдъ мой Степанъ Гавриловичъ умеръ, то получилъ отецъ мой во владѣніе свое то сельцо Калитино, гдѣ былъ ихъ домъ, да другую деревню Тулеино, лежащую по близости къ нашей деревни и весьма намъ подручную.

Какъ деревни отца моего симъ образомъ съ одной стороны пріумножались, такъ убавилось потомъ нѣсколько ихъ по другому случаю. Я уже упомянулъ, что у отца моего былъ родной братъ Матвѣй Петровичъ. Сей жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ и, будучи уже великъ, женился на дѣвушкѣ изъ фамиліи Резанцовыхъ. Желаніе ихъ было раздѣлить между собою отцовское наслѣдство, но сего учинить не можно было по тогдашнимъ законамъ, извѣстнымъ у насъ подъ именемъ «пунктовъ», и по силѣ которыхъ старшій братъ долженствовалъ быть одинъ наслѣдникомъ. Но какъ въ самое то время сіи пункты отмѣнены и дозволено было дѣлиться, то отецъ мой первой подалъ о томъ челобитную и просилъ о раздѣлѣ не для какой ссоры, а единственно для любви къ брату и для убѣжанія отъ несогласія, что̀ и учинилось въ самомъ дѣлѣ.

Такимъ образомъ, раздѣлился домъ нашъ на-двое, и пошло особливое поколѣніе. Дядя мой построился шаговъ со сто отъ насъ въ особливомъ мѣстѣ, а отецъ мой остался въ старомъ домѣ. Деревня же и люди отцовскіе раздѣлены были во всѣхъ мѣстахъ пополамъ.

Дѣтьми былъ отецъ мой не гораздо счастливъ. Онъ имѣлъ хотя многихъ, но не имѣлъ того, чего желалъ, то-есть живого сына. Изъ дочерей его осталось двѣ живущихъ. Одну и старшую мою сестру звали Прасковьею, а другую Марѳою. Но небо даровало ему наконецъ сына и, назначивъ меня жить, восхотѣло здѣлать ему при старости утѣшеніе.

Вотъ вамъ, любезной пріятель, начало моей исторіи, или паче—начало исполненія вашего желанія. Довольны ли вы тѣмъ будете? Въ сихъ письмахъ описалъ я все, что̀ нашелъ упомянуть о происхожденіи нашей фамиліи, о моихъ предкахъ и о бывшихъ до меня произшествіяхъ и обстоятельствахъ, а въ будущемъ начну уже разсказывать собственную мою исторію со дня моего рожденія; а между тѣмъ остаюсь, и прочая.



ИСТОРІЯ МОЕГО МЛАДЕНЧЕСТВА.

Письмо 4.

Любезной пріятель! Вотъ теперь дошелъ я и до собственной своей исторіи. Я начну оную съ самого дня моего рожденія, дня достопамятнаго въ моей исторіи и ознаменованнаго однимъ рѣдкимъ и примѣчанія достойнымъ произшествіемъ, однако,—надобно примолвить, что не на небѣ и не во всемъ свѣтѣ, а въ господской только нашей вотчинѣ, маленькой деревнишкѣ Дворениновѣ или, лучше сказать, въ одной спальни моей матери,—произшествіемъ не столько удивительнымъ, сколько страннымъ и столь смѣшнымъ, что оное заставило мать мою, въ самыя опасныя ми-

нуты своихъ родовъ, и несмотря на всю свою болѣзнь, смѣяться, и которое власно-какъ служило нѣкоторымъ предвозвѣстіемъ тому, что я въ теченіе жизни моей не столько печальныхъ, горестныхъ и скучныхъ, сколько спокойныхъ, веселыхъ и радостныхъ минутъ имѣть буду!... И буде это такъ, то я очень обязанъ за то моей бабушкѣ-повитушкѣ, которая ко всему тому подала поводъ и мать мою разсмѣшила.

«Какъ это такъ!» скажете вы: «конечно была она какая-нибудь проказа?»—Нѣтъ! право нѣтъ! любезной пріятель! Она была старуха добрая, старуха богомольная, старуха честная, старуха большая, старуха толстая *); однимъ словомъ, старуха всѣмъ хороша, и я ее, будучи маленькой, очень любилъ и часто объ ней плакивалъ, потому что она была моя мамка, а что она проказу здѣлала, тому не она, а полъ виноватъ. Ибо виновата ли она, что полъ разсохся и ея крестъ увязъ въ трещинѣ? —«Какъ это»?—спросите вы.—А вотъ какимъ образомъ:

Какъ случилось мнѣ родиться ночью послѣ полуночи, то не было никого въ той комнатѣ, кромѣ одной сей бабушки-старушки да моей матери. Мать моя сидѣла на постели, а старушка молилась Богу и клала земные поклоны. Вы вѣдаете, какъ старухи обыкновенно молятся. Гдѣ-то руку заведетъ, гдѣ-то на плечо положитъ, гдѣ-то на другое, гдѣ-то нагнется, гдѣ-то наклонится и гдѣ-то начнетъ подниматься съ полу и гдѣ-то встанетъ; однимъ словомъ, въ одномъ поклонѣ болѣе минуты пройдетъ. Но представьте себѣ, какой странный случай тогда здѣлался!—Въ самую ту минуту, какъ назначено было мнѣ свѣтъ увидѣть, бабушка отправляла свой поклонъ и была нагнувшись, и въ самой тотъ моментъ попади крестъ ея въ щель на полу между разсохшихся досокъ и такъ перевернись тамъ ребромъ, что его ей вытащить никакъ было не можно.—Мать моя начала кричать и звать ее къ себѣ, а она: «постой, матушка», говоритъ, «погодя немножко! крестъ зацѣпилъ, не вытащу».—И между тѣмъ бараталась на полу головою и руками. Вытянуть его было не можно, перервать также; гайтанъ не рвется — крѣпокъ. Вздумала его скидывать съ головы,—но чтожъ?—еще того хуже сдѣлала! Голова не прошла, а только увязла и привязалась къ полу! Что оставалось тогда дѣлать, и не смѣшное ли приключеніе? Мать моя разсказывала потомъ часто, что она не могла отъ смѣха удержаться, видя сію проказу и слыша усиленныя ея просьбы, чтобъ немного погодила, ибо въ ея ли власти было погодить.

Ежели спросите, какимъ же образомъ она освободилась, то скажу, что на крикъ ихъ проснулась и прибѣжала еще баба и гайтанъ принуждена была разрѣзать. И по счастію, поспѣла бабка къ исправленію своей должности.

Вотъ вамъ, любезной пріятель, первое смѣшное приключеніе, случившееся еще при самыхъ моихъ родахъ. Но теперь возвращусь я къ порядку моей исторіи. Я родился въ 1738 году, октября въ 7 день, что случилось тогда въ суботу. Мѣсто моего рожденія есть самое то, гдѣ я нынѣ живу. Отца моего въ то время не было дома, какъ я родился. Онъ находился въ Нѣжинѣ, одномъ Украинскомъ городкѣ, гдѣ тогда полки по возвращеніи изъ Турецкаго похода стояли *). Онъ былъ очень радъ, получивъ извѣстіе сіе чрезъ полтора мѣсяца. Крестины мои отправлялись обыкновеннымъ у насъ въ деревняхъ образомъ. У меня было два отца и двѣ матери крестныхъ,—всѣ родственники и пріятели моихъ родителей. Одинъ изъ нихъ былъ господинъ Раевскій, по имени Иванъ Артемьевичъ, а другой господинъ Ладыженскій, по имени Иванъ Леонтьевичъ. Кумы же, двѣ старушки—наши родственницы и мнѣ бабки: Арина Савична

*) Она называлась Соломонидою и была мать прикащика моего Григорія Фомина, у котораго былъ сынъ Абрамъ, бывшій со мною въ походѣ.

*) Откуда и мать моя предънедавнимъ временемъ и беременная мною домой отъ него пріѣхала.

ляскѣ, восклицалъ: ну! Петербургъ! прямо Петербургъ! Когда-жъ увидѣлъ дворецъ и прочія огромныя зданія, то не зналъ какъ и изобразить свое удивленіе.

Квартиры для нашего полку назначены были тогда на Петербургской сторонѣ и были довольно изрядныя. Намъ случилось получить домъ подлѣ самой церкви Введенія Богородицы, и мы были квартирою своею очень довольны.

Не успѣли мы по симъ квартирамъ расположиться, какъ случилось въ Петербургѣ нарочито великое наводненіе. Явленіе сіе было для меня также новое: всѣ улицы вокругъ нашего дома поняты были водою, и люди принуждены были ѣздить на лодкахъ и на воротахъ; но, по щастію, продолжалось сіе наводненіе недолго и не произвело никакого дальнего вреда.

Вскорѣ послѣ насъ пріѣхала къ намъ и большая сестра съ мужемъ.... сей былъ тогда уже аудиторомъ. Отцу моему хотя хотѣлось доставить и меньшому зятю офицерской чинъ, но тогда производство было очень туго, и здѣлать сіе не таково было скоро; но, по щастію, поспѣшествовалъ къ тому особой и нечаянной случай. Въ полку нашемъ былъ тогда адъютантомъ алексинской дворянинъ Дмитрій Васильевичъ Арсеньевъ, самой тотъ, которой послѣ дослужился до генеральскаго чина. Высокій его ростъ и красивый станъ полюбился при Дворѣ; его взяли отъ насъ изъ полку въ лейбъ-компанію и какъ его мѣсто опросталось, то и произведенъ былъ на сію ваканцію мой старшей, а на его мѣсто мой младшей зять, господинъ Травинъ, въ аудиторы. Что касается до меня, то какъ я былъ еще сущимъ рабенкомъ, то по тогдашнимъ временамъ ничего еще со мною учинить было неможно, а все, что я помню, то родитель мой учинилъ только то, что взялъ меня однажды съ собою во дворецъ, желая показать мнѣ сіе пышное императорское жилище.

Я не могу изобразить, съ какимъ удивленіемъ и подобострастіемъ взиралъ на тогдашней огромной домъ царей нашихъ; онъ былъ тогда хотя сущая малость противъ нынѣшняго и немногимъ чѣмъ лутче нынѣшнихъ домовъ знатныхъ бояръ, но для меня казалось все велико и удивительно. Въ особливости же поразился я его внутренности; мнѣ показался онъ сущимъ раемъ, и я не зналъ, на что смотрѣть и чему удивляться больше. Все казалось мнѣ величественно и великолѣпно, а паче всего утѣшали меня зеркальныя стѣны въ галереѣ, на которыя я не могъ довольно налюбоваться. Впротчемъ ходилъ я за отцомъ моимъ ни живъ, ни мертвъ отъ подобострастія, и боялся прикоснуться самыхъ стѣнъ сихъ священныхъ чертоговъ нашихъ монарховъ.

Совсѣмъ тѣмъ самую Императрицу сколько я ни желалъ, но не удалось мнѣ тогда видѣть; а отецъ мой представлялъ меня только гофмаршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, котораго считалъ онъ себѣ милостивцомъ и другомъ. Другой же знакомецъ и пріятель былъ у него гвардіи Измайловскаго полку маіоръ Гаврило Андреевичъ Рахмановъ. Сего я также видѣлъ, но какъ я былъ рабенкомъ, то и неудостоенъ я отъ нихъ никакова уваженія.

Другое и также для меня удивительное зрѣлище составлялъ бывшей, не помню въ какой день, фейерверкъ; но какъ я все еще боялся стрѣльбы, то видѣлъ я ево несовершенно, и только издали верхніе огни и ракеты, которые не могу изобразить, какъ показались мнѣ удивительными.

Впротчемъ, препровождалъ я время свое въ продолженіи моихъ наукъ, и былъ безотлучно отъ учителя. Онъ жилъ у насъ же въ домѣ, въ особливой пристройкѣ, и тамъ сидѣли мы съ нимъ отъ утра до вечера. Сколько мнѣ помнится, то умѣлъ уже я около сего времяни изрядненько писать понѣмецки, а впротчемъ училъ уже грамматику нѣмецкую; но, судя по теперешнему знанію, все мое ученіе было пребѣднѣйшее; ибо какъ учитель мой самъ не зналъ ни аза въ глаза о томъ, какъ учатъ люди по грамматикѣ, то все ученіе его состояло въ томъ, что выписы-

валъ онъ всѣ слова и вокабулы и заставливалъ меня вытверживать ихъ наизустъ. До глаголовъ же и до протчихъ частей намъ съ нимъ и дѣла не было, и потому можно сказать, что все ученіе его было прямо топорной работы, почему и неудивительно, что не было оттого и дальнего успѣха, ибо память моя отягощаема была только множествомъ вокабулъ, но которыя я столь же скоро опять, по молодости своей, позабывать могъ, какъ и выучивался, пользы же отъ того было очень мало.

Предъ приближеніемъ новаго года, вздумалось учителю моему сочинить поздравительное письмо родителю моему отъ имяни моего съ новымъ годомъ, и заставить его меня переписать на бѣлой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ. Въ работѣ сей упражнялся я нѣсколько времени, ибо становилъ всякое слово съ превеликою осторожностію и боязнію, чтобъ не испортить; бумага сія почитаема была власно какъ нѣкакою святостію и я трепеталъ, писавши оную, и нынѣ весьма дорого-бъ заплатилъ, естлибъ кто могъ отъискать мнѣ оную. Я надсѣлся-бъ со смѣха тогдашнему моему писанью, а не столько писанію, сколько русскому переводу, которой вздумалось учителю моему пріобщить на другой страницѣ, и которой, какъ теперь помню, былъ наиглупѣйшей и вздорнѣйшей и содержалъ такую нескладную галиматію, чтобъ тому довольно нахохотаться было неможно. Но, къ сожалѣнію, время похитило у меня сію грамоту и монументъ глупости моего учителя.

Кромѣ сего, продолжалъ я учиться арихметикѣ, и около сего времяни былъ уже далекъ въ оной, ибо за понятіемъ моимъ не было ни малѣйшей остановки: я понималъ все хорошо и довольно скоро, а недоставало только порядка въ ученіи и хорошаго учителя.

Какъ въ доказательство тому, такъ и въ дальнѣйшее изображеніе страннаго характера моего учителя, раскажу я теперь одинъ случай и произшествіе со мною, бывшее около сего времяни.

Однажды, обучая меня арихметики, вздумалось учителю моему мнѣ сказать, что въ послѣдующей за тѣмъ день задастъ онъ мнѣ такую задачу, надъ которою я довольно посижу и едвали здѣлать буду въ состояніи. Я, каковъ ни малъ былъ, но какъ самъ о себѣ вѣдалъ, что арихметика была мнѣ довольно знакома, то тронуло сіе мое честолюбіе; я любопытенъ былъ узнать, что-бъ за такая мудреная была та задача, о которой онъ съ превеликою надменностію о своемъ знаніи говорилъ, и почему-бъ такому сомнѣвался онъ, что я ее не здѣлаю. Побуждаемъ симъ любопытствомъ, просилъ я его, чтобъ онъ мнѣ сказалъ существо задачи, и по нещастію моему онъ сіе и исполнилъ.

Задача въ самомъ дѣлѣ была для меня новая и такая, какой я до того времяни не дѣлывалъ. Она принадлежала къ фальшивымъ правиламъ и всѣмъ арихметистамъ довольно извѣстная, а имянно, касающаяся до стада гусей и повстрѣчавшемуся съ ними одного гуся.

Не успѣлъ я услышать и узнать, въ чемъ состояла задача, какъ, не хотя поставить себя въ стыдѣ, началъ я еще тогда же мысленно доискиваться, какому-бъ числу надлежало быть, естли положивъ оное еще разъ да половину, да четверть того числа, да еще одного гуся, пришлось бы ровно сто; и какъ любопытство, такъ и желаніе до того добраться было такъ велико, что я, легши спать, до полуночи не спалъ, а все думалъ, и прежде не уснулъ, покуда не добрался, что число гусей было 36. Сей случай былъ первой, при которомъ разумъ мой оказалъ свою способность и принужденъ былъ дѣйствовать собою. Я несказанно обрадовался, добравшись до желаемаго и заснулъ въ мечтательныхъ воображеніяхъ о томъ удивленіи и удовольствіи, какое будетъ имѣть мой учитель при скоромъ моемъ рѣшеніи его задачи, и съ нетерпѣливостію дожидался того времяни, какъ мнѣ оная задана будетъ. Сколь я ни малъ былъ, но разсудилъ, что дурно будетъ, естли здѣлаю я ее слишкомъ скоро, а потому

л положилъ притвориться и напередъ минуту другую цифровъ пописать, а потомъ уже сдѣлать, что̀ и исполнилъ я въ самой точности.

Но что-жъ воспослѣдовало и сколь много обманулся я въ моемъ чаяніи и ожиданіи и сколь худо заплачено было за мое усердіе и труды! Не успѣлъ я извѣстное мнѣ число на доскѣ написать и задачу сдѣлать, какъ, вмѣсто всѣхъ ожидаемыхъ за то похвалъ, учитель мой вздурился. Обстоятельство, что онъ въ ожиданіи своемъ обманулся, и ему не удалось меня помучить, такъ ево взбѣсило, что напалъ на меня какъ лютой звѣрь и насильно требовалъ, чтобъ я признался, что я у него число сіе, написанное на аспидной доскѣ, повѣшенной на стѣнѣ, подсмотрѣлъ, а не самъ собою доискался. Я, вѣдая его бѣшеной нравъ, вострепеталъ, сіе увидѣвъ: я клялся ему небомъ и землею, что того и не вѣдалъ, что у него задача сія была написана на доскѣ, и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что цѣлую почти ночь не спалъ и доискался самъ; но всѣ мои клятвы и увѣренія были тщетны: онъ и слышать того не хотѣлъ, чтобъ сіе возможное было дѣло, и я принужденъ былъ вытерпѣть отъ него цѣлую пытку. Вовѣки не позабуду сего случая и того, сколь чувствительно и несносно было мнѣ тогда терпѣть сію сущую пытку понапрасну. Нѣмецъ мой сдѣлался сущимъ тогда извергомъ: онъ нетолько меня изсѣкъ немилосерднѣйшимъ образомъ хворостинами по всему тѣлу, безъ всякаго разбора, но грызъ почти меня зубами и терзалъ какъ лютой звѣрь, безъ всякаго человѣчества и милосердія. Онъ такъ разъярился, что пѣна стояла у него во рту, и до тѣхъ поръ меня мучилъ, покуда выбился самъ уже изъ силъ, и запыхался такъ, что принужденъ былъ меня покинуть; ни слезы, ни вопль, ни умаливанія, ни цѣлованія рукъ его и ногъ, ни повторяемыя клятвы, не могли смяхчить сего чудовища. Къ вящему моему нещастію, комнатка моя была въ такомъ углу и отдаленіи, что никому крика и вопля моего было не слышно и никто не могъ приттить и меня отнять у сего тирана. Вотъ какова имѣлъ я учителя!

Насытившись сколько душѣ его было угодно и недобившись отъ меня всѣмъ сѣченіемъ своимъ ничего, ибо мнѣ въ самомъ дѣлѣ сказать было нѣчего, утолился онъ наконецъ самъ отъ своей ярости, и смотрѣлъ на меня, хлипующаго и сидящаго въ наижалостнѣйшемъ состояніи. Слезы текли у меня изъ глазъ ручьями, и горесть, которую я тогда чувствовалъ, была неописанна.

Но сколь удивленіе мое было чрезвычайно, какъ въ самое сіе время увидѣлъ я учителя моего, вставшаго, подошедшаго ко мнѣ, превратившагося изъ прежняго лютаго звѣря въ наикротчайшаго агнца, и начавшаго нѣжно трепать меня по щекѣ и ласковѣйшимъ образомъ уговаривать, чтобъ я пересталъ плакать: „Ну! ну! говорилъ онъ, Богъ тебя проститъ! перестань плакать, помиримся». Явленіе сіе и таковыя неожиданныя слова еще болѣе усугубили мою горесть и слезы: «Не въ чемъ меня, отвѣчалъ я сквозь слезы, ни Богу, ни вамъ прощать, я ничего не сдѣлалъ, и вы Бога, сударь, не боитесь, что такъ меня измучили совсѣмъ напрасно; батюшка и матушка какъ изволятъ, а я упаду къ ногамъ ихъ и буду просить, чтобъ они меня помиловали». Сей отвѣтъ мой его еще болѣе встревожилъ, ибо надобно знать, что таковое дружное и скорое превращеніе его было по притчинѣ: онъ примѣтилъ, что во время сѣченія и ярости своей поступилъ онъ слишкомъ неосторожно и розгами попалъ мнѣ въ лицо и произвелъ превеликой рубецъ на щекѣ и въ самой близости подлѣ глаза. Сего обстоятельства я и самъ тогда еще не вѣдалъ, а онъ, какъ ни золъ былъ, однако легко могъ предвидѣть, что за сіе будетъ ему отъ родителей моихъ превеликая гонка. Онъ раскаявался тогда, но уже было поздно, что поступилъ со мною такъ безчеловѣчно, и не зналъ чѣмъ пособить сему злу, и чѣмъ и какъ бы скрыть и утаить сіе дѣло отъ узнанія моихъ родителей.

Самое сіе и принудило его надѣть на себя овечье платье, сдѣлаться сущею лисицею и всячески стараться меня улещивать и уговорить, чтобъ я сказалъ, что рубецъ сей получилъ не отъ сѣченія, а будто бы ходилъ въ садъ и застегнулъ себѣ лицо нечаянно хворостиною. Но я не таковъ былъ глупъ, чтобъ тотчасъ на сіе предложеніе и согласиться, но, узнавши сіе обстоятельство, восторжествовалъ надъ моимъ мучителемъ: смѣялся внутренно его трусости и малодушію, и въ нѣкоторое отмщеніе за претерпѣнныя отъ него невинно побои помучилъ его часа три своею незговорчивостію и нехотѣніемъ утаить сего дѣла отъ родителей, и довелъ его наконецъ до того, что онъ перетрусился въ прахъ, не зналъ что̀ дѣлать, ласкалъ меня всѣмъ, чѣмъ можно, надавалъ тысячу клятвъ и обѣщаній, что впередъ меня сѣчь не станетъ, насулилъ мнѣ ягодъ и конфектовъ; и всѣмъ тѣмъ и неотступными прозьбами убѣдилъ мѣня наконецъ къ тому, что я согласился по крайней мѣрѣ не приносить родителямъ моимъ на него жалобы.

Сіе слово я хотя и сдержалъ, однако дѣло сіе не могло никакъ утаиться въ домѣ: сестра моя, любившая меня весьма горячо, примѣтивъ рубецъ, тотчасъ меня стала спрашивать; я хотя и не хотѣлъ, сказывать, но догадались и сами. Тотчасъ узнала и покойная моя мать, и не только учителю моему дала превеликую за то гонку, но поссорилась за то почти и съ моимъ отцемъ; но сей, не узнавъ всей истины, не уважилъ сего дѣла по достоинству, и чрезъ самое то далъ учителю моему поползновеніе и впередъ предпринимать дѣла тому подобныя. Говорилъ ли онъ отъ себя что нибудь учителю, того уже я не знаю; но какъ бы то ни было, но тѣмъ исторія сія тогда кончилась, и учитель мой нѣсколько времяни былъ посмирнѣе, однако не надолго, а скоро принялся опять за свое глупое ремесло, какъ о томъ упомянется впослѣдствіи.

Изъ протчихъ приключеній, случившихся со мною около сего времяни, помню я только одно, и довольно странное и удивительное. Одному изъ самыхъ переднихъ верхнихъ моихъ зубовъ во рту вздумалось что-то рость совсѣмъ превратнымъ образомъ, а имянно вверхъ, и не только прорѣзать собою верхнюю десну, но произвесть рану и на самой верхней губѣ изнутри и пройтить уже почти на половину сквозь оную. Таковое странное и необыкновенное явленіе озаботило и смущало моихъ родителей, они не знали, что̀ со мною и съ зубомъ симъ дѣлать, и тѣмъ паче, что онъ росъ кверху острымъ концомъ и мнѣ много мѣшалъ уже и говорить. Они совѣтовали уже со многими врачами, но для всѣхъ явленіе сіе было новое и необыкновенное, и никто не отваживался взять на себя комисію его выдернуть. И я истинно не знаю, что̀-бъ со мною воспослѣдовало, естлибъ не сталъ сей опасной зубъ самъ качаться и не раскачался въ скоромъ времени такъ, что полковому нашему лекарю никакова почти труда не стоило оной пальцами, повернувъ немного, выдернуть и чрезъ то избавить меня отъ опасности быть уродомъ.

Примѣчанія достойно, что на семъ мѣстѣ не выросло уже у меня никогда зуба, а дабы чисто зубовъ не сдѣлать у меня недостаточнымъ, то произвела натура новой зубъ, хотя подлѣ того-жъ мѣста, но въ необыкновенномъ мѣстѣ, а имянно въ небѣ, которымъ зубомъ я и понынѣ еще отличаюсь отъ всѣхъ протчихъ людей на свѣтѣ, ибо во всю мою жизнь случилось мнѣ видѣть и найтить у одного только человѣка, у котораго былъ зубъ точно подобной моему, а имянно у одного изъ господъ Бакѣевыхъ, дальняго моего родственника съ матерней стороны; онъ назывался Сила Борисьевичъ, жилъ неподалеку отъ насъ въ деревни, и объ немъ имѣть я буду говорить впредь, при другомъ случаѣ. Впротчемъ, всѣ родственники мои сначала боялись, чтобъ сей удивительной зубъ не сталъ мнѣ мѣшать говорить, однако послѣ оказалось, что онъ дальнаго помѣшательства мнѣ не дѣлалъ, но я прожилъ съ нимъ цѣлой вѣкъ и говорилъ какъ надобно.

Между сими произшествіями протекъ тысяча семьсотъ сорокъ седьмой годъ, которой былъ достопамятенъ въ жизни моей тѣмъ, что я въ оной началъ впервые учиться иностраннымъ языкамъ, и подверженъ былъ два раза величайшей опаспости, но отъ которыхъ щастливо освободился; а какъ кстати и письмо сіе довольно увеличилось, то, отложивъ дальнѣйшее повѣствованіе до послѣдующаго, сіе теперь окончу, сказавъ вамъ, что я есмь и протчая.

ВЪ КУРЛЯНДІИ.

Письмо 8.

Любезной пріятель! Предслѣдующее письмо пресѣкъ я окончаніемъ 1747 года, а теперь, продолжая повѣствованіе мое, раскажу вамъ, что случилось со мною въ наступившей послѣ его новой и 1748 годъ, которой не менѣе достопамятенъ былъ бывшими со мною разными приключеніями.

Полкъ нашъ простоялъ въ Петербургѣ недолго, ибо не успѣло наступившаго новаго года пройтить одного мѣсяца, какъ вдругъ и совсѣмъ нечаяннымъ образомъ сказанъ былъ намъ опять походъ, и велѣно было немедленно иттить въ Курляндію. Притчиною движенію сему была горѣвшая около сего времени въ Европѣ война и намѣреніе нашего Двора отправить въ Германію къ Цесаревѣ вспомогательной корпусъ. Неожидаемость сія насъ не менѣе удивила, сколько и поразстроила: но какъ бы то ни было, но мы должны были повиноваться и выступить въ походъ еще въ началѣ февраля мѣсяца.

Походъ сей, продолжаемой зимнимъ путемъ, былъ мнѣ сколько пріятенъ тѣмъ, что мы получали вездѣ прекрасныя квартеры, ибо оныя отцу моему отводимы были обыкновенно на почтовыхъ дворахъ, изъ коихъ въ каждомъ находили особыя и отмѣнныя отъ другихъ украшенія и убранствы, сколько досаденъ тѣмъ, что учитель мой и во время самой дороги заставливалъ меня учить наизусть и твердить вокабулы, и требовать, чтобъ я изъ многихъ тысячъ выученныхъ наизусть словъ не позабылъ ни единаго; но какъ сіе составляло сущую невозможность, то и принужденъ я былъ терпѣть отъ него за то превеликое зло и лихо. Всѣ обѣщанія его меня не сѣчь были позабыты, и я нерѣдко принужденъ былъ страдать отъ сего жестокосердаго; но никогда онъ такъ много меня не сѣкалъ, какъ при одномъ случаѣ во время сего путешествія. Какъ теперь подумаю, то кажется, что онъ существительное находилъ увеселеніе и утѣшеніе въ томъ, чтобъ меня терзать и мучить. Въ сіе время затѣялъ онъ однажды всѣ вокабулы, сколько я ихъ въ разныя времяна ни выучилъ, прослушать, и давъ мнѣ только сутки времени протвердить, напередъ сказалъ, что онъ за каждое позабытое мною слово неотмѣнно влѣпитъ мнѣ по три удара розгою въ спину. Я удостовѣренъ былъ, что онъ сіе дѣйствительно исполнитъ, и сіе нагнало на меня такой страхъ и привело мысли мои въ такую разстройку, что я множество и такихъ словъ позабылъ, которыя дѣйствительно помнилъ, а особливо тогда, когда онъ началъ меня прослушивать и всѣ забытыя слова щитать и радоваться, что будетъ ему случай насытить свою лютость и хорошенько меня помучить. Розги приготовлены уже были превеликія и лежали на столѣ, и сіе зрѣлище привело меня въ такую робость, что я и на самые извѣстнѣйшіе вопросы не могъ ему

ничего отвѣтствовать. Наконецъ кончилось прослушиваніе, и онъ насчиталъ всѣхъ позабытыхъ словъ болѣе двухсотъ и съ звѣрскимъ хохотомъ возвѣщалъ мнѣ, что я получу 600 ударовъ. Я обмеръ, испужался, увидѣвъ, что онъ дѣйствительно сіе исполнить предпріялъ, и не зналъ что́ дѣлать. Къ нещастію, случилось сіе въ одномъ селѣ на особой и отдаленной квартирѣ, въ которой никого не было, кромѣ одной хозяйки; я упалъ ему въ ноги и, облившись слезами, просилъ о помилованіи; но всѣ мои умаливанія были тщетны, прощать не его было свойство, и я принужденъ былъ шествовать на дворъ, гдѣ вознамѣрился онъ произвесть надо мною сію экзекуцію и собственно для того, чтобъ тѣмъ меньше можно было кому нибудь мой вопль услышать. Тутъ, ущемивъ меня между ногъ, началъ онъ меня тиранить и дѣйствительно щитать всѣ разы; я кричалъ, вопилъ, а наконецъ и вопить уже болѣе не могъ ие уже и зналъ, что́-бъ со мною было, естлибъ не сжалилась со мною хозяйка и не избавила меня отъ сего мучителя. Уже нащиталъ онъ двѣсти разъ и началъ щитать третью сотню, и я уже осипъ отъ кричанія, какъ выбѣжала на дворъ сія добросердечная женщина, и прибѣгши къ намъ, силою отняла меня отъ него и, оттолкнувъ его прочь, сказала: «и что ты за лукавой! вѣдь ты рабенка-то до смерти засѣчешь! и естьли тебѣ Богъ, бусурманъ проклятой!» Онъ-было вздумалъ противиться и отнять меня у ней опять, однако она такъ его отъ себя толкнула, что онъ чуть-было не упалъ, и повела меня прямо со двора, чтобъ весть къ моей матери. Но самая сія выдумка усмирила моего мучителя, онъ побожился ей, что не станетъ болѣе сѣчь, и она послушалась и оставила.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ въ сей разъ было уже слишкомъ несносно, то я непреминулъ уже формально на него матери своей пожаловаться, и, разсказавъ все, показать, сколь жестоко я изсѣченъ; и сіе такъ много воздѣйствовало, что ему отъ родителей монхъ досталась нетолько превеликая гонка, но и формально запрещено впредь безъ ихъ вѣдома меня наказывать. И съ сего времяни сдѣлался учитель мой уже гораздо смирнѣе, и я не помню уже ни однажды, чтобъ онъ меня такъ сильно сѣкалъ.

Мы препроводили въ семъ походѣ немалое время, ибо надлежало проходить всю Ингрію, Эстляндію и Лифляндію, а полки, какъ извѣстно, ходятъ не скоро, и притомъ все съ растахами, посему и не могли прежде въ Курляндію приттить, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Для стоянія нашему полку назначено было мѣстечко или городокъ Бовскъ съ его окрестностми, куда пришедъ мы и расположились.

Мѣстечко сіе было изрядное, лежащее при рѣкѣ Немантѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ впадаетъ въ нее рѣка Муха. Подлѣ самаго устья сей послѣдней рѣки находился старинной каменной, но на половину развалившейся замокъ съ полверсты отъ нынѣшняго жила; въ нынѣшнемъ же городкѣ были многіе изрядные домики, и для отца моего отведена была изрядная квартира, а учителю моему прямо насупротивъ у одного пекаря, куда я къ нему и хаживалъ учиться.

Не успѣли мы тутъ расположиться и основать свое жилище, какъ наступила святая недѣля. Мы праздновали день Пасхи въ поставленной въ домѣ полковой церкви, и отецъ мой имѣлъ при семъ случаѣ ту досаду, что во время стрѣлянія изъ пушекъ оторвало одному канонеру руку.

По наступленіи весны выведенъ былъ весь полкъ въ лагерь, но какъ расположенъ онъ былъ въ близости подлѣ самого города, то мы остались стоять на прежней своей квартерѣ въ городѣ.

Полкъ нашъ простоялъ въ семъ мѣстѣ во все сіе лѣто, и стоять было ему тутъ недурно. Отецъ мой, пользуясь знаніемъ своимъ нѣмецкаго языка, спознакомился тотчасъ съ живущими тутъ по близости дворянами, и будучи всѣми ими обласканъ и всячиною обсылаемъ, имѣлъ нерѣдко съ ними свиданія, ѣзжая къ нимъ въ деревни и угощая самъ у себя оныхъ.

Изъ сихъ выѣздовъ его къ сосѣдственнымъ дворянамъ памятенъ мнѣ въ особливости одинъ, потому что и мнѣ случилось при томъ быть, и произошло при случаѣ семъ нѣчто смѣшное и такое, изъ чего можно нѣкоторымъ образомъ видѣть образъ жизни дворянъ курлянскихъ.

Одному изъ нихъ, верстъ пять отъ города живущему, вздумалось позвать отца моего съ лучшими офицерами къ себѣ обѣдать. Отецъ мой на то охотно и согласился и взялъ съ собою моего старшаго зятя и человѣкъ трехъ изъ лучшихъ капитановъ, также и меня туда, и поѣхали. Мызникъ былъ намъ очень радъ, и по ласковому его пріему думали всѣ мы, что онъ угоститъ насъ изящнымъ образомъ, но чтожъ воспослѣдовало?

Пришолъ двѣнадцатой часъ, подали по маленькой рюмочкѣ водки и вмѣстѣ съ нею на тарелкѣ по маленькому сухарику бѣлаго хлѣба для закуски. Родитель мой тѣмъ былъ и доволенъ, ибо онъ не жаловалъ никогда пить много, но господамъ нашимъ русакамъ, гренадерскимъ капитанамъ было сіе уже первое непонутру; для нихъ лучше-бъ было по хорошей красаулѣ и для закуски чего нибудь такова, чего-бъ можно было въ полсыта наѣсться. Однако какъ пріѣхали они всѣ въ первой разъ къ сему дворянину и притомъ не одни, а съ своимъ полковникомъ, то принуждены они были уже тѣмъ довольствоваться, ласкаясь по крайней мѣрѣ тою надеждою, что скоро станутъ обѣдать, и что за обѣдомъ наградятъ они уже сей недостатокъ. Выпивши по сей рюмочки, усѣлись они опять по своимъ мѣстамъ, и начали слушать неразумѣемые никѣмъ изъ нихъ нѣмецкіе разговоры у отца моего съ хозяиномъ. Сидятъ они и ждутъ обѣда часъ, сидятъ другой, но обѣда и въ завѣтѣ нѣтъ. Пробило двѣнадцать, пробило часъ за полдни, миновала уже и вторая половина, но не слышно было, чтобъ и тарелками гремѣли. «Господи помилуй!» думаютъ они, и шепчутъ между собою: «когда это обѣдъ будетъ»?....

Однако нечего дѣлать, принуждены сидѣть и, зѣвая, дожидаться. Проходитъ наконецъ и вторая половина часа, бьетъ два часа за полдни, но на столъ и сбирать не помышляли. Тогда проняло уже ихъ непутемъ: не привыкши никогда такъ долго говѣть, бѣсились они и досадовали всѣ на хозяина; они моргали моему родителю, давая знать свое удивленіе и нетерпѣливость, но сей, будучи весьма скромной человѣкъ, терпѣлъ хотя самъ голодъ, но не хотѣлъ нарушить благопристойность и просить хозяина о скорѣйшемъ ихъ накормленіи, а удивляясь не меньше самъ тому, какъ и они, шепнулъ одному изъ нихъ, что ежели имъ скучно, такъ вышли-бъ они на дворъ или пошли въ садъ и погуляли, а между тѣмъ распровѣдали и о притчинѣ. Они сего только и дожидались, ибо, наскучивъ статуями сидѣть, почти уже дремали.

Итакъ, покинувъ отца моего съ мызникомъ въ разговорахъ, вышли мы всѣ на дворъ, и тогда-то бы послушать надобно было всѣхъ ихъ благословеній мызнику: всякъ напрерывъ старался его ругать и бранить, и всякой ругалъ за то, что моритъ голодомъ, но ругательства и брани ему не такія пошли, какъ узнали причину. Всѣ они до того думали, что конечно онъ позабылъ, что звалъ насъ въ сей день обѣдать, и заключали, что вѣрно онъ тогда только велѣлъ готовить кушать, какъ мы пріѣхали. Однако было совсѣмъ не то, а вышло наконецъ, что онъ ни мало не позабылъ и насъ къ себѣ ждалъ, а за тѣмъ только на столъ не собираетъ, что жаренаго нѣтъ, и что не возвратился еще съ поля егерь, посланной стрѣлять дичь всякую. «И! дьяволъ бы тебя, проклятаго, взялъ! — закричали они всѣ, сіе услышавъ,—и съ своею дичью. Неужели нѣтъ у тебя никакого куска зажарить, и стоитъ ли того, чтобъ для этого одного насъ такъ долго морить?» Однако какъ они ни сердились и ни бранились, но принуждены были еще съ цѣлой часъ поговѣть для двухъ маленькихъ куличковъ, которыхъ и обоихъ для одно-

го человѣка было мало; но за то и дали же они ему, возвращаясь назадъ, изрядное благословеніе, и всю дорогу о томъ продосадовали и прохохотали.

Между тѣмъ какъ мы симъ образомъ тутъ стояли, продолжалъ я по прежнему учиться нѣмецкому языку и ариѳметикѣ, и какъ я былъ уже нѣсколько постарѣе и попонятнѣе, то ученье мнѣ было уже не таково скучно, и тѣмъ паче, что и учитель былъ уже смирнѣе; сверхъ того и труды мои услаждаемы были частыми отпусканіями меня гулять, да и сверхъ того особыми удовольствіями, ибо, во-первыхъ, угодно было родителю моему въ сію весну записать меня въ военную службу и помѣстить въ полкъ свой въ число солдатъ, а чрезъ мѣсяцъ произвесть въ капралы. Опредѣленіе въ службу малолѣтныхъ было тогда не таково легко, какъ нынѣ, и родителю моему самаго сего бездѣльнаго дѣла не можно-бъ было здѣлать, естлибъ на тотъ разъ не находились мы за границей и внѣ своего отечества, ибо Курляндія и тогда намъ не принадлежала, сверхъ того, помогло къ тому много и то, что имѣлъ онъ фельдмаршала себѣ пріятелемъ.

Но какъ бы то ни было, но для меня имя солдата обращалось въ превеликое удовольствіе, а какъ сдѣлали мнѣ маленькой мундиръ, и нашили капральской позументъ, то я уже не зналъ отъ радости что дѣлать.

Вступивъ симъ образомъ въ военную службу, былъ я хотя по десятому году, но началъ помышлять уже о военномъ и въ праздное время и утѣшать себя такими забавами, которыя къ тому были приличны. Я спознакомился со многими мѣщанскими дѣтьми сего мѣстечка, уговорилъ и набралъ изъ нихъ цѣлое капральство и человѣкъ до тритцати выбралъ изъ нихъ ефрейторовъ и барабанщиковъ, снабдилъ ихъ всѣхъ деревянными ружьями, а барабанщиковъ маленькими барабанами. Потомъ, научившись самъ бить въ барабанъ и метать ружьемъ артикулъ, переучилъ и ихъ всѣхъ тому же, и наилучшая моя забава состояла въ томъ, чтобъ съ ними порядочно маршировать и экзерцироваться ружьями; но не могу и понынѣ надивиться тому, какъ я могъ тогда довесть ихъ себѣ до совершеннаго послушанія, и до того, что я могъ съ ними дѣлать что хотѣлъ. Всякой разъ, когда надобно мнѣ было ихъ собрать, такъ нужно было только послать ефрейтора, какъ всѣ безотговорочно и являлись. Обыкновенное наше ученіе было въ праздничные и воскресные дни; тутъ, собравшись, маршировали мы порядочно взводами чрезъ весь городъ; выхаживали въ поле и дѣлали разныя экзерціи, а нерѣдко прохаживали до вышепомянутаго стариннаго замка, и, раздѣлясь на-двое, нѣкоторые приступали къ оному, а другіе, засѣвъ въ оном и вскарабкавшись на стѣны и въ проломахъ, оборонялись. Но дивиться надобно было, какъ не случилось намъ тутъ никогда другъ друга перебить: вокругъ всего сего на половину развалившагося замка лежало еще множество чугунныхъ пушекъ съ отрубленными ушами и между ими и мусоромъ валялось множество большихъ и малыхъ ядеръ, а всего болѣе пушечныхъ картечей. Я не понимаю и дивлюсь еще и понынѣ, какимъ образомъ они уцѣлѣли тутъ отъ древности и не растасканы были поселянами; но какъ бы то ни было, но всякой разъ какъ мы къ симъ развалинамъ не прихаживали, наилучшее наше утѣшеніе состояло въ томъ, чтобъ собирать и выкапывать изъ мусора сіи ядры и картечи и ими швыряться при дѣлаемыхъ нами приступахъ и оборонахъ,—и самъ Богъ насъ охранялъ, что мы никому изъ насъ не проломили ими голову.

Изъ сихъ дѣтскихъ игрушекъ явствуетъ, что я съ малолѣтства имѣлъ великую склонность къ военному дѣлу, и можетъ быть вышелъ бы изъ меня и воинъ, еслибы судьбѣ угодно было расположить обстоятельства мои иначе, но Провидѣніе назначило меня не къ тому, чтобъ мнѣ быть генераломъ, а совсѣмъ къ иному. Но я возвращусь къ исторіи.

Препровождая въ таковыхъ воинскихъ игрушкахъ нерѣдко свое время, угодилъ

я тѣмъ весьма много моему родителю и здѣлалъ то, что онъ хотя и скупъ былъ на раздачу чиновъ, а особливо мнѣ, однако по неотступной просьбѣ офицеровъ, которые всѣ меня любили, произвелъ меня въ подпрапорщики, а потомъ въ каптенармусы, и далъ мнѣ другой позументъ.

Сіе было опять мнѣ притчиною къ великой радости. Я начиналъ уже мечтать о себѣ, что я уже нѣчто составляю, и какъ чинъ мой ни малъ былъ, но я гордился уже онымъ. Я пріумножилъ еще болѣе мою военную команду, и перенимая все какъ маленькая обезьяна у старыхъ, восхотѣлъ завесть и такую строгую дисциплину, какая наблюдалась въ полкахъ, и нетолько учить ихъ экзерциціи, но ослушныхъ и наказывать по военному, не предвидя того, что самое сіе въ состояніи было всѣмъ нашимъ забавамъ конецъ положить и все дѣло испортить.

Одинъ негодной мальчишка былъ тому причиною. Будучи нѣсколько разъ браненъ за ослушаніе команды, и за неприходъ въ повелѣнное время, и нехотя исправиться, побудилъ онъ насъ всѣхъ сдѣлать общій совѣтъ, чѣмъ бы намъ ево за то наказать,—и всѣ мы были такъ глупы, что осудили по общему приговору высѣчь его предъ фрунтомъ порядочнымъ образомъ батожьями. Сіе и учинили мы во всей формѣ, и бѣдняка сего, разложивъ, порядочно выпороли. Но бездѣльникъ сей и разрушилъ всѣ наши забавы и утѣшенья: онъ расплакался и разжаловался матери, сія разжаловалась своему мужу и подожгла иттить просить. Итакъ, дошла прозьба о томъ моему родителю, и слѣдствіемъ отъ того было то, что все общество наше было разрушено, корпусъ кассированъ, а мнѣ учинена превеликая гонка.

Однако забавамъ симъ и безъ того не можно-бъ было долго продолжиться, ибо покойной родитель мой, видя меня часъ отъ часу возрастающаго и примѣтивъ, что способности во мнѣ ко всему отчасу оказывались болѣе, давно уже помышлялъ о дальнѣйшемъ поспѣшествованіи моимъ наукамъ. О тогдашнемъ моемъ ученіи могъ онъ уже самъ усмотрѣть, что изо всего онаго мало прока выйдетъ, ибо я хотя и зналъ нѣсколько тысячъ нѣмецкихъ словъ, но говорить былъ вовсе не въ состояніи, ибо учитель мой вовсе не такъ меня училъ, какъ надобно, или, прямѣе сказать, не умѣлъ какъ учить; и я думаю, что хотя-бъ я проучился у него еще 3 года, но и тогда говорить бы былъ не въ состояніи, а особливо потому, что я, живучи дома, имѣлъ всегда случай говорить по-русски. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, и хотѣлось родителю моему уже давно отдать меня куда нибудь въ лутчую школу, или къ лутчему учителю, и какъ онъ узналъ, что у одного сосѣдственнаго курляндскаго дворянина содержался въ домѣ для обученія дѣтей учитель, то, сведя съ нимъ знакомство, и отдалъ меня къ сему учителю.

И какъ съ сего времяни начинается новой періодъ моей жизни и начало самаго ученія, то я предоставлю говорить о томъ въ предбудущемъ письмѣ, а сіе симъ кончу и остаюсь вашъ и протчая.

ВЪ МЫЗѢ ПАЦЪ.

Письмо 9.

Любезной пріятель! Тотъ курляндской дворянинъ, къ которому въ домъ меня отдали учиться, назывался господиномъ Нетельгорстомъ, и жилъ отъ мѣстечка Бовска верстъ съ 16, или около 20, на самой польской границѣ.

Онъ былъ не убогой человѣкъ, имѣлъ въ мызѣ Пацъ изрядной у себя домъ и подлѣ его прекрасной регулярной садъ, украшенной множествомъ статуй. Самъ онъ былъ уже старикъ, и старикъ угрюмой и несговорчивой, но жену имѣлъ молодую, боярыню бойкую и прекрасную. Она была ему уже вторая жена, а отъ первой имѣлъ онъ двухъ сыновей, уже довольно взрослыхъ: одного изъ нихъ звали Ернстомъ и которой нынѣ заступилъ мѣсто отца своего и владѣетъ сею мызою, а другого Оттою или Отономъ; сей находится нынѣ въ Дерптѣ, комендантомъ или плацъ-маіоромъ. Отъ помянутой же второй жены имѣлъ онъ только одну дочь, и ту еще маленькую: сыновья же его были несравненно меня больше, и такими, какихъ нынѣ у насъ болѣе уже никто не учитъ, но у курляндцевъ такого глупаго обыкновенія не было, чтобъ оставлять дѣтей полуобученными и сущими еще ребятками пускать въ службу, — но они и тогда еще продолжали учиться, хотя-бъ большого время было и женить. Для обученія ихъ содержалъ сей дворянинъ не такова француза вѣтра, какіе бываютъ у насъ, а порядочнаго и ученаго человѣка, родомъ изъ Саксоніи и прозваніемъ Чааха. У сего не столько учились, сколько студировали они философію на латинскомъ языкѣ, ибо языкамъ и прочимъ прелиминарнымъ наукамъ они давно уже выучились.

Учитель сей былъ весьма степенной и важной, и порядочной жизни человѣкъ; онъ студировалъ въ лейбцигской академіи или универзитетѣ, и кромѣ прочихъ наукъ умѣлъ довольно изрядно рисовать. Для спокойнѣйшаго ученія сдѣланъ былъ для него на дворѣ и окошками въ садъ особой домикъ, гдѣ онъ и жилъ съ сыновьями господина Нетельгорста.

Сему-то человѣку порученъ я былъ на руки, съ тѣмъ, чтобъ меня нетолько доучивать по-нѣмецки, но начать учить и по-французски, также и рисовать; а господинъ Нетельгорстъ былъ столько къ отцу моему благосклоненъ, что взялся содержать меня при своемъ столѣ безъ-заплатно. Меня привезъ туда самъ покойной родитель, и оставилъ меня тутъ, придавъ мнѣ только одного моего прежняго дядьку, для одѣванія меня и раздѣванія. Мнѣ отвели мѣсто въ томъ же маленькомъ домикѣ, гдѣ жили сыновья господина Нетельгорста.

Такимъ образомъ, вступилъ я совсѣмъ для меня въ новой родъ жизни; до сего времяни никогда еще не отлучаемъ я былъ изъ дому моихъ родителей, и это случилось еще въ первой разъ. Но отлученіе сіе и отданіе меня въ чужой домъ, а особливо такой, каковъ былъ сей, послужило мнѣ въ безконечную пользу, такъ что я и понынѣ еще благословляю священный для меня прахъ моего родителя за то, что онъ сіе сдѣлалъ, ибо тутъ нетолько въ полгода я гораздо множайшему, а нѣмецкому языку столько научился, сколько не выучилъ во все время у прежняго учителя, но и вся моя натура и все поведеніе совсѣмъ перемѣнилось и въ меня впечатлѣлось столько начатковъ къ хорошему, что плоды проистекли изъ того на всю жизнь мою.

Обстоятельство, что во всемъ этомъ домѣ не умѣлъ никто по-русски говорить ни единаго слова, весьма много поспѣшествовало къ тому, что я весьма скоро началъ уже порядочно говорить по-нѣмецки, и научился сопрягать слова нечувствительно. Ибо какъ дядьку моего видѣлъ я только по утрамъ и по вечерамъ, а все протчее время принужденъ былъ препровождать и говорить съ нѣмцами, то самая неволя заставила меня перенимать и учиться съ ними говорить ихъ языкомъ. За тихое мое поведеніе, переимчивость и охоту къ наукамъ, меня скоро какъ учитель, такъ и всѣ полюбили, а хозяева сего дома содержали меня не инако какъ своего сына, и нетолько ласкали наивозможнѣйшимъ образомъ, но и старались поправлять мои поступки и поведеніе, однако не строгостью и не браньми, а все ласкою и благопріятствомъ. Во все время моего у нихъ пребыванія не слыхалъ я отъ нихъ ни единаго браннаго слова, а ласки ихъ и попеченіе обо

мнѣ было такъ велико, что я и понынѣ еще благословляю прахъ ихъ и за всѣ ихъ благодѣянія чувствую благодарность. Самъ учитель мой такъ меня любилъ и столько понятіемъ моимъ былъ доволенъ, что я ни однажды нетолько не терпѣлъ отъ него такихъ пытокъ, какъ отъ прежняго, но и легкаго сѣченія, и сколько помню, то однажды только погрозился и хотѣлъ было меня высѣчь розгами, да и то за какую-то непростительную шалость, такъ что я самъ себя признавалъ того достойнымъ. Что касается до моихъ сочениковъ, то какъ они были меня старѣе, то и неможно было мнѣ имѣть съ ними компанію дѣтскую и рѣзвиться. Они содержаны были очень строго и въ совершенномъ повиновеніи у родителей, не смѣли предпринимать ничего худого, воспитываны были очень хорошо, были хорошаго поведенія и имѣли охоту къ наукамъ; а сіе много помогло къ тому, что я и отъ нихъ не могъ перенимать ничего худого, а напротивъ того, перенималъ все хорошее, и нечувствительно получилъ склонность какъ къ наукамъ, такъ и къ рисованью.

Словомъ, жить мнѣ было тутъ такъ хорошо, весело и пріятно, что я нетолько тогда очень скоро позабылъ домъ родителей моихъ, но и понынѣ, напоминая тогдашней періодъ жизни, чувствую въ душѣ моей нѣкое удовольствіе и почитаю оной наилучшимъ и пріятнѣйшимъ временемъ моего младенчества. Мы учивались всякой день до обѣда и послѣ обѣда, и я учился когда читать, когда по-французски, когда писать и рисовать, а между прочимъ получилъ начальныя понятія и о географіи; каждый часъ приносилъ мнѣ пользы, и нетолько учебный, но и всего прочаго времени. Обѣдать и ужинать хаживали мы обыкновенно въ большія хоромы къ старику, а послѣ обѣда важивалъ меня нерѣдко учитель съ собою гулять по саду, а въ иное праздное время, а особливо по вечерамъ, бывали мы въ хоромахъ и я принужденъ былъ вести себя кротко, благочинно и порядочно; въ праздники же и въ воскресные дни нерѣдко отпускали меня къ моимъ родителямъ въ мѣстечко Бовскъ, а иногда старикъ самъ меня туда важивалъ; а иногда пріѣжалъ и покойной родитель къ намъ.

Въ семъ-то мѣстѣ и въ сіе-то время впечатлѣлись въ меня первѣйшія склонности къ наукамъ, искуствамъ и художествамъ, продолжавшіяся потомъ во всю мою жизнь, и производившія мнѣ толь безчисленные и пріятные часы и минуты въ жизни. Всему хорошему, что̀ есть во мнѣ, начало положилось тутъ, а сверхъ того имѣлъ я и ту пользу, что, живучи въ такомъ порядочномъ домѣ, имѣлъ я первой случай узнать и получить понятіе о жизни нѣмецкихъ дворянъ и полюбить оную.

Я жилъ и учился тутъ во все то время, покуда полкъ нашъ стоялъ въ Курляндіи, что̀ продолжилось болѣе года. Въ сіе время нерѣдко видался я съ моими родителями; они жили спачала все въ томъ же мѣстечкѣ, куда пріѣхала потомъ и большая моя сестра съ мужемъ. Для сего свиданія обыкновенно ѣживалъ я къ родителямъ моимъ съ моимъ дядькою, лѣтомъ верхомъ или въ одноколкѣ, а зимою въ пошевенкахъ, и, пробывъ у нихъ воскресенье, возвращался обратно къ понедѣльнику на свою мызу.

Самые сіи недальніе, но частые переѣзды и путешествія и подали случай къ нѣкоторымъ особливымъ и хотя неважнымъ, однако такимъ со мною около сего времяни приключеніямъ, которыя такъ впечатлѣлись въ мою память, что я и понынѣ ихъ забыть не могу и къ коимъ наиболѣе характеръ дядьки моего былъ поводомъ.

Симъ дядькою у меня былъ одинъ изъ служителей нашего дома, по имени Артамонъ. Онъ былъ сынъ старухи, бывшей у покойной родительницы моей еще нянею, и человѣкъ неглупой, умѣющей грамотѣ, ходившей за мною довольно изрядно, но подверженной той проклятой слабости, которой такъ многіе наши рабы подвержены бываютъ: то-есть, любилъ иногда испивать. Другой порокъ въ немъ былъ тотъ, что онъ чрезвычайно любилъ

курить табакъ; впротчемъ же, былъ лутчей у насъ слуга и любилъ меня какъ должно; что-жъ касается до меня, то я любилъ его чрезвычайно, но что и неудивительно, потому что онъ всегда за мною ходилъ, а тогда и жилъ только одинъ со мною въ чужихъ людяхъ. Одно изъ вышеупомянутыхъ приключеній было слѣдующее.

Нѣкогда, побывавъ у родителей моихъ, случилось мнѣ съ нимъ изъ Бовска поѣхать обратно на мызу, въ одноколкѣ. Было то лѣтомъ, и нерано, а часа за полтора или за два до вечера: одноколочка была у насъ съ нимъ легинькая мызничья, въ одну лошадь, и я обыкновенно сживалъ въ ней, а онъ у меня позади и правилъ. Симъ образомъ, бывало, мы съ нимъ одни и ѣдемъ и дорогою обыкновенно о чемъ нибудь разговариваемъ: онъ читывалъ довольно нашихъ церковныхъ книгъ, и часто разсказывалъ мнѣ все, что̀ зналъ о сотвореніи міра, о потопѣ и о протчемъ, относящемся до библейской исторіи, которая была ему нарочито свѣдома. И я могу то въ похвалу ему сказать, что первѣйшими понятіями о созданіи міра, а отчасти и о законѣ обязанъ я ему, а потому и слушивалъ я всегда его съ удовольствіемъ, и мнѣ съ нимъ помянутымъ образомъ ѣздить никогда было нескучно.

Но въ сей разъ случилось совсѣмъ тому противное. Предъ самымъ отъѣздомъ, какому-то пріятелю захотѣлось его поподчивать и вкатить въ него рюмки двѣ-три лишнихъ; мы не знаемъ того, не вѣдаемъ, и ни мнѣ и никому иному и въ умъ не приходило запримѣтить, что дядька мой былъ и въ то уже время на девятомъ взводѣ, какъ я садился въ одноколку. Но не успѣлъ я съ нимъ выѣхать, какъ его такъ начало разнимать, что я каковъ ни малъ былъ, но могъ уже примѣтить, что дядька мой пьянъ. Вскорѣ послѣ выѣзда, надлежало намъ переѣжать рѣку Муху и спускаться подлѣ развалинъ за́мка, подъ гору; уже и тутъ онъ меня напужалъ, будучи не въ состояніи довольно сильно держать лошадь, которая чуть-было насъ съ нимъ не опрокинула; однако, какъ бы то ни было, но мы рѣку благополучно переѣхали, и поднялись на гору. Тутъ, къ нещастію моему, случись корчма; дядька мой не успѣлъ ее увидѣть, какъ захотѣлось ему выпить винца еще; онъ сталъ меня уговаривать, чтобъ я подержалъ на минуту лошадь, а онъ зайдетъ на часокъ въ корчму и раскуритъ свою трубку. Я хотя и догадывался, что у него не трубка на умѣ, и хотя старался его уговаривать, чтобъ не ходилъ, однако просьбы мои остались тщетны: онъ пошелъ себѣ въ корчму и я принужденъ былъ нехотя стоять и ево дожидаться. Что̀ онъ тамъ дѣлалъ, того уже не знаю, но послѣ нѣсколькихъ минутъ возвратился съ трубкою во рту, но притомъ гораздо уже предъ прежнимъ пьянѣе, и такъ, что почти на ногахъ стоять не могъ. Обмеръ я, испужался, сіе увидѣвъ, и не зналъ, что̀ мнѣ съ нимъ дѣлать; ѣхать было еще очень далеко, я легко могъ заключить, что̀ править лошадью былъ онъ совсѣмъ не въ состояніи; назадъ возвращаться было также уже версты три, и притомъ переѣзжать опять рѣку и страшную гору. Сверхъ того, не хотѣлось мнѣ и на гнѣвъ привесть моихъ родителей, и дядьку своего наказанію подвергнуть: сколько мнѣ ни горестно и ни досадно на нево было, однако при всемъ томъ было его жаль. Въ сей крайности находясь, рѣшился наконецъ я посадить его съ собою въ одноколку, и предавшись въ волю судьбы, продолжать путь далѣе и править уже лошадью самому. Время тогда было хорошее, дорога гладкая и мнѣ довольно знакомая, а и вечеръ еще былъ неслишкомъ близокъ; итакъ, думалъ я, поѣду себѣ потихоньку, авось-либо какъ-нибудь доѣду и ево довезу. Но тутъ великаго труда мнѣ стоило преклонить его къ тому, чтобъ онъ сѣлъ рядомъ со мною; пьяные обыкновенно много о себѣ и о силѣ своей думаютъ; итакъ, насилу-насилу я его уговорилъ и посадилъ съ собою, но что-жъ воспослѣдовало?

Неуспѣли мы еще версты отъѣхать, какъ дядьку моего уже не путемъ и такъ розняло, что онъ не въ состояніи былъ и одного слова порядочно выговорить, а бо-

лѣе мычалъ, нежели говорилъ. Отъ вихлянья и качанья его во всѣ стороны я приходилъ ежеминутно въ страхъ и трепетъ, того и смотрѣлъ, что онъ у меня полетитъ чрезъ голову изъ одноколки. Я поддерживалъ его сколько было силъ, но какъ выбился изъ силъ, а притомъ примѣтилъ, что онъ дремитъ, то уговорилъ его, чтобъ онъ къ одному углу прилегъ и себѣ заснулъ. Онъ тому и радъ былъ, а мнѣ хотя и тѣсно было уже сидѣть, но я также радъ былъ уже тому, что онъ заснулъ и захрапѣлъ какъ боровъ, и не имѣлъ нужды его держать.

Симъ образомъ продолжая путь потихоньку, доѣхали мы съ нимъ благополучно до одного большого и густова лѣса, которой находился уже неподалеку отъ нашей мызы, простирался версты на три длиною и сквозь которой надлежало намъ необходимо проѣжать, и притомъ узкою, дурною и колеистою дорогою. До сего мѣста ѣхали мы все-таки хорошо, дорога была гладкая, лошадь смирная, ѣхали мы все полями и лугами и притомъ днемъ и еще засвѣтло; но какъ предъ въѣздомъ въ сей лѣсъ уже начало смеркаться, то сталъ я уже и заботиться о томъ, какъ бы скорѣе проѣхать лѣсъ, а притомъ гораздо уже и потрушивать. Густота высокаго лѣса темноту вечернею умножала еще больше, и нагоняла на меня тѣмъ паче ужасъ, что мнѣ никогда еще не случалось бывать въ такомъ лѣсу, и еще одному, ибо дядька мой что былъ, что нѣтъ,—все равно, онъ храпѣлъ только и спалъ наиспокойнѣйшимъ образомъ, какъ убитой. Къ вящему несчастію пришло мнѣ на память, что я слыхалъ, что въ семъ лѣсу водилось множество волковъ; сіе еще меня пуще смутило и озаботило; я не зналъ что̀ дѣлать, и разсудилъ испытать, не могу ли я разбудить моего спутника; но онъ такъ крѣпко почивалъ, что всѣ кликанья, трясенья и толканья ни малаго не производили дѣйствія: онъ вовсе ихъ не чувствовалъ и только-что сопѣлъ. Тогда перетрусился я еще того больше, ибо до того все-таки надѣялся, что ево разбужу и мнѣ съ нимъ съ несоннымъ не таково страшно будетъ ѣхать.

Между тѣмъ ночь приближалась уже скорыми шагами, сумерки уже оканчивались и становилось уже совсѣмъ темно, а мы еще и половины лѣса не проѣхали, а только добрались до самой его густоты и дурнѣйшаго мѣста. Тутъ восхотѣлось мнѣ еще разъ испытать ево побудить: я собралъ всѣ свои силы, сколько ихъ ни было, и не пронявшись трясеніемъ и толканіемъ, началъ его приподнимать, но самымъ тѣмъ все дѣло еще хуже испортилъ. Нещастіе мое хотѣло, чтобъ въ самое то время, когда я съ нимъ симъ образомъ возился, вошло одно колесо одноколки моей въ преглубокую колею и одноколку мою отъ того въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, такъ качнуло, что онъ полетѣлъ какъ чурбанъ чрезъ колесо, и прямо въ грязь. Не могу вспомнить, какъ я тогда испужался, и надивиться тому, какъ онъ и меня съ собой не утащилъ. Но какъ бы то ни было, но я остался почти висящимъ на одноколкѣ и столько еще имѣлъ памяти, чтобъ остановить лошадь. По особливому щастію сія была весьма смирная скотина, и тотчасъ велѣнію моему повиновалась; я сошелъ тогда съ одноколки, старался еще всячески разбудить моего товарища и спутника, но онъ такъ былъ пьянъ и такъ спалъ крѣпко, что и самое паденіе не могло ево растрогать: онъ лежалъ себѣ въ грязи, какъ на мяхкой постели, и ни о чемъ не помышлялъ, только всхрапывалъ. Тогда потребенъ былъ для меня хорошей совѣтъ; но, къ несчастію, мнѣ дать его было некому, а самъ я былъ еще слишкомъ къ тому малъ, чтобъ могъ придумать, что̀ бы мнѣ въ такомъ случаѣ здѣлать было лучше. Правда, мнѣ и пришло-было на мысль, чтобъ, оставя ево тутъ, сѣсть опять въ одноколку и ѣхать одному до мызы, и оттуда прислать за нимъ, что̀-бъ и лучшее было средство; но статочное ли дѣло, чтобъ я могъ тогда на сіе отважиться и рѣшиться. Любовь къ дядькѣ моему не такъ была мала, чтобъ я могъ оставить его одного и въ такомъ состояніи въ лѣсу: я не инако заключалъ, что ево съѣдятъ тутъ волки, и потому тотчасъ сію мысль откинулъ, а приступилъ

къ дѣлу самому дѣтскому, совсѣмъ невозможному и силы мои превосходящему; а именно, я началъ его совсѣмъ безчувственнаго тащить ближе къ отъѣхавшей на нѣсколько шаговъ одноколкѣ, и возмечталъ себѣ, что я могу ево какъ нибудь поднять и положить въ оную. Но всякому можно разсудить, въ силахъ ли я былъ сіе сдѣлать и не тщетно ли мое было предпріятіе. Но какъ бы то ни было, однако я приступилъ къ сему дѣлу, и не зная даже, страхъ ли, или самая крайность нужды силы мои столько подкрѣпила, что я хотя съ превеликимъ трудомъ, однако кое-какъ дотащилъ ево до одноколки, и, приподнявъ верхнею половину тѣла, прислонилъ уже къ оной. Легко можно разсудить, что сей необъятной для меня трудъ меня крайне изнурилъ, я запыхался на смерть и, здѣлавъ сіе, принужденъ былъ отдыхать и собирать вновь силы, чтобъ докончить желаемое предпріятіе. Но я сколько бъ ни старался, но вѣрно бы его не исполнилъ, ибо на одноколку поднять не было уже никакой для меня возможности, и я истинно не знаю, чѣмъ бы кончился мой тщетной трудъ, естлибъ въ самое то время, какъ только началъ я съ дядькою моимъ вновь ворочиться, новой нечаянной случай всего намѣренія моего не разрушилъ, и смятенія моего и страха еще больше не умножилъ. Откуда ни возьмись и порхни изъ-за куста какая-то большая птица, и думать надобно, что сова: лошадь моя, стоявшая до того какъ вкопаная, какова была ни смирна, но нечаемымъ шумомъ и шорохомъ симъ такъ была испужана, что вдругъ шарахнулась и что ни есть мочи съ одноколкою поскакала и оставила меня одного съ упавшимъ опять въ грязь и спящимъ моимъ дядькою.

Теперь вообрази себѣ всякъ, каково было мнѣ тогда, будучи десятилѣтнимъ рабенкомъ, остаться одному посреди большого, густого и въ самомъ дѣлѣ страшнаго лѣса, и притомъ еще ночью, и съ однимъ только опьянившимся до безчувства человѣкомъ! Состояніе, въ которомъ я тогда находился, было дѣйствительно таково, что я ево изобразить никакъ не въ состояніи; внезапность и неожиданность сего произшествія такъ меня поразила, что я лишился и послѣдняго ума и разсудка: когда дѣйствовала до сего во мнѣ единая боязнь, такъ постигло меня тогда уже совершенное отчаяніе. Въ единой мигъ вообразилась мнѣ тогда вся великость опасности, въ которой я тогда находился: я не инако полагалъ, что меня съѣдятъ тутъ волки и что я за вѣрное въ ту ночь погибнуть буду долженъ; вообрази же теперь всякъ, каково рабенку быть въ таковыхъ помышленіяхъ и готовиться къ смерти! Боязнь моя превратилась въ сущее отчаяніе, я такъ оробѣлъ и въ такое пришолъ малодушіе, что залился слезами, поднялъ превеликой вопль и крикъ, бѣгалъ и метался, какъ сумасшедшей, и не зналъ что дѣлать. Нѣсколько разъ предпринималъ я бѣжать вслѣдъ за ушедшею моею лошадью, и нѣсколько разъ, будучи не въ состояніи ее догнать, опять назадъ возвращался. Не успѣю отбѣжать нѣсколько саженъ и забѣжать за кусты, почувствовать, что я одинъ, какъ страхъ такъ меня обыметъ, что я опрометью побѣгу назадъ къ моему безчувственному спутнику. Сей сколь ни слабую составлялъ мнѣ тогда подпору, и сколь ни мало мнѣ могъ служить защитою и обороною, но я въ отчаяніи своемъ радъ уже былъ тому, что хоть онъ со мною остался. Надежда, что авось-либо онъ какъ нибудь проснется и сколько нибудь опамятуется, подкрѣпляла меня въ моемъ страхѣ и отчаяніи.

Я позабылъ уже тогда всю мою на него досаду, прилѣплялся къ нему какъ къ единой моей защитѣ и оборонѣ, будилъ, просилъ, умолялъ, обливалъ его слезами, и всѣмъ тѣмъ добился только до того, что онъ однажды промычалъ; но сіе въ состояніи уже было меня невѣдомо какъ обрадовать, и подѣйствовало столько, что я пришелъ сколько нибудь опять въ разсудокъ и могъ уже разсудить, что я крикомъ и воплемъ своимъ ничего себѣ не помогу, а въ состояніи только буду скорѣе волковъ къ себѣ приманить. Сія мысль столько подѣйствовала, что я тотчасъ плакать и шумѣть пересталъ, а вы-

тащивъ кое-какъ дядьку моего изъ грязи на травку, сѣлъ подлѣ него и, прижавшись къ нему наиплотнѣйшимъ образомъ, сидѣлъ молча ни живъ, ни мертвъ, дожидаясь его пробужденія или того, что̀ судьбѣ со мной учинить будетъ угодно.

Но сія и сжалилась, наконецъ, надъ моимъ состояніемъ; приведя меня нечаянностію въ отчаянной страхъ и дѣйствительную опасность, восхотѣла она таковою-жъ нечаянностію и освободить меня изъ онаго. Одному мужику, принадлежащему господину Неттельгорсту и работавшему во весь тотъ день у насъ на мызѣ, власно какъ нарочно велѣно было не прежде домой ѣхать, какъ по окончаніи одного порученнаго ему дѣла, и за самымъ тѣмъ замѣшкаться до самой ночи. Онъ возвращался тогда въ свою деревню, и какъ ему сквозь самой сей лѣсъ ѣхать было надобно, то не успѣлъ онъ къ нему подъѣхать, какъ повстрѣчался съ моею лошадью и пустою одноколкою. Хотя былъ онъ латышъ, однако легко могъ заключить, что это недаровое, и что лошадь людей, конечно, выпрокинула и сбила; а какъ случилось къ тому такъ, что ему и самая лошадь и одноколка, какъ принадлежащая господину его, была знакома, а и то было вѣдомо, что я на ней ѣзжалъ, то легко онъ могъ догадаться, что ѣхалъ на ней я. А поелику сему добросердечному крестьянину было и то извѣстно, сколь любили меня господа его, то все сіе такъ его встревожило, что онъ бросился тотчасъ и перехватилъ мою лошадь, привязалъ къ своей телегѣ, поскакалъ по дорогѣ къ намъ, и чтобъ ему насъ не проѣхать, сталъ то и дѣло аукать и кричать, чтобъ мы услышали.

Слухъ кричанья сего весьма скоро и достигъ до насъ, и тутъ я уже не знаю, какъ мнѣ изобразить ту радость, которую почувствовалъ я, сей крикъ и называніе самаго моего имени услышавъ. Я думаю, что естлибъ былъ то гласъ и самого ангела, то не больше бы ему обрадовался. Съ превеликимъ восхищеніемъ вскочилъ я и, забывъ всю горесть, побѣжалъ на встрѣчу добродушному мужичку, меня призывающему и ведущему за телегою своею мою лошадь съ одноколкою, и не зналъ какъ возблагодарить ему за ево одолженіе. Онъ удивился, нашедъ меня одного въ лѣсу, а того больше еще, какъ я довелъ его до моего спутника и показалъ ему онаго. Съ негодованіемъ и бранью поднялъ онъ его и, бросивъ въ свою телѣгу, былъ столь добродушенъ, что самъ сѣлъ со мною въ одноколку, а телегу привязалъ сзади и довезъ меня до мызы.

Симъ образомъ кончилось сіе произшествіе, и дядькѣ моему надлежало бы получить за то наижесточайшее наказаніе; но какъ, поспавшись, сталъ онъ у всѣхъ валяться въ ногахъ и просить, чтобъ его тутъ наказали, а родителю моему сего не сказывали, а особливо, валяясь у ногъ, просилъ о томъ меня, то и отдѣлался онъ небольшимъ за то наказаніемъ отъ мызника.

Въ другой разъ самой тотъ же мой дядька, и на таковомъ же путешествіи, но уже и не пьяный, да и днемъ, стравилъ было меня дѣйствительно волками. Было сіе слѣдующимъ образомъ.

Однажды случилось намъ съ нимъ ѣхать, но не лѣтомъ, а зимою, въ саняхъ изъ помянутой мызы Пацъ въ мѣстечко Бовскъ, къ моему родителю. Обыкновенно ѣжжали мы съ нимъ въ пошевенкахъ: я, окутавшись, въ нихъ сиживалъ, а онъ у меня правливалъ. Въ сей разъ поѣхали мы поутру и спѣшили поспѣть къ обѣду; но не успѣли мы вышеупомянутой большой лѣсъ проѣхать, какъ увидѣлъ дядька мой въ сторонѣ небольшую деревеньку, отстоящую отъ дороги неболѣе какъ саженъ на сто. Видъ оной возбудилъ въ немъ охоту раскурить трубку его съ табакомъ, до чего былъ онъ, какъ я уже упоминалъ, превеликой охотникъ; но какъ огнива съ нимъ не случилось, то захотѣлось ему сбѣгать въ сію деревню и раскурить тамъ оную. «Постойте, батюшка, здѣсь», говоритъ онъ мнѣ, «а я на минуточку сбѣгаю въ сію деревушку и раскурю трубку». Мнѣ и не весьма хотѣлось его отпустить отъ себя и остаться одному, однако онъ убѣдилъ и уластилъ

меня своими прозьбами: «и день-то теперь, и бояться нечего, и жило близко, и опасности никакой быть не можетъ, и лошадь онъ завернетъ, и она уйтить не можетъ»; коротко, онъ столько мнѣ наговорилъ и такъ меня улестилъ, что я и склонился на его прозьбу и сбѣгать туда дозволилъ. Но надобно-жъ было какъ нарочно случиться такъ, что неуспѣлъ онъ уйтить у меня изъ глазъ и вбѣжать въ деревню, какъ гдѣ ни возмись не одинъ, а цѣлое стадо волковъ, и недалѣе отъ меня впереди какъ саженъ на тритцать. Я обмеръ, испужался, ихъ увидѣвъ, ибо такого большова стада волковъ не случалось мнѣ никогда видывать, и какъ щиталъ я себя уже погибшимъ, то кровь леденѣла отъ ужаса въ моихъ жилахъ и я не зналъ что̀ мнѣ дѣлать, и сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, прижавшись въ уголокъ моихъ санокъ. Однако страхъ мой былъ попустому у волковъ и на умѣ не было на меня нападать, но они около сего времяни ходились и шли вереницею одинъ за однимъ, вслѣдъ за волчицею. Было ихъ волковъ съ дватцать, однако всѣ они, перешедъ дорогу, прошли спокойнѣйшимъ образомъ далѣе въ лѣсъ; а между тѣмъ прибѣжалъ и мой дядька, и на смерть испужался, какъ услышалъ, что̀ безъ него со мною случилось. Тутъ пошли опять прозьбы и умаливанія, чтобъ я и о семъ приключеніи отцу моему не сказывалъ, и какъ страхъ мой былъ кратковремянной, то я, наконецъ, любя и жалѣя его, на то и склонился.

Изъ протчихъ произшествій, бывшихъ въ теченіи сего 1748 года, памятно мнѣ только то, что однажды пріѣжали мы съ старикомъ господиномъ Неттельгорстомъ къ покойному родителю моему, въ какой-то большой праздникъ обѣдать, и что я при семъ случаѣ надѣлалъ смѣху и проказу. Такъ случилось, что пріѣхавъ въ Бовскъ довольно еще рано, не застали мы покойнаго родителя моего дома, которой въ самое то время находился еще въ лагерѣ для слушанія обѣдни и молебна, и оттуда еще не возвратился. Какъ лагерь нашего полку не далѣе отстоялъ отъ города, какъ на версту, то приди старику моему охота ѣхать туда, отчасти чтобъ посмотрѣть лагеря, а отчасти, чтобъ видѣть нашу божественную службу, которой онъ никогда еще невидывалъ, почему и велѣлъ онъ кучеру туда ѣхать. Но что жъ воспослѣдовало? Не успѣли мы подъѣхать къ шатру, въ которомъ поставлена была церковь, какъ вдругъ увидѣлъ я разстановленныхъ подлѣ ней моихъ злодѣевъ пушекъ, и канонеровъ подлѣ нихъ съ курящимися фитилями. Я и не зналъ о томъ, не вѣдалъ, что въ тотъ день производиться будетъ толь страшная для меня пальба изъ пушекъ, почему неожидаемое сіе зрѣлище такъ меня поразило, что я поблѣднѣлъ и вся кровь во мнѣ взволновалась отъ ужаса. И какъ мы остановились подлѣ самыхъ пушекъ и я со всякою минутою ожидалъ стрѣлянья, то что жъ я здѣлалъ?... таки недолго думая, *сиг* изъ кареты въ опущенное съ моей стороны окно, и дай Богъ ноги! побѣжалъ куды зря, и на прорѣзъ сквозь весь лагерь и даже за обозъ, и до тѣхъ поръ неоглядкою какъ стрѣла летѣлъ, покуда только бѣжать могъ и покуда не остановило меня болото, въ которое вбѣжалъ я по кочкамъ по колѣно.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ безъ памяти бѣжалъ, происходила у церкви сущая комедія. Такъ случилось, что скачка и бѣгства моего никто не примѣтилъ: старикъ мызникъ въ самое то время выходилъ изъ кареты и былъ ко мнѣ спиною, слѣдовательно, ему видѣть было неможно; а лакей, которой одинъ только у насъ позади и былъ, упражнялся тогда въ придерживаніи старика, своего господина, и помоганіи выходить ему изъ кареты, а потому за нимъ и ему примѣтить бѣгства моего было неможно. Кучеръ нашъ и форрейторъ, вылупя глаза, смотрѣли на церковь и на пушки, а всѣхъ протчихъ случившихся тутъ людей глаза обращены были на выходящаго изъ кареты мызника, и всѣмъ и не ума было взглянуть, что̀ дѣлалось позадь кареты и въ той сторонѣ, куды я воспріялъ бѣг-

ство; къ тому-жъ, какъ тутъ въ близости стояли ящики и солдатскія палатки, то я въ одинъ мигъ за нихъ забѣжалъ и отъ глазъ ихъ скрылся. Словомъ, такъ случилось ненарокомъ, что бѣгство мое было совсѣмъ непримѣтно.

Но теперь вообрази себѣ всякъ, въ какое изумленіе пришелъ нашъ лакей, когда, выпустя мызника, хотѣлъ помогать изъ кареты выходить мнѣ, и вдругъ увидѣлъ, что въ каретѣ никого нѣтъ! Онъ глядь туда, глядь въ другую сторону, глядитъ позади кареты, обѣгая кругомъ, но столько же видитъ. «Господи помилуй!» говоритъ онъ, «да гдѣ-жъ маленькой боярингъ, куда онъ дѣвался?» — кричитъ, зоветъ меня по имяни, но никто ему не отвѣчаетъ! «Батюшки мои!» говоритъ онъ, продолжая бѣгать кругомъ кареты и соваться какъ угорѣлая кошка,—«да гдѣ-жъ это онъ?» Спрашиваетъ у кучера, спрашиваетъ у форрейтера, но тѣ говорятъ, что не знаютъ и что не видалъ никто меня, и хотятъ съ каретой отъѣжжать, но слуга кричитъ: «стой и погоди» и продолжаетъ искать меня далѣе. Между тѣмъ, старикъ, не оглянувшись, отошолъ нѣсколько шаговъ отъ насъ, и подходитъ уже къ самой церкви и къ тѣснотѣ народной. Но тутъ вздумалось ему оглянуться назадъ, дабы меня взять за руку и провесть: но какъ изумился онъ, когда позадь себя ни меня, ни своего лакея не увидѣлъ. Онъ остановился и сталъ насъ поджидать, но какъ увидѣлъ, что оба мы не показываемся еще и въ ограду церковную, которая была, по обыкновенію, плетневая и превысокая, то удивленіе его умножалось съ каждою минутою и, наконецъ, придя въ нетерпѣливость, принудило его иттить назадъ и насъ кликать. Но сколь изумился онъ, когда увидѣлъ лакея своего помянутымъ образомъ бѣгающаго только около кареты и меня ищущаго.

«Что вы тамъ стали», закричалъ онъ на него, «и что нейдете?»—«Да чего, судырь, иттить, я не найду молодого боярина». — «Какъ это не найдешь, онъ тутъ былъ, дуракъ! и со мною сидѣлъ въ каретѣ». —«Я самъ знаю, что онъ тутъ былъ, и съ вами пріѣхалъ, но воля ваша, ево нѣтъ и я не нашелъ его ни въ каретѣ, ни за каретою». — «Врешь ты, дуракъ, какъ это не найтить, куда ему дѣться. Онъ былъ въ каретѣ, какъ я выходилъ, развѣ ты не видалъ, какъ онъ вышелъ, и не ушолъ ли впередъ?»—«Какое, сударь, въ каретѣ: въ ней-то ево и не было, какъ вы выходить изволили; тому-то я и дивлюсь и не понимаю, куда онъ дѣлся» — «Что ты врешь! какъ это! онъ былъ со мною — нельзя статься... куда ему дѣться?»—«Да воля ваша, а ево не было, и я готовъ присягнуть въ томъ, что ево въ каретѣ не было а вы одни вышли». — «Господи помилуй! что это? либо ты пьянъ, либо я себя не помню. Я кажется самъ съ себя не сколокъ, и знаю всего уже вѣрнѣе, что онъ остался въ каретѣ, какъ я пошолъ изъ оной». — «Ну! что ни извольте говорить, а ево не было, и дверцы другія заперты, какъ были и никто ихъ не растворялъ, а въ тѣ, въ которыя вы вышли, я готовъ умереть въ томъ, что онъ не выходилъ».

Таковыя увѣренія смутили моего старика и привели его въ такое изумленіе, что онъ не зналъ что́ думать и заключать; въ самое то время закричали изъ церкви, чтобъ начинали стрѣлять; и тотчасъ изъ пушки—бухъ! Лошади въ каретѣ шарахнулись и начали прыгать; кучеръ силится держать, кричитъ форрейтеру; тотъ не удержитъ. Изъ пушки еще разъ бухъ! лошади давай бѣситься, закусили удила и понесли карету куда зря; народъ бросился за нею, поднялся крикъ и вопль: лакей бѣжитъ за нею, мызникъ за нимъ; одинъ кричитъ «стой! стой!» другой «держи! держи!» мызникъ охаетъ: «Эхъ! разобьетъ и изковеркаетъ карету. Экое горе! экая бѣда!» Шумъ увеличивается и распространяется до церкви, весь народъ перетревоживается и бѣжитъ изъ церкви; одинъ говоритъ то, другой другое, а всѣ не знаютъ истинной притчины. За народомъ выходитъ и покойной родитель мой со всѣми офицерами, спрашиваетъ, что такое? не убило-ли опять канонера?—ни-

кто не знаетъ и не отвѣчаетъ. Наконецъ усматриваетъ моего мызника: «Ба! ба! ба! Господинъ Нетельгорстъ! откуда это вы взялись и давно-ль пріѣхали сюда, къ намъ?»—«Сей только часъ, господинъ полковникъ. Но чего, судырь, лошади мои перепугались вашей стрѣльбы, и помчали теперь и коверкаютъ карету, и я думаю, что всю ее въ дребезги расщелкаютъ». — «Но мальчишка-то мой ужъ не въ ней-ли?» спросилъ встревожившейся отецъ мой. — «Нѣтъ! нѣтъ, ваше высокоблагородіе; въ ней-то его нѣтъ; но... но... но...»—«Что но...?» подхватилъ испужавшейся мой родитель, и не далъ ему далѣе выговорить. «Ужъ не убили-ли его, господинъ Нетельгорстъ? Да гдѣ-жъ онъ, я не вижу его, а вы хотѣли привесть его съ собою». — «Я привезъ его, господинъ полковникъ, но такая диковинка! истинно не знаю самъ, что сказать...»

Легко можно всякому себѣ вообразить, что слова сіи еще пуще родителя моего смутили и встревожили; его съ ногъ до головы какъ морозомъ подрало. — «Батюшка ты мой!» возопилъ онъ: «сказывайте, ради Бога, скорѣй, что съ нимъ здѣлалось и гдѣ-жъ онъ, когда вы его привезли? Конечно, онъ тамъ же, въ каретѣ, и вы мнѣ только не сказываете. Государи мои, обратясь онъ къ офицерамъ, закричалъ, бѣгите ради Бога и велите какъ нибудь остановить и удержать, и спасайте мнѣ рабенка, у меня онъ одинъ только и есть! Ахъ, господинъ Нетельгорстъ, что вы со мною здѣлали? ну-ка ево убьютъ!...» — «Нѣтъ! нѣтъ! господинъ полковникъ, этому быть неможно, право неможно, не извольте тревожиться, ево ей-ей нѣтъ тамъ».—«Но гдѣ-жъ онъ?»

На сей вопросъ паки не зналъ старичокъ мой, что сказать и опять замялся и остановился; но какъ началъ покойной родитель мой уже непутнымъ дѣломъ приставать, то принужденъ онъ былъ наконецъ сказать: — «Чево, господинъ полковникъ, онъ пріѣхалъ со мною до самаго сего мѣста благополучно, но, между тѣмъ, какъ я выходилъ изъ кареты, онъ, оставшись въ ней, такая диковинка, въ одну минуту сгибъ у насъ и пропалъ, и мы оба съ слугою не знаемъ, не вѣдаемъ, куда онъ дѣлся: выходить не выходилъ, а въ каретѣ ужъ ево, и за каретою нигдѣ не нашли, и нигдѣ ево нѣтъ, сколько ни искали».

Сіи слова не уменьшили, а умножили еще смущеніе моего родителя и его недовѣрчивость. — «Умилосердитесь! сказалъ онъ, господинъ Нетельгорстъ. Можноли сему повѣрить? куда ему дѣться, естьлибъ онъ привезенъ сюда былъ? Нѣтъ, нѣтъ, а конечно есть что-нибудь иное?»—Но какъ онъ началъ клясться и божиться, что говоритъ правду, а и пришедшей слуга подтверждалъ тоже, то не только родитель мой, но и всѣ офицеры впали въ великое недоумѣніе, не знали что обо мнѣ заключать, и разославъ повсюду солдатъ и людей меня искать и спрашивать, сами только сему странному случаю дивились.

Что касается до меня, то я, между тѣмъ, какъ у нихъ все сіе тутъ подлѣ церкви происходило, стоялъ по колѣно въ болотѣ и щиталъ только пушечные выстрѣлы, и какъ стрѣльба пресѣклась, то, выдравшись изъ грязи, пошолъ себѣ какъ ни въ чомъ не бывалъ, прямо чрезъ обозы и чрезъ лагерь къ церквѣ. Тутъ увидѣлъ я уже многихъ людей, бѣгающихъ и ищущихъ меня и обрадовавшихся, когда меня увидѣли. Они взяли молодца подъ руки и привели къ родителю моему, которой нечаянному явленію моему такъ обрадовался, что, вмѣсто брани за мою трусость, расцаловалъ меня и въ глаза, и въ щоки. Не могу всмомнить, какой смѣхъ тогда у всѣхъ поднялся и какъ начали иные хвалить мое проворство, когда узнали, какимъ образомъ я скрылся и какъ въ окно изъ кареты выскочилъ; однако послѣ не прошло безъ хорошей мнѣ за то гонки.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе произшествіе, а какъ вскорѣ послѣ меня привели и карету съ лошадьми, ничѣмъ почти неповрежденную, то поѣхали мы всѣ въ Бовскъ, и погостивъ у покойнаго родителя, возвратились въ свою мызу.

Нѣсколько времени спустя, случилось

мнѣ опять быть въ Бовскѣ. Въ сіе время пріѣхалъ какой-то генералъ для смотрѣнія полку нашего, и былъ покойнымъ отцомъ моимъ угощаемъ. Я при семъ случаѣ пожалованъ былъ симъ генераломъ въ сержанты, ибо самъ покойный родитель мой не хотѣлъ никакъ на то согласиться, чтобъ меня произвесть въ сей чинъ, совѣстясь, чтобъ его тѣмъ не упрекали. Но какъ сему гостю я отмѣнно полюбился за то, что будучи рабенкомъ умѣлъ порядочно бить въ два барабана вмѣсто литавръ при играніи на трубахъ, то взявъ сіе въ предлогъ, здѣлалъ онъ сіе учтивство въ знакъ благодарности за угощеніе хозяину.

Я не могу довольно изобразить, какъ обрадованъ я былъ симъ произшествіемъ и какъ милъ мнѣ былъ третей позументъ, нашитой на обшлага мои. Я думалъ тогда о себѣ, что я превеликой человѣкъ и сталъ дѣйствительно оттого учиться ревностнѣе и прилежнѣе. А какъ между симъ кончился и 1748 годъ, то окончу и я свое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и протчее.

ПОХОДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 10.

Любезной пріятель! Изъ бывшихъ въ началѣ 1749 года произшествій не помню я никакова такова, которое бы стоило повѣствованія; а то только памятно мнѣ, что предъ окончаніемъ зимы, неизвѣстно для какихъ притчинъ, штабъ нашего полку изъ мѣстечка Бовска выведенъ и родителю моему отведена была квартира на одной, за нѣсколько верстъ отъ Бовска лежащей, дворянской небольшой мызѣ, называемой Клейнъ Мемельгофъ, и что онъ подъ конецъ зимы стоялъ уже въ оной и я къ нему уже туда принужденъ былъ ѣздить. Также памятно мнѣ то, что сія мыза принадлежала одному нещастному курляндскому дворянину Корфу, заколотому незадолго до того на поединкѣ другимъ дворяниномъ, по имени Шепингомъ, и что поединокъ сей, происходившей во время стоянія нашего въ Бовскѣ, былъ столь славенъ, и мы такъ наслышались объ обстоятельствахъ онаго, что оныя даже и теперь мнѣ памятны; и какъ они не недостойны замѣчанія, то и перескажу я оныя.

У помянутого Шепинга была жена молодая и красавица; но сколь хороша была она, столь дуренъ, малъ и невзраченъ былъ помянутой мужъ ее. Что касается до Корфа, то жилъ онъ у него въ недальнемъ сосѣдствѣ и былъ холостой, малой молодой, высокой и взрачной собою, прекрасной, ловкой, но и азартной. Съ Шепингомъ были они знакомы и друзья, но говорили тогда, якобы Корфъ влюбился въ его жену и та будто бы ему нѣсколько и отвѣтствовала, но имѣя мужа строгова и весьма проворнаго, принуж-

дена была скрывать тайное свое съ Корфомъ согласіе; однако, какъ они ни таились, но отъ мужа не могло сіе сокрыться: онъ узналъ и, приревновавъ къ женѣ, сталъ ее содержать строже. Самое сіе, какъ говорили тогда, было истинною причиною сей дуели, а наружнымъ поводомъ и предлогомъ къ тому была небольшая обида, оказанная Корфомъ Шепингу. Сей Корфъ, надѣясь на взрачность, силу и на умѣнье свое стрѣлять и драться на шпагахъ, искалъ самъ случая поссориться съ Шепингомъ, ибо не сомнѣвался въ томъ, что онъ его либо застрѣлитъ, либо заколитъ, и чрезъ то можетъ современемъ получить жену его за себя. Какъ вознамѣрился, такъ и здѣлалъ. Бывши однажды на охотѣ, заѣхалъ онъ умышленно въ одну деревню, принадлежащую Шепингу и подъ предлогомъ спрашиванія у мужика его пить, велѣлъ искать силою пива и напѣдить, а между тѣмъ умышленно выпустить всю бочку у хозяина. Мужикъ принесъ жалобу о томъ своему господину. Сему показалось сіе слишкомъ обидно; онъ послалъ съ выговоромъ о томъ къ Корфу и съ требованіемъ, чтобъ онъ мужика удовольствовалъ. Сей того только и ждалъ, и сочтя требованіе его для себя слишкомъ грубымъ и обиднымъ, предложилъ ему, для удовлетворенія мнимой обиды, поединокъ, вѣдая, что Шепингу по тамошнему обыкновенію нельзя будетъ отъ того отказаться, въ чомъ и не обманулся. Шепингъ хотя и не хотѣлъ, но принужденъ былъ на то согласиться и назначить къ тому день и мѣсто.

Поелику поединки въ Курляндіи были тогда въ великомъ обыкновеніи и равно какъ позволенными, то оба они не имѣли притчины таиться, но оба положили здѣлать его публичнымъ; а потому не успѣли они объ ономъ условиться, какъ вся Курляндія объ ономъ свѣдала, и всѣ начали говорить объ ономъ и съ нетерпѣливостію ожидать, чѣмъ дѣло сіе кончится. До насъ самихъ дошла тотчасъ о томъ молва, почему самому и помню я, что тогда о семъ дѣлѣ говорили и разсуждали. Всѣ винили Корфа и сожалѣли Шепинга, почитая за вѣрное, что сей послѣдней лишится жизни, ибо никакъ не думали, чтобъ онъ могъ одолѣть Корфа, которой былъ самой величень и сущей головорѣзъ, и притомъ славной стрѣлокъ изъ пистолета. Но не только протчіе, но и самъ Шепингъ заключалъ самое то же, и потому готовился къ поединку сему, какъ на извѣстную смерть, и никакъ не думалъ остаться въ живыхъ; почему, отправляясь съ секундантами своими на оной, не только распрощался на вѣкъ съ своими родственниками, но повезъ съ собою даже и гробъ для себя. Что-жъ касается до Корфа, то ѣхалъ онъ съ превеликою пышностію и въ несумнѣнной надеждѣ побѣдить, почему самому и не внималъ никакимъ уговариваніямъ друзей своихъ, старающихся примирить его съ Шепингомъ полюбовно и безъ драки. Всѣмъ намъ извѣстенъ былъ не только день, но и часъ, въ которой они драться станутъ, и которой, противъ чаянія всѣхъ, здѣлался бѣдственнымъ Корфу. Нещастіе его состояло въ томъ, что Шепингъ не согласился драться на пистолетахъ, а предложилъ, не устрашаясь величины Корфовой, шпаги. Сіе онъ всего меньше ожидалъ; но какъ выборъ оружія зависѣлъ отъ вызванного на поединокъ, то нельзя было ему уже того и перемѣнить. Кромѣ сего сдѣлалъ Корфъ и другую погрѣшность, состоящую въ томъ, что онъ пошелъ на Шепинга съ излишнимъ и непомѣрнымъ азартомъ, а особливо какъ ево сначала онъ поранилъ, и просить сталъ, чтобъ перестать и помириться. Ибо какъ для его слишкомъ было обидно и несносно быть отъ малорослаго Шепинга побѣжденнымъ, то закричавъ: «нѣтъ, каналья, либо ты умри, либо я», пустился онъ на него съ толикою яростію, что самъ почти набѣжалъ на шпагу своего противника и въ тотъ же мигъ испустилъ духъ свой, будучи имъ проколотъ насквозь.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе славное дѣло, и всѣ были рады, что Корфъ лишился жизни, ибо онъ надоѣлъ уже многимъ своимъ нахальствомъ и озорничествомъ. Мы, стоявши потомъ въ самомъ

его домѣ, видѣли многія пули, сидящія въ стѣнахъ, которыя растрѣлялъ онъ наканунѣ того дня, стрѣляя все по заженной свѣчѣ, и стараясь пулею только съ ней снять, и огня не потушить. Однако не такъ здѣлалось, какъ онъ думалъ, а такъ, какъ угодно было Провидѣнію, восхотѣвшему наказать сего высокомѣрного человѣка.

Между тѣмъ, какъ покойной родитель мой въ семъ мѣстѣ стоялъ, я жилъ въ помянутой мызѣ Пацъ и продолжалъ учиться по прежнему; однако, къ сожалѣнію, не долго удалось мнѣ симъ прекраснымъ и полезнымъ для меня случаемъ пользоваться. Не успѣла весна вскрыться и наступить лѣто, какъ полку нашему сказанъ былъ походъ и велѣно было итти въ Финляндію и какъ отцу моему одного меня и въ такихъ лѣтахъ и въ такой отдаленности оставить было никакъ не можно, то принужденъ былъ нехотя взять меня съ собою.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ оставить то мѣсто, которое здѣлалось мнѣ такъ мило и пріятно, что я и понынѣ еще напоминаю оное съ нѣкакимъ удовольствіемъ. Самъ старикъ мызникъ, жена и дѣти его провожали меня какъ роднаго, а учитель столь меня полюбилъ, что у него слезы даже на глазахъ навернулись, когда онъ со мною прощаться началъ. Отецъ мой, пріѣжавшей самъ за мною, былъ столько тронутъ всѣмъ явленіемъ симъ, что не могъ довольно словъ найтить ко возблагодаренію имъ за всѣ ласки и благопріятства, оказанныя ими ко мнѣ и одолженіе, ему здѣланное.

Польза, полученная мною во время пребыванія моего на сей мызѣ, состояла наиболѣе въ томъ, что я научился порядочно говорить по-нѣмецки, что для покойного родителя моего всего было пріятнѣе. Онъ, любя сей языкъ, не могъ довольно тѣмъ навеселиться и радовался по крайней мѣрѣ тому, что онъ успѣлъ сіе здѣлать; а сверхъ того, и то служило ему къ великому удовольствію, что я и французскому языку здѣлалъ уже хорошее начало, также получилъ охоту къ рисованью, а что всего лутче, во всѣхъ поступкахъ и поведеніяхъ моихъ несравненно предъ прежнимъ поправился, и изъ прежняго прерѣзваго баловня здѣлался постояннымъ мальчикомъ, обѣщающимъ собою многое.

Шествіе наше или походъ простирался самымъ же тѣмъ путемъ, которымъ мы шли въ Курляндію, а именно чрезъ Ригу, Дерптъ, Нарву и въ Петербургъ. Во время сего путешествія не помню я ничего особливаго и достойнаго, кромѣ того, что по приходѣ къ пограничному городу Ригѣ полку нашему велѣно было итти чрезъ городъ церемоніею, и я въ первой разъ отъ роду былъ въ строю и въ сержантскомъ мундирѣ и съ маленькимъ ружьишкомъ велъ свой взводъ. Боже мой, какое было для меня тогда удовольствіе! Мнѣ казалось, что на меня весь городъ тогда смотритъ, какъ и дѣйствительно видѣлъ я весьма многихъ, на меня указывающихъ и говорящихъ: «ахъ, какой маленькой сержантъ!» — въ тогдашнія времяна и дѣйствительно было сіе въ диковинку и въ великую рѣдкость.

Мы дошли до Нарвы благополучно; но тутъ у покойнаго родителя моего произошла какая-то ссора съ нарвскимъ комендантомъ Штейномъ, за шествіе чрезъ городъ церемоніею: нѣмецъ комендантъ вздумалъ-было строить капризы и требовалъ чего-то многова, а родителю моему не хотѣлось удовлетворить излишняго его честолюбія. Тотъ заперъ вороты и не пустилъ чрезъ крѣпость, а сей, почтя за обиду, вошолъ въ письменныя командѣ представленія, и такъ произошла у нихъ вражда; но чѣмъ дѣло сіе кончилось, и кто изъ нихъ остался правъ, кто виноватъ—не знаю, а извѣстно мнѣ, что было только много переписки, и что мы вскорѣ послѣ того пришли въ Петербургъ.

Въ семъ столичномъ городѣ стоялъ полкъ въ сей разъ недолго, ибо ему назначено было итти къ Выборгу, и такъ простоялъ онъ тутъ только нѣсколько дней. Но въ нашемъ домѣ и съ семействомъ произошла въ немногіе сіи дни великая

перемѣна: родитель мой рѣшился мать мою съ меньшею замужнею сестрою, которая была съ нами, отпустить изъ сего мѣста въ деревню за Москву съ тѣмъ, чтобъ она заѣхала въ деревню къ сестрѣ моей, гдѣ она еще не бывала, а болѣе для того, что она была беременна и почти насносѣхъ, а меня расположился оставить въ Петербургѣ и отдать въ какой-нибудь пансіонъ учиться французскому языку. Онъ имѣлъ у себя близкаго родственника, живущаго тогда въ Петербургѣ и служившаго въ конной гвардіи ротмистромъ: былъ то господинъ Арсеньевъ, по имяни Тарасъ Ивановичъ. Онъ былъ двоюродной братъ отцу моему и въ малолѣтствѣ своемъ живалъ у него и воспитывался; они любили другъ друга очень, и потому вознамѣрился онъ поручить ему меня на руки. При вспоможеніи его тотчасъ былъ пріисканъ пансіонъ и учитель, и тотчасъ съ нимъ обо всемъ нужномъ условленось и договореносъ. Наилутчимъ пансіономъ почитался тогда въ Петербургѣ тотъ, которой содержалъ у себя кадетской учитель старикъ Феррѣ, жившей подлѣ самаго кадетскаго корпуса и въ зданіяхъ, принадлежащихъ къ оному; въ сей-то пансіонъ меня и отдали.

Легко можно вообразить себѣ, что какъ я тогда принужденъ былъ разлучиться вдругъ и съ отцомъ и матерью, и въ первой разъ остаться одинъ и находиться отъ обоихъ ихъ въ удаленіи, то сей пунктъ времяни былъ для меня весьма тягостенъ, и что прощаніе съ моими родителями было весьма трогательно и плачевно. Меня отвезли на Васильевской островъ, а въ тотъ же часъ и родитель мой съ моею матерью, которая съ сего времяни его уже болѣе и не видала, ибо судьбѣ было угодно, чтобъ прощаніе ихъ другъ съ другомъ было въ сей разъ послѣднее. Какое щастіе для смертныхъ, что они не знаютъ ничего изъ будущаго! Какими слезами не преисполнено-бъ было сіе разставаніе, естлибъ было извѣстно, что оно послѣднее въ жизни!

Поелику жизнь моя съ сего времяни получила новой образъ и видъ, то окончу я симъ и письмо мое, сказавъ вамъ, что я навсегда пребуду вашъ... и протчее.

ЖИЗНЬ ВЪ ПАНСІОНѢ.

Письмо 11.

Любезной пріятель! Итакъ, по отъѣздѣ матери моей въ деревню, а родителя съ полкомъ въ Финляндію, остался я одинъ въ Петербургѣ, посреди людей, совсѣмъ мнѣ незнакомыхъ и власно какъ въ лѣсу. Не могу никакъ забыть того дня, въ которой привезли меня въ домъ къ учителю и оставили одного: мнѣ казалось, что я находился совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ и дышалъ другимъ воздухомъ; все было для меня тутъ дико, все ново, и все необыкновенно. Я принужденъ былъ начать вести совсѣмъ новаго рода жизнь, и совсѣмъ для меня необыкновенную: не могъ я уже ласкаться, чтобъ могъ пользоваться тою нѣгою, какою наслаждался въ родительскомъ домѣ. Маленькая постелька и сундучокъ съ платьемъ составлялъ весь мой багажъ, а дядька мой Артамонъ былъ одинъ только мой знакомой, прочіе же всѣ были незнакомы и я долженствовалъ со всѣми ознакомливаться и спознаваться, а особливо съ тѣми, которые тутъ также по примѣру моему жили. Учениковъ было тогда у учителя моего человѣкъ

съ двѣнадцать или съ пятнадцать; нѣкоторые были на его содержаніи, а другіе прихаживали только всякой день учиться, а обѣдать и ночевать хаживали домой. Изъ числа первыхъ и знаменитѣйшихъ изъ всѣхъ былъ нѣкто господинъ Нелюбохтинъ, сынъ одного полковника гарнизоннаго, да двое господъ Голубцовыхъ, которые были дѣти одного сенатскаго секретаря. Сіи жили вмѣстѣ со мною и каждому изъ насъ отведена была особливая канторочка въ томъ же покоѣ, гдѣ мы учились, досками отгороженная. Мнѣ, какъ новичку и притомъ полковничьему сыну, отведена была наилучшенькая вмѣстѣ съ господиномъ Нелюбохтинымъ, которой былъ мальчикъ нарочито уже взрослой и притомъ тихаго и хорошаго характера, и потому я скоро съ нимъ спознакомился и сдружился. Голубцовы были также меня старѣе, ибо мнѣ было только 10 лѣтъ отъ роду, однако уже не таковы, какъ Нелюбохтинъ. Одного изъ нихъ звали Александромъ, а другого позабылъ. Я познакомился скоро и съ ними, ибо были они не изъ числа дурныхъ дѣтей. Что-жъ касается до приходящихъ къ намъ учиться, то были они разные, и между прочими одна нарочитаго уже возраста дѣвушка, дочь какой-то маіорши; по прошествіи долгаго времяни позабылъ я, какъ ее звали, только то помню, что она при мнѣ недолго училась, а и прочіе изъ приходящихъ часто перемѣнялись и то прибывали, то убывали. Какъ мнѣ никто изъ нихъ не былъ слишкомъ коротокъ, то и не помню я изъ нихъ почти ни одного, что́ и не удивительно по моему возрасту.

Учитель мой былъ человѣкъ старой, тихой и весьма доброй; онъ и жена его, такая же старушка, любили меня отмѣнно отъ прочихъ. Онъ самъ насъ мало училъ, потому что по обязанности своей долженъ былъ всякой день ходить въ классы въ кадетской корпусъ и учить кадетовъ, и такъ доставалось ему самому насъ учить двѣнадцатой часъ, да въ вечеръ еще одинъ часъ, прочее-жъ время училъ насъ старшей изъ его сыновей, которыхъ было у него двое. Одного звали Александромъ, и онъ былъ нарочито уже великъ и могъ уже по нуждѣ обучать и былъ малой изрядной, а другой еще маленькой, по имени Фридрихъ, и малой огненной, рѣзвой и дурной; за рѣзвость и бѣшенство его мы всѣ не любили.

Что касается до содержанія и стола для насъ, то былъ онъ обыкновенно пансіонной, то-есть очень-очень умѣренной; наилучшій и пріятнѣйшій кусокъ составляли булки, приносимыя къ намъ по утрамъ, и которыми насъ каждаго одѣляли. Сіи были по щастію отмѣнно хороши, и хлѣбникъ; пекущей оныя, умѣлъ ихъ такъ хорошо печь, что мнѣ хорошей вкусъ ихъ и понынѣ еще памятенъ. Обѣды же были очень-очень тощи и въ самые скоромные дни, а въ постные и того хуже. Но привычка чего не можетъ сдѣлать!—сколько сначала ни были мнѣ такіе тощіе обѣды маловкусны, однако я наконецъ привыкъ и довольно бывалъ сытъ, а особливо когда поутру либо лишнюю булочку, либо скоромной прекрасной кренделекъ купишь и съѣшь, которыя такъ намъ казались вкусными, что подберешь и крошечки; нерѣдко же случалось, что иногда и ложка другая-третья хорошихъ щей съ говядиною, варимыхъ для себя слугою моимъ, помогали обѣду, и которыя не рѣдко казались мнѣ вкуснѣе и сытнѣе всего обѣда.

Какъ я ученію французскаго языка начало здѣлалъ еще въ Курляндіи, и тутъ стòило только продолжать оной, то успѣхъ ученія моего былъ весьма хорошей. Я столь былъ понятенъ и прилеженъ, что менѣе нежели въ полгода обогналъ всѣхъ моихъ сотоварищей и здѣлался первенствующимъ въ школѣ, и каковъ былъ ни малъ, но могъ всѣмъ указывать и за всѣми поправлять. Ученіе наше состояло наболѣе въ переводахъ съ русскаго на французской языкъ Езоповыхъ басней и газетъ русскихъ; и метода сія недурна: мы чрезъ самое то спознакомливались отчасу больше съ французскимъ языкомъ, а переводя газеты, и съ политическимъ и историческимъ штилемъ и съ званіями государствъ и городовъ въ свѣтѣ.

Какъ обѣщано было, чтобъ выучить меня и географіи, то чрезъ нѣсколько времяни принялъ учитель нашъ или пригласилъ какова-то нѣмца, чтобъ приходилъ къ намъ и училъ насъ часа два послѣ обѣда сей науки. Для меня была она въ особливости пріятна и любопытна, я пожиралъ такъ-сказать всѣ говоренныя учителемъ слова, и мнѣ не было нужды два раза пересказывать. Европейская карта, которую онъ одну намъ только и трактовалъ, впечатлѣлась такъ твердо въ умѣ моемъ, что я могъ всю ее пересказать по пальцамъ; но жаль, что ученіе сіе недолго продолжалось: не знаю и не помню, что тому притчиною было, что онъ ходилъ къ намъ не очень долго, почему и ученіе было весьма слабое и короткое. Со всѣмъ тѣмъ получилъ я чрезъ сей случай нарочитое о географіи понятіе, но что́ болѣе моей удобопонятности, охотѣ и любопытству приписывать должно; а судя по ученію, то оное не принесло-бъ мнѣ дальней пользы, такъ какъ протчимъ пользовало оно очень мало.

Что принадлежитъ до исторіи, то сей наукѣ въ пансіонѣ нашемъ не было обыкновенія учить. Но сіе едва было и не лутче, нежели учить такимъ образомъ, какъ учутъ нынѣ (1789 г.) въ пансіонахъ, гдѣ теряется только на то время, а пользы никакой не производится, ибо заставливаютъ дѣтей учить обѣ сіи науки наизусть на французскомъ языкѣ, и они ничего не понимаютъ.

Но недостатокъ сей наградилъ я нѣкоторымъ образомъ собственнымъ своимъ любопытствомъ и чрезвычайною охотою къ читанію книгъ, полученною около сего времяни. За. охоту къ тому обязанъ я книгѣ «Похожденію Телемака». Не могу довольно изобразить, сколь великую произвела она мнѣ пользу! Учитель нашъ заставливалъ меня иногда читать ее у себя въ спальнѣ для науки, но я ее мало разумѣлъ по-французски, а по крайней мѣрѣ узналъ, что́ она такое, и, доставъ не помню отъ кого-то русскую, не могъ довольно ей начитаться. Сладкой піитической слогъ плѣнилъ мое сердце и мысли и влилъ въ меня вкусъ къ сочиненіямъ сего рода, и вперилъ любопытство къ чтенію и узнанію дальнѣйшаго. Я получилъ чрезъ нее понятіе о митологіи, о древнихъ войнахъ и обыкновеніяхъ, о Троянской войнѣ, и мнѣ она такъ полюбилась, что у меня старинныя брони, латы, шлемы, щиты и протчее мечтались безпрерывно въ головѣ, къ чему много помогали и картинки, въ книгѣ находившіяся. Словомъ, книга сія служила первымъ камнемъ, положеннымъ въ фундаментѣ всей моей будущей учености, и куда жаль, что у насъ въ Россіи было тогда еще такъ мало русскихъ книгъ, что въ домахъ нигдѣ не было не только библіотекъ, но ни малѣйшихъ собраній, а у французскихъ учителей того меньше. Литература у насъ тогда только-что начиналась, слѣдовательно не можно было мнѣ, будучи рабенкомъ, нигдѣ получить книгъ для читанія.

Но не однимъ симъ я, живучи въ семъ пансіонѣ, воспользовался: я уже упоминалъ прежде, что я съ самаго малолѣтства получилъ великую склонность къ рисованью и маранью красками. Еще въ то время, какъ я учился писать по-русски, то писаришка, учитель мой, вперилъ въ меня первую охоту рисованіемъ своимъ кораблей, церквей, колоколенъ и протчаго; дядька мой также умѣлъ гваздать колокольни и чернецовъ, и я насмотрѣлся у него. Охота сія возросла еще того болѣе въ Курляндіи, когда учитель мой Чахъ научилъ меня держать кисть въ рукахъ и бездѣлицы ими мазать красками. Словомъ, склонность моя къ сему искуству была такъ велика, что въ то время, когда ѣхали мы изъ Курляндіи въ Петербургъ, почиталъ я наивеличайшимъ благополучіемъ въ свѣтѣ, когда-бъ могъ я имѣть котелъ съ кранами вокругъ, такой, чтобъ изъ каждаго крана текла мнѣ изъ него разная краска, и какой бы я отвернулъ, такая бы и потекла. Но тутъ жилъ я, окруженъ будучи вокругъ рисовальными мастерами и имѣлъ наивожделѣннѣйшей случай насмотрѣться, какъ они рисуютъ и какъ составляютъ разныя краски, и получить

ближайшее понятіе о семъ искуствѣ; меня оно столь прельщало, что я досадовалъ, для чего меня не учутъ, и писалъ къ родителю моему, чтобъ онъ здѣлалъ милость, и велѣлъ меня учить. Онъ и здѣлалъ мнѣ сіе удовольствіе: живущей съ нами объ стѣну рисовальной мастеръ Дангауеръ нанятъ и приговоренъ былъ меня учить; итакъ, началъ я къ нему ходить и по нѣсколько часовъ учиться. Но какая досада была для меня, что учить меня начали не такъ, какъ мнѣ хотѣлось, красками, а карандашемъ и рисовать все фигуры. Въ этомъ прошло все время, и мнѣ не удалось поучиться рисовать красками и любимые свои ландшафты, которые мнѣ всего были милѣе, но по крайней мѣрѣ имѣлъ я тутъ случай насмотрѣться и узнать многое. Самъ учитель рисовалъ очень хорошо, и наиболѣе яйцы гусиныя красками; я же научился у него изрядно рисовать карандашами.

Между тѣмъ, какъ я, симъ образомъ живучи тутъ, учился французскому языку, географіи и рисованью, не оставлялъ я въ праздное время, а особливо въ праздники ходить къ дядѣ моему, господину Арсеньеву. Благопріятствомъ и ласками его и тетки, жены его, былъ я очень доволенъ; они принимали меня всегда какъ близкаго родственника и любили меня очень за тихое и скромное мое поведеніе. Они имѣли у себя другова племянника, жившаго въ кадетскомъ корпусѣ и записаннаго въ ономъ; онъ былъ и мнѣ внучатной братъ, звали его Тимоѳеемъ Ивановичемъ Тутолминымъ, и онъ самой тотъ, которой нынѣ намѣстникомъ въ городѣ Архангельскомъ. Судьбѣ угодно было превознесть его далеко предо мною, но тогда имѣлъ я преимущество предъ нимъ и дядя любилъ меня болѣе, нежели его, ибо онъ былъ рѣзовъ и вертоголовой. Мы всегда почти бывали съ нимъ вмѣстѣ у дяди и всегда ночевывали, ибо ходить должно было чрезъ весь Петербургъ, и были друзья между собою.

Въ сихъ произшествіяхъ кончился 1749 и начался 1750 годъ. Бываемыя около сего времяни и въ другіе торжественные дни увеселенія, а особливо илюминаціи изъ разныхъ фонарей, прельщали меня до безконечности; для меня были онѣ новымъ зрѣлищемъ, и я не могъ ихъ довольно насмотрѣться,—ко всему любопытному былъ я съ малолѣтства склоненъ. Такимъ же образомъ утѣшали меня чрезвычайно кадетскіе строи и ихъ ученія, бывшія лѣтомъ: всегда, когда они ни бывали, хаживали мы смотрѣть, ибо парадное мѣсто было подлѣ самыхъ насъ.

Предъ приближеніемъ масляницы восхотѣлось родителю моему меня видѣть; онъ прислалъ за мною повозку и лошадей и просилъ учителя, что онъ недѣли на двѣ меня къ нему отпустилъ. Учитель не только на то охотно согласился, но поступилъ еще далѣе и отпустилъ со мною и старшаго своего сына. — Итакъ, ѣздили мы къ моему родителю въ полкъ и гостили у него недѣли двѣ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ между Выборгомъ и Петербургомъ, на винтеръ-квартирахъ, и имѣлъ квартиру свою въ селѣ, называемомъ Краснымъ; хоромцы были самыя маленькія, но въ эдакой странѣ, какова Финляндія, и требовать было лучше не можно. Родитель мой былъ намъ очень радъ и о успѣхѣ ученія моего изъявлялъ свое удовольствіе. Все время нашего пребыванія у него препроводили мы весело и пріятно: онъ бралъ насъ съ собою, когда случалось ѣздить ему куда въ гости. Всѣ полковые офицеры ласкались ко мнѣ напрерывъ и всѣ хвалили за мою прилежность и охоту къ ученію; въ сіе-то время выпросилъ я у родителя моего прежде упомянутое дозволеніе учиться рисовать: онъ охотно на то согласился и велѣлъ купить для меня рисовальную книгу и все нужное.

Здоровье родителя моего начало около сего времени гораздо слабѣть; онъ уже давно жаловался ногами, но въ сіе время чувствовалъ и во всемъ себѣ слабость. Какъ теперь помню, однажды идучи вмѣстѣ съ нами къ церкви, которая была не подалеку отъ хоромъ, обратившись онъ къ идущимъ позадь его офицерамъ, сказалъ: «нѣтъ, государи мои, недолго уже

мнѣ жить, чувствую одышку и отмѣнную слабость во всемъ моемъ тѣлѣ, которая меня очень устрашаетъ». Всѣ утѣшали его говоря, что лѣты его еще не такъ велики, чтобъ скорой смерти опасаться было можно; однако онъ оставался при своемъ мнѣніи.

Другое, что́ мнѣ изъ сего періода времяни памятно, было то, что родитель мой издѣвками своими вогналъ меня однажды въ превеликія слезы. — Идучи однажды въ баню, угодно ему было взять меня съ собою. Не успѣли мы раздѣться, какъ вздумалось ему надо мною пошутить: «ну, братъ Андрюша, сказалъ онъ мнѣ, ты у меня теперь уже женихъ, и пора уже тебя женить». Меня сіе такъ поразило, что слезы у меня какъ градъ покатились, ибо природная застѣнчивость моя противъ женскаго пола была такъ велика, что я не могъ разсудить, что это была одна шутка; и можно ли быть правдѣ, когда я тогда не болѣе какъ по одинадцатому году былъ: женютъ-ли кого въ такіе лѣты!

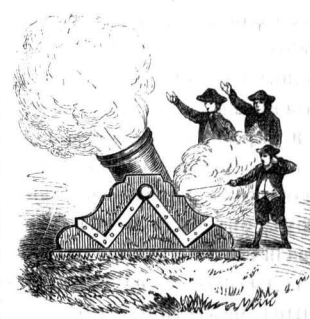
Погостивши у родителя моего недѣли двѣ-три, и на первой недѣли великаго поста исповѣдовавшись и причастившись, возвратился я опять въ Петербургъ и сталъ продолжать свои науки и жить по прежнему у моего учителя. Съ сего времяни, сколько я помню, упражнялся я въ переводѣ какой-то французской книжки,—мнѣ и понынѣ жаль, что у меня пропалъ сей переводъ; безъ всякаго сомнѣнія, былъ онъ весьма еще несовершенъ и недостаточенъ: нѣкто господинъ Барыковъ нашего полку выпросилъ у меня его прочесть и увезъ.

Симъ образомъ продолжалъ я тутъ жить и учиться во весь остатокъ зимы, во всю весну и лѣто; а между тѣмъ родитель мой перешолъ съ полкомъ своимъ въ самой городъ Выборгъ, ибо полку его велѣно стоять тутъ во все лѣто лагеремъ. Желалъ бы онъ охотно, чтобъ я прожилъ у учителя моего еще годъ, но усиливающаяся его слабость и болѣзненное состояніе принудили его прервать, противъ хотѣнія своего, мое ученіе и взять меня къ себѣ изъ Петербурга. Онъ прислалъ за мною нарочныхъ лошадей, и я принужденъ былъ, оставивъ Петербургъ и всѣ свои науки, и къ нему въ Выборгъ ѣхать.

Симъ окончу я сіе письмо, предоставляя въ послѣдующемъ разсказать дальнѣйшее, что́ со мною случилось; а между тѣмъ, при увѣреніи о моей непремѣнной дружбѣ, остаюсь и протчее.

ВЪ ВЫБОРГѢ.

Письмо 12.



Любезной пріятель! Такимъ образомъ, не продолжалось ученіе мое въ Петербургѣ болѣе одного года, и заплачено за меня съ небольшимъ только сто рублей, но сіи сто рублей принесли мнѣ великую пользу. Лѣты мои, сколь ни были еще нѣжны и малы, однако я тутъ многому набрался не столько учася, сколько наглядкою. Что-жъ принадлежитъ до французскаго языка, то оному, судя по лѣтамъ моимъ, я довольно выучился и не только могъ говорить, но и переводить по нуждѣ. Напротивъ того, нѣмецкой языкъ я совсѣмъ почти позабылъ, ибо какъ во всей нашей школѣ ни одинъ человѣкъ не

разумѣлъ и не говорилъ по-нѣмецки, то не имѣя случая цѣлой годъ ни съ кѣмъ ни единаго слова промолвить и разучился я оному такъ, что не умѣлъ и пикнуть. Вотъ что дѣлаетъ отвычка и неупотребленіе! Однако читать и писать, и разумѣть я все-таки еще могъ.

По пріѣздѣ моемъ въ Выборгъ, нашелъ я родителя моего, стоящаго на маленькой квартеркѣ, по ту сторону города и подлѣ самаго поля по конецъ всего форштата, гдѣ неподалеку стоялъ и полкъ его лагеремъ. Онъ лежалъ уже въ постелѣ и врачуемъ былъ полковымъ нашимъ лекаремъ. Большой мой зять находился тогда въ отпуску, а меньшой былъ въ полку, однако стоялъ на другой квартерѣ.

Родитель мой непреминулъ меня проэкзаменовать во всѣхъ моихъ знаніяхъ. Онъ доволенъ былъ, что я по-французски сколько-нибудь научился, любовался моими рисунками, а паче всего мило ему было, что я имѣлъ уже нѣкоторое понятіе о географіи. Онъ самъ любилъ и зналъ сію науку, и не могъ довольному знанію моему нарадоваться, а не менѣе и я радъ былъ, что нашолъ у него цѣлой атласъ съ ландкартами и могъ любопытство свое по желанію удовольствовать. Одно только родителю моему было не весьма пріятно, что я за французскимъ языкомъ совсѣмъ нѣмецкой позабылъ. Чтобъ пособить сему сколько-нибудь, то заставилъ онъ прежняго учителя моего Милера, которой у него въ домѣ жилъ, по нѣскольку часовъ въ день возобновлять мнѣ языкъ сей. Я принужденъ былъ ходить къ нему въ сарай, гдѣ онъ имѣлъ свое жилище, и тамъ препровождать съ нимъ по нѣскольку часовъ въ читаньѣ и говореньѣ; однако хотя продолжалось сіе болѣе мѣсяца, но пользы отъ него получилъ я мало, ибо онъ совсѣмъ неспособенъ былъ къ ученію.

Сію скуку замѣнялъ я въ праздное время другими и пріятнѣйшими для меня упражненіями. Я узналъ, что у родителя моего былъ цѣлой ящикъ съ книгами: я добрался до онаго, какъ до нѣкоего сокровища, но къ нещастію не нашолъ я въ нихъ для себя годныхъ, кромѣ двухъ, а имянно: Курасова сокращенія исторіи, и исторіи принца Евгенія. Немогу однако довольно изобразить, сколько и сіи немногія книги принесли мнѣ пользы и удовольствія. Первую я нѣсколько разъ прочиталъ и получилъ чрезъ нее первѣйшее понятіе о исторіи, а вторую не могъ довольно начитаться: она мнѣ очень полюбилась и я получилъ чрезъ нее понятіе о нынѣшнихъ войнахъ, объ осадахъ крѣпостей и о многомъ, до новой исторіи относящемся. Пуще всего было мнѣ пріятно и полезно, что въ книгѣ сей находились планы баталіямъ и крѣпостямъ. Я скоро научился ихъ разбирать и получилъ такую охоту къ военному дѣлу, что у меня одни только крѣпости, батареи, траншеи, ретраншементы и прочія укрѣпленія на умѣ были. Нерѣдко просиживалъ я по нѣскольку часовъ, читая сію милую для меня книгу и разсматривая чертежи и рисунки. И читаніе сіе подало однажды поводъ къ особливому произшествію: какъ я однажды я ее симъ образомъ читалъ, то вздумалось родителю моему, лежащему въ комнаточкѣ, отгороженной отъ того покоя, гдѣ я читалъ, спросить меня, что я дѣлаю: «читаю, батюшка, книгу», сказалъ я. — «А какую, мой другъ?» — «Принца Евгенія».—«О, мой другъ!» сказалъ родитель мой, сіе услышавъ: «книгу сію читать тебѣ еще рано».—«Но почему-же»? спросилъ я: «я ее довольно понимаю и разумѣю, и мнѣ она очень полюбилась».—«Ну, хорошо, мой другъ», сказалъ родитель мой: «ежели такъ, то пожалуй себѣ читай»; а услышавъ, что я ее уже въ другой разъ читаю, а Кураса три раза прочолъ, похвалилъ меня за охоту мою къ чтенію и за мое любопытство особливое.

Другое и весьма пріятное для меня упражненіе было въ хожденіи смотрѣть, какъ артилеристы учились стрѣлять изъ пушекъ въ цѣль. Учебная батарея ихъ была подлѣ самой нашей квартиры, и какъ я около сего времяни давно уже пересталъ бояться стрѣльбы, но паче получилъ къ ней особливую охоту и склонность, то не пропускалъ я ни единаго случая, чтобъ не быть на батареѣ, когда

стрѣляли, и нерѣдко имѣлъ удовольствіе самъ зажигать нацѣленныя пушки. Но никогда я самъ собою такъ доволенъ не былъ, какъ при одномъ случаѣ: артилеристамъ симъ вздумалось однажды, не знаю для чего, кинуть изъ мортиры одну начиненную бомбу, съ тѣмъ, чтобъ ее разорвало на воздухѣ. Какъ офицеръ артилерійской былъ мнѣ уже знакомъ, то выпросилъ я дозволеніе, что мнѣ ее бросить, то-есть зажечь мортиру. Сперва не хотѣли-было мнѣ на то позволить, боясь, чтобъ меня не оглушило; однако я убѣдилъ ихъ моею прозьбою, и удовольствіе мое было неописанное, когда увидѣлъ я брошенною мною бомбу къ верху разрывающеюся; день былъ тогда прекрасной, бомба разсѣлась въ самой высотѣ и произвела напріятнѣйшее зрѣлище своимъ сперва маленькимъ и на облачко похожимъ дымомъ, а потомъ своимъ громомъ.

Другое, но еще вящее удовольствіе имѣлъ я при слѣдующемъ случаѣ. Извѣстное то дѣло, что полки во всякое лѣто не только учутся, но наконецъ всѣ солдаты стрѣляютъ и въ цѣль пулями въ нарисованныхъ на щитахъ людей; каждой солдатъ долженъ выстрѣлить три раза, и всякой разъ записывается, кто и во что попалъ. Сей обрядъ долженъ былъ производить около сего времяни и нашъ полкъ; я, какъ сержантъ, находившейся въ дѣйствительной службѣ, долженъ былъ находиться также въ строю. Правда, никто бы не взыскалъ, естьлибъ я и не былъ, но мнѣ самому того хотѣлось: ружье было у меня маленькое и по моей силѣ, и мнѣ восхотѣлось также съ протчими стрѣлять. Сіе было въ первой разъ отъ роду, что я стрѣлялъ изъ ружья моего пулею, и какое неописанное удовольствіе мое было, когда изъ всѣхъ трехъ пуль не потерялъ я ни одной, но всѣми попалъ въ щитъ и одною прямо въ сердце, что почиталось за превеликую рѣдкость. Похвалы загремѣли мнѣ отъ всюду, и я не вспомнилъ самъ себя отъ радости; хотя дѣло само по себѣ не составляло никакой важности, но для рабенка все было мило и пріятно.

Далѣе, нерѣдко хаживалъ я въ самую крѣпость и городъ Выборгъ; многіе изъ офицеровъ нашихъ имѣли тамъ свои квартиры, и какъ они всѣ меня любили, то хаживалъ я къ нимъ иногда въ гости. При семъ случаѣ имѣлъ я довольное время насмотрѣться сего города и крѣпости, построенными почти на одномъ камнѣ. Онъ раздѣляется на двѣ части: одну и большую часть составляетъ старинная крѣпость, наполненная довольно изрядными нѣмецкимъ каменнымъ строеніемъ и имѣющая внутри себя нѣсколько кирокъ и церквей; одна наизнаменитѣйшая изъ нихъ превращена была въ нашу церковь и была соборная. Другую часть составляла новая пристройка, которой укрѣпленія и тогда не совсѣмъ еще были отдѣланы, ибо какъ кряжъ, на которомъ вся сія и нарочитаго пространства часть города была построена, составлялъ единой и цѣльной дикой камень, и какъ ровъ около укрѣпленіевъ копать было никакъ не можно, то принуждено было дикой камень сверлить и порохомъ рвать. На сію работу, производимую съ великимъ трудомъ, не однажды я сматривалъ, и видалъ какъ рвало каменья и бросало на воздухъ; чтобъ не могли они кого убить, то назначалось къ тому особливое время, и по данному сигналу всѣ удалялись прочь и подъ защиты, а тогда вдругъ всѣ сверлы и запалялись. Боже мой! какое начиналось тогда тресканье и лопатня, и какое летаніе на воздухъ превеликихъ глыбъ каменныхъ! Но, по щастію, летали они недалече въ стороны и городскимъ жителямъ не было отъ нихъ ни малѣйшей опасности.

Сія новая и недостроенная еще часть города отдѣлена была отъ старова города нарочитой ширины морскимъ рукавомъ или узкимъ заливомъ, простирающимся внутрь земли на знатное разстояніе. Для комуникаціи между обѣими частями здѣланъ былъ чрезъ рукавъ сей предлинной мостъ, а противъ середины онаго, на случившемся природномъ посреди рукава каменномъ островѣ, воздвигнута была превысочайшая башня, окруженная внизу весьма крѣпкими укрѣпленіями и снабженная множествомъ пушекъ; нѣкоторыя

изъ нихъ и самыя величайшія были на самой башнѣ и могли очищать всѣ окрестности города: все сіе укрѣпленіе называется Шлоссомъ или замкомъ.

Въ сихъ-то и подобныхъ сему упражненіяхъ препровождалъ я свое тогдашнее время, и оно было мнѣ пріятно и весело. Но, увы! пріятное сіе время не долго продолжилось: судьбѣ угодно было положить предѣлъ днямъ моего родителя, и произвесть чрезъ то во всѣхъ обстоятельствахъ моихъ великую и весьма важную перемѣну.

Лѣта родителя моего были хотя весьма еще немногочисленны, но болѣзнь, чувствуемая имъ за нѣсколько уже лѣтъ до того въ ногахъ, а потомъ и во всемъ тѣлѣ, свела его во гробъ и лишила его той жизни, которая для меня весьма еще была нужна и надобна, ибо я былъ сущей еще рабенокъ. Недѣли за двѣ до кончины его болѣзнь его такъ усилилась, что всѣ старанія полковаго нашего и искуснаго лекаря не могли подать ему ни малѣйшаго облегченія, но онъ, напротивъ того, со всякимъ днемъ приходилъ въ вящую слабость. Тогда не только всѣ окружающіе его, но и самъ родитель мой предвидѣлъ, что конецъ его жизни приближается. Онъ требовалъ самъ, чтобъ приготовили его къ кончинѣ по долгу христіанскому; итакъ, исповѣдали его и пріобщили святыхъ тайнъ, а потомъ особоровали елеемъ.

При производствѣ сихъ церковныхъ обрядовъ сердце мое поражено было наивеличайшею тоскою. Вмѣсто прежнихъ удовольствій текли изъ глазъ моихъ слезы; меня хотя старались всѣ утѣшать и льстили надеждою, что авось-либо родителю моему полегчеетъ и онъ отъ болѣзни своей свободится, но изображающаяся на лицахъ у всѣхъ печаль и господствующее во всемъ домѣ уныніе и печальное молчаніе не то мнѣ предвозвѣщало. Я ходилъ повѣся голову и утиралъ только текущія изъ глазъ слезы.

Поелику родитель мой былъ до самаго конца своей жизни въ совершенной памяти и разсудкѣ, то и не упустилъ онъ здѣлать все, что̀ должно. Онъ написалъ духовную и поручилъ попеченіе обо мнѣ и о моей матери наилучшему своему другу, Ивану Михайловичу Дурнову, одному сосѣдственному по деревнямъ нашимъ дворянину; но сія духовная осталась потомъ безъ всякаго дѣйствія. Потомъ распрощался онъ со всѣми нами и домашними; всѣ домашніе обмывали руки его своими слезами и наполняли воздухъ своими рыданіями. Что касается до прощанія со мною, то было нантрогательнѣйшее и для меня наипечальнѣйшее.

Онъ подозвалъ меня къ себѣ и, собравъ послѣднія свои силы, обнявъ меня, залился слезами, и прерывающимъ голосомъ, сколько помню, говорилъ слѣдующія слова: «смерть моя, мой другъ, приближается, — вижу я самъ уже, что мнѣ умереть.... Небу неугодно было, чтобъ дни мои до того времяни продлились, чтобъ могъ я имѣть удовольствіе видѣть тебя въ совершенномъ возрастѣ.... Я оставляю тебя рабенкомъ и сиротою»..... Слезы покатились у него при семъ словѣ и тяжкой вздохъ излетѣлъ на небо. — «Но что дѣлать», продолжалъ онъ, державъ меня за руку стоящаго почти внѣ себя, «угодно такъ всемогущему Богу, Его святая воля и буди! Онъ будетъ тебѣ вмѣсто меня отцомъ. Я поручаю тебя Его покровительству и не сомнѣваюсь, что Онъ милостію своею тебя не оставитъ.... Но слушай, мой другъ, и не позабывай никогда послѣдняго приказанія отца твоего.... помни, что онъ приказывалъ тебѣ сіе при послѣднемъ своемъ издыханіи.... Старайся во всю жизнь твою и всего паче бояться, любить и почитать сего всемогущаго Бога и Творца нашего, и во всемъ на него полагаться. Никогда ты въ томъ не раскаешься, Онъ во всѣхъ нуждахъ будетъ твоимъ покровителемъ и помощникомъ. Будь къ нему прибѣженъ съ самыхъ теперешнихъ твоихъ лѣтъ, и всегда возлагай надежду и упованіе свое на Него. Ты счастливъ будешь, ежели сіе исполнишь»....

Слабость возпрепятствовала ему далѣе говорить; однако онъ, отдохнувъ нѣсколь-

ко и собравшись съ духомъ, продолжалъ тако:

«Не грусти обо мнѣ и не плачь, ты остаешься теперь съ матерью; люби ее, почитай, покуда жизнь ея продлится, она тебя родила и воспитала и проливала о тебѣ много слезъ; ты долженъ утѣшать ее при старости своимъ поведеніемъ; живи, мой другъ, порядочно и постоянно. Будешь хорошо жить, и тебѣ самому хорошо будетъ, а худо себя поведешь, будетъ и тебѣ худо; помни это твердо и никогда не позабывай. Люби и почитай обѣихъ своихъ сестеръ и ихъ мужей, они о тебѣ оба будутъ теперь попечителями и тебя не оставятъ; а паче всего, еще напоминаю тебѣ, люби и почитай Бога: его милость и покровительство тебѣ всего нужнѣе, молись къ нему всегда и проси, чтобъ Онъ къ тебѣ былъ милостивъ и не лишилъ тебя любви своей. Я поручаю тебя Ему, и Его святое благословеніе и вкупѣ мое грѣшное буди надъ тобою!»

Сказавъ сіе, не могъ онъ болѣе отъ удручающей болѣзни и горести говорить, но, поцѣловавъ меня и смочивъ щоки мои своими слезами, приказалъ мнѣ вытить вонъ и затворить въ комнаткѣ двери; я обливался тогда слезами, но принужденъ былъ повиноваться его повелѣнію.

Сіе было въ послѣдней разъ, что я его видѣлъ, ибо съ сего времяни не велѣлъ онъ пускать никого къ себѣ, кромѣ отца своего духовнаго, да и началъ почти съ самаго сего часа страдать къ смерти. Въ семъ страданіи препроводилъ онъ не болѣе однихъ сутокъ, и наконецъ, 26 сентября былъ тотъ нещастной для насъ день, въ которой затворилъ онъ на вѣкъ свои очи и преселился въ вѣчность.

Самую кончину его мнѣ не удалось видѣть, воспослѣдовала она поутру очень рано и покуда я еще спалъ. Не успѣлъ я проснуться, какъ необыкновенная тишина въ домѣ, ладонной запахъ и слезы у всѣхъ на глазахъ меня поразили. Сердце у меня затрепетало, я спѣшилъ спрашивать у всѣхъ: живъ-ли батюшка? и не скончался-ли? но никто не хотѣлъ мнѣ отвѣтствовать; наконецъ принуждены были мнѣ сказать, что его уже нѣтъ на свѣтѣ. Я завылъ тогда и зарыдалъ, облившись слезами, но множество офицеровъ и зять мой, вошедшей въ самое то время, не дали мнѣ болѣе надрываться; они велѣли меня силою отвесть на квартиру зятя моего и тамъ оставить, приказавъ не выпускать никуда со двора. Тутъ принужденъ я былъ пробыть до самаго того времяни, какъ изготовилось все нужное къ печальной церемоніи его погребенія.

Попеченіе о семъ и всѣ нужныя къ тому распоряженія воспріялъ на себя полку нашего подполковникъ, господинъ Шредеръ. Человѣкъ сей былъ весьма хорошей и благоразумной; онъ любилъ покойнаго родителя моего и потому восхотѣлъ ему отдать послѣдней долгъ сей. Но сего еще недовольно, но онъ восхотѣлъ и далѣе воспріять на себя трудъ и постараться о томъ, чтобъ во время сутормы и перваго замѣшательства въ домѣ не могло ничего распропасть изъ пожитковъ отца моего, оставшихся послѣ онаго. Тотчасъ было все собрано и на первой случай опечатано, а потомъ при присутствіи зятя моего все порядочно переписано. Но все иждивеніе отца моего не составляло дальней важности, ибо какъ жилъ онъ однимъ только почти жалованьемъ, и тогдашнія времяна не такія были, чтобъ можно было полковникамъ отъ полку наживаться, то неоткуда взяться было сокровищамъ. И денегъ наличныхъ отыскалось очень мало, да и тѣ состояли въ небольшомъ только количествѣ червонцовъ, которые покойной родитель мой берегъ для всякаго случая, и число оныхъ было такъ невелико, что едва стало ихъ на погребеніе.

Поелику кончина отца моего воспослѣдовала при полку и въ городѣ, почти иностранномъ, гдѣ два генерала имѣли тогда свое пребываніе; то всѣ обстоятельства требовали, чтобъ здѣлать погребеніе ему порядочное и съ достодолжною по чину его церемоніею. Таковое погребеніе по многокоштности своей хотя и несоразмѣрно было съ нашимъ достат-

комъ и оставшимъ капиталомъ, но нечего было дѣлать: зять мой, г. Травинъ, тогдашней мой опекунъ и попечитель, принужденъ былъ на все согласиться и давать деньги на закупку всего нужнаго и на протчія издержки при семъ печальномъ обрядѣ.

Погребеніе и въ самомъ дѣлѣ произведено было съ пышною церемоніею; весь полкъ былъ въ парадѣ, а знатной деташаментъ послѣдовалъ за гробницею отца моего отъ самой квартиры до соборной церкви, гдѣ назначено было его положить. Гробъ обитъ былъ сукномъ, украшенъ золотымъ галуномъ и позлащенными скобами. Онъ везенъ былъ цугомъ, покрытымъ чернымъ сукномъ; нѣсколько сотъ аршинъ крепу и другихъ чорныхъ матерій употреблено было на обвязку офицерскихъ шляпъ, и рукъ и шпагъ, покрытіе барабановъ и на тысячу другихъ излишностей, затѣваемыхъ тѣми, кому чужихъ денегъ не жаль, и которые готовы сорить ими на что̀ ни вздумается. Я одѣтъ былъ въ глубочайшей трауръ и долженъ былъ итти за гробницею. По обѣимъ сторонамъ меня шли помянутые генералы; одинъ изъ нихъ былъ генералъ-поручикъ Салтыковъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ, а другой генералъ-маіоръ Михайла Семеновичъ Хрущовъ; оба они восхотѣли сами честь сдѣлать родителю моему и препроводить тѣло его до церкви, несмотря хотя разстояніе было нарочито велико и шествіе простиралось болѣе версты. Полкъ поставленъ былъ въ два ряда по улицѣ подлѣ собора, и по приближеніи тѣла отдана была оному всѣмъ полкомъ послѣдняя честь, съ барабаннымъ глухимъ тономъ и печальною музыкою. Въ церковь внесли оное на себѣ нѣкоторые офицеры полку нашего, отмѣнно любившіе отца моего и обливающіеся слезами; слезы сіи не одни, а весьма многіе проливали. Покойной родитель мой любимъ былъ такъ всѣмъ полкомъ, что не осталось почти солдата, которой бы не плакалъ или по крайней мѣрѣ не тужилъ и не сожалѣлъ объ оном. По внесеніи въ церковь, поставили меня съ правой стороны подлѣ гроба, гдѣ принужденъ я былъ стоять во все продолженіе обѣдни и отпѣванья. Легко можно всякому себѣ вообразить, каковы были для меня сіи минуты и въ какомъ состояніи я тогда находился. Я походилъ болѣе на истукана, нежели на печальнаго рабенка, взоры мои устремлены были безпрерывно на лежащее во гробѣ тѣло моего родителя, которое я тогда впервые еще увидѣлъ безъодушевленное; я воображалъ себѣ, что вижу оное въ послѣдней разъ въ моей жизни, и что скоро оное погребутъ и зароютъ въ землю, и мысль сія поражала сердце мое наивеличайшею грустію и тоскою, и выгоняла новыя слезы изъ глазъ монхъ, отъ которыхъ во всю обѣдню лицо̀ мое не обсыхало.

Какъ пришло время уже опускать гробницу въ землю, то велѣли мнѣ въ послѣдней разъ облобызать тѣло произведшаго меня на свѣтъ и проститься съ онымъ. Я учинилъ сіе и смочилъ руки родителя моего слезами, и имѣю по крайней мѣрѣ нынѣ то удовольствіе, что слезы мои погребены вмѣстѣ съ нимъ въ землю и составляли единую малую мзду за всѣ труды и старанія, употребленныя имъ на мое воспитаніе. Меня оттащили отъ гроба силою и спрятали въ тѣсноту народа, дабы я не видалъ дальнѣйшаго произхожденія. Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того, услышалъ только я звукъ пальбы пушечной и трескъ бѣглаго ружейнаго огня, производимаго полкомъ нашимъ, что̀ доказало мнѣ, что тѣло опущено уже было въ гробницу и предано землѣ. Могила выкопана была внутри самой сей соборной церкви, подлѣ самаго втораго средняго столба, въ лѣвой сторонѣ находящагося. Сіе обстоятельство замѣчаю я для того, чтобъ въ случаѣ, естли судьбѣ будетъ угодно завесть въ сей городъ кого-нибудь изъ дѣтей или потомковъ монхъ, могли-бъ они безошибочно отыскать то мѣсто, гдѣ покоятся кости и прахъ сего ихъ предка, достойнаго того, чтобъ оросили они оное своими слезами.

По окончаніи сей печальной церемоніи и по разпущеніи полка въ свой лагерь, приглашены были всѣ штабъ и оберъ-офицеры, какъ нашего, такъ и другихъ

полковъ, присутствовавшіе при погребеніи, на погребальной обѣдъ. Для сего отысканъ былъ наипросторнѣйшей домъ въ самомъ городѣ и всѣ трактованы были столомъ, а потомъ, по обыкновенію, одарены были золотыми кольцами.

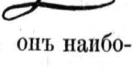
Симъ кончилась вся сія печальная церемонія, которая хотя и стóила намъ весьма многова, но по крайней мѣрѣ имѣю я то удовольствіе, что никто еще изъ предковъ и сородичевъ моихъ не удостоился погребенъ быть съ толикою честію и славою, какъ покойной родитель мой, которой по справедливости и достоинъ былъ оказанія ему таковой почести.

Можно безъ любославія, но безпристрастно сказать, что изъ всѣхъ тогдашняго времяни полковниковъ, а особливо стариковъ, былъ онъ едвали не самолутчей, по крайней мѣрѣ всѣ почитали его наипорядочнѣйшимъ, степеннѣйшимъ и важнѣйшимъ. Вездѣ, гдѣ ни случалось ему съ полкомъ своимъ быть, пріобрѣталъ онъ почтеніе и любовь; никогда не случалось ему отъ главныхъ командировъ получать за что-нибудь выговоры и репреманты. Онъ всегда исправно наблюдалъ свою должность и зналъ свое дѣло; во все продолженіе военной своей службы, въ которой онъ родился, воспитанъ, препроводилъ всю свою жизнь и умеръ, имѣлъ онъ время всему, относящемуся до военной службы, научиться и узнать оную изъ основанія, почему и неудивительно, что онъ былъ во всемъ исправенъ. Полкъ его былъ въ тогдашнее время изъ наилутчихъ и исправнѣйшихъ; правда, хотя и не было въ немъ такой чистоты и щегольства, какія заводимы были уже въ нѣкоторыхъ другихъ полкахъ молодыми полковниками, но за то солдаты были родителемъ моимъ довольны, и всѣ его не инако какъ своимъ отцомъ почитали. Любовь ихъ сохранилъ онъ многіе годы и по своей кончинѣ; не однажды и многіе годы спустя имѣлъ я удовольствіе слышать отъ всѣхъ старыхъ и при немъ служившихъ солдатъ наилестнѣйшіе объ немъ отзывы: всякой не инако говорилъ объ немъ, какъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, и отзывался, что это былъ не полковникъ, а отецъ нашъ.

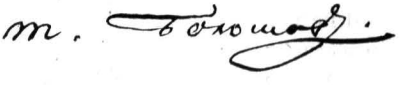
Службу свою продолжалъ онъ съ самаго малолѣтства, сперва въ пѣхотныхъ полкахъ, потомъ, какъ начали составлять Измайловской гвардейской полкъ, то взятъ былъ въ оной, въ которомъ дослужился до капитановъ, и былъ въ походахъ съ Минихомъ противъ турокъ и на приступѣ очаковскомъ; а какъ выпустили его въ сей полкъ въ полковники, то ходилъ онъ во время Шведской войны съ Кейтомъ на галерахъ.

Что касается до наружнаго его образа и личныхъ его свойствъ и характера, то былъ онъ роста высокаго и собою плотенъ, лицомъ былъ смугловатъ и круглъ, волосы имѣлъ чорные, глаза большіе, темнокаріе и наполненные нѣкакою благопріятностію, привлекающею къ нему съ перваго взгляда любовь отъ всѣхъ. Видъ имѣлъ онъ осанистой, былъ собою взраченъ, и могъ однимъ своимъ видомъ привлекать къ себѣ почтеніе; голосъ имѣлъ важной и степенной, но въ произношеніи словъ немного картавъ, однако такъ, что почти было непримѣтно.

Что принадлежитъ до душевныхъ его свойствъ, то разумъ имѣлъ онъ острой и довольно просвѣщенной; говорилъ весьма хорошо по-нѣмецки, которому языку обученъ онъ былъ еще въ малолѣтствѣ, зналъ ариѳметику и географію, и могъ переводить съ нѣмецкаго языка довольно изрядно. Мнѣ достались нѣкоторыя остатки трудовъ его, состоящихъ въ переводѣ «Лифляндской экономіи», и сего же княжества исторіи, но были то единые отрывки. По-русски писалъ онъ свободно, скоро и мелко; въ письмѣ его была та особливость, что онъ литеру Д писывалъ превратнымъ и слѣдующимъ образомъ:



Имя же свое подписывалъ онъ наболѣе симъ образомъ:



Что касается до расположенія его души, то было оно наичестнѣйшее въ свѣтѣ; онъ не любилъ никакой неправды и не терпѣлъ обмановъ. Обхожденіе его было откровенно и дружественно; всякое лукавство и притворство было отъ него удалено; онъ не разумѣлъ нынѣшней зловредной политики, не умѣлъ притворно льстить, ласкаться, гнуться и согибаться на подобіе змѣи, и потомъ жалить и язвить, или, по примѣру кошекъ, спереди ласкаться и виться около души, а позади вредить и царапать, но онъ обходился со всякимъ просто, чистосердечно и говорилъ прямо то, что̀ у него на сердцѣ. Онъ не любилъ дальнихъ церемоніаловъ и ненавидѣлъ всякое коварство, шильничество и мытарство, а буде случалось, что кто предпринималъ что-нибудь противъ его чести, достоинства и справедливости, то былъ неуступчивъ, но любилъ защищать свою честь и правду. Сіе заводило его иногда въ нѣкоторыя небольшія ссоры съ таковыми бездѣльниками и негодными людьми, несмотря хотя бы были они и выше его чиномъ. Однако непріятелей и враговъ не имѣлъ онъ у себя никакихъ важныхъ, но умѣлъ поступками своими ихъ злобу преодолѣвать и заставливать имѣть къ себѣ почтеніе. По притчинѣ любленія справедливости и всегдашняго хорошаго поведенія, кроткаго, тихаго и миролюбиваго своего нрава, былъ онъ всѣми добрыми и честными людьми любимъ, а бездѣльники и негодные люди рѣдко такихъ людей любятъ.

Нрава былъ онъ не угрюмаго и не слишкомъ веселаго. Онъ любилъ съ людьми обходиться, но компаніи его были всегда небольшія и степенныя; частыхъ банкетовъ и пиршествъ онъ не заводилъ, можетъ быть не дозволялъ ему того и достатокъ, но за столомъ его всегда бывало по нѣскольку человѣкъ посторонніхъ, ибо угостить онъ всякаго любилъ, и былъ гостепріимчивъ. Въ особливости же любилъ онъ обходиться съ нѣмцами, а особливо разумнѣйшими изъ оныхъ, ибо любилъ съ ними говорить и разсуждать по-нѣмецки, да можно сказать, что и они его за то отмѣнно любили.

Къ закону имѣлъ онъ должное почтеніе, и не будучи ханжею и суевѣромъ, былъ довольно набоженъ и прибѣженъ къ церкви. Онъ имѣлъ о украшеніи оной особое попеченіе, и будучи охотникомъ до музыки, завелъ въ полку прекрасной хоръ пѣвчихъ.

Что принадлежитъ до склонностей его, то имѣлъ онъ небольшую склонность къ псовой охотѣ, однако умѣренную и весьма благоразумную. Онъ не держивалъ у себя никогда болѣе двухъ или трехъ борзыхъ собкъ и ѣзживалъ въ поле болѣе для компаніи съ другими, и то весьма рѣдко. Любимая его собака въ мою бытность называлась Дегерби, прозванная по одному шведскому мѣстечку, гдѣ онъ ее досталъ, будучи въ походѣ на галерахъ. Къ лошадямъ имѣлъ онъ также, но небольшую охоту; любимая его лошадь, на которой онъ всегда ѣзжалъ, называлась Шелма, и была небольшая, лифляндской породы, и карая шерстью. До игры карточной и азартной не былъ онъ охотникъ, но въ ломберъ по самой маленькой цѣнѣ игрывалъ охотно. Къ музыкѣ имѣлъ онъ особливую охоту, и игрывалъ самъ довольно хорошо на флейтузѣ. Стараніемъ его была у насъ полковая музыка очень изрядная, и онъ умножилъ ее другимъ хоромъ, составивъ оной изъ маленькихъ солдатскихъ дѣтей, которые вкупѣ были и пѣвчими, а протчими пѣвчими были у насъ писаря, которыхъ всѣхъ вывелъ онъ въ люди, пережаловавъ чинами. Впротчемъ, любя играть на флейтузѣ, произвелъ онъ цѣлой хоръ изъ флейтузовъ съ фаготами; сею музыкою онъ увеселялъ архіереевъ и, по тихости оной, называлъ ее монашескою.

Къ щегольству и пышности не имѣлъ онъ ни малѣйшей склонности и на убираніе волосъ не терялъ многова времени, какъ тогда и не было еще сіе въ дальней модѣ. Наилучшая уборка волосъ состояла въ завиваніи на верху головы маленькой плетенки и выплетаніи въ ея

косы, а пукольки тогда были развѣвающіяся и завиваемыя на концѣ тупенькими щипцами. Платье любилъ онъ хотя чистое и опрятное, но непышное и небогатое, а хотѣлъ, чтобъ было оно хорошо, но ему спокойно и тепло. Кромѣ обыкновенныхъ мундировъ, не было у него никакова иного, но тогда и не было обыкновенія носить штатское; самымъ экипажемъ онъ никогда не щеголялъ, и какъ каретъ тогда еще не было въ дальнемъ употребленіи, а особливо въ полкахъ, то довольствовался онъ небольшою четвероместною колясочкою, да и то сдѣланною въ полку своими мастеровыми, ибо онъ, любя мастерства и художества, завелъ ихъ въ полку своемъ всякаго рода.

Впротчемъ, былъ онъ весьма воздержнаго житія. Компаніи бывали у него хотя нерѣдко, но никогда не помню я, чтобъ видѣлъ его подгулявшимъ, несмотря въ какой бы ему компаніи быть ни случалось; а таковую-жъ воздержность наблюдалъ онъ и въ протчемъ; всякихъ дебошей былъ онъ чуждъ и мнѣ неизвѣстно ни одного порока, которому бы онъ былъ въ особливости подверженъ. Не было въ немъ ни запальчивости, ни дальней склонности къ гнѣву, лютости и жестокости; люди и домашніе его не могли приносить въ томъ на него жалобу и не стенали отъ жестокости, какъ у протчихъ; ему не трудно было всякому угодить, а потому они его и любили. Наилутчей и вѣрнѣйшей у него слуга былъ Андрей, по прозвищу Клестъ, отецъ нынѣшняго ткача моего Федора, которой вкупѣ былъ у него и ключникомъ, и казначеемъ, и славнымъ поваромъ; другой поваръ назывался Дроздъ, а камердинеромъ былъ у него и любимой слуга Косой, бывшей у меня послѣ того садовникомъ, помогавшей мнѣ разводить сады мои. Съ симъ служителемъ своимъ, которому, кромѣ вина, могъ онъ все вѣривать, нерѣдко ссорился онъ за то, что доставалъ хищническимъ образомъ изъ погребца его глотокъ себѣ вина. Онъ узнавалъ тотчасъ по глазамъ, какъ скоро хоть нѣсколько онъ выпилъ, и любимая его проба и обличеніе состояла въ томъ, что онъ заставливалъ пройтить его въ комнатѣ по одной дощечкѣ, такъ, какъ покойной король прусской дѣлывалъ то послѣ съ однимъ своимъ слугою.

Съ покойною родительницею моею жилъ онъ во всю свою жизнь согласно и мирно, несмотря хотя была она не совсѣмъ согласнаго съ нимъ нрава; она нерѣдко надоѣдала и наскучивала ему своими докуками, жалобами и излишнимъ говореньемъ, но онъ наиболѣе отходилъ отъ ней и отдѣлывался молчаніемъ. Совсѣмъ тѣмъ любили они другъ друга чистосердечно и жили, какъ надлежитъ вѣрнымъ и честнымъ супругамъ.

Что принадлежитъ до насъ, дѣтей его, то любилъ онъ насъ потолику, сколько отцу дѣтей своихъ любить должно, но безъ дальнаго чадолюбія и нѣги. Онъ сохранилъ отъ всѣхъ дѣтей своихъ къ себѣ любовь, однако и страхъ, и почтеніе. Самые зятья мои его побаивались и не смѣли ничего предпріять худого и безразсуднаго: тотчасъ бывала за то имъ гонка. Покуда сестры мои были еще въ дѣвкахъ, то не имѣлъ онъ о пристроеніи ихъ къ мѣсту дальнаго попеченія и такихъ заботъ, какими иные мучутся, но возлагалъ упованіе свое на Бога, говоря, что Онъ ему ихъ далъ, Онъ постарается уже и пристроить ихъ къ мѣсту и всякую надѣлить ея долею. Упованіе сіе и не было тщетно: онъ и видѣлъ надежду свою совершившеюся. Что касается до меня, то по малолѣтству моему не можно еще ему было ничего со мною учинить: въ тогдашнія времена не таково легко или, паче, вовсе невозможно было производить съ малолѣтными дѣтьми такихъ игрушекъ и переворотовъ, какіе производятся нынѣ съ оными къ стыду нашихъ временъ и къ удивленію потомковъ; однако, естлибъ жизнь его продлилась долѣе, то не оставилъ бы онъ, конечно, постараться какъ объ обученіи моемъ множайшимъ наукамъ, такъ и о скорѣйшемъ доставленіи мнѣ офицерскаго чина. Полковникомъ былъ онъ уже давно, и ему чрезъ годъ досталось бы по линіи въ генералъ-маіоры, и тогда бы могъ онъ взять меня къ

себѣ въ адъютанты; но небу было сіе неугодно.

Вотъ слабыя и немногія черты характера моего покойнаго родителя. Отпустите мнѣ, любезной пріятель, что я, изображая оныя, касался иногда самыхъ мелочей и бездѣлокъ. Я дѣлалъ сіе не безъ причины: письмы сіи назначиваются мною не для однихъ васъ, но вкупѣ и для дѣтей моихъ и потомковъ; мнѣ хотѣлось сохранить и для нихъ память какъ о себѣ, такъ и о моихъ предкахъ; а какъ для насъ, потомковъ, мила и любопытна и самая малѣйшая черта изъ жизни нашихъ предковъ, то и разсудилъ я замѣтить все, что́ я могъ только помнить.

Симъ окончу я теперешнее мое длинное письмо, а въ послѣдующихъ раскажу вамъ, какъ я, оставшись одинъ и сиротою, началъ далѣе жить и горе мыкать; а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнности моего дружества, остаюсь вашъ и протчая.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ II.

(НАЧИНАЯ СЪ ПРЕДКОВЪ И ДО 1750 ГОДА ВКЛЮЧИТЕЛЬНО; ПИСАНО ВЪ 1789 ГОДУ).

ИСТОРІЯ МОЕГО МАЛОЛѢТСТВА.

Письмо 13.

Любезной пріятель! Смерть отца моего произвела во всѣхъ обстоятельствахъ, относящихся до нашего дома, а особливо до меня, великую перемѣну; я остался отъ него малолѣтенъ, на чужой сторонѣ, одинъ и безъ всякаго почти покровительства и защиты. Мать моя находилась въ сіе время въ деревнѣ за Москвою и въ великой отъ насъ отдаленности. Бо́льшой мой зять былъ въ отпуску и былъ также въ псковскихъ своихъ деревняхъ, а при полку находился только меньшой мой зять, г. Травинъ; но сей былъ не весьма обстоятеленъ, а болѣе вѣтренъ и ненадеженъ. Однако для меня и то было уже великимъ щастіемъ, что онъ случился на ту пору при полку; безъ него и того бы еще хуже было, и я, будучи рабенкомъ, не зналъ бы что́ дѣлать и что́ начать съ собою и съ оставшимъ послѣ отца моего стяжаніемъ. А то, каковъ онъ ни былъ, но все уже могъ сколько-нибудь обо мнѣ и о протчемъ приложить труды и постараться.

Наиглавнѣйшей былъ тогда вопросъ что́ со мною дѣлать? Обстоятельство, что

я не только записанъ былъ въ службу, но и дѣйствительно въ оной счислялся сержантомъ, наводило не только на зятя моего, но и на всѣхъ знакомцовъ отца моего, которые наиболѣе къ нашему дому были привязаны, великое сумнѣніе и заботу. Остаться при полку и нести дѣйствительную службу, по молодости и по лѣтамъ моимъ, было мнѣ никакъ не можно, а изъ полку въ домъ къ матери моей, и на долгое время, отпустить никто не могъ и не отваживался: отпуски въ домы были какъ-то около сего времяни очень туги, такъ что сами генералы не могли отваживаться отпускать на нѣсколько мѣсяцовъ. Къ тому-жъ хотя бы я и отпущонъ былъ, но какъ можно было мнѣ одному и въ такой дальной путь, а притомъ съ такимъ тяжелымъ и большимъ обозомъ отправиться, каковъ былъ нашъ? Но какъ время не терпѣло и чѣмъ-нибудь вопросъ сей рѣшить было надобно, то всѣ наши друзья и знакомые за необходимое щитали, чтобъ зятю моему постараться какъ-нибудь о томъ, чтобъ отпустили и его, и чтобъ онъ взялъ на себя трудъ и отвезъ меня со всѣми оставшими пожитками къ моей матери.

Но тутъ было опять нѣкоторое сомнѣніе: просить сего увольненія надлежало отъ тогдашняго нашего дивизіоннаго командира, генерала-порутчика Салтыкова; но всѣмъ извѣстно было, что онъ имѣлъ съ покойнымъ родителемъ моимъ, незадолго до его кончины, нѣкоторую суспицію. Не могу знать, о чемъ и за что она была, но то только мнѣ памятно, что всѣ обвиняли болѣе сего генерала, нежели моего родителя въ семъ дѣлѣ. Но какъ бы то ни было, но всѣ опасались, чтобъ сей генералъ, котораго характеръ не принадлежалъ къ числу изящныхъ, не сталъ мстить и не сдѣлалъ въ дѣлѣ нашемъ остановки.

Но, по щастію, мы въ семъ пунктѣ обманулись; съ смертію отца моего пресѣклась и вся злоба на него сего гордаго генерала. Какъ пришли мы къ нему съ моимъ зятемъ и я, по совѣту его, повергъ себя къ его ногамъ, то принялъ онъ насъ довольно благопріятно. Можетъ быть, польстило сіе его гордости и высокомѣрію, а статься можетъ, что и сиротство мое и малолѣтство его тронуло. Но какъ бы то ни было, но онъ, выслушавъ нашу прозьбу, сказалъ намъ, что онъ весьма охотно-бъ исполнилъ все нами требуемое, но строгія запрещенія отъ главной команды ему то возбраняютъ; словомъ, что онъ ни меня, ни зятя надолго отпустить никакъ не можетъ, а отпуститъ насъ на 29 дней въ Петербургъ, а тамъ просили-бъ мы о долгайшемъ отпускѣ главную команду.

Обстоятельства наши были таковы, что мы и сему уже были рады, ибо не сомнѣвались почти, что въ Петербургѣ нѣкоторые пріятели отца моего помогутъ намъ сдѣлать то, чтобъ насъ отпустили на долгайшее время. Въ сей надеждѣ отблагодарили мы господина Салтыкова и, получивъ отъ него пашпорты, начали спѣшить собираться въ путь свой и готовить все нужное къ отъѣзду.

Въ сихъ зборахъ и пріуготовленіяхъ прошло нѣсколько времяни. Пожитковъ отца моего было хотя не слишкомъ много, но набралось всякой рухляди столько, что потребно было нѣсколько повозокъ и болѣе лошадей, нежели сколько у насъ тогда было. Необстоятельность и вѣтренность зятя моего и излишняя его уже поспѣшность, а особливо обстоятельство, что у насъ послѣ погребенія не осталось ничего наличныхъ денегъ и не было чѣмъ не только въ деревню, но и до Петербурга доѣхать, было притчиною, что многія вещи были тогда разбросаны, а другія за безцѣнокъ разпроданы, ибо денегъ получить инако было неоткуда и не можно. Все наилутчее отца моего платье, полковничей его золотой шарфъ и весьма многія другія вещи превращены были въ деньги и выручена на томъ довольная сумма; но ни которой вещи такъ мнѣ не жаль, какъ настольныхъ часовъ, бывшихъ у отца моего. Они были особливаго устроенія, очень невелики и уютны и представляли собою небольшой продолговатой піедесталъ, наверху котораго лежалъ бронзовой и вызолоченой моисикъ, гамкаю-

щей при всякомъ удареніи часовъ и представляющей весьма хорошую и смѣшную фигуру. Вещица сія была такова, что мнѣ и понынѣ ее жаль, и тѣмъ паче, что мнѣ подобной ей уже нигдѣ съ того времяни видѣть не случилось; но зятю моему что-то вздумалось и ее сжить съ рукъ, хотя не было уже никакой дальней нужды и можно было и безъ продажи сихъ часовъ обойтиться; онъ продалъ ихъ нашему подполковнику, и за весьма умѣренную цѣну.

Симъ образомъ, снабдивъ себя довольнымъ и множайшимъ числомъ денегъ, нежели сколько намъ было надобно, началъ мой зять крутить и юрить нашимъ отъѣздомъ. Тотчасъ куплены были лошади и повозки недостающія, и тотчасъ все нужное къ отъѣзду изготовлено, а чего не можно было съ собою взять, отчасти разбросано, отчасти раздарено кому ни попало.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и распрощавшись со всѣми нашими знакомцами, отправились мы въ путь свой. Было сіе уже около половины октября мѣсяца, и въ Петербургъ доѣхали мы очень скоро, хотя обозъ нашъ и состоялъ во многихъ повозкахъ.

По пріѣздѣ нашемъ въ сей столичной городъ, наипервѣйшее дѣло наше было отыскать всѣхъ пріятелей и друзей отца моего. Ихъ было тутъ немного; дяди моего, прежде упоминаемаго, конной гвардіи ротмистра г. Арсеньева, на тотъ разъ въ Петербургѣ не случилось; онъ находился въ отпуску, слѣдовательно, его вспоможеніемъ не могли мы воспользоваться. Другой знакомецъ и, можно сказать, другъ отца моего былъ тогда въ Измайловскомъ полку майоромъ, по имени Гаврила Андреевичъ Рахмановъ; мы его тотчасъ отыскали и имѣли удовольствіе видѣть, что онъ съ пролитіемъ слезъ услышалъ отъ насъ извѣстіе о кончинѣ родителя моего и охотно хотѣлъ употребить все, что̀ состояло въ его силахъ къ вспоможенію нашему. Однако, человѣкъ сей былъ хотя и генералъ, но не изъ сильныхъ и немогущихъ ничего дальнаго здѣлать; все, что̀ онъ для пользы нашей здѣлать могъ, состояло почти въ одномъ только, что онъ отвезъ насъ и представилъ къ третьему и наизнаменитѣйшему отца моего знакомцу и другу, оберъ-гофмаршалу Дмитрію Андреевичу Шепелеву, на котораго мы и полагали наивеличайшую свою надежду.

Сей любезной и орденами обвѣшенной старичокъ принялъ насъ отмѣнно ласково и не могъ довольно о родителѣ моемъ натужиться. Онъ любилъ его какъ друга, и, услышавъ о кончинѣ его, не однажды утиралъ глаза свои, орошаемые слезами, а меня нѣсколько разъ удостоилъ своими облобызаніями. Съ превеликою охотою брался онъ употребить все, что̀ только ему можно было къ услугамъ нашимъ; но жаль, что онъ, будучи придворной человѣкъ и притомъ отправляя такую должность, которая съ протчими не имѣла дальней связи, не въ силахъ также былъ произвесть что-нибудь важное. Однако намъ не можно было на него никакъ жаловаться; онъ учинилъ все, что̀ только могъ, къ споспѣшествованію нашего намѣренія и, можетъ быть, учинилъ бы и больше, еслибъ мы ему дали волю и сами съ своей стороны ему препонъ въ томъ не полагали.

Еще въ самой тотъ же день, какъ мы у него въ первой разъ съ господиномъ Рахмановымъ были, непреминулъ онъ обо мнѣ съ нимъ говорить и разсуждать, что̀-бъ можно было имъ обоимъ учинить въ мою пользу. Оба сіи почтенные старички, и вкупѣ друзья между собою и пріятели отцу моему, долго о семъ дѣлѣ думали, говорили и разсуждали. Обоимъ имъ усердно хотѣлось оказать мнѣ существительную услугу, извлечь меня изъ полку и проложить мнѣ удобнѣйшей путь къ далѣнѣйшему счастію, нежели какое могъ я найтить служа въ полевыхъ полкахъ и въ такомъ низкомъ чинѣ, но малолѣтство мое дѣлало имъ въ томъ превеликое помѣшательство. Обстоятельства тогдашнихъ временъ были совсѣмъ не таковы, какъ нынѣшнія (1789 г.); въ тогдашнія времяна и не производили съ малолѣтными дѣтьми такихъ кукольныхъ ко-

медій и сущихъ дѣтскихъ игрушекъ, какъ нынѣ; тогда трудно было и самымъ наизнатнѣйшимъ людямъ что-нибудь особое въ пользу ихъ здѣлать. Въ нынѣшнія времяна таковымъ людямъ, какъ они, не великаго-бъ труда стоило, при помощи пріятелей своихъ, доставить мнѣ офицерской чинъ; но въ тогдашнія и помыслить о томъ было не можно. Единое средство для доставленія мнѣ офицерскаго чина находилъ господинъ Шепелевъ то, чтобъ перевесть меня изъ полевыхъ пѣхотныхъ полковъ въ украинскія ландмилиціи, поелику корпусъ сей достоинствомъ своимъ былъ ниже полевыхъ полковъ, то какимъ-то образомъ была возможность выпустить меня туда въ офицеры, и господинъ Шепелевъ брался сіе уже здѣлать, естли мы на то будемъ согласны и на то рѣшимся; естли-жъ нѣтъ, то находилъ онъ другое для меня выгодное мѣсто и говорилъ, не соглашусь ли я перемѣнить мою военную службу на придворную. Въ семъ случаѣ хотѣлъ онъ опредѣлить меня ко двору въ пажи, что ему всего лехче учинить было можно, потому что онъ былъ надъ ними главнымъ командиромъ. Что-жъ касается до господина Рахманова, то онъ съ своей стороны предлагалъ, что буде не будемъ мы согласны на то, то не хочу ли я перейтить въ гвардію, и буде хочу, то въ семъ случаѣ беретъ онъ на себя здѣлать то, что примутъ меня въ нее капраломъ. Болѣе сего сдѣлать было не можно, ибо въ тогдашнее время унтеръ-офицерскіе и сержантскіе чины въ гвардіи были великой важности, и ими такъ не швырялись какъ нынѣ.

Какъ всѣ сіи предложенія было совсѣмъ для насъ неожидаемыя и такія, о которыхъ надлежало подумать, то и не знали мы, что сказать и на что рѣшиться. Старикамъ не трудно было примѣтить наше нестроеніе и нерѣшимость, и они охотно насъ въ томъ извиняли; но какъ приходило время господину Шепелеву уже со двора ѣхать, то, обратясь онъ къ зятю моему, сказалъ: «Ну, дорогой мой (такая у него была пословица), подумайте-жъ о семъ хорошенько и побывайте у меня опять и скажите, что для васъ лучше». Симъ кончилось тогда первое наше свиданіе. Оба старика поѣхали тогда вмѣстѣ во дворецъ, а мы возвратились въ свою квартиру, бывшую въ Ямской-Слободѣ у одного коретника.

Пришедши туда, началъ меня зять мой спрашивать, какъ я думаю: принимать ли сіи предложенія или нѣтъ, и буде принимать, то которое кажется для меня лутче, и куда-бы я хотѣлъ охотнѣе: въ ландмилицію ли, ко двору, или въ гвардію. Но чего можно было тогда отъ меня, толь мало еще смыслящаго, ожидать? У меня всѣ мысли заняты были тѣмъ, какъ-бы скорѣй домой и къ моей матери пріѣхать, а предложенія сіи всѣ были не по моему вкусу, ибо въ случаѣ принятія перваго надлежало въ превеликую отдаленность, и Богъ знаетъ куда въ Украину ѣхать, и тамъ быть одному безъ всякихъ родныхъ и знакомыхъ; а въ случаѣ принятія послѣднихъ, надлежало также одному и безъ всякихъ родныхъ въ Петербургѣ оставаться, и буде опредѣлиться въ гвардію, то нести еще службу капральскую, къ которой я ни мало еще не былъ способнымъ. Словомъ, мнѣ никуда не хотѣлось, но что въ разсужденіи меня и неудивительно, ибо я былъ рабенокъ, а надлежало хорошенько о томъ подумать моему зятю, что для меня было полезнѣе, и на томъ рѣшиться.

Но у него не то на умѣ было, онъ помышлялъ только о томъ, какъ-бы скорѣе изъ Петербурга вырваться, ибо ему еще болѣе моего хотѣлось въ свою деревню, въ которую онъ былъ намѣренъ заѣхать. Итакъ, онъ тому и радъ былъ, что мнѣ никуда не хотѣлось, въ сходствіе чего, съ общаго согласія, положили мы отъ всѣхъ сихъ предложеній учтивымъ образомъ отказаться, а просить господина Шепелева, чтобъ онъ здѣлалъ милость и исходатайствовалъ намъ отпускъ въ деревню отъ тогдашняго главнаго войскъ финляндскихъ командира, Александра Борисовича Бутурлина.

Какъ положено было, такъ и сдѣлано. Зять мой, будучи весьма скороспѣшнаго

нрава, не долго думалъ, но на утро-жъ, взявъ меня съ собою, поѣхалъ къ г. Шепелеву.

«Ну что, мои дорогіе»! сказалъ сей почтенной старичокъ, насъ завидя: «думали-ли вы, и рѣшились-ли на чемъ-нибудь?»— Думали, ваше высокопревосходительство. Но одно обстоятельство мѣшаетъ намъ теперь и не допускаетъ насъ совершенно рѣшиться ни на которое изъ милостивыхъ вашихъ предложеній.—«А какое»? спросилъ скоро Шепелевъ моего зятя.—Послѣ покойнаго тестя моего,—отвѣтствовалъ онъ:—осталась еще жена, а моя теща, а сему рабенку мать; безъ ея воли и соизволенія не отваживаюсь я поступить ни на что, ибо не знаю, будетъ-ли ей то угодно или нѣтъ. Мы теперь ѣдемъ къ ней со всѣмъ оставшимъ послѣ покойника экипажемъ, и не угодно-ли будетъ вашему высокопревосходительству, чтобъ я отобралъ напередъ у тещи моей согласіе, и тогда бы уже милостію своею не оставили.—«Хорошо, хорошо, дорогой мой»! сказалъ на сіе г. Шепелевъ:—«и это дѣло. Вправду, какъ еще матери будетъ угодно, и куда она лутче захочетъ. Поѣзжай же, мой другъ, и отвези къ ней сего сироту; пускай онъ съ нею повидается, и отъ меня скажи ей, что я охотно ей желаю услужить и буде рѣшится она на томъ, чтобъ опредѣлить его въ пажи, то увѣрь ее, что я буду ему вмѣсто отца, и тогда привози-жъ ты мнѣ его скорѣе опять назадъ, такъ дѣло тотчасъ будетъ кончено». Зять мой поблагодарилъ его за милостивое обѣщаніе и притомъ сталъ просить, не можно ли ему, между тѣмъ, сдѣлать намъ милость и исходатайствовать намъ отъ господина Бутурлина отпускъ, ибо мы отпущены только до Петербурга и то на самое короткое время.—«О, что касается до этова», сказалъ г. Шепелевъ: «то это тотчасъ будетъ здѣлано. Мнѣ Александръ Борисьевичъ пріятель, и я ево севодни-жъ увижу во дворцѣ и попрошу. Напиши, мой дорогой, записку: куда и насколько вамъ надобно, и дай мнѣ съ собою». Зять мой хотѣлъ-было выйтить вонъ и искать чернилъ и бумаги, но онъ его остановилъ.—«Куда тебѣ», говорилъ онъ, «далече ходить вотъ, сядь здѣсь: вотъ чернилы, перо и бумага».

Зять мой исполнилъ тотчасъ его приказаніе и написавъ въ запискѣ, что оба мы желаемъ отпущены быть на годъ, ему подалъ, а онъ, не посмотрѣвъ ея, положилъ въ карманъ и сказавъ намъ, чтобъ мы на утро у него побывали, поѣхалъ во дворецъ.

Въ послѣдующей день непреминули мы повелѣнное исполнить и къ нему явиться рано; онъ встрѣтилъ насъ изъявленіемъ сожалѣнія своего, что не могъ всего желаемаго нами исполнить. — «Что дѣлать, дорогіе мои»! сказалъ онъ намъ: «не отпускаютъ никакъ на годъ и говорятъ, что сего здѣлать по нынѣшнимъ обстоятельствамъ никакъ не можно. А все, что я могъ здѣлать, то Александръ Борисьевичъ отпускаетъ васъ до маія мѣсяца, да и то говоритъ, что только для меня это дѣлаетъ, а то бы ни для кого не отпустилъ. Явись къ нему, дорогой мой, сегодня-же и скажи, что я тебя прислалъ; я просилъ, чтобъ онъ не задержалъ васъ».

Въ недостаткѣ лутчаго, благодарили мы г. Шепелева и за сію милость, и, раскланявшись съ нимъ, поѣхали прямо искать г. Бутурлина. Онъ, услышавъ, что мы присланы отъ Дмитрія Андреевича, тотчасъ вспомнилъ и призвавъ тогда же правителя своей канцеляріи, приказалъ заготовить для насъ пашпорты и обязать наистрожайшими реверсами, чтобъ мы къ сроку при полку явились. Однако сіе дѣло въ канцеляріи его не такъ скоро произведено, какъ было приказано и мы надѣлись: зять мой принужденъ былъ дни три за тѣмъ хлопотать и мы насилу-насилу добились своихъ пашпортовъ.

Неуспѣли мы пашпорты получить въ руки, какъ зять мой закутилъ и заюрилъ нашимъ отъѣздомъ, такъ что мы въ тотъ же еще день въ вечеру выѣхали изъ Петербурга; но, правду сказать, для дороговизны корма и жить въ немъ долѣе безъ дѣла было убыточно.

Симъ образомъ кончилось тогдашнее наше въ семъ столичномъ городѣ пребываніе. Теперь одному Богу извѣстно, лут-

че ли или хуже мы здѣлали, что не приняли ни одного изъ дѣланныхъ намъ предложеній; изъ всѣхъ оныхъ, опредѣленіе въ пажи казалось бы всѣхъ протчихъ для меня было выгоднѣе: я былъ бы при дворѣ, могъ бы всему насмотрѣться, но — что̀ всего лутче, могъ бы продолжать свои науки, ибо извѣстно, что пажей и языкамъ и всему учутъ, а сверхъ всего того, можетъ быть, могъ бы скорѣе и въ люди выйтить. Однако и то еще сказать можно, что, можетъ быть, я бы тутъ, по извѣстной рѣзвости и безпутству пажей, избаловался и здѣлался негодяемъ. Самая льстящая болѣе всего надежда, что находиться-бъ я сталъ подъ покровительствомъ г. Шепелева, была обманчива, ибо послѣ услышали мы, что сей почтенной старичокъ въ тотъ же еще годъ умеръ, а вскорѣ за нимъ преселился въ вѣчность и г. Рахмановъ; слѣдовательно, и въ гвардейской службѣ была-бъ мнѣ не находка: я могъ бы закоснѣть въ оной въ низкихъ чинахъ и потерялъ бы болѣе, нежели нашолъ. Словомъ, судьбы Господни неисповѣдимы, и можетъ быть, самой судьбѣ угодно было отвлечь меня отъ сихъ обѣихъ службъ и вести совсѣмъ инымъ путемъ и дорогою.

Симъ кончу я сіе мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вамъ вѣрной другъ, остаюсь, и протчая.

ѢЗДА.

Письмо 14.

Любезной пріятель! Теперешнее мое письмо къ вамъ наполню я описаніемъ путешествія нашего въ деревню. О, сколько нужды и безпокойства претерпѣли мы во время сей дороги! Обозъ былъ у насъ превеликой и тяжелой, а выѣхали мы изъ Петербурга въ самую глубокую осень, которая, къ несчастію нашему, была въ тотъ годъ мочливая и грязная. Неуспѣли мы выѣхать изъ Петербурга и пуститься по мостовымъ, какъ и начало то то, то другое ломаться и портиться, и то за тѣмъ, то за другимъ дѣлаться остановка. Никому такъ все сіе досадно не было, какъ моему зятю; онъ горѣлъ какъ на огнѣ отъ желанія скорѣе домой пріѣхать, и потому всякая малѣйшая остановка приводила его въ сердце и въ досаду; онъ бранился, дрался, сердился, кричалъ, и тѣмъ пуще приводилъ всѣхъ въ замѣшательство. Къ вящему нещастію, какъ онъ насъ вытурилъ почти въ сумерки, то принуждены мы были всѣ тритцать верстъ до первой станціи ѣхать въ самую темнѣйшую осеннюю и притомъ дождливую и ненастную ночь; не осталось почти ни на комъ ни единой нитки сухой, всѣ перемокли и перезябли. Не прежде, какъ въ самую полночь пріѣхали мы на станцію; тутъ досада еще увеличилась: стояла въ семъ мѣстѣ какая-то застава и пьяной часовой сей заздорилъ о чемъ-то съ людьми нашими, и чуть-было съ караульными не сцѣпилась превеликая драка. Тревога ужасная! Не только я, но и самъ зять мой на-смерть перепугался; онъ выскочилъ изъ коляски, въ которой со мною ѣхалъ, побѣжалъ туда самъ и насилу-насилу укротилъ весь шумъ, тамъ бывшей. Грязь была почти по колѣни въ томъ селеніи, гдѣ мы тогда были; темно такъ, что хоть глазъ выколи. Пріѣхали мы не въ голосъ и уже за полночь; надобно было искать квартиры; никто не пускаетъ— вездѣ было занято. Горе на насъ превеликое, а на меня всѣхъ больше; наконецъ какими-то судьбами сыскали намъ избенку. Мы рады уже были и послѣдней лачужки, только-бъ было въ ней тепло: всѣ обезпокоились и перезябли до безконечности. По щастію, попалась намъ избушка теплая; мы вошли въ нее какъ въ рай, хотя была она весьма-весьма плоховесовата и походила болѣе на чухонской рей, нежели на русскую избу. Не успѣли мы нѣсколько обогрѣться, какъ голодъ принуждалъ насъ помышлять объ ужинѣ. Ѣсть намъ всѣмъ, а особливо мнѣ, ужасно какъ хотѣлось; обѣдъ былъ у насъ самой легкой: зять, отъ вѣтренности и излишней поспѣшности своей, не далъ мнѣ порядочно и пообѣдать, а что̀ того хуже, то за зборами и укладываніемъ всего скорона-скоро не успѣли мы никакою прови-

зіею запастись на дорогу. Спрашиваемъ у хозяина, нѣтъ ли у него чего варенаго, и не надѣемся ничего найтить, ибо дѣло было уже за полночь. Но какъ обрадовались мы, услышавъ, что у него есть щи и еще цѣлой говяжей языкъ, вареной въ оныхъ и горячей.—«Давай, братецъ, скорѣй!» закричали мы. Этотъ языкъ памятенъ мнѣ былъ во всю мою жизнь: ни то онъ дѣйствительно былъ хорошъ, ни то намъ съ-голода такъ показалось, но я не помню, чтобъ я въ жизнь мою ѣдалъ когда такъ сладко, какъ въ сіе время; словомъ, онъ показался намъ неоцѣненнымъ, и мы заплатили за него охотно все, чего ни потребовалъ съ насъ хозяинъ.

Ночевавъ въ семъ мѣстѣ, продолжали мы далѣе свой путь и тащились кое-какъ по прескверной и дурной дорогѣ. Нѣсколько дней принуждены мы были препроводить въ семъ скучномъ путешествіи, покуда доѣхали до Новагорода. Въ продолженіе онаго не помню я ничего, что-бъ особливаго со мной случилось, кромѣ двухъ вещей. Первое было то, что я дорожную скуку прогонялъ наиболѣе лакомясь вареным инбиремъ; цѣлая банка была у меня онаго, оставшаяся еще отъ покойнаго родителя; лекари выписали оную для леченія имъ его, но ничего не изстратили. Я поприбралъ ее къ себѣ, и она пригодилась мнѣ тогда очень къ стати: я то-и-дѣло доставалъ по кусочку и его понемногу отъ скуки жустарилъ, ибо былъ съ самаго малолѣтства великой охотникъ до лакомства. Другое произшествіе было то, что я у карманныхъ часовъ своихъ, доставшихся мнѣ послѣ родителя, перервалъ пружину: догадало меня дорогою ихъ заводить; но я не зналъ, что для сего надобно останавливаться, и что всего скорѣй можно испортить часы, ежели заводить ихъ ѣдучи: пружина того момента можетъ лопнуть, какъ тогда со мною случилось.

Наконецъ, кое-какъ и всѣми неправдами, доѣхали мы до Новагорода. Зятю моему таковое медленное и скучное путешествіе до безконечности надоѣло; не помогала ему уже и его трубка, которую онъ изъ рта не выпускалъ; онъ проклиналъ и дорогу, и все, но пособить было нечѣмъ. Наконецъ, натура, власно какъ для пріумноженія его досады, произвела въ погодѣ великую перемѣну: сдѣлался морозъ, но не столь сильной, чтобъ вся грязь могла отъ него замерзнуть и поднять тяжелыя повозки; выпалъ маленькой снѣжокъ, и путь сдѣлался еще того хуже, не можно было ни на саняхъ, ни на колесахъ ѣхать. Боже мой, какъ сіе вздурило моего зятя! Онъ рвался досадою и только-что всѣхъ ругалъ и бранилъ; никто не смѣлъ къ нему приступиться и промолвить одного слова. Наконецъ, отъ превеликой досады и отъ неукротимаго желанія скорѣе домой пріѣхать, что же онъ здѣлалъ? Таки-бросилъ совсѣмъ обозъ, сказавъ людямъ: «чортъ васъ побери, какъ хотите себѣ поѣзжайте!» послалъ самъ въ ямскую и, нанявъ двѣ тройки лошадей съ лехкими на саняхъ кибитками, и въ одну сѣвъ самъ, а въ другую посадивъ меня, поскакалъ напередъ въ деревню. Мнѣ сего хотя и не хотѣлось, но я принужденъ былъ безпрекословно повиноваться его волѣ, и насилу успѣлъ упросить его взять хоть на нѣсколько часовъ терпѣнія и распорядить, кому весь обозъ вѣдать, и кому и какъ препроводить оной до его Кашинской деревни, которая нашимъ людямъ была неизвѣстна.

По здѣланіи всѣхъ нужныхъ распоряженій, и снабдивъ обозныхъ деньгами, пустились мы съ нимъ въ путь, и не ѣхали, а летѣли. Отъ-роду моего еще я такъ скоро не ѣзжалъ: меня въ кибиткѣ моей метало только изъ стороны въ сторону, и я принужденъ былъ лежать, закуся губы, и почти самъ себя не помнилъ. Какихъ страховъ не набрался я въ семъ путешествіи! Не было у насъ разбора, хороша-ли дорога или дурна, свѣтло-ли или темно, опасно-ли или неопасно, а только и знай, что скачи и гони, покуда въ лошадяхъ есть мочь и сила. Однажды онъ меня чистехонько-было утопилъ: было сіе неподалеку отъ Новагорода и въ первую еще ночь, какъ мы поѣхали. Зять мой, ѣхавшей напередъ, прискакалъ къ одной

нарочитой величины рѣкѣ; въ лѣтнее время хаживалъ чрезъ нее плотъ, а тогда она только-что застыла, и ни одна еще душа не отваживалась переходить чрезъ оную: столь тонокъ и опасенъ былъ еще ледъ. Ямщикъ было-остановился и пошелъ стучать по льду и пробовать, но статочное ли дѣло, чтобъ ему дать много затѣмъ гузать! «Ступай!» кричалъ только зять изъ кибитки: «чего смотрѣть? видишь ледъ; чего бояться?» Ямщикъ принужденъ былъ повиноваться его волѣ и, придарив лошадей, пустился чрезъ рѣку. Я обмеръ тогда, испужался, услышавъ, какъ подъ нимъ трещалъ ледъ, и увидѣвъ, что весь онъ гнулся подъ нимъ люлькою и вода изъ полыньи, которая подлѣ самаго того мѣста была, гдѣ они ѣхали, лилась цѣлою рѣкою на ледъ, и я истинно не знаю, какъ они переѣхали и припряжная лошадь не попала въ полынью. Но страхъ мой еще увеличился, когда, переѣхавъ, начали они кричать, чтобъ ѣхали и мы и держались болѣе влѣво, также, чтобъ погоняли сильнѣе лошадей. Боже мой! какая напади на меня робость и малодушіе, но чему и дивиться не можно: я какъ-то отъ природы, или паче отъ самаго малолѣтства былъ весьма трусливъ къ водѣ, а тогда, видя такую опасность, какъ можно было не вструситься? Но всѣ мои прозьбы и умоленія, чтобъ не ѣхать, не помогли: зять мой только и зналъ, что кричалъ, чтобъ мы ѣхали, чтобъ на меня не смотрѣли, и что мнѣ не оставаться-жъ за рѣкою. Что было тогда дѣлать? Я видѣлъ самъ необходимость, принуждающую насъ ѣхать, и принужденъ былъ наконецъ согласиться. Взъѣжжая на рѣку, отчаялъ я совсѣмъ свою жизнь и только и зналъ, что крестился и просилъ Бога, чтобъ насъ помиловалъ. Не успѣли мы поровняться противъ полыньи, какъ вода еще болѣе изъ ней полилась, и взлилось ее столько на ледъ, что достала она до нижнихъ наклестокъ саней. Увидѣвъ сіе и услышавъ въ самое то время превеликой трескъ отъ льда, не вспомнилъ я самъ себя отъ страха, ибо не инако считалъ, что мы погружаемся уже ко дну, и только безъ памяти кричалъ: «ахъ! ахъ!» Но судьбѣ угодно было сохранить мою жизнь: лошади выдернули насъ изъ сей дѣйствительной опасности, и мы переѣхали благополучно.

Колико великъ былъ мой страхъ и ужасъ, толико неописанна была радость, которую чувствовалъ я по выѣздѣ на берегъ; я обѣими почти руками крестился и благодарилъ Бога, что перенесъ онъ насъ чрезъ рѣку сію. Мы въ тотъ же еще день услышали, что нѣкто, ѣхавшей вскорѣ послѣ насъ въ самомъ семъ мѣстѣ, проломился и утонулъ; вотъ сколь велика была опасность, которая намъ тѣмъ болѣе еще казалась, что было тогда темно и на берегахъ не было ни жадной души, которая-бъ могла намъ помочь, естлибъ мы проломились.

Вскорѣ послѣ того доѣхали мы до другой и гораздо величайшей рѣки, а именно Мсты, подъ селомъ Бронницою. Сія также только-что стала и никто еще не отваживался по льду ѣхать; тутъ зять мой, каковъ ни былъ отваженъ, но пуститься не отважился, но дождался, покуда жители села Бронницъ поклали по льду чрезъ всю рѣку доски и насъ съ повозками на себѣ перевезли по онымъ, но за что и заплатить мы принуждены были имъ очень дорого. Я и при семъ случаѣ набрался невидимо сколько страху.

Въ продолженіе путешествія нашего не помню я ничего особливаго, а только памятно мнѣ, что ѣхали мы очень скоро и почти денно и ночно, и что, по щастію нашему, не сдѣлалось никакой оттепели, но морозы продолжались; выпало еще довольное количество снѣга, и зима стала совершенная.

Доѣхавъ до Твери, своротили мы съ большой дороги влѣво на Кашинъ, и ѣхали наиболѣе все лѣсами и узкими дорогами. Какъ стали подъѣжжать уже близко къ зятниной деревнѣ и оставалось ѣхать только верстъ съ тридцать, то нетерпѣливость его быть скорѣе дома была такъ велика, что онъ не захотѣлъ ночевать съ нами, но нанявъ свѣжихъ лошадей и оставивъ меня одного, пустился въ ночь, и я

пріѣхалъ уже на другой день по его пріѣздѣ.

Сестра встрѣтила меня, обливаясь слезами, отчасти о кончинѣ нашего родителя, отчасти отъ удовольствія, что меня видитъ; всѣ ласки, какія только могутъ быть, изъявляла она мнѣ и старалась угостить меня наивозможнѣйшимъ образомъ. Я не бывалъ еще до того никогда въ ихъ деревнѣ; они имѣли тутъ село, называемое Веденскимъ, и въ немъ домикъ довольно изрядной; нѣсколько имъ же принадлежащихъ деревень окружали оное. У сестры моей было тогда двѣ маленькихъ дочери, рожденныхъ ею въ одно время, одну звали Надеждою, а другую Любовью, и она жила тутъ хорошею экономкою и порядочно.

Я принужденъ былъ прожить въ деревнѣ у нихъ болѣе недѣли и до самыхъ тѣхъ поръ, покуда нашъ обозъ изъ Новагорода притащился, но дни сіи препровождены были мною безъ скуки. Сестра ласкалась ко мнѣ до безконечности и употребляла все, что могло служить только къ моему утѣшенію; лакомствы и закуски не сходили почти со стола, а и обо всемъ протчемъ было не позабыто. Словомъ, я такъ былъ доволенъ, что согласился-бы прожить у нихъ и долго.

Но какъ обозъ уже пришолъ, то надлежало помышлять объ отъѣздѣ; я думалъ, что зять мой поѣдетъ со мною и довезетъ меня до моей матери; однако въ томъ обманулся, но ему не захотѣлось такъ скоро разстаться съ своимъ домомъ. Сестра моя сколько ни просила и ни умоляла его, чтобъ онъ поѣхалъ со мною, однако онъ никакъ не согласился, а рѣшился на томъ, чтобъ мнѣ тогда ѣхать одному съ обозомъ, а самъ хотѣлъ пріѣхать къ намъ въ деревню послѣ и съ сестрою моею, и пробыть у насъ нѣсколько времяни.

Такимъ образомъ, принужденъ я былъ достальное путешествіе предпріять одинъ, и сей случай былъ первой еще въ моей жизни, что я одинъ и въ довольно дальнюю дорогу пустился, ибо отъ зятя до насъ было еще верстъ болѣе 300. Сестра напекла и наготовила мнѣ всего и всего на дорогу, и проводила меня съ слезами отъ себя.

Во время путешествія сего не случилось со мною ничего особливаго, кромѣ того, что въ первые дни ѣзды моей принужденъ я былъ чрезвычайно мучиться отъ чирьевъ. Сей болѣзни подверженъ я былъ съ малолѣтства и довольно часто, но такой бѣды никогда со мной не бывало, какъ тогда: легко-ли, семьдесятъ большихъ и малыхъ чирьевъ было тогда вдругъ на моемъ тѣлѣ! Притчиною тому была невиннымъ образомъ сестра моя; ей невѣдомо какъ хотѣлось съ дороги меня вымыть и выпарить, но, къ нещастію моему, въ банѣ у нихъ печь тогда обвалилась и была не исправлена; итакъ, вздумалось ей уговорить меня дать себя выпарить въ печи. Я долго не соглашался никакъ на сей особливой родъ паренья, которой былъ мнѣ неизвѣстенъ, но принужденъ былъ наконецъ ее послушаться, и, вмѣсто здоровья, получилъ вышеупомянутое множество чирьевъ.

По щастію, прошли они у меня скоро, такъ что я только дни три ими мучился, Мы пріѣхали въ Москву благополучно, и какъ мнѣ въ семъ городѣ жить долго было незачѣмъ, то я на другой же день пустился опять въ путь и, наконецъ, пріѣхалъ въ деревню свою благополучно.

Свиданіе съ покойною родительницею моею было трогательно и плачевно. Она хотя и знала уже о кончинѣ моего родителя, но смочила меня всего слезами, какъ я пріѣхалъ. Но скоро заступила мѣсто печали радость: она не могла на меня довольно насмотрѣться и изъявляла ко мнѣ всѣ ласки, какія только оказать ей было можно.

Симъ образомъ окончилъ я мое длинное путешествіе; а какъ съ того времяни принужденъ я былъ паки вести новой родъ жизни, то окончу симъ и теперешнее письмо мое, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и протчее.

Письмо 15.

Любезной пріятель! Жизнь, которую я по пріѣздѣ моемъ въ деревню принужденъ былъ вести, была совсѣмъ отмѣнна отъ той, какую я велъ до того времяни; до того жилъ я все съ мужчинами и посреди всегдашняго многолюдства, а тутъ долженъ былъ жить съ одними женщинами и наиболѣе старушками, и дни свои препровождать въ совершенномъ почти уединеніи. Родительница моя была человѣкъ уже немолодой; но не столько удручала ее старость, сколько слабое состояніе и частые болѣзненные припадки, отъ которыхъ не сходила она почти съ постели, но большую часть времяни своего препровождала на оной. Сверхъ того, какъ она была госпожа не свѣтская, а болѣе стариннаго вѣка, и притомъ набожная и благочестивая, а притомъ и достатокъ нашъ былъ такъ не великъ, что не дозволялъ ей жить никакъ открытымъ образомъ, хотя-бъ она и хотѣла, то и препровождала она въ деревнѣ жизнь совсѣмъ почти уединенную; никто почти изъ лутченькихъ сосѣдей нашихъ къ ней и она ни къ кому не ѣжжала. Но, правду сказать, и околодокъ нашъ былъ тогда такъ пустъ, что никого изъ хорошихъ и богатыхъ сосѣдей въ близости къ намъ и не было. Тогдашнія времяна были не таковы, какъ нынѣшнія (1789 г.); такова великаго множества дворянскихъ домовъ, съ повсюду живущими въ нихъ хозяевами, какъ нынѣ, тогда нигдѣ не было; все дворянство находилось тогда въ военной службѣ, и въ деревняхъ живали одни только престарѣлые старики, немогущіе болѣе нести службу или за болѣзнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю отставленные, и всѣхъ такихъ было не много. Въ другихъ домахъ живали также однѣ только старушки съ женами служащихъ въ войскѣ дворянъ, и вели также уединенную жизнь; итакъ, и знакомиться было не съ кѣмъ. Въ самомъ нашемъ селеніи были хотя три господскихъ дома, но одинъ изъ нихъ стоялъ пустъ, потому что всѣ хозяева были въ службѣ, а въ другомъ хотя и жилъ тогда отставной отъ службы мой дядя, родной братъ покойному родителю моему, и сей домъ хотя и всѣхъ къ намъ былъ ближе и только чрезъ садъ, но я не знаю уже за что и что-бъ тому была истинная притчина, что родительница моя никакъ не могла терпѣть онаго и во весь вѣкъ свой была съ нимъ несогласна. Правду сказать, что и характеры ихъ были весьма между собою несогласны: родительница моя была женщина хотя добросердечная, но нравная и неуступчивая; а дядя былъ человѣкъ чрезвычайно скупой и завистливой, и любилъ отмѣнно жить въ уединеніи и хозяйничать. Словомъ, они оба не могли терпѣть другъ друга, а маленькія и ничего незначущія по сосѣдству распри и мнимыя обиды поддерживали ихъ несогласіе; а люди и служители, находящіе нѣкоторое удовольствіе въ томъ, что господа между собою ссорятся, старались всегда съ обѣихъ сторонъ поддувать огнь вражды между обоими домами. Но все сіе притчиною тому было, что они между собою не знались и другъ къ другу не ходили, а при таковыхъ обстоятельствахъ не можно было и мнѣ ходить къ моему дядѣ; я одинъ только разъ, и то съ пріѣзда, получилъ дозволеніе къ нему сходить, да и то на одну только минуту. Единое знакомство и кой-когда свиданіе имѣла мать моя съ немногими своими, съ отцовской стороны, родственниками, которые всѣ были наибѣднѣйшіе дворяне и простѣйшіе старички, жившіе отъ насъ верстъ за 10 и за 15. Кромѣ сихъ, составлялъ весьма важную особу попъ нашъ приходской и ея отецъ духовной. Сія духовная особа была совсѣмъ отмѣннаго характера, нежели прочіе деревенскіе попы и имѣла великія предъ ними преимущества. Отецъ Иларіонъ (такъ его называли) былъ не только умнѣе сотни другихъ поповъ, но и велъ себя степенно, важно, осанисто и такъ, что не можно было не имѣть къ нему почтенія. При всемъ томъ былъ онъ превеликой разсказъ и говорилъ сладко, такъ что не устанешь, бывало, слушать предлинныя его повѣствованія

его приказныхъ дѣлахъ и хлопотахъ, въ какихъ препровождалъ онъ цѣлой свой вѣкъ, по притчинѣ вѣчной и непримиримой ссоры и вражды со своимъ товарищемъ, другимъ попомъ, котораго звали Иваномъ. Чудное по истинѣ было дѣло! цѣлой свой вѣкъ старались они другъ друга погубить, но никто не могъ ничего другому здѣлать и вся польза отъ ихъ вѣчной тяжбы была та, что они оба обѣднѣли, ибо обоихъ ихъ въ консисторіи только обирали, а безъ того были-бъ они оба богатые люди, ибо приходъ былъ хорошей.

Сія-то духовная и престарѣлая уже особа играла въ тогдашнее время знаменитую въ домѣ нашемъ ролю. Отчасти остротою своего разума, отчасти хитростію, а болѣе всего пользуясь отмѣнною родительницы моей склонностію къ набожному житію, умѣлъ отецъ Иларіонъ такъ вкрасться въ мать мою, что она воздавала ему превеликое почтеніе, неоставляла его во всѣхъ его нуждахъ, старалась во всемъ ему угождать, и онъ былъ у ней наилутчимъ совѣтникомъ и наставникомъ во всѣхъ случающихся дѣлахъ. Онъ хаживалъ къ намъ всѣхъ протчихъ чаще, и сколько для служенія завтреней и молебновъ, которые бывали у насъ очень часто, но и такъ, захаживая изъ прихода, и сиживалъ иногда по нѣскольку часовъ, разсказывая свои повѣсти и тяжбы. Словомъ, онъ обладалъ почти нравомъ и душевнымъ расположеніемъ моей матери, и я и понынѣ не могу еще позабыть одной хитрости, употребленной имъ во время тогдашняго моего пребыванія въ домѣ для поддержанія своего владычества. Нѣкогда случилось, что родительница моя не знаю чѣмъ, неисполненіемъ ли какой-нибудь его прозьбы или инымъ чѣмъ его поразсердила; онъ, будучи таковъ же внутренно золъ и любомстителенъ, коликo наружно благочестивъ и набоженъ, сокрылъ тогда досаду свою во глубинѣ своего сердца; но какъ нѣсколько времяни потомъ случилось родительницѣ моей прихворнуть и она вздумала исповѣдаться, какъ то нерѣдко она дѣлывала, то что-жъ онъ сдѣлалъ? — Онъ, зная коротко расположеніе ея права и великую привязанность ея ко всему суевѣрному, вздумалъ ей при семъ случаѣ мстить свою мнимую обиду, но чѣмъ же?—такъ-называемымъ связаніемъ на духу, о важности котораго постарался онъ уже издавна вперить въ нее страшныя мысли. Мать моя сочла сіе невѣдомо за что, и сіе связаніе нагнало на нее такой страхъ и ужасъ, что она, считала себя не инако какъ погибшею, ежели паки разрѣшена не будетъ. Нѣсколько недѣль препроводила она въ превеликомъ смущеніи и вналабыло отъ того въ сущую меланхолію, и тѣмъ паче, что попъ пересталъ вовсе къ намъ ходить и открыто уже изъявилъ всю свою злобу, скрывавшеюся до того въ его сердцѣ. Нечего было дѣлать, принуждены были засылать къ попу и ходить за нимъ и уговаривать; онъ спѣсивится и гордится, и насилу его какъ-то уговорили и довели до того, что онъ мать мою разрѣшилъ. Вотъ каковы были тогда времяна и обстоятельства!

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь, скажу, что мать моя пріѣздомъ моимъ чрезвычайно была обрадована, и какъ она меня уже давно не видала, и я между тѣмъ нѣсколько поболѣе выросъ, а притомъ, понаучившись кой-чему, здѣлался предъ прежнимъ и поумнѣе, то не могла она на меня довольно насмотрѣться и мною налюбоваться. Желала-бъ она охотно узнать, чему и чему я выучился въ Петербургѣ; но какъ она ни объ иностранныхъ языкахъ, ни о наукахъ никакова свѣдѣнія не имѣла, то не могла въ томъ себя удовольствовать. Недостатокъ сей я старался замѣнить показаніемъ искуства своего въ рисованьѣ; на другой же день пріѣзда своего, разобравшись съ своими красками, нарисовалъ я ей на цѣломъ листѣ Бову-королевича или древняго рыцаря на конѣ, въ полномъ его вооруженіи и воинскихъ доспѣхахъ. Рисунокъ сей былъ хотя весьма и весьма посредственъ, или, лучше сказать, ни къ чему не годился, потому что для вящаго оказанія своего искуства дѣлалъ его отъ

руки, но для старушки моей былъ онъ въ превеличайшую диковинку: всѣмъ-то былъ онъ показываемъ, всѣмъ-то расхваливанъ, всякое мое слово замѣчаемо, подтверждаемо, и я отъ всѣхъ осыпаемъ былъ похвалами и ласками.

Но не однимъ симъ угодилъ я моей родительницѣ; но чтобъ доказать, что я не люблю праздности и не хочу забыть того, что я училъ, разобралъ я и всѣ мои французскія и нѣмецкія учебныя книги, и по нѣскольку часовъ въ день сталъ пре́проводжать въ читаніи и выписываніи кой-чего изъ оныхъ для тверженія того, что я выучилъ. Сіе было для матери моей всего пріятнѣе, она то и дѣло сама твердила мнѣ, чтобъ я старался выученнаго не позабыть, и была прилежностью моею весьма довольна. Но бѣдное было сіе ученіе самого себя, а особливо въ такихъ лѣтахъ, въ какихъ былъ я, и притомъ при неимѣніи никакихъ историческихъ иностранныхъ книгъ, которыя-бъ я читать могъ и каковое-бъ чтеніе могло мнѣ всего болѣе пользовать.

Симъ образомъ, раздѣляя время свое между читаніемъ, писаніемъ и рисованьемъ, а времянемъ и гуляніемъ, началъ я жить при моей родительницѣ. Всѣ сіи учебныя и увеселительныя работы производилъ я при глазахъ моей матери, на большомъ и предлинномъ дубовомъ столѣ, стоящемъ у насъ въ переднемъ углѣ той комнаты, гдѣ мать моя жила и почивала. Что касается до моей спальни, то была она въ маленькомъ чуланчикѣ, отгороженномъ досками отъ комнатки, бывшей подлѣ спальни матери моей; въ сихъ обѣихъ комнатахъ состояли всѣ наши жилые покои. Происходило сіе не отъ того, чтобъ хоромы наши были маленькія: они были превеликія, но обыкновеніе тогдашнихъ времянъ приносило то съ собою, что состояли они по большей части въ пустыхъ и нежилыхъ покояхъ. Напримѣръ, было въ нихъ двое превеликихъ сѣней, изъ которыхъ переднія такъ были велики, что я, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, здѣлалъ изъ нихъ двѣ прекрасныя комнаты; а и заднія сѣни умѣстили-бъ въ себѣ также покойца два, но, вмѣсто того, были переднія совсѣмъ пусты, а и въ заднихъ былъ только одинъ ходъ наверхъ, занимающей мѣсто цѣлой комнаты. Изъ сѣней сихъ былъ входъ въ переднюю, или, по нынѣшнему, залу. Пространная комната сія была отъ начала построенія хоромъ холодная, и все украшеніе ее состояло въ образахъ простыхъ и въ кивотахъ, коими весь передней уголъ и цѣлая стѣна была наполнена, ибо обыкновенія, чтобы комнаты подштукатуривать и обоями обивать, не было тогда и въ завѣтѣ. Мебели же всѣ состояли въ лавкахъ кругомъ стѣнъ и въ длинномъ столѣ, поставленномъ въ переднемъ углу и ковромъ покрытомъ. Какъ окошки были небольшія, а стѣны и потолокъ отъ долговремянности даже потемнѣлъ и здѣлался кофейнаго цвѣта, а дубовой стычной полъ еще того былъ темнѣе, то царствовала въ сей комнатѣ сущая темнота, и въ ней никто и никогда не живалъ, а наполнялась она единожды въ годъ народомъ, то-есть въ святую недѣлю, когда съ образами приходили и въ ней молебенъ служивали. За сею слѣдовала другая, угольная и самая та комната, которая была у матери моей и гостиною, и столовою, и спальною, и жилою; три маленькихъ окна съ одной, и одно двойное съ другой стороны впускали въ нее свѣтъ, и превеликая, складенная изъ узорчатыхъ разноцвѣтныхъ кафлей печь снабжала тепломъ оную. Печь сія расположена была особымъ и такимъ образомъ, какъ въ людяхъ не водится: не скоро можно было найтить и добраться, откуда она топилась; надлежало лѣзть напередъ за печь, а тамъ поворачивать направо и искать устья, ибо оно здѣлано было отъ стѣны и совсѣмъ въ темнотѣ. Тапливали ее обыкновенно дворовыя бабы поочередно и таскивали всякой день превеликія ноши хвороста и, съ нимъ залѣзши къ устью, прятывались и завѣшивались тамъ, власно какъ въ конурѣ. Совсѣмъ тѣмъ печь сія была тепла и неугарна, да и самая комната довольно свѣтла и весела.

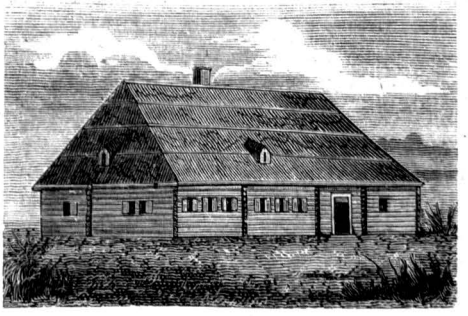
Что касается до украшеній сей важнѣйшей въ домѣ комнаты, то оныя состояли также только въ однихъ образахъ, разставленныхъ въ переднемъ углу. Внизу здѣланъ былъ маленькой угольничекъ, и тутъ предъ киотомъ, со крестомъ съ мощами, горѣла неугасимая лампада, а вверху здѣлана была предлинная полка, а на ней наставленъ цѣлой рядъ образовъ розныхъ. Стѣны въ комнатѣ сей были также ничѣмъ не обиты, но стычной дубовой полъ отъ частаго мытья нѣсколько побѣлѣе. Что касается до потолка, то онъ былъ неровной, но чрезъ доску одна ниже, а другая выше, и отъ долговремянности весьма изрядно закоптѣвшимъ.

Что принадлежитъ до мебелей, то нынѣшнихъ софъ, канапе, креселъ, тамбуровъ, комодовъ, ломберныхъ и другихъ разноманерныхъ столиковъ и протчаго тому подобнаго не было тогда еще въ обыкновеніи; гладенькія и чистенькія лавочки кругомъ стѣнъ и много-много полдюжинки старинныхъ стульцевъ должны были отвѣтствовать, вмѣсто всѣхъ креселъ и канапе, а длинной дубовой столъ и какой-нибудь маленькой складной, вмѣсто всѣхъ столиковъ. Итакъ, въ переднемъ углу стоялъ вышеупомянутой длинной столъ, въ другомъ была матери моей кровать, въ третьемъ, прежде упоминаемая печь и подлѣ ней широкая скамья, а въ четвертомъ стоялъ на лавкахъ, трехъ денегъ нестоющей и такъ почернѣвшей шкафчикъ, что надлежало развѣ скоблить ножомъ, чтобъ узнать, что онъ былъ нѣкогда крашенъ красками. Вотъ изображеніе нашлутчей и первѣйшей комнаты.

Вправо и сбоку подлѣ ней находился другой теплой покой или прежде-упоминаемая комнатка. Она составляла вкупѣ и дѣвичью, и лакейскую и дѣтскую, и была самая та, въ которой я родился. Незадолго до моего пріѣзда перегорожена она была на-двое досками, и сія отгородка была тогда моею спальнею и комнатою.

Наконецъ, кромѣ сихъ трехъ комнатъ было еще два покойца холодныхъ, чрезъ сѣни и въ сторону къ саду, но оба они были нежилые, а служили кладовыми. Одинъ занятъ былъ мелочными съѣстными припасами, а другой сундуками и былъ темной.

Вотъ все расположеніе старинныхъ хоромъ нашихъ, въ которыхъ живали наши предки, и въ коихъ я родился, женился и жилъ самъ потомъ нѣсколько лѣтъ, покуда построилъ себѣ новыя и лутчія. Для любопытства потомковъ моихъ не за излишнее почелъ я изобразить оныя какъ спереди, такъ и сзади, въ прошпективическомъ видѣ и вкупѣ съ бывшею подлѣ нихъ черною горницею, которая служила



тогда и кухнею, и приспѣшною и людскою.

Каковы были хоромы, таково было и мѣсто, на которомъ они стояли. Неизвѣстно уже мнѣ, кто изъ предковъ моихъ выбралъ впервые оное, только то знаю, что оно было хуждшее изъ всей усадьбы, а наилучшія мѣста заняты были огородами и скотными дворами; но сему и дивиться не можно: встарину было у насъ и обыкновеніе такое, чтобъ дома нарочно прятать и становить ихъ въ такихъ мѣстахъ, чтобъ изъ нихъ никуда въ даль было не видно, а все зрѣніе простиралось на одни только житни, конюшни, скотные дворы и сараи. А точно въ такомъ мѣстѣ поставлены были и наши хоромы.

Но вотъ я, опять заговорившись о побочномъ, удалился отъ продолженія исторіи моей. Теперь, возвращаясь къ оной, скажу, что нѣсколько дней спустя послѣ моего пріѣзда наступилъ нашъ храмовой праздникъ святаго Николая. Мать моя имѣла обыкновеніе оной колико можно лучше праздновать. Она пригласила къ себѣ къ оному всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, какихъ только она имѣла. Они пріѣхали всѣ къ ней, и я имѣлъ тутъ случай всѣхъ ихъ узнать и со всѣми ими познакомиться.

Но, о! какое это прекрасное общество и какая милая и любезная компанія! Первую особу составлялъ одинъ высокорослой старичокъ, по имяни Яковъ Васильевичъ Писаревъ. Онъ былъ матери моей двоюродной братъ и человѣкъ недальней бойкости; онъ служилъ въ войскѣ низкимъ чиномъ и поелику онъ не умѣлъ и грамотѣ, то и отставленъ таковымъ же. Жилъ онъ отъ насъ верстъ десять, имѣлъ самой малой достатокъ, и мать моя, сколько по родству, столько и за то любила, что онъ былъ веселаго и шутливаго нрава и въ компаніи нескученъ, а впрочемъ ничего дальнаго отъ него требовать было не можно. Жена его была старушка самая шлюшечка и человѣкъ препростой, но дочь имѣлъ онъ преизрядную и предорогую дѣвицу; ее звали Агаѳьею Яковлевною, и она была совершенная уже невѣста. Мать моя, по любви своей къ нимъ и по бѣдности ихъ, взяла ее жить къ себѣ, и она у насъ жила, какъ я пріѣхалъ, и дѣлала намъ компанію. Но сыномъ, котораго онъ имѣлъ, былъ онъ не таковъ счастливъ: была самая неугомонная, вѣтреная и такая голова, что нерѣдко онъ его на цѣпь приковывалъ.

Другую особу составлялъ также весьма небогатой дворянинъ и матери моей родственникъ же, но не столь близкой, по имяни Сила Борисьевичъ Бакѣевъ. Онъ жилъ верстъ 15 отъ насъ, и въ самой той деревнѣ, гдѣ мать моя родилась и воспитана, ибо она была фамиліи Бакѣевыхъ; онъ служилъ также въ гвардіи и отставленъ офицерскимъ чиномъ. Мать моя его не только любила, но и почитала, потому что онъ былъ всѣхъ прочихъ умнѣе и притомъ знатокъ по гражданскимъ дѣламъ, и могъ въ нужныхъ случаяхъ подавать совѣты. Словомъ, онъ во всемъ тогдашнемъ нашемъ обществѣ почитался философомъ и наразумнѣйшимъ человѣкомъ, хотя, въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ весьма и весьма посредственнаго знанія; жена его была старушка смиренькая и простенькая.

Третью особу составлялъ также весьма бѣдной дворянинъ, по имени Максимъ Ивановичъ Картинъ. Мать моя въ особливости была дружна съ его женой, которая была родная сестра вышеупомянутому г. Бакѣеву, и называли ее Федосьею Борисовною. Она и достойна была ея любви, ибо была всѣхъ прочихъ госпожъ и умнѣе, и бойчѣе, и мать мою сама любила. Что касается до ея мужа, то былъ онъ наипростѣйшей старичокъ и сущая курочка. Онъ служилъ въ гвардіи солдатомъ и отставленъ капраломъ, и помнилъ еще самую старинную службу. Мать моя любила его за простосердечіе и тихой нравъ, и была тѣмъ довольна, что они къ ней часто пріѣжали и у ней по нѣскольку дней отъ скуки гащивали.

Въ сихъ-то трехъ семействахъ состояли тогда почти всѣ наши гости. Старинныя, странныя и простыя ихъ одѣянія и

уборы, въ какихъ они къ намъ пріѣхали, показались мнѣ сначала весьма странны и удивительны; я, привыкнувши быть посреди свѣтскихъ людей, не могъ довольно надивиться долгополымъ ихъ кафтанамъ, ужасной величины обшлагамъ и всему протчему. Они показались мнѣ сущими почти шутами; однако, какъ увидѣлъ послѣ, что они были не безъ разума, а что одна бѣдность тому притчиною, что они такъ были одѣты, а паче всего, что они всѣ были по мнѣ, и я во многихъ вещахъ былъ всѣхъ ихъ знающѣе и умнѣе, и, сверхъ того, какъ они всѣ ко мнѣ ласкались и осыпали меня похвалами, то и я ихъ всѣхъ полюбилъ и всегда былъ очень радъ, когда они къ намъ пріѣзжали.

Тогдашней праздникъ празднованъ былъ точно такъ, какъ празднывали праздники въ деревняхъ наши старики и предки: за обѣдами и за ужинами гуляли чарочки, рюмки и стаканы, а нерѣдко гуляли они по рукамъ и въ протчее время; старички наши вставали оттого изъ-за стола подгулявши, и они праздновали у насъ дни съ три или болѣе. Мать моя любила гостей угащивать, и всѣ гости во все сіе время были веселы и довольны; по утрамъ бывали у насъ обыкновенно праздничные завтраки, тамъ обѣды и за ними подчиваніе; тамъ закуски и заѣдки; послѣ того чай, а тамъ ужины. Спали всѣ на землѣ повалкою, а поутру, проснувшись, принимались опять за ѣду и протчее тому подобное.

Недѣли двѣ спустя по отъѣздѣ сихъ гостей, и къ самому Рожеству, пріѣхали къ намъ другіе, и гораздо-пріятнѣйшіе гости, а именно, зять мой, г. Травинъ, съ моею сестрою. Они сдержали свое обѣщаніе, и мать моя была имъ чрезвычайно рада. Какъ зять мой никода еще въ домѣ у насъ не бывалъ, то заботилась мать моя какъ бы его лутче угостить и всѣмъ удовольствовать, и тѣмъ паче, что извѣстно ей было, что онъ былъ человѣкъ правной и горячей. Все, что только можно было выдумать, употреблено было къ его угощенію, и сколько казалось, то былъ онъ всѣми угощеніями ея и ласками доволенъ.

Какъ наступило Рожество и святки, то непреминула мать моя созвать опять всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Число ихъ пріумножила еще одна милая, разумная и почтенная старушка, по имяни Матрена Ивановна Аникеева, родная сестра дяди моего, Тараса Ивановича Арсеньева, которому порученъ я былъ въ Петербургѣ. Разумную и веселую старушку сію мы чрезвычайно любили; но она того и стóила. Она жила отъ насъ верстъ сорокъ и пріѣхала сама, какъ скоро услышала, что къ намъ пріѣхалъ зять нашъ; итакъ, компанія и общество было у насъ превеликое и пріятное. Зятю моему оказывали они всѣ отмѣнное почтеніе, и какъ онъ любилъ повеселиться, то заводимы были всякія святочныя игры и деревенскія увеселенія, и онъ гостями нашими былъ доволенъ.

Они для удовольствія зятя моего прогостили у насъ нѣсколько дней сряду. Въ теченіе оныхъ мать моя неоднажды предпринимала, какъ съ зятемъ моимъ, такъ и со всѣми ими общей совѣтъ, чтó бы лутче и выгоднѣе со мною дѣлать и начинать; отпущенъ я былъ, какъ упомянуто, до маія мѣсяца, слѣдовательно, если ничего не здѣлать, то по первому лѣтнему пути надобно будетъ меня отправлять къ полку. Но какъ можно было мнѣ, столь малолѣтному, нести службу? Зять мой разсказывалъ всѣмъ дѣланныя намъ предложенія, но ни матери моей и никому изъ всѣхъ не были они угодны; всѣ говорили, что хорошо бы, если-бъ только я не таковъ малъ былъ; что-жъ касается до матери моей, то ей и слышать не хотѣлось, чтобы отлучить тогда меня отъ себя, а она желала, чтобъ мнѣ получить какимъ-нибудь образомъ отсрочку и, когда не надолго, такъ по крайней мѣрѣ на годъ, дабы я сколько-нибудь повозмужать могъ.

Долго о семъ говорено было и совѣтовано, но наконецъ всѣхъ мнѣнія согласны были на томъ, чтобъ намъ заблаговремянно послать въ Петербургъ человѣка съ челобитною въ самую Военную Коллегію и, прописавъ въ ней мое малолѣтство и начатое ученіе наукамъ, просить у ней

мнѣ для окончанія наукъ на своемъ коштѣ увольненія до совершеннаго возраста. Госпожа Аникеева совѣтовала намъ поручить стараніе о томъ ея брату, о которомъ сказывала, что онъ поѣхалъ недавно опять въ Петербургъ, и увѣрила, что онъ помочь намъ въ томъ можетъ. Мы и сами на него болѣе всѣхъ надѣялись, ибо увѣрены были о его къ намъ благорасположеніи и любви.

Рѣшившись на семъ и назначивъ для исправленія сей важной комисіи дядьку моего, Артамона, какъ умнѣйшаго изъ всѣхъ нашихъ служителей, также проводивъ нашихъ гостей, не сталъ и самъ зятъ мой долѣе у насъ медлить, но, распрощавшись съ нами, поѣхалъ обратно домой. Мать моя провожала ихъ, а особливо сестру мою, со слезами, ровно какъ предчувствуя, что она ее въ послѣдней разъ видитъ, ибо съ того времени не удалось уже ни зятю, ни сестрѣ быть у насъ въ домѣ при жизни нашей родительницы.

Симъ кончился тогдашней 1750 годъ, которой, для множества случившихся въ оной перемѣнъ, былъ довольно достопамятенъ въ моей исторіи, а всходствіе сего окончу и я теперешнее мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь, и протчее.

Письмо 16.

Любезной пріятель! Проводивъ моего зятя и отпраздновавъ святки, начали мы спѣшить отправленіемъ комисіонера нашего въ Петербургъ. По собраніи его въ сей дальней путь, снабдили мы его челобитною и кой къ кому нужными письмами; въ особливости же просили мы о неоставленіи его и вспоможеніи намъ дядю моего, господина Арсеньева. Ему же поручили возможнѣйшимъ образомъ объ отпускѣ меня стараться, а буде дѣло не пойдетъ на ладъ, то спѣшилъ бы онъ къ намъ возвратиться, дабы намъ заблаговремянно о томъ знать и въ полкъ ѣхать собраться успѣть было можно.

По отъѣздѣ его начали мы по-прежнему препровождать въ уединеніи своемъ тихую и спокойную жизнь; я продолжалъ свои прежнія упражненія, и какъ тогда было зимнее и холодное время и мнѣ не можно было никуда ходить, бѣгать и рѣзвиться, то тѣмъ охотнѣе сидѣлъ я на одномъ мѣстѣ и что-нибудь дѣлалъ. Наизнатнѣйшею часть тогдашнихъ моихъ упражненій составляло рисованье, яко работа гораздо пріятнѣйшая и веселѣйшая, нежели скучное читаніе учебныхъ книгъ и выписываніе и тверженіе. Я, какъ теперь помню, нарисовалъ цѣлой фрунтъ стоящихъ въ ружьѣ солдатъ и предъ ними офицера съ распущеннымъ знаменемъ и барабанщика съ барабаномъ; и какъ всѣ сіи фигуры нарочито были велики, то вырѣзавъ всѣхъ ихъ, прилѣпилъ фрунтомъ на стѣнѣ подлѣ самаго того мѣста, гдѣ сидѣлъ я. Боже мой какая это была диковинка для моей старушки! она расхвалила ихъ до безконечности. Другое дѣло, въ которомъ я тогда чаще упражнялся, состояло въ ученіи географіи. Атласъ съ ландкартами былъ у меня изрядной, а между книгами, оставшимися послѣ родителя моего, нашелъ я изрядную и полную нѣмецкую географію, по которой можно было мнѣ продолжать сію науку. Я и дѣйствительно много изъ ней въ сіе время научился; я прискивалъ на ландкартахъ описанные города, выписывалъ ихъ въ особливыя тетрадки, переводя съ нѣмецкаго все, что объ нихъ упоминалось въ географіи. Относительно же до языковъ, то твердилъ я только грамматики и выписывалъ изъ нихъ слова.

Между сими упражненіями наступила масляница; мать моя приказала для увеселенія моего здѣлать на дворѣ гору, на которой можно-бъ было мнѣ кататься. Для меня не противна была сія забава, и я воспользовался довольно симъ дозволеніемъ. Вышеупомянутые старички и старушки опять насъ въ сію недѣлю посѣтили, и я очень былъ радъ ихъ пріѣзду.

Съ наступленіемъ великаго поста начались у насъ богомолія и ежедневная служба. Я принужденъ былъ наблюдать всю строгость поста и потомъ исповѣды-

вался и пріобщался святыхъ тайнъ въ нашей приходской церкви.

Около половины сего поста начали мы ожидать и возвращенія слуги нашего, Артамона, изъ Петербурга. По щоту нашему казалось, что было ему довольно времяни доѣхать туда, тамъ пробыть нѣсколько времяни и надлежало уже назадъ возвратиться; однако онъ не ѣхалъ, и мы не имѣли объ немъ ни слуха, ни духа, ни послушанія; тогдашнія времяна были не таковы, какъ нынѣшнія, и почты были весьма неисправны; не можно было чрезъ нихъ ничего писать, да и получать намъ въ деревнѣ письмы было неспособно. Чѣмъ ближе стала приближаться весна и половодь, тѣмъ увеличивалось наше ожиданіе; но какъ онъ все еще не ѣхалъ, то начинало сіе мать мою уже нѣсколько и озабочивать и обезпокоить; она приказала ему какъ можно стараться возвратиться тогдашнимъ зимнимъ путемъ, и потому и ожидала его при окончаніи онаго. Уже настала пятая и шестая недѣля, уже началъ снѣгъ таять и сходить, уже разлились рѣки и здѣлалась совершенная половодь, но Артамона нашего все еще не было. Мать моя сколь часто ни высылала смотрѣть, не ѣдетъ ли ея Артамонъ, но всѣ спрашиванія и высыланія ея были тщетны: его не было и въ завѣтѣ, и мы всѣ только и знали, что твердили: «Господи помилуй! что это такое, что онъ не ѣдетъ. Не здѣлалось ли чего съ нимъ?» и такъ далѣе.

Наконецъ сошла уже и полая вода, и весна начинала открываться и украшать землю своею зеленью, приближалась уже святая недѣля; но объ Артамонѣ нашемъ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія. Мать мою сіе озабочивало уже до чрезвычайности, она во все сіе время горѣла какъ на огнѣ и была на каторгѣ. По свойственному всѣмъ старушкамъ малодушію, насчитала она ему уже тысячу смертей: и убитъ-то онъ на дорогѣ разбойниками, и утопъ-то въ рѣкахъ, и занемогъ-то, и лежитъ боленъ, и умеръ, и такъ далѣе. Неоднажды было то, что проливала о немъ и слезы, а безпокойство и сомнѣніе были такъ велики, что она почти съ ума сходила. Все краснорѣчіе отца Иларіона ни мало ее не подкрѣпляло; она въ превеликой горести и печали своей не внимала никакимъ представленіямъ и была совершенно неутѣшною.

Но, правду сказать, и было о чемъ ей тужить и горевать. Со вскрытіемъ весны приближался и срокъ мой, и былъ такъ уже недалекъ, что надлежало меня въ скорости и отправлять, а у насъ не здѣлано было къ тому никакихъ пріуготовленій: къ тому-жъ и не было еще слуги съ которымъ бы мнѣ ѣхать, ибо у насъ на одного его была и надежда, и Богу извѣстно, что съ нимъ здѣлалось.

Наконецъ, наступила уже и страстная субота. Поелику приходская церковь была отъ насъ не близко, версты двѣ и притомъ за рѣкою, то издревле было у нашихъ предковъ обыкновеніе ѣжжать къ церквѣ наканунѣ еще праздника и ночь сію ночевать тамъ у поповъ, дабы избѣжать безпокойства ѣхать ночью и поспѣвать къ завтрени. Мы поѣхали туда не съ радостными сердцами, и самой праздникъ терялъ всѣ свои для насъ прелестности. Мы взяли квартиру себѣ въ домѣ отца Иларіона, и мать моя непреминула еще и въ сей вечеръ поплакать и погоревать.

Въ таковомъ же безпокойствіи душевномъ были мы и во все продолженіе служенія на праздникъ завтрени. По окончаніи оной возвратились мы на свою квартиру и легли уснуть еще нѣсколько, до обѣдни; но не успѣли мы заснуть, какъ прибѣжали къ намъ насъ будить и сообщить намъ радостное извѣстіе, что Артамонъ нашъ пріѣхалъ. Боже мой, какая началась у всѣхъ у насъ тогда радость и какія благодаренія Богу! Я отъ-роду моего не помню, чтобъ когда-нибудь просыпался я съ такою радостью и восхищеніемъ сердечнымъ, какъ въ тогдашнее утро; я бѣжалъ къ матери моей, а она меня искала и отъ радости плакала: «Ну, слава Богу!» повторяла она сто разъ, и не могла порядочно ни о чемъ пріѣжжаго

распрашивать. Наша радость и удовольствіе увеличилась еще больше, когда услышали отъ него, что ѣзда его была не попустому, что комисію, порученную ему, исправилъ онъ съ вожделѣннѣйшимъ успѣхомъ, что по долговремяннымъ хлопотамъ и многимъ трудамъ удалось ему, наконецъ, Военную Коллегію упросить, чтобъ меня для окончанія наукъ отпустили до шестнадцати-лѣтняго возраста, и что, наконецъ, привезъ онъ съ собою и указъ, данной мнѣ о томъ.

Таковымъ неожидаемымъ успѣхомъ мать моя довольно заплачена была за всѣ свои горести и печали. Она рада была до безконечности, что я на столько времени былъ уволенъ и не знала, какъ и чѣмъ возблагодарить слугу за его труды и стараніе.

Сіе произшествіе сдѣлало намъ всю святую недѣлю вдвое радостнѣйшею и веселѣйшею. Вышеупомянутые старички, родственники наши, непреминули къ родительницѣ моей съѣхаться и раздѣлить съ нею ея радость; что̀ касается до меня, то была недѣля сія въ особливости мнѣ весела. Катаніе красныхъ яицъ и качаніе на качеляхъ, а притомъ и возможность ходить уже всюду и всюду и предпринимать съ ребятишками разныя игры и рѣзвости, меня до крайности утѣшало и веселило. Петербургской мой дядя, г. Арсеньевъ, помогшей много намъ въ семъ дѣлѣ, хотя и писалъ къ матери моей, что какъ я отпущенъ для окончанія наукъ, то не держала-бъ она меня при себѣ, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лутче, присылала-бъ къ нему, и что онъ мѣсто для продолженія наукъ мнѣ сыщетъ. Однако мать моя никакъ не хотѣла меня прежде отъ себя отпустить, какъ на предбудущую зиму, и какъ я къ деревенской жизни уже попривыкъ, то намѣреніе ея было мнѣ въ особливости пріятно.

Не успѣли первыя чувствованія радости пройтить и мы нѣсколько недѣль препроводить въ совершенномъ спокойствіи и тишинѣ, какъ новая буря встревожила покой всего нашего дома и погрузила опять мать мою въ новую бездну горестей и печалей. Нѣкто изъ сосѣдей нашихъ воздвигъ оную на насъ и подалъ поводъ матери моей пролить тысячи токовъ слезъ по сему дѣлу. Онъ подалъ на насъ исковую челобитную и отыскивалъ одну бѣглую свою бабу, живущею у насъ въ Шадской нашей и отдаленнѣйшей изъ всѣхъ деревняхъ, и бывшую уже многіе годы замужемъ за однимъ мужикомъ нашимъ. Обстоятельства сего мать моя не знала до самаго того времени, какъ подана сія челобитная; ибо какъ произошло сіе въ такое время, когда родители мои находились при полку, и мужикъ женился самъ собою и за многіе уже годы, въ деревнѣ же сей родителямъ моимъ никогда бывать не случалось, то и не знали они о томъ ничего и не вѣдали. Но сосѣду нашему было все сіе извѣстно, но покуда родитель мой былъ живъ, то не отваживался онъ тогда просить; но какъ онъ скончался, мать же моя была слаба, а я малъ и безгласенъ, то и вздумалъ онъ сими обстоятельствами воспользоваться и напасть на насъ наисуровѣйшимъ образомъ.

Матери моей тѣмъ несноснѣе было сіе дѣло, что человѣкъ сей былъ родителемъ моимъ до безконечности одолженъ. Рода былъ онъ подъяческаго, и какимъ-то образомъ попалъ въ такую бѣду, что надлежало его кнутомъ высѣчь и сослать на каторгу, что̀ и учинено-бъ было тогда, если-бъ родителю моему не удалось какимъ-то образомъ отъ того его избавить. Итакъ, не смѣя при жизни его, отъ зазранія совѣсти, ничего предпринимать, вздумалъ тогда, въ благодарность за таковое благодѣяніе, напасть на оставшуюся его беззащитную вдову и на осиротѣвшаго и малолѣтнаго сына, и стараться безсовѣстнѣйшимъ образомъ разорить ихъ до основанія.

Неблагодарнаго и гнуснаго человѣка сего звали Васильемъ Васильевичемъ Кирьяковымъ; онъ имѣлъ тогда въ самой близости отъ насъ небольшую деревеньку, купленную имъ какимъ-то образомъ, и участіе въ самыхъ нашихъ дачахъ. Будучи весь почти свой вѣкъ подъячимъ, зналъ

онъ всѣ приказныя дѣла изъ основанія и, стакавшись съ воеводою нашего города, подалъ на насъ самую ябедническую исковую челобитную, и искалъ на насъ превеликаго иска.

Не могу вспомнить съ спокойнымъ духомъ того случая, какъ пріѣхала къ намъ изъ города посылка съ призывомъ матери моей къ отвѣту въ городъ; неожидаемость и нечаянность таковаго произшествія поразило ее власно какъ громовымъ ударомъ. Она не знала, что̀ дѣлать и что̀ начать при дѣлѣ, толико ей необыкновенномъ, и погрузилась не только въ превеликую горесть, но и самое малодушіе.

Находясь въ наивеличайшемъ нестроеніи, призвала она нашего Артамона и требовала совѣта. Но сей хотя и разумѣлъ довольно грамоту, но, не упражнявшись никогда въ такихъ дѣлахъ сего рода, не зналъ и самъ что̀ присовѣтовать. Не къ кому было тогда иному взять прибѣжища, какъ къ отцу Иларіону. Тотчасъ отправленъ былъ къ нему нарочной, и онъ, пришедъ, подкрѣпилъ сколько-нибудь мать мою, сказавъ, что посылка сія не составляетъ еще дальней важности, что надобно дождаться второй и третьей, а между тѣмъ послать въ городъ человѣка и стараться списать челобитную, чтобъ узнать все дѣло обстоятельнѣе. Какъ онъ совѣтовалъ, такъ было и здѣлано; Артамонъ нашъ на другой же день поѣхалъ въ Коширу, и чрезъ нѣсколько дней привезъ къ намъ челобитную.

Тогда созванъ былъ матерью моею общественной совѣтъ: отецъ Иларіонъ, вышеупомянутой родственникъ ее, Сила Борисьевичъ Бакѣевъ, яко человѣкъ знающей довольно законы, и Артамонъ, произведенной тогда въ стряпчіе и повѣренные, были членами сего совѣта; всѣ они читали и разсматривали челобитную и разсуждали объ оной очень долго. Наконецъ всѣ единогласно сказали, что дѣло наше дурно, что челобитчикъ имѣетъ съ своей стороны требованіе справедливѣйшее, и что намъ ничѣмъ себя оправдать и прозьбу его оспорить не можно, и что ежели допустить до суда, то мы вѣрно потеряемъ и принуждены будемъ заплатить ему весь его страшной искъ.

Таковое изреченіе сего совѣта не служило матери моей къ отрадѣ, но повергло ее еще въ вящую печаль. Наконецъ, при вопрошеніи, что̀-жъ бы при таковыхъ обстоятельствахъ дѣлать и чѣмъ себѣ сколько-нибудь помочь, всѣ единогласно говорили, что другова не остается, какъ стараться дѣло сіе сколько-нибудь продлить, а между тѣмъ испытать, не можно ли соперника нашего преклонить къ полюбовному въ семъ дѣлѣ съ нами примиренію, и не удастся ли убѣдить его взять сколько-нибудь съ насъ меньше, нежели сколько онъ требовалъ.

Между тѣмъ, какъ сіе тутъ происходило, соперникъ нашъ работалъ въ Коширѣ и старался кутить и юрить симъ дѣломъ. Не только воевода, но и всѣ подъячіе были ему друзья и братья; всѣхъ онъ закупилъ и задобрилъ, и всѣ держали его сторону; онъ тотчасъ выпросилъ другую за нами, а вскорѣ потомъ и третью посылку.

Таковая поспѣшность и недаваніе намъ покоя привела мать мою еще въ пущую разстройку. Надлежало что-нибудь дѣлать, и буде мириться, то къ сопернику когонибудь засылать; но она не знала, къ кому въ семъ случаѣ и прибѣжище взять. О, сколько слезъ пролито было по сему дѣлу, и сколько вздоховъ испущено на небо! Наконецъ присовѣтовали ей самой ѣхать въ Коширу и просить воеводу, чтобъ взять сколько-нибудь терпѣніе. Что было дѣлать! Она хотя слаба была здоровьемъ, но, несмотря на всю слабость, принуждена была туда со мною ѣхать. Мы заѣжали по дорогѣ къ совѣтнику нашему г. Бакѣеву. Тутъ начались опять совѣты, но, къ несчастію, дѣло было такъ дурно, что всѣ законы были противъ насъ, и ничего присовѣтовать было не можно. По крайней мѣрѣ упросили мы его, чтобъ онъ поѣхалъ съ нами. Воевода, державшей почти вьявъ сторону нашего соперника, принялъ насъ весьма гордо и несговорчиво; матери моей было сіе несносно, однако она принуждена была повиноваться

времяни. Нѣкоторые подарки, отосланные къ сему градоначальнику, здѣлали его нѣсколько благосклоннѣйшимъ; онъ обѣщалъ не только продлить дѣло, что̀ ему всего лехче учинить было можно, но и постараться преклонить соперника нашего къ миру. Но сіе не такъ могло скоро здѣлаться, какъ мы думали и уповали; мы принуждены были прожить въ Коширѣ болѣе недѣли. Въ сіе время, къ превеликому огорченію нашему, узнали мы, что соперникъ нашъ еще кичился и гордился, и объ мирѣ слышать не хотѣлъ, или, по крайней мѣрѣ, хотѣлъ, чтобъ мы заплатили ему огромную сумму. Подозрѣвали, что самъ воевода вмѣстѣ съ нимъ шильничалъ и его наущалъ, дабы ему самому тѣмъ болѣе отъ насъ и отъ него поживиться было можно. Сказали матери моей, что̀ есть нѣкто изъ живущихъ неподалеку отъ Коширы дворянъ, по имяни Иванъ Алексѣевичъ Ильинъ, человѣкъ сопернику нашему знакомой, но весьма доброй и хорошей, и совѣтовали съѣздить къ нему и упросить его, чтобъ онъ вступилъ въ посредники и миротворители. Дворянинъ сей былъ намъ совсѣмъ незнакомъ; но что дѣлать! мать моя, утѣсняема будучи крайн стью, принуждена была къ нему со мною ѣхать. Г. Ильинъ принялъ насъ нарочито холодно; однако, по умоленію матери моей, обѣщался вступить въ посредство и уговаривать нашего соперника. Однако, какъ все сіе не могло скоро совершиться, то мы принуждены были, ничего не сдѣлавъ, возвратиться въ деревню, а оставили только стараться и хлопотать по сему дѣлу нашего повѣреннаго.

Горестное сіе для насъ дѣло продлилось большую половину лѣта и почти по самую осень. Сколько это было взадъ и впередъ посылокъ и переѣздовъ, и сколько пролито слезъ! но наконецъ кончилось дѣйствительно миротвореніемъ. Соперника нашего кое-какъ уговорили помириться, и мы принуждены были согласиться отдать ему не только его бѣглую женку, но вкупѣ съ ея мужемъ и со всѣми дѣтьми и дворомъ, въ которомъ она жила, и перевесть ево на своемъ коштѣ въ его деревню, а сверхъ того заплатить ему еще 800 рублей деньгами. Убытокъ сей былъ для насъ хотя весьма чувствителенъ, а особливо потому, что толикаго числа денегъ мать моя въ наличности не имѣла, но принуждена была для выручения оныхъ распродать и послѣдніе пожитки и вещи отца моего, а нѣкоторое количество еще и призанять; но мать моя, сколько ей все сіе несносно было, рада была по крайней мѣрѣ тому, что отъ врага своего избавилась. Для заключенія сего мира принуждена была еще разъ со мною въ Коширу ѣздить и еще разъ мучиться. Но какъ бы то ни было, но дѣло сіе наконецъ кончено, и мы, удовольствовавъ своего злодѣя, возвратились въ деревню и начали жить, по-прежнему, въ тишинѣ и спокойствіи.

Теперь, не ходя далѣе, надобно мнѣ замѣтить, что сопернику нашему не пошли въ прокъ наши деньги и люди. На него на самого случились вскорѣ потомъ какія-то напасти, а что̀ всего паче, то судьба поразила его тяжкою и долговремянною болѣзнію и онъ въ достальные годы своей жизни влачилъ дни свои въ жалкомъ состояніи. Наконецъ, не имѣя дѣтей мужескаго пола, лишился онъ и своей деревнишки; она перешла изъ рукъ въ руки, и досталась нынѣ г. Агаркову, а его имя и память погибли совсѣмъ съ шумомъ изъ предѣловъ нашихъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, продолжалъ я прежнія мои упражненія, однако съ наступленія лѣта прилежность моя была далеко уже не такова велика, какъ прежде. Частыя выхожденія въ сады, на дворъ, въ рощи и на пруды, отвлекали меня отъ ученія, а сообщество съ одними только ребятишками поразвратило гораздо прежнее мое постоянство и благонравіе. Они пріучили меня ко всякимъ играмъ, бѣганью и рѣзвостямъ, изъ которыхъ были иныя ни мало съ прежнимъ моимъ характеромъ несообразныя и подвергающія меня иногда самымъ опасностямъ. Всѣ сіи безпутныя упражненія скоро я такъ полюбилъ, что за ними мало-по-малу началъ отставать отъ

своихъ прежнихъ дѣлъ и заниматься ими большую часть времени.

Сіе не могло укрыться отъ глазъ моей родительницы; она любила меня хотя чрезвычайно и охотно дозволяла мнѣ иногда погулять и порѣзвиться, однако неумѣренность въ томъ и теряніе на то слишкомъ много времяни было ей весьма непріятно и подавало нерѣдко поводъ ей къ неудовольствіямъ и досадамъ на меня. Скоро изчезли уже всѣ прежнія мнѣ похвалы и всѣмъ моимъ дѣламъ одобренія, но она начала меня уже и побранивать и неволею заставлять сидѣть и учиться. Нерѣдко стало случаться, что она, поставивъ меня въ ногахъ у своей кровати, предпринимала меня всячески тазать и продолжала иногда тазанье таковое съ цѣлой часъ времяни. Все сіе, а особливо тазанія ее, были мнѣ весьма непріятны; я хотѣлъ-бы лутче высѣченъ быть розгами, нежели выслушивать таковыя ея предики и нравоученія; но что́ было дѣлать, я принужденъ былъ повиноваться ея волѣ и переносить гнѣвъ ея терпѣливо, ибо признаться надобно, что сколько я ее любилъ, столько-жъ и боялся. Человѣкъ была она очень нравной, могла легко подвигнута быть на гнѣвъ и въ семъ случаѣ должны были всѣ молчать и повиноваться ея волѣ.

Со всѣмъ тѣмъ всѣ ея тазанія не великое производили во мнѣ дѣйствіе. Привыкнувши однажды къ рѣзвостямъ и получивши въ нихъ вкусъ, не такъ легко могъ я отстать отъ оныхъ; я продолжалъ оныя, но старался болѣе уже утаивать и скрывать отъ матери мои шалости. Но иного и скрыть было не можно, какъ, напримѣръ, однажды, какъ не лежала она на своей постелѣ, а была въ моей комнаткѣ и молилась Богу, игралъ и рѣзвился я на ея постелѣ съ любимою ея кошкою. Тутъ пришло мнѣ въ голову спрятать ее подъ одѣяло, чтобъ повеселиться ея подъ нимъ ворчаньемъ, а потомъ предпріялъ я еще того глупѣйшее дѣло: я, схватя претолстую палку и хотя ее тѣмъ испужать, ударилъ по одѣялу. Но нещастіе мое хотѣло, чтобъ я ударомъ симъ ошибся; вмѣсто того, чтобъ по намѣренію моему ударить подлѣ самой ей и въ пустое мѣсто, попади я прямо въ нее и по самой головѣ оной. Бѣдная кошка подняла преужасной крикъ и чрезъ минуту отъ того околѣла. Господи помилуй, какая поднялась тогда на меня гроза и буря отъ моей матери! Мнѣ кошки сей было хотя столько-жъ жаль, сколько ей, ибо любилъ и я ее не меньше, какъ и она, и дѣло сіе произошло хотя отъ нечаянности и я самъ по кошкѣ плакалъ, но статочное-ли дѣло, чтобъ принять что-нибудь въ уваженіе! Я принужденъ былъ съ битой часъ вытерпливать ея брани и тазанія и пребыть дни съ три подъ ея гнѣвомъ.

Въ другой разъ довелъ я рѣзвостми своими ее до того, что чуть-было она меня совсѣмъ не высѣкла, но, правду сказать, и было за что́. Находился у насъ въ домѣ взятой на воспитаніе одинъ солдатской сынъ, пребѣглая и пребойкая особа; онъ былъ наилутчей мой въ рѣзвостяхъ сотоварищъ и всему злу заводчикъ и производитель. Вышедши однажды за вороты на улицу, увидѣлъ я сего вертопрашнаго малова, стоящаго подлѣ пруда, на самомъ краю возвышеннаго и крутова берега и ко мнѣ спиною, и тогда приди мнѣ что-то въ голову подкрасться къ нему и столконуть ево съ берега въ воду. Хотѣлось мнѣ ево только обмочить и посмѣяться, ибо вѣдалъ, что онъ, по умѣнію своему плавать, утонуть никакъ не могъ; но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ я къ нему подкрасца и собравъ всѣ силы толконуть, какъ проклятой онъ, по проворству своему, отвернулся, а я съ размаху полетѣлъ съ берега самъ въ воду. Не умѣя совсѣмъ плавать, и по глубинѣ сего мѣста въ прудѣ, чистёхонько могъ бы я тогда утонуть, ибо я весь окунулся, и поплыла только моя шляпа, естлибъ сама судьба не захотѣла и на сей разъ спасти жизнь мою, и власно какъ нарочно здѣлала то, что на самой тотъ разъ случилось въ самой близости отъ того мѣста нѣсколько бабъ, моющихъ на примосткѣ платье; онѣ,

увидѣвъ сіе, бросились и вытащили меня изъ воды.

Неуспѣлъ я отъ страха и испуга, учиненнаго симъ паденіемъ, опамятоваться и приттить въ себя, какъ напало на меня превеликое горе. Вода текла съ меня ручьями, не осталось ни одной сухой нитки на всемъ моемъ платьѣ. Что было дѣлать? Какъ иттить въ такомъ нарядѣ домой и показаться къ моей матери? Чего и чего не долженъ я ожидать за сіе отъ ея строптиваго нрава. Наконецъ присовѣтовали мнѣ бабы послать скорѣе за другимъ и сухимъ платьемъ и переодѣться, и чрезъ самое то скрыть произшествіе сіе отъ моей родительницы. Совѣтъ былъ благъ, я ево тотчасъ исполнилъ; но мнѣ неудалось воспользоваться его плодами: мать моя прежде о томъ свѣдала, нежели я думалъ и ожидалъ. Бездѣльница одна маленькая дѣвчонка, случившаяся тогда на улицѣ, какъ я упалъ въ воду, увидѣвъ сіе, благимъ матомъ побѣжала въ хоромы и расказала все дѣло находящимся тамъ женщинамъ и старушкамъ. Мать моя вслушалась нечаянно въ разговоръ ихъ и принудила запирающихся ихъ въ томъ пересказать себѣ все дѣвчонкою имъ сказанное, и услышавъ, что я упалъ въ прудъ, обмерла, испужалась, ибо сочла меня уже погибшимъ и утопшимъ. Въ отчаяніи, не знала она что дѣлать и, не удовольствуясь тѣмъ, что отправила не только пословъ одного за другимъ, для точнѣйшаго обо мнѣ разпровѣданія, встала сама съ постели и хотѣла иттить на прудъ, но, по счастію, вышедшею ее уже изъ хоромъ первые посланные останавливаютъ и, обрадовавъ увѣдомленіемъ, что я живъ, расказываютъ въ подробности все произшествіе Тогда страхъ и отчаяніе ее перемѣнились въ превеликой на меня гнѣвъ и досаду; она положила неотмѣнно меня за сіе высѣчь, и велѣла принесть и приготовить хорошія уже розги.

Вскорѣ потомъ привели и меня, раба божія, къ ней. Я обмеръ испужался, какъ услышалъ, что мать моя обо всемъ уже вѣдала, и завѣрное полагалъ, что меня высѣкутъ. «Поди-ка сюда! поди, дружокъ!» закричала мать моя, меня завидѣвъ; но я, не давъ ей болѣе говорить, повалился ей прямо въ ноги и говорилъ только: «виноватъ, матушка! что хотите, со мной дѣлайте; случилось сіе нечаянно, и я самъ тому не радъ». Она, невнимая моимъ словамъ, схватила уже розги и хотѣла сѣчь, но я, схвативъ ее руку, цѣловалъ оную и обливалъ слезами, прося объ отпущеніи вины моей и о помилованіи, заклиная себя, что впредь того дѣлать не стану. Все сіе умягчило наконецъ гнѣвъ ея, она не стала меня сѣчь, но предику принужденъ я былъ вытерпѣть преужасную, а сверхъ того не дозволено мнѣ было нѣсколько дней сходить съ мѣста, и я долженъ былъ безпрестанно учиться, покуда, наконецъ, сжалилась она надо мною и дозволила сама опять выходить на дворъ, взявъ только съ меня клятву, чтобъ я всѣ таковыя безпутства оставилъ.

Нѣсколько недѣль послѣ того случилась со мною третья бѣдушка, но отъ которой, противъ чаянія моего, я удачно отдѣлался. Былъ у меня нарочно здѣланъ маленькой и преострой топорикъ, имъ рубливалъ и тесывалъ я, во время рѣзвостей моихъ, что ни попало. Ходючи однажды съ нимъ и вышедъ на улицу, увидѣлъ я, что плотники у насъ рубили *стр*убъ на избу. Лехкомысліе мое внушило мнѣ охоту пойтить къ нимъ и помогать имъ рубить своимъ топорикомъ; но какъ сидѣли они на *стр*убѣ высоко и мнѣ къ нимъ взлѣзть было не можно, то, увидѣвъ лежащей подлѣ *стр*уба на землѣ одинъ обрубокъ отъ бревна, началъ я надъ нимъ по-своему плотничать. Нѣсколько минутъ рубилъ я все хорошо и порядочно, но одинъ ударъ топоромъ былъ весьма неудаченъ; топоръ какимъ-то образомъ съ конца обрубка, которой я сглаживалъ, соскользнулся и попалъ мнѣ прямо въ правую ногу, въ самое то мѣсто, гдѣ пускаютъ обыкновено кровь изъ ноги. Весь узъ топора ушолъ у меня въ башмакъ и произвелъ рану въ полвершка величиною, и я истинно не знаю, какъ не пересѣкъ я жилы и не испортилъ тѣмъ совсѣмъ ноги. Но видно,

что судьба хотѣла меня и въ семъ случаѣ спасти: ударъ пришелся вдоль по жиламъ и между оныхъ и не повредилъ ни жилы, ни кости. Но мое великое счастіе было то, что рубилъ я въ сей разъ одною, а не обѣими руками и не въ-размахъ.

Но какъ бы то ни было, но учинивъ сіе, обмеръ я, испужался. По счастію, не видалъ сего никто: плотники сидѣли на струбѣ и продолжали свою работу. Я, примѣтивъ сіе, положилъ возможнѣйшимъ образомъ стараться сокрыть сіе дѣло и какъ можно не допустить до свѣдѣнія моей матери; чего ради, удержавшись отъ крика и вопля, схватилъ я съ находившейся подлѣ самаго того мѣста дороги нѣсколько густой грязи и, замазавъ ею все просѣченное на башмакѣ мѣсто, побѣжалъ въ хоромы. Но кровь, силящаяся изъ раны, на половинѣ дороги отбила всю мою замазку; я, примѣтивъ сіе, пустился прямо мимо хоромъ на огородъ. Тутъ, не будучи никѣмъ видимъ, залѣпилъ и умазалъ я вновь свой башмакъ, какъ хотѣлъ, землею, и какъ увидѣлъ, что кровь не стала болѣе отбивать землю, то пошелъ въ хоромы, сѣлъ за свои книги и не сходилъ до самаго вечера уже съ мѣста. До сего времяни ни одна жадная душа не вѣдала о семъ произшествіи; но какъ наступилъ вечеръ и надобно было мнѣ раздѣваться, то по необходимости долженъ я былъ открыться моему камердинеру. Былъ тогда онымъ у меня малой, по имени Дмитрей, и самой тотъ, которой нынѣ у насъ портнымъ. Я взялъ съ него клятву, чтобъ онъ никому не сказывалъ, и разсказалъ потомъ свое нещастіе. Тогда оба мы начали заботиться о томъ, какъ намъ скинуть башмакъ и чулокъ съ ноги. Мы не инако думали, что нога моя опухла; однако, сколь велико удивленіе мое было, когда, при скидываніи башмака и чулка, не чувствовалъ я почти никакой боли, а того еще больше удивился я, когда увидѣлъ, что рана моя была хотя превеликая, но вся наполнена власно какъ новымъ тѣломъ. Сколь я тогда еще ни малъ былъ, но, увидѣвъ такое странное явленіе, заключалъ, что, конечно, произвели сіе дѣйствіе земля и грязь, которою я безъ всякаго умысла рану свою замазывалъ, и послѣ открылось, что я въ мнѣніи своемъ ни мало не обманулся; ибо, какъ замѣтивъ сіе тогда-жъ, началъ я въ послѣдующее время пробовать лечить всякія свѣжія раны землею, то увидѣлъ и чрезъ безчисленные опыты надъ собою и надъ другими удостовѣрился, что земля залечиваетъ всѣ свѣжія раны лутче и скорѣе всѣхъ пластырей на свѣтѣ, а нужно только, чтобъ она была не сухая, а смоченая и смятая на подобіе тѣста.

На другой день, вставши и надѣвъ башмакъ, хотя и чувствовалъ я небольшую боль, принуждающую меня нѣсколько хромать, однако боль сія была такъ мала, что хроманіе мое было почти вовсе непримѣтно. Однако, боясь, чтобъ какимънибудь образомъ мать моя онаго не примѣтила, рѣшился я весь тотъ день сидѣть и, не сходя съ мѣста, упражняться въ читаніи и писаніи. Сначала было матери моей сіе совсѣмъ непримѣтно; но какъ я такимъ же образомъ и весь послѣдующей, а тамъ и третей день сидѣлъ безпрестанно за книгами, то показалось матери моей сіе странно и удивительно.—«Что ты, Андрюшенька»,—говорила она мнѣ, «вдругъ таковъ прилеженъ сталъ и которой уже день никуда не выйдешь погулять-себѣ?»—Не хочется что-то, матушка,—отвѣтствовалъ я; а къ тому-жъ давно не твердилъ своихъ наукъ и боюсь, чтобъ не позабыть оныхъ.—«Это очень хорошо, дитя мое»,—сказала она на сіе:—«однако все погулять-бы сколько-нибудь можно». Что было тогда дѣлать? я принужденъ былъ встать и иттить въ сады. Но, по щастію, рана моя въ сіи три дни совсѣмъ почти зажила, и я могъ уже ходить тогда нехромаючи.

Симъ образомъ кончилось тогда сіе произшествіе, и родительница моя не узнала объ ономъ по свою кончину.

Что касается до протчихъ, въ сіе лѣто бывшихъ, произшествій, то помню я только два, нѣкотораго замѣчанія достойныхъ, Первое состояло въ томъ, что мать моя

однажды ѣздила со мною для богомолія за Серпуховъ къ Рышковской Богородицы, въ которомъ путешествіи сопутствовалъ и отецъ Иларіонъ верхомъ на своемъ конѣ. А второе гораздо было важнѣе и состояло въ томъ, что родительница моя нечаяннымъ образомъ вывихнула у себя ногу въ самой нижней щиколкѣ, и такъ, что ее исправить было никакъ не можно.

Случилось сіе при особливомъ случаѣ. Какимъ-то образомъ и не помню уже зачѣмъ вздумалось живущему подлѣ насъ дяди моему родному удостоить насъ своимъ посѣщеніемъ. Мать моя на самую ту пору сошла только съ своей кровати и хотѣла войтить въ мою спальню, но лишь только переступила она одною ногою чрезъ порогъ, какъ прибѣжали къ ней безъ души сказать, что идетъ Матвѣй Петровичъ и уже входитъ въ хоромы. Неожидаемость такого извѣстія и обстоятельство, что была она совсѣмъ неодѣта, такъ ее перетревожила, что она въ-торопяхъ какъ-то вдругъ и скоро обернулась назадъ, спѣша приттить скорѣе на кровать, и въ самую сію нещастную секунду повредила себѣ ногу.

Какъ сначала боль была невелика и сносна, то думали, что сіе пройдетъ само собою, однако въ мнѣніи семъ всѣ обманулись: боль начала со дня на день увеличиваться и мать мою обезпокоивать отчасу больше. Принуждено было ее править, но какъ и сіе не помогало, то лечить всѣмъ, что кто зналъ; но сколько ни лечили, но не произвели никакой пользы, а окончилось сіе тѣмъ, что родительницы моей не можно уже было по самую кончину свою одѣвать на ту ногу башмакъ, но она принуждена была приказать сшить изъ войлока нѣкоторой родъ просторной туфли, и въ оной уже хаживала, когда ей съ постели своей сходить надлежало.

Между всѣми сими произшествіями прошло, наконецъ, лѣто, наступила осень и приближалась зима. Матери моей сколько ни нехотѣлось, по болѣзни своей, меня отъ себя отлучить, однако она заключала, что я, живучи при ней, совсѣмъ изшелюсь и избалуюсь и не только не выучу ничего вновь, но и все выученное позабуду, и имѣла столько духу, что рѣшилась отправить меня въ Петербургъ, какъ скоро зимней путь настанетъ, и потому заблаговремянно уже дѣлала всѣ нужныя къ тому пріуготовленія. Сопутниками мнѣ назначенъ былъ дядька мой, Артамонъ, и еще одинъ молодой малой, по имяни Яковъ; лошадей же велѣно было нанять изъ Москвы до Петербурга.

Какъ скоро зимней путь насталъ, то родительница моя не стала медлить ни одного дня, но, собравъ меня совсѣмъ и снабдивъ всѣмъ нужнымъ на дорогу и для петербургскаго житья, собрала всѣхъ своихъ родственниковъ и, предавъ покровительству небесъ, меня въ путь мой отпустила.

Разставаніе у насъ съ нею было наинѣжнѣйшее. Она обливала меня слезами и цѣловала въ лобъ, глаза, щоки и губы, я плакалъ не меньше оной и цѣловалъ у ней обѣ руки. Всѣ бывшіе при томъ присоединяли слезы свои къ нашимъ, ибо никто не могъ утерпѣть, чтобъ не плакать; наконецъ, благословивъ меня образомъ и надававъ тысячу благословеній и еще разъ меня расцѣловавъ и обмочивъ своими слезами, простилась она и отпустила. Увы! сіе было въ послѣдній разъ, что она меня, а я ее видѣлъ. Минута сія толико мнѣ памятна, что и понынѣ наживѣйшимъ образомъ впечатлѣнъ въ умѣ моемъ ея образъ и тогдашнее разставанье.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу о своемъ путешествіи и петербургской жизни: я есмь, и протчее.

Письмо 17.

Любезной пріятель! Приступая къ описанію путешествія моего и петербургской жизни, о первомъ скажу, что мнѣ все оное почти двумя словами описать можно. Мы пріѣхали въ Москву благополучно; а тутъ, отпустивъ своихъ лошадей въ деревню, а сами нанявъ ямскихъ, пустились да-

лѣе, и какъ дорога была хорошая и можно было верстъ по 80 на день ѣхать, то доѣхали мы до Петербурга скоро и благополучно. Не было съ нами во всю дорогу ни одного такова приключенія, которое бы достойно замѣчено быть, а стараніемъ дядьки моего былъ и я всѣмъ доволенъ.

Что принадлежитъ до второй, то-есть до петербургской жизни, то найдетеся многое кой-что, о чемъ пересказать вамъ можно.

Какъ мы адресованы были къ дядѣ моему, Тарасу Ивановичу Арсеньеву, служившему еще и тогда ротмистромъ въ конной-гвардіи и жившему сего полку въ свѣтлицахъ, то и пріѣхали мы прямо къ нему. Дядя мой меня уже давно дожидался, ибо писалъ уже нѣсколько разъ къ матери моей, чтобъ меня присылала и что у него есть уже мѣсто на примѣтѣ, гдѣ-бъ мнѣ учиться. «Насилу, насилу прислала тебя мать!» сказалъ онъ, меня увидѣвъ. «Давно бы, мой другъ, пора! Небось ты, живучи съ цѣлой годъ въ деревнѣ, все выученное позабылъ».—Никакъ, дядюшка!—отвѣтствовалъ я:—а я все старался твердить.—«Ужъ знаемъ мы», сказалъ онъ на сіе:—«каково бываетъ ваше тверженье. Но, добро, добро, хорошо, что невѣстка тебя прислала». Сказавъ сіе, приказалъ онъ выбираться изъ повозокъ и мнѣ одѣться полутче, ибо я былъ въ дорожномъ платьѣ.

На другой день повезъ онъ меня съ собою въ колескѣ въ тотъ знакомой ему домъ, въ которомъ надлежало мнѣ учиться и гдѣ имъ приговоренъ уже былъ учитель. Домъ сей отстоялъ отъ насъ неблизко и гораздо болѣе версты, и принадлежалъ одному при строеніяхъ дворцовыхъ опредѣленному старичку-генералу, по имяни Якову Андреевичу Маслову, самому тому, которой, въ послѣдующія времена будучи генералъ-аншефомъ, постригся въ монахи и нѣсколько лѣтъ препроводилъ въ духовномъ чинѣ и былъ сперва іеромонахомъ, потомъ игуменомъ, а наконецъ архимандритомъ. Дядѣ моему знакомъ былъ сей человѣкъ потому, что былъ онъ сосѣдъ ему по деревнямъ, а сверхъ того и любилъ его. Въ домѣ у него жилъ тогда учитель французъ для обученія дѣтей генеральскихъ; и съ симъ-то учителемъ, съ дозволенія господина Маслова, условился дядя мой, чтобъ ему меня учить, и мнѣ бы всякой день поутру и послѣ обѣда приходить въ сей домъ для ученія. Я представленъ былъ и учителю, и господину Маслову; дѣло было въ единой мигъ кончено, и положено, чтобъ я въ послѣдующей же день учинилъ начало.

Между тѣмъ, какъ мы уже туда ѣздили, дядькѣ моему поручено было сыскать для другого моего слуги какое-нибудь мѣсто и работу, чтобъ не было нужды кормить его по-пустому. Дядька мой и нашолъ ему работу на канатномъ дворѣ столь выгодную, что онъ не только могъ самъ себя пропитать, но выручаемыхъ денегъ довольно оставалось и на заплату за меня учителю моему: итакъ, оно мнѣ ничего почти не стоило. Дядя былъ симъ очень доволенъ и приказалъ въ тотъ же день отправить онаго на фабрику.

Домъ, въ которомъ жилъ дядя мой, былъ хотя нарочито великъ, но ему асигнована была только одна половина онаго, а въ другой жилъ другой офицеръ. Половина сія содержала въ себѣ только четыре просторныя комнаты: первая составляла переднюю или залу, отправляющая также должность столовой, вторая—дяди моего спальню, и сба сіи покоя были обиты обоями и порядочно убраны; а изъ другихъ двухъ заднихъ одна была дѣтскою, а другая и лакейскою и дѣвичьею. Мнѣ асигновано было мѣсто спать въ залѣ, гдѣ подлѣ печки поставлена была моя кроватка.

Дядя мой, будучи порядочной и степенной человѣкъ, жилъ, какъ говорится въ пословицѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону. Мотать онъ не моталъ, жилъ не слишкомъ роскошно, и въ домѣ у него все было хорошо и порядочно. Онъ имѣлъ у себя молодую тогда и вторую жену и маленькаго на рукахъ еще сына. Катерина Петровна—такъ звали его жену—была боярыня молодая и модная и великая щеголиха. Онъ любилъ ее чрезвычайно;

однако она должна была во всемъ повиноваться его волѣ и ничего лишняго не затѣвать. Нѣсколько человѣкъ отборныхъ друзей, живущихъ такимъ же образомъ, какъ онъ, составляли наиболѣе ихъ компанію и дѣлили съ ними свое время. Въ особливости же друженъ съ нимъ былъ тогдашней конной-гвардіи секретарь, Дмитрей Михайловичъ Буткевичъ. Поелику и у сего офицера была также жена и притомъ такихъ же почти лѣтъ и свойствъ, какъ моя тетка, то оба сіи дома связаны были неразрывною любовью и ѣжжали очень часто другъ къ другу. Во время сихъ съѣздовъ препровождали они время свое наиболѣе въ играніи въ карты, ибо тогда зло сіе начало входить уже въ обыкновеніе, равно какъ и вся свѣтская нынѣшняя жизнь уже получала свое основаніе и начало. Все, что хорошею жизнію нынѣ называется, тогда только-что заводилось, равно какъ входилъ въ народъ и тонкой вкусъ во всемъ. Самая нѣжная любовь, толико подкрѣпляемая нѣжными и любовными и въ порядочныхъ стихахъ сочиненными пѣсенками, тогда получала первое только надъ молодыми людьми свое господствіе, и помянутыхъ пѣсенокъ было не только еще очень мало, но онѣ были въ превеликую еще диковинку, и буде гдѣ какая проявится, то молодыми боярынями и дѣвушками съ языка была неспускаема.

Совсѣмъ тѣмъ, карточная игра не была еще въ такомъ ужасномъ употребленіи, какъ нынѣ, и не сиживали за картами и до обѣда и послѣ обѣда, и во всю почти ночь не вставаючи. Нынѣшнихъ вистовъ тогда еще не было, а ломберъ и тресетъ были тогда наилутчія игры, да и въ тѣ игрывали только по вечерамъ; въ протчее-жъ время упражнялись въ разныхъ и важныхъ разговорахъ. Въ сихъ разговорахъ обыкновеніе тогда было упражняться въ-особливости за ужинами и за обѣдами: по цѣлому иногда часу и болѣе сидѣли они наѣвшись и ничего иного не дѣлая, кромѣ что упражняясь въ разговорахъ.

Для меня сей родъ жизни былъ совсѣмъ новъ и необыкновененъ, но я принужденъ былъ съ онымъ сообразоваться и могу сказать, что привыкъ къ нему очень скоро. Я велъ себя тутъ очень степенно, а правду сказать, притчиною тому было то, что, съ одной стороны, боялся я очень дяди, оговаривающаго меня тотчасъ, какъ скоро я что-нибудь непристойное дѣлывалъ, а съ другой, не было въ домѣ никакого мнѣ сверстника, съ которымъ бы мнѣ можно было рѣзвиться; итакъ, поневолѣ долженъ я былъ быть тихимъ, кроткимъ и степеннымъ. Днемъ хаживалъ я обыкновенно въ домъ къ господину Маслову учиться, а въ вечеру препровождать время свое не въ людской и не съ людьми, а въ спальнѣ дяди моего, со всѣми гостями и, сидючи за стуломъ, смотрѣть, какъ они игрывали, и слушать ихъ разговоры. Но никогда разговоры ихъ не были мнѣ такъ скучны, какъ за ужиномъ: нерѣдко случалось, что, уставши днемъ отъ ходьбы, а вечеромъ отъ стоянія, смерть спать хочется; но я принужденъ былъ вмѣстѣ съ протчими часа два просидѣть за ужиномъ и слушать разговоры, ибо, къ нещастію, кровать моя стояла въ сей комнатѣ и мнѣ выттить и лечь было не можно.

Симъ образомъ, и не бранью и не жестокостью, а все ласками и оговариваніями, въ короткое время дядя такъ меня вышколилъ, что я сталъ совсѣмъ другой рабенокъ и во всемъ моемъ поведеніи такъ перемѣнился, что скоро, какъ дядя, такъ и тетка, а не менѣе и пріѣжающіе къ намъ гости начали меня удостоивать своими похвалами и дѣлать мнѣ болѣе уваженія, нежели прежде. Они пріобщали меня даже къ своимъ увеселеніямъ, научили меня играть въ тресетъ и я долженъ былъ иногда дѣлать компанію боярынямъ. Когда же ознакомился уже болѣе, то случалось, что когда заводили они танцы, то и я долженъ былъ танцовать вмѣстѣ съ ними, или, по крайней мѣрѣ, въ контратанцахъ помогать дѣлать фигуру. Случалось-ли когда выѣжжать имъ цѣлою компаніею гулять, напримѣръ, въ лѣтнее время на Каменной-Островъ, или въ иное мѣсто, то бирали меня съ собою, и т. д.

Все сіе было для меня пріятно, и я скоро получилъ вкусъ въ жизни сего рода, и могу сказать, что какъ домъ господина Маслова былъ мнѣ училищемъ для наукъ, такъ домъ дяди моего былъ для меня училищемъ свѣтской жизни и хорошему поведенію. Съ сей стороны я много обязанъ сему любившему меня родственнику, а не менѣе и теткѣ, его женѣ; она не менѣе старалась меня исправлять, какъ и онъ, и я попеченіемъ и стараніемъ ея обо мнѣ былъ очень доволенъ и имѣлъ къ ней искреннее почтеніе, и потому охотно исполнялъ поручаемыя ею мнѣ комисіи. Она, узнавъ, что я умѣю рисовать, заставляла меня иногда дѣлать для себя нѣкоторые рисунки; но ничѣмъ я ей такъ не угодилъ, какъ разрисованіемъ одного ларчика: я употребилъ къ тому все мое искуство, и она была работою моею очень довольна.

Не менѣе также доволенъ я былъ однимъ, бывающимъ почти всякой день у дяди моего, гостемъ. Былъ онъ того-жъ полку офицеръ, по фамиліи Лихаревъ, но находился подъ какимъ-то слѣдствіемъ, и потому хаживалъ онъ обыкновенно все въ тулупѣ. Поелику былъ онъ человѣкъ весьма разумной и въ компаніи веселой и шутливой, то любилъ его мой дядя, и онъ хаживалъ къ намъ почти всякой вечеръ. Сей человѣкъ, узнавъ, что я имѣю склонность къ наукамъ и читанію книгъ, отмѣнно меня за то полюбилъ и нерѣдко разговаривалъ со мною о разныхъ матеріяхъ. Онъ принесъ ко мнѣ однажды рукописную книгу и, отдавая для прочтенія, сказалъ, что онъ обо всемъ будетъ меня спрашивать, и чтобъ я читалъ со вниманіемъ. Но таковое напоминаніе было для меня не нужно: книга сія была для меня очень любопытна, и какъ я сего рода книгъ никогда еще не читывалъ, то въ немногіе дни промололъ я ее всю, а не удовольствуясь однимъ разомъ, прочелъ и въ другой разъ и могъ ему пересказать все по пальцамъ. Г. Лихаревъ удивился, услышавъ о томъ, что я ее въ такое короткое время прочелъ уже два раза, и былъ охотою и вниманіемъ моимъ такъ доволенъ, что подарилъ меня сею книгою. Я обрадовался тому до чрезвычайности и не зналъ, какъ возблагодарить ему за оную. Составляла она переводъ одного французскаго и прямо можно сказать любовнаго романа, подъ заглавіемъ «Эпаменондъ и Целеріана», и произвела во мнѣ то дѣйствіе, что я получилъ понятіе о любовной страсти, но со стороны весьма нѣжной и прямо романтической, что̀ послѣ послужило мнѣ въ немалую пользу.

Симъ образомъ препровождалъ я жизнь въ домѣ у моего дяди и столь порядочно, что не помню, чтобъ я однажды здѣлалъ какую шалость и подалъ поводъ дядѣ моему бранить меня за то. Словомъ, весь домъ былъ мною доволенъ, и всѣ любили меня и хвалили.

Но теперь время разсказать мнѣ вамъ и о домѣ г. Маслова и о томъ, какъ я учился въ оном. Отстоялъ онъ отъ насъ, какъ выше упомянуто, неблизко, ибо находился неподалеку отъ церкви Сергія Чудотворца и за Литейнымъ-Дворомъ, и ходить мнѣ было въ оной нарочито далеко, однако, по ребячеству своему, я скоро къ тому привыкъ: иногда хаживалъ я туда одинъ, а иногда провожалъ меня дядька, и путь сей, а особливо въ лѣтнее время, былъ мнѣ очень пріятенъ, а нерѣдко и сокращалъ я оной, купивъ на дорогѣ себѣ изюма и лакомясь имъ по ягодкѣ. Лавочникъ, сидящей на дорогѣ въ лавочкѣ, уже такъ къ тому привыкъ, что отвѣшивалъ обыкновенные мои четверть фунта заблаговременно и меня только завидѣвъ: изюмъ былъ тогда въ Петербургѣ очень дешевъ, и на порцію мою въ день исходило только три денежки, ибо фунтъ продавался по 6 копеекъ.

Домъ у господина Маслова былъ хотя превеликой, но какъ онъ имѣлъ четырехъ сыновей, изъ коихъ старшей, по имени Михаилъ, былъ уже капитаномъ, а средней, по имени Степанъ, гвардіи сержантомъ, и оба они были большіе, то цѣлая половина дома содержала въ себѣ комнаты, въ которыхъ жили его дѣти, такъ что намъ съ обоими его младшими дѣтьми, Иваномъ и Андреемъ, не оставалось во всей сей по-

ловинѣ мѣста для ученія, и мы принуждены были учиться у самого генерала въ предспальнѣ. Оба мои товарища были нѣсколько меня постарѣе, и оба были очень рѣзвы и къ ученію тупы, а особливо меньшой самой. Что-жъ касается до другова, то былъ онъ хотя пылкаго и горячего темперамента и малой весьма вѣтреной и бойкой, но къ ученію былъ также неприлеженъ. Съ обоими ими свелъ я скоро дружбу и знакомство. Для насъ поставлялся обыкновенно ломберной столикъ посреди предспальни, и тутъ должны мы были сидѣть и учиться, наблюдая возможнѣйшую тишину и благопристойность.

Что принадлежитъ до учителя нашего, то былъ онъ родомъ французъ и человѣкъ еще очень нестарой. Звали его г. Лапись и наивеличайшей недостатокъ его состоялъ въ томъ, что онъ не умѣлъ ни одного слова по-русски, а столь-же малое понятіе имѣлъ онъ и о нѣмецкомъ языкѣ. Сіе обстоятельство притчиною тому было, что и въ сей разъ нѣмецкой мой языкъ принужденъ былъ спать, и я чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе позабывалъ оной. Но тогдашнее ученіе мое и французскому языку было самое бѣдное и весьма-весьма недостаточное. Великое щастіе было еще то, что я сколько-нибудь умѣлъ уже по-французски, а то истинно не знаю, какъ бы онъ сталъ меня учить, не умѣя по-русски ничего растолковать и изъяснить. Не понимаю я и понынѣ, какъ таковые учители учутъ дѣтей въ домахъ многихъ господъ, а особливо сначала и покуда ученики ничего еще не знаютъ. Господинъ Лапись былъ хотя и ученой человѣкъ, что можно было заключать по безпрестанному его читанію французскихъ книгъ, но и тотъ не зналъ, что ему съ нами дѣлать и какъ учить. Онъ мучилъ насъ только списываніемъ статей изъ большого французскаго словаря, изданнаго французскою академіею, и въ которомъ находились только о каждомъ французскомъ словѣ изъясненія и толкованія на французскомъ же языкѣ: слѣдовательно, были на большую часть намъ невразумительны. Сіи статьи, и по большей части такія, до которыхъ намъ ни малѣйшей не было нужды, должны мы были списывать, а потомъ вытверживать наизусть безъ наималѣйшей для насъ пользы. Тогда принуждены мы были повиноваться волѣ учителя нашего, и все то дѣлать, что онъ приказывалъ, но нынѣ надсѣдаюсь я со смѣха, вспомнивъ сей родъ ученія, и какъ бездѣльники французы не учутъ, а мучутъ нашихъ дѣтей сущими пустяками и бездѣлицами, стараясь чѣмъ-нибудь да провесть время.

Словомъ, естлибъ не пользовало насъ то, что мы, какъ съ учителемъ, такъ и между собою говорили всякой день по-французски и чрезъ то не твердили языкъ сей отчасу больше, то не знаю, какую-бъ пользу могъ я получить отъ тогдашняго ученія. Не упражнялся я ни въ чтеніи книгъ, ни въ переводахъ, которые-бъ всего нужнѣе мнѣ были, а особливо съ русскаго на французской. Учитель нашъ не въ состояніи былъ помогать намъ въ семъ случаѣ, да и вообще не прилагалъ онъ дальнаго объ насъ старанія, а только и все его дѣло было, что заставливалъ насъ писать и учиться наизусть; протчее-жъ время упражнялся онъ все въ чтеніи.

Такимъ образомъ не получилъ бы я въ семъ мѣстѣ дальней пользы, естли-бъ не случилось одного побочнаго обстоятельства, которое нечаянно послужило мнѣ въ особливую пользу и подало поводъ выучиться цѣлой иной наукѣ, которой я вовсе не ученъ былъ. — Какъ оба сотоварищи мои записаны были въ артилерію и были сержантами въ оной, то восхотѣлось старику-генералу выучить ихъ арихметики и геометріи, какъ такимъ наукамъ, которыя были имъ необходимо надобны. Приговоренъ былъ для сего одинъ артилерійской капралъ и положено, чтобъ ходить ему въ домъ сей послѣ обѣда въ каждой день и учить дѣтей генеральскихъ. Что касается до третьяго и середняго сына, то сей упражнялся тогда въ черченіи фортификаціи, въ своихъ комнатахъ, и для обученія его жилъ тутъ въ домѣ инженерной кондукторъ г. Пучковъ.

По особливому щастію моему, оба товарищи мои были крайне безтолковы и

непонятны, и учитель бился съ ними какъ съ крайними невѣжами; онъ принужденъ былъ всякую вещицу имъ раза по три и по четыре перетолковывать и насильно вбивать въ голову. Какъ сидѣли они со мной за однимъ столикомъ и я все сіе видѣлъ и слышалъ, то смѣшное изъ сего вышло: ихъ учили, но они не выучились, а меня хоть не учили, но я выучился совершенно. Помогла къ тому много собственная моя охота, ибо мнѣ науки сіи такъ полюбились, что я, приходя въ вечеру домой, все то записывалъ, что я днемъ слышалъ. Я досталъ себѣ циркуль, рейсфедеръ и транспортиръ, и безъ всякаго указательства начертилъ и написалъ себѣ всю полную геометрію и понялъ ее довольно совершенно. Хотѣлось-было мнѣ такимъ же образомъ получить понятіе и о фортификаціи, которой учился средней генеральской сынъ, Степанъ; но какъ мы въ покои его рѣдко хаживали и при насъ учитель ему ничего не толковалъ, то и не можно было мнѣ въ желаніи моемъ имѣть дальнаго успѣха; однако я старался колико можно ходить туда чаще и сматривать, какъ они чертятъ планы, и получилъ по крайней мѣрѣ о сихъ довольное понятіе.

Симъ образомъ продолжалъ я ученіе мое не только всю зиму, но и половину тогдашняго лѣта, и къ жизни сего рода такъ уже привыкъ, что она мнѣ здѣлалась весела и пріятна. Но спокойствіе моего духа нарушено было въ іюнѣ полученіемъ нечаяннаго извѣстія изъ Москвы, что родительница моя въ деревнѣ скончалась. Первое извѣстіе о семъ печальномъ приключеніи сообщилъ мнѣ мой дядька; оно поразило меня, какъ громовымъ ударомъ. Однажды послѣ обѣда, пошедъ меня провожать въ школу, сталъ онъ мнѣ говорить на дорогѣ, что есть изъ Москвы письмы, что матушка моя очень больна; сердце мое затрепеталось при семъ словѣ и пронзилось, власно, какъ ножемъ. «Ахъ, Артамонушка, голубчикъ!» —подхватилъ я скоро его слово: — «ужь не скончалась ли она? скажи мнѣ, ради Бога!» Тогда сказалъ онъ мнѣ, что еще апрѣля 23 числа былъ тотъ нещастной день, въ которой преселилась она въ вѣчность. Боже мой, какою горестію и печалью поразилось тогда мое сердце! Я стенялъ, рыдалъ и плакалъ и съ цѣлую четверть часа не могъ сойтить съ того мѣста; казалось, что всѣ стихіи для меня перемѣнились. Всѣ уговариванія дядьки моего не помогали; но наконецъ принужденъ я былъ дать себя уговорить продолжать путь свой далѣе. Однако худое ученье было уже въ тотъ день; я и тамъ нѣсколько разъ принимался плакать.

Такимъ образомъ лишился я и моей родительницы и остался совершеннымъ уже сиротою на четырнадцатомъ году моего возраста. Я узналъ послѣ, что она съ самаго моего отъѣзда начала часъ отъ часу слабѣть болѣе и, наконецъ, по вскрытіи весны сама примѣтила уже приближающеюся свою кончину и приготовилась къ оной по христіанскому долгу. Она скончалась въ совершенной памяти и погребена была въ приходской нашей церкви, подъ самымъ правымъ крылосомъ. Дядя мой примирился съ нею предъ ея кончиною и имѣлъ попеченіе о ея погребеніи, а окончивъ сію печальную церемонію, взялъ на себя попеченіе о нашемъ домѣ и управленіе деревнями до моего пріѣзда.

Произшествіе сіе произвело паки во всѣхъ моихъ обстоятельствахъ великую перемѣну: я сдѣлался тогда совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ нашимъ имѣніемъ и деревнями, но властелиномъ весьма еще къ правленію оными неспособнымъ.

Что со мною случилось далѣе, о томъ разскажу вамъ, любезной пріятель, въ послѣдующемъ письмѣ, а сіе окончивъ симъ, остаюсь и прот.

Письмо 18.

Любезной пріятель! Теперешнее письмо расположился я наполнить почти сущими пустяками и бездѣлками, и разсказать вамъ въ ономъ нѣчто смѣшное; но напередъ разскажу вамъ нѣсколько о дѣла

Извѣстіе о кончинѣ матери моей произвело во мнѣ великую перемѣну; мнѣ казалось, что тогда могу уже я дѣлать что́ хочу и быть поступокъ своихъ совершеннымъ господиномъ. Къ дядѣ моему я хотя прежняго высокопочитанія не потерялъ, однако разсуждалъ, что съ такимъ подобострастіемъ его бояться,какъ прежде, мнѣ уже тогда не годилось и было бы излишнимъ. Голова моя стала наполняться тогда уже иными замыслами, и охота жить долѣе въ Петербургѣ и по прежнему учиться мало по-малу изчезать стала. Дядька мой поддувалъ меня ежедневно: онъ то и дѣло мнѣ напоминалъ, что теперь помышлять мнѣ надобно уже и о домѣ, что тамъ все безъ меня разорится, а особливо естьли я скоро домой не пріѣду, и такъ далѣе; въ самомъ же дѣлѣ ему самому нетерпѣливо хотѣлось скорѣй домой ѣхать, онъ имѣлъ тамъ жену и дѣтей, да и впротчемъ не думалъ, чтобъ ему тамъ худо было. Онъ не сомнѣвался, что при тогдашнихъ обстоятельствахъ будетъ онъ при мнѣ первымъ человѣкомъ и потому имѣть иногда случаи ловить въ мутной водѣ рыбу. Но какъ бы то ни было, но мнѣ представленія его были непротивны, и мы начали совокупно оба стараться искать удобнаго средства къ нашему отъѣзду и къ скорѣйшему освобожденію себя изъ-подъ власти дядиной. Однако всѣ наши замыслы долго уничтожаемы были твердымъ предпріятіемъ дяди моего удержать меня въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ до зимы, дабы мнѣ сколько-нибудь понаучиться болѣе было можно; всѣ первыя представленія мои объ отпускѣ меня домой были отвергнуты, и я нехотя принужденъ былъ продолжать науки и ходить по прежнему въ домъ къ господину Маслову.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ дожидаться до зимы казалось намъ слишкомъ долго, то дядька мой непреминулъ выдумывать возможнѣйшія средства къ сокращенію сего термина и убѣдилъ меня, наконецъ, употребить самой бездѣльнической обманъ противъ моего дяди. Онъ присовѣтовалъ мнѣ отписать тайнымъ образомъ къ большей моей сестрѣ во Псковъ, и, увѣдомивъ ее о кончинѣ матери нашей, просить, чтобъ она прислала за мною лошадей и коляску, а между тѣмъ и около того времяни, какъ быть колескѣ, всклепать на генерала Маслова, что онъ хочетъ ѣхать въ Москву и взять съ собою дѣтей и учителя. И какъ ему не трудно было меня ко всему уговорить, то постарался онъ найтить и случай къ пересылкѣ письма во Псковъ; я исполнилъ по его хотѣнію и, отправивъ письмо, сталъ съ спокойнѣйшимъ духомъ ходить для продолженія наукъ своихъ.

И тогда-то случилось со мною то смѣшное произшествіе, о которомъ обѣщалъ я вамъ разсказать.—Состояло оно въ томъ, что меня, не думано, не гадано, въ домѣ у господина Маслова высѣкли.—Это, скажете вы, не смѣшное, а печальное.—Но постойте, любезной пріятель! дайте мнѣ выговорить. Сѣкли меня больно, да и очень больно, и досталось и рукамъ и головѣ, и кафтану и плечамъ. —Но что-жъ далѣе?—А вотъ то далѣе, что вы не угадаете, что́ я тогда во время сѣченія сего дѣлалъ.—Что́ иное дѣлать, скажете вы, какъ плакать или кричать?—Но того-то и не бывало, но я, вмѣсто того, со смѣха надсѣдался, и чѣмъ болѣе меня сѣкли, тѣмъ болѣе я смѣялся.—Что за диковинка?—скажете вы:—это не натурально.—Я не знаю, натурально ли сіе или ненатурально было, и вы называйте какъ хотите, а сіе въ самомъ дѣлѣ было, и я разскажу вамъ теперь сію странную комедію.

Однажды сидѣли мы съ товарищами моими и учились. Вы знаете, что языкамъ по большой части учутся тихомолкою, а особливо когда затверживаютъ что-нибудь наизусть, а тогда въ самомъ томъ мы и упражнялись. Учитель нашъ, задавъ намъ уроки, сѣлъ подлѣ окошка и читалъ французскую книгу; изрядная хворостина лежала подлѣ его, которую для всякаго случая, а особливо для рѣзвыхъ моихъ товарищей, носилъ онъ всегда съ собою и нерѣдко случалось, что онъ ихъ за шумѣнье и рѣзвости по рукамъ ею стегивалъ. Обстоятельство, чтобъ намъ не шумѣть,

а сидѣть тихо, а особливо когда генералъ, отецъ ихъ, бывалъ дома и въ послѣобѣденнее время въ побочной подлѣ насъ своей спальнѣ отдыхалъ, было намъ накрѣпко запрещено, и въ такое время должны были мы сидѣть весьма тихо и вслухъ ничего не говорить.

Тогда случай былъ точно такой. Дѣло было вскорѣ послѣ обѣда и генералъ только-что заснулъ въ спальнѣ и, къ нещастію, намъ особливо еще подтвердилъ, чтобъ мы не шумѣли.—Мы и сидѣли нѣсколько времяни какъ въ воду опущенные; но вдругъ нелегкая догадай одного и рѣзвѣйшаго изъ моихъ товарищей посмотрѣть изъ подо лба, что учитель нашъ дѣлаетъ, а увидѣвъ, что онъ углубился въ чтеніи книги, захотѣлось ему надъ нимъ пошутить. Онъ, оборотя голову свою къ нему и вытянувъ губы, ну ими играть пальцомъ и тѣмъ дразнить учителя. Сіе брату его такъ смѣшно показалось, что онъ тотчасъ закуркалъ, ибо вслухъ смѣяться и хохотать было ему не можно. Говорятъ, что всякое запрещенное намъ охотнѣе дѣлать хочется, и сіе подлинно справедливо, а особливо было сіе при тогдашнемъ случаѣ. И я не знаю, что тогда на насъ на всѣхъ особливое нашло: кажется, все сіе и негораздо смѣшно было, или хотя-бъ немного тому и посмѣяться, но послѣ и переетать бы можно было; но мы власно тогда какъ весь свой разсудокъ потеряли. Оба мои товарищи, надрываясь, смѣялись и до слезъ куркали. Я, совсѣмъ не зная, чему они смѣются, но увидѣвъ ихъ надрывающихся со смѣху, послѣдовалъ ихъ примѣру и хохоталъ, не вѣдая самъ чему. Сперва смѣялись и куркали мы все еще тихо и умѣренно; но мало по-малу началъ нашъ смѣхъ громче становиться. Учитель нашъ, услышавъ то, и боясь, чтобъ мы не разбудили генерала, кричалъ намъ, — He! messieurs, que faites vous (Эй, господа, что это вы дѣлаете)? но мы того не слушали. Онъ спрашивалъ, чему мы смѣемся, но ни одинъ изъ насъ не могъ ему за смѣхомъ отвѣтствовать. Наконецъ приступилъ онъ къ одному изъ моихъ товарищей и съ сердцемъ уже требовалъ, чтобъ онъ сказалъ, чему мы смѣемся. Сей, вставъ передъ нимъ и куркая съ полчаса, хотѣлъ-было выговорить слово, но вмѣсто того вслухъ и во все горло захохоталъ и слюнами всего его забрызгалъ.

Намъ чрезъ то власно какъ сигналъ былъ данъ. Терпя, терпя, захохотали тогда и мы во все горло; ибо намъ сіе еще того смѣшнѣе показалось. И тогда загорѣлся огонь и поломя. Учитель нашъ вздурился, сіе увидѣвъ. Сперва уговаривалъ онъ насъ ласкою и убѣждалъ резонами; но, увидя, что мы только пуще смѣялись, принялся за насильныя средства, и тутъ началась истинная комедія. Онъ, схватя розгу, ну насъ ею по рукамъ стегать, но мы пуще; не успѣетъ кого ударить, какъ тотъ только «ха! ха! ха!» и насъ подожжетъ тѣмъ только больше. Непронявшись тѣмъ, ну насъ по головамъ розгою, но мы пуще: онъ насъ сѣчетъ, а мы «ха! ха! ха!» и отъ смѣха только плачемъ. — Взбѣсился тогда нашъ учитель и по горницѣ вспрыгался. Розгу свою онъ объ насъ всю уже изломалъ, побѣжалъ за другою, но, по нещастію, другой не находитъ. Сіе показалось намъ еще того смѣшнѣе: когда человѣкъ примется хорошенько смѣяться, тогда ему все смѣшно кажется. Мы опять за то же да за то. Учитель насъ бранитъ, ругаетъ, бѣсится, а мы хохочемъ, наконецъ нечѣмъ ему уже насъ пронять. Совался, бѣгалъ, искалъ, шарилъ, но не нашедъ ничего, чѣмъ бы насъ ударить, ну въ насъ швыркомъ книгами; но сіе пуще только нашъ смѣхъ умножило. Одну, бросивъ неосторожно, разодралъ; у другой перегнулъ и испортилъ доску; третья, отскочивъ отъ насъ, попала въ чернильницу и, проливши чернилы, замарала столъ и наши бумаги. Боже мой, что тогда поднялось! Мы не въ состояніи уже были ни мало умѣривать свой смѣхъ и не хохотали, но ревѣли уже во все горло, все сіе увидѣвъ. И я не знаю, чѣмъ бы кончилась сія комедія, если-бъ шумомъ и хохотаньемъ своимъ мы наконецъ генерала не разбудили. Онъ кликнулъ камердинера своего, и мы, услышавъ сіе, начали переставать смѣ-

яться; потомъ вышелъ онъ къ намъ и учитель приносилъ ему на насъ жалобы, и былъ такъ взбѣшонъ, что не хотѣлъ болѣе жить ни одного дня тутъ въ домѣ. Мы просили прощенія, и признавались, что такой бѣды надъ нами никогда не бывало, и что на насъ нашла такая шаль, которой мы сами были не рады.

Да и въ самомъ дѣлѣ я не помню, чтобъ во всю жизнь мою когда-нибудь подобной сему другой случай со мною былъ. И чудныя по истинѣ со мною произшествія въ семъ домѣ были!—Въ другой разъ, и гораздо сего прежде, я цѣлой день, самъ истинно не зная о чемъ, проплакалъ. Но сіе было нѣкоторой родъ предощущанія душевнаго, ибо около самаго того времяни скончалась въ деревнѣ моя родительница.

Вотъ вамъ, любезной пріятель, истинная пустошь, о которой и упоминать по справедливости труда не стóило-бъ, естлибъ вы не любили смѣшного; а всходствіе того разскажу вамъ теперь и другое, бывшее со мною въ сіе же лѣто въ Петербургѣ произшествіе, которое, можетъ быть, также васъ усмѣхнуться заставитъ.

За короткое уже время до отбытія моего отъ сего учителя, попался-было я, любезной пріятель, въ превеликія хлопоты; молодца совсѣмъ-было подъ караулъ подтянали, и быть было мнѣ въ хорошемъ мѣстѣ, а имянно въ госпожѣ Съѣжжей, или гдѣ-нибудь еще хуже. Однако не думайте, пожалуйте, чтобъ то за какую-нибудь великую продерзость было: лѣта мои не были еще такія, чтобъ я могъ на злое что-нибудь отважиться, а всему была притчиною милая и дорогая незрѣлость разума и одна только неосторожность.

Было сіе уже подъ осень и въ началѣ сентября. Вамъ извѣстно, что пятое число сего мѣсяца было въ тогдашнее время отмѣнное, ибо въ сей день было тезоимянитство царствовавшей тогда государыни Елисаветы Петровны и празднованъ былъ оной съ великимъ великолѣпіемъ, и потому дѣланы были къ торжеству сему заблаговремянно нѣкоторыя пріуготовленія. Какъ г. Масловъ былъ генералъ отъ строенія, то и провѣдали мы, что предъ Лѣтнимъ дворцомъ будетъ въ сей день огромная и великолѣпная илюминація. Будучи рабенкомъ, можно ли пропустить, чтобъ на оной не быть и не посмотрѣть рѣдкаго такого и пріятнаго зрѣлища? Я испросилъ дозволеніе на то отъ дяди, и получилъ оное.

Илюминація была въ самомъ дѣлѣ достойная зрѣнія, и я глаза свои растерялъ, смотря и любуясь на оную. Она здѣлана была изъ разноцвѣтныхъ фонарей, которые толикими же разными огнями быть казались. По обоимъ краямъ представлено было два храма, а посрединѣ въ превеликомъ возвышеніи превеликая картина, изображающая родосскаго колосса, стоящаго ногами своими на двухъ краяхъ гавани, простирающейся въ прошпективическомъ видѣ отъ онаго до самыхъ храмовъ и прикасающейся другими концами къ онымъ. Сей родъ илюминацей былъ мнѣ хотя уже извѣстенъ, однако такой огромной и великолѣпной я не видывалъ, и потому смотрѣлъ на оную съ великимъ восхищеніемъ.

Впротчемъ, надобно вамъ сказать, что я ходилъ смотрѣть сію илюминацію не одинъ; но одинъ живущей въ домѣ у генерала Маслова его племянникъ, господинъ Тороповъ, лѣтами меня нѣсколько постарѣе, былъ моимъ товарищемъ и предводителемъ; дядька мой, Артамонъ, также за нами слѣдовалъ. Насмотрѣвшись довольно на илюминацію, повелъ меня г. Тороповъ на крыльцо самаго дворца и продрался со мною до самыхъ стеклянныхъ дверей залы, въ которой продолжался тогда балъ и гремѣла огромная музыка. Тутъ представилось зрѣнію моему новое, никогда мною невиданное и не менѣе прелестное зрѣлище: вся зала наполнена была придворными знатными господами и госпожами; всѣ они были въ наилутчихъ убранствахъ и упражнялись въ танцованіи. Безчисленное множество свѣчъ, горящихъ въ люстрахъ и въ простѣнкахъ, освѣщали сію залу. Зрѣлище толико великолѣпное: безчисленное множество бриліантовъ, блистающихъ на головахъ у дамъ при-

дворныхъ, сладкое согласіе музыки и всѣ протчіе предметы приводили всѣ чувства мои въ восхищеніе; я не могъ всему сему довольно насмотрѣться, и мнѣ казалось, что въ мѣстѣ семъ былъ сущей тогда рай. Г. Тороповъ, давъ мнѣ зрѣніемъ симъ довольно навеселиться, восхотѣлъ потомъ здѣлать мнѣ еще одно удовольствіе и показать мнѣ дворцовой садъ, наполненной тогда великимъ множествомъ гуляющаго народа, но какъ было тогда очень темно, то товарищъ мой, будучи въ артилерійской службѣ, досталъ тотчасъ нѣсколько факелъ; артилеристы не запрещали ему брать изъ валяющихся предъ илюминаціею множества оныхъ. Итакъ, зажегши по факелѣ, пошли мы гулять по саду по примѣру протчихъ, а принуждены были только оставить нашего лакея, то-есть моего дядьку, котораго туда съ нами не пропустили. Тамъ гуляли мы нѣсколько времяни благополучно, и я не могъ довольно налюбоваться, видя весь садъ наполненной людьми и народомъ и во многихъ мѣстахъ илюминированной множествомъ плошекъ; но, возвратившись оттуда, не нашли мы Артамона моего на томъ мѣстѣ, гдѣ его оставили: онъ не исполнилъ нашего приказанія и, отлучась отъ того мѣста, замѣшался между народомъ; итакъ, принуждены мы были искать его между онымъ. Однако, какъ мы ни старались, но отъискать его не могли, а чуть-было и другъ друга не потеряли. Наконецъ положили мы дожидаться, покуда большая часть народа разойдется, надѣясь тогда лучше найтить онаго, но и сія надежда насъ обманула; мы промедлили чрезъ то только за полночь, и хотя весь народъ уже разшолся, котораго было около дворца превеликое множество, но дядьки моего нигдѣ не было.

Горе тогда напало на меня превеликое; я почиталъ его не инако, какъ погибшимъ, и едва только не плакалъ, но товарищъ мой уговаривалъ меня и не сомнѣвался въ томъ, что онъ ушолъ домой. Въ семъ мнѣніи онъ и не обманулся, ибо дядька мой, къ нещастію нашему, предъ самымъ только тѣмъ времянемъ, какъ намъ выходить изъ саду, отвернулся на нѣсколько минутъ въ сторону и тотчасъ потомъ къ дверямъ сада возвратился, и думая, что мы еще въ саду, дожидался очень долго; намъ же и не ума было опять приттить ко входу. Наконецъ, увидѣвъ онъ, что было уже поздно и весь народъ изъ саду вышелъ, а мы нейдемъ, заключилъ, что мы вѣрно вышли и, конечно, ушли домой. Итакъ, поискавъ насъ немного между народомъ въ темнотѣ, бросился онъ домой; но, не нашедъ насъ тамъ, пришелъ въ превеликое замѣшательство и побѣжалъ опять искать насъ, и такимъ образомъ пробѣгалъ и проискалъ насъ почти до свѣта.

Между тѣмъ грусть и тоска переѣла почти насквозь мое сердце. Я за стыдомъ только не плакалъ и, горюя, не зналъ, какъ намъ домой однимъ и такую даль иттить и притомъ въ такую темноту и глухую полночь, ибо разстояніе отъ дворца до насъ было превеликое. Но товарищъ мой былъ меня смѣлѣе и говорилъ мнѣ: «какъ, братецъ, тебѣ не стыдно? чево бояться? Дорогу я знаю, а и въ темнотѣ мы не заблудимся, зажжемъ себѣ по факелу и пойдемъ». Я далъ себя ему уговорить. Итакъ, запаслись мы довольнымъ числомъ факолъ и, зажегши двѣ, отправились въ свой путь.

Нѣсколько улицъ прошли мы съ нимъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства; факалы наши горѣли изрядно, и мы по ребячеству своему тѣмъ веселились. Мы играли ими, вертя кругомъ и отбрасывая отрывающіеся куски обгорѣлой факалы; но самыя сіи игрушки довели было насъ до бѣды. Не успѣли мы нѣсколько улицъ пройтить и были уже недалече отъ дома генеральскаго, идучи безъ всякой опасности, какъ вдругъ превеликой мужичина схватилъ обоихъ насъ сзади и во все горло заревѣлъ: «О! о! попалися! Што за люди? зачѣмъ ходите съ огнемъ? Што за игра онымъ?» Мы оцѣпенѣли тогда оба и не знали со страха что дѣлать, ибо намъ и въ голову никакой опасности не входило и мы по-

читали себя уже почти дома, а того, что съ голымъ огнемъ въ самую полночь по улицамъ ходить и по-нашему огонекъ разшвыривать было очень худо и неловко, того ни одному изъ насъ и на мысль не приходило. Совсѣмъ тѣмъ, товарищъ мой не такъ оробѣлъ, какъ я, и имѣлъ еще столько смѣлости, что съ важнымъ видомъ спрашивалъ схватившаго насъ мужичину, что̀-бъ онъ за человѣкъ былъ? и говорилъ ему, чтобъ онъ шолъ прочь и оставилъ насъ съ покоемъ, а въ противномъ случаѣ онъ факалою его въ рожу съѣздитъ. Но храбрость сія не долго продолжалась; мужичина не успѣлъ сего услышать, какъ еще меньше учтивства употреблять съ нами началъ.—«А, вотъ я те покажу, што я за человѣкъ!»—заревѣлъ онъ опять:—«пойдемъ-ка въ будку та со мной — упрыгаешься!» и въ самое то время выхватилъ изъ рукъ у него факолу и потащилъ обоихъ насъ въ свою караульню. Тогда легко могли мы заключить, что это былъ караульщикъ у рогатки, и что дѣло доходитъ до худова. Я трепеталъ тогда отъ страха и умолялъ его всячески.—«Голубчикъ ты мой!» говорилъ я ему: «мы право не знали, что съ огнемъ ходить не велѣно; пожалуй отпусти».—«О, о, не знали! отвѣтствовалъ бородачъ.—Вотъ я васъ проучу; у меня будете знать; а то вы очень бадры. Пойдемъ-ка сюда».—Товарищъ мой, видя, что онъ начинаетъ насъ въ-правду тащить, забылъ тогда болѣе хоробриться и говорилъ ему уже посмирнѣе: — «Слушай, братъ, не заводи шума; мы дѣти генеральскіе и домъ нашъ вотъ на этой улицѣ; не трогай насъ и покинь».—«Экъ-на! велика мнѣ нужда, што ты сынъ енеральской, хошь бы фелмаршалской былъ! пошолъ-ка, слышь, пошолъ!..» А увидѣвъ, что онъ началъ у него изъ руки вырываться, закричалъ:—«постой! не уйдешьста», и тянулъ его уже непорядочнымъ образомъ. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ мертвецки пьянъ и не могъ удержать г. Торопова: онъ вырвался у него и далъ тягу. Я старался вырваться также, но, по нещастью моему, попался я ему въ правую руку, а притомъ и не имѣлъ столько силы. А какъ товарищъ мой вырвался, то онъ, взбѣсясь еще пуще, схватилъ меня уже обѣими руками. Я обмеръ тогда, испужался и считалъ уже себя совсѣмъ погибшимъ. Я умолялъ его всѣми святыми, но ничто не помогало: филистянинъ мой потрясалъ только бородою и рыгалъ изъ себя и отдувался. Наконецъ, видя такую бѣду, началъ и я напрягать всѣ мои силы и изъ рукъ у него рваться; но не было никакой возможности изъ кохтей его освободиться, и я не знаю, что̀-бъ со мною онъ сдѣлалъ, естлибъ нечаянной случай мнѣ не помогъ. Мужикъ, видя, что я и руками и ногами упираюсь и нейду къ нему въ караульню, разсудилъ, что ему одному со мною не сладить, и сталъ будить своего товарища и кричалъ во все горло: «Ванька, а Ванька! вставай, братъ». Но любезной его Ванька не лучше его былъ, но, знать, еще побольше накушавшись, почивалъ-себѣ, какъ надобно, и только что-то промурчалъ. Тогда осердился мой врагъ и кричалъ: «Экой чортъ! слышишь, пошолъ сюда!» Но какъ Ванька ему ничего болѣе не отвѣчалъ, то, по щастію моему, вздумалось ему пойтить его разбудить; но онъ не успѣлъ одною рукою меня освободить, чтобъ разтворить двери въ будку, какъ рванулся я у него изо всей мочи и, вырвавшись, дай Богъ ноги, и онъ до тѣхъ поръ меня и видѣлъ.

Но тутъ-то бы, любезной пріятель, посмотрѣть, въ какомъ неописанномъ бѣжалъ я страхѣ! Повѣрите ли, безъ смѣха и теперь не могу вспомнить тогдашней моей трусости. Я бѣжалъ безъ ума, безъ памяти и призывалъ всѣхъ святыхъ себѣ на помощь, а особливо святого Сергія, мимо котораго церкви мнѣ бѣжать случилось. «Батюшка ты мой, Сергій чудотворецъ,— говорилъ я тогда:—избавь ты меня отъ врага окаяннаго! Цѣлыхъ два молебна тебѣ отслужу и гривенную свѣчу поставлю, сохрани только и помилуй!» Симъ образомъ, самъ не зная, что̀ говорилъ, продолжалъ я неоглядкою бѣжать и, сколько помнится, началъ уже третей

молебенъ сулитъ, какъ, нечаянно оглянувшись, позади себя въ нѣкоторомъ разстояніи идущаго съ фонаремъ человѣка увидѣлъ. Мнѣ въ первомъ ужасѣ онъ неинако, какъ караульщикомъ показался, и малодушіе мое было столь велико, что я чуть-было не упалъ на мѣстѣ, но, опамятовавшись, увидѣлъ, что то былъ посторонней. Итакъ, отдохнулъ я нѣсколько отъ своего страха и достигъ потомъ благополучно до генеральскаго дома, откуда я уже не пошолъ одинъ домой, но ночевалъ тутъ съ г. Тороповымъ, несмотря что-бъ обо мнѣ дядя мой ни подумалъ. Сей и въ самомъ дѣлѣ былъ въ сумнѣніи, чтобъ со мною чего не здѣлалось, и послалъ нѣсколько людей меня искать; поутру же, какъ я пришолъ, далъ мнѣ изрядную погонку.

Вотъ вамъ, любезной пріятель, мое приключеніе. Болѣе сего не случилось со мною ничего въ-особливости примѣчанія достойнаго, чего ради, возвратясь опять къ дѣлу, раскажу вамъ остальное о тогдашнемъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и я вышеупомянутымъ образомъ ходилъ попрежнему учиться всякой день къ г. Маслову, щитали мы съ дядькою почти всѣ дни и минуты, и горѣли нетерпѣливостію дождаться скорѣе лошадей изъ Пскова отъ сестры моей. Уже наступилъ сентябрь мѣсяцъ, и намъ казалось, что уже время бы имъ и быть, но какъ онѣ не ѣхали, то сіе начинало уже насъ и озабочивать. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мы ласкали себя все еще вѣрною надеждою, что онѣ будутъ, то усугубилъ я мои прозьбы и представленія, что мнѣ необходимо надобно скорѣй домой ѣхать и просилъ дядю объ отпущеніи меня, упоминая между тѣмъ и о генералѣ Масловѣ, а имянно, будто во всемъ домѣ его говорятъ, что онъ скоро въ Москву поѣдетъ. Сіи прозьбы и представленія довели, наконецъ, дядю моего до того, что онъ, наскучивши ими, началъ уже почти на то соглашаться.

Въ самое сіе время, къ великому обрадованію нашему, пріѣхала за нами и столь давно ожидаемая коляска. Сестра моя, получивъ мое письмо и возжелавъ съ великою нетерпѣливостію меня у себя видѣть, съ охотою исполнила мою прозьбу. При отправленіи оной писала она къ дядѣ, благодарила за содержаніе меня у себя и просила о скорѣйшемъ меня отпущеніи. Сіе показалось ему очень странно и удивительно, и онъ догадывался, что это дѣлалось по моимъ проискамъ; однако я въ томъ запирался, да и сестра, по щастію моему, не упомянула о томъ ни единымъ словомъ.

При такихъ обстоятельствахъ вымышленное нами отбытіе генерала въ Москву имѣло желаемое дѣйствіе. Дядѣ моему было сіе хоть невѣроятно, однако онъ казался тому вѣрить, и, нехотя при томъ отослать сестриныхъ людей назадъ порожнихъ, рѣшился наконецъ меня отъ себя отпустить. О, какая была для меня тогда радость! Я вспрыгался, услышавъ о томъ отъ дяди, и побѣжалъ сообщать дядькѣ моему сіе извѣстіе, но радость сія, по справедливости, была ребяческая и основанная на глупости.

По изготовленіи всего къ отъѣзду, поѣхали мы съ дядею моимъ къ генералу, для объявленія ему, что мнѣ необходимо въ домъ отправиться надлежало и чтобъ принесть ему за оказанное имъ намъ благодѣяніе должное благодареніе. Вы не повѣрите, любезной пріятель, сколько мучитъ меня и понынѣ совѣсть при воспоминаніи сего случая; я обманулъ тогда родственника, старающагося обо мнѣ какъ о сынѣ и желающаго употребить все возможное въ мою пользу. Но тогда казалось мнѣ все сіе бездѣлицею, и я безчувствительно смотрѣлъ на тотъ стыдъ, которой дядя мой принужденъ былъ вытерпливать въ бытность свою у генерала, и чего оба мы съ дядькою не могли предвидѣть, ибо дядя мой тотчасъ въ разговорахъ упомянулъ, что беретъ меня отъ учителя болѣе и для того, что его превосходительство намѣренъ вскорѣ отправиться въ Москву. Сіе привело генерала въ немалое удивленіе, и онъ не могъ отъ смѣха удержаться;

дядя же мой краснѣлъ и не зналъ что̀ сказать, когда услышалъ, что того никогда и на умѣ у генерала не бывало. Но какъ бы то ни было, но дядѣ казалось уже неприлично перемѣнить свое намѣреніе, почему, поблагодаривъ и распрощавшись, поѣхали мы назадъ въ квартиру, гдѣ принужденъ я былъ вытерпѣть отъ дяди моего превеличайшую гонку. Но я достоинъ былъ розогъ, а дядька мой плетей, и я тужу и понынѣ, что онъ меня за то хорошенько не высѣкъ.

Такимъ образомъ отбылъ я и отъ сего послѣдняго моего учителя; ибо послѣ него уже я не имѣлъ никакого и окончилъ свое ученіе слишкомъ рановремянно. Въ нѣмецкомъ языкѣ, живучи и въ сей разъ въ Петербургѣ, я ничего не поправился, но паче еще больше позабылъ изъ онаго, а и французской не совершенно выучилъ. Самую геометрію, къ которой я великую охоту получилъ, не могъ я, за отбытіемъ моимъ, окончить. Итакъ, видите изъ сего, любезной пріятель, что я формальнымъ образомъ весьма немногому въ малолѣтствѣ учонъ былъ, и что сіе немногое ученіе весьма бы не въ состояніи было пріобрѣсть мнѣ потомъ имя учонаго человѣка, естлибъ послѣ того не способствовала много къ тому врожденная во мнѣ склонность къ наукамъ и нѣкоторыя другія обстоятельства. Ибо хотя бы положить, чтобъ я помянутымъ обоимъ языкамъ, также арифметикѣ и геометріи и совершенно былъ выученъ, но все сіе единственнымъ только преддверіемъ къ прямымъ наукамъ почесться можетъ; и тѣ крайне обманываются, которые въ томъ всю уже учонность полагаютъ, и знающаго по-нѣмецки и по-французски уже учонымъ человѣкомъ называютъ, хотя такой человѣкъ весьма еще отдаленъ отъ того, чтобъ могъ по справедливости носить имя учонаго человѣка.

Вскорѣ послѣ того, распрощавшись съ дядею моимъ и принеся ему за всѣ милости его достодолжное благодареніе, отправился я изъ Петербурга и поѣхалъ къ сестрѣ моей. А какъ симъ кончилась вся моя подвластная жизнь, то окончу и я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и протчее.

Письмо 19.

Любезной пріятель! Такимъ образомъ, здѣлавшись надъ поступками своими совершеннымъ властелиномъ и отправившись въ путь, продолжалъ я путешествіе свое не безъ скуки, а особливо по притчинѣ тогдашней осенней погоды и наступающей уже стужи, ибо было сіе уже въ началѣ октября мѣсяца. Привыкнувъ уже нѣкоторымъ образомъ ко многолюдству, скучно мнѣ было тогда одному, и потому препровождалъ я время свое въ распѣваніи и тананаканіи любовныхъ пѣсенокъ, выученныхъ и затверженныхъ мною въ Петербургѣ и въ читаніи печатной трагедіи «Артистоны», которая, не помню по какому случаю, мнѣ досталась и была первая, которую я въ жизнь мою читывалъ; впротчемъ, ѣхалъ я съ наполненною самолюбіемъ головою. Я уже упоминалъ, что, живучи въ Петербургѣ, навыкъ я нѣсколько свѣтскому обхожденію и лишился многихъ деревенскихъ грубостей. Сіе исправленіе было мнѣ свѣдомо, но я увеличивалъ оное уже слишкомъ много въ моихъ мысляхъ и почиталъ себя уже совершенно свѣтскимъ и обхожденіе знающимъ человѣкомъ, и думалъ тѣмъ удивить весь сестринъ околодокъ. Однако, въ самомъ дѣлѣ я слишкомъ много обманывался, и былъ еще ничто иное, какъ застѣнчивой и стыдливой рабенокъ, имѣющей о свѣтскомъ обхожденіи первѣйшія только понятія. Но какъ бы то ни было, но чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ я благополучно въ Новгородъ, а оттуда во Псковъ, а потомъ, 12-го октября, и въ домъ къ моему зятю, господину Неклюдову, отстоящему отъ Пскова верстъ за 80.

Хотя пріѣзда моего тутъ и ожидали и онъ былъ не нечаянной, однако радость была не меньше, какъ и при неожидаемомъ: сестра и зять мой приняли меня чрезвычайно пріятно, а особливо первая была очень рада. Я могу сказать, что сія

сестра любила меня во всю жизнь очень горячо и по смерти моей матери была мнѣ вмѣсто оной. Она, увидѣвъ меня тогда впервые по кончинѣ нашихъ родителей, не могла безъ слезъ меня встрѣтить. Мужемъ ея, а моимъ зятемъ, былъ я не менѣе доволенъ; онъ былъ совсѣмъ отмѣннаго сложенія, нежели меньшой мой зять и, имѣя несравненно лутчей нравъ, почитался всѣми тихимъ, смирнымъ, добронравнымъ и дружелюбнымъ человѣкомъ. Онъ, любя сестру мою и живучи съ нею въ совершеннѣйшемъ согласіи, принималъ и меня всегда такъ, какъ надобно толь близкаго родственника.

Я нашолъ ихъ прямо благополучную деревенскую жизнь препровождающихъ; все у нихъ было хорошо и все порядочно: домикъ изрядной, сосѣдство довольное и ихъ любящее, достатокъ хорошей, всѣмъ они были довольны и всѣмъ изобильны. Одного только имъ недоставало, а имянно дѣтей; всѣ бывшія до того помирали въ самомъ еще младенчествѣ, и судьбѣ неугодно было утѣшить ихъ симъ даромъ. Правда, въ тогдашнее время былъ у нихъ одинъ мальчикъ, но сестра моя никакъ не думала, чтобъ и сей остался въ живыхъ; она родила его за нѣсколько времяни предъ моимъ пріѣздомъ, и его звали Михаиломъ.

По свойственному всѣмъ женщинамъ суевѣрію, чего и чего она не дѣлала для мнимаго сохраненія дѣтей въ живыхъ: и образа-то по мѣркѣ съ рожденнаго писывала, и четыре-то рождества на одной иконѣ изображала, и крестить-то заставляла первыхъ встрѣтившихся и протчее тому подобное, но все не помогало. Наконецъ сказали ей, что надобно въ отцы и матери крестныя такихъ людей сыскать, которыя бы точно такихъ имянъ были, какъ отецъ и мать родные, и точно тѣхъ ангеловъ. Сіе постаралась она здѣлать при крещеніи сего сына, и потому крестили его одинъ изъ ихъ лакеевъ, которой по случаю имѣлъ точное имя зятя моего, а въ кумы насилу отыскали одну маленькую крестьянскую дѣвчонку. Вотъ до какихъ глупостей доводитъ насъ иногда суевѣріе и какими вздорами хотимъ мы власно какъ насильно приневолить Творца здѣлать то, что намъ хочется! Совсѣмъ тѣмъ мальчикъ сей остался живъ и здѣлался потомъ единымъ ихъ наслѣдникомъ — обстоятельство, произшедшее вѣрно не отъ того, а отъ воли небесъ, но могущее многихъ женщинъ утвердить въ семъ суевѣріи.

Не успѣлъ я, пріѣхавши къ нимъ, еще осмотрѣться, какъ принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними готовиться къ одному знаменитому торжеству. Случилось такъ, что чрезъ день послѣ того была сестра моя имянинницою. Зять мой, будучи по тамошнему мѣсту неубогой дворянинъ, имѣлъ обыкновеніе всѣ такіе дни праздновать отличнымъ образомъ, и потому засталъ я ихъ дѣлающихъ къ тому всѣ нужныя пріуготовленія. Какъ мнѣ сказали, что у нихъ въ сей день множество гостей будетъ, то, мечтая въ умѣ своемъ, что мнѣ при семъ случаѣ можно будетъ себя показать, велѣлъ и я разбираться и приготовлять для себя наилутчее мое платье; дядя приказалъ сшить мнѣ оное предъ самымъ почти моимъ отъѣздомъ, и оно было тогда самое модное и довольно богатое. Но, о, естлибъ нынѣ убрать кого-нибудь въ таковое, какимъ бы шутомъ онъ намъ показался! Было оно синее суконное, съ бѣлыми большими разрѣзными обшлагами и бѣлымъ суконнымъ же камзоломъ и исподнимъ платьемъ; пуговицы повсюду гладкія золотыя, а петли по всѣмъ мѣстамъ обшиты широкими золотыми битными балетами. Зять и сестра расхвалили оное въ прахъ, и послѣдняя была въ особливости рада, что ей не стыдно будетъ показать меня гостямъ своимъ.

Торжество было и въ самомъ дѣлѣ нарочито великое; сколько ни было въ ближнемъ сосѣдствѣ дворянъ, всѣ присудствовали на ономъ и пробыли не только весь тотъ день, но и другова половину. Наизнаменитѣйшій изъ всѣхъ гостей былъ нѣкто г. Суморощкой, по имяни Петръ Михайловичъ. Господинъ сей былъ богатой дворянинъ по городу Пскову и имѣлъ полковничей чинъ. Настоящей его домъ былъ

неподалеку отъ города, а тутъ имѣлъ онъ другой, куда предъ недавнимъ временемъ онъ на осень пріѣхалъ. Зять мой имѣлъ къ нему особливое почтеніе и щиталъ его себѣ хорошимъ другомъ, чего онъ по разуму и добродушію своему былъ и достоинъ; впротчемъ, былъ онъ человѣкъ ласковой, благопріятной и въ компаніяхъ веселой. Онъ былъ тогда у насъ съ женою своею, также боярынею весьма разумною и почтенія достойною, и меньшою своею дочерью, которая одна при немъ тогда и была, дѣвочкою моихъ почти лѣтъ, весьма разумною и воспитанною весьма порядочно.

Другимъ гостемъ былъ самой ближней сосѣдъ зятя моего, по фамиліи также Суморoцкой, а по имяни Василій Степановичъ, дворянинъ не весьма богатой, мужичоночка маленькой, тонинькой, чорнинькой, съ навислыми надъ глазами превеликими бровями, и имѣющей жену претолстую и предородную и превеликое семейство, состоящее изъ однѣхъ дочерей, изъ коихъ иныя были уже нарочито велики, а иныя еще малы; съ нимъ было тогда три; впротчемъ же, былъ онъ человѣкъ ласковой и предоброй. Третей гость былъ нѣкто г. Брылкинъ, дворянинъ, имѣющей довольной достатокъ и имѣющей жену, боярыню бойкую, и небольшую еще дочь; самъ же былъ онъ изъ простаковъ, любившей отмѣнно курить табакъ и выпить иногда лишнюю рюмку вина; впротчемъ, въ обхожденіи довольно изрядной и ласковой.

Кромѣ сихъ трехъ фамилей, которыя были мнѣ всѣхъ протчихъ памятнѣе, было еще нѣсколько другихъ, но которыхъ я уже и позабылъ. Зять мой и сестра старалися всѣхъ ихъ угостить наивозможнѣйшимъ образомъ. Всѣ они ласкались ко мнѣ, какъ къ новопріѣжему, и всякой рекомендовалъ себя въ любовь и знакомство; но ничьими ласками я такъ доволенъ не былъ, какъ г. Суморoцкаго, П. М. Онъ тотчасъ ко мнѣ адресовался, сказывалъ мнѣ, что онъ весьма знакомъ былъ моему родителю и щиталъ его себѣ другомъ; просилъ, чтобъ я его любилъ...; потомъ распрашивалъ о Петербургѣ и о томъ, гдѣ я, у кого и долго ли и чему учился, и былъ всѣми моими отвѣтами доволенъ. Словомъ, я имѣлъ щастіе какъ ему, такъ и всѣмъ гостямъ полюбиться; а сверхъ того и для сестры моей, которую они всѣ любили, изъявляли они мнѣ напрерывъ другъ предъ другомъ свои ласки.

Обѣдъ былъ подлинно праздничной, и хоть бы и не въ деревнѣ, и продолжался нѣсколько часовъ; псковскіе дворяне любили тогда быть веселы и заставливать въ компаніяхъ нерѣдко разносить рюмки. Понабравшись немного за столомъ, захотѣлось имъ послѣ онаго повеселиться еще далѣе. У г. Суморoцкаго была своя музыка; зять мой постарался о томъ, чтобъ онъ привезъ ее съ собою. Музыки не были тогда такія огромныя, какъ нынѣ: ежели скрипички двѣ-три и умѣли играть польскіе и миноветы и контратанцы, такъ и довольно; немногіе сіи инструменты можно было возить съ собою въ коляскахъ, а музыкантамъ отправлять должность лакеевъ. Таковаго рода музычка была и у господина Суморoцкаго; ее заставили тотчасъ послѣ обѣда играть, и господа затѣяли деревенскіе танцы. Я, увидѣвъ сіе, трепеталъ, чтобъ не заставили меня открывать балъ, и чего я опасался, то и здѣлалось. Какъ изъ всѣхъ я былъ моложе, то хотѣли, чтобъ я началъ танцы; къ вящему моему нестроенію, не было никакихъ иныхъ мнѣ сверстниковъ и товарищей, а я еще въ первой день сестрѣ проболтался, что я танцовать умѣю. Горе на меня тогда было превеликое: танцовать я въ Петербургѣ хотя и танцовывалъ, но не учась никогда порядочно сему искуству, не имѣлъ о порядочномъ танцованіи ни малѣйшаго еще понятія, а тутъ надлежало танцовать одному предъ всѣмъ обществомъ и власно какъ на театрѣ, и притомъ еще миноветъ. Какъ можно было на сіе отважиться и пуститься, а особливо въ такомъ обществѣ, которому свѣтское обхожденіе не менѣе было знакомо, какъ и петербургскимъ жителямъ? Все мое высокое мнѣніе о себѣ изчезло

въ единой мигъ, какъ скоро я всѣхъ нашихъ гостей увидѣлъ; но сего было еще недовольно. Я одурачилъ даже себя предъ всѣми гостями, начавъ сперва отнѣкиваться отъ танцевъ и извиняться неумѣніемъ, а потомъ такъ зартачившись, что не могли произвесть ничего всѣ прозьбы и убѣжденія моей сестры и зятя, и доведя наконецъ до того, что г. Сумороцкой заставилъ дочь свою подойтить ко мнѣ и звать танцовать съ собою.

Я сгорѣлъ тогда отъ стыда, а особливо увидя, какъ послушлива была дочь г. Сумороцкаго: одного шепнутаго отцомъ ей слова довольно было къ тому, чтобъ ей пойтить, а меня не могли убѣдить всѣ прозьбы и ласковыя уговариванія. Нечего тогда мнѣ было дѣлать, я принужденъ былъ иттить и, не помня самъ себя, танцовать миноветъ первой. Совсѣмъ тѣмъ меня похвалили, а сіе меня такъ ободрило, что я съ того часа здѣлался смѣлѣе и во весь день и вечеръ протанцовалъ со всѣми барышнями, безъ всякаго приневоливанія; ибо могу сказать, что сіе упражненіе было мнѣ всегда пріятно, и я во всю мою жизнь былъ охотникъ до танцовъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ упражнялись въ танцахъ, боярыни занимались картошною игрою; любимая у всѣхъ и лучшая игра была тутъ «памфелъ». Что-жъ касается до господъ, то сіи упражнялись, держа въ рукахъ то-и-дѣло подносимыя рюмки, въ разговорахъ, а какъ подгуляли, то захотѣли и они танцами повеселиться. Музыка должна была играть то, что имъ было угодно, и по большой части русскія плясовыя пѣсни, дабы подъ нихъ плясать было можно. Неуспѣли сего начать, какъ принуждены были и боярыни покинуть свои карты и дѣлать имъ компанію. Къ музыкѣ присовокуплены были потомъ и дѣвки съ своими пѣснями; а на смѣну имъ, наконецъ, созваны умѣющіе пѣсни пѣть лакеи; и такъ попеременно, то тѣ, то другіе утѣшали подгулявшихъ господъ до самаго ужина. Но никто изъ гостей такъ мнѣ въ сей вечеръ не надоѣлъ, какъ помянутой господинъ Брылкинъ. Человѣкъ онъ былъ самой неуклюжей, но шутливой, во весь вечеръ все сватался мнѣ и рекомендовалъ невѣстъ и совѣтовалъ жениться у нихъ во Псковщинѣ; а какъ ничѣмъ меня, какъ застѣнчиваго рабенка, такъ скоро въ стыдъ и смущеніе привесть было не можно, какъ симъ пунктомъ, то надоѣлъ онъ мнѣ какъ горькая рѣдька, и я принужденъ былъ отъ него даже бѣгать и скрываться.

Гости всѣ у насъ ночевали и на другой день обѣдали, и не прежде разъѣхались какъ уже передъ вечеромъ. Для меня торжества сего рода были до того времяни совсѣмъ необыкновенны, ибо въ нашихъ мѣстахъ подобныхъ тому я никогда еще не видывалъ, и они мнѣ полюбились.

Чрезъ день послѣ того званы мы на такой же обѣдъ къ маленькому г. Сумороцкому, живущему отъ зятя моего версты только четыре. Я охотно поѣхалъ туда вмѣстѣ съ сестрою и зятемъ. Тутъ были всѣ тѣ же гости, которые были у насъ, и была опять музыка и танцованье; а черезъ нѣсколько дней послѣ того звалъ насъ всѣхъ г. Брылкинъ, и какъ онъ жилъ нѣсколько подалѣе, то мы не только у него обѣдали, но также и ночевали. А не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ пріѣхали звать также отъ старика господина Сумороцкаго; сей хотѣлъ также всѣхъ сосѣдей угостить, и можно сказать, что удовольствовалъ всѣхъ до избытка.

Въ сихъ торжествахъ, съѣздахъ и увеселеніяхъ нечувствительно протекло недѣли двѣ времяни; я столько занятъ былъ оными, что и не видалъ, какъ онѣ прошли; наконецъ вспомнилъ я, что мнѣ время помышлять уже и объ отъѣздѣ въ домъ. Но неуспѣлъ я упомянуть о семъ, какъ сестра мнѣ и говорить не дала:—«и, статошное ли дѣло, братецъ, чтобъ я тебя прежде зимы домой отпустила! И не говори-таки мнѣ о томъ». А зять подхватилъ:—«поживи, братецъ, у насъ и повеселись съ нами; что тебѣ одному дома дѣлать, а у насъ нескучно. Вотъ

на сихъ дняхъ начнется у насъ звѣриная ловля тенетами; ты не видывалъ оной, и тебѣ забава сія полюбится. Мы условились уже, чтобъ съѣзжаться намъ послѣзавтрева для начала. Ну, какъ не быть тебѣ съ нами? Пожалуй, сударь, погости у насъ. Мы тебѣ очень рады, а и всѣ сосѣди наши тебя полюбили».

Что мнѣ тогда было дѣлать, и какъ можно было не согласиться? Помянутое увеселеніе въ самомъ дѣлѣ началось вскорѣ и мнѣ столько полюбилось, что я никогда не скучалъ ѣжжать съ ними вмѣстѣ на сію охоту. Производится она тамъ особливымъ образомъ. Поелику мѣста тамъ наиболѣе лѣсистыя, то охотники выбираютъ нѣкоторую часть лѣса, о которой надѣются, что въ ней звѣрей довольно, окидываютъ оную съ одной стороны премножествомъ тенетъ полуцыркулемъ или дугою, а потомъ главной ловчей набираетъ колико можно болѣе людей и ребятишекъ съ трещотками и обстанавливаетъ ими всѣ прочія стороны назначенной части лѣса, становя ихъ не на далекое другъ отъ друга разстояніе и такъ, чтобъ всѣ они съ тенетами составили превеликой и обширной кругъ и захватили множества лѣса. Все сіе производитъ онъ съ превеликимъ молчаніемъ и безъ всякаго шума, и всякому человѣку даетъ наставленіе, въ которую сторону ему потомъ иттить, самъ же становится посреди оныхъ. Между тѣмъ другой разстанавливаетъ такимъ же образомъ господъ за тенетами внутри охваченнаго круга и саженъ на пять отъ тенетъ, а саженъ на 20 другъ отъ друга. Каждаго становитъ онъ лицомъ къ тенетамъ и для каждаго выбираетъ такое мѣсто, чтобъ онъ сзади прикрытъ былъ какимъ-нибудь кустарникомъ. Потомъ даетъ каждому наставленіе, что ему дѣлать, а имянно — чтобъ стоять тихо и смирно и отнюдь не шумѣть и, увидѣвъ звѣря, прежде не кричать, покуда онъ его не пробѣжитъ уже мимо и между имъ и тенетами находиться будетъ. По учиненіи сего всего, подаетъ главной ловчей сигналъ, и тогда вдругъ всѣ разставленные съ трещотками люди поднимаютъ превеликой вопль и крикъ и трещатъ въ свои трещотки и, выпугивая звѣрей изъ всѣхъ кустьевъ и трущобъ, мало по-мало начинаютъ иттить въ сторону къ тенетамъ и между собою сближаться такъ, чтобъ всѣмъ имъ вдругъ приттить къ тенетамъ. Звѣри, услышавъ вдругъ такой крикъ и шумъ, натурально перетревоживаются и бѣгутъ въ ту сторону, гдѣ нѣтъ крика, не зная, что тамъ дожидаются ихъ тенеты и самые ловцы. Они бѣгутъ безъ всякаго опасенія и столь спокойно, что иногда меньше нежели на сажень пробѣгаютъ мимо стоящихъ за кустьями охотниковъ; но тогда сіи вдругъ на нихъ ухаютъ и кричатъ и тѣмъ такъ ихъ перепугиваютъ, что они безъ памяти бросаются прямо въ тенета и запутываются въ оныхъ; тутъ прибѣгаетъ къ нимъ охотникъ и беретъ его либо живьемъ, либо прикалываетъ.

Мнѣ случалось самому стаивать симъ образомъ позадь тенетъ, и нерѣдко имѣть удовольствіе видѣть пробѣгающихъ мимо себя зайцевъ и вгонять ихъ въ тенета. Съ какимъ удовольствіемъ слушаешь, бывало, начавшейся вдали и вдругъ и въ разныхъ сторонахъ, и часъ-отъ-часу ближе приближающейся крикъ и трещаніе трещотокъ! Вся величина обхваченнаго круга и части лѣса здѣлается тогда ощутительна для всякаго; но какимъ нѣжнымъ трепетомъ начинаетъ у каждаго трепетать сердце, когда трещотки начнутъ приближаться и приходитъ время звѣрямъ бѣжать! Стоишь, бывало, ни кукнешь и, сжавъ сердце, смотришь на бѣгущихъ иногда подлѣ самого тебя звѣрей, и, завидѣвъ тенета, употребляющихъ иногда всякія хитрости къ спасенію себя отъ нихъ. И какое удовольствіе бывало тогда, какъ вдругъ крикомъ испугаешь звѣря и вгонишь въ тенета! Никогда не случалось того, чтобъ мы, выѣхавъ на сію ловлю, не наловили и не привезли съ собою къ боярынямъ множество звѣрей. Сіи съѣжжались обыкновенно къ вечеру въ тотъ домъ, которой случался ближе къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ у насъ произво-

дилась ловля, и тогда тутъ и препровождали мы тотъ вечеръ въ разныхъ увеселеніяхъ и ужинывали.

Въ сихъ и подобныхъ сему и безпрерывныхъ увеселеніяхъ прошла у насъ непримѣтно вся достальная осень; а что было далѣе, упомяну въ письмѣ послѣдующемъ, сказавъ вамъ между тѣмъ, что я есмь, и протчая.

Письмо 20.

Любезной пріятель! Наконецъ наступили морозы и выпалъ снѣжокъ. Какъ сіе, такъ и отъѣздъ господина Суморокаго изъ тамошнихъ предѣловъ въ настоящее свое жилище прервалъ нѣсколько наши прежнія увеселенія, однако, вмѣсто того, начались у насъ новыя упражненія и забавы. Зять мой былъ превеликой охотникъ до рыбной ловли; наилутчую изо всего года рыбную ловлю производили у него по первому и самому еще тонкому льду; и сего времени дожидался уже онъ съ великою нетерпѣливостью. Верстъ за дватцать отъ него находилось одно нарочитой величины озеро; было оно хотя не въ его дачахъ, однако онъ имѣлъ дозволеніе ловить въ ономъ рыбу. Неуспѣло озеро сіе замерзнуть и ледъ такъ толстъ сдѣлаться, что могъ поднимать человѣка, какъ зять мой со мною тотчасъ туда на нѣсколько дней отправился. Неводъ у него былъ превеликой и саженъ въ триста; мнѣ отъ-роду не случалось видать ловленіе рыбы такою большою снастью, и потому зрѣлище сіе было для меня и ново, и любопытно, и увеселительно. Великое множество людей упражнялось въ сей работѣ; тоня захвачена была превеличайшая: иные прорубали большія и малыя пролуби, иные пропускали шесты и протягивали подо льдомъ веревки, иные тянули оныя воротами, ибо по величинѣ невода инако было не можно. Я хотя набрался сначала, ѣздючи съ зятемъ въ маленькихъ саняхъ по тонкому и трещащему еще льду, множества страха, но заплаченъ былъ съ лихвою за то неописаннымъ удовольствіемъ при смотрѣніи того, какъ рыба бѣжитъ и отъ невода себя спасти старается. Прорубили для сего маленькую пролубочку за нѣсколько десятковъ саженъ впереди отъ главной и той пролуби, въ которую надлежало вытаскивать неводъ; на сію пролубку положили меня и, приказавъ мнѣ смотрѣть въ нее въ воду, покрыли меня епанчою. И что же я тогда увидѣлъ? Безчисленное множество большихъ, и среднихъ и малыхъ рыбъ бѣжало тогда взапуски одна предъ другою, стараясь уйтить отъ влекомаго невода. Мнѣ ихъ всѣхъ видѣть и въ точность разсмотрѣть было можно: темнота, производимая сверху епанчею, дѣлала то, что въ водѣ было такъ свѣтло, какъ въ горницѣ, и можно было все до самаго дна видѣть и малѣйшую рыбку разсмотрѣть. Зрѣлище таковое меня поразило, я смотрѣлъ съ восхищеніемъ на все въ водѣ происходящее и не могъ разновидности, скорости и проворству рыбъ въ бѣганьи надивиться; и какъ онѣ всѣ бѣжали отъ невода и нѣкоторыя только имъ навстрѣчу, то сожалѣлъ я, что всѣ онѣ уйдутъ и не попадутъ въ неводъ. Однако меня увѣрили о противномъ, сказавъ, что впереди закинуты сѣти и другіе невода, и что рыбѣ никуда уйтить не можно; а сіе и совершилось дѣйствительно. Я во всю жизнь мою, ни прежде, ни послѣ, не видывалъ въ кучѣ такова великаго множества живыхъ рыбъ, какое вытащено было тогда симъ неводомъ; всю корму на ледъ вытащить не было никакой возможности: и неводъ бы прорвался, и ледъ обломился бы отъ тягости; принуждено было такъ изъ кормы и черпать ее черпалками и сыпать въ подвозимыя сани. Нѣсколько десятковъ возовъ насыпали и нагрузили оною, и досталось довольно ея и господину, и на часть ловцамъ и рыболовамъ.

Я въ-прахъ иззябъ, смотря и любуясь симъ новымъ и невиданнымъ никогда мною зрѣлищемъ, и какъ намъ притомъ ѣсть хотѣлось, то вышли мы съ зятемъ на ближней берегъ. Тутъ дожидались уже насъ раскладенные многіе огни и поваръ, пріуготовляющей намъ изъ пойманныхъ рыбъ обѣдъ. Во всю жизнь мою не ѣдалъ

я рыбу съ такимъ апетитомъ, какъ проголодавшись тогда, ибо обѣдали мы уже передъ вечеромъ; въ-особливости же вкусны для меня были превеликіе въ поларшина окуни, прямо изъ воды распластанные и по усыпаніи солью на угольяхъ печоные. Словомъ, удовольствіе наше было совершеннымъ.

Неподалеку отъ сего мѣста жилъ одинъ богатой псковской дворянинъ, по имени Иванъ Ивановичъ Темашовъ; какъ зятю моему былъ онъ знакомецъ и другъ, то расположились мы ѣхать къ нему ночевать и привезть съ собою цѣлой возъ наилутчей рыбы въ гостинецъ. Господинъ Темашовъ, бывшей тогда всю осень не очень здоровымъ, былъ намъ чрезвычайно радъ; онъ расположился тотчасъ здѣлать для насъ торжество, и на другой день къ обѣду съѣхалось къ нему все ближнее дворянство, и въ томъ числѣ нѣкоторые и изъ нашихъ, ближе къ нему живущихъ. У г. Темашова было превеликое семейство, состоящее изъ однѣхъ дочерей, а поелику была также и музыка, то послѣ обѣда завели и танцы, и мы прогостили у него сутки двое и были угощеніемъ его очень довольны. Между тѣмъ готовили на озерѣ другія тони; мы заѣжжали на оное въ самое то время, когда вытаскивать было надобно, и имѣли удовольствіе видѣть еще множайшее количество рыбъ пойманныхъ, такъ что мы возвратились къ сестрѣ моей съ богатою добычею. Рыбы не только на весь постъ довольно было всему двору, но и великое множество оной еще и продано и раздарено сосѣдямъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ сего краткаго путешествія выпалъ большой снѣгъ и сдѣлалась совершенная зима. Дядька мой отдуху мнѣ не давалъ, чтобъ я поспѣшалъ домой ѣхать; но мнѣ уже не таково усильно туда ѣхать хотѣлось: я привыкъ къ тутошнимъ увеселеніямъ и забавамъ, и мнѣ жить у сестры было ни мало не скучно. Совсѣмъ тѣмъ не преминулъ я однажды упомянуть, что мнѣ время бы и домой ѣхать, но сестра и зять мой, привыкнувши ко мнѣ и будучи сообществомъ моимъ довольными, не только старались отъѣздъ мой еще оттянуть, но и уговаривать всячески, чтобъ я прожилъ у нихъ всю зиму и дождался весны и лѣта. Они употребили все, что можно было, къ преклоненію меня къ сему ихъ желанію: они представляли мнѣ, что и ѣхать зимою холодно, и жить мнѣ въ деревнѣ зиму одному будетъ скучно, и дѣлать мнѣ тамъ вовсе нечего, и такъ далѣе. Словомъ, они насказали мнѣ столько резоновъ и присовокупили къ тому столько ласкъ и убѣдительныхъ прозьбъ, что я, наконецъ, согласился и далъ имъ слово пробыть у нихъ до весны, чѣмъ сестра моя чрезвычайно была обрадована и меня въ-прахъ за то расцѣловала.

Такимъ образомъ, разположившись остаться у нихъ до весны, началъ я препровождать зиму въ разныхъ упражненіяхъ. Какъ въ сіе время съѣзды и свиданія съ сосѣдями и деревенскія увеселенія хотя и продолжались, но не такъ часто, какъ прежде, то я протчее время дѣлилъ наиболѣе съ зятемъ и сотовариществовалъ ему во всѣхъ его упражненіяхъ. Зять мой хотя не имѣлъ склонности къ наукамъ и въ молодости своей, кромѣ грамоты, ничему ученъ не былъ, но за то имѣлъ онъ природную склонность и охоту ко всякимъ мастерствамъ, рукодѣліямъ и художествамъ, и потому имѣлъ въ домѣ у себя разныхъ мастеровыхъ и художниковъ. Были у него столяры и токари, былъ изрядной рѣщикъ, кузнецъ, слесарь, сѣдельникъ, нѣсколько человѣкъ ткачей, портныхъ, сапожниковъ и другихъ подобныхъ тому мастеровыхъ и рукодѣльныхъ людей; словомъ, онъ любилъ, чтобъ у него всѣ люди были въ упражненіи и непраздно хлѣбъ ѣли, а нерѣдко и самъ кое въ чемъ изъ мелочей упражнялся и что-нибудь шишлялъ, мастерилъ и дѣлалъ. У него были цѣлые ящики всякаго рода собственныхъ своихъ инструментовъ и часто случалось, что онъ по нѣскольку часовъ просиживалъ, либо обтачивая что-нибудь, либо сгибая, и протчее тому подобное; въ особливости же былъ онъ великой мастеръ дѣлать изъ иголъ рыболовные крючки съ зазубрями, которые были ему и

надобны, по причинѣ, что онъ превеликой охотникъ былъ до уженія удами рыбы.

Какъ зять мой, по сей склонности и охотѣ своей къ художествамъ, имѣлъ обыкновеніе почти всякой день ходить и осматривать упражненія и работы своихъ мастеровыхъ, то хаживалъ и я вмѣстѣ съ онымъ. Сіи частыя посѣщенія оныхъ не только меня увеселяли, но послужили мнѣ въ особливую и такую пользу, какой я нимало не ожидалъ. Я не только узналъ всѣ сіи до того мною невиданныя работы и мастерства, и не только получилъ объ нихъ понятіе, но нечувствительнымъ образомъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ получилъ и самъ склонность и охоту; въ особливости же полюбилось мнѣ токарное и рѣзное художества. Случилось, власно какъ нарочно для моей пользы, такъ, что у зятя моего въ домѣ дѣлали богатой въ церковь иконостасъ, украшенной многою рѣзьбою, и употреблены были къ тому не только свои, но и многіе нанятые посторонніе и хорошіе мастера. Я не могъ довольно налюбоваться проворствомъ ихъ работы и хаживалъ почти всякой день смотрѣть оную; временно биралъ я и самъ ихъ долоты и на негодныхъ дощечкахъ испытывалъ подражать ихъ искуству. Таковую же охоту произвело во мнѣ къ себѣ и токарное художество. У зятя моего, хотя простой, но изрядной токарь; онъ утѣшалъ меня нерѣдко, вытачивая мнѣ разныя бездѣлушки и, производя работу сію при мнѣ, вперилъ въ меня и въ самого охоту къ сему рукомеслу. Я выпрашивалъ у него иногда долоты и рѣзцы, и при руководствѣ его испытывалъ и самъ точить, и въ короткое время научился и самъ кое-что вытачивать.

Но ни которая работа и мастерство такъ мнѣ не полюбилась, какъ одно особливое, производимое однимъ постороннимъ человѣкомъ, случившимся тогда, не помню по какому случаю, у моего зятя. Сей человѣкъ дѣлывалъ изъ простой бересты табакирки, стаканчики, крушечки, и круглыя стамушки съ такимъ искуствомъ и умѣлъ такъ хорошо наружность оныхъ украшать особливаго рода чеканною работою, что я довольно надивиться не могъ, какъ и всѣ тогда сей работы его дивились и ее хвалили. Мнѣ она такъ по куріозности своей полюбилась, что я возгорѣлъ желаніемъ оной самъ научиться; мы уговорили съ зятемъ мастера, чтобъ онъ намъ открылъ свое мастерство, и онъ на то согласился.

Производится оно особливымъ образомъ: всякая такая посудинка дѣлается толщиною въ три бересты, двѣ полагаются поперечно, а третья и средняя стойма, для отвращенія, чтобъ тѣ не коробились. Для внутренней употребляется береста цѣльная и неразрѣзная, судя по величинѣ судна, какое дѣлать предпринимается, и потому сколь толсту и широку быть ему надобно, выбирается такой величины и толстоты обрубокъ сырого березоваго дерева, имѣющаго на себѣ гладкую и хорошую бересту. Сія береста съ него не сдирается, но снимается цѣльною трубкою, что̀ не инако произвесть можно, какъ выкалываніемъ изъ нутри обрубка всего дерева, такъ чтобъ береста одна осталась цѣлою. Цѣлость внутренности надобна для того, чтобъ не могло ничего вытекать изъ судна жидкое; для верхней же оболочки выбирается береста самая лутчая и гладкая и вычеканивается разными узорами. Сія чеканная работа производится маленькими жимолостными палочками, у коихъ на концахъ вырѣзаны разныя фигуры, какъ напримѣръ, полуцыркули, треугольнички, звѣдзки и протчія тому подобныя и расположенныя такъ, чтобъ, при наставленіи палочки на бересту и при ударенiи въ другой конецъ ея молоткомъ, выпечатывалась на берестѣ довольно возвышенная фигурка. Разнообразныхъ таковыхъ, и маленькихъ и большихъ, палочекъ надѣлано превеликое множество, дабы тѣмъ лутче можно было употреблять разныя фигуры, и ими выводить разныя каймы и разводы; наконецъ, все достальное пустое мѣсто между фигуръ и разводовъ натыкается тремя вмѣстѣ связанными иголками, и какъ сіе накалываніе производится сплошь и очень часто, то сіе самое и придаетъ видъ че-

канной работы. По изготовленіи сей верхней бересты складываются всѣ три вмѣстѣ и сшиваются очень искусно самыми тонкими расколотыми и оскобленными сосновыми корешками, въ особливости же обрѣзы и края берестъ обшиваются сплошь оными и такъ искусно, что за ними оныхъ вовсе не видать; а похожимъ на сіе образомъ дѣлаются и крышки. Что-жъ касается до донышковъ, то оныя дѣлаются изъ тонкихъ липовыхъ дощечекъ и вставливаются въ разваренныя въ горячей водѣ края суднышка, дабы тѣмъ крѣпче они сидѣли.

Удобопонятностъ и любопытство мое помогло мнѣ перенять искуство сіе очень скоро, такъ что я чрезъ короткое время могъ всякія бездѣлушки дѣлать изъ бересты ничѣмъ не хуже мастера, и многія вещицы и фигуры еще самъ выдумалъ и присовокупилъ отъ себя, чѣмъ учитель мой былъ такъ доволенъ, что подарилъ меня всѣми своими чеканами и инструментами, что̀ служило къ великому моему удовольствію и привело меня въ состояніе предпринимать дѣло сіе всегда, когда мнѣ было угодно и онымъ на досугѣ забавляться.

Кромѣ сего, получилъ я тутъ начальной вкусъ и охоту къ музыкѣ. Столяръ зятя моего умѣлъ брянчать на гусляхъ, но гусляхъ такого рода, какихъ я нигдѣ послѣ уже не видалъ: они были только девятиструнныя, маленькія и особливаго сложенія; и хотя по гуслямъ была и игра, т.-е. весьма-весьма посредственная, однако она мнѣ полюбилась, и тѣмъ паче, что казалось мнѣ нетрудно ее перенять было. Я и дѣйствительно ее перенялъ, и учитель мой былъ такъ удобопонятіемъ моимъ доволенъ, что здѣлалъ для меня новенькія и съ лучшими украшеніями гусельки, нежели каковы его были.

Вотъ въ чомъ и въ какихъ упражненіяхъ препровождалъ я праздное и досужное зимнее время. По особливому распоряженію судебъ и неожиданному стеченію обстоятельствъ, случилось такъ, что домъ зятя моего здѣлался для меня такимъ же училищемъ рукодѣлій и художествъ, какимъ былъ Петербургъ для наукъ; и я могу сказать, что сколь ни мало было все то, что̀ я заимствовалъ тутъ изъ художествъ, но и сіе немногое послужило мнѣ потомъ въ великую пользу, и заохотило упражняться въ томъ далѣе и приводить знанія мои въ лутчее совершенство.

Кромѣ сего, любопытное для меня зрѣлище тутъ было трепаніе и пріуготовленіе льна на продажу. Извѣстно, что псковскіе дворяне наилутчіе свои доходы получаютъ отъ продажи своихъ льновъ, которые они доставляютъ наиболѣе въ Нарву для отпуска за море. Поелику зять мой имѣлъ изрядныя деревни, и льну не только самъ множество сѣялъ, но и скупалъ оной у своихъ и у сосѣдственныхъ крестьянъ, то въ сіе осеннее время ленъ сей у него наемные мастера трепали, перечищали и въ тѣ опрятные и прекрасные тюки вязали, въ какихъ онъ отвозится въ Нарву и отправляется за море. Бѣлизна и чистота сего длиннаго и хорошаго льна, разборъ онаго на разныя руки и искуство вязанія въ бунты и тюки достойно, по справедливости, любопытнаго зрѣнія, и мы хаживали всякой день смотрѣть оное.

Наконецъ, наилутчее изъ всѣхъ и пріятнѣйшее для меня упражненіе доставила мнѣ одна книга, которую нашолъ я у моего зятя; было то описаніе Квинтомъ Курціемъ жизни Александра Македонскаго. Я не могъ устать ее читаючи и прочелъ ее раза три на досугѣ между протчихъ дѣлъ, и получилъ многія понятія чрезъ то о войнахъ древнихъ грековъ и тогдашнихъ времянахъ.

Между сими разными упражненіями и не видали мы, какъ прошолъ весь филиповъ постъ и наступили святки съ новымъ годомъ (1753).

По наступленіи сихъ, возобновились опять наши съѣзды и компаніи, то въ томъ домѣ, то въ другомъ, и вездѣ, гдѣ ни случалось быть собраніямъ, препровождаемы были вечера въ разныхъ святошныхъ играхъ, пѣніи пѣсенъ, загадываніяхъ, играніяхъ въ фанты, плясаніи и

тому подобномъ. Къ тому присовокупляемы были маленькія зрѣлищы, обыкновенныя въ тамошнихъ предѣлахъ: наряжаются люди иные журавлями, другіе козою съ разными украшеніями и погремушками; таковую козу съ превеликою свитою водятъ по всѣмъ дворамъ, заставливаютъ ее прыгать и скакать и припѣваютъ пѣсни: зрѣлище хотя самое вздорное и глупое, но для тамошнихъ деревенскихъ жителей довольно смѣшное и пріятное.

Съѣзды сіи продолжались гораздо и за святки и почти до самой масляницы, а тутъ начались увеселенія масляничныя; съ великимъ же постомъ принялись мы за богомоліе, а потомъ за мастерство и рукодѣлія и за прежнія наши упражненія; и въ томъ и не видали, какъ прошолъ и онъ.

Наконецъ наступила святая недѣля, и стала приближаться весна. Праздники сіи препроводить принуждены мы были одни, потому что случившаяся въ самое то время половодь и разлитіе рѣкъ воспрепятствовало намъ видаться съ нашими сосѣдьми. Мы старались уже недостатокъ сей наградить домашними и святой недѣли свойственными увеселеніями. Одно только обстоятельство было для меня весьма досадно, а имянно, что церковники поютъ въ сихъ мѣстахъ «Христосъ воскресе» и протчее совсѣмъ на иной и весьма дурной голосъ и какъ-то неловко, такъ что праздникъ сей и служба мнѣ и въ половину не таковъ былъ веселъ, какъ въ другихъ мѣстахъ.

По слитіи полой воды и вскорѣ послѣ святой недѣли подверженъ я былъ нечаянно одной великой опасности. Собрались мы однажды ѣхать въ гости къ ближнему сосѣду и мнѣ приди охота ѣхать верхомъ, а что того хуже, на зятниномъ стояломъ жеребцѣ, о которомъ увѣрили меня, что онъ пресмирная скотина. Но оттого ли, что онъ во всю зиму стоялъ и тогда впервые на волѣ себя увидѣлъ, или оттого, что я былъ слишкомъ легокъ и малосиленъ къ удержанію его, или такъ уже мое нещастіе хотѣло, что не успѣлъ я на немъ изъ деревни выѣхать, какъ онъ и взялъ волю, и усилился такъ, что я никакъ уже съ нимъ сладить не могъ: онъ закусилъ удилы и понесъ меня изо всей силы. Сестра, ѣхавшая позади меня съ зятемъ въ коляскѣ, обмерла, испужалась, какъ сіе увидѣла. Она подняла ужасной вопль; но сіе еще пуще жеребца моего подстрекнуло. Я самъ ни живъ, ни мертвъ былъ отъ страха, но по крайней мѣрѣ имѣлъ столько понятія и разсудка, что не выпустилъ повода изъ рукъ и держался на немъ колико можно крѣпче колѣнами. Но все бы не помогло, и онъ сбилъ бы меня съ себя, естлибъ по особливому моему щастію не случилось скакать ему симъ образомъ по прямой и огражденной съ обѣихъ сторонъ пряслами прошпективой дорогѣ, ведущей прямо къ зятниной мельницѣ, построенной на рѣкѣ и довольно хорошей. Сіе обстоятельство притчиною тому было, что не могла она никуда свернуть въ сторону, но принуждена была скакать прямо къ мельницѣ, а тутъ я имѣлъ столько духа, что управилъ ее прямо на узкой и съ обѣихъ сторонъ перилами огражденной отлогой помостъ, по которому въѣзжали въ верхней этажъ мельницы, такъ что она, вскакавъ на сей помостъ, остановилась сама какъ въ стойлѣ и не могла ни направо, ни налѣво повернуться; а тогда подбѣжали тотчасъ случившіеся на мельницѣ люди и ее схватили.

Симъ образомъ кончилась сія комедія, наведшая на всѣхъ на насъ превеликой страхъ и ужасъ, и я не имѣлъ болѣе никакова вреда, кромѣ одного испуга. Кромѣ сего случая не помню я, чтобъ иное что дурное въ тогдашнее мое пребываніе случилось со мною.

По наступленіи весны началъ я, мало по-малу, готовиться къ отъѣзду, или паче сестра собирать меня въ мое дальнее путешествіе; однако то за тѣмъ, то за симъ отъѣздъ мой не такъ скоро воспослѣдовалъ, какъ мы думали, но я прожилъ у сестры моей не только всю весну, но захватилъ и частичку лѣта.

Сіе достальное время препроводилъ я

наиболѣе въ надворныхъ увеселеніяхъ и забавахъ. Не успѣла весна вскрыться и снѣгъ сойтить, какъ выпросилъ я у зятя моего дозволеніе съѣздить съ охотниками его въ лѣсъ и испытать новыя его тенета, вывезенныя только въ ту зиму. Зять мой, будучи тогда самъ не очень здоровъ, охотно мнѣ то позволилъ. Ловля наша была нарочито-удачна: мы поймали нѣсколько зайцовъ; но я безъ умысла навлекъ на себя при семъ случаѣ отъ зятя моего досаду. Догадало меня перваго зайца, котораго самому мнѣ удалось вогнать въ тенеты, взять живьемъ; мнѣ не захотѣлось его какъ-то въ ту минуту приколоть, но я думалъ, что здѣлаю домашнимъ нашимъ тѣмъ болѣе удовольствія, что привезу его живого; но вмѣсто того зятю моему было сіе крайне досадно. Онъ говорилъ, что я тѣмъ испортилъ его всѣ тенета, ибо у нихъ ни подъ какимъ видомъ перваго зайца живьемъ не берутъ, но новыя тенета стараются скорѣе обагрять звѣриною кровью.

— «Ну, не зналъ же я того, — сказалъ я:—и на чтожъ вы меня въ семъ случаѣ не предостерегли и напередъ того не сказали?»

Въ другой разъ подговорили меня стрѣлки и охотники его иттить въ лѣсъ стрѣлять дичину. Но сіе препровожденіе времяни мнѣ какъ-то не полюбилось — можетъ быть, оттого, что охота наша была не слишкомъ удачна. Мы съ утра до вечера проходили по лѣсамъ, измучились и устали въ-прахъ и не нашли ни одного тетерева и ни одной птички, и намъ принуждено-бъ было съ пустыми руками иттить домой, естлибъ наконецъ не наткнулся самъ на меня одинъ заецъ. Мнѣ дано было уже отъ охотниковъ наставленіе, какъ его стрѣлять, буде случится увидѣть, и я столь исправно исполнилъ оное, что положилъ его тотчасъ на мѣстѣ. Сіе меня нѣсколько обрадовало; однако сіе было въ первой и въ послѣдней разъ въ моей жизни, что я застрѣлилъ дикого звѣря, ибо какъ мнѣ симъ образомъ по лѣсамъ ходить показалось слишкомъ скучно, то я съ того времяни никогда болѣе съ ружьемъ стрѣлять не хаживалъ.

Напротивъ того, лутчее и пріятнѣйшее упражненіе находилъ я въ рыбной ловлѣ; зять мой былъ превеличайшей охотникъ до оной, а особливо до ловленія удами. Къ сей, можно сказать, былъ онъ совершенно страстенъ, и я не видывалъ никого, кто-бъ могъ имѣть столько терпѣнія и самопроизвольно переносить столько безпокойства и трудовъ, сколько онъ. Цѣлыя ночи напролетъ просиживалъ онъ на маленькомъ челночкѣ посреди рѣки и по нѣскольку иногда часовъ дожидался, покуда язь или иная какая-нибудь большая рыба придетъ и хватитъ ево уду. Одинъ только небольшой малой сотовариществовалъ ему обыкновенно въ сихъ ночныхъ его путешествіяхъ и переѣздахъ на челночкѣ своемъ съ мѣста на мѣсто по рѣкѣ; но и сей сидѣлъ и ходилъ по берегу и пріуготовлялъ ему обчищенныя шепталцы раковъ, которыми онъ вмѣсто червей свою рыбу лавливалъ. Сперва, расхваливая всяческій сію ночную ловлю, старался онъ и меня къ тому же заохотить, однако я не могъ никакъ найтить въ томъ вкусъ и имѣть столько терпѣнія, а для меня пріятнѣе было ловить днемъ маленькихъ то-и-дѣло хватающихъ рыбокъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за удовольствіе просидѣть всю ночь одному на водѣ, а потомъ весь день спать и не пользоваться пріятною вешнею погодою, а чтò всего досаднѣе, дожидаться иногда съ цѣлой часъ, покуда клюнетъ уду рыба. Воленъ Богъ и съ его большою рыбою и съ довольнымъ количествомъ оной, какое иногда онъ по утрамъ принашивалъ съ собою! Однако случалось нерѣдко, что возвращался онъ и съ пустыми почти руками, и тогда ложился онъ уже съ досады скорѣе спать и спалъ до самаго обѣда, а потомъ принимался опять за тожъ до самаго вечера. Словомъ, мы въ сіе время его почти и не видали.

Между тѣмъ, какъ онъ симъ образомъ занимался своимъ уженіемъ, предоставляя о домашней экономіи хлопотать и

заботиться одной моей сестрѣ, упражнялся по большой части и я въ томъ же, но инымъ только образомъ. Зять мой снабдилъ меня крючками, удами и всѣми протчими мелкими рыболовными снастями, которыя у него, какъ у отмѣннаго охотника, были самыя щегольскія. Имѣлъ я также свой собственной и прекрасной челночекъ, поднимающей только одного человѣка, и чрезвычайно легкой; ребятишекъ для услугъ моихъ могъ я брать сколько хотѣлъ, и съ ними всюду ходить. Рѣка Лжа, на которой сидѣло его селеніе, была самая прекрасная и весьма рыбная; она была нарочито широка и, обтекая селеніе, производила теченіемъ своимъ превеликой полуцыркуль, простирающейся до самой его прекрасной мельницы. Итакъ, наилутчее утѣшеніе мое было разъѣжжать и разгуливать по сей части рѣки на моемъ челночкѣ и, приставая въ заводяхъ и въ другихъ мѣстахъ, уживать рыбу. Однако все сіе уженіе не такъ много меня утѣшало, какъ ловленіе щукъ инымъ образомъ и такъ-называемою «дорогою». Дѣлается нарочитой величины и толстоты желѣзной крюкъ съ зазубрею, и приковывается тупымъ концомъ къ небольшой продолговатой и жолубкомъ нѣсколько выгнутой бляжки, здѣланной изъ жолтой мѣди; а въ томъ мѣстѣ, гдѣ край бляжки соединяется съ крюкомъ, привязывается маленькой лоскутокъ аленькаго суконца, а къ другому концу бляхи прикрѣпляется предлинной и крѣпкой шнуръ, взмотанной на вертящуюся шпулю такъ, какъ бываютъ у плотниковъ шнуры ихъ. Вотъ инструментъ, которымъ производится сія ловля. Надобно ѣхать на челночкѣ вверхъ рѣки и, пустивъ крюкъ въ воду, спустить весь шнуръ, а потомъ другой конецъ онаго ухватить крѣпко въ зубы и такъ плыть. Во время сего плаванія на челночкѣ крюкъ, будучи тащимъ шнуромъ, въ водѣ вертится и представляетъ точно бѣгущую скоро въ водѣ плотичку или рыбку. Щука, завидѣвъ ее и сочтя ее рыбкою, хватаетъ ее на бѣгу, но сама попадаетъ тотчасъ на крюкъ, отъ чего рыболовъ чувствуетъ въ самой тотъ моментъ въ зубахъ у себя маленькой ударъ. Сіе доказываетъ ему, что на крючокъ его попала рыба, и тогда останавливается онъ, начинаетъ свой шнуръ взматывать на шпулю и притаскиваетъ щуку къ самому челночку и тутъ ее бережно сачкомъ подхватываетъ и вытаскиваетъ вонъ. Симъ образомъ лавливалъ я часто, и нерѣдко приваживалъ съ собою по нѣсколько щукъ.

Въ сихъ и подобныхъ сему упражненіяхъ протекло у насъ нечувствительно время; но наконецъ настало и то, въ которое мнѣ домой ѣхать надлежало. Зять и сестра снабдили меня своими лошадьми и повозками и дали мнѣ двухъ человѣкъ для препровожденія меня въ домъ. Они отпустили меня не инако, какъ съ крайнимъ сожалѣніемъ; они такъ ко мнѣ привыкли, что имъ не хотѣлось со мною уже разстаться. Сестрѣ моей отъѣздъ мой стоилъ многихъ слезъ; она любила меня чрезвычайно и снабдила меня на дорогу и деньгами, и всѣмъ нужнымъ. Я и самъ плакалъ, разставаясь съ нею, ибо къ мѣстамъ ихъ такъ привыкъ и всѣми ласками ихъ былъ такъ доволенъ, и пребываніе у нихъ было мнѣ такъ пріятно и весело, что предѣлы ихъ мнѣ навсегда здѣлались милы и любезны, и я понынѣ не могу вспомнить оныя и тогдашнею жизнь безъ нѣкотораго удовольствія.

Такимъ образомъ, распрощавшись съ зятемъ и сестрою, отправился я въ свой путь, которой былъ хотя длиненъ и продлился недѣли двѣ, однако былъ для меня довольно веселъ. Время было тогда наилутчайшее въ году, жары еще не наступили, лѣса и поля покрыты зеленью, трава повсюду подъ ногами. Мы ѣхали-себѣ какъ хотѣли, не имѣли нужды слишкомъ поспѣшать, становились кормить лошадей и ночевать наиболѣе на поляхъ и подъ лѣсочками, и пріѣхали наконецъ благополучно въ Москву, а потомъ и въ мою деревню, и я не помню, чтобъ со мною во время путешествія сего что-нибудь особливое случилось.

Симъ окончу я, любезной пріятель, теперешнее мое письмо, а въ предбудущемъ

разскажу вамъ о томъ, какъ я жилъ въ деревнѣ и въ чомъ препровождалъ свое время; а между тѣмъ, увѣривъ васъ, что я есмь навсегда васъ почитающей другъ, остаюсь и протчая.

Письмо 21.

Любезной пріятель! Теперь опишу я вамъ такой періодъ времяни, которой былъ весьма критическимъ въ моей жизни. Пріѣхалъ я тогда жить въ деревнѣ будучи уже никому неподвластнымъ, а совершеннымъ властелиномъ надъ всѣмъ своимъ поведеніемъ и поступками, а вкупѣ и имѣніемъ, доставшимся мнѣ послѣ покойныхъ моихъ родителей; никому не обязанъ я былъ давать во всѣхъ моихъ дѣлахъ отчота, слѣдовательно, могъ дѣлать и предпринимать все, что мнѣ было угодно. Мальчикъ былъ я уже на возрастѣ и довольно высокаго роста; мнѣ шолъ тогда пятнатцатой уже годъ и приближался къ окончанію. Ребятки таковыхъ лѣтъ уже что-нибудь смыслятъ, и, живучи на волѣ, легко могутъ имѣть ко всему худому поползновеніе. Коль легко могъ бы я въ сей періодъ времяни испортиться, избаловаться и сдѣлаться на всю жизнь мою шалуномъ и негодяемъ, естьлибъ не бдѣло надо мною Провидѣніе и безконечная благость Создателя моего не сохранила меня отъ всѣхъ золъ и пороковъ, въ которые я всего легче могъ погрузиться, расположивъ всѣ случаи и обстоятельства малолѣтства моего такъ, что мнѣ самыя врожденныя въ меня склонности и охоты служили мнѣ великою преградою къ тому, а вкупѣ и поспѣшествованіемъ къ посѣянію въ сердцѣ моемъ первѣйшихъ сѣмянъ благочестія того, которое послѣ въ продолженіи жизни моей мнѣ толико полезно было и толь много помогало въ исканіи истиннаго благополучія и въ снискиваніи безчисленныхъ наипріятнѣйшихъ минутъ въ жизни. Не могу и понынѣ вспомнить милостей, оказанныхъ тогда мнѣ небесами, не чувствовавъ глубочайшей къ нимъ за то благодарности, и не воздавъ хвалы имяни безконечнаго моего Производителя. По истинѣ могу сказать, что Онъ былъ тогда моимъ отцомъ и матерью, и толикое имѣлъ обо мнѣ попеченіе, какова не въ состояніи были-бъ имѣть и самые мои родители. Но я удалился уже отъ моего повѣствованія, и теперь время уже возвратиться къ оному.

По пріѣздѣ моемъ въ домъ наипервѣйшія минуты моего пребыванія въ ономъ были горестны и печальны. Напоминаніе о смерти моей родительницы и воззрѣніе на всѣ тѣ мѣста, гдѣ она живала, гдѣ стояла ея кровать и все протчее, приводило сердце мое въ нѣкое горестное движеніе и вынуждало слезы изъ очей моихъ. Сбѣжавшіеся дворовые люди и женщины, поспѣшающіе напрерывъ другъ предъ другомъ цѣловать у меня руку и поздравить съ пріѣздомъ, помѣшали мнѣ упражняться далѣе въ моихъ печальныхъ размышленіяхъ: я долженъ былъ со всѣми говорить и привѣтствіямъ ихъ соотвѣтствовать моими ласками.

Неуспѣли изъ повозокъ выбраться и я нѣсколько поосмотрѣться, какъ за первой себѣ долгъ почелъ я сходить къ живущему подлѣ меня дядѣ моему, Матвѣю Петровичу Болотову, и поблагодарить его какъ за воспріятые труды при погребеніи моей родительницы, такъ и за попеченіе о домѣ и деревняхъ моихъ во время моего отсудствія, а притомъ просить о содержаніи меня въ своей любви и милости. Дядя мой принялъ меня весьма благосклонно и, позабывъ всю вражду, бывшую между имъ и покойною моею родительницею, ласкалъ меня всячески и просилъ, чтобъ я его не обѣгалъ, но видался съ нимъ чаще. Словомъ, пріемомъ его былъ я весьма доволенъ, и какъ онъ былъ одинъ у меня ближнѣй родственникъ, то, обѣщавъ ему то, и дѣйствительно вознамѣрился ходить къ нему чаще и о пріобрѣтеніи его къ себѣ дружбы и благопріятства прилагать стараніе.

Онъ былъ тогда уже вдовъ и жилъ одинъ съ дѣтьми своими. По отмѣнной своей скупости препровождалъ онъ жизнь

прямо уединенную: ни съ кѣмъ не имѣлъ онъ короткаго и дружескаго знакомства, и не ѣжжалъ никуда почти со двора, а потому и къ нему никто почти не ѣздилъ. Словомъ, онъ одичалъ почти въ деревнѣ, не изнашивалъ въ нѣсколько лѣтъ одного кафтана, а ходилъ въ наипростѣйшемъ деревенскомъ платьѣ, жилъ не только весьма, но и слишкомъ уже умѣренно и воздержно. Отъ излишней склонности къ собиранію себѣ достатка отнималъ онъ, такъ-сказать, у самого себя лутчей кусокъ отъ рта и превращалъ въ деньги. Столы были у него весьма-весьма умѣренны и плохи, а сходственно съ тѣмъ и все протчее въ домѣ, какъ-то: уборы, посуда, екипажи и протчее пахло единою неумѣренною скупостью, къ которой здѣлалъ онъ привычку еще въ службѣ, въ которой препроводилъ онъ многіе годы и отставленъ секундъ-маіоромъ. Совсѣмъ тѣмъ, будучи нѣсколько учонъ въ малолѣтствѣ, былъ онъ весьма неглупъ, имѣлъ хорошее понятіе о математическихъ наукахъ, былъ хорошей арихметикъ, зналъ геометрію и фортификацію, и былъ превеликой чтецъ и охотникъ писать, а наконецъ, живучи въ деревнѣ, здѣлался и великимъ юриспрудентомъ: всѣ наши гражданскіе законы были ему свѣдомы, и всѣ указы могъ онъ перещитывать по пальцамъ. Но всѣ сіи хорошія качества помрачаемы были вышеупомянутою его чрезмѣрною склонностью къ сребролюбію и скупости, которая нерѣдко доводила его до дѣлъ, невеликой похвалы достойнымъ, какъ, напримѣръ, къ ябедническимъ предпріятіямъ, къ ссорамъ съ сосѣдьми, къ зависти, къ недоброхотству, неуступчивости и протчему тому подобному.

Вотъ какова характера съ человѣкомъ долженъ я былъ тогда имѣть дѣло и всегдашнее обхожденіе, и я не знаю, молодость ли моя, или стараніе во всемъ къ нраву и характеру его приноравливаться, или всегдашнее почтеніе, оказываемое мною ему и уваженіе его старости притчиною тому было, что онъ чрезъ короткое время меня очень полюбилъ и старался во всемъ, въ чомъ ему только можно было, быть мнѣ полезнымъ; почему и не видалъ я отъ него никогда никакова зла и худа и былъ поступками его противъ меня весьма доволенъ.

Что касается до дѣтей его, то имѣлъ онъ двухъ сыновей: меньшова звали Гавріломъ, и сей былъ тогда еще сущимъ рабенкомъ и у него фаворитомъ, ибо онъ любилъ его чрезвычайно, а старшего звали Михайломъ. Сей былъ только однимъ годомъ меня моложе, слѣдовательно, мнѣ сверстникъ. Но разница между мною и имъ была чрезвычайная: я, живучи, такъ-сказать, въ свѣтѣ и скитаясь по людямъ, сколько-нибудь понаблошнился и много кой-чего зналъ; а онъ, родившись и воспитанъ будучи въ такомъ совершенномъ уединеніи, не имѣлъ ни о чемъ свѣдѣнія и понятія и былъ не только деревенскимъ простымъ, но и совсѣмъ одичалымъ рабенкомъ. Отецъ его хотя и старался его кой-чему изъ того учить, что онъ самъ зналъ, но какова успѣха можно было ожидать отъ ученія таковаго, когда рабенокъ не столько помышлялъ объ ономъ, сколько о бѣганіи и рѣзвостяхъ съ ребятишками и не былъ отъ того никакою строгостію воздерживаемъ? Ибо дядя мой имѣлъ за собою тотъ порокъ, что давалъ дѣтямъ своимъ слишкомъ много воли, не употреблялъ противъ ихъ ни малѣйшей строгости, а оттого и воспитаніе ихъ было очень дурно; а по всему тому и было сотоварищество съ его старшимъ сыномъ мнѣ не столько выгодно, сколько вредно, какъ о томъ упомянется ниже обстоятельнѣе, а теперь возвращусь я къ порядку моего повѣствованія.

Побывавъ симъ образомъ у дяди и сведя съ нимъ первое знакомство, началъ я осматриваться въ моемъ домѣ и располагать, гдѣ и какъ мнѣ и въ которыхъ комнатахъ жить, и какихъ людей избрать для своихъ прислугъ, и какъ распорядить мое домоводство, ибо я положилъ намѣреніе никуда уже до наступленія срока моего не ѣхать, но прожить все оставшее время въ домѣ.

Сперва расположился-было я жить въ

самыхъ тѣхъ комнатахъ, гдѣ живала покойная родительница, но не могъ и однихъ сутокъ вынесть; печальныя напоминанія, величина и пустота дома и всѣхъ комнатъ нагнали на меня нѣкоторой родъ унынія и ужаса и совершенно меня оттуда выгнали. Я рѣшился поприбрать для себя ту пустую и нежилую комнату, которая была у насъ чрезъ сѣни въ сторону къ саду, и заключалъ, что по одиночеству моему довольно будетъ на первой случай и одного сего покоя, и по крайней мѣрѣ, до зимы. Обстоятельство, что имѣла она одно окошко на дворъ, а другое въ садъ, мнѣ въ особливости нравилось; итакъ, велѣлъ я оную опростать, вымыть и прибрать, и основалъ первое мое жилище въ оной. Для прислуги своей взялъ я къ себѣ прежняго моего камердинера, Дмитрія, и нѣсколькихъ другихъ мальчишекъ; дядька мой жилъ въ чорной горницѣ и былъ моимъ совѣтникомъ, секретаремъ и всѣмъ, чѣмъ назвать изволишь. Жена его отправляла должность поварихи, каковую несла она и при жизни родительницы, а мать его, одну престарѣлую старушку, бывшею еще у покойной моей родительницы нянею, выписалъ я изъ другой деревни, гдѣ она жила, и велѣлъ ей жить при себѣ вмѣсто домосодержательницы, ибо мнѣ казалось, что весьма нужно имѣть въ домѣ старова человѣка, которая могла-бъ присматривать за бѣльемъ и за протчимъ, и наблюдать во всемъ порядокъ.

Что касается до протчаго домосодержательства и деревенской экономіи, то удивленія достойно, что я тогда не здѣлалъ въ оной ни малѣйшихъ перемѣнъ и не произвелъ ничего новаго. Былъ у насъ тогда въ домѣ старикъ, по имяни Григорей Грибанъ, служившей еще при покойномъ родителѣ моемъ кучеромъ, и онъ управлялъ тогда домомъ и деревнями. Я оставилъ его продолжать попрежнему свое дѣло и, либо по молодости своей и по ненадѣянію на свои силы и знаніе, либо по дѣйствительному еще незнанію всѣхъ деревенскихъ обыкновеній и работъ, не мѣшался самъ, а особливо сначала, ни во что, но далъ всему прежнее свое теченіе, и потому всѣ строенія, сады, пруды и протчія вещи въ домѣ остались на прежнихъ мѣстахъ и въ прежнемъ состояніи. Я, власно какъ изъ нѣкотораго рода почтенія къ старинѣ и ко всему здѣланному покойною родительницею моею, не смѣлъ и не отваживался дѣлать никакой перемѣны, и сіе простиралось даже до того, что я въ самыхъ комнатахъ хоромъ не имѣлъ отваги ничего дальнаго перемѣнить и здѣлать ихъ для себя покойнѣйшими; а все, что я здѣлалъ, состояло только въ томъ, что я прежнею комнату, гдѣ была моя спальня, разгородилъ и, сдѣлавъ чрезъ то просторнѣйшею, обратилъ ее къ зимѣ въ мою жилую комнату и вкупѣ въ спальню, а большую угольную, гдѣ живала покойная родительница, здѣлалъ гостиною, и всю ее поприбралъ нѣсколько полутче. Мнѣ вздумалось ее выбѣлить и по примѣру зятнинхъ хоромъ всѣ стѣны расписать красками; но дьявольская была между ими разница. У того домъ отдѣланъ былъ порядочно и всѣ стѣны обиты были холстомъ и по оному расписаны были масляными красками, а я залѣпилъ только у своихъ трепичками пазы, а потомъ, выбѣливъ все известью, размазалъ по ней масляными красками и такимъ десенемъ, какой мнѣ казался лутче. Я раздѣлилъ нарисованными столбами стѣны на нѣсколько отдѣленіевъ, и между каждымъ отдѣленіемъ намазалъ изображенія въ полной человѣческой ростъ людей, гдѣ солдата, гдѣ гренадера, гдѣ генерала и такъ далѣе. Но какъ о малеваньѣ масляными красками не имѣлъ я и понятія, а видѣлъ только однажды, какъ расписывали ими кареты и коляски въ Петербургѣ, а притомъ и мазалъ я красками сими по извести, то легко можно всякому разсудить, сколь глупа и несовершенна была тогдашняя моя работа; но мнѣ казалась она тогда преузорочною. Но нынѣ не могу я безъ смѣха вспомнить оную, также и того, съ какимъ рвеніемъ и усердіемъ я тогда трудился и работалъ, производя оную. Помянутая и почти отъ меня не-

отходившая старушка-няня, которую и я привыкъ называть тѣмъ же званіемъ, была единою у меня въ семъ случаѣ совѣтницею и одобрительницею. Бывало, мажу, мажу и, уставъ стоючи, отбѣгаю прочь, и говорю: «посмотри-ка, нянюшка, хорошо-ли?» — «Хорошо, батюшка!» — отвѣтствуетъ она мнѣ; а я, тѣмъ поострясь, пущусь опять мазать, и не столько загваздаю стѣны, сколько замараюсь и загваздаюсь самъ. Но какая до того нужда! было бы только исполнено желаніе и размазаны стѣны.

Сію работу произвелъ я еще въ то же лѣто, какъ пріѣхалъ. Какова дурна она ни была, но удивила всѣхъ простаковъ деревенскихъ жителей и вперила имъ объ искуствѣ моемъ и дарованіяхъ весьма выгодныя для меня и хорошія мнѣнія; а и самому мнѣ была она не безъ пользы: она заняла много времени и, вмѣстѣ съ протчимъ рисованіемъ и читаніемъ книгъ, помогла мнѣ препроводить первое время моей деревенской жизни съ удовольствіемъ и безъ скуки, а безъ того стало-было оно мнѣ весьма уже и скучно становиться. Привыкнувъ до того безпрерывно быть между людей, и всегда въ обществѣ, а тогда принужденъ будучи жить одинъ безъ всякаго сотоварищества, долго не могъ я никакъ къ тому привыкнуть. Къ вящему нещастію, не было никого и въ ближнемъ сосѣдствѣ, съ кѣмъ бы я могъ имѣть знакомство и компанію; самые прежде упоминаемые родственники моей матери всѣ почти, во время пребыванія моего въ Петербургѣ и у сестры, померли; господина Писарева и Картина не было уже на свѣтѣ, остался одинъ г. Бакѣевъ; но и тотъ жилъ тогда въ степной своей деревнѣ. Но хотя-бъ старики сіи и живы были, но какую компанію могли-бъ они имѣть съ рабенкомъ? Итакъ, былъ только одинъ мой дядя, къ которому имѣлъ я свой частѣйшей выходъ; но и сей мучилъ меня наиболѣе только разсказываніями своими о приказныхъ и ябедническихъ дѣлахъ, которыя мнѣ въ голову не лѣзли. Я уже радъ-радъ бывалъ, когда приходило ему въ мысль разсказывать про свою военную службу и бывшія съ нимъ во время оной произшествія; напримѣръ: какъ бывалъ онъ въ Миниховскихъ походахъ противъ турковъ; какъ опредѣленъ былъ для строенія усть-самарскаго ретраншамента; какъ онъ его строилъ; какъ пріѣжалъ Минихъ смотрѣть оной и съ нимъ говаривалъ, и протчее тому подобное. Все сіе умѣлъ онъ какъ-то хорошо и сладко разсказывать, и я слушивалъ его съ удовольствіемъ; но наконецъ и сіи повѣствованія, отъ частаго повторенія, мнѣ прискучили. Что-жъ касается до его сына, то онъ долго не могъ со мною свыкнуться и сдружиться.

Что касается до бывавшихъ у меня гостей, то всего чаще хаживали ко мнѣ попы, какъ свои приходскіе, такъ и посторонніе. Отецъ Иларіонъ непреминулъ ко мнѣ съ братомъ своимъ, дьякономъ, на другой еще день моего пріѣзда явиться. Къ сей духовной особѣ привыкъ я уже съ малолѣтства имѣть почтеніе, и какъ онъ того былъ по справедливости и достоинъ, то продолжалъ я оное и тогда, и принималъ его всегда съ уваженіемъ. Онъ хаживалъ ко мнѣ нерѣдко, обѣдывалъ со мною и просиживалъ по нѣскольку часовъ, разговаривая о разныхъ матеріяхъ. Мнѣ никогда собесѣдованія и разговоры его не были скучны, но, напротивъ того, могу я ему ту честь отдать, что онъ давалъ мнѣ въ тогдашнее время весьма хорошіе совѣты и наставленія: какъ мнѣ жить и вести себя порядочно, и заслуживать себѣ хорошую славу, и я могу сказать, что я съ сей стороны ему много обязанъ. Что касается до дьякона, его брата, то былъ онъ его простѣе, но человѣкъ весьма доброй, и я любилъ его за его веселой и шутливой нравъ. Кромѣ сихъ, хаживали ко мнѣ и многіе другіе попы; но изъ тѣхъ не находилъ я никого достойнаго и такова человѣка, съ которымъ можно-бъ было поговорить.

Разрисовавши или, лутче сказать, распестривши свою комнату, разсудилъ я ее и прибрать полутче. Въ другой нашей деревнѣ, неподалеку отъ сей, а имянно Калитинѣ, стояли еще у насъ старинныя

матушкины хоромцы, самыя тѣ, въ которыхъ она воспитывалась и въ коихъ жилъ ее дѣдъ, а мой прадѣдъ, Гаврила Прокофьевичъ Бакѣевъ. Какъ хоромы сіи были уже ветхи и мнѣ совѣтовали ихъ продать одному тамошнему сосѣду, то поѣхалъ я туда для забранія бывшихъ въ оныхъ еще мебелей. Состояли они въ нѣсколькихъ картинахъ, изображающихъ святыхъ, нѣсколькихъ изряднаго письма образахъ, столахъ, стульяхъ и нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Покойная мать моя не трогала въ нихъ оныя, ибо любила сію деревню и ѣжала въ нее часто. Наилутчую картину составлялъ образъ «Сосца Богородицы», которая и понынѣ еще у меня цѣла. Я забралъ всѣ оныя оттуда и убралъ ими мою разрисованную комнату, сломавъ прежнія полки и угольники.

Въ сію бытность мою въ Калитинѣ возобновилъ я знакомство съ одною живущею тутъ старушкою фамиліи Бакѣевыхъ, а поимяни МарфоюМаркеловною, и бывшею матери моей недальнею родственницею. Старушка была мнѣ очень рада; но я былъ болѣе еще радъ, что нашолъ у ней сына одинакихъ почти со мною лѣтъ и имѣвшаго также нѣкоторую охоту къ рисованью. Я познакомился тотчасъ съ нимъ и радъ былъ, что нашелъ хоть одного себѣ товарища. Его звали Дмитріемъ Максимовичемъ, и онъ самой тотъ, которой живетъ и понынѣ въ Калитинѣ.

Какъ скоро поспѣла совсѣмъ моя комната, то здѣлалъ я въ ней нѣкоторой родъ новоселья и позвалъ къ себѣ на обѣдъ дядю, вышеупомянутую старушку съ сыномъ, поповъ и еще кой-кого изъ знакомыхъ, и старался угостить всѣхъ. Они всѣ были довольны моимъ угощеніемъ и хвалили мою работу, хотя она всего меньше похвалы была достойна, но правду сказать, и они знатоки были весьма-весьма посредственные.

Симъ образомъ мало по-малу началъ я привыкать къ деревенской уединенной жизни. Въ лѣтнее время была она мнѣ все еще сноснѣе: не успѣлъ я пріѣхать, какъ начали поспѣвать ягоды за ягодами, плоды за плодами. Хожденіе по садамъ собираніе оныхъ, заготовленіе впрокъ, и самое вареніе оныхъ въ меду—занимало и увеселяло меня ежедневно, и я не видалъ, какъ проходило время; но какъ начала приближаться осень и длинные скучные вечера, то здѣлалась она мнѣ чувствительнѣе, и я со скуки бы пропалъ, естьлибъ не помогла мнѣ склонность моя къ наукамъ и охота къ читанію книгъ.

Нещастіе мое только было, что книгъ для сего чтенія взять было негдѣ; въ тогдашнее время такихъ книжныхъ лавокъ, какъ нынѣ, въ Москвѣ не было, почему хотя бы я хотѣлъ себѣ и купить, но было негдѣ. У дяди моего чтобъ книги были, того и требовать и ожидать было не можно; однако противъ всякаго чаянія узналъ я, что у него есть одна большая духовная книга, извѣстная подъ названіемъ «Камень Вѣры»; онъ хранилъ ее какъ нѣкое сокровище и не давалъ никому въ руки. Въ недостаткѣ лутчихъ и множайшихъ, радъ я былъ уже и той, и дядя столь меня любилъ, что ссудилъ меня оною для прочтенія. Я прочиталъ ее въ короткое время съ начала до конца, и получилъ чрезъ ее столь многія понятія о догматахъ нашей вѣры, что я здѣлался почти полубогословомъ и могъ удивлять нашихъ деревенскихъ поповъ своими разсказами и разсужденіями, почерпнутыми изъ сей книги. Дядя мой весьма доволенъ былъ моею охотою къ чтенію, и какъ онъ, такъ и отецъ Иларіонъ не могли довольно надивиться моему понятію и остротѣ разума. Послѣдней, узнавъ мою превеликую охоту къ чтенію, постарался достать мнѣ такимъ же образомъ для прочтенія житія святыхъ, описанныя въ «Четьихъ-Минеяхъ». Боже мой, какая была для меня радость, когда получилъ я первую часть сей огромной книги! Какъ она была наиболѣе историческая, слѣдовательно для чтенія веселѣе и пріятнѣе, то я изъ рукъ ее почти не выпускалъ, покуда прочелъ всю оную, а такимъ же образомъ поступилъ и съ протчими. Чтеніе сіе было мнѣ сколько увеселительно, столько-жъ и полезно: оно посѣяло въ сердцѣ моемъ первыя сѣмяна любви и почтенія

къ Богу и уваженія къ христіанскому закону, и я, прочитавъ книгу сію, здѣлался гораздо набожнѣе противъ прежняго, а знанія мои столько распространились, что вскорѣ начали обо мнѣ вездѣ говорить съ великою похвалою; деревенскіе же попы почитали меня уже наиученѣйшимъ человѣкомъ, но что̀ и не удивительно, потому что они сами ничего не знали и не въ состояніи были судить о томъ, что̀ бѣло, что̀ черно; я же всякой разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видать, замучивалъ ихъ вопросами и нарочно старался приводить ихъ въ нестроеніе и замѣшательство, дабы они обо мнѣ и о знаніяхъ моихъ получили высокое мнѣніе.

Однако чтеніе было не одно, въ чемъ я упражнялся въ осеннее и въ зимнее потомъ время. У дяди моего нашолъ я также и нѣсколько математическихъ книгъ печатныхъ и скорописныхъ, а особливо была у него прекрасная геометрія и фортификація, писанная и черченная самимъ имъ въ молодости, когда онъ учился наукамъ симъ у Ганнибала. Я востребеталъ, увидѣвъ оныя, и до тѣхъ поръ не далъ отдыху *дяди* моему, покуда не отдалъ онъ мнѣ ихъ для списанія и счерченія, ибо къ наукамъ симъ имѣлъ я особливую склонность. Не успѣлъ я оныя получить, какъ тотчасъ началъ списывать и всѣ фигуры, разбирая, счерчивать и чрезъ самое то учиться симъ наукамъ. Дядя мой обѣщалъ мнѣ въ нужныхъ случаяхъ помогать и то мнѣ изъяснять, чего я самъ понять и разобрать не могъ; но до сего не доходила почти никогда надобность: удобопонятіе мое было не такъ мало, чтобъ нужны мнѣ были указанія. Я могъ разбирать все самъ, и стараніе мое о изученіи сихъ наукъ было столь велико, что я чрезъ годъ здѣлался въ нихъ еще знающѣе, нежели каковъ самъ мой дядя былъ. Я написалъ и начертилъ книги, которыя и понынѣ еще у меня цѣлы, и украсилъ ихъ возможнѣйшими, хотя совсѣмъ излишними и такими украшеніями, которыя изъявляютъ очевидно тогдашней мой ребяческой и весьма еще неосновательной вкусъ.

Третье упражненіе мое состояло въ писаніи. Съ самаго малолѣтства имѣлъ я уже къ тому нѣкоторую охоту, и всегда, бывало, что-нибудь маралъ и списывалъ, а тогда склонность сія возрасла уже до знатнаго градуса и здѣлала меня на весь мой вѣкъ охотникомъ до писанія. Я находилъ какъ-то особливое удовольствіе въ сей работѣ, и она была мнѣ не только не трудна, но еще увеселительна. Наилутчее мое писаніе было въ зимнее время по утрамъ, въ которыя вставалъ я очень рано и за нѣсколько еще часовъ до свѣта. Но что-жъ я списывалъ? Не имѣя ничего лутчаго, списалъ я цѣлаго «Телемака» съ печатнаго, которую книгу удалось мнѣ негдѣ достать. Я велѣлъ, ее переплесть, и переплетъ былъ хотя самой скверной, въ доскахъ, и по манеру церковныхъ книгъ съ застежками, однако я не могъ ею довольно налюбоваться, и книга сія была мнѣ такъ мила, что я взялъ ее съ собою, когда поѣхалъ на службу; но, къ сожалѣнію моему, пропала она у меня съ нѣкоторыми другими книгами.

Вотъ въ какихъ упражненіяхъ препровождалъ я все глубокое и скучное осеннее время и первую половину зимы. Правда, меня людцы мои хотя и старались пріучить къ псовой охотѣ, и съ первозимья, доставъ гдѣ-то нѣсколько борзыхъ собакъ, уговорили выѣхать верхомъ для ловленія зайцевъ по порошѣ, однако мнѣ охота сія никакъ не полюбилась. Я иззябъ въ-прахъ, ѣздючи верхомъ по снѣгу по полямъ, расклялъ самъ себя, что поѣхалъ и, возвратясь домой, раскланялся съ сею охотою и приказалъ, чтобъ собакъ болѣе не было и на дворѣ моемъ, но чтобъ отдали ихъ тѣмъ, отъ кого взяли. Маленькой чижичекъ, сидящей у меня въ клѣткѣ съ колесомъ, которую я самъ здѣлалъ, и гремящей позвонкомъ, дѣлалъ мнѣ тысячу разъ болѣе удовольствія, нежели всѣ борзыя собаки въ свѣтѣ. Я любовался всякой день смотря, какъ онъ по колесу бѣгалъ и, вертя оное, гремѣлъ колокольчикомъ. Однако не могу сказать, чтобъ я и къ маленькимъ птичкамъ имѣлъ страстную охоту: у меня ихъ хоть и было нѣ-

сколько, однако я не былъ къ нимъ охотникомъ.

Между сими разными упражненіями окончился тысяча-семь-сотъ-пятьдесятъ-третей годъ и начался четвертой, которой былъ послѣдней, которой мнѣ дома жить оставалось.

Симъ окончу и я мое теперешнее письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и протчая.

Письмо 22.

Любезной пріятель! Какимъ образомъ препроводилъ я первую половину зимы, такъ точно препровождена и вторая. Списываніе книгъ и тетратей, писаніе и черченіе геометріи и читаніе «Четьихъ-Миней» и даже списываніе изъ нихъ наилутчихъ и любопытнѣйшихъ житіевъ нѣкоторыхъ святыхъ въ особую и нарочно здѣланную для того книгу, составляло нанглавнѣйшее мое упражненіе. Книга сія и понынѣ еще у меня цѣла, и я храню ее для достопамятности, чтобъ видѣть, какъ я тогда писывалъ. Трудолюбіе мое и охота къ писанію была такъ велика, что я просиживалъ иногда цѣлыя почти ночи за письмомъ, и старушка-няня, дѣлающая мнѣ всегда одна почти компанію и уставающая отъ сидѣнія въ уголкѣ подлѣ печи за своимъ гребнемъ, нерѣдко принуждена бывала мнѣ напоминать, что время уже ужинать и что давно уже за полночь. Когда же дни стали становиться болѣе, то къ симъ упражненіямъ присовокуплялъ я и рисованье; я нашолъ у дяди моего десятка два печатныхъ и разрисованныхъ картинокъ, изображающихъ страданія Христовы. Нѣмецкіе сіи и изрядные естампы прибиты были у него гвоздиками къ стѣнѣ подъ самымъ почти потолкомъ, рядушкомъ, и отъ долготы времяни и отъ мухъ такъ потемнѣли, что почти ничего не видать было, что́ на нихъ написано и изображено. Я досадовалъ, что были они въ такомъ небреженіи, и мнѣ захотѣлось ихъ всѣ для себя срисовать. Я выпросилъ ихъ у дяди и трудился надъ срисовываніемъ оныхъ весь почти великой постъ, и имѣлъ потомъ великое удовольствіе видѣть спальню мою украшенную ими. Склонность и охота моя къ рисованію была такъ велика, что я и лѣтомъ бо́льшую часть времяни препровождалъ въ оном и нарисовалъ нѣсколько сотъ картинъ для украшенія моей залы. Во всѣхъ картушахъ географическаго атласа моего не осталось ни единаго человѣческаго изображенія и фигуры, которую-бъ я не нарисовалъ въ увеличенномъ видѣ на особливомъ листѣ бумаги, и не помѣстилъ на ряду съ протчими. Самая сія украшаемая картинами зала составляла въ лѣтнее время и рисовальную мою комнату, и весь столъ въ оной укладенъ былъ раковинами съ красками. Но признаться надобно, что все сіе безчисленное множество картинъ не сто́ило и одной хорошей, а составляло ничто иное, какъ единое гвазданье.

Кромѣ сего, было у меня симъ лѣтомъ и другое дѣло и упражненіе. Прочертивъ зимою всю геометрію, чертилъ я около сего времяни фортификацію. Наука сія, научающая строить, оборонять и брать крѣпости и города, въ особливости мнѣ полюбилась и была для меня очень весела. Склонность моя къ ней такъ была велика, что я, не удовольствуясь однимъ черченіемъ, захотѣлъ видѣть и въ самой практикѣ и натурѣ всѣ крѣпостныя зданія и военныя укрѣпленія. Я здѣлалъ себѣ маленькую сажень и футъ, и выбравъ въ саду ровненькое мѣсто, предпринялъ построить въ миніатюрѣ маленькую земляную регулярную крѣпосцу. И, о,—сколько трудовъ, хлопотъ, гвазданья, маранья, скобленья и рѣзанья не было при сей работѣ! Я располагалъ и отдѣлывалъ все по увеличенному маштапу, и не прежде какъ чрезъ нѣсколько недѣль имѣлъ удовольствіе видѣть крѣпость мою отдѣланную и окруженную рвомъ, покрытымъ путемъ и полисадникомъ, и могу сказать, что чрезъ сію игрушку получилъ я многія такія понятія, которыхъ не имѣлъ прежде.

Вотъ въ какихъ дѣлахъ и упражненіяхъ упражнялся я въ теченіе сего года. Изъ нихъ хотя большая часть составляла ни-

что иное, какъ дѣтскія игрушки, однако по крайней мѣрѣ произошла отъ нихъ та польза, что я не былъ никогда въ праздности, но занятъ былъ бо́льшую часть времяни дѣлами; слѣдовательно, и оставалось его тѣмъ меньше на рѣзвости и другія свойственныя моему возрасту увеселенія. Ибо надобно знать, что сколь я помянутымъ образомъ ни былъ трудолюбивъ и къ наукамъ прилеженъ и рачителенъ, и сколь ни велъ себя тихо, скромно и постоянно, однако не должно себѣ воображать, чтобъ я былъ и совершеннымъ уже философомъ и чтобъ не было во мнѣ ничего уже ребяческаго; но вопреки тому, при всѣхъ моихъ хорошихъ и похвальныхъ упражненіяхъ, не проходило безъ того, чтобъ времянемъ иногда, а особливо вечеркомъ и на досугѣ, не порѣзвиться и чего-нибудь глупова и непохвальнаго не здѣлать.

Ко всѣмъ симъ рѣзвостямъ и глупымъ упражненіямъ пріучилъ меня наиболѣе мой двоюродной братъ, то-есть старшей сынъ дяди моего. Я уже упоминалъ, что онъ былъ совсѣмъ противнаго со мною сложенія, и вмѣсто наукъ и трудолюбія имѣлъ только склонность къ однимъ рѣзвостямъ. Самое сіе притчиною было, что онъ весьма долго со мною коротко не познакомился и не сдружился, ибо какъ онъ услышалъ, что я все сижу за дѣлами, и либо книгу читаю, либо пишу, либо рисую, то и бѣгалъ онъ отъ меня какъ отъ огня и не сводилъ со мною никакъ короткаго знакомства.

Симъ образомъ прошло у насъ все первое лѣто жительства моего въ деревнѣ, и все наше свиданіе бывало только тогда, когда либо я приду къ дядѣ, либо онъ ко мнѣ, но и тутъ, бывало, онъ только-что покажется и повернется, а тамъ опять и слѣдъ его уже простылъ. Наконецъ нечаянной случай, и не прежде какъ по наступленіи уже первой зимы, насъ съ нимъ сдружилъ и познакомилъ. Случилось какъ-то мнѣ увидѣть, что ребятишки на дворѣ играли въ такъ-называемую «килку». Мнѣ игра сія полюбилась чрезвычайно, и болѣе потому, что она имѣла нѣкоторое подобіе войны: всѣ играющіе раздѣлялись на двѣ партіи, и одна партія старалась килку, или маленькой и кругленькой отрубочекъ отъ деревяннаго кола, гнать въ одну сторону и догонять до конца двора или до уреченнаго какова-нибудь мѣста, а другая партія старалась ей въ томъ воспрепятствовать и гнать килку въ другую сторону двора, и также до какова-нибудь уреченнаго мѣста, и которой партіи удастся прежде до своего желанія достигнуть, та и выигрываетъ. Чтобъ удобнѣе можно было сію килку гнать, то каждой человѣкъ имѣетъ палку съ кочерешкою на концѣ, дабы сею кочерешкою можно ему было килку и совать и по землѣ гнать, а ежели случится на просторѣ, то и ударять, чтобъ летѣла далѣе и могли ее подхватывать и гнать далѣе его товарищи. Словомъ, игра сія самая задорная, наполненная огня, рвенія, усердія, и играющіе должны употреблять напвозможнѣйшее проворство и скоропоспѣшнѣйшее бѣганіе за килкою для успѣванія скорѣй ее ударить и прогнать, а притомъ наблюдается въ ней и нѣкоторой порядокъ. Люди разстанавливаются сперва вдоль по всему двору въ два ряда и человѣкъ противъ человѣка, а потомъ одинъ изъ побѣдителей, положивъ килку на какую-нибудь чурку, ударяетъ по ней изо всей мочи своею кочерешкою и такъ, чтобъ полетѣла она нѣсколько вверхъ и упала сверху посреди обоихъ рядовъ, и тогда ближніе люди бросаются къ ней и начинаютъ свое дѣло, то-есть гнать въ ту сторону, куда кому надобно.

Впротчемъ, была игра сія у насъ въ деревнѣ въ такомъ тогда обыкновеніи, что въ зимнее досужное вечернее время игрывали въ нее не только ребятишки, но и самые старые и взрослые люди вмѣстѣ съ ними. Всякой выбиралъ другова такого-жъ себѣ въ соперники, и всѣ не меньше бѣгали и проворили, какъ и ребятишки, и веселились до крайности, когда случится побѣдить и заставить себя побѣжденному перенесть за плечми чрезъ весь дворъ или отъ одного уреченнаго мѣста до другова.

Всѣ сіи обстоятельствы и возбудили во мнѣ желаніе испытать поиграть вмѣстѣ съ ними, и какъ она мнѣ чрезъ то еще больше полюбилась, то, примѣтя единую ту опасность, сопряженную съ сею игрою, что деревянная палка, попавъ въ человѣка, можетъ зашибить, велѣлъ я, вмѣсто оной, сшить коженой мячъ и употреблять при игрѣ сей, а людей собрать какъ можно болѣе, дабы она была тѣмъ веселѣе.

Здѣлавъ сію перемѣну, не успѣли мы начать играть, какъ поглядимъ, катитъ на дворъ нашъ Михайла Матвѣевичъ съ цѣлою толпою своихъ прислужниковъ и ребятишекъ. Въ другое время звать бы его не дозвался, а тутъ прилетѣлъ самъ, какъ соколъ ясной.—«Братецъ! мнѣ сказали, что вы здѣсь играете сами: не дозволите ли и мнѣ съ вами поиграть?»—«Очень хорошо, братецъ, сколько угодно».

Мы проиграли тогда цѣлой вечеръ вмѣстѣ, и нарѣзвились и навеселились до-сыта. Братцу моему сіе такъ понравилось, что онъ обѣщалъ и на-утріе приттить, если у насъ игра будетъ. Я принужденъ былъ, для приласканія его къ себѣ, и на другой день то же затѣять, и съ того времяни пересталъ мой братецъ отъ меня дичиться, но сталъ ходить ко мнѣ часто, а вѣе болѣе для того, чтобъ ему тутъ вольнѣе было рѣзвиться, нежели дома.

Но вѣдалъ бы я, то лутче-бъ никогда ходить его къ себѣ не заохочивалъ, ибо скоро дошло до того, что онъ сталъ мнѣ уже и мѣшать въ моихъ упражненіяхъ. Часто случалось, что иногда дѣлаешь что-нибудь нужное и спѣшишь скорѣй кончить, а не успѣетъ онъ приттить, какъ покидай все дѣло и въ удовольствіе его ступай съ нимъ либо въ килки играть, либо на крестьянскихъ лошадяхъ кататься, либо иное что глупое и ребяческое дѣлать. Къ вящему нещастію, не успѣлъ онъ начать ко мнѣ ходить, какъ и самъ отецъ его сталъ его къ тому поощрять и побуждать ходить ко мнѣ чаще, ибо онъ, вѣдая мои хорошія упражненія, ласкался надеждою, что отъ меня и къ сыну его что-нибудь пристанетъ, и что и онъ что-нибудь у меня перейметъ и къ чему-нибудь пріохотится. Но у нашего молодца всего меньше на умѣ было, чтобъ перенимать что-нибудь: книги для насъ хоть бы не были на свѣтѣ, писаніе ненавистно, а рисованіе въ голову лѣзть не хотѣло, а весь умъ и разумъ нашъ помышлялъ объ однѣхъ только рѣзвостяхъ и вся голова набита была одними пустяками и глупостми.

Такимъ образомъ, приманивъ къ себѣ братца, скоро и не радъ я тому уже былъ; но какъ дѣло сіе было уже невозвратно и отъучить ходить къ себѣ было труднѣе, то принужденъ уже я былъ кое-какъ съ нимъ перебиваться; иногда отговаривался уже недосугами, иногда всклепанною на себя головною болѣзнію, иногда стужею и тому подобнымъ, но сіе все мало помогало; пристанетъ, бывало, такъ, что никакъ не отдѣлаешься, и поневолѣ почти дѣлаешь то, чего бы и не хотѣлось. Напримѣръ, какъ пришло Рожество и наступили святки, то у меня и на умѣ не было заводить игрищи, но по его усильной и неотступной прозьбѣ долженъ я былъ велѣть собирать и дѣлать сіи наиглупѣйшія деревенскія игралищи, въ коихъ не только не было нималѣйшаго вкуса, но кои, по сквернословію, употребляемому на нихъ играющими, были гнусны, отвратительны и презрѣнія достойны; но братецъ мой восхищался оными и находилъ невѣдомо-сколько удовольствія.

По приближеніи масляницы приказалъ я, не столько для себя, сколько для него, здѣлать на дворѣ гору и себѣ собственныя маленькія салазочки. Но онъ мало на ней катывался, а для его пріятнѣе было ходить внизъ подъ гору и чрезъ рѣку въ деревню, и тамъ съ маленькаго бугорка кататься вмѣстѣ съ крестьянами и крестьянскими бабами и ребятишками, —а для чего? Для того, что у насъ на дворѣ наблюдалась сколько-нибудь благопристойность и порядокъ, а тамъ была сущая безпорядица, всякая нелѣпица и вздоръ; напримѣръ, катывались не столько на салазкахъ, сколько навалившись по нѣскольку человѣкъ другъ на друга

на дровняхъ или на лубкахъ, и притомъ не столько днемъ, сколько ночью. А, какъ это для братца моего было утѣшно и весело! Онъ уговорилъ и меня здѣлать ему однажды компанію и сходить туда же; но для меня катанье сего рода никакъ не полюбилось, но показалось слишкомъ безпорядочно, глупо и подло. Къ тому-жъ, какъ я тутъ едва-было очень больно не зашибся, то въ другой разъ не заманилъ онъ меня уже никакъ туда, а для меня милѣй было кататься на своей горѣ и порядочно на своихъ весьма ловкихъ салазкахъ, безъ шума, безъ крика и безъ всякихъ нелѣпостей и вздора, и къ каковому катанію я такъ тогда привыкъ, что любилъ упражненіе сіе во все теченіе моей жизни.

Во время продолженія великаго поста, при частыхъ его меня посѣщеніяхъ, старался-было я братца моего пріучить сколько-нибудь къ рисованью, въ которомъ я тогда наиболѣе упражнялся, и тѣмъ паче, что и самъ дядя меня о томъ просилъ. Но статочное ли дѣло, чтобъ намъ послушаться и чтобъ приняться за какое-нибудь дѣльцо. Нѣтъ! для насъ всѣ они были скучны и непріятны, и всякое заставливало тотчасъ зѣвать. «А лутче сходимъ-ка, братецъ, на гумно и посмотримъ, какъ у васъ молотятъ». Я сперва не зналъ, что̀ это значитъ, и согласился охотно съ нимъ туда иттить; но что-жъ вышло, наконецъ, и зачѣмъ предпринимаема была сія ходьба на гумно?.. Надобно тайкомъ увесть крестьянскихъ тутъ находящихся лошадей съ санями, надобно на нихъ насажаться съ ребятишками, надобно скакать, что есть поры-мочи, по улицамъ, по рощамъ и по дорогамъ, и во все горло орать самыя глупѣйшія и вздорнѣйшія крестьянскія пѣсни, и потомъ гдѣ-нибудь извалиться, полетѣть стремглавъ, перегваздаться и перемараться всѣмъ въ снѣгу, и всему тому похохотать; не все ли глупое, нелѣпое и вздорное? но совсѣмъ тѣмъ братцу моему было все сіе крайне мило и утѣшно. Онъ радъ бы хоть всякой бы день сіе повторять; однако скоро я и отъ сей забавы отказался. Однажды, извалившись и едва не переломивъ руки, откланялся я ей и оставилъ ее одному своему братцу.

Предъ наступленіемъ святой недѣли, увидѣвъ братецъ мой, что я не всегда и не на всѣ его предложенія и затѣи соглашаюсь, а привыкнувъ въ домѣ у меня съ множайшею вольностію рѣзвиться, нежели дома, гдѣ иногда отецъ на него покрикивалъ, вздумалъ пріискать себѣ еще товарища, съ которымъ бы ему болѣе можно было рѣзвиться, и уговорилъ меня, чтобъ я выпросилъ у одного нашего сосѣда и дальняго родственника, по имяни Степана Петровича Челищева одного изъ его сыновей, и взялъ его погостить къ себѣ. Онъ увѣрялъ меня, что онъ одного, по имяни Михайлу, знаетъ, что онъ лѣтами почти намъ ровестникъ, что мальчикъ весьма хорошей, и что намъ съ нимъ будетъ нескучно.—«И, братецъ!» —сказалъ я, сіе услышавъ,—«что ты мнѣ сего давно не скажешь? я бы давно его къ себѣ взялъ. Пускай бы онъ у меня жилъ и дѣлалъ мнѣ компанію». Словомъ, братецъ мой такъ меня имъ прельстилъ, что я на другой же день къ Степану Петровичу для испрошенія его къ себѣ поѣхалъ. Дворянинъ сей былъ весьма небогатой человѣкъ, жилъ отъ насъ верстъ за десять, имѣлъ многихъ сыновей, и, наслышавшись довольно о моей постоянной и хорошей жизни и поведеніи, съ великою охотою согласился отпустить ко мнѣ своего сына и дозволилъ держать его у себя столько, сколько мнѣ угодно будетъ. Обрадуясь сему, взялъ я его тогда же съ собою, и привезя домой, послалъ тотчасъ за братцемъ, и показывая ему его, сказалъ: «вотъ тебѣ и Михайла Степановичъ; такой ли надобенъ?..» Онъ обрадовался ему чрезвычайно и тотчасъ возобновилъ съ нимъ прежнее свое знакомство и свелъ дружбу.

Сотовариществомъ сего мальчика, а особливо въ первые дни, покуда онъ еще не оборкался, а все нѣсколько дичился, и покуда продолжался еще постъ, былъ я весьма доволенъ. Онъ показался мнѣ довольно смирнымъ и хотя ничего совсѣмъ

незнающимъ, но имѣющимъ нѣсколько любопытства: когда я работывалъ, то онъ сиживалъ подлѣ меня, сматривалъ мою работу и распрашивалъ то о томъ, то о другомъ. Все сіе ласкало меня надеждою, что авось-либо удастся мнѣ что-нибудь нужное и хорошее вперить въ сего мальчика и пріучить его современемъ къ какому-нибудь упражненію, и я мечталъ уже невѣдомо что̀ объ немъ. Но сколь сильно обманулся я во всѣхъ моихъ мнѣніяхъ и надеждахъ! Святая недѣля показала мнѣ совсѣмъ иное.

Не успѣла сія настать, какъ начались у насъ съ братцомъ моимъ ежедневныя свиданія и всѣ недѣлѣ сей свойственныя увеселенія. Мы были почти неразлучны между собою и онъ почти не выходилъ отъ меня: катаніе яицъ, которыхъ было у меня превеликое множество, составляло наше первое упражненіе. Я снабдилъ довольнымъ количествомъ оныхъ и моего сотоварища и гостя. Братъ мой былъ чрезвычайнымъ охотникомъ до сего катанія, и притомъ очень вздорливъ и неугомоненъ; Челищевъ былъ ничѣмъ не лутче, а еще не хуже ли онаго: всякой день начались у нихъ съ нимъ за яйца крики, споры, ссоры и вражды, и очень часто дохаживало даже и до стрѣлянія другъ въ друга яйцами и катками, и я принужденъ былъ ихъ унимать, мирить и возстановлять прежнее согласіе. Сіе явленіе было первое, показавшее мнѣ уже отчасти истинной характеръ моего гостя, а чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе усматривалъ я, что я въ заключеніяхъ моихъ объ немъ весьма обманулся.

Другое увеселеніе наше составляло качаніе на качеляхъ. У меня здѣланы были онѣ на дворѣ прекрасныя; братецъ мой съ г. Челищевымъ не сходилъ почти съ оныхъ. У него была съ нимъ всякой день по нѣскольку разъ и ссора и миръ, и опять дружба, и какъ оба они были ребята очень смирные, то происходила у нихъ и на качеляхъ всякая всячина. Однажды чуть-было братецъ мой не ушибъ до смерти моего гостя, вскинувъ его съ ребятами такъ высоко, что онъ соскочилъ съ доски и повисъ на веревкахъ. Я обмеръ, испужался, увидѣвъ сіе издали, и наконецъ безпутныя ихъ рѣзвости мнѣ такъ надоѣли, что я велѣлъ закинуть веревки и запретилъ, чтобъ никто безъ меня не качался.

Но не въ одномъ семъ упражнялись мы въ святую недѣлю; но какъ оная была въ тотъ годъ поздно, и не только не было нигдѣ уже снѣга, но и обсохло, то не оставили мы ни одной почти игры, въ которую-бъ не играть и не рѣзвиться: и въ мячъ-то, и въ городки, и въ килку, и въ веревку, и въ стрякотки-блякотки, и въ ладышки, и во вся и вся! Всѣмъ симъ играмъ наиглавнѣйшей заводчикъ и затѣйщикъ былъ братъ мой, а г. Челищевъ былъ ему споспѣшникъ и сотоварищъ.

Въ сіе-то время имѣлъ я случай узнать короче моего гостя и удостовѣриться въ томъ, что онъ былъ прерѣзвая особа, неимѣющая въ головѣ своей ничего добраго. Склонность его къ рѣзвостямъ, бѣшенству, ко всякимъ шалостямъ и ко всему, что̀ только безпутствомъ названо быть можетъ, была такъ велика, что онъ далеко въ томъ превосходилъ и самого моего брата, а сверхъ того и умъ его былъ не изъ самыхъ лутчихъ. Все сіе заставляло меня уже нѣкоторымъ образомъ и раскаяваться въ томъ, что я его къ себѣ взялъ; однако, какъ при всемъ томъ былъ онъ веселаго нрава,—а что̀ всего лутче—не только переносилъ всякія дѣлаемыя съ нимъ шутки, но и охотно еще и самъ давалъ надъ собою шутить, то сіе было притчиною тому, что я его удержалъ при себѣ. А сверхъ того, имѣлъ я отъ него и ту выгоду, что братъ мнѣ не дѣлалъ уже столько въ дѣлахъ и упражненіяхъ моихъ помѣшательства, какъ прежде, и я всякой почти разъ, когда онъ ко мнѣ прихаживалъ, адресовалъ уже его къ моему Михайлѣ Степановичу, дабы онъ съ нимъ шолъ и что̀ хотѣлъ, то и дѣлалъ, а меня бы оставилъ при моемъ дѣлѣ и съ покоемъ.

Однако нельзя было, чтобъ времянемъ и я не дѣлалъ имъ компаніи, лѣты мои

требовали того, чтобъ иногда и мнѣ порѣзвиться. И какихъ-какихъ проказъ не дѣлали мы иногда надъ нашимъ гостемъ и сотоварищемъ, а особливо братъ мой. Однажды онъ чистехонько-было его уморилъ. Была у меня какая-то настойка съ ягодами и виномъ; поутру въ тотъ день сливали у меня ее, и такъ случилось, что ягоды, напоенныя еще виномъ и спиртомъ, поставлены были въ чашѣ въ передней комнатѣ. Братъ мой, пришодши послѣ обѣда ко мнѣ, какъ-то ихъ увидѣлъ, и, отвѣдавъ ихъ, узналъ, что онѣ довольно еще были сладки; тотчасъ приди ему въ голову подшутить надъ господиномъ Челищевымъ. Онъ зазвалъ его туда, и вѣдая, что нужно было только о чемъ-нибудь заспорить, какъ ко всему его убѣдить и преклонить можно, отъискалъ какую-то нарочитой величины чашку, спросилъ его, могъ ли-бъ онъ, напримѣръ, съѣсть чашку сію вверхъ сихъ ягодъ. «А для чего не съѣсть?»—отвѣтствовалъ Челищевъ, отвѣдавъ напередъ ягоды и нашедъ ихъ довольно вкусными.—«Пустяки!» сказалъ на то братъ,—«можно ли тебѣ съѣсть? ты и третей доли не съѣшь!». — «Коли такъ, то сей же часъ изволь», отвѣтствовалъ г. Челищевъ, и тотчасъ, насыпавъ чашку вверхъ, и началъ убирать. Я сидѣлъ тогда въ другой горницѣ и рисовалъ, и ничего не знаю и не вѣдаю, что у нихъ тутъ происходило; но не успѣло пройтить съ полчаса, какъ ягодки и разобрали нашего Михайлу Степановича: онъ началъ шумѣть и бурлить, какъ сумасшедшей, и всѣхъ насъ бранить и ругать немилосердымъ образомъ. Я удивился, сіе увидѣвъ, и не понималъ, что-бъ это значило, и что-бъ такое подѣлалось надъ моимъ гостемъ. Но какъ онъ часъ отъ часу болѣе бурлить и барабошить сталъ, и схватя палку, за людьми гоняться, то началъ я уже и потрушивать и иного не заключалъ, что онъ съ ума сошолъ и взбѣсился. — «Батюшки мои! что это съ нимъ здѣлалось?» говорилъ я только всѣмъ, и горевалъ, не зная что мнѣ съ нимъ дѣлать и начать. Словомъ, я бы въ прахъ настращался и перетрусился, естьли-бъ въ самое то время не вошолъ въ комнату мою мой братъ, ходившей между тѣмъ домой, и, увидѣвъ проказы г. Челищева, не покатился бы со смѣха. Меня сіе удивило еще больше. — «Чему, братецъ, смѣяться?» говорю я ему,—«человѣкъ съ ума сошелъ и взбѣсился, и я не знаю, что съ нимъ дѣлать». Но онъ, услышавъ сіе, захохоталъ еще пуще и катается-таки со смѣха!—«Господи помилуй!» говорилъ я тогда, удивляясь отчасу больше и не понимая, что-бъ это все значило,—«или всѣ люди нынѣ съ ума сошли? Да скажи, братецъ, ради Христа, чему такому ты смѣешься, и что въ томъ смѣшнова, что человѣкъ взбѣсился?» Братъ мой хотѣлъ-было сказать слово, но отъ смѣха никакъ не могъ; наконецъ, насилу-насилу и кое-какъ промолвилъ: «Какое съ ума сошелъ? это ничто иное, какъ ягодки!» — Какія ягодки?» спросилъ я. И тогда разсказалъ онъ мнѣ всю исторію, и увѣрялъ, что онъ ничто иное, какъ пьянъ. Тогда изчезъ весь мой страхъ, и мы совокупно начали надъ нимъ шутить и хохотать; но смѣхи и хохотанье наше скоро перемѣнились въ дѣйствительной страхъ и опасеніе. Господинъ Челищевъ, побурливъ-побурливъ, началъ наконецъ пошатываться, глаза у него перемѣнились и здѣлались страшные, языкъ началъ съ нуждою ворочаться и едва произносилъ слова: «Охъ, тошно! охъ, смерть моя!» а немного погодя, не могъ онъ болѣе стоять на ногахъ, повалился, гдѣ стоялъ, на полъ. Глаза подкатились у него подъ лобъ, изо рту начала бить клубомъ пѣна, и онъ здѣлался безъ ума, безъ памяти и лишился почти чувствъ всѣхъ; мы оба съ братомъ обмерли, испужались, все сіе увидѣвъ, и не знали, что съ нимъ начать и дѣлать. Я только-что твердилъ брату: «Бога ты, судырь, не боишься! какъ тебѣ, братъ, не стыдно! какую здѣлалъ съ нимъ проказу! нелегкая тебя догадала кормить его тамъ ягодами! Что ты изволишь тогда дѣлать, если онъ умретъ? Я прямо, вѣдь, на тебя скажу, и ты какъ хочешь, такъ и отвѣтствуй!» Братъ мой стоялъ ни живъ, ни мертвъ, не говоря ни слова, а только

что блѣднѣлъ и краснѣлъ. Тотчасъ послали мы за дядькой моимъ, Артамономъ; спрашиваемъ у него, чѣмъ сотоварищу нашему пособить? Дядька мой самъ не знаетъ. Наконецъ присовѣтовали намъ лить на него воду. Мы тотчасъ сіе здѣлали: всего его замочили, но пользы отъ того не было. Горе на насъ превеликое! боимся, чтобъ дѣйствительно не умеръ. Напослѣдокъ присовѣтовали намъ влить въ него ложку конопляного масла; насилу разжали ему ротъ и влили оное: и оттого ли, или не оттого, ему стошнилось и ево вырвало. Сіе здѣлало ему нѣкоторое облехченіе: онъ уснулъ, и къ великому нашему удовольствію, къ вечеру проспался и оправился.

Въ другой разъ заспорили мы также съ нимъ, что не можно никакъ голому человѣку пробѣжать сквозь превеликую и широкую кулигу крапивы, которую нашли мы гуляючи въ одномъ мѣстѣ подлѣ пруда.—«Для чего не пробѣжать?» сказалъ онъ,—«великая эта диковинка! Тутъ не будетъ и десяти саженъ!» Мы оспоривали его, что не можно, а онъ утверждалъ, что можно, и говорилъ брату моему: «коли не вѣришь, давай объ закладъ—объ гривнѣ, я самъ пробѣгу». Я моргнулъ брату моему, чтобъ онъ бился, ибо признаюсь, что въ этомъ грѣхѣ былъ и я соучастникомъ, и онъ не успѣлъ съ нимъ ударить по рукамъ, какъ г. Челищевъ въ одинъ мигъ сорвалъ съ себя все платье долой и пустился, и, пробѣжавъ, закричалъ: «великая диковинка! Ежели хотите, я и назадъ пробѣгу». — «Ну, ну! братецъ, ужъ такъ и быть! то будетъ и честь, и слава молодцу». Онъ исполнилъ и сіе. Но какое-жъ мученіе и страданіе принужденъ былъ онъ вытерпѣть! Сгоряча онъ не слыхалъ и не чувствовалъ ничего, но какъ крапива была превысокая и густая, и обстрекала его всего съ головы до ногъ, то не успѣло минуть двухъ пройтить, какъ взбѣленился нашъ малой и даже взвылъ отъ превеликой боли и мученья, такъ что мы сколько хохотали сперва, столько и сжалились надъ нимъ и обѣщанную гривну съ охотою ему дали.

Нѣсколько времяни спустя послѣ того, проломили-было мы ему чисто голову, играючи въ килку, которая случилась на ту пору деревянная. Рѣзвому братцу моему вздумалось съ умысла ударить ее такъ, чтобъ она ему по спинѣ попала; но килка была такъ неосторожна, что попала ему прямо въ голову. Г. Челищевъ не могъ даже устоять на ногахъ оттого, и насилу очнулся, и голова у него очень долго болѣла.

Наконецъ, однажды, тотъ же братецъ мой совершенно-было утопилъ его на прудѣ; было то при случаѣ купанья. До сего купанья были мы превеликіе охотники, и братецъ мой такъ меня къ сему пріучилъ, что въ жары мы съ нимъ по нѣскольку разъ купывались, и однажды, какъ теперь помню, дошло до того, что мы цѣлыхъ семь разъ въ одинъ день купались. Какъ г. Челищевъ всегда бывалъ съ нами и не весьма еще плавать умѣлъ, то рѣзвому братцу моему вздумалось однажды вмѣстѣ съ нимъ, голымъ, поплавать по пруду въ камягѣ, которая была у меня на прудѣ. Не успѣлъ онъ отъѣхать на средину, какъ, желая пострашать г. Челищева, сталъ онъ камягу качать то въ ту, то въ другую сторону, и веселиться тѣмъ, что тотъ кричалъ и боялся; но однажды качнулъ такъ неосторожно, что и самъ полетѣлъ въ воду, и его выпрокинулъ, и тогда чуть-было онъ не захлебнулся совсѣмъ. Насилу-насилу я уже подплылъ и ево съ глубокова мѣста стянулъ за собою на мелкое.

Вотъ какія разныя проказы мы съ нимъ дѣлали; но конца бы не было, естли-бы всѣ оныя и всѣ наши рѣзвости пересказывать, а довольно и сихъ, для доказательства вамъ, что всѣ мы были молодцы изрядные,—чѣмъ прекратя, остаюсь, и протчая.

Письмо 23.

Любезной пріятель! Въ теперешнемъ моемъ письмѣ опишу я вамъ достальное мое пребываніе въ деревнѣ. Изъ обоихъ предслѣдующихъ писемъ могли

вы усмотрѣть, что сколько жизнь моя, въ сей разъ, въ деревнѣ ни была хороша и порядочна, однако было въ ней нѣчто и дурное, и видѣли притчину, подавшую къ тому поводъ. Ежели по справедливости судить, то сіе немногое дурное было, въ разсужденіи лѣтъ моихъ, нѣсколько для меня и извинительно: мнѣ шолъ хотя шестнатцатой годъ, но какія это еще лѣты, и можно-ли требовать и ожидать въ нихъ совершенной зрѣлости разума и дальнаго постоянства? Далѣе, ежели принять въ разсужденіе, что все сіе дурное состояло въ единыхъ только дѣтскихъ рѣзвостяхъ, и что я, живучи на совершенной волѣ и совершеннымъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, весьма легко могъ бы посягнуть на что-нибудь дальнѣйшее и хуждшее, то великое для меня было еще щастіе, что я отъ всего того избавился и сохранилъ себя въ сіе толь критическое время моей жизни въ совершенной непорочности. Привычка ко всегдашнимъ и безпрерывнымъ упражненіямъ, частое и многое читаніе духовныхъ книгъ, нерѣдкія свиданія и разговоры съ попами и другими духовными людьми о вещахъ до закона и вѣры касающихся, а наконецъ и самое списываніе житіевъ святыхъ, упражнявшее мысли мои хорошими и набожными помышленіями, поспѣшествовало много къ тому, что я не погрузился въ какіе-нибудь такіе пороки, какіе нерѣдко таковому возрасту бываютъ свойственны, въ какомъ я тогда находился; а лутче сказать, не что иное, какъ самое Провидѣніе и особливая милость небесъ меня отъ того сохранила.

Возвращаясь теперь къ повѣствованію моему, скажу, что изъ протчихъ произшествій, случившихся со мною въ тогдашнее мое пребываніе въ деревнѣ, не помню я никакихъ такихъ, которыя-бъ достойны были въ-особливости замѣчены быть, кромѣ слѣдующихъ трехъ, несоставляющихъ дальней важности.

Первое было то, что я однажды на смерть перепуганъ былъ ужами. Сихъ ядовитыхъ гадинъ было какъ-то въ нашей деревнѣ превеликое множество въ тогдашнее время. Наилутчее ихъ жилище было подъ плотиною въ томъ хворостѣ, которымъ пруды изстари были запружены; тутъ имѣли они свои норы и лазеи, изъ которыхъ вылѣзая въ жаркое время, леживали они противъ солнца цѣлыми кучами, свившись другъ съ другомъ; кромѣ сего, ползывали они вездѣ и вездѣ, и живали даже въ самыхъ лутчихъ избахъ. Поелику гадины сіи ненапрасливы и очень смирны, ежели кто ихъ не трогаетъ и не раздражаетъ, то люди наши такъ къ нимъ привыкли, что никакъ ихъ не боялись. Нерѣдко, какъ разсказывали мнѣ, случалось, что они вспалзывали на самыя кровати спящихъ людей, однако ни мало ихъ не вредили, хотя на смерть перепугивали при просыпаніи и узрѣніи ихъ; а однажды, какъ увѣряли меня, случилось въ домѣ нашемъ весьма странное и удивительное приключеніе. Одна женщина, посадивъ маленькихъ дѣтей своихъ на землю въ сѣняхъ, дала имъ горшокъ молока для хлѣбанія; во время хлѣбанія сего гдѣ ни возьмись превеликой ужъ, и приползя къ ребятишкамъ, всунулъ голову свою чрезъ край въ горшокъ. Повсюду есть молва, что ужи великіе охотники до молока, и что будто нерѣдко высасываютъ изъ коровъ все молоко, по чему однако трудно повѣрить. Но какъ бы то ни было, но маленькіе ребятишки ужа сего не только ни мало не испужались, но били ево еще по головѣ своими ложками, не давая ѣсть молока. Въ самое то время вошла въ сѣни опять ихъ мать и обмерла, испужалась, увидѣвъ сіе зрѣлище: она не знала что дѣлать, но ужъ не успѣлъ ее увидѣть, какъ поползъ прочь и ушолъ въ свою нору.

Вотъ исторія, о которой увѣряли меня, что она случилась нѣкогда въ нашемъ домѣ; однако я худо тому вѣрю и почитаю болѣе народною басенкою.

Что касается до моего съ ними произшествія, то случилось оно во время купанія въ прудѣ. Я выше упоминалъ уже, что у меня была на семъ прудѣ ка-

мяга, или наипростѣйшая выдолбленная изъ одного дерева лотка. Я досталъ ее для разъѣжжанія по пруду и увеселенія себя на оной плаваніемъ, по привычкѣ, учиненной къ тому еще во Псковщинѣ; когда же научился я при частомъ купаньи плавать и нырять, то наилутчее было у насъ обыкновеніе, съѣхавши на камягѣ сей на самое глубокое въ пруду мѣсто, прыгать съ ней въ воду и опустясь на дно выскакивать опять на поверхность воды и влѣзать опять въ лотку; но что-жъ случилось со мною однажды при таковомъ прыжкѣ въ воду. Не успѣлъ я дойтить до дна и ногами своими коснуться до земли, чтобъ дать имъ толчокъ объ оную для скорѣйшаго возвращенія на поверхность воды, какъ почувствовалъ я подъ ногами нѣчто чрезвычайно и какъ ледъ холодное; но какимъ неописаннымъ ужасомъ поразилось сердце мое, когда, вынырнувши изъ воды, увидѣлъ я, что вслѣдъ за мною вынырнули изъ воды и два превеликихъ ужа, и одинъ не болѣе какъ на аршинъ, а другой аршина на два отъ меня. Я оцѣпенѣлъ весь тогда отъ ужаса, и не знаю уже не вѣдаю, какимъ образомъ догребъ я до лотки и ускользнулъ въ оную, а того меньше, какъ меня сіи ужи не ужалили: видно самой судьбѣ угодно было меня спасти отъ оныхъ, ибо оба они, вынырнувъ и поднявъ головы съ превеликимъ шипѣніемъ, яко знакомъ ихъ раздраженія, поплыли прочь и чрезъ весь почти прудъ къ берегу. — Съ того времяни полно мнѣ не только прыгать по прежнему съ лотки въ воду, но я пересталъ и купаться въ семъ прудѣ.

Въ другой разъ и вскорѣ послѣ того, идучи мимо плотины, увидѣлъ я нѣсколькихъ ребятишекъ на плотинѣ, мечущихъ камушками и палочками въ лежащаго посреди дороги на плотинѣ превеликаго ужа, и раздражающихъ онаго. Я закричалъ на нихъ, чтобъ они перестали, что хотя они и учинили, но ужъ былъ уже раздраженъ и погнался въ слѣдъ за однимъ изъ нихъ, побѣгшимъ прямо въ ту сторону, гдѣ я стоялъ. Боже мой! какъ я тогда испужался, а особливо увидѣвъ въ первой разъ отъ роду, какъ ужи раздражонные ползаютъ: они, извиваясь кольцомъ, не ползаютъ, а даже сигаютъ, и очень скоро и далеко. Мнѣ не инако казалось, что онъ не только мальчишку, но и самого меня ужалитъ, и я побѣжалъ тогда такою опрометью прочь, что самъ себя не вспомнилъ.

Оба сіи случая такъ меня настращали, что я всѣмъ людямъ и крестьянамъ накрѣпко приказалъ съ того времяни бить ужей вездѣ, гдѣ они ихъ ни завидятъ, и не знаю, отъ того ли или нѣтъ, но съ того времяни количество ихъ знатно уменьшилось и дошло до того, что нынѣ въ цѣлой годъ рѣдко кому удастся и одного ужа увидѣть.

Другое приключеніе было смѣшное, но наведшее на меня также нѣкоторое опасеніе; состояло оно въ томъ, что я отъ одной глупой привычки чуть было лунатикомъ не здѣлался. Въ комнатѣ той, въ которой я спалъ, была кирпичная голанская печь, но имѣющая предъ самымъ устьемъ своимъ приступокъ, на которомъ сидѣть было можно. На семъ приступкѣ стоючи и растворивъ дверцы, чтобъ шелъ духъ, повадился я, ложась спать и раздѣвшись уже совсѣмъ, въ одной рубахѣ грѣться; зимнея стужа подала мнѣ къ тому первой поводъ: нагрѣвшись, бывало, досыта и ложусь я прямо въ постелю. Но что-жъ меня отъ сей довольно долго продолжавшейся и ежедневно повторяемой привычки отучило? — Однажды, нагрѣвшись симъ образомъ, легъ я по обыкновенію спать и заснулъ скоро, но въ самую полночь, пробудившись, вдругъ увидѣлъ себя стоящаго на помянутомъ приступкѣ у печки и грѣющагося. «Господи помилуй! перекрестясь, сказалъ я тогда самъ себѣ: какимъ это образомъ я сюда зашолъ?»—Ужасъ превеликой напалъ тогда на меня; я раскликалъ и перебудилъ всѣхъ спящихъ со мною людей, и съ того времяни полно мнѣ по вечерамъ у печки моей надъ душкомъ грѣться; и вотъ какое дѣйствіе можетъ производить привычка въ человѣкѣ!

Третье приключеніе было странное и для меня тогда весьма удивительное. Нѣкогда, въ лѣтнее время, передъ вечеромъ вздумалось мнѣ выттить одному въ нижней свой садъ прогуляться; садъ сей удаленъ былъ нѣсколько отъ всего двора и былъ на косогорѣ къ рѣкѣ и къ вершинѣ. Не успѣлъ я приттить въ оной и взойтить на самую средину онаго и самое то мѣсто, гдѣ нынѣ предъ хоромами моими пониже цвѣтника стоятъ стриженныя пирамидами елки, какъ услышалъ я вдругъ голосъ, кличущей меня по имени и по отчеству, и голосъ довольно громкой и такъ, какъ бы изъ близи происходящей. Я тотчасъ отвѣтствовалъ „ась“, но на мое «ась» не послѣдовало никакова отвѣта. Сіе меня удивило; я тотчасъ закричалъ: «кто меня кликалъ»? но и на сіе столь же мало отвѣта получилъ, какъ и на первое. Я повторилъ еще разъ, но не тутъ-то было.— Я смотрѣть въ ту, я смотрѣть въ другую сторону, но никого не вижу; я кричать еще: «кто меня кликалъ? кому я надобенъ»? но не было ни отъ кого ни слуха, ни духа, ни послушанія, но господствовала повсюду тишина и совершенное безмолвіе. «Господи помилуй!» говорилъ я тогда, удивляючись, «что за диковинка? Кто это меня кликалъ?» Но все мое удивленіе было тщетно. Не удовольствуясь кричаньемъ, сталъ я бѣгать по всему саду, перешарилъ всѣ его углы и закоулки, а особенно въ той сторонѣ, откуда мнѣ голосъ послышался; смотрѣлъ въ вершинѣ, за вершину въ рощу, въ чужой садъ, кричалъ еще нѣсколько разъ: «кто меня кликалъ?» но нигдѣ не было и слѣдовъ человѣческихъ, и никто мнѣ не отвѣтствовалъ. Ужасъ тогда напалъ на меня. Я побѣжалъ опрометью домой, и тутъ, созвавъ всѣхъ людей, спрашивалъ, не былъ ли кто въ нижнемъ саду или не шолъ ли мимо и не кликалъ ли меня, но всѣ клялись и божились, что никогда въ саду и близко подлѣ сада въ то время не было и никто меня не кликалъ. Словомъ, я не могъ никакъ отыскать и не знаю и понынѣ, какъ это случилось и кто меня тогда кликалъ, а то только знаю, что голосъ былъ подобной во всемъ человѣческому и произносимъ былъ недалече отъ меня.

Кромѣ сихъ трехъ произшествій не помню я никакихъ иныхъ. Что-жъ принадлежитъ до моихъ выѣздовъ со двора, то во все мое тогдашнее полуторагодичное жительство въ деревнѣ были они очень рѣдки. У самой вышеупомянутой старушки, госпожи Бакѣевой, у которой былъ сынъ, умѣющей рисовать, бывалъ я очень рѣдко и болѣе потому, что она сына своего ко мнѣ никогда почти одного не отпускала, а сіе было притчиною, что я не могъ сотовариществомъ его пользоваться. Кромѣ сей, была тогда еще одна старушка, по имени Варвара Матвѣевна Темирязева, къ которой я времянно ѣжживалъ. Она происходила изъ нашей фамиліи и была сестра родственнику моему, Никитѣ Матвѣевичу Болотову, имѣвшему третей домъ въ нашей деревнѣ, но бывшему тогда на службѣ и служившему въ Кіевскомъ полку полковникомъ. Старушка сія была всѣхъ старѣе въ нашемъ родѣ и самая та, которая запомнила еще того Еремея Гавриловича, котораго исторію сообщилъ я въ началѣ первой части моей исторіи, и отъ которой я ее слышалъ. Къ сей старушкѣ ѣжжалъ я также времянно и любливалъ слушать отъ ней разныя повѣствованія о старинѣ. Также случалось мнѣ однажды ѣздить съ дядею моимъ и къ тому Ивану Михайловичу Дурному, которой былъ отцу моему наилутчей другъ и котораго въ духовной своей здѣлалъ онъ душеприкащикомъ. Однако я нашелъ его добренькимъ, но ничего почти незнающимъ старичкомъ; онъ принялъ меня ласково, но былъ очень удаленъ, чтобъ входить въ какія-нибудь до меня относящіяся обстоятельства.

Кромѣ сихъ, была еще одна очень почтенная старушка, жившая въ Калитинѣ, по имени Авдотья Игнатьевна Пущина, бывшая покойному родителю моему въ нѣкоторомъ свойствѣ и имѣвшая двухъ дѣтей: одного сына на возрастѣ и дочь, превеликую красавицу. Сію единственно за красоту взялъ за себя нѣкто превеликой богачъ, г. Докторовъ, а какъ

онъ, прижившъ одного сына, скоро умеръ, то прельстился красотою ея одинъ изъ князей Долгоруковыхъ, по имени Иванъ Алексѣевичъ, и на ней женился, и такъ она вошла въ родню знатную и большую. Что-жъ принадлежитъ до ея сына, то съ нимъ случился особливой казусъ. Вздумалось ему однажды застрѣлить прилетѣвшую на дворъ ворону; онъ, прицѣлившись съ крыльца—хлопъ, но на ружьѣ схватило только съ полки, а оно какъ-то не разродилось; рокъ его какъ-то восхотѣлъ чтобъ подуть въ дуло ружья, для узнанія заряжено ли оно, но не успѣлъ онъ начать дуть, какъ ружье разродилось и всѣмъ зарядомъ выстрѣлило ему прямо въ ротъ, и тѣмъ умертвило его въ ту-жъ минуту. Приключеніе сіе тогда во всѣхъ нашихъ окрестностяхъ (было) очень громко, и всѣ сожалѣли о немъ и тѣмъ паче, что онъ у матери былъ одинъ только сынъ и смертію его весь ихъ родъ пресѣкся. У сей старушки я также нѣсколько разъ бывалъ, а всего чаще ѣздилъ я къ церквѣ; въ сей не пропускалъ я почти ни одного праздника и воскресенья, чтобъ не быть у обѣдни. Ѣжживалъ же я всюду наиболѣе верхомъ, ибо ѣзда на дрожкахъ была тогда еще не въ обыкновеніи и никто еще не зналъ сего удобнаго и дешеваго екипажа.

Къ выѣздамъ же моимъ со двора можно присовокупить и то, что въ лѣтнее время нерѣдко ѣжжалъ я въ поля увеселяться ястребиною ловлею перепелокъ. Старикъ прикащикъ мой былъ до оной охотникъ и кармливалъ меня всегда перепелками, и я ѣжжалъ съ нимъ иногда для смотрѣнія. Сія ловля птицъ была для меня довольно утѣшна, однако я и до ней не здѣлался охотникомъ; важнѣйшія упражненія не допустили меня до того.

Итакъ, наичастейшей выѣздъ и выходъ мой былъ къ моему дядѣ. Въ послѣднее лѣто я такъ къ нему, а онъ ко мнѣ привыкъ, что мы видались всякой божей день и онъ не считалъ меня уже гостемъ. Обыкновенно хаживалъ я къ нему послѣ обѣда часу въ четвертомъ или въ пятомъ, и какъ онъ обѣдывалъ очень рано, а въ сіе время имѣлъ обыкновеніе полудновать то унималъ онъ меня всегда вмѣстѣ съ собою полдничать. Полудноваьи сіи были почти точно такія-жъ, какъ обѣды, и состояли обыкновенно изъ трехъ или четырехъ блюдъ. Первое изъ оныхъ было съ кускомъ ржавой ветчины, или съ окрошкою; второе, съ наипростѣйшими и, что всего страннѣе, безъ соли вареными зелеными или капустными щами—бережливость дяди моего простиралась даже до того, что онъ не ввѣрялъ соли стряпчимъ, но саливалъ щи самъ на столѣ—а третье составлялъ горшокъ либо съ гречневою, либо съ пшонною густою кашею, приправляемою на столѣ коровьимъ топленымъ масломъ, ибо сливочнаго и соленаго тогда и въ завѣтѣ нигдѣ неважывалось. Итакъ, столы сіи были хотя не очень сладкіе, и у меня дома готавливали гораздо лутчее кушанье, но привычка чего не дѣлаетъ: я понемногу привыкъ, и полдничанья сіи были для меня наконецъ очень вкусны и, сколько думаю, оттого, что ѣдалъ тутъ въ компаніи, а не такъ какъ одинъ дома.

Сколь рѣдки выѣзды мои были со двора, столь рѣдки были и пріѣзды ко мнѣ гостей, ибо кому и кому было ко мнѣ, какъ къ настоящему еще рабенку, ѣздить? Наилутчіе и частѣйшіе мои гости были наши приходскіе и сосѣдственные попы и нѣкоторые изъ живущихъ на заводахъ нѣмцовъ. Сей родъ людей былъ у насъ въ сосѣдствѣ совсѣмъ особливой; они носили только на себѣ имя нѣмцовъ, были собственно мастеровые при прежде бывшихъ тутъ желѣзныхъ заводахъ, живали прежде весьма хорошо; но тогда единую тѣнь прежней жизни имѣли и питались болѣе винною продажею и корчемствомъ. Изъ нихъ были нѣкоторые изрядные и неглупые люди, и я всегда посѣщеніемъ ихъ бывалъ доволенъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и симъ образомъ препровождалъ я свои тогдашніе дни. Жизнь моя была хотя прямо уединенная и отъ сообщенія съ протчимъ свѣтомъ совсѣмъ удаленная, но я такъ къ ней привыкъ, что она здѣлалась мнѣ весьма

и такъ пріятна, что я и понынѣ не могу вспомнить ее безъ чувствованія нѣкоего особливаго удовольствія.

Наконецъ, стала наступать уже осень и съ нею приближаться то время, въ которое надлежало мнѣ явиться къ полку своему; уже надобно было помышлять и объ отъѣздѣ своемъ на службу и понемногу къ тому готовиться. Отпущонъ я былъ глухо—до шестнатцати-лѣтняго возраста, безъ точнаго означенія года, мѣсяца и числа, въ которое мнѣ явиться къ полку надлежало. Итакъ, хотя помянутыя шестнадцать лѣтъ имѣли совершиться октября 17-го дня сего года, однако думалъ я, что мнѣ прежде нельзя ѣхать, какъ по первому зимнему пути и что не великая будетъ важность, ежели нѣсколько и просрочу. Мнѣніе, что въ полку точнаго дня моего рожденія неизвѣстно, утверждало меня въ сей надеждѣ.

Но чѣмъ ближе сіе время приближалось, тѣмъ болѣе началъ я озабочиваться тѣмъ, что въ теченіе сихъ полутора годовъ, которые прожилъ я въ деревнѣ, оба мои выученные иностранные языки, то-есть нѣмецкой и французской, были мною опять совершенно почти забыты. Обстоятельство, что я съ самаго отъѣзда моего изъ Петербурга не имѣлъ ни единаго случая съ кѣмъ бы могъ хоть единое слово промолвить по-французски, а въ говореніи нѣмецкимъ языкомъ не имѣлъ даже съ самаго отъѣзда изъ Бовска и почти цѣлыхъ шесть лѣтъ нималѣйшаго упражненія, было тому притчиною, что я при окончаніи сего года не умѣлъ обоими сими языками ни единаго слова пикнуть—вотъ что можетъ произвесть отвычка и долговремянное неупражненіе въ разговорахъ. Но что касается до разумѣнія сихъ языковъ, то я не совсѣмъ онаго лишился: я умѣлъ ими писать и читать, и разумѣлъ много изъ читаемаго, и мое нещастіе было, что я не имѣлъ никакихъ у себя нѣмецкихъ и французскихъ такова рода книгъ, которыя бы я могъ читать съ любопытствомъ, напримѣръ, историческихъ или романовъ. Чрезъ сіе чтеніе могъ бы я не только оба сіи языки не позабыть, но привесть ихъ еще въ лутчее совершенство, ибо извѣстно, что ни чрезъ что не можно имъ такъ научиться, какъ чрезъ любопытное чтеніе. Но тогда таковыхъ книгъ и въ Россіи у насъ было мало, а мнѣ и подавно взять было негдѣ: вся моя иностранная библіотека состояла только въ нѣсколькихъ учебныхъ книгахъ, а имянно въ двухъ лексиконахъ, двухъ граматикахъ и нѣмецкой географіи; а всѣ сіи удобны ли къ такому чтенію и не скорѣе ли наскучить, нежели заохотить могутъ? А точно такъ случилось и со мною: я хотя кой-когда и биралъ ихъ въ руки, но другія и любопытнѣйшія упражненія вырывали у меня оныя опять изъ рукъ и заставливали лежать ихъ съ покоемъ.

Такимъ образомъ, забвеніе сихъ языковъ меня очень озабочивало. Я встрянулся, но уже поздно, что это дурно, ибо не сомнѣвался, что по пріѣздѣ къ полку велѣно будетъ меня екзаменовать, ибо я съ тѣмъ условіемъ и отпущенъ былъ, чтобъ сіи языки и геометрію и фортификацію выучить. Что касается до сихъ послѣднихъ наукъ, то въ разсужденіи сихъ надѣялся я на себя и не боялся екзамена, но языки меня крайне смущали.

Во время самаго сего настроенія случилось мнѣ однажды быть въ гостяхъ у праздника, у одной своей родственницы, вышеупомянутой старушки госпожи Темирязевой. Тутъ нашелъ я пріѣхавшаго также въ гости одного старичка, знающаго нѣмецкой языкъ и нѣкоторыя другія науки. Какой собственно былъ онъ человѣкъ, того не могу теперь сказать; по прошествіи многихъ съ того времяни лѣтъ позабылъ я сіе совершенно, а только то отчасти помню, что онъ разсказывалъ о себѣ, якобы онъ былъ дворянской породы, находился множество лѣтъ гдѣ-то въ полону, и возвратясь оттуда и не имѣя нигдѣ пристанища, проживалъ въ дворянскихъ домахъ и учивалъ дѣтей ихъ наукамъ. Старичокъ сей показался мнѣ очень разуменъ, а что всего для меня было пріятнѣе—былъ великой читатель

книгъ. Онъ разговаривалъ со мною о книгахъ и о другихъ разныхъ вещахъ, рекомендовалъ мнѣ въ-особливости одну вновь вышедшую тогда книгу «Аргениду». Сію книгу превозносилъ онъ безчисленными похвалами и говорилъ, что въ ней все можно найтить — и политику, и нравоученіе, и пріятность, и все, и все. Потомъ говорили мы съ нимъ и по-нѣмецки. Забвеніе мое сего языка оказалось при семъ случаѣ напяснѣйшимъ образомъ. Сродники мои, примѣтивъ сіе, совѣтовали мнѣ взять сего старичка къ себѣ и постараться хотя въ малое достальное время, которое мнѣ дома жить еще осталось, подъ смотрѣніемъ его, потвердить иностранные языки. Предложеніемъ симъ я очень былъ доволенъ, а по щастію и старичокъ не имѣлъ тогда нигдѣ мѣста и охотно на то склонялся. Итакъ, согласились мы въ томъ, и онъ обѣщалъ чрезъ нѣсколько дней приттить ко мнѣ жить, что и дѣйствительно исполнилъ.

Такимъ образомъ получилъ я себѣ товарища и учителя. Онъ прожилъ у меня нѣсколько мѣсяцовъ и до самаго моего изъ деревни отъѣзда; однако пользы отъ него не получилъ я нималѣйшей. Языки забыты были не такъ мало, чтобъ ихъ въ столь короткое время опять вытвердить можно было, а къ тому-жъ учитель мой и самъ ими немногимъ чѣмъ лутче моего говорилъ, или, лутче сказать, также позабылъ. Для меня полезнѣе бы былъ какой-нибудь природной нѣмецъ или французъ, съ которымъ бы я безпрерывно говорить могъ, а сему учителю разговоры на иностранныхъ языкахъ были столькожъ отяготительны, сколько и мнѣ. Одну арихметику зналъ онъ въ совершенствѣ, и въ томъ состояло наилутчее его качество. Еще-жъ хвасталъ онъ, что разумѣетъ хиромантію, и можетъ по рукамъ узнавать все будущее, но послѣ оказалось, что онъ едва-ли и о сей наукѣ имѣлъ какое-нибудь свѣдѣніе.

Но какъ бы все сіе ни было, однако училъ онъ меня, или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ ту славу, въ самомъ же дѣлѣ нужна ему была чарка вина; ибо надобно сказать, что до вина былъ онъ смертельной охотникъ, а что того еще хуже, то пьяной былъ весьма неугомоненъ. У меня могъ онъ имъ довольствоваться сколько душа его хотѣла, и я въ первыя недѣли не жалѣлъ для него сего напитка, однако скоро узналъ, что въ разсужденіи сего пункта надлежало брать иныя мѣры и осторожность. Однажды, будучи пьяной, перепугалъ онъ насъ немилосердымъ образомъ: онъ требовалъ болѣе вина, а какъ ему не стали давать, то здѣлался онъ власно какъ бѣшеной, поднялъ великой вопль, кричалъ на насъ «слово и дѣло», грозилъ свозить насъ всѣхъ въ «тайную» и протчей такой вздоръ. По младоумію своему перестращался я тогда ужаснымъ образомъ; но послѣ узналъ, что сей порокъ былъ въ немъ обыкновенной, и что за самое сіе никто не имѣлъ охоты держать его у себя въ домѣ. Симъ кончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и протчая.

Письмо 24.

Любезной пріятель! Ну, теперь разскажу вамъ о моихъ зборахъ и объ отъѣздѣ моемъ на службу, и тѣмъ всю исторію о моемъ малолѣтствѣ кончу. Ежели наскучилъ я вамъ оною, то вините сами себя, а не меня, ибо я разсказываніемъ всего и всего исполнялъ ваше хотѣніе.

Между тѣмъ, какъ все прежде-упоминаемое происходило, безпокоился я часъ-отъ-часу больше приближающимся моимъ срокомъ. Многіе совѣтовали мнѣ просить еще объ отсрочкѣ, и болѣе для того, чтобъ я успѣлъ сколько-нибудь потвердить забытые мною языки, а сверхъ того говорили, что и лѣты и возрастъ мой все еще малъ и неспособенъ къ дѣйствительному несенію военной службы. Въ числѣ сихъ подавателей совѣта былъ и самой мой дядя. Для меня не могло ничего пріятнѣе быть сего предложенія: я къ деревенской жизни такъ уже привыкъ и домъ мой здѣлался мнѣ такъ милъ и пріятенъ,

что я желалъ бы въ немъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, или, лутче сказать, никогда не выѣжжать изъ онаго. Итакъ, съ радостью согласился я на оное предложеніе и, по общему согласію, отправленъ былъ тотчасъ дядька мой, Артамонъ, въ Москву, просить о томъ въ пребывающей во всякое время тутъ военной конторѣ.

Прежде-упоминаемая и живущая въ Калитинѣ родственница моя, госпожа Пущина, имѣя знатную родню, обѣщала мнѣ вспомоществовать въ томъ своею прозьбою и писать къ нѣкоторымъ ей знакомымъ генераламъ. Она и дѣйствительно послала съ человѣкомъ къ нѣсколькимъ изъ нихъ просительныя письмы, и по сему обстоятельству мы почти не сомнѣвались въ полученіи желаемаго.

Я дожидался извѣстіевъ изъ Москвы съ крайнею нетерпѣливостью, однако, дядька мой чрезъ нѣсколько недѣль прислалъ ко мнѣ печальное увѣдомленіе, что всѣ труды и старанія его были безплодны, и что и самыя прозьбы генераловъ, родственниковъ помянутой старушки, не могли произвесть никакова дѣйствія, а военная контора наотрѣзъ отказала, объявивъ, что она мнѣ отсрочить никакъ не смѣетъ, а если я хочу, то просилъ бы я о томъ въ Петербургѣ, въ самой Военной Колегіи, отъ которой я отпущенъ былъ.

Сіе неожидаемое извѣстіе привело меня въ великую разстройку мыслей. Понадѣявшись на вышеупомянутыя письмы и прозьбы, не сталъ-было я слишкомъ и поспѣшать моими зборами; но тогда увидѣлъ, что не можно было мнѣ уже никакъ ласкаться надеждою получить отсрочку, и что необходимо надобно было уже къ полку ѣхать.

При такихъ обстоятельствахъ другова не оставалось, какъ начинать собираться уже правскимъ дѣломъ и все нужное къ отъѣзду моему готовить и поспѣшать всѣмъ тѣмъ наипаче, что зима уже наступала; но бѣдные были сіи сборы и весьма недостаточные! Надобно было новое бѣлье, надобно было дорожное и носильное платье, надобенъ былъ и запасъ и харчевое, и, наконецъ, надобны были деньги! Но кому было обо всемъ томъ постараться? Не было у меня ни матери, ни тётки, никакой такой вблизи сродственницы, которая бы мнѣ во всемъ томъ сколько-нибудь помочь или, по крайней мѣрѣ, присовѣтовать могла; а какъ и отъ дяди я всего меньше того ожидать могъ, то и принужденъ былъ уже самъ кое-какъ себя собирать, и все нужное готовить. Въ разсужденіи бѣлья возложилъ я комисію на Алену, жену дядьки моего, какъ женщину, жившавшею при моей родительницѣ и дѣло сіе сколько-нибудь смыслящею; но какъ она давно уже отъ того отстала, то хотя она и употребила все, что могла, однако все сшито и приготовлено было не по-людскому, а прямо по-деревенскому, и все принуждено было послѣ перешивать и переставлять. Для заготовленія дорожнаго и носильнаго платья созвалъ я всѣхъ портныхъ, сколько у меня ни было ихъ между крестьянами, насажалъ ихъ цѣлой столъ и надавалъ имъ самъ разныя работы. Но чего можно было ожидать отъ глупыхъ и неумѣющихъ мужиковъ, да и отъ самого такова распорядителя, каковъ былъ я, всего меньше дѣло сіе смыслящаго? Правда, изъ портныхъ моихъ былъ одинъ старикъ, разумѣющей сколько-нибудь портное художество; но что все его умѣнье, когда моего знанія не доставало, почему и неудивительно, что все сшито было на чортовъ клинъ, все скверно, все дурно и многое слишкомъ уже бѣдно и подло. Когда вспомню, какая шуба сшита мнѣ тогда была на дорогу, то стыдно мнѣ даже и понынѣ, что я не умѣлъ велѣть сшить для себя лутчей и пристойнѣйшей. Что принадлежитъ до запасу, то стараніе о семъ возложилъ я на моего возвратившагося изъ Москвы дядьку—и въ ономъ не было у насъ недостатка. Наконецъ, потребны были деньги, и вопросъ, гдѣ ихъ взять, составлялъ великую важность: доходы съ деревень были тогда чрезвычайно малы, и мнѣ съ нуждою доставало ихъ на мое содержаніе, а о пріумноженіи оныхъ я нимало не старался, но

какъ прежде упоминалъ, оставилъ все на прежнемъ основаніи и порядкѣ; итакъ, что прикащикъ самъ собою могъ пріобрѣсть и доставить, тѣмъ я былъ и доволенъ. Но, по щастью, въ тотъ годъ хлѣбъ родился хорошей, я велѣлъ сколько можно наготовить и намолотить его болѣе и отвезть въ Москву на продажу, и выручилъ на томъ довольное количество денегъ.

Симъ образомъ мало по-малу я собрался. Между тѣмъ нѣкоторые, и въ томъ числѣ наиболѣе мой учитель, совѣтовалъ мнѣ ѣхать не въ полкъ, а въ Петербургъ, и просить неотмѣнно объ отсрочкѣ. По хиромантической своей наукѣ увѣрялъ онъ меня и заклинался тяжкими клятвами, что ѣзда моя не продлится болѣе двухъ мѣсяцовъ, и что я, конечно, получу желаемое. Для лутчаго увѣренія меня въ томъ, нарисовалъ онъ обѣ мои руки и описалъ всѣ линіи, и какихъ благополучій не предсказывалъ онъ мнѣ тогда! Но послѣ того, какъ я самъ сію науку узналъ и помянутые рисунки разсматривалъ, то нашолъ, что онъ и самъ ни объ одной линіи прямо не зналъ, что̀ она значила. Но какъ бы то ни было, однако тогда не смѣлъ я не вѣрить его увѣреніямъ, но паче желая самъ того, что̀ онъ предсказывалъ, былъ такъ глупъ, что повѣрилъ тому безъ всякаго сомнѣнія, а особливо всему, касающемуся до скораго возвращенія въ домъ свой, и всходствіе того и збирался изъ дому не такъ, какъ бы надлежало, отъѣзжая на службу и на неизвѣстное число лѣтъ отъ дома, но такъ, какъ бы только на нѣсколько недѣль отлучаясь.

Наконецъ, собравшись совсѣмъ и дождавшись совершеннаго зимняго пути, препоручилъ я смотрѣніе надъ домомъ и деревнями своему прикащику, а главное попеченіе и надзираніе надъ всѣмъ моему дядѝ, и распрощавшись со всѣми моими родственниками и знакомцами, разстался я съ любезнымъ моимъ Дворяниновымъ и отправился въ путь свой въ исходѣ семьсотъ-пятьдесятъ-четвертаго года.

По пріѣздѣ моемъ въ Москву услышалъ я, что находился въ ней полку нашего офицеръ, присланной для пріема амуниціи. Мнѣ неотмѣнно захотѣлось его видѣть и разспросить обо всѣхъ до полку нашего касающихся обстоятельствахъ. Дядька мой тотчасъ отыскалъ его квартиру и обрадовалъ меня, сказавъ, что то нашъ довольно знакомой человѣкъ, и именно Осипъ Максимовичъ Колобовъ. Сего офицера въ малолѣтствѣ своемъ любилъ я болѣе всѣхъ протчихъ, да и самъ онъ былъ ко мнѣ тогда чрезвычайно ласковъ. Я полетѣлъ къ нему, какъ скоро услышалъ, и онъ не менѣе обрадовался, меня увидѣвъ, и принялъ меня очень ласково и благопріятно. Тутъ увѣдомилъ онъ меня о многихъ нужныхъ обстоятельствахъ, а особливо о мѣстѣ, гдѣ тогда нашъ полкъ находился, о новомъ нашемъ полковникѣ, объ его свойствахъ и характерѣ, объ офицерахъ, которые есть еще старые въ полку, равно какъ и о новыхъ, а наконецъ кончилъ тѣмъ, что пора уже мнѣ въ полкъ ѣхать и что тамъ давно уже меня дожидаются. Я непреминулъ посовѣтоваться съ нимъ о предпринимаемомъ мною намѣреніи ѣхать въ Петербургъ и просить объ отсрочкѣ; но господинъ Колобовъ не приговаривалъ мнѣ туда забиваться, представляя мнѣ, что онъ имѣетъ притчину сомнѣваться въ томъ, чтобъ мнѣ еще отсрочили, а совѣтовалъ лутче ѣхать прямо къ полку, въ Лифляндію.

Совѣтъ сей, сколько ни былъ благоразуменъ и основателенъ, однако мнѣ тогда не полюбился, потому что онъ не согласенъ былъ съ моими желаніями, и потому я его не принялъ, а положилъ слѣдовать прежнему своему намѣренію и ѣхать въ Петербургъ.

Но какъ для нѣкоторыхъ надобностей, а особливо для отдачи камердинера моего, Дмитрія, учиться въ портные, надлежало мнѣ пробыть дни съ три въ Москвѣ, то употребилъ я сіе время на осмотрѣніе соборовъ и другихъ достопамятностей въ семъ столичномъ, старинномъ городѣ, коихъ мнѣ до того видѣть не

случалось, ибо я хотя и бывалъ въ Москвѣ, но все еще будучи рабенкомъ, а тогда былъ уже я поболѣе въ разумѣ и болѣе имѣлъ любопытства. Дядька мой предводительствовалъ мнѣ всюду; онъ водилъ меня по всѣмъ соборамъ, разсказывалъ, что зналъ, заставливалъ прикладываться къ мощамъ и показывалъ все примѣчанія достойное; потомъ ходили мы по всему кремлевскому дворцу, а наконецъ захотѣлось мнѣ взойтить на самой верхъ Ивановской колокольни. Дядька мой и въ томъ удовольствіе мнѣ здѣлалъ, и это было въ первой и въ послѣдней разъ, что я былъ на Иванѣ-Великомъ. Но, о, сколь многова страха набрался я, всходя на оной! По притчинѣ случившагося тогда вѣтра, казалось мнѣ, что вся колокольня сія шатается и готовится упасть вмѣстѣ съ нами; но какъ взошелъ на самой верхъ, то за претерпѣнной страхъ довольно заплаченъ былъ неописаннымъ удовольствіемъ, которое имѣлъ я при возрѣніи съ высоты на все пространство Москвы, въ особливости же не могъ я надивиться тому, сколь малы казались намъ оттуда люди, ходившіе по землѣ и по городу.

Осмотрѣвъ все нужное и исправивъ всѣ наши нужды, отправились мы далѣе въ свой путь. Я поѣхалъ хотя по намѣренію моему въ Петербургъ и совѣта господина Колобова не послушалъ, однако онъ не выходилъ у меня изъ головы и памяти, и потому, отъѣхавъ нѣсколько отъ Москвы, началъ я еще разъ съ дядькой моимъ о томъ говорить и совѣтовать. Сей прежней мой наставникъ и надзиратель хотя самъ не меньше моего имѣлъ охоту и желаніе скорѣе возвратиться въ домъ, однако признавался, что представленія господина Колобова справедливы и основательны, и что онъ самъ о успѣхѣ нашей ѣзды сомнѣвается и худую надежду имѣетъ, а особливо наслышавшись отъ многихъ въ Москвѣ, что отпуски вовсе уничтожены и не велѣно болѣе никого и ни подъ какимъ видомъ отпускать.

Неуспѣлъ я сего услышать, а притомъ отъ нѣкоторыхъ проѣжжающихъ изъ Петербурга получить въ томъ подтвержденіе, какъ началъ колебаться мыслями и самъ въ себѣ думать, что вся хиромантическая наука моего учителя легко можетъ быть и обманчива, и что я весьма глупо сдѣлаю, естли, положась на одну ее, по пустякамъ забьюсь въ Петербургъ и потеряю только время и понесу напрасные убытки, а ничего тамъ не здѣлаю, но принужденъ буду нѣсколько сотъ верстъ излишнихъ ѣхать. Въ помышленіяхъ таковыхъ занимался я во всю дороду отъ Москвы до Твери, и нѣсколько разъ раскаявался уже въ томъ, что не взялъ съ собою всего своего обоза и запаса; но какъ были еще съ нами деревенскіе подвозщики съ кормомъ до Твери, то радовался я, что пособить тому еще нѣкоторымъ образомъ можно; почему, пріѣхавъ въ Тверь, началъ я опять совѣтовать съ моимъ дядькою: — «Что, Артамонъ», говорилъ я ему: «ужъ ѣхать ли намъ въ Петербургъ? Ужъ не ѣхать ли прямо къ полку?»—«Чуть ли не такъ, батюшка!» отвѣтствовалъ онъ мнѣ: «а то забьемся мы въ превеликую даль, а выдетъ дѣло по-пустому». — «Но какъ же мы», сказалъ я ему: «обоза-то и запаса съ собой не взяли?» — «Это ничто, сударь», отвѣчалъ онъ: «этому пособить еще можно. Ѣхать намъ въ полкъ чрезъ Псковъ; извольте заѣхать къ сестрицѣ, а между тѣмъ извольте съ мужиками отписать домой, чтобъ запасъ и коляску везли за нами вслѣдъ къ сестрицѣ, гдѣ мы ихъ и дождемся». — «И быть такъ!» сказалъ я, и тотчасъ по совѣту его все и здѣлалъ. Я отписалъ къ дядѣ о перемѣнѣ своего намѣренія и просилъ о скорѣйшемъ отправленіи вслѣдъ за мною моего обоза.

Такимъ образомъ, перемѣнивъ намѣреніе свое, продолжали мы далѣе свой путь чрезъ Торжокъ, Вышней-Волочокъ и далѣе петербургскою дорогою; и, не доѣжжая за нѣсколько верстъ до Новагорода, поворотили влѣво чрезъ озеро Ильмень, дабы намъ, не захватывая Новагорода, выѣхать прямо на псковскую дорогу и

чрезъ то нѣсколько десятковъ верстъ выкинуть. Въ сей разъ случилось мнѣ впервые съ примѣчаніемъ чрезъ сіе славное наше озеро ѣхать; переѣздъ чрезъ него въ семъ мѣстѣ былъ верстъ на сорокъ, и я, ѣдучи чрезъ него, трепеталъ отъ страха, чтобъ не проломиться; однако ледъ былъ довольно уже толстъ, и опасаться сего было не можно. По пріѣздѣ на средину, не могъ я довольно надивиться той превеликой трещинѣ, которая вдоль всего сего озера простиралась; она была шириною тогда болѣе аршина, и мы принуждены были переѣжать черезъ нее по здѣланному мосточку. Намъ сказывали, что дѣлается она отъ прибыли воды въ озерѣ и бываетъ временемъ шире, другимъ уже, а когда болѣе воды убудетъ, то вовсе сходится. Естли-жъ случится знатная убыль, то въ семъ мѣстѣ обламываются самые края трещины превеликими льдинами и становятся стойма, и тогда дѣлается вдоль всего озера власно какъ ледяная стѣна, и что для проѣзда принуждено бываетъ прорубать сквозь ее вороты.

Переѣхавъ сіе озеро благополучно, продолжали мы далѣе свой путь и чрезъ нѣсколько дней, безъ всякихъ особливыхъ приключеній, доѣхали до Пскова, а потомъ и до деревни моего зятя, которая мнѣ такъ была еще мила, что я, подъѣжая къ оной, не могъ нарадоваться духомъ и насытиться зрѣніемъ на всѣ знакомые мнѣ мѣста и виды.

Къ превеликому моему удовольствію сталъ я не только сестру, но и самого зятя дома. Онъ находился тогда въ отпуску отъ полку на нѣсколько мѣсяцовъ, и мое удовольствіе усугубилось, когда я услышалъ, что и ему въ деревнѣ жить оставалось уже короткое время и также скоро къ полку ѣхать надобно было. Онъ предлагалъ мнѣ, чтобъ я у него до того времяни прожилъ, и чтобъ вмѣстѣ съ нимъ къ полку отправился. Предложеніе таковое не могло иначе быть, какъ весьма для меня пріятно. Говорится въ пословицѣ: «къ эдакому празднику люди пѣшкомъ ходятъ»: а мнѣ для чего-было не согласиться? Мнѣ прожить у него и безъ того нѣсколько времяни было надобно, для ожиданія моего запаса, а сверхъ того, не лучше ли было со всѣхъ сторонъ ѣхать къ полку вмѣстѣ съ зятемъ и подъ его руководительствомъ явиться, нежели одному? Словомъ, я былъ очень радъ сему случаю и съ превеликою охотою далъ на то мое слово.

Радость, которую чувствовала моя сестра при моемъ пріѣздѣ, усугубилась еще, когда услышала она, что я проживу у нихъ до самаго отъѣзда въ полкъ ея мужа. Она не могла и въ сей разъ безъ слезъ меня встрѣтить; но слезы сіи были болѣе слезами удовольствія. Она осыпала меня своими ласками и привѣтствіями, разспрашивала обо всемъ, какъ я жилъ дома, что̀ дѣлалъ, все ли былъ здоровъ, кто живъ изъ нашихъ родственниковъ, и протчее тому подобное. Но не успѣло дней двухъ пройтить и первая радость миноваться, какъ услышалъ я отъ нея нѣчто странное и неожиданное:—«Ахти, братецъ!» сказала она мнѣ однажды, какъ мы съ нею одни были: «какъ много ты въ сіе время перемѣнился, совсѣмъ-таки не таковъ сталъ, какъ былъ прежде!» — «А что, сестрица?» подхватилъ я, ее спрашивая: «лутче, что ли, или хуже?» — «Что, голубчикъ-братецъ», отвѣчала она: «мнѣ льстить тебѣ не годится. Ты прежде былъ несравненно лутче».—«А чѣмъ такимъ?» спросилъ я скоро, смутясь нѣсколько отъ таковыхъ словъ ея.—«Всѣмъ, таки-всѣмъ, братецъ: и поступками, и поведеніемъ, и обхожденіемъ своимъ. Все было въ тебѣ гораздо лутче, какъ ты у насъ жилъ, а нынѣ весьма многое нахожу я въ тебѣ неловкое и не весьма хорошее. Ты власно какъ совсѣмъ одичалъ, живучи въ деревнѣ, и къ тебѣ очень много деревенской грубости пристало. Словомъ, совсѣмъ ты сталъ не тотъ, какъ былъ прежде».

Пилюля сія сколь ни горька для меня была, но я принужденъ былъ ее проглотить и не изъявить притомъ ни малѣйшаго неудовольствія и досады, и съ спокойнымъ видомъ сестрѣ сказалъ:

— «Чему дивиться, сестрица! цѣлыхъ полтора года жилъ я въ деревнѣ въ совершенной глуши, никуда почти не выѣжая, не имѣя ни съ кѣмъ обхожденія, кромѣ дядюшки; а вы знаете сами, каковъ нашъ дядюшка, у него перенять многова нечего».—«То-то и дѣло», сказала на сіе сестра: «вѣдала-бъ я, тебя отсюда, мой другъ, не отпускала, а то жаль мнѣ весьма, что произошла съ тобою такая великая перемѣна. Ты не повѣришь, братецъ, что мнѣ теперь ажно стыдно показать тебя нашимъ сосѣдямъ». — «Невправду-ли, сестрица», спросилъ я ее, приходя часъ-отъ-часу болѣе въ стыдъ и удивленіе; «я такъ много перемѣнился?»—«Ей-ей!» отвѣтствовала она: «тебѣ самому это не примѣтно, а намъ со стороны очень видно. Вотъ и платьецо на тебѣ какое смѣшное, неловкое и непристойное. Кто тебѣ надоумилъ велѣть такое сшить?» — «Кому, матушка, надоумить?» сказалъ я: «вы знаете, что у насъ никого родныхъ нѣтъ, я самъ принужденъ былъ себя сбирать, и какъ успѣлось, такъ и сшилось». — «Ахъ, голубчикъ ты мой!» сказала она, меня поцѣловавъ: «жаль мнѣ тебя; но добро, мы постараемся всему тому сколько-нибудь уже помочь; небось и бѣлье-то твое не лутче? вели-ка ты мнѣ его показать». — «О, сударыня!» отвѣтствовалъ я поцѣловавъ у ней руку: «объ этомъ вы уже и не спрашивайте; я самъ уже примѣтилъ, что оно не совсѣмъ хорошо, и великаябъ ваша милость была, естли-бъ изволили приказать ево пересмотрѣть и переправить, а притомъ, голубушка-сестрица, оговаривайте и самого меня, матушка, и сказывайте мнѣ, что дурнова во мнѣ примѣтите; я готовъ слушаться и постараюсь какъ можно себя поправить».

Сестра весьма довольна была симъ моимъ отзывомъ, и обѣщала охотно сіе дѣлать. Что-жъ касается до моего бѣлья и платья, то какое въ тотъ же еще день началось рѣзанье, поронье и кромсанье! Всѣ ее женщины и дѣвки и всѣ ее портные принуждены были заняться работою и препроводить въ томъ нѣсколько времяни. Многое было совсѣмъ вновь сшито, иное переправлено, а многое совсѣмъ уничтожено или отдано людямъ и, по щастію, было ко всему тому довольно времяни и досуга.

Я прожилъ у нихъ тогда недѣль пять или шесть времяни, ибо столько оставалось жить моему зятю. Сіе время препроводили мы довольно весело; сосѣди ихъ были всѣ въ домахъ своихъ, и съѣзды продолжались у нихъ попрежнему очень частые. Сверхъ того, безъ меня получила сестра моя себѣ еще новую сосѣдку: одна гораздо-пожилая дѣвушка, по имени Василиса Ивановна Ладыженская, пріѣхала жить въ свою деревню, лежащею отъ дома сестры моей только за версту. По притчинѣ толь близкаго сосѣдства, а болѣе по согласію нравовъ, свела она скоро столь тѣсную дружбу съ моею сестрою, что онѣ были почти неразлучны, и госпожа Ладыженская живала по нѣскольку недѣль сряду у сестры моей. Она была и въ самое то время тутъ, какъ я пріѣхалъ, и какъ вѣкъ свой жила она съ своимъ братомъ въ Петербургѣ, то знала совершенно свѣтское обхожденіе; будучи-жъ, притомъ, очень разумная и ласковая особа, пріобрѣла тотчасъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе.

Сей госпожѣ не менѣе я обязанъ былъ за тогдашнее меня исправленіе, какъ и сестрѣ своей. Сія открылась ей въ своей обо мнѣ заботѣ, и она обѣщалась ей въ томъ помочь и съ своей стороны; и какъ она съ самаго начала ко мнѣ приласкалась чрезвычайно, да и я получилъ къ ней почтеніе, то въ весьма короткое время ласковыми оговариваніями своими и совѣтами она такъ меня вышколила, что я совсѣмъ перемѣнился и не походилъ болѣе на прежняго деревенскаго пентюха, каковымъ я пріѣхалъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, привезли изъ деревни и мою провизію и лѣтній екипажъ, а вмѣстѣ съ нимъ и одного еще мальчишку, по имени Абрама, котораго разсудилось мнѣ взять третьяго съ собою на службу, ибо, кро-

мѣ его, было со мною только двое прежнихъ моихъ слугъ, а имянно Артамонъ и Яковъ.

Наконецъ, въ исходѣ зимы отправились мы съ зятемъ моимъ въ нашъ полкъ, которой стоялъ тогда на винтеръ-квартирахъ въ Лифляндіи, за нѣсколько миль отъ Риги и отъ зятя моего не слишкомъ далеко. Сестра провожала насъ нѣсколько десятковъ верстъ, и какъ проводы сіи, такъ и разставанье не могло безъ слезъ обойтиться: она смочила обоихъ насъ своими слезами и, простившись, возвратилась въ домъ свой.

Мы препроводили въ пути своемъ немного времяни, и чрезъ нѣсколько дней прибыли благополучно въ мызу Сесвегенъ, гдѣ стоялъ тогда штабъ полку нашего и полковникъ, и около котораго мѣста расположенъ былъ весь полкъ на винтеръ-квартирахъ. И сіе было въ началѣ мѣсяца марта 1755 года.

И какъ съ самымъ симъ пунктомъ времяни все малолѣтство мое кончилось, и я, вступя въ дѣйствительную государеву службу, принужденъ былъ вести жизнь совсѣмъ иного рода, то самымъ симъ окончу и я исторію моего малолѣтства, предоставляя о протчемъ и дальнѣйшемъ продолженіи моей жизни разсказать вамъ, любезной пріятель, впредь, увѣривъ васъ между тѣмъ, что я былъ, есмь и пребуду навсегда вашимъ и протчая.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ III.

ИСТОРІЯ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ.

Письмо 25.

Любезной пріятель! Въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ описалъ я вамъ мое малолѣтство и разсказалъ все, что со мною во время онаго происходило; а теперь приступлю къ описанію дѣйствительной моей военной службы, ибо хотя я былъ уже и давно въ оной, но до сего времяни лишь только счислялся въ оной, службы же никакой еще не несъ, а настоящую службу началъ только нести съ того пункта времяни, какъ мы съ зятемъ моимъ, господиномъ Неклюдовымъ, къ полку изъ отпусковъ нашихъ пріѣхали. Разскажу вамъ, любезной пріятель, все, что со мною во время службы сей случилось, и хотя была она не слишкомъ долговремянна и во все продолженіе оной не было со мною никакихъ важныхъ и чрезвычайныхъ произшествій, однако ласкаюсь надеждою, что вамъ описаніе оной не скучно будетъ и что вы съ такимъ же любопытствомъ читать оное станете, какъ и исторію моего малолѣтства.

Я остановился на томъ, что мы пріѣ-

ѣхали въ Лифляндію и въ мызу Сесвегенъ, гдѣ тогда стоялъ штабъ нашего полку на винтеръ-квартирахъ. Сей пунктъ времяни составлялъ важную епоху въ моей жизни, съ онаго начиналась для меня жизнь совсѣмъ новаго рода: до сего жилъ я на совершенной волѣ и былъ властелиномъ надъ всѣми своими дѣлами и поступками, а тутъ вдругъ все сіе кончилось, и я принужденъ былъ готовиться жить въ повиновеніи у многихъ. Я пріѣхалъ тогда въ полкъ, равно какъ въ лѣсъ дремучей, ибо хотя въ немъ почти родился и выросъ, однако какъ минувшіе три или четыре года въ ономъ не былъ, то въ сіе время все въ немъ перемѣнилось и было для меня дико. Сверхъ того, и между самыми прежними и тогдашними обстоятельствами была превеликая и безконечная разница: тогда былъ я въ немъ подъ хорошею опекою, и меня не почитали сержантомъ, а сыномъ полковничьимъ, и потому всѣ офицеры да и самые штапы меня любили и ко мнѣ ласкались; отецъ мой былъ моею защитою и покровителемъ, а въ сей разъ былъ ничто иное, какъ простой и молоденькой сержантикъ, слѣдовательно, представлялъ фигуру весьма малую и неважную, и ничѣмъ не лутче былъ сержантовъ прочихъ, которые почти всѣ около сего времяни были такіе же дворяне, какъ и я, ничѣмъ меня не хуже. Всѣ штапы и большая часть офицеровъ были уже не тѣ, которые при мнѣ были; полковникъ былъ у насъ новой, природою швейцаръ и неумѣющей порусски ни единаго слова. Онъ прозывался Планта де-Вильденберхъ, и былъ человѣкъ немолодыхъ лѣтъ, но, по щастію, человѣкъ тихой и самой доброй. Подполковника тогда при полку у насъ не было, а примеръ-маіоромъ былъ нѣкто князь Тугучевъ, человѣкъ тоже смирной и добродѣтельной, а секундъ-маіоромъ — нѣкто изъ природныхъ нѣмцовъ, всѣ мнѣ совсѣмъ незнакомые люди.

Я трепеталъ тогда отъ страха и сердце во мнѣ замирало, какъ надлежало намъ съ зятемъ иттить къ полковнику явиться. Природная моя застѣнчивость и соединявшаяся съ нею деревенская дикость была тому притчиною, а паче всего страшился и мучился я совѣстью, что позабылъ нѣмецкой и французской языкъ, которыми, какъ не сомнѣвался я, что станетъ полковникъ со мною говорить; и потому казался онъ мнѣ тогда пуще, нежели медвѣдемъ и я съ трепетомъ приближался къ его квартерѣ, которая была въ нарочито изрядномъ деревянномъ домѣ, построенномъ подлѣ развалинъ одного стариннаго каменнаго замка.

Зять мой долженъ былъ быть моимъ предводителемъ, и я на него, какъ на каменную стѣну, надѣялся. Онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ тогда единымъ моимъ защитникомъ и покровителемъ и, по особливому щастію моему, былъ онъ не только знакомъ уже полковнику, но считалъ себя у него и въ милости. Онъ не позабылъ привезть съ собою кое-что изъ деревенскихъ вещей въ гостинцы какъ для полковника, такъ и для живущаго при немъ подпорутчика г. Зеллера.

Сія особа была тогда знаменитая въ полку нашемъ и до офицера сего была тогда всякому нужда, ибо надобно знать, что сей человѣкъ былъ тогда всего правленія полкомъ наисильнѣйшею пружиною: онъ служилъ при полковникѣ вмѣсто переводчика, а въ самомъ дѣлѣ соединенъ былъ съ нимъ нѣкоторымъ тѣснѣйшимъ союзомъ. Онъ былъ мужъ или, паче сказать, носилъ только имя мужа полковничьей метресы или любовницы, на которой женилъ онъ его на ней, произведя изъ сержантовъ въ офицеры. Госпожа сія извѣстна и славна была у насъ тогда въ полку подъ именемъ Мартыновны, и могла съ мужемъ своимъ дѣлать въ полку что́ хотѣла, а потому былъ и онъ великой важности, и тѣмъ паче, что былъ онъ весьма бойкая и разумная особа и полковникъ любилъ его за его достоинства и во всемъ на него полагался и ему вѣрилъ.

Зятю моему еще въ прежнею свою при полку бытность пощастливилось пріобрѣсть дружбу отъ сего офицера и благоволеніе къ себѣ отъ его супруги, а чрезъ

нихъ и отъ полковника; достатокъ его помогъ ему въ томъ весьма много, и ежели признаться, то какъ полковникъ, такъ и любимецъ его съ женою любили зятя моего наиболѣе за его богатство и за то, что онъ не упускалъ при всякомъ случаѣ имъ кой-чѣмъ служить и всячески подольщаться. Онъ и въ послѣднемъ своемъ отпускѣ былъ и всю зиму дома прожилъ не инако, какъ по милости Мартыновны, ибо она убѣдила полковника, безъ вѣдома главной команды и самому собою, отпустить его на нѣсколько мѣсяцовъ въ деревню.

Все сіе было притчиною, что полковникъ моего зятя, а по немъ и меня принялъ весьма ласково и пріятно. Онъ, услышавъ, что я сынъ его предмѣстника, и видя меня еще очень молода по природному своему добросердечію получилъ ко мнѣ нѣкоторой родъ сожалѣнія, и я могу сказать, что онъ во всякое время былъ ко мнѣ благосклоненъ. Какъ сказали ему, что я отпущонъ былъ для обученія наукъ и языковъ, то не приминулъ онъ тотчасъ со мною говорить по-нѣмецки. Я не живъ тогда, ни мертвъ былъ, однако отвѣтствовалъ на его вопросы сколько тогда былъ въ силахъ. Что я много позабылъ, того нельзя было ему непримѣтить, однако онъ не оказалъ нимало неудовольствія, но паче изъявлялъ сожалѣніе свое, опасаясь, чтобъ не велѣно было меня отъ главной команды екзаменовать порядочнымъ образомъ. При вопросѣ, чему я еще выучился, представилъ я ему свои геометрическія и фортификаціонныя книги. Онъ хотя не разумѣлъ ничего по-русски, однако разсматривалъ оныя съ прилежаніемъ, и, сколько можно было примѣтить, былъ очень доволенъ чистотою черченныхъ фигуръ и моихъ рисунковъ, и хвалилъ меня за мою прилежность. Тогда отлегнуло у меня нѣсколько на сердцѣ и я пересталъ то блѣднѣть, то краснѣть, какъ прежде.

Полковникъ оставилъ насъ у себя обѣдать, и зять мой просилъ его о содержаніи меня въ своей милости. Онъ не только сіе обѣщалъ, но учинилъ того же часа первой опытъ своей ко мнѣ благосклонности, дозволивъ мнѣ жить при моемъ зятѣ, а не являться для несенія должности въ роту, что̀ учинить потому было и пособно, что зять мой былъ тогда полковымъ квартермистромъ.

Такимъ образомъ, велѣно было меня счислять при квартермискихъ дѣлахъ, и я отправился съ зятемъ моимъ на отведенную ему квартиру. Обстоятельствомъ симъ и милостіею, оказанною мнѣ въ семъ случаѣ полковникомъ, былъ я крайне доволенъ, ибо чрезъ то избѣжалъ я опять несенія сержантской своей и многотрудной должности, не былъ принужденъ ѣхать въ роту стоять въ какомъ-нибудь латышскомъ рею, жить съ солдатами вмѣстѣ и угождать во всемъ своенравію своего капитана; но, живучи при зятѣ моемъ въ совершенной праздности, имѣлъ время исподоволь привыкать къ полковой жизни и со всѣми ознакомливаться.

Квартера отведена была зятю моему на одномъ такъ-называемомъ лифляндскомъ подмызкѣ, или небольшомъ дворянскомъ праздномъ домикѣ, отлежащемъ отъ штапа верстъ за пятнадцать. Лифляндскіе дворяне, для освобожденія домовъ своихъ отъ постоя, имѣютъ обыкновеніе строить въ отсудственныхъ своихъ деревняхъ такіе маленькіе домики для постоя офицерамъ и снабжать ихъ всѣмъ нужнымъ. Намъ достался тогда преизрядной домикъ, имѣющей покойца четыре, и довольно хорошо прибранныхъ, такъ что мы могли безъ всякой нужды помѣститься и квартирою своею были весьма довольны. Какъ сей подмызокъ назывался, того за долгопрошедшимъ времянемъ не могу я никакъ вспомнить, а то только памятно мнѣ, что лежалъ онъ на горѣ и на весьма прекрасномъ положеніи мѣста.

Прибывъ туда и расположившись, зять мой за первой долгъ себѣ почелъ побывать и у всѣхъ протчихъ нашихъ штапъ-офицеровъ. Сіе учинилъ онъ не упуская времяни, и бралъ меня всюду съ собою. Поелику былъ онъ, по притчинѣ хорошаго своего характера, ими всѣми любимъ, то

приняты мы были и отъ нихъ весьма пріятно и благосклонно.

Такимъ образомъ, началъ я жить въ полку, не имѣя притчины ни на что жаловаться. Два только обстоятельства тревожили покой мой и приводили меня въ смущеніе: первое было то, что въ полку щитали меня уже давно и почти съ цѣлой годъ въ просрочкѣ, а во-вторыхъ, опасались мы, чтобъ не велѣно было отъ командующаго генералитета, къ которому тотчасъ о прибытіи моемъ рапортовано, меня въ наукахъ моихъ екзаменовать, и чтобъ не потребовали меня для сего въ Ригу, гдѣ тогда командующей нами генералитетъ находился.

Что касается до перваго обстоятельства, то, почитая себя совсѣмъ невиннымъ, не имѣлъ я притчины опасаться никакихъ худыхъ слѣдствій. Произошло сіе отъ слѣдующаго, совсѣмъ мною непредвидѣннаго обстоятельства. Въ исторіи моего малолѣтства упоминалъ уже я, что отпущенъ я отъ военной колегіи былъ не на срочное время, а глухо до шестнатцати-лѣтняго возраста, почему и жилъ я въ домѣ своемъ, не опасаясь ничего, покуда мнѣ шестнатцать лѣтъ и дѣйствительно исполнилось. Но того нимало я не зналъ, что въ полку считали меня цѣлымъ годомъ старѣе, ибо по малолѣтству своему я того и не вѣдалъ, что покойной родитель мой, записывая меня въ военную службу, для малаго моего тогдашняго возраста, принужденъ былъ прибавить одинъ годъ къ настоящимъ моимъ лѣтамъ, а я, не вѣдая того, при прозьбѣ своей въ военную коллегію показалъ дѣйствительныя свои лѣта, и потому такъ и отпущонъ былъ; а какъ сія, давая въ полкъ о семъ знать, упомянула только глухо, что я отпущенъ до шестнатцатилѣтняго возраста, то отъ самаго сего и произошло, что въ полку щитали меня тогда уже семнатцатилѣтнимъ, слѣдовательно, цѣлой годъ въ просрочкѣ, а какъ утаить сего было не можно, то, къ нещастію, о неявленіи моемъ къ полку тогда же къ командѣ было и репортовано. Все сіе не такъ бы насъ еще тревожило и смущало, естлибъ не присоединилось къ тому другова и весьма досаднаго обстоятельства, а имянно: за нѣсколько времяни предъ пріѣздомъ моимъ въ полкъ велѣно было прислать въ главную команду въ Петербургъ обыкновенные къ произвожденію о всѣхъ чинахъ списки. Поелику при Дворѣ помышляли тогда о пріумноженіи арміи изъ опасенія, чтобъ не дошло скоро дѣло до войны, и главнымъ нашимъ командиромъ, графомъ Шуваловымъ, сочиняемы были новыя диспозиціи и распоряженія въ арміи, то хотѣлъ онъ здѣлать въ полкахъ дивизіи своей генеральное и большое произвожденіе, и для самаго того требовалъ помянутые списки.—Я былъ тогда по старшинству первой сержантъ по полку нашему, а не молодъ и по всей дивизіи, и потому никто не сомнѣвался, чтобъ при первомъ и тогда уже съ часа на часъ дожидаемомъ произвожденіи недосталось мнѣ въ офицеры, естлибъ не соединялось къ тому того сумнительнаго обстоятельства, что я въ помянутыхъ спискахъ по-необходимости показанъ въ отсудствіи и въ просрочкѣ, изъ чего нѣкоторые опасались худыхъ для меня слѣдствій. Обстоятельство сіе меня весьма тревожило и смущало: я опасался, чтобъ не нажить мнѣ отъ того какой-нибудь бѣды; но какъ сему пособить было уже не можно, то полагался я на власть божескую и ожидалъ щастія и нещастія своего отъ времяни.

Что касается до второго обстоятельства, то-есть до столь страшнаго для меня екзамена, то оное почти съ ума меня сводило. Я трепеталъ отъ единаго напоминанія о томъ, и всѣ разговоры о семъ предметѣ пронзали сердце мое, какъ стрѣлою; недѣли двѣ или болѣе я съ каждымъ часомъ того и смотрѣлъ, что пришлютъ за мною и велятъ ѣхать въ Ригу: и тогда какъ и съ чѣмъ мнѣ показаться? Мы не одинъ разъ говорили уже о томъ съ зятемъ, и онъ, видя мое смущеніе, по любви своей ко мнѣ, хотѣлъ уже самъ, выпросившись, ѣхать со мною, и тамъ стараться ужъ чрезъ подарки здѣлать

то, чтобъ екзаменъ былъ не слишкомъ строгой. Но, по щастію, и къ неописанному моему обрадованію избавились мы отъ всѣхъ сихъ хлопотъ и опасеній: командующему генералитету видно не до такихъ мелочей было тогда дѣло, почему въ полученномъ отъ нихъ отвѣтѣ не упоминалось ни однимъ словомъ о екзаменѣ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть сію бурю благополучно прошедшею.

Совсѣмъ тѣмъ непреминулъ я между тѣмъ о тверженіи нѣмецкаго и французскаго языка по возможности моей прилагать стараніе, и не упускалъ ни одного случая говорить съ нѣмцами. По особливому щастію, и имѣлъ я къ тому ежедневно случай, и можно ли думать, что всему нынѣшнему моему и довольно совершенному знанію нѣмецкаго языка первѣйшимъ основателемъ былъ мальчишка лѣтъ шести или семи; однако сіе дѣйствительно такъ было. Случись, какъ нарочно для моего наученія, въ подмызкѣ томъ, гдѣ мы стояли, юнкеръ. Симъ званіемъ называются въ Лифляндіи обыкновенно у дворянъ ихъ прикащики, управляющіе ихъ домами и отсудственными деревнями; въ должность сію выбираютъ они обыкновенно нѣмцовъ, и людей довольно разумныхъ и знающихъ, а притомъ хорошаго поведенія и порядочно живущихъ. Таковъ точно былъ юнкеръ и на нашемъ подмызкѣ; онъ жилъ въ особливыхъ маленькихъ хоромцахъ, на томъ же дворѣ построенныхъ, гдѣ мы жили, и имѣлъ у себя жену и маленькаго вышеупомянутаго сына. Мальчишка сей въ праздное время бѣгивалъ и игрывалъ всякой день по двору, и какъ у всѣхъ нашей братьи, неумѣющихъ довольно или позабывшихъ языки, весьма дорогъ первой приступъ къ говоренью, и мы по большой части оттого долго и невыучиваемся говорить, что не имѣемъ отваги говорить со взрослыми и посторонними, и стыдимся, то самой сей случай былъ и со мною. Для меня превеликая бѣда была тогда начать говорить съ какимъ-нибудь большимъ нѣмцомъ, и мнѣ казалось, что я говорю все не такъ, и потому стыдился; но тутъ пришло мнѣ какъ-то въ голову поговорить по-нѣмецки съ симъ мальчикомъ: мысль, что онъ меня не осудитъ, побудила меня къ тому. Итакъ, познакомился я съ симъ мальчикомъ, которой очень радъ былъ, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, и охотно говаривалъ со мною всякой день. Я примѣчалъ и перенималъ у него всѣ присловія нѣмецкаго языка и нечувствительно сталъ смѣлѣе; а какъ я къ нему всячески ласкался и, для вящаго заохочиванія приходить почаще ко мнѣ, кармливалъ его своими закусками и лакомствами, которыми снабдила меня съ избыткомъ сестра при отъѣздѣ, и онъ все то разсказывалъ своей матери, то сіе побудило ее велѣть ему пригласить меня къ себѣ на чашку кофея. Я охотно на то согласился, а самой сей случай и познакомилъ меня какъ съ юнкеромъ, такъ и его женою. Они, узнавъ, что я говорю по-нѣмецки, просили меня, чтобъ я ходилъ къ нимъ чаще, а я тому и радъ былъ, и съ ними-то имѣлъ я случай говорить ежедневно по-нѣмецки и мало по-малу привыкать къ сему языку.

Кромѣ сего, обязанъ я много первымъ возобновленіемъ сего забытаго языка и полку нашего секундъ-маіору, коего нѣмецкую фамилію къ великой досадѣ моей не могу вспомнить, а помню только то, что начиналась она съ литеры Л***. Маіору сему случилось имѣть квартиру свою неподалеку отъ насъ и ближе всѣхъ протчихъ офицеровъ, а сіе обстоятельство и было притчиною, что онъ ѣжжалъ очень часто въ гости къ моему зятю и просиживалъ у него по цѣлому иногда дню. Обыкновенно пріѣжжалъ вмѣстѣ съ нимъ и еще одинъ офицеръ, по фамиліи Гриневъ; оба они говорили по нѣмецки и по-французски: тотъ потому, что былъ природной нѣмецъ и притомъ ученой человѣкъ, а сей по притчинѣ, что воспитанъ въ кадетскомъ корпусѣ. При таковыхъ частыхъ свиданіяхъ, въ которыя время свое наиболѣе препровождали они въ играніи съ зятемъ моимъ въ ломберъ, здѣлался и я обоимъ имъ знакомъ, и они оба меня полюбили, въ-особливости же

здѣлался ко мнѣ господинъ маіоръ весьма благосклоннымъ. Всѣмъ господамъ иностраннымъ можно то въ похвалу сказать, что они отмѣнную склонность имѣютъ къ тѣмъ изъ нашего народа, которые ихъ языку учатся или иныя какія науки знаютъ. По самой сей притчинѣ любилъ меня и господинъ Л*** и, видя мою охоту къ обученію языковъ, не только при всякомъ случаѣ меня къ тому болѣе поощрять старался, разговаривая со мною то на французскомъ, то на нѣмецкомъ языкѣ, но ссужалъ меня и французскими и нѣмецкими книгами, до которыхъ самъ онъ былъ охотникъ, для чтенія; но сожалѣнія было достойно, что всѣ онѣ по большой части важныя и не слишкомъ сообразовались съ тогдашними моими понятіями и языковъ сихъ знаніемъ. Но какъ бы то ни было, но я, пользуясь обоими сими случаями, началъ мало по-малу опять познавать и твердить ученые, но совсѣмъ почти забытые языки, и какъ словъ довольно мнѣ было извѣстно и недоставало одного упражненія въ разговорахъ, то имѣлъ въ томъ такой успѣхъ, что чрезъ короткое время удивился самъ полковникъ нашъ, услышавъ меня говорящаго по-нѣмецки гораздо лутче прежняго, и былъ тѣмъ весьма доволенъ.

Симъ образомъ препроводили мы достальную часть зимы. По наступленіи дня святыя пасхи, ѣздили мы съ зятемъ въ штапъ для празднованія сего праздника, ибо тамъ находилась наша полковая церковь. Для помѣщенія оной не нашлось другова мѣста, какъ въ одномъ большомъ сараѣ; но гдѣ-бъ она ни была, но праздникъ сей вездѣ былъ хорошъ и радостенъ. Мы обѣдали въ сей день опять у полковника и возвратились домой уже съ крайнею нуждою, ибо въ самое то время разрывался зимней путь и начиналось половодье.

Вскорѣ послѣ сего прислано было повелѣніе, чтобъ полку нашему, по вскрытіи весны, тотчасъ иттить въ Эстляндію и въ наступающее лѣто лагеремъ стоять при Ревелѣ. Богу извѣстно, на что́ предпринимаемы были тогда полкамъ такіе марши и контра-марши, ибо въ самое то время тѣмъ полкамъ, которые были при Ревелѣ, велѣно иттить къ Ригѣ. Можетъ быть нужно сіе было для содержанія полковъ въ безпрерывномъ движеніи и къ пріучиванію ихъ къ походу; но какъ бы то ни было, но какъ скоро весна вскрылась, то весь нашъ полкъ собрался въ штапъ и на лугу подлѣ самой мызы Сесвегенъ расположился лагеремъ.

При семъ случаѣ увидѣлъ я впервые весь нашъ полкъ въ собраніи, и какъ мы тутъ болѣе недѣли, пріуготовляясь въ походъ, простояли, то имѣлъ я случай познакомиться со всѣми господами офицерами, равно какъ и съ своими свертниками сержантами. Удовольствіе мое было превеликое, когда увидѣлъ я столь давно невиданной уже лагерь, а того величайшее, какъ увидѣлъ всѣхъ господъ офицеровъ ко мнѣ благопріятствующихъ. Многіе изъ нихъ были еще старые и служившіе при отцѣ моемъ; сіи, памятуя милости родителя моего и будучи имъ очень довольны, за долгъ себѣ почитали оказывать сыну его всякаго рода ласки и благосклонности. Изъ сихъ въ особливости доволенъ я былъ господами капитанами Афанасьемъ Ивановичемъ Зиловымъ и Иваномъ Никитичомъ Гнѣвушевымъ: оба они были наилутчіе, степеннѣйшіе и разумнѣйшіе изъ всего полку капитаны, и оба друзья покойнаго моего родителя. Не менѣе доволенъ я былъ и прежде упоминаемымъ мною подпорутчикомъ господиномъ Колобовымъ, возвратившимся между тѣмъ изъ Москвы; онъ оказывалъ мнѣ возможнѣйшее благопріятство и хвалилъ меня, что я послушался его совѣту и къ полку поѣхалъ прямо. Прежней мой учитель Миллеръ былъ тогда уже также офицеромъ и оказывалъ ко мнѣ всякое благопріятство. Изъ протчихъ же, которые послѣ меня опредѣлились въ полкъ и были мнѣ незнакомы, нѣкоторые по дружбѣ и знакомству съ зятемъ моимъ, а другіе сами собою также меня полюбили и обходились со мною не такъ, какъ съ унтеръ-офицеромъ, но какъ съ равнымъ себѣ сотоварищемъ. Изъ сихъ особливую склонность и любовь ко мнѣ

получилъ порутчикъ князь Мышецкой, человѣкъ любимый всѣмъ полкомъ за его веселой нравъ.

Что касается до моихъ сверстниковъ и сотоварищей, господъ сержантовъ, то съ сими свелъ я скоро дружбу и знакомство; они, будучи по большой части люди молодые и также дворяне, старались сами со мною сдружиться и познакомиться. Между сими наиболѣе свелъ я дружбу съ г. Головачевымъ, г. Суминымъ и г. Бакѣевымъ, изъ коихъ послѣдней былъ не только мой сосѣдъ по деревнямъ, но и родственникъ, ибо былъ сынъ того дяди моего, Силы Борисьевича Бакѣева, о которомъ упоминалъ я довольно въ исторіи моего малолѣтства. Однимъ словомъ, весь полкъ меня полюбилъ, и не только офицеры и унтеръ-офицеры, но и самые старые солдаты, помня отца моего милости, оказывали ко мнѣ благосклонность и любовь, и я истинно не знаю, за что́ оказывана была мнѣ таковая отъ всѣхъ любовь и благосклонность. Кажется, ни я того искалъ, ни я того домогался, но велъ себя просто, никому не льстилъ, обходился со всѣми дружелюбно, ласково и прямодушно, безъ всякой лести и коварства. Сіе развѣ помогало къ тому нѣсколько, однако наиболѣе приписую то особливой къ себѣ милости небесъ и божескому обо мнѣ попеченію.

Симъ окончу я къ вамъ сіе письмо, а въ послѣдующемъ разскажу о походѣ нашемъ, сказавъ между тѣмъ, что я есмь и протчая.

ПОХОДЪ ВЪ РЕВЕЛЬ.

Письмо 26.

Любезной пріятель! Какъ весь полкъ собрался и все нужное къ походу было приготовлено, то выступили мы наконецъ въ назначенной походъ, и шли чрезъ мѣстечко Валки и мимо Фелина, пробираясь прямо къ Ревелю. И какъ разстояніе отъ зимнихъ нашихъ квартиръ до сего главнаго эстляндскаго города было немало, и намъ надлежало проходить всю почти Лифляндію и половину Эстляндіи, мы же шли не скоро, но съ обыкновенными расстагами или дневаньями, то и препроводили мы на семъ походѣ болѣе мѣсяца.

Во все продолженіе сего перваго похода моей службы не имѣлъ я ни малѣйшаго почти труда и безпокойства. Я продолжалъ числиться при квартермискихъ дѣлахъ и ѣхалъ съ зятемъ своимъ всегда напереди, для заниманія подъ полкъ обыкновеннаго походнаго лагеря. У меня была собственная моя коляска, трое людей, а сверхъ того верховая лошадь, почему и не имѣлъ я ни въ чомъ и никакой нужды и не несъ никакой должности, а ѣхалъ себѣ въ прохвалъ въ своей колескѣ, между тѣмъ какъ протчіе трудились и несли службу.

Во весь почти сей походъ до самаго Фелина не помню я ничего, что-бъ со мною особливаго случилось, кромѣ одной бездѣлицы, о которой и упоминать почти не стоитъ. Было то въ мѣстечкѣ Валкахъ. По извѣстной вамъ уже охотѣ моей ко всякимъ лакомствамъ, будучи въ семъ изрядномъ городкѣ, накупилъ я себѣ всякой всячины на дорóгу, и между протчимъ цѣлой фунтъ леденцу-сахару. Сей спряталъ я въ запасъ подалѣе въ свою шкатулку, которая была еще покойнаго моего родителя, и наполнилъ имъ цѣлой ящичекъ; но что-жъ случилось?.. Покуда были у меня еще ягоды и другія лакомствы, до тѣхъ поръ оставлялъ я сахаръ мой въ покоѣ, но какъ тѣ всѣ уже изошли, то пошелъ я въ шкатулку доставать оной, въ намѣреніи отдѣлить отъ него нѣкоторую часть для жустаренья дорогою. Вынимаю одинъ, вынимаю другой ящикъ, а потомъ и исподней, въ которомъ былъ онъ у меня спрятанъ; но какое удивленіе меня поразило, когда, раскрывъ его, милаго моего сахару, на которой у меня было столько надежды, не увидѣлъ я ни малѣйшаго кусочка, а на днѣ только ящика нѣсколько кофейной и липкой жидкости; словомъ,

сахаръ мой благополучно весь растаялъ и я не понималъ, отъ чего и какъ это здѣлалось: думать надобно, что произошло сіе отъ сырой и мокрой погоды, бывшей предъ тѣмъ за короткое время и продолжавшейся нѣсколько дней сряду. Но какъ бы то ни было, но сахарца моего какъ не бывало и лакомиться мнѣ болѣе было нечѣмъ. Какое было на меня тогда горе: сколько туженья и гореванья; но я далеко еще не зналъ всего своего несчастія! Погляжу: растаевшій мой сахаръ вытекъ почти весь вонъ и разлился по всему дну моей шкатулки, и перемаралъ собою много нужныхъ бумагъ и другихъ вещей: ни до которой дотронуться было не можно, всѣ перегваздались сахарною липкостію и многія принуждено было совсѣмъ бросить. Я вздурился, все сіе увидѣвъ, и проклиналъ и сахаръ и охоту мою покупать и прятать оной, но всѣмъ тѣмъ пособить было уже нечѣмъ.

Еще помню я, что во время сего путешествія имѣлъ я однажды неописанное удовольствіе при ловленіи рыбы кокулями въ рѣкѣ Аа, которую намъ переѣжать надлежало. Мнѣ сей родъ ловленія рыбы до того вовсе былъ неизвѣстенъ, и какъ я не зналъ, что кокули были кѣмъ-то въ рѣку кинуты, то удивленіе мое было чрезвычайное, когда увидѣлъ я превеликихъ рыбъ, всплывающихъ на самую поверхность воды, дѣлающихъ по оной круги и капріоли и, наконецъ, какъ стрѣла къ берегу стремящихся и тамъ здѣлавшихся столь смирными и кроткими, что ихъ съ берега руками доставать и ловить было можно. Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново и поразительно, и я не могъ понимать, отчего это такъ происходило, покуда мнѣ не разсказали всего дѣла.

Наконецъ настало время, что и мнѣ службу государеву служить и что-нибудь исправлять надлежало. Случилось сіе при одномъ особливомъ случаѣ, и мой первой шагъ въ оную былъ странностію своею довольно достопамятенъ, и служилъ мнѣ власно, какъ нѣкакимъ предвозвѣстіемъ, что служба сія будетъ для меня не слишкомъ удачна и мнѣ выгодна и что не получу я отъ ней дальней пользы; но я приступлю къ разсказанію самаго дѣла.

Недоходя до Ревеля верстъ за полтораста, отправленъ былъ зять мой отъ полку напередъ въ Ревель, для истребованія отъ генералитета мѣста для настоящаго нашего лѣтняго лагеря, и по принятіи онаго для здѣланія въ ономъ нужныхъ пріуготовленій. Я поѣхалъ съ нимъ туда же, но не успѣли мы верстъ съ восемьдесятъ отъ полку впередъ отъѣхать, какъ отъ встрѣтившихся съ нами и изъ Ревеля ѣдущихъ офицеровъ получили мы достовѣрное извѣстіе, что полку нашему назначено въ то лѣто лагеремъ стоять не въ Ревелѣ, а при Рогервикѣ. Зять мой, услышавъ сіе, не зналъ, что̀ дѣлать и куда съ командою своею слѣдовать; а какъ изъ самаго того мѣста, гдѣ мы тогда находились, надлежало въ Рогервикъ сворачивать, то пришелъ онъ отъ того въ пущее недоумѣніе. Въ Ревель иттить для того онъ опасался, чтобъ какъ самого себя, такъ и весь полкъ не забить по пустому такъ далеко въ сторону, ибо въ семъ случаѣ надлежало около двухсотъ верстъ здѣлать крюку; а въ Рогервикъ безъ повелѣнія слѣдовать также не осмѣливался, да и въ самомъ дѣлѣ было не можно. По короткомъ размышленіи, а особливо не зная, не получилъ ли между тѣмъ и самой полкъ предварительнаго о томъ повелѣнія, разсудилъ онъ отправить назадъ къ полку нарочнаго человѣка куріеромъ и испросить повелѣнія, а самому между тѣмъ, остановясь на томъ мѣстѣ, дождаться возвращенія онаго. Въ сію посылку некого ему было послать, кромѣ меня, и такъ не приказывалъ, а просилъ онъ меня принять на себя сію комисію и постараться исправить оную колико можно скорѣе, на что̀ я и принужденъ былъ согласиться.

Такимъ образомъ, сѣвши на лошадку, поѣхалъ я обратно къ полку. И сія была первая служба въ моей жизни, которая въ самомъ дѣлѣ была хотя очень не важна, однако въ разсужденіи тогдашнихъ моихъ молодыхъ и почти дѣтскихъ еще лѣтъ и совершенной моей еще необыкно-

венности къ отправленію таковыхъ должностей, также и въ разсужденіи того обстоятельства, что мнѣ въ сей путь надлежало отправиться одному, и верстъ съ восемьдесять ѣхать верхомъ и притомъ денно и ночно съ великимъ поспѣшеніемъ, была довольно знаменита, почему и не удивительно, что случилось тогда со мною одно смѣшное приключеніе, приличное ребяческимъ еще моимъ лѣтамъ, произведшее весьма досадныя для меня слѣдствія. Оно было слѣдующее.

Отправившись въ свой путь уже послѣ обѣда, ѣхалъ я весь остатокъ того дня благополучно. Погода была тогда самая пріятная, вешняя, дорога большая и знакомая, и мѣстоположенія прекрасныя и веселыя, лѣсъ тогда только-что одѣлся и повсюду была пріятная зелень; словомъ, я и не видалъ, какъ цѣлой день, распѣвая разныя пѣсенки, проѣхалъ. Наконецъ начало время уже и къ ночи приближаться. Я находился тогда посредъ большого лѣса, но котораго величина неизвѣстна мнѣ была, потому что я, ѣдучи прежде чрезъ оной, спалъ въ своей коляскѣ. Сія неизвѣстность побуждала меня спѣшить оной проѣхать скорѣй и прежде еще наступленія ночи. Я началъ свою лошадь потуривать и то и дѣло погонять, смотря между тѣмъ всякую минуту впередъ, не скоро ли лѣсъ окончится и не увижу ли поля. Однако лѣсъ мой не оканчивался, а становился часъ отъ часу гуще и глуше. Покуда я ничего не думалъ, до тѣхъ поръ ѣхалъ я все изрядно, но какъ солнце стало уже къ захожденію приближаться и становиться на дворѣ отчасу темнѣе, а конца лѣса не было и въ завѣтѣ, но онъ еще глуше и уединеннѣе становился, то мало по-малу началъ находить на меня страхъ и ужасъ. Я старался всѣми образами выгонять изъ головы моей мысли, наводящія на меня ужасъ: но чѣмъ болѣе я ихъ выгонять старался, тѣмъ усильнѣе лѣзли онѣ мнѣ въ голову. Къ вящему нещастію, пришло мнѣ тогда на память, что зять мой въ разговорахъ упоминалъ какъ-то о семъ лѣсѣ, а именно, что онъ чрезвычайно великъ и простирается въ длину болѣе нежели верстъ на тридцать. Не успѣлъ я сего вспомнить, какъ замерло во мнѣ сердце и напала на меня вдругъ чрезвычайная робость; при помышленіи, что мнѣ симъ страшнымъ и глухимъ лѣсомъ не менѣе какъ верстъ съ двадцать еще ѣхать надлежало, трепетъ проницалъ всѣ мои кости, а голова наполнялась всѣми страшными мыслями, какія только быть могутъ. Въ лѣсу семъ, по удаленности его отъ всѣхъ селеній, господствовала тогда глушь и совершеннѣйшее безмолвіе; единыя только птички кой-гдѣ перепорхивали, но и тѣ, съ окончаніемъ дня удаляясь на покой, утихали. Я находился тогда въ отдаленіи отъ всѣхъ смертныхъ и одинъ посреди сей страшной и уединенной пустыни, обитаемой едиными только птицами и дикими звѣрями, и мысль сія заставляла хладѣть всю кровь мою и трепетать сердце.

При таковыхъ обстоятельствахъ началъ я отчасу болѣе колотить шпорами бока моей лошади и стегать ее то и дѣло плетью. Но не успѣлъ я еще нѣсколько верстъ отъѣхать, какъ день окончился уже совершенно и наступила ночь; тогда не было уже время болѣе медлить или жалѣть своей лошади. Страхъ мой увеличивался ежеминутно и мнѣ начали воображаться тысячи опасностей. Я поскакалъ во всю пору, и вспомнивъ, что въ такихъ случаяхъ не велятъ назадъ оглядываться, смотрѣлъ только впередъ и творилъ молитву. Но самое сіе запрещеніе и правило, чтобъ не оглядываться никакъ назадъ, ввергнуло меня еще въ пущей страхъ и боязнь: не смѣя никакъ голову и въ сторону обратить, казалось мнѣ, что позади меня и Богъ знаетъ что дѣлалось. Самое тихое шумѣніе древесныхъ вѣтвей и малѣйшей трескъ, произведенной какою-нибудь птицею или звѣремъ, представлялся мнѣ невѣдомо какимъ страшнымъ звукомъ, поражающимъ сердце мое неописаннымъ ужасомъ. Наконецъ, послышанной мною и нарочито внятной и нѣсколько странной шумъ, произведенной можетъ быть летаніемъ совы

или иной какой ночной птицы, привелъ мысли мои въ совершенную уже разстройку: мнѣ вообразилось, что нѣчто за мною гонится. Мысль о лѣшихъ, о которыхъ слыхалъ я во время моего младенчества, вселилась мнѣ тотчасъ въ голову; я почелъ, что это никто иной, какъ лѣшей, и лишившись всего разсудка, поднялъ ужасной вопль и пріударился еще пуще скакать; и о, коль чудны дѣйствія страха! Мнѣ въ безпамятствѣ казалось тогда, что я слышу дѣйствительно топотъ и шумъ гонящагося за мною чудовища, и вижу хватающагося его за задъ моей лошади, хотя въ самомъ дѣлѣ ничего того не бывало, но, вмѣсто рукъ хватающагося лѣшія, била по бедрамъ моей лошади на половину отвязавшаяся и на портупеи висѣвшая моя шпага, чего въ торопяхъ и не смѣя назадъ оглянуться не могъ я никакъ разобрать и догадаться.

Сіе усугубило мой страхъ и безпамятство. Я, лишившись всего здраваго разсудка, вопѣлъ что ни есть мочи, призывалъ всѣхъ святыхъ на помощь, махалъ кругомъ себя плетью, единою слабою своею защитою, и скакалъ сколько было горы на моемъ иноходцѣ, и могу заподлинно сказать, что подобнаго сему страху я во всю жизнь мою не видалъ. Я не помнилъ самъ себя и не знаю, что бы сдѣлалось со мною наконецъ, естлибъ продлилось сіе долѣе: я либо, обезпамятѣвъ и обезсилѣвъ, совсѣмъ свалился-бъ съ лошади, либо лошадь подо мною упала бы и издохла, естлибъ нечаянной случай вдругъ не прекратилъ всего моего страха и ужаса, и не вывелъ меня изъ сего смутнаго состоянія.

Одна корчма, или по нашему постоялой дворъ, которую я, ѣдучи туда, и не видалъ, проѣхавъ мимо ее спящей, представилась вдругъ мнѣ посрѣди лѣса стоящею и въ самое такое время, когда я въ наивеличайшемъ страхѣ и отчаяніи находился. Никакая радость не могла тогда сравниться съ моею: я почиталъ сію корчму мѣстомъ моего спасенія, и, вскакавъ прямо въ стадолъ, не имѣлъ силы сойтить съ лошади: руки мои окрѣпли отъ крѣпкаго держанія лошади за холку во время скаканія, а ноги не могли двигаться отъ безпрерывнаго біенія ими по брюху лошади. Чухна-корчмарь, случившейся тогда въ стадолѣ или сараѣ, удивился и не зналъ, что думать, увидѣвъ человѣка безъ памяти и поблѣднѣвшаго какъ мертвецъ, къ нему прискакавшаго. Онъ спрашивалъ меня по-чухонски о причинѣ моего страха, но я не только не разумѣлъ его словъ, но едва въ состояніи былъ сказать ему по-нѣмецки, чтобъ снялъ онъ меня съ лошади и отвелъ въ корчму, а лошадь бы мою разсѣдлалъ и далъ ей корму. По счастію моему, чухна сей разумѣлъ по-нѣмецки и исполнилъ по моей прозьбѣ.

Собравшись съ духомъ и опамятовавшись, согласился я на предложеніе корчмаря, чтобъ съѣсть кусокъ масла съ хлѣбомъ, которой онъ мнѣ изъ сожалѣнія къ моей молодости предлагалъ. Онъ спрашивалъ меня, не велю ли я подать себѣ молока, и не дожидаясь отвѣта, принесъ мнѣ цѣлое судно онаго, а вмѣстѣ съ симъ и крушку пива, и увѣрялъ меня, что пиво очень хорошо. Я благодарилъ сего добросердечнаго человѣка, и сказывалъ, что я пива не пью и что ласкою его доволенъ. Онъ и подлинно тѣмъ жалкимъ состояніемъ, въ которомъ онъ меня видѣлъ, такъ былъ тронутъ, что суетился и прислуживалъ мнѣ какъ бы мой слуга, и уговаривалъ, чтобъ я ничего не опасался и легъ бы отдыхать, сказывая притомъ, что онъ уже лошадь мою напоитъ и снабдитъ кормомъ, и сожалѣлъ, что я измучилъ ее чрезвычайнымъ образомъ.

Я и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ тогда нужду въ покоѣ. Зять мой хотя и подтверждалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ и ночью, да я и самъ зналъ, что мнѣ снѣшить надлежало, однако не отваживался я пуститься опять въ лѣсъ и одинъ ночью; сверхъ того и лошадь моя болѣе служить была не въ состояніи, но требовала хорошаго отдохновенія. Такимъ образомъ, растянулся я на длинномъ корчмарскомъ столѣ и, положивъ въ головы сѣдло, проспалъ всю ночь какъ убитой. Сіе случилось

впервые еще отъ роду, что я имѣлъ столь худую или, лучше сказать, никакой постели.

Наутріе проснувшись, стыдился я своей слабости и спѣшилъ иттить самъ сѣдлать свою лошадь, но добросердечной и услужливой корчмарь избавилъ меня отъ сей работы, осѣдлавъ оную еще прежде моего выхода. Я поблагодарилъ его за всю его ко мнѣ пріязнь и ласку, и отправившись далѣе въ свой путь, пріѣхалъ около половины дня въ станъ нашего полковника, не имѣя на дорогѣ болѣе никакихъ приключеній.

Полковникъ удивился нечаянному моему пріѣзду, и извѣстіе, привезенное ему мною, было ему крайне непріятно. Стояніе въ Рогервикѣ было гораздо хуже, нежели при Ревелѣ, и никоторой полкъ охотно туда не хаживалъ, ибо никому не хотѣлось имѣть дѣло съ одними каторжными, которые тамъ въ тогдашнее время въ великомъ множествѣ содержались. Совсѣмъ тѣмъ долго не зналъ онъ самъ, что̀ приказать моему зятю; но какъ собственнаго повелѣнія о слѣдованіи въ Рогервикъ въ полкъ было еще не прислано, то велѣлъ онъ мнѣ поспѣшать опять и какъ возможно скорѣй обратно къ моему зятю, съ приказаніемъ, чтобъ онъ по прежнему продолжалъ свой путь и ѣхалъ прямо въ Ревель.

Итакъ, отдохнувъ нѣсколько часовъ при полку, пустился я обратно и прибылъ къ зятю моему на другой день, къ вечеру, благополучно.

Симъ образомъ окончилъ я порученную мнѣ первую комисію, которая кромѣ вышеписаннаго приключенія стоила мнѣ очень дорого, и вплела меня въ другія, совсѣмъ неожидаемыя напасти. Иноходца моего я такъ отдѣлалъ, что при обратномъ путешествіи съ трудомъ я его догналъ до станціи моего зятя, а не успѣлъ къ нему пріѣхать, какъ, навъ, она околѣла. Это было первое нещастіе въ моей службѣ, и я очень сожалѣлъ о сей лутчей и любимой своей лошади, а особливо, что тогда остался только съ двумя, и что третью необходимо мнѣ имѣть было надобно.

Къ вящему нещастію моему, гдѣ ни возьмись тогда чухна-мужикъ, продающей тутъ же въ корчмѣ лошадь. Насъ тотчасъ о томъ увѣдомили, и мы, осмотрѣвъ, положили ее купить. Корчмарь помогъ намъ того-жъ часа договориться о цѣнѣ, и ручался въ томъ, что она была некраденая. Лошадь сія была посредственная, мы заплатили за нее 12 рублей и, ни мало не зная, что проклятая скотина сія навлечетъ на насъ колты и хлопоты, отправились немедленно въ путь свой и пріѣхали въ Ревель.

Симъ кончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вашъ вѣрной другъ, остаюсь и протчая.

РЕВЕЛЬ И РОГЕРВИКЪ.

Письмо 27.

Любезной пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ нангорестнѣйшей и смутнѣйшей періодъ времяни изъ всей моей военной службы и нещастіе, претерпѣнное мною при самомъ началѣ оной. Провидѣнію божескому угодно было наслать на меня оное, власно какъ нарочно для того, чтобъ лишить меня надежды на всякую постороннюю помощь, и предоставить одному себѣ имѣть обо мнѣ попеченіе. Сіе вижу я нынѣ довольно явственно; но тогда предусмотрѣть сего былъ я далеко не въ состояніи, и потому почиталъ тогда сіе нещастіе не инако какъ гнѣвомъ раздраженныхъ небесъ и для себя зломъ весьма великимъ, хотя въ самомъ дѣлѣ составляло оно совсѣмъ тому противное. Однако, прежде повѣствованія объ ономъ, разскажу вамъ напередъ достальную исторію о купленной моей лошади.

Окаянная сія скотина, любезной пріятель, въ самомъ дѣлѣ была краденая и совсѣмъ тому чухнѣ непринадлежащая, которой намъ ее продалъ. Мы, не зная того, не вѣдая, положились на поручительство хозяина той корчмы, въ которой зять мой тогда стоялъ; но сей корчмарь былъ, конечно, либо подкупленъ, либо и самъ еще сообщникомъ вору, и потому не

трудно было имъ насъ обмануть; а легко статься можетъ, что она была и некраденая, но все то дѣло, о которомъ я теперь разскажу, основалось на мошенническомъ комплотѣ или заговорѣ между чухнами. Но какъ бы то ни было, но мы принуждены были отвѣтствовать за нее такъ, какъ за краденую, и что того еще хуже, за украденную самими нами. Вы удивляетесь сему, но вы удивитесь еще болѣе, когда услышите все дѣло.

Еще во время самаго продолженія путешествія нашего отъ вышеупомянутой корчмы до Ревеля примѣтили наши люди, что одинъ чухна слѣдуетъ повсюду по стопамъ нашимъ и власно какъ нѣчто за нами примѣчаетъ. Мы удивились, сіе услышавъ, однако не могли понять, что́ бы тому была за притчина, и ни мало не помышляли о томъ, что то былъ прямой хозяинъ нашей купленной лошади. Сей проклятой мужикъ не давалъ тому ни малаго вида, но, не говоря ничего, слѣдовалъ за нами назиркою до самаго Ревеля.

По прибытіи нашемъ къ сему главному эстляндскому городу, остановились мы, не въѣжжая въ оной, въ одной кормчѣ, на большой дорогѣ находившейся, и зять мой готовился ѣхать къ командующему тогда стоящими тутъ полками, генералъ-порутчику барону Матвѣю Григорьевичу Ливену. Но онъ не успѣлъ еще собраться, какъ увидѣли мы нѣкоторыхъ изъ нашихъ людей, бѣгущихъ безъ памяти къ намъ изъ города, съ неожидаемымъ и крайне досаднымъ для насъ извѣстіемъ, что помянутой шедшей за нами чухна, слѣдуя за ними въ то время, какъ повели они въ форштатъ поить лошадей, предъ самою генеральскою квартирою закричалъ «караулъ», и сталъ отнимать купленную нашу лошадь, называя ее своею, и что наши гранодеры, не давая ему оной, здѣлали драку, и за то, по приказанію самого генерала, забраны всѣ и съ лошадьми подъ караулъ.

Встрѣча сія была для насъ очень непріятна. Я оробѣлъ, сіе услышавъ, и боялся, чтобъ мнѣ за то какой бѣды не было. Самому зятю моему наводило сіе сомнѣніе, и для того поспѣшалъ онъ скорѣй иттить къ генералу, но пришедъ туда, нашелъ дѣло еще въ хуждшихъ обстоятельствахъ: мужикъ имѣлъ между тѣмъ время нажаловаться на насъ генералу, и обвинялъ насъ тѣмъ, чего у насъ и на умѣ никогда не бывало, а имянно, что лошадь сію никто иной, какъ мы сами у него украли; а генералъ, будучи природной эстляндецъ и великой всѣмъ чухнамъ защитникъ и покровитель, пылалъ тогда гнѣвомъ и яростію, и въ бѣшенствѣ своемъ клялся, что онъ разжалуетъ меня за то безъ суда вѣчно въ солдаты. Зять мой ужаснулся, услыша о семъ въ канцеляріи генеральской, куда онъ прежде зашелъ, и не зналъ, что дѣлать и какъ защитить меня отъ предстоящаго мнѣ толь великаго и напраснаго бѣдствія. Онъ хотя и разсказывалъ въ канцеляріи порядокъ всего дѣла и о нашей невинности, однако его увѣряли, что генералъ по горячности своей ничего того не приметъ, и что я, конечно, претерплю нещастіе, естли не предпримется какое-нибудь другое средство.

Находясь въ таковыхъ замѣшательствахъ и дурныхъ обстоятельствахъ, не зналъ мой зять, что́ ему тогда предпріять было напользнѣе. Наконецъ, по великодушію своему и по особливой любви ко мнѣ, другова средства не нашелъ, кромѣ того, чтобъ снять всю сію бѣду на себя, и сказать, что помянутая окаянная лошадь ево, а не моя, дабы спасти чрезъ то меня отъ напасти, ибо онъ надѣялся, что съ нимъ не поступитъ генералъ столь сурово, какъ со мною.

Принявъ сіе намѣреніе, пошолъ онъ къ генералу, которой не успѣлъ его увидѣть, какъ оборвался на него, какъ на человѣка, величайшее преступленіе учинившаго, и пылалъ огнемъ и пламенемъ. Зять мой приносилъ ему оправданіе, изъяснялъ свою невинность и въ доказательство оной слался на того корчмаря, у котораго въ корчмѣ лошадь была куплена, и на всю свою команду, прося, чтобъ приказано было изслѣдовать, но генералъ, такъ

какъ было уже предсказываемо, не принималъ никакихъ оправданій; а ревность и усердіе его къ эстляндскому народу простиралась такъ далеко, что онъ въ запальчивости своей выговорилъ при всѣхъ бывшихъ при томъ многихъ чиновникоѣ такія слова, которыя всего меньше пристойны были россійскому генералу. «Я судырь», сказалъ онъ моему зятю, «лутче одному чухнѣ повѣрю, нежели всѣмъ офицерамъ полку вашего, а не только твоей командѣ и корчмарю, котораго ты можетъ быть закупилъ». Услышавъ такія слова, не осталось болѣе ничего говорить моему зятю; онъ замолчалъ и дожидался, какое рѣшеніе учинитъ онъ сему дѣлу.

Сіе рѣшеніе и непреминуло тотчасъ воспослѣдовать, и было самое премудрое и достойное такова разсудительнаго генерала. Не принимая никакихъ оправданій и нехотя слышать о просимомъ изслѣдованіи сего дѣла и о сысканіи продавца, въ которомъ намъ корчмарь ручался, приказалъ онъ зятю моему не только мужику лошадь отдать, но сверхъ того заплатить еще за каждой день по рублю, сколько тотъ мужикъ проходилъ и проискалъ своей лошади. Но и симъ еще неудовольствуясь, и самъ истинно не зная за что, велѣлъ послать въ полкъ ордеръ, что зятя моего безъ очереди послать на цѣлой мѣсяцъ на караулъ, позабывъ, что онъ былъ полковымъ квартермистромъ и что квартермистры на караулъ не ходятъ и ни съ кѣмъ не чередуются.

Вотъ сколь правосуденъ былъ тогдашней нашъ генералъ, и вотъ какое окончаніе получило сіе дѣло, угрожавшее мнѣ толь великою напастью! Я могу сказать, что я много обязанъ былъ въ семъ случаѣ моему зятю, ибо безъ него конечно бы мнѣ быть въ солдатахъ. Одолженіе, оказанное имъ мнѣ въ семъ смутномъ и опасномъ для меня дѣлѣ, мнѣ такъ чувствительно, что я и понынѣ благословляю прахъ сего родственника моего, любившаго меня во всю жизнь свою нелицемѣрною и прямо родственною любовью.

Такимъ образомъ, ѣзда отъ корчмы до Ревеля на помянутой лошадкѣ стала мнѣ очень дорого, ибо я принужденъ былъ не только отдать лошадь, но прибавить еще восемь рублей къ ней въ приданое, ибо столько дней по объявленію того бездѣльника было его прогулу, которыя деньги, лехко статься можетъ, раздѣлилъ онъ вмѣстѣ съ корчмаремъ и чухною, продавшимъ намъ лошадь; ибо всѣ обстоятельствы сего дѣла заставливаютъ подозрѣвать, не было-ль у нихъ у всѣхъ умышленнаго въ томъ заговора, и не хотѣли-ль они со вредомъ нашимъ воспользоваться слабостію и извѣстнымъ имъ къ себѣ усердіемъ и любовію генерала Ливена. Что-жъ касается до учиненнаго симъ приказанія въ разсужденіи наказанія моего зятя, которое по истинѣ было странное и смѣшное, то оно поднято было всѣми нашими полковыми начальниками и офицерами на смѣхъ и никто не помышлялъ о исполненіи онаго, но всякой только ругалъ его за обиду, учиненную имъ всему полку вышеупомянутымъ премудрымъ отзывомъ, что онъ лутче повѣритъ одному чухнѣ, нежели всего полку офицерамъ.

Вотъ первая напасть, претерпѣнная мною во время моей военной службы. Но она далеко еще не составляла того нещастія, о которомъ упоминалъ я при началѣ письма сего, и которое теперь въпослѣдствіи повѣствованія моего разсказывать стану.

Между тѣмъ какъ вышеупомянутыя произшествія съ зятемъ моимъ происходили въ городѣ, находился я въ корчмѣ, гдѣ мы остановились, и дожидался возвращенія его съ великою нетерпѣливостью, объятъ будучи страхомъ и трепетомъ, ибо слухъ о угрозахъ генеральскихъ написать меня въ солдаты достигъ уже и до нашей корчмы, и привелъ меня въ неописанное изумленіе и трусость. Наконецъ, увидѣлъ я и ѣдущаго изъ города моего зятя: сердце во мнѣ затрепетало, какъ я его издалека еще увидѣлъ. Онъ вошелъ ко мнѣ въ корчму съ весьма смущеннымъ и печальнымъ видомъ, и чрезъ то привелъ меня въ такое замѣ-

шательство, что я не смѣлъ начать рѣчь и его о томъ дѣлѣ спрашивать.

Совсѣмъ тѣмъ, печаль и смущеніе зятя моего происходило совсѣмъ отъ другой и мнѣ неизвѣстной еще притчины: онъ привезъ изъ города другое и для меня печальнѣйшее извѣстіе. Будучи въ канцеляріи генеральской, услышалъ онъ, что произвожденіе офицерское по нашей дивизіи изъ Петербурга было уже прислано. Нетерпѣливость заставила его любопытствовать и узнать о пожалованныхъ полку нашего офицерахъ; а болѣе всего хотѣлось ему узнать мою судьбину, и пожалованъ ли я вмѣстѣ съ протчими. Онъ выпросилъ списокъ произвожденія на минуту и искалъ моего имяни, но съ какимъ сожалѣніемъ и досадою увидѣлъ онъ слѣдующія слова, написанныя противъ моего имяни въ спискѣ: «за просрочку и неявленіе и понынѣ къ полку — обойденъ». Слова сіи поразили моего зятя, но сожалѣніе его еще усугубилось, когда онъ узналъ, что мнѣ слѣдовало пожалованному быть чрезъ чинъ прямо въ подпорутчики, и что многіе сержанты нашего полку и гораздо меня младшіе получили сіи ранги.

Печалясь искренно о семъ для меня великомъ нещастіи, не могъ зять мой долго выговорить ни единаго слова и сообщить мнѣ такое печальное извѣстіе; наконецъ, не могъ болѣе удержаться и сказалъ мнѣ:— «Хорошо вы съ дядюшкою-то своимъ надѣлали въ деревнѣ?» — А что такое? подхватилъ я, испужавшись. — «А то, что товарищи твои всѣ пережалованы, а ты обойденъ, а надлежало бы также и тебѣ въ подпорутчики».

Слова сіи поразили меня власно какъ громовымъ ударомъ; я онѣмѣлъ и не въ состояніи былъ ни единаго слова промолвить, слезы только покатились изъ глазъ моихъ и капали на землю. Сколько зятю произшествіе сіе было ни досадно, однако приведенъ онъ былъ въ жалость моимъ состояніемъ. Оно и въ самомъ дѣлѣ было сожалѣнія достойно. Я стоялъ опустя руки и глаза книзу, погруженнымъ въ глубочайшее уныніе, какъ окаменѣлой; сіе продлилось нѣсколько времяни, да и потомъ не помнилъ, что говорилъ и что дѣлалъ. Самой свѣтъ казался мнѣ померкшимъ въ глазахъ моихъ, и состояніе, въ какомъ я тогда находился, не можетъ никакъ описано быть, а довольно оно было наижалостнѣйшее въ свѣтѣ.

Досадное приключеніе сіе было дѣйствительно наипечальнѣйшее во всей моей жизни; лишеніе самыхъ родителей не было для меня таково горестно и мучительно, какъ сіе досадное обойденіе. Тамъ дѣйствовала одна только печаль, а тутъ съ оною вмѣстѣ досада, раскаяніе, завидованіе благополучію моихъ товарищей, стыдъ и многія другія пристрастія совокуплялись и поперемѣнно духъ и сердце мое терзали и мучили. Къ вящему усугубленію моей горести, не было ничего и ни малѣйшаго средства, чѣмъ бы меня утѣшить было можно. Зятю моему сколь ни горестно было смотрѣть на мое жалкое состояніе, и сколь ни желалъ онъ меня чѣмъ-нибудь утѣшить, но не находилъ ничего къ тому удобнаго, но принужденъ былъ еще видѣть, что самыя утѣшенія его растравляли еще болѣе мою печаль и увеличивали горесть; однимъ словомъ, я былъ совсѣмъ безутѣшенъ, лишился сна и пищи, и кромѣ вздоховъ, слезъ, унынія и печали, ничего отъ меня было не слышно. Таковое мучительное состояніе продлилось нѣсколько дней сряду и перевернуло меня такъ, что я походилъ тогда на лежавшаго нѣсколько недѣль въ горячкѣ и выздоравливающаго отъ нея человѣка. Какое-безчисленное множество вздоховъ испущено было тогда къ небесамъ изъ моего сердца, и колико слезъ пролито было въ сіи печальные и горестные дни!

Между тѣмъ прибылъ къ Ревелю и полкъ нашъ; извѣстіе о приближеніи онаго возобновило или паче увеличило еще всю жестокость печали моей. Я желалъ бы тогда скрыться невѣдомо куда, и не смѣлъ воображать себѣ той печальной минуты, когда въ полку о томъ узнаютъ и я увижу всѣхъ сверстниковъ моихъ, ликовствующихъ въ радости. Мнѣ казалось, что я предъ ними и передъ всѣмъ полкомъ буду власно какъ оплеваннымъ, и не зналъ, какъ

мнѣ безъ крайняго стыда кому показаться будетъ можно. Одна мысль, что всѣ люди какъ люди, а я одинъ какъ оглашенной тогда былъ, и власно какъ преступникъ, наказанной за какое-нибудь злодѣяніе, поражала меня до безконечности и обливала сердце мое охладѣвшею кровію. Но, по щастію, велѣно было зятю моему слѣдовать тотчасъ опять впередъ къ Рогервику, для занятія тамъ лѣтняго лагеря, и симъ образомъ избавился я на нѣсколько времяни столь горестнаго для меня обстоятельства.

Во всю сію дорогу не преставалъ я воздыхать и тужить о своемъ нещастіи и не видалъ почти всѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали; для меня весь свѣтъ былъ тогда противенъ, и я не смотрѣлъ ни на что, столь сильно тревожили меня горестныя помышленія! Наконецъ прибыли мы въ Рогервикъ, въ сіе скучное и съ тогдашнимъ моимъ состояніемъ весьма сходственное мѣсто, и заняли отведенной для полку нашего подлѣ самаго сего мѣстечка лагерь, а вскорѣ послѣ насъ пришолъ и полкъ и вступилъ въ оной.

Горесть и печаль моя нѣсколько поуменьшилась, какъ я увидѣлъ, что весь полкъ сожалѣлъ о моемъ нещастіи: кого я ни увижу и съ кѣмъ ни сойдусь, всякъ тужилъ о моемъ нещастіи и старался по возможности своей меня утѣшить. Въ особливости же изъявлялъ сожалѣніе свое обо мнѣ полковникъ и другіе штапы и протчіе знакомые и меня отмѣнно любящіе офицеры. Самые сверстники мои, на которыхъ не было уже тогда тѣхъ проклятыхъ лыкъ или позументовъ, которыя я еще на себѣ имѣть и носить былъ долженъ, и конхъ я тогда принужденъ былъ почитать весьма уже предъ собою увышенными и на конхъ не могъ взирать безъ нѣкоего неудобоизобразимаго чувствія сердечнаго, изъявляли другъ предъ другомъ свое обо мнѣ сожалѣніе, и, вмѣсто чаемаго осмѣянія меня, всячески утѣшать старались. Они обходились со мною по прежнему, какъ съ ровнымъ своимъ братомъ, и сіе болѣе всего послужило къ скорѣйшему моему успокоенію и облехченію моей горести.

Я жилъ попрежнему при моемъ зятѣ, и никто того для горестныхъ моихъ обстоятельствъ и не взыскивалъ. Самъ господинъ Хомяковъ, по имяни Василій Васильевичъ, капитанъ той роты, въ которой я счислялся, не дѣлалъ въ томъ никакой претензіи и не требовалъ меня въ роту для отправленія моей сержантской должности. Итакъ, жилъ я тогда при полку дѣйствительнымъ волонтеромъ, не имѣя за собою никакого дѣла; но сіе меня не весьма утѣшало, и я согласился-бъ охотнѣе нести дѣйствительную службу, естлибъ стыдъ мнѣ въ томъ не препятствовалъ.

Въ сихъ обстоятельствахъ препроводилъ я тутъ болѣе мѣсяца, въ которое время какъ полковникъ, такъ и протчіе господа офицеры не преставали обо мнѣ напоминать, и о изысканіи средствъ къ поправленію моего нещастія всячески стараться и между собою предпринимать совѣты; многіе изъ нихъ нерѣдко собирались къ моему зятю и совокупно о лутчихъ мѣрахъ разсуждали. Обстоятельствы мои по справедливости были болѣе сожалѣнія достойны, нежели я объ нихъ сперва думалъ. Я хотя остался тогда попрежнему старшимъ сержантомъ, и не только по полку, но и по всей тогда арміи, и не можно было сомнѣваться, что при первомъ произвожденіи мнѣ въ офицеры достанется; но такова покоса трудно было опять дожидаться, каково минувшее произвожденіе было. Произвожденіе сіе было тогда такъ велико, что подобнаго ему никогда не бывало и едвали когда-нибудь и впередъ будетъ; въ сей разъ, по притчинѣ пріумноженія войскъ и здѣланія новаго штата, по которому прибавлено въ каждомъ полку вновь множество офицеровъ, произведено было ужасное множество людей. Самое сіе и притчиною тому было, что многимъ сержантамъ доставалось тогда вмѣсто прапорщиковъ прямо въ подпорутчики, чего никогда еще до сего времяни не бывало, но по самому тому не можно было никакъ надѣяться, чтобъ въ скоромъ времяни могло воспослѣдовать опять произвожденіе, ибо

всѣ полки были уже съ излишкомъ укомплектованы офицерами, и потому всѣ доброжелательствующіе мнѣ совѣтовали не оставлять дѣла сего втунѣ. Но хотя и не было ни малѣйшаго луча надежды, однако не худо бы, говорили всѣ, хотя наудачу, отвѣдать употребить о произвожденіи меня прозьбу; въ противномъ же случаѣ, утверждали всѣ, отстану я отъ другихъ гораздо далеко и догнать ихъ буду не въ состояніи.

Сей былъ общей совѣтъ всѣхъ нашихъ друзей и знакомыхъ; но совсѣмъ тѣмъ сіе скорѣе сказать, нежели здѣлать было можно. Прозьбу употребить надлежало въ Петербургѣ, ибо тутъ никто изъ генераловъ пожаловать меня въ офицеры былъ не въ состояніи; но и въ Петербургъ надлежало кому-нибудь ѣхать, ибо на отсудственную и заочную прозьбу не можно было никакъ надѣяться и положиться.

Самое сіе обстоятельство и производило наиболѣе затрудненіе. Снерва совѣтовали всѣ взять хлопоты и стараніе о семъ на себя моему зятю. Сей, по любви своей ко мнѣ, охотно на то и согласился; но какъ въ самое то время, какъ только-что хотѣлъ онъ проситься объ увольненіи себя въ Петербургъ, занемогъ онъ нечаянно наижесточайшею лихорадкою, то не знали тогда, что дѣлать, ибо одному мнѣ ѣхать никто совѣтовать не отваживался, потому что никто не чаялъ, чтобъ я по молодости и по незнанію своему могъ что-нибудь успѣть въ такомъ дѣлѣ, которое гораздо сильнѣйшаго старанія требовало, нежели каково могло быть мое собственное. Но какъ зятю моему не легчело и часъ отъ часу еще тяжелѣе становилось, и какъ онъ увидѣлъ себя, наконецъ, принужденнымъ лежать въ постели, а время со всякимъ днемъ уходило, то другого средства не оставалось, какъ ѣхать на-удачу мнѣ одному и самому объ себѣ стараться.

Не успѣлъ я на сіе рѣшиться и намѣренія своего объявить, какъ тотчасъ написали мнѣ челобитную, а для лутчаго въ предпріятіи моемъ успѣха обѣщали всѣ офицеры дать мнѣ свидѣтельство и атестатъ отъ себя въ томъ, что я офицеромъ быть достоинъ. При семъ-то случаѣ могъ я наияснѣйшимъ образомъ видѣть, сколь много доброжелательствовали мнѣ всѣ полку нашего офицеры; къ кому я ни приносилъ для подписки моего атестата, какъ всякой говорилъ: «Обѣими руками готовъ, братецъ; дай Богъ тебѣ всякое благополучіе и получить все желаемое». Изъ всего нашего полку одинъ только нашолся такой, которой не хотѣлъ мнѣ здѣлать сего одолженія и отказалъ въ сей прозьбѣ: это былъ господинъ Колеминъ, бывшей нашего-жъ полку капитанъ, а тогда произведенной къ намъ въ секундъ-маіоры. Сей человѣкъ былъ одинъ изъ старыхъ офицеровъ, и имѣвшей съ покойнымъ родителемъ моимъ, не знаю по какому-то дѣлу, небольшую суспицію и на него досаду; и какъ злоба его не преставала дѣйствовать, и онъ былъ человѣкъ весьма дурныхъ свойствъ и качествъ и за то, а особливо за надменность свою и гордость всѣмъ полкомъ ненавидимъ, то хотѣлъ онъ по негодному своему характеру мстить при семъ случаѣ мнѣ за досаду, причиненную ему отцомъ моимъ, хотя сей ни мало былъ тому невиноватъ, а раздражилъ его по должности. Признаюсь, что сіе было мнѣ тогда досадно и не только мнѣ, но всего полку офицерамъ. Сіи не успѣли отъ меня о томъ услышать, какъ ругали его немилосердымъ образомъ, а человѣкъ съ дватцать, собравшись, пошли нарочно къ нему его уговаривать и, буде надобно, употребить прозьбу; но всѣ старанія были тщетны, онъ остался непоколебимъ въ своемъ намѣреніи и упорностію свою только болѣе досадилъ всѣмъ просившимъ. Всего смѣшнѣе при томъ было то, что онъ въ отговорку предлагалъ одну только мою молодость, почему всѣ присовѣтовали оставить его съ покоемъ, говоря, что и безъ него дѣло здѣлано быть можетъ и что подписка его не такъ важна, чтобъ безъ ней не можно было обойтиться.

Теперь оставалось мнѣ только исходатайствовать позволеніе съѣздить на нѣсколько времяни въ Петербургъ, ибо и

сіе сопряжено было съ нѣкоторыми затрудненіями. Полковникъ не въ состояніи былъ сего здѣлать; онъ съ радостію готовъ бы былъ меня на нѣсколько мѣсяцовъ отпустить, но власть его такъ была ограничена, что онъ не могъ отпустить меня и до Ревеля; ктому-жъ и челобитной моей должно было иттить по командѣ, то-есть, сперва отъ полку представленной быть командующему нами генералу-маіору, а отъ сего представлена быть къ генералу-порутчику, а отъ него далѣе въ Петербургъ къ главнокомандующему, генералъ-аншефу графу Петру Ивановичу Шувалову, отъ котораго надлежало уже послѣдовать резолюціи. Симъ окончу я мое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь... и протчая.

ПОѢЗДКА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ.

Письмо 28.

Любезной пріятель! Описавъ вамъ въ предслѣдующемъ письмѣ мое нещастіе, въ которое невиннымъ, съ своей стороны, образомъ попалъ я по ненарочному случаю и отъ единаго только прибавленія отцомъ моимъ мнѣ одного года, но о чемъ не имѣлъ я ни малѣйшаго свѣдѣнія, разскажу я вамъ теперь о петербургской своей и достопамятной поѣздкѣ, предпріятой для поправленія онаго. Ѣзда сія была наиболѣе по тому достойна особливаго примѣчанія, что предпріята была мною прямо наудачу и безъ малѣйшаго луча надежды къ полученію какова-нибудь успѣха въ предпринимаемой прозьбѣ, а что того еще паче, безъ всякой надежды на посторонную какую-нибудь помощь, ходатайство и заступленіе, а съ единымъ только упованіемъ на Бога и на его милость и вспоможеніе, ибо кромѣ его не было у меня никого могущаго мнѣ подать помощь.

Какой успѣхъ имѣла сія поѣздка и что со мною случилось въ Петербургѣ — это узнаете вы изъ послѣдствія, а теперь дозвольте мнѣ воспріять паки нить повѣствованія, прерванную послѣднимъ письмомъ, и начать разсказывать вамъ всѣ произшествія по порядку.

Такимъ образомъ, рѣшившись ѣхать въ Петербургъ и испросивъ благословеніе божеское, приступилъ я къ сему важному дѣлу. Я, взявъ отъ полковника потребныя къ тому письмы, поѣхалъ прежде всего къ нашему генералъ-маіору. Это былъ самой первой еще случай, что я долженъ былъ самъ о себѣ стараться. Командовавшей нашимъ и другимъ стоявшимъ въ Рогервикѣ-жъ пѣхотнымъ полкомъ генералъ-маіоръ былъ тогда нѣкто природной французъ, по фамиліи де-Боданъ, старичокъ весьма добренькой; онъ стоялъ нѣсколько только верстъ отъ нашего лагеря, и потому мнѣ изъ лагеря къ нему ѣздить было недалеко. Я подалъ ему представленіе, данное мнѣ отъ полку съ запечатанною при ономъ моею челобитною, и сей добросердечной человѣкъ, какъ въ отпускѣ меня до Ревеля, такъ и въ представленіи своемъ къ генералу-порутчику не здѣлалъ мнѣ никакихъ затрудненій и остановокъ, и я получилъ дни въ два свое отправленіе.

Поблагодаривъ его и возвратившись въ лагерь, началъ я собираться въ дальнее свое путешествіе, и какъ я расположился ѣхать туда налегкѣ, и только въ кибиткѣ, запряженной тремя лошадьми и съ двумя изъ своихъ людей, а протчее все съ мальчишкою оставить въ лагерѣ при моемъ зятѣ, то сборы мои не долго продолжились; на другой же день было все къ отъѣзду моему уже готово, и тогда, распрощавшись съ зятемъ и со всѣми моими знакомыми, отправился я въ свой путь къ Ревелю. Всѣ знакомцы и пріятели мои провожали меня пожеланіями всѣхъ на свѣтѣ мнѣ благъ и щастливаго путешествія, ибо кромѣ сего здѣлать имъ было нечего. По особливому распоряженію судебъ такъ случилось, что изъ всѣхъ ихъ ни у кого не было ни одного знакомаго и такова человѣка въ Петербургѣ, къ которому бы меня сколько-нибудь рекомендовать или на первой случай адресовать было можно, и я, прямо можно сказать, пустился въ сей путь, будучи совершенно

оставленъ отъ всего свѣта, и долженъ былъ всего ожидать отъ единаго милосердія божескаго.

По пріѣздѣ моемъ въ Ревель крайне опасался я, чтобъ не здѣлалось мнѣ тутъ какихъ-нибудъ затрудненій. Генералъ-порутчикъ нашъ былъ самой тотъ господинъ Ливенъ, о которомъ я упоминалъ вамъ прежде, и котораго я какъ огня боялся. Поступками и характеромъ своимъ настращалъ онъ меня такъ въ прежнюю нашу бытность въ Ревелѣ, что я страшился его какъ лютаго звѣря, не зналъ какъ къ нему показаться и не ожидалъ отъ него ничего добраго, а паче боялся, чтобъ онъ мнѣ какова зла не здѣлалъ. Обстоятельство сіе приводило въ такую разстройку мои мысли, что я, идучи на его квартиру и встрѣчаясь съ ходящимъ по улицамъ народомъ, завидовалъ послѣднѣйшимъ изъ онаго людямъ, что они съ спокойнымъ духомъ отправляютъ свои дѣла, а я принужденъ былъ не только ѣхать въ такой дальней путь, но имѣть тысячу еще опасеній, чтобъ нещастіе свое чѣмъ-нибудь еще не усугубить и не претерпѣть чего еще хуждшаго.

Неиначе какъ съ трепетомъ и съ хладѣющеюся кровію приближился я къ дому сего грознаго генерала. Провидѣнію угодно было вложить въ меня мысль, что итить не прямо къ генералу, а зайтить напередъ въ его канцелярію и спроситься, когда и какъ бы мнѣ предъ него предстать было лутче. И коль блаженна была для меня мысль сія! Съ коликимъ смущеніемъ и горестію вошелъ я въ оную, съ толикимъ обрадованіемъ вышелъ я, напротивъ того, изъ оной. По особливому щастію и противъ всякаго чаянія, нашолъ я тутъ въ самыхъ правителяхъ его канцеляріи себѣ милостивцевъ и ходатаевъ; они, помня еще бывшее со мною нещастное приключеніе съ купленною у чухны лошадью, получили ко мнѣ столько сожалѣнія и здѣлались столь благосклонными, что не только пошли сами докладывать обо мнѣ генералу, но преклонили его уже предварительно къ исполненію моей прозьбы и отпущенію меня въ Петербургъ. Я не могу изобразить, сколь много обрадовался я, услышавъ отъ нихъ о томъ увѣдомленіе. Совсѣмъ тѣмъ хотѣлъ онъ меня самъ видѣть. Сіе обстоятельство смутило меня опять нѣсколько; я трепеталъ, какъ повели меня къ нему въ спальню, ибо одно мнѣніе о суровыхъ его прежнихъ поступкахъ приводило меня въ страхъ и ужасъ. Онъ принялъ отъ меня гордымъ образомъ пакетъ, въ которомъ запечатана была моя челобитная и представленіе отъ генерала де-Бодана, и разодравъ оной, началъ тотчасъ читать оную.

Я стоялъ тогда предъ нимъ какъ окаменѣлый и не смѣлъ ни единымъ членомъ тронуться. Читаніе сіе продлилось нарочито долго: но едва онъ только челобитную мою прочелъ и изъ оной увидѣлъ, что я прошу о произведеніи меня въ офицеры, отчасти по моей невинности, а отчасти за обученіе на своемъ коштѣ наукъ и языковъ, какъ захотѣлось ему меня освидѣтельствовать и посмотрѣть, подлинно ли я оба языки знаю, и для того началъ онъ со мною тотчасъ говорить понѣмецки. Я всего меньше сіе предвидѣлъ и нимало къ тому не приготовился, и потому, оробѣвъ еще больше прежняго, не знаю истинно, что̀ и какъ я ему отвѣтствовалъ. Онъ спросилъ меня еще пофранцуски, но я отвѣтствовалъ ему еще того хуже и совсѣмъ отъ робости спутался. Тогда усмѣхнулся онъ и презрительнымъ образомъ сказалъ мнѣ: «Хорошо, я тебя отпущу: только не знаю, зачѣмъ ты ѣдешь. Это чудо будетъ, когда тебя пожалуютъ». Слова сіи поразили меня еще того больше и привели въ такое смятеніе, что я едва въ состояніи былъ выговорить нѣсколько словъ въ изъявленіе моей благодарности за его къ себѣ милость. Онъ приказалъ написать обо мнѣ представленіе и дать отпускъ на 29 дней. Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ здѣлавшійся покровителемъ моимъ главной правитель его канцеляріи, подхвативъ меня, повелъ въ канцелярію и тотчасъ велѣлъ представленіе и паспортъ мнѣ написать. Усердіе его ко мнѣ было

такъ велико, что онъ не далъ писцамъ покоя, и какъ скоро оные написали, то понесъ для подписанія генералу и тотчасъ возвратившись, мнѣ сказалъ: «все, мой другъ, теперь готово, ступай себѣ съ божескою помощію, и дай Богъ тебѣ всякое благополучіе, а на давишнія слова пожалуй не смотри». Слова сіи были власно какъ нѣкакимъ цѣлительнымъ бальзамомъ для пораженнаго моего сердца, ибо признаюсь, что предсказаніе генеральское было для меня не весьма пріятно, но привело меня въ великое смущеніе; однако, какъ я положился уже однажды на власть божескую, то тѣмъ себя и подкрѣпилъ и утѣшилъ. Итакъ, получивъ запечатанной пакетъ къ главному нашему командиру, графу Шувалову и себѣ паспортъ, и принеся тысячу благодареній добродушному моему ходатаю и покровителю, отправился я въ тотъ же день изъ Ревеля и пустился въ путь свой.

Было то въ исходѣ іюня мѣсяца, какъ я изъ Ревеля поѣхалъ, и хотя время наступало тогда самое жаркое, однако дорогу имѣлъ я наипріятнѣйшую. Путь, какъ извѣстно, отъ Ревеля къ Нарвѣ лежитъ по большой части подлѣ самаго морскаго берега, и потому морская влажность и отъ воды холодъ умѣрялъ въ сихъ мѣстахъ чрезвычайной зной, отъ жаровъ бываемой. Во время сего путешествія имѣлъ я еще первой случай досыта насмотрѣться на море, сіе неизмѣримое скопище водъ! Зрѣлище сіе было для меня совсѣмъ ново, и я не могъ имъ довольно налюбоваться; въ особливости же не могъ я безъ особливаго ужаса и удивленія смотрѣть на тамошніе берега морскіе, подлѣ которыхъ я ѣхалъ. Они и подлинно въ состояніи навесть на всякаго страхъ и ужасъ, кто ихъ не видывалъ. Натура оградила съ сей стороны море толь высокимъ оплотомъ или, паче сказать, преогромною и страшною каменною стѣною, что вся ярость морскихъ огромныхъ волнъ и валовъ не могла ей ничего здѣлать. Собственной берегъ, гдѣ вода прикасается до земли, былъ низокъ и ровенъ, но сія равнина, поросшая высокимъ и дремучимъ лѣсомъ, не простиралась болѣе какъ саженъ на двадцать или на тридцать, а тамъ возвышалась вдругъ такая крутая и утесистая каменная гора, что подобна была дѣйствительной стѣнѣ. Наверху простираются опять ровныя и пріятнѣйшія мѣста, и по самому берегу идетъ гладкая и ровная большая проѣжжая дорога. Любопытство мое при смотрѣніи на столь удивительное дѣло рукъ божескихъ было такъ велико, что я на каждой почти верстѣ останавливался, выходилъ и хаживалъ на самой край сего крутого берега, смотрѣть внизъ на глубину презельную. Она и подлинно была чрезвычайная, и такъ велика, что стоящія внизу огромныя деревья казались сверху неинако, какъ небольшими деревцами, а крутизна такъ утесиста и чрезвычайна, что безъ опасенія обморока долго смотрѣть никакъ было не можно. Довольно, что для усмотрѣнія самыхъ ближнихъ подъ горою стоящихъ деревъ неинако какъ надобно было на край берега лечь и спустить голову, а безъ того ихъ видѣть было не можно. Но зрѣлище, какое представлялось тогда очамъ, и достойно было того, чтобъ предпринимать трудъ таковой.

Взоръ на море, которое чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ часъ отъ часу болѣе возвышаться и, наконецъ, неинако какъ пологою и прекрасною синею горою быть казалось, представлялъ мнѣ также наипріятнѣйшее зрѣлище. Я не могъ устать взирая на него и на плавающія вдали и парусами своими бѣлѣющіяся суда и корабли. Изъ нихъ иные шли въ ту, а иные въ другую сторону, и одни ближе, а другіе едва видимы были. Съ другой стороны увеселяли зрѣніе мое прекрасныя рощи и луга, правый бокъ дороги украшающія; индѣ простирались они прямою чертою на дальнее разстояніе, а въ иныхъ мѣстахъ извивались изгибами, кои неинако какъ разными фигурами быть казались. Вдавшіяся въ нихъ и причиняющія сіи изгибы прекрасныя травяныя и цвѣтами испещренныя лужайки, придавали мѣстамъ симъ еще вящее украшеніе. О,

сколько разъ принуждены мы были останавливаться, не вытерпѣвъ видя или растущія на лугахъ и поспѣвшія тогда ягоды, или въ рощахъ, подлѣ самой дороги великое множество и наиприкраспѣйшихъ грибовъ. Всякой разъ пріѣжжали мы на наслегъ обремененными обоими сими натуральными продуктами, что по тогдашнему постному времяни намъ особливое удовольствіе причиняло, и путь нашъ тѣмъ веселѣйшимъ и пріятнѣйшимъ дѣлало. Словомъ, мы и не видали какъ доѣхали до Нарвы, а потомъ и далѣе.

Но я удалился уже отъ главнаго предмета. Какова дорога сія ни весела была, и сколь много ни утѣшались мы разными предметами, однако помышленія о предметѣ моего путешествія не выходили у меня изъ памяти. Во всю дорогу помышлялъ я о Петербургѣ и о неизвѣстныхъ тамошнихъ обстоятельствахъ; я, какъ выше уже упомянуто, ѣхалъ туда наудачу и не имѣлъ ни малѣйшаго вида льстительной надежды. Надѣяніе на самого себя было у меня худое, а найду ли кого-нибудь себѣ доброжелательствующихъ и такихъ, которые бы восхотѣли сколько-нибудь поспѣшествовать моему дѣлу, было мнѣ неизвѣстно. Къ вящему нещастію, не имѣлъ я съ собою ни къ кому и ни отъ кого ни единой строчки и рекомендаціи, и не зналъ гдѣ мнѣ пристать и къ кому приклонить мою голову; одинъ Богъ былъ тогда всею моею надеждою и упованіемъ.

Наконецъ, въ началѣ іюля доѣхали мы благополучно до Петербурга. Это было въ пятой разъ въ моей жизни, что я въ сей столичной городъ пріѣхалъ; но прежніе мои пріѣзды и пребыванія въ ономъ были весьма отличны предъ теперешнимъ: тогда находился я подъ какимъ-нибудь покровительствомъ, а нынѣ ни подъ какимъ. Не имѣя никого знакомыхъ, къ кому бы пристать было можно, принуждены мы были нанять для себя какую-нибудь хижинку. Мы и нашли небольшую, въ Морской, и наняли не за большую цѣну. Мое первое стараніе было узнать, нѣтъ ли въ Петербургѣ моего прежняго благодѣтеля и дяди, господина Арсеньева, дабы подъ его руководствомъ и предводительствомъ можно мнѣ было приступить къ дѣлу; но къ великому моему огорченію узналъ я, что онъ находился тогда въ Москвѣ. Что-жъ касается до господина Рахманова и до Шепелева, то сіи давно уже были въ царствѣ мертвыхъ; слѣдовательно, и съ сей стороны не могъ я ласкатьси ни малѣйшею надеждою.

При такихъ обстоятельствахъ другова не оставалось, какъ иттить самому собою и ожидать всего отъ единаго вспоможенія божескаго. Я распровѣдалъ о жилищѣ графа Шувалова, и приближался къ нему съ ощущаніемъ нѣкоего внутреннаго ужасенія. «О домъ!» говорилъ я самъ себѣ, взирая на огромныя и великолѣпныя палаты сего знатнаго и столь сильнаго тогда вельможи: «отъ тебя произтекло мое злополучіе! Исправишь ли ты оное или нѣтъ? и съ печалію ли или радостію буду я отъ тебя возвращаться?» Я зналъ, что мнѣ надлежало пакетъ мой подать въ его канцелярію, и для того спрашивалъ я, гдѣ-бъ оная находилась. Мнѣ сказали, чтобъ я шолъ въ домъ къ его любимцу, гдѣ тогда находилась графская канцелярія, и указали улицу, въ которую мнѣ иттить надлежало. Это былъ господинъ Яковлевъ, тогдашней генеральсъ-адъютантъ и ближайшей фаворитъ графа Шувалова. Я наслышался уже прежде объ немъ довольно и зналъ, что онъ находился въ великой силѣ у графа и управлялъ всѣми дѣлами въ его военной канцеляріи По пришествіи къ нему на дворъ, указали мнѣ канцелярію, но оттуда послали меня къ нему въ хоромы и велѣли подать самому ему пакетъ мой въ руки.

Теперь разскажу я одно смѣшное приключеніе, которое со мною въ самое сіе время случилось. Переходя дворъ и всходя на крыльцо хоромъ, въ которыхъ жилъ господинъ Яковлевъ, вынулъ я свой пакетъ изъ кармана и развернулъ изъ обертки, чтобъ его приготовить ближе; но какимъ внезапнымъ ужасомъ пораженъ я тогда сталъ, какъ, взглянувъ на него, уви-

дѣлъ, что онъ распечатался! Я остолбенѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ и не зналъ, что дѣлать; горе и робость напала на меня превеличайшая, и я предвозвѣщалъ себѣ отъ того напасть невѣдомо какую. «Ахъ, какая бѣда!» твердилъ я только себѣ нѣсколько разъ: «что мнѣ теперь дѣлать?» и ужасъ мой былъ такъ великъ, что сердце отъ трепетанія хотѣло власно какъ выскочить.

По короткомъ размышленіи разсудилъ я, что такъ пакетъ мой подавать никоимъ образомъ было не можно, и что другова не оставалось, какъ оной искусненно и непримѣтно припечатать. По щастію моему распечатался онъ очень разумно и такъ, что пособить тому было можно, ибо самая печать была совсѣмъ цѣла, а отодралась только одна четвертинка бумаги, да и то подлѣ самой печати. Какимъ это образомъ и отчего такъ здѣлалось, истинно самъ не знаю: кажется во всю дорогу былъ онъ у меня въ сундукѣ, и я берегъ ево какъ глаза. Но какъ бы то ни было, но онъ распечатался и бумажка отодралась себѣ благополучно, и подавать такъ было не можно. Горе на меня превеликое; однако я скоро догадался, что нужно только было такимъ же сургучомъ и однажды только въ то мѣсто каннуть, какъ все зло могло тѣмъ исправлено быть. Обрадовался я сему вымыслу; но тотчасъ напало на меня другое горе. Я не зналъ, гдѣ взять мнѣ сургуча такова-жъ хорошаго и гдѣ сыскать огня въ тогдашнемъ и весьма короткомъ случаѣ, ибо мнѣ велѣно было спѣшить и заставать, покуда неуйдетъ господинъ Яковлевъ къ обѣдни. Въ канцелярію генеральскую иттить я не отваживался, тамъ не было у меня ни одного человѣка знакомаго, ктому-жъ казалось и неприлично припечатывать пакетъ въ канцеляріи. Итакъ, другова не оставалось, какъ бѣжать благимъ матомъ на гостиной дворъ, купить такова же хорошаго аглицкаго сургучу, какимъ былъ пакетъ мой запечатанъ, а оттуда пробѣжать прямо на мою квартиру и тамъ припечатать.

Какъ вздумано, такъ скоро сіе было и здѣлано, и я не помню, чтобъ когда-нибудь во всю жизнь мою скорѣй тогдашняго я бѣгивалъ. Самой купецъ удивился чрезвычайной моей поспѣшности, и былъ слишкомъ добродушенъ и честенъ, что не взялъ съ меня тройной цѣны за сію палку сургуча, за которую-бъ я въ состояніи былъ тогда заплатить чего-бъ онъ ни потребовалъ, ибо не до торгованья было тогда дѣло. Прибѣжавши на квартиру, кричалъ я, не входя еще въ горницу, людямъ, чтобъ бѣжали скорѣе за огнемъ; но чѣмъ я болѣе спѣшилъ, тѣмъ медленнѣе и хуже происходило дѣло. На ту бѣду не случись у насъ ни одного огарочка свѣчки, а лучинки и подавно взять было негдѣ. Наконецъ нашли какой-то осколочекъ и принесли ко мнѣ не столько горящей, сколько курящейся. Я хваталъ скорѣй сургучъ; но не новое ли горе? не нахожу его въ карманахъ! Я въ тотъ, я въ другой, я въ третей, но не тутъ-то было! «Господи помилуй! куда это онъ у меня дѣлся!» Но сколько я ни говорилъ «Господи помилуй», и сколько ни шарилъ по всѣмъ карманамъ, но сургуча моего нигдѣ не было. Вздурился тогда я отъ горя и досады, и самъ себя не вспомнилъ. Наконецъ, видя неминучую, схватилъ уже я шляпу и хотѣлъ бѣжать опять въ ряды, покупать новой, какъ слуга мой остановилъ меня, говоря: «постойте, сударь! не провалился ли онъ сквозь карманы? мнѣ помнится, что въ одномъ была дырочка». Какъ онъ сказалъ, такъ и въ самомъ дѣлѣ было, и мы нашли проклятой сей сургучъ въ кафтанныхъ фалдахъ. Радъ я невѣдомо какъ былъ сему случаю; но горе мое еще не окончилось. Проклятой осколочекъ или лучинка, между тѣмъ какъ мы суетились и сургуча искали, погасла и надымила всю мою горницу. Покуда пошли опять ее зажигать, покуда дули, покуда принесли, прошло опять нѣсколько минутъ, изъ коихъ каждая мнѣ цѣлымъ часомъ казалась; наконецъ принесли мнѣ огонь, и я спѣшилъ дрожащими руками скорѣй припечатывать. Но не новая ли опять бѣда? проклятая лучина задымила мой сургучъ, и онъ, почернѣвъ, здѣлался ху-

же еще простого. Къ вящему нещастію и досадѣ капнулъ я еще имъ мимо печати на конвертъ. «О бѣды по бѣдамъ!» вскричалъ я тогда, «что мнѣ теперь дѣлать?» Но некогда было уже мнѣ разбирать, худо ли или хорошо я припечаталъ, я пустился уже на отвагу, и, схватя шляпу, опрометью побѣжалъ опять на дворъ къ господину Яковлеву.

По щастію, засталъ я ево еще дома и часовой, стоящей у дверей, обрадовалъ меня, сказавъ, что не выходилъ онъ еще изъ спальни. Итакъ, имѣлъ я время собраться нѣсколько съ духомъ и отдохнуть отъ своего бѣга. Вошедъ въ залъ, нашелъ я его весь набитой народомъ; я увидѣлъ тутъ множество всякаго рода людей: были тутъ и знатныя особы, и низкаго состоянія люди, и всѣ съ нѣкоторымъ родомъ подобострастія дожидающіеся выхода въ залъ любимца графскаго для принятія прошеній и выслушиванія прозьбъ. Мое удивленіе еще увеличилось, когда увидѣлъ я, что самые генералы въ лентахъ и кавалеріяхъ, пріѣхавшіе при мнѣ, не осмѣливались прямо и безъ спроса входить въ его предспальню, но съ нѣкоторымъ уничиженіемъ у стоящихъ подлѣ дверей лакеевъ спрашивали, можно ли имъ войтить и не помѣшаютъ ли Михайлѣ Александровичу, такъ называлась тогда сія столь знаменитая особа, неимѣющая хотя, впротчемъ, больше подполковничьяго чина. Но не чинъ тогда былъ важенъ, а власть его и сила, которая простиралась даже до того, что всѣ, кому бы ни хотѣлось о чемъ просить графа, долженствовали напередъ просить сего любимца и чрезъ него получать свое желаемое, по которому обстоятельству и бывало у него всякой день по множеству народа.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, оставивъ васъ вѣрно весьма любопытными узнать, что̀ послѣдуетъ далѣе, и остаюсь и протчее.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Письмо 29.

Любезной пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ прервалъ я тѣмъ, что находился я, со множествомъ другихъ всякаго рода людей, въ залѣ у господина Яковлева и дожидался съ нетерпѣливостію выхода сего графскаго любимца. Мы прождали его еще съ добрую четверть часа, но, наконецъ, распахнулись двери, и графской фаворитъ вышелъ въ залъ въ препровожденіи многихъ знаменитыхъ людей и по большой части такихъ, кои чинами своими были гораздо его выше. Не успѣлъ онъ показаться, какъ всѣ здѣлали ему поклонъ не съ меньшимъ подобострастіемъ, какъ бы то и передъ самимъ графомъ учинили. Я стоялъ тогда посреди залы на самомъ проходѣ, дабы не пропустить случая и успѣть подать ему пакетъ свой, и по природной своей несмѣлости суетился уже въ мысляхъ, какъ мнѣ приступить къ своему дѣлу; но, по щастію, такъ случилось, что онъ, окинувъ всѣхъ глазами, на перваго меня смотрѣть началъ. То ли, что онъ меня впервые тутъ видѣлъ, или иное что было тому притчиною—не знаю, но по крайней мѣрѣ я сщолъ, что тогда было самое наспособнѣйшее время къ поданію ему пакета. Я подступилъ къ нему съ трепещущими ногами и, подавая письмо, тресся, чтобъ не узналъ онъ, что оно было припечатано. Но, по щастію, такъ случилось, что онъ и не взглянулъ на печать, толь много разъ мною проклинаемую, но, принявъ съ величавою осанкою у меня изъ рукъ, раздернулъ пополамъ конвертъ и бросилъ на полъ. Радъ я былъ невѣдомо какъ сему случаю и смотрѣлъ, не спуская съ глазъ, на его, читавшаго въ то время представленіе генеральское. Сердце во мнѣ трепетало и обливалось кровію,

и я стоялъ какъ осужденной, ожидающей приговора къ животу или смерти. Отъ бывшихъ тутъ я уже наслышался о великой его силѣ и зналъ, что не графу, а ему меня пожаловать или осудить надобно было, и потому съ окончаніемъ чтенія ожидалъ я рѣшительной своей судьбины. Прочитавъ представленіе, взглянулъ онъ на меня и окинулъ еще разъ съ головы до ногъ меня глазами; но тотчасъ опять развернувъ мою челобитную, сталъ продолжать чтеніе.

Всѣ стояли тогда въ глубочайшемъ молчаніи и взглядывали на меня, видя господина Яковлева, читающаго бумаги мои съ величайшимъ вниманіемъ. Я стоялъ тогда внѣ себя и не зналъ, что́ заключить изъ его поступокъ, и худое или доброе предвозвѣщать себѣ изъ его взглядовъ и прилежнаго читанія; но крайней мѣрѣ не имѣлъ я много причинъ ласкаться доброю надеждою. Будучи одинъ, незнающъ, необыкновененъ, а притомъ безъ малѣйшей подпоры и рекомендаціи, имѣлъ я болѣе резона ожидать худова, нежели добраго; вся моя надежда, какъ я уже упоминалъ, была на одного Бога, а потому Онъ одинъ и былъ тогда у меня на умѣ, и я просилъ Его мысленно о вспоможеніи. Но самое сіе мнѣ всего болѣе и помогло; сіе великое Существо въ такихъ случаяхъ намъ охотнѣе и помогаетъ, когда Ему одному помогать надобно и когда мы всей человѣческой помощи лишимся. Но могъ ли я тогда симъ образомъ разсуждать, и могъ ли хотя мало предвидѣть, что́ тогда имѣло воспослѣдовать?.. Поистиннѣ, дѣло превзошло всякое чаяніе, и можно ли было приттить мнѣ тому въ голову, что я въ самомъ томъ человѣкѣ, котораго къ упрошенію надлежало бы мнѣ имѣть и употребить многихъ и сильныхъ ходатаевъ, и о неимѣніи которыхъ я толь много горевалъ, найду наилутчаго о себѣ старателя и покровителя! Однимъ словомъ, господинъ Яковлевъ здѣлался въ одинъ моментъ моимъ милостивцомъ, и, не прочтя до половины моей челобитной, спросилъ меня: «Не Тимофея ли Петровича ты сынъ?»— Его, милостивый государь,—отвѣтствовалъ я ему.—«О!» сказалъ онъ тогда: «батюшка твой былъ мнѣ милостивецъ, и я никогда не забуду его къ себѣ пріятства».

Сказавъ сіе, сталъ онъ продолжать читать мою челобитную. Но сихъ немногихъ словъ довольно уже было къ премѣненію всего моего внутренняго состоянія: какъ солнце, выходя изъ-за тучи, освѣщаетъ вдругъ весь горизонтъ и прогоняетъ тьму, такъ слова сіи прогнали тогда весь мракъ моего сумнѣнія и освѣтили лучомъ пріятнѣйшей надежды всю мою душу. Однимъ словомъ, я не сумнѣвался уже почти тогда о полученіи всего мною желаемаго, и чаянію моему соотвѣтствовало послѣдствіе.

Господинъ Яковлевъ, прочтя челобитную, сказалъ мнѣ: «Хорошо, мой другъ, ходи только къ обѣдни, и чтобъ я тебя всякой день здѣсь видѣлъ». Я не зналъ, что̀-бъ такое слова сіи значили, а болѣе изъяснить ихъ недопустили его протчіе просители, приступившіе къ нему толпами; однако заключилъ я, что чему-нибудь, а доброму тутъ быть надобно, и дожидался уже съ спокойнѣйшимъ духомъ отъѣзда его къ обѣдни.

Не успѣли мы, проводя его, выттить, какъ цѣлая толпа сержантовъ обступила меня кругомъ и начала вопросами мучить. Иной спрашивалъ, кто я таковъ; другой—откуда пріѣхалъ; третей—котораго полку; четвертой—кто былъ мой батюшка, и почему его Михайла Александровичъ знаетъ, и такъ далѣе. «Государи мои», отвѣтствовалъ я тогда имъ: «я истинно и самъ инова не знаю, о чемъ вы спрашиваете», какъ и въ самомъ дѣлѣ я не только тогда не зналъ, но и понынѣ не знаю, какимъ образомъ онъ былъ родителю моему знакомъ и какія отъ него милости видѣлъ. Наконецъ, услышавши отъ меня о притчинѣ моего пріѣзда и о всѣхъ обстоятельствахъ, сказали они почти всѣ въ одно слово: «Дай Богъ тебѣ, братецъ, благополучіе и получить милость божескую; авось-либо и намъ при тебѣ не худо будетъ, и ты разрѣшишь можетъ

быть нашу судьбину!» Я удивился и не понималъ, что они говорили; просилъ ихъ объ изъясненіи и, наконецъ, услышалъ, что они, подобные мнѣ, нещастные люди, обойденные въ минувшее произвожденіе; что ихъ болѣе тритцати человѣкъ, и что они болѣе мѣсяца здѣсь живутъ, но ни того, ни сего получить не могутъ. «Ты не повѣришь, братецъ», говорили они, «что мы уже бы рады были, естлибъ намъ отказали, а то истинно уже стѣны всѣ въ канцеляріи обтерли, а толку никакова нѣтъ. Только и добра, что ходи къ обѣднѣ и молись Богу. Иной, братецъ, у насъ уже раза два въ Невской пѣшкомъ встряхивалъ, а иные ходили, ходили, да и ходить перестали».

Для меня все сіе было чудно и непонятно, и я просилъ ихъ разсказать мнѣ о томъ обстоятельнѣе. Они и исполнили мое желаніе, и изъ словъ ихъ узналъ я слѣдующее. Господинъ Яковлевъ старался оказать себя тогда наинабожнѣйшимъ человѣкомъ; онъ не пропускалъ ни одной обѣдни, и маливался въ церквахъ наиприлежнѣйшимъ образомъ; а какъ онъ притомъ былъ весьма забавной человѣкъ, то не знаю что вздумалось ему съ помянутыми изъ разныхъ полковъ для таковой же прозьбы съѣхавшимися сержантами вести шутку. Между тѣмъ, покуда дѣла ихъ производились въ канцеляріи, игралъ онъ всѣми ими невиннымъ образомъ. Онъ заставливалъ ихъ всякой день ходить къ обѣднѣ, и симъ образомъ пріучалъ къ богомолью; а какъ они принуждены были ходить въ самую ту-жъ церковь, въ которую и онъ ѣжживалъ, то не упускалъ онъ примѣчать за ними, кто изъ нихъ былъ богомольнѣе и смирнѣе, и кто вертопрашнѣе протчихъ. На-утріе, какъ они прихаживали къ нему, и когда было ему досужно, забавлялся онъ съ ними иногда шуточными разговорами, и тутъ бывали обыкновенно инымъ похвалы, а другимъ выговоры и осмѣянія. Кто болѣе всѣхъ учинилъ проступокъ, тому опредѣлялось наказаніе: иной долженъ былъ за то иттить пѣшкомъ молиться въ Невской монастырь, а другой класть опредѣленное число поклоновъ, или стоять въ церквѣ передъ нимъ и молиться наиприлежнѣйшимъ образомъ. Симъ и другимъ подобнымъ сему образомъ забавлялся тогда графской любимецъ сими молодцами, и любилъ особливо тѣхъ, которые лутче протчихъ соотвѣтствовали его желаніямъ. Но какъ состояли они по большой части изъ такихъ же молодыхъ людей, какъ я, а притомъ неодинаковыхъ свойствъ и характеровъ, то наскучила имъ скоро сія игрушка; многіе изъ нихъ начали непримѣтно удаляться, и перестали къ нему показываться на глаза, а бродили только въ канцелярію: но чрезъ самое то сами себѣ хуже здѣлали. Господинъ Яковлевъ, за великимъ множествомъ дѣлъ, которыми онъ обремененъ былъ, не видя ихъ, позабывалъ о производствѣ ихъ дѣла, а потому такъ долго и принуждены они были рѣшенія онаго дожидаться и жить въ Петербургѣ попустому.

Обстоятельство сіе каково ни было натурально, но судя объ ономъ съ другой стороны, можно нѣкоторымъ образомъ сказать, что можетъ быть помянутая медленность въ произвожденіи оныхъ происходила и не по слѣпому случаю, а имѣло въ томъ соучастіе и невидимое смотрѣніе божеское и святой Его обо мнѣ Промыслъ. Всѣмъ имъ давно бы надлежало произведеннымъ быть въ офицеры и тѣмъ паче, что за многихъ были сильные ходатаи и просители, и давно даны были обѣщанія все сдѣлать, но господина Яковлева, власно, какъ нѣчто невидимое отводило отъ исполненія, и онъ, власно, какъ нарочно дожидался меня, чтобъ въ списокъ ихъ помѣстить и мое имя и тѣмъ удобнѣе доставить мнѣ чинъ офицерской, а безъ того было бы ему гораздо труднѣе и можетъ быть совсѣмъ невозможно для одного меня заводить новое произвожденіе. Словомъ, судьбы и промыслы Господни неисповѣдимы и нами непроницаемы.

Но какъ бы то ни было, но я вышеупомянутымъ образомъ включонъ былъ въ сообщество оныхъ обойденныхъ и чиновъ себѣ толь долго добивающихся сер-

жантовъ, и господинъ Яковлевъ для самаго того и приказалъ мнѣ всякой день къ себѣ приходить, что(бъ), увидѣвъ меня, чаще вспоминать о нашемъ дѣлѣ и тѣмъ скорѣе поспѣшить производствомъ онаго. Сколь молодъ я тогда ни былъ, однако могъ заключить, что мнѣ необходимо надобно было всѣ его приказанія наиточнѣйшимъ образомъ исполнять стараться, чего ради, не медля ничего болѣе, пошолъ я тотчасъ въ ту церковь, гдѣ онъ находился. Я сталъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ-бъ могъ онъ меня совершенно видѣть и, притворясь будто я его совсѣмъ не вижу, молился наиприлежнѣйшимъ образомъ, что мнѣ было и нетрудно, потому что, не въ похвальбу себѣ сказать, смаленьку былъ къ Богу прилеженъ, а тогда и подавно должно было поблагодарить Бога за милостивое Его обо мнѣ попеченіе. Сіе возымѣло хорошее дѣйствіе: господинъ Яковлевъ примѣчалъ всѣ мои движенія до наималѣйшаго, и, видя, что моленіе моё было непритворное, былъ поведеніемъ моимъ очень доволенъ. Самое сіе и произвело выгодныя для меня слѣдствія; ибо какъ я поутру на другой день пришолъ къ нему всѣхъ прежде и въ залѣ его любое мѣсто себѣ занялъ, а на меня смотря пришло и нѣсколько человѣкъ моихъ товарищей, и онъ, имѣя по щастію нашему тогда досугъ и вышедъ къ намъ еще въ шлафрокѣ, по обыкновенію своему, съ нами забавлялся, то похвалилъ онъ меня публично передъ всѣми и говорилъ, что я хотя и моложе всѣхъ, однако прилежнѣе всѣхъ молился Богу, и стыдилъ тѣмъ протчихъ моихъ сотоварищей. Потомъ спрашивалъ меня о моей матери, о полку, также и о томъ, гдѣ я учился; и какъ онъ говорилъ со мною ласково и пріятно, то и я не имѣлъ притчины робѣть и отвѣтствовалъ ему такъ, что онъ былъ отвѣтами моими доволенъ. Совсѣмъ тѣмъ о настоящемъ моемъ дѣлѣ и о произвожденіи не упоминалъ онъ ни единымъ словомъ. Сіе меня уже нѣкоторымъ образомъ и безпокоило, а къ нещастію народъ, начавшей часъ отъ часу въ залъ набираться, прогналъ его во внутренніе покои, гдѣ онъ обыкновенно одѣвался.

Совсѣмъ тѣмъ, проводивъ его къ обѣдни, не упустили мы зайтить въ канцелярію и справиться, нѣтъ ли какихъ вновь приказаній. Тутъ, къ крайнему моему удовольствію, услышалъ я, что господинъ Яковлевъ ещe вчера челобитную мою въ канцелярію отдалъ и притомъ наистрожайше приказалъ спѣшить какъ возможно скорѣй нашимъ дѣломъ и готовить списокъ для нашего произвожденія.— «Вотъ, братецъ, закричали тогда мои товарищи: не правду ли мы говорили, что подлѣ тебя и намъ хорошо будетъ. Такого приказанія не было еще ни однажды. Ей-ей! самъ Христосъ тебя къ намъ послалъ».

Радость, чувствуемую отъ сего, не почитаю я за нужное описывать подробно; довольно, она была чрезвычайна и столь же велика, сколь велика была сперва печаль моя. Совсѣмъ тѣмъ дѣло наше продлилось болѣе недѣли, но тому притчиною былъ не господинъ уже Яковлевъ, а нѣчто другое. Списки наши поспѣли чрезъ три дни, ибо господинъ Яковлевъ, видая меня всякой день у себя поутру, ежедневно объ нихъ вновь подтверждалъ и приказывалъ; а остановку и медленность произвело то обстоятельство, что тогда самого графа Шувалова не случилось въ Петербургѣ. Поелику императорской дворъ былъ тогда въ Сарскомъ-Селѣ, то и графъ около сего времяни находился тамъ же, слѣдовательно, за отсутствіемъ его и произвожденіе наше подписать было некому.

Совсѣмъ тѣмъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ и поелику была уже безсомнѣнная надежда, могъ уже я безъ скуки возвращенія графскаго въ Петербургъ дожидаться, и не тужилъ бы, хотя-бъ сіе и нѣсколько недѣль продолжалось. Я свелъ между тѣмъ лутчее знакомство съ моими товарищами, и мы хаживали съ ними вмѣстѣ всякой день въ церковь и къ графскому любимцу. Онъ такъ ревностно за меня вступился, что, желая скорѣй меня отправить, однимъ днемъ, какъ списки наши были уже готовы, пуб-

лично изъявилъ свое сожалѣніе о томъ, что графъ долго не ѣдитъ и почти прозьбою просилъ, чтобъ я на нѣсколько дней взялъ терпѣніе.

Такимъ образомъ продолжалъ я жить въ Петербургѣ, питаясь сладчайшею надеждою. Мнѣ недосадны уже были тогда мои позументы, но я часто самъ себѣ говаривалъ: «уже скоро, скоро вы съ обшлаговъ моихъ полетите». Совсѣмъ тѣмъ препровождалъ я время свое не совсѣмъ праздно, но какъ все послѣобѣднешнее время дѣлать мнѣ было нечего, то хаживалъ я по городу и осматривалъ мѣста, кои мнѣ видѣть еще не случалось. Мой первой выходъ былъ въ Академію, куда влекла меня охота моя къ книгамъ. Могу сказать, что я съ малолѣтства получилъ къ нимъ превеликую склонность; почему, ѣдучи еще въ Петербургъ, за непремѣнное дѣло положилъ я, чтобъ побывать въ Академіи и купить себѣ какихъ-нибудь книжекъ, которыя въ одной ней тогда и продавались; въ особливости же хотѣлось мнѣ достать «Аргениду», о которой дѣлаемая мнѣ еще въ деревнѣ старичкомъ моимъ учителемъ превеликая похвала не выходила у меня изъ памяти. Я тотчасъ ее первую и купилъ; но какъ въ самое то время увидѣлъ я впервые и «Жилблаза», которая книга тогда только-что вышла и мнѣ ее расхвалили, то не разстался я и съ нею.

Обѣимъ симъ книгамъ былъ я такъ радъ, какъ нашедъ превеликую находку. Досадно мнѣ было только то, что обѣ онѣ были безъ переплету, и это были первыя книги, которыя купилъ я въ тетрадяхъ и кои принужденъ былъ впервые учиться складывать и сшивать въ тетратку, дабы мнѣ ихъ читать было можно; но работа сія была мнѣ не столько скучна, сколько увеселительна, хотя и препроводилъ я въ томъ много времяни.

Кромѣ сего, не оставилъ я исполнить еще одинъ долгъ и побывать у одного моего родственника. Это былъ нашъ деревенской сосѣдъ и однофамилецъ, по имяни Никита Матвѣевичъ Болотовъ. Онъ служилъ тогда въ Троицкомъ нѣхотномъ полку полковникомъ и доводился мнѣ дѣдъ, потому что отцу моему былъ онъ внучетной дядя. При пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я не зналъ, что сей полкъ, слѣдовательно и онъ, находился въ Петербургѣ, а потому и не взялъ моего къ нему прибѣжища; а тогда, хотя мнѣ въ вспоможеніи его и не было нужды, однако я за должность почиталъ побывать у него, какъ скоро объ немъ услышалъ. Онъ стоялъ тогда съ полкомъ своимъ лагеремъ на Выборгской сторонѣ и былъ мнѣ почти вовсе незнакомъ, потому что я его видалъ только въ младенчествѣ, да и то не болѣе двухъ разъ.

Онъ принялъ меня пріятно и сходственно съ своимъ характеромъ, которой имѣлъ въ себѣ нѣкоторыя особливости. Онъ былъ человѣкъ немолодыхъ лѣтъ и изъ числа старинныхъ, а не новомодныхъ людей; житія былъ честнаго, но весьма строптиваго; нравъ имѣлъ горячей, вспыльчивой и во всѣхъ своихъ дѣлахъ наблюдалъ такую единоравность, что почитаемъ былъ отъ всѣхъ не только весьма строгимъ, но притомъ своенравнымъ и упрямымъ человѣкомъ. Но что всего хуже, то духъ его зараженъ былъ непроницаемымъ лукавствомъ, для которой притчины ни съ однимъ человѣкомъ не обходился онъ повѣренно, но всегда содержалъ себя въ нѣкоторомъ удаленіи. Сей порокъ умѣлъ онъ прикрывать наилутчимъ покрываломъ, обходясь съ незнакомыми и посторонними людьми съ необыкновенною ласкою и униженностію, и потому съ перваго вида казался всякому ангеломъ, а не человѣкомъ. Но противное тому оказывалось, когда доходило кому имѣть съ нимъ дѣло ближе, или кто по нещастію попадался ему въ команду; однимъ словомъ, для вышеупомянутыхъ притчинъ не имѣлъ онъ въ свѣтѣ ни одного не только вѣрнаго друга, но ниже хорошаго пріятеля, и тому единственно самъ былъ притчиною. Ибо, какъ онъ и съ наилутчими пріятелями и родственниками своими обходился всегда съ лукавствомъ и никогда не доходило до откровенности и друже-

ской повѣренности, и онъ наиболѣе не то говаривалъ, что думалъ, то и они, не могши получить и найтить въ немъ то, что въ обхожденіи и дружествѣ пріятнымъ почитается, мало по-малу отъ него отставали. — Симъ образомъ обходился онъ и съ покойнымъ моимъ родителемъ, и они хотя и были между собою пріятели, но пріятство ихъ далеко было удалено отъ прямого дружества; почему не знаю и я, помогъ ли бы онъ мнѣ, естлибъ я и взялъ мое къ нему прибѣжище.

Такимъ образомъ, принялъ онъ меня съ оказаніемъ возможнѣйшей наружной ласки и распрашивалъ о притчинѣ моего въ Петербургъ пріѣзда. Я разсказалъ ему все, и въ какихъ обстоятельствахъ находилось тогда мое дѣло, и ожидалъ, не назовется ли онъ самъ съѣздить къ г. Яковлеву, и о скорѣйшемъ поспѣшествованіи моему дѣлу употребить прозьбу, хотя мнѣ въ томъ и не было уже нужды; однако онъ далеко отъ того удаленъ былъ, но паче боясь, чтобъ я его о томъ просить не сталъ, старался рѣчь свою скорѣе преклонить на другую матерію. Онъ велѣлъ послать къ себѣ своего сына, которой нѣсколькими годами былъ меня моложе и учился тогда понѣмецки и по-французски, и былъ предорогой мальчикъ. Онъ заставилъ его при мнѣ говорить съ слугою и сотоварищемъ своимъ въ наукахъ, по имени Маркеломъ, по-нѣмецки, и я признаюсь, что я пристыженъ былъ тогда чрезвычайнымъ образомъ: я видѣлъ, что онъ говорилъ гораздо лутче меня, и завидовалъ ему въ семъ совершенствѣ.

Потомъ приказалъ онъ водить мимо своей ставки взводы обучающихся солдатъ и показывалъ мнѣ, власно какъ величаясь исправностію оныхъ. Совсѣмъ тѣмъ показались мнѣ офицеры паче мертвыми, нежели живыми, ибо они, водя своихъ солдатъ мимо его, трепетали такъ сказать его взгляда. Тогда подумалъ я самъ себѣ, сколь великая разность находилась между его полкомъ и нашимъ, гдѣ о такихъ строгостяхъ никто не вѣдалъ и гдѣ полковника своего всѣ любили и не страшились какъ лютаго звѣря, а потому и не желалъ я быть въ полку у него, несмотря хотя былъ онъ мой недальней родственникъ и хотя-бъ меня къ тому приглашать сталъ. Но, по щастію, у него того и на умѣ не было, но онъ просилъ только меня при отходѣ, чтобъ я не уѣжжалъ изъ Петербурга, не побывавши у него еще раза.

Наконецъ пріѣхалъ графъ изъ Сарскаго-Села и рѣшилъ нашу судьбину. Радость, которую я чувствовалъ при перемѣнѣ моего состоянія, была тѣмъ чувствительнѣе и больше, чѣмъ нечаяннѣе получилъ я оную. Однимъ днемъ, не зная ни мало о воспослѣдовавшемъ еще наканунѣ того дня пріѣздѣ графскомъ и пришедъ очень рано на дворъ къ господину Яковлеву, не успѣлъ войтить въ канцелярію, какъ бросились на меня канцелярскіе служители и начали щипать и сдирать съ обшлаговъ моихъ позументы. Я выразумѣлъ уже что сіе значитъ, и будучи вдругъ пораженъ неописанною радостію, съ охотою уступалъ имъ сіи лыки. Они поздравляли меня съ полученіемъ чина и сказывали, что Михайла Александровичъ еще вчера, какъ скоро графъ пріѣхалъ, возилъ къ нему наше произвожденіе, и графъ безпрекословно подписалъ оное, и что, словомъ, я теперь не сержантъ, а господинъ подпоручикъ.

Вотъ сколь велико усердіе къ намъ было господина Яковлева, и сколь много старался онъ о скорѣйшемъ окончаніи нашего дѣла. Мы, собравшись всѣ, пошли тотчасъ къ нему приносить наше благодареніе, и признательность моя была такъ велика, что естлибъ можно было, то расцѣловалъ бы я у него тогда всѣ руки и пальцы. Онъ поздравлялъ насъ съ полученіемъ чиновъ офицерскихъ, и товарищамъ моимъ публично сказалъ, что они благодарить должны много и меня, ибо естлибъ не для меня онъ поспѣшилъ, то бы имъ долго еще ждать принуждено было, а инымъ и вовсе было бы отказано; а мнѣ сказалъ онъ краткое нравоученіе, чтобъ я жилъ и велъ себя порядочно и

заслуживалъ бы себѣ такую-жъ честь и доброе имя, какъ отецъ мой.

Такимъ образомъ пожалованъ я былъ въ офицеры, и минувшее нещастіе исправлено было наисовершеннѣйшимъ образомъ, ибо велѣно было отдать мнѣ и старшинство мое и щитаться вмѣстѣ съ протчими апрѣля съ 25-го числа, чрезъ что и не потерялъ я ничего предъ протчими моими полковыми сотоварищами. Совсѣмъ тѣмъ, радость и удовольствіе мое нарушаемо и тревожено было еще однимъ обстоятельствомъ: всѣхъ насъ произвели, но по мѣстамъ еще не распредѣлили. Къ нещастію, всѣ полки нашей дивизіи въ послѣднее произвожденіе укомплектованы были офицерами и мѣстъ порожнихъ было очень мало, почему куда насъ дѣвать и опредѣлить не знали. Къ вящей моей досадѣ, въ нашемъ Архангелогородскомъ полку не было ни единой подпорутчицкой ваканціи, и сіе меня наиболѣе смущало, ибо въ другой полкъ мнѣ невѣдомо какъ не хотѣлось. Сверхъ того и въ другихъ полкахъ было только нѣсколько адъютантскихъ ваканцій, а сей чинъ меня уже самъ собою устрашать былъ въ состояніи. Я говорилъ о томъ кой съ кѣмъ въ канцеляріи, но всѣ увѣряли меня, что пособить тому никоимъ образомъ было не можно, и что остается мнѣ только два средства: либо иттить въ другой полкъ въ адъютанты, или, ежели хочу неотмѣнно въ свой, то служить нѣсколько времяни сверхъ комплекта и безъ жалованья, да и сіе развѣ только по моей прозьбѣ г. Яковлевъ здѣлать можетъ. Обрадовался я, сіе услышавъ, и желая неотмѣнно въ свой, не тужилъ о жалованьѣ и пошелъ немедленно просить о томъ моего милостивца, въ коемъ я тогда уже не сомнѣвался. Онъ и дѣйствительно и слова не сказалъ сіе здѣлать, но апробовавъ и самъ мои притчины, для коихъ я въ своемъ полку быть желалъ, велѣлъ тотчасъ по прозьбѣ моей исполнить, увѣряя притомъ, что мнѣ не долго безъ жалованья послужить достанется, и что я при первомъ случаѣ въ комплектъ помѣщенъ буду, и что онъ о семъ непремінетъ постараться.

Такимъ образомъ, опредѣленъ я былъ въ свой полкъ сверхъ комплекта и чрезъ нѣсколько дней получилъ совершенное свое отправленіе. Радость о толь благополучномъ успѣхѣ и окончаніи всѣхъ моихъ намѣреній была неописанная, и новой мой чинъ прельщалъ меня до безконечности. Признаться надлежитъ, что первая сія степень для насъ особливой важности: человѣкъ тогда власно какъ переродится и получаетъ совсѣмъ новое существо; а точно то было тогда и со мною. Мнѣ казалось, что я совсѣмъ тогда иной здѣлался, и я не могъ на себя и на золотой свой темлякъ и на офицерскую шпагу довольно насмотрѣться, въ особливости же смѣшонъ я тогда былъ, какъ пошолъ прощаться съ моимъ дѣдомъ. Неуспѣлъ я приттить къ лагерю, какъ первой часовой, увидѣвъ меня, тотчасъ мнѣ, какъ офицеру, ружьемъ своимъ честь отдалъ. Я восхищенъ былъ до безконечности симъ зрѣлищемъ и былъ учтивствомъ его тѣмъ болѣе доволенъ, что досадовалъ до того на гвардейскихъ часовыхъ, мимо которыхъ мнѣ иттить случилось, что они мнѣ чести не отдавали. Я не зналъ, что у нихъ сего нѣтъ въ обыкновеніи, а приписывая то единой ихъ грубости и неучтивству, говорилъ тогда самъ себѣ: «скоты вы самые и конечно слѣпы, что не видите, что офицеръ идетъ». Но армейскіе солдаты за то наблюдали лутче свою должность, и я такъ много тѣмъ прельщался, что нарочно пошелъ до ставки полковничьей передъ фрунтомъ, чтобъ всѣ ротные часовые также бы меня почтили, и для лутчаго побужденія выстанавливалъ нарочно свой темлякъ, чтобъ они видѣли и знали, что я офицеръ и человѣкъ патентованной.

Распрощавшись съ своимъ дѣдомъ, которой о благополучіи моемъ оказывалъ всякую наружную радость, а потомъ съ господиномъ Яковлевымъ, и принеся сему послѣднему за всѣ его милости тысячу благодареній, отправился я наконецъ

въ исходѣ іюля мѣсяца изъ Петербурга къ полку своему, благословляя сей столичной городъ за все добро, полученное въ ономъ.

Легко можно всякому вообразить, что сіе обратное путешествіе было для меня еще несравненно веселѣе и пріятнѣе, нежели прежнее. Духъ мой неозабоченъ уже тогда былъ сомнѣніемъ и неудручаемъ печалію, но вмѣсто оной всѣми чувствіями моими обладала радость и удовольствіе. Погода случилась и въ сей разъ весьма благопріятная, и какъ мы не имѣли притчины слишкомъ поспѣшать, то ѣхали мы себѣ въ прохвалъ, становились кормить лошадей и ночевать въ любыхъ мѣстахъ на лугахъ и при водахъ, а пріѣхавъ въ Нарву, запаслись на дорогу тамошнею славною просольною рянухою, которая рыба въ особливости была вкусна жареная на угольяхъ. Я объѣдался оною на каждомъ ночлегѣ, и она была мнѣ тѣмъ вкуснѣе, что я самъ поджаривалъ ее на раскладываемыхъ нами огонькахъ и угольяхъ. Наивящее жъ удовольствіе производили мнѣ въ семъ путешествіи обѣ мои новыя книги. Я изобразить не могу, съ какою жадностію и крайнимъ удовольствіемъ читалъ я дорогою моего «Жилблаза». Таковаго рода критическихъ и сатирическихъ веселыхъ книгъ не случалось мнѣ читать еще отъроду, и я не могъ устать, читая сію книгу, и въ нѣсколько дней всю ее промололъ. По окончаніи оной принялся я за свою «Аргениду». Сія производила мнѣ неменьшее удовольствіе; піитической и героической слогъ, каковымъ писана была сія книга, былъ мнѣ въ-особливости милъ и пріятенъ, а описываемыя приключенія крайне любопытны и увеселительны. Я читалъ также и ее не выпуская почти изъ рукъ, и могу сказать, что чтеніе сихъ обѣихъ книгъ такъ занимало мое вниманіе, что я въ сей разъ и не видалъ почти тѣхъ мѣстъ, мимо которыхъ мы ѣхали, и все путешествіе мое дѣлало толь пріятнымъ и веселымъ, что я не помню, чтобъ когда-нибудь въ иное время препровождалъ путешествіе съ столь многимъ удовольствіемъ, какъ тогдашнее. Словомъ, я и не видалъ, какъ переѣхали мы все немалое разстояніе отъ Петербурга до Ревеля и до Рогервика, куда мы чрезъ нѣсколько дней благополучно пріѣхали.

Симъ образомъ кончилась поѣздка моя въ Петербургъ, предпріятая хотя наудачу и безъ всякой надежды, но имѣвшая успѣхъ наивожделѣннѣйшей. Сей успѣхъ по истинѣ превзошелъ все мое чаяніе съ ожиданіемъ, и всѣ вышеупомянутыя произшествія подтвердили истину той пословицы, что «когда Богъ пристанетъ, такъ и пастыря приставитъ». Сіе сбылось дѣйствительно тогда со мною, и я не могъ довольно возблагодарить за то моего безконечнаго Создателя.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ начну разсказывать вамъ о томъ, какъ я началъ жить офицеромъ; а между тѣмъ остаюсь, и протчая.

РОГЕРВИКЪ.

Письмо 30.

Любезной пріятель! Ну, теперь начну я вамъ описывать настоящую мою службу, ибо до сего времяни была она еще ни то, ни сё, и я жилъ при полку совершеннымъ волонтеромъ и не несъ никакой должности; однако и тутъ не тотчасъ она началась, какъ я къ полку пріѣхалъ, но я все-таки имѣлъ нѣсколько времяни для отдохновенія.

По возвращеніи моемъ въ Рогервикъ къ полку нашему, нашелъ я зятя моего отъ болѣзни своей почти исцѣлившагося. Онъ пріѣздомъ и успѣхомъ ѣзды моей чрезвычайно былъ обрадованъ, а не менѣе того оказывали радость и протчіе господа офицеры, а особливо благопріятствующіе мнѣ и живущіе въ дружбѣ съ моимъ зятемъ. Всѣ поздравляли меня съ моимъ благополучіемъ, приходя нарочно затѣмъ къ моему зятю, что̀ подало поводъ къ многократнымъ попойкамъ и угощеніямъ, приличнымъ къ сему случаю. Одинъ только господинъ Колеминъ стыдился тогда смотрѣть на меня, и всѣ офицеры поднимали его почти въявь насмѣхъ.

Самъ старичокъ нашъ, полковникъ, былъ весьма радъ, что удалось мнѣ получить желаемое. Онъ поздравлялъ меня отъ искренняго сердца, какъ я къ нему явился, и желая и съ своей стороны оказать мнѣ какое-нибудь благодѣяніе и въ уваженіе, что я опредѣленъ былъ сверхъ комплекта и принужденъ былъ жить безъ жалованья, не велѣлъ меня до времяни посылать ни на караулъ, ни въ команды, а дозволилъ жить по прежнему съ моимъ зятемъ, въ чомъ никто не имѣлъ на меня претензіи. Итакъ, хотя меня и причислили въ первую-надесять роту, однако я не несъ до самаго окончанія того лѣта никакой должности, но жилъ вмѣстѣ съ зятемъ моимъ, въ построенной имъ между тѣмъ для себя изрядной горенкѣ, совершеннымъ волонтиромъ, неходя никогда на караулъ, равно какъ и въ бываемые строи и полковыя ученія, но которыя тогда почти всѣ уже миновались, и я засталъ только одинъ инспекторской смотръ, бывшей полку нашему.

Живучи въ такой праздности, имѣлъ я довольно свободнаго времени ходить къ протчимъ товарищамъ своимъ офицерамъ и сводить съ ними тѣснѣйшею дружбу и знакомство. Всѣ они меня, и какъ старые, такъ и молодые, въ короткое время отмѣнно полюбили, и всѣми ими былъ я совершенно доволенъ. Самъ маіоръ нашъ, господинъ Колеминъ, старался оказывать мнѣ всякую ласку и благопріятство, ни то угрызаемъ будучи совѣстію и стараясь тѣмъ загладить прежней свой противъ меня проступокъ, ни то видя, что я, не памятуя зла, оказывалъ къ нему всегда достодолжное почтеніе. Самыя привезенныя мною книги помогли мнѣ пріобрѣсть отъ нѣкоторыхъ охотниковъ до чтенія особливое благопріятство. Онѣ во все достальное лѣто принуждены были переходить изъ рукъ въ руки, и всѣ читавшіе ихъ не могли довольно ихъ расхвалить и меня возблагодарить за то, что я привезъ къ нимъ такое пріятное упражненіе.

Впротчемъ, не помню я ничего особливаго, что́-бъ со мною въ достальную часть сего лѣта случилось, кромѣ одного досаднаго случая съ моимъ дядькою и лутчимъ слугою. Онъ раздосадовалъ меня такъ, что, наконецъ, я съ нимъ побранился и принужденъ былъ поднять на него свои руки. Притчиною и поводомъ къ тому было слѣдующее: уже за нѣсколько времяни примѣтилъ я, что сей мой прежней «гофмейстеръ» бывалъ уже слишкомъ-часто пьянымъ. Во время пребыванія моего въ Петербургѣ досаждалъ онъ мнѣ въ особливости симъ проклятымъ своимъ порокомъ, но совсѣмъ тѣмъ не могъ я понимать, откуда онъ бралъ деньги и на какіе избытки пилъ. Когда же по пріѣздѣ моемъ къ полку продолжалъ онъ ремесло сіе еще больше прежняго, то сіе подало поводъ къ тому, что я сталъ присматривать за нимъ прилежнѣе, и открылъ за нимъ такое дѣло, какова я никогда отъ него не ожидалъ. Однажды, встрянувшись его и пошедши самъ его отъискивать, нашолъ я молодца въ людской палаткѣ спящаго и мертво пьяна. Изъ досады и любопытства восхотѣлось мнѣ тогда его обыскать и посмотрѣть, сколько было у него въ карманахъ денегъ; но въ какое удивленіе пришелъ я, когда, обыскивая карманы, вмѣсто денегъ нашолъ въ нихъ ключъ, и ключъ точно такой, какой имѣлъ я отъ своей шкатулки. Вздурился я тогда и закричалъ: «А-а! вотъ гдѣ деньги-то ажно берутся!»... Я побѣжалъ тотчасъ къ своей шкатулкѣ и, примѣривъ ключъ, нашолъ, что онъ еще лутче моего оную отмыкаетъ. Тогда не трудно было мнѣ заключить и удостовѣриться въ томъ, что деньги на пропой тасканы были изъ моей шкатулки, и открытіе таковой непростительной шалости было мнѣ тѣмъ досаднѣе, чѣмъ меньше я того надѣялся, ибо могу сказать, что я почиталъ его вѣрнѣйшимъ у себя человѣкомъ, любилъ его болѣе всѣхъ протчихъ и во всемъ ему вѣрилъ. Но къ чему не можетъ человѣка довесть проклятое пьянство! Совсѣмъ тѣмъ преступленіе сіе казалось мнѣ непростительнымъ, а особливо въ такое время, когда въ деньгахъ самому мнѣ была нужда, и взятая изъ дома казна начала гораздо уже истощаться.

Не могу довольно изобразить, въ какое смятеніе привелъ я сего бездѣльника, когда, давъ ему проспаться, показалъ ему найденной ключъ, и спросилъ, что̀ бы это значило, и не знаетъ ли онъ сей вещи? Нечего ему было тогда уже говорить и дѣлать; онъ не отважился запираться, но, упавъ къ ногамъ моимъ, признавался во всей своей винѣ, сказывая, что ключъ сей прибралъ онъ въ Петербургѣ и что неоднажды уже посѣщалъ мою шкатулу. Итакъ, впервые и въ послѣдніе побранились мы тогда съ симъ человѣкомъ, и я, наказавъ его по достоинству, предпріялъ не только быть впредь гораздо уже отъ него осторожнѣе, но поелику въ исправленіи его имѣлъ я весьма худую надежду, то положилъ при первомъ случаѣ его отъ себя отдалить и сослать въ деревню.

Препроводивъ достальную часть лѣта въ семъ лагерѣ и по приближеніи осени, получили мы повелѣніе, чтобъ полку нашему расположиться по винтеръ-квартирамъ. Оныя асигнованы намъ были въ эстляндскихъ деревняхъ, неподалеку отъ Рогервика, и какъ квартирамъ, каковыбъ онѣ ни были, обыкновенно всѣ бываютъ рады, то ни мало немедля полкъ туда и выступилъ.

Обстоятельство сіе подало поводъ къ великой перемѣнѣ и въ моихъ обстоятельствахъ. До того времяни жилъ я, какъ выше упомянуто, вмѣстѣ съ моимъ зятемъ, что̀ было и можно, потому что онъ имѣлъ горницу въ самомъ лагерѣ; но тогда зятю моему надлежало ѣхать уже вмѣстѣ съ полковымъ штапомъ, и стоять неподалеку отъ полковника, а ротѣ нашей иттить совсѣмъ въ иную сторону и въ такихъ мѣстахъ расположиться по квартирамъ, которыя отдалены были отъ штана не менѣе 80 верстъ; то мнѣ, какъ офицеру, долженствующему уже помышлять о дѣйствительной службѣ, неприлично уже было ѣхать и по прежнему жить вмѣстѣ съ зятемъ, но я принужденъ былъ наконецъ съ нимъ разстаться, и отправиться съ ротою жить самимъ собою. Перемѣна сія была мнѣ хотя весьма чувствительна, но какъ перемѣнить того было не можно, то принужденъ я былъ повиноваться времяни и случаю, и быть тѣмъ довольнымъ.

Такимъ образомъ, распрощавшись, пошли мы по разнымъ дорогамъ. Роты нашей командиромъ былъ тогда порутчикъ князь Мышецкой, самой тотъ, о которомъ я упоминалъ уже прежде сего; сей человѣкъ полюбилъ меня отмѣнно предъ протчими и для самаго того и опредѣлили меня въ его роту. Пришедши на квартиры, нашли мы ихъ не въ весьма хорошемъ состояніи; самому ротному командиру отведенъ былъ самой бѣдной и пустой подмызокъ, а мнѣ приходилось стоять не инако какъ въ рею чухонскомъ. Сіи реи составляютъ у тамошняго бѣднѣйшаго и гнуснѣйшаго въ свѣтѣ народа вкупѣ и избы ихъ, и овины: они и живутъ въ нихъ, и сушатъ свой хлѣбъ, и кормятъ свою скотину, а что того еще (хуже), изъ тѣхъ же корытъ, изъ которыхъ сами ѣдятъ свою пудру или мѣсиво. Къ вящему безпокойству, нѣтъ въ нихъ ни единаго окошка, ни единаго стола и ни единой лавки, но дневной свѣтъ принужденъ проходить сквозь нерастворяющеюся, а задвигающеюся широкую, но низкую дверь, и освѣщать сію тюрьму, стоя во весь день настижь; самая печь здѣлана у нихъ не по-людскому, но въ одномъ противъ дверей углѣ въ вырытой ямѣ. Я ужаснулся, какъ увидѣлъ отведенную себѣ квартиру и не понималъ, какъ мнѣ въ такой тюрьмѣ и пропасти жить и препровождать цѣлую зиму. Но по щастію избавился я отъ сего безпокойства: князь, узнавъ сіе, ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ допустить, чтобъ я стоялъ въ оной, но просилъ меня стать и жить съ нимъ вмѣстѣ, на что я съ великою радостію и согласился.

Такимъ образомъ, нажилъ я себѣ новаго компаніона или товарища, и мы расположились въ квартирѣ своей порядочно. Князь уступилъ мнѣ маленькую каморку, гдѣ я имѣлъ свой столъ и окошко, а самъ опредѣлилъ для себя переднюю и большую горницу; третья-жъ и холодная

каморочка составляла общую нашу кладовую, а чрезъ сѣни въ другой половинѣ были наши люди и ротная канцелярія.

Стояніе наше въ семъ мѣстѣ было хорошо и худо. Въ теплѣ и въ свѣтѣ недостатка мы не имѣли, напротивъ того, въ потребной для насъ провизіи и въ съѣстныхъ припасахъ претерпѣвали иногда оскудѣніе, ибо по бѣдности и суровости тамошнихъ крестьянъ не можно было ничего доставать купить у нихъ ни за какія деньги, а отъ всѣхъ городовъ находились мы въ далекомъ растояніи.

Самое сіе и побудило меня спѣшить отправленіемъ человѣка въ свою деревню для привоза ко мнѣ денегъ и всякой съѣстной провизіи или запаса, ибо прежней и бывшей со мною уже весь изошолъ. И какъ сей случай былъ наиудобнѣйшей для сжитія съ рукъ прежняго моего дядьки, то и отправилъ я его немедленно домой, снабдивъ письмами, содержавшими въ себѣ между протчимъ и судьбу сего человѣка; ибо какъ онъ за воровство свое казался мнѣ не довольно еще наказаннымъ, а пить никакъ не переставалъ, но и послѣ того времяни, несмотря на всѣ заклинанія, нѣсколько разъ бывалъ пьянымъ, то писалъ я къ прикащику своему, чтобъ ево уже ко мнѣ назадъ не посылать, а употребить во всю домашнюю работу на ряду съ протчими дворовыми людьми, а ко мнѣ прислать уже другова человѣка. Симъ образомъ принужденъ я былъ наказать сего изшалившагося человѣка; но, признаюсь, что при подписываніи сего письма, смущала меня нѣсколько совѣсть. Я вспомнилъ всю прежнюю его службу и обо мнѣ въ малолѣтствѣ попеченіе, и мнѣ казалось, что я наказываю его уже слишкомъ строго. Но, по щастію, того и не совершилось, что я объ немъ писалъ и приказывалъ, ибо дядя мой, къ которому я также о томъ писалъ, разсудилъ употребить сего человѣка на лутчее и полезнѣйшее для меня дѣло, нежели паханіе земли и молотьбу хлѣба. Онъ отправилъ его въ Москву и велѣлъ по Вотчинной колегіи хлопотать и справить за меня все мое недвижимое имѣніе и деревни, что онъ, проживъ тамъ цѣлое лѣто, и исправилъ и тѣмъ довольно заслужилъ вину свою. Но какъ бы то ни было, но бѣднякъ сей, котораго судьба не допустила меня болѣе съ того времяни видѣть, не зная ничего, что объ немъ было писано, поѣхалъ домой съ превеликою радостію и благодарилъ еще меня за увольненіе отъ себя, ибо онъ надѣялся, что жить будетъ дома въ покоѣ и освобожденъ будетъ отъ всякой работы.

Что касается до препровожденія нашего времяни, то было оно не гораздо весело; въ такихъ пустыхъ и скучныхъ мѣстахъ увеселеніе находить было трудно или совсѣмъ не можно. Одинъ только товарищъ мой прогонялъ скуку мою своимъ веселымъ и шутливымъ нравомъ, но наконецъ и къ тому я привыкъ, и шутки его здѣлались мнѣ столько-жъ нечувствительны, сколько прежде были для меня забавны и увеселительны; я здѣлался въ короткое время къ нимъ совсѣмъ равнодушенъ. Сверхъ того, сотоварищъ мой имѣлъ въ нѣкоторомъ случаѣ и характеръ особливой и не само-выгодной. Онъ подверженъ былъ нѣкоторымъ порокамъ, и наиглавнѣйшей изъ оныхъ состоялъ въ томъ, что любилъ онъ слишкомъ водку; а какъ сего добра въ Эстляндіи много и вездѣ купить достать было можно, то и не переваживалась она у него никогда и стояла обыкновенно въ шкафѣ или въ бутылкѣ подъ кроватью его и подъ головами. Сперва, не зная сего за нимъ порока, удивился я, сидючи въ своей каморкѣ и то и дѣло слыша «буръ, буръ, буръ»; я не зналъ, что бы это значило, но наконецъ увидѣлъ, что онъ, лежучи на постели, то и дѣло посѣщалъ свою водку. Частое, хотя и не всегдашнее, повтореніе сей привычки дѣлало его совсѣмъ развращеннымъ, и онъ тогда болѣе скученъ, нежели веселъ былъ. Кромѣ сего, подверженъ онъ былъ чрезвычайной лѣни, которая простиралась даже до того, что иногда по цѣлой недѣлѣ онъ не умывался и не чесалъ себѣ голову; а чтобъ не одѣвшись и безъ самаго исподняго платья цѣ-

лой день въ одномъ тулупѣ проходить или большую часть онаго проваляться на постелѣ, это за нимъ очень часто важивалось. Совсѣмъ тѣмъ и на всѣ сіи пороки несмотря, былъ онъ самой честной, разумной, предоброй и въ обхожденіи своемъ пріятной, ласковой и любительной человѣкъ, а за то и любимъ онъ былъ генерально всѣмъ полкомъ.

Таковъ-то былъ мой товарищъ, съ которымъ опредѣлено мнѣ было жить цѣлую зиму. Признаюсь, что сначала онъ мнѣ скоро наскучилъ, однако къ чему не можно привыкнуть? Я привыкъ, и онъ здѣлался мнѣ не только сносенъ, но какъ онъ мнѣ ничего худова не дѣлалъ, а напротивъ того оказывалъ всякую ласку и благопріятство, то могу сказать, что я былъ еще имъ и его дружествомъ доволенъ и не имѣлъ притчины на сообщество съ нимъ жаловаться.

Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда почли мы себѣ за долгъ побывать у нашего мызника или господина, кому принадлежала наша деревнишка, и стараться, буде можно, свести съ нимъ знакомство и чрезъ то получить случай къ выѣзду и къ лутчему препровожденію времяни; но какъ мы нашли его знатнымъ эстляндскимъ дворяниномъ, живущимъ въ огромномъ каменномъ замкѣ и надутымъ гордостью, то скоро лишились надежды, и, побывавъ у него однажды, не имѣли охоты въ другой разъ къ нему ѣхать. Итакъ, единой выѣздъ нашъ былъ къ господину Л***, нашему секундъ-маіору, самому тому, о которомъ упоминалъ я уже прежде сего, и которой по щастію имѣлъ тогда квартиру свою верстъ за пятнатцать отъ насъ, такъ что намъ къ нему нерѣдко ѣздить было можно. Но и того лишились мы спустя нѣсколько времяни, ибо онъ, къ сожалѣнію моему, переведенъ былъ изъ нашего полку въ другой и отъ насъ уѣхалъ; кромѣ-жъ его, по нещастію нашему, никому изъ офицеровъ близко насъ стоять тогда не случилось.

Но какъ выѣзды и къ самому сему маіору не слишкомъ были часты, то праздная офицерская жизнь въ полкахъ, а особливо въ зимнее время, всего болѣе мнѣ наскучила. Я съ самаго ребячества, а особливо живучи въ деревнѣ, здѣлалъ привычку не сидѣть никогда безъ дѣла, но во всякое время въ чемъ-нибудь упражняться, а тутъ дѣлать мнѣ совсѣмъ было нечего и оттого чувствовалъ я болѣе скуки. Наконецъ, для прогнанія оной вздумалъ я учиться что-нибудь переводить, и для того выпросилъ у г. Л*** нѣмецкой Гибнеровъ географической и газетной словарь, и сталъ переводить изъ него лутченькія и любопытнѣйшія статьи. Сіе упражненіе помогло мнѣ много прогонять мою скуку: я собралъ ихъ цѣлую книжку, и сія книжка была первымъ плодомъ трудовъ моихъ, но, къ сожалѣнію, пропала она у меня послѣ съ другими книгами.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ нашего пріѣзда, принужденъ я былъ переходить тотъ порогъ, которой переступаютъ почти всѣ молодые люди тогдашняго моего возраста, и нерѣдко, спотыкаясь, погибаютъ, а имянно — слечь и вытерпѣть жестокую горячку. Это было въ первой разъ на моей памяти, что я былъ боленъ, кромѣ обыкновенныхъ во время младенчества болѣзней. Болѣзнь моя продлилась хотя не долго и не болѣе двухъ недѣль, но доводила меня до крайности; однимъ словомъ, всѣ почти сумнѣвались о моей жизни и не чаяли мнѣ выздоровѣть. При семъ-то случаѣ узналъ я доброе сердце моего товарища, которой одинъ былъ тогда и моимъ надзирателемъ и лекаремъ, ибо въ штапъ за лекаремъ посылать было не только что далеко, но за рѣками, тогда только замерзать начинающимся, было и не можно, а сверхъ того и зятя моего при полку тогда не было: онъ отпросился на самое короткое время въ свою деревню и былъ тогда дома; итакъ, все попеченіе обо мнѣ имѣлъ тогда одинъ мой товарищъ. Онъ и подлинно ходилъ тогда за мною какъ за роднымъ своимъ братомъ, не отлучался ни на минуту отъ меня и неоказывалъ никакой отъ того скуки и неудовольствія; самая водка его стояла во все сіе вре-

мя подъ кроватью съ покоемъ и безъ всякаго къ ней прикосновенія. Единое только смѣшное обстоятельство было ему крайне досадно, а имянно: во время болѣзни моей вспомнился мнѣ какъ-то медовой квасъ, какой пивалъ я въ рядахъ, въ Петербургѣ, и какъ въ горячкѣ у больныхъ бываютъ иногда странныя прихоти, то захотѣлось и мнѣ онаго. Но гдѣ было взять въ чухнахъ меду? Товарищъ мой съ ногъ сбилъ солдатъ и лошадей, посылая всюду искать онаго, но нигдѣ не находили и ни за какія деньги не можно было достать ни одного золотника онаго, толь велика была пустота сихъ мѣстъ и мизерность тамошнихъ жителей; въ города же посылать было тогда за распутицею не можно, да и очень далеко. Товарищъ мой въ то время, когда я занемогъ, по случаю, что у насъ весь на ту пору изошолъ чай, съ величайшею нуждою досталъ и онаго нѣсколько золотниковъ, и за нимъ принужденъ онъ былъ посылать верстъ за сорокъ, къ пріятелю нашему, господину Головачеву, и посланные чуть-было не перетопли. Совсѣмъ тѣмъ не давалъ я ему ни на минуту покою: онъ «давай мнѣ меду», да и только всего! Долго онъ отъ меня коекакъ отдѣлывался, но наконецъ не зналъ уже что дѣлать; но щастію, скоро я потомъ сталъ выздоравливать и избавилъ его отъ своей докуки. Крѣпость натуры и молодость моя преодолѣли болѣзнь, или, паче сказать, Богу не угодно было лишить меня жизни.

Кромѣ сей имѣлъ я еще другую и того страннѣйшую прихоть. Какъ мнѣ уже немного полехчѣло, то приди ко мнѣ превеликой апетитъ къ водкѣ. Мнѣ мечталось, что она имѣетъ въ себѣ неописанныя пріятности, и напоминаніе, какъ офицеры въ походѣ пивали ее изъ погребцовъ, побуждало меня желать и требовать сего напитка; однако князь меня уже въ семъ случаѣ не послушалъ и наотрѣзъ отказалъ.

Не успѣлъ я отъ болѣзни своей свободиться, какъ получилъ радостное извѣстіе, что, наконецъ, сдѣлалась въ полку нашемъ ваканція и меня въ комплектъ причислили. Мнѣ сіе тѣмъ было пріятнѣе, что безъ жалованья жить мнѣ уже и гораздо скучилось. Денежекъ не было у меня давно уже ни полушки, и я въ ожиданіи привоза изъ деревни пробавлялся уже кое-какъ, занимая и живучи почти совсѣмъ на коштѣ моего товарища.

Симъ окончу я сіе письмо, и остаюсь и протчая.

ВЪ ПОДМЫЗКѢ.

Письмо 31.

Любезной пріятель! Теперь начну я вамъ разсказывать дѣйствительную уже мою офицерскую службу, ибо не прошло послѣ того времяни, какъ причислили меня въ комплектъ, и одной еще недѣли, какъ полку нашему досталось иттить въ Рогервикъ на караулъ, и я командированъ былъ вмѣстѣ съ протчими офицерами, и долженъ былъ служить первую службу. Такимъ образомъ, отправились мы стеречь и караулить каторжныхъ, и принуждены были тамъ промучиться съ цѣлой почти мѣсяцъ. По щастію, досталось мнѣ при всемъ караулѣ править адъютантскую должность, которая была хотя и довольно трудна, однако выгоднѣй всѣхъ протчихъ; по крайней мѣрѣ не былъ я принужденъ водить каторжныхъ всякой день на мулю и зябнуть тамъ подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтромъ, ибо тогда осень была наиглубочайшая и время самое дурное, но жилъ все въ теплѣ и въ караульнѣ на гаубтвахтѣ. Къ вящему удовольствію моему, случился тутъ командиромъ у меня быть другова полку капитанъ, человѣкъ весьма хорошей, ласковой и дружелюбной. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились и онъ меня полюбилъ чрезвычайно, и никакъ того допустить не хотѣлъ, чтобъ мнѣ готовили особое кушанье, но я неотмѣнно долженъ былъ пить и ѣсть съ нимъ вмѣстѣ и довольствоваться его коштомъ, что по тогдашнему моему оскудѣнію въ деньгахъ было мнѣ и непротивно. Звали его Кирилою Алексѣевичемъ Колю-

бакинымъ, и я ласки и дружбу его никогда не позабуду.

Два только обстоятельства мнѣ досаждали и сначала меня весьма обезпокоивали. Первое было то, что я долженъ былъ въ каждое утро и въ каждой вечеръ ходить въ острогъ и во всѣхъ казармахъ перекликать по списку всѣхъ каторжныхъ поимянно. Сіе составляло въ самомъ дѣлѣ комисію весьма скучную и я долго не могъ къ сему привыкнуть, но наконецъ и сіе мнѣ здѣлалось сносно. Я затвердилъ ихъ списки почти наизусть и любовался еще согласіемъ ихъ странныхъ имянъ, оканчивающихся по большей части на «енко», какъ напримѣръ: Ванко Терещенко, Осипъ Григоренко, и такъ далѣе. Другое обстоятельство было то, что сіи злодѣи стравили-было меня вшами. Не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ проявилось на мнѣ такое множество вшей, что все платье мое наполнено было ими, такъ что онѣ мнѣ покоя уже не давали. «Господи помилуй!» говорю я, «откуда такая пропасть взялась? никогда со мною *е*дакой бѣды не бывало?»—Терплю я день, терплю другой, терплю и третей, но наконецъ не стало уже мочи болѣе; количество вшей на мнѣ не только не уменьшалось, но со всякимъ днемъ увеличивалось еще болѣе.—Что за диковинка!—говорю я, и бранюсь на слугу своего, что не можетъ онъ однажды хорошенько всѣхъ ихъ выбрать и перебить. «Что, сударь!» отвѣтствовалъ онъ мнѣ, «я и самъ не надивлюсь вшамъ этимъ. Кажется, выберешь все платье чисто на-чисто, а на завтрее опять столькожъ, и дьяволъ ихъ знаетъ откуда они берутся». Симъ образомъ не знали-бъ мы долго что̀ съ ними дѣлать, естлибъ не избавилъ насъ отъ сего зла одинъ тутошней житель, пришедшей по случаю къ намъ въ караульню. Онъ, увидѣвъ насъ суетящихся о семъ дѣлѣ и недоумѣвающихся, захохоталъ и сказалъ мнѣ: «Э, баринъ, вы конечно еще незнаете, откуда эти вши берутся? Это, сударь, вамъ каторжные подрадѣли»! — Какъ каторжные? — спросилъ я, удивившись, сего человѣка. — «Вы конечно», отвѣтствовалъ онъ, отъ нихъ не остерегаетесь въ то время, какъ вы ихъ перекликаете и стоите подъ ихъ койками?»—Ну! что-жъ?—спросилъ я еще больше удивившись,—я конечно стою подъ ихъ койками, ибо весь потолокъ ими въ казармахъ увѣшенъ.—«Ну, сударь, такъ оттуда-то они ихъ на васъ и спускаютъ». —Что ты говоришь? не вправду ли?—«Конечно такъ, и это у нихъ давнишнее обыкновеніе», сказалъ онъ. — Ахъ проклятые, закричалъ я: дамъ же я имъ за это хорошую баню!—«Нѣтъ, сударь», отвѣтствовалъ мнѣ онъ, «а извольте ходить перекликать лутче въ епанчѣ и съ шляпою съ распущенными полями, а то все вы отъ нихъ не избавитесь; въ шляпѣ же и синей епанчи скорѣй можно выбрать». Обрадовался я чрезвычайно, узнавъ сіе бездѣльничество, и поблагодаривъ сего человѣка за совѣтъ, въ тотъ же день, употребивъ болѣе осторожности, поймалъ одного бездѣльника, мечущаго на меня вши, и велѣлъ дать ему за то линькомъ болѣе ста ударовъ, ибо бить ихъ состояло въ моей власти. Послѣ-жъ того не только сталъ ходить въ казармы ихъ въ епанчѣ и съ шляпою съ распущенными полями, но и становиться для переклички ихъ въ такое мѣсто, гдѣ-бъ надо мною не было висящихъ ихъ постелей и коекъ, и чрезъ самое то отъ сего зла избавился.

Впротчемъ, какъ мы пробыли тутъ съ цѣлой почти мѣсяцъ, то имѣлъ я случай узнать Рогервикъ въ подробности. Онъ составлялъ въ мою бытность изрядное мѣстечко, имѣющее въ себѣ нѣсколько сотъ домовъ и одну церковь; по большой части жили въ немъ промышленники, ставящіе каторжнымъ потребные къ содержанію ихъ припасы. Званіе свое получилъ онъ отъ острова Рогера, лежащаго на морѣ противъ самаго сего мѣста, а «викомъ» называется тотъ уѣздъ или берегъ, гдѣ оной былъ построенъ. Построенію онаго и содержанію каторжныхъ въ семъ мѣстѣ было извѣстное и великое намѣреніе императора Петра Великаго, чтобъ построить тутъ гавань, а современемъ на островѣ Рогерѣ городъ. И подлинно, естлибъ намѣреніе сіе могло-бъ со-

вершиться, то была бы тутъ гавань, неимѣющая себѣ почти подобной, но жаль, что непреоборимыя препятствія дѣлали тому помѣшательство и не подавали надежды, чтобъ когда-нибудь могла она быть здѣлана. Работа каторжныхъ состояла въ ломаніи въ тутошнемъ каменистомъ берегѣ камней, въ пошеніи ихъ на море и киданіи въ воду, дабы здѣлать отъ берега до острова каменную широкую плотину, которую они называли «мулею». Но сего-то самаго здѣлать было и не можно, ибо какъ скоро отъ берега поудалились, то пришла не только превеликая и болѣе нежели на 30 саженъ простирающаяся глубина, но и дно морское было такъ гладко и каменисто, что не можно было никакъ утвердить основанія. Не успѣетъ подняться большая буря, какъ въ одинъ часъ разрушитъ и снесетъ все то, что лѣтъ въ пять накидано было; уже были опускаемы тарасы и дѣланы разныя другія выдумки, но ничто не помогало, но все остановилось въ одной норѣ. Совсѣмъ тѣмъ здѣлано было уже тогда сей «мули» болѣе двухъ-сотъ саженъ.

Каторжныхъ водили на работу, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ безпрерывнымъ рядомъ солдатъ съ заряженными ружьями. А чтобъ они во время работы не ушли, то изъ того же камня здѣлана при началѣ мули маленькая, но не отдѣланная еще крѣпосца, въ которую впустивъ разстанавливаются кругомъ по валу очень часто часовые, а въ нужныхъ мѣстахъ бекеты и команды. И сіи-то бѣдные люди мучатся еще болѣе, нежели каторжные: тѣ, по крайней мѣрѣ, работая во время стужи, тѣмъ грѣются, а сіи должны стоять на вѣтрѣ, дождѣ, снѣгѣ и морозѣ, безъ всякой защиты и однимъ своимъ плащемъ прикрыту быть, а сверхъ того ежеминутно опасаться, чтобъ не ушелъ кто изъ злодѣевъ.

Собственное жилище ихъ построено въ самомъ мѣстечкѣ и состоитъ въ превеликомъ и толстомъ острогѣ, посреди котораго построена превеликая и огромная связь, раздѣленная внутри на разныя казармы или свѣтлицы. Сіи набиты были полны сими злодѣями, которыхъ въ мою бытность было около тысячи; нѣкоторые жили внизу на нарахъ нижнихъ или верхнихъ, но большая часть спала на привѣшенныхъ къ потолку койкахъ. Честное или злодѣйское сіе собраніе состоитъ изъ людей всякаго рода, званія и чина: были тутъ знатные, были дворяне, были купцы, мастеровые, духовные и всякаго рода подлость, почему нѣтъ такова художества и рукомесла, котораго бы тутъ наилутчихъ мастеровъ не было и которое бы не отправлялось. Большая часть изъ нихъ рукодѣліями своими питаются и наживаютъ великія деньги, а не менѣе того наживались и богатились опредѣленные къ нимъ командиры. Впротчемъ, кромѣ русскихъ, были тутъ люди и другихъ народовъ: были французы, нѣмцы, татары, черемисы и тому подобные. Тѣ, которые имѣли болѣе достатка, пользовались и тутъ нѣкоторыми множайшими предъ другими выгодами: они имѣли на нарахъ собственныя свои отгородки и изрядныя коморочки, и по благосклонности командировъ не хаживали никогда на работу. Видѣлъ я тутъ также и славнаго Андреюшку, которой нѣкогда подъ имянемъ «Христа» игралъ въ Москвѣ странную *ролю* и вскружилъ у многихъ господъ совершенно ихъ голову: мужичонка пакостной и ни къ чему годной, и ему вмѣстѣ съ апостолами его доставались всего чаще отъ солдатъ толчки и побои. Всѣ безъ изъятія они закованы въ кандалахъ, по примѣру протчихъ, и многіе имѣютъ двойныя и тройныя желѣзы, для безопасности чтобъ не могли уйтить съ работы.

Смотрѣніе и караулъ за ними бываетъ наистрожайшей, но инако съ сими злодѣями и обойтиться не можно: выдумки, хитрости и пронырствы ихъ такъ велики, что, на всѣ строгости несмотря, находятъ они средствы уходить какъ изъ острога, такъ и во время работы и чрезъ то приводить караульныхъ въ нещастіе; почему стояніе тутъ на караулѣ соединено съ чрезвычайною опасностію, и рѣдкой мѣсяцъ проходитъ безъ проказы. Однако мы

свой мѣсяцъ отстояли благополучно и ничего худого не воспослѣдовало.

Но я уже отяготилъ васъ, любезной пріятель, повѣствованіемъ о сихъ злодѣяхъ, изъ которыхъ каждой сосланъ сюда вѣрно не за пустое, а за великія злодѣянія, и теперь время уже разсказать вамъ что-нибудь повеселѣе и смѣшное.

Возвращаясь въ свои квартеры, имѣлъ я себѣ попутчика и въ дорогѣ товарища, а имянно самаго того господина Колюбакина, съ которымъ мы стояли вмѣстѣ на караулѣ, ибо какъ ему въ полкъ свой мимо самой почти нашей квартеры ѣхать надлежало, то согласились мы ѣхать вмѣстѣ. Подъѣжжая къ нашей квартерѣ, вздумалось намъ съ нимъ порѣзвиться и съ княземъ моимъ сыграть небольшую комедію; князя моего онъ столько-жъ коротко зналъ, сколько и я, и почиталъ его себѣ хорошимъ пріятелемъ. Долго мы думали, чѣмъ бы надъ нимъ подшутить, и наконецъ рѣшились написать фальшивой отъ полку въ нашу роту приказъ и онымъ нарядить его въ команду, вѣдая, что сіе наиболѣе его вздуритъ и тронетъ. Не успѣли мы вздумать, какъ тотчасъ сіе и здѣлали. Мы остановились въ послѣдней корчмѣ и сочинили сообща приказъ, предписавъ князю наистрожайшимъ образомъ въ ономъ, чтобъ онъ по полученіи неотмѣнно чрезъ часъ изъ квартеры выѣхалъ и явился-бъ въ штапъ для отправленія его въ команду, о которой по прибытіи объявится. Наступившая ночь поспѣшествовала нашему умыслу: мы послали къ нему приказъ сей съ незнакомымъ ему солдатомъ и настроивъ онаго, что́ ему дѣлать и говорить, велѣли, подавъ, подтвердить приказаніе, сами-жъ слѣдовали за нимъ и, пришедши пѣшкомъ, стали смотрѣть всего происхожденія сквозь окошко. Князь лежалъ тогда растянувшись на постелѣ и находился въ спокойнѣйшемъ состояніи, какъ вошелъ къ нему солдатъ и приказъ подалъ. Не успѣлъ онъ его прочесть, какъ началась наша комедія: ни съ другого слова, вскоча, матерномъ онъ и полковника и всю полковую канцелярію. — Это было первое явленіе. Потомъ подскочилъ онъ къ солдату, взялъ его за шиворотокъ и закричалъ: «Да не съ ума ли они всѣ тамъ сошли? давно-ль я былъ въ командѣ?» — «Я, сударь, не знаю», отвѣтствовалъ солдатъ, «но мнѣ что велѣно, то я и донесъ». — «Донесъ! — подхватилъ князь: — такъ поди-жъ ты назадъ и скажи имъ всѣмъ, и полковнику-та и адъютанту: съ ума-де вы спятили всѣ! — вотъ-де что князь велѣлъ вамъ сказать. — Не ѣду я; — боленъ я! Вотъ какая бѣда! поѣжжай имъ въ правду черезъ часъ, а куда — нелегкая знаетъ!» — «Мнѣ велѣно, ваше благородіе», сказалъ тогда солдатъ, «вамъ доложить, чтобъ вы ни подъ какимъ видомъ не отговаривались». — «О, такой-сякой!» — завопилъ тогда князь, и бросившись опять на солдата, затопалъ ногами: еще и ты сталъ мнѣ досаждать. Поди! слышишь-ли, и скажи, что я тебѣ велѣлъ, и плюнь имъ въ глаза». Сказавъ сіе, вытолкалъ онъ его вонъ. Мы со смѣху надсѣдались, все сіе видя и слыша и насилу могли утерпѣть, чтобъ не захохотать во все горло. Князь, прогнавъ солдата, началъ опять читать приказъ и вновь бранить и проклинать и полковника, и канцелярію, и всѣ команды въ свѣтѣ; потомъ сталъ онъ шагать взадъ и впередъ по горницѣ и самъ съ собою говорить: «ну! что ты изволишь? какъ не поѣдешь? какъ сдѣлаешь ослушаніе? и чѣмъ отговоришься? Но, о! чтобъ вамъ всѣ черти на шею, проклятые! — Изволь, поѣжай у нихъ ночью и ломай себѣ голову». Мы велѣли тогда войтить опять солдату и спросить, что́жъ приказать изволитъ. Не успѣлъ онъ войтить, какъ князь опять на него оборвался и говоря ему: «да поди-жъ ты, проклятой, отъ меня прочь», толкалъ опять его въ двери, потомъ кричалъ слугѣ и велѣлъ лошадей готовить. Въ самое сіе время вошли мы какъ бы тогда только съ дороги и, будто не зная ничего, спрашивали, что онъ такъ сердитъ и что за бумагу въ рукахъ держитъ. «Да какъ, братцы, не сердиться, отвѣчалъ онъ въ превеличайшей будучи досадѣ: въ послѣдней командѣ былъ я, а теперь, нелегкая ихъ побери, опять посылаютъ. Поѣду! разругаю,

разбраню и полковника, и весь причотъ его»... Тогда не могли мы болѣе утерпѣть, но захохотали во все горло и тѣмъ комедію сію кончили. Князь догадался, что это мы его обманули, и обрадовавшись, началъ самъ хохотать вмѣстѣ съ нами, хваля и браня насъ за нашу выдумку.

Нѣсколько дней послѣ того здѣлалась-было у меня съ княземъ другая шутка, которая на шутку худо походила, а имянно, я чуть-было наповалъ не застрѣлилъ моего товарища. Сіе случилось слѣдующимъ образомъ: однажды сказали мнѣ, что на дворѣ сидитъ у насъ великое множество воронъ и галокъ. По молодости моей, захотѣлось мнѣ выстрѣлить по нихъ изъ ружья и застрѣлить нѣсколькихъ, хотя не было мнѣ въ нихъ ни малѣйшей нужды; ружье у насъ стояло всегда въ горницѣ, въ углу подлѣ дверей, для подобныхъ сему случаевъ. Итакъ, схватилъ я его и сталъ смотрѣть, заряжено ли оно или нѣтъ, а увидѣвъ, что было оно не заряжено, кричалъ, чтобъ скорѣе сыскали порохъ и дробь, а самъ между тѣмъ выбѣжалъ на дворъ, чтобъ посмотрѣть на птицъ и примѣтить, гдѣ онѣ сидѣли. Князь мой лежалъ тогда, растянувшись на постели; но не успѣлъ я вытить, какъ, вскочивъ съ оной и сыскавъ порохъ и дробь, зарядилъ того момента ружье превеликимъ зарядомъ и поставивъ по прежнему въ уголъ, легъ опять на постелю. Я всего того, будучи на дворѣ, не зналъ, и не видалъ, и потому, вошедъ въ горницу и увидѣвъ ружье на прежнемъ мѣстѣ, а и князя по прежнему лежащаго на кровати, ни мало не сомнѣвался, что оно еще не заряжено; а потому ни съ другого слова схватилъ ружье, хотѣлъ посмотрѣть, есть ли въ кремнѣ огонь, и какъ я за минуту до того вскрывалъ только полку, да и въ дуло ружья дулъ, то и не ума мнѣ было раскрыть вторично полку, но я, взведя-таки курокъ, для узнанія хорошъ ли въ кремнѣ огонь, спустилъ его благополучно. На ту бѣду не догадалось ружье и осѣкнуться, но выпалило изряднымъ образомъ, и что всего хуже, въ самого князя.

Какой ужасъ меня тогда поразилъ, того изобразить я не въ состояніи; довольно, я оцѣпенѣлъ и не вспомнилъ самъ себя, а особливо увидя князя, съ превеликимъ воплемъ съ кровати вскочившаго и не меньше моего испужавшагося. Дробь, отскочивъ отъ стѣны, прыгала тогда по полу и я не понималъ, какъ все это здѣлалось, ибо зналъ, что ружье было не заряжено. Долго не могли мы оба промолвить ни одного слова, наконецъ князь мой захохоталъ во все горло и сказалъ: «тьфу какой! застрѣлилъ-было меня чистёхонько». Тогда опамятовался я и обрадовался несказанно, что вреда ему никакова не здѣлалось: дроби нѣкоторая часть въ него хотя и попала, но по щастію не трафила ни одна дробинка въ лицо и руки, а только въ тулупъ, и потому оной не прошибла; большая же часть пролетѣла на вершокъ выше его и попала въ стѣну. Радуясь невѣдомо какъ, что избавился отъ такого нечаяннаго нещастія и бѣды, не вѣрилъ долго я его увѣреніямъ, что онъ не раненъ, а наконецъ благодарили мы оба Бога и дивились нечаянности сего случая. Онъ сказывалъ мнѣ, что онъ ружье безъ меня зарядилъ, а я не понималъ, какъ могъ онъ такъ скоро успѣть, ибо отсудствіе мое и двухъ минутъ не продолжалось; однимъ словомъ, мы оба были виноваты: я — тѣмъ, что не посмотрѣлъ на полку, а онъ—тѣмъ, что мнѣ не сказалъ; а съ другой стороны оба и правы: я—тѣмъ, что вѣрно зналъ, что ружье не заряжено, и потому не имѣлъ притчины ничего опасаться, а онъ тѣмъ,—что мнѣ сказать не имѣлъ времяни, ибо все сіе окончилось меньше, нежели въ одну минуту. Ктому-жъ, хотя и видѣлъ онъ, что я ружье держу прямо на него дуломъ и около замка шишляю, но ему думалось, что я оправляю кремень или полку; совсѣмъ тѣмъ, бѣда была отъ меня очень недалече, и самъ Богъ похотѣлъ меня отъ ней помиловать и избавить, ибо надобно знать, что разстояніе между мною и княземъ было только чрезъ горницу и очень недалече. Итакъ, естлибъ ружье было на палецъ ниже наклонено, то бы попало ему всѣмъ зарядомъ прямо въ лицо и совсѣмъ бы его

изуродовало или бы еще до смерти убило, въ которыхъ случаяхъ весьма изрядно-бъ заплатилъ я ему за его обо мнѣ во время болѣзни моей дружеское попеченіе. Съ того времяни полно мнѣ стрѣлять по воронамъ, я оставилъ сію охоту другимъ, и приключеніе сіе не могло долго у меня изъ головы вытить, хотя и кончилось единымъ смѣхомъ.

Вскорѣ послѣ того отшутилъ и онъ мнѣ сію шутку, но только не такимъ, а смѣшнымъ образомъ, и напугалъ меня на-смерть. Я уже выше упоминалъ, что онъ охотникъ былъ до излишней рюмки водки, однако сіе съ нимъ не всегда равно было, но пристрастіе сіе дѣйствовало иногда болѣе, а иногда меньше; однимъ словомъ, онъ пивалъ болѣе запоемъ, и когда случится сіе, то уже нѣсколько дней сряду бывалъ онъ мнѣ худымъ и скучнымъ компаніономъ. Таковое нещастіе случилось со мною нѣсколько дней послѣ вышеупомянутаго произшествія. Принесло къ намъ нѣсколькихъ человѣкъ гостей изъ стоящихъ ближе протчихъ къ намъ знакомыхъ офицеровъ, и какъ въ полкахъ за лутчее препровожденіе времяни щитается брать почаще и носить кругомъ рюмки, то были они князю моему добрые товарищи. Однимъ словомъ, въ оба тѣ дни, которые они у насъ пробыли, не помнили они, дни ли были или ночи, и гуляли такъ хорошо, какъ лутче требовать не можно; наконецъ, къ великому удовольствію моему, уѣхали они, однако скука моя чрезъ то не окончилась. Князь былъ тѣмъ еще недоволенъ, но, получивъ поводъ, продолжалъ и безъ нихъ одинъ потягивать, и сіе продолжалось до того, покуда показались ему въ глазахъ мальчики; тогда повѣрилъ я тому, что человѣкъ дѣйствительно до сей крайности допиться можетъ. Но сіе удостовѣреніе стоило мнѣ дорого, потому что я на-смерть перетрусился и перепугался. На третей или на четвертой день случилось мнѣ войтить въ его горницу, гдѣ онъ одинъ пьяной расхаживалъ; но каково было мое удивленіе, какъ онъ вдругъ тогда закричалъ: «вонъ они! вонъ они!» и того момента вскоча со стула, на которой-было присѣлъ, бросился въ уголъ къ печи. Остановилъ я его, и съ удивленіемъ спрашивалъ, что это такое и кого онъ видитъ? Но онъ, не отвѣтствуя мнѣ, рвался только у меня изъ рукъ и указывая рукою за печь, кричалъ безпрестанно: «вонъ они!.. экъ ихъ сколько!.. вотъ ужо я васъ!.. Чего вамъ хочется!..» Тогда оцѣпенѣлъ я, сіе услышавъ и, будучи съ нимъ одинъ, не зналъ, что начать и дѣлать. Мужичина былъ онъ хотя тонкой, но превеликой и сильной, и будучи притомъ нѣсколько косъ, имѣлъ и въ добрую пору лицо не весьма пріятное, а тогда, здѣлавшись отъ пьянства совсѣмъ развращеннымъ, казался еще гораздо страшнѣйшимъ. Не трудно мнѣ было заключить, что онъ выпился съ ума и что ему кажутся въ глазахъ мальчики и черти, о коихъ я слыхалъ прежде, да и отъ самого его, что сіе съ нимъ уже не впервые, а случалось и прежде. Но какъ бы то ни было, но на меня напалъ тогда страхъ и чрезвычайная робость: я боялся и отъ него иттить, и при немъ остаться. Я силился его держать, сколько мнѣ можно было, но какъ, наконецъ, силы мои ослабѣли и я не могъ уже никакъ съ нимъ сладить, онъ же безпрестанно рвался, кричалъ, говорилъ нелѣпую, указывалъ, грозилъ, скрежеталъ зубами, а притомъ глаза и весь взоръ его здѣлался дикъ и страшенъ, то началъ я кричать и звать людей на вспоможеніе. Но сихъ, къ нещастію, не случись тогда ни одного во всемъ домѣ нашемъ — всѣ они ушли убирать и поить лошадей, ибо сіе было почти уже въ сумерки. Но наконецъ прибѣжали они, и тогда, оставивъ я всѣ церемоніи, велѣлъ его силою положить на постель и лежать принудить. Онъ попротивился-было нѣсколько и началъ барахтаться; однако, какъ силы его были въ изнеможеніи, то нетрудно было намъ съ нимъ сладить. Однако всю почти ночь принуждены мы были его караулить, и я всю ее не могъ заснуть крѣпко ни на минуту, ибо мнѣ то и казалось, что онъ опять вскочитъ и либо надъ собою, либо надъ нами что-нибудь худое здѣлаетъ. но, по щастію, не было отъ него никако-

ва болѣе безпорядка. Сонъ овладѣлъ вскорѣ послѣ того всѣми его чувствами, и онъ, заснувъ, проспалъ цѣлыя почти сутки, какъ убитой.

Между тѣмъ постарался я прибрать у него достальные всѣ напитки и замкнулъ ихъ за свой замокъ. Князь, проспавшись, былъ въ наижалостнѣйшемъ состояніи: не ѣвши и не спавши цѣлыя трое сутки, здѣлался онъ такимъ развращеннымъ и столь ослабѣвшимъ, что я самъ надъ нимъ сжалился, и далъ ему нѣсколько вина, чтобъ опохмѣлиться. Онъ признавался въ своемъ безпорядкѣ, досадовалъ самъ на себя и на негодную свою привычку, и будучи притомъ добросовѣстнѣйшей человѣкъ, приносилъ мнѣ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я впредь до такой крайности его не допускалъ, но отнималъ бы и уносилъ отъ него всѣ напитки; а буде-бъ сталъ онъ слишкомъ барабошить, то безъ дальнихъ околичностей велѣлъ бы ево связать и положить насильно спать, увѣряя, что онъ за то не только не будетъ сердиться, но станетъ еще благодарить самъ. Однако я могу сказать, что намъ не доходила до того никогда надобность; онъ самъ былъ съ того времяни гораздо воздержнѣе и осторожнѣе, и я въ такомъ состояніи никогда уже болѣе его не видалъ.

Симъ кончу я сіе письмо, сказавъ, что я, напоминая сіе, благодарю и понынѣ небеса, что они въ жизнь мою сохранили меня отъ сего порока. Между тѣмъ, увѣривъ васъ въ моей дружбѣ, остаюсь и протчее.

ЭКЗЕРЦИРОВАНІЕ.

Письмо 32.

Любезной пріятель! Нѣсколько дней спустя послѣ упомянутаго въ послѣднемъ письмѣ страннаго произшествія съ княземъ, моимъ товарищемъ, получилъ я отъ полка повелѣніе, чтобъ я, принявъ команду, слѣдовалъ въ Ревель для принятія на полкъ провіанта. Сія была моя вторая служба, и какъ дѣло сіе было немудреное, то исправилъ я сію комисію какъ должно, и ѣзда взадъ и впередъ въ Ревель сопряжена была тѣмъ съ меньшею скукою, что мнѣ самому въ Ревелѣ побывать была собственная нужда; ибо, кромѣ протчихъ покупокъ, надлежало мнѣ и порядочно еще обмундироватца, а деньги тогда у меня уже были, ибо я взялъ впередъ за цѣлую треть перваго государева жалованья.

Въ бытность мою въ Ревелѣ не случилось со мною ничего особливаго. Покуда команда моя принимала провіантъ, упражнялся я въ закупаніи для себя разныхъ вещей, заказалъ себѣ сшить новой мундиръ и исправлялъ протчее, что было надобно. Въ сіе время, между протчимъ, не позабылъ я и о удовольствованіи своего пристрастія или, паче сказать, охоты и склонности къ книгамъ, которая часъ отъ часу увеличивалась во мнѣ болѣе. Еще съ самаго пріѣзда моего въ сей городъ не упустилъ я тотчасъ спросить, нѣтъ ли въ немъ книжной лавки, и какъ мнѣ сказали что есть, то при первомъ свободномъ случаѣ полетѣлъ я какъ на крылахъ искать оной. И въ какой радости былъ я, увидѣвъ превеликую лавку, наполненную всю переплетенными книгами, но, къ сожалѣнію моему, не русскими, а все иностранными. Совсѣмъ тѣмъ жадность моя къ книгамъ была такъ велика, что я готовъ бы былъ всѣ ихъ закупить, естлибъ то было возможно, но какъ казна моя была весьма умѣренна, то довольствовался я, употребивъ на покупку книгъ не болѣе трехъ или четырехъ рублей. Книги, купленныя мною при семъ случаѣ, были нѣмецкія и состояли въ нѣсколькихъ романахъ, кромѣ одной, въ которой вмѣщалась хиромантическая и другія подобныя тому любопытныя науки. Сію увидѣвъ, не хотѣлъ я ни подъ какимъ видомъ съ нею разстаться и готовъ бы

дать за нее чего бы лавошникъ съ меня ни потребовалъ, столь много и высоко почиталъ я тогда сію науку, и, купивъ ее, мнилъ, что я пріобрѣлъ себѣ великое сокровище.

По возвращеніи на квартиру, первое мое дѣло было читать сію книгу и учиться по ней хиромантіи. Я такъ ее полюбилъ, что положилъ неотмѣнно перевесть ее на русской языкъ, что̀ тогда же почти и началъ. Я трудился въ томъ почти всю достальную часть зимы, и мнѣ было не скучно, потому что имѣлъ новое и пріятное препровожденіе времяни. Каковъ былъ сей мой переводъ, того подлинно не могу теперь сказать, для того что, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, узнавъ пустоту и неосновательность сей науки, радъ я былъ, что одинъ пріятель почти неволею у меня его отнялъ, а помню только то, что книжка сія была изрядная, наполненная множествомъ рукъ и другихъ рисунковъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, окончился 1755 годъ, въ началѣ-жъ послѣдующаго обрадованъ я былъ увѣдомленіемъ о пріѣздѣ въ полкъ моего зятя. Онъ привезъ вмѣстѣ съ собою и сестру мою, что̀ наиболѣе и было притчиною моей радости. Я поѣхалъ тотчасъ къ нимъ, и свиданіе съ сестрою не прошло у насъ безъ слезъ; она поздравляла меня офицеромъ и радовалась моему благополучію. Съ того времяни ѣжжалъ я къ нимъ нерѣдко и живалъ у нихъ иногда по недѣлю и больше. Они стояли также на небольшомъ подмызкѣ, лежащемъ неподалеку отъ большой мызы Ало, въ которой стоялъ тогда нашъ штапъ и полковникъ; и хотя мѣсто сіе отъ квартеры моей было неблизко и мнѣ всякой разъ верстъ болѣе 80 переѣжжать надлежало, но какъ сестра меня любила чрезвычайно и я былъ у ней всегда наипріятнѣйшимъ гостемъ, то путешествія сіи не были мнѣ никогда скучны, и я ѣжжалъ въ сей путь всегда съ удовольствіемъ. Сверхъ того, имѣлъ я въ дорогѣ и особливое упражненіе, которое сокращало мнѣ путь и вкупѣ меня много увеселяло, какъ упомяну я о томъ вскорѣ.

Нѣкогда, въ бытность мою симъ образомъ у зятя, имѣлъ я особливое и чрезвычайное удовольствіе видѣть гокусъ-покусное или фиглярное искуство. Невидавъ никогда до сего времяни сего мастерства, не могъ я оному довольно насмотрѣться; оно показалось мнѣ очень чудно и непонятно, а любопытство мое узнать, какъ сіе дѣлается, было такъ велико, что не давало мнѣ покоя до тѣхъ поръ, покуда я не нашелъ средства не только узнать, но и самъ оному выучиться. Одинъ унтеръ-офицеръ полку нашего, бывшей тогда въ командѣ у моего зятя, веселилъ насъ показываніемъ сихъ хитростей. Онъ научился тому, не знаю по какому-то случаю, у одного жида и весьма долго не соглашался никакъ открыть мнѣ всѣ свои тайности, сколько я ни убѣждалъ его о томъ моими прозьбами; однако, наконецъ, какъ обѣщалъ я ему постараться доставить ему сержантской чинъ, то удовольствовалъ онъ мое желаніе. Не могу изобразить, какое удовольствіе имѣлъ я тогда, какъ увидѣлъ и узналъ, что всѣ мнимыя мною непостижимости составляли сущія бездѣлицы и зависѣли единственно отъ нѣкотораго проворства рукъ и отъ фальшивыхъ инструментовъ, такъ всему тому и научиться не великаго труда стоило. Я и въ самомъ дѣлѣ въ самое короткое время все перенялъ и былъ тѣмъ такъ доволенъ, что о исполненіи обѣщанія своего всячески началъ стараться и, при вспоможеніи зятя моего, дѣйствительно упросилъ полковника, чтобъ бѣдняка сего пожаловать въ сержанты, котораго чина онъ поведеніемъ и исправностію своею былъ и достоинъ. Такимъ образомъ, отъ самой бездѣлицы сдѣлался онъ щастливъ. Въ благодарность за сіе, здѣлалъ онъ мнѣ еще одну, и по тогдашнему времяни, весьма пріятную для меня услугу. Имѣлъ онъ у себя списокъ съ трагедіи «Хорева». Сію трагедію зналъ онъ всю наизусть, и не знаю по какому случаю, умѣлъ такъ хорошо ее декламировать, какъ лучшій актёръ. Таковыми декламированіями нѣкоторыхъ мѣстъ изъ оной

увеселялъ онъ нерѣдко и зятя, и сестру мою, и меня. Мнѣ все сіе было въ диковинку, и какъ я никогда еще театральныхъ представленій не видывалъ, то мнѣ сіе полюбилось такъ, что захотѣлось самому выучиться прокрикивать стихи и такимъ же образомъ съ жестами дѣлать декламаціи. Я сталъ просить у него трагедію сію списать, но онъ такъ былъ учтивъ, что оную мнѣ подарилъ, а сверхъ того, узнавъ, для чего мнѣ она была надобна, поучилъ нѣсколько и декламированію, и всѣмъ тѣмъ удовольствовалъ меня чрезвычайно. Трагедія сія навела на меня множество хлопотъ, ибо какъ мнѣ она полюбилась до безконечности, то захотѣлось мнѣ ее такимъ же образомъ выучить наизусть для декламированія, и въ семъ-то тверженіи оной упражнялся я обыкновенно дорогою въ переѣздахъ моихъ изъ квартиры до сестры моей и оттуда обратно.

Кромѣ сихъ обоихъ произшествій, памятно мнѣ еще третье, и довольно смѣшное, случившееся съ зятемъ моимъ во время таковаго-жъ пребыванія моего однажды у него. Были мы съ нимъ въ одинъ день ввечеру одни дома, ибо сестра моя ѣздила съ другою офицерскою женою куда-то въ гости и еще не бывала обратно. Я ушелъ отъ зятя въ другую половину его хоромецъ, которая была чрезъ сѣни, и, по обыкновенію своему, занимался съ вышеупомянутымъ сержантомъ, учась у него декламировать и протчаго, а зять мой сидѣлъ одинъ въ большой своей комнатѣ, въ тулупѣ и колпакѣ за столомъ, и, наклонившись, нѣчто мастерилъ и дѣлалъ, ибо онъ любилъ также всегда въ чемъ-нибудь упражняться. Двѣ свѣчи стояли предъ онымъ, и тогда вдругъ видитъ онъ нѣчто странное и необыкновенное. Въ комнатѣ у него начало мало по-малу свѣтлѣе становиться; сперва было ему сіе не гораздо чувствительно, но какъ чрезъ минуту свѣтъ сей увеличился даже до того, что въ горницѣ его такъ свѣтло здѣлалось, какъ-бы отъ пяти или отъ шести свѣчъ, то удивился онъ сей чрезвычайности и не зналъ, что̀ бы это значило. Онъ глядитъ въ ту, глядитъ въ другую, глядитъ въ третью сторону, глядитъ впередъ и назадъ, и вокругъ себя, но ничего не видитъ. «Господи помилуй!» говоритъ онъ самъ себѣ, и крестится: «что это за диковинка!» Робость и нѣкоторой родъ ужаса нападаетъ на него. Онъ вскакиваетъ съ своего мѣста, осматривается вокругъ, еще разъ глядитъ по всѣмъ угламъ и на потолокъ горницы, не горитъ ли гдѣ чего, но ничего не видитъ, а свѣтъ увеличивается еще больше, и что̀ того удивительнѣе—разливается власно какъ отъ него самого. Чудится онъ сему и не постигаетъ. Въ торопяхъ бѣжитъ къ дверямъ своей спальни, которая была въ комнаткѣ, смотрѣть, нѣтъ ли тамъ чего, но видитъ, что тамъ и свѣчи нѣтъ и какъ ночь темно. Но какой ужасъ и удивленіе поражаетъ его, когда, переступивъ въ оную чрезъ порогъ, видитъ вдругъ и всю ее освѣщенную, и освѣщенную отъ себя. — «Христосъ съ нами!» крестясь обѣими руками говоритъ онъ:— «что это такое, ужъ не чудо ли со мною какое дѣлается? ужъ не явленіе ли какое? Куда ни пойду, отъ меня сіяетъ и свѣтитъ?» Не понимаетъ онъ сего, и чудится, и робѣетъ. Наконецъ бѣжитъ къ сѣннымъ дверямъ, растворяетъ оныя, кличетъ меня по имяни, кричитъ людей, зоветъ скорѣй къ себѣ и повторяетъ крикъ столь уразисто, что мы, бросивъ все, бѣжимъ къ нему въ горницу. Но какое удивленіе меня поразило, какъ я взглянулъ на него!—«Батюшка ты мой!» завопилъ я:—«что это такое съ тобою?»— «Чего, братецъ, и самъ уже я не знаю!» отвѣтствуетъ онъ. — «Да чего не знать!» кричу я: «у васъ голова горитъ», и бѣгу къ нему сдергивать съ него колпакъ его, горящей свѣтлѣйшимъ пламенемъ. Въ самой тотъ моментъ затрещали у него на головѣ волосы, ибо дошло уже и до оныхъ; онъ хватаетъ себя за голову, обжигаетъ руки, срываетъ колпакъ, бросаетъ на полъ и крестяся говоритъ, «Фу! какая пропасть! Какъ это онъ, проклятой, меня перестрашалъ, и какъ это не приди мнѣ въ голо-

ву, что онъ горитъ!»—«Да какъ, развѣ вы это не знали?» спросилъ я съ удивленіемъ и затоптывая колпакъ ногами. — «Чево, братецъ! мнѣ и въ мысль сего не пришло, а вижу только свѣтъ отъ себя и удивляюсь: повѣришь ли, братецъ, вообразись мнѣ, уже не чудо ли и не явленіе ли какое со мною дѣлается. То-то я васъ и кликалъ!» Услышавъ сіе, покатился я со смѣху; онъ самъ послѣдовалъ мнѣ въ томъ же, и мы посмѣялись и прохохотали тому весь вечеръ: проклятая кисточка на колпакѣ, загорѣвшаяся отъ свѣчи въ то время, какъ онъ сидѣлъ нагнувшись, произвела весь сей пожаръ и надѣлала намъ невѣдомо сколько смѣха. Сестра надрывалась отъ смѣха и хохотала, какъ, пріѣхавъ, услышала о сей проказѣ, и не могла надивиться, какъ не могъ онъ догадаться по дыму и запаху, но случившейся на ту пору у зятя прежестокой насморкъ, для котораго онъ и въ гости не поѣхалъ, былъ тому притчиною.

Но я, разсказывая вамъ сіи мелочи, удалился уже отъ нити моего повѣствованія. Теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что въ началѣ-жъ сего года имѣлъ я и другое удовольствіе. Люди пріѣхали ко мнѣ изъ деревни и привезли ко мнѣ и запаса и денегъ довольное количество, которымъ послѣднимъ наиболѣе я былъ радъ, потому что претерпѣвалъ въ нихъ давно уже опять недостатокъ. Вмѣсто дядьки моего оставилъ я у себя тогда другова человѣка, по имени Ермака, отца нынѣшняго моего садовника Бабая, но которой не многимъ чѣмъ лутче былъ прежняго, ибо, по нещастію, былъ такой же пьяница, какъ тотъ, а только рукомесломъ сапожникъ.

Съ приближеніемъ весны и наступленіемъ великаго поста, получили мы себѣ новое упражненіе. Загорающаяся уже около сего времяни въ Европѣ славная Семилѣтняя война побудила и нашъ Дворъ для всякаго непредвидимаго случая велѣть укомплектовать всю армію и всѣ полки рекрутами. Наборъ оныхъ происходилъ съ великимъ проспѣшеніемъ внутри государства, и около сего времяни пригнаты они были къ намъ. Мы получили въ роту свою сихъ новыхъ и стриженыхъ солдатъ болѣе сорока человѣкъ, и ихъ надлежало намъ къ веснѣ выучить всей военной екзерциціи. Князь поручилъ сію комисію мнѣ, которую я охотно на себя и принялъ, ибо могу сказать, что до всякаго рода военной екзерциціи былъ я чрезвычайной охотникъ; къ тому-жъ былъ тогда и наивожделѣннѣйшій случай оказать мнѣ въ томъ свою способность. Во всей арміи перемѣнена была тогда вдругъ вся екзерциція; графъ Чернышевъ, бывшей тогда полковникомъ въ Санктпетербургскомъ полку, выдумалъ сію новую и прославилъ тѣмъ свой полкъ во всей Россіи. Поелику екзерциція сія была апробована императрицею, то къ намъ во всѣ полки присланы были превеликія печатныя диспозиціи или описанія какъ екзерциціи, такъ и всѣмъ протчимъ маневрамъ, и браты были со всѣхъ ротъ въ штапъ нарочные для обученія флигельманы.

Таковая новость была мнѣ чрезвычайно пріятна. Я, прочитавъ сію диспозицію нѣсколько разъ, понялъ ее совершенно; но досадно мнѣ было то, что не присланы были еще къ намъ планы маневрамъ. Но какъ мнѣ чертить и рисовать не учиться было стать, то старался я уже самъ оныя по единому описанію здѣлать, и, начертивъ довольно изрядныя, украсилъ я ихъ разноцвѣтными картушами. Симъ прославился я нѣсколько въ полку своемъ: всякъ хотѣлъ ихъ видѣть и знать, какъ маневры должны производимы быть въ дѣйство, ибо многіе изъ одного описанія безъ плановъ разобрать и понять никакъ были не въ состояніи.

Что касается до обученія солдатъ, то не однихъ рекрутъ, но и всѣхъ старыхъ солдатъ должно было совсѣмъ вновь переучивать, ибо вся екзерциція была отъ прежней отмѣнная. Я прилагалъ о томъ неусыпное стараніе. Рота наша должна была еженедѣльно къ квартирѣ нашей собираться, и тутъ училъ я ее почти денно и ночно. По щастію, удалось мнѣ найтить средство обучать ихъ безъ употребленія строгости и всякихъ побой;

я вперилъ въ каждаго солдата охоту и желаніе скорѣе выучиться и искуствомъ своимъ превзойтить своихъ товарищей. Однимъ словомъ, они учились играючи, и я, обходясь съ ними ласково и дружелюбно, раздѣляя самъ съ ними труды, и уговариваніями своими довелъ ихъ до того, что они учились безъ роптанія, но охотно и сами старались о томъ, чтобъ скорѣе выучиться. Для скорѣйшаго достиженія до того, установили они сами между собою, не давать тому прежде обѣдать, кто не промечетъ безъ ошибки артикула; и для меня было весело смотрѣть, когда они, сваривъ себѣ каши и поставивъ котелъ, не прежде за оной садились, какъ ставъ напередъ кругомъ онаго и не прометавъ ружьемъ самопроизвольно всего артикула. Симъ средствомъ обучилъ я всю свою роту въ самое короткое время и довольно совершенно. Солдаты были мною чрезвычайно довольны, ни одинъ изъ нихъ не могъ жаловаться, чтобъ онъ слишкомъ убитъ или изувѣченъ былъ, ни одинъ изъ нихъ у меня не ушелъ и не отправленъ былъ въ лазаретъ, или прямо на тотъ свѣтъ, напротивъ того, имѣлъ я то удовольствіе и награду за труды мои, что при выступленіи въ лагерь получилъ отъ полковника публичную похвалу; ибо какъ онъ сталъ всѣ роты пересматривать и нашолъ, что наша рота была обучена всѣхъ протчихъ лутче, то былъ такъ тѣмъ доволенъ, что выхваливъ насъ съ княземъ, отдалъ во весь полкъ о томъ приказъ и велѣлъ всѣмъ протчимъ ротамъ брать нашу себѣ въ образецъ и столь же хорошо обучиться прилагать стараніе. Сіе было хотя протчимъ ротнымъ командирамъ не весьма пріятно, но они притчиною тому были сами; нѣкоторые изъ нихъ, хотя не меньше нашего объ обученіи своихъ ротъ старались, но будучи уже слишкомъ строги, только-что дрались; но тѣмъ не только что солдатъ съ путя сбивали, но многихъ принудили бѣжать или иттить за увѣчьемъ въ лазаретъ. Другіе не разумѣли сами хорошенько сей новой екзерціи, а потому не могли и объ обученіи солдатъ съ успѣхомъ стараться.

Но я возвращусь нѣсколько назадъ. Такимъ образомъ, въ сихъ упражненіяхъ препроводили мы достальную часть зимы и начало весны, и имѣли довольно дѣла. Князь, по возможности своей, помогалъ мнѣ въ моихъ стараніяхъ, и я командиромъ симъ былъ крайне доволенъ. Онъ обходился со мною не такъ, какъ съ подчиненнымъ, но какъ съ равнымъ себѣ товарищемъ или, лутче сказать, другомъ и ничего безъ моего совѣта почти не дѣлалъ. Я самъ его любилъ и почиталъ, и старался во всемъ соотвѣтствовать его ко мнѣ дружбѣ и ласкамъ; словомъ, мы жили довольно спокойно и весело. Одна только святая недѣля была обоимъ намъ скучна, ибо какъ случилась она въ самой разрывъ воды, то за половодью и за рѣками не можно было не только въ штапъ, но и никуда ѣхать, и мы принуждены были сидѣть дома и въ день пасхи сами отправлять завтреню и часы. Князь былъ у меня вмѣсто попа, а мы съ ротнымъ писаремъ отправляли дьячковскую должность, и, по своему умѣнью, распѣвали себѣ какъ надобно. По щастію, имѣли мы у себя канонъ пасхи, и это былъ одинъ только разъ въ моей жизни, что я въ сей великой и радостной праздникъ не былъ ни у завтрени, ни у обѣдни.

Вскорѣ послѣ того, какъ рѣки нѣсколько послили, писалъ ко мнѣ зять мой, что сестра моя отправляется въ деревню, и чтобъ я пріѣхалъ съ нею проститься. Желаніе видѣть въ послѣдней разъ сестру мою принудило меня, несмотря на всю распутицу, ѣхать въ штапъ, но какъ тогда ни на саняхъ, ни на телѣгѣ ѣхать было не можно, то поѣхалъ я верхомъ, взявъ слугу съ собою. О ѣздѣ сей я для того упоминаю, что она едва-было не здѣлалась мнѣ пагубна, и я во время оной находился въ смертельной опасности и чуть-было не лишился жизни. Сіе случилось слѣдующимъ нечаяннымъ образомъ.

Ѣдучи туда, принужденъ я былъ пере-

ѣжжать болѣе шести рѣкъ, изъ которыхъ иныя были довольно велики и быстры. Нѣкоторыя переправлялся я на плотахъ, а чрезъ иныя не инако, какъ въ бродъ переѣжжать принуждено мнѣ было. Между сими находилась одна, которая была довольной и саженъ до дватцати простирающейся ширины; однако насъ увѣрили, что она не глубока, и что намъ въ бродъ переѣхать ее можно было. Совсѣмъ тѣмъ послалъ я напередъ слугу своего провѣдать; но какъ она въ самомъ дѣлѣ нашлась неглубока и воды въ ней только по брюхо лошади было, то переѣхалъ я ее благополучно и доѣхалъ до сестры своей безъ всякаго препятствія. Препроводивъ у ней нѣсколько дней, распрощался я съ нею и поѣхалъ обратно на квартиру; и какъ дорога и рѣки были мнѣ уже знакомы, то и ѣхалъ я себѣ спокойно и безъ всякой опасности. Наконецъ, пріѣхалъ я къ вышеупомянутой рѣкѣ и, ни мало не осмотрясь, пустился на лошади чрезъ оную. Но въ какой ужасъ я пришелъ, какъ, отъѣхавъ нѣсколько саженъ, увидѣлъ, что вода была гораздо быстрѣе противъ прежняго, да и весьма была уже глубже. Какъ въ первой разъ мы переѣжжали, то была она и въ самомъ глубокомъ мѣстѣ только лошади по брюхо, а въ сей разъ мы еще и до половины съ мелкой стороны не доѣхали, какъ стала она уже гораздо выше брюха, и мои ноги уже всѣ въ водѣ были, а лошадь едва могла иттить и противиться быстрому стремительству воды. Обмеръ я тогда, испужался, и тогда только, а не прежде, вздумали мы съ слугою своимъ догадаться, что вода въ рѣкѣ въ сіи дни весьма много прибыла, чего мы, въѣжжая въ нее, нимало и не примѣтили. Но что было тогда уже дѣлать? назадъ возвращаться было уже некогда. Мы переѣхали уже болѣе половины, и оставалось намъ саженъ восемь только ѣхать. Стоять и размышлять за ужасною быстриною было также некогда; итакъ, думая, что по крайней мѣрѣ глубже уже не будетъ, какъ мы тогда были, положили ѣхать далѣе. Однако мы съ слугою своимъ очень изрядно обманулись: вода прибыла безъ насъ болѣе полутора аршина, и потому не успѣли мы еще съ сажень отъѣхать, какъ лошадь моя вдругъ оплыла и я окунулся почти весь въ воду. Тогда не вспомнилъ я самъ себя и, призывая всѣхъ святыхъ на помощь, понуждалъ только лошадь скорѣе плыть; но теченіе и быстрина къ сему берегу, гдѣ рѣки самое стремя находилось, было такъ велико, что моя лошадь не въ состояніи была оной противиться, и ее понесло тотчасъ къ низу. Легко можно вообразить, въ какомъ смертельномъ страхѣ я тогда находился: я видѣлъ всю опасность тогдашняго случая и, отчаявшись жизни, поднялъ великой вопль. Но что могъ оной мнѣ помочь? Мѣсто сіе было самое пустое, и жилья близко никакова не было, слѣдовательно, и помочь некому. Я просилъ только помощи отъ слуги и безъ памяти кричалъ: «Ахъ, Яковъ! ахъ, Яковушка, голубчикъ! Ахти! что дѣлать? Ахъ, смерть наша!» но моего Якова самого несло такимъ же образомъ за мною, и онъ самъ находился не въ меньшей опасности, и только мнѣ твердилъ, чтобъ я держался за холку и за гриву лошади крѣпче. Къ вящему нещастію видѣли мы, что и берега были въ томъ мѣстѣ, куда насъ несло, столь круты, что хотя бы приплыли мы и къ берегу, такъ взъѣхать и пристать было-бъ не можно.

Долго мы симъ образомъ, отчаявшись въ жизни своей, плыли, и насъ снесло внизъ болѣе ста саженъ. Лошадь моя нѣсколько разъ принуждена была окунаться, и я съ нею; но, по щастію, была она сильна и, противясь сколько можно стремленію воды, старалась приплывать къ берегу. Два раза приближались мы къ оному, но ни однажды не могла она за глубиною и крутизною берега выдраться, но принуждена была пускаться опять плыть внизъ по водѣ. Сіе пуще еще приводило насъ въ ужасъ, и я не знаю, что бы съ нами воспослѣдовало, естлибъ самъ Богъ не восхотѣлъ избавить насъ отъ смерти и потопленія, ибо, наконецъ, усмотрѣли мы небольшой кустарникъ на берегу и

держались сколько можно, чтобъ намъ его не проплыть. По щастію, успѣлъ я за него ухватиться, и чрезъ самое то помогъ лошади утвердиться на ногахъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ, по щастію, берегъ былъ положе другихъ мѣстъ, да и глубина не столь велика. Такимъ образомъ выдралась она кое-какъ на берегъ и вывезла меня съ собою, а за мною выѣхалъ наконецъ и слуга мой.

Симъ образомъ освободившись отъ смертельной опасности, имѣли мы притчину тогда радоваться и приносить Богу тысячу усерднѣйшихъ благодареній. Могу сказать, что радость при такихъ случаяхъ бываетъ столь велика, что ее изобразить не можно, и о величинѣ оной можетъ только тотъ прямо судить, кто самъ бывалъ въ подобныхъ сему опасныхъ обстоятельствахъ.

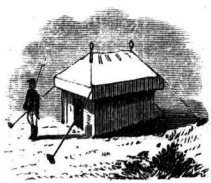
Не успѣли мы собраться съ духомъ, какъ началось у насъ туженіе о томъ, что мы всѣ обмокли и не осталось на насъ ни одной почти сухой нитки. Вода съ обоихъ насъ текла тогда ручьями; но, по щастію, была тогда погода теплая и день красной; итакъ, надѣялись мы, что не озябнемъ до пріѣзда до ближней корчмы, и стали поспѣшать къ оной. Но не все наше горе еще миновалось. Неуспѣли мы нѣсколько отъѣхать, какъ слуга мой вспомнилъ, что у насъ въ торокахъ былъ сахаръ: сестра, отпуская меня, надавала мнѣ множество всякихъ вещей, и между протчимъ отпустила со мною цѣлую голову сахару. «И, баринъ!» закричалъ тогда слуга мой: «вѣдь сахаръ-то у насъ небось весь подмокъ».—«Небось что подмокъ», отвѣчалъ я: «посмотримъ-ка!» Какъ мы думали, такъ и здѣлалось. На сахарѣ нашемъ бумага уже скорчилась, и онъ, будучи долгое время въ водѣ, имѣлъ время намокнуть изряднымъ образомъ; однимъ словомъ, изъ него текло изряднымъ ручейкомъ. Что намъ тогда было съ нимъ дѣлать? Мы развернули его изъ бумаги, но голова и коническаго своего вида уже не имѣла, но на половину ужъ растаяла. «Бѣдненькая!» говорилъ я тогда смѣючись и съ горя: «что намъ съ тобою начать и что дѣлать? Ѣшь, Яковъ, сколько можешь, говорилъ я слугѣ, и подай мнѣ нѣсколько». Но я не могъ его много съѣсть. Яковъ мой также поѣлъ, поѣлъ, но скоро сказалъ, что болѣе не хочетъ и что ему уже тошниться начинаетъ. Совсѣмъ тѣмъ мокраго сахара еще много было. Но что намъ съ нимъ было дѣлать? спрятать его было не можно, положить не во что. Наконецъ снялъ я съ слуги шляпу и положилъ въ нее, чтобъ по крайней мѣрѣ довезть намъ ее до корчмы, гдѣ мы ее корчмарю отдать хотѣли; но неуспѣли мы отъѣхать нѣсколько саженъ, какъ на встрѣчу намъ одинъ чухна. Ради мы невѣдомо какъ были, его увидѣвъ, думая отдать сахаръ нашъ ему и тѣмъ освободиться отъ бремя, которое намъ обращалось уже въ тягость, но которое однако бросить намъ жалко было. Но тутъ началась истинная комедія и заставила насъ хохотать и смѣяться. Мы—отдавать чухнѣ сахаръ, но чухна отъ насъ пятится и не беретъ. Мы ему толковать, что это сахаръ, сахаръ, что это хорошо, чтобъ онъ отнесъ своимъ дѣтямъ, но чухна словъ нашихъ не разумѣетъ, а сахара отъ роду не видывалъ и не знаетъ. Горе насъ и смѣхъ тогда пронималъ. Я говорю чухнѣ по-нѣмецки и твержу «цукеръ, цукеръ», но онъ и того не разумѣетъ, но смотритъ на насъ только изъподлобья и отъ насъ пятится. Досадно мнѣ наконецъ стало, я началъ его принуждать силою и ему грозить, ежели онъ не возьметъ, но чухна отъ насъ бѣжать. Что намъ было тогда съ такимъ глупцомъ дѣлать? Насилу-насилу уговорили мы его, чтобъ онъ остановился. Тогда показывали мы ему своимъ примѣромъ, что это ѣсть можно и что хорошо и сладко, и кое-какъ уговорили, чтобъ онъ отвѣдалъ и немного съѣлъ. Тогда, расчухавъ, узналъ онъ, что мы его не обманываемъ, и взялъ сахаръ не только отъ насъ безпрекословно, но по чухонскому манеру благодарилъ насъ еще, говоря: «атью мала сакса», и я надѣюсь, что дѣтямъ своимъ принесъ онъ домой великую радость. Что касается до насъ, то мы, разставшись съ нимъ, про-

должали путь и, доѣхавъ до корчмы, принуждены были тутъ ночевать, чтобъ пересушить все свое платье, наутріе-жъ возвратились мы въ квартиру свою благополучно.

Сіе было послѣднее приключеніе во время стоянія нашего на сихъ квартирахъ, ибо вскорѣ послѣ того выступили мы въ походъ, какъ о томъ въ послѣдующемъ письмѣ будетъ упомянуто, а между тѣмъ остаюсь и протчая.

ЛАГЕРЬ ПРИ РИГѢ.

Письмо 33.



Любезной пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ опишу я вамъ такимъ же образомъ наше лѣтнее или лагерное житье, какъ въ предслѣдующемъ письмѣ описалъ вамъ наше зимнее стояніе на квартирахъ. Не успѣла весна вскрыться, какъ прислано было въ полкъ нашъ повелѣніе, чтобъ ему иттить въ Лифляндію и стоять сіе лѣто лагеремъ по близости главнаго лифлянскаго города Риги. По притчинѣ приближающейся и въ Европѣ уже начавшейся войны велѣно было къ сему пограничному городу нашему собраться не одному, а многимъ полкамъ и почти всей арміи, и слухи уже носились тогда, что намъ иттить на помощь къ Цесаревѣ и воевать противъ короля Прускаго, но достовѣрно того мы еще не знали. Итакъ, хотя разстояніе отъ Ревеля до Риги было и немалое и путь намъ предлежалъ не близкой, но мы радовались по крайней мѣрѣ тому, что намъ не стоять при Ругервикѣ и не имѣть опять дѣла съ каторжными.

Съ квартиръ своихъ выступили мы, по обыкновенію, въ половинѣ маія мѣсяца, и всѣ роты собрались и соединились уже на пути вмѣстѣ, и тутъ тотчасъ учиненъ былъ всѣмъ имъ тотъ смотръ, о которомъ упоминалъ я въ предслѣдующемъ письмѣ и которой мнѣ толико былъ лестенъ. Поелику для сего смотра и свидѣтельствованія всѣхъ ротъ стояли мы тутъ дни три, то имѣлъ я въ сіе время случай еще познакомиться со многими новыми офицерами, прибывшими къ полку въ минувшую зиму, въ особливости же свелъ я отмѣнную дружбу съ однимъ порутчикомъ, по имени Михайломъ Емельяновичемъ, господиномъ Непейцинымъ. Сей человѣкъ получилъ ко мнѣ съ перваго свиданія отмѣнную склонность, и какъ онъ былъ весьма хорошихъ свойствъ, то полюбилъ и я его, и могу сказать, что мы во все продолженіе службы нашей были между собою друзьями.

Походъ нашъ простирался чрезъ городъ Перновъ, которой мнѣ давно хотѣлось видѣть, однако я не нашелъ въ немъ ничего въ особливости примѣчанія достойнаго. Городокъ онъ небольшой, нѣмецкой, лежащей на брегу Балтійскаго моря, и довольно изрядной, но несравненно меньше и хуже Ревеля. Впротчемъ, во время продолженія сего похода не было съ нами ничего особливаго; мы шли безъ дальнаго поспѣшенія, и какъ тогда было наипріятнѣйшее вешнее время, то иттить намъ было довольно весело. Таковые переходы изъ одного мѣста къ другое въ мирное время въ самомъ дѣлѣ не только не трудны, но и увеселительны, а особлибо для офицеровъ. Переходы дѣлаются всякой день небольшіе: два дни идутъ, а третей берется на отдохновеніе; мѣста подъ лагери занимаются хорошія и обыкновенно на лугахъ, снабденныя всѣми выгодами; полкъ ведутъ одни только дежурные и немногіе офицеры, протчіе же всѣ совершенно свободны и могутъ ѣхать гдѣ хотятъ и на чемъ кому угодно, то есть, верхомъ ли или въ своихъ коляс-

кахъ и кибиткахъ. Но въ сихъ послѣднихъ ѣжжали мы только по ночамъ, да и то лѣнясь вставать рано и въ то время, когда отправляются обозы, но досыпая въ оныхъ до свѣта. Впротчемъ же, у всякаго офицера была верховая лошадь, и на нихъ ѣхали мы по произволенію, гдѣ хотѣли, и обыкновенно компаніями по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ. Тутъ разговоры, смѣхи, шутки и издѣвки составляли наше дорожное упражненіе и сокращали намъ короткія наши путешествія. Какъ скоро попадется намъ какая корчма на дорогѣ, которыми, какъ извѣстно, во всей Эстляндіи и Финляндіи всѣ дороги, такъ сказать, унизаны, то заѣжжаемъ для отдохновенія въ оную, находимъ тутъ другую компанію офицеровъ, пьющихъ либо чай, либо завтрикающихъ, либо играющихъ въ карты и курящихъ табакъ. Мы сообщаемся съ оными и либо также предпринимаемъ что-нибудь дѣлать, либо, посмѣявшись и побывъ съ ними вмѣстѣ, продолжаемъ далѣе свое путешествіе; ищемъ въ корчмахъ иной компаніи, пріобщаемся къ оной и, согласясь, ѣдемъ вмѣстѣ и забавляемся совокупно. Между тѣмъ повозки наши продолжаютъ путь съ обозами и, пріѣхавъ гораздо прежде насъ, разбиваютъ намъ палатки, варятъ ѣсть, и мы, пріѣхавъ, находимъ уже обѣды готовые; ѣдимъ и послѣ обѣда отдыхаемъ, а тамъ посѣщаемъ другъ друга въ палаткахъ и занимаемся разными упражненіями, покуда, наконецъ, ночь не разсѣетъ насъ опять по нашимъ повозкамъ и палаткамъ. Въ самое и такое время, когда случалось быть дежурнымъ и вести полкъ, ѣхать при ономъ было не скучно: солдаты обыкновенно идутъ почти играючи, и воздухъ гремитъ отъ распѣваемыхъ ими въ разныхъ мѣстахъ громкихъ пѣсенъ. Словомъ, въ походѣ таковомъ не можно никогда почти ощущать скуки, а такимъ точно образомъ шли и мы тогда, и весь сей походъ окончили и препроводили съ удовольствіемъ. Одно только обстоятельство причинило намъ нѣкоторую досаду, и было то во время отдохновенія нашего при Перновѣ. Обѣ наши гранодерскія роты были какъ-то неукомплектованы рекрутами, и надлежало ихъ укомплектовать изъ нашихъ мушкатерскихъ ротъ и выбрать къ тому наилутчихъ и виднѣйшихъ людей изъ всей роты. Сей-то выборъ производимъ былъ въ помянутое время и произвелъ всѣмъ намъ великое неудовольствіе. Нельзя довольно изобразить, какъ досадно ротному командиру, когда отнимаютъ у него лутчихъ людей изъ роты. Мнѣ отниманіе сіе въ особливости и наиболѣе потому было досадно, что я столько трудовъ прилагалъ къ обученію оныхъ. Признаюсь, что мнѣ оныхъ такъ было жаль, что всячески упрашивалъ адъютанта и другихъ, отъ кого тогда сей выборъ зависѣлъ, чтобъ не брали у меня тѣхъ, которые въ особливости были мнѣ надобны, и давалъ обѣщанія имъ самъ за то служить, власно такъ, какъ бы солдаты были мои подданные. И могу сказать, что по симъ прозьбамъ моимъ рота наша отдѣлалась щастливѣе протчихъ.

Наконецъ, чрезъ нѣсколько недѣль пришли мы въ назначенное намъ для лагеря мѣсто. Оное лежало верстъ за двацать отъ Риги и неподалеку отъ рѣки Двины, при мызѣ Препстингофъ. Поелику тогда всѣ полки стояли неподалеку другъ отъ друга и городъ Рига наполненъ былъ генералами, то всякой полкъ старался перещеголять другихъ, какъ экзерциціею, такъ порядкомъ и украшеніями своего лагеря. Мы должны были послѣдовать имъ въ томъ и, расположивши лагерь свой наипорядочнѣйшимъ образомъ, во всей формѣ старались также украсить оной по возможности. Наилутчее украшеніе состояло тогда въ пирамидахъ и въ убираніи такъ-называемыхъ ротныхъ улицъ. Всякой ротной командиръ старался перещеголять въ томъ другихъ и украшалъ улицу роты своей колико можно, усыпая ее разными песками и выкладывая дерномъ разныя фигуры и украшенія. Легко можно заключить, что я былъ въ семъ случаѣ не изъ послѣднихъ. Я хотя и не былъ еще ротнымъ командиромъ, но какъ князь, по извѣстнымъ

своимъ порокамъ и безпечности, во всемъ на меня положился и ротою не столько онъ, сколько я правилъ, то, пользуясь искуствомъ своимъ въ рисованьѣ, употребилъ я все, что̀ могъ, къ лутчему украшенію нашей ротной улицы, и могу сказать, что была она всѣхъ лутче и составляла сущей цвѣтникъ, расположенной со вкусомъ и украшенной такъ, что всякому въ глаза метался и побудилъ многихъ перенимать у меня.

Но какъ всѣ сіи украшенія не могли насъ защищать отъ суровости вѣтровъ и стужи, и въ палаткахъ цѣлое лѣто жить было нѣсколько жутко и скучновато, то второе наше попеченіе было, чтобъ какънибудь обострожиться. Всякой офицеръ, которой сколько-нибудь былъ въ достаткѣ, старался сгородить себѣ какуюнибудь избушку, а солдаты начали копать и дѣлать себѣ землянки. Итакъ, не успѣло нѣсколько недѣль пройтить, какъ позади полку явилась вдругъ уже изрядная деревенька. Я имѣлъ у себя также изрядную свѣтличку, которую солдаты нашей роты въ одну недѣлю для меня построили, ибо надобно знать, что хотя бы я могъ стоять опять вмѣстѣ съ княземъ, или, того лутче, съ моимъ зятемъ, но какъ мнѣ не хотѣлось служить никому въ отягощеніе, а хотѣлось всего паче имѣть совершенную свободу упражняться въ томъ, въ чомъ мнѣ похочется, чтобъ не могъ я имѣть никакого въ томъ помѣшательства, то и рѣшился стоять одинъ и вести собственное свое хозяйство. Свѣтличка у меня была такая хорошенькая: два было въ ней окошечка съ бумажными рамами, а *каравать*, небольшой складной столикъ, скамеечка и складное стульцо составляли мои мебели. Я могъ въ ней себѣ сидѣть, и читать и писать спокойно.

Симъ образомъ стояли мы тутъ все лѣто и все его препроводили въ безпрерывныхъ ученіяхъ и екзерциціи; ибо какъ вся армія готовилась къ походу, то всѣ генералы старались о приведеніи ее въ лутчее состояніе, и потому дѣлали у насъ то и дѣло смотры, и мы должны были имѣть частые строи и всегда къ нимъ готовиться. Для меня все было сіе наилутчее увеселеніе, ибо былъ столь страстенъ къ екзерциціямъ, что ружье у меня почти изъ рукъ невыходило, и на лѣвомъ плечѣ отъ ударовъ ружьемъ было всегда синее пятно. Но сіе и приобрѣло мнѣ ту честь, что я почитался тогда въ полку наилучшимъ знатокомъ и екзерцицмейстеромъ, а притомъ и исправнѣйшимъ офицеромъ; почему, при случающихся полковыхъ ученіяхъ и при дѣланіи маневровъ или эволюцій, и поручалось мнѣ всегда важнѣйшее мѣсто и нужнѣйшая комисія. Всѣ тогдашніе резервы бывали тогда обыкновенно подъ моею командою; самъ полковникъ былъ мною очень доволенъ и совѣтовалъ всегда со мною какъ, что̀, и какую напримѣръ эволюцію сходственно съ диспозиціею дѣлать. А какъ между тѣмъ и планы были къ намъ новымъ маіоромъ привезены, то принужденъ я былъ оные имъ толковать и разсказывать какъ что̀ надобно. Одинъ только помянутой новой маіоръ шолъ нѣсколько противъ меня и не хотѣлъ учиться у подкомандующаго офицера; но скоро при одномъ случаѣ принужденъ былъ и сей со стыдомъ въ незнаніи своемъ признаться, и побѣда сія была для меня тогда очень важная, а имянно:

Случилось однажды быть полковому ученію, и господа наши штапы положили въ тотъ день дѣлать баталіонъ-каре новымъ манеромъ. Неуспѣли они начать, какъ я, увидѣвъ, что они не то дѣлаютъ, что̀ надобно, подошолъ къ помянутому маіору и говорилъ, что совсѣмъ не такъ надобно. Но сей высокомысленной человѣкъ не только не хотѣлъ меня слушать, но далъ на меня еще окрикъ и велѣлъ иттить въ свое мѣсто и дѣлать то, что̀ велятъ, а онъ уже и безъ меня знаетъ, что̀ дѣлать. Досадно мнѣ тогда сіе было и я раскаявался, что сіе здѣлалъ. Однако скоро имѣлъ удовольствіе видѣть высокоуміе его низложеннымъ; ибо онъ со всѣмъ своимъ мнимымъ умѣньемъ такъ полкъ спуталъ, что вмѣсто желаемаго баталіонъ-каре вылился настоящей хаосъ,

и вышло ни то, ни её и такая путалица, что полчаса требовалось къ тому, чтобъ полкъ опять въ порядокъ поставить. Всѣ офицеры, слышавшіе мое представленіе, смѣялись тогда нашему маіору; онъ самъ стыдился своимъ незнаніемъ и неумѣньемъ и признавался, что не такъ здѣлалъ, и какъ онъ былъ человѣкъ не гораздо мудреной, то и высокоуміе его не далеко простиралось. Однимъ словомъ, онъ до того дошелъ, что пріѣхалъ ко мнѣ, извинялся, что меня не послушалъ и просилъ, чтобъ я взялъ на себя комисію полкъ разчесть и сказать каждому взводу, куда которому иттить и что дѣлать. Я склонился охотно на сіе предложеніе, и по моему указанію полкъ помянутой баталіонъ-каре такъ хорошо здѣлалъ, какъ бы давно оной умѣлъ. Самъ маіоръ любовался тогда тѣмъ, и съ того времяни были мы съ нимъ хорошими друзьями.

Итакъ, при помощи моей, довели господа штапы полкъ нашъ до нарочитаго и такова совершенства, что при всѣхъ дѣлаемыхъ генералами смотрахъ пріобрѣталъ онъ себѣ немалую похвалу и благодарность,

Симъ образомъ препровождалъ я свое время, отчасти занимаясь ученіями солдатъ, а отчасти своими книгами, о которыхъ никакъ я не позабывалъ, но большую часть празднаго своего времяни упражнялся либо въ чтеніи оныхъ, либо въ переводѣ чего-нибудь. Одинъ романъ, купленной мною въ Ревелѣ, называемой «Пикартусъ» и похожей пѣсколько на «Жилблаза», прельстилъ меня такъ, что я началъ его испытывать переводить, и упражнялся въ томъ въ праздные часы. Однако за всѣмъ тѣмъ не оставлялъ я посѣщать и сотоварищей моихъ, офицеровъ, а особливо наиболѣе меня любящихъ и такихъ, которые не въ одномъ гуляньи и дѣланьи пуншей упражнялись, но были порядочнаго и хорошаго поведенія; а нерѣдко имѣлъ удовольствіе видѣть ихъ и у себя, приходящихъ ко мнѣ для препровожденія времяни. Словомъ, мы жили и препроводили все лѣто довольно весело.

Предъ окончаніемъ лѣта случилось-было со мною одно нечаянное и досадное приключеніе, отъ котораго я чуднымъ и удивительнымъ образомъ избавился, а именно: для пріумноженія арміи набирали тогда вновь четыре гранодерскихъ полка, подъ именемъ первого, второго, третьяго и четвертаго, и для укомплектованія оныхъ выбирали изъ всѣхъ протчихъ пѣхотныхъ полковъ самыхъ лутчихъ людей и офицеровъ. Нашему полку досталось комплектовать второй гранодерской полкъ, почему мы хотя и не хотѣли, но принуждены были разстаться съ самыми лутчими людьми; изъ самой нашей роты взято было человѣкъ шесть самыхъ проворнѣйшихъ. Но сіе хотя мнѣ и досадно было, но не таково, какъ послѣдующее обстоятельство, а имянно, что съ ними надлежало въ тотъ же полкъ отправить и четырехъ человѣкъ самыхъ лутчихъ офицеровъ. Капитанъ назначенъ былъ къ тому г. Хомяковъ; но не успѣли его назначить, какъ требовалъ онъ у полковника, чтобъ въ числѣ протчихъ трехъ отправить и меня съ нимъ.

Сердце у меня замерло, какъ я о томъ услышалъ. Полки сіи были хотя славные и для многихъ лестные, но мнѣ и слышать о томъ не хотѣлось, чтобъ съ своимъ полкомъ разстаться, и я чувствовалъ въ себѣ нѣкое непреоборимое нехотѣніе иттить въ гранодерской полкъ, какъ меня онымъ ни прельщали и меня ни уговаривали. Самое сіе было притчиною, что я бросился тотчасъ къ полковнику, стоявшему тогда въ помянутой мызѣ Пребстингофъ, и просилъ его всѣми образами, чтобъ меня не отправлять. По щастію, полковнику самому не хотѣлось со мною разстаться; итакъ, хотя присланнымъ для сего выбора и дано было великое полномочіе и дозволено выбирать и требовать кого хотятъ, однако кое-какъ и всѣми неправдами меня въ полку удержали. Я обрадовался тому чрезвычайно и не могъ съ покоемъ дождаться, покуда они уѣхали.

Но радость моя недолго продлилась. Не успѣлъ господинъ Хомяковъ въ новой полкъ прибыть, какъ графъ Чернышевъ,

бывшей уже тогда генералъ-маіоромъ и имѣвшей о формированіи сихъ полковъ попеченіе, спрашивалъ его, нѣтъ ли еще въ нашемъ полку хорошихъ и исправныхъ офицеровъ? Г. Хомяковъ ни съ другова слова сказалъ ему обо мнѣ и расхвалилъ такъ, что графъ тотчасъ послалъ къ намъ въ полкъ ордеръ и велѣлъ меня прислать и выключить изъ полку немедленно. Мы о семъ не прежде узнали, какъ по полученіи ордера, и вѣдомость сія была мнѣ наипротивнѣйшая въ свѣтѣ; я проклиналъ тогда всю мою охоту къ экзерциціи и охоту къ военному искуству и раскаявался уже въ томъ, что такъ много успѣлъ въ ономъ. Полковникъ самъ тужилъ обо мнѣ чрезвычайнымъ образомъ, но говорилъ, что теперь уже онъ не въ силахъ меня удержать, и послалъ ко мнѣ самому съ адъютантомъ тотъ ордеръ. Итакъ, казалось, что судьба моя была неизбѣжная и что мнѣ никому уже помочь было не можно.

Но гдѣ не можно было человѣкамъ, тамъ возможно было божескому обо мнѣ Промыслу и святому его Провидѣнію. Никто иной, какъ онъ избавилъ меня отъ сей напасти: нечаянность случившагося со мною тогда приключенія довольно сіе доказываетъ. Я въ самой тотъ день, какъ приттить сему ордеру, поутру занемогъ, власно какъ нарочно, прежесточайшею лихорадкою, и адъютантъ съ онымъ пришолъ ко мнѣ въ самое то время, какъ она наисвирѣпѣйшимъ образомъ меня трепала. Сперва подумали всѣ, что я нарочно больнымъ сказался, однако скоро отъ лекаря узнали о непритворности моей болѣзни. Признаюсь, что я въ сей разъ весьма радъ былъ сей лихорадкѣ и ласкался надеждою, что она меня избавитъ отъ гранодерскаго полка, что̀ воспослѣдовало и въ самомъ дѣлѣ. Полковникъ представилъ графу Чернышеву, что я боленъ, и хотя отъ сего вторичнымъ ордеромъ приказано было всѣмъ полкомъ меня осмотрѣть, но какъ нашлось, что я дѣйствительно боленъ, то и оставленъ я былъ съ покоемъ и не стали меня болѣе требовать.

Неуспѣла сія буря миновать, какъ вскорѣ потомъ я, при помощи лекаря, отъ болѣзни своей и освободился, такъ что я не болѣе двухъ недѣль былъ боленъ, и власно какъ нарочно для того, чтобъ чрезъ то избѣжать отъ гранодерскаго полка. Я удивлялся тогда самъ нечаянному сему случаю; но послѣ имѣлъ великую притчину заключать, что въ произшествіи семъ имѣлъ великое соучастіе и божеской Промыслъ, восхотѣвшей чрезъ то не только избавить меня отъ великой опасности, но которую тогда предвидѣть я былъ далеко не въ состояніи, но сверхъ того, удержавъ меня въ семъ полку, преподать послѣ случай быть въ Кёнигсбергѣ, гдѣ пребываніе мое было мнѣ толико полезно и выгодно. Ибо надобно знать, что въ бывшую потомъ прускую войну помянутому второму гранодерскому полку досталось на баталіи стоять въ такомъ опасномъ мѣстѣ, что всѣ почти офицеры были въ немъ побиты, и дошло даже до того, что всѣмъ полкомъ командовалъ порутчикъ. Итакъ, естлибъ переведенъ я былъ тогда въ сей полкъ, то не только-бъ весьма легко могъ бы и я въ числѣ убитыхъ быть, но и не попалъ бы никакъ и въ Кёнигсбергъ послѣ.

Изъ протчихъ приключеній, случившихся со мною во время стоянія въ семъ мѣстѣ лагеремъ, памятны мнѣ только три, изъ которыхъ одно меня настращало, другое удивило, а третіе огорчило и досадило. Для любопытства разскажу я всѣ оныя.

Первое и настращавшее приключеніе было слѣдующее. Предъ наступленіемъ осени присланъ былъ въ нашъ полкъ одинъ артилерійской офицеръ для освидѣтельствованія нашихъ пушекъ и всѣхъ, какъ патронныхъ, такъ и гранатныхъ ящиковъ. Свидѣтельству сему надлежало производиму быть чрезъ стрѣляніе изъ пушекъ, киданіе изъ мортирецъ маленькихъ бомбъ и самыхъ ручныхъ гранатъ, дабы видѣть, въ хорошемъ ли состояніи въ нихъ трубки. Мнѣ, какъ великому охотнику до стрѣльбы, восхотѣлось быть при семъ свидѣтельствѣ; но сколь рас-

каявался я въ своемъ любопытствѣ, когда помянутой офицеръ, въ то время, какъ дошло дѣло до пробованія ручныхъ чугунныхъ гранатъ, сталъ предлагать мнѣ, яко лутчему изъ всего полку офицеру, чтобъ я взялъ изъ рукъ его гранату и, зажегши, кинулъ. Я оцѣпенѣлъ при семъ предложеніи, и нечаянность сія такъ меня поразила что́ я не зналъ что̀ дѣлать. Отказаться отъ сего было дурно и постыдно, а принять на себя сію комисію казалось весьма опасно и бѣдственно, ибо неизвѣстно было, хороша ли была въ гранатѣ трубка и не испортилась ли отъ долговремяннаго лежанія. Я боялся, чтобъ не разорвало ее, проклятую, у меня въ рукахъ и меня не убило, и потому немного и усумнился взять оную у него изъ рукъ; но какъ онъ сталъ меня далѣе убѣждать, увѣряя, что при томъ никакой опасности нѣтъ, то за стыдъ принужденъ былъ у него ее принять и, скрѣпя уже сердце, зажечь и бросить. Не могу изобразить, съ какимъ ужасомъ размахивалъ и съ какимъ напряженіемъ всѣхъ силъ бросалъ я сію окаянную гранату, стараясь отшвырнуть ее колико можно далѣе, дабы она по разорваніи и тамъ не могла черепами своими достать до того мѣста, гдѣ мы стояли. Но сколь стыдился я потомъ самъ въ себѣ, когда увидѣлъ, что все дѣло сіе кончилось шуткою и смѣхомъ, и что весь мой страхъ былъ по-пустому; ибо офицеръ употребилъ противъ насъ обманъ и заставилъ меня бросать гранату пустую и съ одною только трубкою, безъ пороху, которой, жалѣя гранаты, онъ напередъ высыпалъ. По щастію, никто страха и боязни моей не примѣтилъ, но всѣ почли меня еще довольно отважнымъ.

Другое и удивившее меня приключеніе составляетъ хотя сущую и такую бездѣлицу, о которой не стоитъ почти и упоминать, но для меня бездѣлица сія была такъ поразительна, что я ее во всю мою жизнь не могу никакъ позабыть: какъ и теперь дивлюсь еще и не понимаю, какъ это могло тогда случиться! Нѣкогда посреди бѣла дня сидѣлъ я одинъ въ моей свѣтличкѣ за столикомъ своимъ подъ окномъ, и не помню на что́, на распростертомъ на столѣ листѣ бѣлой бумаги скоблилъ ножемъ кусокъ мѣла. Уже наскоблено было у меня онаго довольно изрядная кучка, какъ вдругъ увидѣлъ я, что отъ сильнаго напряженія ножемъ отломился отъ куска мѣла моего нарочитой величины кусочикъ и отвалился на наскобленной мѣлъ. Въ самой тотъ моментъ нѣчто понудило меня отвернуться и посмотрѣть зачѣмъ-то въ окно; но какъ обратилъ я зрѣніе свое опять на мѣлъ и хотѣлъ отломившейся кусокъ отложить прочь, дабы онъ съ наскобленною мелочью не мѣшался, но глядь—куска моего тутъ уже не было!—Подумавъ сперва, что онъ замѣшался въ мелочи, началъ я его искать въ оной, но какъ не нашолъ, то искалъ я ево вокругъ большого куска, и дивился куда онъ у меня дѣлся; но мое удивленіе увеличилось еще болѣе, когда не нашелъ я ево нигдѣ, ни на бумагѣ, ни на столѣ, ни въ рукавахъ моего тулупа, въ которомъ я сидѣлъ, ни подъ столомъ, ни на полу и словомъ нигдѣ во всей моей свѣтличкѣ. «Господи помилуй!» думалъ и говорилъ я нѣсколько разъ: «куда это онъ у меня въ одинъ мигъ подѣвался, и такъ сказать вдругъ изъ глазъ пропалъ? Никуда я не только не вставалъ, но и рукъ со стола не поднималъ и смахнуть мнѣ его было некуда и некогда». Но сколько я ни твердилъ «Господи помилуй! и что за диковинка»! но кусокъ мой сгибъ да пропалъ, и я сколько всѣ мѣста ни перешаривалъ, но не могъ его никакъ отыскать. Чудно мнѣ сіе весьма было, и я началъ уже сомнѣваться въ томъ, подлинно ли онъ былъ и отломился: но отломъ и негладкость того мѣста на большомъ кускѣ, гдѣ онъ отломился, ясно доказывали мнѣ, что я въ томъ не обманулся и что кусочку сему величиною съ ружейной кремень быть надобно было, каковымъ я ево и видѣлъ. Но все мое удивленіе было тщетно, ибо сколько я сему странному случаю ни дивился и сколько я и всѣ люди мои онаго для единой куріозности ни искали, но не могли никакъ найтить и принуждены бы-

ли такъ сіе дѣло оставить, почему самому и здѣлалось оно мнѣ такъ памятно, что я его никогда позабыть не могъ, какъ и понынѣ не знаю, куда онъ тогда дѣлся.

Третье и огорчившее меня приключеніе было уже гораздо поважнѣе обоихъ предслѣдующихъ, и состояло въ томъ, что новому моему слугѣ, присланному ко мнѣ изъ деревни, наскучилось жить при мнѣ, можетъ быть для того, что я съ нимъ не дрался. Онъ вздумалъ отъ меня удалиться и уйтить, пропивъ напередъ съ себя платье и весь скарбъ. Потеряніе сего человѣка было мнѣ болѣе досадно, нежели горестно, ибо естлибъ онъ имѣлъ хотя малѣйшую притчину къ побѣгу, то и говорить бы нечего было, но онъ не видалъ отъ меня ни единаго щелчка во всю его при мнѣ бытность, да и жилъ болѣе въ табунѣ. Совсѣмъ тѣмъ, не могъ я съ того времяни получить объ немъ никакова извѣстія и не знаю, въ Польшу ли онъ ушолъ, или въ какое иное мѣсто.

Предъ приближеніемъ осени произошли у насъ въ полку нѣкоторыя перемѣны: нѣсколько человѣкъ офицеровъ отправлены были въ Польшу для заготовленія провіанта, а другіе пошли въ отставку. Между сими послѣдними находился и поручикъ мой, вышеупомянутой князь Мышецкой. Онъ во все сіе лѣто не правилъ почти ротою и не несъ службы, отчасти за слабымъ своимъ здоровьемъ, а наиболѣе по извѣстному за нимъ пороку, въ которой онъ погрузился опять слишкомъ много. Итакъ, разстались мы тутъ съ симъ моимъ прежнимъ товарищемъ, и я получилъ себѣ новаго командира, поручика Коржавина, по имени Ивана Федоровича.

Наконецъ наступила глубокая осень и мѣсяцъ октябрь, и намъ въ лагерѣ стоять долѣе было не можно. Но какъ къ военному походу въ Прусію на будущее лѣто дѣланы были уже тайныя пріуготовленія, то не распустили наши полки вдаль по зимнимъ квартирамъ, но расположили всѣ полки по близости Риги, по такъ-называемымъ кантониръ-квартирамъ, или временнымъ, стѣсненнымъ, въ которыя мы вскорѣ и выступили.

Симъ окончу я, любезной пріятель, теперешнее письмо, а въ послѣдующемъ продолжу повѣствованіе мое далѣе, а между тѣмъ, остаюсь и протчая.

Видъ избушки въ лагерѣ при ригѣ.

НА КАНТОНИРЪ-КВАРТИРАХЪ.

Письмо 34.

Любезной пріятель! Предслѣдующее письмо окончилъ я тѣмъ, что мы выступили съ полкомъ на кантониръ-квартиры, а въ теперешнемъ разскажу вамъ, гдѣ и каково намъ было стоять на оныхъ. Сіи квартиры асигнованы были полку нашему неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли лагеремъ, а имянно за 8 только миль отъ Риги, въ Сунцальскомъ, Линбургскомъ и Леневальдскомъ кирхшпиляхъ. Штабъ нашъ расположился на мызѣ Кастранъ, а мнѣ, по нещастію, досталось стоять у латыша, или лифляндскаго крестьянина, ибо новой мой командиръ г. Коржавинъ былъ мнѣ хотя также изрядной пріятель, а сверхъ того по деревнямъ сосѣдъ моему меньшому зятю, однако дружба его не простиралась такъ далеко, чтобъ пригласилъ онъ меня стать на той же мызѣ, гдѣ стоялъ онъ самъ, а можетъ бы я и самъ съ нимъ вмѣстѣ стать не согласился. Такимъ образомъ принужденъ я былъ довольствоваться латышскою избою, которая хотя выбрана была и самая лутчая изъ всѣхъ квартиръ, отведенныхъ подъ нашу роту, однако все была негораздо хороша, хотя уже и гораздо превосходнѣе всякаго чухонскаго рья.

Пріѣхавши въ оную и осмотрѣвъ сіе назначенное мнѣ для зимы обиталище, горевалъ я и не зналъ, какъ мнѣ быть, ибо это было въ первой еще разъ, что мнѣ въ чорной и дымной избѣ жить досталось; однако непреминулъ я искать возможнѣйшихъ способовъ, чѣмъ бы хотя нѣсколько пособить своему горю. По щастію, подлѣ сей избы нашолъ я не-

большой придѣлокъ сбоку, въ которомъ у латыша покладена была всякая рухлядь и которой служилъ ему вмѣсто клѣти. Обрадовался я сему убѣжищу и положилъ основать свое жилище въ ономъ. Я велѣлъ его очистить, но не зналъ, какъ пособить тому, чтобъ мнѣ было въ немъ нехолодно, ибо, къ нещастію, былъ онъ холодной, да и ходили въ него съ надворья, а что всего пуще, и потолока въ немъ не было. Наконецъ вздумалъ я уговорить латыша, чтобъ онъ прорубилъ въ него изъ избы двери, также бы въ стѣнѣ и окно красное, въ которое я тотчасъ здѣлалъ обыкновенную нашу бумажную окончину, и какъ все сіе здѣлано было, то захотѣлось мнѣ камору мою убрать полутче. Я перегородилъ ее полами отъ моей палатки, также обвѣшалъ ими и стѣны, а чтобъ не сыпалось на меня съ кровли, то здѣлалъ изъ рогожъ нѣкоторой родъ потолока. Отдѣлавши симъ образомъ мою комнату, началъ я провождать въ ней свое жилище, но могу сказать, что не безъ скуки: съ одной стороны темнота, а съ другой — холодъ надоѣдалъ мнѣ иногда гораздо. Но, по щастію, зима тогда еще не наступила, и осеннее время было еще довольно теплое.

Нѣсколько дней препроводилъ я въ сей моей мурьѣ въ совершенномъ уединеніи и въ превеликой скукѣ, которую наиболѣе чувствовалъ оттого, что не имѣлъ никакова упражненія. Малое число книгъ, которыя имѣлъ я, были всѣ уже перечитаны, а писать или переводить, къ чему я мало-по-малу получалъ уже охоту, за холодомъ было не можно. По щастію, услышалъ скоро я, что жилъ неподалеку отъ той деревнишки, или паче, единичнаго двора, гдѣ я стоялъ, одинъ мызникъ, съ которымъ положилъ я какъ возможно скорѣе познакомиться, дабы хотя чрезъ то получить случай къ разбиванію своей скуки. Я тотчасъ къ нему поѣхалъ, и мызникъ былъ радъ, а особливо узнавъ, что я умѣю говорить по-нѣмецки, ибо въ минувшей годъ, обходясь и разговаривая часто съ тѣми изъ офицеровъ нашего полку, которые были нѣмцы, и кои всѣ были мнѣ пріятели, нѣмецкой свой языкъ уже такъ понатвердилъ, что болталъ имъ уже изрядно. Онъ изъявлялъ свое сожалѣніе, что я имѣю столь худую квартиру, и извинялся, что пособить тому онъ не въ состоянія. Въ самомъ дѣлѣ, былъ онъ человѣкъ небогатой, и у самого его была только небольшая двоенка. Совсѣмъ тѣмъ былъ онъ изрядной и пріятной человѣкъ, и я дружелюбіемъ его былъ доволенъ. Мы свели съ нимъ тотчасъ дружбу, и онъ просилъ меня, чтобъ я ѣздилъ къ нему какъ можно чаще. Я сіе и не упустилъ дѣлать, а особливо въ разсужденіи, что и близкое разстояніе моего жилища отъ него много тому способствовало. Всякой разъ, какъ я къ нему ни пріѣжалъ, угощалъ онъ меня какъ хорошаго своего пріятеля, а поступкамъ своего мужа соотвѣтствовала и хозяйка, которая также была человѣкъ изрядной. Когда пріѣжалъ я къ нимъ послѣ обѣда, то выговаривали они мнѣ, для чего не пріѣхалъ я къ нимъ къ обѣду, и просили, чтобъ я впередъ пріѣжалъ поранѣе, говоря, что хотя они люди небогатые, однако не надѣются, чтобъ я за ихъ столомъ былъ голоденъ. Таковые и подобные сему поступки заставляли меня отчасу болѣе имѣть къ нимъ почтенія, и я признаюсь, что я завидовалъ благополучному и порядочному житію сей четы добродѣтельной. Оба они были люди очень еще нестарые, но въ домѣ у нихъ хотя не видно было ничего великолѣпнаго, но все было такъ чисто и прибористо, и притомъ наблюдался во всемъ такой хорошей порядокъ, что я не могъ довольно надивиться, какъ они съ такимъ малымъ достаткомъ и такъ хорошо и порядочно жить могутъ. Столъ ихъ былъ также небогатой и состоялъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ немногихъ и простыхъ кушаньевъ, но всѣ они были такъ вкусны и хороши, что ни въ которое время не вставалъ я голоднымъ.

Такимъ образомъ, знакомство съ господинъ Миллеромъ (такъ назывался сей лифляндской дворянинъ) уменьшило гораздо мою скуку. Я ѣжжалъ къ нему очень

часто и препровождалъ у него иногда по цѣлому дню, а что болѣе меня веселило, то нашолъ я у него маленькое собраніе нѣмецкихъ книгъ; онъ охотникъ былъ до нихъ, а потому и разговоры наши касались болѣе до оныхъ. Онъ хвалилъ мнѣ тѣ, которыя читывалъ, а особливо «Клевеланда», а изъ тѣхъ, которыя имѣлъ, давалъ мнѣ любую читать для препровожденія на квартирѣ времяни, и сіе было для меня всего лутче. Словомъ, сосѣдствомъ сего дворянина былъ я очень доволенъ, и какъ дружбу его пріобрѣло мнѣ знаніе мое нѣмецкаго языка, то тутъ впервые увидѣлъ я, сколь онъ намъ нуженъ и полезенъ.

Неуспѣло нѣсколько недѣль пройтить послѣ пріѣзда моего на сію квартиру, и только-что я сталъ обживаться и привыкать къ оной, какъ вдругъ принужденъ я былъ ее перемѣнить и ѣхать на другую. Поручика моего выбрали полковымъ казначеемъ и взяли въ штапъ, а я долженъ былъ принять команду надъ ротою, слѣдовательно, и переѣхать на его квартиру. Сія перемѣна была непротивна, ибо сколько я и ни привыкъ къ прежней моей квартирѣ, и сколько знакомствомъ г. Миллера былъ ни доволенъ, однако рубашка къ тѣлу ближе и холодъ у меня никогда не выходилъ изъ головы; новая же квартира была несравненно превосходнѣе и лутче прежней.

Такимъ образомъ отправился я тотчасъ туда и засталъ г. Коржавина дожидающагося меня, дабы сдать мнѣ съ рукъ на руки роту. Признаюсь, что сіе обстоятельство льстило тогда моему честолюбію. Командованіе тогда въ первой разъ цѣлою ротою и мысль, что я тогда властію равенъ былъ со всѣми капитанами, и что былъ такой же, какъ они, ротной командиръ, которые, какъ извѣстно, въ полкахъ по полковникѣ наиважнѣйшіе люди, веселила меня чрезвычайнымъ образомъ, и я не могъ долго довольно навеселиться, видѣвъ подъ окошкомъ у себя фрунтъ, слышавъ біющую у себя зорю и раздавая ежечасно разные приказы и повелѣнія— молодость моя была всему тому притчиною.

Теперь опишу я новую свою квартиру. Она была на мызѣ Кальтебрунъ, называемой инако и Гнединъ, и на такой, гдѣ жилъ и самъ мызникъ, однако не въ его хоромахъ, а въ срубленныхъ особливыхъ подлѣ хоромъ низенькихъ свѣтличкахъ, которыя были уже довольно хороши для квартиры ротному командиру.

Господинъ Коржавинъ, при отъѣздѣ своемъ, непреминулъ рекомендовать меня, яко своего преемника, господину мызнику. Мы пошли съ нимъ къ нему, и я имѣлъ уже на умѣ стараться познакомиться и свесть дружбу и съ симъ такъ, какъ съ моимъ прежнимъ сосѣдомъ, однако мало надежды имѣлъ получить успѣхъ вожделѣнной. Господинъ Коржавинъ здѣлалъ мнѣ объ немъ такое описаніе, которое было весьма невыгодно: онъ изображалъ мнѣ его дряхлымъ, угрюмымъ и суровымъ старикомъ, и сказывалъ, что онъ во все время своего тутъ стоянія не видалъ отъ него ничего добраго. Я нашолъ его дѣйствительно старикомъ, у котораго почти уже зубъ во ртѣ не было, а жену его такъ толсту, что я подобной ей женщины отъ роду невидывалъ. Все сіе не предвозвѣщало мнѣ ничего добраго, но, совсѣмъ тѣмъ, приняли они меня довольно пріятно. Правду сказать, инако имъ принять и нельзя было: они всѣ, поневолѣ, принуждены были льстить господамъ ротнымъ командирамъ, отъ которыхъ иногда имъ много зла происходитъ, а сверхъ того, повидимому, пріятно было имъ, что я умѣлъ говорить по-нѣмецки, слѣдовательно, какъ я ихъ, такъ и они меня могли разумѣть наисовершеннѣйшимъ образомъ.

Проводивъ моего поручика, вступилъ я тотчасъ въ новую мою должность. Мое первое стараніе было ввесть въ ротѣ нѣкоторые новые порядки, которые почиталъ я за полезные, а другіе, которые, по мнѣнію моему, казались излишними и ненадобными и служили только къ отягощенію солдатъ, отставить. Наибольшее мое попеченіе было о томъ, чтобъ воздержать солдатъ отъ шалостей и своевольствъ, обыкновенно военнымъ людямъ свойственнымъ, и для того велѣлъ я со-

брать къ себѣ всю роту подъ видомъ нѣкоторой ротной надобности, а въ самомъ дѣлѣ, чтобъ поговорить со всѣми подчиненными своими полюбовную рѣчь. Я сказалъ имъ прямо, что естли они хотятъ мною довольными быть, и чтобъ я съ ними не дрался, то-бъ не дѣлали никакихъ шалостей, воровства и своевольства, въ противномъ случаѣ никакая вина прощена не будетъ. Напротивъ того, обѣщалъ имъ, что когда увижу отъ нихъ въ семъ случаѣ послушаніе, то, по всей возможности моей, буду и объ нихъ стараться и безъ нужды ихъ трудить и безпокоить не стану.

Симъ и подобнымъ сему образомъ удалось мнѣ получить мое желаніе и все то, чего протчіе ротные командиры со всею своею строгостію получить не могли. Ибо не успѣлъ я немногихъ первыхъ ослушниковъ наижесточайшимъ образомъ наказать, а сверхъ того приказать всѣхъ таковыхъ безъ очереди на караулъ и въ другія мѣста посылать, какъ тотчасъ тишина и спокойствіе возстановилось, и я во всю зиму не слыхалъ ни отъ одного обывателя жалобы на моихъ солдатъ; напротивъ того, и самимъ солдатамъ сіе напослѣдокъ слюбилось. Обыватели и хозяева ихъ, не видя ничего отъ постояльцевъ своихъ противнаго, здѣлались сами къ нимъ доброхотными и по возможности своей имъ во всемъ услуживали, а сіе произвело наконецъ то, что солдаты сами меня за то благодарить стали.

Кромѣ удовольствія, которое я натурально отъ того чувствовать былъ долженъ, имѣлъ я еще и другія отъ того пользы. Ибо, во-первыхъ, самъ полковникъ былъ командою моею очень доволенъ и однажды самъ мнѣ выговорилъ, что удивляется тому, что отъ всѣхъ ротъ обезпокоивается онъ почти ежедневно жалобами, то отъ командировъ на обывателей, то отъ обывателей на солдатъ и командировъ, а моей роты власно какъ бы въ полку не было, ибо онъ ни однажды еще не слыхалъ ни одной жалобы, ни отъ меня, ни отъ обывателей, гдѣ стоятъ мои солдаты, и, приписывая мнѣ то въ особливую похвалу, желалъ, чтобъ онъ столь же мало могъ обезпокоиванъ быть и протчими.

Во-вторыхъ, самъ мой мызникъ былъ тѣмъ чрезвычайно доволенъ, которой, не успѣлъ услышать о моемъ новомъ распоряженіи о наказаніи безъ всякой прозьбы виноватыхъ, какъ получилъ обо мнѣ хорошее мнѣніе и тотчасъ сталъ стараться объ оказываніи мнѣ всякаго благопріятства и дружелюбія. Сіе послужило мнѣ поводомъ къ сведенію и съ симъ старикомъ хорошаго дружества. Мы тотчасъ съ нимъ познакомились, и я не знаю, тихость ли моего нрава и поведенія, или то, что я никогда не наскучивалъ препровождать время съ нимъ въ разговорахъ, или иныя какія обстоятельства были притчиною тому, что онъ въ короткое время меня очень полюбилъ и дружбу свою распространилъ даже до такихъ предѣловъ, что я того никогда бы думать и ожидать не могъ, а именно: какъ я однажды у него вечеромъ сидѣлъ и, по обыкновенію, съ ними ужиналъ, безъ чего они меня никакъ не отпускали, то спросилъ онъ меня, доволенъ ли я своею квартирою? Я отвѣтствовалъ ему, что по сіе время не имѣю притчины ни на что жаловаться.— «А мнѣ», отвѣчалъ онъ на то: «кажется, напротивъ того, что она для васъ безпокойна и я желалъ бы для васъ, г. подпоручикъ, сыскать какое-нибудь лутчее и спокойнѣйшее мѣсто; но не знаю, могу ли я вамъ тѣмъ угодить, что думаю. У меня есть, чрезъ сѣни, другая половина моихъ хоромъ; она стоитъ порожняя и никто въ ней не живетъ. Мы согласились съ женою ее для васъ очистить и прибрать, и ежели вамъ угодно, то просимъ васъ въ нее изъ теперешней вашей квартиры перейтить, гдѣ надѣемся, что вы получите лутчее спокойствіе, потому что она бываетъ очень тепла и спокойна».—Я удивился сему нечаянному предложенію и не успѣлъ еще начать приносить имъ свои благодаренія, какъ жена его подхватила рѣчь и начала говорить слѣдующее: — «А я, г. подпоручикъ, съ своей стороны, желала бы, чтобъ вы мнѣ здѣлали одолженіе и не погнушались бы столомъ моимъ. Вы стоите

одни и не имѣете повара; на что-жъ вамъ и безпокоиться и убытчиться тѣмъ, чтобъ для васъ однихъ варили. Вы можете, естли угодно, завсегда съ нами обѣдать и ужинать, и мы надѣемся, что вы не будете никогда голодни».—Новое сіе предложеніе усугубило мое удивленіе. Я приносилъ имъ мое благодареніе и, для благопристойности, отговаривался отъ того, говоря, что я ихъ тѣмъ обезпокою и изубытчу. — «О, нѣтъ, г. подпорутчикъ!» пресѣкли они мою рѣчь: «какое это для насъ безпокойство, и что́ за убытокъ; мы, напротивъ того, будемъ тому очень рады. Столъ у насъ хотя небогатой, но, благодарить Бога, у насъ семья, и намъ для васъ лишнихъ блюдъ готовить не для чего. Пожалуйте, не отговаривайтесь, и здѣлайте намъ всѣмъ это удовольствіе».

Легко можно заключить, что я не имѣлъ притчины приносить дальнихъ отговорокъ, а особливо узнавъ уже, что были они добрые и прямо чистосердечные люди, и что мнѣ все сіе не причинитъ никакова безпокойства. Итакъ, по короткимъ извиненіямъ, согласился я на ихъ прозьбу. Не успѣлъ я дать имъ въ томъ мое слово, какъ обрадовались они тому очевидно и власно какъ бы какой находкѣ, а добросердечной старикъ, примѣтивъ, что я все еще тѣмъ совѣщусь, восхотѣлъ оказать мнѣ еще новой опытъ своего ко мнѣ благоприятства и тѣмъ умножить еще болѣе мое удивленіе. — «Постойте, г. подпорутчикъ», сказалъ онъ мнѣ, потрепавъ дружескимъ образомъ меня по плечу:—«когда на то пошло, такъ прошу и мнѣ здѣлать такое-жъ удовольствіе, какъ и женѣ моей. Она взялась попеченіе имѣть о томъ, чтобъ вы не были голодни, а я хочу взять на себя довольствовать лошадей вашихъ».— «О, государь мой!» прервалъ я ему рѣчь, будучи тронутъ такимъ неожидаемымъ опытомъ дружества: «этого ужъ слишкомъ много, и я, конечно, не допущу васъ до такова убытку!» — «Пожалуйста, государь мой!» подхватилъ тогда сей добродушной старичокъ: «не говорите мнѣ о убыткахъ. Что это за убытокъ для меня? Вы имѣете только три лошади, и онѣ, конечно, меня не объѣдятъ. Богъ даровалъ намъ въ нынѣшней годъ довольно овса и сѣна, и они мнѣ не столь дорого будутъ стоить, чтобъ я убытокъ сей предпочолъ тому удовольствію, которое я буду имѣть, здѣлавъ услугу такому человѣку, котораго люблю и почитаю, и которой по истинѣ того и достоинъ».

Я благодарилъ его за такое хорошее обо мнѣ мнѣніе и хотѣлъ-было далѣе еще отговариваться, ног. Розенстраухъ (такъ назывался сей честной старина), не слушая, превозносилъ меня только похвалами. Онъ называлъ меня тихимъ, постояннымъ, разумнымъ и такимъ человѣкомъ, какова онъ рѣдко изъ молодыхъ видывалъ, и повторялъ много разъ, что онъ мною и всѣми моими поступками очень доволенъ. Однимъ словомъ, онъ заставилъ тогда меня самого себя, какъ красную дѣвку, стыдиться, толь похвалы его были простосердечны и нелукавы. Наконецъ, имѣя при всей своей старости въ себѣ еще остатокъ веселаго нрава, захотѣлъ окончить все сіе небольшою, но весьма благоразумною издѣвкою. — «Повѣрьте, г. подпорутчикъ!» сказалъ онъ мнѣ, улыбнувшись:—«я, живши на свѣтѣ около осьмидесяти лѣтъ, имѣлъ довольно времяни и случаевъ на людей насмотрѣться и узнавать, кто какова сложенія и качествъ, и я вамъ признаюсь, что мы прежде не то объ васъ думали, покуда васъ не видали, и безпокоились тѣмъ, что будетъ къ намъ стоять молодой и холостой человѣкъ, каковымъ васъ намъ описывали. Но какъ скоро я васъ увидѣлъ и имѣлъ честь узнать, какъ все безпокойство мое миновалось. Повѣрь, государь мой!» продолжалъ онъ говорить, потрепавъ меня по плечу: «видна всякая птица по полету, и скоро узнать можно, кто къ чему склоненъ. А въ васъ не нахожу я ничего такова, что бы могло подать притчину опасаться отъ васъ чего-нибудь худого и благоразумію противнаго. Нѣтъ, нѣтъ, г. подпорутчикъ! я вижу, что вы честной и такой человѣкъ, которой знаетъ, что есть честь, здравой разсудокъ и добродѣтель въ свѣтѣ, и готовъ за васъ вездѣ божить-

ся, что вы одарены изящнѣйшимъ характеромъ». Я не зналъ тогда въ скорости, что ему на сіе отвѣтствовать, но добронравной старикъ избавилъ меня отъ сей комисіи, сказавъ: «Ну, хорошо, г. подпорутчикъ! Дѣло здѣлано, и говорить болѣе не о чемъ. Я не приму никакихъ отговорокъ, и вы пожалуйте покушайте. Мы за разговорами позабыли ѣсть, и вы будете у меня голодни!»

Симъ окончился тогдашней нашъ разговоръ. Легко можно заключить, что я, простившись съ сими честными стариками, съ удовольствіемъ пошолъ на свою квартиру. Совсѣмъ тѣмъ, не могъ, чтобъ не помыслить о послѣднихъ его обо мнѣ словахъ, которыя, какъ мнѣ казалось, заключали въ себѣ нѣкую тайну. Но я легко могъ догадаться, къ чему они клонились и какая бы та притчина была, для которой меня онъ опасался. Все дѣло состояло въ томъ, что у него было пять дочерей, которыя всѣ были уже взрослыя и совершенныя дѣвицы; почему толь близкое сосѣдство молодого и холостого человѣка могло, можетъ быть, наводить старикамъ довольное уже опасеніе и безпокойство. Но господинъ Розенстраухъ правду говорилъ, что я лишилъ скоро его сего безпокойства, ибо во всѣ мои съ нимъ свиданія не могъ онъ примѣтить во мнѣ нималѣйшаго вида волокиты, и потому съ надежностію могъ заключить, что я не принадлежу къ числу тѣхъ молодыхъ и вѣтреныхъ людей, которые въ мои лѣта за наилутчее упражненіе себѣ почитаютъ волокиту за прекраснымъ поломъ; но напротивъ того, что имѣю совсѣмъ другія склонности, какъ то и въ самомъ дѣлѣ было. Ибо признаюсь, что я мало обезпокоиванъ былъ извѣстною и обыкновенною молодымъ людямъ страстію, но, напротивъ того, съ самаго младенчества, и какъ самъ себя запомню, имѣлъ столь великой родъ застѣнчивости и былъ такъ стыдливъ въ обхожденіи съ женскимъ поломъ, что я не только, чтобъ сводить близкое знакомство или говорить, шутить и играть съ ними, но и пристально смотрѣть на нихъ стыдился. Мнѣ казалось все дурно и стыдно, и однимъ словомъ, я былъ самъ не свой, когда случалось мнѣ бывать въ компаніи съ молодыми дѣвицами, а той комисіи не было для меня тяжелѣе, когда принуждено было разговаривать съ оными; коротко, я бѣгивалъ ихъ какъ огня и доходилъ иногда почти до дурачества. Дурно ли сіе или хорошо было, того уже я не знаю, а только то мнѣ извѣстно, что сія стыдливость, называемая философами предохранительною добродѣтелью, приносила мнѣ въ жизнь мою тысячу пользъ и выгодъ и, однимъ словомъ, спасла меня отъ многихъ пороковъ и, можетъ быть, отъ множества нещастныхъ и противныхъ приключеній, и я имѣлъ притчину болѣе довольнымъ быть, нежели досадовать на то, что таковъ стыдливъ былъ смолоду.

Такимъ образомъ, все обхожденіе мое съ дочерьми сего мызника было сходственно съ вышеописаннымъ изображеніемъ моего нрава. Я обходился съ ними очень удаленно и не только никогда не изъявлялъ желанія ознакомиться съ ними ближе, и не только не начиналъ никогда заводить съ ними шутки и разговоры, но и говаривалъ съ ними только тогда, когда онѣ меня о чемъ-нибудь спрашивали и мнѣ, по необходимости уже, отвѣчать имъ надлежало. А нанглавнѣйшіе мои разговоры и препровожденіе времяни было съ старикомъ, которой при всей своей старости былъ напріятнѣйшей и разумной человѣкъ, и я не наскучивалъ съ нимъ говоритъ по нѣскольку часовъ сряду. Сіе всего болѣе старику во мнѣ и полюбилось и для самаго того и получилъ онъ ко мнѣ въ короткое время столь великое дружество, что оказалъ вышеупомянутые опыты оной безъ всякаго моего о томъ домогательства и старанія.

Такимъ образомъ, размышляя о послѣднихъ его словахъ и находя тому притчину, усматривалъ я, что въ нихъ не однѣ только похвалы моему поведенію, но вкупѣ и нѣкоторой родъ предварительной загадки заключался, и что слова сіи клонились и къ тому, чтобъ я и впредь такимъ же образомъ себя велъ и не принудилъ бы

ихъ въ принятомъ обо мнѣ хорошемъ мнѣніи обмануться, и въ оказанномъ мнѣ дружелюбіи и услугахъ раскаяваться. Я дивился тогда благоразумію моего старика и, усмѣхнувшись, самъ себѣ говорилъ: «пожалуй, старичокъ дорогой, не безпокойся! Не на такую птицу ты напалъ, которая бы твой милой покой нарушать и тебя тѣмъ огорчить похотѣла, чего ты опасаешься. Мы сами отъ того, какъ отъ огня бѣгаемъ, куда намъ затѣвать излишнее!»

Совсѣмъ тѣмъ размышленіе сіе произвело тотъ плодъ, что я положилъ съ того времяни впредь, о соблюденіи поступковъ и поведенія моего въ надлежащихъ предѣлахъ благопристойности и благоразумія, особливое и возможнѣйшее прилагать стараніе. Я разсуждалъ о будущемъ моемъ житьѣ и о гораздо ближайшемъ къ нимъ сосѣдствѣ. А приходило мнѣ также и то въ голову, что я ежедневно буду находиться съ ними и имѣть случай ихъ видѣть и говорить, слѣдовательно, и гораздо ближе ознакомиться съ ними. Самое сіе меня нѣсколько и тревожило: я слыхалъ, что можно и противъ воли своей влюбиться, а дочери г. Розенштрауха не таковы были дурны, чтобъ не могли никому вперить къ себѣ любовнаго пламени. Нѣкоторыя изъ нихъ были довольно хороши, и хотя ни одну изъ нихъ не можно было почесть красавицею, но всѣ до одной были разумныя и очень хорошо воспитанныя дѣвушки; самое сіе меня нѣкоторымъ образомъ и устрашало и озабочивало. Я боялся, чтобъ и противъ хотѣнія и желанія своего не попасться въ какія-нибудь сѣти, а особливо опасался я одной изъ середнихъ, которую звали Елеонорою, и которая превосходила всѣхъ своихъ сестеръ и красотою, и разумомъ, и пріятностію своихъ поступковъ и обхожденія.

Совсѣмъ тѣмъ, возлагалъ я великую надежду на свою застѣнчивость и несмѣлость, о которой думалъ, что она не допуститъ меня никогда до близкаго и короткаго съ ними обхожденія, которое, какъ извѣстно, обыкновенно питаетъ и возжигаетъ любовь, когда бы оная, напримѣръ, и зачалася. Сверхъ того, положилъ я имѣть всегдашнюю осторожность и примѣчать за дѣйствіями своего сердца, также убѣгать всѣми образами безъ нужды съ ними свиданіевъ, а особливо случаевъ быть и говорить съ ними наединѣ.

Все сіе мнѣ очень много и помогло; но совсѣмъ тѣмъ не знаю я, было-ль бы сіе одно въ состояніи сохранить меня отъ искушенія, естлибъ не соединились къ тому по щастію и другія обстоятельства, а имянно: во-первыхъ, не имѣлъ я во все время стоянія моего тутъ ни единаго случая, чтобъ быть мнѣ не только съ одною изъ дочерей г. Розенштрауха, но и со всѣми ими одному безъ ихъ отца и матери вмѣстѣ, потому что сіи очень мало, а старикъ по старости своей и вовсе никуда не выѣжжалъ и не выходилъ. Во-вторыхъ, обхожденіе въ домѣ не было никогда такъ вольно, чтобъ можно было мнѣ ходить по произволенію своему по всѣмъ комнатамъ, но я довольствовался всегда сидѣніемъ съ стариками въ одной; въ той же побочной комнатѣ, гдѣ жили его дочери, никогда нога моя не бывала. Въ-третьихъ, ко мнѣ въ половину онѣ очень рѣдко, и то развѣ всѣ вмѣстѣ съ отцомъ или матерью иногда на часокъ прихаживали; а когда я къ нимъ приходилъ, то было сіе обыкновенно либо къ обѣду, либо къ ужину, и тогда сиживалъ я неотлучно отъ старика моего. Въ-четвертыхъ, и что наиважнѣйшимъ обстоятельствомъ почесть можно, не было съ обѣихъ сторонъ ни малаго о томъ старанія, чтобъ сводить ближайшее знакомство. Дочерямъ господина Розенштрауха можно было ту честь приписать, что всѣ онѣ были дѣвушки не вѣтреныя, но постоянныя, и во всѣхъ своихъ поведеніяхъ наблюдали кротость и благопристойность, почему и со мною, когда мы уже болѣе знакомы стали, обходились онѣ хотя ласково и пріятно, однако никогда не дѣлала ни одна изъ нихъ ниже малѣйшаго вида какой-нибудь, непозволительной дѣвушкѣ, поступки. Одинъ только случай помню я, которой нѣкоторымъ образомъ окритиковать, однако опять и безпристрастнымъ почесть можно, а имянно:

Случилось однажды, что старикъ послѣ обѣда легъ спать, а я сидѣлъ со старухою и дочерьми, но и ее не знаю зачѣмъ-то изъ горницы позвали. Тогда, выходя, она говорила дочерямъ, чтобъ онѣ, между тѣмъ, говорили со мною, чтобъ было мнѣ не скучно. Такъ случилось, что ближе всѣхъ ко мнѣ была тогда вышеупомянутая дочь ее, фрелина Нора, такъ называли ее полуимянемъ. Она, подошодши ко мнѣ, стала подлѣ окошка и, разговаривая со мною не помню о чемъ, стала колоть булавкою бумашку, которою случилось залѣплена быть разбитая за день предъ тѣмъ окончина. Меня догадало спросить ее, что̀ это она дѣлаетъ и на что прокалываетъ окончину? «А вотъ, господинъ подпорутчикъ», сказала она мнѣ: «извольте-ка посмотрѣть: что̀ это такое, и хорошо ли?» — Я всталъ посмотрѣть; но въ какое удивленіе пришолъ, увидѣвъ, что она наколола связанное вензелемъ мое имя и фамилію. Я застыдился тогда и, притворясь, сказалъ: что я не разберу, что это такое.—«Нельзя этому статься!» отвѣтствовала она мнѣ: «чтобъ вы не разобрали чье это имя».—Я не зналъ, что̀ ей тогда на сіе отвѣтствовать; но, по щастію, вошла тогда опять ее мать и разговоръ нашъ прекратила. Совсѣмъ тѣмъ, каково сіе и невиновно, можетъ быть, было, однако я нѣсколько дней стыдился взглянуть на нее. Вотъ сколь стыдливость моя была велика!

Но я возвращусь къ продолженію порядка моей исторіи, отъ котораго я нечувствительно удалился. Такимъ образомъ, дни два послѣ бывшаго у насъ съ господиномъ Розенштраухомъ пріятнаго разговора, перешолъ я въ новоотведенную мнѣ квартиру и нашолъ ее гораздо спокойнѣйшею предъ прежнимъ жилищемъ. Я имѣлъ для себя изрядно убранную, просторную и теплую комнату, а для людей моихъ была особливая комната тутъ же. Но что для меня всего было пріятнѣе, то отдѣлялась сія половина отъ протчихъ хоромъ сѣньми, имѣющими на дворъ особливой выходъ, а внутри себя небольшую кухню, изъ которой обыкновенно покои тапливались. Итакъ, посредствомъ сихъ не было съ протчими покоями и другою половиною хоромъ никакова сообщенія, а ежели надлежало ходить къ мызнику, то принуждено было обходить дворомъ подъ окнами съ одного крыльца на другое.

Симъ кончу я теперешнее письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и протчее.

ВЪ МЫЗѢ КАЛЬТЕБРУНЪ.

Письмо 35.

Любезной пріятель! Такимъ образомъ, по особливому щастію, получивъ весьма спокойную и едва ли не выгоднѣйшею квартеру предъ всѣми протчими ротными командирами, простоялъ я на ней всю тогдашнею зиму, не имѣя ни малѣйшей ни въ чомъ нужды и недостатка. Жить было свѣтло, тепло и покойно; столъ былъ у меня готовой, лошади ѣли не мое, а что всего было лутче, то и въ пріятномъ обхожденіи не имѣлъ недостатка и скуки никогда не чувствовалъ. Всѣмъ симъ обязанъ я былъ съ одной стороны дружбѣ г. Розенштрауха, а съ другой порядочному своему поведенію, а болѣе всего знанію нѣмецкаго языка.

Теперь опишу я вамъ, любезной пріятель, подробнѣе мою жизнь и всѣ мои въ семъ мѣстѣ упражненія. Поутру, вставъ и напившись чаю, отправлялъ я, когда случались какія, ротныя дѣла и раздавалъ потребныя приказанія. Исправивши все, что касалось до моей должности, садился я за свой столикъ, принимался за перо и бумагу и начиналъ свою работу. Она состояла въ продолженіи того перевода одного нѣмецкаго романа, о которомъ упоминалъ я уже прежде, и которой началъ въ бытность еще въ лагерѣ подъ Ригою. Книга сія имѣла собственной титулъ: «Малослыханная и бѣдственная жизнь и похожденія Якова

Пикартуса, бывшаго потомъ милордомъ въ Англіи». По неимѣнію лутчихъ, полюбилась она мнѣ болѣе для того, что была веселѣе протчихъ, и походила нѣсколько на «Жилблаза» или «Робинзонъ-Круза». Я и тогда перевелъ уже *ей* нѣсколько, а тутъ, продолжая, съ такимъ успѣхомъ трудился надъ переводомъ и переписываніемъ онаго на-бѣло, что получилъ двѣ нарочитой величины книжки; однако окончить мнѣ ее за потеряніемъ самаго оригинала не удалося. Какъ приходило время обѣда, то, накинувъ кафтанъ, хаживалъ я въ половину моего хозяина обѣдать съ ними, ибо господинъ Розенштраухъ неотмѣнно того требовалъ; равно какъ и лошади мои на другой же день должны были быть на его же содержаніи и конюшнѣ, и люди мои только ихъ чистили.

Обѣдывала насъ всегда изрядная семейка, и всегда человѣкъ восемь. Поелику господинъ Розенштраухъ былъ не весьма достаточной и богатой дворянинъ, то хотя столъ его и не былъ наполненъ множествомъ кушаньевъ, но завсегда господствовала въ немъ обыкновенная нѣмецкая умѣренность, однако могу сказать, что я никогда голоденъ не былъ, но паче всегда былъ доволенъ, чему много поспѣшествовало и хорошее пріуготовленіе кушаньевъ. Дочери его должны были поденно хозяйничать и надъ пріуготовленіемъ яствъ смотрѣть и стараться сами, что́ и дѣлать имъ потому было способно, потому что, по обыкновенію лифляндскому, кухня находилась внутри хоромъ и подлѣ ихъ спальни. Одно только обстоятельство мнѣ нѣсколько сначала досаждало, а имянно, что у нихъ не только на столѣ, но и во всемъ домѣ не было ни капли квасу, а пили всѣ пиво. Всякой разъ предъ моею тарелкою поставлялась онаго превеликая серебряная стопа, и оное хотя не кушай. Долго не могъ я никакъ къ сему напитку привыкнуть: было оно хотя легкое и хорошее лифляндское пиво, но какъ я никогда онаго не пивалъ, то не шло оно мнѣ въ душу. Однако, чего привычка не можетъ здѣлать? Мало по-малу привыкъ и я къ оному, и оно здѣлалось мнѣ наконецъ вкуснѣе самого квасу, такъ что пилъ его въ жажду и безъ всякаго принужденія. Но удивительнѣе всего то, что было оно никакъ не пьяно, также что тогда я ево пилъ, и пилъ охотно, но послѣ опять пересталъ и такъ отвыкъ, что и нынѣ въ ротъ не беру, кромѣ самаго лехкаго и сладкаго полпива.

Послѣ обѣда рѣдко я у нихъ долго сиживалъ: старикъ имѣлъ обыкновеніе спать, а я спѣшилъ упражняться опять въ моемъ читаніи и писаніи, и отъ нихъ ухаживалъ, развѣ только когда прашивали они, чтобъ я подождалъ кофея, или остался-бъ посидѣть съ ними хоть полчаса для препровожденія имъ времяни. Такимъ образомъ, все послѣобѣднѣшнее время провождалъ я въ обыкновенныхъ своихъ домашнихъ упражненіяхъ и дѣлахъ, и всегда чѣмъ-нибудь бывалъ занятъ. Что́-жъ касается до вечеровъ, а особливо въ глубокую осень и въ зимнее время, когда бывали они длинные и скучные, то долженъ я былъ дѣлать старику моему удовольствіе и, приходя къ нему, препровождать оные съ нимъ вмѣстѣ. Думать бы надобно, что мнѣ все сіе неинако, какъ скоро могло прискучить, однако было тому противное, но я охотно къ нимъ хаживалъ и дѣлилъ съ стариками безъ скуки свое время; ибо кромѣ того, что я всегда любилъ обходиться съ разумными стариками, и самое препровожденіе времяни было у насъ перемѣнное. Но въ чемъ же бы оныя состояли? Мы упражнялись съ нимъ отчасти въ разговорахъ: господинъ Розенштраухъ разсказывалъ мнѣ свое житьё-бытьё, и что́ съ нимъ въ жизнь его случилось, и что́ онъ на вѣку своемъ видѣлъ. И какъ онъ нѣсколько десятковъ лѣтъ служилъ въ королевской шведской службѣ и находился во всѣхъ походахъ и на многихъ баталіяхъ во время войны шведской съ императоромъ Петромъ Великимъ, и, будучи уже ротмистромъ, взятъ былъ послѣ полтавской баталіи нашими войсками въ полонъ, и потомъ вмѣстѣ съ протчими плѣнными сосланъ былъ въ нашу Сибирь

и тамъ болѣе десяти лѣтъ препроводилъ; да и въ протчемъ многія перемѣны въ щастіи и нещастіи, какъ тамъ, такъ и въ протчую свою жизнь видѣлъ, то и было всегда довольно матеріи ему къ разсказыванію, а мнѣ къ любопытному слушанію и распрашиванію. Въ особливости же пріятно было слушать, когда онъ разсказывалъ о своемъ пребываніи въ Сибири, и о томъ, какъ они тамъ сперва терпѣли всякую нужду, какъ потомъ стали заводить разныя рукодѣлія и мастерствы и ими питаться, какъ они дѣлывали карты, и протчее тому подобное. Когда же намъ наскучивалось говорить, то садились мы за ломберъ. Сію игру любилъ онъ и старуха чрезвычайно, и мы игрывали въ нее каждой вечеръ, а наконецъ такъ привыкли, что наилутчее наше въ томъ было упражненіе и увеселеніе. Въ особливости же была тѣмъ чрезвычайно довольна старуха, имѣвшая особливо пріятной и веселой нравъ. Выигрышъ и проигрышъ былъ у насъ взаимной и неубыточной, къ тому-жъ и играли мы не на призы, а становя только по денешки ставку, а кто сдаетъ — по копѣйки. Итакъ, во всю зиму не остался у насъ никто ни въ проигрышѣ, ни въ выигрышѣ, хотя мы, бывало, всегда часу до двѣнатцатаго сидимъ и накричимся и нахохочемся довольно. Дочери ихъ сиживали вмѣстѣ съ нами, но обыкновенно упражнялись въ какихъ-нибудь рукодѣліяхъ.

Симъ образомъ жили мы какъ одна семья и какъ родные, и мнѣ было довольно весело. Кромѣ сего, имѣлъ я часто увеселеніе, бывая на стеклянныхъ заводахъ и сматривая, какъ дѣлаютъ бутылки и другую стеклянную посуду. Они находились отъ насъ версты только двѣ и принадлежали моему хозяину. По сей притчинѣ бывалъ я часто на нихъ и, не видавши никогда, не могъ довольно надивиться скорости мастеровъ и всему производству сего дѣла; особливо удивляло меня, что изъ простой золы, да изъ песку и соли могла дѣлаться такая жидкая и потомъ столь твердая и прозрачная матерія, каково стекло въ бутылкахъ. Иногда выпрашивалъ я самъ у мастеровъ желѣзную трубку, которою достаютъ они стеклянное тѣсто изъ печи, и отвѣдывалъ самъ дѣлать бутылки; и какъ здѣлать ее очень немудрено, то и дѣлывалъ совершенныя бутылки, но только не такъ скоро, какъ они, и мнѣ для здѣланія одной надобно было болѣе времяни, нежели имъ для здѣланія трехъ. Познакомившіеся со мною мастера не отпускали меня никогда съ завода празднымъ и не снабдивъ множествомъ разныхъ стеклянныхъ бездѣлушекъ, какъ, напримѣръ, стеклянныхъ родовъ хлопательныхъ сосулекъ и другихъ тому подобныхъ вещицъ.

Кромѣ всѣхъ сихъ упражненій, не было также по молодости моей недостатку и въ другихъ, кои паче рѣзвостьми, нежели порядочными упражненіями почесть можно. Между протчимъ, имѣлъ я чрезвычайную охоту къ пороху и къ дѣланію всякихъ фейерверкчныхъ фигурокъ. Но одна таковая игрушка потресла-было мнѣ превеликими бѣдами, а имянно: будучи недоволенъ обыкновенными шлагами или обыкновенными пѣшечными гранодерскими гранатами, захотѣлось мнѣ здѣлать шлагу побольше гораздо обыкновенной и тѣмъ удивить дѣвушекъ, которыя любливали смотрѣть такія вещи. Цѣлую недѣлю дѣлалъ я ее самъ, и какъ пороху хотѣлось мнѣ положить въ нее цѣлой фунтъ, то и была она величиною болѣе головы человѣческой. Здѣлавши и изготовивъ совсѣмъ, предложилъ я дѣвицамъ, не изволятъ ли посмотрѣть, какъ будутъ кидать особливаго рода шлагу. Онѣ рады были тому, какъ обыкновенно, и охотно согласились выттить на крыльцо вмѣстѣ съ старухою, своею матерью. Время было тогда уже ночное, ибо я нарочно кидывалъ шлаги ночью, чтобъ имъ виднѣе былъ огонь и искры отъ труки. Чтобъ далѣе кинуть, то велѣлъ я шлагу мою привязать на веревочку, и какъ зажгутъ, то бы размахать ее хорошенько и какъ возможно далѣе кинуть. Я опредѣлилъ къ тому двухъ человѣкъ: слугу своего Якова, чтобъ кидать, а зажигать велѣлъ

живущему при мнѣ солдату. Въ первой разъ зажгли и кинули ее порядочно, но какъ трубка была старая, то не выгорѣла она вся и не дошедъ до пороха потухла. Досадно мнѣ сіе тогда было чрезвычайно, однако я пошолъ и, вынувши трубку, ее опять набилъ мякотью и велѣлъ ее въ другой разъ бросить. Но удача была и въ сей разъ не лутче прежняго: я позабылъ хорошенько ее внутри вычистить и оттого, засорившись углемъ, не могла и въ сей разъ она вся выгорѣть, и потухла.

Тогда разсердился я еще пуще прежняго и хотѣлъ-было иттить въ третей разъ набивать, какъ пришли сказывать, что ужинъ уже на столъ поставленъ. Итакъ, принужденъ я былъ иттить за ужинъ; однако, досадуя на окаянную трубку, велѣлъ я ее людямъ, безъ себя и покуда мы ужинаемъ, хорошенько вычистить внутри, набить, зная, что имъ уже это не впервое, и они какъ набивать знали. Но что-жъ здѣлалось? Сіи молодцы, набивая оную, не пожалѣли своей силки, но колотя взапуски другъ передъ другомъ, раскололи трубку. Встужились они о томъ и, нехотя умножить мою досаду, согласились между собою мнѣ о томъ не сказывать, но вколотили трубку въ шлагу, какъ надобно, ни мало не разсудя, что изъ того можетъ произойтить опасность. И какъ я послѣ ужина спросилъ, готова ли шлага и хорошо ли набита трубка? — «готова, сударь!» — сказали они. — «Ну, ступайте-жъ бросать», сказалъ я. Но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣлъ солдатъ зажечь, и слуга мой шлагу еще изъ рукъ не выпустилъ, какъ ее съ превеликимъ громомъ въ рукахъ у него разорвало. Фрелины закричали, испужавшись отъ нечаяннаго и жестокаго удара, а я также обмеръ, испужался, но совсѣмъ отъ другой притчины. Нечаянное и скоропостижное разорваніе предвѣстило мнѣ тотчасъ бѣду, которую я надѣлалъ, а при свѣтѣ освѣтившаго огня, что и слуга и солдатъ мой повалились на землю. Я не иное что заключилъ тогда, что убило ихъ обоихъ до смерти, и для того безъ памяти бросился къ нимъ, крича: «Ахъ, убило, убило ихъ, бѣдныхъ!» Совсѣмъ тѣмъ, опамятовался я, увидѣвъ, что они оба живы: солдатъ тотчасъ всталъ и говорилъ, что его только опалило и оглушило, а слуга мой заревѣлъ, минуту спустя, бѣлугою. Мы бросились смотрѣть, что съ нимъ здѣлалось, и увидѣли, что ему руку, въ которой онъ держалъ шлагу, ужасно повредила оная, отворотивъ совсѣмъ большой палецъ, и что кровь лилась изъ ней ручьями. Тогда игрушка моя превратилась въ трагедію: всѣ тужили и сожалѣли о семъ приключеніи и не знали, что дѣлать. На его руку страшно было и взглянуть: вся она была опалена и окровавлена; платье на немъ также горѣло, и я не помню, чтобъ когда-нибудь находился я въ такомъ нестроеніи, какъ въ тогдашнее время. Но, по щастію, это было въ полку и недалеко отъ лазарета. Я отправилъ его наутріе въ оной и писалъ къ лекарю, которой мнѣ хорошей пріятель былъ, чтобъ онъ помогъ ему, и стараніемъ его былъ онъ недѣль въ шесть совсѣмъ вылеченъ и здѣланъ опять съ рукою. Совсѣмъ тѣмъ, память о семъ нещастномъ приключеніи долго у меня изъ головы не выходила, и я благодарилъ Бога, что оно такъ окончилось, ибо легко могло статься, чтобъ убило симъ образомъ солдата совсѣмъ до смерти, и я бы оттого могъ попасть въ нещастіе. Съ того времяни бросилъ я сію утѣху и пересталъ шлаги дѣлать.

Въ другой разъ, въ сію же зиму подверженъ я былъ отъ подобной же сему игрушки, или, паче сказать, отъ любопытства самъ великой опасности. Не знаю чья-то случилась у меня быть тогда нѣмецкая книга. Я, читая ее, нашолъ, что можно здѣлать такой порошокъ, которой самъ и не будучи ни въ чемъ хлопнетъ, ежели подержать его на концѣ ножика надъ зажженною свѣчкою, и что вся хитрость состоитъ въ томъ, чтобъ взять одну часть соли, называемой салтартари, которая продается въ аптекахъ, да двѣ части сѣры, да четыре селитры и, все сіе смѣшавъ, стереть мелко. Какъ я ко всѣмъ

такимъ вещамъ былъ охотникъ, то захотѣлось мнѣ нетерпѣливо сіе испытать, и для того, при случившейся первой оказіи въ Ригу, велѣлъ я себѣ купить помянутыхъ матеріаловъ, и когда ихъ привезли, то того-жъ часа оной бѣлой порошокъ я и здѣлалъ. Изготовивши совсѣмъ, захотѣлось мнѣ дѣйствіе его попробовать; я велѣлъ подать свѣчу и, насыпавъ на конецъ ножа, какъ было написано, сталъ жечь оной на огнѣ, но порошокъ мой не хотѣлъ хлопать, а только шипѣлъ, загорѣвшись. Я ево жечь такъ, я ево инакъ, но не могъ ничего добиться. Досадно мнѣ невѣдомо какъ сіе было, и я заключалъ, что либо въ книгѣ соврано, либо я не такъ его здѣлалъ, либо упомянуто было не все объ ономъ. Въ сихъ размышленіяхъ вздумалось мнѣ, что, конечно, ево надобно напередъ стопить вмѣстѣ, а потомъ уже истолочь и жечь. Неуспѣлъ я сего вздумать, какъ велѣлъ малому разложить огонёкъ въ кухнѣ, которая у насъ въ сѣняхъ была особливая, и, насыпавши порошку съ чайную ложку въ небольшую мѣдную чашечку, поставилъ оную на таганъ и сталъ смотрѣть, что съ нимъ будетъ. Долго чашечка моя стояла, но порошокъ мой и не помышлялъ топиться. Наконецъ наскучилъ уже я и говорилъ малому: «Пропади онъ совсѣмъ! Брось его тутъ! Пускай себѣ стоитъ на огнѣ, а мы пойдемъ въ горницу». Но нетерпѣливость и любопытство мое скоро меня назадъ изъ оной выгнало. Побывъ немного, пошолъ я съ малымъ опять смотрѣть свой порошокъ, и увидѣлъ, что онъ совсѣмъ почти растопился, и что ему уже немного дотапливаться осталось; но какъ огонь почти погасъ, то велѣлъ я малому поддуть, а самъ, наклонившись, смотрѣлъ въ чашечку. Но, чтожъ воспослѣдовало? Неуспѣлъ малой мой раза два дунуть въ огонь, какъ здѣлался вдругъ такой ударъ, какъ бы разорвало желѣзную гранату или по крайней мѣрѣ шлагу, и мимо самой головы моей не знаю что свиснуло и зацѣпило за верхъ колпака моего. Легко можно заключить, что мы оба не только дрогнули, но отъ такова нечаяннаго, громкаго и жестокаго удара испужались крайне. У обоихъ у насъ звенѣло только въ ушахъ; однако, какъ обоимъ намъ никакова вреда не учинилось, то обрадовался я чрезвычайно хорошему дѣйствію моего порошка и дивился, какъ могло отъ толь малаго количества онаго такъ сильно хлопнуть.

Между тѣмъ взглянулъ малой мой на чашечку и, не увидѣвъ ее, закричалъ: «Ба! Да гдѣ-жъ, сударь, чашечка-то?»— «Какъ гдѣ?» отвѣчалъ я ему, удивившись: «она тамъ, я ее не бралъ».—«Да нѣту, сударь, ее здѣсь», повторилъ онъ.—«Ну», сказалъ я тогда: «такъ это, конечно, она у меня мимо головы свиснула!» Сіе въ самомъ дѣлѣ такъ было, но мы второпяхъ того и не примѣтили. Тогда начали мы ее искать по кухнѣ, но какъ я удивился, нашедъ ее не только проломленною, но и псковерканною всю объ стѣну каменную, въ которую она попала! Ударъ, произведенной ею, былъ столь силенъ, что она сдѣлала въ стѣнѣ даже изрядную ямку. Тогда, увидѣвъ сіе, подумалъ я самъ въ себѣ: «ну, хороша бы была игрушка, когда бы она мнѣ въ лобъ свиснула или въ голову попала!» Сердце во мнѣ даже содрогнулось, какъ я подумалъ, сколь я близокъ былъ къ смерти, и благодарилъ внутренно Бога, что избавилъ онъ меня очевидно отъ сей нечаянной и великой опасности.

Мы находились еще въ удивленіи, разсматривая изломанную чашечку, какъ весь домъ встревожился и къ намъ бѣжали люди спрашивать, что такое здѣлалось. Ударъ нашъ слышанъ былъ во всемъ домѣ, и я перепугалъ всѣхъ живущихъ; но никого мнѣ такъ не жаль было, какъ любезнаго моего старика, ибо какъ случилось сіе вскорѣ послѣ обѣда, то онъ въ самое сіе время спалъ и на смерть перепугался. Я прослилъ его о извиненіи и лгалъ ему, что я, не зная того, что онъ спалъ, выстрѣлилъ по воронѣ изъ ружья; ибо самой правды мнѣ ему для того сказать тогда не хотѣлось, что получилъ бы отъ него за то опять дружескія тазанья, какія я отъ него уже слышалъ за прежъ-

нюю мою игрушку. Но послѣ онъ узналъ и дивился самъ дѣйствію порошка моего, ибо я, узнавъ короче его свойства и какъ лутче съ нимъ обходиться, непреминулъ нѣсколько разъ хлопать имъ при моихъ хозяевахъ и тѣмъ удивлять и веселить оныхъ.

Симъ образомъ кончилось сіе приключеніе, которое едва-было не лишило меня жизни, ибо чашечка не болѣе какъ на вершокъ отъ головы моей пролетѣла. Совсѣмъ тѣмъ узналъ чрезъ то я, какъ надобно обходиться съ помянутымъ порошкомъ и открылъ, какимъ образомъ надобно его жечь, чтобъ онъ хлопалъ, а вреда никакого причинить бы не могъ, а имянно: его надобно на широкой конецъ ножа или, того лутче, на укрѣпленной въ палочку клочокъ листового желѣза или жести такъ положить, чтобъ онъ до краевъ никакъ не касался, а лежалъ бы въ срединѣ онаго. Ибо вся важность состоитъ въ томъ, чтобъ пламя свѣчи до него никакъ не достигло и онъ не могъ бы отъ него загорѣться, ибо въ семъ случаѣ онъ только зашипитъ; а надобно надъ огнемъ держать его съ терпѣніемъ, до тѣхъ поръ покуда онъ совершенно растаетъ и начнетъ кипѣть, ибо въ самое сіе время онъ самъ собою и безъ всякаго зажиганія хлопнетъ.

Изъ сего всякой легко усмотрѣть можетъ, что вся опасность, которой я былъ подверженъ, произошла единственно отъ незнанія самаго сего обстоятельства, или паче оттого, что г. сочинитель помянутой нѣмецкой книги полѣнился присовокупить къ описанію своему нѣсколько словъ и не досказалъ того, какъ ево жечь и что́ при томъ въ особливости наблюдать надобно. Погрѣшность весьма обыкновенная иностраннымъ писателямъ, и за которую ихъ никакъ похвалить не можно.

Впротчемъ, какъ порошка сего нѣтъ нужды класть на ножъ болѣе количества противъ грецкой горошины, ибо и оттого сдѣлается ударъ, какъ изъ маленькаго пистолета, то и не можетъ произойтить отъ него никакого вреда и опасности. Я много разъ послѣ того это дѣлывалъ, и всегда только игрушкою сею веселился. Но какую проказу я послѣ того симъ порошкомъ здѣлалъ, о томъ упомяну ниже въ своемъ мѣстѣ, а теперь, симъ окончивъ сіе письмо, остаюсь и протчее.

ПРІУГОТОВЛЕНІЯ КЪ ПОХОДУ.

Письмо 36.

Любезной пріятель! Въ теперешнемъ письмѣ разскажу вамъ достальное наше стояніе въ сихъ кантониръ-квартирахъ, и что случилось со мною въ достальную часть зимы. Въ описанныхъ въ предъ-слѣдующемъ письмѣ и подобныхъ тому другихъ упражненіяхъ, окончился тысяча семьсотъ пятьдесятъ шестой и наступилъ новой 1757 годъ, которой въ особливости достопамятенъ былъ въ моей жизни, а не менѣе во всемъ свѣтѣ, бывшими въ теченіи онаго многими весьма знаменитыми произшествіями.

Въ началѣ сего года встревоженъ былъ нашъ покой однимъ нечаяннымъ и печальнымъ извѣстіемъ. У господина Розенштрауха, моего хозяина, было, кромѣ вышеупомянутыхъ пяти дочерей, еще два сына, которые оба служили въ нашей службѣ и находились тогда въ Курляндіи, гдѣ ихъ кирасирскому полку тогда стоять случилось. Объ одномъ изъ сихъ сыновей получено было тогда извѣстіе, что онъ, будучи боленъ горячкою съ пятнами, умеръ. Я удивился, увидѣвъ вдругъ поутру въ одинъ день вошедшаго ко мнѣ ихъ пастора. По короткомъ извиненіи сказалъ онъ мнѣ: «помогите мнѣ, госу-

дарь мой, утѣшить печальную фамилію. Я нарочно зашелъ напередъ къ вамъ, чтобъ просить васъ, чтобъ вы при томъ были, какъ я сообщать буду г. Розенштрауху печальнѣйшее извѣстіе». Потомъ разсказалъ онъ все дѣло обстоятельно, и я съ охотою согласился сколько можно ему въ семъ случаѣ помогать.

Теперь не берусь я описывать то печальное зрѣлище, которое представилось тогда намъ, какъ мы довели рѣчь и наконецъ извѣстіе объявили. Бѣдной старикъ ахнулъ, услышавъ сіе, и едва могъ перенести ударъ, толь мало имъ ожидаемой. Что касается до матери, то сія упала того часа въ обморокъ, и мы съ пасторомъ принуждены были употребить довольно труда къ приведенію ее опять въ память. Плачъ и рыданіе слышно было во всемъ домѣ, а особливо между сестрами. Единаго только вытья, какъ обыкновенія только намъ свойственнаго, я тутъ не слыхалъ, а впротчемъ все, что только можно себѣ жалкова вообразить, видимо было тогда въ семъ домѣ, и нѣсколько дней сряду, въ полномъ совершенствѣ. Пасторъ истощилъ все свое краснорѣчіе къ утѣшенію стариковъ, въ печаль погруженныхъ, но принужденъ былъ плакать вмѣстѣ съ ними. Лишеніе взрослаго уже и великія надежды о себѣ подававшаго сына было имъ несносно, и единое напоминаніе объ немъ возобновляло всю горесть и печаль, чувствуемую ими. Я самъ, привыкнувъ уже къ нимъ, какъ къ роднымъ, бралъ участіе въ ихъ печали, и хотя никогда не знавалъ покойника, однако искренно сожалѣлъ о его смерти и употреблялъ все, что могъ къ облегченію печали стариковъ и къ утѣшенію ихъ въ семъ горестномъ случаѣ.

Неуспѣла ихъ печаль нѣсколько миновать, и возобновиться опять прежнее спокойствіе въ домѣ, какъ вдругъ занемогъ я наижесточайшимъ образомъ. Меня схватило такъ, что я принужденъ былъ того часа слечь въ постелю и неинако думать, что придетъ ко мнѣ опять горячка. И тогда имѣлъ я случай насмотрѣться, сколь много меня мои хозяева любили; они встужились и взгоревались всѣ, власно такъ, какъ бы занемогъ ихъ ближней родственникъ. Они пришли тотчасъ всѣ ко мнѣ и только что твердили: «о, бѣдной господинъ подпорутчикъ! что вамъ это здѣлалось, и куда какъ намъ васъ жаль!» Но сожалѣніе ихъ при однихъ словахъ не осталось, но они употребляли все, что только могло служить къ облехченію или лутчему спокойствію больного: и постеля моя казалась имъ черства, и одѣяло холодно, и чай мой худъ; все надобно было имъ для меня перемѣнить, и все, чего бы я ни похотѣлъ и о чемъ бы ни заикнулся, готово было для меня. Они просили, чтобъ я только Бога ради сказывалъ, а служанка ихъ не должна была почти вонъ выходить, дабы я тѣмъ меньше могъ дожидаться требуемаго. Однимъ словомъ, они ходили за мною какъ бы лучшіе мои родственники, и не имѣли до тѣхъ поръ покоя, покуда я не выздоровѣлъ, что, по щастію моему, скоро воспослѣдовало. Но и за сіе обязанъ я былъ старанію мызницы: она вздумала меня сама лечить и уговорила принять не знаю какой-то сѣрой порошокъ, увѣряя, что онъ мнѣ конечно поможетъ, что и въ самомъ дѣлѣ такъ здѣлалось; не успѣлъ я оной и совсѣмъ непротивной порошокъ принять, какъ тотчасъ мнѣ полехчѣло, и я дни въ три оправился совсѣмъ отъ болѣзни. Такимъ образомъ, болѣзнь моя не продолжилась болѣе недѣли, и мы стали по прежнему препровождать свое время.

Удовольствіе мое вскорѣ послѣ сего умножилось еще пріѣздомъ въ полкъ опять сестры моей. Зять мой отпросился у полковника еще изъ лагеря домой, и всю осень и половину зимы препроводивъ въ деревнѣ, возвратился тогда въ полкъ и привезъ опять съ собою сестру мою. Онъ пожалованъ былъ между тѣмъ уже капитаномъ, и какъ онъ (жилъ) и отъ штаба и отъ меня только верстъ за восемь, то сіе было притчиною, что я часто къ нимъ ѣжжалъ и дни по два иногда у нихъ гащивалъ. Сестра моя навезла съ собою мнѣ всякой всячины, а особливо изъ сластей и деревенскихъ конфектовъ, которы-

ми я въ особливости и тѣмъ паче былъ доволенъ, что могъ ими иногда моихъ хозяевъ угощать и подчивать, когда они ко мнѣ прихаживали, и тѣмъ сколько-нибудь соотвѣтствовать ихъ ласкамъ и благопріятству.

Нѣсколько дней спустя послѣ того, обрадованъ я былъ еще однимъ случаемъ, а имянно пріѣздомъ изъ деревни людей моихъ съ запасомъ. Они привезли мнѣ всякой походной провизіи и нѣкоторое количество денегъ, которыми я въ особливости былъ доволенъ, ибо хотя я и никакъ не моталъ, но жилъ наивоздержнѣйшимъ образомъ, однако одного офицерскаго жалованья было слишкомъ мало къ тому, чтобъ можно было содержать себя порядочнымъ образомъ; сверхъ того, нужны были тогда деньги и для предстоящаго похода.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило, слухи о приближающейся и предстоящей съ прусаками войнѣ часъ-отъ-часу умножались и распространялись болѣе. Уже дѣланы были изъ-подъ руки многія великія пріуготовленія и отъ генераловъ въ полки, а отъ полку ко всѣмъ ротнымъ командирамъ присылаемы были то и дѣло секретные ордера, чтобъ имѣть все въ готовности къ походу, и чтобъ солдатъ колико можно болѣе обучать военной экзерциціи, а тягости и обозы всѣ исправить, дабы по нервому повелѣнію можно было выступить въ походъ. Сіе было притчиною, что чѣмъ ближе время къ веснѣ приближалось, тѣмъ болѣе получалъ и я себѣ упражненія. Въ каждую недѣлю собираема была у меня рота и обучаема пальбѣ и экзерциціи, а въ протчіе дни обучались солдаты по квартирамъ своимъ. Для самаго-жъ того принуждены бывали мы всѣ, ротные командиры, нѣсколько разъ съѣжжаться въ штапъ и къ полковнику, и вмѣстѣ съ онымъ совѣтовать и трактовать о разныхъ полковыхъ надобностяхъ.

По наступленіи великаго поста принужденъ я былъ отказаться отъ стола моего мызника; мнѣ не хотѣлось во время онаго ѣсть мясо, и для того велѣлъ я для себя особливое кушанье готовить. Сестра снабдила меня всѣмъ, что принадлежало къ постной провизіи, а сверхъ того привезли мнѣ и изъ деревни много кой-чего такова, чѣмъ въ сіе время питаться было можно. Совсѣмъ тѣмъ дружная перемѣна пищи произвела во мнѣ жестокую лихорадку. Тогда хозяевамъ моимъ была обо мнѣ новая забота. «Вотъ», говорили они, пришедши тотчасъ меня навѣстить, «не правду ли мы говорили, чтобъ вы опасались лихорадки. Мы не смѣли тогда вамъ прекословить, вѣдая, что того законъ вашъ требуетъ, однако когда уже дѣло здѣлалось и зло воспослѣдовало, такъ ему помогать надобно. Благодарить Бога, что болѣзнь сія извѣстная, и потому не дивитесь тому, сказала прежняя моя врачебница, что я отъ васъ теперь требовать стану; прежде не хотѣла я, чтобъ вы постились и говѣли, а теперь неотмѣнно того требую, чтобъ вы цѣлыхъ три дни ничего не кушали».— «Для чего это такъ?» спросилъ я удивившись.—«Для того», отвѣчала она: «что это наинадежнѣйшее и лутчее лекарство отъ лихорадки, произшедшей отъ испорченнаго желудка, какова теперь ваша».

Предписаніе сіе хотя казалось мнѣ строго, однако, убѣжденъ будучи ея увѣреніями и доказательствами, согласился я тому слѣдовать, а чрезъ самое то и дѣйствительно тотчасъ отъ лихорадки своей избавился и былъ съ того времяни въ разсужденіи постныхъ пищей гораздо осторожнѣе и берегся какъ можно отъ грибовъ, отъ которыхъ она мнѣ наиболѣе здѣлалась; да и хозяйка моя, которой приносилъ я тысячу благодареній за ее попеченіе обо мнѣ и вспоможеніе, старалась отыскивать у себя въ домѣ все, что только можно было мнѣ употреблять съ меньшею опасностію въ пищу.

Вскорѣ послѣ того, по одному нечаянному случаю, принужденъ я былъ разстаться съ сестрою моею. Нашему полковнику, которой былъ зятю моему всегдашней милостивецъ и покровитель, случилась на нѣсколько недѣль отъ полку отлучка. Онъ, отъѣжжая, поручилъ команду

надъ полкомъ новому нашему и недавно только пріѣхавшему подполковнику, господину Ступишину. Сей старой и негораздо хорошихъ свойствъ человѣкъ, не знаю за что-то не поладилъ съ моимъ зятемъ. Говорили тогда, будто притчиною тому была досада, для чего зять мой, будучи человѣкъ достаточной, по пріѣздѣ своемъ изъ деревни ничѣмъ его не обослалъ; но какъ бы то ни было, но подполковникъ на него сердился и изыскивалъ способовъ здѣлать ему какой-нибудь вредъ. Къ нещастію, скоро и явился къ тому желаемой имъ случай. Отъ полку нашего велѣно было командировать надежнаго офицера въ Польшу для нѣкоторыхъ дѣлъ, и какъ комисія сія была негораздо выгодна и всякой отъ ней уклониться желалъ, то и назначилъ онъ къ тому моего зятя, несмотря, что онъ былъ ротной командиръ, слѣдовательно, и въ команду ему иттить не надлежало-бъ. Всѣ старанія, употребленныя зятемъ моимъ къ отвращенію того, были тщетны, но онъ принужденъ былъ чрезъ три дни выѣхать.

Нечаянное сіе отправленіе, а особливо въ чужое государство, гдѣ нашихъ никого еще не было, причинило сестрѣ моей печаль чрезвычайную. Мнѣ дали о семъ тотчасъ знать, и я, прискакавъ, нашелъ ее утопающею въ слезахъ и оплакивающую судьбину своего мужа, которую она почитала уже напередъ пагубною и въ томъ не сомнѣвалась. Она любила очень своего мужа, и какъ не надѣялась болѣе его видѣть, то горесть ее была неописанна, и я не въ состояніи былъ ее ничѣмъ утѣшить. Такимъ образомъ проводили мы зятя моего въ путь, обмочивъ его нашими слезами, а на другой день принужденъ былъ и я разставаться съ моею сестрою, ибо какъ ей одной при полку дѣлать было уже нечего, то поѣхала и она съ горестію обратно въ свою деревню. При семъ случаѣ довольно испыталъ я, сколь горестно разставаться съ близкими родными при такихъ обстоятельствахъ, когда неизвѣстно, велитъ ли Богъ впередъ когда-нибудь еще видѣться. Оба мы тогда отправлялись и готовились иттить на войну, и мысль о томъ, что легко можетъ быть оба на ней погибнемъ, была сестрѣ моей несносна и пронзала сердце ее неописанною печалію. Она простилась со мною, обливъ меня также слезами, какъ и своего мужа, и я до тѣхъ поръ не могъ плачущихъ глазъ своихъ совратить съ той страны, куда она поѣхала, покуда повозки ее были видны и лѣса не закрыли ихъ отъ моихъ взоровъ.

Такимъ образомъ, оставшись одинъ и власно какъ осиротѣвъ, возвратился я на свою квартиру. Тутъ, предъ наступленіемъ святой недѣли и въ самую великую середу, появилась ко мнѣ опять госпожа лихорадка. Досадно было мнѣ это, однако я ласкался надеждою, что она минуетъ, ибо сперва показалась она очень слабою, почему, не уважая оную, поѣхалъ я въ штабъ для присудствія при службѣ божественной въ день св. пасхи. Однако я въ надеждѣ своей обманулся: лихорадка моя часъ отъ часу не уменьшалась, а становилась сильнѣе, и въ великую пятницу трепала меня уже хорошимъ мастерствомъ. Горе на меня было тогда превеликое. Я видѣлъ, что мнѣ необходимо надобно будетъ приниматься за прежнее мое лекарство, ибо зналъ, что надобно ее заранѣе захватывать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лутче. Но дни приходили не такіе, которые бы къ говѣнью были приличны. Совсѣмъ тѣмъ, какъ она въ великую суботу меня опять и еще гораздо сильнѣе бить стала, то некогда было болѣе разбирать праздники. Однимъ словомъ, я положилъ не только всѣ три первые дни святой недѣли не ѣсть, но ниже разгавливаться, и дѣйствительно сіе исполнилъ. Завтреню и обѣдню простоялъ я, за слабостію своею, съ превеличайшею нуждою и, возвратившись домой съ тощимъ желудкомъ, продолжалъ строгое говѣнье какъ въ тотъ, такъ и послѣдующей день, и сіе было въ первой разъ отъ роду, что я такой великой праздникъ принужденъ былъ препроводить не ѣвши и не пивши. Но до чего не доводитъ нужда и обстоятельства! я радъ, по крайней мѣрѣ, былъ тому, что лихорадка моя чрезъ то стала очевидно уменьшаться

и проходить. Наконецъ къ вечеру уже третьяго дня, то-есть, во вторникъ, заѣхало ко мнѣ нѣсколько человѣкъ нашихъ офицеровъ, моихъ пріятелей, и требовали ужинать. Я сказывалъ имъ, что у меня ничего варенаго и готовленнаго нѣтъ, и что я уже цѣлые три дни ничего не ѣмъ, но они говорили, чтобъ я велѣлъ имъ здѣлать хоть яичницу. Сіе тотчасъ было исполнено, и тогда не могъ я болѣе утерпѣть, чтобъ не ѣсть съ ними вмѣстѣ. Яичница сія показалась мнѣ тогда такъ вкусна, что вкуснѣе того не ѣдалъ я во всю жизнь мою: толь сильно пронялъ меня голодъ. Совсѣмъ тѣмъ сіе мнѣ не причинило уже вреда, ибо лихорадка въ самые сіи три дни уже миновалась, и съ того времяни не былъ я очень долго боленъ. Вотъ сколь хорошее лекарство есть голодъ отъ лихорадки!

Теперь приближаюсь я къ описанію нашего похода и послѣдующей войны, или, по крайней мѣрѣ, той части оной, которую мнѣ самому видѣть случилось. Могу сказать, что я доволенъ нынѣ тѣмъ, что я догадался тогда вести походу нашему короткой журналъ и записку, почему и описать его, при вспоможеніи памяти своей, могу я обстоятельно. Напоминаніе прежнихъ съ нами приключеній, а особливо военныхъ походовъ, не знаю, какъ-то причиняетъ намъ особливое послѣ увеселеніе, и мы, не знаю какъ, веселимся, читая оное и напоминая тогдашнія произшествія.

Такимъ образомъ, не успѣло двухъ недѣль пройтить послѣ святой недѣли и весна только-что вскрыться, какъ полученъ былъ въ полкъ секретной ордеръ, чтобъ ему немедленно выступить изъ своихъ кантониръ-квартиръ и иттить въ Ригу, какъ назначенное для генеральнаго рандеву мѣсто. Это было 17-го апрѣля, какъ получено было первое о томъ повелѣніе, которое тотчасъ сообщено было отъ полку всѣмъ ротнымъ командирамъ.

Нашимъ ротамъ велѣно было собраться въ мызу Кастранъ, гдѣ тогда нашъ штапъ квартировалъ, къ 24-му числу помянутаго мѣсяца. Итакъ, наканунѣ сего дня распрощался я съ моими хозяевами, принося имъ тысячу благодареній за всѣ ихъ оказанныя ко мнѣ ласки, пріятство и благодѣянія. Они такъ ко мнѣ чрезъ зиму привыкли и столь много меня любили, что провожали меня какъ бы родного и самаго ближняго своего свойственника. Они снабдили меня всѣмъ, что мнѣ надобно было къ походу, и не было никого въ домѣ, кто-бъ, провожая насъ, не плакалъ. Толь чувствительной опытъ дружества трогалъ меня чрезвычайнымъ образомъ. Я обнялъ любезнаго моего старика и не могъ самъ отъ слезъ удержаться. Представленіе, что я его никогда болѣе не увижу и что прощаюсь съ нимъ и вижу его въ послѣднее, вогнало въ глаза мои слезы. — «Прости, любезной господинъ подпорутчикъ!» говорилъ онъ мнѣ сквозь слезы: «небо даруй вамъ всякое благополучіе и сохрани васъ отъ всѣхъ военныхъ опасностей. Ежели увидите моего сына, то прошу ему сказать объ насъ и рекомендую его вамъ въ дружбу. Вспомните также когда-нибудь и обо мнѣ, престарѣломъ человѣкѣ, и будьте увѣрены, что я васъ и въ отсутствіи всегда любить и почитать буду и имя ваше по гробъ непозабуду».

Прощаніе съ старухою и ея дочерьми было не менѣе трогательно. Онѣ всѣ почти навзрыдъ плакали и желали мнѣ всѣхъ благополучій въ свѣтѣ. При отъѣздѣ моемъ вышли онѣ всѣ на крыльцо и до тѣхъ поръ кричали мнѣ: «прости, прости, господинъ подпорутчикъ!», покуда можно было мнѣ ихъ голосъ слышать, а имъ меня видѣть.

Такимъ образомъ, разстался я съ симъ честнымъ и добродѣтельнымъ семействомъ, отъ котораго я столь много добра и благопріятства видѣлъ, что и понынѣ преисполнено сердце мое искреннею къ сему дому благодарностію, и я не сомнѣваюсь, что естлибъ нынѣ случилось мнѣ быть въ мѣстахъ тамошнихъ и видѣть то мѣсто, гдѣ покоятся прахи сихъ милыхъ стариковъ, то оросилъ бы оное своими слезами.

Я прибылъ съ ротою моею въ штапъ поутру въ послѣдующей день, а къ вече-

ру мало по-малу собрались и всѣ протчія роты, кромѣ тѣхъ, которыя стояли на трактѣ, куда намъ иттить надлежало и коимъ велѣно было тамъ полку дожидаться. Всѣ мы расположились за версту отъ мызы Кастранъ лагеремъ и ночевали. Поутру же въ послѣдующей день отпущены были наши обозы въ путь, а около десятаго часа, по отслуженіи молебна и по испрошеніи у Бога милости и покровительства, отправились и мы съ пѣхотою и пошли на войну. Сіе было 25 числа апрѣля.

Въ сей день ночевали мы при корчмѣ Варваръ, а наутріе, соединившись съ протчими ротами, пошли далѣе къ Ригѣ и ночевали при Смизнисъ мельницѣ, гдѣ въ послѣдующей день дневали. Въ семъ мѣстѣ случилось мнѣ въ первой разъ отъ роду видѣть масляную мельницу и то, какъ масло бьютъ водою, что довольно было куріозно и стоило того, чтобъ посмотрѣть. Наутріе же, то-есть 28 апрѣля, прибыли мы наконецъ подъ Ригу.

Мы нашли уже тутъ великое множество военнаго народа. Всѣ поля представились намъ усѣянными людьми и всѣ бѣлѣлись отъ установленныхъ повсюду полковъ и ихъ бѣлыхъ палатокъ. Всѣ полки прибыли уже тогда въ сіе сборное мѣсто, и солдаты повсюду взадъ и впередъ ходили. Вездѣ видимо было поспѣшеніе и повсюду необходимое въ сихъ случаяхъ замѣшательство: индѣ везли пушки и другіе артилерійскіе снаряды, въ другихъ мѣстахъ шли команды и полки, а индѣ былъ крикъ и шумъ отъ идущихъ обозовъ и тягостей, Бѣганіе пѣшихъ и скаканіе на лошадяхъ представлялось повсюду зрѣнію, а слухъ поражаемъ ржаніемъ коней, и звукомъ трубъ, и біеніемъ барабановъ. Однимъ словомъ, все находилось въ превеликомъ движеніи и ничто иное, какъ предстоящей и начинающейся уже походъ предсказывало. И какъ сей случай первой еще въ моей жизни былъ, что я толикое множество военнаго народа и столько лагерей и полковъ вдругъ и въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ, то зрѣлище сіе было для меня очень поразительно, и сердце во мнѣ ровно какъ поднималось и прыгало при взираніи на всѣ сіи военныя ополченія.

Мы заняли-было сперва лагерь подъ свой полкъ версты за три не доходя Риги и надѣялись, что мы простоимъ тутъ по крайней мѣрѣ нѣсколько дней; но надежда насъ обманула. Мы не успѣли расположиться, какъ принуждены были въ тотъ же еще день опять выходить изъ своего лагеря, и намъ велѣно было, не знаю для чего, подвинуться ближе къ городу и стать лагеремъ подлѣ самаго форштата.

Тутъ прислано было тотчасъ къ намъ повелѣніе, чтобъ мы всѣ ненужныя вещи оставляли и колико можно повозки наши облегчали; въ противномъ случаѣ, естли усмотрѣно будетъ что-либо лишнее, то отнимется и сожжется. Толь строгое и на первой встрѣчѣ данное повелѣніе надѣлало между офицерами во всей арміи великую тревогу: у всѣхъ у насъ много было излишнихъ или, по крайней мѣрѣ, такихъ вещей, безъ которыхъ намъ можно было обойтиться и кои повозки наши отягощали. Мы, привыкнувъ уже къ обыкновеннымъ въ мирное время прохладнымъ походамъ, думали, что и тогда дозволено намъ будетъ возить съ собою всякую всячину, и потому объ оставленіи оныхъ на квартирахъ или въ другихъ надежныхъ мѣстахъ нимало прежде не помышляли; слѣдовательно, тогда не знали, что съ ними дѣлать и куда съ ними дѣваться. Къ вящему нещастію турили насъ тѣмъ и понуждали чрезвычайнымъ образомъ; при такихъ обстоятельствахъ горе на насъ на всѣхъ было превеликое: мы, сошедшись, жаловались другъ другу и требовали совѣта, но всѣ наши жалобы были по-пустому; всякому самому доброй совѣтъ былъ тогда нуженъ, но подать его было некому, а вообще всѣ только роптали на нашихъ начальниковъ и главныхъ командировъ, и бранили ихъ за то, что не остерегли они насъ въ томъ заблаговремянно, а сказали тогда, когда намъ съ своими излишними вещьми дѣваться было некуда и когда развѣ только ихъ бросать

принуждено было. Всѣ почитали сіе уже первымъ безпорядкомъ и говорили, что ежели и впредь все такіе будутъ порядки, то толкъ не великъ будетъ. Однако всѣ таковыя наши роптанія не помогли намъ ни на волосъ, а требовалось скораго только исполненія того, что приказано.

При такихъ замѣшательствахъ радъ я уже и тому былъ, что нашелся одинъ доброй человѣкъ, которой хотѣлъ отослать мои вещи вмѣстѣ съ своими на одну знакомую ему мызу, гдѣ, говорилъ онъ, они пропасть не могутъ. Это былъ порутчикъ г. Вульфъ, нашего полку и мнѣ хорошей пріятель. Я съ радостью согласился на его предложеніе, и какъ мы не знали, долго ли нашъ походъ продолжится и все еще ласкались надеждою, что къ зимѣ опять воротимся, то безъ дальнаго размышленія связалъ я изрядную кипу всякой всячины и отдалъ ему. Однимъ словомъ, однѣхъ моихъ вещей набралось съ цѣлой почти возъ, однако онѣ всѣ благополучно пропали. Но мнѣ ничего такъ не жаль, какъ нѣкоторыхъ книгъ: ихъ однѣхъ наклалъ я цѣлой ящикъ и коихъ было болѣе трехъ десятковъ, ибо я оставилъ при себѣ однѣ только самонужнѣйшія; кромѣ сего, было и другихъ вещей болѣе нежели рублей на тритцать. Кому онѣ всѣ достались и кто ими завладѣлъ, того не знаю я и понынѣ, ибо въ походѣ потерялъ я и записку о той мызѣ, а пріятель мой г. Вульфъ переведенъ былъ вскорѣ въ другой полкъ, и я его съ того времяни не видалъ и не знаю, живъ ли онъ или нѣтъ. Сіе случилось со мною—а какое великое множество распропало тогда разныхъ вещей у другихъ, того исчислить не можно: многіе принуждены были дѣйствительно ихъ кидать, ибо не знали, куда съ ними дѣваться.

Теперь слѣдовало бы мнѣ вамъ, любезной пріятель, разсказывать далѣе, долго ли мы въ семъ мѣстѣ стояли, и что послѣдовало далѣе; но какъ письмо мое уже велико, а съ сего пункта времяни начнется описаніе собственнаго уже всею арміею похода и нашей войны, то отложилъ я сіе до письма послѣдующаго; а между тѣмъ, увѣривъ васъ о непремѣнной моей дружбѣ, остаюсь и протчее.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ IV.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКІЕ ПОХОДЫ.

НАЧАЛО ПОХОДА.

Письмо 37.

Любезной пріятель! Предпринимая теперь описывать нашу прусскую войну или ту часть оной, которую мнѣ самому видѣть случилось, не за излишнее почитаю предослать напередъ краткое историческое о томъ объясненіе, что̀ собственно подало поводъ къ тому, что и мы вплелись въ сію славную въ Европѣ и такъ называемую Седмилѣтнюю войну, которая была столь пагубна человѣческому роду, и на которой погибло со всѣхъ сторонъ толь великое множество народа.

Пролитію толь многой крови человѣческой былъ наиболѣе и едвали не первою и наиглавнѣйшею притчиною умершей за нѣсколько лѣтъ до сего король Прускій, Фридрихъ II, дядя нынѣ владѣющаго короля прусскаго. Будучи рожденъ съ отмѣнными качествами и дарованіями, воспитанъ въ строгости у отца, его нелюбившаго, и совращенъ въ молодости еще своей, учителями и друзьями не весьма хорошихъ характеровъ, съ пути истинныхъ добродѣтелей, и препроводивъ всѣ молодыя свои лѣты почти въ неволѣ, не успѣлъ онъ лишиться отца своего и въ 1740 году вступить по немъ на престолъ пруской, какъ, нашедъ у себя прекрасное и многочисленное войско, великое множество наличныхъ денегъ и все государство свое въ цвѣтущемъ и весьма хорошемъ состояніи, восхотѣлъ воспользоваться здѣлавшимися тогда по притчинѣ смерти императора Карла VI во всей Европѣ замѣшательствами, и отнять наглымъ почти и несправедливѣйшимъ образомъ отъ цесарской державы смежную къ себѣ и весьма знаменитую провинцію Шлезію. Онъ напалъ наискоропостижнѣйшимъ образомъ тогда на сію провинцію, и будучи весьма расторопнымъ, хитрымъ, къ войнѣ отмѣнно способнымъ и въ оной щастливымъ государемъ, утѣснилъ оставшую послѣ помянутаго императора дочь Марію-Терезію и съ своей стороны такъ, что сія утѣсненная и гонимая тогда почти цѣлою Европою государыня, для спасенія своего и удержанія при себѣ достальныхъ наслѣдственныхъ земель послѣ отца своего и самой императорской короны, принуждена была поневолѣ уступить ему помянутую провинцію.

Но какъ лишеніе оной для цесарскаго двора слишкомъ было чувствительно, и помянутая государыня не могла никакъ забыть обиды, чрезъ то ей причиненной, то не успѣла тогдашняя война окончиться, и сія славная и щастливо всѣ напасти преодолѣвшая государыня утвердиться на цесарскомъ престолѣ, какъ начала она помышлять о возвращеніи себѣ помянутой провинціи и дѣлать къ тому издалека сокровеннѣйшія пріуготовленія. При помощи министровъ своихъ нашла она средство преклонить на свою сторону многихъ и сильныхъ европейскихъ государей и пріобрѣсть въ нихъ себѣ силь-

ныхъ союзниковъ. Самые тѣ, которые до того съ нею воевали и ей недоброхотствовали, здѣлались ей друзьями и помощниками. Заключены были тайные союзы съ Саксонскимъ курфирстомъ, бывшимъ тогда вкупѣ и королемъ Польскимъ, также съ королемъ Французскимъ и съ самою Швеціею; а употреблены были всѣ удобовозможные способы къ заключенію таковаго-жъ союза съ Россіею и къ преклоненію и ее къ тому, чтобъ и она вплелась въ сіе замышляемое и до нея ни мало не касающееся дѣло. Происки и хитрости тогдашняго саксонскаго министра Бриля, которой наиболѣе всѣмъ симъ дѣломъ тогда проворилъ, и имѣли въ томъ успѣхъ возжделѣнной. Владѣющей тогда Россіею императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, которая, какъ носилась тогда молва, имѣла и безъ того уже нѣкоторую личную на короля Прускаго досаду и ненавидѣла онаго, внушено было столько худова о королѣ семъ и насказано столько опасностей, предстоящихъ яко бы Россіи отъ сего прославившагося и столь усилившагося государя, что и не удивительно, что происками цесарскихъ, французскихъ и саксонскихъ министровъ доведена была наконецъ и она до того, что рѣшилась заключить таковой же союзъ и помогать цесаревѣ въ замышляемомъ ею дѣлѣ всѣми силами своего государства. И какъ все сіе производимо было втайнѣ и весьма сокровеннымъ образомъ, то можетъ бы дѣло сіе и возъимѣло успѣхъ возжделѣнной, и король Пруской не только-бъ лишился опять Шлезіи, но и усмиренъ былъ по желанію всѣхъ вообще союзниковъ, естлибъ не воспрепятствовало всему тому одно бездѣльное обстоятельство и не здѣлало во всемъ великой перемѣны и помѣшательства.

Корыстолюбіе и измѣна одного бездѣльника секретаришки, чрезъ котораго производились всѣ дѣла помянутымъ саксонскимъ министромъ графомъ Брилемъ, была всему тому притчиною, и не только разрушила великія намѣренія столь многихъ государей, но возжгла и огнь войны, погубившей безчисленное множество народа и причинившей множайшему количеству смертныхъ неописанныя разоренія, нещастія и напасти. Сей бездѣльникъ, погибнувшей потомъ самъ безъ вѣсти и слуха, подкупленъ будучи королемъ Прускимъ, увѣдомлялъ его еженедѣльно обо всемъ, что ни происходило секретно въ кабинетѣ Брилевомъ, и сообщалъ ему даже самыя копіи съ сокровеннѣйшихъ переписокъ между дворами. А чрезъ сіе средство и узналъ король прежде времяни о томъ, сколь страшная воздвигается на него буря, и будучи весьма хитръ и во всѣхъ своихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ весьма скоръ и крайне расторопенъ, нашолъ способъ предупредить ударъ, ему угрожающей, и положить всѣмъ предпріятіямъ противниковъ своихъ возможнѣйшую преграду. Онъ, не давъ времяни союзникамъ здѣлать послѣднія военныя пріуготовленія, и пользуясь тѣмъ времянемъ, покуда они еще не совсѣмъ собрались, вошелъ вдругъ и безъ всякаго объявленія войны съ 60,000 чел. своего войска въ Саксонское курфирство, овладѣлъ всѣмъ онымъ въ одинъ мигъ, принудилъ все саксонское и къ войнѣ неприготовившееся еще войско отдаться ему въ плѣнъ, а самого короля—удалиться въ его Польшу, а оставшую королеву въ Дрезденѣ толико утѣснилъ и огорчилъ, что она вскорѣ послѣ того лишилась жизни. Всѣ старанія цесарскаго двора къ отвращенію сихъ наглостей, и самое сраженіе цесарскихъ войскъ съ прускими, бывшее на границахъ Богеміи, было безуспѣшно и не могло короля Прускаго остановить въ быстрыхъ его предпріятіяхъ и щастливыхъ успѣхахъ.

Все сіе случилось въ концѣ минувшаго 1756 года, и самое сіе зажгло огнь войны во всей Европѣ и подало поводъ къ началу сей войны страшной. Во всѣ новѣйшія времяна не бывало еще никогда столь страшнаго вооруженія и толикихъ ополченій, какія производились вездѣ въ началѣ сего 1757 года. Цѣлыхъ девять армей выступило весною сего года въ разныхъ мѣстахъ въ поле, и король Пруской окружаемъ былъ со всѣхъ сторонъ

непріятелями. Съ одной стороны готовились нападать на него французы, со стороны отъ Гановера, съ другой такъ-называемыя имперскія войска, со стороны Саксоніи, съ третей цесарцы, со стороны Богеміи и Шлезіи, съ четвертой шведы, со стороны Помераніи, а съ пятой велѣно было иттить и атаковать его нашимъ войскамъ со стороны Прусіи. А король пруской готовился, между тѣмъ, не только защищать и оборонять землю свою повсюду, но иттить еще самъ и разорять Богемію.

Сія-то притчина была тогдашнему сборищу всѣхъ нашихъ войскъ къ Ригѣ, о которомъ упоминалъ я въ моемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ; а теперь, возвращаясь къ прерванной тогда матеріи, скажу, что между тѣмъ, какъ мы помянутымъ тогда образомъ стояли лагеремъ подлѣ самаго форштата города Риги, и съ своими излишними пожитками не знали что дѣлать и ихъ разбрасывали, дѣланы были со всѣми полками великія распоряженія. Всѣ они раздѣлены были на разныя дивизіи и брегады, изъ которыхъ къ каждой опредѣлены были особливые генералы командирами. Каждая бригада составляема была изъ трехъ полковъ и командовалъ ею обыкновенно какой-нибудь генералъ-маіоръ или бригадиръ. Нашъ Архангелогородской полкъ достался въ брегаду вмѣстѣ съ третьимъ гранодерскимъ и Ростовскимъ полкомъ, и въ бригадные командиры получили мы себѣ генералъ-маіора Вильбоа.

Какъ намѣреніе нашихъ главныхъ командировъ было перевести насъ колико можно скорѣй за Двину, то велѣно было намъ къ послѣдующему дню готовиться иттить церемоніею чрезъ городъ Ригу и переходить по здѣланному мосту чрезъ Двину рѣку въ отведенные на той сторонѣ лагери, ибо въ тотъ день, въ которой мы пришли, переходила другая брегада, состоявшая изъ Бутырскаго, Бѣлозерскаго и Апшеронскаго полку. Итакъ, наутріе, то-есть 29 апрѣля, отправивъ напередъ обозы, перешла и наша брегада и стала версты за три отъ города лагеремъ.

Перехожденіе чрезъ Двину арміи, помянутымъ образомъ по-брегадно, было по справедливости зрѣнія достойно, ибо назначенной тогда для предводительства арміею генералъ-фельдмаршалъ Степанъ Федоровичъ Апраксинъ хотѣлъ въ самое то время видѣть всѣ полки, ему въ команду порученные и съ нимъ въ походъ противъ непріятеля отправляющіеся, и для того при самомъ всходѣ на мостъ разбиты были два великолѣпные шатра, изъ которыхъ въ одномъ находился всегда помянутой главной полководецъ самъ со всѣмъ протчимъ генералитетомъ и знатными и чиновными людьми, а другой наполненъ былъ великимъ множествомъ дамъ и знатныхъ госпожъ, хотящихъ также видѣть рѣдкую сію церемонію. Всѣ городскіе валы по близости сего мѣста, также домы, кровли и окошки усыпаны были народомъ обоего пола.

Что касается до полковъ, то всѣ они должны были иттить наилутчайшимъ порядкомъ и церемоніею и быть въ наилутчемъ убранствѣ. На всѣхъ солдатахъ воткнуты были въ шляпы зеленыя древесныя вѣтви, власно какъ для предвозвѣстія будущихъ побѣдъ, которыя они одержутъ надъ непріятелемъ. Прежде всего маршировали всѣхъ полковъ той брегады собранные фурьеры съ распущенными своими значками, при предводительствѣ своихъ квартермистровъ. Сей нѣжной строй съ разноцвѣтными своими маленькими знаменами составлялъ первое великолѣпіе всего шествія. Потомъ шелъ штатъ и ведены были заводныя лошади командующаго тою брегадою генерала. Ничто такъ не умножало великолѣпія, какъ прекрасныя попоны, которыми сіи лошади были покрыты; во всей арміи у генераловъ подѣланы онѣ были тогда одинакія, и хотя небогатыя, но великолѣпной видъ представляющія. Онѣ здѣланы были изъ вощанки, но расписаны и размалеваны разными красками, отчего издали казались быть шолковыми; по бокамъ на оныхъ изображены были съ золотомъ вензеловыя имена и гербы того генерала, что́ все производило нѣкакой величествен-

ной и пышной видъ. За сими лошадьми везены были пушки съ ихъ ящиками и снарядами, а тамъ слѣдовалъ самъ генералъ верхомъ въ провожаніи своего штата; за онымъ же слѣдовали полки его брегады обыкновенною церемоніею, съ распущенными знаменами, съ барабаннымъ боемъ и играющею военною музыкою. Всѣ офицеры и самыя знамены должны были салютовать, проходя мимо генералъ-фельдмаршала, при которомъ случаѣ всякой старался какъ возможно лутче исправлять свою должность. Чистота и опрятность въ одеждахъ и убранствахъ солдатъ, зеленыя на шляпахъ ихъ вѣтви, а того паче коженые и на подобіе древнихъ шишаковъ здѣланные и нѣкоторой родъ плюмажей на себѣ имѣющія каскеты на всѣхъ гранодерахъ — придавали особливую красу войску и умножали великолѣпіе.

Не можно довольно изобразить, какія разныя чувствія впечатлѣвало зрѣніе шествія сего, не только въ кого иного, но въ самихъ насъ, имѣвшихъ въ томъ соучастіе. Мысли, что идемъ на войну и отправляемся изъ отечества въ страны чуждія, отдаленныя и вражескія; идемъ терпѣть нужды, проливать кровь и умирать за отечество; воображеніе, что изъ всѣхъ шествовавшихъ тогда столь многихъ людей, весьма многіе назадъ не возвратятся, но положатъ свои головы на войнѣ и въ походахъ и въ послѣднія тогда разстаются съ странами, гдѣ родились и воспитаны; неизвѣстность, кто и кто подвергнется сему нещастному жребію, и кому судьба назначила не возвращаться и протчія тому подобныя помышленія, приводили духъ въ нѣкоторое уныніе и разстроивали всю душу. Напротивъ того, съ другой стороны, всеобщее предъубѣжденіе о храбрости и непобѣдимости нашихъ войскъ, льстящая надежда, что непріятелю никакъ противъ насъ устоять не можно, мечтательное воображеніе, что мы по множеству нашему замечемъ его даже шапками, и безсомнѣнная надѣятельность, что мы его побѣдимъ, сокрушимъ и возвратимся съ славою, покрытые лаврами, ободряла паки унылое сердце и оное, власно какъ оживотворивъ, наполняла огнемъ военной ревности, толь много помогающей намъ охотно и безъ скуки переносить всѣ военные труды и безпокойства.

Но я удалился уже отъ моей матеріи; теперь возвращаюсь къ оной и скажу, что въ помянутомъ новомъ лагерѣ версты три за Ригою стоялъ нашъ полкъ болѣе недѣли, въ которое время переправлялись за Двину протчіе полки, и дѣланы были къ походу всѣ нужныя распоряженія. Вся армія раздѣлена была на три дивизіи или части, изъ которыхъ первою командовалъ самъ фельдмаршалъ, второю, въ которой мы находились, генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, а третьею генералъ-аншефъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ. Планъ намѣренія состоялъ въ томъ, чтобъ обѣимъ первымъ дивизіямъ иттить разными дорогами чрезъ Курляндію въ Польшу или, паче сказать, въ Самогитію или Жмудію, и потомъ, соединившись вмѣстѣ и дождавшись идущихъ прямо изъ Смоленска кавалерискихъ полковъ и легкихъ войскъ, вступить въ Прусію, а третьей бы дивизіи, подъ командою Фермора, иттить вправо, прямо къ первой пруской пограничной крѣпости Мемелю и, при вспоможеніи отправленнаго туда же моремъ флота, осадить сей городъ.

По изготовленіи всего нужнаго къ походу, воспослѣдовалъ наконецъ, маія 3 дня, торжественной выѣздъ генералъ-фельдмаршала изъ Риги. Отъ грома пушекъ, гремящихъ тогда со стѣнъ городскихъ, стенала только рѣка, и выѣздъ сего полководца былъ самой пышной и великолѣпной. Наша брегада случилась тогда стоять на самой дорогѣ, гдѣ ему ѣхать надлежало, чего ради выведены мы были въ строй и должны были ему отдавать честь съ преклоненіемъ знаменъ, какъ главному повелителю. Ужасная свита всякаго рода военныхъ людей окружала его ѣдущаго. Зрѣлище сіе представлялось намъ тогда еще впервые и было для насъ поразительно, ибо пышность сего шествія

была такъ велика, что иной государь не выѣжаетъ на войну съ таковою. Но, о! когда-бъ возвращеніе сего генерала въ сей городъ соотвѣтствовало сему величественному выѣзду!..

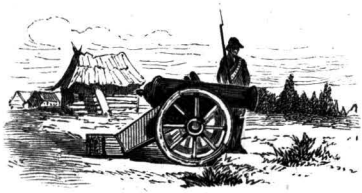
По отъѣздѣ его далѣе къ Митавѣ, куда отправилась тогда первая дивизія арміи, остались мы еще на нѣсколько дней въ прежнемъ своемъ лагерѣ подъ Ригою, ибо нашей дивизіи надлежало послѣ всѣхъ выступить и иттить чрезъ Бовскъ въ Литву. Въ сіе время привезены были къ намъ въ полки новыя и славныя секретныя Шуваловскія гоубицы. Мы удивились, увидѣвъ сіи огнестрѣльныя орудія, и не могли довольно начудиться, для чего дулы прикрыты были у нихъ мѣдною сковородою и замкнуты и запечатаны. И какъ всякая скрываемая вещь возбуждаетъ наиболѣе любопытство, то родилось и въ насъ во всѣхъ неописанное любопытство знать сію тайну; однако она хранилась такъ строго, что къ симъ пушкамъ и близко никого не допускали, но всегда стоялъ подлѣ ей особливой часовой, а для стрѣльбы опредѣленъ былъ въ каждой полкъ особливой артилерійской офицеръ съ особою канонерскою командою, которымъ подъ смертною казнію запрещено было объ нихъ сказывать. Итакъ, не можно было никакъ узнать ни малѣйшаго обстоятельства.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ отдыхали, имѣли мы время нѣсколько разъ для исправленія нуждъ своихъ ѣздить въ городъ. Рига была тогда уже пуста и никого въ ней изъ военныхъ не было; на берегу рѣки поставлены были бекеты и не велѣно было за Двину перепускать ни единаго солдата. Я непреминулъ также вмѣстѣ съ протчими отпроситься и побывать въ городѣ. Но зачѣмъ бы думали вы, любезной пріятель? Дивлюсь, поистинѣ, и понынѣ тогдашнему моему разсудку. Вмѣсто того, чтобъ размышлять о предстоящихъ походныхъ трудностяхъ, и вмѣсто того, чтобъ запастись чѣмъ-нибудь нужнымъ и необходимымъ въ такой дальней и неизвѣстной путь, помышлялъ я только объ однѣхъ книгахъ и объ удовольствованіи одного моего давнышняго желанія. Еще будучи на прежней моей, осенью, квартерѣ у латыша, наслышался я отъ господина Миллера объ одной нѣмецкой книгѣ, которую онъ расхвалилъ мнѣ невѣдомо какъ, и мнѣ хотѣлось ее имѣть, чего бы то ни стоило. Почему, не успѣлъ я войтить въ городъ, какъ первое мое дѣло было бѣжать къ господину Фрелиху, тамошнему книгопродавцу, и спрашивать есть ли у него «Аглинской философъ или Клеведандъ», ибо такъ называлась сія книга, и какъ услышалъ, что есть, то, обрадовавшись чрезвычайно, я тотчасъ ее себѣ купилъ и велѣлъ переплесть въ наилутчей пергаментной бѣлой переплетъ. Боже мой, съ какою радостью и удовольствіемъ возвращался я тогда изъ города въ свой лагерь! Я думалъ, что я нашелъ тогда превеличайшее сокровище и нетерпѣливо ждалъ, чтобъ ее скорѣй переплели и совсѣмъ изготовили — вотъ сколь сильныя дѣйствія производятъ въ насъ долговремянныя желанія! Я думалъ тогда о книгѣ сей и Богъ знаетъ, хотя въ самомъ дѣлѣ она ничто иное, какъ романъ, и того далеко не стоила, чтобъ ее съ такимъ усердіемъ добиваться и покупать въ такое время, когда всѣмъ намъ не до того было.

Кромѣ сего, имѣлъ я въ сіе время и другое еще упражненіе. Всѣмъ полкамъ велѣно было тогда отличить себя отъ протчихъ отмѣнныхъ на шляпахъ солдатъ кисточками, или жосткими и нарочитой величины репейками. Они дѣланы были изъ разноцвѣтныхъ гарусовъ, и двѣ изъ нихъ пришивались къ обоимъ заднимъ угламъ шляпы, а третья стоймя, сбоку, поверхъ банта. Не могу изобразить, сколько хлопотъ и суетъ надѣлала намъ сія бездѣлка, и сколько изрѣзали и изкромсали мы разныхъ стамедовъ, ибо какъ столько гарусовъ набрать было негдѣ, то покупали мы стамеды и оные распускали и раздергивали. Каждой полковникъ старался перещеголять въ томъ другова, и въ нашемъ полку принужденъ былъ я выдумывать, и, надѣлавъ множество разноманерныхъ и разноцвѣтныхъ, представить

полковнику на выборъ, которой и апробовалъ ту, которая самому мнѣ казалась лутче протчихъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ другъ, остаюсь и протчая.



ПОХОДЪ ЛИТВОЮ.

Письмо 38.

Любезной пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ упражнялись въ пріуготовленіяхъ къ походу и время свое препровождали въ церемоніяхъ и убранствахъ, непріятели наши работали совсѣмъ инако и были далеко не таковы медлительны. Правду сказать, выступили и мы довольно рано въ походъ; но король Пруской предупредилъ насъ далеко въ томъ. Онъ, видя дѣлаемыя со всѣхъ сторонъ толь страшныя противъ себя вооруженія, простирающіяся даже до того, что всѣхъ разныхъ войскъ, ополчающихся противъ него, было до 700 тысячъ, и чувствуя, что онъ былъ слишкомъ противъ ихъ слабъ, ибо не имѣлъ и со всѣми союзниками своими гановеранцами болѣе 260 тысячъ человѣкъ войска, старался наградить то своею поспѣшностію и проворствомъ, чего недоставало ему въ силахъ. И вѣдая, что ни которая изъ непріятельскихъ ему державъ не могла открыть кампанію рано, разсудилъ воспользоваться симъ случаемъ, и, собравъ колико можно болѣе силы, напасть скоропостижно на сильнѣйшую изъ всѣхъ и къ нему ближайшую, то-есть, цесареву Римскую, ибо надѣялся, что въ случаѣ ежели удастся ему съ самаго начала ее побѣдить и нанесть ей ударъ рѣшительной, то тѣмъ не только здѣлаетъ ей великое помѣшательство, но разрушитъ намѣренія и другихъ державъ, ей союзныхъ.

Самое сіе и притчиною было, что онъ выступилъ въ поле въ сей годъ чрезвычайно еще рано и съ арміею, состоящею болѣе нежели изъ 100 тысячъ, пошелъ съ разныхъ сторонъ въ цесарскія земли тремя колоннами. Самъ онъ, предводительствуя первою, вошолъ изъ Саксоніи прямо въ Богемію, а славной его фельдмаршалъ графъ Шверинъ, предводительствуя второю, пошолъ чрезъ Шлезію, а третьею предводительствовалъ принцъ Бевернской, и пошолъ въ цесарскія земли со стороны Лузаціи.

Для каковыхъ притчинъ спѣшилъ король дать рѣшительную баталію, таковыя же притчины побуждали цесареву послѣдовать системѣ, совсѣмъ тому противоположной. Она разсудила дѣйствовать оборонительнымъ только образомъ, покуда союзники ее въ состояніи будутъ выступить въ поле, ибо предвидѣла, что тогда король Пруской принужденъ будетъ раздѣлить свои силы на разные корпусы, а потому и дожидалась она только сего выгоднаго пункта времяни для начатія своихъ военныхъ дѣйствій, а до того времяни помышляла она только о прикрытіи своихъ земель отъ нападенія непріятеля.

Всходствіе сей системы и раздѣлилъ командующей войсками ея, генералъ Бровнъ, армію свою на разные корпусы и, поручивъ оные въ команду герцогу Аренбергскому, графу Кенигсэку и графу Сербелони, разстановилъ оные въ разныхъ мѣстахъ по границамъ, а самъ съ остальною арміею сталъ противъ короля. Симъ распоряженіемъ надѣялся онъ прикрыть Богемію, и какъ всѣ оные корпусы были многочисленны и могли скоро соединены быть вмѣстѣ, то и думалъ, что они могутъ повсюду воспрепятствовать прусакамъ войти въ границы цесарскія. Однако воспослѣдовало не то, а совсѣмъ тому противное. Проворство, хитрость и

расторонность короля и искуство его генераловъ разрушили всѣ намѣренія и надежды цесарцевъ. Ничто не могло устоять противъ оныхъ; цесарцы сколько ни старались прусакамъ препятствовать, но они превозмогли всѣ противополагаемыя препоны,—вломились въ предѣлы цесарскіе, и принудили не только протчихъ полководцовъ цесарскихъ отступить, но и самого Броуна ретироваться подъ самыя пушки столичнаго богемскаго города Праги, и по соединеніи всѣхъ своихъ корпусовъ стать тутъ въ укрѣпленномъ ретраншаментомъ и множествомъ батарей лагерѣ, куда вскорѣ и самъ король прибылъ.

Неуспѣлъ сей дойтить до Праги и соединиться со всѣми своими отдѣльными корпусами, какъ, ни мало не медля и не взирая на все выгодное мѣстоположеніе, занятое цесарцами, и самые ихъ окопы и батареи, которыми они окружены были, рѣшился ихъ атаковать, говоря отсовѣтовавшимъ то своимъ генераламъ, что надобно ковать желѣзо, покуда оно горячо. А самое сіе и подало поводъ къ той прагской баталіи, которая была наиславнѣйшая во всю войну сію, и производилась апрѣля 25, то-есть въ самой еще тотъ день, въ которой мы съ полкомъ своимъ выступили съ своихъ квартиръ, и войски наши начали собираться къ Ригѣ.

Помянутая баталія была страшная и кровопролитнѣйшая. Со стороны пруской дралось 80, а со стороны цесарцевъ 75 тысячъ человѣкъ. Прусками войсками командовалъ самъ король съ славнѣйшими своими генералами: графомъ Шверинымъ, Кейтомъ и многими другими, а цесарцами — принцъ Карлъ Лотарингской и генералъ Броунъ.

Король не послушалъ фельдмаршала своего Шверина и атаковалъ цесарцовъ совсѣмъ инако, нежели какъ совѣтовалъ ему сей искусной генералъ и самой фундаторъ пруской арміи, но оттого самаго совсѣмъ-было разбитъ былъ. Всѣ войски его обратились уже въ бѣгство, и цесарцы получили-бъ вѣрно совершенную побѣду, естлибъ особливой случай и неустрашимая храбрость самого помянутаго фельдмаршала Шверина не произвела перемѣны и не превратила всего дѣла. Сей, видя совершенное уже войскъ своихъ разбитіе, схватилъ самъ знамя и закричалъ: «трусы и бездѣльники всѣ, кто за мною не послѣдуетъ!» бросился самъ противъ непріятеля. Войско, увидѣвъ сіе, пустилось за нимъ, толпится и выходитъ изъ дефилей. Шверинъ палъ мертвъ со знаменемъ въ рукахъ, но самая смерть его возбудила отвагу и храбрость въ войскѣ пруском. Оно возобновляетъ сраженіе, стремится на непріятеля, опровергаетъ онаго и одерживаетъ наконецъ совершенную побѣду. Правое крыло цесарцевъ принуждено было ретироваться въ другое мѣсто, а лѣвое войтить и запереться въ Прагѣ. 5,000 человѣкъ цесарцовъ легло на мѣстѣ, 10,000 взято въ полонъ вмѣстѣ съ 240 орудіями артилеріи, а 48,000 со множествомъ принцовъ и генераловъ блокированы въ Прагѣ. Однако и Прускому королю побѣда сія стала недешево: онъ потерялъ на сраженіи семъ 10,000 человѣкъ войска; но уронъ его чувствительнѣе былъ еще ему смертію графа Шверина, котораго ему такъ жаль было, что онъ, пришедъ послѣ баталіи видѣть еще разъ тѣло его, покрытое кровію, смотрѣлъ долгое время на него съ молчаніемъ и съ катящимися изъ глазъ слезами, и наконецъ воскликнулъ: «это не подданной, а отецъ, котораго я лишился!»

Многіе генералы, какъ его, такъ и цесарскіе, оказали на семъ сраженіи чудеса храбрости. Въ особливости же прославились тѣмъ съ пруской стороны принцъ Гейнрихъ, братъ королевской и генералъ Цитенъ, а съ цесарской—генералъ Броунъ, которой принужденъ былъ также умереть отъ ранъ, полученныхъ имъ на сей битвѣ.

Вотъ какія дѣла и страшныя кровопролитія происходили уже въ то время въ Европѣ, какъ мы собирались иттить на войну. Но я возвращусь теперь къ намъ, и буду продолжать свою повѣсть.

Седьмое число маія былъ, наконецъ, тотъ день, въ которой и нашъ полкъ, по

примѣру протчихъ, принужденъ былъ выступить въ походъ, и какъ до непріятельской земли было еще очень далеко, а при шествіи Курляндіею не было никакой опасности, то, для лутчей способности въ походѣ, и шли полки наши поодиночкѣ другъ за другомъ. Мы пошли тотчасъ влѣво и, перешедъ рыбачью слободу, вступили позади оной въ бывшей Псковскаго полку лагерь, гдѣ въ тотъ день и ночевали. Въ послѣдующей день (8) перешли мы только двѣ мили, а въ третей (9), приближаясь къ курляндскимъ границамъ, начинали уже отчасти чувствовать военныя трудности. Перехода нашего хотя также не болѣе двухъ миль или 14 верстъ было, и мы вышли хотя поутру, но совсѣмъ тѣмъ, за тѣснотою дороги, за превеликими остановками и по непривычкѣ еще къ такимъ походамъ, не могли мы въ назначенной лагерь прежде приттить, какъ около полуночи, а обозы наши пришли уже поутру, и для того принуждены мы были въ семъ мѣстѣ послѣдующей день (10) дневать и дать и людямъ, и лошадямъ отдыхъ.

Лагерь для насъ назначенъ былъ въ семъ мѣстѣ посреди сосноваго бора, и мы впервые еще стояли въ такомъ неспособномъ и дурномъ мѣстѣ, и принуждены были еще сверхъ того всю ночь препроводить безъ нашихъ повозокъ и палатокъ и терпѣть стужу, ибо ночи были тогда еще холодни. Мы расклали себѣ огоньки посреди бора и прогрѣлись около нихъ почти всю ночь, не ѣвши и не спавши, предвѣщая себѣ, что сіе и впредь часто будетъ случаться съ нами. Генералы, командовавшіе нашими бригадами, кляли и ругали наши обозы: и тяжелы-то они имъ казались, и отъ нихъ-то была вся остановка, и для того повторено было приказаніе, чтобъ уменьшены были тягости и чтобъ неотмѣнно по два офицера было въ одной повозкѣ. Легко можно заключить, что приказаніе сіе было намъ весьма нерадостно. Мы взгоревались тогда всѣ и тужили другъ объ другѣ, ибо никому не хотѣлось разстаться съ своею повозкою; но по щастію не все то исполняется, что приказывается. Съ нѣкоторыми изъ офицеровъ учинено было то дѣйствительно, и бѣдняки сіи принуждены были разбросать опять нѣсколько вещей и кинуть свои повозки; но бо́льшая часть, и въ томъ числѣ и я, подъ разными предлогами удержали свои повозки, къ чему и полковые наши командиры, не принуждая слишкомъ строго насъ, много способствовали.

Наутріе (11) выступили мы опять въ походъ и продолжали шествіе свое Курляндіею порядочнѣйшимъ образомъ и побрегадно слѣдующимъ порядкомъ: сперва шла брегада генерала-маіора Вильбое, состоящая изъ третьяго гранодерскаго, нашего Архангелогородскаго и Ростовскаго полковъ. Тамъ слѣдовала брегада генералъ-маіора князя Василья Михайловича Долгорукова, состоящая изъ кирасирскаго Наслѣдникова полку, да изъ пѣхотныхъ Низовскаго, Бутырскаго и Выборскаго полковъ, а напослѣдокъ брегада бригадира Нумерса, состоящая изъ Псковскаго, Апшеронскаго и Бѣлозерскаго полку. Мы, перешедъ мили полтретьи, ночевали при мызѣ Экау, гдѣ находился разоренной каменной замокъ и мельница.

На другой день (12) въ вечеру прибыли мы наконецъ къ мѣстечку Бовску и расположились по-сю сторону онаго для того, что черезъ рѣку Немонтъ перейтить было не можно, и надлежало дѣлать напередъ понтонной мостъ. Къ утру (13) онъ у насъ и поспѣлъ тотчасъ, и мнѣ въ первой разъ случилось тутъ видѣть сей походной и летучей мостъ. Понтоны здѣланы у насъ были жестяные и выкрашены красною краскою, и какъ они, сверхъ того, всѣ были ровны, то весь мостъ представлялъ наипрекраснѣйшею фигуру, и я не могъ довольно зрѣніемъ на него налюбоваться. Въ сей день перебиралась вся наша дивизія по оному и проходила чрезъ мѣстечко безъ всякой церемоніи. Видъ сего курлянскаго городка, въ которомъ я съ младенчества жилъ, и напоминаніе всѣхъ мѣстъ, которыя я тогда видывалъ, наводилъ мнѣ

пріятное увеселеніе, и я не могъ на нихъ довольно насмотрѣться. Мы, перешедъ оное и переправясь чрезъ другую рѣку Муху вбродъ, стали неподалеку отъ онаго лагеремъ, въ виду вся дивизія.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы двои сутки, (14 и 15), въ которое время были мы не безъ дѣла. Намъ велѣно было учиться экзерциціи и пальбѣ, и командующіе генералы смотрѣли наше искуство, изъ которыхъ щедрый нашъ главной командиръ Лопухинъ подарилъ нашихъ солдатъ нѣсколькими червонцами. Напротивъ того, брегаднымъ нашимъ командиромъ, господиномъ Вильбоемъ, были мы не такъ довольны; строгость и надменность его была намъ не очень пріятна.

Поутру въ третей день (16) выступили мы опять въ походъ, и вступили наконецъ въ Польское королевство. Мы не могли преминовать, чтобъ при семъ выходѣ изъ своего отечества и знакомыхъ земель нѣсколько разъ на него назадъ не оглянуться и со вздохомъ не сказать: «Прости, милое и дорогое отечество!... Велитъ ли Богъ намъ опять тебя видѣть, и когда-то это будетъ?» Нѣкакія особливыя и трогательныя чувствія разливались тогда по всѣмъ частямъ нашего тѣла, и выгоняли противъ хотѣнія слезы изъ глазъ нашихъ. Мы хотя старались оныя скрывать, однако онѣ были у весьма многихъ довольно примѣтны. Мы ночевали тогда, прошедъ немного первое польское или паче литовское мѣстечко, называемое Жеисменъ.

Какъ (17) за обозами здѣлалась опять небольшая остановка, а ктому-жъ достальныя брегады не бывали, то положено было въ семъ мѣстѣ передневать и сождаться съ протчими. Поелику же наивеличайшую остановку и препятствіе дѣлала намъ артилерія, которой мы цѣлой паркъ при дивизіи своей имѣли, то отправлена она была сего числа напередъ.

Въ слѣдующій за симъ день (18) случился тогда праздникъ, Троицынъ день, и какъ главной нашъ командиръ былъ человѣкъ крайне набожной и богомольной, то не прежде мы выступили въ походъ, какъ отслушавъ въ поставленныхъ полковыхъ церквахъ обѣдню, и потому прибыли въ назначенной лагерь, при другомъ мѣстечкѣ, Линковѣ, уже на разсвѣтѣ послѣдующаго дня (19). Однако принуждены были въ тотъ же день итти далѣе до третьяго мѣстечка, называемаго Клавана; но въ семъ мѣстѣ мы уже дневали (20).

Дватцать перваго числа (21), послѣ полудня, пошла наша брегада опять въ походъ и шла до деревни Павикшни, куда какъ пѣхота, такъ и обозы пришли уже въ полночь.

Въ семъ мѣстѣ здѣлалась въ обстоятельствахъ моихъ перемѣна. До сего времяни былъ я все еще ротнымъ командиромъ и правилъ ротою, что для меня было весьма и выгодно, ибо великая розница быть простымъ офицеромъ, и начальникомъ роты, а особливо въ походѣ. Но тутъ занемогъ вдругъ нашъ полковой квартермистръ, господинъ Штейнъ, и надлежало выбрать для отправленія должности его другова искуснаго и способнаго офицера. Во всемъ полку иного не нашли къ тому способнаго, кромѣ меня. Я хотя и старался отъ того отбыть, но мнѣ не помогло ничто, и я долженъ былъ, здавъ роту свою другому прикомандированному порутчику и принявъ фуріеровъ въ свою команду, ѣхать напередъ для заниманія лагерей. Перемѣна сія была мнѣ досадна и нѣтъ: я избавился чрезъ то неописаннаго того отягощенія и скуки, которую имѣлъ до того, ѣдучи всегда при ротѣ своей верхомъ и на всякой верстѣ останавливаясь. Нельзя изобразить, сколь досадна и отяготительна была, по непривычкѣ, всѣмъ намъ таковая медлительность и на всякомъ почти шагу остановка въ походѣ. Съ утра до вечера, бывало, мы идемъ, но не болѣе перейдемъ, какъ верстъ 10 или 15, а во все сіе время не можно было никому отъ своего мѣста при ротѣ ни на одинъ шагъ отлучиться. Нерѣдко случалось, что переломитъ пополамъ спину отъ безпрерывнаго сидѣнія на лошади, и устанешь такъ, что животу своему не

радъ. Мнѣ много помогала еще новокупленная моя книга; она бывала у меня всегда въ карманѣ, и какъ скоро закричатъ, что «стой!», то принимался я за нее и продолжалъ чтеніе. По щастію, была очень любопытна, и я не могъ уставать, ее читаючи. При помянутой же со мною перемѣнѣ лишился я всѣхъ сихъ отягощеній, и мнѣ въ особливости было пріятно то, что я могъ чрезъ то имѣть для себя всегда болѣе времяни и покоя; ибо какъ переходы были очень малые, то, будучи на свободѣ, не долго намъ было переѣхать верстъ 15 или 12, и тогда по разбитіи лагеря не оставалось намъ ничего дѣлать, и мы, дожидаясь своихъ полковъ, могли, сколько хотѣли себѣ, спать и отдыхать. Однимъ словомъ, мы имѣли столько свободнаго времяни, что дошло скоро до того, что мнѣ праздность сія уже и наскучила; и какъ я не привыкъ безъ дѣла быть, то, прочитавъ книги свои и полюбивъ оныя очень, вздумалъ на досугѣ «Клевеланда» моего переводить и препровождать въ томъ все праздное свое время. Упражненіе сіе произвело мнѣ сугубую пользу, ибо, во-первыхъ, занимаясь тѣмъ, не чувствовалъ я ни мало скуки; во-вторыхъ, избѣжалъ чрезъ то необходимости дѣлать сотоварищамъ моимъ, двумъ другимъ брегады нашей квартермистрамъ, компанію и ѣздить съ ними въ мѣстечки и деревни, и тамъ препровождать время въ питьѣ, гуляньѣ, а нерѣдко и въ другихъ шалостяхъ непозволительныхъ. Сотоварищами сими были у меня г. Кульбарсъ и г. Похвисневъ: первой былъ третьяго гранодерскаго полку и служилъ вмѣсто оберъ-квартермистра, а второй Ростовскаго полку, и молодецъ нарочито вѣтреной. Кромѣ того, отправляя сію должность, имѣли мы и ту выгоду, что, пріѣжая въ мѣстечки всегда прежде полковъ, могли все нужное для своей провизіи доставать и купить повольною цѣною, а не въ три-дорога, такъ какъ покупали мы до того времяни, ибо не успѣвала дивизія куда притить, какъ въ одинъ часъ все было выкупаемо и ничего достать было уже не можно. Но я возвращусь къ продолженію описанія нашего похода.

22-го маія пришла наша дивизія до мѣстечка, называемаго Новое-Мѣсто, и передневавъ (23) тутъ продолжала (25) походъ свой до мѣстечка Крекенау. Въ семъ мѣстѣ принуждены мы были опять стоять двои сутки (26 и 27), ибо какъ тутъ заготовленъ былъ провіантъ, то должны были мы оной принимать и печь себѣ хлѣбы. При семъ случаѣ въ первой разъ случилось еще намъ печь хлѣбы сіи въ земляныхъ печахъ и растворять квашни въ ямахъ: зрѣлище до того невиданное и по новости своей любопытное. Мы, увидѣвъ помянутыя ямки и въ нихъ въ рогожахъ и въ мѣшкахъ растворяемое тѣсто, а для печенія хлѣбовъ другія, выкопанныя на подобіе норъ, дивились и не хотѣли вѣрить, чтобъ могло выттить что хорошее; но удивленіе наше увеличилось, когда увидѣли послѣ хлѣбы и сухари столь хорошіе и вкусные, что таковыхъ мы до того времяни еще не ѣдали.

Что касается до меня, то случилось тутъ со мною одно смѣшное приключеніе. Какъ я былъ въ сіе время въ совершенной праздности, то сидѣлъ я однимъ днемъ въ своей офицерской палаткѣ на землѣ и занимался обыкновеннымъ моимъ упражненіемъ, то-есть переводилъ на колѣняхъ своего «Клевеланда». Углубившись въ сіе дѣло, и не зналъ я того не вѣдалъ, что взошла и висѣла уже надъ нами страшная громовая туча, а услышалъ только, что вдругъ зашумѣла и завизжала превеличайшая буря съ вихремъ, и начала рвать наши палатки. Я началъ кричать, чтобъ бѣжали люди и скорѣе колотили колушки покрѣпче въ землю, однако некому, да и некогда было меня слушать. Палатку мою, ни съ другова слова, вихрь, подхватя всю, ударилъ объ-земь и прихлопнулъ ею меня совсѣмъ, и съ бумагою и чернилами моими къ землѣ. Что было тогда дѣлать? я кричалъ что есть мочи, но за превеликимъ шумомъ, молніею и громомъ никому было не слышно, а выдраться са-

мому никакова не было способа: такъ хорошо запутало меня палаточными полами. Однимъ словомъ, я едва-было тогда не задохся, ибо принужденъ былъ симъ образомъ подъ палаткою лежать болѣе получаса и покуда всѣ, схоронившіеся отъ дождя кой-куда люди, нещастіе мое увидѣли и, прибѣжавъ, меня изъ тюрьмы освободили. Но какимъ же уродомъ я оттуда вышелъ! Я былъ весь не только дождемъ обмоченъ, но и перемаранъ чернилами, и радъ былъ уже тому, что освободился.

Двадцать осьмого (28) числа сего мѣсяца начался опять походъ нашей дивизіи и продолжался до мѣстечка Сербелишки, а на другой день (29) послѣ сего дошли мы, наконецъ, до знаменитаго польскаго, однако нераздо большого мѣстечка, называемаго Кейданъ. Въ семъ мѣстѣ въ послѣдующей за симъ день (30) сошлись мы съ первою дивизіею, которою предводительствовалъ самъ фельдмаршалъ, вмѣстѣ; ибо онъ, идучи изъ Митавы другою дорогою черезъ Янышки, Мишкутекъ, Шлавъ, Радзивилки и Шадовъ, прибылъ также къ Кейданамъ. Однако обѣ сіи дивизіи вмѣстѣ тогда еще не соединялись, но стояли лагерями порознь.

При Кейданахъ (1) стояли мы цѣлыхъ пять дней, отчасти для пріема провіанта, которой былъ также тутъ заготовленъ, и печенія изъ него хлѣбовъ (2), отчасти дожидаясь достальныхъ брегадъ, поотставшихъ нѣсколько отъ протчихъ. Однако третьяго (3) числа іюня выступилъ нашъ фельдмаршалъ съ своею дивизіею далѣе къ Ковнамъ, и на другой день (4) послѣ того послѣдовали и мы за нимъ съ нашею дивизіею, которая, дошедъ до мѣстечка Бобти, ночевала. Наша же брегада оставалась въ сей разъ назади, и прибыла къ сему мѣстечку уже пятаго числа.

Наконецъ, шестого числа прибыли мы къ мѣстечку или, паче сказать, довольно знаменитому и славному городку Ковнамъ. Мы нашли уже тутъ великое собраніе полковъ, ибо какъ, недоходя до мѣстечка, надобно было перебираться чрезъ рѣку Вилію, которая нарочита была велика, а мостовъ было еще не сдѣлано, то становились приходящіе полки подлѣ сей рѣки и дожидались изготовленія оныхъ.

Седьмаго (7) числа переправились мы чрезъ помянутую рѣку Вилію и, прошедъ Ковны, стали подлѣ сего мѣстечка лагеремъ. Тутъ стояли мы немалое время, ибо какъ чрезъ помянутую рѣку переправляться надлежало всей арміи по одному только узкому понтонному мосту; къ тому-жъ городъ сей назначенъ былъ генеральнымъ рандеву или сборнымъ мѣстомъ, то и требовалось къ тому немалое время.

Впротчемъ, какъ стояніе въ семъ мѣстѣ было достопамятно нѣкоторыми случившимися со мною произшествіями, то, отложивъ повѣствованіе объ нихъ до послѣдующаго письма, теперешнее симъ кончу, сказавъ вамъ, между тѣмъ, что я есмь и протчая.

СТОЯНІЕ ВЪ КОВНАХЪ.

Письмо 39.

Любезной пріятель! Теперь разскажу вамъ тѣ приключенія, которыя случились со мною во время стоянія нашего въ упомянутомъ польскомъ городкѣ Ковнахъ. Первое произошло еще въ самой первой день нашего туда пришествія и состояло въ маленькомъ нещастіи, которое навлекъ я самъ на себя своею дуростію, а имянно: я прежде уже упоминалъ, что я отправлялъ тогда должность квартермистскую

и ѣжжалъ всегда напередъ для занятія лагеря; всходствіе сего поѣхали мы и тогда напередъ, какъ брегада наша находилась еще за рѣкою Вилiею. Пріѣхавъ въ мѣстечко Ковны, квартермистръ Ростовскаго полку господинъ Похвисневъ, будучи молодецъ вѣтреной и гуляка, не знаю зачѣмъ отсталъ отъ насъ въ мѣстечкѣ, а съ нимъ остались вмѣстѣ и его фуріеры. Мы, пріѣхавъ съ господиномъ Кульбарсомъ на то мѣсто, гдѣ за мѣстечкомъ назначено было быть нашему лагерю, не имѣли времяни долго мѣшкать, потому что полковые наши обозы начали въ то время уже перебираться чрезъ рѣку, какъ мы поѣхали, и для того спѣшили скорѣе разбить лагерь. Но горе на меня тогда напало, что не было ростовскаго квартермистра, безъ котораго мнѣ лагеря подъ свой полкъ разбивать было не можно, потому что брегада наша становилась всегда такимъ порядкомъ, чтобъ на правомъ флангѣ стоять гранодерскому, на лѣвомъ нашему, а въ срединѣ Ростовскому полку, слѣдовательно, безъ занятія средняго лагеря мнѣ крайней занимать было не можно. Долго дожидался я сего господина, но онъ немного тамъ позагулялся и не ѣхалъ. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было, и я дѣлалъ ему за то изрядное благословеніе. Наконецъ стали уже показываться наши обозы, а лагери нашихъ обоихъ полковъ мы и не начинали еще разбивать. Что мнѣ тогда было дѣлать? Другова не оставалось какъ отмѣрить на Ростовской полкъ извѣстную намъ дистанцію, а тамъ взять прямую линію съ гранодерскимъ полкомъ и разбивать свой. Но какъ, отмѣривъ пропорцію сію, пришолъ я на то мѣсто, гдѣ нашему полку стоять приходилось, то увидѣлъ, что была тутъ только-что вспаханная и еще незаскороженная пашня и не только простая, но разодранная изъ луга; однимъ словомъ, на всемъ мѣстѣ была глыба на глыбѣ и дернина на дернинѣ. Досадно мнѣ сіе чрезвычайно было, ибо такова сквернаго мѣста недоставалось намъ никогда подъ лагерь во весь походъ нашъ; напротивъ того, видѣлъ я, что мѣсто, гдѣ отмѣрилъ я для Ростовскаго полку, состояло изъ наипрекраснѣйшаго и ровнаго луга. Завистно мнѣ было сіе и досадно, а болѣе потому, что мы знали, что тутъ простоимъ немалое время. Въ сихъ обстоятельствахъ будучи и видя, что ростовской квартермистръ съ фуріерами своими все еще не ѣхалъ, захотѣлось мнѣ услужить полку своему и подъ какимъ-нибудь предлогомъ занять лутъ для себя, а ростовцовъ спровадить на пашню, и чрезъ то избавить свой полкъ отъ крайняго безпокойства; и для того, подумавъ немного и вымысливъ уже напередъ отговорки и оправданія, пошолъ я къ гранодерскому квартермистру требовать совѣта; но сей не сказалъ мнѣ ни того, ни сего; итакъ, не получивъ отъ него ни приказанія, ни запрещенія, пустился я на отвагу и разбилъ лагерь свой подлѣ его полку. Но дабы проступокъ свой чѣмъ-нибудь прикрыть, то разбилъ подлѣ себя на пашнѣ лагерь и Ростовскому полку; фуріеры мои и не хотѣли-было для чужова полку трудиться, но я ихъ принудилъ и велѣлъ еще съ лутчимъ и особливымъ прилежаніемъ всѣ мѣста назначивать, дабы тѣмъ порядочнѣе разбить оной. Не успѣлъ я сего здѣлать, какъ пришли уже въ самомъ дѣлѣ и ростовскіе и нашего полку обозы, и я тотчасъ велѣлъ свои становить на мѣста и занимать скорѣе лагерь. Ростовскіе, не видя своихъ фурьеровъ, подняли-было съ нашими споръ, для чего становимся мы на ихъ мѣсто; однако я ихъ кое-чѣмъ умаслилъ и уговорилъ становиться въ отведенномъ мною для нихъ лагерѣ. Не успѣли обозы установиться, какъ пришла и пѣхота. Квартермистръ ростовской не прежде встрянулся изъ Ковенъ ѣхать, какъ увидя уже идущую пѣхоту, и едва успѣлъ къ намъ безъ памяти прискакать съ своими фуріерами. Ему нѣкогда было тогда разбирать способность мѣста; однако увидѣвъ, что мѣсто его подъ нашъ полкъ уже занято, прискакалъ ко мнѣ и говоритъ: — «Эхъ, братецъ! я позамѣшкался въ мѣстечкѣ, а ты у меня мѣсто занялъ и не тамъ сталъ». — «Вольно тебѣ было не ѣхать!» отвѣтствовалъ я: «вѣдь обозамъ

моимъ тебя не дожидаться было, и мнѣ не оставалось иного дѣлать!»—«Ну, быть тому такъ,» говорилъ онъ: «да, эхъ, какая бѣда, мнѣ теперь уже не успѣть разбить лагерь, полки уже идутъ!»—«Поѣжжай! поѣжжай!» говорю я: «я уже и для вашего полку разбилъ своими фурьерами». Онъ благодарилъ меня еще за то, и поскакалъ полку на встрѣчу, а фурьерамъ велѣлъ иттить на мѣсто. Но сіи бездѣльники, пришедши туда, увидѣли скоро весь мой умыселъ и для чего все это было здѣлано, и досадовали чрезвычайно, что имъ стоять на пашнѣ. Они при семъ одномъ не остались, но со злобы на меня взяли нарочно и перетыкали всѣ тычки и искривляли умышленно линію и фрунтъ такъ, что и палатки стали очень криво и дурно. Я, всего того не знаю и не вѣдаю, и радуясь своей удачѣ и обману, поѣхалъ, и встрѣтивъ свой полкъ, привелъ на мѣсто. Но что-жъ воспослѣдовало? Радость моя продлилась недолго, но обратилась скоро въ печаль, и сія игрушка довела-было меня до нещастія.

Неуспѣли полки стать въ лагерь, какъ пріѣхалъ изъ мѣстечка нашъ генералъ-маіоръ Вильбое, котораго ставка поставлена была у насъ на правомъ флангѣ. Онъ неуспѣлъ подъѣхать къ лагерю, какъ искривленной Ростовскаго полку фрунтъ тотчасъ ему въ глаза кинулся. Будучи чрезвычайно горячаго и вспыльчиваго нрава, разсердился онъ тогда чрезмѣрнымъ образомъ, и поскакалъ прямо къ сему фрунту. Но досада его еще болѣе увеличилась, когда онъ, думая найтить тамъ нашъ, увидѣлъ вдругъ Ростовской, его любимой полкъ, которой онъ, будучи до сего въ немъ полковникомъ, особливымъ образомъ защищалъ и любилъ. Онъ поднялъ тогда превеликой шумъ и крикъ и металъ вокругъ себя огнемъ и пламенемъ.—«Кто это? кто? кто это здѣлалъ? кто такъ сдѣлалъ? кто становилъ лагерь? для чего худо? для чего криво? для чего не въ томъ мѣстѣ?» кричалъ и вопилъ онъ: «подай его сюда»! Квартермистръ ростовской, вѣдая его вспыльчивость, не смѣлъ ему уже тогда показать глазъ своихъ; но, по нещастію, вышло нѣсколько офицеровъ, кои не меньше прочихъ были недовольны мѣстомъ, и нажаловались ему, обвиняя прямо меня одного.

Я находился тогда въ полку своемъ и ничего того не зналъ, не вѣдалъ; но скоро увидѣлъ я бѣгающихъ по всему лагерю и меня къ генералу спрашивающихъ.—«Ну!» говорилъ я тогда самъ себѣ: «доходитъ до меня дѣло! какъ-то я отдѣлаюсь, и что-то мнѣ будетъ: генералъ человѣкъ бѣшеной, чтобъ не здѣлалъ онъ чего со мною!» Какъ я думалъ, такъ и здѣлалось. Генералъ не успѣлъ меня увидѣть, какъ въ превеликой запальчивости оборвался на меня и смѣшалъ съ грязью. Я началъ-было приносить ему оправданія, но статочное ли дѣло, чтобъ ихъ ему выслушивать! Не оправданія слушать, но наказать меня у него на умѣ было. «Оборви его!» кричалъ только онъ: «оборви, адъютантъ; вотъ ужо я ево проучу!» Адъютантъ тотчасъ сошолъ съ лошади и сталъ снимать шпагу. Что мнѣ тогда было дѣлать? Я видѣлъ, что плетью обуха не перебьешь, стоялъ онѣмѣвши и давалъ ему безпрекословно снимать оную; послѣ чего поѣхалъ генералъ, не слушая ничего болѣе, прочь, а я принужденъ былъ иттить въ свою палатку.

Слухъ о моемъ нещастіи пронесся тотчасъ по всему лагерю, и всѣмъ было это непонятно, за что-бъ такое меня арестовали; и какъ весь полкъ меня любилъ и былъ мною доволенъ, то не было никого, кто бы обо мнѣ не жалѣлъ и меня о притчинѣ того не спрашивалъ. Палатка моя наполнилась тотчасъ офицерами, пришедшими навѣщать нещастнаго, и я, горюя и смѣючись, говорилъ тогда имъ: «вотъ это за васъ я за всѣхъ, господа, стражду! Васъ я пожалѣлъ и на пашню не поставилъ; но оттого самъ теперь терплю бѣду». Они очень довольны были моимъ усердіемъ, и потому стали еще болѣе обо мнѣ сожалѣть, говоря, что я невинно стражду. Наконецъ, услышавъ о томъ, зашолъ ко мнѣ самъ

полковникъ нашъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. Я разсказалъ ему все подробно, и, наконецъ, смѣючись говорилъ: «воля ваша, господинъ полковникъ! Вы должны меня теперь защитить—я не для себя, а для всего вашего полку это дѣлалъ, а мнѣ все бы равно, на пашнѣ ли или на лугу стоять!» — «Конечно, я и непремину стараться», отвѣчалъ онъ: «и много тобою въ семъ случаѣ доволенъ. Однако, возьмите на часокъ терпѣніе. Надобно дать время простынуть гнѣву генеральскому, а то я надѣюсь на себя, что все дѣло будетъ заглажено».

И въ самомъ дѣлѣ, не успѣло часовъ двухъ пройтить, какъ прибѣжалъ за мною ординарецъ, чтобъ я шолъ немедленно къ генералу въ ставку. Я нашолъ тамъ своего полковника, и генералъ былъ уже какъ овечка смиренъ и спрашивалъ меня обо всемъ происхожденіи. «Ваше превосходительство», говорилъ я ему тогда смѣло, «не изволили меня давича выслушать, я совсѣмъ въ этомъ дѣлѣ не виноватъ; квартермистръ ростовской остался въ Ковнахъ, и я не знаю зачѣмъ тамъ промедлилъ, даже до того времяни, какъ полки пришли уже въ городъ. Я, будучи здѣсь, дожидался его болѣе двухъ часовъ, чтобъ онъ занялъ свой лагерь, но не могъ никакимъ образомъ дождаться. Наконецъ, обозы уже пришли и требовали отъ меня мѣста Я не зналъ, что тогда дѣлать, и думая, что хуже будетъ, ежели ваше превосходительство застанете обозы въ безпорядкѣ и въ замѣшательствѣ толпящіеся, другого не нашелъ, какъ занимать мѣсто подъ свой полкъ подлѣ гранодерскаго». — «О! такъ это такъ-то было?» прервалъ мнѣ рѣчь генералъ: «да что же тотъ молодецъ тамъ дѣлалъ и зачѣмъ въ Ковнахъ праздновалъ?»—«Всего того не знаю, ваше превосходительство», отвѣчалъ я: «только здѣсь ни его, ни одного изъ его фурьеровъ не было, и я, увидавъ уже и ихъ обозы пришедшіе, принужденъ былъ и для ихъ полку послѣ самъ разбивать лагерь».—«Да что-жъ онъ криво разбитъ?» спросилъ генералъ.—«Тому уже не я виноватъ», отвѣчалъ я: «мнѣ не учиться разбивать лагери, и я разбилъ его хорошо, но они сами нарочно и умышленно все перекривили и тычки мои перетыкали, чтобъ привесть только тѣмъ въ гнѣвъ меня у вашего превосходительства».—«Вотъ смотри, какіе бездѣльники!» закричалъ тогда генералъ: «поэтому не ты, мой другъ, виноватъ, а всему притчиною Похвисневъ; но я ужо проучу сего молодца! Адъютантъ! вручи шпагу господину подпорутчику, а вмѣсто того поди арестуй Похвиснева и вели его посадить на палочной». Потомъ, обратясь ко мнѣ, говорилъ: «Прости ты меня, мой другъ! Мнѣ не такъ все было сказано, и я всего того не вѣдалъ». «Богъ тебя проститъ», думалъ я тогда самъ въ себѣ, а между тѣмъ давай Богъ отъ него скорѣй ноги.

Симъ образомъ кончилось сіе нещастное приключеніе, которое одно только сего рода во всю мою службу и было. Всѣ офицеры рады были моему освобожденію и хвалили меня, что я хорошо отдѣлался. Совсѣмъ тѣмъ боялся я, чтобъ генералъ не провѣдалъ истинной притчины; но, по щастію, скоро послѣ того выбыли мы изъ-подъ его команды и опредѣлены были въ другую дивизію, да и настоящей нашъ квартермистръ, господинъ Штейнъ, отъ болѣзни своей свободился и вступилъ опять въ свою должность. Итакъ, возвратился я въ роту и не ѣздилъ болѣе занимать лагерей.

Другое приключеніе было смѣшного рода и состояло въ томъ, что я ненарочно и незнаючи напился пьянъ, и впервые еще отъ роду. Произошло сіе слѣдующимъ образомъ. Еще задолго прежде пришествія въ Ковны наслышались мы довольно, что въ Ковнахъ продаются славные польскіе меды, называемые «липецы». Любопытство узнать, что это за напитокъ, было въ насъ превеликое, и для того не успѣли мы приттить въ Ковны и расположиться лагерями, какъ спѣшилъ всякой отпроситься въ сей городъ для исправленія себя покупкою нужныхъ

вещей; въ числѣ сихъ былъ и я не изъ послѣднихъ. Пришедъ въ городъ, первое мое попеченіе было сыскать, гдѣ продаютъ липецъ. Мнѣ указали трактиръ или винной погребъ, куда пришедъ, спросилъ я тотчасъ онаго. Спросили меня, сколько прикажу я? «Штофъ!» сказалъ я, ибо думалъ, что онъ такой же слабой, какъ и протчіе польскіе меды, которые иногда въ жажду пить можно и до которыхъ мы, идучи Польшею, здѣлались уже охотники. Хозяинъ удивился, видя меня одного, а спрашивающаго цѣлой штофъ меда; однако, не сказавъ ничего, пошолъ и принесъ мнѣ оной; а я не меньше удивился, что онъ со штофомъ поставилъ мнѣ на столъ маленькую рюмку, а не стаканъ. «Что это такое!» думалъ я самъ въ себѣ: «кто это видалъ, чтобъ медъ рюмками, и такими маленькими пить?» Однако разсудилъ опять, что можетъ быть тутъ и обыкновеніе такое, и видя хозяина, одѣтаго порядочно въ нѣмецкое платье, для благопристойности посовѣстился спросить, что-бъ тому была за притчина, и постыдился попросить стакана. Итакъ, налилъ я тотчасъ рюмку и выпилъ. Медъ показался мнѣ самымъ нектаромъ: чистъ, вкусенъ, сладокъ, пріятенъ, а и ктому-жъ показался мнѣ и совсѣмъ не крѣпокъ, а слабъ. Почему и дивился я еще тому и говорилъ самъ себѣ: «вотъ говорили, что липецъ очень крѣпокъ, а вмѣсто того, его безъ нужды пить можно». Итакъ, погодя немного, выпилъ я его еще рюмку, а спустя еще нѣсколько времяни, еще одну. Но какъ въ сей разъ показался онъ мнѣ нѣсколько крѣпче, то не сталъ я ево болѣе тогда пить, а думалъ пойтить напередъ кой-што искупить и поискать когонибудь изъ знакомыхъ, и зайтить сюда послѣ и достальное выпить. Расположившись симъ образомъ, говорю я хозяину: не здѣлаетъ ли онъ мнѣ дружбы и не поставитъ ли этотъ медъ въ шкафъ, и не побережетъ ли нѣсколько часовъ, покуда я приду съ пріятелями и не разопью достальное.—«Боже мой!» сказалъ хозяинъ, для чего не поберечь! извольте сударь, медъ вашъ будетъ цѣлъ, только извольте за него заплатить». — «Конечно, мой другъ», сказалъ я: «это разумѣется само собою; сколько-жъ тебѣ за него надобно?» — «Червонецъ, только», сказалъ съ хладнокровіемъ хозяинъ. Слово сіе меня поразило. «Вотъ-те на!» думалъ я самъ себѣ: «хорошъ медокъ!» Признаюсь, что мнѣ уже и очень жаль было, что я не спросилъ напередъ, чего онъ стоитъ; но какъ отдавать назадъ казалось мнѣ уже совѣстно и дурно, то хотя съ превеликимъ нехотѣніемъ и досадою на самого себя, но полѣзъ я въ кошелекъ, заплатилъ, сколько онъ требовалъ и пошолъ со двора, браня самъ себя за неосторожность, а медъ за его дороговизну; но комедія симъ еще не кончилась.

Неуспѣлъ я съ полчаса по городу походить, какъ встрѣтился со мною нашего полку адъютантъ, и обрадовавшись меня увидѣвъ, говорилъ мнѣ, что онъ меня давно ищетъ, и чтобъ я шолъ какъ можно скорѣе въ лагерь къ полковнику, для нѣкоторой нужды. Я-было сталъ звать его съ собою въ трактиръ, но онъ отговорился недосугомъ, и совѣтовалъ мнѣ опять, чтобъ и я не медлилъ ни минуты. Такимъ образомъ, не имѣя времяни заходить за моимъ лицомъ, побѣжалъ я въ лагерь, которой не далѣе былъ отъ мѣстечка, какъ за версту. Тутъ не успѣлъ я притти къ полковнику и исправивъ то дѣло, зачѣмъ онъ меня призывалъ, возвратиться въ мою палатку, какъ вдругъ отнялись у меня обѣ мои руки и ноги. Странно мнѣ сіе и удивительно показалось; я не понималъ, что это значило и, испужавшись, только и говорилъ: — «Господи помилуй! что это такое! что это съ моими руками и ногами здѣлалось: болн кажется никакой не чувствую, а совсѣмъ ими почти не владѣю». Словомъ, я здѣлался такимъ калѣкою, что принужденъ былъ лечь на землю и валялся какъ разслабленной, не понимая, что-бъ тому было притчиною, ибо какъ я былъ, впротчемъ, во всемъ умѣ и памяти, то мнѣ и въ мысли не входило, чтобъ дѣйствіе сіе произвелъ мой медокъ, сладенькой и дешевой. Зашедшіе ко мнѣ офицеры рас-

толковали мнѣ наконецъ сію тайну. Они спросили меня, не пилъ ли я липцу, и какъ я имъ сказалъ, что три рюмочки выпилъ, то захохотали они и сказали:— «ну, братецъ! такъ это онъ дѣйствуетъ, и съ тобою еще не то будетъ». Предвѣщаніе ихъ сбылось, въ самомъ дѣлѣ: не успѣло пройтить съ полчаса послѣ того времяни, какъ сладенькой мой и прекрасной медокъ такъ меня рознялъ, что я сдѣлался мертвецки-пьянъ, и безъ ума почти и безъ памяти валялся, какъ обрубокъ по травѣ, передъ палаткою, и только и дѣла, что смѣялся и хохоталъ во все горло, ибо мнѣ каждая вещица казазалась смѣшною. И тогда-то въ первой разъ узналъ я, каковъ бываю я пьяной; но благодарить Бога, что по сіе время случилось сіе со мною только два раза въ жизни. Въ таковомъ состояніи препроводилъ я весь остатокъ дня, не знавъ, гдѣ найтить себѣ мѣста; но наутріе, проспавшись, проклиналъ я этотъ окаянной медъ и съ его хозяиномъ, и не только не пошолъ допивать его въ городъ, но не хотѣлъ объ немъ и слышать, и оставилъ спокойно стоять ево въ шкафу у хозяина.

Но я возвращусь къ описанію нашего похода. Вся армія, переправившись черезъ рѣку Вилію или Вильню, поставлена была лагеремъ вокругъ Ковенъ. Городокъ сей лежитъ въ наипрекраснѣйшемъ положеніи мѣста, немалая рѣка Немонтъ протекаетъ между высокихъ горъ широкою долиною. Ковны сидятъ на самомъ берегу оной и имѣютъ въ себѣ довольно каменнаго строенія, церквей и другихъ домовъ прекрасныхъ, изъ которыхъ въ наилучтемъ стоялъ тогда нашъ фельдмаршалъ, а протчіе заняты были его свитою и иностранными волонтерами и другими знатнѣйшими генералами. Весь городъ наполнился тогда народомъ и кипѣлъ военными людьми. Подлѣ самыхъ стѣнъ окружаетъ сей городъ другая и вышеупомянутая рѣка Вильна, впадающая въ Немонтъ, такъ что городъ на самомъ узгу построенъ. Полки расположены были по берегамъ обѣихъ сихъ рѣкъ лагерями, и дѣлали тогда наипрекраснѣйшій видъ.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ сіе мѣсто пріѣхалъ къ арміи и генералъ-аншефъ Броунъ; также соединились съ нею и войски наши, шедшія прямо изъ Смоленска и изъ Стародуба, и состоящія по большой части изъ конницы и легкихъ войскъ. Такимъ образомъ собралась въ семъ мѣстѣ вся наша армія вмѣстѣ, кромѣ дивизіи генерала Фермора, которая, какъ выше упомянуто, пошла осаждать Мемель.

Неуспѣлъ весь генералитетъ съѣхаться и собраться, какъ дѣланъ былъ тутъ два раза военной консиліумъ или совѣтъ, и трактовано было на нихъ о дальнѣйшихъ предпріятіяхъ и о томъ, гдѣ и какъ вступить въ прусскія границы; послѣ чего здѣлано было во всей арміи другое распоряженіе между полками. Нашъ полкъ достался уже въ иную и ту дивизію, которою командовалъ генералъ-аншефъ Броунъ; а бригадою нашею, здѣланною изъ нашего да изъ Нарвскаго и Выборскаго полку, сталъ предводительствовать уже г. брегадиръ Берхъ.

Между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ и съ толикою медленностію тащились изъ Риги до Ковенъ, и тутъ, со всѣхъ сторонъ понемногу собираясь, время свое не столько въ дѣлѣ, сколько въ праздности и въ пустыхъ излишностяхъ препровождали, въ Богеміи и въ другихъ мѣстахъ продолжалъ горѣть огнь военнаго пламени наижесточайшимъ образомъ. Помянутая прежде сего и столь страшная баталія у цесарцевъ съ прусаками подъ Прагою, сколь ни была кровопролитна, и хотя на оной въ нѣсколько часовъ перебито и переуродовано было съ обѣихъ сторонъ болѣе 30 тысячъ человѣкъ, однако она не перемѣнила нимало положенія дѣлъ, не уменьшила лютости войны и не произвела никакой еще надежды къ миру. Баталія сія въ особливости достопамятна тѣмъ, что хотя всѣ думали и ожидали, что возъимѣетъ она великія послѣдствія, однако сего не было, и она ихъ не имѣла. Всѣ думали, что побѣдившей тогда цесарцевъ король Пруской, погнавшись за убѣгшими цесарцами вслѣдъ и догнавъ, всѣхъ ихъ истребитъ,

а запершихся въ Прагѣ принудить огнемъ и голодомъ отдаться въ полонъ, и многіе бились даже объ закладъ, что король непременетъ сего здѣлать и надѣялись, что онъ овладѣетъ всею Богеміею прежде, нежели цесарцы успѣютъ еще опамятоваться: однако всѣ въ томъ обманулись.

Король сколько ни употреблялъ своего искуства къ тому, чтобъ воспользоваться колико можно болѣе сею побѣдою, однако не имѣлъ въ томъ дальней удачи. Для истребленія убѣгшихъ цесарцовъ хотя и отправилъ онъ въ погоню герцога Бевернскаго съ 20-ю тысячами человѣкъ своего войска, но всѣ старанія сего герцога были безуспѣшны и онъ не могъ никакъ воспрепятствовать имъ соединиться съ другимъ цесарскимъ корпусомъ, стоявшимъ неподалеку отъ Колина. Сіи войски, будучи подкрѣплены и умножены другими, пришедшими изъ Моравіи и изъ Венгріи, составили въ короткое время вновь довольно великую армію, и для командованія оною присланъ былъ Даунъ, генералъ, которой одинъ только могъ дарованіями своими сколько-нибудь равняться королевскимъ и въ состояніи былъ ему противоборствовать.

Самъ же король разсудилъ остаться на мѣстѣ баталіи, для окруженія и взятья города Праги и всѣхъ въ немъ засѣвшихъ цесарцовъ. Онъ послалъ тотчасъ въ него требовать здачи, но удивился, услышавъ, что находится въ ономъ самъ принцъ Карлъ Лотарингской, съ цѣлою арміею цесарскаго войска, ибо число оныхъ простиралось до 40 тысячъ человѣкъ. Несмотря на то, окружилъ король со всѣхъ сторонъ сей великой городъ и, надѣлавъ повсюду батарей, сталъ утѣснять оной наижесточайшимъ образомъ. Однѣхъ бомбъ и каленыхъ ядеръ кинуто было въ него до 170,000, и 900 зданій разрушено и повреждено было оными. Однако всѣми сими усиліями не могъ король ничего важнаго здѣлать, и ниже овладѣть малѣйшими укрѣпленіями сего города; принцъ Карлъ противился наупорнѣйшимъ образомъ и опровергалъ всѣ его на себя посяганія. Сама натура помогала ему въ томъ нѣсколько: преужасныя громовыя тучи и проливные дожди произвели, что рѣка Мульда выступила изъ береговъ, разорвала прускіе понтонные мосты и доставила ихъ цесарцамъ въ руки, произведя чрезъ то въ прускомъ войскѣ великую разстройку.

При сихъ обстоятельствахъ и видя, что вся его стрѣльба непріятелямъ мало вреда дѣлала, рѣшился король выморить цесарцовъ голодомъ и принудить къ здачѣ; и какъ въ городѣ начиналъ уже появляться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, то и имѣлъ бы можетъ быть успѣхъ въ томъ возжделѣнной, естлибъ не помѣшали ему въ томъ другія обстоятельства, а имянно то, что генералъ Даунъ съ 60-ю тысячами человѣкъ цесарскаго войска началъ подвигаться къ городу для освобожденія онаго отъ осады, и что герцогъ Бевернской, будучи слишкомъ слабъ для удержанія его, принужденъ былъ назадъ податься. Король, услышавъ о семъ, оставилъ Кейта продолжать осаду, а самъ, оторвавъ сколько можно было войска и соединившись съ герцогомъ Бевернскимъ, съ 23 баталіонами пѣхоты и 30 ескадронами конницы пошолъ противъ Дауна, чтобъ съ нимъ сразиться.

Къ предпріятію сему побудило короля, во-первыхъ, то, что извѣстно ему было, что Дауну отъ Цесаревы приказано было отважиться на все для освобожденія принца Карла и для недопущенія до того, чтобъ король взялъ въ Прагѣ цѣлую армію въ полонъ. Во-вторыхъ, видѣлъ онъ, что, не сразившись съ нимъ и его не побѣдивъ, не можно было ему никакъ овладѣть Прагою; а въ-третьихъ, и всего паче, зналъ онъ, что отъ побѣды надъ Дауномъ произойтить могутъ весьма важныя и выгодныя для его слѣдствія. Онъ надѣялся вѣрно, что, выигравши сіе сраженіе, получитъ онъ, во-первыхъ, великой и совершенной уже верхъ надъ цесарцами; во-вторыхъ, всѣхъ ополчающихся противъ его имперскихъ князей—коихъ напугалъ уже онъ посланными отъ себя 500 человѣкъ гусаръ въ нѣдра Германіи для воспрепятствованія соединенію ихъ войскъ

и достигшими даже до Нюренберга и Регенсбурга, и кои доведены были уже до того, что начали колебаться и помышлять объ оставленіи цесарской стороны— принудить просить себя о заключеніи съ ними нейтралитета. Въ-третьихъ, надѣялся онъ, что разстроитъ тѣмъ и самой планъ французовъ, и, можетъ быть, остановитъ всѣ военныя ихъ операціи въ Германіи; ибо сіи имѣли уже, между тѣмъ, время не только выступить въ поле, но перейтить Рейнъ и, соединившись съ корпусомъ цесарцовъ, войтить въ Вестфалію, гдѣ принцъ Субизъ, предводительствуя ими и цесарцами, менѣе нежели въ недѣлю взялъ городъ Везель и отнялъ у прусаковъ все Клевское и Гельдернское княжество и прогналъ ихъ до самой гановеранской арміи, которая, подъ командою герцога Кумберландскаго, взялась съ сей стороны защищать земли прускаго владѣнія; но пріѣхавшимъ къ арміи французскимъ маршаломъ Детреемъ была также уже разбита при Гастенбекѣ и потеряла самой городъ Гановеръ. Въ-четвертыхъ, надѣялся онъ, что чрезъ то и самые шведы, угрожающіе его нападеніемъ на Померанію, сдѣлаются миролюбивѣе и осторожнѣе; а въ-пятыхъ, уповалъ онъ, что чрезъ то и самой нашъ Дворъ преклонится на иныя мысли, ибо король могъ бы уже тогда раздѣлить армію свою всюду и всюду, и не только выставить и противъ насъ множайшую силу, но подоспѣть на вспоможеніе и утѣсненному герцогу Кумберландскому.

Сіи-то притчины и льстительныя надежды убѣдили короля спѣшить скорѣе иттить противъ цесарцовъ и дать баталію съ Дауномъ. Многіе, разумѣющіе военное искуство, обвиняютъ въ семъ случаѣ короля великою погрѣшностію и говорятъ, что могъ бы онъ стать съ арміею своею въ выгодномъ и такомъ мѣстѣ, гдѣ бы онъ, и не давая баталіи, могъ воспрепятствовать Дауну продраться до Праги, и что могъ бы онъ чрезъ то взять сей городъ, которой не могъ болѣе уже какъ нѣсколько дней держаться. Но король, привыкнувшей къ скоропостижности и жадничая уже слишкомъ побѣды, восхотѣлъ самъ атаковать, и тѣмъ испортилъ все дѣло.

Даунъ, избравъ весьма выгодное положеніе мѣста, ожидалъ спокойно нападенія отъ короля Прускаго. Сей неуспѣлъ приттить, какъ тотчасъ и напалъ на него, и 7 іюня, въ два часа по-полудни, началась баталія. Лѣвое крыло арміи прусской приближается къ атакованію праваго цесарскаго. Въ единой мигъ крыло сіе атакуется спереди и сбоку, и устремленіе жестокое прусаковъ опровергаетъ конницу цесарскую. Графъ Сербелони, будучи хотя раненъ, но съ саблею въ рукахъ, устремляется противъ прусаковъ, возобновляетъ сраженіе и получаетъ опять верхъ надъ ними. Пѣхота дралась, между тѣмъ, съ ужаснымъ кровопролитіемъ; шесть разъ разстроиваны и прогоняемы были баталіоны Фридриховы, и шесть разъ возвращались они опять нападать на цесарцовъ съ толикою же неустрашимостью. Даунъ и король Пруской находятся повсюду сами! Принцъ Карлъ Лобковичъ, князь Естергази и графъ Одонель отправляютъ должность и командировъ, и самыхъ рядовыхъ солдатъ; съ пруской же стороны оба брата королевскіе, принцъ Гейнрихъ и Фердинандъ помогаютъ ему и раздѣляютъ съ нимъ труды и опасности. Около семи часовъ вечера ослабѣваютъ обѣ арміи отъ трудовъ тяжкихъ, и власно какъ съ общаго согласія берутъ на полчаса отдохновеніе. Фридрихъ предпринимаетъ употребить послѣднее усиліе и поправить погрѣшность, учиненную генераломъ его, Манштейномъ, чрезъ начатіе тамъ сраженія, гдѣ отъ короля ему запрещено было. Онъ собираетъ наилучшія свои войски, для нападенія еще разъ на храбрые баталіоны цесарскіе, толико разъ ихъ прогонявшіе, и идетъ предводительствовать самъ оными. Онъ останавливаетъ бѣгущихъ единымъ словомъ: «или хотите вы жить вѣчно!», и возвращаетъ иттить на смерть. А Даунъ, между тѣмъ, приказываетъ конницѣ своей на лѣвомъ крылѣ устремиться на непріятеля и атаковати

его съ боку. Сіе движеніе и храброй отпоръ его пѣхоты рѣшили, наконецъ, судьбу сего страшнаго дня и доставило ему совершенную побѣду. Прусаки потеряли на семъ достопамятномъ сраженіи до 8,000 человѣкъ наилутчей своей пѣхоты и до 12,000 ранеными и разбѣжавшимися. Король ретируется въ довольномъ безпорядкѣ. Всѣ его пышные и великолѣпные замыслы и льстительныя надежды разрушаются. Онъ возвращается въ тотъ же вечеръ къ арміи, оставленной подъ Прагою и черезъ день повелѣваетъ оставить осаду, и съ стыдомъ и урономъ выходитъ потомъ совсѣмъ изъ Богеміи; цесарцы получаютъ въ добычу 22 знамя и 45 пушекъ со множествомъ снарядовъ. Сіи трофеи служатъ имъ доказательствомъ ихъ побѣды, которая не болѣе стóитъ имъ 5,000 человѣкъ, коими покупаютъ они себѣ великія выгоды и спасаютъ цѣлыхъ 40 тысятъ отъ плѣна, со множествомъ принцевъ и генераловъ.

Не можно изобразить, сколь много обрадованъ былъ цесарской дворъ извѣстіемъ о сей рѣшительной, славной и во всѣхъ обстоятельствахъ великую перемѣну произведшей побѣдѣ. Даунъ первой имѣлъ ту славу, что разбилъ короля на баталіи формальной и порядочной, и императоръ съ Цесаревою были имъ такъ довольны, что поѣхали сами къ его женѣ сообщать ей сіе радостное извѣстіе. Впротчемъ извѣстно, что Цесарева при самомъ семъ случаѣ учредила свой военной орденъ, давъ ему свое имя «Маріи-Терезіи». Она оказала генералу Дауну то отмѣнное преимущество, что дозволила самому ему учинить произвожденіе въ ея арміяхъ. Сей знакъ почтенія и довѣренности былъ для фельдмаршала сего тѣмъ лестнѣе, что преподалъ ему случай изъявить опыты дружбы самымъ соперникамъ своимъ въ чести. Выборъ, учиненной имъ въ семъ произвожденіи, покрылъ его иного рода славою и честію, которая, не будучи хотя столь громкою, какъ полученная чрезъ побѣду, однако не менѣе достойна великихъ похвалъ.—Но я возвращусь къ нашей арміи и продолженію моей повѣсти.

Изъ всего вышеписаннаго легко можно усмотрѣть, что славная сія баталія при Колинѣ происходила въ Богеміи, въ самой тотъ день, въ которой пришли мы съ арміею въ помянутое польское мѣстечко Ковны. Цесарцы непременули тотчасъ отправить къ намъ куріера съ увѣдомленіемъ о своей побѣдѣ; но мы не прежде извѣстіе о томъ получили, какъ 16-го іюня.

Легко можно заключить, что извѣстіе сіе было для всѣхъ насъ весьма пріятно, ибо какъ цесарцы были наши союзники, и мы за нихъ сами воевать шли и въ королѣ Прускомъ имѣли общаго непріятеля, то и произвело оное во всей нашей арміи такую-жъ почти радость, какъ бы побѣда сія одержана была надъ нимъ собственными нашими войсками. Фельдмаршалъ непременулъ тотчасъ во всей арміи оную обнародовать, и тотчасъ сообщены были во всѣ полки копіи съ полученной цесарской реляціи; послѣ чего собраны были со всѣхъ полковъ и всѣ полковые священники въ главную квартиру, гдѣ, при громѣ пушекъ, принесено было Всевышнему торжественное благодареніе. Всѣ генералы обѣдали въ тотъ день у фельдмаршала, и пушки принуждены были работать во весь тотъ день и оглушать громомъ своимъ ковенскихъ жителей.

Послѣ чего не стали мы уже болѣе тутъ медлить, но въ тотъ же еще день отданы были приказы, чтобъ мы въ походъ далѣе иттить готовились. Но я отложу повѣствованіе о дальнѣйшемъ нашемъ походѣ до послѣдующаго письма, а между тѣмъ, остаюсь и протчая.

ПОХОДЪ КЪ ПРУСІИ.

Письмо 40.

Любезной пріятель! Итакъ, не успѣли мы получить вышеупомянутаго радостнаго извѣстія, какъ полководцы наши не восхотѣли долѣе медлить въ Ковнахъ, но стали поспѣшать походомъ, и для того, на другой же день послѣ того, то-есть 17 іюня, велѣно уже было нѣкоторымъ брегадамъ выходить въ походъ и понемногу перебираться за рѣку Немонтъ, чрезъ которую здѣланъ былъ также изрядной мостъ на понтонахъ. Въ слѣдующей затѣмъ день продолжала армія перебираться, и въ сей день выѣхалъ и самъ генералъ-фельдмаршалъ изъ Ковенъ; но вся армія не могла никакъ перебраться прежде 21 числа, въ которой день перешелъ, наконецъ, и нашъ полкъ вмѣстѣ съ протчими.

Выступленіе сіе изъ Ковенъ памятно мнѣ въ особливости и понынѣ, по притчинѣ одного печальнаго приключенія, случившагося въ самой тотъ часъ, какъ мы выступили. Я имѣлъ въ полку нашемъ одного весьма хорошаго пріятеля, которой сверхъ того мнѣ и нѣсколько сродни, а притомъ близкой сосѣдъ по моимъ деревнямъ былъ. Онъ служилъ уже порутчикомъ и назывался Ѳедоръ Семеновичъ Селиверстовъ. Поелику характера онъ былъ весьма хорошаго, то и жили мы съ нимъ всегда въ дружбѣ и любили взаимно другъ друга. Сей человѣкъ занемогъ во время нашего похода Польшею и далеко не доходя еще до Ковенъ; и какъ всѣ тѣ по справедливости названы могутъ быть нещастными людьми, которымъ случится занемочь въ походахъ, потому что рѣдкимъ изъ нихъ, а особливо страждущимъ тяжкими болѣзнями, удается выздоравливать, то таковому-жъ нещастному жребію подверженъ былъ и господинъ Селиверстовъ. Его хотя и лечилъ нашъ полковой лекарь, но можетъ ли порядочное леченіе производимо быть въ походѣ, когда больной, вмѣсто нужнаго ему покоя, всякой день подвергается новымъ безпокойствамъ и когда самому врачу нѣкогда о самомъ себѣ помыслить; а потому и ево хотя и привезли въ Ковны живого, но болѣзнь ево уже столько усилилась, что онъ находился уже при краю жизни. А по сей притчинѣ, хотя въ Ковнахъ мы и имѣли недѣли двѣ спокойное стояніе, но ему не помогали уже никакія лекарства. Но сего было еще не довольно; но нещастной его рокъ хотѣлъ, чтобъ онъ въ самую ту минуту лишился жизни, когда мы выступили только въ походъ и кибитку съ нимъ тронули только съ мѣста. Не могу изобразить, сколь сильно поразился я и другіе его пріятели, когда, отыскавъ насилу насъ, прибѣжали намъ сказать, что онъ преселился въ вѣчность. Взгоревались мы и не знали, что намъ съ нимъ тогда дѣлать: весь полкъ находился тогда уже въ движеніи со всѣми своими обозами, и сіи понуждаемы были съ великимъ поспѣшеніемъ переправляться за рѣку. Мы доложили о томъ полковнику и просились, чтобъ уволить насъ хотя на нѣсколько часовъ для погребенія его тѣла. Но обстоятельство сіе было такъ трудно, что принуждено было докладывать о томъ нашему брегадному командиру, ибо отъ него накрѣпко запрещено было не отлучаться отъ своихъ мѣстъ никому; но и тотъ не болѣе насъ отпустилъ, какъ на одинъ часъ времяни, и приказалъ намъ тамъ его погресть, гдѣ мы найдемъ повозку его на дорогѣ. Что было тогда намъ дѣлать? Мы принуждены были повиноваться строгому повелѣнію нашего начальника и, позабывъ о всѣхъ обрядахъ и погребательныхъ церемоніяхъ, не столько погресть, какъ вырывши въ случившемся подлѣ дороги лѣсочкѣ небольшую ямку, засыпать его пескомъ, ибо въ скорости и за великимъ поспѣшеніемъ ше-

ствія и бывшей между всѣми обозами превеликой сумятицѣ и самого попа отыскать было никакъ не можно. Итакъ, слезы наши, которыми оросили мы бездушной трупъ нашего друга, и вздохи, возсылаемые къ небесамъ, служили ему вмѣсто всѣхъ церемоній и погребательныхъ обрядовъ. Не могу вспомнить, коликою жалостію поражены были тогда наши сердца, когда песокъ закрывалъ трупъ его въ послѣднія отъ глазъ нашихъ! Мы воображали себѣ, что весьма легко статься можетъ, что и мы подвержены будемъ таковому же нещастному жребію, и говорили взаимно другъ другу: «почему знать! можетъ быть и намъ также на походѣ случится умереть! Можетъ быть и насъ такимъ же образомъ, или еще хуже сего, зароютъ въ песокъ, и никто изъ родныхъ нашихъ не будетъ знать, гдѣ наша и могила!»

Такимъ же образомъ и въ сіе-жъ время лишился жизни и прежней мой учитель, господинъ Миллеръ: жестокая болѣзнь похитила его отъ свѣта вмѣстѣ со многими другими. Отъ сего человѣка хотя и много видѣлъ я въ малолѣтствѣ худа, но все оное давно уже позабылъ, и онъ, будучи офицеромъ, такъ уже меня любилъ, что я щиталъ его себѣ другомъ, а потому не могъ, чтобъ и его бездушной трупъ не оросить слезами дружества. Сей умеръ хотя еще въ лагерѣ и наканунѣ нашего выхода, но поелику былъ иностранецъ, то и ему не лутчее было погребеніе. Такимъ же образомъ и онъ зарытъ былъ, безъ дальнихъ церемоній, въ ямы. Но мнѣ время уже оставить сіи печальные предметы и возвратиться къ нашему походу.

Какъ, перешедъ рѣку Немонтъ, принуждено было намъ переходить весьма крутыя и неспособныя горы, то, передневавъ на берегу оной 22 число велѣно было взять намъ на трое сутокъ провіанта и иттить напередъ, оставя обозы, чрезъ горы перебираться по своей волѣ. Сіе случилось еще впервые съ нами, что мы принуждены были разставаться съ нашими обозами и запасаться также для себя съѣстною провизіею, что̀ для насъ по не обыкновенію было довольно дико. Мы перешли въ тотъ день (23) всею арміею до деревни Гоги, сидящей на берегу Немонта, и думали, что обозы наши долго не будутъ; однако они, противъ чаянія нашего, перебрались еще въ тотъ же день чрезъ горы и прибыли къ намъ въ вечеру. Единая была намъ трудность только та, что лошадей для корма принуждены мы были переправлять вплавь чрезъ рѣку Немонтъ и съ немалою опасностію.

Послѣдующей день (24) стояли мы тутъ и отдыхали, а 25 числа выступили опять въ походъ, оставя обозы позади. Однако они обошли насъ на дорогѣ, и мы ночевали въ сей день при мѣстечкѣ Прени. Наутріе-же (26), продолжая походъ, прибыли мы къ мѣстечку Барбаришкамъ и расположились лагеремъ позади онаго, въ которомъ и самъ фельдмаршалъ сталъ въ своихъ великолѣпныхъ шатрахъ, которые мы до сего еще и не видывали, и потому не могли пышности и красивости ихъ и величинѣ всего фельдмаршальскаго стана довольно насмотрѣться. Весь оной по множеству разноцвѣтныхъ палатокъ и шатровъ, представлялъ видъ нѣкакого маленькаго походнаго городка, посреди котораго возвышались гордые, огромные шатры съ позлащенными своими шишками. Одинъ, и величайшей изъ нихъ, стоялъ впереди и служилъ вмѣсто залы; другой, стоявшей позади сего, былъ поменьше и служилъ вмѣсто передспальни, а позади сего стояла уже круглая калмыцкая кибитка, служащая фельдмаршалу почивальною; множество маленькихъ и сплощенныхъ между собою палатокъ окружали сіи шатры съ трехъ сторонъ, и въ нихъ живали штатъ и протчіе низкіе чины, находившіеся при фельдмаршалѣ.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы опять болѣе недѣли, отчасти для приближающагося праздника Петра и Павла, отчасти для того, что съ сего мѣста надлежало уже поворачивать вправо для вхожденія въ Прусію, а у насъ не все еще было изготовлено. Также хотѣлось нашему генералъ-фельдмаршалу сдѣлать генеральной

смотръ всему своему войску, или паче поучиться становить оное въ ордеръ баталіи. И для того (28), наканунѣ Петрова дня, выведена была вся армія на находящееся неподалеку отъ нашего лагеря, весьма чистое и пространное поле и построена порядочнымъ образомъ въ ордеръ баталіи въ двѣ линіи. По пріѣздѣ генералъ-фельдмаршала, отдана была ему впервые еще всею арміею честь, и онъ объѣхалъ всю ее кругомъ и любовался зрѣлищемъ на толь многочисленное множество народа, въ его повелѣніяхъ находящагося. Многочисленная свита, состоящая изъ разныхъ чиновныхъ людей, въ его шатрѣ находившихся, изъ множества генераловъ и иностранныхъ волонтеровъ, послѣдовала за онымъ, а нѣсколько десятковъ чугуевскихъ казаковъ, гусаръ, кирасиръ и другихъ конныхъ войскъ ескортировали сіе шествіе и придавали ему еще болѣе великолѣпія. Что-жъ касается до брегадныхъ командировъ, то всякой изъ нихъ дожидался пріѣзда фельдмаршала предъ фронтомъ своей брегады, и по приближеніи скакалъ къ нему и отдавалъ ему честь шпагою, приказавъ между тѣмъ производить громъ въ барабаны, играть во всѣхъ полкахъ музыкѣ и вездѣ преклонять знамены, какъ скоро фельдмаршалъ противъ нихъ поровняется. Все сіе увеличивало пышность сего зрѣлища, которое для самихъ насъ было еще ново, ибо тогда впервые еще увидѣли мы всю армію въ совокупленіи и въ строю, и видъ сей былъ для глазъ нашихъ поразителенъ.

По совершеніи всего объѣзда и осмотрѣніи всѣхъ полковъ, назначенныхъ тогда для вшествія въ непріятельскую землю, отслуженъ былъ молебенъ для испрошенія отъ Бога начинаемому нами дѣду благословенія, а потомъ началась пальба слѣдующимъ образомъ: по выстрѣлѣ, въ первой разъ, поставленной на правомъ флангѣ сигнальной пушки, началась производиться пушечная пальба изъ всѣхъ полковыхъ пушекъ въ обѣихъ линіяхъ, по одному картузу. По данному вторично сигналу стрѣляла вся армія по-плутоножно, а по третьему — учиненъ былъ всею арміею изъ пушекъ и мелкаго ружья генеральной залпъ, которой выстрѣлъ надѣлалъ уже довольно грома и былъ столько же новъ и поразителенъ для нашего слуха, сколько видъ всей арміи для нашего зрѣнія. Послѣ чего учинена была первою линіею и конницею примѣрная атака и мы, побѣгавши нѣсколько по полю, разстрѣлявъ нѣсколько пудъ пороху по-пустому,и довольно поизмученные, распущены были наконецъ въ лагери.

Наутріе праздновали мы праздникъ Петра и Павла съ обыкновенною церковною церемоніею и бывшимъ парадомъ, въ которой день получилъ я особливую радость чрезъ пріѣздъ въ полкъ зятя моего, господина Неклюдова. Онъ командированъ былъ, какъ прежде уже упомянуто, еще изъ нашихъ кантониръ-квартиръ въ Польшу для заготовленія и покупки провіанта, и находился въ польскихъ именитыхъ городахъ — Вильнѣ и Гроднѣ, и, наконецъ, по исправленіи своей комисіи, отпущенъ былъ и прибылъ въ свой полкъ. Посылка сія была ему далеко не такова выгодна и прибыточна, какъ многимъ другимъ, бываемымъ при такихъ дѣлахъ и наживающихъ себѣ цѣлыя тысячи. Зять мой не такова былъ характера и расположенія, чтобъ ему что-нибудь неправильно наживать и предпринимать для того какія-нибудь мошенничествы и присягѣ и должности противныя дѣла; почему отъ комисіи сей не нажилъ онъ ни копейки, но, напротивъ того, въ посылкѣ сей претерпѣлъ немалой убытокъ, ибо у него померли отъ болѣзней всѣ почти бывшіе съ нимъ и весьма хорошіе люди, и онъ выѣхалъ съ однимъ только старичишкомъ, и терпѣлъ такую нужду въ людяхъ, что принужденъ былъ уже я сколько-нибудь помогать ему своими, покуда могъ онъ получить деньщиковъ себѣ.

На другой день послѣ Петрова дня (30) прискакалъ къ намъ отъ генерала Фермора маіоръ Романіусъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что толь страшная намъ пруская пограничная крѣпость Мемель, которую пошолъ онъ осаждать, взята была наконецъ имъ, по продолжав-

шейся нѣсколько дней осадѣ, 24 числа сего мѣсяца на капитуляцію, и притомъ съ столь хорошимъ успѣхомъ, что съ нашей стороны во всю осаду убито было только 3, да ранено 17 человѣкъ. Радость о сей первой, полученной надъ непріятелемъ выгодѣ, была во всей арміи неописанная, и, казалось, что она много уменьшила тотъ страхъ, которой имѣли мы отъ прусаковъ, ибо храбрость оныхъ превозносима была тогда до небесъ, и описываема была намъ уже слишкомъ величайшею; почему и знали мы довольно, что идемъ противъ храбраго и сильнаго непріятеля, котораго неинако, какъ опасаться было надобно, хотя въ самомъ дѣлѣ силы его далеко были не таковы страшны.

Въ послѣдующей день, что учинить перваго числа іюля, было у насъ во всей арміи торжество и молебствіе о семъ щастливомъ произшествіи, и земля только стонала отъ звука пушекъ, гремящихъ подлѣ фельдмаршальской ставки, ибо мы порохъ по-пустому терять превеликіе были охотники. Онъ здѣлалъ для всего генералитета великолѣпной обѣдъ, и мы всѣ не могли довольно навеселиться зрѣніемъ на непріятельскія знамены, которыя взяты были въ Мемелѣ, и, по привезеніи къ фельдмаршалу, поставлены предъ его ставкою. Но торжество сіе едва-было не нарушилось печальнымъ произшествіемъ. Въ то самое время, какъ оное отправлялось, здѣлался въ мѣстечкѣ Барбаришкахъ превеликой пожаръ, и вѣтръ несъ огонь прямо на стоявшую по близости мѣстечка нашу артилерію, почему здѣлалась тогда превеликая тревога, и спѣшили какъ можно скорѣе отвезть ящики пороховые; однако пожаръ скоро потушили, и вреда никакова не послѣдовало.

Такимъ образомъ стояли мы въ семъ лагерѣ по шестое число (6) іюля, и цѣлыхъ почти десять дней; а въ помянутой день выступилъ фельдмаршалъ съ первою дивизіею въ дальнѣйшей походъ и, поворотя вправо, пошолъ прямо къ прускимъ границамъ; а въ послѣдующей день (7) выступили и мы съ протчими и, продолжая походъ свой даже до самаго вечера, ночевали при деревнѣ Гутше, гдѣ лагерь всей арміи поставленъ былъ уже по плану и порядочнымъ образомъ, а не такъ, какъ прежде, побрегадно, и гдѣ одна брегада, гдѣ другая; ибо чѣмъ ближе стали мы приближаться къ непріятельской землѣ, тѣмъ болѣе стали брать и осторожности, а сверхъ того надобно было еще и поучиться становиться совокупно.

Въ послѣдующій день (8), и уже гораздо за полдень, выступили мы опять въ походъ и, продолжая оной до самой полуночи, пришли ночевать въ занятой лагерь при мѣстечкѣ Людвишѣ.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы опять цѣлыхъ четыре дни (9, 10, 11 и 12), въ которое время ничего достопамятнаго не случилось, кромѣ того, что 12 числа послѣ обѣда была чрезвычайно жестокая гроза съ бурею и градомъ. У многихъ офицеровъ сорвало тогда палатки, однако моя удержалась; градъ былъ столь крупенъ, что почти весь въ орѣхъ величиною, а многія градины болѣе грецкаго орѣха были.

13 числа выступили мы опять въ походъ и принуждены были обходить превеликой лѣсъ и терпѣть въ водѣ недостатокъ. Мы ночевали при одномъ польскомъ маленькомъ мѣстечкѣ, котораго званіе я позабылъ, а поутру (14), взявъ съ собою воду, маршировали до другого польскаго мѣстечка, котораго званія я не могъ тогда узнать, и тутъ опять въ пустомъ мѣстечкѣ ночевали.

Наконецъ, 15 числа пришли мы къ польскому мѣстечку Вербалову, которое было самое почти послѣднее до пруской земли. И какъ мы симъ образомъ къ непріятельской землѣ совсѣмъ почти уже приближились, то поставленъ былъ лагерь всей арміи опять вмѣстѣ, и баталіонъ-кареемъ; также употребляемы были уже предосторожности. Передъ фрунтомъ закинуты были у насъ рогатки, власно такъ, какъ-бы прусаки были турки и татары, были у насъ уже на носу и могли насъ всѣхъ перерубить и искрошить въ мелкія части, естлибъ не взять сей смѣшной предосторожности, хотя они были отъ

насъ и весьма еще далеко. Но сего было еще недовольно; но за рогатки сіи на всякую ночь выводились еще превеликіе бекеты, при пушкахъ и гоубицахъ. Ничто намъ такъ не досадно было, какъ сіи проклятые бекеты, въ которыхъ принуждены были мы ночевать въ ружьѣ и безъ палатокъ, которая предосторожность была совсѣмъ еще не нужна и служила только къ приученію насъ къ военнымъ трудамъ, а того болѣе къ напрасному отягощенію.

Въ семъ мѣстѣ, и не входя еще въ прускія границы, стояла армія опять цѣлую недѣлю, отчасти дожидаясь назади еще идущей нашей кавалеріи, отчасти бравъ время для развѣдыванія о непріятелѣ и о мѣстахъ, куда намъ иттить надлежало. Въ которое время, на другой день прибылъ къ намъ дѣйствительно генералъ-маіоръ графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ со всею кавалеріею и кираспрскими полками, съ которыми онъ изъ Россіи шолъ чрезъ Польшу совсѣмъ иною дорогою.

Въ послѣдующей день, то-есть 17 іюля, пойманъ былъ уже пруской шпіонъ, разъѣзжавшей подъ видомъ польскаго шляхтича, съ собаками. Я думаю, онъ хохоталъ, увидѣвъ нашу трусость и излишнія предосторожности. Его поймали наши козаки и провезли мимо насъ къ фельдмаршалу. Говорили тогда, что будто бы онъ былъ пруской порутчикъ съ двумя солдатами. Чрезъ сіе узнали мы, что и непріятель, съ своей стороны, былъ не безъ дѣла, но бралъ равномѣрно нѣкоторыя, однако существительнѣйшія предосторожности.

18 числа здѣлано было въ арміи нашей опять новое распоряженіе между полками. Нѣкоторые полки назначены были въ авангардной корпусъ, которому бы иттить всегда напередъ, и команда надъ нимъ поручена была генералъ-порутчику Ливену, которой у насъ въ арміи почитался искуснѣйшимъ и разумнѣйшимъ генераломъ, а другіе полки переведены были изъ брегады въ брегаду. Отъ насъ отняли тогда также Нарвской и Выборгской полкъ, а на мѣсто ихъ опредѣлили въ бригаду Бѣлозерской и Бутырской. Богу извѣстно, на что происходила тогда такая тасовка.

Симъ кончился тогда весь нашъ походъ чрезъ Польшу и дружескими землями; и какъ съ сего времяни начался въ непріятельской, то дозвольте мнѣ, любезной пріятель, симъ письмо сіе кончить и сказать вамъ, что я есмь и протчая.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЪ ПРУСІЮ И ТРЕВОГА.

Письмо 41.

Любезной пріятель! Пересказавъ вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ всю исторію нашего медленнаго и многотруднаго похода чрезъ Польшу, приступлю теперь къ описанію похода нашего Прусіею, или самыхъ нашихъ военныхъ подвиговъ. Разскажу вамъ, любезной пріятель, какъ мы въ непріятельскую землю вступили, какъ оною шли, какъ съ партіями непріятельскими вели такъ-называемую малую войну, а потомъ, какъ и со всею ихъ арміею дрались порядочнымъ образомъ. Однако, прежде самаго приступленія къ сему описанію не за излишнее почелъ я предпослать нѣсколько словъ объ обстоятельствахъ, касающихся до нашихъ непріятелей.

Какъ король Пруской прежде упомянутымъ образомъ, ласкаясь надеждою

побѣдить цесарцовъ, всю свою силу употребилъ наиболѣе противъ оныхъ, то относительно до протчихъ мѣстъ и земель своего владѣнія и не оставалось ёму другова, какъ прикрывать ихъ небольшими только отдѣленными корпусами. Изъ всѣхъ оныхъ, никоторая ему столько сумнѣнія не наводила, какъ Прусія. Отдаленность сего королевства отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ самъ обрѣтался, и смутныя обстоятельства, въ которыхъ находился онъ, будучи побѣжденъ цесарцами при Колинѣ, преполагали ему препоны отправиться туда самому для защищенія онаго отъ войскъ нашихъ, приближающихся къ оному и готовящихся войтить въ оное. Чего ради, противъ хотѣнія своего, принужденъ онъ былъ ввѣрить защищеніе и охраненіе онаго старику, своему фельдмаршалу Левальду, давъ ему столько войска, сколько ёму оторвать только было можно, и число котораго не простиралось даже и до 40 тысячъ человѣкъ. Съ сею небольшею, однако изъ лутчихъ старыхъ полковъ состоящею арміею, расположился фельдмаршалъ Левальдъ по возможности прикрывать Кёнигсбергъ, яко столицу сего государства, и для удобнѣйшаго примѣчанія движенія нашихъ войскъ выступилъ еще въ апрѣлѣ изъ Кёнигсберга, и поставилъ армію свою лагеремъ между Тильзитомъ и Мемелемъ, а свою главную квартиру учредилъ въ Инстербургѣ. Тутъ велѣлъ онъ всѣхъ конныхъ и пѣшихъ жителей обучать ежедневно дѣйствовать оружіемъ, а валы и рвы городскіе оправить, и первые установить пушками; а потомъ протянулъ изъ войскъ кордонъ отъ жмудскихъ границъ до самаго Мемеля.

Въ сихъ распоряженіяхъ состояли его первыя пріуготовленія; но какъ скоро услышалъ онъ, что мы со всею арміею приближаемся къ Прусіи со стороны Польши, то сіе побудило его всѣ войски свои соединить и собрать къ Инстербургу, а Мемель, по отдаленности его, оставить на произволъ судьбѣ, ибо оной отъ осады свобождать безъ обнаженія внутренности государства было ему никакъ не можно. Однако отправилъ онъ въ ту сторону корпусъ войска, подъ командою генералъ-маіора Каница, для удержанія войскъ нашихъ отъ дальнѣйшаго проницанія въ Прусію со стороны отъ Мемеля.

Въ семъ положеніи дожидался онъ приближенія нашихъ войскъ; но не успѣли мы приближиться вышеупомянутымъ образомъ къ самымъ границамъ, какъ онъ, чувствуя себя слишкомъ слабымъ для удержанія стремительства многочисленной нашей арміи, и боясь утѣсненъ быть съ двухъ сторонъ, то-есть нами спереди, а корпусомъ генерала Фермора, взявшимъ уже Мемель, съ боку, заблагоразсудилъ податься со всею арміею своею еще далѣе назадъ и перенесть главную свою квартиру изъ Инстербурга въ Велаву, куда возвращенъ былъ потомъ и корпусъ генерала Каница, которой слабъ былъ къ удержанію шествія Фермерова. Однако Инстербурга и всей рѣки Прегеля совсѣмъ онъ не обнажилъ, а оставилъ тутъ славнаго полковника Малаховскаго съ гусарами и другими легкими войсками, для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и обезпокоиванія насъ по возможности въ походѣ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находилась Прусія въ то время, когда мы пришли къ ея границамъ и готовились со всею арміею войтить въ оную.

Первое вшествіе нашихъ передовыхъ войскъ воспослѣдовало не прежде, какъ 20 числа іюля, ибо въ сей день отправленъ былъ наконецъ нашъ авангардъ подъ командою генерала Лиевена изъ Вербалова, и вступилъ въ непріятельскую землю. Онъ, дошедъ до перваго прускаго мѣстечка, называемаго Столупененъ, отправилъ тотчасъ отъ себя для поисковъ и провѣдыванія о непріятелѣ партію, состоящую въ 300 человѣкахъ Нарвскаго и Рязанскаго гранодерскихъ конныхъ полковъ, да 180 чугуевскихъ козаковъ, подъ командою Рязанскаго драгунскаго полка маіора Де-ла-Рюа. Но первой сей шагъ былъ для насъ весьма неудаченъ. Нашу партію, къ стыду и безславію нашему,

непріятели разбили, и сего можетъ бы и не произошло, естлибъ отправленъ былъ съ оною не французъ, а россіянинъ; но его превосходительству, г. Ливену (нелюбившему всѣхъ россіянъ и дающему всякому чухнѣ предъ всѣми ими преимущество, ибо онъ былъ самой тотъ, которой прежде сего былъ въ Ревелѣ и о которомъ упоминалъ я впереди) заблагоразсудилось ввѣрить столь важную комисію господину французу, оправдавшему весьма худо его выборъ.

Сей негодной офицеръ не успѣлъ отъѣхать отъ Столупянъ мили три впередъ, какъ, не видя нигдѣ непріятеля, наиглупѣйшимъ образомъ возмечталъ себѣ, что его нѣтъ нигдѣ и близко, и потому, расположась въ деревнѣ Кумеленъ, началъ себѣ гулять и пить, и не только самъ, но далъ волю въ такомъ же пьянствѣ и въ другихъ роскошахъ упражняться и всѣмъ своимъ драгунамъ, власно такъ, какъ бы были они въ какой-нибудь дружеской землѣ и не имѣли притчины ничего опасаться. Однако всѣ они весьма въ томъ обманулись. Вышеупомянутой храброй пруской полковникъ Малаховской не успѣлъ узнать о вшествіи нашихъ войскъ, какъ въ единой мигъ очутился уже тутъ со множествомъ чорныхъ и своихъ жолтыхъ гусаръ. Неожидаемой слухъ, что прускіе гусары показались уже за деревнею, перетревожилъ нашихъ пьянствующихъ и разсѣявшихся по деревнѣ и привелъ ихъ всѣхъ въ превеликое замѣшательство. Но покуда они сбѣгались и собирались, покуда второпяхъ строились за деревнею, какъ вся непріятельская партія была уже передъ ними. Наши козаки здѣлали себѣ честь и ударили съ обоихъ фланговъ на непріятеля съ превеликимъ и обыкновеннымъ своимъ крикомъ; но какъ нашли они тутъ не татаръ, а порядочныхъ и храбрыхъ гусаровъ, то сіи оборотили ихъ скоро назадъ, учинивъ по нимъ хорошей залпъ изъ своихъ карабиновъ. Первая сія неудачная попытка драгунъ нашихъ, которые и безъ того не очень храбры, такъ устрашила, что они, увидѣвъ, что непріятель скакалъ самъ атаковать ихъ съ саблями въ рукахъ, такъ оттого испугались, что, не учиня ни одного выстрѣла, дрогнули и обратились въ бѣгство. Тогда непріятели сѣли у нихъ на плечахъ и гнали ихъ чрезъ деревню Микулену болѣе двухъ миль, рубя и коля оныхъ и забирая въ полонъ. Наконецъ подоспѣлъ къ нашимъ сикурсъ и остановилъ непріятеля отъ дальнѣйшей погони.

Въ сей первой и неудачной для насъ стычкѣ побито было нашихъ драгуновъ болѣе 40 человѣкъ, также и нѣсколько козаковъ, а 26 человѣкъ взято въ полонъ. Съ непріятельской же стороны, буде вѣрить ихъ реляціямъ, не потеряно ни одного человѣка, да и ранено только 3 да убита 1 лошадь.

Слухъ о семъ нещастномъ приключеніи распространился тотчасъ у насъ по всему лагерю. Всѣ были крайне недовольны нашими драгунами, а господина маіора ругали и бранили всѣ безъ всякаго милосердія. Онъ и получилъ за то достойное наказаніе: его разжаловали въ солдаты и, сковавъ, велѣли судить, а вахмистра его команды, Дрябова, которой оказалъ довольно храбрости и старался команду на побѣгѣ остановить и дѣлалъ по возможности непріятелю отпоръ, пожаловали въ порутчики.

Но хорошо, когда бы тѣмъ все дѣло кончилось и вся проступка наша могла быть тѣмъ заглажена; но не то, однако, воспослѣдовало. Помянутой случай, хотя съ наружнаго вида и кажется ничего незначущимъ—ибо таковыхъ маленькихъ стычекъ въ войнахъ бываетъ безчисленное множество, и они никогда не рѣшатъ главнаго дѣла, а, по большой части, обращаются только обѣимъ сторонамъ во вредъ и въ отягощеніе — однако о сей стычкѣ сказать того не можно, но она въ особливости достопамятна тѣмъ, что произвела великія и страшныя послѣдствія, обратившіяся въ нещастіе многимъ тысячамъ народа. Ибо, во-первыхъ, здѣлавъ во всемъ нашемъ войскѣ великое о храбрости прусаковъ впечатлѣніе, умножила тѣмъ въ сердцахъ множайшихъ воиновъ

чувствуемую и безъ того великую отъ прусаковъ робость, трусость и боязнь; во-вторыхъ, вперила въ непріятелей нашихъ весьма невыгодное объ насъ и о храбрости нашей мнѣніе, и ободрила ихъ чрезвычайнымъ образомъ; въ-третьихъ, и что всего важнѣе и достопамятнѣе, подала къ тому поводъ, что не только непріятельскія войски, но самые прускіе обыватели возмечтали себѣ, что всѣ мы хуже старыхъ бабъ и ни къ чему не годимся; почему ополчились уже на насъ и самые ихъ мужики, и начали стараться причинять намъ повсюду вредъ и безпокойство, и къ особливому нещастію оказали тому первой опытъ въ помянутой деревнѣ Микуленѣ. Ибо, какъ наши, будучи гонимы прусаками, чрезъ селеніе сіе скакали, то жители тутошніе, думая, что прусаки ихъ уже всѣхъ насъ завоевали, отъ лехкомыслія вздумали и сами помогать гусарамъ насъ побивать, и стрѣляли по нашимъ изъ своихъ домовъ и оконъ; а сіе и подало поводъ къ тому, что какъ о семъ донесено было нашему фельдмаршалу, то онъ, будучи разогорченъ и раздосадованъ всѣмъ тѣмъ, далъ то злощастное повелѣніе, чтобъ впредь, ежели гдѣ подобное тому случится и обыватели поднимутъ на насъ руку — не щадить бы и самыхъ жителей и разорять селенія таковыя. Но таковое нещастное повелѣніе не успѣло излетѣть изъ его устъ, какъ тотчасъ нашими козаками, калмыками и другими легкими войсками употреблено было во зло. Они, будучи разсылаемы всюду и всюду для развѣдыванія о непріятеляхъ, не стали уже щадить ни правыхъ, ни виноватыхъ, но во многихъ мѣстахъ, отъ жадности къ прибыткамъ, начали производить великія разоренія и жителей не только изъ селеній разгонять, но оныхъ мучить, бить, грабить, дома ихъ опустошать, а индѣ и сожигать, и такія дѣлать злодѣйства, безчеловѣчія и безпорядки, какія однимъ только варварамъ приличны, и кои не только вліяли во всѣхъ прускихъ жителей величайшую къ намъ ненависть и злобу, но и покрыли насъ стыдомъ и безславіемъ передо всѣмъ свѣтомъ, ибо слухъ о сихъ разореніяхъ и варварствахъ разсѣялся тотчасъ повсюду, и вездѣ стали почитать насъ сущими варварами. Но сего было еще не довольно; но какъ разлакомившихся тѣмъ нашихъ козаковъ послѣ и унять уже не было способа, то учиненныя ими разоренія самимъ намъ обратились послѣ въ существительной вредъ и здѣлали то, что всѣ предпринимаемыя въ сіе лѣто и толь многочисленные труды пріобрѣли намъ только единое безславіе, а пользы не принесли ни малѣйшей.

Вотъ что можетъ произвесть погрѣшность одного человѣка! Но я удалился уже отъ матеріи, и теперь время возвратиться къ продолженію моей повѣсти.

Наконецъ, 22 іюля, выступила и вся армія въ походъ и вступила въ королевство Пруское. Входъ въ непріятельскую землю производилъ во всѣхъ насъ нѣкое особливое чувствованіе: «Благослови, Господи», говорили мы тогда между собою, имѣя подъ нами землю нашихъ непріятелей: «теперь дошли мы наконецъ до пруской земли! Кому-то Богъ велитъ благополучно изъ ней выттить и кому-то назначено положить въ ней свою голову»! Мы нашли мѣста сего королевства совсѣмъ отмѣнными отъ польскихъ: тутъ господствовалъ уже во всемъ иной порядокъ и учрежденіе; деревни были чистыя, расположены и построены изрядным образомъ, дороги повсюду хорошія, и въ низкихъ мѣстахъ повсюду мощеныя, а индѣ возвышенныя родомъ плотинъ и усаженныя деревьями, однимъ словомъ, на все безъ особливаго удовольствія смотрѣть было не можно. Сверхъ того, какъ тогда не дѣлано еще было никакова разоренія, то всѣ жители находились въ своихъ домахъ, и не боясь ни мало насъ стояли всѣ предъ своими домами, а бабы и дѣвки наполняли ушаты свѣжей воды и поили солдатъ мимондущихъ. Однимъ словомъ, казалось тогда, что мы не въ непріятельскую, а въ дружескую вошли землю.

Первая наша станція въ Прусіи была при помянутомъ прускомъ первомъ мѣ-

стечкѣ или маленькомъ городкѣ Столупененъ. Мы шли туда хотя двумя дорогами, однако обѣ дивизіи рядомъ, почему и стали лагеремъ въ одну линію по обѣимъ сторонамъ сего мѣстечка, имѣя оное передъ собою.

Не успѣли мы (23) приттить въ сіе мѣсто и расположиться тутъ дневать, какъ въ послѣдующей день здѣлалась у насъ во всей арміи первая тревога. Въ самой полдень это было, какъ забили у насъ въ полкахъ вездѣ въ барабаны, и весь народъ встревожился чрезвычайнымъ образомъ. Всякой бросалъ все, въ чемъ упражнялся, одѣвался, хваталъ оружіе и бѣжалъ передъ фрунтъ, куда всѣ полки были выводимы. Генералы разъѣжжали взадъ и впередъ передъ полками, а адъютанты и ординарцы то и дѣло что въ ту, то въ другую сторону скакали, и пыль стояла отъ нихъ только столбомъ. Мы, не зная, для чего все сіе дѣлалось, и не имѣя о всѣхъ вышеупомянутыхъ до пруской арміи относящихся обстоятельствахъ и о томъ, сколь она отъ насъ далеко, ни малѣйшаго свѣдѣнія, не иное что заключали, какъ то, что конечно вся непріятельская армія шла насъ атаковать и была уже очень близко; почему признаться надобно, что первой сей случай и приближеніе мнимой баталіи наводило на всѣхъ на насъ нѣкоторой родъ робости, а особливо потому, что никто еще не видалъ никогда непріятеля и на сраженіяхъ быть не случался. Нашему полку трафилось тогда стоять на самомъ почти правомъ флангѣ, и потому, немного погодя, подхватили съ нашего и съ нѣкоторыхъ другихъ полковъ по нѣсколку сотъ человѣкъ, и при одномъ полковникѣ послали вправо за деревню съ превеликою поспѣшностію. Намъ казалось тогда, что тутъ-то, конечно, непріятель, и намъ первымъ будетъ съ нимъ драться; и какъ мнѣ самому случилось быть въ этой командѣ, то могу сказать, что я насмотрѣлся тутъ, коимъ образомъ не только такіе молодые люди, каковъ былъ напримѣръ я, но и самые старые солдаты оказывали робость, и такъ, что мы, офицеры, принуждены были ихъ ободрять и побуждать къ неустрашимости. Я не могу и понынѣ безъ смѣха вспомнить, какую я игралъ тогда *ролю*. У самого меня на сердцѣ было и такъ-и-сякъ, и я думаю всякому можно-бъ было изъ лица моего примѣтить, что оно было не на мѣстѣ и что я самъ сильно робѣлъ и трусилъ; однако совсѣмъ тѣмъ старался всѣми образами то скрывать и принимая на себя видъ геройства и неустрашимости, уговаривалъ и увѣщевалъ всячески солдатъ своихъ, чтобъ они не робѣли и не трусили и дрались бы съ непріятелемъ храбро. Словомъ, я читалъ имъ цѣлыя предики во всю дорогу, но ноги у самого едва иттить за ними успѣвали. Чего не дѣлаетъ новость случая и непривычка! Но что-жъ изъ всего того наконецъ вышло?

Мы, вышедши за деревню, которая называлась Петринатшенъ и лежала почти предъ нашимъ фрунтомъ, не увидѣли никого передъ собою, а одно только чистое поле и въ нѣкоторомъ отдаленіи лѣсъ. Однако, какъ все къ тому клонилось, чтобъ прикрыть сію деревню и правой флангъ нашей арміи, и мы заключали, что непріятель, конечно, находится въ лѣсу, то построились мы порядочнымъ образомъ, приготовили ружья и патроны и стали дожидаться непріятеля. Но долго бы намъ его дожидаться было, ибо непріятеля не было тутъ и духу, и мы, простоявъ тамъ до самаго вечера, всѣ глаза просмотрѣли. Наконецъ наступила уже ночь, и насъ свели съ сего мѣста; но вмѣсто того, чтобъ отпустить въ лагерь, отвели насъ нѣсколько назадъ и поставили опять на чистомъ полѣ для прикрытія праваго фланга арміи, гдѣ принуждены мы были простоять всю послѣдующую ночь, которая намъ весьма солона и первая была, которую я весьма безпокойно препроводилъ; ибо не успѣло смеркнуться, какъ надвинула преужасная туча и здѣлалась такая преужасная гроза, съ превеликимъ дождемъ и бурею, что я рѣдко такую въ жизнь мою видывалъ. Почему легко можно заключить, каково намъ было препроводить всю

ночь не только безъ палатокъ, но и безъ епанечъ, подъ дождемъ и бурею, и что всего досаднѣе, по-пустому и безъ всякой нужды. Довольно, мы, оставя тогда всѣ чины, хоронились подъ ящики и пушки и намъ дѣлали въ томъ компанію и самые штапы. Совсѣмъ тѣмъ насъ до самаго свѣта не распустили, и сіе можетъ быть произошло отъ того, что объ насъ совсѣмъ позабыли, ибо опасности никакой не было, и мы не могли послѣ узнать, отчего бы произошла вся сія тревога и замѣшательство; а думать надобно, что показались гдѣ-нибудь гусаришки непріятельскіе, посланные для подсматриванія, а наши полководцы можетъ быть думали, что и вся уже пруская армія идетъ насъ разбивать и выгонять изъ королевства, ибо для маленькой партіи не стоило бы того труда, чтобъ всю армію тревожить и безпокоить.

Поутру, то-есть 24 іюля, выступили мы со всею арміею далѣе въ походъ и шли полторы мили до одного прускаго села, и расположились тутъ по горамъ и весьма неровнымъ мѣстамъ лагеремъ, и опять въ семъ мѣстѣ дневали. Тутъ видѣли мы впервые еще жалостныя слѣдствія войны кровавой: во всемъ селѣ не было ни одного человѣка, и всѣ жители, разбѣжавшись, крылись въ лѣсахъ, оставивъ домы и все имѣніе свое на расхищеніе непріятелю. Село сіе въ самомъ дѣлѣ было уже нашими разорено наужаснѣйшимъ образомъ; не было ни одного дома почти цѣлаго, въ которомъ бы чего изрубленнаго, перебитаго и переколотаго не было, не осталось ни одного окошка и ни одной печи цѣлой, власно такъ, какъ бы и самыя сіи бездушныя вещи были непріятели и намъ злодѣйствовали. Что-жъ касается до протчихъ крестьянскихъ пожитковъ, которыхъ они съ собою забрать не успѣли, то не было ихъ и слѣдовъ уже, а одни только перья и пухъ разсыпаны были на полу въ избахъ, ибо и съ наволоками постель ихъ нашимъ разстаться не хотѣлось; но какъ перья никому были не надобны, то и валялись они вездѣ по поламъ избъ и комнатъ, и сіе было общественно вездѣ, гдѣ ни случалось быть таковымъ разореніямъ.

Зрѣлище таковое насъ поражало и производило нѣкоторое сожалѣніе о самыхъ непріятеляхъ нашихъ. Во всей арміи говорили тогда, яко бы притчину къ таковому опустошенію подали сами прускіе жители; что всѣмъ имъ манифестами отъ нашего фельдмаршала публиковано было, что они оставлены будутъ съ покоемъ, естли только сами не станутъ предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій, но что они слушались болѣе своихъ войскъ, кои имъ велѣли при всякомъ случаѣ насъ тревожить и причинять намъ всякой вредъ; а потому и стрѣливали самые мужики изъ лѣсовъ и изъ-за кустовъ по нашимъ солдатамъ, а особливо послѣ послѣдняго и удачнаго для нихъ шармицеля. Далѣе говорили, яко бы отъ нашего фельдмаршала посланъ былъ нарочной къ прускому главному командиру съ требованіемъ, чтобъ такія наглости и безпокойства дѣлать мужикамъ запрещено было, и что въ противномъ случаѣ учинено имъ будетъ за то достойное наказаніе; но какъ отъ непріятелей запрещенія сего здѣлано не было, то будто самое сіе и подвигло нашего полководца наказывать ихъ самому и стараться зло сіе отвратить помянутыми опустошеніями. Справедлива ли сія молва была или нѣтъ, того подлинно не знаю; а извѣстно только то, что зло тѣмъ не уменьшено, а только еще болѣе увеличено было.

26 числа выступили мы опять въ походъ, и дошли въ сей день до прускаго знаменитаго и тутошняго окслотка столичнаго городка Гумбиннъ, и, ставъ подлѣ онаго лагеремъ, отдыхали тутъ цѣлыхъ два дни, въ которое время приводимы были къ присягѣ всѣ гумбинскіе жители. Которой прекрасной городокъ, будучи и неукрѣпленъ и оставленъ отъ своихъ безъ всякаго прикрытія, покорился намъ безъ прекословія, и прислалъ къ фельдмаршалу предварительно своихъ магистратскихъ членовъ съ прошеніемъ, чтобъ принять ихъ въ свое покровительство; а то же

здѣлали и нѣкоторые другіе ближніе городки и мѣстечки.

Какъ идучи отъ сего мѣста далѣе впередъ, къ городу Инстербургу, надлежало арміи въ одномъ мѣстѣ проходить весьма узкую дефилею сквозь густой и большой лѣсъ и между горъ, а получено извѣстіе, что сей узкой проходъ занятъ былъ непріятельскими гусарами, то 27 числа ввечеру, послѣ пробитія уже зори, отправлена была, для осмотра и очищенія сего узкаго прохода, отъ арміи знатная партія, состоящая въ 300 человѣкъ гусаръ, 300 чугуевскихъ казаковъ и 500 человѣкъ донскихъ казаковъ, подъ командою генералъ - квартирмистра фонъ - Штофельна, да гусарскаго полковника Стоянова; а въ подкрѣпленіе ихъ велѣно было иттить бригадиру Демику съ нѣсколькими ескадронами кирасиръ и другихъ кавалерійскихъ полковъ.

Сія партія, приближившись на разсвѣтѣ другова дня къ помянутому лѣсу, нашла дѣйствительно немалое число непріятельскихъ гусаръ, подъ командою вышеупомянутаго полковника Малаховскаго, и потому тотчасъ съ ними и сразилась; и сіе маленькое сраженіе было первое порядочное у насъ съ прусаками. Прусаки въ своихъ реляціяхъ писали, что съ помянутымъ полковникомъ было будто съ небольшимъ сто человѣкъ гусаръ, и что онъ въ ночь подъ сіе число, отправившись изъ Гервишкеменя для рекогносцированія положенія нашей арміи, подъѣхалъ къ намъ меньше нежели на полмили, и что будто туманъ и темнота принудили его возвратиться назадъ къ своему посту, захваченному между рѣкою Писсою и Пичинскимъ лѣсомъ, и что тутъ напали на него наши, гораздо съ превосходнѣйшею силою, отчего и дошло до жестокой перестрѣлки, продолжавшейся цѣлыхъ два часа; но будто наконецъ онъ нашихъ прогналъ, но какъ-де они ретировались въ лѣсъ, то далѣе гнать было не можно. Къ сему, по обыкновенію своему наибезстыднѣйшимъ и безсовѣстнѣйшимъ образомъ хвастать и лгать, присовокупляютъ они, что будто мы, кромѣ многихъ раненыхъ и одного взятаго ими въ полонъ гусара, потеряли болѣе 50 человѣкъ побитыми, а у нихъ яко бы побито и переранено было только нѣсколько человѣкъ. Однако это совсѣмъ неправда, и ложь ихъ видна изъ самой ихъ реляціи, хотя они и старалися прикрыть ее увѣреніемъ о справедливости своихъ объявленій, и выхваляя особливо храбрость нашихъ гусаръ и казаковъ; а въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ, почти самовидцамъ, довольно было извѣстно, полковникъ Стояновъ атаковалъ ихъ съ своими гусарами и казаками такъ храбро, что они, по продолжавшемся двухчасовомъ сраженіи и перестрѣлкѣ, принуждены были обратиться въ бѣгство и наша партія, недождавшись еще своего сикурса, не только ихъ изъ помянутой дефилеи выбила, но и гнала ихъ болѣе мили и даже за Инстербургъ, побивъ около 50 человѣкъ гусаръ съ однимъ офицеромъ и взявъ въ полонъ 1 гусара, 1 егера, и 24 вооруженныхъ мужиковъ. Съ нашей же стороны убитъ 1 гусарской порутчикъ, да 5 человѣкъ гусаръ, да ранено 1 казацкой хорунжей, 1 казакъ и нѣсколько человѣкъ гусаръ.

Извѣстіе о полученіи сей первой небольшой надъ непріятелемъ выгоды ободрило много всю нашу армію. Всѣ вообще радовались тому, что и прусаки умѣютъ бѣгать, и что минувшая наша проступка была довольно заглажена. Далѣе, расхваляемъ былъ генералъ Штофельнъ за благоразумное распоряженіе, а полковникъ Стояновъ за неустрашимую храбрость; а говорили такжс, что при сраженіи семъ находились и нѣкоторые изъ господъ нашихъ волонтеровъ, а имянно молодой графъ Апраксинъ, графъ Брюсъ, князь Репнинъ и баронъ Лопиталь, племянникъ французскаго посланника.

Между тѣмъ, какъ сіе у насъ впереди происходило, стояли мы съ арміею спокойно при Гумбинахъ и отдыхали, что мнѣ въ особливости памятно потому, что я весь сей день упражнялся въ переводѣ своей книги.

Такимъ образомъ, овладѣвъ вышеупомянутымъ тѣснымъ проходомъ, 29 числа

выступила наша армія въ походъ, оставивъ въ Гумбинахъ Низовской пѣхотной полкъ съ больными, и перешедъ рѣчку Нарыъ и дошедъ до упомянутаго лѣса и деревни Станаитшенъ, расположилась лагеремъ.

Неуспѣли мы къ сему мѣсту приттить, какъ отъ отправленнаго напередъ авангарда получено извѣстіе, что непріятельская армія яко бы вся строится за лѣсомъ въ ордеръ баталіи; и какъ сіе сочтено было, что она хочетъ дать баталію или не допускать насъ всею силою проходить сквозь помянутой тѣсной и длинной лѣсъ, то какъ скоро смерклось, ударенъ былъ генеральной маршъ и вся армія, оставивъ всѣ обозы и для прикрытія оныхъ нѣсколько полковъ, пошла съ артилеріею въ ночь чрезъ помянутой лѣсъ. Мы съ полкомъ своимъ оставались тогда въ аріергардѣ съ обозомъ и съ нетерпѣливостію ожидали, что́ впереди съ арміею воспослѣдуетъ, и не произойдетъ ли главной баталіи или какова-нибудь важнаго сраженія. Однако поутру слышали, что она прошла помянутой лѣсъ благополучно и безъ всякаго помѣшательства, и что кромѣ бывшей въ лѣсу у нашихъ казаковъ съ прускими, подъѣзжавшими для рекогносцированія арміи нашей, гусарами небольшой стычки и въ которой сіи послѣдніе опять съ урономъ прогнаты, ничего не воспослѣдовало. Хотя прусаки въ объявленіяхъ своихъ и о семъ третьемъ случаѣ, хвастая, немилосердо лгутъ, говоря, что они нашихъ прогнали и уронъ имѣли небольшой, но можно ли тому статься, когда шла тутъ вся армія, а ихъ тутъ только человѣкъ съ двѣсти съ помянутымъ полковникомъ Малаховскимъ подъѣзжало!

Армія наша, прошедъ лѣсъ, не нашла предъ собою не только всей непріятельской главной арміи, но и никакихъ уже войскъ прускихъ, и тогда узнали, что вся молва объ арміи пруской была совсѣмъ несправедлива. А то хотя была и правда, что непріятельская пѣхота усмотрѣна была около тѣхъ мѣстъ строившеюся, но послѣ узнали, что то былъ только небольшой деташаментъ, состоящей изъ нѣкотораго количества пруской конницы и пѣхоты, которой подъ командою генералъ-маіора Платена отправленъ былъ отъ арміи ихъ впередъ для примѣчанія движенія нашихъ войскъ и для прикрытія Инстербурга, почему и стоялъ онъ до сего времяни при семъ городѣ; но узнавъ о близкомъ уже приближеніи нашей арміи и почитая себя слишкомъ слабымъ для удержанія оной, собирался тогда отступать далѣе назадъ за Инстербургъ, и разорялъ мосты при семъ городѣ чрезъ рѣчки Аалрупъ и Инстеръ, а нашимъ передовымъ войскамъ показалось, что уже и вся непріятельская армія строилась въ ордеръ баталіи и готовилась къ сраженію, хотя оная была еще отъ насъ за нѣсколько верстъ разстояніемъ, и у ней и въ умѣ и въ помышленіи еще того не было. А у насъ-то трусости и боязни и Богъ знаетъ сколько было! Изъ чего означается само собою, что предводители наши имѣли о непріятелѣ и положеніи его арміи весьма худое и недостаточное свѣдѣніе.

Итакъ, поутру велѣно было и намъ съ обозами и аріергардомъ къ арміи слѣдовать, и мы, прибывъ къ оной уже ночью, нашли ее стоящею версты за три отъ города Инстербурга въ виду онаго, и насъ цѣлой день на жару безъ палатокъ дожидавшеюся.

На семъ переходѣ случилось мнѣ еще въ первой разъ увидѣть непріятеля, однако не живого, а убитаго. Въ помянутомъ лѣсу то было, какъ сказали намъ, что въ сторонѣ подъ кустомъ лежитъ онаго тѣло. Всѣ мы съ превеликимъ любопытствомъ поскакали оное смотрѣть: но какое же жалкое зрѣлище представилось очамъ нашимъ. Человѣкъ сей былъ превеликаго роста и съ большими усами; лежалъ совсѣмъ обнаженной навзничь и отъ жара весь раздувшейся и отекшей, какъ отъ водяной болѣзни; черви кипѣли у него подъ всею отдувшеюся кожею, такъ что безъ ужаса и внутренняго содроганія смотрѣть на него было не можно. Мы и подлинно принуждены

были скоро отвратить нашъ взоръ и, вздохнувъ, ѣхать прочь, говоря другъ другу: «вотъ, симъ-то образомъ можетъ быть случиться гдѣ-нибудь и намъ лежать подъ кустикомъ и преданнымъ быть въ жертву стихіямъ, звѣрямъ, птицамъ, червямъ и насѣкомымъ!» Но письмо мое уже велико. Время мнѣ оное окончить и сказать вамъ, что я есмь и протчая.

ПОХОДЪ ПРУСІЕЮ.

Письмо 42.

Любезной пріятель! Послѣднее мое письмо къ вамъ кончилъ я пришествіемъ нашимъ къ Инстербургу. Теперь, продолжая повѣствованіе свое далѣе, скажу, что не успѣли мы въ сіе мѣсто притти, какъ услышали, что наши уже овладѣли симъ городомъ: ибо какъ прусаками оставлена была въ немъ только небольшая команда, то наши донскіе казаки тотчасъ ее выгнали; напротивъ того, мы ввели въ сей весьма мало укрѣпленной городокъ Невской пѣхотной полкъ для гарнизона.

Въ послѣдующей день, то-есть 31 іюля, подвинулись мы къ городу ближе и стали въ разбитой между Инстербургомъ и другимъ, напротивъ его за рѣкою лежащимъ, городкомъ Георгенбургомъ лагерь, и стояли тутъ какъ сей, такъ и послѣдующіе оба дни, то-есть 1-е и 2-е число августа.

Въ сіе время происходилъ дѣлежъ первой полученной въ городѣ отъ непріятеля добычи, состоящей въ превеликомъ магазинѣ соли, которой такъ было довольно, что всѣмъ чинамъ, въ арміи находящимся, и служивымъ и неслуживымъ, досталось по два фунта на человѣка, а сверхъ того еще множество осталось для запаса. Также найденъ былъ въ городѣ цейггаузъ со множествомъ старой пруской амуниціи, которая роздана была вся нашимъ калмыкамъ, а въ Георгенбургѣ найдено было нѣсколько сотъ четвертей ячменя и овса.

Въ послѣдующей день, то-есть 4 августа, прибыли къ арміи и достальныя наши, идущія изъ Россіи легкія казацкія и калмыцкія войски, также и нѣсколько полковъ драгунскихъ подъ командою генералъ-аншефа Сибильскаго, также генералъ-порутчика Зыбина и Костюрина. Итакъ, недоставало тогда одной дивизіи генерала Фермора, которая по взятіи Мемеля шла также соединиться съ нами.

Помянутой генералъ-аншефъ Сибильской принятъ былъ предъ недавнимъ только времянемъ въ нашу службу изъ польской, и принятъ по славѣ, носившейся объ немъ, что онъ былъ храброй и искусной генералъ; почему по приближеніи къ прусскимъ границамъ и отправленъ онъ былъ на встрѣчу помянутымъ легкимъ войскамъ, и ему велѣно было войтить съ ними въ Пруссію въ другомъ мѣстѣ и далѣе въ лѣвую отъ насъ сторону, и расположить шествіе свое чрезъ Голдапъ и Олецко и занять тамошніе округи. Сей генералъ, вошедъ въ Прусію, крайне удивился, увидѣвъ дѣлаемыя казаками повсюду разоренія, поджоги и грабительства, и съ досадою принужденъ былъ быть свидѣтелемъ всѣхъ жестокостей и варварствъ, оказываемыхъ нашими казаками и калмыками противъ всѣхъ военныхъ правилъ.

О сихъ разоренiяхъ, къ вѣчному сты-

ду нашему, писали тогда прусаки въ своихъ реляціяхъ, что какъ скоро вошли они въ Прусію чрезъ Олецко, то тотчасъ, какъ сей городъ, такъ и Голдапъ со множествомъ деревень разграбили до-чиста, а деревни Монетенъ, Гарцикенъ, Даниленъ и Фридрихсговенъ совсѣмъ обратили въ пепелъ, умертвивъ притомъ и великое множество людей. Далѣе, что во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ не видно было ничего, кромѣ огня и дыма; что надъ женскимъ поломъ оказываемы были наивеличайшія своевольства и оскорбленія; что изъ сожженной деревни Монетенъ ушли-было всѣ женщины на озеро, но и тамъ отъ калмыковъ въ камышѣ не отсидѣлись; что пастора Гофмана въ Шарейкенѣ измучили они до полусмерти, допытываясь денегъ, хотя онъ имъ давно уже все, что ни имѣлъ изъ пожитковъ своихъ, отдалъ, и такъ далѣе.

Таковыя поступки нашихъ казаковъ и калмыковъ по истинѣ приносили намъ мало чести, ибо всѣ европейскіе народы, услышавъ о таковыхъ варварствахъ, стали и обо всей нашей арміи думать, что она таковая-жъ.

Что принадлежитъ до сихъ калмыковъ, то сіи легкія наши войски имѣли мы тогда впервые еще случай увидѣть и порядочно разсмотрѣть. Они намъ показались весьма странны, а особливо когда они разъѣжжали мимо насъ полунагими и продавали плетеныя свои плети, которыя они превеликіе мастера дѣлать. Платье на нихъ было по большой части легкое, красное суконное, но они его никогда порядочно не надѣвали. На любимое ихъ обыкновеніе — ѣсть падаль лошадиную и вареніе лошадинаго стерва въ котлахъ, не могли мы смотрѣть безъ отвращенія. А видѣли мы также и ихъ богослуженіе, производимое въ кругломъ особомъ шатрѣ. Нѣсколько человѣкъ ихъ духовныхъ сидѣло, поджавъ по-татарски подъ себя ноги, вокругъ шатра, подлѣ полъ, и всякой изъ нихъ бормоталъ, читая книжку, и въ томъ единомъ состояло у нихъ все богослуженіе. Впротчемъ, думали мы сперва о храбрости ихъ весьма много; но послѣ оказалось, что еслибъ ихъ и вовсе не было, такъ все равно, ибо они надѣлали намъ только безславіе, а пользы принесли очень мало. Но я возвращусь къ продолженію моего повѣствованія.

Третье число августа опредѣлено было единственно для переправы чрезъ рѣку Инстеръ, текущую между Инстербургомъ и Георгенбургомъ. Сія рѣка была хотя небольшая, но принуждено было дѣлать мостъ, и перебраться чрезъ ее нескоро было можно. Итакъ, поставленъ былъ лагерь по ту сторону оной, подлѣ замка Георгенбурга.

Въ послѣдующей день (4) перебирались чрезъ рѣку наши новопришедшія легкія войски и, проходя армію, становились впереди у оной, ибо имъ назначено было быть всегда впереди, составлять такъ-называемую летучею армію и очищать намъ путь отъ непріятеля. Для сего и поджидая Ферморской дивизіи, принуждена была армія въ семъ лагерѣ дневать, отправивъ только впередъ авангардной корпусъ.

Во время сего дневанья имѣли мы время побывать въ городѣ Инстербургѣ и искупить себѣ все нужное. Но мы не застали уже почти ничего, все было давно уже выкуплено, и ни за какія деньги ничего достать было не можно. Городокъ сей хотя не гораздо великъ, но довольно хорошъ. Строеніе въ немъ каменное, высокое и довольно прибористое. Онъ сидитъ на самомъ берегу рѣчки Ангерапа, которая тутъ, соединившись съ рѣчкою Инстеромъ и нѣкоторыми другими, начинаетъ уже называться Прегелемъ и течетъ въ Кёнигсбергу. И какъ армія наша расположилась иттить по-ту сторону Прегеля, то и надобно ей было съ сего мѣста поворотить влѣво.

Поутру пятаго (5) числа велѣно было иттить въ походъ, но прежде выступленія въ оной имѣлъ я случай видѣть жалкое и такое зрѣлище, о которомъ Россія во время благополучнаго и мирнаго владѣнія Елисаветы совсѣмъ почти позабыла, и мнѣ еще никогда видѣть не случилось,

а именно: смертную казнь винныхъ преступниковъ. Мы удивились, вставши поутру и увидѣвъ предъ самымъ нашимъ полкомъ поставленную висѣлицу, и не знали, что̀ бы это значило, но скоро узнали тому притчину. Нашъ полкъ вывели передъ фрунтъ и окружили имъ оную, и мы увидѣли нѣсколько человѣкъ пруских̀ъ мужиковъ, скованныхъ подлѣ оной. Преступленіе оныхъ состояло въ томъ, что они вышеупомянутымъ образомъ злодѣйски стрѣляли изъ-за кустьевъ по нашимъ солдатамъ и нѣсколькихъ изъ нихъ побили, и какъ безпокойства сіи умножились, то и опредѣлено было, для устрашенія протчихъ, нѣсколькихъ, пойманныхъ изъ нихъ, казнить смертію. Итакъ, повѣсили тогда при насъ двухъ, а одиннадцати человѣкамъ, коихъ преступленіе не такъ было велико, отрублены были у рукъ пальцы, и они пущены были опять на волю. Могу сказать, что я не могъ безъ отвращенія смотрѣть на сіе кровопролитіе и не могу оное безъ внутренняго содраганія сердца и понынѣ вспомнить.

Употребленіе сего жестокаго средства хотя и произвело ту пользу, что съ того времяни мужики пруск̀іе стали меньше злодѣйствовать, но, напротивъ того, подало поводъ прусакамъ въ писаніяхъ своихъ еще болѣе обвинять насъ жестокостями, и даже многое прилыгать и затѣвать на насъ то, чего можетъ быть никогда не бывало, какъ о томъ упомянется ниже.

По окончаніи сей екзекуціи, и выступивъ въ походъ, продолжали мы путь свой по правой сторонѣ рѣки Прегеля, внизъ оной, но перешли въ тотъ день не болѣе шести верстъ и стали лагеремъ подлѣ деревни Стеркенимкенъ, въ двѣ линіи; авантгардъ же поставленъ былъ за нѣсколько верстъ впереди при деревнѣ Лейсенимкенѣ, а далѣе впередъ очищали наши легкія войск̀и мѣста, поставленныя при Залау.

Въ семъ мѣстѣ стояли мы цѣлыхъ три дни, ибо армія непріятельская была отъ насъ уже не слишкомъ далеко, а передовыя его войск̀и, подъ командою генералъ-порутчика графа Дона, нарочито близко, которой съ 6-ю баталіонами пѣхоты и 15-ю ескадронами конницы подвинулся отъ арміи нѣсколько миль впередъ и сталъ при Таплакенѣ въ весьма выгодномъ мѣстѣ, укрѣпивъ свой лагерь ретраншаментомъ и батареями; впереди же его находились ихъ гусары и протчія легкія войск̀и, а сіе и подало скоро случай у нихъ съ нашими казаками къ стычкѣ, ибо какъ изъ помянутаго лагеря отправлены были наши казаки и калмыки для поиску надъ непріятелемъ, то наѣхали они скоро на пруских̀ъ гусаръ, стоявшихъ при Норкитенѣ, и осмѣлившихся учинить на нихъ нападеніе. Но въ сей разъ опять удача была имъ весьма дурная: они были казаками нашими разбиты, прогнаны и потеряли болѣе ста человѣкъ. О семъ произшествіи прусаки признаются сами, что они побѣждены, хотя и стараются неудачу свою прикрыть кой-какими видами, говоря напримѣръ, что одинъ ихъ гусарской офицеръ, стоявшей при Гашдорфѣ, будучи приведенъ въ жалость бѣгущими пруск̀ими поселянами и вопіющими, что у нихъ все отнимаютъ и грабятъ, и будучи дезертирами увѣренъ, что нашихъ было только съ небольшимъ сто человѣкъ, послѣдовалъ движеніямъ своей храбрости и чувствіямъ, производимымъ въ немъ видомъ ограбленныхъ людей—рѣшился съ 200 гусаровъ податься далѣе впередъ до Норкитена, дабы отбить у казаковъ отогнанной скотъ. Но тутъ вдругъ окруженъ онъ былъ 3,000 казаковъ, а 300 человѣкъ ударили со стороны отъ Плибишкена ему еще во флангъ почему и принужденъ онъ былъ ретироваться назадъ; но въ сей ретирадѣ, при прохожденіи многихъ дефилей и будучи принужденъ безпрерывно сражаться, убитъ былъ и самъ, потерявъ до 58 человѣкъ изъ своей команды. Однако сіе неправда, побито ихъ болѣе, а съ нашей стороны убитъ только былъ одинъ казакъ, упавшей съ споткнувшейся лошади.

6-го числа августа соединился наконецъ въ семъ лагерѣ съ нами и корпусъ генерала-аншефа Фермора, бывшей подъ

Мемелемъ. И какъ тогда вся наша армія совокупилась уже вмѣстѣ, то при семъ случаѣ не неприлично будетъ упомянуть о томъ, сколь она была велика, и какіе предводительствовали и командовали ею генералы.

Итакъ, что касается до количества войскъ, то кавалерискихъ полковъ счислялось всѣхъ 19. Сія конница состояла изъ 5 полковъ кирасирскихъ, 3 драгунскихъ, 5 гусарскихъ и изъ 6 конныхъ гранодерскихъ, къ чему присовокуплялось еще 14,000 казаковъ, 2,000 казанскихъ татаръ и 1,000 калмыковъ. Пѣхота же состояла изъ 28 мушкатерскихъ и 3 гранодерскихъ полковъ, такъ что вся армія щиталась простирающеюся до 134,000 человѣкъ, а имянно: 19,000 конницы, 99,000 пѣхоты и 16,000 иррегулярнаго войска.

Что-жъ касается до находившагося при оной генералитета, то полководцы и предводители наши состояли въ слѣдующихъ особахъ: 1) генералъ-фельдмаршалѣ Апраксинѣ, яко главномъ командирѣ; 2) генералъ-аншефахъ: Георгѣ Ливенѣ, Лопухинѣ, Броунѣ, Ферморѣ и Сибильскомъ. Первой изъ сихъ, то-есть Ливенъ, войсками не командовалъ, а находился при свитѣ фельдмаршальской, и приданъ былъ ему для совѣта и власно какъ въ дядьки: странной по истинѣ примѣръ! Но какъ бы то ни было, но онъ имѣлъ во всѣхъ операціяхъ военныхъ великое соучастіе; но мы не покрылись бы толикимъ стыдомъ предъ всѣмъ свѣтомъ, естлибъ не было при насъ сей умницы и сего мнимаго филозофа; 3) генералъ-поручикахъ: Матвѣѣ Ливенѣ, Ив. Салтыковѣ, князѣ Алексан. Голицынѣ, Зыбинѣ и Вильгельмѣ Ливенѣ; 4) генералъ-маіорахъ: Бауманѣ, Шилингѣ, Олицѣ, Загряскомъ, князѣ Любомирскомъ, графѣ Румянцовѣ, графѣ Чернышевѣ, князѣ Долгоруковѣ, Мантейфелѣ, Панинѣ, Фастѣ, Хомяковѣ и князѣ Волконскомъ; 5) генералъ-квартермистрахъ: Вильбоэ и Штофельнѣ; 6) генералъ-квартермистрахъ-лейтенантахъ: Веймарнѣ и Шпрингерѣ, и 7) брегадирахъ: Демику, Тизенгаузенѣ, Дицѣ, Трейденѣ, Племянниковѣ и Гартвихѣ.

Вотъ сколь великою считалась наша армія по росписаніямъ и бумагамъ; но въ самомъ дѣлѣ была она тогда далеко не такова велика, ибо многіе полки не имѣли своего полнаго числа, а сверхъ того изъ всѣхъ находилось множество людей и въ разныхъ раскомандировкахъ и отлучкахъ: итакъ, налицо едва ли было и двѣ трети или половина помянутаго числа.

Итакъ, не успѣла вышеупомянутымъ образомъ вся армія соединиться вмѣстѣ, какъ на другой же день (7) послѣ того учиненъ былъ во всей оной новой между полками разборъ и новое распоряженіе, и по сему разбору нашему полку досталось въ авантгардной корпусъ подъ команду генерала Ливена. Сей корпусъ составленъ тогда былъ изъ 5 полковъ пѣхотныхъ, которые отобраны были всѣ малолюднѣйшіе, да 3 полковъ гранодерскихъ драгунскихъ, 4 полковъ гусарскихъ и нѣсколькихъ тысячей казаковъ и калмыкъ. Мы выступили съ симъ корпусомъ прежде арміи, и еще 8 числа ввечеру, въ походъ и, перешедъ верстъ съ восемь, ночью стали въ занятой для всей арміи лагерь, при одномъ прускомъ мѣстечкѣ, Лейсенимкенѣ, въ которой прибыла 9-го числа и вся армія.

Въ сей день происходила перестрѣлка у нашихъ гусаръ и казаковъ съ непріятельскими передовыми партіями, засѣвшими въ весьма выгодномъ мѣстѣ, версты съ 3 впереди отъ нашего лагеря, а особливо была сильная пальба около вечера; но какъ смерклось, то утихла, и наши, прогнавъ непріятеля, возвратились въ лагерь—и это была уже четвертая стычка съ непріятелемъ.

10-го числа опредѣлено было всей арміи тутъ дневать и упражняться въ печеніи хлѣбовъ; но только-что разсвѣло, какъ слышна была уже опять пальба изъ мелкаго ружья, также и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы такъ уже къ симъ перестрѣлкамъ привыкли, что нимало въ лагерѣ тѣмъ не безпокоились,

но спокойно себѣ въ палаткахъ нашихъ поваливались, ибо увѣрены были, что происходитъ сіе между передовыми войсками, и что они одни могутъ управиться и до насъ не дойдетъ никакъ дѣло. Однако въ сей разъ потревожило и насъ нѣсколько, какъ съ поспѣшностію схватили у насъ изъ авангарда по 200 человѣкъ съ полку и отправили при нѣсколькихъ пушкахъ къ тому мѣсту, гдѣ перестрѣлка происходила. Притчиною тому было то, что наши казаки, перестрѣливаясь съ отводными непріятельскими караулами, наѣхали на пруской гранодерской баталіонъ, стоявшей при деревнѣ Колененѣ, и прогнаны были имъ пушками. Однако, между нашею пѣхотою и ихъ до дѣла не доходило, и наши возвратились подъ вечеръ опять въ лагерь, а напротивъ того, наши казаки, наѣхавъ, въ лежащей противъ нашего полку недалеко деревнѣ, нѣсколько человѣкъ прускихъ гусаръ и претерпѣвъ отъ нихъ нѣкоторой уронъ, такъ озлобились, что, окруживъ оную, сожгли всю деревню до основанія вмѣстѣ со всѣми, въ ней находившимися. Казаки наши въ сей день были подъ предводительствомъ полковниковъ ихъ, Дьячкова и Серебрякова, и сраженіе было столь жаркое, что прусаки ретировались съ потерянiемъ около ста человѣкъ побитыми и шестерыхъ человѣкъ взятыхъ въ плѣнъ.

11-е число стояла армія въ семъ мѣстѣ еще неподвижно, и во весь день шолъ превеликой дождь, а подъ-вечеръ слышна была опять вдали стрѣльба, и продолжалась до ночи. Сія была уже шестая стычка и состояла въ томъ, что легкія наши войски наѣхали при деревнѣ Илишкенѣ нѣсколько ротъ пруской ландмилиціи и ихъ, разбивъ, прогнали.

12 числа стояла армія еще все въ томъ же мѣстѣ и выбирала лутчее мѣсто, гдѣ бы ей чрезъ рѣку Прегель переправиться было можно; ибо хотя намѣреніе ее и было иттить далѣе вдоль подлѣ рѣки Прегеля, но какъ узнали, что всѣ мѣста и дефилеи захвачены тутъ были прусаками и нужнѣйшія мѣста укрѣплены шанцами и батареями, то разсудили, оставя сей путь, повернуть влѣво и, перешедъ Прегель, обойтить дурныя сіи мѣста тою стороною, а чрезъ самое то выманить и непріятеля изъ его укрѣпленій; что и воспослѣдовало дѣйствительно, ибо самое то побудило и фельдмаршала Левальда выттить изъ своего укрѣпленнаго лагеря и, переправясь также чрезъ Прегель при Таплакенѣ, иттить навстрѣчу къ намъ. И хотя мы тогда о подлинномъ положеніи пруской арміи и не знали, однако всѣ заключали, что необходимо скоро дойдетъ дѣло до баталіи, ибо все къ тому уже клонилось.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и мы въ семъ лагерѣ дни три стояли, случились со мною нѣкоторыя приключенія, о которыхъ мнѣ вамъ разсказать надобно. Первое имѣло проистеченіе свое отъ одной здѣланной мною сущей рѣзвости или игрушки, которою мнѣ на досугѣ вздумалось позабавиться, и которая едва-было мнѣ не накутила бѣдъ, а имянно: въ одинъ день, какъ слуга мой ходилъ въ мой походной сундукъ для выниманія бѣлья, то попадись мнѣ на глаза спрятанной въ немъ превеликой стеклянной рогъ съ тѣмъ бѣлымъ хлопательнымъ порошкомъ, о которомъ упоминалъ я выше сего, и котораго надѣлалъ я себѣ довольное количество во время стоянія своего на мызѣ Кальтебрунъ. Неуспѣлъ я ево увидѣть, какъ родилось во мнѣ желаніе попробовать сжечь его въ большомъ количествѣ и посмотрѣть, сколь громко онъ хлопнетъ. Сіе было давно уже у меня на умѣ, но до того времяни не было удобнаго къ тому случая, и я про нево все позабывалъ; но тогда захотѣлось мнѣ уже того нетерпѣливо, и для того, вынувши его, положилъ я его на свой походной столикъ и пошолъ искать мѣста, гдѣ-бъ мнѣ оное удобнѣе въ дѣйство произвести. Такъ случилось, что день тогда былъ наипрекраснѣйшей, и время самое полуденное и жаркое. Солдаты, поваривъ каши и пообѣдавъ, полеглись тогда всѣ спать; но огни на огнищахъ еще курились. Я, прохаживаясь позади обозовъ и посматривая на сіи куревы, по щастію

увидѣлъ въ одномъ мѣстѣ на огонькѣ стоящей таганъ и подлѣ ево лежащую сковороду. На что было сего лутче? Я положилъ на нее насыпать порошку и поставить на таганъ, и неуспѣлъ сего вздумать, какъ тотчасъ и произвелъ въ дѣйство. Я сбѣгалъ въ одинъ мигъ за своимъ порошкомъ, насыпалъ его на сковороду съ хорошую столовую ложку и, поправивъ огонь, поставилъ оную на таганъ. Но какъ легко могъ я заключить, что онъ хлопнетъ сильно и что сковороду съ огня сброситъ, то чтобъ не подвергнуть себя опасности, пошолъ я въ свою палатку, изъ которой, по щастію, мѣсто сіе было видно, и, легши въ оной на кровать, опустилъ въ ту сторону полу и смотрѣлъ съ нетерпѣливостію, что̀ воспослѣдуетъ. Долго не было ничего, и я думалъ, что огонь малъ и оттого порошокъ не скоро таетъ. Однако я обманулся. Онъ растаялъ себѣ благополучно и вдругъ произвелъ точно такой ударъ, какъ бы разорвало превеликую бомбу. Не ожидая столь сильнаго и все чаяніе мое превосходящаго удара, обмеръ я тогда и спужался, ибо тогда только, а не прежде, пришло мнѣ въ голову, что игрушка моя легко можетъ потрясть и бѣдами. «Ахти! говорилъ я тогда самъ себѣ: что это я надѣлалъ и напроказилъ? Ужъ не здѣлалось бы тревоги и не было бы мнѣ отъ того бѣды какой. Ударъ слишкомъ силенъ и громокъ, не услышалъ бы его самъ фельдмаршалъ. Вѣдь онъ недалече отсюда стоитъ, и это я позабылъ совсѣмъ!» Мысль сія привела меня тотчасъ въ превеликую робость, но которая еще того болѣе увеличилась, какъ чрезъ минуту увидѣлъ я, что отъ того дѣйствительно не только нашъ, но другіе близъ насъ стоящіе полки чрезвычайно перетревожились. Всѣ солдаты поскакали изъ сна, и началось повсюду превеликое бѣганіе и спрашиваніе: гдѣ? что? изъ чего? и отчего такъ хлопнуло? — каждой спрашивалъ другого, а тотъ третьяго, и вранью не было и конца тогда. Иной говорилъ, что выстрѣлило изъ пушки; другіе спорили, что разорвало бомбу; третьи говорили, не разорвало ли гдѣ патроннаго ящика или казны пороховой; четвертые сами не знали на что подумать, и какъ судить, но всѣ вообще и съ разныхъ сторонъ бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ ударъ былъ слышанъ и гдѣ въ единой мигъ собралось множество народа, по которой только взадъ и впередъ толпился, и не видя ничего, не зналъ какъ судить, и чему ударъ приписывать.

Для меня, лежащаго тогда въ палаткѣ и видѣвшаго все сіе зрѣлище, сіе было весьма и весьма непріятно. — «Ну, вотъ такъ», говорилъ я самъ себѣ: — «не угадалъ ли я, что надѣлалъ проказу. Чай самая нелегкая догадала меня затѣвать сію потѣху? Ну, какъ узнаютъ все дѣло! Ну, естли кто-нибудь видѣлъ меня въ то время, какъ я былъ у огонька! Ну, если догадаются, что всему тому былъ я притчиною!» Неуспѣлъ я сего еще вымолвить, какъ новой слухъ поразилъ сердце мое власно какъ громовою стрѣлою. Прискакало отъ фельдмаршала нѣсколько, одинъ за однимъ, ординарцовъ, и всѣ кричали и спрашивали: «кто это? кто и для чего выстрѣлилъ изъ пушки!» Обмеръ я тогда и спужался, какъ сіе услышалъ. Я уже думалъ, что невѣдомо что̀ будетъ, и оттого такъ оробѣлъ, что не зналъ что̀ дѣлать; естлибъ можно было, то ушелъ бы куда-нибудь и спрятался такъ, чтобъ никакъ не нашли; но какъ уйтить и дѣваться было некуда, то другова не нашолъ, какъ спрятаться на постели подъ одѣяломъ и притвориться спящимъ. Однако не сонъ тогда былъ у меня на умѣ, но я ждалъ каждую минуту, что меня пришедъ возьмутъ и поведутъ къ фельдмаршалу, ибо я второпяхъ уже завѣрное полагалъ, что меня и видѣли, и все дѣло узнали, и оттого трепеща какъ отъ лихорадки, только то и дѣлалъ, что просилъ мысленно Бога, чтобъ онъ меня помиловалъ и отъ сей бѣды избавилъ. Но по особливому щастію такъ случилось, что меня никто у огонька не видалъ, и никому того на умъ не приходило, чтобъ то произошло отъ меня, а всѣ только твердили и, дивясь, сами сказывали присланъ-

нымъ отъ фельдмаршала, что хлопнуло тутъ, но что такое и изъ чего—того никто не видалъ и не знаетъ, ибо не видно было ни огня, ни дыма, и что они всѣ сами тому довольно надивиться не могутъ. А такимъ образомъ дѣло сіе и кончилось, и осталось на томъ, что никто не знаетъ и не узналъ и послѣ, ибо самому мнѣ открывать и шуткою своею хвастаться не было резона, но я пролежалъ на постели своей и не кукнулъ до тѣхъ поръ, покуда всѣ угомонились, да и тогда сказывающимъ мнѣ увѣрялъ, что я такъ крѣпко спалъ, что ничего не слыхалъ.

Но какъ письмо мое уже велико, то окончавъ оное и отложивъ протчее до будущаго, остаюсь и протчая.

ПОХОДЪ ПРУСІЕЮ КЪ ПРЕГЕЛЮ.

Письмо 43.

Любезной пріятель! Не успѣло описанное въ послѣднемъ моемъ письмѣ приключеніе окончиться и я — порадоваться тому, что все прошло и кончилось благополучно, какъ новая печаль готовилась уже поразить мое сердце. Со мною случилось, въ самомъ томъ же мѣстѣ и другое приключеніе, но которое однако было для меня нещастнѣе и на шутку уже не походило, а имянно: меня обокрали, и учинили сіе въ самую ту же еще ночь, которая, къ нещастію, случилась очень темная, и въ которую я уже непритворно, но въ самомъ дѣлѣ такъ крѣпко спалъ, что и не слыхалъ какъ изъ-поголовья у меня вытащили мою шкатулку, и, разломавъ ее за палаткою, вынули изъ ней всѣ деньги. Дѣло сіе сроворено было такъ искусно и мастерски, что я, вставши поутру, нашелъ шкатулку свою уже разломанною въ нѣкоторомъ разстояніи отъ палатки, и только-что руками розно! Долго не могъ я, на всѣ свои старанія несмотря, провѣдать, кто это такъ спроворилъ; но послѣ узналъ, что то былъ одинъ новоопредѣленной солдатъ въ нашу роту, которой былъ преестественной мошенникъ, и за то изъ гранодерской роты выпихнутъ, хотя былъ превеликой мужичина. Я лишился при семъ случаѣ рублей дватцати и одной золотой медали, которую мнѣ пуще всего жаль было, потому что она дана была дѣду моему, господину Бакѣеву, отъ императора Петра Великаго, за то, что онъ своими руками взялъ въ полонъ шведскаго шутбинахта во время взятія четырехъ фрегатовъ. Я хотя болѣе всего о возвращеніи оной старался, но бездѣльникъ промоталъ ее за самую бездѣлицу въ другой полкъ, и такъ не могъ я ее уже никакъ отъискать и возвратить.

Далѣе памятно мнѣ было сіе мѣсто и потому, что я посыланъ былъ изъ онаго для фуражированія; ибо какъ около сего времяни сѣна были вездѣ спрятаны и въ селенія свожены, мы же находились уже близко подлѣ непріятеля, и намъ полевымъ кормомъ довольствовать всѣхъ лошадей своихъ не было способа, то принуждены мы были кормить оныхъ сѣномъ, доставая его въ близъ-лежащихъ селеніяхъ, и посылать за нимъ всякой день команды съ офицерами. Сіи команды были для насъ самыя опаснѣйшія, и всякой благодарилъ Бога, когда хорошо съ рукъ сойдетъ. Притчина тому была та, что нашихъ солдатъ, а особливо неслуживыхъ людей, какъ, напримѣръ, погонщиковъ, деньщиковъ и слугъ офицерскихъ, нико-

имъ образомъ удержать было не можно. Не успѣешь пріѣхать въ деревню, какъ разсыплются они по ней, и вмѣсто того, чтобъ сѣно скорѣе въ тюки навивать, начнутъ искать и шарить по всѣмъ мѣстамъ добра и пожитковъ, и никого сыскать не можешь; почему того и смотришь, что наскачутъ непріятельскіе гусары и изрубятъ въ разсѣяніи и безпорядкѣ находящихся. Однако я команду свою отправилъ благополучно. Деревня сія была хотя очень близка къ непріятелю, однако самое сіе и было поводомъ къ предпринманію наивящихъ осторожностей. По щастію, нашли мы превеликіе сараи, набитые сѣномъ, и я, не распуская людей, велѣлъ какъ возможно скорѣй при себѣ навивать тюки и везти къ арміи; и хорошо здѣлалъ, что такъ поспѣшилъ, ибо не успѣли мы уѣхать, какъ въ самомъ дѣлѣ прискакали уже прускіе гусары, но никого болѣе въ деревнѣ уже не застали, а за нами гнаться не отваживались.

Впротчемъ, что касается до сего фуражированія, то всякому, невидавшему онаго никогда, покажется оно весьма удивительно, и онъ не повѣритъ, чтобъ такое великое множество сѣна можно было увезть на одной лошади, а что того еще удивительнѣе — верхомъ; ибо надобно знать, что для скорѣйшаго и удобнѣйшаго привоза сѣна фуражируется всегда верхами, и изъ сѣна связывается два превеликіе тюка или кипы, изъ которыхъ каждая почти съ маленькой возъ будетъ, и оба сіи тюка на веревкахъ перекидываются по сѣдлу чрезъ лошадь поперегъ, а человѣкъ садится между ними и ѣдетъ власно какъ на возу сѣна, ибо сіи тюки тащатся почти по самой землѣ, и лошади за ними совсѣмъ почти не видно. Мы сами удивились, сначала сіе увидѣвъ, и люди наши не знали, какъ сѣно симъ образомъ связывается; однако нужда научила и ихъ скоро сему искуству.

Кромѣ сего, памятно мнѣ сіе мѣсто и тѣмъ, что мы тутъ впервые увидѣли и узнали картофель, о которомъ огородномъ продуктѣ мы до того и понятія не имѣли. Во всѣхъ ближнихъ къ нашему лагерю деревняхъ насѣяны и насажены были его превеликіе огороды, и какъ онъ около сего времяни началъ поспѣвать и годился уже къ употребленію въ пищу, то солдаты наши скоро объ немъ пронюхали, и въ одинъ мигъ очутился онъ во всѣхъ котлахъ варимой. Совсѣмъ тѣмъ, по необыкновенности сей пищи не прошло безъ того, чтобъ не здѣлаться отъ ней въ арміи болѣзней и наиболѣе жестокихъ поносовъ, и армія наша за узнаніе сего плода принуждена была заплатить нѣсколькими стами человѣкъ, умершихъ отъ сихъ болѣзней.

Что касается до того, довольны ли мы впротчемъ, во время сего похода, Прусіею были, то могу сказать, что по прибытіи къ арміи легкихъ нашихъ войскъ не только не претерпѣвали мы ни въ чемъ недостатка, но имѣли еще во всемъ изобиліе, а особливо въ мясѣ. Скота, и крупнаго и мелкаго, и всякаго рода дворовыхъ птицъ и живности, а особливо гусей, было преужасное множество и всегда достать ихъ можно было за весьма дешевую цѣну. Самыхъ барановъ покупали мы иногда только по 10, а гуся не болѣе какъ по 5 и по 4 копейки. Все сіе продавали намъ наши казаки и калмыки, ибо они, разсѣваясь всюду и всюду, опустошали немилосердымъ образомъ всѣ кругомъ лежащія селенія. И какъ жители спасали только крупной скотъ свой, а протчее все оставляя, разбѣгались въ лѣса и тамъ скрывались, то изобильныя прускія деревни наполнены были повсюду несчетнымъ множествомъ мелкаго скота и всякаго рода птицъ, и нашимъ казакамъ, калмыкамъ, да и самымъ драгунамъ и гусарамъ было чѣмъ вездѣ и довольно поживиться. Одинъ только недостатокъ здѣлался намъ скоро въ соли и въ хлѣбѣ, однако и тому помогать находили средствы.

Но сколь сіе съ одной стороны было хорошо, столько съ другой худо. За все сіе довольствіе и кратковремянное изобиліе принуждены мы были заплатить весьма дорого, не только претерпѣннымъ

послѣ самими нами во всемъ великомъ оскудѣніи, но и вѣчнымъ безславіемъ, какое получили мы чрезъ то во всемъ свѣтѣ. Ибо какъ все сіе сопряжено было съ конечнымъ разореніемъ невинныхъ прускихъ сельскихъ жителей, то сіе и подало поводъ прусакамъ къ приношенію всему свѣту превеликихъ и едва-ли не справедливыхъ на насъ жалобъ, что легко можно усмотрѣть изъ того, что писали они о томъ въ своихъ реляціяхъ.

«Въ сію осень, говорятъ они, никто не сѣялъ здѣсь озимыхъ хлѣбовъ. — Непріятель, по недостатку корма для своего многочисленнаго обоза и конницы, фуражируетъ вездѣ съ превеличайшимъ безпорядкомъ и вычищаетъ всѣ селенія дочиста. — Корпусу генерала Фермора должно то сказать въ похвалу, что онъ хранилъ наивозможнѣйшей еще порядокъ и при всемъ грабительствѣ не производилъ, по крайней мѣрѣ, никакихъ жестокостей и безчеловѣчій: почему большая часть жителей въ тѣхъ мѣстахъ оставалась въ своихъ домахъ, и приходящаго разъ дватцать въ одно мѣсто непріятеля по возможности своей довольствовали. Но главная армія, напротивъ того, наполнила всю страну жестокостьми и безчеловѣчіями. Всѣ поселяне бѣгутъ прочь и спасаются отъ ней по лѣсамъ и въ мѣстахъ непроходимыхъ. Многимъ обывателямъ изъ единаго только легкомыслія и дурости, и за то только, что онъ множайшаго дать не можетъ, или не можетъ ничего самому ему неизвѣстнаго сказать, обрубаются носъ и уши; отнимается у него весь скотъ и продается потомъ въ непріятельской арміи за самой безцѣнокъ, потому что, какъ сами они говорятъ, казаку-де надобно самому себѣ доставать деньги и пропитаніе. А отъ самаго того и дѣлаются такія наглости и дѣла, которыми сама натура мерзитъ: многихъ людей удавливаютъ петлями, у другихъ взрѣзываютъ у полуживыхъ утробы и исторгаютъ сердца изъ груди, у третьихъ похищаютъ дѣтей, и производятъ злѣйшія еще и такія безчеловѣчія, которыя никакими словами изобразить не можно. Ограбленной и всего стяжанія своего лишившейся поселянинъ приводится тѣмъ до лютости и ярости чрезвычайной. Онъ выпрашиваетъ, гдѣ только можетъ, вмѣсто милостыни себѣ ружьишко, пороху и свинцу, и старается защитить и оборонить ими послѣднія свои вещи, кои ему удалось спасти въ лѣсахъ отъ расхищенія. А симъ образомъ и перестрѣляно уже ими болѣе двухъсотъ казаковъ, въѣжжающихъ и въ самые лѣса и старающихся и тамъ производить свои злодѣйства».

Вотъ что писали объ насъ прусаки, и поручиться нельзя, чтобъ калмыками нашими и казаками и дѣйствительно не дѣлано было кой-гдѣ, особливо по сторонамъ, таковыхъ безчеловѣчій.

Что-жъ касается до протчихъ разореній, то имъ были мы сами очевидными свидѣтелями. Изъ всѣхъ попадающихся намъ на глаза деревень, не нахаживали мы ни одной съ людьми, но всѣ были пустыя и разграбленныя начисто. Во всѣхъ ихъ не только не оставалось ни единаго дома цѣлаго, но самыя сокрытыя, и хворостомъ и навозомъ заваленныя ямы со спрятанными въ нихъ пожитками не утаивались отъ солдатъ нашихъ, они отыскивали и оныя всѣ, и расхищали и послѣднее. Чтожъ касается до полей ихъ и посѣянныхъ хлѣбовъ, то всѣ они въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла армія, были въ наижалостнѣйшемъ состояніи; ибо какъ армія, а особливо начавъ ближе сближаться съ непріятелемъ, шла по большой части всѣмъ фрунтомъ и не дорогою, а прямо по полямъ и какъ ни попало, то не до того было, чтобъ разбирать хлѣбъ ли тутъ или что́ иное, а все топталось и смѣшивалось съ грязью. Самыя вершины и буераки принуждены мы были переѣзжать не дорогами, а прямо, какъ ни попало. И, о! сколько происходило у насъ при такихъ случаяхъ ломки и валянья, сколько разъ леталъ иной возъ стремглавъ съ горы, и сколько лошадей уходило по уши въ тину, и сколь досадны бывали намъ сіи маленькія переправы! Я и понынѣ не могу еще надивиться тому, какъ успѣвали мы изломанныя повозки свои починивать и къ продолженію

похода дѣлать опять способными. Но я удалился уже отъ главнаго предмета, и теперь время уже возвратиться къ описанію продолженія похода.

Такимъ образомъ, стояла наша армія въ помянутомъ мѣстѣ до 12 числа августа. Но въ сей день опредѣлено было въ томъ мѣстѣ, гдѣ чрезъ рѣку намѣреніе принято было перебираться, здѣлать изъ половины армейскихъ и тяжелыхъ обозовъ вагенбургъ, дабы его оставить на сей сторонѣ, а съ арміею перейтить на другую, и непріятеля стараться принудить къ баталіи. И для того приказано было сего же еще числа выступить половинѣ обозамъ и иттить къ рѣкѣ, а для прикрытія помянутаго вагенбурга слѣдовать съ ними-жъ нашему, да Апшеронскому, да Архангелогородскому драгунскому, но спѣшенному полку; почему пошли мы еще того-жъ вечера, и какъ разстояніе до рѣки было только версты три, то мы пришли туда еще благовремянно, и успѣли при деревнѣ Симоникшенѣ здѣлать порядочной вагенбургъ. Сіе легкое полевое и изъ однихъ только повозокъ составленное укрѣпленіе случилось намъ тутъ впервые еще видѣть и дѣлать. Всѣ повозки поставляемы были въ одинъ рядъ и такимъ образомъ, чтобъ переднія колеса одной смыкались съ задними колесами другой, и здѣлалось бы чрезъ то такое сплетеніе изъ повозокъ, чрезъ которое на лошади никакъ переѣхать было не можно, а сверхъ того, можно-бъ было изъ-за сей повозочной ограды, по нуждѣ, оборонятся и противъ пѣшихъ. Таковымъ неразрывнымъ сцѣпленіемъ повозокъ окружено было нарочито пространное мѣсто, наподобіе нѣкакой крѣпости или города, и оной бы могъ служить убѣжищемъ для всѣхъ, кои съ арміею иттить не могли. Между тѣмъ, покуда мы сей вагенбургъ дѣлали, другіе упражнялись уже въ дѣланіи мостовъ чрезъ рѣку Прегель, которые къ утру послѣдующаго дня и поспѣли, и было ихъ два деревянныхъ и три понтонныхъ.

Въ послѣдующей день, то-есть августа 13, выступила и прибыла къ сему мѣсту и вся армія, и расположилась кругомъ вышеупомянутой деревни лагеремъ а обозы разобраны были опять по полкамъ, ибо оставленіе вагенбурга на сей сторонѣ опять отложено было, и такъ ночевали мы тутъ всѣ вмѣстѣ.

14 числа, то-есть наканунѣ Успеньева дни, послѣ полудни велѣно было перебираться нашему авантгардному корпусу за рѣку Прегель по мостамъ, и мы, переправясь чрезъ оную, спѣшили занять одинъ узкой проходъ, бывшей за рѣкою на горѣ. Ибо надобно знать, что за рѣкою былъ сперва ровной лугъ, простирающейся версты на двѣ, а тамъ вдругъ пришла крутая и высокая гора, а наверху оной было опять ровное мѣсто, простирающееся на полверсты или на версту, а тамъ пришолъ прегустой и превеликой лѣсъ, за которымъ опять было пространное поле, окруженное лѣсами; но прохода на сіе поле сквозь лѣсъ не было, а надлежало иттить однимъ только узкимъ и на четверть версты въ ширину простирающимся промежуткомъ, которой находился въ лѣвой рукѣ между помянутымъ лѣсомъ и однимъ преужаснымъ и крутымъ буеракомъ, сквозь которой текла небольшая рѣчка и съ той стороны впадала въ Прегель. Сію-то узкую *дифилею* надлежало намъ занять, и къ тому назначенъ былъ нашъ корпусъ. Мы, пришедъ туда, принуждены были за тѣснотою мѣста стать ребромъ, то-есть вдоль сего узкаго прохода, и для того стали мы лицомъ къ концу лѣса, а позади обозовъ нашихъ былъ вышеупомянутой крутой буеракъ; армія же осталась дневать въ прежнемъ своемъ лагерѣ за рѣкой.

Въ послѣдующей день, для торжествованія праздника Успенія Богородицы, поставлены были у насъ въ полкахъ церкви и отправлялась божественная служба, а между тѣмъ перебиралась на сію сторону рѣки и вторая дивизія и становилась подлѣ насъ, занимая отчасу болѣе вправо находящееся между лѣсомъ и горою пустое мѣсто, гдѣ для всей арміи назначенъ былъ лагерь. Главная же ар-

мія съ кавалеріею осталась еще на той сторонѣ рѣки и, взявъ провіанта на трое сутокъ, отпустила только свои обозы, кои остановились на назначенныхъ мѣстахъ подъ прикрытіемъ второй дивизіи и нашего авантарднаго корпуса.

Какъ помянутою второю дивизіею командовалъ генералъ-аншефъ Лопухинъ, то прибылъ онъ наканунѣ сего дня вмѣстѣ съ нами и сталъ въ шатрѣ своемъ насупротивъ самаго полку нашего подлѣ лѣса. Поелику генералъ сей былъ весьма набожной и притомъ крайне добродѣтельной и хорошей человѣкъ, то отправлялось у него съ вечера всенощное бдѣніе, а въ сей день онъ исповѣдывался и причащался, власно какъ предчувствуя, что жизнь его продлится недолго и что оставалось ему немногіе дни жить уже на свѣтѣ. Но колико сей генералъ любимъ и почитаемъ былъ всѣми войсками, толико нелюбимъ и презираемъ былъ другой, бывшей тогда съ нами драгунской генералъ-маіоръ Хомяковъ, славный единственно тѣмъ, что былъ превеликой охотникъ до тростей, и возившей съ собою ихъ до нѣсколько сотъ, и надѣлавшей тогда намъ множество смѣха. Старичишка сего, которому приличнѣе было-бъ по дряхлости его сидѣть дома за печью, нежели быть въ походѣ, догадала нелегкая избрать мѣсто подъ шатеръ свой позади нашихъ обозовъ и на берегу самаго буерака; но мѣсто сіе было такъ неловко и было столько обезпокоивано больными нашими и картофеля объѣвшимися солдатами, что бѣдной старикъ не радъ былъ животу своему, что тутъ расположился, и видя, что всѣ его палки и трости не помогаютъ, принужденъ былъ бѣжать и переносить шатеръ свой въ другое мѣсто.

Неуспѣли мы въ помянутой день отслушать обѣдню, какъ услышали въ главной квартерѣ за рѣкою три выстрѣла изъ вѣстовой пушки. Мы знали уже, что сіе означало сигналъ тревоги; почему бросились всѣ тотчасъ къ оружію и всѣ полки тотчасъ и съ великимъ поспѣшеніемъ выведены были передъ фрунтъ, гдѣ и дожидались мы повелѣнія. Вскорѣ послѣ того услышали мы вдали еще нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Но неуспѣло сего воспослѣдовать, какъ линулъ на насъ пресильной и преужасной дождь, и, продолжавшись цѣлой часъ, всѣхъ насъ перемочилъ. Послѣ сего слышали мы хотя еще пушечную стрѣльбу, однако ничего не послѣдовало и насъ опять распустили. Притчиною же тревоги сей было то, что отъ непріятеля подсыланъ былъ въ сей день для рекогносцированія нашей арміи генералъ-маіоръ Рушъ съ 1,200 гусаровъ и 5-ю ескадронами конницы драгунской, при подкрѣпленіи довольнаго числа пѣхоты подъ командою генерала Каница--которой отрядъ, наѣхавъ на нашъ казацкой лагерь, побилъ изъ нихъ человѣкъ съ дватцать; а сіе самое и побудило фельдмаршала послать на сикурсъ къ нимъ нѣсколько сотъ гусаръ и драгунъ, которые и принудили непріятеля ретироваться, отбивъ у него опять назадъ отхваченной имъ табунъ казацкихъ лошадей; при которой стычкѣ паки съ обѣихъ сторонъ было нѣсколько человѣкъ побито и переранено.

Послѣдующаго за симъ, т.-е. 16 числа, перебралась наконецъ и достальная армія и главная квартира изъ-за рѣки, и стала въ назначенной лагерь, и полководецъ нашъ, господинъ Апраксинъ, обѣдалъ въ сей день у стоящаго предъ нами генерала Лопухина. Станъ же для себя избралъ посреди арміи, позади вышеупомянутаго большого лѣса.

Какъ симъ образомъ мы часъ отъ часу ближе къ непріятелю подвигались, то не прошолъ и сей день спокойно. Въ вечеру слышна была опять за рѣкою Прегелемъ стрѣльба и порядочной залпъ, также и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Притчиною тому было, что появились-было за рѣкою въ близости отъ лагеря опять непріятели, и стрѣляли по нашимъ казакамъ и калмыкамъ; однако сіи принудили ихъ ретироваться въ лѣсъ, убивъ у нихъ 4 гусаръ и взявъ одного въ полонъ.

Говорили тогда, что калмыки наши оказали при семъ случаѣ довольные знаки своего проворства и свойственной такимъ

легкимъ народамъ храбрости: 7 человѣкъ изъ нихъ — усмотря человѣкъ двадцать прускихъ гусаръ, удалившихся отъ протчихъ, переплывъ нагіе и безъ сѣделъ, съ одними только дротиками, чрезъ Прегель — ударили съ такою жестокостію на нихъ, что, обративши ихъ въ бѣгство, гнали до самаго ихъ стана и, какъ выше упомянуто, трехъ убили, а одного въ полонъ взяли. Но сіе было почти и первое и послѣднее хорошее ихъ дѣйствіе, ибо кромѣ сего не случилось мнѣ слышать, чтобъ они что-нибудь отличное здѣлали.

Симъ образомъ происходила у насъ почти всякой день маленькая война; но скоро за симъ послѣдовала и важнѣйшая, какъ о томъ упомяну я въ будущемъ письмѣ, а между тѣмъ есмь и протчая.

ПЕРВАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 44.

Любезной пріятель! Теперь приблизился уже я къ важнѣйшему пункту времяни изъ всей тогдашней нашей кампаніи, или до прямыхъ военныхъ дѣйствій противъ непріятеля; ибо упомянутое до сего состояло по большой части только въ единыхъ стычкахъ или маленькихъ и неважныхъ сраженіяхъ, кои, какъ извѣстно, не бываютъ никогда рѣшительны, а обращаются только обыкновенно обѣимъ арміямъ въ безпокойство, отягощеніе и въ пустую растерю людей; или, короче сказать, теперь по порядку пришлось мнѣ вамъ разсказывать о нашей апраксинской баталіи, о которой наслышались вы довольно, но подлинныхъ при томъ бывшихъ произшествій вѣрно не знаете. Но можно ли вамъ и знать, когда вы сами при томъ не были, а по однимъ слухамъ подлинно все знать никоимъ образомъ не можно. Собственные примѣры мнѣ сіе довольно доказали.

Совсѣмъ тѣмъ, не дожидайтесь того, чтобъ я вамъ сообщилъ въ подробности всѣ при томъ бывшія обстоятельства; но я напередъ вамъ признаюсь, что мнѣ самому въ подробности оныя неизвѣстны, несмотря на то, хоть я дѣйствительно самъ при томъ былъ, и все своими глазами видѣлъ. Да и можно ли такому маленькому человѣку, каковъ я тогда былъ, знать всѣ подробности, происходившія въ арміи, въ такое время, когда все находилось въ превеликомъ замѣшательствѣ, и когда мнѣ, бывшему тогда по случаю ротнымъ командиромъ, отъ мѣста и отъ роты своей ни на шагъ отлучиться было никуда не можно? Итакъ, иное-ли что остается, какъ сообщить то, что мнѣ можно было самому видѣть и что дошло до моего свѣдѣнія. Армію въ походѣ неинако, какъ съ великимъ и многонароднымъ городомъ сравнить можно, въ которомъ человѣку, находящемуся въ одномъ углу, конечно, всего того въ подробности знать не можно, что на другомъ краю дѣлается и происходитъ, и я не надѣюсь, чтобъ кто-нибудь, не выключая и самихъ предводителей, могъ всѣ подробности при баталіи въ самой точности знать. Общее смятеніе и замѣшательство, шумъ, вопль, пыль, густота дыма, а паче всего повсемѣстная опасность и тысяча другихъ обстоятельствъ тому препятствовать могутъ. При такихъ обстоятельствахъ, иное ли что остается, какъ сообщить вамъ только то, что случай допустилъ мнѣ самому видѣть, или о

чемъ съ достовѣрностію могъ я тогда слышать.

Но какъ сія баталія была только одна, которую мнѣ самому видѣть случилось, то въ награжденіе недостатка въ протчемъ, постараюсь по крайней мѣрѣ изобразить все видѣнное мною живѣйшимъ и подробнѣйшимъ образомъ, дабы вы могли всѣ видѣнныя мною произшествія вообразить себѣ наисовершеннѣйшимъ образомъ и получить объ нихъ такое понятіе, какъ бы вы сами оное видѣли.

Но прежде приступленія къ собственному повѣствованію о баталіи, хотѣлось бы мнѣ вамъ изобразить напередъ всю тогдашнюю позицію, или положеніе нашей арміи, ибо безъ того не можете вы никакъ вообразить себѣ прямого состоянія тогдашняго замѣшательства и получить прямое понятіе о той опасности, въ которой мы тогда находились. И чтобъ мнѣ лутче въ томъ успѣть, то вознамѣрился я не только все извѣстное мнѣ подробно описать, но нужное изъяснить и планами и рисунками. Итакъ, разскажу вамъ напередъ, какимъ образомъ расположена была наша армія въ послѣднемъ своемъ лагерѣ предъ баталіею. Я не знаю, какое здѣлать рѣшеніе, въ выгодномъ ли она стояла мѣстѣ или въ невыгодномъ, и должно ли хвалить, или хулить нашихъ полководцевъ, что они ее такъ расположили.

Итакъ, вообразите себѣ напередъ, любезной пріятель, высокое ровное мѣсто, неподалеку отъ берега одной негораздо большой рѣки, протекающей сквозь широкую, глубокую и ровную долину. Помянутое лежащее на горѣ, у подошвы которой начиналась помянутая долина, высокое и ровное мѣсто было не столько широко, сколько длинно; было оно, сколько мнѣ помнится, въ ширину не болѣе полуверсты, а въ длину версты на полторы или на двѣ, ибо съ двухъ сторонъ окружалъ сіе мѣсто большой, частой и густой лѣсъ, простирающейся въ ширину, или поперекъ на версту или болѣе, а съ третей стороны пересѣкалъ оное превеликой и преглубокой буеракъ, съ протекающею онымъ небольшою рѣчкою, впадающею въ вышеупомянутую рѣку Прегель. Такимъ образомъ окружено было сіе мѣсто почти со всѣхъ сторонъ непреоборимыми оградами, и выходъ изъ него былъ только въ двухъ мѣстахъ, а имянно, по краямъ онаго, гдѣ на одномъ краю была между лѣсомъ небольшая прогалина, а на другомъ между лѣсомъ и помянутымъ буеракомъ — также небольшое пустое пространство, простирающееся въ ширину съ небольшимъ на четверть или на полверсты.

На семъ-то прекрасномъ мѣстѣ расположена была наша армія лагеремъ, и, повидимому, казалось, что нельзя было выгоднѣе быть сей позиціи, потому что она стояла, власно какъ нарочно натурою въ здѣланномъ укрѣпленіи, и со всѣхъ сторонъ прикрыта была возжделѣннѣйшими оградами, ибо впереди у себя имѣла она помянутой густой, высокой и непроходимой почти лѣсъ, прикрывающей фрунтъ ее наилутчимъ почти образомъ. Правое крыло прикрыто было тѣмъ же лѣсомъ; лѣвое помянутымъ непроходимымъ и крутымъ буеракомъ, и съ одного только тыла было открытое мѣсто, но и то для помянутой глубокой долины и рѣки Прегеля было неприступно, такъ что она ни съ которой стороны не могла опасаться непріятельскаго нападенія. Самая узкая, находящаяся на лѣвомъ крылѣ подлѣ буерака дефилея, которою одною былъ изъ сего мѣста свободной проходъ на пространное, позади лѣса находящееся Егерсдорфское поле, застановлена была многими полками, прикрыта войсками и батареями, а сверхъ того, имѣла еще впереди у себя небольшой ручеекъ съ лощинкою, которой, вытекая изъ Егерсдорфскаго поля, впадалъ въ помянутой большой буеракъ. Находящаяся же на правомъ крылѣ между лѣсами узкая прогалина, власно какъ нарочно перерыта была издавна нѣсколькими небольшими рвами, которые сгодились намъ очень кстатъ. Однимъ словомъ, всѣ обстоятельства согласовались между собою наилутчимъ образомъ, и нельзя было удобнѣе сего мѣста быть для прикрытія лагеря во время ожидаемой баталіи и тре-

бовалось только одно искуство генераловъ, чтобы симъ мѣстомъ надлежащимъ образомъ умѣть воспользоваться. Но имѣли-ль наши полководцы къ тому потребное искуство или нѣтъ, то усмотрите изъ послѣдствія, а я между тѣмъ для лутчаго усмотрѣнія представлю вамъ все помянутое положеніе мѣста рисункомъ *).

Вотъ вамъ планъ и описаніе всему положенію того мѣста, на которомъ происходило славное наше военное дѣйствіе. Вообразите его себѣ хорошенько, дабы вамъ тѣмъ лутче можно было усмотрѣть всѣ описанныя ниже сего произшествія, къ которымъ наконецъ теперь я и приступлю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ окончилъ я сію матерію тѣмъ, что армія переправилась вся чрезъ рѣку Прегель и стала на вышеизображенномъ мѣстѣ лагеремъ, и описаніе мое продолжалось до 16 августа. 17 числа поутру было все въ арміи еще спокойно. По розданнымъ приказамъ знали мы, что и сей день простоимъ на семъ мѣстѣ, почему посылано было опять фуражировать, а сверхъ того велѣно было еще принимать провіантъ болѣе, нежели на полмѣсяца, и мы приняли его уже сентября по 5-е число. Однимъ словомъ, о непріятелѣ не было еще ни слуху, ни духу, ни послушанія, и хотя всѣ мы имѣли довольно притчины заключать, что ему уже недалеко быть надобно и что скоро дойдетъ до настоящаго съ нимъ дѣла, однако, не вѣдая ничего точнаго, не имѣли притчины безпокоиться страхомъ и воображеніемъ себѣ смертоноснаго сраженія. Коротко, мы такъ были спокойны, какъ бы находились еще верстъ за сто отъ непріятеля, и не думая ни о чемъ, пили себѣ и ѣли, и веселились, забавляясь разными походными препровожденіями времяни.

Предъ полуднемъ наконецъ услышали мы вдали три пушечныхъ выстрѣла, а немного погодя еще два. Мы сочли ихъ непріятельскими и говорили еще между собою, что таковыхъ громкихъ по сіе время еще не слыхали. и заключали, что не близко ли уже непріятель; но какъ въ арміи никакого шума не дѣлалось и все попрежнему было спокойно, то сочли мы сіи выстрѣлы нашими и заключали, что конечно гдѣ-нибудь вдали стрѣляютъ наши по непріятельскимъ партіямъ, почему, привыкнувъ уже къ таковымъ слухамъ, перестали тотчасъ о томъ и думать. Но неуспѣло пройтить съ часъ времяни, какъ увидѣли, что мы обманулись, и что конечно что-нибудь важное было. Въ арміи нашей здѣлалась превеликая тревога. Началось ужасное скаканіе и гоньба адъютантовъ и ординарцовъ, кричащихъ, чтобъ выходили въ строй и выводили-бъ полки передъ фрунтъ.

Въ одну минуту изчезло тогда прежнее спокойствіе, и началось военное замѣшательство. Всякой, бросая все, въ чемъ упражнялся, хваталъ оружіе, одѣвался въ военной снарядъ, и бѣжалъ становиться въ свой рядъ и мѣсто опредѣленное. Повсюду слышанъ былъ тихой шумъ, бѣганіе и понужденіе отъ начальниковъ. Все наше военное ополченіе власно какъ оживотворилось, и въ одинъ мигъ были уже всѣ полки предъ своими станами и стояли во фрунтѣ, ожидая повелѣнія куда иттить и что дѣлать. Нельзя довольно изобразить, сколь чувствительна была всѣмъ сія первая почти и прямая тревога. Всякой, не инако помышляя, что непріятель уже наступаетъ и, конечно, уже не въ дальнемъ разстояніи — не могъ иного заключить, какъ что чрезъ минуту поведутъ его становить въ ордеръ баталіи, и что, наконецъ, приближается тотъ часъ, въ которой принужденъ онъ будетъ позабывать и самъ себя и все на свѣтѣ, и готовиться къ смерти. Обстоятельство, что вся армія состояла почти все изъ такихъ людей, которые непріятеля еще въ глаза не видали, умножало въ каждомъ его робость и внутреннее волненіе крови и содраганіе членовъ. Говорится и о простой пословицѣ, что «первую пѣсенку зардѣвшись спѣть», а тутъ

*) Рисунокъ сей смотри позади книги. Примѣч. автора. Рисунка этого однако ни въ книгѣ рукописной, ни «позади ея» не оказывается. М. С.

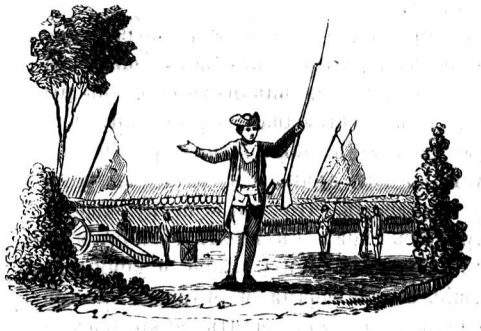
дѣло нѣсколько поважнѣе пѣсни было. Однако все сіе недолго продолжалось и насъ власно какъ хотѣли только попугать; ибо неуспѣли полки стать во фрунтъ и построиться, какъ присланы были опять вѣстники съ повелѣніемъ, чтобъ солдатъ распустить опять по палаткамъ, и впредь слушать уже сигнала изъ трехъ пушекъ.

Сіе успокоило опять всѣхъ насъ: мы сочли, что, конечно, что-нибудь провралось и не прямо донесено фельдмаршалу, и, разошедшись по своимъ палаткамъ, принялись опять за свои упражненія. Кто игралъ въ карты, кто пѣлъ, кто смѣялся, кто шутилъ и такъ далѣе. Но неуспѣло пройтить съ часъ времяни, и такъ, какъ въ часу четвертомъ послѣ полудня, услышали мы уже подлинной сигналъ къ тревогѣ. Въ главной квартирѣ у фельдмаршала выстрѣлено было три раза изъ вѣстовой пушки, и сіе было знакомъ тому, чтобы полки опять во фрунтъ выводили. Мы тотчасъ сіе учинили и уже меньше боялись, нежели прежде, думая, что опять насъ распустятъ. Но сей день на то начался, чтобъ намъ обманываться въ своемъ ожиданіи; ибо вскорѣ увидѣли мы, что дѣло обращалось понемногу въ важность. Къ намъ пріѣхали предводители нашихъ брегадъ, и вдругъ повели полки съ распущенными знаменами вонъ изъ лагеря. Тогда-то началось у многихъ трепетаніе сердца и жалкое прощаніе съ остающимися въ лагерѣ своими знакомцами. Но, по щастію, некогда было имъ долго въ томъ упражняться; насъ увели съ великимъ поспѣшеніемъ, и вывели за лѣсъ на чистое и пространное Егерсдорфское поле.

Но сколь сильно мы опять тутъ обманулись! Мы думали, что выдемъ уже прямо къ непріятелю и не только его увидимъ, но и тотчасъ начнемъ съ нимъ дѣло; но, вмѣсто того, мы на всемъ полѣ не увидѣли и не примѣтили ни одного человѣка, и удивились тому чрезвычайно. Несмотря на то, становили всѣ выведенные наши полки въ порядокъ и построили ихъ версты за двѣ отъ лагеря въ двѣ линіи, между обѣими находящимися посреди сего поля деревнями, въ ордеръ баталіи, и разочли какъ надобно. Но не успѣли сего окончить, какъ, не здѣлавъ ничего, а только сожегши одну деревню, повели насъ обратно назадъ въ лагерь, и мы проходили и простояли часа три только по-пустому, ибо непріятеля не было еще въ завѣтѣ; а сказывали только, будто бы онъ находился за лежащимъ впереди у насъ лѣсомъ и будто бы также строился въ ордеръ баталіи, почему и нашу не всю армію выводили, а только одинъ нашъ авангардной корпусъ, да дивизію графа Фермора, и сіе можетъ быть для того, чтобъ ему доказать, что мы очень осторожны. Но, о, когда-бъ таковы осторожны мы всегда были!

Такимъ образомъ окончился и сей день безъ всякихъ важныхъ произшествій, и мы по необыкновенности своей не знали, что-бъ это значило, что насъ выводили. Мнѣ случилось вмѣстѣ быть съ сими выходящими на брань, и мы, по справедливости говоря, шли довольно отважно и безъ всякой трусости. Нетерпѣливость у всѣхъ написана была на лицѣ, и всякой усердно желалъ увидѣть скорѣй непріятеля и исправлялъ свое ружье, для исправнѣйшаго по немъ стрѣлянія. Но сколько мы ни смотрѣли и сколько ни усердствовали учинить ему храбрую встрѣчу, однако его не было и мы не могли увидѣть ни единаго человѣка, хотя пространное и на нѣсколько верстъ простирающееся поле намъ все было видно. Возвращаясь въ лагерь, не знали мы, радоваться тому или печалиться? однако тужить о томъ дальней притчины не имѣли. Кому жизнь не мила, и кто могъ увѣренъ быть въ томъ, что онъ будетъ цѣлъ и сохранится живъ отъ баталіи? Я только имѣлъ притчину возвращеніемъ симъ доволенъ быть; но для чего, онаго конечно вы не угадаете. «Для трусости»! скажете вы. — Нѣтъ, я истинно не только не трусилъ, но еще болѣе спокоенъ былъ, нежели самъ думалъ. А вотъ для чего: со мною здѣлалось одно смѣшное и неожидаемое приключеніе. Какъ мы на полѣ въ ордеръ-

баталіи стояли и, дожидаясь непріятеля изъ лѣса, оправляли свои ружья, то хотѣлъ и я посмотрѣть, есть ли у ружья моего на полкѣ порохъ, ибо заряжено оно у меня давно уже было. Но не проказа ли сущая тогда сотворись? Погляжу, анъ у ружья моего совсѣмъ и курка нѣтъ!.. Боже мой! какъ я тогда смутился и въ какое пришолъ замѣшательство! Съ одной стороны, не понималъ я, куда онъ дѣвался; съ другой— досадовалъ, что мнѣ, въ случаѣ нужды, не только стрѣлять, но и обороняться будетъ нечѣмъ, а съ третей, и что всего паче, боялся, чтобъ того кто-нибудь не увидѣлъ и не сталъ бы смѣяться. Но какъ бы то ни было, но курка моего не было: отвернись проклятой шурупчикъ, которой, думать надобно, наканунѣ того дня, какъ ружье чистили, некрѣпко былъ привинченъ, и пропади вмѣстѣ и съ куркомъ. А къ вящему нещастію, и искать его способа не было: я не только, чтобъ искать, но боялся и сказывать о томъ наилутчимъ своимъ пріятелямъ, но внутренно только досадовалъ и самъ себѣ смѣялся, говоря: «Изрядной, право, я воинъ! да и курокъ-то проклятой нашолъ время пропасть. Тутъ-то его нелегкое и снесло долой, когда онъ всего былъ надобнѣе!» — Но по



щастію всѣхъ хлопотъ я избавился: дѣло прошло безъ драки, а безкурочнаго моего ружья никто не примѣтилъ. Мы возвратились благополучно, а къ утрему поспѣлъ къ ружью моему другой курокъ. Эту честь могу я отдать исправности полковыхъ шлесарей. Истинно чрезъ часъ придѣлали они къ нему совсѣмъ новой, и я не стыдился уже показаться передъ фрунтомъ, а потерянной оставилъ спокойно лежать на поляхъ Егерсдорфскихъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и увѣривъ васъ о моей дружбѣ, остаюсь и протчая.

ВТОРАЯ ТРЕВОГА.

Письмо 45.

Любезной пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ описалъ я вамъ первое наше пріуготовленіе къ баталіи, а теперь опишу второе. Не шутите вы ею! Какова она ни была, но, довольно, двое сутокъ прошло въ однихъ пріуготовленіяхъ къ оной! Надобно уже ей, конечно, быть чрезвычайной. Она чрезвычайна и была, любезной пріятель, какъ вы то сами изъ описанія оной послѣ сами и увидите; но я, оставя посторонности, приступлю къ дѣлу.

Ночь подъ осьмое-на-десять число августа препровождали мы въ прежнемъ лагерѣ благополучно и въ возжделѣннѣйшемъ спокойствіи. Все было тихо и смирно, и никто не помышлялъ о непріятелѣ. Что будетъ въ послѣдующей день, того никто не вѣдалъ и утро не оказывало намъ ничего чрезвычайнаго. Поутру били не генеральной маршъ, а зорю, а сіе и доказывало уже намъ, что и сей день въ походъ мы не пойдемъ, а будемъ стоять на томъ же мѣстѣ. Сія тишина и спокойствіе продолжалось даже до двѣнатцатаго часа и мы, думая что и во весь день ничего не будетъ, расположились уже препровождать его въ разныхъ увеселеніяхъ, какъ вдругъ нечаянной пушечной выстрѣлъ нарушилъ наше спокойствіе и обратилъ къ себѣ наше вниманіе. Сіе случилось, какъ теперь помню, въ то самое время, какъ мы съ компаніо-

номъ моимъ сѣли обѣдать, ибо надобно знать, что незадолго до сего времяни сдружился я особливымъ образомъ съ капитаномъ сосѣдственной со мною второйна-десять роты, Алексѣемъ Дмитріевичемъ Вельяминовымъ, человѣкомъ свѣтскимъ, весьма разумнымъ, меня отмѣнно любящимъ, и притомъ землякомъ, ибо онъ былъ чернской помѣщикъ, въ которомъ уѣздѣ имѣлъ и я одну деревнишку. Любя меня, давно уже старался онъ меня убѣдить къ тому, чтобъ намъ ѣсть вмѣстѣ; а какъ онъ имѣлъ у себя повара и ѣдалъ хорошо, то наконецъ я охотно на то и согласился, и съ того времяни, во все достальное время сего похода, жили мы съ нимъ какъ родные братья и не только ѣдали вмѣстѣ, но и спали въ одной палаткѣ. Съ симъ-то моимъ другомъ и компаніономъ не успѣли мы тогда сѣсть обѣдать, какъ услышали помянутой выстрѣлъ, и мы говорили еще тогда:—«Ахти! не тревога ли уже опять: не дадутъ намъ и пообѣдать». Но совсѣмъ тѣмъ первымъ симъ еще сигналомъ не гораздо мы еще встревожились и продолжали обѣдать; но не успѣли мы приняться за ложки, какъ послѣдовалъ другой, а вскорѣ послѣ того и третей выстрѣлъ. Тогда некогда было долго думать, ложки попадали у насъ изъ рукъ, и мы, бросивъ ѣсть, спѣшили скорѣе одѣваться, и хвататься за оружіе, и надѣвать на себя наши знаки и шарфы. Шумъ и смятеніе по всему лагерю былъ уже слышанъ. Повсюду началось бѣганіе, крикъ и понужденіе. Иной стоялъ уже въ своемъ мѣстѣ передъ фрунтомъ, другой бѣжалъ туда становиться, третей хватался еще за оружіе и надѣвалъ на себя военные снаряды; иной отлучался куда-нибудь, бѣжалъ еще опрометью, неодѣтой, въ палатку, и спѣшилъ одѣваться и поспѣть иттить вмѣстѣ умирать съ своими товарищами. Голось и крикъ начальниковъ и полководцовъ, скачущихъ и разъѣжжающихъ передъ полками, повсюду былъ слышанъ и возбуждалъ храбрость и мужество въ сердцахъ воиновъ. Земля стонала отъ тяжести огнестрѣльныхъ орудій, везомыхъ множествомъ лошадей, и эхо раздавалось только по стоящему противъ насъ лѣсу, отъ крика погонщиковъ и фурлейтовъ, понуждающихъ коней везти скорѣй пагубныя орудія, приготовленныя для пораженія непріятеля. Однимъ словомъ, все находилось въ движеніи и представляло для глазъ воина пріятное зрѣлище.

Неуспѣли мы съ полками выттить передъ фрунтъ и построиться, какъ увидѣли уже главныхъ нашихъ полководцовъ, ѣдущихъ съ великою свитою мимо полковъ нашихъ. Нельзя было великолѣпнѣе быть свиты нашего главнаго предводителя. Окруженъ будучи великимъ множествомъ другихъ высокихъ и нижнихъ начальниковъ, генераловъ и офицеровъ, съ великою пышностію ѣхалъ онъ предводительствовать арміею и распоряжать судьбинами столь многихъ тысячъ народа. Гордой и драгоцѣнной и богатымъ убранствомъ украшенной конь, прыгая, игралъ ногами, везя на себѣ сего военноначальника; множество другихъ коней подъ богатыми попонами слѣдовали за нимъ заводными. Наконецъ, цѣлыя толпы гусаръ и чугуевскихъ казаковъ прикрывали сіе пышное и великолѣпное шествіе: они назначены были тѣлохранителями нашего предводителя и слѣдовали за нимъ повсюду.

Вскорѣ послѣ сего повели наши полки съ распущенными знаменами опять на то же мѣсто, куда наканунѣ сего дня мы выходили; но выводили уже не одну первую дивизію и нашъ авантгардной корпусъ, но всю армію. Сіе могли мы потому заключить, что какъ полку нашему случилось стоять въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ и проходѣ, то всѣ полки, и конные и пѣшіе, съ знаменами и орудіями своими принуждены были иттить мимо насъ и проходить сею тѣсною дифилеею на пространное Егерсдорфское поле. Тамъ строены они уже были порядочнымъ образомъ въ двѣ линіи въ ордеръ баталіи, а насъ повели уже послѣ всѣхъ, ибо мы назначены были прикрывать лѣвое крыло обѣихъ линей, и насъ поставили поперекъ обѣихъ линей. Какое зрѣлище представи-

лось намъ вдругъ, когда мы, изъ тѣсноты лагеря выдравшись, вышли на пригорокъ, съ котораго вся окрестность поля была видима! Цѣлая половина онаго, лежащая къ намъ и къ лѣсу, покрыта была многочисленнымъ народомъ. Фрунты обѣихъ линій были между собою на знатное разстояніе, и въ длину простирались такъ далеко, что конца онымъ не можно было никакъ видѣть. Одни только знамены развѣвали и разноцвѣтностію своею пестрѣлись, и украшали тѣмъ наиболѣе прекрасное сіе зрѣлище. Вся пустота между обѣими линіями наполнена была множествомъ народа. Какъ обѣ линіи стояли неподвижно, какъ стѣны, такъ, напротивъ того, оживотворенъ былъ народъ, находящейся между оными. Тутъ видно только было одно скаканіе конницы, командировъ, адъютантовъ и ординарцовъ и войска взадъ и впередъ, пушекъ и ихъ ящиковъ и снарядовъ. Всѣ военноначальники суетились и старались распорядить и разставить все, гдѣ что надобно, и раздать нужные приказы, какъ поступать во время сраженія: всѣ онаго безсомнѣнно ожидали. День случился тогда самой красной и погода наивожделѣннѣйшая, и одинъ блескъ оружія въ состояніи уже былъ возбудить охоту къ сраженію.

Нельзя было полезнѣе и лутче быть тогдашней позиціи нашей арміи и расположенію нашего строя, ибо представьте себѣ, любезной пріятель, что помянутое Егерсдорфское поле не все такъ ровно, чтобъ могло горизонтальнымъ назваться: находилось къ нашей сторонѣ на ономъ небольшое возвышеніе. Сія высота начиналась отъ широкой лощины или суходола, находящагося между обѣими деревнями, и простиралась до самаго того лѣса, позади котораго стоялъ лагерь нашей арміи. Она занимала довольно много мѣста и командовала всѣмъ пространствомъ Егерсдорфскаго поля. На семъ-то возвышеніи или пологомъ пригоркѣ построилась наша армія въ ордеръ баталіи и имѣла довольно мѣста по желанію умѣститься. Весь фрунтъ ея или лицо было прикрыто помянутымъ суходоломъ или небольшою широкою лощиною, сквозь которую протекалъ малой, но вязкой и топкой ручей, а весь задъ или тылъ—высокимъ и густымъ лѣсомъ, такъ что сзади не можно было имѣть никакой опасности. Лѣвымъ своимъ крыломъ примкнула она къ одной изъ вышеупомянутыхъ деревень, находящихся посреди поля и весьма въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, а правое было ли чѣмъ прикрыто или нѣтъ, того не можно было мнѣ видѣть; да хотя-бъ оно отъ натуры и ничѣмъ было не прикрыто, такъ прикрывало оное довольное число конныхъ и пѣшихъ войскъ съ цѣлою колонною артилеріи. Однимъ словомъ, позиція арміи была наивозможделѣннѣйшая и такова, что всякой могъ заключить, что заняла она весьма выгодное мѣсто. Но чтобъ могли вы яснѣе видѣть сей ордеръ баталіи, то изображу вамъ оной нарочнымъ рисункомъ (?).

Симъ образомъ надосугѣ построившись и распорядивъ, что надобно, дожидались мы съ неустрашимостію непріятеля и ежеминутно надѣялись, что онъ изъ лѣса, находящагося противъ насъ, выйдетъ и учинитъ на насъ нападеніе. Однако щотъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина. Мы сколько ни дожидались и сколько, обращая глаза свои въ ту сторону, откуда ждали непріятеля, ни смотрѣли, но не могли увидѣть и признака онаго; а таковы-жъ тщетны были и всѣ наши провѣдыванія у пріѣжающихъ къ намъ съ праваго фланга. Мы хотя у всякова изъ нихъ спрашивали: «идетъ ли непріятель? показался ли онъ уже изъ лѣса? не видать ли онаго?»—но всѣ отвѣтствовали что нѣтъ и что сами они всѣ глаза свои уже просмотрѣли. Словомъ, все ожиданіе наше было напрасно. Непріятельскіе полководцы не таковы были глупы, какъ мы думали; они вѣдали довольно свое противъ насъ безсиліе и великое превосходство нашей силы противъ ихъ и далеко были отъ того удалены, чтобъ насъ, столь выгодно построившихся, атаковать посреди бѣлаго дня и съ столь очевидною для себя опасностію; но паче довольствовались тѣмъ, что мы имъ себя симъ обра-

зомъ показали и они могли всю нашу силу какъ на ладони видѣть и разсмотрѣть. Сверхъ того, было имъ съ нами дѣло начать еще и некогда: они, какъ мы послѣ узнали, еще въ тотъ только день пришли отъ Велавы въ занятой позади лѣса лагерь и посылали нашу армію только подсматривать. О семъ рекогносцированіи пишутъ непріятели въ своихъ реляціяхъ, яко бы посланъ былъ отъ нихъ генералъ-порутчикъ Шорлемеръ съ 20-ю ескадронами гусаровъ и съ 20-ю ескадронами драгунъ; однако мы толикаго числа войска не видали, а намъ сказывали послѣ, что въ сей день рекогносцировалъ только нашъ станъ и армію прусской генералъ-порутчикъ графъ Дона съ небольшимъ прикрытіемъ, ибо сей почитался у нихъ лутчимъ генераломъ; нашимъ же полководцамъ, или паче отводнымъ карауламъ, показалось, что то уже и вся армія, и сіе самое было притчиною нашей трусости и поспѣшнаго выхода изъ лагеря.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не могли мы, на все наше ожиданіе несмотря, увидѣть предъ собою непріятеля. Уже стояли мы болѣе двухъ часовъ; уже день началъ склоняться къ вечеру, а непріятельской арміи и въ появѣ не было, а все, что могли мы только слышать, состояло въ томъ, что вдали между казаками нашими и непріятелемъ происходила небольшая перестрѣлка, по которымъ онъ изъ лѣса производилъ иногда ружейную, иногда пушечную пальбу, и сіи, можетъ быть, были тѣ, которые отъ насъ посланы были распровѣдывать о непріятелѣ.

Наконецъ увидѣли наши полководцы, что мы стоимъ попустому и ничего не дождемся; чего ради, выстрѣливши нѣсколько разъ изъ большой пушки въ лѣсъ и бросивъ туда нѣсколько бомбъ изъ гоубицъ, можетъ быть по показавшимся непріятелямъ, и сожегши находящуюся подъ лѣсомъ предъ арміею вдали деревню, распустили наши полки опять обратно въ лагерь. Мы не знали и не могли понимать, что-бъ это значило и покуда насъ симъ образомъ водить и непріятелямъ показывать станутъ.

Смеркаться уже тогда почти начало, какъ мы возвратились въ свои палатки, и тогда впервые мы услышали сигнальной вечерней пушечной выстрѣлъ въ непріятельскомъ лагерѣ для битья зори; и какъ онъ довольно громко былъ слышанъ, то могли мы заключить, что непріятельской лагерь находится уже не далеко отъ нашего, а немного погодя, весьма явственно услышали мы, какъ у него и зорю били.

Не могу довольно изобразить, съ какими разными душевными чувствіями слушали мы сей звукъ непріятельскихъ барабановъ; никогда еще до сего времяни не случалось намъ ево слышать. Съ великимъ любопытствомъ устремлялъ каждой свой слухъ для вниманія онаго, и какъ столь вѣрное, явное доказательство близости непріятельской арміи не дозволяло намъ никакъ уже сомнѣваться, что на другой день послѣ сего воспослѣдуетъ у насъ съ нимъ баталія, то многіе слушали біеніе зори сей, а вскорѣ потомъ и нашей, съ отмѣннымъ удовольствіемъ и безъ всякаго смущенія, но радуясь, что вскорѣ имѣть будутъ дѣло съ непріятелемъ, и притомъ удобной случай къ оказанію своей храбрости и мужества, а другіе, напротивъ того, занимались тогда другими мыслями.

«Ну, братцы!» говорили тогда иные, «видно теперь уже по всему, что доходитъ у насъ дѣло до драки,—безсомнѣнно завтре у насъ она будетъ! Кому-то поможетъ Богъ одолѣть своего недруга? Мы хотя и льстимся надеждою, что побѣдимъ прусаковъ, но не въ диковинку и такіе примѣры въ свѣтѣ, что и маленькія арміи разбивали большія. Неуслышь, Боже чтобъ несчастіе таковое случилось съ нами!»—«Да! — подхватывали иные—все сіе возможное дѣло; но какъ бы то ни было и кому бы Богъ ни помогъ, но то досто вѣрно, что съ обѣихъ сторонъ будетъ н безъ урона. Многіе отправятся при семъ случаѣ на тотъ свѣтъ. И кому-то и ком назначено судьбою положить здѣсь свои голову!»—«Да!—продолжали другіе: многі изъ насъ вѣрно не увидятъ болѣе уж

захожденія солнечнаго и слышутъ теперь въ послѣдней уже разъ біемую вечернею зорю! Завтре, около сего времяни, лежать уже они будутъ бездыханны и съ охладѣвшею уже кровію! Но кому-то и кому нужно быть въ числѣ оныхъ? Все это закрыто отъ насъ непроницаемою завѣсою, и все составляетъ ужасную неизвѣстность!»—«Да! — отвѣтствовали иные: неизвѣстно и то, кому-то и кому случится при томъ и навѣкъ изуродовану быть, и потерять либо руку, либо ногу, либо такъ разстрѣляну и изранену быть, что навѣкъ пойдетъ онъ калѣкою и уродомъ. Щастливъ тотъ будетъ, кто отдѣлается отъ всего того удачно, и останется и живъ и совсѣмъ уцѣлѣвшимъ.»—Симъ и подобнымъ сему образомъ разговаривали тогда между собою многіе, и необыкновенность всѣхъ къ огню и небывалость никогда еще на сраженіяхъ производила во многихъ таковыя чувствія и помышленія. Но были многіе и такіе, кои всѣ предстоящія опасности ни мало не уважали, но съ мужественнымъ духомъ, и позабывая все, готовились на сраженіе, какъ на нѣкое увеселительное пиршество.

Не успѣли у насъ пробить зори и не успѣло смеркнуться, какъ здѣлался такой густой туманъ, или паче дымъ, какого я отъ-роду не видывалъ. Вдругъ здѣлалось такъ темно, что, несмотря на свѣтлой лѣтней вечеръ, не можно было и за десять саженъ ничего видѣть. Мы дивились сему чудному метеору и тѣмъ наипаче, что до того времяни такихъ тумановъ тутъ не видывали. Однако туманъ сей недолго продолжался; чрезъ часъ разошолся онъ опять и стало свѣтло.

Тогда розданъ былъ во всей арміи приказъ, чтобъ солдатъ всѣхъ вывесть во фрунтъ и чтобъ полки всѣ въ ружьѣ ночевали, снабдивъ себя напередъ провіантомъ на трои сутки. Чудно намъ сіе было, и мы не могли понимать, что-бъ это значило; всѣ только заключали, что, конечно, намъ наутріе въ походъ иттить будетъ должно, и потому каждой изъ насъ помышлялъ о томъ, какъ бы запастись на легкую руку пищею. По щастію, не было въ съѣстныхъ припасахъ у насъ тогда оскудѣнія. Пара гусей тотчасъ была зажарена и окорокъ ветчины сваренъ. Кису полную мнѣ набили, и мы надѣялись, что всего того и на пять дней съ насъ будетъ. Приготовившись симъ образомъ, и ночевали мы въ ружьѣ.—Симъ окончу я свое письмо и сказавъ вамъ, что я есмь и протчая.

ТРЕВОГА.

Письмо 46.

Любезной пріятель! Теперь достигъ уже я до того пункта времяни, которой былъ всей нашей кампаніи сего года рѣшительнымъ, то есть до 19 числа августа, которой день, бывшею въ оной баталіею, здѣлался знаменитымъ и достопамятнымъ. Для меня онъ былъ тѣмъ особливаго примѣчанія достоинъ, что онъ былъ одинъ только сего рода, какой по сіе время въ жизнь мою случился, и какой мнѣ случай допустилъ видѣть; почему и желалъ бы я вамъ, любезной пріятель, баталію сію описать наточнѣйшимъ образомъ, но не уповаю, чтобъ къ тому силъ моихъ было довольно.

Но прежде, нежели начну описывать самую баталію, надлежитъ мнѣ вамъ рас-

толковать причину отданнаго наканунѣ дня сего въ арміи приказа, которой намъ столь непонятнымъ казался. Предводители наши, возвратившись съ полками въ лагерь, собрали военной совѣтъ и разсуждали, что̀ дѣлать. Всѣ единогласно въ томъ согласовались, что непріятель, по всему видимому, не хочетъ дать баталіи и боится показаться въ полѣ, а старается только заградить намъ путь къ дальнѣйшему походу, занявъ самую тѣсную дефилею, и всѣмъ тѣмъ воспрепятствовать, чтобъ мы его не обошли мимо и не прошли прямо съ арміею къ Кёнигсбергу; другіе, напротивъ того, догадывались и говорили, что непріятель можетъ быть ожидаетъ отъ насъ атаки. Но всѣ таковыя сужденія были неосновательны, какъ то изъ послѣдствія окажется. Однако предводители наши тогда, предполагая все сіе, заключали, что другого не оставалось, какъ только, чтобъ иттить намъ къ нему на встрѣчу и принудить дать баталію. Но тутъ здѣлался вопросъ: куда и какими мѣстами до него иттить? Прямо чрезъ Егерсдорфское поле и ближайшимъ путемъ къ нему иттить была сущая невозможность: онъ стоялъ съ арміею своею за густымъ и большимъ лѣсомъ, будучи имъ совершенно прикрытъ, а сквозь лѣсъ сей не было иного прохода, кромѣ одной узкой и тѣсной дороги, а и оная уже была прускими войсками занята; слѣдовательно, тутъ атаковать никоимъ образомъ было не можно, кругомъ же помянутаго лѣса обходить было очень далеко. Но какъ другого не оставалось, а захотѣлось поспѣшить, то и опредѣлили, чтобъ обходить дальней и тотъ лѣсъ кругомъ съ лѣвой стороны, за которымъ стоялъ непріятель, и обратить чрезъ то къ себѣ на встрѣчу непріятеля. Но какъ къ сему обходу неинако, какъ нѣсколько дней употребить надлежало, а притомъ и иттить надобно было дурными дорогами и тѣсными проходами, то заблагоразсуждено тяжелой свой обозъ оставить тутъ на мѣстѣ, а съ собою взять одинъ только легкой и необходимой, и собраться какъ можно на-легкѣ. Наконецъ положили, чтобъ симъ предпріятіемъ не мѣшкать, дабы не дать времяни непріятелю занять и послѣдніе проходы, и для того опредѣлили къ тому помянутое 19-е число августа, положивъ выступить въ походъ съ разсвѣтаніемъ дня; а для самаго того и отданъ былъ приказъ, чтобъ взять съ собою провіанта на трои сутки, быть къ походу совсѣмъ въ готовности и ночевать въ ружьѣ передъ фрунтомъ.

Таковыя-то распоряженія были съ нашей стороны. Но судьбѣ было совсѣмъ инако угодно. Замыслы и намѣренія наши уничтожены, и произошло совсѣмъ иное; ибо между тѣмъ, какъ мы симъ образомъ о средствахъ мыслили и совѣщались, какими-бъ трусливаго непріятеля къ баталіи принудить, у него, напротивъ того, трусости и въ завѣтѣ не раживалось. Онъ былъ едва ли не смѣлѣе нашего и положилъ, не упуская времяни, насъ самъ атаковать. Прусаки давно славились тѣмъ, что они умѣютъ пользоваться времянами и случаями, и чрезъ самое сіе искуство часто малыми людьми великія арміи разбивали. Сію хитрость думали они и въ семъ случаѣ употребить, и недостатокъ своихъ силъ наградить проворствомъ и отважностію. Имъ довольно было свѣдомо, въ какомъ тѣсномъ, хотя весьма и выгодномъ мѣстѣ стоитъ наша армія, а можетъ быть не неизвѣстно было имъ и то нестроеніе, въ какомъ тогда находились наши генералы и предводители. Самое намѣреніе наше обходить кругомъ и выступить въ походъ можетъ быть какимъ-нибудь образомъ они свѣдали, и потому, недолго думая, положили пользоваться симъ случаемъ и напасть на насъ въ самой расплохъ и въ то время, когда армія только-что тронется съ мѣста, дабы воспользоваться нашимъ замѣшательствомъ, и, не выпустивъ насъ вонъ изъ нашей норы, передушить какъ куръ. Которое намѣреніе они и произвели съ довольно-хорошимъ успѣхомъ, какъ то изъ послѣдствія окажется.

Симъ образомъ сплетаемы были для насъ сѣти, а мы, ни мало не вѣдая, спали себѣ и почивали спокойно. Наконецъ, ба-

гряная заря начала мало по-малу освѣщать горизонтъ и предвозвѣщать намъ день наипрекраснѣйшей. Бывшей передъ утромъ опять сильной туманъ началъ расходиться и воздухъ начиналъ быть тонкимъ и прозрачнымъ: солнце, выбѣжавъ изъ-за горъ, освѣтило уже весь нашъ горизонтъ, какъ громкой пушечной сигнальной выстрѣлъ, пресѣкши нашъ сладкой сонъ, привелъ всю армію въ движеніе. Мы слушали съ любопытнымъ ухомъ, что станутъ бить: зорю ли, или генеральной маршъ, и услышавъ сей послѣдней тотчасъ стали спѣшить готовиться къ походу. Немного погодя пробили: «на воза», почему сняты были тотчасъ всѣ палатки, запряжены лошади въ повозки, и обозы, нимало не медля, по обыкновенію своему, тронулись въ путь свой. Теперь припомните, любезной пріятель, одно сказанное мною вамъ обстоятельство, что выходъ и выѣздъ изъ того мѣста, гдѣ армія расположена была лагеремъ, былъ только въ одномъ томъ узкомъ прогалкѣ, гдѣ стоялъ нашъ авантгардной корпусъ и вторая дивизія; а какъ и нашему походу надлежало простираться въ сію сторону, то натурально, обозы всей арміи, тронувшись въ путь, свалились къ сему мѣсту и произвели тѣсноту наивеличайшею. Къ вящему нещастію случилась впереди сей тѣсной *дефилеи* вязкая и грязная ручьевина, а именно самая та, которая, разрѣзая Егерсдорфское поле и проходя между обѣихъ деревень Егерсдорфовъ, шла впадать въ крутой буеракъ, позади арміи находящейся. Чрезъ сію ручьевину должны были перебираться передовые обозы, а какъ, натурально, получили они чрезъ то небольшую остановку, то тѣснота и замѣшательство въ заднихъ дѣлалась еще больше. Всѣ повозки тѣснились между собою, и каждая старалась подвигаться впередъ и выпереживать другую; но какъ переднія принуждены были останавливаться, то и здѣлалась такая тѣснота, что между телѣгами и повозками съ великою нуждою пѣшему пробраться было можно. Все было тутъ смѣшено: и артилерія съ ея ящиками и снарядами, и полковые обозы, и генеральскіе екипажи, и офицерскія и солдатскія повозки, отчего наиболѣе и дѣлалось замѣшательство. Самые полки тронуты были уже съ своихъ мѣстъ и въ разныхъ мѣстахъ кучками между обозами стѣснены были, что все приумножило еще тѣсноту и замѣшательство, которое и безъ того всегда бываетъ, когда армія выступаетъ изъ лагеря въ походъ свой.

Въ самое сіе время, въ самое то время, когда наипущее замѣшательство происходило, и войски съ обозами вышеупомянутымъ образомъ были перемѣшаны, и послѣдними вся узкая прогалина, которою главной арміи выходить надлежало, такъ была набита, что ни проходу, ни проѣзда не было — въ самое сіе время, говорю, вдругъ сперва тихая молва по всему войску и обозамъ разноситься начала, что непріятель наступаетъ и уже близко, но тотчасъ обратилась она въ общей шумъ и повсюду слышанъ былъ уже крикъ — «непріятель! непріятель!» и увѣреніе, что онъ уже очень близко; но прямо никто не зналъ. Иной говорилъ, что онъ показался на полѣ, другой утверждалъ, что онъ прошелъ уже деревни; третей говорилъ, что онъ въ самыхъ уже обозахъ, и такъ далѣе. Всякой толковалъ такъ, какъ ему хотѣлось, и прибавлялъ для устрашенія другихъ то, что ему угодно было; а другой не зналъ, что заключать и которой слухъ почитать справедливѣйшимъ.

Но недолго находились мы въ сей неизвѣстности—минуты чрезъ три получили мы хорошее тому подтвержденіе. Впереди всего сего узкаго мѣста, вправо, гдѣ оное съ Егерсдорфскимъ полемъ смыкалось, стоялъ у насъ второй Московской полкъ лагеремъ, занимая весь входъ на помянутое поле; и какъ онъ прикрывалъ весь нашъ бывшей лагерь, то для лутчаго укрѣпленія и прикрытія сего мѣста присоединена была къ нему небольшая колонна артилеріи и поставлена для всякаго случая предъ онымъ. Сей полкъ былъ первой, которой вдругъ увидѣлъ тогда непріятеля и, что удивительнѣе всего, находящагося уже предъ собою.

Не знаю уже я, не знали мы тогда и всѣ, и вы судите и разбирайте сами, какимъ это образомъ здѣлалось, что мы, на всю нашу прежнюю осторожность и на все великое множество нашихъ легкихъ войскъ, стрегущихъ армію, несмотря, не видали того, какъ непріятель сквозь свой дальней лѣсъ прошолъ, какъ на поле вышелъ и какъ все пространное и версты на четыре поперекъ простирающееся Егерсдорфское поле перешолъ, и какимъ образомъ это здѣлалось, что мы его не прежде увидѣли, какъ когда онъ уже у насъ почти на шею сѣлъ. Чудное поистинѣ это было и непонятное дѣло! Будучи верстъ за двѣсте отъ непріятеля, имѣли мы величайшія и такія предосторожности, какъ бы непріятель въ двухъ или въ трехъ верстахъ былъ, и на бекетахъ всѣхъ насъ замучили; а когда непріятель въ самомъ дѣлѣ въ такой близости былъ, тогда у насъ глаза власно какъ завязаны были, и мы, по пословицѣ говоря, «не видали, въ какъ въ глазахъ у насъ овинъ сгорѣлъ». Однимъ словомъ, это дѣло было непонятное, и я не утверждаю, и не могу утверждать, а только скажу, что послѣ носилась въ арміи молва, будто бы предводителямъ нашимъ еще до свѣта, и тогда, когда армія еще въ покоѣ находилась, неоднократно было доносимо, что непріятель, вышедши на поле, къ намъ придвигается, но тому не хотѣли будто вѣрить, почитая то враками и невозможнымъ дѣломъ, а особливо, по мудрому убѣжденію консистента и помощника фельдмаршала, вышеупомянутаго генерала Ливена. Но подлинно ли сіе такъ было, того истинно не знаю, ибо маленькому такому человѣку, каковымъ былъ я, и знать было не можно.

Но какъ то ни было, но непріятель засталъ насъ въ такомъ расплохѣ, въ какомъ лутче требовать и желать ему было не можно. Помянутой второй Московской полкъ не прежде его увидѣлъ, какъ на такое уже разстояніе, что могли до него доставать пушки, почему изъ находящейся предъ нимъ нашей батареи того момента и началась по непріятелю канонада, которая и подтвердила намъ, что слухъ о непріятелѣ справедливъ и что онъ находится отъ насъ въ близкомъ уже разстояніи.

Боже мой! какое здѣлалось тогда во всей нашей арміи и обозахъ смятеніе! Какой поднялся вопль, какой шумъ и какая началась скачка и какая безпорядица! Индѣ слышанъ былъ крикъ: «сюда! сюда артилерію!» въ другомъ мѣстѣ кричали: «конницу, конницу скорѣе сюда посылайте!» Индѣ кричали: «обозы прочь! прочь! назадъ! назадъ! назадъ!» Однимъ словомъ, весь воздухъ наполнился воплемъ вѣстниковъ и повелителей, а того болѣе — фурмановъ и правящихъ повозками. Сіи только и знали, что кричали: «ну! ну! ну!» и погоняли лошадей, везущихъ всякія тягости. Словомъ, было и прежде уже хорошее замѣшательство, а при такой нечаянной тревогѣ здѣлалось оно совсѣмъ неописаннымъ. Весь народъ смутился и не зналъ, что̀ дѣлать и предпринимать. Самые командиры и предводители наши потеряли весь порядокъ разсужденія и совались повсюду безъ памяти, не зная, что дѣлать и предпринимать. Случай таковой для самихъ ихъ былъ еще первой, и ктому-жъ, по нещастію, такой нечаянной и смутной, а они всѣ были люди еще необыкновенные. Никогда не видывалъ я ихъ въ такомъ безпорядкѣ, какъ въ то время. Иной скакалъ безъ памяти, и съ помертвѣлымъ лицомъ кричалъ и приказывалъ, самъ не зная что; другой отгонялъ самъ обозы, ругалъ и билъ извощиковъ; третей, схватя пушку, скакалъ съ нею самъ, сколько у лошади силы было. Иной, подхватя которой-нибудь полкъ, продирался съ нимъ сквозь обозъ, перелазивая чрезъ телѣги и фургоны, ведя его куда самъ не вѣдая... Однимъ словомъ, все находилось въ превеличайшемъ замѣшательствѣ и безпорядкѣ, да и можно ли инако было быть, когда не знали, ни то армію строить въ порядокъ, ни то отъ наступающаго уже непріятеля обороняться — толь близко былъ уже онъ подлѣ насъ.

При такихъ обстоятельствахъ можно

ли было ожидать, чтобъ наша армія могла быть въ порядочной ордеръ баталіи построена, и учинить порядочной отпоръ непріятелю? Всѣ почти полки, или большая часть оныхъ находилась за лѣсомъ и за обозомъ, и всѣ не могли никоимъ образомъ сквозь оной продраться, а сквозь лѣсъ пройтить за густотою онаго не было также способа. Такимъ образомъ принуждены они были стоять поджавъ руки и дожидаться, покуда прочистятъ для нихъ дорогу; но сего учинить за тогдашнимъ замѣшательствомъ и за тѣснотою мѣста не было возможности. Одна только вторая дивизія, бывшая подъ командою добродѣтельнаго генералъ-аншефа Лопухина, по случаю, что она лагеремъ стояла въ самой прогалинѣ и ближе всѣхъ къ полю, могла нѣкоторымъ образомъ имѣть движеніе, но и ее полкамъ прямо иттить никакъ было не можно, а они принуждены были иттить по рядамъ, и симъ образомъ выходя изъ прогалины вправо, тянуться подлѣ самаго лѣса, ибо далѣе въ пространное поле подаваться за близостію непріятеля было уже не можно.

Строются ли когда-нибудь такъ арміи въ ордеръ баталіи? Но нужда чего не дѣлаетъ! Мы ради-бъ были, хотя бы симъ образомъ удалось намъ изъ-за лѣса и обозовъ выдраться. Однако мы и сего послѣдняго способа скоро лишились.

Теперь скажу вамъ, любезной пріятель, куда собственно я въ семъ замѣшательствѣ попался и что со мною происходило. Нашъ полкъ, какъ я вамъ прежде сказывалъ, находился въ авангардномъ или передовомъ корпусѣ, съ нѣкоторыми другими таковыми-жъ малолюдными, какъ и нашъ, полками. Какъ мы стояли почти на самомъ переду и назначены были для прикрытія во время похода обозовъ, то и тронуты мы были прежде всѣхъ протчихъ полковъ съ мѣста, и находились тогда около самой той ручьевины, окружены будучи со всѣхъ сторонъ множествомъ обозовъ, какъ началась съ нашей и съ непріятельской стороны вышеупомянутая стрѣльба изъ пушекъ, и нѣкоторые изъ непріятельскихъ ядеръ по обозамъ шуркать, свистѣть, и все, что ни попадало навстрѣчу, ломать и коверкать начали. Явленіе сіе было для насъ еще новое и до того невиданное. Мы остановились, сіе услышавши и ожидали повелѣнія, куда намъ иттить велятъ: впередъ ли по тракту, или вправо къ тому мѣсту, гдѣ уже стрѣльба производилась. Немного погодя прискакалъ къ намъ, не помню, какой-то генералъ и, подхватя, повелъ чрезъ ручей впередъ сквозь всѣ обозы, заставливая продираться всячески сквозь оные, и гдѣ нельзя, то перелѣзать чрезъ фуры и повозки.

Теперь остановлюсь я на минуту и скажу, что какъ при семъ шествіи намъ впередъ ничего было не видно за обозами, и мы за вѣрное полагали, что, выдравшись изъ оныхъ, наткнемся мы прямо на стоящаго уже въ готовности непріятеля и тотчасъ съ нимъ вступимъ въ кровопролитное сраженіе, то минуты, въ которыя мы помянутымъ образомъ шли и сквозь обозы продирались, были для насъ самыя критическія. Достовѣрность о близости непріятеля, звукъ стрѣльбы пушечной, слышимой въ самой уже близи, и ядры непріятельскія, летающія уже по обозамъ, не давали намъ сомнѣваться въ томъ, что чрезъ нѣсколько минутъ начнемъ и мы уже стрѣлять и сражаться съ непріятелемъ; а небывальщина въ такихъ случаяхъ и мысль, что коса смертная распростерта была уже надъ всякимъ и готова была къ пораженію многихъ, и что тогдашнія минуты были для многихъ послѣднія уже въ жизни, — приводила всю душу въ такую разстройку и всѣ мысли въ такое смятеніе и замѣшательство, что тогдашнее душевное состояніе не можно никакъ изобразить словами, ибо въ минуту сію дѣйствовали въ ней не однѣ, а многія силы и пристрастія вдругъ; и истинно сказать не можно: боязнь ли, сродная всѣмъ человѣкамъ, болѣе всѣми душевными силами тогда обладала, или досада и негодованіе на видимой тогда повсюду безпорядокъ и замѣшательство и производимое самымъ тѣмъ рвеніе и желаніе иттить скорѣе и

отбивать непріятеля—совсѣмъ тѣмъ нельзя не признаться, что сердце у всякаго было тогда не на своемъ мѣстѣ, но трепетало нарочито чувствительно съ перемежающимся то и дѣло замираніемъ. Однако и то въ засвидѣтельствованіе истины сказать надобно, что все сіе первое и прямо словами неудобь-изобразимое ужасеніе чувствовали мы только съ самаго начала и до тѣхъ только поръ, покуда не вышли на поле и не увидѣли непріятеля. А тамъ я не знаю, отъ того ли, что человѣкъ находится уже власно какъ въ отчаяніи и окаменѣлости, или отъ того, что онъ находится не одинъ, а со множествомъ другихъ, не чувствуетъ онъ и далеко такова страха и боязни, какой чувствовать бы по природѣ и по существенной опасности и важности случая надлежало, но бываетъ уже гораздо бодрѣе и спокойнѣе духомъ.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія; теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, продравшись сквозь обозы и вышедши на свободу, увидѣли мы протчіе полки нашего авангарднаго корпуса, строющіеся въ правой у насъ рукѣ въ одну линію. Намъ велѣли примкнуть къ онымъ, а къ намъ стали примыкать и достальные полки нашего корпуса.

Такимъ образомъ, попались мы совсѣмъ въ другое уже мѣсто, нежели гдѣ накануне сего дня намъ стоять случилось. И, по щастію, такъ трафилось, что мѣсто сіе было напрекраснѣйшее, а что всего еще лучше, самое безопаснѣйшее; на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ полку нашему стать довелось, случился небольшой холмъ или пригорокъ, съ котораго все пространство Егерсдорфскаго поля было видимо. Неуспѣли мы на оной взойтить и осмотрѣться, какъ вся пруская армія намъ какъ на ладони представилась. Мы увидѣли, что находилась она почти на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ накануне того дня мы построены были, и первая ея линея стояла точно въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояла наша первая линея, а вторая противъ деревни Клейнъ-Егерсдорфа, и обѣ ея линіи были къ тому мѣсту концами, гдѣ мы стояли, такъ что намъ вдоль обѣихъ оныхъ можно было видѣть. Къ вящему удовольствію, видно намъ было и все то мѣсто, гдѣ строилась и наша армія, ибо мы случились со всѣмъ своимъ корпусомъ стоять на лѣвомъ крылѣ своей, или, лутче сказать, во флангѣ обѣихъ армій. Сами же мы были отъ нападенія прикрыты небольшимъ болотомъ, поросшимъ хотя низкимъ, но чрезвычайно густымъ кустарникомъ, простирающимся отъ деревни Клейнъ-Егерсдорфъ на нѣкоторое разстояніе влѣво. Чрезъ сей кустарникъ съ пригорка своего видѣть намъ все было можно, а непріятелю къ намъ сквозь кустарникъ пройтить не было возможности. Такимъ образомъ, стояли мы съ покоемъ и готовились только быть зрителями всему театру начинающагося тогда кровопролитнаго сраженія.

Оно началось въ началѣ осьмаго часа, когда уже солнце было довольно высоко, и сіяніемъ своимъ, при тихой погодѣ, напрекраснѣйшей день производило. Первой огонь начался съ непріятельской стороны, и намъ сіе все было видно. Прусаки шли наимужественнѣйшимъ и порядочнѣйшимъ образомъ атаковать нашу армію, вытягивающуюся подлѣ лѣса, и пришедши въ размѣръ, дали по нашимъ порядочной залпъ. Это было въ первой разъ, что я непріятельской огонь по своимъ одноземцамъ увидѣлъ. Сердце у насъ затрепетало тогда, и мы удивились всѣ, увидѣвъ, что съ нашей стороны ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ не было отвѣтствовано, власно такъ, какъ бы они своимъ залпомъ всѣхъ до единаго побили. Прусаки, давши залпъ, не останавливаясь, продолжали наступать и, зарядивши на походѣ свои ружья и подошедъ еще ближе къ нашимъ, дали по нашимъ порядочной другой залпъ всею своею первою линіею. Тогда мы еще больше удивились и не знали, что дѣлать, увидѣвъ, что съ нашей стороны и на сей залпъ ни однимъ ружейнымъ выстрѣломъ отвѣтствовано не было. — «Господи, помилуй! что это такое?» говорили мы, сошедшись между

собою и смотря на сіе позорище съ своего отдаленнаго холма: «живы ли уже наши, и что́ они дѣлаютъ? Неужели въ живыхъ никого не осталось?» Нѣкоторые малодушные стали уже въ самомъ дѣлѣ заключать, что нашихъ всѣхъ перебили. «Какъ можно», говорили они:—«отъ двухъ такихъ жестокихъ залповъ и въ такой близости кому уцѣлѣть?» Но глаза наши тому противное доказывали. Какъ скоро нѣсколько продымилось, то могли мы еще явственно нашъ фрунтъ чрезъ прусаковъ видѣть; но отчего бы такое молчаніе происходило—того никто не могъ провидѣть. Нѣкоторые изъ суевѣрныхъ стариковъ помыслили уже, не заговорены ли у нашихъ солдатъ уже ружья: но сіе мнѣніе отъ всѣхъ насъ поднято было на смѣхъ, ибо оно было совсѣмъ нескладнѣйшее. Продолжая смотрѣть, увидѣли мы, что прусаки и послѣ сего залпа продолжали наступать далѣе, и на походѣ заряжали свои ружья, а зарядивъ оныя и подошедъ гораздо еще ближе, дали по нашимъ третей преужасной и порядочной залпъ.—«Ну»! закричали мы тогда, «теперь, небось, въ самомъ дѣлѣ нашихъ всѣхъ побили!» Но не успѣли мы сего выговорить, какъ къ общему всѣхъ удовольствію увидѣли, что не всѣ еще наши перебиты, но что много еще въ живыхъ осталось; ибо неуспѣли непріятели третей залпъ дать, какъ загорѣлся и съ нашей стороны пушечной и ружейной огонь, и хотя не залпами, но безъ порядка, но гораздо еще сильнѣе непріятельскаго. Съ сей минуты перестали уже и прусаки стрѣлять залпами. Огонь здѣлался съ обѣихъ сторонъ безпрерывной ни на одну минуту, и мы не могли уже различить непріятельской стрѣльбы отъ нашей. Одни только пушечные выстрѣлы были отличны, а особливо изъ нашихъ секретныхъ шуваловскихъ гоубицъ, которыя по особливому своему звуку и густому черному дыму могли мы явственно видѣть и отличать отъ протчей пушечной стрѣльбы, которая, равно какъ и оружейная, здѣлалась съ обѣихъ сторонъ нажесточайшая и безпрерывная.

Теперь вообразите себѣ, любезной пріятель, сами, каково намъ было смотрѣть на сіе кровавое зрѣлище, ибо я тогдашнихъ душевныхъ движеній неромъ описать не въ состояніи. Мы всѣ, то-есть штабы и офицеры, собравшись кучками, смотрѣли на сіе побоище и только что жалѣли и разсуждали, ибо самимъ намъ ничего дѣлать было не можно. Намъ хотя все происхожденіе было видимо, но мы стояли такъ далеко, что до непріятеля не могли доставать не только наши ружья, но и самыя полковыя пушки; итакъ, мы принуждены были только, поджавъ руки, смотрѣть, и, находясь между страхомъ и надеждою, ожидать рѣшительной минуты. Но скоро лишились мы и того удовольствія, чтобъ все происхожденіе видѣть: отъ безпрерывной стрѣльбы дымъ такъ сгустился, что обѣихъ сражающихся армій намъ было уже не видно, а слышна только была трескотня ружейной и звукъ пушечной стрѣльбы. Самые только кончики сражающихся линій или фрунтовъ были намъ нѣсколько видимы и представляли зрѣлище весьма трогательное. Оба фрунта находились весьма въ близкомъ между собою разстояніи и стояли въ огнѣ безпрерывномъ. Нашъ, во все время баталіи, стоялъ непоколебимо, и первая шеренга, какъ сѣла на колѣни, такъ и сидѣла. Прускій же фрунтъ казался въ безпрестанномъ находится движеніи: то приближался онъ нѣсколько шаговъ ближе, то опять назадъ отдавался, однако дрался не съ меньшимъ мужествомъ и твердостію, какъ и наши, и сіе продолжалось такъ безпрерывно.

Въ сіе-то время имѣли мы случай всему тому насмотрѣться, что́ въ такихъ случаяхъ происходитъ, и можно ли описать жалкое то зрѣлище! Позадь обоихъ фрунтовъ видимо было множество народа, разные предметы представляющаго: иной скакалъ на лошади, везя, безсомнѣнно, какое-нибудь важное приказаніе, но, будучи прострѣленъ, стремглавъ съ оной летѣлъ на землю; другой выбѣгалъ изъ фрунта и, отъ ранъ ослабѣвши, не могъ болѣе держаться на ногахъ, но па-

далъ; тамъ тащили убитаго начальника, индѣ вели подъ руки израненаго; вдругъ оказывались во фрунтахъ цѣлые проулки, и вдругъ они опять застанавливаемы были; поодиночкѣ во фрунтѣ убиваемыхъ за дымомъ не можно было такъ явственно видѣть, какъ протчихъ. Но какъ изобразить суету и смятеніе протчихъ, за фрунтомъ находящихся? Въ какомъ это различномъ движеніи были они видимы: многіе разъѣжжали на лошадяхъ, поощряя воиновъ и развозя имъ нужныя повелѣнія; другіе скакали по фрунту сзади; третьи отъ фрунта назадъ. Индѣ вели взводами подмогу, тамъ тащили пушку, индѣ патронной ящикъ на себѣ; въ иномъ мѣстѣ побиты лошади подъ ними и должно было ихъ распрастывать и выпрягать; индѣ бѣгалъ конь, потерявшей своего всадника; индѣ летѣлъ всадникъ долой съ убитаго коня, и такъ далѣе. Однимъ словомъ, все представляло плачевное и нѣжному сердцу чувствительное зрѣлище, и мы, видя все сіе, не могли довольно насмотрѣться, толико было оно для насъ любопытно и поразительно.

— «Хорошо, скажете вы, любезной пріятель, было вамъ смотрѣть, когда до самихъ васъ не доходило дѣло, и вамъ случилось стоять въ столь блаженномъ и такомъ мѣстѣ, въ какомъ всякой бы во время баталіи охотно стоять согласился!» — «Конечно, хорошо! отвѣтствую, и мы жребіемъ своимъ могли быть весьма довольными. Я прибавлю къ тому, что мы, сверхъ того, еще имѣли и нѣкоторой родъ военнаго увеселенія, а имянно, передъ самымъ нашимъ полкомъ или, паче сказать, передъ самою моею ротою, на самой высотѣ того холма, на которомъ мы стояли, трафилось поставленной быть у насъ цѣлой колонгѣ артилеріи, состоящей болѣе нежели изъ дватцати большихъ пушекъ, гоубицъ и единороговъ. Сія, прикрывающая нашъ корпусъ, батарея была во все продолженіе баталіи не безъ дѣла: съ нея то и дѣло, что стрѣляли по непріятельской второй линіи, и кидали изъ гоубицъ бомбы, какъ въ нее, такъ и въ обѣ деревни, кои прусаками были заняты, и мы не могли довольно навеселиться зрѣлищемъ на хорошей успѣхъ пускаемыхъ къ непріятелю ядръ и бомбъ. Многія ядры, попадая въ самую доль фрунта непріятельской второй линіи, дѣлали превеликія улицы, равно какъ и бомбы повсюду великое замѣшательство производили. Обѣ деревни обратили мы тотчасъ въ огонь и пламя и выгнали тѣмъ непріятелей, въ нихъ засѣвшихъ. Но ни которая бомба такъ насъ не увеселила, какъ одна, брошенная изъ гоубицы. Мы увидѣли, что около одной лозы, стоящей между обѣихъ деревень, собралось множество прускихъ офицеровъ изъ второй линіи смотрѣть, такъ же, какъ и мы, на происхожденіе баталіи. Сихъ смотрителей захотѣлось намъ пугнуть, и мы просили артилерійскаго офицера, чтобъ онъ постарался посадить въ кружокъ къ нимъ бомбу. Онъ исполнилъ наше желаніе, и выстрѣлъ такъ былъ удаченъ, что бомба попала прямо подъ лозу и, не долетѣвъ до земли на сажень, треснула. Какую тревогу произвела она въ сихъ господахъ прускихъ командирахъ! Всѣ они бросились врозь; однако трое принуждены были остаться тутъ навѣки.

Вотъ, любезной пріятель, не сущей ли досугъ намъ былъ симъ образомъ забавляться въ такое время, когда протчіе гибли и умирали; но что-жъ намъ было иное дѣлать? Однако постойте, можетъ быть и до насъ скоро дойдетъ дѣло. Я еще не все пересказалъ.

Прусаки, можетъ быть наскучивши претерпѣвать отъ нашей батареи столь великой уронъ, вздумали и сами завести противъ насъ нѣсколько большихъ пушекъ и поунять наши игрушки, но, по нещастію ихъ, имѣли въ томъ успѣхъ не весьма хорошей. Нѣсколько большихъ пушекъ увязли они въ болотѣ и не могли выдрать, а которыя завезли и поставили, такъ и тѣ не могли намъ какъ-то вредить; ни то притчиною тому было то, что они принуждены были стрѣлять нѣсколько на гору, ни то разстояніе для нихъ было слишкомъ далеко, но какъ бы то ни было, но ядры ихъ насъ не вредили. Нѣкоторыя изъ нихъ перелетали выше фрунта, и намъ

одинъ только ихъ звукъ былъ слышанъ; а большая же часть ложилась не долетая далеко до того мѣста, гдѣ мы стояли, такъ что мы сему тщетному непріятелей нашихъ старанію только что смѣялись.

Но всѣ сіи шутки едва-было не обратились намъ въ важность. Мы, смотря вышеупомянутымъ образомъ, какъ на продолженіе баталіи, такъ и на стоящихъ противъ насъ позадь деревень непріятелей, того и не видимъ, что у насъ на лѣвомъ крылѣ, которое отъ насъ за пригоркомъ было не видно, дѣлалось, какъ вдругъ затрещалъ въ другомъ, подлѣ насъ влѣвѣ стоящемъ полку, мелкой ружейной огонь!—«Ба! что это такое?» вздрогнувши говорили мы: «не непріятель ли уже тутъ?» И дивились, не понимая, откуда бы ему взяться, потому что намъ все почти поле видно было, и мы никакой атаки на себя не примѣтили, да для вышеупомянутаго болота почитали и за невозможное. Но, совсѣмъ тѣмъ, неуспѣли мы собраться съ мыслями, какъ кричали уже намъ, чтобъ мы оборачивали фрунтъ нашъ назадъ. Сіе намъ и того еще чуднѣе показалось: мы обернулись, но никого передъ собою не увидѣли, кромѣ нашей конницы, которая позади насъ въ разныхъ мѣстахъ была построена.—«По своимъ, что-ли, намъ стрѣлять?» смѣючись, говорили мы; однако ожидали съ нетерпѣніемъ, что будетъ. Въ лѣвой сторонѣ у насъ, гдѣ огонь показался, слышанъ былъ превеликой шумъ и стрѣльба, а не менѣе того и на стоящей противъ нашего полку батареѣ здѣлалось превеликое замѣшательство. Тутъ поднялся вопль: «Сюда! сюда! ворочай!.. Картечи! картечи!» И не успѣли всѣхъ пушекъ повернуть влѣво, какъ изо всѣхъ изъ нихъ и бывшихъ тутъ единороговъ дали преужасной залпъ и произвели огонь наижесточайшей. Намъ хотя вовсе за пригоркомъ было не видно, по комъ они стрѣляли, но только могли мы заключать, что непріятель близко. И тогда-то, надобно признаться, что духъ нашъ началъ нѣсколько тревожиться; повсемѣстной шумъ, разнообразной крикъ и вопль, звукъ стрѣльбы изъ пушекъ и мелкаго ружья, скачка командировъ и подтвержденія, дѣлаемыя всѣмъ, чтобъ были готовы, заставляли насъ думать, что приходитъ уже и до насъ очередь драться и, по примѣру протчихъ, умирать, и приближеніе толико страшныхъ минутъ производило натурально нѣкое внутреннее въ сердцахъ содраганіе.

Но какъ письмо мое уже велико, а разсказывать о баталіи сей еще много, то, отложивъ достальное до предбудущаго, сіе симъ кончу, сказавъ вамъ, что я есмь и протчее.

БАТАЛІЯ.

Письмо 47.

Любезной пріятель! Начиная читать письмо сіе, не обманитесь и вы также въ ожиданіи своемъ, какъ обманулись мы въ ожиданіи нашемъ въ тотъ пунктъ времяни, на которомъ я мое предслѣдующее письмо кончилъ. Мы думали тогда безсомнѣнно, что чрезъ минуту схватимся съ непріятелемъ и будемъ имѣть кровопролитное дѣло; однако въ томъ ошиблись: воспослѣдовало совсѣмъ не то, а столь же мало ожидаемое и нами тогда, сколько безсомнѣнно теперь вами, а имянно, что весь вышеупомянутой и толико страшной шумъ, вопль и звукъ стрѣльбы, такъ много насъ перетревожившей, вдругъ изчезъ и, противъ всякаго чаянія и ожиданія, утихъ совершенно. Вы удивитесь сему, но не въ меньшее удивленіе пришли и мы тогда, какъ по прошествіи нѣсколькихъ минутъ вдругъ оружейной огонь утихъ, а немного погодя и изъ пушекъ стрѣлять перестали, и начали ихъ попрежнему становить и ворочать. Однимъ словомъ, самой шумъ началъ мало по-малу утихать, и намъ опять оборотиться приказали. Мы дивились всему тому несказанно, и не понимая, что-бъ это значило, спрашивали ѣдущихъ съ лѣваго фланга и видѣвшихъ все происходившее о притчинѣ, и наслу могли провѣдать слѣдующее.

На самомъ лѣвомъ флангѣ нашего корпуса стояли наши донскіе казаки. Сіи съ самаго еще начала баталіи поскакали атаковать стоящую позади болота непрія-

тельскую конницу. Сіе намъ тогда же еще было видно, и мы досадовали еще, смотря на худой успѣхъ сихъ негодныхъ воиновъ. Начало здѣлали-было они очень яркое. Атака ихъ происходила отъ насъ хотя болѣе версты разстояніемъ, но мы могли явственно слышать, какъ они загикали— «ги! ги!» и опрометью на прусаковъ поскакали. Мы думали-было сперва, что они всѣхъ ихъ дротиками своими переколятъ, но скоро увидѣли тому противное. Храбрость ихъ въ томъ только и состояла, что они погикали и изъ винтовокъ своихъ попукали, ибо какъ прусаки стояли неподвижно и готовились принять ихъ мужественнымъ образомъ, то казаки, увидя, что тутъ не по нихъ, оборотились того момента назадъ, и дай Богъ ноги. Все сіе намъ было видно; но что послѣ того происходило, того мы не видѣли, потому что казаки, обскакивая болото, выѣхали у насъ изъ глазъ. Тогда-жъ узнали мы, что прускіе кирасиры и драгуны сами вслѣдъ за ними поскакали и, обскакивая болото, гнали ихъ, какъ овецъ, къ нашему фронту. Казакамъ некуда было дѣваться. Они безъ памяти скакали прямо на фронтъ нашего лѣваго крыла, а пруская конница слѣдовала за ними по пятамъ и рубила ихъ немилосердымъ образомъ. Наша пѣхота, видя скачущихъ прямо на себя и погибающихъ казаковъ, за необходимое почла нѣсколько раздаться и дать имъ проѣздъ, чтобъ могли они позадь фронта найтить себѣ спасеніе. Но сіе едва-было не нашутило великой шутки: пруская кавалерія, преслѣдуя ихъ пошквадронно въ нанлутчемъ порядкѣ, текла какъ нѣкая быстрая рѣка и ломилась за казаками прямо на нашу пѣхоту. Сіе самое притчиною тому было, что отъ сего полку началась по нимъ ружейная стрѣльба; но трудно было ему противиться и страшное стремленіе сей конницы удерживать. Передней ескадронъ въѣхалъ уже порядочнымъ образомъ за казаками за нашъ фронтъ, и, разсыпавшись, рубилъ всѣхъ, кто ни былъ позадь фронта. Для сего-то самаго принуждено было оборотить нашъ фронтъ назадъ. Но все бы сіе не помогло и прусаки, въѣхавши всею конницею своею въ нашъ флангъ, смяли бы насъ всѣхъ поголовно и совершили-бъ склоняющуюся уже на ихъ сторону побѣду, естли бы одно обстоятельство всего стремленія ихъ не удержало и всѣмъ обстоятельствамъ другой видъ не дало. Батарея, о которой я выше упоминалъ, по щастію, успѣла еще благовремянно обернуть свои пушки, и данной изъ нея картечной залпъ имѣлъ успѣхъ наивожделѣннѣйшей; ибо какъ ей случилось выстрѣлить поперекъ скачущихъ другъ за другомъ прускихъ ескадроновъ, то, выхвативши цѣлой почти ескадронъ, разорвала тѣмъ ихъ стремленіе и скачущихъ не только остановила, но принудила опрометью назадъ обернуться. Тѣ же, которые вскакали за нашъ фрунтъ, попали какъ мышь въ западню. Пѣхота тотчасъ опять сомкнулась, и они всѣ принуждены были погибать наижалостнѣйшимъ образомъ: наша кавалерія ихъ тутъ встрѣтила и перерубила всѣхъ до единаго человѣка. Такимъ образомъ кончилось это дѣло наивожделѣннѣйшимъ образомъ.

Таковыя-то произшествія были на нашемъ лѣвомъ крылѣ. Теперь обратимся, любезной пріятель, къ срединѣ и посмотримъ, что-то съ тѣми дѣлалось, которыхъ давича оставили мы между собою сражающихся. Тутъ, по справедливости, было самое главное дѣло и сраженіе наигорячайшее. Однако, что собственно какъ тутъ, такъ и на правомъ флангѣ происходило, того точно, за отдаленностію и за дымомъ, намъ самимъ видѣть было не можно. Я упомянулъ уже выше сего, что намъ видны только были концы обоихъ фрунтовъ, и что касается до нихъ, то стояли они неподвижно и перестрѣливались ровно два часа съ половиною, власно какъ вкопанные, чему мы очевидные были свидѣтели.

Вотъ все то, что я могъ во время продолженія баталіи самъ видѣть. — Теперь опишу вамъ то, чего я видѣть не могъ, и что мы послѣ узнали.

Непріятель главную свою атаку велъ въ два мѣста, а имянно: противъ обѣихъ прогалинъ или входовъ въ нашъ крѣпкой

лагерь. Видно, что хотѣлось ему застать насъ еще въ лагерѣ и не выпустить на поле ни единаго человѣка, что̀ потому наиболѣе заключать можно, что у убитыхъ прускихъ офицеровъ найдена потомъ диспозиція и приказы, въ которыхъ предписываемо было, чтобъ солдаты рубили наши рогатки. Всходствіе чего атака его и ведена была какъ на главной входъ, такъ и на правое наше крыло, гдѣ, какъ я прежде упоминалъ, также небольшая прогалина находилась. По щастію, сіе послѣднее мѣсто успѣли наши занять еще заблаговремянно: храброй полковникъ Языковъ съ своимъ первымъ гранодерскимъ полкомъ заступилъ сіе мѣсто и выдерживалъ всѣ жесточайшія непріятельскія нападенія наимужественнѣйшимъ образомъ. По щастію случились тутъ старинные рвы и каналы, которые служили нашимъ почти вмѣсто ретраншамента, и дѣлали великую подмогу. Однимъ словомъ, сколько непріятель ни усиливался, и сколько ни старался продраться сквозь сіе мѣсто и сбить съ мѣста, но не имѣлъ успѣха. Наши устояли до самаго конца баталіи, и хотя немалой уронъ претерпѣли, однако не потеряли сего столь важнаго для непріятеля мѣста.

Но не съ столь хорошимъ успѣхомъ дрались наши на лѣвомъ флангѣ или паче въ срединѣ, куда ведена была отъ непріятеля главная его атака. Я уже выше упомянулъ, что непріятель такъ непримѣтно къ намъ подкрался, что нашимъ не было времяни вывесть порядочнымъ образомъ полки и построить противъ его линію, но принуждены уже были, кое-какъ продираясь сквозь тѣсноту обозовъ, иттить по рядамъ и фрунтъ подлѣ лѣса вправо кое-какъ строить и вытягивать. Однимъ словомъ, наши тянулись еще и старались какъ можно болѣе вытянуться, чтобъ множайшее число полковъ могло умѣститься и стать къ оборонѣ, какъ непріятели, подошедъ уже довольно близко, помянутой первой залпъ по нихъ дали; что на оной съ нашей стороны не было отвѣтствовано, тому притчиною было то, что наши шли и тянулись по рядамъ и видя, что еще пули непріятельскія насъ не вредили, не почли за нужное остановиться и къ нимъ фрунтъ оборачивать, но какъ всякая минута для насъ дорога была, то старались только какъ можно далѣе вытянуться. То же самое произошло и при вторичномъ непріятельскомъ залпѣ, которымъ хотя нѣсколько человѣкъ у насъ и переранило, но какъ для насъ важнѣе всего было, чтобъ вытянуть фрунтъ далѣе, то мы, и на оной не отвѣтствуя, продолжали все-таки тянуться. Но какъ непріятели въ третей разъ уже залпъ дали, тогда уже не было возможности болѣе иттить и оттерпливаться. Пули ихъ уже гораздо нашихъ цѣплять начали, и для того принуждены уже наши были остановиться и показать имъ лицо, также и то, что и у насъ не хуже ихъ ружья и пули водятся, и тогда-то начался съ обѣихъ сторонъ тотъ огонь неугасимой, о которомъ упомянулъ я уже выше.

Теперь надобно мнѣ вамъ, любезной пріятель, сказать, что сей огонь хотя былъ съ обѣихъ сторонъ нажесточайшей, однако не съ равными преимуществами. Непріятели имѣли несравненно болѣе выгодъ, нежели наши: ихъ атака ведена была порядочнымъ образомъ, лутчими полками и людьми, и по здѣланной напередъ и правильно наблюдаемой диспозиціи; артилерія дѣйствовала ихъ какъ надобно, а весь тылъ у нихъ былъ открытъ и подкрѣпленъ второю линеею и резерфами, изъ которыхъ имъ ничто не мѣшало весь уронъ въ первой сражающейся линіи того момента награждать и наполнять новыми и свѣжими людьми; а такимъ же образомъ имѣли они желаемую способность снабжать дерущихся нужными припасами и порохомъ. Что касается до нашихъ, то они всѣхъ сихъ выгодъ, по нещастію, не имѣли, ибо, во-первыхъ, диспозиціи напередъ никакой не было здѣлано, да и некогда было дѣлать, а всѣмъ самъ Богъ управлялъ и распоряжалъ. Во-вторыхъ, людей съ нашей стороны было гораздо меньше, нежели съ непріятельской: у нихъ дралась цѣлая линея, а у насъ насилу только одиннат-

цать полковъ могли вытянуться, и сіи принуждены были за все, про все отвѣтствовать. Къ вящему нещастію и сіи немногіе люди связаны были по рукамъ и по ногамъ; ибо, во-первыхъ, не было съ ними нужной артилеріи, кромѣ малаго числа полковыхъ пушекъ и шуваловскихъ гоубицъ. Самыхъ сихъ орудій, на которыя вся армія наибольшую надежду полагала, не случилось болѣе трехъ или четырехъ на сраженіи, и что̀ можно было изъ нихъ здѣлать, когда большую половину ихъ ящиковъ и снарядовъ за лѣсомъ провезть было не можно? Во-вторыхъ, прижаты они были къ самому лѣсу такъ, что позади себя никакого простора не имѣли. Втретьихъ, помочи и на мѣсто убитыхъ свѣжихъ людей въ дополненіе получить было неоткуда; большая часть арміи была хотя не въ дѣйствіи, но стояла за лѣсомъ и въ такихъ мѣстахъ, откуда до нихъ дойтить было не можно. Самыхъ нужныхъ патроновъ негдѣ было взять, какъ они потребовались.

При такихъ предосудительныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ чего иного можно было ожидать, кромѣ нещастія! Ахъ! оно и дѣйствительно уже начиналось и, конечно-бъ произошло и совершилось, естли-бъ самъ Богъ не восхотѣлъ насъ явно помиловать и побѣду изъ рукъ непріятелей, показавши, вырвать. Храбрые наши полки стояли сперва, какъ непреоборимая стѣна, твердо; они отстрѣливались сколько было силы отъ непріятеля, и цѣлые два часа удерживали его наглость и стремленіе. Но что̀ было наконецъ имъ дѣлать, когда бо́льшая часть изъ нихъ была побита и переранена? Ряды стали уже слишкомъ рѣдки, а дополнить ихъ было некѣмъ. Офицеровъ всѣхъ почти они лишились; а что всего паче, не имѣли наконецъ болѣе и пороха, какъ единаго и послѣдняго средства къ оборонѣ. Въ сей крайности находясь, подвинулись они нѣсколько ближе къ лѣсу, но тѣмъ дѣло еще пуще испортили. Непріятели, увидѣвъ сіе и почтя ретирадою, бросились съ наивеличайшимъ жаромъ и смѣшали ихъ совсѣмъ съ грязью. Весь край лѣса наполнился тогда стономъ и воплемъ раненыхъ и умирающихъ, и обагренъ кровію побитыхъ. Не было уже тогда возможности помочь чѣмъ-нибудь командирамъ и предводителямъ. Добродѣтельной и прямо усердствующей генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ, бывшей, но нещастію, командиромъ сей дивизіи, сколько ни напрягалъ силъ своихъ, возбуждая и уговаривая солдатъ къ храброй оборонѣ, но не былъ болѣе въ силахъ учинить малѣйшее вспоможеніе. Самого его, многими ранами израненаго и обагреннаго кровію, волокли уже въ полонъ прускіе гренадеры, и сорвали съ него кавалерію, и конечно бы увели, естлибъ не увидѣли сего нѣсколько человѣкъ нашихъ гранодеровъ: сіи, несмотря что сами погибали, восхотѣли спасти любимаго ими генерала. Ничто не могло удержать стремительства ихъ: какъ львы, вырвали они его изъ челюстей змѣиныхъ, но, ахъ! едва уже почти дыханіе имѣющаго.

При такихъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что погибель наша власно какъ на волоску уже висѣла. Прусаки смяли уже весь нашъ фрунтъ совершенно, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ворвались уже и въ самые обозы. Тутъ здѣлалось тогда наиужаснѣйшее смятеніе и бириберда. Всѣ кричали: «прочь! прочь! Назадъ, назадъ обозы!» Но что некуда было имъ дѣваться, того никто не помнилъ: съ одной стороны крутѣйшей буеракъ, а съ другой стороны рѣка заграждала путь во всѣ стороны. Самой арміи Богъ знаетъ куда бы ретироваться можно было, а чтобъ обозы, конечно, всѣ пропали, въ томъ и сомнѣнія нѣтъ. Однимъ словомъ, побѣда непріятеля получена была уже на-половину, и естлибъ еще хотя маломало, то бы разбиты были мы совсѣмъ, къ стыду неизреченному.

Теперь, надѣюсь, нетерпѣливо хотите вы вѣдать, какимъ же чуднымъ образомъ мы не только спаслись, но и побѣду одержали? Сего, ежели прямо разсудить, мы уже сами почти не знали, самъ Богъ хотѣлъ насъ спасти. Все состояло въ томъ, что стоявшіе за лѣсомъ наши полки, на-

скучивши стоять безъ дѣла, въ то время, когда собратія и товарищи ихъ погибали, и услышавъ о предстоящей имъ скорой опасности, вздумали пойтить или можетъ быть посланы были продираться кое-какъ сквозь лѣсъ и выручать своихъ единоплеменниковъ. Правда, проходъ имъ былъ весьма труденъ; густота лѣса такъ была велика, что съ нуждою и одному человѣку продраться было можно, однако ничто не могло остановить ревности ихъ и усердія. Два полка, третей гранодерской и Новогородской, бросивъ свои пушки, бросивъ и ящики патронные, увидѣвъ, что они имъ только остановку дѣлаютъ, а провезть ихъ не можно, бросились одни, и сквозь густѣйшей лѣсъ, на голосъ погибающихъ и вопіющихъ, пролѣзать начали. И, по щастію, удалось имъ выттить въ самонужнѣйшее мѣсто, а имянно въ то, гдѣ Нарвской и второй гранодерской полки совсѣмъ уже почти разбиты были и гдѣ опасность была больше, нежели въ другихъ мѣстахъ. Приходъ ихъ былъ самой благовременнѣйшей. Помянутые разбитые полки дралися уже рука на руку, поодиночкѣ, и не поддавались непріятелю до пролитія самой послѣдней капли крови. Нельзя быть славнѣй той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющіе раздробленные остатки помянутыхъ полковъ нещастныхъ. Иной, лишившись руки, держалъ еще мечъ въ другой и оборонялся отъ наступающихъ и рубящихъ его непріятелей; другой, почти безъ ноги, весь израненъ и весь въ крови, прислонясь къ дереву, отмахивался еще отъ враговъ, погубить его старающихся; третей какъ левъ рыкалъ посреди толпы непріятелей, его окружившихъ, и мечемъ очищалъ себѣ дорогу, нехотя просить пощады и милости, несмотря, что кровь текла у него ручьями по лицу; четвертой отнималъ оружіе у тѣхъ, которые его, обезоруживъ, въ неволю тащили, и собственнымъ ихъ оружіемъ ихъ умертвить старался; пятой, забывъ, что былъ одинъ, метался со штыкомъ въ толпу непріятелей и всѣхъ ихъ переколоть помышляя; шестой, не имѣя пороха и пуль, срывалъ суму съ мертвыхъ своихъ недруговъ и искалъ у нихъ нещастнаго свинцу, и ихъ же пулями по ихъ стрѣлять помышляя. Однимъ словомъ, тутъ оказываемо было все, что только можно было требовать отъ храбрыхъ и неустрашимыхъ воиновъ.

Въ самую сію послѣднюю крайность и показались имъ въ лѣсу помянутые два полка, имъ на помощь поспѣшающіе. Нельзя изобразить той радости, съ какою смотрѣли сражающіеся на сію помощь, къ нимъ идущую, и съ какимъ восхищеніемъ вопіяли они къ нимъ, поспѣшать ихъ побуждая. Тогда перемѣнилось тутъ все прежде бывшее. Свѣжіе сіи полки не стали долго медлить, но давши залпъ и поднявъ военной вопль, бросились прямо на штыки противъ непріятелей, и сіе рѣшило нашу судьбу и произвело желаемую перемѣну. Непріятели дрогнули, подались нѣсколько назадъ, хотѣли построиться полутче, но некогда уже было: наши сѣли имъ на шею и не давали имъ времяни ни минуты. Тогда прежняя пруская храбрость обратилась въ трусость, и въ семъ мѣстѣ, не долго медля, обратились они назадъ и стали искать спасенія въ ретирадѣ. Сіе устрашило протчія ихъ войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало по-малу колебаться, а у насъ начался огонь сильнѣе прежняго. Однимъ словомъ, не прошло четверти часа, какъ прусаки во всѣхъ мѣстахъ сперва-было порядочно ретироваться начали, но потомъ, какъ скоты, безъ всякаго порядка и строя побѣжали.

Всего вышеупомянутаго произшествія намъ издали и за дымомъ не можно было видѣть, однако мы смотря, не спуская глазъ, на самой конецъ праваго ихъ фланга, явственно могли видѣть, какъ начинало оно колебаться и терять прежнюю свою позицію. Оно было послѣднее, которое приступило къ ретирадѣ, и въ протчихъ мѣстахъ непріятели давно уже бѣжали, а оно все еще стояло и перестрѣливалось; но, увидѣвъ бѣгущихъ своихъ товарищей, не захотѣло и оно долго медлить. Какое пріятное и восхитительное для воина представилось тогда зрѣлище! Сперва подви-

нулся ихъ фрунтъ шаговъ пять назадъ, тамъ еще болѣе, тамъ еще далѣе, и двигался часъ отъ часу скорѣе. Намъ это все было видно, и мы, находясь между страхомъ и надеждою, не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ. «Ретируются никакъ?» говорили мы другъ другу: «о, дай Богъ, чтобъ наши прогнали!» Но скоро радость наша была совершенная. Мы увидѣли весь ихъ фрунтъ въ совершенное бѣгство обратившейся и закричали всѣ: «Слава Богу, слава Богу! Наши взяли, наши взяли!» и били въ ладоши.

Тогда въ единой мигъ радость разлилась по всей нашей арміи и казалось, что она у всякаго воина написана была на глазахъ. Всякой спѣшилъ сказывать о благополучіи своемъ другому, несмотря, что тотъ самъ то же видѣлъ, и тотчасъ разлился по всему войску нѣкой пріятной и тихой шумъ. Чрезъ минуту потомъ закричали наши командиры: «ступай! ступай! ступай!» и мы всѣ, какъ стояли, такъ и бросились. Нельзя никакъ изобразить того восхищенія, съ какимъ бѣжали мы въ погоню за непріятелемъ, или паче спѣшили занимать его мѣсто. Не было намъ уже тутъ никакой невозможности, мы шли прямо чрезъ кустарникъ и чрезъ болото, и я не вѣдаю, какъ уже мы продрались. Какихъ и какихъ проказъ не происходило тутъ во время сего пролазыванія! Иной, съ радости бѣжавши безъ памяти, попадался вдругъ въ калдобину и уходилъ по поясъ въ тину; другой, спотыкнувшись за кочку, летѣлъ стремглавъ и растягивался въ тинѣ и въ грязи, и въ ней какъ уродъ гваздался. Иной зацѣпливалъ платьемъ за кусты и не могъ освободиться; онъ рвалъ его, не жалѣя, что испортится. Иному прутьями лицо и глаза всѣ выстегало; иной, попавши въ тину, не могъ ногъ своихъ выдрать и просилъ помощи. Но все сіе хорошо и ладно быть казалось. Мы пробѣжали смѣючись и хохотавъ сквозь сіе дурное мѣсто, и одно только то слышно было: «ступай! ступай! братецъ! Слава Богу, наши побѣдили!»

Совсѣмъ тѣмъ, будучи въ густомъ кустарникѣ, при всей своей радости помышляли мы и о томъ, чтобъ, вышедши изъ онаго, не наткнуться на непріятеля. «Кто знаетъ», говорили нѣкоторые: «не стоитъ ли еще его вторая линія на мѣстѣ и не остановила ли она бѣгущихъ?» Но статочно ли дѣло, чтобъ сему быть! Прусаки какъ ни хвастаютъ въ реляціяхъ своихъ, что они порядочно ретировались, но порядка тутъ и въ завѣтѣ не раживалось, Они пропали у насъ въ одинъ мигъ изъ вида, и все поле было ими усѣяно. Мы, вышедши изъ кустарника своего на поле, не увидѣли изъ нихъ ни одного человѣка, а стояли только одни брошенныя ихъ пушки и лежали подлѣ нихъ убитые артилеристы и другіе воины.

Прибѣжавши наконецъ на то мѣсто, гдѣ стояла ихъ вторая линія, велѣно было намъ остановиться и выровняться съ протчими полками, строившимися тутъ въ одну линію, и неуспѣла вся армія изъза лѣса выбраться и построиться въ одну линію, какъ закричали «ура!» и шляпы вверхъ бросила. О! какое это было радостное для насъ позорище! Многіе отъ радостныхъ слезъ не могли промолвить слова, такъ чувствительно это всякому воину.

Симъ образомъ кончилась славная наша «апраксинская» и первая баталія съ прусаками. Небу угодно было даровать намъ надъ непріятелемъ нашимъ совершенную побѣду, и мы не могли довольно возблагодарить оное за то, а особливо узнавъ, въ какой опасности находилась вся армія и сколь малаго недоставало къ тому, чтобъ ей совершенно разбитой, и намъ вѣчно тѣмъ стыдомъ покрытымъ быть, что одна почти горсть прусаковъ въ состояніи была разбить толь многочисленную армію, какова была наша. И подлинно, ежели разсудить, то побѣда сія одержана была не искуствомъ нашихъ полководцевъ, котораго и въ поминѣ не было, а паче отмѣнною храбростію нашихъ войскъ, или наиболѣе по особливому устроенію судебъ, расположившихъ всѣ обстоятельства такъ, чтобъ самая храбрость нашихъ воиновъ была уже принужденною и они по неволѣ принуждены были драться до послѣдней

капли крови, когда имъ ни бѣжать, ни ретироваться было некуда. Но какъ бы то ни было, но мы побѣдили, и побѣду получили совершенную; а чтобъ вы, любезной пріятель, могли яснѣе все происхожденіе сей баталіи видѣть, то изъяснилъ я вамъ всю ее въ посылаемомъ при семъ рисункѣ (смотри рисунокъ III позади книги *), а о томъ, что̀ воспослѣдовало послѣ, равно какъ и о протчихъ обстоятельствахъ, до сей битвы относящихся, сообщу вамъ въ письмѣ послѣдующемъ, а теперешнее симъ окончавъ, скажу, что я есмь навсегда вашъ и протчая.

ПОХОДЪ КЪ ВЕЛАВѢ.

Письмо 48.

Любезной пріятель! Я окончилъ мое послѣднее письмо тѣмъ, что мы прогнали непріятеля и получили совершенную побѣду. А теперь должно мнѣ вамъ разсказать, что̀ у насъ происходило послѣ того и сколь великъ былъ нашъ выигрышъ.

Говорятъ, что отъ предводителей войскъ двойное искуство требуется, а именно: чтобъ они умѣли побѣждать, а того болѣе, чтобъ они умѣли побѣдами своими пользоваться, и не допускали бы пропадать ихъ даромъ. Но что касается до нашихъ предводителей, то мнѣ кажется, что имъ обоихъ сихъ искуствъ недоставало: они ни побѣждать, ни пользоваться побѣдами не умѣли. Побѣду Богъ даровалъ намъ нечаянную, и мнѣ кажется, безъ всякаго нашего умысла и содѣйствія, а чтобъ пользоваться оною, о томъ у насъ не было и на умѣ. Ни то мы не умѣли, ни то не хотѣли. Молва носилась тогда въ арміи, что многіе будто и представляли, чтобъ учинить за непріятелемъ погоню и стараться его разбить до основанія; также будто совѣтовали фельдмаршалу и со всею арміею, немедля ничего, слѣдовать за бѣгущимъ непріятелемъ. Но господиномъ Ливеномъ, отъ котораго совѣтовъ все наиболѣе зависѣло, и которому, какъ мы послѣ уже узнали, весьма непріятно было и то, что намъ нечаянно удалось побѣдить непріятеля, сказано будто при семъ случаѣ было, «что на одинъ день два праздника не бываетъ, но довольно и того, что мы и побѣдили». И какъ всѣ изреченія его почитались оракулами, то вслѣдствіе того и не учинено было за непріятелемъ ни малѣйшей погони; ему дали время уплестись отъ насъ подалѣе и не мѣшали, какъ хотѣлъ, собираться опять съ силами. При таковыхъ обстоятельствахъ истинно непріятели наши были еще очень глупы, что не вернулись и не учинили на насъ вновь нападенія: они въ состояніи были насъ впрахъ еще разбить съ нашимъ хорошимъ разпорядкомъ.

Такимъ образомъ непріятель ушолъ, а мы остановились себѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ послѣ баталіи построились, и не двигаясь ни на шагъ впередъ, велѣли привезть къ себѣ обозы и разбить лагерь.

Неуспѣли насъ распустить изъ фрунта, какъ первое наше стараніе было, чтобъ, сѣвши на лошадей, ѣхать смотрѣть мѣста баталіи. Какое зрѣлище представилось намъ тогда, подобнаго сему еще никогда невидавшихъ! Весь пологой косогоръ, на которомъ стояла и дралась прусская линія, устланъ былъ мертвыми непріятельскими тѣлами, и чудное мы при семъ случаѣ увидѣли: всѣ они лежали уже, какъ мать родила, голые, и съ нихъ не только чулки и башмаки, но и самыя рубашки были содраны; но кто и когда ихъ симъ образомъ обдиралъ, того мы никакъ не понимали, ибо время было чрезвычайно короткое и баталія едва только кончилась. И мы не могли довольно надивиться тому, сколь скоро успѣли наши погонщики, деньщики и люди сіе спроворить, и всѣхъ побитыхъ прусаковъ такъ обнаготить, что при всякомъ человѣкѣ лежала одна только деревянная изъ сумы колодка, въ которой были патроны, и синяя бумажка, которою они прикрыты были. Сіи вещи, видно, никому уже были ненадобны, а изъ протчихъ вещей не видали мы уже ни одной, такъ

*) Рисунка этого нѣтъ въ подлинной рукописи Болотова. *Изд.*

что даже самыя ленты изъ кось, нестоящія трехъ денегъ, были развиты и унесены. Жалкое таковое состояніе представляло намъ наичувствительнѣйшее зрѣлище. Впротчемъ, видѣли мы, что побитые были почти всѣ люди крупные, здоровые, бѣлые, жирные и, однимъ словомъ, лежали навзничь, какъ горы или какъ волы черкаскіе. Маленькіе и вверхъ взвохренные усы придавали и самымъ мертвымъ видъ страшной и героической. Впротчемъ, разныя положенія и состоянія, въ какихъ мы сихъ побитыхъ видѣли, приводили насъ въ нѣкое содраганіе. У иного была вся голова или половина оной оторвана; другой лежалъ либо безъ руки, или безъ ноги; третей безъ бока, или пополамъ перерванной. Иные застрѣлены были только пулями и лежали растянувшимися, и каждой представлялъ собою какое-нибудь особое зрѣлище. Но какъ удивились мы, пріѣхавши къ лѣсу и къ тому мѣсту, гдѣ стояли и дрались наши, русскіе. Тутъ представилось намъ совсѣмъ отмѣнное тому зрѣлище. Весь закраекъ лѣса ус(т)ланъ былъ людьми, но казалось будто только спящими и точно такъ, какъ-бы распущонъ былъ фрунтъ, и солдаты бы разбрелись въ разныя стороны и каждой прикурнулъ тамъ, гдѣ ему попало. Всѣ они были одѣты и нетронуты, такъ какъ они убиты были, почему и лежали они въ особливомъ положеніи: иной лежалъ ницъ лицомъ, другой подъ кустомъ съёжившись, третей на боку, имѣя при себѣ ружье и все протчее свое оружіе, четвертой навзничь и такъ далѣе. Но чему мы всего болѣе дивились, то съ своей стороны видѣли мы побитыхъ гораздо меньше, нежели съ пруской, и никакой иной притчины тому не находили, кромѣ той, что много надѣлали тутъ вреда шуваловскія секретныя гоубицы.

О подлинномъ съ обѣихъ сторонъ уронѣ намъ узнать не было способа, однако всѣ тогда говорили, что нашъ уронъ убитыми дѣйствительно не простирался будто и до 1000 человѣкъ, а состоялъ только въ 860 человѣкахъ; напротивъ того, раненыхъ было гораздо болѣе и слишкомъ четыре тысячи человѣкъ, и какъ изъ оныхъ весьма многіе и скоро потомъ померли, то весь уронъ дѣйствительно можно полагать тысячахъ въ двухъ, а съ ранеными—тысячахъ въ пяти, хотя изъ сихъ послѣднихъ многіе были весьма легко ранены и щитались только въ числѣ оныхъ; а были нѣкоторые и такіе, которые будучи вовсе нераненными, а старалися себя включить въ число раненыхъ, думая получить чрезъ то себѣ какія-нибудь выгоды, хотя въ томъ себя они очень обманули, и надежда ихъ была тщетная. Въ самомъ нашемъ полку случился примѣръ, тому подобной. Одинъ подпорутчикъ, знакомой мнѣ человѣкъ и, впротчемъ, порядочной офицеръ, по фамиліи господинъ Аристовъ, не былъ вовсе въ сей день въ строю и на баталіи, а находился въ обозѣ, по притчинѣ, что наканунѣ сего дня нѣсколько онъ позанемогъ, и потому ѣхалъ онъ лежучи въ своей кибиткѣ; но вдругъ очутился онъ въ числѣ раненыхъ. «Господи помилуй», чудясь сему, говорили мы между собою, «какимъ это образомъ случилось, что нашъ Аристовъ раненъ?» И скоро узнали потомъ, что онъ непріятеля и въ глаза не видалъ, а въ то только время, когда была наивеличайшая опасность и когда всѣ обозы прочь и назадъ погнали, онъ такъ перетрусился, что, позабывъ свою болѣзнь и вскочивъ на отпряженную изъ повозки припряжную лошадь, ударился скакать назадъ, и ѣдучи мимо одного дерева, въ-торопяхъ зацѣпилъ головою за одинъ сукъ, и немного имъ на лбу у себя оцарапалъ. И сей-то небольшой шрамъ вздумалось сему господину назвать полученною отъ непріятеля раною и вписать себя въ число раненыхъ. Онъ безсомнѣнно думалъ получить себѣ за то какое-нибудь награжденіе, но въ семъ ожиданіи весьма обманулся, а здѣлалъ только то, что весь полкъ, узнавъ о семъ произшествіи, началъ поднимать его на смѣхъ, и до того наконецъ довелъ, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ онаго и перепроситься въ другой полкъ.

Что касается до непріятельскаго урона

то единогласно всѣ говорили, что одними убитыми найдено на мѣстѣ до 2,500 человѣкъ, умалчивая о раненыхъ, которыхъ было несравненно больше. Сверхъ того, нахватали мы ихъ болѣе 600 человѣкъ въ полонъ, съ осмью офицерами, и число оныхъ пріумножалось съ часу-на-часъ. Однихъ дезертировъ или самовольно къ намъ передавшихся было человѣкъ до 300 и болѣе. Кромѣ всего того, взяли мы на мѣстѣ баталіи 29 пушекъ съ ихъ ящиками и снарядами, изъ которыхъ три были превеликія. Также получили мы въ добычу 29 барабановъ, но знамя не удалось намъ ни одного захватить: прусаки были слишкомъ осторожны и берегли оныя весьма тщательно. А и самые ихъ генералы и предводители, видно, не таковы было ревностны и отважны, какъ наши, ибо въ числѣ убитыхъ былъ у нихъ одинъ маіоръ Гольцъ, да въ числѣ раненыхъ генералъ-поручикъ графъ Дона. Напротивъ того, мы потеряли на семъ сраженіи нѣсколькихъ генераловъ и начальниковъ; но ни о которомъ такъ вся армія не тужила, какъ о генералъ-аншефѣ Лопухинѣ. Сей, будучи въ прахъ израненъ, попалъ-было въ полонъ прусакамъ, но отнять силою у прускихъ гранодеровъ и принесенъ на рукахъ въ обозъ. Тутъ имѣлъ еще онъ, по крайней мѣрѣ, то утѣшеніе, что дожилъ до конца баталіи, и послѣднія его слова остались у всей арміи въ незабвенной памяти. Онъ, будучи уже при краѣ жизни, спрашивалъ еще предстоящихъ: — «гонятъ ли наши?» — «Живъ ли фельдмаршалъ»? И какъ его и въ томъ и въ другомъ увѣрили, тогда, перекрестясь, сказалъ онъ: — «Ну, славу Богу! теперь умру я съ покоемъ, отдавши долгъ моей государынѣ и любезному отечеству!» и того момента въ самомъ дѣлѣ умеръ. Смерть его, по справедливости, была славная, ибо рѣдко о которомъ бы генералѣ такъ много было плачущихъ, какъ объ немъ: будучи человѣкъ богатой и щедрой до высочайшаго градуса, умѣлъ онъ тѣмъ преклонить въ любовь къ себѣ тысячи сердецъ и заставить себя при концѣ оплакивать.

Другой генералъ, котораго мы лишились, былъ генералъ-поручикъ Зыбинъ. Сей также носилъ имя добраго человѣка и заслужилъ сожалѣніе: однако объ немъ не долго и не много говорили. Бригадиръ Каннистъ былъ третей изъ убитыхъ, и оба сіи убиты были на нашемъ лѣвомъ крылѣ, въ то время, когда прусаки къ намъ за фруптъ ворвались съ своею конницею. Изъ протчихъ же нашихъ генераловъ многіе были переранены, какъ-то: оба господа Ливены, Георгій и Матвѣй, генералъ Толстой, генералъ-маіоры: Дебоскетъ, Вильбоа и Мантейфель: генералъ-квартермистръ Веймарнъ и бригадиръ Племянниковъ; но раны ихъ были неопасныя и такъ маловажны, что они могли отправлять свою должность. Что-жъ касается до штабъ и оберъ-офицеровъ, то и побито и переранено было ихъ немалое число, и довольно, когда скажу, что вторымъ гранодерскимъ полкомъ принужденъ былъ послѣ баталіи командовать поручикъ, ибо всѣ штабы и капитаны были отчасти перебиты, отчасти переранены. Словомъ, сколь баталія наша была ни кратковременна, но пролито на ней довольно человѣческой крови, и не одинъ курганъ остался съ зарытыми воинами на поляхъ Егерсдорфскихъ.

Въ послѣдующей день, то-есть 20 числа августа, было у насъ благодарственное торжество. Мы приносили Всевышнему достойное благодареніе, при пушечной пальбѣ изъ взятыхъ въ добычу непріятельскихъ пушекъ, и вся армія поставлена была въ строй и стрѣляла три раза обыкновеннымъ бѣглымъ огнемъ. Всѣмъ солдатамъ учинена была винная порція; также велѣно было выдать за мѣсяцъ не въ зачетъ жалованье. Достальное же время дня употреблено было на разбираніе убитыхъ, какъ своихъ, такъ и непріятельскихъ тѣлъ, и на пріемъ провіанта для взятыхъ на баталіи и съ часу-на-часъ пріумножающихся военноплѣнныхъ.

Армія стояла и послѣдующее 21-е число на томъ же еще мѣстѣ. И въ сей день

погребали мы убитыя свои и непріятельскія тѣла, и отправляли плѣнныхъ и раненыхъ назадъ въ Тильзитъ. Также отправленъ былъ въ сей день генералъ-маіоръ Панинъ съ извѣстіемъ о сей баталіи ко Двору въ Санктпетербургъ.

Фельдмаршалъ нашъ, въ донесеніи своемъ ко Двору о семъ произшествіи, старался колико можно скрыть и утаить свою непростительную погрѣшность и допущеніе непріятеля столь близко до себя по единой своей опложности, но придавалъ всему дѣлу видъ колико можно лутчей. Онъ изъявлялъ удивленіе свое о томъ, что нашелъ армію прускую гораздо въ превосходнѣйшемъ числѣ, нежели онъ думалъ и тысячъ до сорока простирающуюся; превозносилъ храбрость и отважность прусаковъ до небесъ и утаивалъ совершенно то обстоятельство что изъ арміи нашей и четвертой доли не было въ дѣйствительномъ дѣлѣ, а что все дѣло кончили не болѣе какъ полковъ пятнатцать; протчіе же всѣ стояли, поджавъ руки и безъ всякаго дѣла за лѣсомъ. О самомъ рѣшительномъ обстоятельствѣ разсказывалъ онъ хотя справедливо, но въ другомъ видѣ, и, наконецъ, старался все заглушить приписываніемъ неномѣрныхъ похвалъ шуваловскимъ гоубицамъ и бывшимъ при сраженіи волонтерамъ, князю Репнину, графу Брюсу, графу Апраксину, гвардіи капитану Болтингу и иностраннымъ: цесарскому генералу Сант-Андрею, французскому полковнику Фитингофу, а особливо Лопиталю, саксонскому полковнику Ламсдорфу и гольштинскому поручику Надасти, о которыхъ, какъ видно, изъ единаго ласкательства говорилъ, что они на семъ сраженіи оказали будто чудеса храбрости, ревности, усердія и неустрашимости. Но въ самомъ дѣлѣ у насъ въ арміи всего меньше объ нихъ говорили, и всѣ сіи особы были такъ мало у насъ извѣстны, что мы даже и не знали, что они при оной находились; а притомъ никто и не понималъ, гдѣ-бъ и при какомъ случаѣ оказать имъ сіи чудеса храбрости, ибо баталія была столь стѣсненная и спутанная, что никому изъ командировъ и ничего здѣлать было не можно. А если кто славился и всею арміею похваляемъ былъ, то честь сію можно приписать полковнику Языкову; онъ здѣлалъ болѣе, нежели всѣ: хотя былъ самъ израненъ въ прахъ, но съ полкомъ своимъ выдержалъ весь огонь и, отбивъ стремящагося всею силою непріятеля, удержалъ весьма важной постъ; но о семъ истинномъ героѣ главной полководецъ нашъ въ реляціи своей не упомянулъ ни единымъ словомъ.

Что-жъ принадлежитъ до прусаковъ, то ничего не могло быть смѣшнѣе и досаднѣе того, какъ они изображали въ писаніяхъ своихъ сіе сраженіе, и съ какимъ безстыдствомъ лгали и выдумывали то, чего никогда не бывало, стараясь тѣмъ обмануть весь свѣтъ и придать сраженію сему видъ совсѣмъ иной и для нихъ выгоднѣйшей. Они затѣяли прежде всего ту на насъ совершенную небылицу, что мы стояли тутъ такъ окопавшись и въ такомъ крѣпкомъ ретраншаментѣ, что было у насъ здѣлано не только четыре линіи или вала, но предъ ними еще порядочныя траншеи, установленныя болѣе нежели 200-ми пушекъ, вмѣсто того, что у насъ не была нигдѣ и лопаткою земля копана, а траншеи на что-бъ были потребны—того не только мы не знали, но ежелибъ спросить и самого прускаго писателя, то и онъ бы не зналъ, что сказать, ибо сіе была уже сущая нескладица. Но симъ образомъ лагерь нашъ въ пылкомъ воображеніи своемъ угодно было ему укрѣпить для того, чтобъ тѣмъ болѣе увеличить героической духъ фельдмаршала своего Левальда, отважившагося атаковать насъ въ такомъ крѣпкомъ укрѣпленіи стоящихъ, и чтобъ тѣмъ удобнѣе можно было послѣ скрыть свой стыдъ и оправдать его въ потерянiи баталіи; ибо послѣ и сказалъ онъ, что сколько прусаки ни храбро наступали и сколь ни удачно они, яко-бы всю нашу первую линію, а особливо конницу опрокинули совершенно, и цѣлыхъ будто три баталіона и болѣе 60-ти пушекъ отъ насъ отхва-

тили, однако не было-де возможности никакъ всѣми толь многими, другъ за другомъ здѣланными, ретраншаментами овладѣть, но принуждено было бывшую уже въ рукахъ побѣду изъ оныхъ опять выпустить, и, побивъ у нашихъ до 9,000 человѣкъ, въ наилутчемъ порядкѣ ретироваться.

Вотъ какими безсовѣстными и безстыдными выдумками и явною неправдою старались они ослѣпить глаза свѣту и прикрыть стыдъ свой. Но, по щастію, описанія баталіи сей были у нихъ разныя и неодинакія, а во многомъ другъ съ другомъ несогласныя. Напримѣръ, въ другомъ извѣстіи прибавили они новую ложь, сказавъ, что у насъ здѣлана была изъ срубленныхъ деревъ засѣка, и что имъ трудно было ее переходить и потомъ строиться, хотя ничего того не бывало. А въ третьемъ извѣстіи лгали они еще того безстыднѣйшимъ образомъ, увѣряя свѣтъ, яко-бы кавалерія ихъ нашъ лѣвой флангъ и конницу совсѣмъ опрокинула и овладѣла батареею, вмѣсто того, что сія и близко ихъ къ себѣ не подпустила, но однимъ залпомъ такое произвела между ими пораженіе, что они въ тотъ же мигъ назадъ обратились, и, оставивъ въѣхавшей за фрунтъ къ намъ ескадронъ въ жертву нашимъ, съ нуждою уплелись сами и оставили крыло сіе съ покоемъ. Далѣе, безстыднѣйшимъ образомъ лгали они, что яко-бы у насъ на правомъ флангѣ надѣлано было множество батарей, другъ за другомъ, и что будто они тремя изъ нихъ овладѣли, но всѣми овладѣть не могли. Наконецъ, чтобъ безстыдную свою ложь увѣнчать еще того безсовѣстнѣйшею, то въ предлогъ, для чего они принуждены были ретироваться, затѣяли смѣха достойное дѣло и такую небылицу, которой истинно хохотать надобно, а имянно, яко-бы вторая ихъ линія, будучи густотою дыма обманута, сама начала стрѣлять по своей первой сзади, и что какъ сія, понявши симъ образомъ между двухъ огней и вытерпливая одинъ огонь сзади отъ своихъ, а другой спереди, отъ насъ, и стрѣльбу болѣе нежели изъ 150 пушекъ и мортиръ, не могла болѣе устоять, то и принуждена была ретироваться, оставивъ 11 пушекъ и побивъ у насъ болѣе 10 тысячъ, и такъ далѣе.

Симъ и подобнымъ сему образомъ старались прусаки залыгать весь свѣтъ и веселить себя сами, при своей неудачѣ. Но что удивительнѣе всего, то и самъ Пруской король, въ оставшихся послѣ смерти его сочиненіяхъ своихъ, упоминая о сей баталіи, говоритъ хотя всѣхъ протчихъ справедливѣе и описываетъ оную почти точно такъ, какъ она происходила, однако въ нѣкоторыхъ пунктахъ также нѣсколько прилыгаетъ, а имянно, говоря, что у насъ была засѣка и что потеряли они только 13 пушекъ, а изъ людей побитыми, раненными и въ полонъ взятыми только 1,400 человѣкъ—что столь же было несправедливо, какъ и то, что, по увѣренію его, армія ихъ не болѣе какъ въ 24 тысячахъ состояла. Впротчемъ, винилъ онъ очень фельдмаршала своего Левальда, для чего не атаковалъ онъ насъ прежде, а особливо наканунѣ того дня, какъ мы выходили и строились. Но, Богу извѣстно, удалось ли бы имъ тогда получить надъ нами какую-нибудь выгоду, ибо мы были тогда къ сраженію готовы и находились гораздо въ лутчей позиціи; а все сіе доказываетъ, что и самому королю донесено было обо всѣхъ обстоятельствахъ не весьма справедливо, и онъ самъ о баталіи сей не имѣлъ порядочнаго понятія.

Но какимъ бы то образомъ ни было но прусакамъ не удалось, по желанію своему, насъ разбить, и все искуство ихъ генераловъ и храбрость солдатъ не помогла имъ ни мало. Но судьбѣ было угодно, чтобъ мы ихъ побѣдили и прогнали обратно въ прежней ихъ укрѣпленной при Велавѣ лагерь, куда они, не будучи преслѣдуемы, и возвратились безъ помѣшательства.

Обстоятельство сіе сколько было пріятно и радостно намъ, столько огорчительно для короля Прускаго, которой въ самое сіе время находился весьма въ смутныхъ обстоятельствахъ. Пронгранная имъ противъ цесарцевъ славная баталія при

Колинѣ, о которой впереди и было упоминаемо, возъимѣла слѣдствія для его весьма непріятныя. Я выше уже упоминалъ, что онъ принужденъ былъ со стыдомъ оставить осаду богемскаго столичнаго города Праги, забыть всѣ пышные и великолѣпные свои замыслы и надежды къ скорому завоеванію всей Богеміи и помышлять, вмѣсто того, о томъ, какъ бы самому скорѣе и съ меньшимъ убыткомъ изъ Богеміи выбраться.

Въ семъ намѣреніи раздѣлилъ онъ армію свою на два корпуса, и одинъ изъ оныхъ повелъ самъ назадъ въ Саксонію, а другой отправилъ подъ предводительствомъ наслѣднаго принца, своего брата, отца нынѣшняго короля Прускаго *) въ Лузацію, дабы защитить тамошней край отъ впаденія цесарцовъ. Съ первымъ изъ сихъ корпусовъ вышелъ онъ изъ Богеміи, и въ Саксонію возвратился нарочито удачно и не претерпѣвъ никакихъ дальнихъ уроновъ; но армія наслѣднаго принца не была столь щастлива. Большая цесарская армія пошла вслѣдъ за оною, и имѣя у себя хорошихъ предводителей, стала такъ, что помѣшала принцу продолжать походъ свой къ Габелю. Въ сей крѣпости находился пруской генералъ Путкамеръ съ четырьмя баталіонами охраннаго войска. Цесарцы осадили его тутъ и принудили его тотчасъ здаться, а какъ овладѣніемъ сего мѣста пресѣчена принцу комуникація съ магазинами его, находящимися въ городѣ Цитау, то принужденъ онъ былъ искать другой дороги и обходить кругомъ чрезъ Камницъ. Но сей походъ былъ ему не только крайне труденъ, но бѣдственъ и убыточенъ, ибо на пути семъ, будучи безпрерывно обезпокоиванъ цесарцами, растерялъ онъ множество людей, амуниціи и багажа, и уморилъ-было всю свою армію съ голоду, ибо дошло до того, что она цѣлыя трои сутки не имѣла хлѣба и едва-было совсѣмъ не погибла, естлибъ, по щастію, генералъ Винтерфельдъ не доставилъ ей нѣсколько провіанта изъ Цитау. Словомъ, принцъ сей приведенъ былъ въ такое утѣсненіе, что вмѣсто того, чтобъ иттить въ Лузацію, принужденъ онъ былъ съ поспѣшностію ретироваться къ Бауцену и въ сторону къ Саксоніи. Тутъ соединился съ нимъ король, которой былъ такъ недоволенъ принцовымъ поведеніемъ, что нѣсколько времяни не хотѣлъ удостоить его своимъ взоромъ и изъявлялъ ему всѣ знаки своего гнѣва и немилости.

Однако и самому ему не лутчая во всемъ была удача. Онъ всѣми помянутыми произшествіями былъ такъ разстроенъ, что долго не могъ ничего предпріять и большую часть лѣта препроводилъ въ поправленіи разбитой своей арміи и въ снабденіи ея всѣмъ нужнымъ. Наконецъ, въ началѣ августа, собравъ къ себѣ разсѣянныя по разнымъ мѣстамъ деташаменты своихъ войскъ, вознамѣрился-было онъ опять испытать щастія своего противъ цесарцовъ, и для того отправился съ арміею къ Цитау; но нашолъ тутъ непріятеля, стоящаго въ столь выгодномъ положеніи, что онъ, на всю свою храбрость и искуство несмотря, не отважился приступить противъ него ни къ малѣйшему предпріятію, но, ничего не здѣлавъ, возвратился опять въ Саксонію, куда призывали его другія и важнѣйшія надобности; ибо получены были имъ извѣстія, что, съ одной стороны, союзники его гановеранцы, по потеряніи противъ французовъ баталіи, утѣснялися уже слишкомъ оными и что дѣло до того уже доходитъ, что арміи либо погибать, либо отдаваться въ полонъ; съ другой, что собралась уже и такъ-называемая имперская екзекуціонная армія, въ многочисленномъ количествѣ, около Нюренберга, и, соединившись съ французами, готовилась войтить въ Саксонію и учинить на него тутъ нападеніе; а съ третьей, что изъ Швеціи переправилось черезъ Балтійское море семнацатть тысячъ человѣкъ въ Померанію, и что войско сіе готовилось впасть въ его земли. Итакъ, противъ всѣхъ сихъ непріятелей надлежало королю дѣлать отпоръ и выдумывать всякія средства къ отпященію оныхъ.

*) Это писано въ 1789 году. *Изд.*

А какъ въ самое сіе время получено было извѣстіе о вступленіи и нашей арміи въ Прусію, а вскорѣ потомъ и о самой побѣдѣ, одержанной нами надъ его арміею, то все сіе натурально приводило мысли его въ великую разстройку. Онъ не зналъ куда и въ которую сторону напередъ обратить ему наивящее свое вниманіе, и все сіе довело его наконецъ до такого смущенія, что онъ предался почти совершенному уже отчаянію, и нехотя видѣть себя стыдомъ и безславіемъ покрытымъ, вознамѣрился-было уже совсѣмъ лишить самого себя жизни, какъ то нѣкоторыя писанныя имъ къ Вольтеру письмы и сочиненная самимъ имъ на случай сего самоубивства ода свидѣтельствуетъ ясно.

Вотъ до какова отчаяннаго состоянія доведенъ былъ король Пруской въ сіе лѣто, и сколь ему одержанныя надъ нимъ цесарцами и нами побѣды были чувствительны. Толь многіе непріятели, окружающіе его со всѣхъ сторонъ сильными и многочисленными арміями, причиняли ему великое опасеніе и нагоняли страхъ и ужасъ. Онъ чувствовалъ, что былъ онъ противъ всѣхъ ихъ слишкомъ слабъ и малосиленъ, и потому не иное что ожидалъ, какъ то, что его неминуемо разобьютъ, и что онъ не только потеряетъ все завоеванное, но что цесарцы овладѣютъ и всею Бранденбургіею его; а и объ насъ, какъ весь свѣтъ, такъ и самъ онъ, не сомнѣвался тогда въ томъ, что мы, воспользовавшись полученною надъ арміею его побѣдою, непреминемъ тотчасъ овладѣть всѣмъ его королевствомъ Прускимъ и выгнать изъ онаго остатки разбитой его арміи. Мы всѣ сами то же самое думали, однако щотъ сей дѣланъ былъ безъ хозяина, но Провидѣнію небесъ угодно было всѣ пронзшествія распорядить совсѣмъ инако и произвесть то, чего никто не могъ никакъ думать и ожидать, и чему весь свѣтъ до чрезвычайности удивился.

Все сіе увидите и услышите, любезной пріятель, въ будущемъ продолженіи моихъ писемъ, а теперь сего отъ меня не требуйте и не ожидайте. Письмо мое уже слишкомъ увеличилось, и мнѣ пора его окончить; а какъ и матерія съ сего времяни пойдетъ нѣсколько уже отмѣнная, то и кстати будетъ говорить о томъ уже особо; почему, прекративъ сіе и увѣривъ васъ о непремѣнности моей дружбы, остаюсь и протчая.

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА,

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ V.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРУССКОЙ ВОЙНЫ.

ПОХОДЪ КЪ ВЕЛАВѢ.

Письмо 49.

Любезной пріятель! Изобразивъ вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ всю первую половину нашего перваго пруского похода, и разсказавъ вамъ, какъ мы шли противъ непріятеля нашего, какъ его искали и какъ съ нимъ дрались и его побѣдили, приступлю теперь къ повѣствованію того, что происходило у насъ послѣ «апраксинской» нашей баталіи, и что здѣлали потомъ съ непріятелемъ мы и

что́ онъ съ нами, и чѣмъ, наконецъ, кампанія сего года кончилась.

Матерія о семъ, какъ думаю, будетъ для васъ не менѣе любопытна, какъ и предслѣдующая; но такова-жъ ли будетъ пріятна, какъ оная, въ томъ не могу никакъ впередъ поручиться, ибо какъ произшествія были не такія, а отмѣнныя, то принужденъ буду и я картины рисовать иного рода; почему и не взыщете, естли для глазъ будутъ онѣ иногда не слишкомъ увеселительны и пріятны, но болѣе досадны. Не я, а времена и обстоятельства тогдашнія были тому уже притчиною, что онѣ таковы, а не инаковы; ибо я буду принужденъ то описывать, что было, къ чему теперь и приступаю.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что мы, побѣдивъ нашего непріятеля, расположились лагеремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ происходило сраженіе, и нѣсколько дней препроводили въ торжествованіи сей побѣды и въ разборѣ и погребаніи побитыхъ. Отдохновеніе сіе было намъ хотя непротивно, однако нельзя сказать, чтобы было и пріятно, а мы всѣ болѣе удивлялись тому, что полководцы и командиры наши не старались ковать желѣзо, покуда оно было еще горячо, и не спѣшили иттить вслѣдъ за убѣгшимъ непріятелемъ, и маленькую его оставшею армію скорѣе до конца сокрушить и всѣмъ королевствомъ Прусскимъ скорѣе овладѣть не старались. И какъ ни одинъ человѣкъ изъ всей арміи нашей не сомнѣвался въ томъ, что прусаки и не подумаютъ уже болѣе намъ противоборствовать, но побѣгутъ отъ насъ какъ овцы, то увеселяли мы уже себя предварительною надеждою, что скоро и весьма скоро увидимъ мы уже и славной ихъ столичной городъ Кёнигсбергъ и вступимъ въ мѣста, наполненныя изобиліемъ во всемъ; и какъ всѣ нетерпѣливо желали, чтобъ скорѣе сіе совершилось, то не успѣлъ настать третей день послѣ баталіи, и мы и въ оной поутру услышали опять біемую зорю, а не генеральной маршъ, то всѣ начинали уже и гораздо поговаривать: «для чего мы тутъ стоимъ и мѣшкаемъ такъ долго?»

Наконецъ наступило 22-е число августа и мы, къ общему нашему удовольствію, услышали, что забили генеральной маршъ, а не зорю. Боже мой, какъ обрадовались тогда всѣ мы! Никто, я думаю, и никогда съ толикою охотою и усердіемъ не выступалъ въ походъ, какъ мы въ сіе утро; ибо все войско роптало уже давно, что насъ такъ долго тутъ на одномъ мѣстѣ держутъ, и даютъ между тѣмъ непріятелю время опамятоваться и собираться съ силами, и всѣ давно и съ величайшею ревностью желали иттить вслѣдъ за непріятелемъ. Почему не только ни мало не досадовали на то, что встревожили насъ еще очень рано, и что мы уже на самомъ разсвѣтѣ въ походъ выступить принуждены были, но охотно бы согласились иттить и съ самой полночи.

Поелику выступили мы въ походъ такъ рано, то никто не сомнѣвался въ томъ, что мы въ тотъ день учинимъ великой переходъ и отойдемъ по крайней мѣрѣ верстъ съ дватцать. Однако въ семъ мнѣніи мы очень обманулись. Армія наша, пробравшись сквозь лѣсъ тѣмъ тѣснымъ проходомъ при Альменгаузенѣ, о которомъ я упоминалъ прежде и за которымъ находился прежде сего пруской лагерь, и прошедъ находившуюся тутъ другую деревню, Бундорфъ, отошла не болѣе какъ 5 верстъ, и стала опять лагеремъ. Сіе удивило насъ всѣхъ до чрезвычайности и многіе, досадуя на то, говорили еще тогда:—«Ну! махнули же мы севодни, братцы! Легко ли сколько!»—«Да!» подхватывали другіе, «съ эдакимъ проворствомъ не дойдемъ мы и въ цѣлой мѣсяцъ до Кёнигсберга!»

При проходѣ сквозь вышеупомянутой и версты на двѣ въ ширину простирающейся лѣсъ, смотрѣлъ я съ особливымъ любопытствомъ на тотъ тѣсной проходъ, которой, дни за три до того, остановилъ нашихъ предводителей и побудилъ ихъ перемѣнить планъ своего намѣренія, и находилъ, что дефилея сія была въ самомъ дѣлѣ весьма важная и неудобь проходимая, и прусаки могли-бъ немногими людьми и пушками надѣлать намъ тутъ мно-

жество вреда и помѣшать намъ проходить сквозь оную. Мы и безъ непріятеля имѣли немалой трудъ пробраться сквозь сей тѣсной проходъ лѣсомъ.

Во время ночеванія нашего въ помянутомъ мѣстѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія, произошла у насъ во всей арміи тревога, и, что удивительнѣе всего, то къ сущему стыду нашему, совсѣмъ пустая. Сіе увеличило еще болѣе нашу досаду на предводителей. «Горе, а не предводители вы, государи наши», говорили мы, смотря на оныхъ: «будучи побѣдителями, а боитесь каждой мухи и всю армію сами не знаете для чего тревожите и безпокоите».

Какъ разсвѣло, то потащились мы опять въ походъ понемногу. И какъ мы не ожидали, чтобъ и въ сей день походъ нашъ былъ успѣшнѣе, то, смѣючись, говорили между собою: «посмотримъ, что-то Богъ дастъ сегодня и сколько-то уйдемъ». Мы въ мнѣніи своемъ вѣрно и не ошиблись. Цѣлую половину дня тащились мы четыре версты, проходя всѣ узкія мѣста между лѣсами и кустарниками. Переходъ сей, каковъ ни малъ былъ, но отяготилъ насъ до безконечности. День случился самой жаркой и духота такая, что мы не знали куда дѣваться. Пуще всего досаждало намъ то, что мы на всякомъ почти шагу принуждены были останавливаться и промедливать минуты по нѣсколько. Неуспѣемъ саженъ десяти или двадцати отойтить, какъ закричатъ «стой!» и мы принуждены стоять и печься на жару солнечномъ, а тамъ опять двинемся шаговъ пять, и опять «стой!» и такъ далѣе. Не можно изобразить, какъ таковой медленной походъ во время жаровъ несносенъ, а особливо въ такое время, когда отъ фронта не можно никуда ни на одинъ шагъ отлучиться: истинно власно какъ за душу кто тянетъ, и естлибъ не имѣли мы той отрады, что у всякаго изъ насъ была бутылка съ водою, смѣшанною съ уксусомъ, то отъ жажды не знали-бъ мы что дѣлать. Ни въ которое время, во все продолженіе похода, не была намъ сія вода толико нужна и драгоцѣнна, какъ въ сей день. Она казалась намъ лутче и превосходнѣе всѣхъ шампанскихъ и венгерскихъ винъ на свѣтѣ, и мы тысячу разъ благодарили сами себя, что догадались запастись оною и пастановить полны передніе ящики въ ротныхъ нашихъ патронныхъ ящикахъ бутылками. По особливому щастію, не имѣли мы во весь походъ недостатокъ въ уксусѣ; мы покупали его по рублю штофъ, но онъ такъ былъ намъ нуженъ, что мы согласились бы платить за него и по два, и по три рубля, естлибъ того требовала нужда.

Идучи столь медленными стопами и терзаясь ежеминутно досадою, не понимали мы, что-бъ тому была притчина, что мы такъ медленно тащились. Но неуспѣли мы пройтить помянутые перелѣски и, выбравшись на поле, дойтить до высокаго берега одной рѣки, какъ узнали мы тому притчину; ибо тутъ, къ превеликому удивленію нашему, увидѣли мы за рѣкою вдали предъ собою весь непріятельской лагерь, расположенной на горѣ.

Зрѣлище сіе всѣхъ насъ поразило до чрезвычайности; ибо мы всего меньше думали, чтобъ непріятель былъ отъ насъ такъ близко, но щитали его далеко ушедшимъ. Изъ сего не трудно было заключить, что намъ и не можно было спѣшить своимъ походомъ, но что и поневолѣ принуждены мы будемъ на помянутой горѣ остановиться и стать лагеремъ. Ибо, во-первыхъ, не можно было и рѣку безъ мостовъ переправиться, а во-вторыхъ, видя, что непріятель неслишкомъ насъ труситъ, не сомнѣвались мы, что онъ непреминетъ намъ въ переправѣ черезъ оную дѣлать помѣшательство.

Что мы предъугадывали, то и здѣлалось. Мы неуспѣли дойтить до помянутой рѣки, какъ и велѣно было намъ становиться по самому берегу лагеремъ и употребить всѣ нужныя отъ непріятеля осторожности; а сверхъ того и командиры наши постарались обезпечить станъ нашъ отъ нападенія непріятельскаго разстановленіемъ въ нужныхъ мѣстахъ пушекъ и бекетовъ.

Теперь, не ходя далѣе, дозвольте мнѣ,

любезной пріятель, на минуту остановиться и описать вамъ обстоятельнѣе все положеніе того мѣста, на которомъ мы остановились, ибо оно было для насъ довольно достопамятно. Итакъ, представьте себы одну, хотя не гораздо большую, однако и не само малую, а саженъ на десять или на пятнатцать въ ширину простирающуюся рѣку, и имѣющую теченіе свое очень низко, а притомъ и не гораздо прямо, но сочиняющую къ намъ немалую луку и изгибину. Одинъ берегъ сей рѣки, которая называлась Ааль, былъ очень крутъ и составлялъ превысокую гору, а другой былъ очень низокъ и, простираясь далѣе отъ рѣки, возвышался мало по-малу, такъ что составлялся самой отлогой косогоръ, котораго верхъ равенъ былъ преждеупомянутой горѣ, однако, не ближе какъ версты за три отъ оной. Армія наша, пришедъ, стала подлѣ самой оной рѣки, на крутомъ и возвышенномъ ея берегу, или на вышеупомянутой горѣ, между деревнями Гроссъ и Клейнъ-Уръ, а на другомъ берегу, внизу, подлѣ самой рѣки, находилась небольшая деревня Бергерсдорфъ, за которою пригорокъ, часъ отъ часу поднимаясь, и версты три отъ насъ разстояніемъ, соединялся съ горизонтомъ, гдѣ, то-есть на самомъ холму онаго, видѣнъ былъ передней фасъ стоящаго тамъ прускаго лагеря. Зрѣлище, которое мы впервые имѣли тогда случай видѣть, ибо до того времяни не было еще у насъ никогда, въ виду непріятельскаго лагеря. Внизъ рѣки, версты три или четыре отъ сего мѣста, вправѣ, находился прускій городъ, называемой Велау, по которой, за случившимся на той сторонѣ рѣки лѣсомъ, отъ насъ былъ не видѣнъ.

Вотъ какое было натуральное положеніе тамошняго мѣста, которое для меня было тѣмъ достопамятнѣе, что оно совсѣмъ почти походило на то, гдѣ находится мое жилище въ моемъ отечествѣ.

Армія пришла къ сему мѣсту еще довольно рано и расположилась лагеремъ такъ, какъ по неровному и вершинами и буераками изрытому мѣсту наиспособнѣе было можно. Нашему полку, какъ бывшему и тогда еще въ авангардномъ корпусѣ, случилось стать напереди всѣхъ и на самомъ берегу рѣки Ааль, противъ вышеупомянутой деревни Бергерсдорфъ; и какъ мѣсто сіе было наивозвышеннѣйшее, то предъ самымъ нашимъ полкомъ и поставлена была знатная часть нашей артилеріи.

Нельзя было способнѣе быть для артилеріи мѣста того, на которомъ она тогда стояла. Она могла очищать все пространное за рѣкою и чистое поле и командовать имъ такъ, что нельзя было ни одному человѣку на немъ показаться. Сіе имѣли мы случай видѣть въ самой практикѣ; ибо неуспѣли мы приттить и стать, какъ увидѣли уже на той сторонѣ непріятельскіе гусарскіе подъѣзды, выѣжжавшіе небольшими кучками изъ-за лагеря и подъѣжжающіе къ деревнѣ, для подсматриванія нашей арміи. Нетрудно заключить, что, имѣя батарею въ такомъ выгодномъ мѣстѣ, не можно было намъ дозволить разъѣжжать по полю по своей воли. Мы поздравили ихъ тотчасъ изъ двѣнатцати-фунтовыхъ пушекъ, и учтивство наше было имъ не весьма пріятно. На моихъ глазахъ пролетали ядры сквозь самыя ихъ кучки и принуждали ихъ разсѣваться врознь. Однимъ словомъ, мы и далеко ихъ до деревни не допустили; но чему и дивиться не можно, ибо съ такой горы, на какой мы тогда стояли, а притомъ стрѣляя на досугѣ и имѣя время, сколько хотѣли, прицѣливаться, и стыдно было нашимъ артилеристамъ, естлибъ не попадали. Имъ въ сей день было сущее для стрѣльбы ученье; и мы, собравшись, смотрѣли на ихъ удальство и не могли умѣньемъ ихъ довольно навеселиться.

Но какъ, несмотря на всѣ наши старанія и стрѣльбу, партіи ихъ до самой деревни подъѣзжали, и по притчинѣ приближающейся ночи опасались, чтобъ они не засѣли въ оной и не здѣлали-бъ намъ въ переправѣ черезъ рѣку какова-нибудь помѣшательства, то, въ отвращеніе того, приказано было наконецъ деревню сію зажечь. Сіе подало мнѣ случай видѣть, какъ зажигаютъ артилеристы строенія

брандкугелями или такъ-называемыми книпелями. Въ одинъ мигъ она у нихъ загорѣлась, и неуспѣли они нѣсколькихъ зажигательныхъ особаго рода ядеръ бросить, какъ находилась она вся въ пламени и горѣла до полуночи. Прусаки обвиняли потомъ насъ сожженіемъ сей деревни; но ежели по справедливости разсудить, то притчину къ тому подали они сами, и бѣднымъ жителямъ оной надлежало жаловаться не на насъ, а на самыхъ своихъ гусаръ, старавшихся безъ всякой дальней пользы засѣсть въ оной. Но какъ бы то ни было, но сей пожаръ воспрепятствовалъ прусакамъ въ деревнѣ сей засѣсть и укрѣпиться, и они удовольствовались, разставивъ свои бекеты въ находящемся между сею деревнею и городомъ Велавою при рѣкѣ сей лѣсѣ, для примѣчанія нашихъ дѣйствій.

Все сіе доказывало намъ, что переправа чрезъ рѣку сію намъ не такова легка будетъ, какъ мы думали, но что непріятели намѣрены дѣлать намъ въ томъ препятствіе. Однако, какъ переправляться необходимо было надобно, то и командированы были разныя команды для дѣланія чрезъ рѣку сію мостовъ, которыя и начали въ томъ того часа упражняться и пріуготовлять къ тому всѣ нужные матеріалы. И какъ мосты сіи не такъ скоро можно было здѣлать, то самое сіе и принудило армію въ семъ мѣстѣ простоять и весь послѣдующей день, то-есть 24 число августа.

Во время сего дневанія не произошло у насъ ничего важнаго и примѣчанія достойнаго, кромѣ того, что видно было, что непріятель какъ около своего лагеря, такъ и на сей сторонѣ рѣки, въ правую сторону отъ нашей арміи предъ городкомъ Велавою, дѣлалъ батареи для воспрепятствованія продолженія нашего похода и для защиты города, о которомъ думалъ онъ, что мы его атаковать и имъ овладѣть стараться станемъ; а чтобъ воспрепятствовать намъ и чрезъ рѣку переправляться, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы начинали мосты дѣлать, начиналъ дѣлать также редуты и батареи. Таковыя его движенія, доказывающія его намѣреніе намъ противоборствовать, непріятны были не только нашимъ главнымъ командирамъ, но и всему войску. Не трудно было заключить, что всему тому виноваты были наши главные командиры, упустившіе непріятеля послѣ баталіи безъ всякой погони, и давшіе имъ чрезъ то время опамятоваться и собраться съ силами. Сіе усматривали мы тогда довольно ясно и всѣ почти въявь на нихъ за то роптали. Они сами примѣчали уже свою ошибку; но какъ перемѣнить сего было уже не можно, то старались по крайней мѣрѣ и съ своей стороны употребить нѣкоторыя предосторожности; и какъ они, возобновивъ прежнюю свою трусость, стали боятся, чтобъ непріятель не пришолъ и не передушилъ насъ какъ куръ въ самомъ нашемъ лагерѣ, то въ отвращеніе того разсудили, для прикрытія арміи со стороны отъ города, поставить въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нашего праваго крыла сильный бекетъ съ шуваловскими гоубицами и пушками.

Поелику мнѣ самому случилось командировану быть на сей бекетъ, то и могу я разсказать обо всемъ томъ обстоятельнѣе, что при семъ случаѣ съ нами происходило. Насъ вывели на край самаго нашего лагеря и за деревню, и поставили противъ самой батареи, здѣланной непріятелями на курганѣ предъ городомъ, такъ что намъ какъ оная, такъ и весь городъ Велау былъ видѣнъ. День случился тогда красной, и мы не могли довольно насмотрѣться, видѣвъ, какъ прусаки выходили изъ мѣстечка и смѣняли караулъ на своей батареи. Ясныя ихъ ружья блестѣли отъ солнца, и мы любовались симъ зрѣлищемъ до самаго вечера.

При наступленіи ночи велѣно было намъ имѣть возможнѣйшую осторожность и смотрѣть, чтобъ ночью прусаки на насъ не напали. Правда, сего хотя и не было дальней притчины опасаться, однако, какъ вблизости передъ нашимъ бекетомъ въ лощинѣ находился лѣсокъ, то опасались мы, чтобъ непріятель, пользуясь ночною темнотою, не закрался въ оной и не учи-

нилъ бы на насъ нечаяннаго нападенія, какъ то уже въ семъ лагерѣ съ нашими фуражирами однажды и случилось, и они были непріятелемъ нечаянно потревожены. Чего ради, бывшей съ нами командиромъ, полковникъ велѣлъ двумъ шеренгамъ стоять во всю ночь въ ружьѣ, а двумъ отдыхать. Итакъ, тысяча человѣкъ у насъ стояла, а другая тысяча спала. Пушки же всѣ заряжены были ядрами и картечами, и канонеры стояли съ зажженными фитилями въ готовности.

Такимъ образомъ принуждены мы были препроводить ночь съ худымъ покоемъ. Для всѣхъ офицеровъ поставлено только было три солдатскихъ палатки, въ которыхъ побросались мы какъ были, въ шарфахъ и въ знакахъ, на землю. Но мы уже о томъ не тужили, но рады-бъ были, естлибъ только съ покоемъ и безъ тревоги ночь миновала; ибо надѣялись, что въ послѣдующее утро смѣнятъ насъ другія войски. Однако не такъ то здѣлалось, какъ мы думали; но неуспѣла ночь настать, случившаяся тогда очень темною, и мы въ палаткахъ своихъ заснуть, какъ вдругъ прибѣжали сказывать намъ, что въ лѣсочкѣ, находящемся саженъ за сто предъ нашимъ фрунтомъ, слышенъ какой-то шумъ и шорохъ, и что опасаются не непріятель ли въ оной вкрался. Услышавъ сіе, поскакали мы изъ сна, и безъ памяти бросились къ своимъ мѣстамъ. Мы нашли весь фрунтъ уже въ готовности, и обѣ спавшія шеренги пробудившіяся и стоящія уже въ строю. Темнота была превеликая, и мы сколько ни смотрѣли въ сторону къ лѣсу, однако ничего не можно было видѣть. Но какъ шорохъ и тихой шумъ въ лѣсу продолжался, то сіе побудило командира нашего отрядить нѣсколькихъ солдатъ и послать смотрѣть ближе къ лѣсу, съ приказаніемъ дать намъ тотчасъ сигналъ, какъ скоро они что-нибудь примѣтятъ. Не могу довольно изобразить, съ какою нетерпѣливостью ожидали мы сихъ посланныхъ назадъ, или отъ нихъ какова-нибудь знака, и какія душевныя движенія ощущали мы, готовясь всякую минуту къ принятію непріятеля хорошимъ залпомъ. Ружья у насъ всѣ были приготовлены, и оставалось только взвесть курки и стрѣлять, а равномѣрно и у пушекъ всѣ канонеры были въ готовности съ своими фитилями. Но что-жъ воспослѣдовало? Уже прошло минутъ десять; уже прошло и болѣе четверти часа; уже пора бы чему-нибудь и быть, но отъ посланныхъ нашихъ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія.—«Что за диковинка!» говорили мы, сошедшись между собою: «ужъ не пустой ли какой шумъ насъ встревожилъ?» Но удивленіе наше еще болѣе увеличилось, когда мы вмѣсто приказаннаго сигнала, чтобъ засвистѣть, услышали вдали смѣхъ и хохотанье.—«Господи! что́ это такое?» говорили мы. «Конечно, не непріятель, а что-нибудь смѣшное! Но чему бы такому быть?...» Но сумнѣніе наше скоро рѣшилось. Мы увидѣли посланныхъ нашихъ идущихъ назадъ и со смѣхомъ намъ сказывающихъ, что непріятель, напугавшей насъ, далеко не таковъ страшенъ, какъ мы думали, и что весь шумъ, слышанной нами, производили никто иной, какъ госпожи коровы, забравшіяся какимъ-то случаемъ въ сей лѣсъ и бродящія по оному съ привязанными на шеяхъ у себя погремушками.—«Тфу, какая пропасть!» говорили мы тогда досадуя и смѣючись: «прахъ бы ихъ побралъ; а мы думали ужъ Богъ знаетъ кто!...» Подосадовавъ симъ образомъ, что дали себя такой мечтѣ перетревожить и перепугать, разошлись опять по своимъ палаткамъ и растянулись на травѣ, провождать достальную часть ночи опять во снѣ.

Но ночь сія видно на то была опредѣлена, чтобъ намъ проводить ее въ безпрерывныхъ безпокойствахъ; ибо не успѣли мы угомониться и передъ свѣтомъ погрузиться въ наисладчайшей сонъ, какъ вдругъ проразистой крикъ и вопль проницаетъ наши слухи и пробуждаетъ всѣхъ насъ изъ сладкаго сна.—«Вставайте, вставайте!» закричали мы: «это уже не коровы, государи мои, а нѣчто поважнѣе». А не успѣли мы сихъ словъ выговорить, какъ послышанная, и въ самой

близости отъ насъ, ружейная стрѣльба всѣхъ насъ еще больше перетревожила. Тогда некогда было долѣе раздарабарывать, но мы, неинако заключая, что непріятели напали на наши отводные караулы, которые мы, для лутчей безопасности, поставили впереди, поскакали изъ сна, и, безъ памяти бросившись бѣжать къ своимъ мѣстамъ, кричали только: «къ ружью! къ ружью! Становись скорѣй въ строй, оправляй замки, кремни и ружья, и готовься къ стрѣльбѣ!» Однако и въ сей разъ сколько мы, приготовившись совсѣмъ въ темнотѣ, впередъ ни смотрѣли, но не могли ничего примѣтить, и нашъ страхъ и тревога опять кончилась ничѣмъ, и мы, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, узнали, что сей крикъ и стрѣльба здѣлалась не на нашей сторонѣ и не отъ нашихъ передовыхъ, а влѣвѣ, за рѣкою, и наутріе провѣдали, что тревогу сію учинили наши калмыки, изъ коихъ нѣсколько человѣкъ, переплывъ чрезъ рѣку, напали на стоявшей за рѣкою непріятельской бекетъ и, разбивъ оной, привезли съ собою нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ.

Поутру, въ наступившее за симъ 25-е число августа, получивъ смѣну, возвратились мы въ свой полкъ и могли уже тамъ, сколько хотѣли, выспаться, потому что армія и въ сей день стояла на томъ же мѣстѣ лагеремъ и ничего не предпринимала. А непріятель продолжалъ часъ-отъ-часу болѣе укрѣпляться редутами и батареями, и преполагать намъ въ дѣланіи нашихъ мостовъ столько затрудненій, что наши командиры принуждены были намѣреніе свое—переходить рѣку въ семъ мѣстѣ—оставить, и, уничтоживъ начатое, помышлять о иныхъ средствахъ. Мы не знали, что съ нами наконецъ тутъ воспослѣдуетъ, и гдѣ мы сію рѣку переправляться станемъ, и не сомнѣвались въ томъ, что вскорѣ опять чему-нибудь быть надобно, и что у насъ не пройдетъ безъ схватки съ непріятелемъ. Всѣ его движенія и предпріятія доказывали намъ, что онъ никакъ не намѣренъ дать намъ спокойно переправляться чрезъ рѣку, но что помышляетъ о хорошемъ отпорѣ; а особливо ожидали мы сего въ томъ случаѣ, если вздумаютъ наши итти прямо чрезъ городокъ Велау и за онымъ переходить рѣку по готовому уже мосту. Видимыя нами его батареи, подѣланныя предъ входомъ въ сей городокъ, угрожали насъ кровопролитною встрѣчею, и, признаться надобно, что намъ сіе не весьма было пріятно, и тѣмъ паче, что мы такого сопротивленія никакъ не ожидали, и потому отъ-часу болѣе роптали на командировъ своихъ и порочили ихъ за то, что они упустили непріятеля безъ погони и не умѣли, воспользуясь тогдашнею его разстройкою и трусостію, овладѣть еще тогда-жъ симъ важнымъ мѣстомъ.

Въ сей неизвѣстности о томъ, что̀ будетъ происходить, препроводили мы весь сей день. Но въ вечеру разрѣшилось наше сомнѣніе, и неожиданной приказъ, отданной во всей арміи, привелъ насъ въ новое удивленіе, а имянно: всѣмъ намъ приказано было наутріе готовиться къ походу, и объявлено, что вся армія съ свѣтомъ вдругъ выступитъ тихимъ образомъ въ походъ.

На семъ мѣстѣ дозвольте мнѣ, любезной пріятель, пресѣчь мое письмо. Мнѣ хочется оставить васъ въ нетерпѣливости узнать, что̀ послѣдуетъ далѣе. Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а между тѣмъ остаюсь вашъ вѣрный и покорной слуга.

ПРИ АЛЕНБУРГѢ.

Письмо 50.

Любезной пріятель! Послѣднее письмо мое кончилъ я тѣмъ, что отданъ былъ во всю армію съ вечеру приказъ, что наутріе вся армія выступитъ въ походъ и учинитъ сіе тихимъ и тайнымъ образомъ. Поелику таковаго приказанія намъ до того времяни никогда еще отдавано не было, то и удивило оно насъ до чрезвычайности. Однако мы думали, что предводители наши, конечно, хотятъ употребить какую-нибудь стратагему или военной обманъ, и хотятъ выступить для того

скрытно въ походъ, чтобъ либо нечаянно овладѣть городомъ Велавою, либо переправиться чрезъ рѣку гдѣ-нибудь въ другомъ и намъ еще неизвѣстномъ мѣстѣ.

Въ сей неизвѣстности, и горя нетерпѣливымъ желаніемъ узнать, вправо ли мы пойдемъ или влѣво, и не будемъ ли наутріе имѣть съ непріятелемъ дѣла, препроводили мы всю ночь, а въ послѣдующей день, то-есть 26-го числа августа, какъ скоро начало разсвѣтать, то пробита была зоря вмѣсто генеральнаго марша, въ знакъ того, что будто армія стоять будетъ и въ тотъ день непоколебимо на томъ же мѣстѣ. А чтобъ лутче скрыть обманъ, то велѣно было нашему авангардному корпусу быть уже въ аріергардѣ и палатки свои до тѣхъ поръ не снимать, покуда главная армія вся, и съ обозами своими, въ походъ выступитъ и нѣсколько уже поудалится; а гусарамъ и казакамъ до тѣхъ поръ оставаться въ своемъ мѣстѣ, покуда армія вступитъ въ новой свой лагерь. Но смѣшной это былъ обманъ! Мы надѣялись обмануть непріятеля, а не вѣдали того, что онъ обманулъ насъ прежде, и что лагерь его, видимой нами, и сначала уже былъ фальшивой и пустой, и содержалъ въ себѣ только малое число войскъ; а объ арміи пруской говорили, что главная часть оной давно уже пошла далѣе къ Кёнигсбергу, а другая отправилась туда, гдѣ наша армія вздумала вновь мосты строить, чтобъ и тамъ разрушить наше намѣреніе; ибо непріятелямъ нашимъ всѣ наши предпріятія и замыслы были извѣстны, и онъ имѣлъ въ войскѣ нашемъ такихъ людей, которые его обо всемъ наивѣрнѣйшимъ образомъ увѣдомляли. По крайней мѣрѣ, говорили тогда такъ, и подозрѣвали въ томъ наиболѣе господина Ливена. Но какъ бы то ни было, но мы выступили безъ всякаго шума въ походъ и пошли влѣво, въ верхъ по рѣкѣ Аль къ мѣстечку Аленбургу, и, отошедъ нѣсколько верстъ съ превеликимъ трудомъ, расположились при брегахъ оной рѣки лагеремъ.

Наутріе (27) думали мы, что будемъ переправляться чрезъ рѣку, однако вмѣсто того простояли мы весь день безъ всякаго дѣла. Сія медлительность была намъ всѣмъ удивительна. Но мы удивились еще больше, какъ объявлено было, что и въ послѣдующей день, то-есть 28 число, армія останется на томъ же мѣстѣ. «Господи помилуй!» говорили мы между собою: «что за диковинка, и долго-ль намъ чрезъ рѣку не перебираться?» Но удивленіе наше еще увеличилось, какъ не видно было и никакихъ пріуготовленій къ переправѣ, хотя непріятелей, готовящихся мѣшать намъ въ томъ, также было нимало непримѣтно, но вмѣсто того примѣчали мы, что солдатамъ нашимъ дана была воля грабить находящейся за рѣкою прекрасной дворянской замокъ, такъ-же спустить превеликой прудъ, случившейся посреди самаго нашего лагеря съ насаженною въ него рыбою — карпіею. При семъ случаѣ узналъ я впервые, какая хорошая рыба была карпія и какіе пруды бываютъ съ оною. Сей рыбы было такое множество въ ономъ, что она въ арміи тогда за ничто почти продавалась, и можно прямо сказать, что не только мы, но и солдаты наѣлись ей до-сыта,—такъ много ея тутъ было! Истинно, какъ спустили весь прудъ, то превеликія карпіи, власно какъ поросята, въ оставшей немногой водѣ и тинѣ ворочались, и смѣшно было смотрѣть, какъ люди наши и солдаты, бродя по тинѣ, ихъ вытаскивали и такою легкою ловлею веселились.

Между тѣмъ какъ симъ образомъ вся армія упражнялась въ рыбной ловлѣ и въ варенію своихъ карпіевъ, господа полководцы и предводители наши совсѣмъ другое помышляли. Упражненіе ихъ было мудреное и никѣмъ неожидаемое: они помышляли о томъ, какъ бы обратить въ ничто всѣ понесенные до того времяни войсками нашими труды, потерять ни за что всѣ претерпѣнные убытки и пролитую толь многими сынами отечества кровь; расплесть опять полученной вѣнецъ славы и побѣды, покрыть себя стыдомъ и безчестіемъ и нанесть всей арміи пятно и худую на вѣкъ и досадную всѣмъ истиннымъ патріотамъ славу. Однимъ словомъ,

буде вѣрить разнесшейся потомъ молвѣ, то слетали они то, что̀ солдаты, по неразумію своему, называютъ измѣною. Но правда ли то, или нѣтъ, того истинно не знаю, а то только вѣдаю, что 28 день августа былъ послѣднимъ днемъ нашей славы, пышности, мужественнаго духа и лестной надежды увидѣть вскорѣ стѣны славнаго города Кёнигсберга и развѣваемыя на нихъ наши знамены, а все королевство Пруское покоренное нашему оружію и во власти нашей; а 29-е число августа былъ тотъ достопамятной и крайне-досадной день, въ которой унали всѣ наши сердца и мы, лишившись всего мужества, покрылись стыдомъ и безчестіемъ и принуждены были истребить изъ себя всѣ прежнія толь лестныя надежды. Коротко, въ сей никогда незабвенной день обратили мы непріятелю свой тылъ и поплелись назадъ въ свое отечество, будучи покрыты такимъ стыдомъ, что не отважывались взирать другъ на друга, а только съ несказаннымъ удивленіемъ другъ у друга спрашивали, говоря: «что это, братцы?—что это такое съ нами творится и совершается? Куда каковы хороши мы!» и такъ далѣе.

Не могу безъ досады и понынѣ вспомнить, какое здѣлалось тогда вдругъ во всей арміи волненіе; истинно не было почти человѣка, у котораго бы на лицѣ не изображалась досада, съ стыдомъ и гнѣвомъ смѣшанная. Повсюду слышно было только роптаніе и тайное ругательство нашихъ главныхъ командировъ. Многіе въявь почти кричали, что «измѣна! и измѣна очевидная!» а другіе, досадуя и смѣючись говорили: «что это, государи мои! или мы затѣмъ только въ Пруссію приходили, на то столько трудовъ принимали и на то только кровь свою проливали, чтобъ намъ здѣсь карповъ половиться и поѣсть?—Что это дѣется съ нами? Гдѣ дѣвался умъ у всѣхъ нашихъ генераловъ?» и такъ далѣе. Однимъ словомъ, роптаніе было повсемѣстное, и сколь ни мило было намъ всѣмъ свое отечество, но врядъ ли кто съ охотою тогда въ обратной путь къ оному шествовалъ—столь чувствителенъ намъ былъ сей неожидаемой случай!

Ежели хотите теперь знать, что̀ такое собственно принудило предводителей нашихъ къ сему потерянію всѣхъ нашихъ выгодъ ни за что и къ столь постыдному возвращенію, то истинно не могу вамъ ничего подлиннаго на сіе сказать. Будучи тогда такимъ малымъ человѣкомъ, не можно мнѣ было ничего узнать точнаго, а всѣ обвиняли тогда только фельдмаршала нашего, графа (?) Апраксина, которой, какъ извѣстно, и умеръ потомъ отъ того въ несчастіи и отъ печали. Правда, нѣкоторые говорили, будто имѣлъ онъ тайныя какія-то повелѣнія и поступилъ по онымъ; но подлинно никто о томъ не вѣдалъ, а довольно, что онъ пошолъ съ арміею назадъ и упустилъ изъ рукъ всѣ выгоды и плоды, пріобрѣтенные нашею побѣдою, и здѣлалъ весьма славное дѣло, то-есть: поступкою своею удивилъ не только всю нашу армію, но и самого непріятеля и даже всю Европу. Словомъ, онъ здѣлалъ то, что въ исторіи о семъ приключеніи осталась на вѣкъ та память, что обратной походъ нашей арміи удивилъ всю тогда Европу, и что никто во всемъ свѣтѣ не могъ понять что̀ бы побудило графа (?) Апраксина выпустить изъ рукъ всѣ пріобрѣтенныя выгоды, и — имѣя уже бо́льшую часть королевства Прускаго въ рукахъ, и находясь уже столь близко отъ столичнаго города Кёнигсберга—вдругъ воротиться и выттить изъ всей Прусіи, чему сначала никто, и даже самые непріятели наши не хотѣли вѣрить, покуда не подтвердилось то самымъ дѣломъ. Нѣкоторые иностранные писатели, описывавшіе жизнь короля Прускаго, упоминаютъ, что впослѣдствіи оказалось, что истинною притчиною сего возвратнаго похода было то, что императрицѣ нашей Елисаветѣ Петровнѣ случилось въ теченіе сего лѣта очень занемочь, и что бывшей тогда у насъ канцлеромъ графъ Бестужевъ, опасаясь ея кончины и замышляя въ умѣ своемъ произведеніе нѣкоторыхъ важныхъ при Дворѣ перемѣнъ, а особливо въ разсужденіи самаго наслѣдства, писалъ самъ отъ себя и безъ вѣдома императрицы къ графу (?)

Апраксину, которой былъ ему другъ, чтобъ онъ съ арміею своею возвратился въ отечество.

Но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что фельдмаршалъ нашъ, вознамѣрясь итти назадъ, созвалъ для вида военной совѣтъ и насказалъ всѣмъ генераламъ столько объ оказавшемся яко-бы великомъ недостаткѣ въ провіантѣ и фуражѣ въ арміи и о невозможностяхъ походъ свой простирать далѣе,—по притчинѣ, что ушедшая къ Кёнигсбергу прусская армія сама всѣ мѣста по дорогѣ опустошила, такъ что нигдѣ верстъ за двадцать фуража достать никоимъ образомъ было не можно,—что убѣдилъ почти всѣхъ противъ желанія согласиться на его предложеніе и подписать приговоръ о воспріятіи обратнаго похода на время къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ находились въ заготовленіи магазины. Одинъ только прежде упоминаемой генералъ-аншефъ Сибильской не соглашался никакъ на сіе предложеніе и утверждая, что провіанта и фуража въ арміи довольно, что она въ томъ не имѣетъ никакого недостатка, не хотѣлъ никакъ подписывать приговора; но его столь же мало и въ сей разъ послушали, какъ послѣ баталіи, когда онъ, совѣтуя учинить погоню, просилъ себѣ только трехъ пѣхотныхъ полковъ и хотѣлъ ими нанесть разбитому непріятелю нанчувствительнѣйшей ударъ, но ему въ томъ было отказано.

Но какъ, несмотря на все сіе, легко можно было ожидать, что во всемъ войскѣ здѣлается великой ропотъ, то всходствіе всего вышеупомянутаго и разглашено было во всей арміи, что къ такому неожидаемому никѣмъ возвращенію принудила насъ самая необходимость и, во-первыхъ, то, что походъ намъ далѣе продолжать препятствуетъ стоящая, будто, за рѣкою непріятельская армія, охраняющая проходъ при Велавѣ и укрѣпившая его батареями; во-вторыхъ, и что, будто всего важнѣе, для того, что появился въ арміи великой недостатокъ въ провіантѣ, и что, будто, надежды не было нигдѣ его достать и получить.

Нашлись многіе, которые, сему разглашенію повѣривъ, тѣмъ и довольствовались; но разумнѣйшіе были совсѣмъ иныхъ мыслей. Симъ извѣстно уже было, что это одно прикрывало и пустой обманъ, и что пруской арміи и въ завѣтѣ уже не было, а провіанта находилось довольно еще въ арміи; а, сверхъ того, находилось онаго великое множество въ городѣ Велавѣ, которой у непріятеля отнять никакова труда не стоило, потому что сей городокъ былъ совсѣмъ неукрѣпленной и защищаемой только малымъ числомъ войска. А нужно бы его взять, какъ выгнали-бъ мы прусаковъ изо всего королевства Прускаго, и поелику тогда начиналась уже осень, то могли-бъ вездѣ провіанта и фуража столько получить, сколько-бъ хотѣли, а особливо по сторонамъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ни арміи, ни фуражированія еще не было.

Такимъ образомъ разсказалъ я вамъ, любезной пріятель, все продолженіе нашего похода впередъ; а теперь осталось разсказать вамъ объ обратномъ нашемъ путешествіи. О, что это былъ за походъ! истинно (сердце) обливается кровью, какъ я ево и всѣ обстоятельства вспомню. Однимъ словомъ, съ радостію-бъ умолчалъ я объ оном, естлибъ исторической порядокъ не требовалъ отъ меня и ему таковаж описанія, какъ предслѣдующему.

Но я отложу повѣствованіе о томъ до послѣдующаго письма; а теперечнее окончу, разсказавъ вамъ, что сей несчастной и постыдной для насъ пунктъ времяни былъ въ особливости щастливъ для короля Прускаго; ибо съ самаго почти сего дня начали пресѣкаться всѣ его смутныя обстоятельства и пошло вездѣ ему особливое щастіе, власно такъ, какъ бы фельдмаршалъ нашъ г. Апраксинъ проступкою своею проложилъ къ тому путь и дорогу. Въ доказательство того скажу, что на другой же день сего произшествія, а имянно 30 августа, произошло въ Европѣ и другое для него весьма выгодное обстоятельство, произшедшее также отъ непростительной погрѣшности главнаго предводителя французской арміи, а имянно:

Я надѣюсь, что вы, любезной пріятель,

помните еще, что мы оставили побѣдоносную французскую армію находящеюся въ погонѣ за разбитою гановеранскою, которая была союзная королю Прускому и находилась подъ командою герцога Кумберланскаго. Сію армію загнали французы до самаго приморскаго города Штаде и утѣснили такъ, что герцогу Кумберланскому, лишенному всѣхъ удобностей къ дальнѣйшему бѣгству и къ снабденію арміи своей провіантомъ и фуражемъ, другого не оставалось, какъ либо вновь отважиться на сраженіе съ французами, либо положить оружіе и отдаться въ полонъ со всѣмъ войскомъ. Но какъ онъ однажды при Гастенбекѣ былъ французами разбитъ и претерпѣлъ великой уронъ, то вновь съ ними сражаться не хотѣлось ему ни подъ какимъ видомъ, и потому оставалось одно послѣднее. Всѣ и щитали, что сіе воспослѣдуетъ дѣйствительно, и что французы при семъ случаѣ учинятъ то же съ гановеранскою союзною арміею, что̀ учинилъ король Пруской съ саксонскою, то-есть, возьмутъ ее всю въ полонъ. Но, къ удивленію всего свѣта, вышла тутъ такая-жъ неожидаемость, какъ и съ нашимъ обратнымъ походомъ, а имянно: вмѣсто того, чтобъ здѣлать сіе славное и громкое дѣло, новому командиру французской арміи, господину маршалу Ришеліе, добившемуся главной команды чрезъ поиски и пронырствы при французскомъ дворѣ, заблагоразсудилось, противъ всякаго чаянія и здраваго разсудка, заключить съ герцогомъ Кумберландскимъ въ монастырѣ Севенѣ перемиріе и трактатъ съ условіемъ, чтобъ войску его противъ французовъ болѣе не воевать. Но, что̀ глупѣе и смѣшнѣе всего, то условлено̀ при томъ было, чтобъ всѣ, бывшія въ гановеранской арміи союзныя ей и вспомогательныя гессенъ-касельскія, брауншвейгскія, саксенъ-готайскія и линскія войска распустить въ ихъ отечество съ пашпортами маршала Ришеліе, а англійскимъ войскамъ такимъ же образомъ удалиться за рѣку Ельбу; оставшимся же въ Штаде не переходить назначенныхъ въ договорѣ предѣловъ.

Заключеніе таковаго, никѣмъ неожидаемаго договора столько же удивило весь свѣтъ, сколько и наше возвращеніе. Выгода же короля Прускаго проистекла оттого та, что помянутыя распущенныя съ пашпортами войски тотчасъ данное свое слово и обѣщаніе не воевать нарушили, и передались всѣ къ королю Прускому, вступили къ нему въ службу и собою пріумножили его войско; а король непремину̀лъ симъ случаемъ воспользоваться, и сживъ нечаяннымъ образомъ двухъ столь страшныхъ непріятелей съ своихъ рукъ, ободрился и положилъ съ протчими перевѣдываться уже поодиночкѣ, въ чемъ, наконецъ, онъ и успѣлъ болѣе, нежели сколько самъ онъ думалъ и ожидалъ, какъ о томъ упомянуто будетъ впредь подробнѣе.

Симъ окончу я мое теперешнее письмо; въ послѣдующемъ за симъ разскажу вамъ обратное наше путешествіе; а между тѣмъ сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрной другъ, остаюсь и протчее.

ОБРАТНОЙ ПОХОДЪ.

Письмо 51.

Любезной пріятель! Вотъ письмо, которое предаю я вамъ на волю. Оно не содержитъ въ себѣ ничего, кромѣ описанія такихъ произшествій, которыя произвели во всемъ свѣтѣ досадное, но справедливое арміи и всему нашему россійскому народу безславіе: ибо, идучи назадъ, оставляли мы повсюду только слѣды стыда, трусости и непростительной жестокости, что̀ все всякому истинному патріоту ненако̀ какъ въ досаду обращаться долженствовало.

Приступая теперь къ дѣлу, прежде всего скажу вамъ, что сколь медлительно и непроворно шли мы сперва впередъ, столь поспѣшно и проворно пошли мы назадъ, власно такъ, какъ бы намъ предстояла какая-нибудь превеликая бѣда, и мы отъ непріятеля побѣждены и всею его арміею гонимы были. Сей поспѣшности первые знаки увидѣли мы еще въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда пошли назадъ. Наканунѣ того дня, въ которой мы выступили, отданъ былъ приказъ, чтобъ уменьшить

колико можно, въ арміи повозокъ, и чтобъ у офицеровъ не только по двѣ, но и по одной бы не было, а по два бы офицера на одну повозку укладывались и излишнія вещи жгли и бросали. Легко можно заключить, что повелѣніе сіе было намъ не весьма пріятно, но насъ всѣхъ до безконечности перетревожило. Въ превеликомъ неудовольствіи и роптаніи на командировъ своихъ говорили мы тогда между собою: «изрядное награжденіе за труды наши!—Вмѣсто того, чтобъ возвращаться въ отечество съ полученными отъ непріятеля корыстьми, велятъ намъ и свое родное сжечь и бросать!» Но всѣ таковыя роптанія намъ не помогали. Многіе, дѣйствительно, принуждены были, исполняя повелѣніе сіе, съ послѣднимъ почти своимъ скарбишкомъ разставаться, и послѣ отъ самаго того еще болѣе терпѣть нужды и отягощенія, нежели терпѣли прежде. Но мнѣ удалось и сей разъ избѣжать сего зла: я, будучи и тогда еще ротнымъ командиромъ и одинъ почти въ ротѣ, могъ уже, подъ предлогомъ, что мнѣ не съ кѣмъ соединяться, удержать одинъ свою повозку и съ нею все то, что имѣлъ до того времяни.

Итакъ, помянутаго 29 числа, то-есть ровно черезъ десять дней послѣ нашей баталіи, выступили мы въ походъ и поплелись обратно въ сторону къ своему отечеству. И поелику намъ тѣми же самыми мѣстами иттить назадъ было не можно, которыми мы шли впередъ, потому что они всѣ были опустошены и начисто очищены, то взяли мы нѣсколько вправо и пошли прямою дорогою къ городу Инстербургу, гдѣ оставлены были у насъ разныя команды. Мы спѣшили колико можно; однако, со всею поспѣшностью, не могли мы въ тотъ день перейтить болѣе 7 верстъ, ибо случившаяся на пути нашемъ переправа чрезъ одно неудобное мѣсто здѣлала намъ столько остановки, что мы принуждены были не только весь тотъ, но и послѣдующей за тѣмъ день, то-есть 30 число августа, прогваздаться на сей переправѣ.

31-го числа продолжали мы походъ свой далѣе, и авантгардной нашъ корпусъ, въ которомъ уже не было нужды, распущенъ былъ по дивизіямъ, и нашъ полкъ попалъ въ третью изъ оныхъ. Въ сей послѣдней день августа переправились мы верстъ съ 13.

Въ послѣдующей за симъ день, то-есть сентября 1-го, пошла армія далѣе и нашему полку досталось въ сей день быть въ аріергардѣ и иттить позади всѣхъ; намъ велѣно было имѣть возможнѣйшую осторожность и жечь всѣ, остающіяся отъ арміи, и по нещастію изломавшіяся повозки. Какое зло и особливое нещастіе для тѣхъ, у конхъ случилось чему-нибудь испортиться и изломаться! Не оказываемо было тутъ ни малѣйшаго сожалѣнія и не принимаемо было ничто въ уваженіе, хотя бы кто чрезъ сіе послѣдняго своего имѣнія лишался. Впротчемъ, хотя о непріятелѣ не было ни слуху, ни духу, ни послушанія, однако въ аріергардѣ находилось нѣсколько тысячъ, и мы шли фронтомъ цѣлою колонною, равно такъ, какъ бы непріятель слѣдовалъ по стопамъ нашимъ. Таковое шествіе причиняло намъ неописанное и такое безпокойство, какого мы до того времяни никогда не ощущали; ибо какъ погода стояла тогда сухая и жаркая, шли же мы прямо пашенными и хлѣбными полями, не разбирая, пустая ли была земля или засѣянная хлѣбомъ, то армія, проваливъ цѣлою грудою со всею своею артилеріею и безчисленными повозками, всю поверхность земли такъ взмѣсила, что она обратилась въ наинѣжнѣйшую пыль. Когда же пришла очередь иттить намъ позади и цѣлою еще колонною, то поднялась такая пыль, что въ оной шли мы власно, какъ въ нангустѣйшемъ и такомъ туманѣ, что на сажень не можно было другъ друга видѣть. Но между туманомъ и пылью была та проклятая разница, что въ первомъ можно иттить, никакого отягощенія не ощущая; а пыль, набиваясь и въ глаза, и въ ноздри, и въ ротъ, не только всѣхъ насъ подѣлала чучелами, но причиняла намъ крайнее безпокойство. Словомъ, сей день былъ для насъ весьма памятенъ, и мы его долго забыть не могли.

Въ послѣдующее потомъ второе (2) число продолжали мы походъ свой далѣе; но перешедъ только верстъ пять, остановились, и на семъ мѣстѣ, за усталостью лошадей, дневали (3).

Наконецъ, четвертаго (4) числа, пришла армія къ городу Инстербургу и, не переходя рѣки Прегеля, стала лагеремъ и ночевала. Въ семъ мѣстечкѣ находились у насъ оставленныя команды, охраняющія запасной провіантъ и другія вещи. Все сіе принуждены мы были теперь забирать съ собою и оставлять городъ сей опять во власть непріятеля. Не могу изобразить, сколь велика была радость жителей городскихъ, смотрящихъ на наше выступленіе, и сколь великъ, напротивъ того, былъ стыдъ, съ которымъ мы, будучи побѣдителями, тащились симъ образомъ, безъ всякой нужды, назадъ, и выходили изъ мѣстъ, оружіемъ нашимъ до того покоренныхъ.

Наутріе, то-есть 5-го числа, какъ въ день имянинъ тогда царствующей императрицы нашей, вздумалось предводителямъ нашимъ отправить обыкновенное торжество, и для того въ нѣкоторыхъ полкахъ поставлены были полковыя церкви, для отправленія службы божіей, а армія вся выведена была въ парадъ и производима была обыкновенная троекратная пальба изъ пушекъ и изъ ружья, и нѣсколько пудовъ пороху разстрѣляно на воздухъ. Но, правду сказать, у насъ такъ много его осталось, что и дѣвать было его некуда.

Мы думали, что простоимъ тутъ весь оной день, однако поспѣшность нашего предводителя или, паче сказать, трусость и опасеніе, чтобъ не напалъ на насъ непріятель и, сохрани Господи! не разбилъ бы всей арміи, сего никакъ не дозволила. Но мы, по приказанію его, принуждены были еще въ тотъ же день, съ великимъ поспѣшеніемъ, перебираться за мѣстечкомъ чрезъ рѣку Прегель и становиться на той сторонѣ въ лагерь, а мосты на Прегелѣ того момента были сняты.

Мы не медлили въ семъ лагерѣ почти ни часа, но поутру въ послѣдующее шестое (6) число пошли далѣе; и чтобъ въ походѣ меньше было остановки, то пошла армія двумя дорогами къ городу Тильзиту, гдѣ находились наши раненые и многія другія команды. Первая и вторая дивизія пошла по правую, а третья — по лѣвую сторону рѣки, и перешедъ въ сей день болѣе 15 верстъ, стали лагеремъ. Сей переходъ былъ намъ весьма труденъ, потому что настала дождливая и ненастная погода и здѣлалось очень грязно. А какъ и дорога была очень неровная и вездѣ были переправы чрезъ рѣчки и вершины, то цѣлая вторая дивизія и многіе обозы не могли не только въ тотъ день, но до самой ночи и седьмого (7) числа притти въ лагерь, что̀ принудило фельдмаршала нашего, противъ желанія своего, здѣлать тутъ двухдневной растахъ (8).

Нашему полку досталось тутъ опять быть въ аріергардѣ, и мнѣ съ онымъ. Сіе я для того упоминаю, что мы, идучи въ аріергардѣ, принуждены были ночевать на дорогѣ и въ такомъ безпокойствѣ, въ какомъ мы никогда еще ночей не препровождали, и потому ночь сія была для насъ весьма памятна. Мы принуждены были всю ее препроводить не только подъ дождемъ, стоя на одномъ мѣстѣ и подъ ружьемъ, но почти по колѣно въ грязи. Притчиною тому была переправа черезъ одну небольшую, но низкіе и топкіе берега имѣющую рѣчку, текущую сквозь широкую и болотистой грунтъ имѣющею долину. Какъ всѣмъ обозамъ принуждено было переправляться чрезъ сію рѣчку по здѣланнымъ немногимъ и скернымъ мосточкамъ, то не можно было имъ никакъ поспѣшить; а сіе и притчиною было, что къ сему мѣсту привалило безчисленное множество повозокъ, которыя все сіе топкое и слабое мѣсто такъ взмѣсили, что каждая повозка стояла по ступицу въ грязи, а бѣдные солдаты нашего аріергарднаго корпуса, слѣдующіе непосредственно за оными, принуждены были стоять почти по колѣно въ грязи и дожидаться, покуда обозы всѣ чрезъ мостъ переберутся, и препреводить въ такомъ состоя-

ніи цѣлую ночь. Всякому легко можно вообразить, сколь сіе для нихъ было трудно и безпокойно! Но не одни они, а неменьшее безпокойство терпѣли и мы, офицеры ихъ. Единое преимущество наше предъ ними состояло въ томъ, что мы сидѣли на своихъ верховыхъ лошадяхъ и не имѣли нужды стоять по колѣно въ грязи. Но каково-жъ было сидѣть подъ стужею и дождемъ цѣлую ночь на лошади, и не сходить ни на минуту съ оной! Трудность сію удобнѣе всякому себѣ вообразить, нежели мнѣ описать можно. Къ вящей нашей досадѣ, не можно было нигдѣ развесть и огонька для обогрѣнія нашихъ дрожащихъ и отъ стужи нѣмѣющихъ членовъ: повсюду было мокро, вездѣ вода, и вездѣ грязь, и грязь глубокая и топкая. Сколько разъ мы ни испытывали сіе дѣлать, но всѣ наши старанія — разжечь огонь, были безуспѣшны, и мы, противъ хотѣнія своего, принуждены были дрогнуть всю ночь и проклинать и обозы и рѣчку съ ея мостами, и въ лагерь не прежде пришли, какъ уже на другой день.

До сего времяни шли мы все еще спокойно и о непріятелѣ не имѣли ни малѣйшаго слуха; ибо легко можно заключить, что непріятель не ожидалъ никакъ таковой отъ насъ поступки, и сперва не хотѣлъ вѣрить, услышавъ о нашемъ обратномъ походѣ. Но какъ скоро получилъ о томъ достовѣрное извѣстіе, то, восторжествуя, отправилъ тотчасъ за нами въ погоню два ескадрона чорныхъ гусаръ полку Рушева, а вслѣдъ за ними и сильной корпусъ конницы, подъ командою принца Голштейнъ-готторпскаго, а за нимъ пошолъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею арміею за нами въ погоню. И какъ передовыя его партіи скоро насъ догнали, то усмотрѣны онѣ были помянутаго 8 числа сентября въ близости нашей арміи, и имѣли уже съ казаками нашими небольшую схватку.

Я не знаю, что побудило фельдмаршала прускаго предпріять сіе нимало съ здравымъ разсудкомъ несогласующееся дѣло. Кажется, прусакамъ надлежало бы еще радоваться тому, что мы, оставя всѣ пріобрѣтенныя выгоды, пошли назадъ, и здравой разсудокъ требовалъ бы того, чтобъ стараться имъ всячески еще самимъ поспѣшествовать тому, чтобы мы скорѣе изъ предѣловъ королевства Прускаго вышли и имъ оное оставили: слѣдовательно, отнюдь бы не мѣшать намъ въ нашемъ походѣ, но дать намъ волю иттить, какъ хотимъ. Но они, напротивъ того, затѣяли воспріять сію глупую и ни малой пользы имъ не приносящею погоню, и чрезъ самое то неволею почти принудили насъ потомъ разорять и опустошать собственныя ихъ земли; ибо какъ сіи слѣдуемыя за нами немногія ихъ легкія войски, нападая либо на нашихъ фуражировъ, либо на отводные караулы, армію нашу безпрерывно безпокоили, то для отогнанія оныхъ и принуждено было, наконецъ, всѣ оставшіяся позадъ арміи селенія опустошать и сожигать, дабы они не могли нигдѣ имѣть пріюта; а чрезъ самое то и претерпѣли много невинные сельскіе жители, какъ о томъ упомянуто будетъ ниже.

Итакъ, какова погоня эта была ни маловажна, однако нагнала на трусливаго нашего предводителя ужасной страхъ. Мы принуждены были удвоить наши предосторожности, власно такъ, какъ бы вся пруская армія шла въ виду по пятамъ за нами. Чего ради, немедля ни мало, 9-го числа пустились мы опять въ путь и шли цѣлой день, до амта Зомерау, при которомъ мѣстѣ мы и ночевали.

Во все продолженіе прускаго похода не случилось арміи нигдѣ такъ хорошо расположенной быть лагеремъ, какъ въ семъ мѣстѣ. Случилась тутъ одна ровная, круглая и пространная долина, неимѣющая въ себѣ ничего, кромѣ однихъ луговъ, и окруженная кругомъ безпрерывною грядою нарочито высокихъ, но не крутыхъ, а отлогихъ горъ. По симъ горамъ расположенъ былъ лагерь всей арміи цѣлымъ циркулемъ такъ, что видѣнъ былъ весь какъ на ладони; въ долину же пущены были для корма лошади. Нельзя довольно изобразить, какое пріятное зрѣлище для глазъ представляли сіи много-

численныя стада разношерстныхъ лошадей и безчисленное множество бѣлѣющихся по горамъ палатокъ. Но зрѣлище сіе здѣлалось еще поразительнѣе, какъ наступилъ вечеръ и когда всѣ горы возгремѣли при битіи вечерней зори отъ звука безчисленнаго множества барабановъ и отъ игранія во всѣхъ полкахъ музыки, и когда тотчасъ потомъ всѣ эти горы освѣтились нѣсколькими тысячами огней, раскладенныхъ въ обозахъ солдатами. Истинно, ни лутчая илюминація не можетъ представить для очей лутчаго зрѣлища, и мы всѣ не могли онымъ довольно налюбоваться.

Въ послѣдующей день отдыхала армія на семъ мѣстѣ; и какъ корма для лошадей было мало, то принуждено было посылать фуражировать въ лежащія по сторонамъ прускія деревни. При семъ случаѣ едва-было не лишился я обоихъ моихъ людей, бывшихъ вмѣстѣ съ протчими при семъ фуражированіи; ибо какъ прускія партіи неприминули и въ сей день нашихъ фуражировъ потревожить и напали на ту деревню, гдѣ наши упражнялись въ навиваніи сѣна, то люди мои, не успѣвъ вмѣстѣ съ протчими ускакать, отлежались уже подъ лавками въ избѣ до тѣхъ поръ, покуда прусаки уѣхали, и были столь щастливы, что входившіе въ самую сію избу прускіе гусары никакъ ихъ не примѣтили. Они разсказывали мнѣ, возвратясь, что они отъ роду въ такомъ страхѣ не бывали, какъ въ сіе время. Но, правду сказать, было чего и боятся: не только для нихъ было бы не весьма ловко, но и для меня нехорошо, естлибъ ихъ увидѣли; ихъ, конечно, либо взяли-бъ въ полонъ, либо убили-бъ, и я остался-бъ безъ людей. Но, благодаря Бога, избавились они отъ сей напасти весьма удачно, а что всего лутче, то спасли и обѣихъ лошадей своихъ.

Отдохнувши на семъ мѣстѣ, въ послѣдующее, 11-е (число), пошли мы далѣе въ походъ, и дошли наконецъ до самаго города Тильзита, и версты за три до него стали лагеремъ. Храброй нашъ предводитель сталъ въ форштатѣ и имѣлъ въѣздъ свой въ этотъ городъ при пушечной пальбѣ съ тильзитскаго замка, что̀ нимало было не кстатѣ. Однако, несмотря на всю свою пышность, велѣлъ цѣлымъ тремъ брегадамъ пѣхотныхъ полковъ стать, для прикрытія главной своей квартиры, подлѣ самаго форштата.

Я надѣюсь, что мы не простояли-бъ тутъ ни однихъ сутокъ, естлибъ не надлежало намъ при Тильзитѣ перебираться черезъ большую и подъ самымъ городомъ текущую рѣку Мемель, чрезъ которую хотя и находился здѣланной графомъ Ферморомъ мостъ, однако по одному не можно было всей арміи переправиться скоро, и для того велѣно было здѣлать еще два, а по первому обозамъ между тѣмъ перебираться. Тотчасъ командированы (12) были отъ всѣхъ полковъ для дѣланія мостовъ сихъ команды, и мнѣ случилось самому опредѣленному быть для здѣланія одного деревяннаго изъ плотовъ моста. Въ сей работѣ принуждены мы были упражняться денно и ночно, и она наводила намъ хлопотъ много. Повсюду принуждены мы были искать плотовъ пригоннаго по всей рѣкѣ строельнаго лѣса и, сваживая ихъ вмѣстѣ, связывать и укрѣплять и составлять основаніе моста; и какъ рѣка была не малая и почти съ нашу Оку, то не знали мы, гдѣ-бъ набрать толикое множество плотовъ и лѣса, сколько къ тому требовалось, и хотѣли-было уже начинать ломать ближнія деревянныя строенія, дабы лѣсъ изъ нихъ употребить на построеніе моста. Но, по щастію, дѣло обошлось и безъ того, и всѣ наши труды пропали попустому: ибо какъ въ полдни, 13-го числа, здѣлалась въ казачьихъ лагеряхъ опять тревога, и непріятельскія партіи напали на нашихъ фуражировъ, то некогда было всѣхъ мостовъ дожидаться, но велѣно было полкамъ съ величайшею поспѣшностью перебираться по старому и по вновь здѣланному понтонному мосту. Однако, несмотря на всю поспѣшность, принуждена была армія употребить на сію переправу болѣе трехъ дней (13, 14 и 15), а между тѣмъ принимала провіантъ и пекла себѣ хлѣбы.

Въ сіе время имѣли мы случай побывать въ городѣ и походить по оному для нужныхъ покупокъ. Намъ нужнѣе всего былъ сахаръ, въ которомъ у насъ былъ уже недостатокъ; однако и достать его великаго труда стоило. Сколько ни было запасено его въ городѣ во всѣхъ лавкахъ или называемыхъ аптекахъ, такъ весь онъ еще въ первой день пришествія туда арміи былъ выкупленъ, и щастливы были только тѣ, которымъ удалось заранѣе захватить и въ числѣ первыхъ побывать въ городѣ; а кто хотя нѣсколько поопоздалъ, тотъ не могъ не только сахара, но ничего съѣстного и питейнаго достать, ибо всѣ имѣли въ вещахъ сихъ нужду и всѣ жадничали покупать. Никогда, я думаю, и съ самаго основанія сего города, тильзитскіе жители столь много этихъ вещей не продавали и на нихъ столь много прибытка не получали, какъ въ сіе время. За-все про-все платили мы болѣе нежели тройную цѣну, и платили не съ досадою, а еще съ удовольствіемъ и почитая за одолженіе, чтобъ только было продано.

Самое сіе случилось тогда и со мною собственно. Какъ я нѣсколько поопоздалъ, то трудно бы мнѣ достать что-нибудь, естли-бъ не помогъ мнѣ и въ семъ случаѣ мой нѣмецкой языкъ. Аптекарь, къ которому я пришолъ покупать сахаръ, тотчасъ мнѣ отказалъ, говоря, что болѣе ево нѣтъ, и увѣрялъ притомъ, что я онаго нигдѣ не найду. Но я, начавъ съ нимъ тотчасъ по-нѣмецки говорить, насказалъ ему столько о претерпѣваемой мною нуждѣ и сколь онъ мнѣ надобенъ, что я его тѣмъ разжалобилъ. «Добро, добро, господинъ подпорутчикъ», сказалъ онъ мнѣ весьма благопріятнымъ образомъ: — «хоть положилъ-было я никому болѣе изъ того малаго количества не продавать, которое оставилъ-было я собственно для себя, но что дѣлать, такъ ужъ и быть, подѣлюсь съ вами хоть остаточнымъ и продамъ одну головку. Пожалуйте только ко мнѣ во внутренніе покои». Легко можно заключить, что я не пошолъ, а полетѣлъ въ оные за нимъ, и аптекарь мой здѣлался ко мнѣ за то только одно, что я умѣлъ говорить съ нимъ по-нѣмецки, столь благосклоненъ, что не только мнѣ продалъ цѣлую голову, но напоилъ еще чаемъ, и я за великое почелъ себѣ еще одолженіе, что онъ взялъ съ меня не болѣе какъ по рублю за фунтъ, ибо иные охотно бы дали и по три рубля, естлибъ только достать было можно. Честность сего нѣмца даже такъ была велика, что онъ извинялся предо мною, что не можетъ продать мнѣ болѣе, а говорилъ, что ежели хочу я, то имѣетъ онъ довольно мускебада или сахарнаго песку, и я могу столько купить, сколько угодно. И какъ мнѣ до того времяни не случалось еще сей песокъ видѣть, то онъ не только мнѣ оной показалъ, но, увѣряя меня, что по нуждѣ можно и съ нимъ пить чай, тотчасъ налилъ мнѣ съ нимъ чашку и далъ попробовать; и какъ онъ мнѣ полюбился, то купилъ я у него сего песку болѣе десяти фунтовъ и пошолъ въ лагерь, власно какъ нашедъ превеликую находку. Тамъ завидовали мнѣ всѣ въ моей удачѣ, и какъ мускебадъ мой всѣмъ понравился, то въ тотъ же день не осталось и онаго у аптекаря моего ни одного зернушка, ибо всѣ офицеры бросились того момента въ городъ покупать оной, и, сколько ни было его, весь выкупили.

Другая вещь, которую намъ также трудно было доставать, составляли пшеничные хлѣбы и булки. Всѣ хлѣбники и пекари, сколько ихъ ни было въ семъ городѣ, обогатились на продажѣ оныхъ; у всякаго предъ домомъ нахаживали мы по превеликой толпѣ народа, дожидающагося того, какъ вынутъ ихъ изъ печи, и въ одинъ мигъ расхватывающаго сколько-бъ ихъ напечено ни было. Всякой почиталъ за щастіе, чтобъ только удалось достать, не говоря уже ни слова о цѣнѣ и не досадуя, что за копеечной хлѣбецъ брали по гривнѣ. Мнѣ нѣмецкой мой языкъ и въ семъ случаѣ очень помогъ: всѣмъ нѣмцамъ можно то въ похвалу сказать, что они отмѣнно благосклонны къ тѣмъ, которые изъ иностранныхъ умѣютъ говорить ихъ языкомъ. А точно то

случилось тогда и со мною. Пекарь мой не успѣлъ услышать меня умоляющаго его на нѣмецкомъ языкѣ, чтобъ онъ мнѣ продалъ сколько можно, какъ требовалъ, чтобъ я ему кинулъ чрезъ народъ въ окно платокъ свой, и онъ былъ столь благосклоненъ, что завязалъ мнѣ въ оной цѣлой десятокъ хлѣбцовъ и мнѣ подалъ цѣлую связку оныхъ. «На! вотъ извольте, господинъ подпорутчикъ, сказалъ онъ: кушайте на здоровье!» Я благодарилъ его невѣдомо какъ за его благосклонность, и съ превеликою радостью заплатилъ ему за нихъ деньги.

Симъ образомъ удавалось мнѣ и все прочее доставать себѣ купить несравненно съ лутчимъ успѣхомъ, нежели другимъ, языка нѣмецкаго неразумѣющимъ. Впротчемъ, имѣя время выходить весь сей городъ, нашелъ я, что онъ былъ весьма изрядной городокъ, и не только больше, но и лучше всѣхъ прежде видѣнныхъ. Строеніе въ немъ было изрядное: каменное и деревянное, и жителей находилось довольное количество, и между оными было довольно зажиточныхъ.

Между тѣмъ, какъ все сіе происходило и армія понемногу перебиралась за рѣку, показывались безпрестанно въ близости непріятельскія небольшія партіи, которыя хотя и ничего важнаго не могли здѣлать, но, видя нашу трусость, насъ тревожили. Это здѣлалось наконецъ предводителю нашему такъ досадно, что онъ, не находя другихъ средствъ къ отвращенію сего безпокойства, приступилъ изъ досады къ свойственному однимъ татарамъ дѣлу, и приказалъ всѣ тѣ мѣста, гдѣ показывались и гнѣздились непріятели, разорять огнемъ и мечемъ, и одно изрядное мѣстечко и амтъ, называемой Рагнитъ, лежащей за нѣсколько верстъ отъ Тильзита, вверхъ по рѣкѣ Мемелю, принужденъ былъ первой почувствовать сію жестокость.

Переправляющіеся черезъ рѣку полки становились по-ту сторону рѣки въ назначенной лагерь; и какъ и на той сторонѣ оказались непріятельскіе гусары, то для прикрытія онаго лагеря переправлены были напередъ три брегады. Наконецъ, 16-го числа сентября, переправился чрезъ рѣку и предводитель нашъ со всѣмъ своимъ прикрытіемъ и достальными полками, а послѣдующаго (17) числа, при переводѣ послѣднихъ людей и войскъ, сняты были всѣ три моста, а на берегу, противъ самаго города, поставленъ былъ бекетъ, состоящей въ 1000 человѣкахъ гранодеръ и мушкатеръ.

Такимъ образомъ переправились мы за рѣку Мемель, и 18-е число стояли тутъ на берегу спокойно и вся армія пекла себѣ хлѣбы на дорогу. Мы, думая, что находимся тутъ въ совершенной уже безопасности, простояли бы тутъ еще и долѣе, естлибъ не здѣлалось одного, сколько смѣшного, столько и досаднаго приключенія, служившаго къ пріумноженію нашего безславія и понудившаго насъ скорѣе иттить далѣе, а имянно:

Главному нашему командиру, которому по справедливости самихъ стѣнъ стыдиться-бъ надлежало, вздумалось, напротивъ того, нѣчто странное и удивительное. Какъ въ послѣдующей за симъ день было 19 число сентября и миновалъ ровно мѣсяцъ послѣ полученной имъ надъ непріятелемъ побѣды, то по пышности или слабоумію его пришло ему на умъ повеличаться еще разъ сею побѣдою и въ день сей учинить торжество, нигдѣ и никогда еще до него не дѣланное. Любочестіе его было такъ велико, что не допустило его усмотрѣть всю нестройность или, паче сказать, глупость сего предпріятія. Но какъ бы то ни было, но наканунѣ того дня ввечеру отданъ былъ во всей арміи приказъ, что въ послѣдующей день будетъ торжество и пальба изъ пушекъ. Мы всѣ хохотали, услышавъ о притчинѣ онаго, и не было никого, кто-бъ не хулилъ сію поступку нашего предводителя. Неуспѣлъ сей достопамятной день наступить, какъ затѣянное фельдмаршаломъ нашимъ торжество и дѣйствительно начало производиться, но, къ удивленію нашему, очень рано, ибо не успѣло ободнять, какъ услышали мы уже пальбу изъ пушекъ. Мы слушали съ хладнокровіемъ оную и, смѣючись лю-

бочестію фельдмаршала, говорили еще между собою: «видно, что торжество у государя предводителя нашего лежитъ очень на сердцѣ, что началъ оное уже такъ рано!»—«Да!» говорили другіе, «видно, что и пороху у насъ много, что такъ изволитъ тѣшиться и терять его совсѣмъ-то по пустому. Не лутче-ль бы было побѣду сію стараться позабыть, нежели ею къ стыду своему еще величаться». Но не успѣли мы симъ образомъ между собою поговорить и посмѣяться, какъ вдругъ одно, совсѣмъ неожидаемое, явленіе принудило насъ раздабарываніе свое пресѣчь, и, поразившись крайнимъ удивленіемъ, начать совсѣмъ иное думать. Откуда ни возьмись превеликое ядро и, пролетѣвъ въ близости подлѣ насъ, попади въ одну офицерскую палатку, и въ одинъ мигъ ее опрокинуло и такъ разорвало, что полетѣли отъ нея только лоскутки. «Ба! ба! ба!» закричали мы, увидѣвъ сіе: «что это такое?» Но мы не успѣли еще отъ удивленія приттить въ себя, какъ съ превеликимъ свистомъ пролетѣло мимо насъ другое, попавшее въ обозы и переломавшее нѣсколько повозокъ, а за симъ и третье и четвертое, и ядры то и дѣло летать и палатки срывать и опрокидывать начали. «Аминь! аминь!» кричали мы: «что это такое? что за диковинка? Господи помилуй! откуда берутся сіи ядры? Ужъ не рехнулся ли фельдмаршалъ нашъ съ ума, что велѣлъ стрѣлять ядрами и по своему лагерю?» Однимъ словомъ, мы не знали что думать, чему сіе приписать и что дѣлать, а особливо, когда повсюду видѣли опасность и не знали куда отъ ядръ укрыться.

Теперь, надѣюсь, находитесь вы, любезной пріятель, въ такой же нетерпѣливости узнать, что-бъ это была за диковинка, въ какой находились мы въ то время? Но какъ узнали о томъ не скоро мы, то надобно немного и вамъ потерпѣть и подождать отъ меня послѣдующаго письма, въ которомъ разскажу я вамъ, что̀ тому было притчиною и какія летали по палаткамъ и по обозамъ нашимъ ядры; а до того времяни дозвольте мнѣ сіе письмо прервать и сказать вамъ, что я есмь и протчая.

ПРИ ТИЛЬЗИТѢ.

Письмо 52.

Любезной пріятель! Оставя васъ при концѣ послѣдняго моего письма въ весьма любопытномъ мѣстѣ и въ нетерпѣливости узнать, отчего вдругъ полетѣли по лагерю нашему ядры, хочу теперь любопытство ваше удовольствовать и разрѣшить вамъ сію загадку.

Господа наши главные командиры не безъ притчины выбирались изъ Тильзита съ превеликою поспѣшностью, и не попустому боялись и трусили непріятеля, но дошелъ до нихъ слухъ, что гонятся за нами не только легкія гусарскія непріятельскія партіи, но что и самъ фельдмаршалъ Левальдъ со всею почти своею арміею слѣдуетъ по стопамъ нашимъ и находится уже въ самой близости. Сіе извѣстіе привело ихъ въ такое малодушіе и трусость, что они сами не знали, что дѣлать и начинать, почему и не удивительно, что они, выбираясь съ великою поспѣшностью изъ города и стараясь какъ можно скорѣе изъ города убраться за рѣку, надѣлали множество смѣха достойныхъ дѣлъ и такихъ погрѣшностей, которыя никакъ прощены имъ быть не могутъ. Ибо, во-первыхъ, не смѣха ли достойное было дѣло, что они, выбираясь со всѣмъ изъ Тильзита, восхотѣли однѣми угрозами принудить жителей городскихъ къ невозможному совсѣмъ дѣлу, то-есть, чтобъ они не впускали въ городъ свой послѣ насъ пруское войско. Требованіе, поистинѣ, самое странное и удивительное! Ибо какъ возможно было симъ безоружнымъ жителямъ это здѣлать, и можно-ль бы съ здравымъ разсудкомъ сего отъ нихъ требовать? А чтобъ принудить ихъ къ тому угрозами, то велѣли на домахъ положить нехранцы, чтобъ можно было городъ въ одинъ мигъ зажечь и весь въ пепелъ превратить; а что того смѣшнѣе, то поставили на самомъ берегу рѣки, противъ города, вышеупомянутой бекетъ съ пуш-

ками, на голомъ мѣстѣ и безъ малѣйшаго прикрытія, и созвавъ начальниковъ городскихъ, сказали, что если они, по выступленіи россійскихъ войскъ, впустятъ въ городъ прусаковъ, то городъ весь разстрѣлянъ, зажженъ и разоренъ будетъ. Во-вторыхъ, поспѣшность и разстройка мыслей ихъ, при выѣздѣ изъ города, была такъ велика, что они совсѣмъ позабыли про находившіяся въ тильзитскомъ замкѣ прускія пушки и оныя въ немъ оставили. Итакъ, можно ли непростительнѣе быть сей погрѣшности, и не чрезвычайная ли сія была оплошность?

Но каковы оплошны были мы, таковы проворны были, напротивъ того, господа прусаки. Они не успѣли провѣдать, что наши войска изъ Тильзита выбрались, какъ того момента оной заняли. Четыре баталіона ихъ пѣхоты, со множествомъ пушекъ, вступили въ ту же еще ночь въ сей городъ, а вслѣдъ за ними слѣдовалъ и самъ фельдмаршалъ Левальдъ. Сіи вступившія войски не успѣли увидѣть за рѣкою весь нашъ лагерь, а на самомъ берегу, на голомъ песку, безъ всякаго прикрытія поставленной и власно, какъ на жертву преданной бекетъ, стащили тотчасъ съ стѣнъ замка большія пушки, и, подѣлавъ изъ нихъ и изъ привезенныхъ съ собою на берегу нѣсколько батарей, по наступленіи дня произвели по бекету нашему столь сильную стрѣльбу, что командовавшей онымъ нашего полку полковникъ, старичокъ Планъ де-Вильденбергъ, не зная куда отъ ядеръ укрыться, — и хотя отвѣтствовалъ имъ изъ своихъ пушекъ, но, не могши имъ ничего здѣлать, видя всю команду свою подверженную тщетной пагубѣ и потерявъ десятковъ пять людей, — принужденъ былъ ретироваться въ лагерь.

Прусаки, не довольствуясь тѣмъ, направили свои пушки и на самой нашъ лагерь, и какъ онѣ по величинѣ своей ядрами до него доставали, то и начали они его утѣснять немилосердымъ образомъ, а особливо стрѣлять по фельдмаршальской ставкѣ; а поелику оная была неподалеку отъ полку нашего, то отъ самаго того и доставали ядра ихъ до самаго нашего стана.

Игрушка таковая весьма не понравилась нашему фельдмаршалу; онъ вздурился, сіе увидѣвъ и услышавъ свистъ ядеръ. Опасность, угрожаемая самому ему, принудила его забыть о своемъ безразсудномъ торжествѣ, за которое онъ по достоинству былъ наказанъ, и помышлять о спасеніи своемъ. Во всемъ лагерѣ произошла оттого превеликая тревога и смятеніе; повсюду началась скачка и повсюду слышанъ былъ вопль: «артилерію! артилерію! давай сюда скорѣй пушки, гоубицы, мортиры, бомбы, вези на берегъ, стрѣляй по городу, бросай бомбы, зажигай и разоряй оной до основанія!...» Однако вся наша досада и вся злость на непріятеля не произвела никакова дѣйствія. Въ городъ хотя пущено было нѣсколько сотъ ядеръ и брошено нѣсколько десятковъ бомбъ, и хотя стрѣльба съ обѣихъ сторонъ продолжалась съ самаго утра даже за полдни и болѣе четырехъ часовъ, однако намъ со всею нашею стрѣльбою не удалось ни непріятелю, ни городу здѣлать никакого чувствительнаго вреда, кромѣ того, что поизломали на домахъ у нихъ нѣсколько черепичныхъ кровель и трубъ, и поранили одного канонера. Итакъ, видя худой успѣхъ и нехотя далѣе подвергать лагерь свой опасности, принуждены мы были наконецъ поднять весь нашъ лагерь и перенесть его нѣсколько верстъ далѣе и тѣмъ всю сію комедію, къ стыду и безславію нашему, кончить.

Теперь легко можно заключить, что насмѣшка таковая и посрамленіе отъ непріятеля была фельдмаршалу нашему крайне чувствительна. Въ досадѣ за сіе, онъ не только не хотѣлъ удостоить отвѣтомъ предложеніе, присланное отъ непріятельскаго фельдмаршала о размѣнѣ плѣнныхъ съ трубачемъ, а велѣлъ отослать съ мужикомъ одну его трубу съ неподписанною никѣмъ цидулкою, что прусаки сами своего трубача застрѣлили: но сверхъ того, желая всѣмъ безпокойствамъ, дѣлаемымъ отъ непріятеля, положить единожды предѣлъ и здѣлать,

чтобъ арміи пруской не можно было никакъ вслѣдъ за нашею далѣе слѣдовать, велѣлъ разорять и опустошать огнемъ и мечемъ всѣ остающіяся позади насъ селенія сряду и не оставляя ни одного въ цѣлости, дабы непріятель нигдѣ не могъ найтить себѣ убѣжища. А самое сіе, какъ послѣ оказалось, и остановило прускую армію отъ дальнѣйшей погони, и они довольствовались уже послать вслѣдъ за нами самое малое количество гусаръ.

Отодвинувшись вышеупомянутымъ образомъ далѣе отъ берега и занявъ новой лагерь, пробыли мы въ ономъ не только тотъ, но и весь послѣдующей день. И хотя и не такое было время, чтобъ помышлять о торжествахъ, потому что въ сей день было у насъ уже зазимье и выпалъ снѣгъ, и началась самая дурная осенняя погода, однако для дня рожденія (20) великаго князя было у фельдмаршала торжество и пальба изъ пушекъ.

Кромѣ сего, памятно мнѣ сіе мѣсто было потому, что мы имѣли во время стоянія своего подъ Тильзитомъ и тутъ во всемъ великое изобиліе. Ибо какъ отъ фельдмаршала дозволено было казакамъ и протчимъ нашимъ легкимъ войскамъ всѣ ближнія мѣста грабить, опустошать и разорять, то казаки наволокли къ намъ въ лагерь скота, птицъ и протчей всякой провизіи такое великое множество, что все продавалось очень дешевою цѣною и всѣ были до избытка довольны. Но ничего не было такъ много, какъ меда; сей не знали они куда уже и съ рукъ сжить, и потому носили его вездѣ по полкамъ и по обозамъ, и продавали за сущею бездѣлку. Полная манерочная крышка самой лучшей зеленой патоки продавалась, напримѣръ, не дороже одной копейки; итакъ, тотъ только не ѣлъ меду, кто не хотѣлъ. Что касается до меня, то я, будучи съ малолѣтства до всѣхъ сластей, а особливо до меду, великой охотникъ, объѣдался онаго при этомъ случаѣ, и истинно до того доходило наконецъ, что онъ мнѣ казался горекъ.

Но сколько мы съ сей стороны были довольны, столько, съ другой, недовольны тѣмъ, что стоявшая до того весьма прекрасная и теплая погода вдругъ перемѣнилась и здѣлалась холодная и самая дурная осенняя. Сія перемѣна была намъ тѣмъ чувствительнѣе, что никто почти изъ насъ не имѣлъ у себя шубъ, и всякого, по пословицѣ говоря, застала тогда зима въ лѣтнемъ платьѣ. До того времяни мы всего меньше помышляли о запасеніи себя зимнею одеждою, но выпавшей тогда первой снѣгъ и начавшаяся продолжаться слякоть и дурная погода надоумила насъ въ томъ и принуждала нехотя помышлять о семъ предметѣ. Но гдѣ было взять тогда въ походѣ шубъ, и у кого ихъ покупать, когда всѣ терпѣли въ томъ равной недостатокъ? Я за великое щастіе себѣ почелъ, что могъ достать купить у казаковъ превеликой овчинной тулупъ, которой былъ хотя сшитъ изъ простыхъ овчинъ, но намъ было тогда не до разборовъ, и мы ради были, что могли чѣмъ-нибудь согрѣвать свои отъ стужи дрожащіе члены. Что касается до холода, претерпѣваемаго въ нашей палаткѣ, то компаніонъ мой нашолъ средство и отъ онаго себя и меня сохранить. Онъ, пріѣхавъ прежде въ занятой лагерь, велѣлъ поставить напередъ мою, а потомъ, сверхъ моей, свою капитанскую палатку, и нажогши жаровню полну жару, внесъ подъ внутреннюю палатку и чрезъ то такъ ее согрѣлъ, что я, пріѣхавъ изъ похода и иззябши въ прахъ, вошелъ въ нее какъ въ сущей рай и не могъ его довольно расхвалить за его выдумку и за нагрѣніе симъ образомъ палатки. А какъ въ самое то время былъ у него готовъ и горячей чай, а потомъ изготовленъ прекрасной и сытной ужинъ, то я въ сей вечеръ такъ былъ доволенъ, что онъ мнѣ во весь достальной походъ былъ очень памятенъ, и тѣмъ паче, что мнѣ не удалось уже имѣть другова такова спокойнаго и пріятнаго ночлега; ибо, къ превеликой досадѣ моей, я въ послѣдующее же утро наряженъ былъ отъ полку на ординарцы къ фельдмаршалу и принужденъ былъ, разставшись съ своимъ другомъ, пріобщить повозку свою къ обозу фельдмаршальско-

му и отбыть на нѣсколько дней отъ полку своего, здавъ роту возвратившемуся въ оную прежнему нашему порутчику Коржавину.

Впротчемъ, въ самомъ семъ мѣстѣ начала армія наша мало по-малу расходиться, и вся конница, кромѣ немногихъ выбранныхъ ескадроновъ, и половинное число казаковъ отправлена было изъ сего мѣста зимовать въ Польшу, куда она тотчасъ и пошла, а главная армія, со всѣми пѣхотными полками, положила иттить зимовать въ Жмудію и Курляндію.

Мы выступили изъ сего лагеря не прежде какъ 21 числа сентября; и хотя переходъ былъ не гораздо великъ, но для продолжающейся великой слякоти и стужи весьма труденъ, такъ что вся армія претерпѣвала великое безпокойство и была принуждена почевать почти безъ палатокъ; ибо бо́льшая часть обозовъ не могла прибыть въ новой лагерь, и сей день былъ весьма достопамятенъ для арміи. Во все продолженіе похода не претерпѣла она столько труда и отягощенія, сколько въ сей день; однако, не потому, что переходить надлежало ей великое разстояніе, ибо переходъ былъ весьма умѣренной, но потому, что слѣдовать ей надлежало низкими, ровными и частыми ручейками и топкими лощинками, пресѣченными и такими мѣстами, которыя и въ доброе время и въ сухую погоду не гораздо сухи, а тогда, будучи отъ продолжающагося безпрестанно дождя, слякоти и снѣга размочаемы и безчисленными колесами и лошадьми разбиваемы, превратились въ самую топкую, вязкую и такую грязь, изъ которой ноги почти вытащить было не можно. А посему всякому не трудно себѣ вообразить, каково было иттить всей пѣхотѣ и тащиться всѣмъ обозамъ по таковой грязи, и притомъ подъ слякотью и при великомъ и холодномъ ненастьѣ. Истинно не могу съ спокойнымъ духомъ и безъ внутренняго содраганія и понынѣ еще всего того вспомнить, что̀ я въ сей день тогда видѣлъ.

Мнѣ судьба, власно какъ нарочно, преподала напудобнѣйшей случай видѣть тогдашнее жалкое состояніе арміи и быть всему злу, претерпѣваемому оною, очевиднымъ свидѣтелемъ; ибо, находясь въ самое сіе время у фельдмаршала на ординарцахъ, могъ я уже болѣе всего насмотрѣться, нежели прежде, находясь при полку, и по самому тому и могу я обстоятельнѣе разсказать о семъ нещастномъ и для многихъ пагубномъ днѣ.

Низкость тамошнихъ мѣстъ и тогдашнее превеличайшее ненастье притчиною тому было, что весь путь, по которому арміи слѣдовать надлежало и одними уже передовыми войсками, а особливо конницею, такъ разбитъ былъ, что мы съ фельдмаршаломъ и обозомъ его, хотя всѣхъ прежде поѣхали, но и намъ уже весьма дурно было ѣхать; когда же повалила артилерія и ея тягости и тяжелые обозы, то растворилась вездѣ такая вязкая топь и грязь, что я никакъ изобразить ее не могу. Какъ бы то ни было, но мы съ фельдмаршаломъ въ назначенной новой лагерь пріѣхали очень еще рано и расположились себѣ спокойно: онъ—въ своихъ огромныхъ ставкахъ и теплыхъ войлочныхъ калмыцкихъ кибиткахъ, а мы также кой-въ-какихъ палаткахъ въ его обозѣ. Я такъ былъ щастливъ, что и тутъ нашелъ себѣ нечаянно одного знакомаго. У фельдмаршала случилось въ сіе время быть, какъ нарочно, дежуръ-маіоромъ и командиромъ надъ всѣми нами, ординарцами, самой ближней деревенской мой сосѣдъ, князь Иванъ Романовичъ Горчаковъ. Сего человѣка до сего времяни я нисколько не зналъ; но онъ, при распрашиваніи меня о томъ, кто я таковъ, не успѣлъ услышать мою фамилію, какъ тотчасъ сказалъ мнѣ самъ, что деревни наши смежны между собою, и такъ ко мнѣ приласкался, что я невѣдомо какъ былъ имъ доволенъ. Онъ взялъ меня тотчасъ въ особое свое покровительство, и я долженъ былъ у него и обѣдать, и ужинать во все то время, покуда я находился на ординарцахъ.

Вскорѣ послѣ обѣда и вслѣдъ за нами притащилась кое-какъ и пѣхота. Смѣшно и жалко было на ее смотрѣть: не было

ни одного человѣка, которой бы по колѣно почти не былъ въ грязи, а многіе были съ ногъ до головы грязью перемараны. Всѣ полки распущены были тотчасъ по назначеннымъ для нихъ лагерямъ, но лагери сіи были еще пустые и безъ палатокъ: ибо обозы всѣ остались еще далеко позади и оныхъ не было еще и въ появѣ. Случившаяся въ самомъ еще томъ селеніи, гдѣ мы стояли прежде, и откуда пошли, прескверная чрезъ одинъ топкой ручей переправа, и то-и-дѣло ломающіеся мосточки, которые чрезъ оной на скорую руку были подѣланы, причиняла имъ столько остановки, что они весь день прогваздались, переправляясь чрезъ оную, а бѣдные солдаты принуждены были долгое время быть безъ палатокъ и терпѣть стужу и мокроту подъ снѣгомъ и дождемъ подъ едиными своими плащами. Къ вящему нещастію, и дровъ въ новомъ лагерѣ не можно было такъ много найтить, чтобы можно было раскласть довольно огней и у оныхъ грѣться; а иные полки были еще того нещастіе: имъ, по тѣснотѣ мѣста, досталось стоять на такомъ мѣстѣ лагеремъ, которое сущею трясиною и болотомъ почесть можно и гдѣ ни четверти часа не можно было никакъ простоять на одномъ мѣстѣ, буде не хотѣть, чтобъ на томъ мѣстѣ здѣлалась лужа и ноги не очутились на четверть и болѣе въ водѣ отъ хлибкаго и вдавливающагося грунта.

Наконецъ, какъ наступилъ уже и вечеръ, а изъ обозовъ только-что начали показываться передовые, то сіе начинало уже трево́жить и безпокоить нашего фельдмаршала. Онъ то-и-дѣло посылалъ ординарцовъ понуждать, чтобы скорѣй ѣхали. Но все сіе не производило никакого успѣха. Погода становилась отчасу хуже и дорога гаже; по наступленіи же ночи здѣлалась такая темнота, что ни зги было не видать, а притомъ такая стужа, что и въ шубѣ едва оную терпѣть было можно. Разсудите-жъ теперь, каково было бѣднымъ нашимъ солдатамъ, недождавшимся своихъ повозокъ и почующимъ на мокрой землѣ, подъ дождемъ и снѣгомъ, подъ одними своими плащами? А что́ происходило съ бѣднымъ обозомъ, того безъ жалости я вспомнить не могу. Мнѣ случилось быть очевиднымъ тому свидѣтелемъ, и вотъ какимъ образомъ:

Въ самую полночь проснулся нашъ фельдмаршалъ, и услышавъ, что не всѣ еще обозы пришли, восхотѣлъ послать туда еще одного ординарца. Сихъ ординарцовъ было у него хотя много, ибо отъ всякаго полку было по одному, но такъ случилось, что тогда не было никого на лицо, всѣ разосланы были въ разныя мѣста, и я оставался только одинъ изъ всѣхъ. Князь Горчаковъ сколько ни старался до того времяни меня щадить, нарочно никуда не посылай, но тогда не было и ему возможности меня помиловать отъ сей посылки. Онъ съ превеликимъ сожалѣніемъ пришолъ ко мнѣ самъ въ палатку и, будя меня изъ сна, говорилъ: «Вставай, Андрей Тимоѳеевичъ! Что дѣлать, хоть бы и не хотѣлось мнѣ васъ потревожить и въ сіе время посылать, но велитъ самая необходимость. Не взыщите, ради Бога, того на мнѣ. Графъ спрашиваетъ теперь ординарца, а никого нѣтъ, кромѣ васъ; итакъ, пойдемте къ нему».—Досадно мнѣ сіе было чрезвычайно, ибо я только-что подъ тулупомъ своимъ угрѣлся и заснулъ; но, зная самъ необходимость, не роптalъ ни мало на князя, но шелъ за нимъ съ терпѣніемъ.

Пришедъ къ фельдмаршалу, не могъ я внутренно не разсмѣяться тому, что́ тутъ увидѣлъ. Я нашелъ его въ преогромной, богато внутри украшенной и жаровнями и спиртами довольно нагрѣтой кибиткѣ, лежащаго на пуховикахъ на одной, а лейбмедика, или доктора его, на другой кровати; но въ чемъ бы, вы думали, сей предводитель нашъ, при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ, упражнялся? Истинно стыдно сказать. Изволилъ слушать сказки отъ сидящаго въ головахъ у него за столикомъ гранодера и болтавшаго нелѣпой вздоръ во все горло. «Боже мой!» подумалъ я тогда самъ въ себѣ: «то-то прямо приличное упражненіе для фельдмаршала такой велико

арміи и въ такое время!»—Князь тотчасъ доложилъ ему, что привелъ ординарца, и тогда началъ онъ мнѣ приказывать. — «Слушай, мой другъ!» сказалъ онъ мнѣ: «поѣжжай по дорогѣ, гдѣ шла армія, до самаго того мѣста, откуда мы севодни пошли, и посмотри, сколько еще обозовъ по дорогѣ, и всѣ ли они переправились чрезъ рѣчку? и буде не всѣ, то сочти ты мнѣ, сколько повозокъ еще не переправилось».—«Слушаю, ваше сіятельство», отвѣтствовалъ я:—«только счесть, не уповаю, чтобъ было можно: темнота теперь такъ велика, что и на сажень ничего почти не видно».—«Ну, хоть наугадъ посмотри сколько», сказалъ онъ:—«только поѣжжай и возвращайся скорѣе».

Принявъ сіе повелѣніе, надѣлъ я сверхъ мундира овчинной свой тулупъ, и, укутавшись въ него и въ надѣтую сверхъ того епанчу хорошенько, взялъ я въ конвой себѣ двухъ казаковъ и пустился верхомъ въ путь свой. Одному изъ казаковъ велѣлъ я ѣхать передъ собою, дабы можно было мнѣ узнавать, гдѣ рытвина и гдѣ топь, и чтобъ, въѣхавши либо въ яму, либо въ тину, не слетѣть съ лошади и не сломать головы; а другому приказалъ ѣхать позадь себя и не отставать ни на шагъ. Темнота въ самомъ дѣлѣ была преужасная и дорога такъ разбита и испорчена, что я того и смотрѣлъ, чтобъ не слетѣть и мнѣ такимъ же образомъ съ лошади, какъ то уже не однажды съ передовымъ моимъ казакомъ случалось. Впротчемъ, неуспѣли мы выѣхать изъ лагеря, какъ и начали встрѣчаться съ нами повозки въ такомъ состояніи и положеніи, какое безъ внутренняго сожалѣнія я вспомнить не могу. Индѣ погрязла телѣга въ грязи, и лошади, выбившись изъ силъ, лежали, растянувшись. Въ другомъ мѣстѣ наѣжжалъ я лошадей, совсѣмъ уже издохшихъ и самихъ повощиковъ едва вживѣ—стужа и мокрота ихъ совсѣмъ переломила; а отъѣхавъ далѣе, наѣзжалъ я и лошадей и повощиковъ умершихъ отъ стужи: тѣ какъ шли, такъ, упавъ, и издохли, а сіи, прикурнувшись, сидѣли позадь повозокъ—и такъ окостенѣли. Индѣ однѣ лошади стояли по поясъ въ тинѣ, а повощикъ съ полверсты отъ нихъ лежалъ безъ дыханія. Однимъ словомъ, вся дорога наполнена была такими печальными зрѣлищами, что я не могъ безъ внутренняго содраганія смотрѣть на оныя. Наконецъ, вдали увидѣли мы зарево, а потомъ и пламя, осіявающее весь горизонтъ, и легко могли заключить, что тутъ надобно быть тому мѣсту, куда мнѣ ѣхать надлежало, и гдѣ была самая та скверная переправа, которая столько остановки надѣлала. Я пустился съ казаками моими на сіе зарево, и, за темнотою, едва-было самъ не погрязъ въ тинѣ и болотѣ, однако, наконецъ, и кое-какъ доѣхали мы туда.

Но что-жъ увидѣлъ я тутъ? Повозокъ нѣсколько сотъ стѣснилось къ переправѣ и слышанъ былъ только вопль, шумъ и трескъ. Нѣкоторыя изъ нихъ лежали опрокинутыя съ гати въ болото, и на половину погрязшія; иныя лежали на боку; у другихъ переломаны были оси, а у иныхъ колеса, и все въ превеличайшемъ безпорядкѣ и въ такой тѣснотѣ, что мнѣ не было никакова способа проѣхать и ихъ не только перещитать, но хотя бы глазомъ окинуть. Итакъ, довольствовался я, спросивъ сколько еще тамъ за рѣчкою обозовъ? и услышалъ, что ихъ еще сотъ съ шесть и болѣе назади. Тогда не оставалось мнѣ иного, какъ назадъ ѣхать; но какъ мы съ казаками сами немилосердо перезябли, то разсудили заѣхать напередъ погрѣться къ находящемуся въ близости огню.

Но какой бы, думали вы, это огонь былъ? Ахъ! не могу и сего безъ сожалѣнія вспомнить. Это было прекрасное строеніе, стоявшее въ полѣ. Къ нещастію, случись въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ была сія переправа, прекрасная пруская деревня; и какъ дворы крестьянскіе были огромные, крытые снопами и стоящіе другъ отъ друга въ отдаленіи, то въ нѣто, дворъ по двору, зажигали наши переправляющіеся, чтобъ какъ свѣтомъ отъ пламени пользоваться, такъ и самимъ обогрѣваться. «Боже мой!» подумалъ я самъ

въ себѣ: «какія горестныя послѣдствія приноситъ съ собою война! Чѣмъ бѣдная сія деревня виновата, что случилась быть въ этомъ мѣстѣ?» Однако, потуживъ, здѣлалъ и я компанію протчимъ, и полежавъ на бугоркѣ и погрѣвшись противъ огня, пустился въ обратной путь для донесенія фельдмаршалу всего того, что́ я нашолъ и видѣлъ. Сей не успѣлъ меня увидѣть вошедшаго къ нему въ кибитку, какъ тотчасъ спросилъ: «что, мой другъ, много ли еще?—«Очень много, ваше сіятельство», отвѣтствовалъ я, и разсказалъ ему потомъ все, что́ видѣлъ; какъ наѣжалъ на разсѣянныхъ по дорогѣ и по полямъ повозки; какъ видѣлъ многихъ повощиковъ и лошадей умершихъ и протчее, что видѣлъ. Но что-жъ бы, вы думали, онъ на сіе сказалъ?—Ничего, а только приказалъ мнѣ итти въ свое мѣсто, а гранодеру продолжать сказывать сказку, прерванную моимъ приходомъ.

Вотъ какова фельдмаршала имѣли мы въ тогдашнемъ нашемъ походѣ! Люди, ввѣренные его предводительству и попеченію, погибали и страдали наижалостнѣйшимъ образомъ, а онъ въ самое то время увеселялся слушаніемъ глупыхъ и одними только нелѣпостьми наполненныхъ сказокъ. Чему и дивиться, что армія на семъ обратномъ походѣ претерпѣвала несравненно болѣе урона, нежели идучи въ Прусію. Но я возвращусь къ моей матеріи и буду продолжать повѣствованіе.

Для всѣхъ вышеупомянутыхъ обстоятельствъ принуждены мы были здѣлать на семъ мѣстѣ растахъ и дождаться обозовъ, которые прибыли всѣ не прежде, какъ уже подъ вечеръ на другой день. Сіе время употреблено было для сожиганія всѣхъ излишнихъ вещей. Всѣ обозы были пересмотрѣны и все лишнее сожжено и брошено. Сколько пушекъ, сколько ядръ и бомбъ, пороху и другихъ вещей и военныхъ снарядовъ не побросали мы тутъ въ воду и не зарыли въ землю, для того, что везть было не на чемъ! Но все сіе помогало мало. Тягости убавилось немного, и трудъ былъ тотъ же; и я не знаю, какъ бы намъ дойтить, естлибъ не умилосердилась надъ нами сама натура и не произвела нѣкоторой перемѣны въ погодѣ, и оная не здѣлалась нѣсколько суше и лутче.

Впротчемъ, и въ сію вторую ночь долженъ я былъ имѣть нѣкоторое безпокойство. Поелику всѣ нужныя предосторожности отъ непріятеля наблюдаемы были и въ сіе время, которыя, въ разсужденіи тогдашнихъ темныхъ ночей, и непзлишнимп были, то имѣлъ всякой день дежурной генералъ-маіоръ обыкновеніе, по наступленіи ночи, объѣжжать весь лагерь кругомъ и осматривать: вездѣ ли исполняется все то, что́ приказано, и поставлены ли нужные бекеты. Онъ биралъ обыкновенно съ собою нѣсколько человѣкъ изъ насъ, ординарцовъ, и въ сію ночь долженъ былъ и я быть въ его свитѣ. Дежуръ-генералъ-маіоромъ былъ у насъ тогда, толико прославившейся потомъ, графъ Петръ Александровичъ Румянцовъ, и съ нимъ-то ѣздили мы тогда осматривать всѣ полки и посты. Не могу безъ смѣха и понынѣ вспомнить тогдашней нашей ѣзды съ нимъ; никакая каналья, я думаю, не былъ сколько бранимъ и ругаемъ, какъ мы тогда съ нимъ. Но что смѣшнѣе всего, то хотя насъ немилосерднѣйшимъ образомъ и всякими сквернымп словами ругали и бранили, но мы принуждены были сносить то съ терпѣніемъ и безъ малѣйшей досады и, вмѣсто сердца, только-что тому смѣяться. Притчиною тому была крайняя темнота тогдашней ночи и то, что мы, проѣжжая сквозь полки и ѣдучи мимо офицерскихъ палатокъ, то и-дѣло ногами лошадей своихъ зацѣпливали за палаточныя веревки и тѣмъ, приводя всѣ палатки въ потрясеніе, мѣшали спать въ нихъ офицерамъ, которые, не зная нимало кто тутъ такъ неосторожно ѣхалъ и отваживался ихъ покой нарушать, сердилксь, кричали и бранили насъ немилосердымъ образомъ, и такъ иногда хорошо, что мы со смѣха принуждены были надсѣдаться и имъ охотно то отпускали.

Ночевавъ помянутымъ образомъ въ семъ мѣстѣ двѣ ночи, 23 числа выступили мы

опять въ походъ и, дѣлая небольшіе переходы, шли какъ сіе, такъ 24, 25, 26 и 27 число безъ растаховъ и претерпѣвая великую нужду и безпокойство, а особливо отъ стужи и продолжавшихся еще дождей. Особливаго въ сіе время ничего не случилось, кромѣ того, что мы, какъ сущіе варвары, жгли повсюду селы, дворянскіе домы и деревни, и днемъ курился вездѣ дымъ, а ночью повсюду видимы были заревы и пожары. Какое зрѣлище для жалостливаго и человѣколюбиваго сердца!— Не было тутъ пощады никому, и какое бы жило и строеніе прекрасное ни было, но долженствовало обратиться въ пепелъ. Но для чего? Для того только, что два ескадрона непріятельской конницы гнались за нами, и прускому фельдмаршалу заблагоразсудилось послать ихъ въ слѣдъ за нами, для примѣчанія нашего похода и движенія; а нашъ не могъ того разсудить, что они намъ ничего важнаго здѣлать не могутъ, но вмѣсто того, чтобы послать ихъ отогнать, разсудилъ за лутчее удержать ихъ опустошеніемъ всѣхъ остающихся позади насъ мѣстъ и предаваніемъ всего мечу и огню, не подумавъ ни мало о томъ, что чрезъ таковую жестокость навлекалъ всей націи нашей предъ всѣмъ свѣтомъ превеликое безславіе и такое пятно, которое останется на вѣкъ въ исторіи и которое ничѣмъ смыть не можно; ибо вообразите себѣ, любезной пріятель, что писали тогда въ вѣдомостяхъ непріятели наши о семъ разореніи и какое мнѣніе подавали о насъ всему свѣту:

«Россіяне—говорили они—выходя изъ Прусіи, не оставили тамъ о себѣ хорошей памяти, но до тѣхъ поръ, покуда выступили изъ границъ, упражнялись только въ однѣхъ безчеловѣчіяхъ и жестокостяхъ. Городъ и амтъ Рагнитъ со всѣми почти деревнями своего уѣзда превращенъ совершенно въ пепелъ. Деревни шестнатцати другихъ амтовъ претерпѣли таковую-жъ участь. Весь скотъ былъ у жителей отнятъ и отчасти перебитъ. Великое множество деревенскихъ жителей отчасти перестрѣлено, отчасти сожжены, отчасти уведены въ плѣнъ, а особливо молодые люди. Многіе духовные были сѣчены, а другіе разожженными угольями пытаны. Множество церквей разграблено, каковую участь имѣла и гробница генерала ла-Кара въ Видлакенѣ, и протчее»... Далѣе писали они, что и намъ, россіянамъ, прускіе мужики и гусары въ разныхъ мѣстахъ немалой вредъ причиняли, и что они не только у насъ многое похищенное нами опять отнимали, но многихъ убивали и въ полонъ брали, а не мало получили и обозовъ въ добычу, и что, между протчимъ, захваченъ былъ ими одинъ полковникъ изъ корпуса генерала Сибильскаго и приведенъ къ арміи, у котораго отнято до 3,000 талеровъ наличными деньгами, двое золотыхъ часовъ и карета съ 6-ю лошадьми; казакамъ же и калмыкамъ не дѣлано было никакой пощады, и потому они при семъ возвратномъ походѣ не далеко въ стороны отъ арміи отлучались.

Вотъ что писали о насъ тогда прусаки! Но справедливо ли все сіе было или нѣтъ, того не могу сказать; ибо все сіе отъ нашихъ разъѣжжающихъ по сторонамъ калмыковъ и казаковъ могло статься; однако и то правда, что прусаки въ реляціяхъ своихъ обыкновенно многое прилыгали и изъ самой мухи дѣлали слона. По крайней мѣрѣ, намъ, находившимся тогда въ арміи, ничего о такихъ убивствахъ и пыткахъ, также и о захваченномъ въ плѣнъ полковникѣ ничего было не слышно; а что мы разоренія и опустошенія мѣстъ огнемъ производили, того уже и оспорить не можно. Мы не только были тому очевидными свидѣтелями, но и сами для сожиганія деревень были посыланы. Мнѣ самому таки-случилось однажды командировану быть для истребленія огнемъ одной прекрасной деревни, но я радовался, что упросилъ другова офицера принять на себя сію комисію, отъ которой я внутреннее имѣлъ отвращеніе.

Препроводивъ помянутымъ образомъ цѣлыхъ пять дней въ походѣ безъ растаховъ, наконецъ, 28 числа, мы отъ своего труднаго похода отдыхали, и получили въ

семъ мѣстѣ небольшое порадованіе, а имянно: получено было отъ Двора повелѣніе, чтобъ всей арміи выдать не въ зачотъ за треть года жалованье. Кромѣ сего, памятно мнѣ изъ сего періода времяни, что мы въ послѣдніе сіи дни, идучи все безлѣсными и болѣе пещаными мѣстами, имѣли великой недостатокъ въ дровахъ и принуждены были, какъ для обогрѣванія себя, такъ и для варенія себѣ яствъ, употреблять турфъ, котораго, по щастію, въ прускихъ деревняхъ находили великое множество въ заготовленіи. У всякаго двора были складены изъ сихъ земляныхъ дровъ или высушеннаго дерна превеликія поленицы, или кучи, и мы жгли оной сколько хотѣли, научившись скоро столько-жъ имъ пользоваться, какъ и дровами.

Въ послѣдующей день продолжали мы походъ свой далѣе, а 30 числа опять дневали, и въ семъ мѣстѣ раздѣлена была армія вновь на двѣ дивизіи.

Съ сего времяни не стали уже мы такъ поспѣшать, отчасти для того, что уже немного оставалось намъ иттить, а отчасти потому, что непріятельскія партіи отъ насъ наконецъ отстали, и мы шли уже безъ всякой опасности. Итакъ, 1-е число октября мы шли, а второе и третье отдыхали и отправляли въ Мемель напередъ команды, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ. Потомъ, 4-го числа опять перешли верстъ съ шесть, и тамъ опять два дни стояли. Во все сіе время не имѣли мы ни въ чемъ дальней нужды, а досаждала намъ только стужа и наступившіе морозы. Однако и отъ нихъ научила насъ нужда находить себѣ довольно спокойное убѣжище. Всѣ мы, офицеры, оставили свои большія офицерскія палатки и начали жить въ маленькихъ солдатскихъ, нагрѣвая ихъ жаровнями и угольями; а чтобъ теплота не такъ скоро выходила, то употребляли мы обыкновенно по двѣ палатки, и одну изъ нихъ надѣвали на другую, и такъ, чтобъ одна была передомъ сюда, а другая въ другую и противную той сторону. Опущенныя же и до самой земли полочки прибивали мы вилоть къ землѣ, и чтобъ стужа не могла снизу подходить къ намъ въ палатку, то обсыпали самые края немного землею; верхнею же палатку немного вспрыскивали водою, дабы не такъ скоро тепло сквозь оную проходить могло. Чрезъ все сіе и нагрѣваніе палатки жаровнями, съ нажженными угольями, и получали мы весьма теплыя себѣ убѣжища. А какъ каждой изъ насъ имѣлъ и возилъ съ собою кровати, то, не имѣя нужды спать на землѣ, и повалившись мы въ нихъ, какъ въ баняхъ; но жаль только, что сіе наемное тепло не долго длилось, но скоро проходило и что намъ по нѣсколько разъ въ день нагрѣваніе вновь повторять надлежало; также, что входъ въ палатку не весьма былъ способенъ и принуждалъ насъ нагибаться и подлѣзать подъ стѣну.

Наконецъ, 7-го числа октября, какъ въ день рожденія моего и вступленія на двацатой годъ жизни моей, дошли мы до славнаго нашего Мемеля, и версты за двѣ отъ сей крѣпости расположились лагеремъ, а фельдмаршалъ сталъ въ городѣ и имѣлъ въ него публичной въѣздъ, при стрѣльбѣ изъ пушекъ. Тутъ стояли мы цѣлую недѣлю и упражнялись въ приниманіи провіанта и печеніи хлѣбовъ, также въ запасеніи себя протчими нужными вещами, ибо въ семъ городѣ могли уже мы достать, купить, всякую всячину.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, вторая дивизія нашей арміи, подъ командою генерала-аншефа Броуна, пошла отъ насъ прочь и повернула вправо, въ польскую, тутъ прикосновенную, провинцію Жмудію, или Самогитію, гдѣ назначены ей были зимовыя квартиры. Мы же остались при фельдмаршалѣ, и всѣ полки раздѣлены были по-брегадно, изъ конхъ три брегады пошли на кантониръ-квартиры въ Курляндію, а пять полковъ осталось при Мемелѣ, ибо сію крѣпость не разсудили мы за благо оставить.

Нашему полку пощастливилось быть включену въ число тѣхъ, коимъ назначено было иттить зимовать въ Курляндію. Итакъ, мы, переправившись 15-го числа въ Мемелѣ чрезъ рѣку, выступили въ по-

ходъ, и 16 числа ночевали при польской границѣ, при мѣстечкѣ Полонка, а 17 числа дошли наконецъ до курляндской границы и ночевали при мызѣ Будендицъ; а на утріе тутъ дневали.

19-го числа выступили мы опять въ походъ и отошедъ полторы мили, стали лагеремъ подлѣ деревни Лагнгеръ, а въ послѣдующей день, отошедъ двѣ мили, въ первой разъ стали по квартирамъ и ночевали.

Нельзя изобразить, сколь пріятны намъ тогда были самыя бѣдныя мужичьи хижины! По претерпѣніи толь многихъ трудовъ, стужи и безпокойства, невѣдомо какъ ради были мы дорвавшись до тепла, и для насъ самыя скверныя латышскія избы лутче были палатъ бѣлокаменныхъ. Но чему и дивиться не можно, по притчинѣ, что тогда уже было самое глубокое осеннее время и стояла стужа съ ежедневными морозами.

21-е число выступили мы опять въ походъ и, отошедъ мили три, принуждены были, за неимѣніемъ квартиръ, ночевать опять въ палаткахъ на холоду, а что того досаднѣе, тутъ же еще и дневать.

23 числа пошли мы далѣе, и дошедъ до кирки Обербартау, стали всѣ по квартирамъ.

24 числа раздѣлилась наша брегада, и Кіевской полкъ пошолъ влѣво, а мы со вторымъ Московскимъ—вправо; а вскорѣ потомъ пошолъ и второй Московской полкъ отъ насъ въ сторону, и мы остались одни и ночевали по квартирамъ, занятымъ по деревнямъ.

25-го числа шли мы съ полкомъ своимъ еще далѣе, и здѣлавъ небольшой переходъ, ночевали по квартирамъ, а послѣдующаго дня начали уже отдѣляться отъ насъ роты и расходиться по сторонамъ; мы же остались при знаменахъ.

Нельзя довольно изобразить, съ какими пріятными и особыми чувствованіями сопровождаемо бываетъ такое приближеніе къ зимовымъ квартирамъ. Тогда хотя была глубокая осень, но намъ веселѣе и пріятнѣе было ѣхать, нежели самою весною. Каждой лѣсокъ и каждой кустарникъ казался намъ милъ, и мысль, что скоро наживемъ себѣ покой, услаждала все и всѣмъ видимымъ предметамъ нѣкакую особливую пріятность придавала.

27 числа октября пошли мы далѣе и пришли наконецъ въ настоящія наши кантониръ-квартиры въ мызу Цирау, лежащую въ Курляндіи, и расположились по деревнямъ кругомъ оной.

Такимъ образомъ кончился нашъ, предпріятой въ 1757 году, первой пруской походъ, о которомъ теперь судите сами, славенъ ли онъ былъ, или безславенъ, и къ пользѣ ли онъ намъ служилъ или ко вреду и предосужденію. Что касается до меня, то мнѣ то только извѣстно, что вся польза состояла единственнно въ томъ, что мы посмотрѣли прусаковъ, поучились съ ними воевать, узнали какъ ходятъ въ походахъ, какіе бываютъ военные труды, овладѣли городомъ Мемелемъ, нагнали на прусаковъ страхъ и доказали имъ, что мы умѣемъ драться и не такія свиньи, какими они насъ почитали. Впротчемъ, нельзя и того не сказать, что нашъ походъ сей многова труда и многихъ убытковъ какъ въ людяхъ, такъ и въ деньгахъ и во всемъ протчемъ стоилъ. Однимъ словомъ: онъ былъ пріуготовленіемъ и наукою къ будущимъ нашимъ военнымъ операціямъ.

Симъ окончу я мое теперечнее письмо, а въ послѣдующемъ разскажу, что послѣдовало далѣе; а между тѣмъ остаюсь вашъ и протчее.

Письмо 53.

Любезной пріятель! Послѣднее мое письмо кончилъ я тѣмъ, что мы, возвратясь изъ своего похода, расположились въ Курляндіи по зимнимъ квартирамъ; а теперь, продолжая повѣствованіе свое далѣе, скажу вамъ, что на сихъ квартирахъ простояли мы достальное время сего года наиспокойнѣйшимъ образомъ. Оба оставшіе мѣсяца, ноябрь и декабрь, протекли у насъ мирно, и я не помню никакова важнаго и особливаго произшествія, которое бы около сего времяни

случилось. Главную квартиру занялъ нашъ фельдмаршалъ въ курляндскомъ приморскомъ мѣстечкѣ Либавѣ, а нашему полку, какъ уже прежде упомянуто, квартиры назначены были въ окрестностяхъ мызы Цирау, гдѣ сталъ и старичокъ, полковникъ нашъ. Что-жъ касается до меня, то я сею зимою далеко не таковъ щастливъ былъ, какъ предслѣдующею. Ротѣ нашей отведены были квартиры неподалеку отъ вышеупомянутой мызы; но какъ я около сего времяни уже не былъ ротнымъ командиромъ, потому что былъ при ротѣ и самъ порутчикъ, то наилутчая квартира, назначенная для ротнаго командира на изрядномъ подмызкѣ, занята была имъ, а я принужденъ былъ довольствоваться наилутчимъ крестьянскимъ дворомъ, какой могъ только найтиться во всѣхъ деревняхъ, асигнованныхъ подъ нашу роту; но какъ и всѣ тамошнія деревни и крестьянскіе дворы немногимъ чѣмъ лутче лифляндскихъ, то нельзя сказать, чтобъ квартира моя была завидная. Ее отвели мнѣ въ одной деревни, лежащей верстъ 5 отъ моего порутчика, и я за щастіе еще щиталъ, что удалось найтить такой крестьянской дворъ, въ которомъ подлѣ избы придѣлана была сбоку маленькая коморочка съ тремя красненькими окошечками и голандскою печкою, которая была хотя и негораздо свѣтла и отъ небреженія крестьянскаго нарочито позакопчена, но я радъ по крайней мѣрѣ былъ тому, что печка была порядочная и что не обезпокоиванъ былъ дымомъ а что всего лутче, то была она тепла какъ баня. Сіе тепло было намъ всего дороже; ибо, натерпѣвшись въ походѣ стужи и безпокойствъ, ради мы были и послѣдней лачунки.

Итакъ, квартирка моя была хотя и весьма-весьма посредственная, но я ею былъ нарочито доволенъ. Я прибралъ ее колико можно было полутче. Затоптанной и загвазданной полъ велѣлъ я порядочно вымыть и выскресть; печку свою я выбѣлилъ; стѣны также велѣлъ порядочно обместь, очистить и потомъ вымыть; а чтобъ придать имъ сколько-нибудь красы, то прибилъ на нихъ два живописныхъ портрета, которые случилось мнѣ купить въ походѣ за бездѣлку у солдатъ, доставшихъ оные при разграбленіи замка Аленбургскаго, и которые составляли единую добычу, вывезенную мною изъ Прусіи. Далѣе, кроватку свою поставилъ я въ одномъ углу, а въ другомъ, подлѣ печки и подъ окошечкомъ, установилъ я свой походной столикъ, и асигновалъ себѣ мѣстечко для сидѣнія; и какъ бумаги было у насъ довольно, чернилы также были, а полочка, установленная моими книгами, была подлѣ меня, то мнѣ ничего болѣе было и не надобно; и я, разобравшись и расположившись симъ образомъ, началъ себѣ жить въ теплѣ, какъ въ царствѣ небесномъ, или, лутче сказать, какъ нѣкакой отшельникъ, въ сущемъ уединеніи и спокойствіи. Ибо надобно сказать, что порутчикъ мой былъ хотя изрядной человѣкъ, однако не такой, съ которымъ бы можно было съ пріятностію дѣлить время; итакъ, къ нему часто ѣздить я не имѣлъ охоты, а изъ другихъ офицеровъ никто подлѣ меня близко не стоялъ. Что-жъ касается до тамошнихъ мызниковъ или курляндскихъ дворянъ, то мѣста сіи были какъ-то пусты и не было никого изъ дворянъ, живущихъ въ близости, такъ что мнѣ во всю зиму ни одного изъ нихъ видѣть (не случилось), да и не слыхалъ я, чтобъ кто жилъ тутъ неподалеку.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ принужденъ я былъ жить одинъ и власно какъ въ заперти; и уединеніе сіе конечно-бъ мнѣ скоро прискучило, естлибъ не имѣлъ я охоты къ наукамъ и не здѣлалъ издавна привычки упражняться въ чтеніи книгъ и писаніи, а самая сія привычка и помогла мнѣ въ семъ случаѣ очень много; ибо не успѣлъ я совсѣмъ обосторожиться, какъ тотчасъ и нашелъ себѣ работу. Я упоминалъ уже прежде, что во время похода, въ праздное время, переводилъ я новокупленную въ Ригѣ книгу «Клевеланда»; и какъ сей книги переведено было у меня уже довольно, то вознамѣрился я тогда переводъ сей переписать на-бѣло, какъ можно лутчимъ и кра-

сивѣйшимъ письмомъ, почему, здѣлавъ тетратки изъ лутчей почтовой бумаги, и началъ я переводъ свой переписывать, натирая всегда для писанія тушъ, и употребляя при переписываніи все свое искуство къ приданію книжкѣ моей паплугчей красы; а занимаясь симъ, и не видалъ какъ протекало глубокое и самое скучное осеннее время.

Кромѣ сего, случай доставилъ мнѣ и нѣкотораго рода собесѣдника. У хозяина моего проживалъ одинъ рукомесленной старичокъ, упражняющейся въ шитьѣ деревенскаго мужичьяго платья, для котораго собственно и была здѣлана у него самая та коморочка, въ которой я тогда жилъ. Сперва не зналъ я, что̀ это была за особа, ибо какъ его для меня выгнали изъ коморки, то жилъ онъ въ избѣ у хозяина, и мнѣ былъ онъ не въ примѣту; но какъ ходъ изъ моей комнаты былъ всегда чрезъ избу, то, видая его всякой день, полюбопытствовалъ я однажды о немъ, и, къ превеликому удовольствію, узналъ, что онъ былъ родомъ нѣмецъ. Я тотчасъ съ нимъ началъ говорить, и нашолъ, что онъ былъ старичокъ самой добренькой, живалъ многіе годы въ самомъ Кёнигсбергѣ и имѣлъ довольно смысла, такъ что я могъ съ нимъ иногда съ цѣлой часъ времени, и болѣе, разговаривать безъ скуки. Я разспрашивалъ его о Кёнигсбергѣ, и онъ мнѣ разсказывалъ все, что ему было извѣстно. Словомъ, я старичка сего скоро полюбилъ и нерѣдко заставливалъ его работать у себя въ комнаткѣ, дабы мнѣ съ нимъ можно было кой-о-чемъ разговаривать. Кромѣ того, здѣлался онъ мнѣ и учителемъ латышскому языку; ибо какъ онъ языкъ сей совершенно разумѣлъ, то, изъ любопытства, разспрашивалъ я у него, какъ что по-латышски называется, и записывалъ въ тетратку.

Въ сихъ-то невинныхъ и уединенныхъ упражненіяхъ препровождалъ я свое время. Но какъ недостатокъ въ нужнѣйшихъ съѣстныхъ припасахъ, или такъ-называемомъ запасѣ, которой во время похода весь уже изошолъ, напоминалъ мнѣ, что нужно помышлять о запасеніи себя вновь онымъ; а сверхъ того, не было у меня ни большой шубы, ни носильнаго порядочнаго тулупа и многихъ другихъ вещей: то для всего того разсудилъ я отправить одного изъ людей моихъ въ свою деревню, какъ для привоза мнѣ сего запаса, такъ и для закупки въ Москвѣ всѣхъ нужныхъ вещей, которыхъ мнѣ недоставало, а равно какъ и денегъ, въ которыхъ также была мнѣ великая нужда — и Яковъ мой на лошадкѣ принужденъ былъ въ сей дальной путь отправиться.

Вскорѣ послѣ того произошла въ ротѣ у насъ нѣкоторая перемѣна. Поручика моего произвели въ капитаны, и на мѣсто его получилъ я себѣ другого командира, а именно: поручика Михайлу Емельяновича г. Непейцина. И какъ сей человѣкъ былъ разумнѣе и несравненно лутчихъ свойствъ и характера, нежели каковъ былъ г. Коржавинъ, то возстановилось у насъ съ нимъ очень скоро отмѣнное дружество. Онъ полюбилъ меня чрезвычайно, и какъ онъ пріѣхалъ тогда прямо изъ Польши, гдѣ находился для заготовленія провіанта и имѣлъ чрезъ то случай понажиться и вывезть съ собою и денежекъ и всего протчаго довольно, то сталъ онъ меня уговаривать, чтобъ я переѣхалъ жить съ нимъ вмѣстѣ, на подмызокъ, и не далъ мнѣ до тѣхъ поръ покоя, покуда я на то не согласился. Привыкнувши къ своей хижинѣ, мнѣ сперва-было и не весьма хотѣлось разстаться съ моимъ милымъ уединеніемъ; но прозьбы его, а сверхъ того, и недостатокъ провизіи и неудобность доставать оную въ курляндскихъ деревняхъ, убѣдили меня наконецъ оное оставить и переѣхать къ нему жить; и я могу сказать, что я и не имѣлъ притчины въ томъ раскаяваться. Ласки его, ко мнѣ оказываемыя, и дружба простиралась такъ далеко, что онъ никакъ не хотѣлъ допустить до того, чтобъ я купилъ отъ себя что-нибудь изъ провизіи, но довольствовалъ меня своимъ коштомъ, и мы жили съ нимъ какъ родные братья, и могу сказать, что довольно весело. Квартира была у насъ довольно хо-

рюшая, пить и ѣсть было что̀, а въ разговорахъ съ нимъ время препровождать было не скучно; а сверхъ того, имѣлъ я свободу заниматься сколько хотѣлъ и своими упражненіями. Словомъ, сотоварищемъ симъ былъ я совершенно доволенъ и живя съ нимъ и не видалъ, какъ протекли оба достальные мѣсяцы сего года.

Совсѣмъ тѣмъ, не удалось мнѣ долго ножить съ симъ любезнымъ человѣкомъ. Предъ окончаніемъ года произошла со мною и еще одна перемѣна. Господину полковнику нашему вздумалось что-то перевести меня изъ прежней въ гранодерскую роту, и я принужденъ былъ, противъ желанія моего, оставить прежняго компаніона и переѣхать жить въ новую роту и на третью квартиру. Однако, щастіе послужило мнѣ и въ семъ случаѣ. Капитанъ въ сей ротѣ случился быть человѣкъ весьма хорошей и разумной, воспитанной въ кадетскомъ корпусѣ и знавшей по-французски и по-нѣмецки, и почитаемой во всемъ полку нашемъ пилутчимъ и разумнѣйшимъ капитаномъ. Его звали Иваномъ Никитичемъ, а по фамиліи былъ онъ Гнѣвушевъ. Сей человѣкъ служилъ еще при полку нашемъ во время покойнаго моего родителя и былъ имъ за достоинствы свои любимъ, а потому зналъ онъ и меня еще съ малолѣтства, и могу сказать, что и любилъ съ того времяни. Послѣ узналъ я, что по его домогательству и здѣлано было то, что я переведенъ былъ въ его роту; ибо, какъ опросталась въ его ротѣ подпорутчицкая ваканція, то онъ, зная мои способности, и выпросилъ меня у полковника. Поелику же учинено то противъ моей воли и хотѣнія, то и не хотѣлъ онъ допустить меня, чтобъ я стоялъ въ латышской избѣ и терпѣлъ нужду и безпокойство, но такимъ же образомъ убѣдилъ меня, чтобъ я сталъ съ нимъ вмѣстѣ на одной квартирѣ, на что̀ я охотно и согласился, и могу сказать, что и его сообществомъ и дружбою я былъ почти не менѣе доволенъ, какъ и господиномъ Непейцинымъ.

Теперь, остановясь на нѣсколько времяни на семъ мѣстѣ, обратимся на часокъ къ другимъ предметамъ и посмотримъ, что̀ въ другихъ мѣстахъ въ сіе время происходило.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Прусіи возвращались и потомъ спокойно въ Самогитіи и Курляндіи стояли по квартирамъ, въ Европѣ, напротивъ того, война продолжала горѣть во всемъ своемъ пламяни. Королю Прускому достальная часть сего лѣта, а особливо осень, посчастливилась въ-особливости. Непростительная погрѣшность, учиненная нами, и въ самое почти то же время французскимъ маршаломъ Ришеліе, служила власно какъ сигналомъ къ тому, чтобъ всѣмъ смутнымъ его обстоятельствамъ перемѣниться на лутчія. Обоими сими весьма выгодными для его произшествіями онъ власно какъ ободрился и сталъ помышлять о томъ, какъ бы ему управиться съ протчими непріятелями, а особливо съ такъ-называемою имперскою арміею или собранной съ разныхъ мелкихъ имперскихъ княженій.

Сей собралось при Нюренбергѣ, въ началѣ весны, изъ разныхъ мѣстъ до 20,000 человѣкъ, и она, соединившись въ августѣ съ французскою арміею подъ командою принца Субиза, вступила въ Саксонію и шла атаковать короля Прускаго. Съ другой стороны утѣсняли его цесарцы: искусной предводитель ихъ, графъ Даунъ, слѣдуя вслѣдъ за прускими войсками, преполагалъ имъ всюду и всюду столь великія препоны въ ихъ предначинаніяхъ и наводилъ имъ столько безпокойствъ, что они растеряли великое множество войска, обозовъ, понтоновъ и самыхъ магазиновъ, и не знали наконецъ что дѣлать. Съ третей стороны вошли уже шведы въ границы прускія со стороны Помераніи, а съ четвертой, какъ было упоминаемо, вступили мы въ Прусію. Въ сей крайности и будучи со всѣхъ сторонъ утѣсняемъ, рѣшился-было король почти изъ отчаянія схватиться и подраться еще съ цесарцами, да и дѣйствительно пошелъ ихъ атаковать; но какъ нашолъ фельдмаршала ихъ, стоящаго съ

арміею въ столь выгодномъ и неприступномъ мѣстѣ, что безъ явной опасности учинить того было не можно, то, препроводивъ цѣлой почти день въ одной перестрѣлкѣ съ нимъ изъ пушекъ, и испытавъ тщетно всѣ способы до него добраться, принужденъ былъ, ничего не здѣлавъ, отойтить прочь и податься назадъ къ Саксоніи.

Тутъ, отправивъ онъ знатной корпусъ въ Шлезію для прикрытія границъ и города Швейдница, сталъ самъ помышлять о томъ, какъ-бы ему украсться отъ прозорливаго графа Дауна и уйтить для встрѣчи и разбитія имперской арміи. Сія наводила ему тогда больше всѣхъ заботы и безпокойства; ибо единымъ вступленіемъ своимъ могла у него отнять всю Саксонію и пройтить до Магдебурга, и въ такую же сей городъ привесть опасность, въ какой находился Берлинъ отъ шведовъ.

Къ произведенію помянутаго предпріятія надлежало употребить королю всю свою хитрость и искуство, и ему удалось сіе здѣлать наивозможденнѣйшимъ образомъ. Онъ, отдѣливъ знатную часть войска отъ главной арміи, ушолъ такъ скрытно, что Даунъ не могъ долго о томъ никакъ провѣдать.

Между тѣмъ, оставленная имъ главная армія подъ командою принца Евернскаго, къ которому приданъ былъ на вспоможеніе славной и искусной генералъ Винтерфельдъ, на котораго король наиболѣе и надѣялся, принуждена была терпѣть много зла и безпокойства отъ цесарцовъ. Помянутой генералъ Винтерфельдъ сталъ съ отдѣленнымъ деташаментомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ главной арміи. Цесарской фельдмаршалъ графъ Даунъ, соединясь съ принцомъ Лотарингскимъ, пришолъ и сталъ лагеремъ насупротивъ пруской, и цесарской генералъ Надасти атаковалъ корпусъ генерала Винтерфельда и не только разбилъ оной, побивъ у прусаковъ около 1,500 человѣкъ, но причинилъ имъ чувствительнѣйшей ударъ чрезъ смерть самого генерала Винтерфельда, которой на семъ сраженіи смертельно былъ раненъ. Принцъ Евернской безъ него власно какъ опѣшелъ, и, позабывъ о прикрытіи шлезскихъ границъ, пошолъ внутрь Шлезіи къ Лигницу, а сверхъ того здѣлалъ еще того хуже и ослабилъ свою армію разсылкою до 15 тысячъ человѣкъ въ разныя крѣпости, и чрезъ то привелъ себя въ несостояніе противоборствовать цесарской арміи, которая, слѣдуя за нимъ по стопамъ и причиняя ему вездѣ вредъ, прогнала его даже до Бреславля и принудила обнажить всю Шлезію и предать ее почти въ жертву и на произволъ цесарцамъ, чѣмъ цесарцы и непреминули воспользоваться. Генералъ ихъ, Надасти, окружилъ тотчасъ славную ихъ крѣпость Швейдницъ и учинилъ все пріуготовленіе къ осадѣ, а другой генералъ, Гаддикъ, съ маленькимъ корпусомъ легкихъ войскъ пошолъ прямо къ обнаженному и безъ всякой защиты находящемуся Берлину, и принудилъ сей столичной городъ заплатить себѣ не малую контрибуцію, а королеву, со всѣмъ дворомъ, спасаться бѣгствомъ и удалиться въ Шпандау. Но сіе обладаніе прускою столицею не продолжилось болѣе однихъ сутокъ, и сей достопамятной день былъ 5-го октября мѣсяца.

Между тѣмъ какъ все сіе происходило, и цесарцы помянутымъ образомъ хозяйствовали въ Шлезіи и въ самой Бранденбургіи, самъ король Прускій находился, какъ выше упомянуто, въ походѣ противъ имперской арміи, соединенной съ французами, которая, вступивъ въ Саксонію, распространилась уже въ окрестностяхъ Лейпцига и шла прямо къ Магдебургу и къ Берлину. Королю удалось тотчасъ остановить ее своими деташаментами. Онъ пошелъ къ Ерфурту, и, принудивъ союзныхъ выступить изъ онаго, овладѣлъ симъ городомъ. Тутъ принужденъ онъ былъ стоять долгое время и разсылать всюду отдаленные корпусы для прикрытія Магдебурга, Лейпцига и Берлина, а между тѣмъ производить съ непріятелями малую войну, что и продолжалось почти до самаго ноября мѣсяца. Обѣ арміи упражнялись въ маршахъ и

контрамаршахъ, и дрались только между собою разные ихъ отдѣленные деташаменты съ различными успѣхами.

Наконецъ, 24 октября, дошло дѣло и до рѣшительной баталіи, неподалеку отъ Лейпцига, при деревнѣ Розбахѣ, и королю Прускому посчастливилось, несмотря на всю малочисленность своего войска и на несравненное превосходство имперской союзной арміи, бывшей подъ командою генералисимуса принца Гильгургсгаузенскаго и Субиза, разбить въ прахъ сію послѣднюю чуднымъ и невѣроятнымъ почти образомъ. Употребленной имъ удачно военной обманъ помогъ ему произвесть сіе великое и славное дѣло: онъ притворился убоявшимся имперской арміи и ретирующимся къ Мерзебургу. Имперцы и французы, приписывая сіе его трусости, почитали побѣду несомнѣнною и почти на половину выигранною, погнались за нимъ безъ дальней осторожности — но вдругъ попались власно какъ въ засаду, и нашли короля, стоящаго въ наилутчемъ порядкѣ и готоваго къ сраженію. Цѣлая половина арміи скрыта была у него за пригоркомъ, и палатки, стоящія на ономъ, закрывали ее отъ глазъ непріятеля. Но какъ палатки вдругъ сняли, то она означилась и видомъ своимъ привела непріятелей въ великое замѣшательство, которымъ король тотчасъ воспользовался и, храбро конницею своею атаковавъ ихъ конницу, привелъ сію въ безпорядокъ и принудилъ къ бѣгству, а за нею послѣдовала и вся пѣхота.

Славное сіе сраженіе продолжилось недолго, но было весьма кровопролитно. Союзная армія состояла хотя изъ 60 тысячъ человѣкъ, а пруская не болѣе какъ изъ 30, но первая была такъ разбита и въ такую разстройку и безпорядокъ приведена, что на мѣстѣ баталіи не осталось болѣе 2,000 человѣкъ. Она потеряла болѣе 10 тысячъ человѣкъ, и прусаки взяли въ полонъ до 7,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 11 генераловъ и 250 офицеровъ, а сверхъ того, получили въ добычу 63 пушки, и 15 штандартовъ и 7 знаменъ. Словомъ, побѣда, одержанная королемъ Прускимъ, была совершенная и славная. Онъ, пригласивъ плѣнныхъ офицеровъ къ себѣ на ужинъ, просилъ ихъ, чтобъ они не прогнѣвались, что кушаньевъ мало, и что онъ ихъ угощаетъ такъ худо, ибо онъ никакъ не ожидалъ имѣть у себя въ сей вечеръ толь многихъ гостей.

Впротчемъ, побѣда сія имѣла важныя послѣдствія. Король Прускій получилъ чрезъ то свободу и могъ полетѣть на помощь утѣсненной своей Шлезіи и принцу Бевернскому. Въ гановеранахъ возбудилось опять мужество и они, нарушивъ свой договоръ, начали опять воевать. Французы опѣшели, и сами цесарцы пришли въ смущеніе и въ нѣкоторой родъ малодушія.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ король ни спѣшилъ на вспоможеніе принцу Бевернскому, стоявшему окопавшись подлѣ Бреславля, однако ему не удалось поспѣть благовремянно. Цесарцы, услышавъ о побѣдѣ его при Розбахѣ и о томъ, что онъ идетъ, успѣли до прибытія его атаковать принца Бевернскаго въ его ретраншаментѣ, и несмотря на всѣ трудности и храбрую оборону, выбили 13 ноября прусаковъ изъ оныхъ, и потомъ взяли самого принца Бевернскаго въ полонъ и прусаковъ принудили уйтить. Сія удача произвела то слѣдствіе, что въ тотъ же вечеръ здался и городъ Бреславль на капитуляцію, а за нѣсколько времяни до того здалась и крѣпость Швейдницъ генералу Надастію, и королю не удалось и сему городу учинить вспоможеніе.

Но всѣ сіи удачи и выгоды, полученныя цесарцами, хотя и привели короля Прускаго въ великое нестроеніе, однако продлились недолго. Провидѣнію угодно было назначить не имъ, а королю Прускому воспользоваться всѣми кровопролитіями и трудами сего лѣта. Онъ, будучи помянутыми успѣхами цесарцовъ приведенъ въ превеликую разстройку и лишась почти совсѣмъ Шлезіи, рѣшился испытать еще разъ своего щастія и по-

драться съ цесарцами, въ надеждѣ побѣдою перемѣнить все положеніе дѣлъ: почему, несмотря на всѣ безпокойствы глубокой осени и крайнее утружденіе своей арміи, пошелъ искать цесарцовъ, чтобъ дать имъ баталію. Цесарцы, зная малочисленность его арміи, не только не устрашились сего, но даже, презирая, смѣялись оной, называя ее не арміею, а берлинскимъ разводомъ. Совсѣмъ тѣмъ, мудрый и осторожной фельдмаршалъ ихъ Даунъ совсѣмъ не то мыслилъ, и не давая себя тѣмъ ослѣпить, сталъ въ весьма выгодномъ мѣстѣ подлѣ Швейдница и не хотѣлъ никакъ иттить самъ на встрѣчу непріятелю, а ожидалъ, чтобъ король пришолъ его атаковать. Но какъ былъ онъ не одинъ командиромъ надъ цесарскою арміею, а вмѣстѣ съ принцемъ Лотарингскимъ, сей же въ мнѣніи своемъ былъ съ нимъ несогласенъ и хотѣлъ иттить самъ на встрѣчу королю и дать съ нимъ баталію, то сіе несогласіе произвело то, что посланъ былъ курьеръ въ Вѣну, спросить что дѣлать; и какъ велѣно было иттить и дать съ непріятелемъ баталію, то король Пруской, сего только и желая, сошедшись съ ними при Лиссѣ и при деревнѣ Лейтенѣ, составилъ съ ними 24 ноября кровопролитную и столь удачную битву, что цесарцы были совершенно побѣждены и потеряли на этомъ сраженіи 301 офицера и 21 тысячу человѣкъ войска, 134 пушки и 59 знаменъ. Но сего еще было недовольно, но нещастію цесарцовъ назначено увеличиться потерянѣмъ опять Бреславля. Принцъ Лотарингской, желая спасти сей городъ, хотя послалъ въ него знатной корпусъ съ многочисленною артилеріею, но сіе послужило только къ вящему урону; ибо король Пруской, не упуская время, осадилъ оной, и, несмотря на всю суровость погоды и трудности, взялъ оной. Сіе потеряніе Бреславля стоило цесарцамъ 13 генераловъ, 686 офицеровъ и семнадцати тысячъ рядовыхъ.

Симъ образомъ кончилась кампанія сего года съ великимъ урономъ и предосужденіемъ для цесарцовъ. Всѣ ихъ труды, сраженія, убытки и полученныя выгоды не принесли имъ ни малѣйшей пользы. Они принуждены были выттить въ Богемію и оставить всю Шлезію опять во власть прусаковъ. Одинъ только городъ Швейдницъ остался въ ихъ рукахъ; но сія была очень малая выгода. Словомъ, прусакамъ удалось, противъ всякаго чаянія и къ удивленію всей Европы, окончить кампанію сію съ великою для себя выгодою; ибо и самыхъ шведовъ успѣлъ еще фельдмаршалъ ихъ Левальдъ, возвратившись изъ Прусіи и отдѣлавшись отъ насъ, изъ предѣловъ прускихъ выгнать съ уроном.

Вотъ вамъ краткое изображеніе бывшихъ тогда въ Европѣ произшествій, и какъ симъ кончился 1757 годъ, то дозвольте и мнѣ на семъ мѣстѣ теперешнее мое письмо кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ вѣрной другъ, и протчая.

ЗАНЯТІЕ КЕНИГСБЕРГА.

Письмо 54.

Любезной пріятель! Между тѣмъ, какъ вышеупомянутымъ образомъ и въ самую глубочайшую осень 1757 года война въ прускихъ, цесарскихъ и саксонскихъ земляхъ горѣла нажесточайшимъ образомъ и цѣлыя десятки тысячъ людей лишались жизни, а того множайшія попадали въ полонъ, поля же обагрялись человѣческою кровью, а безчисленное множество бѣдныхъ поселянъ лишались своихъ домовъ и всего своего имѣнія, а того множайшіе претерпѣвали тягость отъ податей и отниманія у нихъ всѣхъ заготовленныхъ ими для своего пропитанія съѣстныхъ припасовъ и фуража — отдыхали мы въ Польшѣ и въ Курляндіи отъ своихъ трудовъ и всю сію осень и начало зимы препроводили въ мирѣ, тишинѣ и наивожделѣннѣйшемъ покоѣ. Не зная ничего о всѣхъ сихъ произшествіяхъ, жили мы тутъ на своихъ покойныхъ квартирахъ и только-что веселились.

Но сколь спокойны были мы, столь безпокоилось правительство наше худыми

успѣхами нашего перваго похода. Неожидаемымъ и постыднымъ возвращеніемъ арміи нашей изъ Прусіи и всѣми поступками нашего фельдмаршала, Апраксина, была владѣющая нами тогда императрица крайне недовольна, и хотя для прикрытія стыда и обнародовано было, что сіе возвращеніе арміи нашей произошло по повелѣнію самой императрицы и будто для того, что какъ цесарцы сами уже вошли въ Шлезію, то намъ не было нужды иттить далѣе и продолжать походъ свой до Шлезіи, и что, сверхъ того, войски нужны были въ своемъ отечествѣ по притчинѣ болѣзни императрицыной; однако всѣмъ извѣстно было, что это объявлено было для одного вида, а въ самомъ дѣлѣ всѣ знали, что учинилъ онъ то самопроизвольно. А самое сіе и навлекло на него гнѣвъ отъ императрицы; почему, не успѣлъ онъ возвратиться въ Курляндію, какъ отозванъ былъ въ Петербургъ для отданія въ поведеніи своемъ отчота. Сіе обратное путешествіе въ столичной городъ было сему полководцу весьма бѣдственно и несчастно. Лишась всей прежней своей пышности, принужденъ онъ былъ ѣхать какъ посрамленной отъ всѣхъ, почти тихомолкомъ, и слухи объ ожидаемыхъ его въ Петербургѣ бѣдствіяхъ столь его безпокоили, что онъ на дорогѣ занемогъ и больной уже привезенъ въ Нарву. Но сего было еще недовольно. Но нещастіе встрѣтило его уже и въ семъ городѣ; ибо прислано было повелѣніе, чтобъ его не допускать и до Петербурга, но арестовавъ тутъ, велѣть слѣдовать его нарочно учрежденной для того комисіи. Но сіе бѣдняка сего такъ поразило, что онъ въ немногіе дни лишился жизни, о которой никто не жалѣлъ, кромѣ однихъ его родственниковъ и кліентовъ, ибо впротчемъ все государство было на него въ неудовольствіи.

Симъ образомъ погибъ сей человѣкъ, бывшей за короткое предъ тѣмъ время толико знатнымъ и пышнымъ вельможею, и наказанъ самою судьбою за его вѣроломство къ отечеству и поступку, произведшею толь многимъ людямъ великое нещастіе.

Между тѣмъ, команда надъ оставшею въ Курляндіи и Польшѣ арміею поручена была генералъ-аншефу графу Фермору. И какъ сей генералъ извѣстенъ былъ всѣмъ подъ имянемъ весьма разумнаго и усерднаго человѣка, то перемѣною сею была вся армія чрезвычайно довольна. Онъ и непреминулъ тотчасъ стараніями своими и разумными новыми распоряженіями оправдать столь хорошее объ немъ мнѣніе.

Первое и наиглавнѣйшее попеченіе сего генерала было о томъ, какъ бы удовольствовать всю армію всѣми нужными потребностьми, а потомъ овладѣть скорѣе всѣмъ королевствомъ Прускимъ, и чрезъ то сколько, съ одной стороны, исправить погрѣшность, учиненную графомъ Апраксинымъ, столько, съ другой, исполнить желаніе нашего Двора и императрицы. Ибо, какъ между тѣмъ получено было извѣстіе, что король Прускій все свое Пруское королевство обнажилъ отъ войскъ, употребивъ оныя, какъ выше упомянуто, для изгнанія шведовъ изъ Помераніи, то, дабы не дать ему время опять армію свою туда возвратить, велѣно было наивозможнѣйшимъ образомъ поспѣшить и, пользуясь симъ случаемъ, занять и овладѣть всѣмъ королевствомъ Прускимъ безъ дальнаго кровопролитія.

Всходствіе чего, не успѣлъ сей генералъ принять команды и получить помянутое повелѣніе, какъ и началъ ко вступленію въ Прусію чинить всѣ нужныя пріуготовленія. И какъ положено было учинить то не дожидаясь весны, а тогдашнимъ же еще зимнимъ временемъ, то съ превеликою нетерпѣливостію дожидался онъ, покуда море или паче тотъ узкой морской заливъ, которой извѣстенъ подъ именемъ Курскаго Гафа — и будучи отъ моря отдѣленъ узкою и длинною полосою земли, простирается отъ Мемеля до самаго мѣстечка Лабіо — покроется столь толстымъ льдомъ, чтобъ по оному можно было иттить прямымъ и кратчайшимъ путемъ въ Кёнигсбергъ войску со всею нужною артилеріею. Нетерпѣливость его была такъ велика, что съ каждымъ днемъ

приносили ему оттуда ледъ для сужденія по толстотѣ его, можетъ ли онъ поднять на себѣ тягость артилеріи.

Но какъ сіе не прежде воспослѣдовало, какъ въ самомъ окончаніи 1757 года, то самое начало послѣдующаго за симъ 1758 года и здѣлалось достопамятно обратнымъ вступленіемъ нашихъ войскъ въ королевство Пруское. Графъ Ферморъ еще въ послѣднія числа минувшаго года переѣхалъ изъ Либавы въ Мемель, а тутъ, изготовивъ и собравъ небольшой корпусъ и взявъ нужное число артилеріи, пошолъ 5-го числа генваря по заливу прямо къ Кёнигсбергу, приказавъ другому корпусу, подъ командою генералъ-маіора графа Румянцова, въ самое то-жъ время вступить въ Прусію со стороны изъ Польши, и овладѣть городомъ Тильзитомъ.

Успѣхъ дѣла и похода сего былъ наивожделѣннѣйшей. Войска графа Фермора въ тотъ же день безъ дальнаго отягощенія дошли по льду до острова Руса и овладѣли находившимся тутъ амтомъ, а войска, вступившія со стороны изъ Польши, овладѣли безъ всякаго сопротивленія Тильзитомъ, гдѣ графъ Румянцовъ, услышавъ, что въ городѣ Гумбинахъ находился еще небольшой пруской гарнизонъ, послалъ было для захваченія онаго войска; но они его уже не застали ибо онъ, услышавъ о приближеніи нашихъ, заблаговременно удалился заранѣе. Итакъ, вступили наши во всѣ мѣстечки и города безъ всякаго сопротивленія и вездѣ жителей приводили къ присягѣ быть въ подданствѣ и вѣрности у нашей императрицы.

Наконецъ, графъ Ферморъ, соединившись со всѣми пятью колоннами войска, вступившими въ Прусію съ разныхъ сторонъ, подъ командою генералъ-поручиковъ: Салтыкова, Резанова, графа Румянцова и генералъ-маіоровъ: князя Любомирскаго и Леонтьева, пошелъ прямо и безъ растаховъ въ городъ Лабіо, и пришедъ туда 9-го числа, пашелъ у тамошняго начальства уже повелѣніе отъ кёнигсбергскаго правительства, чтобъ въ случаѣ вступленія нашихъ войскъ отпускалось намъ все, что-бъ ни потребовалось, безъ всякаго сопротивленія, и повиноваться всѣмъ приказаніямъ графа Фермора.

Изъ сего мѣста отправилъ сей генералъ полковника Яковлева съ 400 гранодеръ, съ 8-ю пушками и 9-ю ескадронами конницы, подъ командою бригадира Демику, и съ 3 гусарскими полками и чугуевскими казаками подъ предводительствомъ бригадира Стоянова, прямо къ Кёнигсбергу. А какъ между тѣмъ пріѣхали къ нему и депутаты, присланные отъ кёнигсбергскаго правительства съ прошеніемъ отъ всего города и королевства, чтобъ принято оное было подъ покровительство императрицы и оставлено при ея привилегіяхъ, то онъ, увѣривъ ихъ о милости монаршей, отправился и самъ вслѣдъ за помянутымъ передовымъ войскомъ въ помянутой столичной городъ.

Итакъ, 11 день генваря мѣсяца былъ тотъ день, въ которой вступили наши войска въ Кёнигсбергъ, а вскорѣ за ними прибылъ туда и самъ главнокомандующей. Въѣздъ его въ сей городъ былъ пышной и великолѣпной. Всѣ улицы, окны и кровли домовъ усѣяны были безчисленнымъ множествомъ народа. Стеченіе онаго было превеликое, ибо всѣ жадничали видѣть наши войска и самого командира; а какъ присовокуплялся къ тому и звонъ въ колокола во всемъ городѣ и играніе на всѣхъ башняхъ и колокольняхъ въ трубы и въ литавры, продолжавшееся во все время шествія, то все сіе придавало оному еще болѣе пышности и великолѣпія.

Графъ сталъ въ королевскомъ замкѣ и въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ до сего стоялъ фельдмаршалъ Левальдъ, и тутъ встрѣченъ былъ всѣми членами правительства кёнигсбергскаго, и какъ дворянствомъ, такъ и знаменитѣйшимъ духовенствомъ, купечествомъ и прочими лутчими людьми въ городѣ. Всѣ приносили ему поздравленія и, подвергаясь покровительству императрицы, просили его о наблюденіи хорошей дисциплины, что отъ него имъ и обѣщано.

Въ послѣдующей день принесено было Всевышнему торжественное благодареніе, и главнокомандующій, отправивъ въ Петербургъ графа Брюса съ донесеніемъ о семъ удачномъ произшествіи, трактовалъ у себя весь генералитетъ и всѣхъ лутчихъ людей обѣденнымъ столомъ, а наутріе приводимъ былъ весь городъ къ присягѣ, и главное правленіе всѣмъ королевствомъ Прускимъ началось нашими.

Неуспѣлъ графъ Ферморъ помянутымъ образомъ городомъ Кёнигсбергомъ овладѣть и всѣ правительства получить въ свою власть, какъ напервѣйшее его попеченіе было о расположеніи вступившихъ въ Прусію войскъ на зимнія квартеры и о занятіи ими всѣхъ нужнѣйшихъ мѣстъ какъ во всемъ королевствѣ Прускомъ, такъ и въ польской Прусіи. Итакъ, инымъ велѣлъ онъ расположиться квартирами въ окрестностяхъ Кёнигсберга, другимъ иттить и занять приморскую крѣпость Пилау, инымъ же иттить далѣе впередъ и занять всѣ мѣста по самую рѣку Вислу и съ ними вмѣстѣ польскіе вольные города Ельбингъ и Маріенбургъ. Симъ послѣднимъ хотя и не весьма хотѣлось впустить наши войска, но какъ обѣщано было имъ всякое дружелюбіе, то принуждены были на то согласиться. Въ Кёнигсбергѣ же для гарнизона введенъ четвертой гранодерской полкъ, также Троицкой пѣхотной, и комендантомъ опредѣленъ бригадиръ Трейденъ, а суды поручены полковнику Яковлеву; ибо и самъ графъ намѣренъ былъ отправиться далѣе и главную свою квартиру учредить на Вислѣ, въ прускомъ городкѣ Маріенвердерѣ. Что-жъ касается до оставшихся въ Курляндіи и Самогитіи полкамъ, подъ командою генерала Броуна и князя Голицына, то и симъ велѣно также вступить въ Пруссію и, прошедъ чрезъ оную, занять верхнею часть польской Прусіи съ городами Кульмомъ, Грауденцомъ и Торунемъ, и чрезъ то составить кордонъ по всей рѣкѣ Вислѣ.

Какъ въ числѣ сихъ остававшихся въ Курляндіи полковъ случилось быть и нашему Архангелогородскому полку, то и не имѣли мы въ семъ зимнемъ походѣ соучастія, но во все сіе время простояли спокойно на своихъ квартирахъ, и не прежде обо всемъ вышеупомянутомъ узнали, какъ по вступленіи уже нашихъ въ Кёнигсбергъ и когда прислано было повелѣніе, чтобъ и намъ туда же слѣдовать. Я не могу довольно изобразить, какую радость произвело во всѣхъ насъ сіе извѣстіе. Всѣ мы радовались и веселились тому власно такъ, какъ бы каждому изъ насъ подарено было что-нибудь и мы въ завоеваніи семъ имѣли собственное соучастіе. Никогда съ толикою охотою и удовольствіемъ не собирались мы въ походъ, какъ въ сіе время, и никогда толикаго усердія и поспѣшенія въ сборахъ и пріуготовленіяхъ всѣми оказываемо не было, какъ при семъ случаѣ.

Намъ велѣно было ни мало не медля выступить въ походъ, и путь шествію нашему назначенъ былъ прямо чрезъ Польшу, или нарочитую часть литовской провинціи Самогитіи; а потомъ, вдоль всего королевства Прускаго, прямо къ польскому вольному городу Торуню, стоящему на брегахъ рѣки Вислы на отдаленнѣйшемъ краю Прусіи польской. Итакъ, хотя мы и не могли ласкаться надеждою увидѣть столичной пруской городъ Кёнигсбергъ, которой оставался у насъ далеко вправѣ, однако по крайней мѣрѣ довольны были мы тѣмъ, что увидимъ все Пруское королевство.

Совсѣмъ тѣмъ, сколько ни радовались мы сему скорому и нечаянному выступленію и шествію въ Прусію, однако обстоятельство, что тогда была самая средина зимы и что всѣмъ надлежало запасаться санями, паводило намъ много заботы. Но никто изъ всей нашей братьи офицеровъ такъ много озабоченъ тогда не былъ, какъ я; но тому была и довольная притчина. У всѣхъ офицеровъ было довольное число лошадей, на которыхъ бы имъ везть свои повозки и на чемъ и самимъ въ маленькихъ санкахъ ѣхать, ибо верховая ѣзда для зимняго времяни была неспособна; а у меня было только двѣ лошади, а третей, для особ-

ливыхъ и маленькихъ санокъ, не было. На сей третей лошади, какъ выше упомянуто, отправилъ я другова человѣка моего въ деревню, за Москву, и сей человѣкъ ко мнѣ еще тогда не возвратился. Итакъ, не только не было у меня третей лошади и другова человѣка, но сверхъ того имѣлъ я и во всемъ протчемъ крайнюю нужду и недостатокъ: не было у меня ни маленькихъ санокъ, какъ у протчихъ, не было ни большой шубы, ни порядочнаго тулупа, ни протчаго нужнаго платья, ни запаса и съѣстныхъ припасовъ, толико нужныхъ для похода, а что всего паче—не было и денегъ. Всего того уже за нѣсколько дней дожидался я со всякимъ днемъ; а тогда, какъ сказанъ былъ намъ походъ, то ожиданіе мое сопрягалось съ величайшею нетерпѣливостію, ибо по счисленію времяни надобно уже ему было давно быть. Совсѣмъ тѣмъ, сколько я Якова своего ни дожидался, сколько ни смотрѣлъ въ окны, не ѣдетъ ли; сколько разъ ни высылалъ смотрѣть, не видать-ли его ѣдущаго вдали—но все наше ожиданіе и смотрѣніе было напрасно: Якова моего не было и въ появѣ, и я не зналъ, что наконецъ о немъ и думать. Уже здѣланы были всѣ пріуготовленія къ походу; уже назначенъ былъ день выступленія; уже день сей началъ приближаться—но Яковъ мой не ѣхалъ и не было о немъ ни духу, ни слуху, ни послушанія. Господи, какое было тогда на меня горе и какимъ смущеніемъ и безпокойствомъ тревожился весь духъ мой! Я только и зналъ, что, ходя взадъ и впередъ по горницѣ, самъ съ собою говорилъ: — «Господи! что за диковинка, что онъ такъ долго не ѣдетъ? давно бы пора уже ему быть. Что онъ со мною теперь надѣлалъ и что мнѣ теперь начинать?...» Пуще всего смущало меня то, что я, въ безсомнѣнной надеждѣ, что онъ вскорѣ возвратится и привезетъ мнѣ все нужное, ничѣмъ и не запасался и ничего нужнаго себѣ и не покупалъ. Къ вящему нещастію не было у меня тогда и денегъ; ибо, по недостатку оныхъ по возвращеніи изъ похода, жалованье было уже забрано впередъ и истрачено. Но все бы я могъ достать денегъ на покупку лошади и санокъ, въ которыхъ мнѣ всего болѣе была нужда, естли-бъ вышеупомянутая надежда скораго возвращенія моего слуги меня не подманула, котораго я съ часу на часъ дожидался.

Но наконецъ наступилъ уже и тотъ день, котораго я, какъ нѣкоего медвѣдя, страшился, то-есть, день выступленія нашего въ походъ. И какъ Якова моего все еще не было, то не зналъ я что дѣлать, и былъ почти внѣ себя отъ смущенія. Повозку свою съ багажемъ хотя и совсѣмъ я исправилъ, и она была готова, но самому мнѣ какъ быть — того не могъ я сперва никакъ ни придумать, ни пригадать. Не имѣя особой лошади и санокъ, другова не оставалось, какъ пттить пѣшкомъ вмѣстѣ съ солдатами. Но о семъ можно ли было и думать, когда извѣстно было мнѣ, что и у послѣднихъ самобѣднѣйшихъ офицеровъ были особыя лошади и всякой имѣлъ свои санки, и что я чрезъ то подвергну себя стыду и осмѣянію отъ всего полку. Въ сей крайности приходило уже мнѣ на мысль здѣлать то, чего я никогда не дѣлывалъ, то-есть, сказаться нарочно больнымъ, дабы мнѣ, подъ предлогомъ болѣзни, можно было ѣхать въ кибиткѣ и въ обозѣ: но и сіе находилъ я неудобопроизводимымъ, по притчинѣ, что кибитка моя была вся набита всякою рухлядью и мнѣ въ ней помѣститься было негдѣ. Словомъ, я находился тогда въ такимъ нестроеніи, въ какомъ я отроду не бывалъ; и истинно не знаю, что-бъ со мною было, естлибъ не вывелъ меня наконецъ капитанъ мой изъ моего смущенія и нѣсколько меня не успокоилъ.

Сей, увидѣвъ крайнее мое смущеніе и разстройку мыслей, бывъ свидѣтелемъ всему моему петерпѣливому ожиданію и вѣдая притчину, для чего я не покупалъ лошади и саней, спросилъ меня наконецъ: какъ-же я о себѣ думаю? — «Что, батюшка!» отвѣтствовалъ я на сей вопросъ: «я истинно самъ не знаю, что мнѣ дѣлать. Приходится пѣшкомъ почти пттить, покуда сыщу купить себѣ лошадь и са-

ни».—«И!» отвѣтствовалъ онъ мнѣ: «зачѣмъ, братецъ, пѣшкомъ иттить — кстатѣ ли! Поѣдемъ лутче вмѣстѣ въ однѣхъ со мною санкахъ. Хоть онѣ и тѣсненьки, но какъ-нибудь уже поумѣстимся. По крайней мѣрѣ на первой случай и покуда попадется тебѣ купить лошадь, а между тѣмъ, можетъ быть, подъѣдетъ и человѣкъ твой».

Не могу изобразить, сколь много утѣшилъ и обрадовалъ онъ меня предложеніемъ симъ. Я хотя для вида совѣстился и говорилъ, что я его утѣсню и обезпокою, но въ самомъ дѣлѣ такъ былъ радъ сему случаю, что естлибъ можно, то расцѣловалъ бы его за оное.

Итакъ, положено было у насъ ѣхать вмѣстѣ; но не успѣли мы кое-какъ и съ великою нуждою доѣхать до штана и оттуда всѣмъ полкомъ выступить въ походъ, какъ я у своей братьи-офицеровъ множество нашолъ не только просторнѣйшихъ мѣстъ для сидѣнія, но даже нѣсколько пустыхъ и праздно-ѣдущихъ санокъ. Ибо какъ во время сего похода не имѣли мы притчины ни къ малѣйшему опасенію отъ непріятеля, то и шли мы какъ собственно въ своемъ отечествѣ или въ дружеской землѣ, такъ-сказать, спустя рукава и пользуясь всѣми выгодами, какія въ мирное время имѣть можно. Полкъ вели у насъ обыкновенно одни только очередные и дежурные, а протчіе офицеры всѣ ѣхали гдѣ хотѣли, а сіе и притчиною тому было, что они, для лутчаго сокращенія дороги и для пріятнѣйшаго препровожденія времяни, соединялись въ разныя кучки и компаніи, и ѣхали не только гурьбою на многихъ саняхъ вмѣстѣ, но присаживались другъ къ другу на сани для шутокъ и разговоровъ, а свои оставляя ѣхать пустыми; и какъ они всѣ были мнѣ друзья и пріятели, то и могъ я присаживаться изъ нихъ въ любыхъ и ѣхать такъ долго, какъ мнѣ хотѣлось.

Симъ образомъ, перепрыгивая съ однѣхъ саней на другія и присаживаясь то къ тому офицеру, то къ другому, и переѣхалъ я весь сей первой переходъ благополучно, и мнѣ удалось смастерить все сіе такъ искусно и хорошо, что никому изъ офицеровъ и на умъ того не приходило, что у меня собственныхъ своихъ не было, и что я дѣлалъ то поневолѣ. Однако, на всю сію удачу несмотря, безпокоился я во всю дорогу крайне мыслями и того и смотрѣлъ, чтобъ кто тайны моей не узналъ, и чтобъ не принужденъ я былъ вытерпливать превеликаго стыда и отъ всѣхъ себѣ насмѣшекъ.

Но какъ бы то ни было, но мы пріѣхали и расположились ночевать въ одномъ небольшомъ мѣстечкѣ, на границахъ уже литовскихъ находящемся, и здѣлали въ сей день великой переходъ. Тутъ получилъ я хотя прекрасную и спокойную квартиру, но вся ее красота меня не прельщала, ибо у меня не то, а другое на умѣ было. Я заботился безпрерывно о своемъ путешествіи и только самъ себѣ въ мысляхъ говорилъ и твердилъ: — «Ну, хорошо! севодни-таки мнѣ удалось кое-какъ промаячить; но какъ быть завтре? съ кѣмъ ѣхать и къ кому приставать? Ну, какъ догадаются и узнаютъ, какъ тогда быть?»

Помышленія таковыя привели въ такую разстройку мои мысли, что я былъ власно какъ въ ипохондріи и въ такомъ углубленіи мыслей, что самая ѣда мнѣ на умъ не шла. Но вообразите себѣ, любезной пріятель, какая перемѣна со мною долженствовала произойтить, когда въ самое сіе время вбѣжалъ ко мнѣ почти безъ души мой малой и, запыхавшись, сказалъ: — «что вы, баринъ, знаете? вѣдь Яковъ нашъ пріѣхалъ!..» — «Что ты говоришь!» вскричалъ я, вспрыгнувъ изъ-за стола и позабывъ о ѣдѣ: «не въ правдули, Абрамушка?» — «Ей-ей, судырь, теперь только на дворъ взъѣхалъ, и какія же прекрасныя санки!» Въ единой мигъ очутился я тогда на крыльцѣ и отъ радости не зналъ что говорить, а только-что крестился и твердилъ: — «Ну, слава Богу!» Но радость моя увеличилась еще болѣе, когда услышалъ я отъ моего Якова, что онъ привезъ ко мнѣ не только множество всякаго запаса, но и накупилъ мнѣ все-

го и всего, въ чемъ наиболѣе была нужда. Привезъ мнѣ прекрасной тулупъ, большую шубу лисью, новое сѣдло и множество другихъ вещей; а что всего пріятнѣе было мнѣ, то и множество всякихъ вареньевъ и заѣдокъ, присланныхъ мнѣ отъ моей сестры, къ которой онъ заѣжжалъ и которая находилась тогда съ зятемъ моимъ въ деревнѣ; ибо сей отпущонъ былъ отъ полковника еще съ самаго начала зимы и нашелъ потомъ способъ отбиться совсѣмъ отъ службы въ отставку. Но что радость мою еще совершеннѣйшею здѣлало, то было увѣдомленіе его, что онъ привезъ съ собою еще болѣе ста рублей денегъ. Боже мой, какъ обрадовался я сему послѣднему! Истинно я не помню, чтобъ я когда-нибудь такъ много обрадованъ былъ, какъ тогда. Таки самъ себя почти не помнилъ и не ходилъ, а прыгалъ отъ радости по комнатѣ и только-что твердилъ:—«Ну, слава Богу, теперь все у меня есть, всего много, и лошадей, и запасу, и платья, и денегъ, и всего и всего! Теперь готовъ хоть куда, и мнѣ ни передъ кѣмъ не стыдно». Словомъ, я мнилъ тогда, что я невѣдомо какъ богатъ, и что нищастливѣйшій человѣкъ былъ въ свѣтѣ, и тысячу разъ благодарилъ сперва Бога, а потомъ слугу своего Якова, за исправное отправленіе порученной ему комисіи. Да и подлинно, день сей былъ достопамятной въ моей жизни тѣмъ, что сколь великое чувствовалъ я при началѣ его огорченіе, столь великою, напротивъ того, радостью объято было мое сердце при окончаніи онаго.

Симъ окончу я теперешнее письмо и сказавъ, что я есмь вашъ нелицемѣрной другъ, остаюсь, и протчая.

ВТОРИЧНОЙ НАШЪ ПОХОДЪ ВЪ ПРУСІЮ.

Письмо 55.

Любезной пріятель! Радость моя о пріѣздѣ моего слуги и нетерпѣливое желаніе видѣть, что онъ привезъ съ собою, была такъ велика, что я не далъ почти времяни порядочно выпрячь лошадей и прибрать, но велѣлъ скорѣе развязывать возъ и носить къ себѣ все привезенное. Удовольствіе при развязываніи и разсматриваніи всего было чрезвычайное; а то я уже никакъ изобразить не могу, какое чувствовалъ я, когда подалъ онъ мнѣ привезенной имъ мерлушечей и зеленою китайкою покрытой легонькой тулупъ. Въ единой мигъ сбросилъ я съ себя прежней гадкой и дурной овчинной и надѣлъ на себя сей новой. И что-жъ это! сколь прелестнымъ показался онъ мнѣ тогда: и мягокъ-то, и легокъ, и тепелъ, и красивъ—и всѣ качества и достоинства были въ немъ. Для испытанія привезеннаго чая и сахара, долженъ былъ Абрамъ мой тотчасъ бѣжать и въ новомъ чайникѣ варить воду, и чай сей мнѣ тогда вкуснѣе всѣхъ чаевъ въ свѣтѣ показался, и я не могъ ему довольно похвалъ приписать. Увидѣвъ же множество ветчины, тотчасъ сваренъ былъ и оной цѣлой окорокъ; и какъ я былъ до ней всегда великой охотникъ, а тогда уже нѣсколько мѣсяцовъ ее не ѣдалъ, то не могу изобразить, сколь сладокъ и вкусенъ мнѣ тогдашней ужинъ показался. По окончаніи онаго, привезенныя варенья должны были служить мнѣ вмѣсто десерта. Всѣ ихъ, сколько ихъ ни было, я отвѣдывалъ, и каждое казалось мнѣ невѣдомо какимъ драгоцѣннымъ конфектомъ. Словомъ, всѣмъ и всѣмъ я тогда удовольствовался до-сыта, и былъ всѣмъ такъ доволенъ, что ничего не желалъ болѣе: вотъ до чего доводитъ претерпѣнная нѣсколько времяни нужда, и какую великую цѣну придаетъ она и самымъ маловажнымъ вещамъ!

Итакъ, поутру, на другой день, имѣлъ я уже удовольствіе ѣхать въ своихъ санкахъ, которыя были хотя не чюхонскія, а пошевёнки, но я о семъ уже не заботился, а довольно, что были новыя санки съ кряковками, и что я былъ одѣтъ тепло и какъ водится, и мнѣ не только ни предъ кѣмъ было не постыдно, но я еще мнилъ имѣть предъ многими тогда великое преимущество. Словомъ, произведенное вдругъ во всемъ изобиліе произвело даже

во всемъ во мнѣ великую перемѣну. Я возъимѣлъ какъ-то увышеннѣйшее о себѣ мнѣніе, сталъ со всѣми, которые были выше меня чинами, обходиться фамиліарнѣе и вольнѣе, да и они всѣ, провѣдавъ, что ко мнѣ привезено довольно всякой всячины и что былъ у молодца и денежки, стали обходиться со мною какъ-то ласковѣе, и власно какъ стараться искать моей къ себѣ дружбы и пріятства. Они стали приглашать меня чаще въ свои компаніи, просить препровождать съ ними время и брать участіе въ ихъ увеселеніяхъ, и протчая тому подобное, что все хотя и льстило моему самолюбію, но послѣ возъимѣло послѣдствія не весьма для меня выгодныя, какъ то окажется послѣ.

Походъ нашъ, какъ выше упомянуто, простирался чрезъ Польшу и прямо на пруской городокъ Гумбины. И поелику мы шли не спѣша, и чрезъ два дни брали всегда растахъ, и притомъ въ польскихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ получали всегда хорошія и спокойныя квартиры, то мы не чувствовали почти никакого отягощенія, и все наше шествіе можно почесть болѣе безпрерывнымъ увеселеніемъ, нежели походомъ. Всякой день съѣжжались мы по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и, ѣдучи вереницею другъ за другомъ, не пропускали почти ни одной на дорогѣ стоящей корчмы, въ которой бы не побывать и по нѣскольку минутъ не препроводить въ смѣхахъ, играхъ и шуткахъ. Какъ же скоро пріѣдемъ въ какое-нибудь мѣстечко и расположимся по квартирамъ, то и пойдутъ у насъ, а особливо во время дневаньевъ, разгуливанія другъ къ другу по гостямъ и вмѣстѣ потомъ, буде есть гдѣ, по трактирамъ, и начнутся картежныя игры и другъ друга угощиванія чаями, пуншами, виномъ, и протчимъ. Однимъ словомъ, мы во весь сей походъ препровождали время свое очень весело, а помогала много къ тому и стоявшая тогда хорошая и самая умѣренная зимняя погода.

Впротчемъ, во время сего шествія имѣлъ я случай насмотрѣться довольно всему житью-бытью поляковъ, живущихъ въ сей части Литвы, или провинціи литовской, извѣстной подъ именемъ Жмудіи или Самогитіи, чрезъ которую мы тогда шли. Мнѣ показалась она довольно, однако неслишкомъ же хороша. Самыя деревни были немного чѣмъ лутче нашихъ русскихъ, а и мѣстечки или маленькіе городочки неслишкомъ завистны и далеко не таковы хороши, какъ въ другихъ мѣстахъ польскихъ, чему притчиною, можетъ быть, было то, что сей уголъ польскаго государства былъ весьма бѣднѣе протчихъ мѣстъ. Однако, какъ бы то ни было, однако находилось довольно и такихъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ тотчасъ любопытное наше зрѣніе, какъ скоро мы вошли въ литовскіе предѣлы. Часовеньки, стоящія неподалеку предъ въѣздомъ въ каждую деревню, доказали намъ тотчасъ, что находились мы уже въ земляхъ католицкихъ. Часовеньки сіи дѣлаются у нихъ почти такія же, какія дѣлаютъ у насъ кой-гдѣ мужики при дорогахъ, для поставленія въ нихъ иконъ: на одномъ столбикѣ и съ маленькою крышечкою; но разница только та, что у нихъ столбы сіи высокіе, а не такіе, какъ у насъ, низкіе, да и подъ кровелькою не образа ставятся, а всегда уже бываетъ рѣзное распятіе. Сіе хотя наиглупѣйшимъ образомъ и обезображается католиками придѣлываніемъ къ поясу занавѣски, ибо отъ сего всякое таковое распятіе неинако кажется, какъ въ юпочкѣ, что для непривыкнувшаго видѣть сіе кажется очень дурно и нимало не кстати; однако то по крайней мѣрѣ хорошо и мнѣ весьма полюбилось, что ни одинъ католикъ, а особливо житель той деревни или села не проходитъ никогда мимо таковаго столба безъ того, чтобъ ему не остановиться и предъ распятіемъ, ставъ на колѣни и воздѣвъ руки, не прочесть краткой молитвы.

Что принадлежитъ до внутренности домовъ, то въ нихъ хотя мы и находили множество изображеній святыхъ, но не рисованныхъ, по нашему, на дскахъ, а все печатныхъ на бумагѣ и раскрашенныхъ разными красками. Сими картинами

во всякомъ домѣ весь передней уголъ у нихъ улѣпливается, и всѣмъ имъ воздаютъ католики точно такое-жъ почтеніе, какъ мы иконамъ.

Кромѣ сего, во время сего путешествія случалось намъ неоднократно, для любопытства, бывать и въ жидовскихъ синагогахъ или домахъ, гдѣ они поучаются слову Божію, читаютъ священное писаніе, приносятъ свои молитвы — вмѣсто храма, и кои въ священномъ писаніи упоминаются подъ именемъ сонмищей или училищъ. Въ сихъ не находили мы никакихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ лавокъ, для сидѣнія, и одного возвышеннаго посреди зданія, на подобіе амвона здѣланнаго, и перильцами окруженнаго мѣста для читанія на ономъ священнаго писанія, и потому не имѣли онѣ никакова подобія церкви, каковыми онѣ и не почитаются.

Но сколь зрѣлищи сіи въ состояніи были, по новости своей, насъ нѣсколько увеселять, столько, напротивъ того, не полюбились намъ иные предметы, начавшіе тотчасъ встрѣчаться съ зрѣніемъ нашимъ, какъ скоро мы вошли въ Польшу. Были то стоящія кой-гдѣ неподалеку отъ дороги висѣлицы съ висящими на нихъ повѣшенными людьми. Нигдѣ, я думаю, столько людей не вѣшается, какъ въ Польшѣ: за маленькое воровство и кражу долженъ уже воръ иттить на висѣлицу, и казнить его симъ образомъ можетъ не только всякое городское начальство и правительство, но и самые дворяне. Обыкновеніе, поистинѣ, весьма странное и гнусное, а что всего удивительнѣе, невыполняющее далеко той цѣли, для которой оно вошло въ употребленіе; ибо, несмотря на всю строгость сего за воровство наказанія, воры все-таки въ государствѣ не переводились и ихъ все-таки было много. Но какъ бы то ни было, но мы, по непривычкѣ своей, не могли никакъ безъ внутренняго содраганія и отвращенія смотрѣть на сіи висѣлицы, а особливо съ людьми, повѣшенными на нихъ давно и качающимися отъ вѣтра.

Далѣе памятны мнѣ очень польскія соленыя ухи, варимыя изъ рыбы; ибо какъ въ случающіеся постные дни вздумали было мы заставливать варить себѣ ухи изъ свѣжей рыбы хозяевъ нашихъ квартиръ, то скоро увидѣли, что для насъ ухи ихъ совсѣмъ негодятся, ибо они имѣютъ обыкновеніе солить ихъ такъ круто и много, и приправливать такъ много лукомъ и перцомъ, что намъ никоимъ образомъ ѣсть ихъ было не можно, и мы не одинъ разъ принуждены были тужить, что поручали имъ сіе дѣло.

Вотъ все, что случилось мнѣ тогда во время шествія нашего черезъ Польшу замѣтить; а теперь разскажу вамъ, любезной пріятель, другое и ближе до меня касающееся. Я упомянулъ уже вамъ, что мы, идучи симъ образомъ походомъ, изыскивали и употребляли всякаго рода забавы и увеселенія, чѣмъ бы намъ прогонять скуку, съ таковымъ медленнымъ походомъ обыкновенно сопряженную. Изъ числа сихъ увеселеній можно было почесть наиглавнѣйшимъ карточную игру, какъ обыкновеннѣйшею у офицеровъ забаву. Къ сему роду увеселенія хотя я и никогда не имѣлъ склонности и охоты, однако тогда едва-было едва меня господа наши офицеры сему прекрасному рукомеслу не научили; ибо какъ всѣмъ имъ было извѣстно, что у молодца денешки тогда были, то явилось множество подлипалъ и друзей, старавшихся всячески заманить меня въ сѣти и пріучить къ игрѣ. Какихъ и какихъ хитростей не употребляли они къ тому! Однако всѣми своими хитростями и заговорами не могли они меня никакъ заохотить и пріучить къ азартнымъ играмъ, какъ-то къ квинтичу и къ банку, которыя тогда наиболѣе были въ употребленіи. Совсѣмъ тѣмъ не отдѣлался же я совершенно отъ нихъ; ибо какъ они увидѣли, что я никакъ съ сей стороны не даюсь въ обманъ, то вздумали напасть на меня съ другой, и слабѣйшей стороны. Они примѣтили, что я имѣлъ нѣкоторую склонность къ игрѣ въ ломберъ. Сія игра, которую я хотя никакъ порядочно не разумѣлъ, была мнѣ непротивна, и я не скучивалъ никогда

играть въ оную; а сего было и довольно. Нѣкоторые молодцы, и между протчимъ и самъ капитанъ мой, господинъ Гнѣвушевъ, постарался тотчасъ меня къ оной пристрастить и довесть до того, что я почти всякой вечеръ съ ними въ нее игралъ и по нѣсколику часовъ въ сей игрѣ упражнялся. Но за сіе увеселеніе принужденъ я былъ заплатить очень дорого. Ибо несмотря, какъ они, злодѣи, меня умышленно ни расхваливали, говоря, что я и хорошо-то, и примѣчательно и искусно играю, и какъ, для вящаго заохочиванія меня, ни старались умышленно мнѣ иногда, а особливо сначала проигрывать, но я всякой разъ оставался наконецъ въ проигрышѣ. Которые проигрыши были хотя сначала невелики, но какъ послѣ мало по-малу стали увеличиваться и наконецъ дошло до того, что не проходило вечера, въ которой бы я рублей двухъ или трехъ не проигралъ, то сіе начало наконецъ дѣлаться мнѣ и чувствительно и побудило въ одинъ день сметиться, сколько я, играя такимъ образомъ въ разныя времяна, уже проигралъ. Я ужаснулся, и всѣ волосы на мнѣ стали ажно дыбомъ, когда увидѣлъ, что количество сіе простиралось уже за сорокъ рублей.—«Э! э!— воскликнулъ я тогда: — сколько это я уже пробухалъ!— и почесалъ у себя за ушми.— Ежели еще такъ-то, такъ и всѣхъ денегъ моихъ не надолго станетъ! Изрядно, право, я это здѣлалъ.... нельзя быть лутче».— Сказавъ сіе, началъ я взадъ и впередъ ходить по квартирѣ своей и самъ на себя досадовать, и бранить себя за свою неосторожность. Но какъ сіе было уже поздно, и мнѣ всѣ такія раскаяванія и досады на самого себя не помогали и денешки были уже проиграны, и проиграны невозвратно, то, сожалѣя о убыткѣ самопроизвольномъ, началъ я тогда проклинать и игру, и всю мою охоту къ оной. «Пропади она, окаянная!» говорилъ я самъ себѣ: «этакъ доведетъ она меня до того, что я и совсѣмъ проиграюсь и останусь опять сигъ-сигомъ. Воленъ Богъ и со всею забавою и удовольствіемъ притомъ. Не лутче ли не имѣть онаго, да остаться при своихъ денешкахъ—чуть ли не здоровѣе на животѣ будетъ».

Однимъ словомъ, денегъ проигранныхъ мнѣ тогда такъ жаль стало, что я рѣшился съ того времяни никакъ болѣе не играть, и сталъ уже помышлять о томъ, какъ бы благопристойнѣе мнѣ отъ товарищей моихъ отдѣлаться и отъ продолженія игры отговориться. Но, по щастію, помогла мнѣ въ томъ и судьба самая, ибо въ самое то время командированъ я былъ отъ полку напередъ въ Прусію, для принимания на полкъ въ городѣ Гумбинахъ провіанта, и сей случай отвлекъ меня самъ собою отъ нихъ и отъ всей ихъ зерни. Не могу довольно изобразить, какъ сожалѣли они о моей отлучкѣ и сколь много тужили о томъ, что нашъ ломберъ пресѣчется, и что имъ играть будетъ не съ кѣмъ; но у меня на умѣ совсѣмъ не то уже было, а я смѣялся только внутренно, и самъ въ себѣ говорилъ: — «да! конечно жаль, что вамъ, врагамъ, не удалось и послѣднихъ денегъ у меня изъ кармана повытаскать».

Симъ образомъ отлучился я тогда на нѣсколько времяни отъ полку, и въ тотъ же еще день отправился въ путь свой, а на другой въѣхалъ уже въ прускія границы. Теперь не могу вамъ, любезной пріятель, довольно изобразить, какую восхитительную перемѣну увидѣлъ я во всемъ, въѣхавъ въ предѣлы королевства Прускаго. Такъ случилось, что всѣ тѣ мѣста, чрезъ которыя мнѣ до Гумбинъ ѣхать надлежало, имѣли щастіе уцѣлѣть отъ нашихъ прошлогоднихъ разореній; ибо какъ они оставались у насъ далеко въ сторонѣ, то недоѣжжали до нихъ никогда и самые казаки наши, и потому все было цѣло и все въ прежнемъ состояніи. Кромѣ сего, надобно и то сказать, что мѣста сіи случились самыя тѣ, которыя лѣтъ за тридцать только до того отцемъ тогдашняго короля населены вновь баварскими жителями или такъ-называемыми зальцбургскими эмигрантами, которые, по глупости католиковъ и единственно за протестанское исповѣданіе своей вѣры, изгнаны были изъ отечества ихъ и при-

нуждены были искать себѣ убѣжища въ другихъ государствахъ, слѣдовательно, и поселены были тутъ въ порядкѣ и со всѣми выгодами. Какое великое множество деревень представилось тогда вдругъ моему зрѣлищу! Истинно всѣ поля были ими власно какъ усѣяны! Не было мѣста, съ котораго-бъ не видно было вокругъ деревень до десяти. Деревни сіи были хотя небольшія, имѣющія всю землю свою вокругъ себя, но какіе же домы, какія строенія и какой порядокъ видѣнъ былъ повсюду! Истинно не можно было ими довольно налюбоваться. У каждаго мужика былъ такой домикъ, какова у насъ не имѣютъ и многіе дворяне, а особливо изъ бѣдныхъ; а домамъ ихъ соотвѣтствовало и все прочее строеніе: все было опрятное, уютное, все покрытое снопами и все въ порядкѣ. Что-жъ касается до самыхъ жителей, то я ласковости, услужливости и благопріятству ихъ не могъ довольно надивиться. Вездѣ, гдѣ ни случалось мнѣ кормить своихъ лошадей и ночевать, принимаемъ я былъ и угащиваемъ власно какъ бы нѣкакой родной, и мнѣ не доходила почти надобность ничего покупать, ибо хозяева старались не только самого меня кормить и поить всѣмъ лутчимъ, что у нихъ могло отъискаться въ домѣ, но и самихъ людей моихъ и лошадей довольствовали они безденежно. Но, правду сказать, помогло мнѣ притомъ много и то, что я умѣлъ съ ними по-нѣмецки говорить и самъ съ ними обходился ласково и пріятно. Однимъ словомъ, краткое путешествіе сіе было мнѣ не только не скучно, но и такъ пріятно, что я и понынѣ его позабыть не могу.

Наконецъ, пріѣхалъ я въ тотъ городъ, куда я былъ напередъ отправленъ и въ которомъ мнѣ никогда еще бывать не случилось. Тутъ удовольствіе мое еще увеличилось, когда я нашелъ и городокъ сей весь порядочно и по плану выстроеннымъ; ибо какъ и оной весь лѣтъ за тритцать же до того получилъ свое основаніе, то хотя и не было въ немъ слишкомъ богатыхъ и великолѣпныхъ домовъ, но за то повсюду господствовалъ порядокъ и вездѣ видна была чистота и опрятность. Улицы повсюду были широкія и прямыя; площади на перекресткахъ пространныя, а домики по большой части хотя небольшіе, но прекрасные, уютные, покойные и на большую часть раскрашенные разными красками; на главной же площади, посреди города, находилось одно огромное и красивое каменное зданіе, въ которомъ была у нихъ ратуша и протчія правительства, суды и расправы. Ибо надобно знать, что все королевство Пруское, для удобнѣйшаго собиранія доходовъ, раздѣлено было на двѣ половины, и въ каждой половинѣ находилось, для собиранія сихъ доходовъ и управленія оными, по особой каморѣ, или такъ, напримѣръ, казенной палатѣ, изъ которыхъ одна была въ Кёнигсбергѣ, а другая въ самомъ семъ городкѣ Гумбинахъ, и присутствіе оной было въ помянутомъ зданіи. Впротчемъ, весь сей прекрасной городокъ наполненъ былъ множествомъ мастеровыхъ, всякаго рода рукомесленныхъ людей, и можетъ почесться нашлутчимъ изъ всѣхъ пруских маленькихъ городковъ.

Я прожилъ въ ономъ болѣе недѣли, ибо, исполнивъ порученную мнѣ комисію, долженъ былъ дожидаться полку. Но время сіе препроводилъ я безъ скуки. Квартира была у меня прекрасная; хозяева ласковые, старавшіеся меня не только угостить, но, примѣтя охоту мою къ книгамъ, снабдившіе меня множествомъ оныхъ. Сіе было для меня лутче всѣхъ конфектовъ, и я имѣлъ тогда случай видѣть, перебирать и отчасти читать и разсматривать многія нѣмецкія книги, а особенно анатомическія, наполненныя множествомъ рисунковъ. Кромѣ того, въ тогдашнюю мою бытность въ Гумбинахъ имѣлъ я въ первой разъ еще случай видѣть, какъ ткутся шолковые чулки; ибо какъ фабрика сія была у меня въ сосѣдствѣ, то нѣсколько разъ хаживалъ я туда смотрѣть сей работы и дивиться искусному устроенію стана или инструмента, къ тому употребляемаго.

Наконецъ пришолъ и полкъ нашъ, и

пробывъ два дня въ семъ городѣ, для принятія провіанта и печенія хлѣбовъ, пошолъ далѣе. Шествіе наше простиралось отъ сего мѣста чрезъ прускія мѣстечки Даркемень, Норденбургъ, Шипенбейль и Бартенштейнъ, и походъ сей былъ прямо веселой и пріятной. Мѣста сіи были хорошія и всѣмъ изобильныя. Мы останавливались наиболѣе въ мѣстечкахъ и городкахъ, которые были уже несравненно лутче польскихъ, и потому получали мы себѣ всегда хорошія и спокойныя квартеры; и какъ въ каждомъ мѣстечкѣ находили мы и трактиры, то наше первое убѣжище было въ оныхъ. Тутъ собирались мы обыкновенно почти всѣ и веселились всѣмъ, чѣмъ кому было угодно. Но что касается до меня, то товарищи мои хотя и старались заманить меня опять въ свою шайку и возобновить прежнею ломберную игру, однако я, подъ разными претекстами, кое-какъ отъ нихъ отдѣлался и не дался въ обманъ, и радъ былъ, что удалось мнѣ заблаговремянно опамятоваться и остеречься.

Изъ всѣхъ выше упомянутыхъ прускихъ мѣстечекъ и городковъ никоторые такъ мнѣ не памятны и не полюбились, какъ Шипенбейль и Бартенштейнъ. Оба они были на той рѣкѣ Алѣ, отъ которой мы въ минувшее лѣто воротились; оба, хотя старинные и не по плану построенные, однако весьма изрядные, имѣющіе въ себѣ прекрасные и уютные домики и хорошія ратуши, а въ послѣднемъ изъ нихъ—старинной разоренной замокъ. Словомъ, всѣ мѣста, гдѣ мы тогда шли, были прекрасныя и пріятныя.

Прошедъ Бартенштейнъ, вошли мы опять въ католицкія земли. Было то епископство Ермеландское, лежащее посреди королевства Прускаго и находившееся тогда подъ протекціею польскою, но принадлежащее бискупу ермландскому, которой тутъ жилъ и владѣлъ онымъ, какъ маленькой удѣльной князь, ибо онъ былъ вкупѣ и президентъ всей польской Прусіи. Резиденція его была въ городѣ Гейльсбергѣ, лежащемъ на той же рѣкѣ Алѣ и имѣющемъ довольно крѣпкой замокъ. И какъ намъ чрезъ самой сей городъ иттить и въ немъ дневать случилось, то владѣлецъ сей земельки, помянутой бискупъ, здѣлалъ намъ честь и пригласилъ нашего полковника, и со всѣми офицерами его полку, къ себѣ обѣдать и далъ пышной и великолѣпной пиръ въ своемъ дворцѣ, посреди замка построенномъ. Тутъ имѣлъ я случай видѣть образъ жизни маленькихъ германскихъ удѣльныхъ князей, а вкупѣ и знатныхъ духовныхъ католицкихъ особъ. Мнѣ онъ показался довольно хорошъ. Жилъ онъ тутъ какъ маленькой государь: имѣлъ у себя нѣсколько военныхъ людей, стоящихъ у него на караулѣ и содержащихъ гаутвахту; были у него также пушки и придворной маленькой штатъ, какъ-то: камергеры и камеръ-юнкеры; но все сіе въ сущей миніатурѣ предъ большими государями. Онъ угощалъ насъ довольно великолѣпно и при питьѣ за здравіе нашей государыни производима была пушечная пальба; а послѣ обѣда водилъ онъ насъ по всѣмъ покоямъ своего дворца и въ придворную свою церковь, гдѣ показывалъ архіерейскія свои католицкія украшенія. Какъ церковь, такъ и утвари въ ней и украшенія были довольно богаты и великолѣпны, и онъ самъ весьма ласковой и снисходительной человѣкъ. Но что̀ намъ куріозно и нѣкоторымъ образомъ смѣшно показалось, то былъ его маленькой клабучокъ, носимой имъ въ знакъ его духовнаго и монашескаго званія. Клабучокъ сей былъ хотя черной, но самой маленькой и не болѣе, какъ вершковъ двухъ шириною, а въ полвершка вышиною, и прикрѣпленъ на подобіе маленькой скуфеечки, на большомъ его напудренномъ парикѣ, на темѣ сзади такъ, что спереди его ничего было не видно. Платье же на немъ было чорное и верхнее длинное и довольно осанистое.

Препроводивъ въ семъ довольно изрядномъ городкѣ почти двое сутокъ, пустились мы далѣе и шли нѣсколько еще дней симъ епископствомъ, чрезъ незнаменитые городки, къ нему же принадлежащіе, Гутштатъ и Аленштейнъ, а потомъ вошли

опять въ Прусію и шли оною нѣсколько дней. Въ сіе время случилось мнѣ однажды принимать фуражъ на полкъ въ одномъ прускомъ городкѣ, Остеродѣ, гдѣ мы дневали. При семъ случаѣ не могъ я довольно надивиться исправности пруского правительства, ибо по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ намъ по росписанію назначено было иттить, находили мы уже все заготовленное: былъ вездѣ готовъ не только провіантъ и фуражъ, но навезены со сторонъ всякіе нужные съѣстные припасы для продажи войску. Что касается до сѣна, которое долженствовало мнѣ принимать, то мнѣ не было нужды ево вѣшать: все оно было перевязано въ пуки, по десяти фунтовъ; итакъ, стоило только отсчитывать оные, и я могъ въ короткое время и съ малымъ трудомъ комисію свою кончить.

Препроводивъ нѣсколько дней въ походѣ чрезъ Прусію, вышли мы наконецъ совсѣмъ изъ оной и вошли въ предѣлы, такъ-называемой, Польской Прусіи и той части оной, гдѣ находились города Кульмъ, Грауденцъ и Торунь. Эту землю нашли мы весьма отмѣнною отъ пруской: всѣ жители были опять католики и несравненно бѣднѣе и хуже прускихъ. Что-жъ касается до городовъ и мѣстечекъ, то они были довольно изрядные, однако далеко не таковы хороши, какъ прускіе. Мы проходили ихъ тутъ три, а именно: Неймаркъ, Страсбургъ и Голапъ. Посреди каждаго изъ нихъ находили мы четвероугольную и довольно обширную площадь, окруженную сплошными и довольно высокими домами, отчасти каменными, а отчасти полукаменными, то-есть связанными изъ переплетенныхъ между собою деревянныхъ столбовъ и брусьевъ, между которыми промежутки закладены были кирпичемъ, и каковыхъ строеній было множество и во всей Прусіи. Они называются у нихъ «фахверками» или кирпичными мазанками, и составляютъ средней родъ зданія между каменныхъ и деревянныхъ, и довольно хороши и пригожи. На самой же срединѣ помянутыхъ площадей находилась всегда уже городская ратуша, составляющая наилутчее зданіе въ городѣ; внизу же домовъ, окружающихъ площадь, находились лавки съ разными товарами. Далѣе, замѣчанія достойно, что во всѣхъ сихъ, какъ прускихъ, такъ и польско-прускихъ городкахъ находились аптеки, въ которыхъ продавались не столько лекарства, сколько всякія овощи и съѣстныя вещи.

Впротчемъ, надобно сказать, что походъ, со вступленія въ польскую Прусію, здѣлался намъ несравненно труднѣе и хуже прежняго, не только потому, что тутъ дороги были несравненно хуже, нежели въ Прусіи, но и по притчинѣ, что около этого времяни началъ уже зимней путь рушиться и наступала самая половодь, и дороги сдѣлались такъ дурны, что по нихъ ни на саняхъ, ни на телѣгѣ ѣхать было не можно. Итакъ, имѣли мы много труда и принуждены были сани свои кидать и повозки свои становить на колеса, а сами, вмѣсто санокъ, ѣхать опять на верховыхъ лошадяхъ.

Какъ походъ нашъ простирался вдоль по рѣкѣ Брибентѣ и оная рѣка тогда уже прошла, мы же къ ней всякой день прихаживали; то, пользуясь симъ случаемъ, нерѣдко увеселялись мы рыбною ловлею, и рыбы было у насъ всегда довольно, что по тогдашнему великопостному времяни было для насъ очень кстать.

Впротчемъ, какъ во время самаго сего шествія случилась у католиковъ страстная недѣля и великая пятница, то, ѣдучи въ самое сіе утро и очень рано мимо одного католицкаго костела, имѣлъ я случай насмотрѣться всему, что у католиковъ въ сей день въ церквахъ ихъ происходитъ. Тутъ въ первой разъ увидѣлъ я, какъ они бичуются, или, покрывъ голову свою, чтобъ никто ихъ не узналъ, и обнаживъ спину, сѣкутъ сами себя бичами или особливаго рода плетьми, и производятъ сіе мнимое служеніе къ Богу съ такимъ рвеніемъ и усердіемъ, а сами къ себѣ немилосердіемъ, что у иныхъ кровь даже ручьями текла изъ спинъ. Но колико зрѣлище сіе было для насъ отвратительно, толико

странно казалось другое обыкновеніе, господствующее у католиковъ, а имянно: вмѣсто выносимой у насъ плащаницы выносится у нихъ большое рѣзное распятіе, полагается въ церкви на полъ, и тогда всѣ женщины, а особливо старушки, подходя и становясь на колѣни, воютъ, плачутъ и бьются надъ онымъ, точно такъ, какъ бы надъ умершимъ человѣкомъ, и смачиваютъ все оное своими слезами; чему всему не могли мы довольно насмотрѣться.

По притчинѣ мѣшающей намъ въ походѣ половоди и величайшей распутицы, промедлили мы такъ долго, что препроводили и свою святую недѣлю въ дорогѣ. Мы праздновали день нашей пасхи въ мѣстечкѣ ихъ Голапѣ и становили нарочно для того полковую церковь. И сія святая недѣля была намъ очень не весела, и мы почти оной не видали, а особливо потому, что, идучи отъ помянутаго мѣстечка прямо къ Торуню, принуждены мы были иттить самыми прескверными мѣстами и имѣть квартиры въ наибѣднѣйшихъ и такихъ польскихъ деревняхъ, въ которыхъ жители едва сами имѣли свой насущной хлѣбъ и жили въ наимизернѣйшемъ состояніи.

Но никому тогдашнее время такъ скучно и досадно не было, какъ мнѣ. Притчиною тому было то обстоятельство, что, по дурнотѣ дороги, по тягости моей повозки и по недостатку довольнаго корма лошадямъ я всѣхъ своихъ лошадей такъ изнурилъ, что онѣ едва въ состояніи были везти мою кибитку и на всякой почти верстѣ, наконецъ, становились. Но изъ всѣхъ дней, никоторой мнѣ такъ досаденъ не былъ, какъ самой послѣдней сего нашего похода, или послѣдней переходъ къ городу Торуню. Поелику одна изъ лошадей моихъ въ кибиткѣ совсѣмъ уже не везла, то принужденъ я былъ отдать свою верховую, а самъ взять сію изнурившуюся. Но сія проклятая скотина столько мнѣ въ этотъ день надоѣла, что я истинно животу не радъ былъ съ нею: не шла, проклятая, и подъ верхомъ, или по крайней мѣрѣ тащилась такъ, что я никакъ не могъ успѣвать за своими товарищами. Сколько я ее ни стегалъ плетью, сколько ни колотилъ ногами, но она была безчувственна и не хотѣла ни на волосъ прибавить своей медленной походки, а только что чаще еще совсѣмъ останавливалась, а наконецъ, какъ осталось уже не болѣе какъ версты три иттить, то, окаянная, стала-таки такъ, что и съ мѣста сойтить не хотѣла «Что ты изволишь дѣлать? Ахъ проклятая! говорилъ я, что ты надо мною надѣлала?..» Я «ну! ну!» но не тутъ-то было! Я досадую, сержусь, бью, браню, ругаю, но она не чувствуетъ ничего, а только что посматриваетъ. Что прикажешь дѣлать? Другова не оставалось, какъ сходить долой, иттить пѣшкомъ и ее весть въ поводу. Хоть и не хотѣлось, но я принужденъ былъ сіе дѣлать и радовался по крайней мѣрѣ тому, что хоть сіе сколько-нибудь помогло. Однако и сіе удовольствіе продлилось недолго. Скоро и весьма скоро дошло до того, что она, проклятая, и порожняя стала и ее съ мѣста стурыкать было не можно. Я тащить ее за поводъ, я сердиться, я злиться, я «ну ну! ну!» но она всего того не уважала, а только что глазами похлопывала. «Ахъ ты каналья!» говорилъ я, «что ты надо мною начудесила! Что мнѣ теперь съ тобою дѣлать?» Золъ я былъ на нее такъ, что не однажды хватался за шпагу, вознамѣриваясь ее, проклятую, заколоть; но короткость остающагося уже пути, доброта самой лошади и надежда, что она оправится—удерживала и не допускала меня до того. Совсѣмъ тѣмъ, горе на меня было тогда превеличайшее, и я не зналъ, что мнѣ тогда съ нею начать и дѣлать было, и радовался по крайней мѣрѣ тому, что сего бѣдствія надо мною и сей напасти моей никто не видалъ, ибо, какъ весь полкъ далеко уже впередъ и со всѣми обозами ушолъ, то и находился я одинъ-одинехонекъ на чистомъ полѣ и въ виду уже города Торуня. Но, по щастію, пришло мнѣ на мысль дать ей отдохнуть. Не успѣлъ я сего вздумать, какъ выбравъ сухонькой бугорокъ, сѣлъ

я на ономъ и положилъ, буде кто спроситъ, сказать, что у меня животъ заболѣлъ; но, по щастію, никто меня не спрашивалъ и я не имѣлъ нужды лгать и на себя болѣзнь всклепывать; а что того лутче, то немного погодя пришла мнѣ другая мысль, а именно: чтобъ покормить ее хлѣбомъ, котораго хорошенькая краюшечка случилась тогда со мною въ кисѣ, вмѣстѣ съ кускомъ жаренаго мяса, каковую запасную провизію мы всегда съ собой возили. Итакъ, ну-ка я ее кормить хлѣбомъ и солить оной, чтобъ она охотнѣе кушала, и радъ уже былъ тому, что она ѣла. Сіе и данное ей часа на два отдохновеніе столько ей помогло, что она въ состояніи была наконецъ довезть меня кое-какъ до города.

И какъ сей городъ былъ тогда предѣломъ нашего похода, и мы, передневавъ въ ономъ, расположены были въ окрестностяхъ его по кантониръ-квартирамъ, то на семъ мѣстѣ окончу я сіе письмо, сказавъ вамъ, что я есмь и протчее.

СТОЯНІЕ ПРИ ТОРУНѢ.

Письмо 56.

Любезной пріятель! Сколько терпѣли мы трудовъ и безпокойства при окончаніи послѣдняго нашего похода, столько обрадовались мы, получивъ, противъ всякаго чаянія и власно, какъ въ награжденіе за наши труды, весьма прекрасныя квартиры. Идучи выше упомянутыми худыми и самыми бѣдными мѣстами и заключая предварительно, что намъ въ такихъ же скверныхъ и бѣдныхъ жилищахъ и на квартирахъ стоять доведется, досадовали мы уже невѣдомо какъ, что мы въ надеждѣ своей—стоять на хорошихъ прускихъ квартирахъ — столь сильно обманулись, и что на славной Кёнигсбергъ, составляющей столь уже давно наиглавнѣйшею цѣль нашихъ желаній, намъ и посмотрѣть не удалось; а посему легко можно всякому заключить, сколь радость наша была велика, когда мы, противъ всякаго нашего чаянія, увидѣли себя въ наипрекраснѣйшихъ и такихъ квартирахъ, которыя все наше чаяніе съ ожиданіемъ превосходили. Однако надобно и то сказать, что не всему нашему полку удалось пользоваться симъ щастіемъ, а почти однимъ только нашимъ гранодерскимъ ротамъ; ибо какъ самому штапу нашему назначено было стоять въ самомъ городѣ Торунѣ и его форштатахъ, то гранодерскія роты, яко первѣйшія въ полку, и расположены были въ наиближайшей къ городу деревнѣ, а деревня сія и случилась самая лутчая и особливаго рода. Она называлась Гурске, отстояла отъ города не болѣе какъ верстъ пять и принадлежала къ такъ-называемымъ «жулавамъ»; и какъ она достойна особливаго замѣчанія, то и упомяну я объ ней нѣсколько подробнѣе.

«Жулавами», какъ около Данцига, Ельбинга, Маріенбурга, такъ и тутъ называются всѣ тѣ селенія, которыя поселены на низменныхъ, подлѣ самой рѣки Вислы и ея разныхъ рукавовъ лежащихъ мѣстахъ. Извѣстное то дѣло, что мимо Торуня протекаетъ взявшаяся изъ самой внутренности Польши превеликая и широкая рѣка Висла, простирающая теченіе свое отъ сего города мимо Кульма, Грауденца, а потомъ, раздѣлясь на два рукава, впадающая при Данцигѣ, въ море. Сія рѣка имѣла, индѣ по обѣимъ сторонамъ, а индѣ по одной, обыкновенныя низменныя и поемныя мѣста, простирающіяся отъ воды до слѣдующихъ затѣмъ возвышенныхъ и гористыхъ береговъ на неравное разстояніе, гдѣ версты на двѣ, гдѣ больше, а индѣ меньше. Сіи низменныя мѣста въ древности понимаемы были обыкновенною половодною изъ рѣки водою, и отъ наносимаго и остающагося на нихъ ила имѣли время такъ утучниться, что они здѣлались наиплодороднѣйшими, но долгое время лежали они въ праздности и производили только одну траву; но со времянемъ наконецъ, по какому-то случаю, вздумалось нѣкоторымъ выходцамъ изъ нидерландскихъ и голанскихъ предѣловъ поселиться на сихъ мѣстахъ и отнять ихъ, такъ-сказать, насиль-

но отъ наглости наводненій и заставить производить наилутчее хлѣбородіе.

Они произвели сіе чрезъ здѣланіе подлѣ самаго берега рѣки и вдоль всего онаго безпрерывной преогромной и претолстой плотины, усаженной ветлами или лозами, столь высокой, чтобъ никакая полая вода, и какъ бы она въ рѣкѣ ни возвышалась, не могла достигать до самаго верха оной и переливаться черезъ оную; а такія-жъ плотины подѣлали они по обѣимъ сторонамъ и всѣхъ впадающихъ съ боку въ Вислу маленькихъ рѣчекъ. И какъ чрезъ то всѣ помянутыя поемныя мѣста здѣлались отъ наводненія рѣки безопасными, то и поселились они на нихъ совсѣмъ отмѣннымъ образомъ и такими деревнями, какихъ я нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не видывалъ, а имянно:

Каждая деревня простиралась на нѣсколько верстъ въ длину, хоти и не содержала въ себѣ знатнаго количества дворовъ, потому что каждой дворъ отъ двора былъ саженъ на полтораста, а иногда еще и больше разстояніемъ. Сіи промежутки заняты были ихъ садами и полями, ибо каждой крестьянинъ имѣлъ всю свою землю вокругъ своего двора и жилъ власно, какъ особнякомъ. Всѣ пашни его и сады обрыты были множествомъ рвовъ и каналовъ; и какъ имъ и пахать ихъ и унаваживать было близко, то и производили они такое хлѣбородіе, которому чудиться было должно.

Что-жъ касается до самаго зданія дворовъ ихъ, то и оное было совсѣмъ отмѣннаго рода. Все крестьянское строеніе помѣщается у нихъ въ одну длинную связь и подъ одну кровлю, и потому съ перваго вида въ такой деревнѣ кажутся они не дворами крестьянскими, а превеликими корчмами, разбросанными по разнымъ мѣстамъ, или такъ, напримѣръ, какъ нашими большими ригами и молотильными сараями. На одномъ концѣ сихъ зданій находилось самое жилье хозяина. Оно составлено было обыкновенно изъ трехъ бѣлыхъ комнатъ: одна изъ нихъ составляла большую и чисто прибранную горницу, освѣщенную тремя или четырьмя красными большими окошками и согрѣваемую порядочно кафленою или кирпичною печью; другіе два покоя были съ боку, и меньше: одинъ изъ нихъ служилъ либо спальнею хозяину, либо кладовою, а въ другомъ, и ближе къ печи находящемся, жили его работники и работницы. Предъ комнатами сими были просторныя сѣни съ находящеюся посрединѣ ихъ отгородкою для очага и кухни; а оттуда-жъ топятся и обѣ печи, въ покояхъ находящіяся. Впротчемъ, было изъ сѣней сихъ три выхода: одинъ на переднее крыльцо, другой—на другую сторону, въ сады его и огороды, а третей — прямо въ его конюшню, которая примыкала вплоть къ его сѣнямъ, и гдѣ на стойлахъ стояли не только его лошади, но и коровы въ наилутчемъ порядкѣ. За сею конюшнею слѣдовали другіе хлѣвы и покои, для овецъ и другова мелкаго скота, а за сими просторное отдѣленіе — для становленія его повозокъ и поклажи всякой сбруи; а далѣе засимъ анбары хлѣбные, а наконецъ, замыкало просторное отдѣленіе, назначенное для складки немолоченнаго хлѣба, которое вкупѣ служило ему и вмѣсто молотильнаго сарая, ибо тутъ, обыкновенно, они хлѣбъ свой складываютъ и молотятъ. Всѣ сіи разныя отдѣленія были одинаковой вышины и всѣ покрыты одною и порядочною кровлею; и какъ въ таковой длинной и иногда саженъ въ дватцать и болѣе въ длину простирающейся связи можно крестьянину тамошнему умѣститься со всѣми своими нуждами, то и нѣтъ у нихъ, по большей части, кромѣ сей связи, никакихъ иныхъ зданій подъ особливыми кровлями, и весь его дворъ состоитъ въ единой сей связи.

Совсѣмъ тѣмъ живутъ они весьма богато и въ такомъ изобиліи, въ какомъ у насъ не живутъ иные бѣдные дворяне. Жилыя комнаты прибраны у нихъ чисто и даже до того, что у многихъ есть часы стѣнные; стулья же и порядочные столы и шкафы вездѣ находились. Платье носятъ хотя крестьянское, но чистое, порядочно сшитое и хорошее, а особливо

женщины. Ѣдятъ также всегда хорошо, и что́ удивительнѣе всего, самой хлѣбъ ѣдятъ почти всѣ пеклеванной. Скота имѣютъ довольно, и притомъ весьма хорошаго, а сады наполнены у нихъ вишнями, яблоками и другими плодоносными деревьями и въ превеликомъ множествѣ. Словомъ, они живутъ въ превеликомъ изобиліи и многіе изъ нихъ, а особливо въ настоящихъ жулавахъ, ближе къ Данцигу, имѣютъ великіе и до нѣсколькихъ тысячъ простирающіеся достатки и играютъ тамъ важныя роли.

Таковаго-то сорта была та деревня, въ которой назначено было имѣть намъ наши вешнія кантониръ-квартиры. Она была хотя наибѣднѣйшая изъ всѣхъ жулавскихъ, однако и тутъ не могли мы довольно налюбоваться житьемъ-бытьемъ нашихъ хозяевъ. Но какъ всѣ полки расположены были тогда вдоль по рѣкѣ Вислѣ и очень тѣсно, то стояли и мы тогда нѣсколько тѣсненько, и одинъ только мой капитанъ получилъ особой дворъ; а впротчемъ, мы, офицеры, должны были стоять по два и по три человѣка вмѣстѣ, а солдаты по цѣлому капральству на одной квартерѣ. По самому сему обстоятельству принужденъ былъ и я тогда стоять не одинъ, а съ другими подпорутчиками нашей роты, а именно съ господиномъ Головачовымъ и г. Бачмановымъ, изъ которыхъ первой назывался Матвѣемъ Васильевичемъ и былъ человѣкъ очень постоянной, доброй и мною всегда любимой и мнѣ хорошей пріятель; а второй — Макаромъ Ивановичемъ, и былъ также человѣкъ доброй и простодушной; но, будучи новогородскимъ помѣщикомъ, во многихъ вещахъ весьма смѣшной и куріозной.

Итакъ, хотя стояла насъ въ одномъ домѣ съ людьми нашими и хорошая семейка, однако намъ по пространству комнаты и дома ни мало было не тѣсно, но мы квартирою своею были довольны, и тѣмъ паче, что хозяинъ случился у насъ человѣкъ доброй, а хозяйка — того добрѣе. Оба они старались напрерывъ намъ служить всѣмъ, чѣмъ могли, и намъ не было почти нужды покупать ни для себя съѣстныхъ припасовъ, ни для лошадей нашихъ корма, ибо хозяева за безчестіе себѣ ставили и не хотѣли слышать того, чтобъ мы то покупали, что́ у нихъ есть и чѣмъ они намъ услужить могутъ. А сему много поспѣшествовало и то, что я съ ними, какъ съ нѣмцами, говорить и ихъ всегда самъ ласкать умѣлъ.

Симъ образомъ стояли мы тутъ не только въ совершенномъ довольствѣ, но, можно сказать, и прямо весело. Капитанъ нашъ стоялъ отъ насъ только саженъ съ двѣсть, протчіе офицеры также недалече, и мы могли съ ними видаться очень часто; а сверхъ всего того, и домашнее общество было само-по-себѣ веселое. Г. Бачмановъ увеселялъ насъ всякой день своими поступками и странными нарѣчіями, а паче всего безпрерывными съ денщикомъ своимъ, Доронею, ссорами и новогородскими браньми. Мы шутили и трунили надъ нимъ, какъ надъ хорошимъ шутикомъ и надсѣдались иногда со смѣха, приводя его въ сердце и опять съ нимъ примиряясь.

Впротчемъ, не успѣли мы тутъ расположиться и совсѣмъ обострожиться, какъ захотѣлось мнѣ побывать въ Торунѣ и посмотрѣть сего города. Я нашолъ его весьма хорошимъ и непохожимъ нимало на польской, а совершенно нѣмецкимъ и весьма похожимъ на нашу Ригу. Строеніе въ немъ было все каменное, сплошное и высокое; улицы такія же тѣсныя и кривыя, а жители на большую часть были нѣмцы, и многіе изъ нихъ весьма зажиточные и имѣютъ хорошіе домы.

Мое первое дѣло было, по пріѣздѣ въ сей городъ, чтобъ поискать, нѣтъ ли въ ономъ такой же книжной лавки, какая есть въ Ригѣ, и къ превеликому удовольствію моему, и нашолъ ее. Она была хотя не такова велика, какъ рижская, но довольно изрядная, и я могъ часъ и болѣе времяни съ превеликимъ удовольствіемъ препроводить въ пересматриваніи и перебираніи оныхъ. Естлибъ не мѣшало то мнѣніе, что мнѣ никакъ не можно много отягощать себя книгами, и чтобъ не принуждено было опять ихъ по прежне-

му бросить, то, имѣя тогда у себя деньги, накупилъ бы я ихъ множество. Но сколь мнѣ вышеупомянутое обстоятельство ни мѣшало, однако не могъ я никакъ разстаться съ попавшимся мнѣ тогда на глаза новымъ ежемѣсячнымъ нѣмецкимъ журналомъ, выдаваемымъ въ Данцигѣ, подъ именямъ «Историческихъ извѣстій» о тогдашней войнѣ нашей, со всѣми реляціями, планами и описаніями баталій и всего протчаго. Вся кровь моя взволновалась, увидѣвъ толь любопытное, по тогдашнему времяни, сочиненіе. Я тотчасъ купилъ всѣ части, сколько ихъ тогда вышло, и радъ былъ тому такъ, какъ бы нашолъ какое великое сокровище.

Но не одно сіе произвело въ сію поѣздку мнѣ удовольствіе въ семъ городѣ, а было нѣчто и другое. Какъ по искупленіи всѣхъ нужныхъ вещей случилось намъ обѣдать тутъ въ трактирѣ, то въ самое то время, и власно какъ нарочно для удовольствованія моего любопытства, пришолъ туда человѣкъ съ прошпективическимъ ящикомъ, въ которомъ, сквозь стекло, показываютъ разныя прошпективическіе виды городамъ, и которой многіе у насъ неправильно называютъ «камороюобскурою». Мнѣ сего оптическаго инструмента никогда еще до того времяни не случалось не только видать, но и слышать, что онъ есть на свѣтѣ, и — Боже мой!—съ какимъ это удовольствіемъ, радостью и любопытствомъ смотрѣлъ я въ оной и любовался толь живо, и власно какъ въ натурѣ, изображающимися въ ономъ видами знаменитѣйшихъ городовъ въ свѣтѣ и наилутчихъ въ нихъ зданій и улицъ. Словомъ, я прыгалъ почти отъ радости, получивъ случай ихъ, хотя на бумагѣ, видѣть и получить объ нихъ нѣкоторое понятіе. Я не могъ устать, пересматривая всѣ его картины и разсматривая самое устроеніе сей машины, которая мнѣ показалась весьмо проста и безъ дальней хитрости здѣланною, и съ превеликою охотою заплатилъ то небольшое число денегъ, которое слѣдовало дать показывавшему намъ оныя и питающемуся тѣмъ человѣку.

Не успѣлъ я возвратиться въ свою квартиру, какъ принялся за купленныя мною книги, и началъ тотчасъ оныя читать и сидѣть за ними денно и ночно. Матерія въ нихъ мнѣ столь полюбилась, и вся исторія войны нашей казалась мнѣ столь любопытною что я чрезъ нѣсколько дней вознамѣрился всю ее перевесть, дабы могли чтеніемъ оной пользоваться и мои товарищи и другіе полку нашего офицеры. Странное, поистинѣ, и самое легкомысленное предпріятіе! Я никакъ не разсуждалъ о томъ, сколь великое и силамъ моимъ ни мало несоразмѣрное предпринимаю я дѣло; не разсуждалъ о томъ, достанетъ ли мнѣ къ тому довольно время и досуга, и будетъ ли столько терпѣнія, чтобъ перевесть толь великія книги; а наконецъ не приходило мнѣ на умъ подумать и о томъ, стóитъ ли для кого предпринимать столь великой трудъ, и найду ли я многихъ и столь же любопытныхъ читателей, каковъ былъ самъ. До всего того мнѣ не было нужды; но я, слѣдуя единственно своей охотѣ и сродной тогдашнимъ моимъ лѣтамъ пылкости и легкомыслію, принялся дѣйствительно за сей трудъ, и нѣсколько дней сряду трудился надъ симъ переводомъ неусыпно и такъ, что въ короткое время написалъ я нѣсколько тетратей, и, можетъ быть, написалъ бы еще и больше, естли бы слѣдующее обстоятельство не поубавило во мнѣ нѣсколько къ тому охоты, а послѣдующая потомъ въ обстоятельствахъ нашихъ перемѣна—и совсѣмъ тщетной сей и пустой трудъ наконецъ не перервала и не уничтожила. А имянно: написавъ вышеуломянутымъ образомъ нѣсколько тетратей, восхотѣлось мнѣ получить за трудъ мой всю ожидаемую мзду, и, давъ прочесть мой переводъ кой-кому изъ своихъ собратій, взять соучастіе въ томъ удовольствіи, какое они при чтеніи оной имѣть будутъ. Въ безсумнѣнной надеждѣ, что сіе воспослѣдуетъ, и учинилъ я сіе дѣйствительно, и далъ попользоваться имъ нѣкоторымъ изъ любопытнѣйшихъ офицеровъ.

Но вообразите себѣ, сколь велика дол-

женствовала быть моя досада и негодованіе, когда, вмѣсто ожидаемой жадности къ чтенію, не примѣтилъ я въ нихъ ни малѣйшаго почти любопытства и охоты къ чтенію, и когда нѣкоторые, не прочитавъ и трехъ страницъ, начинали уже зѣвать, а другіе и въ руки взять не хотѣли, но спѣшили охотнѣе къ пріятнѣйшимъ для себя упражненіямъ, то-есть къ игранію въ карты, распиванію пуншей, къ лазуканью за крестьянскими дѣвками и служанками, въ чомъ наиболѣе тогда всѣ господа наши офицеры упражнялись и въ чемъ наилутчее для себя находили препровожденіе времяни. Досадно мнѣ сіе невѣдомо какъ было: я ругалъ всѣхъ ихъ мысленно, смѣялся ихъ невѣжеству и тому, что они имѣли столь мало любопытства, и наконецъ самъ себѣ въ мысляхъ сказалъ: «не сѣдите же вы, государи мои, того, чтобъ для васъ столь много трудиться и работать, а оставайтесь вы лутче при своихъ дурацкихъ упражненіяхъ; а мнѣ не лутче ли перестать для васъ дурачиться и просиживать цѣлые дни и вечера, для удовольствованія мнимаго вашего любопытства, котораго въ васъ никогда не важывалось». Съ того времяни пересталъ я такъ надъ переводомъ симъ надрываться, какъ до того времени, а самое сіе остановило нѣсколько и прежнею мою работу, то-есть переписываніе на-бѣло моего «Клевеланда» и продолженіе перевода онаго, ибо я не лутчей мзды могъ ожидать себѣ и за сей трудъ; а о томъ, чтобъ могъ оной когда-нибудь быть напечатанъ—тогда и мыслить было никакъ не можно. Итакъ, съ сего времяни я хотя кой-когда и переводилъ, но единственно уже для своего увеселенія и тогда, когда мнѣ было дѣлать нечего и когда прискучивало мнѣ уже чтеніе.

Между тѣмъ, какъ мы помянутымъ образомъ изъ Курляндіи къ Торуню шли, и тутъ по кантониръ-квартирамъ стояли, помышлялъ новой предводитель нашей арміи о томъ, какъ бы ему благовремянно съ арміей своей выступить въ дальнѣйшей походъ и успѣть здѣлать всѣ нужныя къ тому пріуготовленія; ибо надобно знать, что война не клонилась къ окончанію, но еще часъ-отъ-часу возгаралась больше. Успѣхи короля Прускаго въ минувшую осень произвели при всѣхъ европейскихъ дворахъ великіе во всѣхъ дѣлахъ перевороты, и всѣ обстоятельства во многомъ перемѣнились—но чему и дивиться не можно. Ни одинъ человѣкъ въ свѣтѣ не думалъ и не ожидалъ, чтобъ война минувшаго лѣта такимъ образомъ кончилась, какъ изображено было выше, и всѣ чудились только всѣмъ произшествіямъ. И поистинѣ, ни въ какую кампанію, я думаю, не бывало столько скорыхъ и незапныхъ переворотовъ щастія въ нещастіе, и нещастія въ щастіе, какъ въ бывшую въ минувшее лѣто. Промыслъ божеской, распоряжающей по-своему всѣ произшествія военныя, дѣлалъ въ судьбахъ всѣхъ воюющихъ державъ весьма странные перевороты: прусаковъ то возводилъ онъ на блестящую степень щастія, то низвергалъ въ бездну нещастія и золъ. Мы, россіяне, какъ можно видѣть изъ предслѣдующаго, выиграли надъ прусаками баталію, а вышли изъ Прусіи какъ побѣжденные и разбитые. Французы мнили, что низложили и обезоружили совсѣмъ герцога Кумберландскаго; но слухъ о томъ не успѣлъ еще и разнестись по всей Европѣ, какъ извѣстіе уже получено, что одна изъ ихъ армей совсѣмъ разбита, и что герцогъ Кумберландской власно какъ опять ожилъ. Цесарцы мнили, что они совсѣмъ завоевали Шлезію, и ласкались уже надеждою скоро увидѣть и всей войнѣ окончаніе; но вдругъ получаютъ ударъ за ударомъ, и толикія нещастія, что принуждены оставить всю Шлезію и бѣжать съ остатками разбитыхъ своихъ армій назадъ въ Богемію.

Таковой страшной переворотъ щастія и всѣхъ обстоятельствъ поразилъ всю Европу, власно какъ ударомъ. Всѣ дворы изумились, и нѣсколько времяни не знали что начинать и дѣлать. Но скоро начались новыя затѣи и новыя предначинанія: всѣ дворы, составляющіе такъ-называемой «большой союзъ», то-есть нашъ,

россійской, цесарской, францускоі и шведской, не могли спокойно перенесть толикой неудачи. Они пылали досадою и желали отмстить за всѣ причиненныя имъ досады и оскорбленія, и по самому тому воспріяли опять оружіе и положили употребить еще болѣе усилія. Съ другой же стороны, король Пруской, видя необходимость къ продолженію войны, и будучи ободренъ послѣдними своими успѣхами и отъ того ласкаясь надеждою получить еще лутчія, началъ употреблять всѣ силы къ приведенію себя въ состояніе противиться своимъ непріятелямъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, не успѣла зима наступить, какъ каждой дворъ началъ вновь вооружаться, и съ вящимъ еще рвеніемъ нежели прежде. Король Пруской, сколько ни хитрилъ и ни старался, при помощи союзниковъ своихъ агличанъ, императрицу нашу отвлечь отъ союза съ цесарцами и французами, и сколько ни надѣялся на тайныя обязательства и соглашенія свои съ тогдашнимъ наслѣдникомъ россійскаго престола и на его себѣ во всемъ вспоможеніе, но министры цесарскаго и францускаго двора, происками и стараніями своими, превозмогли всѣ его хитрости и уничтожили во многомъ его замыслы. Имъ удалось привлечь министровъ нашихъ и фаворитовъ императрицыныхъ на свою сторону и, узнавъ нѣсколько о помянутыхъ выше сего тайныхъ обязательствахъ у его съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, произвесть наконецъ ту перемѣну, что управляющей до того всѣми дѣлами канцлеръ Бестужевъ сверженъ и чрезъ то всѣмъ дѣламъ произведенъ лутчей оборотъ и между протчимъ то, что императрица твердо предпріяла продолжать войну, вмѣстѣ съ протчими, противъ короля Прускаго.

О вышеупомянутомъ тайномъ соглашеніи, бывшемъ тогда у короля Прускаго съ тогдашнимъ нашимъ великимъ княземъ, носились тогда одни только темные слухи, а настоящаго дѣла неизвѣстно было, покуда король Пруской въ послѣдующія времяна не открылъ самъ онаго при сочиненіи исторіи о сей войнѣ. Онъ говоритъ, что помянутой великой князь, будучи еще голштинскимъ принцомъ, былъ весьма золъ на датчанъ за причиненныя отъ датцкаго двора предкамъ его обиды и несправедливости, и пылая желаніемъ по вступленіи своемъ на престолъ, имъ отмстить, опасался, чтобъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ ищущей себѣ повсюду союзниковъ король Пруской не содружился съ ними, и что самое сіе побудило его просить короля Прускаго никакъ не заключать съ ними союза, обѣщая за то съ своей стороны всѣми силами своими и возможностьми помогать королю при тогдашней войнѣ. Что-жъ касается до Бестужева, то сколько сначала золъ онъ самъ противъ короля Прускаго, столько сталъ самъ держать его сторону, когда императрица занемогла и онъ, опасаясь ея кончины, прилѣпился къ великому князю, яко къ преемнику престола; а самое сіе и было притчиною, что онъ велѣлъ въ минувшее лѣто графу Апраксину возвратиться изъ Прусіи. Но какъ графъ Бестужевъ былъ сверженъ и сосланъ въ ссылку и управлять дѣлами стали иные люди, то и пошло все инако. А потому-то и велѣно было войскамъ нашимъ иттить тотчасъ опять назадъ, въ королевство Пруское, и, занявъ оное, иттить въ послѣдующее лѣто далѣе и утѣснять короля Прускаго даже въ самыхъ внутреннихъ его бранденбургскихъ областяхъ, и дабы все сіе съ лутчимъ успѣхомъ можно было произвесть въ дѣйство, то не только для укомплектованія арміи собраны были вновь рекруты, но и составленъ новой и особливой корпусъ, подъ имянемъ обзерваціоннаго, и отправленъ прямо чрезъ Польшу для соединенія съ нашею арміею. И какъ оной весь составленъ былъ на большую часть изъ наилутчихъ людей, выбранныхъ изъ старыхъ украинскихъ полковъ, то и полагалась на него великая надежда.

Съ другой стороны, и цесарева не меньшія дѣлала пріуготовленія къ войнѣ, какъ и мы. Она укомплектовала также арміи свои рекрутами, а сверхъ того была

такъ щастлива, что венгерскіе жители, изъ усердія своего къ ней, сами собой обѣщали дать ей сорокъ тысячъ войска и содержать оное на своемъ коштѣ. Главная команда надъ арміями поручена была опять славному генералу Дауну, а другая, противъ Саксоніи, находилась подъ командою генерала Сербелони, и обоимъ имъ велѣно было, колико можно ранѣе, начать свои военныя дѣйствія.

Съ третей стороны готовилась опять и имперская, сборная изъ разныхъ нѣмецкихъ народовъ, армія, также къ военнымъ операціямъ, и предводительство надъ нею получилъ принцъ Цвейбрикской.

Съ четвертой, не оставили и французы исполнить то же, и упражнялись во всю зиму къ продолженію войны, какъ противъ прусаковъ, такъ и противъ агличанъ, во всѣхъ нужныхъ пріуготовленіяхъ; и какъ послѣднею поступкою маршала Ришеліе былъ дворъ французской крайне недоволенъ, то весною отозванъ онъ назадъ и команда надъ арміею поручена графу Клермонту.

Наконецъ, съ пятой стороны дѣлали и шведы равномѣрныя къ войнѣ пріуготовленія. Король Пруской сколько ни старался преклонять ихъ къ отступленію отъ нашего союза, однако проворство французскихъ министровъ, имѣвшихъ тогда при шведскомъ дворѣ великую силу, превозмогло всѣ его происки и старанія и убѣдили шведское правительство къ продолженію войны вмѣстѣ съ нами.

Вотъ сколь многія и сильныя пріуготовленія дѣланы были противъ короля Прускаго; но, напротивъ того, и онъ былъ не безъ дѣла. Наиглавнѣйшее его стараніе было о томъ, чтобъ укомплектовать ему опять свою армію и наградить уронъ, претерпѣнной имъ на семи прошлогднихъ баталіяхъ, а не меньше и въ гошпиталяхъ отъ прилипчивыхъ и почти на язву похожихъ болѣзней, которыми померло у него великое множество народа. Но сіе укомплектованіе учинить ему было не таково лѣгко, какъ протчимъ союзникамъ, у которыхъ у всѣхъ было народа болѣе 50-ти милліоновъ, а у него не болѣе 5. Но недостатокъ сей наградилъ онъ своимъ разумомъ, хитростью и проворствомъ. Онъ досталъ себѣ довольно солдатъ и денегъ, и не только укомплектовалъ армію свою съ избыткомъ, но и умножилъ еще оныя. Для полученія людей, собралъ онъ, во-первыхъ, рекрутъ со всѣхъ саксонскихъ, ангальтскихъ и мекленбургскихъ областей; во-вторыхъ, возвратилъ къ себѣ всѣхъ бѣглыхъ генеральнымъ прощеніемъ, а втретьихъ, опредѣлилъ въ свою службу великое множество бывшихъ у него въ плѣну австрійцовъ и французовъ, шведовъ и виртембергцовъ, а чрезъ всѣ сіи средства и получилъ онъ множество народа.

Что-жъ касается до денегъ, въ которыхъ былъ у него также недостатокъ, то въ семъ помогла ему Англія. Тамъ въ министерствѣ, къ щастію его, произошла перемѣна. Управлявшей до того всѣми дѣлами Фоксъ, достигшей до сей степени происками герцога Кумберландскаго, принужденъ былъ добровольно сложить съ себя сіе достоинство. Вмѣсто его вступилъ славной Питъ, отецъ нынѣшняго. Сей краснорѣчіемъ своимъ убѣдилъ тотчасъ весь народъ вступиться жарчае за короля Прускаго и не только давать ему всякой годъ по 4 милиона талеровъ, но, сверхъ того, подкрѣпить гановерскую армію корпусомъ агличанъ; а для командованія оною выпросилъ у короля Прускаго прославившагося потомъ принца Фердинанда Брауншвейгскаго. А не успѣлъ король сихъ денегъ получить, какъ передѣлалъ ихъ въ новую и весьма дурную монету, и изъ 4 милионовъ здѣлалъ 10, и чрезъ то получилъ на сей годъ для продолженія войны довольно денегъ.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ препровождена была вся зима всѣми воюющими державами; а не успѣлъ наступить сей 1758 годъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ тотчасъ начали уже и военныя свои дѣйствія. Начало онымъ учинили французы или, паче, командующей тогда еще ими дюкъ Ришеліе. Онъ, желая сколько-ни-

будь исправить погрѣшность, учиненную имъ, отправилъ маркиза Даржансона съ 12 тысячами человѣкъ для взятія города Гальберштадта; и какъ сей городъ былъ не весьма укрѣпленъ, то гарнизонъ ретировался въ Магдебургъ, въ виду у французовъ, которые, занявъ городъ, произвели въ немъ великія разоренія и ограбили почти всѣхъ жителей.

Таковое предпріятіе французовъ побудило короля Прускаго отправить въ сію сторону изъ Саксоніи корпусъ, подъ командою брата своего, принца Генриха, которой, прогнавъ французовъ къ рѣкѣ Везеру, возвратился опять въ свое мѣсто; а какъ въ самое сіе время принялъ команду надъ гановерскою арміею и принцъ Фердинандъ Брауншвейгской, то онъ началъ гнать французовъ отчасу далѣе, и произвелъ сіе съ толикимъ успѣхомъ, что въ концѣ февраля мѣсяца переправилась уже вся французская армія назадъ, черезъ рѣку Везеръ, а въ мартѣ перешла даже назадъ и черезъ самой Рейнъ, растерявъ столь много людей, что не осталось въ ней болѣе 30,000 человѣкъ.

Въ сихъ-то обстоятельствахъ находились дѣла въ Европѣ въ то время, когда мы помянутымъ выше сего образомъ стояли при рѣкѣ Вислѣ и готовились иттить въ походъ далѣе къ непріятелю. И какъ около сего времяни извѣстіе получено, что король предпринимаетъ осаждать шлезскую крѣпость Швейдницъ, которая одна только во власти цесарцавъ оставалась, то, для здѣланія ему диверсіи сталъ нашъ новой предводитель поспѣшать всѣми достальными пріуготовленіями къ походу, и какъ весна уже тогда начинала совершенно вскрываться и показываться кормъ, то мы то-и-дѣло получали повелѣнія быть къ походу въ готовности и съ часу на часъ ожидали, что намъ велѣно будетъ выступать. Но въ самое сіе время, противъ всякаго чаянія и ожиданія, обрадованы мы были однимъ извѣстіемъ до безконечности.

Какое оно было, о томъ вы теперь у меня не спрашивайте. Сіе увидите вы въ послѣдующемъ письмѣ, а теперечнее, какъ довольно увеличившееся, время уже кончить и сказать вамъ, что я есмь и протчее.

ПОХОДЪ КЪ КЕНИГСБЕРГУ.

Письмо 57.

Любезной пріятель! Какъ вы, надѣюсь, очень любопытны узнать, какое бы такое было то извѣстіе, которое насъ толь много обрадовало, то начну теперечнее мое письмо удовольствованіемъ сего вашего любопытства и скажу, что оно было слѣдующее:

Какъ мы помянутымъ образомъ въ походъ собирались и всякой день ожидали приказа къ выступленію въ оной и къ перехожденію чрезъ рѣку Вислу, какъ заѣхалъ къ намъ изъ Торуни, ѣздившей туда для своихъ нуждъ, одинъ изъ нашихъ офицеровъ и пріятелей. Неуспѣлъ онъ къ намъ войтить въ горницу, какъ съ веселымъ видомъ намъ сказалъ: «знаете ли, государи мои! я привезъ съ собою къ вамъ новыя вѣсти, и вѣсти—для насъ очень важныя!»—Хорошо,—отвѣтствовали мы:—но каковы-то вѣсти? Съ дурными хоть бы ты къ намъ и не ѣздилъ.—«Нѣтъ», сказалъ онъ: «каковы-то вамъ покажутся, а для меня они не дурны. Словомъ, намъ велѣно въ походъ иттить и мы послѣзавтрего должны выступить».—Ну, что-жъ за диковинка! — сказали мы. Этого мы давно ждали и готовы хоть завтра выступить. —«Этакіе вы», подхватилъ онъ: «вы, спросите лутче—куда?»—Это также извѣстное дѣло, что за рѣку и противъ непріятеля,—отвѣчали мы съ хладнокровіемъ.—«Но того-то вы и не угадали», сказалъ онъ.—Какъ! неужели опять назадъ и домой?—спросили мы удивившись. «Нѣтъ!» сказалъ онъ: «не домой, однако и не противъ непріятеля, тамъ и безъ насъ дѣло обойдется». Сіи слова привели уже насъ въ превеликое любопытство.—Да куда-жъ? говорили мы: скажи, братецъ, пожалуйста. —«Нѣтъ!» говорилъ онъ: «а умудрись кто-нибудь и угадай самъ, а я скажу только, что и вы тому столько-жъ обрадуетесь,

сколько и я». Тогда не имѣли мы болѣе терпѣнія и до тѣхъ (поръ) къ нему, насъ мучившему и сказать нехотящему, съ прозьбою своею приступали, покуда онъ, наконецъ, сказалъ:—«въ Кёнигсбергъ, государи мои, и туда, гдѣ намъ всѣмъ давно уже побывать хотѣлось».—Не вправду ли?—закричали мы всѣ въ одинъ голосъ: но можно ли тому статься? — «Конечно можно», отвѣтствовалъ онъ: «и знать что льзя, когда уже о томъ и повелѣніе нашему полковнику прислано».—Но умилосердись! какъ это и какимъ образомъ? Кёнигсбергъ остался у насъ уже далеко позади.—«Конечно!» отвѣчалъ онъ: «но то-то и диковинка! А совсѣмъ тѣмъ, намъ съ полкомъ туда итти и, что того еще лутче, и жить тамъ во все нынѣшнее лѣто и ничего болѣе не дѣлать, какъ содержать караулы».

Теперь легко можете заключить, что насъ сіе до крайности обрадовало; ибо хотя мы охотно шли въ походъ противъ непріятеля, однако, какъ извѣстно было намъ, что непріятели не шутятъ и что въ походѣ противъ его не всегда бываетъ весело, а времянемъ и гораздо дурно, а притомъ никто не могъ о себѣ съ достовѣрностію знать, возвратится ли онъ изъ похода благополучно назадъ и не останется ли на вѣкъ тамъ; то сколько мы и ни имѣли усердія и ревности къ военной службѣ, но кому жизнь не мила и кто бы не хотѣлъ ею еще хоть одинъ годъ повеселиться? А потому, кто и не порадовался бы, услышавъ, что онъ на цѣлое лѣто освобождается не только отъ всѣхъ военныхъ опасностей, но и отъ всѣхъ трудовъ и безпокойствъ, съ походомъ сопряженныхъ, и кто-бъ не сталъ благодарить за то Бога и судьбу свою?

Мы и дѣйствительно такъ были тому рады, что не одинъ разъ говорили: «слава, слава Богу!» и благодарили судьбу, что оказала толикое намъ благодѣяніе и дала такое преимущество предъ многими другими. Съ превеликою охотою благословляли мы путь всѣмъ протчимъ, мимо насъ идущимъ полкамъ и желали имъ въ походѣ своемъ пріобрѣсть славу и имѣть всякое благополучіе, а сами и на умѣ не имѣли досадовать на то, что не будемъ имѣть щастія быть съ ними на сраженіяхъ и раздѣлять съ ними славу въ получаемыхъ ими побѣдахъ.

Но никто изъ всего полку, думаю я, такъ много симъ извѣстіемъ обрадованъ не былъ, какъ я. Всѣ протчіе радовались наиболѣе потому, что они не пойдутъ въ походъ, а будутъ на одномъ мѣстѣ, въ покоѣ, и имѣть хорошія квартиры и жить въ изобильномъ и такомъ городѣ, гдѣ имѣть они будутъ случай предаваться всякимъ роскошамъ и распутствамъ; но моя радость проистекала совсѣмъ не изъ того источника. Мнѣ сколько то было пріятно, что я не пойду въ походъ и не буду подверженъ опасностямъ, а стану жить на одномъ мѣстѣ, столько или несравненно болѣе радовался я тому, что цѣлое лѣто буду жить въ большомъ и славномъ иностранномъ нѣмецкомъ городѣ, о которомъ я наслышался невѣдомо сколько добраго и которой наполненъ учеными людьми, библіотеками и книжными лавками. Умѣя говорить по-нѣмецки, ласкался я надеждою, что могу со многими тамошними жителями свести знакомство и что мнѣ тамъ будетъ очень весело и не скучно; могу многому и такому насмотрѣться, чего не видывалъ, а книгъ доставать себѣ купить сколько угодно. Словомъ, я восхищался предварительно уже мыслями, воображалъ себѣ невѣдомо сколько удовольствій, и никто, я думаю, съ толикою охотою въ сей путь не собирался, какъ я.

Повелѣніе о выступленіи въ сей походъ, дѣйствительно, на другой же день получено было нами, а на третей мы и выступили въ оной. Разставаясь съ тамошними хозяевами, не могли мы довольно возблагодарить ихъ за всѣ оказанныя ласки и благопріятство, и желали имъ щастливаго продолженія ихъ благополучной жизни; а какъ и они были нами довольны, то провожали они насъ, желая намъ щастливаго путешествія.

Мы шли самыми тѣми-жъ мѣстами, гдѣ до того шли, до самаго Эрмландскаго бискупства и до столичнаго ихъ города

Гейльсберга, а отъ сего мѣста повернули мы уже нѣсколько влѣво и пошли прямымъ путемъ къ Кёнигсбергу; и какъ было тогда самое лутчее и первѣйшее вешнее время и погода стояла хорошая, то могу сказать, что походъ сей изъ всѣхъ, въ какихъ случалось мнѣ бывать въ жизнь мою, былъ напвеселѣйшей и пріятнѣйшей. Шли мы себѣ не спѣша и прохладно; переходы дѣлали маленькіе; останавливались всегда въ мѣстечкахъ, а не въ лагеряхъ, и во всемъ имѣли удовольствіе; полкъ въ походѣ вели одни только дежурные, а мы всѣ, протчіе офицеры, ѣхали верхами и не при пѣхотѣ, а гдѣ хотѣли, и обыкновенно кучками и компаніями по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ, и время свое въ дорогѣ препровождали въ однѣхъ только шуткахъ, смѣхахъ и дружескихъ разговорахъ. А во время почеванія, или дневанія въ польскихъ мѣстечкахъ или прускихъ городкахъ, въ расхаживаніи компаніями по онымъ, въ посѣщеніяхъ другъ друга на квартирахъ, въ захаживаніяхъ въ трактиры и въ увеселеніяхъ себя въ нихъ шутками, играми и въ протчемъ, тому подобномъ.

Впротчемъ, не помню я, чтобъ въ продолженіе сего похода случилось со мною какое-либо особливое и такое приключеніе, которое бы достойно было замѣчено быть, кромѣ одного, ничего незначащаго и относящагося до одной смѣшной проказы, здѣланной нами надъ прежде упоминаемымъ сотоварищемъ моимъ, подпорутчикомъ Бачмановымъ; и какъ я всему злу былъ наиглавнѣйшій заводчикъ, то и разскажу вамъ оное единственно для смѣха.

Я упоминалъ уже вамъ прежде, что человѣкъ сей былъ хотя весьма доброй и всѣми нами любимой, но совсѣмъ особливаго и такого характера, которой заставливалъ насъ иногда надъ нимъ проказить и смѣяться. Будучи новогородцемъ, былъ онъ своенравенъ, упрямъ и не любилъ шутокъ и издѣвокъ надъ собою. Не успѣетъ кто какъ-нибудь надъ нимъ и хоть нарочно посмѣяться и пошутить, какъ разсерживался и поднималъ онъ за то превеликую брань: а сіе, какъ извѣстно, въ полкахъ и подаетъ уже поводъ, и власно какъ право, всякому надъ нимъ труинть и скалозубить. Къ вящему нещастію, привыкнувшей къ новогородскому нарѣчію, не могъ онъ и въ службѣ никакъ еще отвыкнуть отъ онаго и отъ называнія многихъ вещей на *о*, *по*, *ко* и совсѣмъ не такъ, какъ другіе называютъ; а сіе нерѣдко и подавало поводъ шутить надъ нимъ, да и сверхъ того, весь его образъ, правъ и характеръ имѣлъ въ себѣ нѣчто смѣшное и особливое. Къ дальнѣйшему же пріумноженію его нещастія, послалъ ему Богъ и деньщика почти точно такова-жъ, каковъ былъ самъ. Онъ малой былъ доброй, но какъ-то простоватъ и имѣлъ (въ) себѣ много смѣшного. Съ симъ его Доронею, ибо такъ называлъ онъ его, была у него, какъ я уже упоминалъ, почти всякой день ссора и лады. И во время стоянія нашего вмѣстѣ не проходило дня, въ которой бы мы надъ нимъ не хохотали; а какъ и самая фамилія его Бачмановъ походила много на Бачановъ, которымъ имянемъ называется тотъ особой родъ чаплей или аистовъ, которые вьютъ гнѣзды на домахъ и нерѣдко на трубахъ, и также какъ аисты, питаются всякими гадинами и лягушками—то и звали мы его обыкновенно Бачаномъ, съ чѣмъ и высокой, и тонкой, и сутулистой его ростъ и длинныя ноги нѣсколько сходствовали, и онъ къ сему званію такъ привыкъ, что почти за то уже и не серживался, естли кто назоветъ его бачаномъ.

Самое сіе названіе и подало намъ поводъ къ произведенію надъ нимъ той шутки, о которой я разсказать намѣренъ. Было то еще во время стоянія нашего на квартирахъ и дней за шесть до выступленія нашего въ походъ, какъ случилось мнѣ ходить съ нимъ и другимъ нашимъ товарищемъ поутру гулять по садамъ и небольшимъ индѣ рощицамъ, между дворами деревни нашей находившимся. Тогда, какъ нарочно, случись, что кукушка въ лѣсочкѣ неподалеку отъ насъ начала куковать. Мы съ г. Головачевымъ, услышавъ ее, обра-

довались и говорили: «вотъ, вотъ и кукушки уже прилетѣли!» Но г. Бачмановъ вмѣсто того, чтобъ дѣлать то же, вдругъ осердился и началъ ругать кукушку всякими своими новогородскими браньми. «Тфу, ты проклятая», говорилъ онъ, плюя то и дѣло; «чортъ бы тебя, окаянную, взялъ! Нелёгкая-бъ тебя подавила! На свою-бъ тебѣ это голову», и такъ далѣе. Мы, услышавъ сіе, покатились со смѣху.— Что это, братъ Макаръ,—говорили мы:— за что это на кукушку такъ гнѣваешься? что она тебѣ здѣлала?—«Какъ, братцы, что, сказалъ онъ: голоднова меня, проклятая, закуковала и я вѣрно теперь уже знаю, что мнѣ сего года не пережить. О, лихая бы ее побрала болѣсть и всѣ черти-бъ ее, проклятую, задавили».—Такъ, такъ!— сказали мы, еще пуще захохотавъ:—теперь прощай, братъ Макаръ! не сносить уже тебѣ своей головки! Ужъ кукушка предвозвѣстила, такъ уже, знать и быть, и приходитъ уже разставаться со свѣтомъ.—Сколь ни простъ былъ нашъ Макаръ, но примѣтилъ, что мы надъ нимъ скалозубимъ, и тогда вдругъ, вмѣсто кукушки, поднимись весь его праведной гнѣвъ на насъ, а симъ и подалъ онъ намъ вновь оружіе на себя, мучить и бѣсить его нашими насмѣшками: и кукушка сія во весь тотъ день столько ему насолила, что онъ не радъ былъ, наконецъ, своей жизни и проклиналъ и насъ, и себя и охоту свою къ гулянью.

Однако, симъ дѣло еще не окончилось. Какъ примѣтили мы, что кукушкою сею его всего скорѣе растрогать и вздурить было можно, чего мы всегда и добивались, то, обрадуясь сему, поступили мы далѣе, и меня догадало еще сложить на сей случай смѣшную и такую пѣсенку, которая бы могла вмигъ его растрогивать. Признаюсь, что была то сущая шалость, и побудило меня къ тому не что иное, какъ, съ одной стороны, молодость и легкомысленность, а съ другой, присовѣтованіе моего капитана; ибо сей, шутя надъ нимъ, такъ же, какъ и мы, не успѣлъ о вышеупомянутомъ закукованіи кукушки и обо всемъ услышать, какъ тотчасъ мнѣ сказалъ: «эхъ, братецъ! сложить бы о семъ пѣсенку, то-то было бы смѣху и проказъ! вдругъ бы мы ее всѣ запѣли, и когда онъ такъ кукушку не взлюбилъ, такъ посмотри, что тогда-бъ было». Сего было довольно къ возбужденію во мнѣ охоты испытать, не могу ли я сложить пѣсенку на какой-нибудь знакомой голосъ; и какъ мнѣ голосъ старинной и всѣмъ знакомой пѣсни: «Негдѣ въ маленькомъ лѣску при потокахъ рѣчки» всѣхъ протчихъ былъ знакомѣе, да и самой родъ сей пѣсни казался къ тому нанудобнѣйшимъ, то и началъ я тотчасъ вымышлять слова и составлять въ первой разъ отъ роду стихи и рифмы.

Въ работѣ сей, тайкомъ отъ нашего друга, препроводилъ я не болѣе дней двухъ, и имѣлъ столь хорошей успѣхъ, что пѣсенка моя и капитану, и всѣмъ протчимъ крайне полюбилась, и всѣ они положили тотчасъ ее выучить наизусть, и когда будемъ уже ее знать, тогда-бъ, окруживъ его гдѣ-нибудь въ кружокъ такъ, чтобъ онъ не могъ выскочить, запѣть бы всѣмъ въ одинъ голосъ. Итакъ, тотчасъ списаны были съ ней многіе списки, и какъ учинить дальнѣйшее тогда было уже некогда, то и положили мы учинить то во время шествія нашего въ Кёнигсбергъ. Сіе и произвели мы на походѣ въ дѣйство; ибо, какъ мы ѣхали всѣ верхами кучами, то человѣкъ съ десять изъ насъ, выучивши сію пѣсню и сговорившись еще съ нѣсколькими, окружили его однажды на лошадяхъ, такъ что ему изъ средины никуда уѣхать было не можно, и вдругъ затянули всѣ нашу пѣсенку, которая была слѣдующаго содержанія:

На зеленомъ на лугу, сидѣла лягушка,
На высокомъ на дубу, кричала кукушка:
Вонъ! Бачанъ сюда летитъ,
А Дороня тамъ бѣжитъ.
Что ты дѣлаешь здѣсь?
Что ихъ не боишься?

* *
*

Какъ Бачанъ вить прилетитъ,
Тебя онъ увидитъ,
А Дороня прибѣжитъ,
Вмигъ тебя погубитъ.

Онъ охотникъ, вить, до васъ,
Онъ бранитъ за то и насъ,
Что голоднаго его
Мы закуковали.

* *
*

Между тѣмъ началъ Бачанъ
Вправду опускаться,
Захотѣлося ему
Съ другомъ повидаться.
Опустясь, тотчасъ и сѣлъ,
А Доронюшко запѣлъ:
Не хочешь ли, Бачанъ,
Что-нибудь покушать?

* *
*

Когда есть что, такъ давай,
Упреждай кукушку,
Когда нѣтъ, такъ побѣгай,
Поймай мнѣ лягушку.
У болота вонъ сидитъ,
На тебя прямо глядитъ.
Побѣгай! поскорѣй!
Чтобъ не ускочила.

* *
*

Какъ Дороня побѣжалъ
Ловить тамъ лягушку,
А Бачанъ тогда вскричалъ,
Увидя кукушку:
Ай, Доронюшка, мой другъ,
Ты схвати скорѣе вдругъ,
Чтобъ кукушка на дубу
Не закуковала!

* *
*

Испугалась на лугу
Бывшая лягушка,
Закричала на дубу
Тотчасъ и кукушка;
А Дороня-то упалъ,
А хотя послѣ и всталъ,
Но лягушка ужъ давно
Ускочила въ воду.

* *
*

Разсердился нашъ Бачанъ
На своего Дороню,
Онъ въ мигъ бросился за нимъ;
Закричавъ въ погоню:
О, проклятой сынъ, дуракъ,
Болванъ, бестія, простакъ!
Провалился-бъ ты совсѣмъ
И съ своимъ проворствомъ.

* *

Что мнѣ дѣлать, что начать
Наконецъ съ тобою?
Что ты сдѣлалъ вотъ теперь,
Дуракъ, надо мною?
И лягушку упустилъ,
И меня не накормилъ,
А проклятая, вонъ тамъ,
И закуковала.

* *
*

Теперь долженъ буду я
Въ этотъ годъ погибнуть,
И родныхъ на свѣтѣ всѣхъ
И друзей покинуть.
А бѣды все отъ тебя;
Погубилъ я самъ себя,
Что заставилъ дурака
Это дѣло дѣлать.

* *
*

Но одно ли ужъ сіе
Ты у меня портилъ,
Не бѣды ли по бѣдамъ
Всякой день ты строилъ?
Отъ тебя, болванъ, дуракъ,
Разорился я ужъ такъ,
Что пришло уже мнѣ
Пропасть и съ тобою.

* *
*

Растерялъ мое добро *)
Почти безъ остатку,
Помнишь ты, какъ потерялъ
Гребень и рубашку?
Какъ гомзелю тебѣ дамъ,
Такъ увидишь ты и самъ,
Что я вправду съ тобой
Шутить не намѣренъ.

* *
*

Дуракъ, знаешь, вить, что я
Мужикъ небогатой;
Воши съѣли ужъ всего,
О глупецъ проклятой!
А ты гребень потерялъ,
Безъ чего ужъ я пропалъ.
Ахъ, ты бѣдной Бачанъ,
Гдѣ тебѣ дѣваться?

* *
*

---

*) Какъ сіи слова, такъ и протчія брани, присловицы, и попреки, и рѣчи были точно такія, какія г. Бачмановъ употреблялъ почти ежедневно, бранясь съ деньщикомъ своимъ Доронею. Пр. Авт.

Вотъ какимъ вздоромъ наполнена была сія пѣсенка.

Теперь судите сами, каково было господину Бачманову, когда онъ, услышавъ ее, догадался, что она нарочно сочинена на него и что мы надъ нимъ проказили. Онъ вздурился даже до безпамятства и сперва началъ насъ всѣхъ ругать безъ всякаго милосердія, а потомъ, какъ безумной, на насъ, а особливо на меня, метаться, стегать плетью и стараться изъ круга нашего вырваться и уѣхать прочь. Однако мы схватились всѣ руками и составили такой крѣпкой кругъ, что ему до самаго конца пѣсни никакъ уѣхать было не можно. Боже мой! сколько претерпѣли мы отъ него тогда брани, сколько ругательства, и сколько смѣялись и хохотали! Наконецъ, вырвался онъ у насъ и поскакалъ, но куда-жъ? прямо къ полковнику жаловаться и просить на насъ. Но изъ сего вышла только новая комедія. Мы, предвидя сіе, постарались заблаговремянно предварить всѣ могущія произойтить отъ того какія-либо досадныя для насъ слѣдствія. Мы заманили въ заговоръ и въ шайку свою самого господина Зеллера, того любимца и фаворита полковничаго, которой служилъ ему переводчикомъ; и какъ онъ самъ былъ въ сей шуткѣ соучастникомъ, то и надѣялись мы, что онъ перескажетъ полковнику все дѣло съ хорошей стороны, а сіе такъ и воспослѣдовало. Господинъ Бачмановъ, прискакавъ къ полковнику, началъ въ пыхахъ своихъ приносить ему тысячу на насъ жалобъ; но сей, не разумѣя ни одного слова порусски и того, что онъ ему говоритъ, спрашивалъ только: «васъ истъ дасъ? васистасъ?» и какъ никто ему не могъ растолковать, то отысканъ былъ г. Зеллеръ, и сей пересказалъ ему все дѣло съ такой смѣшной и шуточной стороны, что полковникъ самъ надсѣдался со смѣха и только, смѣючись, говорилъ Бачманову: «Ну, что-жъ? добре... бачанъ... кукушкъ... лягушкъ... пѣть... пѣснь... ничего... смѣхъ»..., и такъ далѣе. Словомъ, г. Бачмановъ нашъ не могъ добиться отъ него никакова толку, и только то здѣлалъ, что весь полкъ о томъ узналъ, и кому-бъ не смѣяться, такъ всѣ смѣяться и кукушкою его дразнить и сердить начали. И какъ наконецъ до того дошло, что и самые солдаты о томъ отчасти узнавъ и иногда завидѣвъ его, либо куковать, либо про лягушку между собою говорить начинали, то бѣдняку нашему Макару нигдѣ житья не стало, и онъ до того наконецъ доведенъ былъ, что рѣшился-было проситься въ другой полкъ и бѣжать изъ полка нашего, и намъ не малаго труда стоило его уговорить и опять успокоить.

Но не одну сію, но производили мы надъ нимъ во время сего похода и многія другія проказы; но какъ они не стоютъ упоминанія, яко происходившія отъ единой нашей легкомысленности и рѣзвости, то я, умолчавъ о нихъ, скажу только, что сей человѣкъ увеселялъ всѣхъ насъ во все время нашего путешествія и рѣдкой день прохаживалъ, чтобъ мы надъ нимъ чего не предпринимали, и, разсердивъ его до безконечности, паки съ нимъ не примирялись.

Впротчемъ, памятно мнѣ и то, что никогда я столь много въ ловленіи рыбы какулею не упражнялся, какъ во время сего похода. Вездѣ, куда ни прихаживали мы ночевать, находили мы либо рѣчки, либо озеры; и какъ какулей было у насъ множество, то и не упускали мы почти ни одного случая, чтобъ сею ловлею не повеселиться.

Въ прежде упоминаемомъ ермляндскомъ столичномъ городѣ Гейльсбертѣ случилось намъ опять не только дневать, но для исправленія нѣкоторыхъ надобностей пробыть цѣлыхъ два дни. Въ сіе время были мы опять у бискупа съ полковникомъ, и сей маленькой владѣлецъ старался опять насъ угощать, и мы время свое препроводили весело. Мнѣ случилось въ сей разъ стоять квартирою у одного изъ его придворныхъ, отправляющаго должность камеръ-юнкера или камергера, которой, однако, не многимъ чѣмъ отмѣннѣе былъ отъ протчихъ мѣщанъ, и я ласкою хозяина, такъ и хозяйки былъ очень доволенъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, не имѣвъ на пути своемъ никакихъ особенныхъ приключеній, дошли мы наконецъ до славнаго нашего Кёнигсберга, и тѣмъ окончали сей нашъ походъ благополучно.

Симъ окончу я сіе письмо и сказавъ вамъ, что я есмь вашъ другъ, и протчее.

ВХОДЪ ВЪ КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 58.

Любезной пріятель! Какъ съ пришествіемъ нашимъ въ Кёнигсбергъ началася новой и въ особливости достопамятной періодъ моей жизни, то, прежде описанія моего въ семъ городѣ пребыванія, да позволено мнѣ отъ васъ, любезной пріятель, будетъ предпослать нѣкоторое краткое о себѣ разсужденіе.

Всякой разъ, когда ни размышляю я о теченіи моей жизни и о всѣхъ бывшихъ со мною произшествіяхъ, примѣчаю я въ оной многіе слѣды особливаго божескаго обо мнѣ Промысла и вижу нынѣ очень ясно, что наиглавнѣйшими произшествіями со мною не инако, какъ невидимая рука Господня управляла и распоряжала оныя такъ, чтобъ они когда не въ то время, такъ послѣ обратились мнѣ въ существительную пользу. Но никоторое изъ нихъ такъ для меня, при таковыхъ размышленіяхъ, не бываетъ поразительно, какъ помянутое, совсѣмъ неожидаемое пришествіе въ Кёнигсбергъ и пребываніе въ семъ городѣ; ибо какъ проистекли мнѣ отъ того безчисленныя выгоды и пользы, то вижу теперь, что произошло то не по слѣпому случаю, что я тогда пріѣхалъ въ Кёнигсбергъ, но промыслу Господню угодно было, власно какъ нарочно, привесть меня въ сей пруской городъ, дабы я, живучи тутъ, имѣлъ случай узнать самъ себя и короче все на свѣтѣ, и могъ чрезъ то приготовиться къ той мирной, спокойной и благополучной жизни, какою Небу угодно было меня благословить въ послѣдующее потомъ время; за что благодарю и на вѣкъ не престану благодарить великаго моего Зиждителя. Онъ, произведя меня совсѣмъ не для военной жизни, не восхотѣлъ, чтобъ я далѣе влачилъ жизнь праздную и такую, въ которой не только могъ я подверженъ быть ежеминутнымъ опасностямъ, но живучи въ сообществѣ невѣждъ, праздныхъ и по большой части всякимъ распутствамъ преданныхъ людей, легко могъ и самъ ядомъ симъ заразиться и чрезъ то повредить себя на всю жизнь; но, изторгнувъ меня изъ средины оныхъ, пристроилъ къ такому мѣсту, которое было уже сообразнѣе съ природными моими склонностьми и гдѣ имѣлъ я уже болѣе случаевъ и удобностей упражняться въ дѣлахъ и упражненіяхъ полезнѣйшихъ, нежели въ какихъ препровождаютъ время свое обыкновенно въ полкахъ офицеры.

Но сколь примѣтно здѣлалось мнѣ все сіе послѣ, столь мало зналъ я обо всемъ томъ въ тогдашнее время; а потому пріѣздъ мой въ Кёнигсбергъ почиталъ тогда неинакс, какъ произшедшимъ по слѣпому случаю, да и не думалъ, чтобъ могло произойтить тутъ что-нибудь со мною особливое. А того, чтобъ самой сей походъ былъ послѣдней въ моей жизни и чтобъ съ пришествіемъ въ сей городъ назначено было отъ судьбы и всей моей военной службѣ почти кончиться, тогда никакъ не только мнѣ, но и никому на мысль приттить не могло, какъ къ тому и не было ни малѣйшаго тогда вѣроятія.

Совсѣмъ тѣмъ, чувствуя отмѣнную радость о томъ, что идемъ мы въ Кёнигсбергъ, я власно какъ предчувствовалъ, что со мною произойдетъ тутъ нѣчто хорошее; ибо могу сказать, что сколько ни были всѣ довольны симъ походомъ, но мое удовольствіе было ни съ чьимъ несравнительно, а особливо въ то время, когда, по приближеніи къ сему городу, увидѣли мы краснѣющіяся уже въ дали кровли домовъ онаго и возвышающіяся сверхъ оныхъ пышныя и величественныя башни и высокія колокольни церквей, въ немъ находящихся. Съ ненасытимымъ окомъ и съ нѣкакимъ восхищеніемъ взиралъ я на сей обширной, на возвышенномъ мѣстѣ сѣдящей и съ той стороны, откуда мы шли, отмѣнно пышной и хорошей видъ имѣющей городъ, и почиталъ

его власно какъ нѣкакимъ обиталищемъ благополучія и такимъ мѣстомъ, гдѣ мы имѣть будемъ безчисленныя утѣхи и удовольствія, и готовился уже заблаговремянно къ онымъ.

Но я возвращусь къ порядку моего повѣствованія и начну теперь разсказывать вамъ все происходившее со мною тутъ по порядку.

Было то въ началѣ самой еще весны и въ исходѣ апрѣля мѣсяца, какъ мы дошли до сего столичнаго прускаго города. По приближеніи къ оному, велѣно намъ было остановиться и убраться какъ можно лутче и чище, для вступленія въ оной церемоніею. Мы и постарались о семъ съ особливымъ усердіемъ; и какъ всякому хотѣлось показать себя въ наивыгоднѣйшемъ видѣ, то не упущено было ничего, что̀-бъ только могло служить къ наилутчему украшенію. Все оружіе наше вычищено было какъ стекло; бѣлье надѣто самое чистое и мундиры самые лутчіе. Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ старались мы другъ предъ другомъ о томъ, какъ чванились, и съ какою гордою и пышною выступкою выступали мы передъ нашими взводами, шествуя, при играніи музыки и при битіи въ барабаны, по улицамъ сего города, которыя наполнены были многочисленнымъ народомъ; ибо какъ жители были еще очень любопытны наши церемоніи видѣть, то не только всѣ окны, но и многія кровли унизаны были людьми; а зрѣніе толь многочисленнаго народа наиболѣе и побуждало насъ хорохорить-ся. Я находился тогда, какъ уже прежде было упомянуто, въ гранодерской ротѣ, и какъ у насъ шапки гранодерскія были тогда кожаныя, здѣланныя на подобіе древнихъ шлемовъ или шишаковъ, съ перьями, а спереди мѣдною и позолоченною личиною, и головной уборъ сей былъ очень красивъ, а притомъ и перевязи гранодерскія были у насъ шитыя золотомъ; а сверхъ всего того, мнѣ довелось иттить первому почти передъ полкомъ и вести самой первой взводъ нашихъ гранодеровъ—то я невѣдомо какъ старался иттить и представлять собою фигуру лутче, и былъ столь выгоднаго о себѣ мнѣнія, что мнилъ, что всѣ всего болѣе на меня смотрѣли, хотя, безсомнѣнно, въ томъ крайне обманывался.

Вшествіе сіе было у насъ въ одинъ красной день послѣ обѣда, и хотя по случаю досталось намъ въ городъ сей войтить съ наихуждшей стороны, да и иттить все простыми и хуждшими улицами и закоулками, до квартиры тамошняго оберъ-коменданта г. Трейдена, однако намъ и самыя сіи послѣднія улицы казались сначала преузорочными, и мы смотрѣли на нихъ съ удовольственнымъ и любопытнымъ окомъ.

Поелику квартеры были для насъ уже отведены и посланными напередъ нашими передовыми запяты, то не успѣли мы дойтить до квартиры нашего оберъ-коменданта, и, отдавъ ему честь, оставить тутъ наши знамена, какъ и распущены были всѣ роты врознь по ихъ квартирамъ. Я тогда не шолъ, а паче летѣлъ за ведущимъ насъ фурьеромъ и неинако думалъ, что онъ приведетъ меня въ наипрекраснѣйшею квартиру. Но коль сильно обманулся я въ семъ мнѣніи и какою досадою и неудовольствіемъ преисполнилось мое сердце, когда, вмѣсто пышной и прекрасной квартиры, привелъ онъ меня въ сущую мурью и такую лачугу, какой я всего меньше ожидалъ. Еще и идучи туда и проходя наилутчія въ городѣ улицы, площади и мѣста, досадовалъ я, для чего квартермистръ нашъ былъ такъ глупъ и не велъ насъ сими мѣстами, а провелъ глухими улицами и переулками; однако досада сія услаждаема была тою лестною надеждою, что по крайней мѣрѣ получу я квартеру хорошую, и что она неотмѣнно будетъ въ одномъ изъ тѣхъ прекрасныхъ домовъ, мимо которыхъ мы шли, и того и ожидалъ, что фурьеръ меня остановитъ и скажетъ: «вотъ она». Но ожиданіе мое было тщетно, и онъ меня не только не останавливалъ, но, проведя самыя лутчія улицы, завелъ въ глухіе и никѣмъ необитаемые узкіе переулки, находящіеся между ихъ такъ-называемыми «шпиклерами», или огромной величины хлѣбными анба-

рами, для которыхъ въ семъ городѣ отведенъ особой глухой и отъ лутчихъ городскихъ мѣстъ удаленной уголъ или кварталъ, и гдѣ построено ихъ было нѣсколько сотъ вмѣстѣ и сплошь одинъ подлѣ другова, и каждой таковой анбаръ составлялъ предлинное, узкое, но притомъ чрезвычайно высокое и этажей семь вверхъ простирающееся самое простое, грубое полукаменное зданіе. И какъ всѣ они раздѣлены на нѣсколько кварталовъ, отдѣляющимися между собою самыми узкими и темными проулками, здѣланными для единаго проѣзда и провоза хлѣба, то проулки сіи были самые глухіе, совсѣмъ пустые и даже страшные. И сими-то проулками и закоулками, между шпиклеровъ, повелъ меня проводникъ мой. Я изумился даже, и не зная что думать, съ досадою ему говорилъ: — «умилосердись, братецъ, куда ты меня ведешь?» — Да на квартиру, ваше благородіе; вотъ она уже здѣсь близко.—«Какъ близко?» прервалъ я ему съ удивленіемъ рѣчь: «неужели мнѣ въ этакой глуши и въ этакой пропасти стоять? Ужъ не въ шпиклерѣ ли какомъ ты ассигновалъ мнѣ квартиру?» — Нѣтъ, сударь», отвѣчалъ онъ мнѣ: «однако подлѣ самыхъ оныхъ, и, признаться надобно, что квартерка не очень весела; но лутче уже не нашли изъ всѣхъ назначенныхъ подъ роту, кромѣ капитанской. Слова сіи меня даже поразили; въ единой мигъ исчезли тогда всѣ пышныя и лестныя мои надежды и увеселительныя мысли, и я проклиналъ уже заблаговремянно всѣхъ тѣхъ, которые намъ квартиры отводили; а какъ дошелъ и увидѣлъ дѣйствительно тотъ домъ, въ которомъ назначена мнѣ была квартира, то досада моя на нихъ еще увеличилась. Я надавалъ имъ тысячу изрядныхъ благословеній и ругая ихъ безъ милосердія, противъ хотѣнія, принужденъ былъ лѣзть по круглой и темной лѣс(т)ницѣ подъ самую кровлю и въ самой третей этажъ; и какъ путь сей былъ такъ теменъ, что ни зги не было видать, то, взлѣзая въ темнотѣ съ одной лѣс(т)ницы на другую, едва было я не споткнулся и не сломилъ головы, и спасся только тѣмъ, что ухватился уже за канатъ, которой вдоль сей лѣс(т)ницы у нихъ протягивается, и за которой державшись должно всегда всходить вверхъ и сходить внизъ, но чего я сначала не вѣдалъ.

Теперь всякому легко можно заключить, сколь пріятно было мнѣ такое мрачное шествіе или взлѣзаніе по лѣс(т)ницѣ подъ самую почти кровлю, ибо покои, назначенные мнѣ, были въ третьемъ жильѣ; въ нижнихъ же этажахъ жилъ самъ хозяинъ того дома и нѣкоторые другіе приставы и работники, опредѣленные при помянутыхъ шпиклерахъ, подлѣ которыхъ вплоть съ краю примкнутъ былъ сей домикъ. На мою часть достался хотя и весь третей этажъ дома, но въ которомъ и во всемъ не было болѣе двухъ комнатъ: одна,—длинная и узкая съ двумя небольшими окошечками въ одной стѣнѣ,—для меня, а другая, чрезъ узенькія и темныя сѣнцы, въ которыхъ шла снизу вышеупомянутая круглая лѣс(т)ница, и такой же длины и величины—для людей, и обѣ онѣ были столь низки, что мы едва головами своими за потолокъ не цѣпляли.

Итакъ, вмѣсто всей пышной и прекрасной квартиры, получилъ я весьма-весьма посредственную и, что всего для меня досаднѣе, темную и весьма скучную, ибо и самой видъ изъ окошекъ простирался на одни только почти шпиклеры, и ничего хорошаго изъ нихъ было не видно. Что-жъ касается до хозяевъ, то были они люди самые бѣдные и такіе, у которыхъ мы не могли не только чего иного, но и никакой бездѣльной посудины, для принесенія воды и на протчія надобности, добиться. Досадно мнѣ все сіе было чрезвычайно, и я такъ недоволенъ былъ моею квартирою, что непреминулъ въ тотъ же день жаловаться о томъ моему капитану и просить, чтобъ постарался онъ доставить мнѣ квартиру сколько-нибудь полутче. И какъ капитанъ мой меня любилъ, то онъ сего и непреминулъ здѣлать, и, по дружбѣ своей, произвелъ то, что я чрезъ нѣсколько дней получилъ другую и несравненно уже лутчую и та-

кую квартиру, которою я былъ совершенно доволенъ. Но какъ прежде нежели получилъ я сію новую квартиру и на ее переѣхалъ, произошло со мною уже нѣчто такое, о чемъ упомянуть не будетъ излишнимъ, то и перескажу о томъ прежде.

Не успѣли мы расположиться на квартирахъ и кое-какъ обострожиться, какъ съ нетерпѣливостью хотѣлось намъ удовольствовать давнишнее свое желаніе, и весь сей славной для насъ городъ выходить и осмотрѣть. Я предпріялъ путешествіе сіе на другой же день послѣ нашего прибытія и обѣгалъ всѣ наилутчія площади, улицы и мѣста сего города, и не могъ довольно налюбоваться красотою и пышностію многихъ улицъ, а особливо такъ-называемой Кнейпгофской большой улицы, которую наши тотчасъ окрестили по своему и назвали Милионною, потому что вся она была не только прямая, но состояла изъ наилутчихъ и богатѣйшихъ домовъ въ городѣ. Не съ меньшимъ любопытствомъ смотрѣлъ я также и на старинной замокъ, или дворецъ прежнихъ владѣтелей пруских. Сіе огромное четвероугольное, воздвигнутое на горѣ и не совсѣмъ начисто отдѣланное зданіе, придавало всему городу важной и пышной видъ, а особливо построенною, на одномъ углѣ онаго, превысокою четвероугольною и никакова шпица и верха неимѣющею башнею, на верху которой развѣвался только одинъ большой флагъ и видимы были всегда люди, живущіе тамъ для содержанія караула. Однако я оставлю описаніе сего города до другова случая, а теперь разскажу вамъ, любезной пріятель, что путешествіе мое въ сей день не кончилось одною пустою ходьбою, но я возвратился на квартиру свою обремененъ будучи нѣкоторыми бездѣлушками, которыя тогда казались мнѣ наидрагоцѣннѣйшими вещьми въ свѣтѣ, и коихъ пріобрѣтеніе причиняло мнѣ безконечную радость и удовольствіе. Но какія бы они были? Сего вамъ никакъ не угадать, любезной пріятель, ибо вамъ и на умъ того приттить не можетъ, что̀ меня такъ обрадовало.

Вы знаете уже то, что я изъ малолѣтства былъ превеликой охотникъ не только до книгъ и до читанія, но и до рисованья, и что для меня всегда наипріятнѣйшее было упражненіе гваздать и марать коечто красками. Теперь скажу, что, ходючи тогда по городу, случилось мнѣ съ одной улицы на другую проходить маленькимъ скрытымъ проулкомъ, наполненнымъ лавочками съ разными товарами. Такъ случилось, что въ самое то время стоялъ предъ одною изъ сихъ лавочекъ какой-то человѣкъ и разсматривалъ печатныя картинки. Увидѣвъ сіе и будучи крайнимъ до нихъ охотникомъ, тотчасъ я подступилъ къ нему и началъ вмѣстѣ съ нимъ перебирать оныя. Лавочникъ, примѣтивъ, что и я съ любопытствомъ ихъ пересматриваю, досталъ еще цѣлыя кипы сихъ листочковъ и положилъ на прилавокъ.— Что̀ это, спросилъ я, неужели все картины?—«Такъ», отвѣтствовалъ онъ, «это все эстампы, и не угодны ли которые изъ нихъ будутъ». Нельзя изобразить, какъ обрадовался я, увидѣвъ ихъ тутъ нѣсколько сотъ и разныхъ сортовъ, и иные раскрашенные красками, а другіе чорные. Я позабылъ тогда все на свѣтѣ и, отложивъ дальнѣйшею ходьбу, сѣлъ себѣ на прилавокъ и положилъ всѣ пересмотрѣть. Но неуспѣлъ я начать сіе наипріятнѣйшее для меня упражненіе, какъ лавочникъ, подавая еще матерую кипку, говорилъ: «вотъ, неугодно ли прошпективическихъ видовъ?»—Какіе прошпективическіе?—спросилъ я, изумившись.—«А вотъ что смотрятъ сквозь стекло въ ящикѣ». Кровь во мнѣ взволновалась вся при семъ словѣ.—Какъ,—сказалъ я, обрадуясь чрезвычайно, — и они у тебя есть?—«Есть», отвѣтствовалъ онъ: «и какіе вамъ угодны: иллюминированные и неиллюминированные»,—и сталъ тотчасъ развязывать и показывать ихъ. Нельзя довольно изобразить, съ какимъ восхищеніемъ разсматривалъ я оные, ибо надобно знать, что видѣнной въ Торунѣ прошпективической ящикъ такъ мнѣ полюбился, что онъ у меня съ ума не сходилъ и я невѣдомо что̀ далъ бы, естлибъ могъ имѣть такой же; а какъ тутъ про-

тивъ всякаго чаянія увидѣлъ я изрядныя прошпективическія и притомъ очень дешевыя картинки, то въ единой мигъ положилъ намѣреніе, накупивъ ихъ, отвѣдать смастерить себѣ такой же. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ у лавочника, нѣтъ ли у него и такого круглаго стекла, какое при томъ употребляется, услышалъ, что и стеклушко одно у него есть. А тотчасъ сыскано было и зеркало, и лавочникъ научилъ меня, какъ и безъ ящика можно смотрѣть на сіи картины. О, сколько я благодаренъ былъ ему за сіе показаніе! ибо сіе подтвердило мнѣ, что никакого дальнаго искуства не требовалось къ сооруженію и ящика. Словомъ, я такъ былъ всѣмъ симъ удовольствованъ, что сколько тогда ни случилось со мною денегъ, всѣ оныя употребилъ на покупку сихъ картинъ. А какъ къ величайшему моему удовольствію нашолъ я тутъ же и цѣлые ящички съ приготовленными въ раковинахъ разными красками и другими рисовальными збруями, то и разсудилъ я купить лутче картины нераскрашенныя и разрисовать послѣ самому, дабы онѣ не такъ дурно были разгвазданы, какъ продажныя, иллюминированныя. Однимъ словомъ, я накупилъ себѣ множество и красокъ, и картинъ, и возвратился домой, власно какъ снискавъ себѣ превеликое какое сокровище, и путешествіемъ своимъ въ сей день былъ крайне доволенъ.

Какъ я отъ природы весьма нетерпѣливъ во всемъ томъ, чего мнѣ захочется, то сія нетерпѣливость притчиною тому была, что на другой же послѣ того день принялся я за работу и началъ разрисовывать красками нѣкоторыя изъ купленныхъ картинъ. Но вообразите себѣ, какая должна была быть для меня досада, когда въ самое то время пришли мнѣ сказывать, что полку нашему велѣно уже смѣнять съ караула тутъ находившейся другой, и что нарядъ уже здѣланъ и мнѣ самому досталось иттить на караулъ. Что было тогда дѣлать? Я принужденъ былъ покидать свою начатую работу и собираться иттить противъ хотѣнія на караулъ, и на цѣлую еще недѣлю. Къ вящей досадѣ, досталось мнѣ стоять подлѣ однихъ городскихъ воротъ и тутъ всю недѣлю препроводить въ темномъ и наискучнѣйшемъ казематѣ или палаткѣ, здѣланной въ валу, подлѣ воротъ. Но какъ перемѣнить того было не можно, скука же меня даже переломила, то что-жъ я здѣлалъ? Вмѣсто того, чтобъ время свое препровождать тутъ въ праздности и спаньѣ, какъ другіе дѣлали, велѣлъ я принесть къ себѣ и краски и картины, и началъ ихъ, усѣвшись подъ окошкомъ, разрисовывать. Работа сія была мнѣ хотя и не весьма способна, ибо принужденъ я былъ производить ее въ мундирѣ и имѣя на себѣ и шарфъ и знакъ, однако имѣлъ я ту пользу, что она не давала чувствовать мнѣ скуку, отъ которой, наконецъ, живучи въ такой мурьѣ, вздуриться-бъ надлежало. И какъ я имѣлъ къ тому совершенной досугъ и могъ безпрерывно работать, то въ недѣлю сію разрисовалъ я картинъ великое множество, а между тѣмъ придумалъ средство, какъ мнѣ лутче смастерить и свой затѣваемой прошпективической ящикъ.

Впротчемъ, службу сію, которая была самая послѣдняя въ моей жизни, отправилъ я благополучно и со всею надлежащею исправностію; однако не прошла-жъ она и безъ смѣшного приключенія. Извѣстное то дѣло, что стояніе на таковыхъ караулахъ не столько досадно днемъ, сколько ночью; ибо какъ въ ночное время надлежало еще больше имѣть осторожности и быть всякой часъ въ готовности для принятія ходящихъ дозоровъ и рундовъ, то необходимость заставляла и всю ночь быть въ мундирѣ, и въ шарфѣ и знакѣ. Я наблюдалъ сіе исправно, но въ одинъ день, какъ назначено было ходить ночью рундомъ прежнему сотоварищу моему, господину Головачеву, то онъ, любя меня и жалѣя о моемъ безпокойствѣ, прислалъ ко мнѣ записочку, извѣщая, что рундомъ въ ту ночь назначено ходить кругомъ всего города ему, но что онъ однако не пойдетъ, и я спалъ бы себѣ благополучно и безъ всякаго опасенія. Запи-

сочка сія меня очень обрадовала, ибо какъ я уже нѣсколько ночей спалъ въ мундирѣ и обутой, и ноги меня въ особливости уже и гораздо безпокоили, то положась я на ее, по наступленіи ночи, улегся спать уже нѣсколько поспокойнѣе и не только скинулъ съ себя мундиръ, но и сапоги самые. Но что-жъ воспослѣдовало? Не успѣла наступить полночь, и я только что разоспался, какъ вдругъ закричали: «рундъ, рундъ, рундъ!» и сержантъ, безъ памяти прибѣжавъ, будилъ меня и кричалъ, чтобъ я скорѣе выходилъ принимать рундъ, которой былъ уже въ самой близости. Господи! какъ я тогда симъ перетревожился! Будучи нечаянно и вдругъ разбуженъ, вскочилъ я, власно какъ безъ ума и ошалѣвшей, и не зналъ, что дѣлать и что начинать, бѣгалъ только кругомъ по караульнѣ и кричалъ: «охъ, охъ, какая бѣда!» Между тѣмъ слуга спѣшилъ подавать мнѣ мундиръ и надѣвать, а вѣстовой держалъ уже шарфъ и знакъ, а самъ я, не помня самъ себя, спѣшилъ надѣвать скорѣе сапоги и былъ такъ спутанъ, что при слабомъ свѣтѣ отъ горящей свѣчки и отъ поспѣшности не могъ даже сапоговъ надѣть, а что того еще хуже, то начавъ надѣвать превратно и носками назадъ, такъ ногу увязилъ, что и скинуть было трудно. Къ вящему нещастію, въ самое то время закричали, что рундъ уже пришолъ. Что было тогда дѣлать? Я вздурился, и такъ оробѣлъ, что не вспомнилъ самъ себя, но схватилъ скорѣе шляпу и позабывъ, что одна нога была еще вовсе не обута, а другая только что всунута въ сапогъ, побѣжалъ изъ караульни встрѣчать сей проклятой рундъ; и я не знаю уже, что-бъ со мною было, естлибъ я въ таковомъ смѣшномъ нарядѣ передъ фрунтъ выбѣжалъ. Мы кажется, весь фрунтъ покатился-бъ со смѣха; но, по щастью, не дошло до того дѣло, и я благополучно отъ сего замѣшательства и стыда избавился; ибо господинъ Головачевъ, зная, что я по его же увѣренію нахожусь въ безпечности и сплю, не имѣлъ и на умѣ взыскивать на мнѣ, что я неостороженъ, но самъ еще спѣшилъ войтить ко мнѣ въ караульню и сказать, чтобъ я не тревожился. Но теперь вообразите-жъ себѣ, не долженъ ли онъ былъ покатиться со смѣха, увидѣвъ меня помянутымъ образомъ полуобутаго, но въ мундирѣ и въ шарфѣ по караульнѣ бѣгающаго. — «Ну, хорошъ, хорошъ!» закричалъ онъ захохотавъ: «прямо воинъ! только-что стоять на караулахъ!»—Да!—отвѣтствовалъ я опомнившись тогда: а все это отъ тебя и отъ записочки твоей, проклятой человѣкъ! Вѣдь меня на смерть и такъ перепугали, что я и теперь самъ себя не помню. На что-бъ сказывать, что не пойдешь.—«Какъ быть, братецъ», сказалъ онъ: «я и дѣйствительно не хотѣлъ иттить, но меня неволею протурили; я самъ тому не радъ, но по крайней мѣрѣ ложись-ка, ложись опять спать, а мнѣ пора иттить далѣе».

Онъ и дѣйствительно оставилъ меня съ покоемъ и пошелъ далѣе, а симъ и кончилось сіе смѣшное приключеніе, которое было мнѣ очень долго памятно. А на другой день послѣ того смѣнили насъ съ караула другіе полку нашего офицеры, и я имѣлъ удовольствіе возвратиться въ свою роту и приттить совсѣмъ уже на иную, несравненно лутчую квартиру, которую между тѣмъ, какъ мы стояли на карауле, отвели мнѣ по прозьбѣ моего капитана, и которою я былъ крайне доволенъ.

Симъ окончу я сіе мое письмо и предоставивъ протчее череду, скажу, что я есмь вашъ и протчее.

Письмо 59.

Любезной пріятель! Квартира, которую мнѣ вновь отвели, была хотя неподалеку отъ прежней, но находилась уже въ порядочной и веселой улицѣ, простирающейся вдоль подлѣ берега рѣки Прегеля и неподалеку отъ пристани, гдѣ приставали и выгружались съ моря суда; а что того лутче, то домъ сей былъ наугольной, подлѣ одного водяного и нарочитой ширины канала, чрезъ которой передъ окнами моими былъ мостъ; а какъ я получилъ для себя нижней и самой лутчей наугольной и порядочно прибран-

ной покой съ четырьмя большими окнами, то былъ онъ очень веселъ и свѣтелъ, чѣмъ я въ особливости былъ доволенъ. Впротчемъ, принадлежалъ онъ одной старушкѣ, вдовѣ одного корабельщика, которая жила въ другомъ покоѣ чрезъ сѣни, а въ верхнемъ этажѣ жили ее дѣти. Для людей же моихъ отведенъ былъ особливой задней покой, и какъ хозяйка моя была старушка тихая и добрая, то лутчей и покойнѣйшей квартиры не могъ я для себя требовать; а естли что̀ меня иногда обезпокоивало, то было то, что въ другомъ покоѣ, черезъ сѣни, содержала хозяйка нѣкоторой родъ шинка, въ которой всякой день собирались голанцы, шкиперы и другіе мореплаватели, и препровождали время свое въ разговорахъ, въ куреніи табаку и въ распиваніи пива. Итакъ, шумъ, производимой иногда ими, мнѣ наскучивалъ, однако по крайней мѣрѣ не дѣлали они никакихъ безпутствъ и безчиній, а все было у нихъ порядочно и хорошо. Сверхъ того, взамѣнъ сего безпокойства, имѣлъ я всякой день удовольствіе слушать изрядную и пріятную игру на скрипицахъ, производимую живущими надо мною хозяйскими дѣтьми. Наконецъ и то было мнѣ пріятно, что квартира моя была прямо чрезъ улицу напротивъ капитанской, также что въ самой той же улицѣ, чрезъ нѣсколько дворовъ, стояли и нѣкоторые изъ лутчихъ моихъ пріятелей, а особливо прежде бывшей мой компаніонъ господинъ Непейцинъ, и я могъ со всѣми ими часто видѣться.

Неуспѣлъ я на сей новой квартирѣ осмотрѣться и получить свободное время, какъ пустился опять въ путешествіе и осматриваніе тѣхъ мѣстъ и улицъ въ городѣ, въ которыхъ мнѣ быть еще не случилось. Нѣсколько дней сряду рыскалъ я по городу и препровождалъ ихъ въ таковыхъ путешествіяхъ, и прихаживалъ домой уставши до полусмерти, а тутъ принимался я тотчасъ за свои картины и за раскрашиваніе оныхъ; а какъ и сооруженіе и самаго ящика не выходило у меня изъ ума, то принялся я и за дѣланіе онаго. Обстоятельство, что большой и такого сорта ящикъ, какой видѣлъ я въ Торунѣ, неудобенъ былъ для возки его съ собою въ походахъ, поелику онъ одинъ въ состояніи былъ занимать очень много мѣста въ кибиткѣ, было притчиною тому, что я принужденъ былъ здѣлаться въ первой разъ отъ роду и поневолѣ инвенторомъ, и выдумывать особливой родъ устроенія сего ящика, а имянно, чтобъ расположить и здѣлать его такъ, чтобъ онъ могъ совсѣмъ разбираться и складываться и, будучи разобранъ, могъ занимать въ сундукѣ очень малое мѣсто. Признаюсь, что какъ я никогда еще въ выдумкахъ сего рода не упражнялся, то сначала дѣло сіе меня очень озабочивало; но чего не можетъ преодолѣть нетерпѣливое желаніе и любопытство? Чрезъ немногіе дни удалось мнѣ выдумать и смастерить такой, что и понынѣ еще дивлюсь, какъ я могъ тогда такой здѣлать; ибо мнѣ на сей разъ принуждено было быть и столяромъ, и шлесаремъ, и клеильщикомъ, и лакировальщикомъ, потому что всѣ бока и стѣнки онаго сдѣлалъ я изъ толстой политурной бумаги; а дабы они не могли коробиться, а притомъ складывались, то края всѣ укрѣпилъ тоненькими деревянными брусочками; для соединенія же всѣхъ боковъ надѣлано было множество крючковъ петелекъ и пробойчиковъ. Наконецъ, всю наружность онаго раскрасилъ я разными красками, и улѣпивъ по онымъ маленькими вырѣзанными изъ картинокъ купидончиками, птичками и цвѣтками, и наконецъ покрылъ лакомъ. Словомъ, я здѣлалъ ящичекъ не только самой походной и уютной, но и не постыдной для показанія всякому. Всѣ офицеры не могли надивиться моей выдумкѣ и искуству, и схаживались ко мнѣ толпами смотрѣть картинки и любоваться ими. А какъ и сіи не только были сами по себѣ довольно изрядныя и изображали виды всѣхъ лутчихъ мѣстъ и улицъ въ городѣ Венеціи и многихъ другихъ знатнѣйшихъ европейскихъ городовъ, но и разрисованы были мною подъ натуру — то не могли они довольно ихъ насмотрѣться, а мнѣ довольно приписать похвалъ за мою выдумку и искуство.

Словомъ, сей первой опытъ способности моей къ выдумкамъ и изобрѣтеніямъ пріобрѣлъ мнѣ въ полку много чести. Всѣ стали почитать меня превеликимъ хитрецомъ и выдумщикомъ, а сіе и ласкало невѣдомо какъ моему честолюбію и, производя мнѣ неописанное удовольствіе, побуждало часъ-отъ-часу еще больше упражняться въ дѣлахъ, сему подобныхъ. А чтобъ меня еще болѣе тѣмъ занять, то судьба, власно какъ нарочно, преподала мнѣ вскорѣ послѣ того еще случай увидѣть и узнать еще многое такое, чего я никогда не видывалъ и что въ состояніи было не только увеселить меня чрезвычайно, но встревожить вновь мое любопытство и возбудить охоту къ дальнѣйшимъ выдумкамъ и узнаванію вещей, до того относящихся.

На самой той улицѣ, гдѣ я стоялъ, и неподалеку отъ насъ, случилось жить одному ученому и такому человѣку, которой упражнялся въ шлифованіи стеколъ и въ дѣланіи всякаго рода оптическихъ машинъ и другихъ физическихъ инструментовъ. Къ сему человѣку завелъ меня одинъ изъ моихъ знакомцовъ, и я не знаю, на землѣ ли я или индѣ былъ въ тѣ минуты, въ которыя показывалъ онъ мнѣ разныя свои и мною никогда еще невиданныя вещи и инструменты. Прекрасные его разные микроскопы, о которыхъ я до того времяни и понятія не имѣлъ, приводили меня въ восхищеніе. Я не могъ устать цѣлой часъ смотрѣть въ нихъ на всѣ маленькія показываемыя имъ мнѣ вещицы, а особливо на чрезвычайно-малыхъ животныхъ, которыхъ я видѣлъ тутъ въ одной капелькѣ воды, бѣгающихъ и ворочающихся тутъ въ безчисленномъ множествѣ и гоняющихся другъ за другомъ. А не успѣлъ я сими насытить свое любопытное зрѣніе, какъ хрустальныя призмы и другіе оптическіе инструменты и дѣлаемые ими експерименты приводили меня въ новые восторги и въ удивленіе; но восхищеніе, въ какое приведенъ я былъ его каморою-обскурою, не въ состояніи я уже никакъ описать. Я истинно внѣ себя былъ отъ радости и удовольствія, когда увидѣлъ, какъ хорошо и какимъ неподражаемымъ искуствомъ умѣетъ сама натура рисовать на бумагѣ наипрекраснѣйшія картины, и, что всего удивительнѣе для меня было, наживѣйшими красками. Я долго не понималъ, откуда брались сіи разные колера, покуда не растолковалъ мнѣ отчасти помянутой художникъ, которой примѣтивъ особливое мое и съ великимъ примѣчаніемъ сопряженное любопытство, не оставилъ показать мнѣ все, что у него ни было, и многое изъяснить примѣрами для удобнѣйшаго мнѣ понятія. Словомъ, я вовѣкъ не позабуду тѣхъ пріятныхъ и восхитительныхъ часовъ, которые препроводилъ я тогда у него въ домѣ, и былъ человѣку сему весьма много обязанъ, ибо онъ власно какъ отворилъ мнѣ чрезъ то дверь въ храмъ наукъ и заохотилъ иттить въ оной, и находить въ наукахъ тысячу удовольствій и увеселеній, и которыя помогли мнѣ потомъ имѣть толь многія блаженныя минуты въ теченіи моей жизни.

Впротчемъ, упражняясь въ семъ разсматриваніи, я сколько, съ одной стороны, веселился всѣми сими невиданными до того зрѣлищами, столько, съ другой, досадовалъ на то, для чего у меня денегъ было мало, и я не такъ богатъ былъ, чтобъ могъ закупить себѣ всѣ оныя вещи. Однако, сколь я ни бѣденъ былъ тогда деньгами, однако не могъ разстаться съ однимъ маленькимъ ящичкомъ, составляющимъ камору-обскуру, посредствомъ котораго можно было съ великою удобностію срисовывать всѣ натуральные виды домовъ, улицъ, мѣстоположеній и всякихъ другихъ предметовъ. Я купилъ его у сего человѣка; но за употребленные за то два червонца съ лихвою заплаченъ былъ неописаннымъ и многимъ удовольствіемъ, какое въ состояніи былъ производить мнѣ сей ящикъ. Я всегда не могъ довольно налюбоваться тѣмъ, какъ хорошо на шероховатомъ стеклѣ изображались и рисовались сами собою всѣ предметы, на которые наведешь выдвижною трубкою сего ящика, и непремину тотчасъ, пользуясь симъ инструментомъ, срисовать видъ той улицы, кото-

рая видна была у меня изъ оконъ. Сія прошпективическая картина цѣла у меня еще и понынѣ, и я храню ее, какъ нѣкакой памятникъ тогдашняго времяни. Впрочемъ, ящичекъ сей произвелъ мнѣ не одно сіе удовольствіе, но еще и другое, а имянно: онъ подалъ мнѣ поводъ къ новой выдумкѣ, а имянно, чтобъ заставить и самой мой прошпективической ящикъ отправлять въ случаѣ пожеланія должность каморы-обскуры; ибо какъ скоро я узналъ отъ чего и какимъ образомъ камора-обскура устроена, и какъ всѣ ея дѣйствія происходятъ, то не трудно мнѣ было добраться и до того, какъ производить самое то-жъ могъ бы и самой мой ящикъ, съ учиненіемъ только нѣкоторой съ нимъ перемѣны

Между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ стоялъ на караулѣ, а потомъ безпрерывно занятъ былъ вышеписанными, увеселяющими меня упражненіями, всѣ протчіе офицеры нашего полку, не только молодые, но и пожилые, занимались совсѣмъ иными дѣлами и заботами. Всѣхъ ихъ почти вообще усердное желаніе быть въ Кёнигсбергѣ проистекало совсѣмъ изъ другова источника, нежели мое. Они наслышались довольно, что Кёнигсбергъ есть такой городъ, которой преисполненъ всѣмъ тѣмъ, что страсти молодыхъ и въ роскошахъ и распутствахъ жизнь свою провождающихъ удовлетворять и насыщать можетъ, а имянно, что было въ ономъ превеликое множество трактировъ и биліаровъ и другихъ увеселительныхъ мѣстъ; что все, что̀ угодно, въ немъ доставать можно, а всего паче, что женской полъ въ ономъ слишкомъ любострастію подверженъ и что находится въ ономъ превеликое множество молодыхъ женщинъ, упражняющихся въ безчестномъ рукодѣліи и продающихъ честь и цѣломудріе свое за деньги. Сей послѣдней слухъ въ особливости для многихъ былъ весьма прельстителенъ и они заблаговремянно тому радовались, что имѣть будутъ возжделѣннѣйшей случай къ насыщенію необузданныхъ страстей своихъ; а многіе съ тѣмъ и шли въ Кёнигсбергъ, чтобъ тотчасъ по пришествіи туда приискать себѣ хорошихъ любовницъ, или, по крайней мѣрѣ, побрать къ себѣ молодыхъ дѣвокъ на содержаніе. Все сіе они и непремину̀ли дѣйствительно исполнить. Неуспѣло и двухъ недѣль еще пройтить, какъ къ превеликому удивленію моему услышалъ я, что не осталось въ городѣ ни одного трактира, ни одного виннаго погреба, ни одного биліара и ни одного непотребнаго дома, которой бы господамъ нашимъ офицерамъ былъ уже неизвѣстенъ, но что не только всѣ они были у нихъ на перечотѣ, но весьма многіе свели уже отчасти съ хозяйками своими, отчасти съ другими тамошними жительницами, тѣсное знакомство; а нѣкоторые побрали уже къ себѣ и на содержаніе ихъ, и всѣ вообще уже утопали во всѣхъ роскошахъ и распутствахъ.

Удивленіе мое при услышаніи о семъ было неизреченное и тѣмъ вящее, что услышалъ я то же самое и о самыхъ почтенныхъ и такихъ людяхъ, которыхъ почиталъ я совсѣмъ къ таковой развратной жизни неспособными; а что того болѣе меня удивило, то отъ самыхъ сихъ людей не слыхалъ я тогда никакихъ уже порядочныхъ и разумныхъ разговоровъ, а всѣ рѣчи и слова и всѣ лутчія шутки и разговоры ихъ были объ однихъ играхъ, гуляньяхъ и о женщинахъ; и сіе доходило даже до того, что они, забывъ весь стыдъ, ни мало уже не стыдились хвастать и величаться другъ предъ другомъ своими безчинствами и распутствомъ, и, безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти, врали и мололи такой гнусной вздоръ, котораго разумному человѣку безъ отвращенія слышать было не можно. Но сего было еще не довольно, но они дѣлали еще того хуже, и, погрязнувъ сами по уши въ беззаконіи, прилагали наивозможнѣйшее стараніе втащить и другихъ въ сѣти таковой же мерзкой жизни, и не только поднимали на смѣхъ всѣхъ тѣхъ, кто не слѣдовалъ ихъ примѣру, но ими почти ругались и презирали оныхъ.

Извините меня, любезной пріятель, что я между дѣломъ разсказываю вамъ теперь такой гнусной вздоръ. Я здѣлалъ сіе для

того, чтобъ изобразить тѣмъ, въ какой опасности находился я тогда, живучи въ такомъ городѣ и между людьми таковаго сорта. Находясь въ такихъ точно лѣтахъ, въ которыя наиболѣе человѣки подвержены бываютъ всей пылкости возжелѣній любострастныхъ и далеко еще не въ состояніи владычествовать надъ страстьми своими и повиноваться предписаніямъ здраваго разума; имѣя случай всякой день слышать безстыднѣйшіе и любострастные разговоры, видѣть наисоблазнительнѣйшіе примѣры, могущіе развратить и наидобродѣтельнѣйшаго человѣка, а что того еще паче, претерпѣвать самыя насмѣшки и шпынянья отъ всѣхъ друзей и товарищей своихъ за то, для чего я имъ во всѣхъ ихъ распутствахъ не сотовариществую— при такихъ обстоятельствахъ, говорю, не легко ли могъ и я съ пути добродѣтели сбиться и ввалиться въ бездну пороковъ? Ахъ! я и дѣйствительно былъ такъ отъ того не далекъ, что малаго и очень малаго недоставало къ тому, чтобъ здѣлаться и мнѣ такимъ же шалуномъ и распутнымъ человѣкомъ, и единая невидимая рука Господня спасла и не допустила меня въ таковой же тинѣ мерзостей и беззаконій погрязнуть, въ которую погрузили себя всѣ почти наши офицеры.

И подлинно, любезной пріятель, когда приходятъ мнѣ на мысль тогдашнія времяна, то и понынѣ не могу довольно надивиться тому, какимъ образомъ я тогда отъ сего зла свободился. Цѣлому стеченію многихъ и разныхъ особливыхъ обстоятельствъ надлежало быть къ тому, чтобъ избавить меня отъ тѣхъ опасностей, которыми я окруженъ былъ, и рукѣ Господней, или паче Промыслу Его, пекущемуся обо мнѣ, принуждено было насильно исторгнуть меня изъ средины общества людей, толико развращенныхъ и опасныхъ, и учинивъ со мною то, чего мнѣ никогда и на умъ не приходило, доставить такое мѣсто и вплесть въ такія обстоятельства, которыя долженствовали сами собою поспѣшествовать къ моему спасенію

Но какъ все сіе для васъ не весьма понятно, то объясню вамъ дѣло сіе короче и разскажу обстоятельнѣе о сей весьма важной епохѣ моей жизни и обо всемъ томъ, что къ спасенію моему тогда поспѣшествовало.

Напервѣйшимъ обстоятельствомъ, помогавшимъ мнѣ много въ тогдашнее время, была та преждеупоминаемая, врожденная въ меня натуральная застѣнчивость и стыдливость, которой подверженъ я былъ съ малолѣтства, и которая и тогда такъ еще была велика, что для меня всегда превеликая комисія была, естли случалось иногда бывать съ незнакомыми женщинами вмѣстѣ и упражняться съ ними въ разговорахъ. Самое сіе и предохраняло меня отъ той дерзости, наянства и отваги, каковую другіе мои братья имѣли и при помощи которой могли они тотчасъ сводить съ ними лады и знакомство, и которая вводила ихъ во всѣ безпутствы. Что касается до меня, то былъ я въ таковыхъ случаяхъ сущею красною дѣвкою, и мнѣ совѣстно и стыдно было и наималѣйшія производить съ ними шутки и издѣвки, а того меньше начинать съ ними какія-нибудь вольности. Къ сему весьма много поспѣшествовало и то, что какъ съ малолѣтства имѣлъ я случай читать нѣкоторыя поемы и любовныя исторіи, въ конхъ любовь изображена была нѣжная, чистая и непорочная, а не грубая и распутная; то, напоившись сими мыслями, имѣлъ я объ ней самыя нѣжныя, романтическія понятія, и потому такое обхожденіе съ женщинами, какое видалъ я у другихъ, казалось мнѣ слишкомъ грубымъ, гнуснымъ и подлымъ, и я никакъ не могъ себя пріучить къ вольному и къ такому наглому и безстыдному обхожденію съ ними, какъ другіе. Но для меня превеликая комисія была и начинать говорить съ ними, а особливо съ незнакомыми, и самаго сего не могъ я никогда учинить, незакраснѣвшись и не здѣлавъ себѣ превеликаго насилія—черта характера, хотя сама по себѣ смѣшная, но обращавшаяся мнѣ во всю мою жизнь въ превеликую пользу.

Другимъ, весьма много помогшимъ мнѣ обстоятельствомъ была та щастливая

случайность, что на обѣихъ моихъ квартирахъ не было ни одной молодой женщины и дѣвки, могущей привлечь къ себѣ вниманіе молодого человѣка, а естли и были женщины, такъ все старыя и дурныя. Чрезъ сіе избавился я случайнымъ образомъ не только самъ отъ поводовъ къ искушенію, могущихъ, какъ извѣстно, всего болѣе дѣйствовать и доводить человѣка до всего худова, но вкупѣ и отъ частаго посѣщенія своихъ товарищей; ибо у нихъ то въ обыкновеніе уже вошло, чтобъ къ тому изъ своей братьи и ходить и того чаще и навѣщать, у кого на квартирѣ были хорошія хозяйскія дѣвки, и у таковыхъ были у нихъ обыкновенно зборища. А поелику у меня на квартирѣ не было ничего для нихъ привлекательнаго, то и не имѣли они охоты часто меня посѣщать и просиживать долго, а буде когда и захаживали, такъ наиболѣе для подзыванія съ собою иттить гулять.

Третьимъ обстоятельствомъ, удерживавшимъ меня отъ распутной жизни, было то, что не успѣлъ я смѣниться съ караула, какъ на другой день послѣ того случилось мнѣ видѣть погребеніе одного молодого офицера, стоявшаго тутъ до насъ другова полка и умершаго наижалостнѣйшимъ образомъ отъ венерической болѣзни, нажитой имъ во время стоянія въ семъ городѣ. Сіе зрѣлище, также всеобщая молва и удостовѣренія отъ многихъ, что никто почти изъ офицеровъ, упражнявшихся въ такомъ же рукомеслѣ, цѣлымъ не оставался, но всѣ какой-нибудь изъ гнусныхъ болѣзней сихъ здѣлались подверженными, впечатлѣло въ сердцѣ моемъ такой страхъ и отвращеніе, что я тогда же еще самъ въ себѣ положилъ наивозможнѣйшимъ образомъ отъ всѣхъ тамошнихъ женщинъ убѣгать и отъ нихъ, какъ отъ нѣкоего яда и заразы, страшиться и остерегаться. А сіе много мнѣ и помогало въ тогдашнее опасное время и притчиною тому было, что я никакъ не соглашался дѣлать подзывающимъ нерѣдко меня товарищамъ своимъ компанію и ходить вмѣстѣ съ ними въ сумнительные и подозрительные домы, но охотнѣе сидѣлъ и упражнялся въ своихъ работахъ.

Но всѣ сіи обстоятельства, и ниже самая охота моя къ книгамъ и ко всякимъ любопытнымъ упражненіямъ, не въ состояніи-бъ была спасти меня отъ нихъ и отъ всѣхъ соблазновъ и искушеній, какимъ почти ежедневно подверженъ я былъ отъ сихъ моихъ товарищей и друзей, употребляющихъ даже самыя хитрости и обманы для запутанія меня въ сѣти, естлибъ не вступила въ посредство самая судьба и невидимою рукою не отвлекла меня отъ пропасти, на краю которой я находился. Она учинила сіе, произведя вдругъ совсѣмъ неожидаемую въ обстоятельствахъ моихъ и такую перемѣну, которая отлучила меня отъ прежнихъ товарищей моихъ, толико мнѣ опасныхъ, и положила препону къ частому съ ними свиданію, и произвела сіе слѣдующимъ образомъ:

Какъ правленіе всѣмъ королевствомъ Прускимъ зависѣло тогда отъ насъ, но для управленія онымъ не опредѣлено еще было никакова особаго человѣка, а носился только слухъ, что присланъ будетъ особой губернаторъ—то до того времяни управлялъ всѣми дѣлами, относящимися до внутренняго управленія симъ государствомъ, а особливо до собиранія податей и доходовъ, нѣкто изъ нашихъ бригадировъ, по имени Нумерсъ. У сего человѣка были тогда въ вѣдомствѣ всѣ прускія правленія, коллегіи и канцеляріи; но какъ всѣ они наполнены были тамошними судьями и канцелярскими служителями, нашихъ же никого съ ними не было, то хотѣлось ему давно имѣть въ тамошней каморѣ, имѣющей въ вѣдомствѣ своемъ всѣ государственные доходы, кого-нибудь изъ своихъ офицеровъ, разумѣющихъ нѣмецкой языкъ и могущаго записывать всѣ вступающіе приходы и расходы и вносить въ особливыя, данныя отъ него книги. Таковаго человѣка давно онъ уже искалъ; но какъ въ полкахъ, стоявшихъ тутъ до насъ, не было никого къ тому способнаго, то по пришествіи нашего полку началъ онъ разспрашивать и распровѣдывать, нѣтъ ли у насъ таковаго.

Такъ случилось, что поговорить ему о томъ вздумалось съ самимъ моимъ капитаномъ, господиномъ Гневушёвымъ, отправлявшимъ тогда должность плацъ-маіора въ городѣ, и судьбѣ было угодно, чтобъ сему человѣку не съ другова слова рекомендовать къ тому меня. Онъ, любя меня, насказалъ столько обо мнѣ и о способностяхъ моихъ помянутому бригадиру, что онъ на другой же день отъ полку меня истребовалъ и тотчасъ препоручилъ мнѣ вышеупомянутую комисію.

Нельзя довольно изобразить, какъ удивился я, получивъ отъ полку вдругъ, и противъ всякаго чаянія моего, приказаніе, чтобъ явиться къ бригадиру Нумерсу, а въ полку чтобъ числить меня въ отлучкѣ. Я не зналъ тогда, что̀ это значило и зачѣмъ меня къ нему посылали. Но какъ во все продолженіе моей службы я за правило себѣ поставлялъ, чтобъ, не вѣдая гдѣ можно найтить и гдѣ потерять, никогда самому собою ни въ какую команду не набиваться, а куда станутъ посылать—не отбиваться, то безъ прекословія повиновался я сему повелѣнію и на другой же день явился къ моему новому командиру.

Господинъ Нумерсъ принялъ меня очень ласково и, поговоривъ со мною нѣсколько по-нѣмецки, приказалъ мнѣ, чтобъ я что-нибудь написалъ; и какъ я по-нѣмецки писалъ нарочито хорошо, то, сколько казалось, рукою моею былъ онъ очень доволенъ. Онъ въ тотъ же часъ поѣхалъ со мною въ камору и отдалъ меня на руки одному старичку, совѣтнику, по имени Бруно, приказавъ ему препоручить мнѣ то дѣло, о которомъ онъ съ нимъ давно уже говорилъ, и имѣть за мною смотрѣніе.

Старичокъ сей показался мнѣ весьма тихимъ и добренькимъ человѣчкомъ. Онъ, обласкавъ меня, отвелъ тотчасъ въ особливую и въ побочную подлѣ себя комнату и асигновалъ мнѣ для сидѣнія мѣсто. И какъ книги бѣлыя были у нихъ уже готовы, то и показалъ мнѣ, какъ и что̀ мнѣ въ нихъ писать, и далъ всѣ нужныя наставленія, почему и долженъ я былъ тогда же начинать свою работу и списывать съ нихъ по-нѣмецки, что̀ было предписано.

Такимъ образомъ здѣлался я вдругъ изъ военнаго человѣка приказнымъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть дѣло уже не съ ружьемъ, а съ перомъ и чернилами. Перемѣна сія была мнѣ тогда не весьма пріятна. Комисія моя была хотя и не трудная и состояла только въ переписываніи тетратей съ щотами, даваемыхъ мнѣ отъ помянутаго старичка, въ бѣлыя шнуровыя книги, но обстоятельство, что я принужденъ былъ ходить въ камору всякой день и сидѣть въ ней не только все утро до обѣда, но и послѣ обѣда, до самаго почти вечера, и ничего иного не дѣлать, какъ писать и переписывать такое, что̀ не лѣзло совсѣмъ въ мою голову и было для меня непонятно; а что̀ того хуже—сидѣть одинъ и въ сущемъ уединеніи, въ превеликой, скучной и темной палатѣ, освѣщаемой только двумя закоптѣвшими окнами съ желѣзными рѣшотками и при томъ еще не подъ окнами, а въ удаленіи отъ оныхъ — слѣдовательно, сидѣть какъ птичка въ заперти, и препровождать наилутчее вешнее время въ году не только въ безпрерывныхъ трудахъ и работѣ, но и въ прескучномъ уединеніи, не имѣя никого съ кѣмъ бы могъ промолвить слово: сіе обстоятельство, говорю, было мнѣ, а особливо сначала, когда дѣла было очень много, очень и очень непріятно, и заставливало не одинъ разъ тужить о потерянной вольности, которою пользовался я до того времяни, и коею тогда могъ уже наслаждаться только въ одни праздничные и воскресные дни, да въ немногіе часы въ полдни и передъ вечеромъ.

Совсѣмъ тѣмъ была премѣна сія въ обстоятельствахъ моихъ мнѣ существительно полезна, и я и понынѣ не могу еще довольно возблагодарить судьбу, что она со мною тогда сіе учинила, ибо я избавился чрезъ то отъ всѣхъ прежнихъ моихъ опасностей; ибо какъ меня никогда не было дома, то всѣ прежніе мои друзья и товарищи мало по-малу и отучились приходить ко мнѣ то-и-дѣло, для посѣщенія

и подзыванія меня съ собою въ трактиры и другія увеселительныя мѣста для гуляпья; а составивъ уже между собою обществы и ватаги, упражнялись одни въ своихъ забавахъ и утѣхахъ, меня же, какъ нѣкоторымъ образомъ отъ полку отлученнаго и къ обществу ихъ непринадлежащаго, оставили съ покоемъ и къ ватагамъ своимъ не пріобщали, чѣмъ я весьма былъ и доволенъ.

Другая и напважнѣйшая польза проистекла отъ сей перемѣны та, что симъ пребываніемъ моимъ въ каморѣ власно какъ проложенъ былъ мнѣ путь къ другой, послѣдующей затѣмъ и гораздо еще важнѣйшей перемѣны, которая обратилась мнѣ въ безконечную пользу, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ.

Такимъ образомъ, здѣлавшись, противъ всякаго чаянія, оторваннымъ и независимымъ отъ полку, началъ я провождать совсѣмъ новой и для меня необыкновенной родъ жизни, которая сначала хотя показалась мнѣ весьма скучною, но какъ ко всему привыкнуть можно, то въ короткое время здѣлалась мнѣ нарочито сносною, и я ни мало уже на нее не жаловался, но, привыкнувъ мало-по-малу къ тихой и уединенной жизни, сталъ находить въ оной нѣсколько и удовольствія. Все тогдашнее мое время препровождаемо было слѣдующимъ образомъ: въ каждой день поутру, вставши и напившись чаю и одѣвшись, отправлялся я въ путь къ своей каморѣ. Разстояніе отъ ней до моей квартиры было хотя немалое и простиралось болѣе нежели на полторы версты, однако хаживалъ я обыкновенно одинъ и пѣшечкомъ, и какъ, по щастію, кратчайшей путь туда лежалъ по хорошимъ улицамъ и мостовымъ, то путешествія сіи никогда мнѣ не наскучивали, но хожденіе сіе послѣшествовало еще много моему здоровью. Пришедъ въ камору, садился я обыкновенно за свой столъ и, не сходя съ мѣста, проработывалъ до самаго перваго часа. Въ сіе время надоѣдало мнѣ только нѣсколько мое уединеніе; ибо главные покои сей каморы, гдѣ было множество писцовъ, были отъ того мѣста, гдѣ я сидѣлъ, нѣсколько удаленны, а тутъ находились только три комнаты, изъ коихъ въ одной сидѣлъ помянутой старичокъ, совѣтникъ, у котораго былъ я подъ надзираніемъ, въ другой я, а въ третей, маленькой, главной приходчикъ или принимателъ собираемыхъ доходовъ. Но какъ въ нѣмецкихъ канцеляріяхъ совсѣмъ не такія обыкновенія, какъ у насъ, и всѣми канцелярскими служителями не предпринимаются никакія вольности въ разговорахъ и не препровождается время въ смѣхахъ и балагуреньяхъ, но всякой изъ нихъ сидитъ какъ вкопанной на своемъ мѣстѣ и занимается своимъ дѣломъ наиприлежнѣйшимъ образомъ, и у нихъ не только нѣтъ никогда шума и сумятицы, но наблюдается во всемъ благопристойность, тихость и совершенной порядокъ — то и помянутые оба сосѣди мои занимались всегда и столь прилежно своими дѣлами, что мнѣ въ цѣлыя сутки не удавалось иногда промолвить съ ними единаго слова; о вступленіи-жъ въ какіе-нибудь разговоры и помыслить было не можно. Сверхъ того, не только сіи господа, но и всѣ лутчіе жители города Кёнигсберга вообще имѣли какъ-то нѣкоторое отвращеніе отъ всѣхъ насъ, русскихъ, и власно какъ умышленно старались всячески отъ насъ и отъ повѣреннаго, откровеннаго и дружелюбнаго обхожденія съ нами убѣгать и удаляться, почему и неудивительно, что хотя я немалое время при сей должности въ каморѣ пробылъ и хотя, оказывая обоимъ моимъ сосѣдямъ возможнѣйшее учтивство, всячески старался съ ними сколько-нибудь поближе познакомиться, однако всѣ мои старанія были тщетны. Они соотвѣтствовали мнѣ таковыми-жъ только учтивостями, но болѣе сего не могъ я ничего отъ нихъ добиться; ибо хотя я и ежедневно ожидалъ, чтобъ которой-нибудь пригласилъ меня изъ нихъ когда не обѣдать, такъ по крайней мѣрѣ на чашку кофея или чая, однако не могъ я сего отъ нихъ никогда дождаться; самому же понаяниться и къ нимъ безъ зову ходить казалось мнѣ непристойно. Словомъ, они

казалиесь мнѣ сущими бирюками. Но таковыхъ же бирюковъ нашолъ я и въ присудствующихъ въ тамошней рентереи и соляной конторѣ, въ которыя чрезъ нѣсколько дней долженъ я былъ ходить и по нѣскольку часовъ просиживать въ таковомъ же дѣлѣ, т.-е. въ записываніи тамошнихъ рентерейныхъ и соляныхъ доходовъ въ особыя книги. Въ обоихъ сихъ присудственныхъ мѣстахъ, находившихся въ томъ же замкѣ, гдѣ была и камора, дѣлами управляли два стариченца, но оба они еще нелюдимѣе и несловоохотнѣе были моихъ сосѣдей, такъ что я отъ сихъ могъ ожидать еще меньше, нежели отъ прежнихъ, ласки и дружелюбія.

Все сіе сначала меня крайне удивляло, и я не однажды самъ въ себѣ съ досадою помышлялъ и говорилъ:— «что это за бирюки и за черти здѣсь сидятъ! ни къ кому изъ нихъ нѣтъ приступу и ни отъ кого не добьешься никакого дружелюбія и ласки»; но послѣ, какъ узналъ короче весь пруской народъ и кёнигсбергскихъ жителей, то престалъ тому дивиться и приписывалъ уже сіе не столько ихъ нелюдимости, сколько общему ихъ (не)расположенію ко всѣмъ россіянамъ, къ которымъ хотя наружно оказывали они всякое почтеніе, но внутренно почитали ихъ себѣ непріятелями, и потому отъ дружелюбнаго и откровеннаго съ ними обхожденія удалялись; а сверхъ того, умѣренной и воздержной родъ ихъ жизни, удаленной отъ всякихъ роскошей и излишествъ, имѣлъ въ томъ великое соучастіе.

Но я удалился уже отъ порядка моего повѣствованія, и теперь, возвращаясь къ оному, скажу, что, препроводивъ помянутымъ образомъ все утро въ безпрерывномъ и скучномъ писаніи, по пробитіи двѣнатцати часовъ выхаживалъ я, вмѣстѣ съ протчими, изъ каморы и возвращался на квартиру. Тутъ находилъ я всегда солдатской свой обѣдъ, изготовленной людьми моими, уже готовымъ, которой хотя не таковъ былъ сладокъ, какъ мнимой пруской, но я никогда голоднымъ не вставалъ изъ-за стола. Потомъ принимался я тотчасъ за рисованье, и препроводивъ въ ономъ и въ другихъ любопытныхъ упражненіяхъ съ часъ и болѣе времяни, по пробитіи двухъ часовъ отправлялся опять въ путь въ свою камору и просиживалъ тамъ до самаго почти вечера. По выходѣ же изъ оной и возвратившись домой, хаживалъ прогуливаться на корабельную пристань и въ другія, близъ находящіяся мѣста, а особливо по берегу рѣки Прегеля, и сматривалъ на плавающія по рѣкѣ суда и на множество народа, упражняющагося на берегахъ въ нагруживаніи и выгрузкѣ судовъ. Когда же случалось день воскресной или праздничной, въ которой въ каморѣ не было засѣданія, тогда весь день употреблялъ я либо на рисованье, либо на разгуливанье по всему городу и по всѣмъ лутчимъ частямъ онаго. Хаживалъ иногда къ старичку, своему полковнику, которой унималъ иногда меня у себя обѣдать и бралъ съ собою вмѣстѣ гулять въ наилутчей и славной тамошней Сатургусовъ садъ, о которомъ уномяну я подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а какъ и кромѣ сего были въ семъ городѣ другіе сады, въ которыхъ всякому гулять было можно, то отыскивая оные, хаживалъ иногда и въ оные гулять. Въ трактиры же очень рѣдко захаживалъ, и то развѣ для того, чтобъ напиться чаю и кофея и почитать газетъ иностранныхъ; и какъ газеты тогдашняго времяни были весьма любопытны, и я узналъ, что издавались они и тутъ въ городѣ, то непреминулъ я взять и для себя оныя и насыщать ими свое любопытство.

Симъ образомъ, привыкнувъ къ сему новому и уединенному роду жизни, препроводилъ я нѣсколько недѣль въ наиспокойнѣйшемъ состоянiи и жилъ, прямо можно сказать, въ мирѣ и тишинѣ и былъ состояніемъ своимъ доволенъ. Отъ прежнихъ же своихъ товарищей здѣлался я такъ удаленъ, что и свѣдѣнія не имѣлъ, что у нихъ между собою происходило, да и узнать то всего меньше старался.

Но теперь время мнѣ письмо свое кончить и сказать вамъ, что я есмь и протчее.

ОПИСАНІЕ КЕНИГСБЕРГА. ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 60.

Любезной пріятель! Какъ въ теченіе тѣхъ недѣль, которыя, находясь при каморѣ, препроводилъ я вышеупомянутымъ образомъ въ мирѣ, тишинѣ и спокойствіи, имѣлъ я довольно времяни и случаевъ осмотрѣть и узнать Кёнигсбергъ, то постараюсь я теперь исполнить то, что упустилъ въ предслѣдующихъ письмахъ и описать вамъ сей столичной пруской городъ, дабы вы получили о немъ нѣкоторое ближайшее понятіе.

Городъ сей лежитъ посреди всего королевства Прускаго и можетъ почесться приморскимъ, ибо хотя стоитъ онъ и не подлѣ самаго моря, и открытое Балтійское Море отъ него не ближе семидесяти верстъ; но какъ между онымъ и моремъ находится узкой и предлинной заливъ, называемой Фрижскимъ Гафомъ и въ сей заливъ впадаетъ рѣка Прегель, отъ устья которой неподалеку Кёнигсбергъ на брегахъ оной воздвигнутъ, рѣка же сія довольно глубока, то и пользуется онъ тою выгодою, что всѣ морскія купеческія суда и галіоты доходятъ помянутымъ гафомъ и рѣкою до самаго онаго, и тутъ производятъ свою комерцію или торговлю.

Помянутая рѣка протекаетъ сквозь самой сей городъ, и какъ она въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ построенъ, раздѣлившись на многіе рукава, произвела нѣсколько обширныхъ и большихъ острововъ, то сіе служитъ сему городу въ особливую выгоду. Нѣкоторые изъ сихъ ровныхъ и низменныхъ острововъ, перерытыхъ многими каналами, покрыты наипрекраснѣйшими сѣнокосными лугами, производящими наигустѣйшую ѣдкую и хорошую траву, которая въ особливости достопамятна тѣмъ, что жители кёнигсбергскіе пріуготовляютъ изъ нея особеннаго рода крупу, извѣстную у нихъ подъ именемъ «шваденгрицъ». Они въ лѣтнее время, когда вырастаютъ на травѣ сей волоти, похожія на наши костеревыя или роженчиковы, обсѣкаютъ оныя ситами и решетами и потомъ, высушивъ, обрушиваютъ изъ нихъ крупу, имѣющую наипріятнѣйшей вкусъ въ кашѣ. Осенью покрыты сіи мѣста нѣсколькими тысячами пасомаго на нихъ скота и лошадей. Самые же ближніе къ городу острова заняты разными городскими строеніями, и изъ нихъ въ особливости замѣчанія достоинъ обширной и посреди самаго города находящейся круглой островъ, потому что весь оной застроенъ сплошнымъ и превысокимъ каменнымъ строеніемъ и составляетъ особую и наилутчую часть города.

Впротчемъ, городъ сей довольно обширенъ, имѣетъ въ себѣ великое число жителей и обнесенъ вокругъ землянымъ валомъ съ бастіонами, а въ сторонѣ къ морю, по лѣвую сторону рѣки Прегеля, здѣлана небольшая регулярная четвероугольная крѣпость или цитадель, называемая Фридрихсбурхомъ, съ установленными вокругъ пушками. Но всѣ сіи укрѣпленія не составляютъ дальной важности; ибо какъ по великой обширности города содержаніе всѣхъ валовъ въ хорошемъ порядкѣ сопряжено-бъ было съ великимъ коштомъ, то и съ многочисленнымъ гарнизономъ не можетъ сей городъ порядочной и долговремянной осады вытерпѣть, и потому почесться можетъ онъ болѣе открытымъ купеческимъ и торговымъ городомъ, нежели крѣпостью. Совсѣмъ тѣмъ, вездѣ при въѣздахъ подѣланы были порядочныя городскія вороты и при оныхъ содержались строгіе караулы.

Что касается до внутренности сего города, то она раздѣляется сперва на самой городъ и на нѣсколько обширныхъ форштатовъ, кои, однако, не отдѣлены отъ города никакою особою стѣною, но совокупно съ ними окружены вышеупомянутымъ земляным валомъ, а отличны отъ города только тѣмъ, что въ нихъ строенія не таковы хороши и не таковы высоки, какъ въ городѣ, а притомъ наиболѣе состоятъ изъ фахверковъ или кирпичныхъ мазанокъ, какъ, напротивъ того, въ самомъ городѣ находятся уже все

сплошныя и о нѣсколькихъ этажей каменные домы, сплощенные между собою наитѣснѣйшимъ образомъ.

Впротчемъ, сей внутренней и лутчей городъ имѣетъ въ себѣ три главныя отдѣленія или части, извѣстныя у нихъ подъ именемъ «Альтштата», или стараго города, Кнейпгофа, которая часть находится на вышеупомянутомъ острову, и «Лебенихта». Каждая изъ сихъ частей составляетъ нѣкоторымъ образомъ особой городъ, ибо каждая имѣетъ особую свою ратушу, особую соборную церковь, особыя свои публичныя зданія, особую торговую площадь и особое городское начальство. Что касается до такъ-называемыхъ «форштатовъ», то сіи состоятъ изъ предлинныхъ и довольно широкихъ улицъ, простирающихся отъ помянутыхъ главныхъ частей города въ разныя стороны. Главнѣйшія изъ нихъ называются: Розгартенъ, Траггеймъ, Сакгеймъ, Штейндамъ, Габербергъ и нѣкоторыя иныя. Всѣ сіи форштаты, кромѣ нѣсколькихъ дворянскихъ домовъ, разсѣянныхъ по онымъ, состоятъ изъ посредственныхъ и только въ два этажа построенныхъ домовъ.

Наизнаменитѣйшимъ изъ всѣхъ въ Кёнигсбергѣ находящихся зданій можно почесть такъ-называемой «Замокъ», или дворецъ прежнихъ герцоговъ прускихъ. Огромное сіе и, по древности своей, пышное зданіе, воздвигнуто на высочайшемъ бугрѣ или холмѣ, посреди самаго города находящагося. Оно здѣлано четвероугольное, превысокое и имѣетъ внутри себя четверосторонную, нарочито просторную площадь и придаетъ всему городу собою украшеніе, и тѣмъ паче, что оно со многихъ сторонъ, а особливо изъ-за рѣки, сверхъ всѣхъ домовъ видимо. Въ одномъ изъ четырехъ его боковъ, или фасовъ, во второмъ этажѣ находятся старинные герцогскіе покои, состоящіе во многихъ залахъ и пространныхъ комнатахъ, которыя и въ нашу еще бытность обиты были тѣми старинными ткаными обоями, которыя находились еще въ то время, когда въ оныхъ принимань былъ государь Петръ I-й, когда онъ путешествовалъ съ Лефортомъ по разнымъ землямъ въ посольской свитѣ, и въ коихъ покояхъ имѣютъ пребываніе свое Прускіе короли, когда они, по вступленіи на престолъ, пріѣжжаютъ въ Кёнигсбергъ для принимания присяги, которая пышная церемонія производится на помянутой, внутри сего замка находящейся площади; а въ протчее время живали въ сихъ покояхъ главные правители и командиры надъ войсками, въ семъ королевствѣ находившимися, какъ и предъ вступленіемъ нашимъ жилъ въ оныхъ фельдмаршалъ ихъ, Левальдъ. Совсѣмъ тѣмъ во всѣхъ сихъ покояхъ не только нѣтъ никакова дальнаго въ убранствахъ великолѣпія, но они низковаты, темны и крайне-невеселы, что, можетъ быть, и подало поводъ прежнимъ государямъ Прускимъ одинъ и лутчей уголъ сего замка передѣлать и прибавить еще вверхъ два огромныхъ этажа. Но неизвѣстно, для чего оба сіи этажа остались какъ-то неотдѣланными совсѣмъ, а только отработанными вчернѣ, и уже мы въ послѣдующіе годы постарались сами одинъ изъ сихъ этажей отдѣлать и убрать такъ, что непостыдно было никому, и даже самимъ королямъ въ немъ жить. Въ нижнемъ этажѣ сего фаса находились кладовыя, кухни, караульни и, наконецъ, на углу самая та камора, въ которую я хаживалъ.

Оба другіе и боковые фасы содержали въ себѣ множество покоевъ, стоящихъ отчасти впустѣ, отчасти занятыхъ разными гражданскими главными правительствами и присудственными мѣстами, а иные покои служили вмѣсто магазиновъ, для разныхъ поклажъ.

Что-жъ касается до послѣдняго и четвертаго фаса, лежащаго насупротивъ герцогскихъ покоевъ, то вся внутренность его занята одною преогромной величины киркою, или придворною церковью, въ которой въ каждое воскресенье отправлялась два раза божественная служба и собиралось великое множество народа.

Наконецъ, на одномъ углу сего фаса воздвигнута превысочайшая и претолстая четвероугольная башня, неимѣющая ни-

какова шпица и купола; на плоскомъ ея верхѣ выставлялось только большое знамя, или флагъ. Тутъ, подъ самымъ верхомъ, здѣланы небольшіе покойцы, и въ нихъ имѣютъ всегдашнее жительство нѣсколько человѣкъ трубачей и другихъ музыкантовъ. Должность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы содержать на верху сей башни безпрерывной караулъ и смотрѣть, не здѣлается ли гдѣ пожара, которой какъ скоро они усмотрятъ, то того момента начинаютъ играть на своихъ трубахъ особливыя пожарныя и набатныя штуки; и дабы народъ издали могъ видѣть и знать, въ которой сторонѣ пожаръ, то днемъ въ ту сторону наклоняютъ помянутое знамя, а въ ночное время высовываютъ въ ту сторону шестъ съ висящимъ на немъ большимъ фонаремъ, чрезъ что народъ и узнаетъ, въ которую сторону должно ему бѣжать для погашенія пожара. Сіе случалось самимъ намъ видать при бывшихъ при насъ нѣсколько разъ пожарахъ, и признаться надобно, что учрежденіе сіе у нихъ похвально и хорошо.

Кромѣ сего, примѣчанія достойно, что подъ сею башнею и въ самомъ семъ углѣ находится у нихъ публичная и старинная библіотека, занимающая нѣсколько просторныхъ палатъ и наполненная нѣсколькими тысячами книгъ. Книги сіи по большой части старинныя и отчасти рукописныя; и мнѣ случалось видѣть очень рѣдкія, писанныя древними монахами весьма чистымъ и опрятнымъ полууставнымъ письмомъ, украшеннымъ разными фигурами и украшеніями изъ живѣйшихъ красокъ; а что того удивительнѣе, то многія изъ нихъ прикованныя къ полкамъ, на длинныхъ желѣзныхъ цѣпочкахъ, на тотъ конецъ, дабы всякому можно было ихъ съ полки снять и по желанію разсматривать и читать, а похитить и съ собою унесть было-бъ не можно. Библіотека сія въ лѣтнее время въ каждую недѣлю, въ нѣкоторые дни, отворялась, и всякому вольно было въ нее приходить, и хотя цѣлой день въ ней сидѣть и читать любую книгу, а наблюдали только, чтобъ кто съ собою не унесъ которой-нибудь изъ оныхъ; и дабы чтеніемъ симъ можно-бъ было удобнѣе всякому пользоваться, то поставлены были посреди палаты длинные столы съ скамейками вокругъ, и многіе, а особливо ученые люди и студенты, и дѣйствительно пользовались симъ дозволеніемъ, и мнѣ случалось находить ихъ тутъ человѣкъ по десяти и по двадцати, упражняющихся въ чтеніи.

Кромѣ книгъ показываются въ библіотекѣ сей нѣкоторыя и иныя рѣдкости, но весьма немногія; и наидостойнѣйшія замѣчанія были портреты Мартина Лютера и жены его Катерины Деворы, о которыхъ увѣряли, яко-бы они писаны съ живыхъ оныхъ.

Наконецъ, входовъ и въѣздовъ въ сей замокъ только два: одинъ съ передняго фаса, большой, наподобіе городскихъ воротъ, тёмной, подъ палатами, а другой подъ киркою, маленькой, и равно какъ потаенной. А сверхъ того, было въ камору наружное крыльцо съ портикомъ для прямѣйшаго входа въ оную.

Противъ чемъ, передъ замкомъ находилась небольшая площадь, съ которой въ разныя стороны простирались три большихъ и нѣсколько маленькихъ и кривыхъ улицъ. Одна изъ большихъ шла въ сторону, кругомъ замка, къ Штейндамскому форштату и знаменита тѣмъ, что на оной стоятъ наилутчіе и огромнѣйшіе каменные домы, принадлежащіе наизнаменитѣйшимъ прускимъ вельможамъ и нѣсколькимъ принцамъ и графамъ; а другая, ведущая къ Розгартенскому предмѣстью, называлась «французскою» и достонамятна отчасти тѣмъ, что жили въ ней все французы и имѣли подъ домами своими наилутчія французскія лавки со всякими товарами; отчасти же тѣмъ, что построена была вся на пришрокой плотинѣ одного предлиннаго и пришрокаго пруда посреди города, неподалеку отъ города находящагося и на одной небольшой рѣчкѣ, впадающей со стороны въ Прегель, запруженного. Улица сія была весьма хороша и такъ построена, что никакъ узнать было не можно, что она находилась на плотинѣ, ибо за сплошнымъ каменнымъ строеніемъ

воды вовсе не видать было. Что-жъ касается до третей большой, то сія шла подъ гору въ ту часть города, которая называлась Альтштатомъ.

Что принадлежитъ до сихъ главныхъ частей города, то первая, называемая «Альтштатомъ», или старымъ городомъ, находилась подъ горою между замкомъ и рѣкою Прегелемъ и состояла вся изъ превысокихъ, узкихъ и сплошь другъ подлѣ друга въ нѣсколько этажей построенныхъ каменныхъ домовъ, раздѣляющихся на нѣсколько кварталовъ узкими, темными и на большую часть кривыми улицами, какія вездѣ въ старинныхъ европейскихъ городахъ были въ обыкновеніи. Посреднѣ же въ сей части находилась нарочито просторная, четвероугольная, продолговатая площадь, окруженная вокругъ такими-жъ сплошными высокими домами. Площадь сія достопамятна тѣмъ, что въ концѣ оной находятся наилутчіе ряды или лавки, съ разными товарами, а на самой площади въ каждую недѣлю, по суботамъ, производились торги мясами и другими съѣстными припасами. И въ сіи дни площадь сію никакъ узнать не можно, ибо вся она въ одинъ часъ застроивалась множествомъ маленькихъ деревянныхъ, но порядочныхъ разборныхъ лавочекъ, которыя всѣ подъ вечеръ паки разбирались и площадь къ воскресенью очищалась такъ, что на ней не было ни одной соринки. Сіе обыкновеніе показалось намъ сначала очень странно, но послѣ не могли мы тѣмъ довольно налюбоваться.

Къ знаменитѣйшимъ публичнымъ зданіямъ, въ сей части находящимся, можно почесть, во-первыхъ, соборную ихъ церковь или кирку, которая была хотя старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ съ превысокимъ шпицомъ, но имѣла въ себѣ пребогатые органы, стоющіе нѣсколько десятковъ тысячъ и достойные зрѣнія; во-вторыхъ, главнѣйшая городская ратуша, составляющая довольно великое и порядочное зданіе, воздвигнутое подлѣ самой площади. Для содержанія подлѣ оной караула, было у нихъ нѣсколько десятковъ человѣкъ городскихъ престарѣлыхъ солдатъ, которыхъ особливому и смѣшному мундиру мы довольно насмѣяться не могли. Въ-третьихъ, подлѣ той же площади находился у нихъ такъ-называемой общественной городской домъ, имѣющей въ себѣ нѣсколько покоевъ и одну преогромную залу, въ которыхъ отправлялись у нихъ общественныя совѣщанія и торжества, также свадебные балы, какъ о томъ упомянется впредь, когда я о сихъ свадьбахъ въ особливости пересказывать буду.

Что касается до второй части, называемой «Кнейпгофомъ», то сія уже многимъ знаменитѣе и лутче вышеупомянутой первой. Она находится, какъ уже прежде упоминаемо было, совсѣмъ на островѣ, окружена вокругъ водою и отдѣляется отъ Альтштата однимъ только узкимъ рукавомъ рѣки Прегеля. Строеніе въ оной хотя также сплошное каменное, съ узкими улицами, но улицы сіи уже нѣсколько прямѣе; а поелику живутъ въ ней всѣ наибогатѣйшіе купцы, то есть и домовъ хорошихъ множество. Но ни которая улица не достойна такого замѣчанія, какъ такъ-называемая «Длинная Кнейпгофская» которую наши прозвали «Миліонною».—Она пересѣкаетъ всю сію часть вдоль и имѣетъ сообщеніе съ обоими мостами, которыми связанъ островъ съ Альтштатомъ и Габербергскимъ форштатомъ и изъ коихъ одинъ глухой, а другой подъемной, для пропуску судовъ. Названіе сіе улицѣ сей и не неприлично, потому что изъ купцовъ, живущихъ на ней, есть многіе миліонщики, и улицу сію можно почесть наилутчею и богатѣйшею во всемъ городѣ; но дома и на ней всѣ сплошные, староманерные, превысокіе, этажей въ пять или въ шесть, и чрезвычайно узкіе, а единая ширина и прямизна придаетъ ей наилутчую красу.

Главная церковь въ сей части находится посреднѣ острова и достопамятна тѣмъ, что въ ней погребались прежніе прускіе герцоги и наизнаменитѣйшіе люди, и что она украшена многими прекрасными мавзолеями и надгробіями, так-

же увѣшана древними трофеями и знаменами. Въ переднемъ концѣ оной, за алтаремъ, здѣлана решетчатая желѣзная перегородка и за оною, посреди пространнаго ниша, воздвигнута высокая и широкая четвероугольная каменная гробница, на верху которой нѣкто изъ старинныхъ пруссихъ владѣтелей, лежащей въ полномъ ростѣ вмѣстѣ съ своею женою. Но сей мавзолей далеко не такъ хорошъ, какъ другой, находящейся въ самой церкви, подлѣ стѣны. Тутъ, за вызолоченною рештеткою, лежалъ надъ могилою своею нѣкто изъ древнѣйшихъ пруссихъ вельможъ, бывшей государственнымъ канцлеромъ, высѣченной съ преудивительнымъ искуствомъ, въ полномъ ростѣ изъ наибѣлѣйшаго мрамора. Онъ изображенъ лежащимъ, какъ живой, на боку, и въ такой одеждѣ, какую тогда нашивали, и, подпершись одною рукою, находился власно какъ въ глубокихъ размышленіяхъ. Все сіе изображено такъ искусно, что не можно было довольно тѣмъ налюбоваться; на стѣнѣ же, противъ сего мѣста, вставлена черная мраморная доска съ золотою латинскою епитафіею. Впротчемъ, кирка сія была хотя огромная, но самая старинная, построенная въ готическомъ вкусѣ.

Неподалеку отъ сей церкви находился славной кёнигсбергской университетъ и, поблизости его, дома тамошнихъ профессоровъ и другихъ ученыхъ людей. Но университетъ сей ни наружностью, ни внутренностью своею не могъ приводить въ удивленіе, ибо зданіе онаго было самое простое и старинное, и самая аудиторія не составляла никакой важности. Совсѣмъ тѣмъ, по существу своему, былъ сей университетъ не изъ послѣднихъ и училось въ немъ великое множество всякаго званія людей, и въ томъ числѣ много и знатныхъ.

Ратуша сей части города, также и общественной домъ не составляли дальной важности, а болѣе ихъ примѣчанія достойна была биржа, построенная на берегу подлѣ зеленаго подъемнаго моста. Она составляла превеликую залу съ сплошными почти окнами вокругъ, и въ ней сходятся всѣ купцы для разговариванія между собою о торговлѣ.

Что принадлежитъ до третей главной части города, носящей на себѣ званіе «Лебенихта», то сія находится рядомъ съ Альштатомъ, и всѣхъ протчихъ (менѣе) примѣчанія достойна. Я не нашолъ въ ней ничего особливаго, кромѣ католицкаго монастыря и церкви, довольно великой и гораздо болѣе украшенной, нежели лютеранскія.

Разсказавъ симъ образомъ о главныхъ частяхъ города, упомяну теперь нѣчто о форштатахъ и о томъ, что̀ въ нихъ есть примѣчанія достойнаго. Наилутчимъ и величайшимъ изъ нихъ можно почесть Габербергской, то-есть тотъ, которой находится за рѣкою, потому что онъ составляетъ цѣлую часть города, имѣетъ въ себѣ широкую и предлинную улицу, которая около Петрова дня наполнена бываетъ безчисленнымъ множествомъ народа, потому что въ сіе время бываетъ тутъ годовая ярмонка, о которой имѣть я буду случай поговорить въ другомъ мѣстѣ. Сверхъ того находится въ семъ форштатѣ и жидовская синагога, составляющая нарочито изрядное каменное зданіе.

Штейндамскій — ничего въ себѣ особливаго не имѣетъ, кромѣ своей кирки, которая достопамятна тѣмъ, что она наидревнѣйшая и нами обращена была потомъ въ нашу россійскую церковь.

Сакгеймскій форштатъ самъ по себѣ ничѣмъ не достопамятенъ, но между нимъ и Траггеймскимъ форштатомъ находилось нарадное мѣсто, которое достойно нѣкотораго замѣчанія. Оно составляетъ нарочито просторное, ровное и луговою травою поросшее мѣсто, весьма способное для обученія и екзерцированія войскъ; почему и наши войски обыкновенно тутъ учивались. Кромѣ сего, достопамятна она тѣмъ, что на ономъ построена прекрасная каменная лошадиная мельница о множествѣ поставовъ, и работаютъ въ ней безпрерывно по шестнатцати лошадей.

Траггеймскій форштатъ достопамятенъ, во-первыхъ, тѣмъ, что имѣетъ въ себѣ множество господскихъ и нарочито изряд-

ныхъ и большихъ домовъ; во-вторыхъ, выгоднымъ своимъ положеніемъ, подлѣ вышеупомянутаго большого пруда, между нимъ и Розгартенскимъ форштатомъ находящимся. Верхняя часть сего прекраснаго и болѣе на маленькое длинное озеро походящаго пруда окружена сплошными садами, позади домовъ обоихъ сихъ форштатовъ находящимися, а нижняя сплошными, каменными вплоть по воду построенными домами; посрединѣ же, для сообщенія обоихъ сихъ форштатовъ, здѣланъ прѣдлинной, узенькой и только для пѣшихъ мостъ.

Что касается до помянутаго Розгартенскаго форштата, то онъ достоинъ примѣчанія какъ величиною своею, такъ и садами, а неменѣе и многими дворянскими домами, въ немъ находящимися, каковыхъ также множество и по улицѣ, идущей въ сторону къ Гумбинамъ, гдѣ, между протчимъ, находится и королевской дворецъ, по которой составлялъ тогда очень небольшой и такой каменной домикъ, какихъ у насъ, въ Москвѣ, нѣсколько сотъ найтить можно, и стоялъ порожней. На концѣ-жъ сей длинной улицы находится сиротской домъ, составляющей изрядное, но не очень большое каменное зданіе.

Кромѣ всѣхъ сихъ и нѣкоторыхъ другихъ форштатовъ, достоинъ также нѣкотораго замѣчанія тотъ, которой простирается вдоль по берегу рѣки Прегеля и лежитъ противъ крѣпости, и былъ самой тотъ, гдѣ имѣлъ я свою квартиру, ибо полкъ нашъ расположенъ былъ весь по вышеупомянутымъ форштатамъ. Сей достопамятенъ какъ находящеюся въ немъ судовою пристанью, такъ и корабельною верфію, а не менѣе вышеупоминаемыми шпиклерами или магазинами для хлѣба, соли и другихъ крупныхъ товаровъ, сгружаемыхъ съ барокъ. Впротчемъ, какъ весь сей форштатъ лежитъ подъ горою и на низкомъ и ровномъ положеніи мѣста, то разрѣзанъ онъ многими и довольно широкими каналами, коихъ вода имѣетъ совокупленіе съ рѣкою Прегелемъ. Кварталы между сими каналами заселены въ иныхъ мѣстахъ домами, въ иныхъ засажены садами, а въ иныхъ осажены только деревьями и содержатъ въ себѣ наилутчіе луга; но никоторой изъ нихъ такъ не достопамятенъ, какъ тотъ, на которомъ находится садъ одного наибогатѣйшаго купца, по имени Сатургуса. Садъ сей хотя не очень обширенъ, но почесться можетъ наилутчимъ во всемъ Кёнигсбергѣ, ибо онъ не только расположенъ регулярно, но и украшенъ всѣми возможнѣйшими украшеніями. Хозяинъ, будучи любопытной, ученой и богатой человѣкъ, наполнилъ оной многими рѣдкими вещами. Есть у него тутъ богатая оранжерея, набитая разными иностранными произрастеніями; есть менажерія, или птичникъ и звѣринецъ, въ которомъ содержится множество рѣдкихъ иностранныхъ птицъ и звѣрковъ; есть многіе прекрасные домики и бесѣдки. Въ одномъ изъ оныхъ находится маленькая кунсткамора, или довольно полной натуральной кабинетъ. И какъ мнѣ еще впервые случалось тутъ таковой видѣть, то не могъ я довольно налюбоваться зрѣніемъ на множество рѣдкихъ и никогда мною невиданныхъ вещей, а особливо на преогромное собраніе разныхъ рудъ, окаменѣлостей, камней, разныхъ раковинъ, разныхъ птичьихъ яицъ, разныхъ птичьихъ чучелъ, а паче всего на превеликое собраніе янтарныхъ штучекъ, съ находящимися внутри ихъ мушками и козявочками, которыми навѣшенъ у него цѣлой комодъ и коихъ число до нѣсколькихъ тысячъ простирается. Другой домикъ, въ которомъ обыкновенно угощалъ онъ своихъ гостей, вмѣсто обоевъ, украшенъ картинами, въ коихъ налѣплены за стекломъ натуральныя бабочки и коихъ видѣлъ я тутъ несмѣтное множество. Что-жъ касается до самаго сада, то наполненъ онъ безчисленнымъ множествомъ цвѣтовъ и хорошими плодоносными деревьями, а стѣны прикрыты превысокими персиковыми и абрикосными шпалерами. Есть также тутъ множество разными фигурами обстриженныхъ деревьевъ, а площади всѣ украшены множествомъ изрядныхъ фонтановъ. Вода для сихъ фонтановъ втяги-

вается насосами изъ канала, подлѣ сада находящагося, въ большой свинцовой басе́нь, сокрытой въ построенной нарочно для сего на углу сада прекрасной башнѣ, внизу которой здѣлана изрядная бесѣдка и въ ней колокольная игра, производимая тою же водою. Всѣ сіи зрѣлища были до того мною невиданныя, и потому всякой разъ, когда ни случалось мнѣ въ саду семъ бывать, производили мнѣ много удовольствія.

Впротчемъ, можно сказать, что городъ сей во всемъ имѣетъ изобиліе, и жители онаго живутъ довольно хорошо, однако умѣренно и безъ всякихъ почти излишествъ. Непримѣтно между ими никакова дальнаго мотовства и непомѣрности. Всѣ наилутчіе люди ведутъ жизнь степенную и болѣе уединенную, нежели сколько надобно; каретъ и богатыхъ екипажей у нихъ чрезвычайно мало, а всѣ ходятъ наиболѣе пѣшкомъ. Въ домахъ прислуга у нихъ очень малая. Ѣсть варятъ у нихъ обыкновенно женщины, которыя сами и закупаютъ къ столу все нужное, а вкупѣ и отправляютъ должность лакеевъ; когда госпожамъ ихъ вздумается иттить въ церковь или куда въ гости, или куда въ лѣтнее время прогуливаться, онѣ провожаютъ ихъ и ходятъ вслѣдъ за ними, что̀ для насъ было сперва очень удивительно. Единое только мнѣ не полюбилось, что дома у нихъ, а особливо въ лутчихъ частяхъ города, очень тѣсны и безпокойны; рѣдкой изъ нихъ занимаетъ саженъ 5 въ ширину, а большая часть не болѣе саженъ двухъ или трехъ шириною, и притомъ всѣ покои въ нихъ имѣютъ окна въ одну только сторону, и очень немногіе освѣщены тремя окнами, а по бо́льшой части въ нихъ по два окна, ибо обѣ боковыя стѣны, по причинѣ сплошного строенія, у нихъ обыкновенно глухія.

Недостатокъ сей замѣняется у нихъ высотою зданія и множествомъ этажей, изъ которыхъ одинъ другова ниже; но сіе приноситъ съ собою ту неудобность, что всходить въ верхніе этажи должно всегда темною и самою безпокойною круглою лѣс(т)ницею, ощупью; ибо какъ у нихъ въ каждомъ этажѣ только по два покоя, изъ которыхъ одинъ окнами на улицу, а другой назадъ, то между ими находятся темныя сѣнцы, гдѣ идетъ сія лѣс(т)ница и вкупѣ находятся очажки, гдѣ варятъ они себѣ ѣсть. Дворы есть у весьма рѣдкихъ домовъ, да и тѣ очень тѣсные, а у протчихъ хотя и есть, но наитѣснѣйшіе, да и въ тѣ входъ только сквозь домы, а воротъ порядочныхъ нѣтъ; да и служутъ они болѣе для поклажи только дровъ. Входы же въ домы подѣланы вездѣ съ у̀лицы, и двери въ сѣни всегда разрѣзныя, на-двое, но не вдоль, а поперекъ, дабы верхняя половина могла быть днемъ отворена для произведенія свѣта въ сѣняхъ, а нижняя затворена для воспрепятствованія входа всякому. Впротчемъ, примѣчанія достойно, что въ наилутчей ихъ Кнейпгофской или Миліонной улицѣ, и въ лутчіе домы крыльца подѣланы вездѣ деревянныя, но никогда почти негніющія, а имѣющія видъ чугунныхъ, такъ что и узнать никакъ не можно, что они деревянныя. Сіе производятъ они повторяемымъ чрезъ каждые два или три года вымазываніемъ ихъ разваренною смолою и усыпаніемъ потомъ желѣзною окалиною изъ кузницъ, чрезъ что̀ производится на нихъ власно какъ чугунная корка, недопускающая ихъ согнивать отъ дождя и ненастья. Число всѣхъ домовъ въ городѣ простирается до 3800, а жителей до сорока тысячъ.

Ходьба и ѣзда по городу довольно спокойная, потому что всѣ улицы вымощены дикимъ камнемъ и мостовая сія содержится всегда въ хорошемъ состояніи; въ ночное же время, а особливо осенью и зимою, освѣщаемы бываютъ всѣ улицы фонарями. Однако въ тѣсныхъ городскихъ улицахъ досадная неудобность бываетъ та, что по ночамъ всякую нечисть и соръ выкидываютъ изъ домовъ на улицы, которая хотя ежедневно особыми и нарочно къ тому опредѣленными людьми и счищается и свозится долой, но нерѣдко бываетъ отъ того дурной запахъ и духота, заражающая воздухъ, и отъ того нижніе

покои обыкновенно бываютъ очень скучны и отъ узкости улицъ темны.

Церквей къ Кёнигсбергѣ всѣхъ 18, изъ коихъ четырнадцать лютеранскихъ, три кальвинскихъ и одна римско-католическая. Большая часть оныхъ построена въ готическомъ вкусѣ, съ предлинными шпицами на колокольняхъ; однако есть и безъ оныхъ, и воздвигнуты во вкусѣ новой архитектуры, однако немногія.

Водою снабденъ сей городъ довольно; ибо кромѣ рѣки Прегеля и помянутаго пруда, подѣланы по всѣмъ улицамъ множество колодезей, надъ которыми построены, власно какъ маленькія карауленки и башенки и вставлены насосы—и вода получается качаніемъ съ боку изъ оныхъ.

Кромѣ сего, есть въ семъ городѣ нѣсколько большихъ вѣтреныхъ мельницъ, довольно хорошо устроенныхъ, а сверхъ того и прекрасная водяная о множествѣ поставовъ, построенная на той рѣчкѣ, на которой прудъ, пониже плотины и скрытая такъ, что ее вовсе непримѣтно.

Сего довольно будетъ на сей разъ во извѣстіе о семъ городѣ, ибо о протчемъ упомянуто будетъ подробнѣе впредь, при другихъ случаяхъ. Въ будущемъ моемъ письмѣ возвращусь я къ прерванной нити моего повѣствованія и буду разсказывать вамъ, что со мною въ семъ городѣ случилось далѣе, и что подало поводъ ко второй и той перемѣнѣ въ обстоятельствахъ моихъ, отъ которой проистекли послѣдствія, имѣвшія на все благоденствіе жизни моей наивеличайшее вліяніе. А поелику теперешнее письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ оное симъ кончить, и, увѣривъ о непремѣнной моей къ вамъ дружбѣ, сказать вамъ, что я есмь навсегда вашъ и протчая.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 61.

Любезной пріятель! Разсказывая вамъ въ предслѣдующихъ письмахъ о томъ, что происходило со мною во время пребыванія моего въ Кёнигсбергѣ, остановился я на томъ, какъ я жилъ при тамошней каморѣ и упражнялся въ письменныхъ дѣлахъ. Теперь, продолжая повѣствованіе мое далѣе, скажу, что колико жизнь сія была мнѣ сначала трудновата и скучна, толико здѣлалась потомъ пріятна и весела. Вышеупомянутымъ образомъ и до обѣда, и послѣ обѣда въ камору ходить и безпрестанно писать принужденъ я былъ только сначала и не болѣе двухъ недѣль; ибо въ сіе время надлежало мнѣ вносить въ книгу всѣ приходы и расходы, бывшіе съ начала вступ-

ленія нашего въ Прусію до моего опредѣленія въ камору; но какъ я сію трудную работу совершилъ, то письма мнѣ было гораздо меньше, и наконецъ здѣлалось столь мало, что мнѣ и въ цѣлой день не доставалось написать по страницѣ; слѣдовательно, небольшую сію работу могъ я въ полчаса оканчивать, и мнѣ не только уже не было нужды ходить послѣ обѣда въ камору, но я и по утрамъ иногда совсѣмъ дѣла не имѣлъ, и могъ, съ дозволенія старичка моего, совѣтника, отлучаться, а иногда и цѣлой день оставаться дома.

Сіе обстоятельство, доставлявшее мнѣ болѣе досуга и свободнаго времяни, было мнѣ сколько съ одной стороны пріятно тѣмъ, что я множайшее время могъ посвящать на собственныя мои упражненія и жить по своему произволу, не заботясь ни о чемъ и не опасаясь, чтобъ послали меня куда къ команду или въ караулъ, столько, съ другой, предосудительно и вредно тѣмъ, что нечувствительно начало меня опять сближать съ прежними моими друзьями и знакомцами. Всѣ они завидовали моей спокойной и праздной почти жизни, и многіе непреминули начать опять меня почасту навѣщать, какъ скоро узнали, что я получилъ болѣе свободнаго времяни и послѣобѣднѣшніе часы провождаю дома. Таковыя посѣщенія ихъ были мнѣ хотя и непротивны, но вредны тѣмъ, что, въ соотвѣтствіе онымъ, долженъ былъ и я иногда ходить къ онымъ и терять время въ упражненіяхъ совсѣмъ пустыхъ и ни мало склонностямъ моимъ несоотвѣтствующихъ. Они занимались наиболѣе либо игрою въ карты, либо въ разговорахъ не только ничего незначущихъ, но иногда прямо соблазнительныхъ и негодныхъ, а во всемъ въ томъ не находилъ я вкуса, но принужденъ былъ только смотрѣть и слушать. Изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, которой бы имѣлъ сколько-нибудь склонности, подобныя моимъ, и съ которымъ могъ бы я съ удовольствіемъ заниматься въ разговорахъ о дѣлахъ, мнѣ болѣе увеселеніе наносящихъ. По и самые тѣ, которые были сколько-нибудь другихъ полутче и поумнѣе, въ немногія недѣли пребыванія своего въ семъ городѣ такъ развратились, что не похожи уже были сами на себя и не можно было уже отъ нихъ ни одного почти степеннаго слова и порядочнаго разговора слышать. Совсѣмъ тѣмъ, по необходимости, долженъ я былъ имѣть съ ними частыя свиданія, и когда не брать во всѣхъ ихъ дѣлахъ и упражненіяхъ дѣйствительнаго соучастія, такъ по крайней мѣрѣ съ ними обходиться и нерѣдко вмѣстѣ препровождать время, а особливо въ гуляньяхъ.

Все сіе подвергало меня опять великой опасности, чтобъ мало-по-малу не заразиться такимъ же ядомъ распутства, какимъ всѣ они заражены были.

Но никогда я столь въ великой опасности отъ нихъ не былъ, какъ во время бывшей около сего времяни въ Кёнигсбергѣ превеликой ярмонки. Ярмонка сія бываетъ тутъ однажды въ году и, начавшись недѣли за двѣ до Петрова дня, продолжается до самаго онаго; и какъ съѣздъ на оную бываетъ не только изъ всей Прусіи, но изъ всего королевства Польскаго, то стеченіе народа было тогда преужасное: весь городъ находился въ движеніи, и всѣ наизнатнѣйшія улицы кишѣли обоего пола народомъ. Для меня, невидавшаго еще никогда такихъ большихъ ярмонокъ, было зрѣлище сіе колико ново и удивительно, толико-жъ и пріятно. Паче всего обращали вниманіе мое на себя польскіе жиды, которыхъ съѣжжается на ярмонку сію до нѣсколько тысячъ. Странное ихъ, черное и по борту испещренное одѣяніе, смѣшныя ихъ скуфейки, и весь образъ ихъ имѣлъ въ себѣ столь много страннаго и необыкновеннаго, что мы не могли довольно на нихъ насмотрѣться. А какъ, и сверхъ того, ходило по улицамъ множество и другихъ разныхъ народовъ, въ различныхъ одеждахъ и нарядахъ, то представлялись всякой день глазамъ новые и до того невиданные предметы. Въ особливости же наполнена была преужаснымъ множествомъ народа вся зарѣчная часть города, носящая на себѣ

имя Габерберга. Тутъ одна длинная и широкая улица вмѣщала въ себѣ онаго до нѣсколька тысячъ, потому что она была главнымъ центромъ всей ярмонки, и на ней не только производилась наиглавнѣйшая торговля, но и всѣ обыкновенныя въ нѣмецкихъ земляхъ ярмоночныя увеселенія.

Къ симъ въ особливости принадлежалъ народной театръ, сдѣланной посреди улицы и совсѣмъ открытой; однако не думайте, чтобъ театръ сей составлялъ какую важность. Нѣтъ, любезной пріятель, сіи ярмоночные театры не имѣютъ почти и тѣни театровъ, а носятъ только одно званіе оныхъ. На здѣланномъ изъ досокъ на нѣсколькихъ козлахъ и аршина на три отъ земли возвышенномъ помостѣ, устанавливаются съ боковъ и съ задней стороны кое-какъ размазанныя кулисы, изъ-за которыхъ выходитъ одѣтой въ пестрое платье усастой гарлекинъ и, при вспоможеніи человѣкъ двухъ или трехъ комедіантовъ, или комедіанокъ, старается разными своими кривляніями, коверканьями, глупыми и грубыми шутками и враньемъ, составляющимъ сущей вздоръ, смѣшить и увеселять глупую чернь, смотрящими на него съ разинутыми ртами и удивленіемъ. Не бываетъ тутъ никакого порядка и никакой связи въ представленіяхъ, а всѣ дѣйствія и вранье сихъ представляющихъ лицъ было столь нелѣпо и несвязно, что безъ чувствованія нѣкоего отвращенія на нихъ смотрѣть и вздоръ, говоренной ими, слушать было не можно, а надлежало быть развѣ столь же глупу, каковъ былъ глупъ народъ, буде хотѣть зрѣлищемъ симъ увеселяться. Несмотря на то, театръ сей окруженъ былъ всегда безчисленнымъ множествомъ зрителей, и весьма многіе изъ нихъ изъявляли превеликое удовольствіе; а сего уже и довольно было для комедіантовъ, имѣющихъ обыкновенно притомъ свои особливые виды. Ибо надобно знать, что люди, увеселяющіе симъ образомъ народъ своими глупыми комедіями, не получаютъ отъ онаго себѣ за то никакой заплаты, а употребляются къ тому изъ найма содержателемъ театра, которой обыкновенно бываетъ такъ-называемой «маркъ-шрейеръ» (торговой крикунъ), или продаватель обманныхъ лекарствъ, и средство сіе употребляетъ единственно для привлеченія народа къ своему театру, какъ къ мѣсту, съ котораго онъ продавалъ свои лекарства.

Къ сей продажѣ приступалъ онъ нѣсколько разъ въ день, и всякой разъ послѣ сыгранія комедіантами какой-нибудь штучки. Не успѣетъ она окончиться, какъ выступаетъ онъ на театръ съ своими ларчиками и аптечками, и начиная, вынимая изъ оныхъ каждое лекарство поодиначкѣ, показывать народу и съ превеликимъ крикомъ разсказывать и выхвалять удивительныя его дѣйствія и силы. Смѣшно было всякой разъ смотрѣть на сіи дѣйствія и на усерднѣйшія старанія его обманывать народъ, и увѣрять каждаго о мнимой достовѣрности его лекарствъ; а того смѣшнѣе, что народъ и давалъ себя обманывать, и покупалъ у него оныя съ превеликою охотою. Не успѣетъ онъ показать какое лекарство, разсказать о его силахъ и дѣйствіяхъ и объявить оному цѣну, такъ въ тотъ же мигъ полетятъ къ нему изъ народа множество платковъ, бросаемыхъ къ нему отъ желающихъ оное купить, съ завязаннымъ въ нихъ толикимъ числомъ денегъ, какое было отъ него объявлено. И тогда начинаетъ онъ, при вспоможеніи двухъ или трехъ мальчиковъ, обирать сіи деньги, и, завязывая въ тѣ платки лекарства, подавать оныя съ театра ихъ хозяевамъ. По удовольствованіи всѣхъ однимъ лекарствомъ, вынимаетъ онъ другое, а потомъ и третье, и такъ продолжаетъ со всѣми и препровождаетъ въ томъ нѣсколько часовъ времяни, и до-тѣхъ-поръ, покуда толпа народа еще велика. А какъ скоро народъ поразойдется, тогда онъ уходитъ за кулисы, а на мѣсто его выходятъ опять комедіанты и начнутъ сзывать опять народъ для слушанія и смотрѣнія новой комедіи; и какъ довольно онаго соберется, то начинается опять комедія и опять послѣ ей расхваливаніе и продажа лекарствамъ.

Способъ сей выманивать у глупаго народа деньги показался намъ, по необыкновенности, весьма страннымъ и удивительнымъ; однако обманщикъ сей не только не оставался никогда въ накладѣ, но выманивалъ отъ народа премножество денегъ, хотя въ самомъ дѣлѣ всѣ лекарствы его состояли изъ сущихъ бездѣлицъ и ничего нестоящихъ вещей, какъ напримѣръ, порошковъ, пилюль, пластырьковъ, корешковъ и другихъ тому подобныхъ вещицъ, которыя всѣ далеко такихъ дѣйствій не производили, какія имъ проповѣдуемы бывали.

Впротчемъ, какъ на ярмонку сію съѣжалось изъ разныхъ нѣмецкихъ и лутчихъ городовъ множество купцовъ съ разными товарами, и оные дѣйствительно можно было дешевле доставать купить, нежели въ другое время, то отъ того дѣйствительно весь городъ сей былъ въ движеніи, и не оставалось дома, изъ котораго-бъ жители обоего пола, а особливо въ красные и хорошіе дни, не выѣжжали и не выходили на ярмонку, и когда не покупанія, такъ для смотрѣнія и гулянія по оной. Однимъ словомъ, всѣ помянутыя обѣ недѣли, въ которыя продолжалась сія ярмонка, можно было почитать безпрерывнымъ для сего города торжествомъ и праздникомъ, и въ красные дни можно было всѣхъ жителей онаго видѣть на улицахъ въ наилутчемъ ихъ убранствѣ и одеждахъ.

Всѣ сіи обстоятельствы, а особливо послѣднее и побуждало всѣхъ нашихъ господъ офицеровъ посѣщать ярмонку сію ежедневно. Мы и хаживали на оную всякой день, собираясь толпами и компаніями, и препровождали большую часть времяни своего въ разгуливаніи по оной и по всему городу, и дѣлали сіе не столько для покупанія товаровъ, какъ для смотрѣнія на народъ и на всѣхъ жителей Кёнигсберга и узнаванія оныхъ. Многіе изъ нашей братьи, а особливо проворнѣйшіе изъ протчихъ, дожидались случая сего уже давно съ нетерпѣливостью, какъ такого, при которомъ удобнѣе можно было имъ спознакомиться съ тѣми изъ жителей кёнигсбергскихъ, съ которыми желали они въ особливости свести знакомство и получить входъ въ такіе домы, въ которыхъ находили они что-нибудь для себя привлекательное; и нѣкоторымъ изъ сихъ и удавалось достигать до искомаго ими. Другіе, напротивъ того, искали случаевъ къ сведенію вновь знакомства съ пріѣжжими изъ Польши, а особливо съ тамошними дворянками, и употребляли разныя хитрости и обманы къ обольщенію оныхъ. Иные съ такими-жъ мыслями шатались всюду и искали себѣ знакомицъ изъ молодыхъ тутошнихъ жительницъ; у множайшихъ же на умѣ были однѣ только игры, мотовство и самое распутство, а иные дѣлали того хуже. Они упражнялись въ разныхъ забіячествахъ и непростительныхъ шалостяхъ, а иногда и самыхъ непотребствахъ. Словомъ, ярмонка сія была для всѣхъ прямо соблазнительнымъ времянемъ, и было-бъ слишкомъ пространно, естлибъ хотѣть описывать мнѣ все то, что тогда офицеры наши дѣлали и предпринимали, и къ какимъ шалостямъ и безпутствамъ ярмонка сія многимъ подала поводъ.

Теперь вообразите себѣ, любезной пріятель, какой опасности подверженъ былъ тогда я, живучи посредѣ такого общества и принужденъ будучи всякой день бывать съ такими людьми вмѣстѣ и совокупно съ ними повсюду ходить по всему городу и дѣлать имъ компанію: ибо при таковомъ всеобщемъ движеніи народа и по бывшей тогда наипрекраснѣйшей погодѣ не можно было никакъ усидѣть одному дома; да хотя бы я и хотѣлъ, такъ товарищи мои меня до того никакъ не допускали и, заходя ко мнѣ, неволею вытаскивали. И я истинно не знаю, что-бъ со мной и было, и какъ бы мнѣ сохраняться отъ всѣхъ золъ и соблазновъ, которымъ я могъ подверженъ быть при семъ случаѣ, естлибъ продолжилось сіе такъ долго? Единое средство, употребляемое мною къ спасенію моему, было только то, что я удалялся, сколько могъ, отъ ватагъ самыхъ негоднѣйшихъ изъ нашей братьи, а придѣлялся наиболѣе къ такимъ, которые были

сколько-нибудь протчихъ постепеннѣй. Однако, какъ и сіи не совсѣмъ отъ яда тогдашнихъ распутствъ освобождены были, то никакъ бы мнѣ не можно было уцѣлѣть и отъ поврежденья сохраниться, естлибъ паки не помогъ мнѣ особливой и всего меньше мною ожидаемой случай, и невидимая рука Господня не отвлекла меня паки силою отъ бездны, по краю которой я тогда бродилъ и шатался. Ибо случилось же такъ, что въ самое то время, когда проклятая ярмонка сія была въ наивеличайшемъ своемъ движеніи; когда товарищи мои къ гулянію съ собою такъ меня приучили, что я уже охотно съ ними начиналъ ходить и приглашеніямъ ихъ послѣдовать, и когда нѣкоторые изъ нихъ, какъ я послѣ узналъ, составили противъ меня тайной сконъ и заговоръ, и приготовивъ для меня сущею пасть и такой соблазнъ, отъ котораго было-бъ мнѣ весьма трудно освободиться, пришли нарочно за мною, чтобъ меня, подозвавъ, вести съ собою, власно какъ невинную жертву на погубленіе— въ самое то время, когда я, ничего о томъ не зная, не только иттить съ ними соглашался, но уже съ крыльца квартиры своей сошелъ... прибѣжалъ ко мнѣ, почти безъ души, нарочной отъ командира моего, бригадира моего Нумерса съ повелѣніемъ, чтобъ я не шолъ, а бѣжалъ тотчасъ къ нему, и не медлилъ бы ни единыя минуты дома, ибо-де есть до меня крайная надобность.

Я удивился и не зналъ, что думать о семъ нечаянномъ и столь поспѣшномъ призывѣ. Дѣло сіе было совсѣмъ для меня необыкновенное. До того не случалось еще ни однажды, чтобъ командиръ сей присылалъ за мною и на что-нибудь спрашивалъ, и я имѣлъ столь мало до него дѣла, что иногда въ цѣлую недѣлю не случалось мнѣ съ нимъ не только говорить, но его и видѣть. «Уже не прозьба ли какая отъ кого на меня?» думалъ я самъ въ себѣ:— «и не къ отвѣту ли какому меня спрашиваютъ?» Извѣстно было мнѣ, что нерѣдко такія жалобы приносимы были начальникамъ на офицеровъ полку нашего, а особливо на тѣхъ, кои склоннѣе были протчихъ къ буянствамъ и всякаго рода шалостямъ, и что нѣкоторые за то и наказываемы были. Къ вящему усугубленію смятенія моего, вспомнилось мнѣ, что одна таковая шайка оныхъ, въ самой предслѣдующей предъ тѣмъ день, произвела на ярмонкѣ буянствомъ своимъ превеликой шумъ и смятеніе, и что мнѣ нечаяннымъ образомъ при томъ быть случилось, и я зналъ, что на нихъ просить тогда собирались. «Ахъ», думалъ я: «уже не на сихъ ли друзей прозьба, и не замѣшали-ль просители и меня въ свое дѣло?..»

Сердце у меня затрепетало при напоминаніи сего произшествія, и вся кровь во мнѣ взволновалась. Я хотя никакъ не замѣшенъ былъ въ это дѣло, но, случившись нечаянно при томъ, старался еще ихъ унимать и уговаривать; но дѣло само-по-себѣ было очень дурно и скверно. Нѣкоторымъ изъ нашихъ молодцовъ, самыхъ безпутнѣйшихъ офицеровъ, случилось увидѣть цѣлую компанію молодыхъ дѣвушекъ, гулявшихъ по ярмонкѣ. Они, прельстясь красотою оныхъ, подольнули къ нимъ какъ смола и старались нахальнѣйшимъ образомъ съ ними познакомиться. Сперва подступили они къ нимъ съ разными ласками, учтивствами и привѣтствіями, и какъ сіе имъ удалось, то нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе къ нещастію тогда нѣсколько подгулявшими, поступили далѣе и стали предпринимать уже съ ними нѣкоторыя оскорбительныя вольности и между протчимъ подзывать ихъ въ гости, на квартиру одного изъ нихъ, подлѣ самаго того мѣста бывшую, и одинъ даже до того позабылся, что восхотѣлъ одну изъ нихъ насильно поцѣловать. Дѣвушкамъ сіе не полюбилось, всѣ онѣ были не самаго подлаго состоянія, но, какъ думать надобно, дочери средственнаго состоянія тамошнихъ мѣщанъ, и не на такую руку, чтобъ могли желаніямъ господъ сихъ соотвѣтствовать. Онѣ тотчасъ начали кричать и звать къ себѣ своихъ матерей и родныхъ, покупавшихъ тогда товары въ другой лавкѣ, и жаловаться имъ на дѣлаемое онымъ оскорбленіе. Сіи вступи-

лись за нихъ, и одинъ мущина началъ имъ выговаривать. Господамъ нашимъ показалось сіе досадно. Они соотвѣтствовали ему грубостями и презрѣніемъ. Тотъ случился также быть неуступчивымъ. Онъ отвѣчалъ имъ тѣмъ же. Они начали браниться, и сіе произвело между ними ссору и такой шумъ и крикъ, что сбѣжалось къ мѣсту сему множество народа. Мнѣ случилось въ самое то время иттить, съ однимъ изъ пріятелей моихъ, по самой сей улицѣ и увидѣть сію превеликую кучу народа и услышать крикъ сей. Изъ единаго любопытства, восхотѣли мы подойтить ближе и узнать тому притчину. Но какъ удивились мы, увидѣвъ цѣлую шайку нашихъ офицеровъ, шумящихъ и бранящихся съ прусаками, и одного даже до того разъярившагося, что онъ ударилъ одного изъ нихъ въ рожу и схватя за волосы, хотѣлъ таскать и бить палкою. Мы бросились оба и, недопустивъ его до сего глупаго предпріятія, старались развести ссору; намъ сіе и удалось, хотя не безъ труда, исполнить. Ибо что касается до нашихъ, то сихъ мы скоро уговорили перестать дурачиться; но не таково легко было успокоить раздосадованныхъ прусаковъ, а особливо разъярившагося родственника обиженныхъ. И единое знаніе мое нѣмецкаго языка помогло мнѣ уговорить сего нѣмца, и взвалить всю вину сего произшествія на то обстоятельство, что обидѣвшей его родственницъ и самого его офицеръ былъ подгулявшей и не въ полномъ тогда умѣ и разумѣ. Симъ прекратилась тогда сія ссора: однако, нѣмецъ сей пошолъ, угрожая не оставить этого дѣла втунѣ, а употребить, гдѣ надлежитъ, прозьбу.

Сіе досадное произшествіе пришло мнѣ тогда на память, и я не сомнѣвался почти, что сей нѣмецъ произвелъ прозьбу, и догадывался, что, конечно, уже тѣ офицеры сысканы и меня спрашиваютъ для свидѣтельства и объясненія всего происходившаго. Я разспрашивалъ у присланнаго унтеръ-офицера: не знаетъ ли онъ, зачѣмъ меня призываютъ, и нѣтъ ли отъ кого какой прозьбы и жалобы? «Не знаю», отвѣтствовалъ онъ: «только людей у губернатора много, и мущинъ и женщинъ, и многіе изъ нѣмцовъ подавали ему бумаги». — Какъ? у губернатора? — спросилъ я удивившись: — развѣ ты отъ губернатора посланъ? — «Нѣтъ!» говорилъ онъ: «но я у губернатора на ординарцахъ, а послалъ меня господинъ бригадиръ Нумерсъ. Они вышли отъ губернатора съ оберъ-комендантомъ и плацъ-майоромъ и приказали мнѣ бѣжать скорѣе къ вамъ и сказать, чтобъ вы изволили тотчасъ приттить къ нимъ въ замокъ».

Сіе привело меня еще въ пущее смущеніе. Я не сомнѣвался уже, что послано за мною по приказанію губернатора, и не понималъ, какая-бъ нужда была до меня губернатору, котораго мы еще и не видали, потому что онъ наканунѣ того дня только пріѣхалъ. Всѣ товарищи мои также тому дивились и не знали, что̀ думать. Но какъ медлить мнѣ было не можно, а надлежало иттить, то распрощались они со мною, изъявляя сожалѣніе свое о томъ, что не будутъ они имѣть меня въ тотъ день съ собою, и что я не буду имѣть соучастія въ томъ увеселеніи, которое они приготовили. Я не зналъ тогда, что̀ слова сіи значили, и не о томъ тогда думалъ, чтобъ разспрашивать ихъ о чемъ; но послѣ узналъ, что имѣли они самое гнуснѣйшее намѣреніе и что меня симъ нечаяннымъ оторваніемъ отъ ихъ шайки сама, пекущаяся о благѣ моемъ, судьба похотѣла спасти отъ превеликаго соблазна и искушенія.

По отходѣ ихъ, не сталъ и я медлить, но, узнавъ, что мнѣ надобно иттить въ квартиру самого губернатора, спѣшилъ только надѣть скорѣй иной мундиръ, и, поправивъ волосы, пустился въ путь свой, имѣя сердце свое далеко не на своемъ мѣстѣ и углубившись въ различныя размышленія, такъ что не видалъ почти дороги, по которой шелъ.

Что̀ было всему тому притчиною и зачѣмъ меня призывали — о томъ услышите вы, любезной пріятель, впредь; а теперь дозвольте мнѣ, на семъ остановившись, письмо мое кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и протчее.

ПРІѢЗДЪ КОРФА.

Письмо 62.

Любезной пріятель! Въ послѣднемъ моемъ письмѣ остановился я на томъ, что шолъ съ поспѣшеніемъ къ призывающему меня бригадиру Нумерсу, въ самой тотъ замокъ, куда я до того всякой день хаживалъ. Но никогда не отправлялъ я сего пути съ столь безпокойнымъ духомъ, какъ въ сей разъ! Очевидная почти достовѣрность, что спрашиваютъ меня по приказанію самого губернатора и можетъ быть къ самому ему, и слухъ, носившейся о семъ незнакомомъ еще намъ губернаторѣ, что онъ былъ человѣкъ весьма горячаго и вспыльчиваго нрава, а притомъ природою нѣмчинъ, приводилъ меня въ великое смущеніе. Извѣстно было, что всѣ нѣмцы были особливыми защитниками всѣхъ своихъ единовѣрцовъ и неизвѣстность, не таковъ же ли и сей, каковъ былъ ревельской господинъ Ливенъ, которой пришолъ мнѣ тогда въ память, разстроивала еще пуще мои мысли и наводила опасеніе, чтобъ мнѣ при семъ случаѣ въ чужомъ пиру не претерпѣть похмѣлья и за шалости другихъ не понесть на себѣ какова слова и нареканія или, по крайней мѣрѣ, не подать губернатору при первомъ случаѣ худого о себѣ мнѣнія. Я готовился уже заблаговремянно къ возможнѣйшимъ себя оправданіямъ, и вымышлялъ рѣчи и слова, которыя бы мнѣ говорить предъ губернаторомъ, если дойдетъ до того, что онъ меня о томъ спрашивать или гнѣвъ свой изъявлять станетъ, и приближался къ замку съ трепещущимъ сердцемъ.

Теперь, остановясь на минуту, разскажу вамъ, любезной пріятель, нѣсколько болѣе о семъ губернаторѣ, о которомъ я не имѣлъ еще случая съ вами говорить. Онъ былъ одинъ изъ тогдашнихъ нашихъ придворныхъ вельможей, назывался баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, и чиномъ хотя не выше генералъ-поручика, но при дворѣ въ нарочитомъ уваженіи и милости у самой тогда царствовавшей императрицы. Сію милость приобрѣли ему не собственныя его достоинства, которыя были весьма и весьма умѣренны, но то обстоятельство, что онъ женатъ былъ до того на госпожѣ Скавронской, находившейся, по причинѣ нѣкотораго родства, въ особливой милости у императрицы. По ней получилъ онъ и чины, и богатство, и по ней былъ онъ и въ сіе время еще въ знати и въ уваженіи, хотя жена его и умерла уже за нѣсколько до того лѣтъ. Ибо какъ другая ея сестра, а ея свояченица, была за тогдашнимъ великимъ канцлеромъ, графомъ Михаиломъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ и сей вельможа былъ въ великой силѣ, то поддерживалъ онъ и сего своего свояка и доставилъ ему сіе губернаторское мѣсто, которое было тогда весьма знаменито, ибо съ должностью сею сопряжено было управленіе всѣмъ королевствомъ Прускимъ, хотя, впротчемъ, былъ онъ къ тому неслишкомъ способенъ и дарованія его были столь незнамениты, что онъ, хотя всю свою жизнь въ Россіи препроводилъ и до старости дожилъ, но не умѣлъ и тогда еще не только писать по-русски, но ниже подписывать свое имя, а подписывалъ оное всегда по-нѣмецки. Изъ сего одного можно уже здѣлать заключеніе и о протчемъ.

Но какъ бы то ни было, но онъ избранъ и опредѣленъ былъ для управленія симъ важнымъ постомъ, которой равнялся съ вице-ройскимъ мѣстомъ, и пріѣхалъ къ намъ въ Кёнигсбергъ съ превеликою помпою и многочисленною свитою. Всѣ городскіе начальники и лутчіе люди встрѣчали его торжественно и препроводили въ замокъ, какъ мѣсто, назначенное ему для жилища. Тутъ расположился онъ въ самыхъ тѣхъ покояхъ, гдѣ живали въ прежнія времяна самые герцоги и владѣтели прускіе, и съ самаго пріѣзда своего началъ жить и вести себя съ такою пышностію и великолѣпіемъ, что съ того времяни весь Кёнигсбергъ власно какъ оживотворился и пошло въ немъ все другое. Но сего объ немъ теперь довольно; впередъ услышите вы отъ меня болѣе, а теперь возвращусь къ продолженію повѣствованія о себѣ.

Къ сему-то пышному и знаменитому вельможѣ готовился я тогда предстать, не вѣдая ни мало, зачѣмъ и за какимъ дѣломъ. Признаюсь, что, наслышавшись о его характерѣ, съ трепетомъ приближался я тогда къ замку. Но, о! сколь сильно обманывался я тогда въ своихъ мысляхъ! Мнѣ не страшиться, а радоваться надлежало-бъ, естлибъ я могъ тогда предвидѣть, какія послѣдствія произойдутъ совремянемъ отъ тогдашняго меня туда призыва, и что воспослѣдуетъ со мною послѣ. Нынѣ благословляю я тотъ часъ, въ которой учинена была тогда за мною посылка, но тогда не только мнѣ, но никакому смертному нельзя было того предвидѣть.

Не успѣлъ я приттить къ замку, какъ посыланной за мною дожидался уже меня у воротъ, и, подхвативъ, провелъ меня по лѣс(т)ницамъ тотчасъ въ переднія комнаты губернаторскія. Я нашолъ ихъ наполненныя множествомъ всякаго народа: было тутъ множество нашихъ военнослужащихъ, было множество и городскихъ всякаго рода жителей и, между протчимъ, такихъ, о которыхъ я могъ заключить, что они были просители. Я искалъ глазами моими, не увижу ли того нѣмца, о которомъ я наиболѣе сомнѣвался, и одинъ показался мнѣ на него похожимъ.—«Такъ!» возопилъ я втайнѣ самъ къ себѣ: «это онъ, проклятой! и отъ него, конечно, всѣ сіи бѣды горятъ!» Но не успѣлъ еще я словъ сихъ въ умѣ своемъ выговорить, какъ растворились изъ внутреннихъ покоевъ двери и показался самъ его превосходительство въ голубой своей кавалеріи и въ звѣздахъ. Онъ шествовалъ въ провожаніи множества знатныхъ особъ чрезъ сей покой для осматриванія другихъ комнатъ сего замка. Какъ мнѣ не случилось еще до того времяни сего знаменитаго вельможу видѣть, то съ трепещущимъ сердцемъ устремилъ я на него свои взоры и, къ удивленію моему, нашелъ его совсѣмъ не такимъ, какимъ воображалъ я его себѣ не видавши. Вмѣсто суровости и звѣрства, на лицѣ его представлялись мнѣ только черты, изображающія нѣчто меланхолическое. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ, высокаго роста, собою очень бѣлъ и расположенія лица особливаго: не видно было въ немъ ни отмѣннаго пріятства, ни жестокости; не было ничего плѣняющаго, и не было ничего отвратительнаго.

Все сіе успокоило меня нѣсколько; но я не успѣлъ еще собраться съ духомъ, какъ усмотрѣлъ меня командиръ мой, бригадиръ Нумерсъ. «Ахъ, вотъ и ты здѣсь!» сказалъ онъ, и тотчасъ, отвернувшись, подступилъ къ господину Корфу. «Вотъ тотъ офицеръ», сказалъ онъ ему: «о которомъ я вашему высокопревосходительству докладывалъ». Его превосходительство тотчасъ на меня огляпулся и, окинувъ меня съ головы до ногъ глазами, разсудилъ не только отъ шествія своего остановиться, но, подступивъ шага два ко мнѣ ближе, съ особливою благопріятностію началъ со мною говорить. «Я слышалъ, мой другъ», сказалъ онъ мнѣ: «что ты умѣешь говорить по-нѣмецки и хорошо пишешь, и господинъ бригадиръ Нумерсъ рекомендуетъ мнѣ васъ, что вы хорошаго поведенія». Я учинилъ ему пренизкой поклонъ и не успѣлъ еще ничего сказать въ отвѣтъ, какъ подхватилъ господинъ Нумерсъ его рѣчь и началъ вновь увѣрять его о моихъ способностяхъ и прилежности. Старичокъ, полковникъ мой, случившейся на сей разъ тутъ же, вмѣшался также въ рѣчь и увѣрялъ генерала по-нѣмецки, что я наилутчей офицеръ въ его полку; что отецъ мой былъ его предмѣстникъ, и что весь полкъ не можетъ ничего сказать обо мнѣ, кромѣ хорошаго.—«Такъ», присовокупилъ къ сему мой капитанъ Гневушевъ, случившейся тутъ же:—«онъ моей роты, и я могу, съ своей стороны, засвидѣтельствовать, что онъ всякой похвалы достоинъ, и сіе могутъ сказать всѣ полку нашего офицеры».

Таковая общая отъ всѣхъ рекомендація и внимательное смотрѣніе на меня генерала, обратила глаза всей многочисленной свиты, идущей за господиномъ Корфомъ. Съ меня свалилась тогда какъ превеликая гора, и я стоялъ почти внѣ себя отъ радости и удовольствія, слышавъ толь

многія и отъ всѣхъ себѣ похвалы и такія рекомендаціи, какихъ я всего меньше ожидалъ. Совсѣмъ тѣмъ, не зналъ я, къ чему все сіе клонилось и что-бъ такое собственно значило. Но какъ, по крайней мѣрѣ, могъ я тогда ясно видѣть, что призванъ былъ я не затѣмъ, зачѣмъ я думалъ, а для чего-нибудь другова, то, ободрившись гораздо, могъ уже смѣлѣе и съ спокойнѣйшимъ духомъ отвѣчать на дальнѣйшіе вопросы его превосходительства. — «Это очень хорошо!» сказалъ онъ: «и для молодого офицера похвально и лестно заслужить себѣ такую честь; но, пожалуй, скажи ты мнѣ, мой другъ, можешь ли ты переводить съ нѣмецкаго на русской?» — Могу, ваше превосходительство!—сказалъ я:—но не весьма хорошо, и въ переводахъ упражнялся мало!—«Ахъ нѣтъ, ваше превосходительство», подхватилъ мой капитанъ: «онъ переводитъ изряднехонько и мнѣ случалось читать его переводы».— «Такъ хорошо-жъ, батюшка!» сказалъ тогда генералъ: «останьтесь вы здѣсь и потрудитесь перевесть мнѣ нѣсколько бумагъ». Потомъ, обратясь къ одному изъ своихъ совѣтниковъ, шедшихъ за нимъ, приказалъ отдать мнѣ нѣкоторыя бумаги и отвесть мнѣ мѣсто, гдѣ-бъ надъ тѣмъ трудиться, а самъ пошолъ со свитою своею далѣе.

Неожидаемое такое явленіе смутило меня и удивило. Я всего меньше думалъ и ожидалъ, чтобъ я за симъ только былъ призванъ, и чтобъ мнѣ тотчасъ уже вступать принуждено было и въ работу. Но смущеніе мое еще болѣе увеличилось, какъ помянутой совѣтникъ, подхватя меня въ тотъ же мигъ за руку, повелъ чрезъ многіе покои и, приведя наконецъ въ одну, отдаленнѣйшею и превеликую комнату, посадилъ за столъ и вынеся изъ другой чернильницу и бумаги, вытащилъ цѣлой пукъ бумагъ изъ кармана и учтивымъ образомъ мнѣ предложилъ, чтобъ я надъ ними испыталъ свои силы и способности и постарался-бъ колико можно поскорѣе перевесть оныя, и потомъ, оставивъ меня одного, ушолъ прочь.

«Вотъ тебѣ на!» сказалъ ясамъ въ себѣ, провожая глазами отходящаго совѣтника. «Ни думано, ни гадано, попался молодецъ, какъ мышь въ западню, и вмѣсто того, что другіе теперь гуляютъ и веселятся, изволь-ка посидѣть и потрудиться. Но хорошо! посмотримъ-ка, что такое переводить?..» Тогда началъ я пересматривать и перебирать оставленныя бумаги, и увидѣвъ, что ихъ было болѣе десяти, воскликнулъ: «Э! э! э! какая ихъ тьма! ихъ и въ трое сутки не переведешь!... Я покорно благодарствую!..»

Симъ образомъ восклицалъ я, не зная еще содержанія оныхъ; но какъ началъ я далѣе разсматривать и читать, то неудовольствіе мое еще болѣе увеличилось. Я увидѣлъ, что были это все прошенія, поданныя губернатору отъ людей разнаго состоянія изъ кёнигсбергскихъ жителей, и всѣ писанныя такимъ страннымъ, темнымъ, безтолковымъ и нескладнымъ слогомъ, какого мнѣ еще никогда читать не случалось и которой бы заставилъ наилутчаго переводчика потѣть надъ собою; а что меня еще болѣе поразило, то многія изъ нихъ писаны были прямо глупымъ и безтолковымъ ихъ канцелярскимъ слогомъ, и наполнены множествомъ латынскихъ словъ и такихъ терминовъ, какихъ мнѣ никогда и слыхать не случилось. Словомъ, многія изъ нихъ были таковы, что мнѣ и въ голову совсѣмъ не лѣзли, и я не понималъ и десятой доли изъ того, что въ нихъ было написано. «И! и! и!» возопилъ я тогда, качая головой. «Да что мнѣ будетъ дѣлать съ ними, и какъ переводить? Ну, прямо сказать, хорошъ я теперь гусь! и нелегкая ли самая догадала меня сказать, что я переводить умѣю. Ну, что теперь изволишь дѣлать? хоть не радъ, а будь готовъ и принимайся за перо».

Словомъ, обстоятельство сіе меня такъ смутило, и переводъ бумагъ сихъ показался мнѣ столь труднымъ, что у меня сердце начало такъ же биться отъ сего, какъ билось прежде отъ опасенія, и я не радъ уже былъ всѣмъ слышаннымъ за нѣсколько минутъ до того себѣ похваламъ и всему знанію своему нѣмецкаго языка. Нѣ-

сколько минутъ не зналъ я, что дѣлать. Но какъ дѣло было уже здѣлано и возвратить того было уже не можно, то, вздохнувъ и погоревавъ, выбралъ одну, которая была поменьше и которой слогъ казался мнѣ полегче и вразумительнѣе, принялся я за перо и началъ переводить.

Но не успѣлъ я нѣсколько строкъ написать, какъ трудность перевода стала казаться мнѣ отчасу болѣе, и я прямо начиналъ чувствовать всю тягость сего дѣла. По необыкновенности моей къ переводамъ таковаго рода, встрѣчались мнѣ на всякой почти строкѣ новыя затрудненія и такія мѣста, которыя мнѣ никакъ не лѣзли въ голову и кои я не зналъ, какъ перевесть по-русски. Помучившись нѣсколько минутъ надъ одною и пришедъ въ совершенной тупикъ, бросилъ я сію и взялъ другую бумагу, въ надеждѣ, не лутче ли и не легче ли та будетъ: но небольшой опытъ доказалъ мнѣ, что переводъ сей былъ еще труднѣе первой; я подхватилъ третью—но сія ничѣмъ не была лутче прежнихъ, но еще труднѣе. «Господи помилуй! — восклицалъ я: — что за черти все это писали, и найду ли я хоть одну потолковитѣе!» Наконецъ попалась мнѣ одна сколько-нибудь другихъ повразумительнѣе, и я хотя съ трудомъ и нескоро, однако перевелъ.

Въ самое то время вошелъ ко мнѣ прежде упомянутой совѣтникъ посмотрѣть, что я дѣлаю. «Что, батюшка», говорилъ онъ мнѣ: «идетъ ли ваше дѣло на ладъ?»—Что, сударь!..—отвѣчалъ я ему:—дѣло мое худо клеится! Никогда еще мнѣ не случалось переводить писаніевъ такова рода, и весьма много въ нихъ совсѣмъ для меня непонятнаго; а особливо есть во многихъ слова и цѣлыя рѣчи на латынскомъ языкѣ, которыхъ, по неумѣнію этого языка, я вовсе не разумѣю. — «О, батюшка!—сказалъ онъ:—какъ-нибудь бы! А что касается до словъ латынскихъ и такихъ, которыхъ вы не разумѣете, то можете меня спрашивать. Я не поставлю за трудъ вамъ растолковать. Между тѣмъ, однако, перевели-ль вы что-нибудь?»—Вотъ перевелъ одну,—сказалъ я ему, подавая. Онъ прочелъ мой переводъ и казался быть имъ довольнымъ. — «Это довольно ужъ изрядно!»—сказалъ онъ, и взявъ и переводъ и подлинникъ, пошолъ отъ меня. Черезъ нѣсколько минутъ возвратился онъ обратно и сказалъ мнѣ, что его превосходительство приказалъ мнѣ объявить свое благоволеніе и притомъ сказать, чтобъ я теперь шолъ на свою квартиру, а въ послѣдующей день поутру приходилъ бы опять туда и продолжалъ свою работу.

Вѣсти сіи были для меня не весьма пріятны. «Волѣонъ Богъ!» думалъ я самъ себѣ, «и со всѣмъ благоволеніемъ его высокопревосходительства и со всѣми вашими похвалами, а я охотнѣе бы хотѣлъ не имѣть съ вами дѣла и остаться дома жить по прежнему».

Итакъ, въ превеликомъ огорченіи и въ досадѣ и на губернатора, и на всѣхъ, и на самого себя, пошолъ я въ свою квартиру и прогоревалъ весь достальной вечеръ о томъ, что со мною случилось. Но какъ пособить себѣ было нечѣмъ, то поутру на другой день нехотя потащился я опять въ замокъ и въ прежніе герцогскіе чертоги, но которые, несмотря на все древнее свое великолѣпіе, показались мнѣ тогда сущею тюрьмою; ибо досада моя на проклятыя безтолковыя бумаги была такъ велика, что не прельщала меня ни древняя архитектура, ни тканые историческіе обои, коими обита была та пространная храмина, въ которой, въ сущемъ уединеніи, препроводилъ я часа два наканунѣ того дня въ головоломной работѣ: но я проклиналъ все на свѣтѣ и не хотѣлъ удостоивать ихъ и взоромъ своимъ.

Пришедъ туда, къ удивленію моему увидѣлъ я всю сію комнату наполненную уже множествомъ людей. Было въ ней поставлено уже нѣсколько столовъ и сидѣли за ними разные канцелярскіе служители, и писали. Я легко могъ догадаться, что комнаты сіи асигнованы для канцеляріи губернаторской, и догадка моя была справедлива. Господинъ Корфъ при

везъ съ собою всѣхъ нужныхъ чиновниковъ для основанія въ Кёнигсбергѣ россійской губернской канцеляріи. Были съ нимъ два совѣтника, два секретаря, протоколистъ и нѣсколько человѣкъ приказныхъ служителей, какъ-то: канцеляристовъ, подканцеляристовъ и копеистовъ, однимъ словомъ, канцелярія полная, и она-то помѣщена была, на первой случай, въ сихъ комнатахъ, и та, гдѣ я наканунѣ того дня писалъ, здѣлана подъяческою, а другая, побочная, судейскою, и тамъ засѣдали совѣтники и секретари съ протоколистомъ.

Не успѣлъ я приттить, какъ помянутой совѣтникъ, которой одинъ только изъ всѣхъ ихъ былъ родомъ нѣмецъ, вывелъ ко мнѣ изъ судейской перваго секретаря, и съ слѣдующими словами меня ему съ рукъ на руки отдалъ: «вотъ вамъ Тимофей Ивановичъ, человѣкъ, котораго одного намъ недоставало».

Секретарь сей показался мнѣ набитымъ наиглупѣйшею подъяческою спѣсью. Вмѣсто того, чтобъ со мною обласкаться или меня привѣтствовать, не хотѣлъ почти онъ удостоить меня и своимъ взоромъ, но съ нѣкоторою грубостію и презрѣніемъ отвѣтствовалъ совѣтнику: — «Да въ состояніи ли онъ это дѣло дѣлать»?—Понавыкнетъ! — сказалъ господинъ Бауманъ, ибо такъ назывался сей совѣтникъ:—а до того времяни уже мы ему какъ-нибудь пособлять станемъ.—«То дѣло иное!» отвѣтствовалъ секретарь усмѣхнувшись и взглянувъ на меня, власно какъ съ нѣкакимъ презрѣніемъ, пошелъ въ судейскую.

Таковой пріемъ на первой встрѣчѣ былъ мнѣ весьма непріятенъ. «Что за чортъ это?» думалъ я самъ въ себѣ. «Самъ генералъ такъ гордо со мною не обходился, какъ этотъ горделивецъ». Но не успѣлъ я сего подумать, какъ вышелъ онъ опять и вынесъ ко мнѣ не только прежнія, но нѣсколько еще новыхъ бумагъ, и, швырнувъ почти мимоходомъ ко мнѣ на столъ, сказалъ:—«Изволь-ка, изволь-ка вотъ все это перевесть — посмотримъ-ка твоего умѣнья!»

Досадна мнѣ была таковая его грубость, и сколько я въ такихъ случаяхъ ни былъ терпѣливъ, однако не могъ тогда перенесть сего съ спокойнымъ духомъ и утерпѣть, чтобъ ему не сказать: «Каково, сударь, умѣется, такъ и переведу; а ежели будетъ не угодно, такъ прошу того на мнѣ не взыскивать. Я никогда переводчикомъ не бывалъ и охотою къ сему дѣлу не набивался, а меня неволею сюда призвали; я не искалъ того».

Слова сіи сказаны были весьма кстати и произвели свое дѣйствіе; ибо, сколько казалось мнѣ, то съ того времяни сталъ онъ обходиться со мною повѣжливѣе, или по крайней мѣрѣ далеко не таково грубо, какъ сначала.

Но хотя я господина сего симъ образомъ и отбоярилъ, однако дѣла своего тѣмъ не исправилъ, ибо переводить все-таки было надобно, и переводить много. Итакъ, принялся я за свою скучную работу, и хотѣлъ ее, власно какъ на зло сему умницѣ-секретарю, произвесть колико можно лутче въ дѣйство, дабы пріобрѣсть чрезъ то похвалу отъ совѣтниковъ. Но я истинно не знаю, удалось ли-бъ мнѣ учинить по желанію, естлибъ нечаянной случай не здѣлалъ мнѣ въ томъ неожидаемымъ образомъ великаго вспомоществованія.

Не успѣлъ я, сидючи одинъ и за особымъ столомъ, начать свою работу, какъ вошелъ въ нашу комнату одинъ пруской оберъ-секретарь изъ канцеляріи главнаго ихъ правительства, въ провожаніи двухъ нѣмецкихъ канцелярскихъ служителей. Сему оберъ-секретарю велѣно было имѣть въ нѣкоторые часы засѣданіе вмѣстѣ съ нашими совѣтниками и сноситься по дѣламъ своей канцеляріи съ нашею; и какъ вся часть дѣлъ, относящаяся до внутренняго управленія королевствомъ Прускимъ, должна была производиться имъ и упомянутымъ нашимъ совѣтникомъ Бауманомъ на нѣмецкомъ языкѣ, и обоимъ имъ было всегда множество письма, то для переписыванія ихъ бумагъ и приведены были помянутые два нѣмца, и приобщены къ нашей канцеляріи, а по осо-

бливому моему счастью, такъ случилось, что посажены они были за одинъ столъ со мною.

Не могу довольно изобразить, какъ обрадовался я, получивъ себѣ сихъ двухъ товарищей. Оба они были люди изрядные, и какъ скоро они примѣтили, что я перевожу съ нѣмецкихъ писемъ, то за первой себѣ долгъ сочли со мной на нѣмецкомъ языкѣ наивѣжливѣйшимъ образомъ обласкаться и свести со мною первое знакомство. Обстоятельство, что они не умѣли ни одного слова по-русски, а изъ всѣхъ нашихъ канцелярскихъ служителей никто, кромѣ меня, не умѣлъ говорить по-нѣмецки, побудило ихъ къ тому еще болѣе. Они, будучи тутъ какъ въ лѣсу, между незнакомыми и ихъ неразумѣющими людьми, рады были невѣдомо какъ, что нашли человѣка, съ которымъ могли они разговаривать, а я не меньше радовался ихъ сообществу; но радость моя проистекала отъ другой притчины. Я не сомнѣвался, что тотъ проклятой канцелярской нѣмецкой слогъ, которой мнѣ всего болѣе въ переводахъ досаждалъ и для меня былъ вовсе невразумителенъ, имъ, какъ канцелярскимъ служителямъ, долженъ быть извѣстенъ, и я положилъ воспользоваться ихъ знаніемъ и просить ихъ, чтобъ они мнѣ значеніе нѣкоторыхъ выраженій и словъ растолковали. Я и не обманулся въ моемъ мнѣніи и ожиданіи. Не успѣлъ я, къ нимъ равномѣрно приласкавшись, съ ними ознакомиться и имъ нужду мою изъявить, какъ съ превеликою охотою согласились они мнѣ всякое сумнительное слово, а особливо латынскія рѣчи растолковывать и столь ясно на простомъ и обыкновенномъ языкѣ изображать, что мнѣ не трудно уже было понимать все значеніе оныхъ и выражать ихъ на своемъ языкѣ. Словомъ, они обрадовали и одолжили меня тѣмъ до безконечности и здѣлали то, что я въ состояніи былъ до обѣда перевесть бо́льшую часть изъ данныхъ мнѣ бумагъ, и столь порядочно и хорошо, что посрамилъ тѣмъ высокоуміе господина секретаря и заставилъ его поневолѣ признаться, что переводъ мой былъ довольно вразумителенъ. Что-жъ касается до обоихъ господъ совѣтниковъ, то сіи не могли довольно приписать мнѣ похвалъ за мою прилежность и усердіе, и наиласковѣйшимъ образомъ просили, чтобъ я продолжалъ трудиться далѣе.

Получивъ таковую побѣду надъ высокомѣрнымъ секретаремъ, началъ я уже съ меньшимъ неудовольствіемъ продолжать далѣе свое дѣло; а вскорѣ дошла сему господину и самому до меня нужда. Пришолъ къ намъ одинъ изъ жителей кёнигсбергскихъ, съ которымъ нужно было ему поговорить; но какъ онъ не умѣлъ по-нѣмецки, а тотъ ничего по-русски, то самая нужда заставила его просить меня, чтобъ я взялъ на себя трудъ и между ими потолмачилъ. Я, отложивъ всю прежнюю досаду мою на него, охотно согласился исполнить его прозьбу, и маленькая сія услуга произвела то, что онъ не только пересталъ меня презирать, но, здѣлавшись ко мнѣ благосклоннымъ, благоволеніе свое даже до того простеръ, что какъ въ самое то время пришолъ генеральской адъютантъ звать ихъ всѣхъ обѣдать, то меня спросилъ, далече ли я стою на квартирѣ, и услышавъ, что до квартеры моей около двухъ верстъ будетъ, возопилъ: «и, братецъ, такъ зачѣмъ же тебѣ ходить такую даль домой обѣдать; а ты можешь обѣдать вмѣстѣ съ нами. Мы, по милости Николая Андреевича, имѣемъ для себя всегда готовой столъ, и ты можешь всегда ѣсть вмѣстѣ съ нами. Пойдемъ-ка, сударь! Я доложу о томъ самому генералу».

Я удивился такой нечаянной перемѣнѣ въ семъ ненавистномъ до того мнѣ человѣкѣ, и охотно послѣдовалъ за нимъ во внутренніе покои генеральскіе. Тутъ, дѣйствительно, доложилъ онъ о томъ генералу, которой не только представленіе его одобрилъ, но какъ ему обо мнѣ и о переводахъ моихъ все уже пересказано было отъ совѣтниковъ, и отъ самого сего въ особливомъ кредитѣ у него находящагося секретаря, то восхотѣлъ поступить далѣе и изъявить самолично мнѣ свое благоволеніе. Меня кликнули тотчасъ къ нему, и

не успѣлъ я войтить, какъ, обратясь ко мнѣ, сказалъ онъ: «Я очень доволенъ, мой другъ, твоими трудами: ты переводишь довольно хорошо. Итакъ, ходи въ канцелярію мою всякой день и помогай намъ далѣе, а обѣдай у меня всегда здѣсь съ секретарями: куда тебѣ ходить въ такую даль на квартиру».

Я учинилъ ему пренизкой поклонъ и былъ ласкою его совершенно доволенъ; и какъ чрезъ то самое здѣлался я къ штату его власно какъ пріобщеннымъ, то съ сего времяни и начался паки совсѣмъ иной родъ моей жизни, и такой періодъ оной, которой для меня въ особливости былъ достопамятенъ.

Въ предбудущихъ письмахъ опишу я вамъ оной обстоятельнѣе, а теперь, прекратя сіе письмо, остаюсь навсегда вашъ и протчее.

ПРИ КОРФѢ.

Письмо 63.

Любезной пріятель! Вышеупомянутое, всего меньше ожидаемое и хотя не формальное, а приватное пріобщеніе меня къ штату губернатора Корфа, составляло весьма важную и поистинѣ достопамятную эпоху въ моей жизни, ибо отъ сего пребыванія моего при семъ генералѣ проистекли такія слѣдствія, которыя имѣли на всѣ послѣдующіе дни жизни моей великое вліяніе. И какъ изъ сихъ слѣдствій наиважнѣйшимъ было то, что я во всемъ нравственномъ моемъ характерѣ перемѣнился и перемѣна сія положила первѣйшее основаніе всему благоденствію дней моихъ, то я не инако заключаю, что произошло сіе не случайнымъ образомъ, а по особливому смотрѣнію Небесъ и по дѣйствію пекущагося обо мнѣ всегда промысла Господня. Его святой волѣ было угодно, чтобъ случилось тогда со мною сіе произшествіе, произведшее во всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствахъ моихъ великую и для меня весьма блаженную перемѣну. Однако я удержусь пересказывать вамъ напередъ то, о чемъ узнать вы должны послѣ и въ свое время, а скажу только то, что я и понынѣ не могу еще довольно возблагодарить Бога, напоминая сей случай, и надивиться тому, какое особливое обстоятельство и повидимому самая бездѣлица подала ко всему тому первоначальной поводъ.

Оное состояло въ слѣдующемъ: господинъ Корфъ, собираясь изъ Петербурга къ путешествію своему въ Кёнигсбергъ и набирая всѣхъ нужныхъ для основанія тутъ губернской канцеляріи людей, хотя и возможнѣйшія старанія прилагалъ о наполненіи штата своего всѣми нужными и способными людьми и чиновниками, и могъ сіе тѣмъ лутче учинить, что дано было ему дозволеніе брать ихъ откуда онъ только похочетъ. Но волѣ Небесъ было угодно, что ни ему и никому изъ всѣхъ набранныхъ имъ чиновниковъ не пришло тогда въ память, что, по прибытіи въ Кёнигсбергъ, вся будущая канцелярія его состоять будетъ во всегдашнемъ сношеніи съ нѣмцами и имѣть дѣло не съ одними русскими, а вкупѣ и съ нѣмецкимъ народомъ, и что для сего необходимо нуженъ былъ имъ переводчикъ. Сіе обстоятельство вышло у нихъ совсѣмъ изъ головы, и они не прежде встрянулись, что они сіе позабыли, какъ по пріѣздѣ уже въ Кёнигсбергъ, и когда дѣло уже дошло до основанія самой канцеляріи. Тогда, но уже поздно, встрянулись они и увидѣли свою ошибку. Сожалѣніе у нихъ у всѣхъ было о томъ чрезвычайное. Самъ генералъ тужилъ о томъ невѣдомо какъ, и досадовалъ на своихъ секретарей, для чего они ему не напомнили, а сіи возлагали всю вину на него и совѣтниковъ, коимъ болѣе бы о томъ знать и помнить надлежало. Словомъ, всѣ они обвиняли другъ друга; но какъ сіе не помогало, а переводчикъ имъ былъ надобенъ, и секретари, неразумѣющіе ни одного слова по-нѣмецки, отдуху не давали генералу и совѣтникамъ, чтобъ они снабдили канцелярію толмачемъ и переводчикомъ, то самое сіе и было притчиною, что генералъ сей тотчасъ началъ спрашивать у оберъ-коменданта, господина Трейдена и у бригадира Нумерса, которые тогда Кёнигсбер-

гомъ управляли, нѣтъ ли у нихъ кого изъ офицеровъ, могущаго отправлять сію должность,—и судьбѣ было угодно, чтобъ симъ первой попался я на умъ. Они объявили обо мнѣ генералу, и сіе самое притчиною было прежде упомянутой за мною присылки и тому, что я попался въ сіе мѣсто и долженъ былъ отправлять должность и толмача, и переводчика.

Вотъ какія малыя и отдаленныя причины употребляются иногда провидѣніемъ Господнимъ къ сооруженію благоденствія тѣхъ, кого угодно ему одарить онымъ. Но я возвращусь теперь къ продолженію моей исторіи.

Не успѣлъ генералъ вышеупомянутымъ образомъ изъявить мнѣ публично при всѣхъ свое благоволеніе и приказать обѣдать всегда у него въ домѣ, а я выттить опять въ ту комнату, гдѣ для насъ накрытъ былъ особливой столъ, какъ всѣ нижніе чиновники, составляющіе его штатъ, окружили меня и начали со мною какъ съ новымъ своимъ сотоварищемъ и сотрудникомъ ознакомливаться и ко мнѣ ласкаться. Были тутъ оба наши секретари, протоколистъ, генеральской адъютантъ, одинъ живущей при генералѣ италіанецъ и еще нѣкоторые другіе и все незнакомые еще мнѣ люди. Но никто изъ всѣхъ ихъ такъ скоро со мною не познакомился и такъ много ко мнѣ не ласкался, какъ генеральской адъютантъ. Былъ онъ малой молодой и притомъ хотя поповичъ и сынъ преображенскаго протопопа, но воспитанъ такъ хорошо, что въ немъ не было ничего похожаго на его природу, но онъ не уступалъ ни въ чемъ и лутчему дворянину. Знаніе его языковъ, охота къ книгамъ и наукамъ, одинаковыя со мною лѣты и самой дружелюбной и хорошей его нравъ были притчиною тому, что мы въ одинъ почти мигъ съ нимъ познакомились и другъ друга полюбили: и могу сказать, что я имъ и дружбою его всегда былъ доволенъ. Но никогда онъ меня такъ не одолжилъ, какъ при семъ первомъ случаѣ. Онъ первой приласкался ко мнѣ, и не успѣлъ узнать, что я разумѣю языки и также охотникъ до наукъ, какъ и пошли у насъ съ нимъ разговоры, и онъ такъ ко мнѣ привязался, что посадилъ за столомъ подлѣ себя и во весь обѣдъ старался меня, какъ гостя, подчивать.

Столъ сей былъ у насъ особливой отъ генеральскаго и въ другой, подлѣ столовой его, комнатѣ, но немногимъ чѣмъ хуже генеральскаго, и какъ кушаньями, такъ и напитками такъ изобиленъ, что лутчаго желать было не можно; а что всего было лутче, то не было за онымъ такой принужденности и чиновъ, какая наблюдалась за самымъ генеральскимъ столомъ, гдѣ онъ обѣдалъ съ своими совѣтниками и гостями, которыхъ всегда бывало у него по нѣскольку человѣкъ. Но у насъ господствовала совершенная вольность: всякой говорилъ что хотѣлъ и другъ съ другомъ шутилъ и смѣялся, и никому не воздавалось никакова особаго почтенія, что все и придавало обѣдамъ симъ болѣе пріятности.

Насытившись и напившись за генеральскимъ столомъ, пошли мы опять въ канцелярію, и, принявшись за свои дѣла, просидѣли до самыхъ сумерокъ, такъ что я на квартиру свою возвратился уже почью.

Идучи въ сей разъ домой, находился я въ различныхъ движеніяхъ духа. Я не зналъ, радоваться ли мнѣ или печалиться о случившейся со мною столь нечаянной и скоропостижной перемѣнѣ... Съ одной стороны, мнѣ было непротивно, что попался я въ столь знаменитое, по мнѣнію моему, мѣсто. Пребываніе при главнокомандующемъ тогда всею Прусіею генералѣ и пріобщеніе, такъ-сказать, къ его штату льстило моему честолюбію. Я ласкался надеждою, что здѣлавшись вельможѣ сему знакомѣе могу пріобрѣсть дальнѣйшее его къ себѣ благоволеніе и, можетъ быть, могу произойтить чрезъ него въ люди. Съ другой стороны льстило меня то обстоятельство, что я тутъ находиться буду всегда между лутчими людьми и видѣть и знать все происходящее; съ третей — не противно было мнѣ и то, что я буду имѣть столъ всегда готовой и хорошей, и не буду имѣть нужды готовить

у себя дома и довольствоваться иногда столомъ очень нужнымъ. Съ четвертой, не непріятно было для меня и то, что чрезъ сіе опредѣленіе меня въ должность переводчика отрывался я часъ отъ часу болѣе отъ полку и отъ всѣхъ съ военною службою сопряженныхъ трудностей и по тогдашнему военному времяни и самыхъ опасностей—все сіе меня радовало и веселило. Но когда, съ другой стороны, приходили мнѣ на память трудные и скучные мои переводы, которые мнѣ и въ одинъ уже тотъ день какъ горькая рѣдька надоѣли; когда воображалъ я себѣ, что я всякой день долженъ буду ходить въ канцелярію и съ утра до вечера сидѣть безпрестанно надъ ними, и лишиться совершенно всей прежней и толь милой для меня вольности, то сіи мысли уменьшали много моего удовольствія и озабочивали меня несказанно. Пуще всего горевалъ я о томъ, что чрезъ то связанъ я буду по рукамъ и по ногамъ и не буду имѣть ни минуты, такъ-сказать, свободнаго для себя и такого времяни, которое-бъ могъ употребить я на собственныя свои любопытныя упражненія. Однако, какъ я однажды уже положилъ, какъ ни на что самому не набиваться, такъ ни отъ чего не отбиваться, естли что само по себѣ придетъ, то утѣшался я надеждою, что, можетъ быть, должность сія совремянемъ и не такова будетъ трудна, каковою казалась она мнѣ въ тогдашнее время; въ чемъ я и не обманулся, какъ вы то изъ послѣдствія увидите.

Итакъ, положась на Бога и ожидая всего отъ времяни, пошелъ я въ послѣдующей день опять въ канцелярію, и сталъ съ того времяни ходить туда ежедневно. Мы сиживали обыкновенно всякой день и до обѣда и послѣ обѣда, вплоть до самаго вечера. И какъ дѣлъ было превеликое множество, и оныя съ часу-на-часъ пріумножались, и были притомъ многія дѣла важныя, то хаживалъ обыкновенно генералъ самъ въ оную и просиживалъ по нѣскольку часовъ; почему, для удобнѣйшаго хожденія ему въ оную, и переведена была она чрезъ нѣсколько дней въ другія комнаты, которыя были ближе къ тѣмъ, въ которыхъ онъ жилъ, и хотя не такъ просторны, какъ первыя, но гораздо уютнѣе и веселѣе оныхъ. Онѣ находились въ томъ же этажѣ, но на самомъ лутчемъ и веселѣйшемъ углѣ во всемъ замкѣ и лежали надъ самою камерою. Тутъ, по особливому щастію, достался мнѣ особливой и наилутчей угольной покоецъ, отдѣленной отъ протчихъ подъяческихъ комнатъ дощатою перегородкою, и какъ вмѣстѣ со мною были одни только вышеупомянутые нѣмецкіе канцеляристы, то я сею перемѣною очень былъ доволенъ; тутъ была у насъ власно какъ особая нѣмецкая канцелярія: никто намъ изъ протчихъ подъячихъ не мѣшалъ и мы были спокойны. Къ вящему удовольствію, было у насъ два окна, изъ которыхъ видъ простирался очень далеко, и мы могли обозрѣвать не только одну изъ главнѣйшихъ улицъ, идущую мимо оконъ нашихъ подлѣ самаго замка, но и всю нижнюю и зарѣчную часть города. Въ одномъ изъ помянутыхъ оконъ избралъ я для себя мѣсто за особливымъ столикомъ, а въ другомъ окнѣ посадилъ монхъ товарищей, которыхъ сотовариществомъ становился я часъ-отъ-часу довольнѣе; ибо они не только вышеупомянутымъ образомъ помогали мнѣ очень много въ монхъ переводахъ, но, сверхъ того, имѣлъ я отъ нихъ и другую пользу, состоящую въ томъ, что я въ праздное время могъ упражняться съ ними въ разговорахъ и чрезъ то часъ-отъ-часу дѣлаться въ нѣмецкомъ языкѣ совершеннѣе и знающѣе.

Что касается до моей работы, то трудна она и почти несносна была мнѣ только съ самаго начала и покуда я не попривыкъ къ оной; а какъ скоро я узналъ всѣ особенные термины, употребляемые въ ихъ канцелярскомъ слогѣ, да и ко всему слогу ихъ попривыкъ, то переводы мои здѣлались мнѣ гораздо легче и сноснѣе, а сверхъ того стали они мало-по-малу и уменьшаться и чрезъ нѣсколько недѣль стало доходить до того, что иногда въ цѣлой день недоставалось мнѣ переводить и двухъ листовъ, а иной день и весь

проходилъ безъ дѣла. Однако, несмотря на то, не можно было мнѣ никакъ отлучаться: ибо то-и-дѣло принужденъ я бывалъ толмачить или переводить словесно нашимъ секретарямъ то, что говорили имъ приходящіе къ намъ ежедневно разныхъ состояній тамошніе жители, равно какъ и имъ пересказывать ихъ отвѣты; а для сей надобности и долженъ я былъ почти безвыходно быть въ канцеляріи.

Теперь, прежде повѣствованія о дальнѣйшихъ произшествіяхъ, остановлюсь я на минуту и разскажу вамъ, любезной пріятель, нѣсколько подробнѣе о тѣхъ разныхъ чиновникахъ, которые составляли тогда штатъ нашего генерала, дабы изъ того могли вы яснѣе видѣть, съ какими людьми долженствовалъ я тогда имѣть наиболѣе дѣло и ежедневно обходиться.

Наипервѣйшими по генералѣ были наши совѣтники. Ихъ было два, и оба они засѣдали вмѣстѣ съ генераломъ, да и жили сначала въ томъ же замкѣ, но въ другихъ только покояхъ. Одинъ изъ нихъ былъ нѣмецъ и назывался Иванъ Николаевичъ Бауманъ, а другой—русской, изъ фамиліи господъ Волковыхъ, и назывался Алексѣй Алексѣевичъ. Но сей послѣдней былъ у насъ недолго, но отбылъ потомъ въ другое мѣсто, а на его мѣсто произведенъ былъ другой нѣмецъ, по прозвищу господинъ Вестфаленъ, которой пріѣхалъ также вмѣстѣ съ Корфомъ и до того времяни, живучи при немъ, отправлялъ у него должность домашняго секретаря и велъ его кореспонденцію. Обоими сими первѣйшими особами и всегдашними собесѣдниками генерала были мы вообще всѣ довольны. Оба они были люди тихіе, добронравные и оба весьма прилежные къ своей должности; но какъ чинами своими они насъ далеко превосходили, а при томъ были оба нѣмца, то и не имѣли мы съ ними дальнаго сообщенія; но они вели себя отъ всѣхъ насъ какъ-то удаленно, и мы отъ обоихъ ихъ не видали, кромѣ вѣжливостей, никакова худа и добра.

Относительно до меня, были они оба ко мнѣ довольно благосклонны, а особливо господинъ Вестфаленъ; ибо какъ онъ былъ ученой человѣкъ, то пріятна ему была моя склонность къ наукамъ и читанію книгъ. Онъ входилъ со мною иногда въ разговоры и удостоивалъ при всякихъ случаяхъ меня своими похвалами. Но болѣе сего ничего я отъ него не видалъ, хотя онъ съ господиномъ Бауманомъ былъ у насъ во все продолженіе бытности нашей въ Кёнигсбергѣ.

Кромѣ сихъ, были у насъ еще два колежскихъ совѣтника, изъ коихъ одинъ назывался г. Калманнъ, и опредѣленъ былъ вмѣсто прежняго моего командира Нумерса въ кёнигсбергскую камору, а другой г. Клингштетъ, опредѣленной въ таковую-жъ камору въ Гумбинахъ, но жившей по большой части въ Кёнигсбергѣ; но съ сими обоими господами имѣли мы еще того меньше дѣла.

Но не таковы были наши русскіе нижніе чиновники. Изъ сихъ наизнаменитѣйшимъ былъ упомянутой уже мною первой секретарь. Онъ назывался Тимофей Ивановичъ Чонжинъ, и былъ тогда у насъ весьма важная особа. Вся канцелярія лежала на немъ почти на одномъ. Онъ былъ наиглавнѣйшимъ производителемъ всѣхъ дѣлъ и пользовался, сверхъ того, такою довѣренностью отъ генерала, что съ самимъ имъ иногда съ крикомъ поднималъ споры. Все сіе, равно какъ и подлое его происхожденіе,—ибо произошелъ онъ въ сіе достоинство изъ самыхъ низкихъ приказныхъ чиновъ,—и было притчиною, что человѣкъ сей набитъ былъ преглупѣйшею подъяческою спѣсью и такъ высокомѣренъ, что выводилъ иногда всѣхъ изъ терпѣнія. Характеръ сей соблюдалъ онъ во все время своего въ Кёнигсбергѣ пребыванія, и глупость сію простиралъ даже до того, что при самыхъ такихъ случаяхъ, когда самому ему иногда бывала до насъ нужда, не хотѣлъ никакъ себя унизить и сдѣлаться ласковѣе. Словомъ, онъ велъ себя весьма отъ насъ увышенно и не хотѣлъ никакъ обходиться съ нами дружелюбно и съ такою откровенностію, какъ всѣ протчіе, и за то мы всѣ вну-

тренно его не любили, хотя и оказывали ему наружное почтеніе. Впротчемъ, на приказныя дѣла и обыкновенные подъяческіе крючки былъ онъ весьма способная и столь бойкая особа, что изъ всѣхъ умѣлъ одинъ только, находясь въ семъ мѣстѣ, и толь хитро и искусно наживаться, что и примѣтить почти было не можно.

Въ разсужденіи меня, былъ сей человѣкъ, такъ-сказать, ни рыба, ни мясо. Не видалъ я отъ него никакова дальнаго добра, не видалъ и худа. Я, вѣдая его силу, хотя и старался ему угождать и при всѣхъ случаяхъ, когда ему нужны были мои услуги, оныя охотно ему оказывалъ, но со всѣмъ тѣмъ не могъ ничего болѣе отъ него приобрѣсть, кромѣ единыхъ небольшихъ ласкъ, оказываемыхъ имъ иногда мнѣ и столь холоднымъ образомъ, что не могли онѣ мнѣ никакъ чувствительны быть. Но сказать надобно и то, что изъ всѣхъ насъ никто не пользовался отъ человѣка сего отмѣннымъ дружелюбіемъ и ласкою.

Что касается до другова секретаря, которой назывался г. Гавриловъ, то сей былъ совсѣмъ иного сложенія. Гордости и высокомѣрія въ немъ не было ни малѣйшей, но онъ былъ ко всѣмъ ласковъ, снисходителенъ и въ обхожденіи благопріятенъ; но, къ нещастію, преданъ былъ въ высочайшемъ степени невоздержной и распутной жизни. Онъ и пріѣхалъ уже къ намъ съ изнуреннымъ совсѣмъ отъ невоздержнаго житья здоровьемъ, а тутъ, пустившись во вся и вся, еще болѣе оное разстроилъ и такъ ослабѣлъ, что не въ состояніи былъ, наконецъ, править должностью, и по сей притчинѣ отъ насъ чрезъ нѣсколько времяни отбылъ. Сей человѣкъ, во время пребыванія своего у насъ, хотя и ласкался всякой разъ ко мнѣ, и я благопріятствомъ, оказываемымъ отъ него мнѣ, былъ хотя и доволенъ; но какъ характеры наши не были между собою согласны, то я самъ не слишкомъ къ нему привязывался, но старался отъ него удаляться.

Третьимъ канцелярскимъ чиновникомъ былъ протоколистъ господинъ Дьяконовъ, по имени Яковъ Демидовичъ. Сей былъ обоихъ нашихъ секретарей несравненно лутче и какъ любви, такъ и почтенія достойнѣе. Онъ былъ человѣкъ хотя простой, но весьма доброй, постоянной, ко всѣмъ благопріятной и ласковой, и за то и любимъ былъ всѣми нами. Къ самому ко мнѣ оказывалъ онъ дружескую ласку и благопріятство, и я могу сказать, что я пріязнію его во всякое время былъ доволенъ и щиталъ его себѣ хорошимъ пріятелемъ.

Сіи три особы составляли всѣхъ важнѣйшихъ чиновниковъ нашей канцеляріи. Что-жъ касается до протчихъ нижнихъ канцелярскихъ служителей, то о нихъ не стоитъ труда упоминать подробно. Всѣ они были обыкновенные наши русскіе подъячіе, всѣ пьяницы и негодяи, и изъ всѣхъ ихъ не было ни одного, кто-бъ достоинъ былъ хотя малаго вниманія, почему я объ нихъ, какъ о заслуживающихъ единое презрѣніе, и умолчу, и тѣмъ паче, что я слишкомъ удаленъ былъ отъ какова-нибудь сообщенія съ ними; но то только скажу, что меня всѣ они любили и почитали.

Но не таковы были нѣмцы, мои сотоварищи. Они носили на себѣ хотя также имя канцеляристовъ, но не имѣли ничего похожаго на нашихъ подъячихъ. Одинъ изъ нихъ былъ во все время непремѣнной, и назывался Грюнмилеръ, а другой, смѣнной, и сначала былъ господинъ Олеусъ, потомъ г. Никартъ, а наконецъ г. Каспари. Всѣ они, власно какъ на отборъ, были люди хорошаго поведенія и любви достойныхъ характеровъ, и всѣ ко мнѣ ласковы, дружелюбны и благопріятны, и я могу сказать, что сообщество ихъ мнѣ послужило въ великую пользу. Ибо они не только помогали мнѣ препровождать праздное время въ пріятныхъ и разумныхъ разговорахъ, но какъ нѣкоторые изъ нихъ были довольно и учены и начитаны книгъ, то воспользовался я отъ нихъ и многими знаніями, и какъ ласкою, такъ и дружествомъ ихъ былъ всегда доволенъ.

Со всѣми сими людьми имѣлъ я вся-

кой день въ канцелярiи дѣло, и всѣ они были, такъ-сказать, мои сотрудники и сотоварищи. А теперь разскажу я о протчихъ въ свитѣ генеральской находящихся, съ которыми также, а особливо за столомъ, имѣлъ я ежедневное свиданiе.

Объ одномъ изъ нихъ я вамъ уже давича упомянулъ мимоходомъ, а имянно о генеральскомъ адъютантѣ, господинѣ Андреевѣ, ибо такъ онъ по отцу своему назывался. Сей человѣкъ въ короткое время получилъ ко мнѣ отмѣнное дружество и находилъ въ разговорахъ со мною толикое удовольствiе, что нерѣдко прихаживалъ ко мнѣ въ канцелярiю и провождалъ по часу и болѣе времяни въ разныхъ со мною дружескихъ и ласковыхъ разговорахъ. Въ сiе время говаривали мы обо всемъ: о книгахъ, о наукахъ, о рисованьи, и о протчемъ; и какъ характеры наши во многомъ были между собою согласны, то не бывало намъ никогда скучно. Въ одномъ только несогласенъ я съ нимъ былъ: въ томъ, что онъ предавался слишкомъ суетности и щегольствомъ своимъ доходилъ иногда даже до дурачества и до того, что ему наши канцелярскiе смѣивались. Впротчемъ, какъ онъ былъ человѣкъ немного у генерала значущей, то, кромѣ одной дружбы и ласки, не могъ я отъ него получить никакой иной себѣ пользы.

Другая и послѣдняя особа, составлявшее тогдашнее наше столовое общество, былъ нѣкто италiанецъ, по прозвищу Морнини, бойкая, хитрая и преразумная особа. Онъ жилъ тогда приватно у генерала, не нося никакой извѣстной должности, и пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Петербурга. Генералъ его очень любилъ и, какъ думать надобно, употреблялъ его на какiя-нибудь тайныя дѣла и сокровенныя комисiи; по крайней мѣрѣ, намъ ничего о томъ не было извѣстно. Сей человѣкъ съ самаго начала также отмѣнно меня полюбилъ, и во все время жительства его при генералѣ весьма ко мнѣ ласкался, такъ что я дружбою и благопрiятствомъ его крайне былъ доволенъ. Онъ имѣлъ для себя особливые покои и хаживалъ также нерѣдко нарочно ко мнѣ для разговоровъ, а времянемъ проснживалъ и я у него по нѣскольку времяни и слушивалъ разсказы его о Италiи и о протчихъ европейскихъ мѣстахъ, гдѣ ему бывать случалось; ибо онъ на свой вѣкъ довольно повояжировалъ и свѣту понасмотрѣлся, такъ что его можно было щитать хорошимъ проходимцомъ или авантуріеромъ. А какъ онъ, сверхъ того, превеликой охотникъ былъ до читанiя книгъ и все праздное время препровождалъ въ чтенiи, то и сiе меня много къ нему привязывало, и я могу сказать, что и сему человѣку обязанъ я многими изъ тѣхъ знанiй, которыя пріобрѣлъ я живучи въ Кёнигсбергѣ.

Въ сихъ-то разныхъ особахъ состояло то общество, посредѣ котораго долженъ былъ я жить и провождать свое время. Послѣ умножилось оно еще нѣсколькими особами; но о томъ упомяну въ свое время, а теперь, какъ письмо мое довольно уже увеличилось, то дозвольте мнѣ оное на сей разъ симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь и протчее.

ХАРАКТЕРЪ КОРФА.

Письмо 64.

Любезной пріятель! Въ первые дни или недѣли пребыванiя моего при губернаторѣ произошло со мною столь мало особливаго и замѣчанiя достойнаго, что я не помню ничего такова, о чемъ стоило бы вамъ разсказать, а все состояло только въ томъ, что дѣлъ у насъ такое было множество, что мы съ утра до вечера принуждены были безпрерывно работать, и меня утренняя заря выгоняла изъ квартиры, а вечерняя или паче самая ночь вгоняла опять въ оную. И какъ я всѣ дни безвыходно находился въ канцелярiи, то чрезъ сiе и познакомился я скоро со всѣми вышеупомянутыми сотоварищами своими, а сверхъ того, имѣлъ случай узнать нѣсколько ближе и главнаго нашего командира. И какъ я характеръ его вамъ еще не изображалъ, то надобно мнѣ теперь сiе исполнить и единожды навсегда

пересказать вамъ, каковъ былъ сей славной тогда правитель Прускаго королевства.

Онъ былъ человѣкъ доброй, но имѣлъ въ характерѣ своемъ весьма многіе недостатки. Относительно до его разума можно сказать, что былъ онъ отъ природы довольно хорошъ, но, какъ думать надобно, недовольно изощренъ при воспитаніи въ малолѣтствѣ, и потому всѣ знанія сего вельможи простирались не слишкомъ далеко, но весьма и весьма были умѣренны, и если онъ что̀ зналъ, такъ все то пріобрѣлъ по единой навычкѣ, живучи при дворѣ и въ большомъ свѣтѣ, и потому не столько былъ онъ способенъ къ гражданскому правленію и знающъ въ дѣлахъ, къ оному относящихся, сколько свѣдущъ во всемъ томъ, что̀ принадлежало до придворной и свѣтской жизни. Въ семъ пунктѣ былъ онъ довольно совершенъ, но что касается до дѣлъ, принадлежащихъ до правленія, а особливо письменныхъ, то къ онымъ по непривычки своей былъ онъ весьма неспособенъ и ему недоставало весьма многова къ тому, чтобъ могъ онъ быть при тогдашнихъ обстоятельствахъ хорошимъ губернаторомъ и правителемъ сего завоеваннаго королевства; и я не знаю, какъ бы ему во всемъ успѣвать было можно, естлибъ не помогали ему его совѣтники, а паче всѣхъ тотъ секретарь Чонжинъ, о которомъ упоминалъ я вамъ въ прежнихъ моихъ письмахъ, и которой былъ у насъ потомъ уже и ассесоромъ. Говорить и читать по-русски хотя онъ и умѣлъ довольно хорошо, но сего далеко еще не было достаточно, но ему нужно было давать ежедневно на многія дѣла свои рѣшительныя резолюціи и, къ нещастію, на дѣла по большей части важныя и нетерпящія ни малѣйшаго времяни и отлагательства, потому что отъ нихъ не только правленіе всѣмъ королевствомъ и все внутреннее въ ономъ благоустройство, но и снабденіе всей заграничной и въ походѣ противъ непріятеля находящейся арміи всѣми нужными потребностями зависѣло; а къ сему и не доставало въ немъ и быстроты разума, и рѣшительности скорой и безошибочной, и потому принужденъ онъ былъ полагаться по большей части на то, что̀ скажутъ, присовѣтуютъ и напишутъ наши секретари и совѣтники. Совсѣмъ тѣмъ, честолюбіе его и высокое мнѣніе о себѣ было такъ велико, что онъ старался скрывать колико можно сей недостатокъ и наблюдать видъ, будто бы всѣ дѣла рѣшитъ онъ самъ собою; а сіе натурально и подавало часто поводъ не только къ нерѣдкимъ замѣшательствамъ въ дѣлахъ, но и ко многимъ ошибкамъ, и тѣмъ паче, что и коварной секретарь, пользуясь сею слабостію, нерѣдко, для собственныхъ своихъ интересовъ, вводилъ его въ превеликія погрѣшности и дѣла, ни мало съ тогдашнею важною должностью его несообразныя. Къ вящему нещастію, по совершенному неумѣнію своему по-русски писать, онъ не могъ ничего самъ не только сочинять, но и написанное переправлять; а сіе подавало наивозжделѣннѣйшей случай сему хитрому человѣку его, по своей волѣ, обманывать и проводить. Нерѣдко случалось на самыхъ глазахъ нашихъ то, что онъ явно усматривалъ, что написано было не такъ, и серживался за то и бранился, а иногда нѣсколько разъ бумагу раздиралъ и переписывать приказывалъ, но какъ бы инако написать—того хорошенько истолковать и приказать далеко былъ не въ состояніи; и потому всѣмъ тѣмъ не достигалъ онъ до желаемаго, но принужденъ былъ наконецъ подписывать то же, но только другими словами написанное. Сіе единое можетъ уже доказать вамъ, любезной пріятель, каковъ былъ губернаторъ нашъ со стороны разума; а теперь послушайте, каковъ былъ онъ со стороны сердца и нрава.

Слухъ, носившейся у насъ еще до прибытія его, что онъ былъ вспыльчиваго и горячаго нрава человѣкъ, былъ не только справедливъ, но далеко еще недостаточенъ. Практика доказала намъ несравненно еще больше, и я не знаю, какъ и какими словами изобразить мнѣ вамъ нравственной характеръ сего человѣка; а коротко только скажу, что теперь, когда

я сіе пишу, идетъ мнѣ уже шестидесятой годъ моей жизни, и я въ теченіи сихъ лѣтъ хотя многихъ людей видывалъ, но не случилось мнѣ еще ни одного видѣть и найтить ему подобнаго и такого, которой бы такъ много къ гнѣву и бранчивости былъ склоненъ, какъ былъ сей человѣкъ. Истинно можно, по пословицѣ, сказать, что въ семъ пунктѣ въ разсужденіи его ужъ чередъ помѣшался. За все про все, и не только за дѣла, но и за самыя иногда бездѣлицы онъ серживался и распалялся чрезвычайнымъ гнѣвомъ и осыпалъ всѣхъ, кто-бъ то ни былъ, слуга ли его, или подчиненной, жестокими бранями и ругательствами. Съ слугами и съ домашними своими жилъ онъ въ безпрерывной войнѣ и дракѣ; а и для всѣхъ подчиненныхъ былъ онъ столь несносенъ, что изъ всѣхъ, имѣющихъ до него дѣло, не оставался ни одинъ безъ огорченія отъ него. И сіе было столь часто, что истинно не проходило ни одного дня, въ которой бы не поднималъ онъ нѣсколько разъ съ ними превеликой войны и ссоры и не осыпалъ бы ихъ тысячами клятвъ и браней, а нерѣдко и на одномъ часу сіе нѣсколько разъ отъ него повторяемо и возобновляемо было. Словомъ, всякая бездѣлица и ничего незначущая проступка въ состояніи была его раздражить и воспалить наивеличайшимъ гнѣвомъ. Съ сей стороны, при всей своей славѣ, величіи, богатствѣ, чести и знатности, былъ онъ нещастливѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, потому что духъ его былъ въ безпрерывномъ почти безпокойствіи и досадѣ, и всѣ почти часы и минуты его жизни заражены были ядомъ неудовольствія, и отъ самаго того наилутчія его забавы и увеселенія были несовершенны. Довольно, онъ до того досерживался, что дѣйствительно отъ того занемогалъ и ложился даже въ постелю. И не одинъ разъ было то, что онъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ умильнѣйшимъ образомъ просилъ и умолялъ, чтобы они его не сердили; но у сихъ всего менѣе на умѣ было умышленно его разсерживать, но всякой, для собственнаго своего спокойствія, самъ отъ того наивозможнѣйшимъ образомъ убѣгалъ и остерегался.

Теперь судите, каково намъ было жить съ такимъ безпутно вспыльчивымъ и сердитымъ командиромъ! Не долженъ ли онъ былъ всѣмъ намъ казаться сущимъ звѣремъ и извергомъ? Не должно ли было намъ всѣмъ его ненавидѣть и отъ него, какъ отъ нѣкоего чудовища бѣгать и его страшиться? Ахъ! любезной пріятель, онъ таковымъ и дѣйствительно сначала намъ, а особливо мнѣ казался, и я не успѣлъ сего ремесла его увидѣть, какъ тысячу разъ тужилъ о томъ, что попался ему подъ команду, и желалъ лутче бы за тысячу верстъ быть отъ него въ отдаленіи, нежели жить при немъ и обѣдами его пользоваться; но, ахъ, привычка къ чему не можетъ насъ пріучить и чего не можетъ здѣлать намъ сноснымъ! Въ сей истинѣ удостовѣрились всѣ мы съ избыткомъ собственною практикою и узнали, что человѣкъ столь же удобно и къ худому привыкнуть можетъ, какъ и къ хорошему, и что и самое дурное можетъ ему далеко не таково чувствительно быть, какъ скоро онъ къ тому нѣсколько попривыкнетъ.

Итакъ, скажу вамъ, что трудно намъ было жить и привыкать тѣрпѣть брани и гнѣвъ нашего генерала только сначала, а впослѣдствіи мы такъ уже къ нимъ привыкли, что ни во что ихъ себѣ не ставили, и вмѣсто того, чтобъ его ненавидѣть, мы всѣ его любили.

Вы удивитесь сему; но вы перестанете удивляться, когда, для растолкованія сей загадки, скажу вамъ далѣе, что генералъ нашъ сколько, съ сей стороны, былъ дуренъ и дуренъ до чрезвычайности, столько, съ другой, хорошъ тѣмъ, что былъ вовсе не злопамятенъ и отъ природы имѣлъ самое доброе сердце. Не успѣетъ таковая его блажь и дурь пройтить (и, по щастію, продолжалась она обыкновенно самое короткое только время), какъ становился онъ уже смирнѣе агнца и дѣлался нанласковѣйшимъ и дружелюбнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ, и можно было съ нимъ что хочешь говорить; а сіе и

было притчиною, что мы болѣе объ немъ сожалѣли, нежели на него досадовали, и охотно ему брани его и ругательства прощали, ибо удостовѣрены были въ томъ, что не произойдетъ отъ того никакихъ слѣдствій, и что не премѣнится чрезъ то нимало прежнее и хорошее расположеніе его ко всякому. И какъ онъ, сверхъ того, имѣлъ то въ себѣ хорошее, что онъ никому дѣйствительнаго зла не дѣлалъ, но болѣе къ благодѣтельству былъ склоненъ, то мы за то его и любили.

Описавъ симъ образомъ часть нравственнаго его характера, пойду теперь далѣе и разскажу, что мнѣ въ протчемъ было объ немъ извѣстно. Колико ни великъ въ немъ былъ помянутой порокъ и недостатокъ, однако онъ умѣлъ весьма щастливо заглушать его блескомъ наружной своей, пышной и великолѣпной жизни и пріятнымъ своимъ и дружелюбнымъ со всѣми жителями сего города обхожденіемъ. Будучи самъ по себѣ довольно богатъ, а притомъ получая превеликое жалованье, а сверхъ того еще по 6000 рублей ежегодно на столъ, что тогда было очень велико, и будучи бездѣтенъ и не имѣя кому имѣніе свое прочить, жилъ онъ во всю бытность его въ Кёнигсбергѣ прямо славно и великолѣпно и не такъ, какъ бы генералъ-порутчику, но какъ бы какому-нибудь владѣтельному князю или, по крайней мѣрѣ, вице-рою жить было надобно. Словомъ, онъ проживалъ тутъ не только все свое жалованье, но и всѣ свои собственные многочисленные доходы. Платье, екипажи, ливрея, лошади, прислуга, столъ и все протчее было у него столь на пышной и великолѣпной ногѣ, что обратилъ онъ вниманіе всѣхъ прускихъ жителей къ себѣ; а какъ присовокупилъ онъ ко всему тому современемъ и весьма частыя угощенія у себя всѣхъ наизнаменитѣйшихъ жителей кёнигсбергскихъ и старался доставлять всякаго рода увеселенія, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ, то чрезъ то власно какъ оживотворился весь городъ и санъ его здѣлался у всѣхъ такъ важенъ, какъ бы дѣйствительно какого-нибудь владѣтельнаго герцога и государя, и онъ пріобрѣлъ любовь отъ всего Прускаго королевства.

Вотъ какова мы имѣли тогда губернатора! Теперь скажу вамъ, что не успѣлъ онъ осмотрѣться, какъ первое его стараніе было снознакомиться со всѣми живущими въ городѣ знатнѣйшими прускими дворянскими фамиліями. Тутъ находилось около сего времяни довольно овыхъ, и въ числѣ ихъ были нѣкоторые графы и бароны, какъ, напримѣръ, графъ Станиславскій, графъ Кейзерлингъ, графъ Финкъ и нѣкоторые другіе, а изъ госножъ были не только графини и баронесы, но и самыя принцесы, какъ напримѣръ: принцеса Гольштейнъ-Бекская; изъ дворянскихъ же фамилій, а особливо госножъ, было множество. Онъ объѣздилъ тотчасъ всѣ наизнатнѣйшіе домы самъ, а чтобъ и со всѣми протчими ознакомиться, то, чрезъ нѣсколько времяни послѣ своего пріѣзда, здѣлалъ для всѣхъ превеликой пиръ, а потомъ далъ балъ, на которой званы были всѣ благородные обоего пола.

При семъ случаѣ впервые увидѣли мы все пруское тутъ находившееся дворянство; и какъ для званія онаго употребленъ былъ его адъютантъ, и по множеству домовъ одинъ сего дѣла исправить не могъ, то употребленъ былъ на вспоможеніе ему, при семъ случаѣ, я.

Для меня дѣло сіе было совсѣмъ новое и необыкновенное. Мнѣ дали верховую лошадь, и я долженъ былъ, по данному мнѣ реестру, всѣ дворянскіе домы въ городѣ отыскивать, господъ и госножъ тамошнихъ звать и потомъ, вмѣстѣ съ адъютантомъ, ихъ въ замкѣ принимать и во время стола и бала всячески угащивать стараться. Во всѣхъ такихъ дѣлахъ я никогда еще не обращался, однако, изъ послушанія и въ угодность генералу, старался свою должность какъ можно лутче исправить. Пріятель мой, адъютантъ, помогалъ мнѣ своими совѣтами и примѣромъ и, при помощи его, исправилъ я все такъ хорошо, что генералъ мой былъ мною доволенъ. Впротчемъ, за трудъ мой съ лихвою награжденъ я былъ тѣмъ удоволь-

ствіемъ, которое имѣлъ я при присудствіи на семъ пиру и торжествѣ. Гостей обоего пола, а особливо дамъ и дѣвицъ, было превеликое множество; и какъ до того времяни мнѣ никогда еще не случалось бывать на собраніяхъ толь многочисленныхъ и знатныхъ, то какъ самое собраніе, такъ и танцы и музыка плѣняла всѣ мои чувствы и мысли, и я не могъ всему насмотрѣться и надивиться. А сіе и было притчиною, что я и въ послѣдующее время, когда случались у насъ таковые-жъ праздники, охотно для смотрѣнія оныхъ хаживалъ и безотговорочно принималъ на себя труды и комисіи, буде когда какія мнѣ отъ генерала поручались, не смотря хотя по вышеизображенному его обычаю и доставалось иногда мнѣ такихъ же словца два-три, не очень гладкихъ, какими онъ нерѣдко и почти всякой день щедро осыпалъ бѣднаго своего адъютанта.

Симъ образомъ началъ я вести новой и совсѣмъ отъ прежней отмѣнной родъ жизни и мало-по-малу привыкать къ новой моей должности. И какъ труды мои услаждались тѣмъ удовольствіемъ, что я былъ всегда на людяхъ, могъ слышать, видѣть и узнавать все, происходившее какъ тутъ, въ городѣ, такъ и въ самой арміи, которая находилась въ походѣ, и изъ которой получаемыя извѣстія становились съ часу на часъ интереснѣй, любопытнѣй и важнѣе, а при всемъ томъ, имѣлъ всегда и хорошей столъ; то и привыкъ я къ ней очень скоро, и она мнѣ не только здѣлалась сноснѣе, но я началъ и находить въ ней уже и удовольствіе и скоро пересталъ совсѣмъ скучать ею.

Одно только меня отягощало, а имянно дальняя ходьба на мою квартиру, а особливо поздно по вечерамъ и въ ненастье; но и отъ этого отягощенія я скоро избавился: ибо не успѣлъ я изъявить оное сотоварищамъ моимъ въ канцеляріи, какъ всѣ стали совѣтовать мнѣ перемѣнить свою квартиру и сыскать другую, и гдѣ-нибудь поближе къ замку. О семъ я самъ давно уже помышлялъ, но сперва не хотѣлось мнѣ долго разстаться съ прекрасною своею и веселою квартирою; но какъ ежедневная ходьба мнѣ наконецъ слишкомъ надоѣла, и я увидѣлъ, что квартирою своею я вовсе почти уже не пользовался, ибо доводилось мнѣ въ ней только-что ночевать, а весь день съ утра до вечера провождалъ я въ замкѣ, то радъ былъ наконецъ какой-нибудь, но только поближе, и сталъ дѣйствительно себѣ просить и искать другой квартиры. Но, по нещастію, такъ случилось, что домы въ ближнихъ улицахъ были тогда всѣ отчасти заняты постоемъ, отчасти по разнымъ притчинамъ освобождены были отъ онаго и я не могъ иной найтить, какъ съ полверсты отъ замка, въ домѣ одного мясника. Квартирка сія была хотя и не такова весела, какъ прежняя, но какъ было въ ней два покоя, и я могъ въ ней свободно съ людьми моими умѣститься, то, уступая нуждѣ, выпросилъ я себѣ оную и безъ дальняго отлагательства на нее со всѣмъ своимъ скарбомъ перебрался.

Теперь, не ходя далѣе, опишу я вамъ сію мою новую квартиру. Была она въ одной части Штейндамскаго форштата, на улицѣ, идущей отъ замка мимо театра и неподалеку отъ штейндамской кирки, бывшей потомъ нашею церковью. Домъ былъ небольшой, о двухъ только этажахъ, изъ которыхъ въ нижнемъ жилъ хозяинъ, а верхней, состоящей въ двухъ покояхъ и однихъ сѣнцахъ, опростанъ былъ весь для меня. Изъ сихъ въ одномъ и переднемъ помѣстилъ я своихъ людей, а другой и заднеи асигновалъ для себя. Входъ въ нашъ этажъ былъ съ улицы узенькою лѣс(т)ницею вверхъ и совсѣмъ особливой, такъ что мы съ хозяиномъ не имѣли никакова сообщенія; а видъ изъ покоевъ монхъ простирался на самой тотъ просторной лугъ, о которомъ прежде упоминалъ я подъ имянемъ параднаго мѣста, и которой былъ внутри города, между Штейндамскимъ, Закгеймскимъ и Траггеймскимъ форштатомъ; изъ другова же покоя окны были на улицу. Итакъ, квартирка моя была неслишкомъ весела; но я по крайней мѣрѣ доволенъ былъ тѣмъ, что она, по низкости покоевъ, была довольно теп-

ла и спокойна, и что мнѣ ходить было гораздо ближе.

Что касается до моего хозяина, то былъ онъ, какъ выше упомянуто, мясникъ, слѣдовательно человѣкъ, заслуживающей отъ меня столь малое уваженіе, что я сво почти и въ лицо не зналъ; а все, чѣмъ я отъ него пользовался, состояло единственно въ томъ, что я покупалъ у него за деньги ежедневно прекрасныя сосиски или сырыя колбасы, которыя такъ были вкусны и сытны, что одной изжаренной на сковородѣ съ хорошею пшеничною булкою—довольно было для моего ужина. И я такъ къ нимъ привыкъ, что мнѣ жаривали ихъ ежедневно, и въ томъ одномъ состояли обыкновенно мои ужины во все время стоянія моего на сей квартерѣ, ибо обѣды наши у генерала были столь сытны, что могли мы по нуждѣ и безъ ужина оставаться, и я за излишнее почиталъ для себя готовить оные, кромѣ колбасовъ сихъ.

Впротчемъ, какъ чрезъ переѣздъ на сію квартиру удалился я уже далеко отъ полку и отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ оной расположенъ былъ по квартирамъ, то сіе и отлучило меня отъ всѣхъ прежнихъ моихъ друзей и полковыхъ сотоварищей, и разорвало совершенно всю бывшую у меня съ ними и столь для меня опасную связь, такъ что я съ того времяни ихъ почти уже и не видывалъ, а о томъ, что между ими происходило и дѣлалось, не имѣлъ уже никакого и свѣдѣнія; ибо въ такую даль не хотѣлось никому изъ нихъ ко мнѣ приходить, а хотя-бъ и вздумали, такъ знали они, что никогда не застанутъ меня дома.

Такимъ образомъ свободился я отъ пагубнаго съ ними сообщества и могу сказать, что сей пунктъ времяни былъ особливаго примѣчанія достоинъ въ моей жизни; ибо, сколько могу самъ себя упомнить, то съ самаго онаго началъ я — несмотря на всю тогдашнюю мою еще молодость, ибо полъ мнѣ только двацатой годъ — становиться часъ-отъ-часу степеннѣе и обстоятельнѣе въ моихъ мысляхъ и прилежать болѣе къ чтенію книгъ и къ наукамъ, которыя потомъ въ толикую мнѣ пользу обратились.

Однако надобно сказать, что ко всему тому весьма много поспѣшествовали и разныя другія притчины и случайности. Изъ сихъ первымъ, наиглавнѣйшимъ и прямо спасительнымъ для меня обстоятельствомъ почитаю я то, что я привязанъ былъ тогда такъ крѣпко къ канцеляріи, что я не могъ изъ ней никуда и никакъ отлучиться, и чрезъ сіе наложена была на меня, власно какъ самою судьбою, узда, весьма нужная для молодова человѣка; ибо по молодости своей хотя бы и вздумалось иногда кое-куда пойтить и погулять, но тогда, а особливо въ первыя недѣли, и подумать о томъ было мнѣ не можно, но я принужденъ былъ сидѣть безвыходно въ канцеляріи и не только работать, но и всякую минуту ожидать, чтобъ меня не спросили и не дали вновь какова дѣла; а чрезъ такое безпрерывное пребываніе въ замкѣ и предохранился я отъ всѣхъ искушеній, которымъ бы легко могъ подвергнуться, имѣя болѣе свободы.

Вторымъ и неменѣе щастливымъ для меня обстоятельствомъ почитаю то, что изъ всего нашего канцелярскаго общества и генеральскаго штата, кромѣ вышепомянутаго адъютанта, не было никого однакихъ со мною лѣтъ и такова, которой бы могъ быть мнѣ компаніономъ и меня подзывать и водить куда-нибудь съ собою, но всѣ были гораздо меня старѣе, и такихъ свойствъ и характеровъ, которые не сходствовали нимало съ моимъ тогдашнимъ. Изъ сихъ господъ, хотя и отлучались иногда иные изъ канцеляріи попеременно и хаживали въ трактиры и въ другія имъ надобныя мѣста, а нерѣдко у нихъ между собою бывали и сходбищи и компаніи, и господа сіи хотя всѣ меня любили и ко мнѣ ласкались, но никому изъ нихъ не приходило никогда въ голову подзывать меня и брать съ собою къ себѣ на квартеры, или въ тѣ мѣста, куда они хаживали. И я не знаю, молодость ли моя была тому притчиною, что они не хотѣли удостоивать меня своихъ компаній, или то, что я былъ посторонней человѣкъ и

не принадлежалъ собственно къ ихъ шайкѣ, или благодѣтельной моей судьбѣ, некущейся обо мнѣ, было то въ особливости угодно; но какъ бы то ни было, но то достовѣрно, что я, живучи между ихъ, и имѣя всякой день близкое съ ними обхожденіе, но въ самомъ дѣлѣ былъ отъ всѣхъ ихъ весьма удаленъ и, пребывая во всегдашнемъ людствѣ, жилъ особнякомъ и власно какъ въ совершенномъ уединеніи. Ибо какъ они меня къ себѣ никогда не приглашали, самъ же я не былъ наянчивъ и насильно на то не набивался, то и не хаживалъ я къ нимъ никогда, по зналъ только свою квартиру и канцелярію; а сіе и обратилось мнѣ потомъ въ великую пользу, ибо послѣ увидѣлъ, что господа сіи были такихъ свойствъ, что ходючи къ нимъ, или съ ними во всѣ мѣста, не многому-бъ добру могъ я отъ нихъ научиться, а скорѣй могъ бы себя повредить и испортить.

Что-жъ касается до сверстника моего, адъютанта, то сей бѣднякъ былъ еще болѣе моего связанъ и по рукамъ и по ногамъ, и не могъ самъ отъ генерала ни пяди отлучаться; слѣдовательно, и его знакомство не могло мнѣ быть вредно.

Третьимъ и щастливымъ для меня обстоятельствомъ было то, что какъ, по прошествіи нѣсколькихъ первыхъ недѣль, письменныя дѣла мои начинали не только уменьшаться, но нерѣдко и совсѣмъ перемежаться, такъ что иногда по нѣскольку часовъ сиживалъ я совсѣмъ безъ дѣла; то по привычкѣ моей съ малолѣтства къ всегдашнимъ упражненіямъ и стали праздные часы сіи мнѣ уже и скучны становиться, такъ что я, не занимаясь ничѣмъ, иногда даже тосковалъ оттого. Сіе обстоятельство притчиною тому было, что я вздумалъ въ запасъ на такіе случаи приносить съ собою съ квартиры койкакія книжки и въ праздное время занимался чтеніемъ оныхъ, ибо иного ничего дѣлать было тутъ не можно; а отъ сего и произошли для меня многія пользы. Ибо, во-первыхъ, занимался въ праздные часы полезнымъ для себя упражненіемъ и снискивалъ часъ-отъ-часу болѣе себѣ знаніевъ; во-вторыхъ, избавлялся скуки; втретьихъ, препятствовалъ мыслямъ своимъ заниматься отъ праздности другими предметами, могущими обратиться мнѣ во вредъ и въ предосужденіе, а вчетвертыхъ, наконецъ, самымъ тѣмъ подалъ поводъ пріятелю моему, адъютанту, расхвалить мнѣ одну знакомую ему книжку, а именно: «Нравоучительныя размышленія» графа Оксенштирна. Онъ расхвалилъ мнѣ ее до небесъ и тѣмъ такъ меня поджогъ, что я непремѣнно положилъ ее себѣ купить, и, сыскавъ свободной часъ, побѣжалъ искать книжной лавки и ее спрашивать.

День, въ которой я сіе учинилъ, былъ для меня поистинѣ блаженнымъ и крайне достопамятнымъ; ибо въ самой оной судьбѣ угодно было отворить мнѣ, такъ сказать, впервые дверь во храмъ наукъ и показать мнѣ прелестности онаго. Не могу довольно изобразить, какимъ восхищеніемъ поразился я, вошедъ въ тамошнюю книжную лавку, въ которой до того не случалось еще бывать мнѣ ни однажды. Одинъ изъ товарищей моихъ нѣмцовъ взялся проводить меня въ оную и указать тотъ глухой и неизвѣстной мнѣ переулокъ, въ которомъ она находилась. Не бывавъ никогда въ порядочныхъ и большихъ книжныхъ лавкахъ, поразился я воззрѣніемъ на преужасное множество непереплетенныхъ книгъ, лежащихъ не только въ стопахъ по полкамъ, но и разложенныхъ по всѣмъ столамъ и прилавкамъ такъ, что ихъ титлы и заглавія можно было единымъ взоромъ обозрѣвать и видѣть. Я не зналъ, куда мнѣ и на какую изъ нихъ обращать мои взоры, и какую разсматривать прежде и какую послѣ. Нѣсколько минутъ препроводилъ я, власно какъ въ изступленіи и не пересматривалъ, а пожиралъ глазами всѣ оныя. Естлибъ можно было, то всѣ бы я ихъ себѣ заграбилъ— такъ прельщался я симъ необыкновеннымъ для меня зрѣлищемъ. Но удовольствіе мое было еще больше, когда, спросивъ объ «Оксенштирнѣ», услышалъ, что она не только есть, но, несмотря на всю величину свою, такъ была дешева, что изъ

бывшихъ со мною денегъ еще большая половина осталась, и я могъ купить на нихъ и еще нѣсколько книгъ, которыхъ мнѣ титулы полюбились.

Съ превеликимъ удовольствіемъ побѣжалъ я оттуда къ переплетчику, чтобъ отдать ихъ переплесть, а между тѣмъ съ особливымъ вниманіемъ замѣчалъ всѣ улицы и переулки, по которымъ бы ходить мнѣ впредь въ сію лавку. Она и подлинно нерѣдко удостоивалась моего посѣщенія и принесла мнѣ въ послѣдующее время неоцѣненныя пользы.

Получивъ на другой день отъ переплетчика моего «Оксенштирна», приступилъ я того же часа къ чтенію оной. Нѣсколько дней читалъ я ее, не уставая; и хотя была она не изъ самолутчихъ, но для меня послужила тогда въ превеликую пользу. Сочинитель говорилъ въ ней обо всемъ на свѣтѣ, и о всей человѣческой жизни вперилъ въ меня множество весьма хорошихъ и такихъ мыслей, которыя послужили мнѣ великимъ побужденіемъ къ порядочной жизни и къ возможнѣйшему удаленію отъ пороковъ; а что всего лутче, заохотилъ меня и къ дальнѣйшему чтенію книгъ сему подобныхъ. Словомъ, я книги сей весьма много обязанъ и такъ я ее полюбилъ, что нѣкоторыя статьи изъ ней даже въ праздное время переводить вздумалъ; а и понынѣ не могу на нее взглянуть безъ нѣкотораго чувствія благодарности къ ней.

Таковое-то стеченіе разныхъ обстоятельствъ было притчиною и поспѣшествованіемъ помянутой, здѣлавшейся тогда во мнѣ первоначальной перемѣны въ мысляхъ и въ поведеніяхъ, и съ того времяни, при помощи благодѣтельныхъ ко мнѣ Небесъ, или, собственнѣе сказать, пекущагося обо мнѣ Промысла божескаго, пошелъ я часъ отъ часу далѣе и власно, какъ по лѣстницѣ. Но о семъ буду я разсказывать впредь и въ свое время; а теперь, поелику письмо мое уже слишкомъ увеличилось, то дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и сказать вамъ, что я есмь вашъ непремѣнной другъ и протчая.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ.

Письмо 65.

Любезной пріятель! Разсказывая вамъ въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ въ подробности обо всемъ, что случилось со мною въ первые мѣсяцы пребыванія нашего въ Кёнигсбергѣ, я такъ тѣмъ занялся и такъ о мелочахъ сихъ заговорился, что позабылъ совсѣмъ о нашей тогдашней войнѣ и о продолженіи оной. Исторія войны сей съ сего времяни хотя и не связана тѣсно съ моею, поелику я не имѣлъ уже собственнаго въ ней соучастія, однако, какъ я впереди началъ уже ее вкратцѣ описывать, то, надѣюсь, не противно вамъ будетъ и продолженіе краткаго повѣствованія о дальнѣйшихъ бывшихъ во время оной, и когда не всѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ, важнѣйшихъ произшествій.

Итакъ, возвращаясь нѣсколько назадъ, скажу вамъ, любезной пріятель, что между тѣмъ, какъ мы вышеупомянутымъ образомъ изъ Торуня въ Кёнигсбергъ шли и тутъ мало-по-малу жить привыкали, и время свое не столько въ трудахъ, сколько въ веселостяхъ провождали, въ свѣтѣ пылалъ уже повсюду военной огнь, и земля во многихъ мѣстахъ обагряема была человѣческою кровію. Въ послѣдней разъ, когда писалъ я къ вамъ о сей войнѣ, имѣлъ я уже случай разсказать вамъ, какія страшныя и великія пріуготовленія дѣланы были во всѣхъ воюющихъ областяхъ къ продолженію оной, и сколь многія и сильныя арміи изготовлены были для дѣйствованія другъ противъ друга, какъ скоро весна вскроется. Сіе и непреминуло воспослѣдовать. Не успѣла весна начать вскрываться, какъ тотчасъ уже и начались военныя дѣйствія. Сіе начало учинено было королемъ Прускимъ и его союзниками, и столь рано, что всѣ не могли тому довольно надивиться. Я упомянулъ уже вамъ отчасти прежде, что такъ-называемая союзная армія, состоящая изъ гановерацовъ, подкрѣпленная небольшимъ количествомъ прускихъ войскъ и предводимая брауншвейгскимъ герцо-

гомъ Фердинандомъ, начала производить военныя свои дѣйствія еще при самомъ началѣ сего года и даже въ самое зимнее время, и сколь великіе успѣхи она уже имѣла. Въ самое короткое время французы принуждены были не только оставить всѣ полученныя надъ непріятелями своими выгоды, но съ стыдомъ и растерянiемъ множества людей возвратиться за рѣку Рейнъ. Однако союзники короля Прускаго и тамъ не дали имъ покоя. Храброй принцъ Фердинандъ Брауншвейгской, присланной отъ короля для командованія сими союзными войсками, открылъ первой, и еще въ мартѣ мѣсяцѣ, кампанію сего года и предпріялъ дѣло по истинѣ весьма важное и трудное. Оное состояло въ томъ, чтобъ выгнать французовъ совсѣмъ изъ Нижней Саксоніи и Вестфаліи; но какъ число ихъ простиралось еще до 80.000 человѣкъ, а у него не болѣе было какъ 30.000 самыхъ тѣхъ гановеранцовъ, которые за три мѣсяца до того хотѣли-было совсѣмъ ружье положить, то потребно было къ тому все искуство и проворство великаго генерала. Къ тому-жъ присовокупить надобно и то, что и командовалъ французскою арміею уже не прежней слабой герцогъ Ришеліё, но вновь присланной отъ французскаго двора г. Клермонтъ, которой почитаемъ былъ также искуснымъ генераломъ. Со всѣмъ тѣмъ, французамъ и сія перемѣна мало помогла. Герцогъ Фердинандъ началъ производить столь искусныя движенія, что вскорѣ принудилъ французовъ выттить и очистить совсѣмъ всѣ брауншвейгскія, вольфенбительскія и гановеранскія области; послѣ чего пошелъ онъ прямо къ городу Миндену и, соединившись съ протчими бывшими на Везерѣ отрядами, осадилъ немедля ни минуты сей городъ. Графъ Клермонтъ хотя и отправилъ генерала Броглiо съ корпусомъ для подкрѣпленія сего города, но сей генералъ не могъ найтить случая къ предпріятію чего-нибудь важнаго противъ союзниковъ, но принужденъ былъ быть только свидѣтелемъ тому, какъ они сей городъ взяли и весь въ немъ бывшей гарнизонъ полонили. Сіе произшествіе и отобраніе всѣхъ протчихъ укрѣпленныхъ городовъ, которыми-было французы въ нѣмецкой землѣ овладѣли, и повсемѣстные успѣхи гановеранцовъ, принудили французовъ выттить совсѣмъ изъ предѣловъ областей нѣмецкихъ и расположиться за Рейномъ на кантониръ-квартиры, что для отдохновенія учинили потомъ и союзныя войски, набравъ при разныхъ случаяхъ до 11 тысячъ человѣкъ въ полонъ изъ войскъ французскихъ.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило на Рейнѣ и въ отдаленнѣйшемъ краю тогдашняго военнаго театра, не находился и самъ король Пруской въ праздности. Его озабочивали всего болѣе мы и превеликія наши приготовленія къ тому, чтобъ войтить въ нѣдры самыхъ его бранденбургскихъ областей. Прусія была имъ оставлена и находилась вся въ рукахъ нашихъ. Онъ чувствовалъ, что ему не можно довольно защитить страну, отъ протчихъ его областей столь отдаленную, и потому объ оной уже и не старался. Но защищеніе Бранденбургіи было не таково маловажно; но какъ требовались войски и для другихъ мѣстъ, то старался онъ пособить себѣ въ семъ случаѣ хитростью и располаганіемъ оныхъ въ такомъ удобномъ между собою сближеніи, чтобъ, въ случаѣ нужды, можно было ему тотчасъ совокупить ихъ вмѣстѣ для производства какова-нибудь рѣшительнаго дѣла. Обстоятельство, что неизвѣстно было, куда пойдетъ наша армія — въ Шлезію ли или прямо въ Мархію Бранденбургскую — наводило на него сомнѣніе; однако онъ приготовился на оба сіи случая, и, вѣдая довольно нашу нерасторопность и обыкновенную намъ медлительность, предпріялъ воспользоваться симъ обстоятельствомъ и до прибытія нашего получить надъ цесарцами какія-нибудь выгоды.

Въ таковомъ расположеніи отдѣлилъ онъ противъ насъ только самое малое количество войскъ и поставилъ на границахъ померанскихъ не столько для воспрепятствованія намъ въ походѣ, сколько для примѣчанія нашихъ движеній. Удо-

стовѣреніе его въ нашей неповоротливости было такъ велико, что онъ не присоединилъ даже къ тому и того небольшого корпуса, которымъ командовалъ у него графъ Дона, и которой назначенъ былъ для охраненія и защиты всего сего края, но отправилъ оной для обложенія шведской крѣпости Стральзунда. Самъ же, ни мало не медля, отправился съ главными своими войсками въ Шлезію, для осады главной шлезской крѣпости Швейдница.

Выступленіе его въ сей походъ воспослѣдовало очень рано и тогда, когда ни мы, ни сами цесарцы еще о походѣ всего меньше помышляли; и поспѣшеніе въ семъ дѣлѣ, отъ котораго весь успѣхъ онаго зависѣлъ, было такъ велико, что онъ успѣлъ еще въ мартѣ не только туда притить, но и открыть траншеи, и къ 4 апрѣлю довесть оныя до гласиса и самаго палисада, а 5-го числа, учинивъ приступъ, принудить крѣпость сію здаться на договоръ. Словомъ, предпріятіе сіе удалось ему наивозжделѣннѣйшимъ образомъ, и взятье сей славной крѣпости не стоило ему и ста человѣкъ; онъ же получилъ при семъ случаѣ въ полонъ двухъ генераловъ, 173 офицера и до 5,000 рядовыхъ.

По овладѣніи сею крѣпостью, употребилъ онъ паки славную стратагему, или военной обманъ. Онъ, вознамѣрясь нечаянно напасть на Моравію и овладѣть цесарскою крѣпостью Ольмицомъ, скрылъ такъ хорошо свое намѣреніе, что цесарцы вдались въ совершенной обманъ, и по дѣланнымъ королемъ пріуготовленіямъ думали, что онъ идетъ въ Богемію, и потому тамъ и собрали свои войски и расположились при Находѣ. Но король вмѣсто того, 6-го числа, отправился въ Моравію, и, собравъ войски свои при Тропнау, пошелъ съ такимъ поспѣшеніемъ, что войски его въ три дни перешли 40 миль и онъ 22 апрѣля находился уже при Ольмицѣ, а цесарцы въ сіе время и не тронулись еще изъ Богеміи.

Вся Моравія находилась тогда почти безъ защиты. Генералъ Виль, командовавшей тамъ немногими войсками, охранявшими оную, впустилъ пѣхоту свою въ крѣпость, а самъ съ конницею своею ретировался въ Брюнъ. Крѣпость тотчасъ осаждена была прусаками, какъ скоро привезены были къ нимъ пушки, и они надѣялись, что возьмутъ ее столь же легко и таково-жъ скоро, какъ Швейдницъ. То же думали тогда и всѣ, и болѣе потому, что крѣпость сія была не изъ важныхъ и не такихъ, которая бы могла вытерпѣть формальную осаду и остановить надолго быстрой токъ успѣховъ королевскихъ. Главной австрійской магазинъ находился въ Лейтомишелѣ, на границахъ моравскихъ. Не было вѣроятности, чтобъ Даунъ могъ изъ отдаленной Богеміи поспѣть для защищенія онаго и недопущенія прусаковъ до овладѣнія онымъ. Король и дѣйствительно имѣлъ намѣреніе произвесть сіе въ дѣйство, а вкупѣ напасть на Богемію съ сей стороны и чрезъ самое то отдалить цесарскую армію отъ нашей. Но прожектъ сей составлялъ таинство, которое хотѣлось королю всячески сокрыть отъ цесарцевъ. Онъ запретилъ наистрожайшимъ образомъ всему войску, чтобъ никто въ теченіе цѣлыхъ шести недѣль не дерзалъ писать ничего изъ арміи. Легкія его войски достигали ужъ набѣгами своими до границъ самой Австріи. Въ самомъ столичномъ цесарскомъ городѣ Вѣнѣ уже боялись, чтобъ не пришолъ вскорѣ король Пруской и не явился предъ стѣнами онаго. Словомъ, всѣ обстоятельства обѣщевали великіе для короля успѣхи и предвозвѣщали произшествія важныя; однако, противъ всякаго чаянія, произошло совсѣмъ тому противное.

Осада Ольмица попродлилась; сидящей въ оной генералъ Маршалъ учинилъ столь храброй отпоръ, что прусаки не могли ею никакъ овладѣть, а чрезъ то получилъ Даунъ время приттить къ Лейтомишелю, прикрыть магазинъ и подкрѣпить ольмицкой гарнизонъ множайшимъ числомъ войска. Сіе случилось весьма кстати, ибо осада сему городу продолжалась уже съ 16 мая, и апроши до-

ведены были до самаго гласиса. Прусаки всадили уже въ него до 180 тысящъ ядръ и бомбъ, и имъ оставалось только учинить приступъ къ оному.

Совсѣмъ тѣмъ Даунъ, по прибытіи своемъ, увидѣлъ сущую невозможность освободить сей городъ отъ осады, не давъ съ прусаками баталіи; но какъ успѣхъ оной не могъ быть никому напередъ извѣстенъ, и въ случаѣ потерянія баталіи могли-бъ проистечь весьма бѣдственныя для всей Австріи слѣдствія, то Даунъ разсудилъ за выгоднѣйшее стараться отъ баталіи удалиться и довольствоваться окруженіемъ всего непріятельскаго лагеря и недопущеніемъ до него никакихъ транспортовъ и сикурсовъ. Храброй Лаудонъ, здѣлавшейся изъ добраго солдата изящнымъ генераломъ, командовалъ легкими цесарскими войсками. Подъ его предводительствомъ одерживали они на всѣхъ бывшихъ малыхъ сраженіяхъ всегда надъ прусаками верхъ, и сей родъ войны, обезпокоивавшей чрезвычайно прусаковъ, удался наконецъ по желанію и принудилъ прусаковъ оставить осаду. Въ началѣ іюня узналъ Даунъ, что идетъ къ Прускому королю сикурсъ съ великимъ транспортомъ амуниціи и денежной казны изъ Шлезіи; онъ отправилъ для разбитія его генераловъ Лаудона и Шишковича, давъ каждому по 6,000 человѣкъ войска. Они напали на сикурсъ сей въ самое почти то время, когда онъ хотѣлъ вступать въ линіи прусаковъ, и разгромили оной совершенно. Они побили до 3,000 прусаковъ, взяли 400 человѣкъ въ полонъ, получили въ добычу 12 пушекъ и овладѣли всѣмъ почти транспортомъ. Таковой чувствительной уронъ и недостатокъ во всѣхъ нужныхъ вещахъ принудилъ короля оставить осаду сего города и отъ него удалиться.

Прусаки неудачу сію приписывали наиболѣе тому, что инженерной ихъ полковникъ Балби ошибся и началъ вести апроши къ городу слишкомъ издалека и за 1,500 шаговъ отъ крѣпости, отчего прошло много времяни, покуда могли они доведены быть до гласиса, и потеряно много попустому пороху и ядръ; а во-вторыхъ, потерянію помянутаго обоза, состоявшаго въ 3,000 повозокъ, которой, по длинѣ его, не было имъ возможности весь вдругъ на дорогѣ защитить отъ нападавшихъ цесарцовъ, которые такъ хорошо успѣли произвесть сіе дѣло, что изъ всего множества фуръ и телегъ едва только двумъстамъ съ половиною удалось пробраться до прускаго лагеря, въ числѣ которыхъ 37 возовъ было съ деньгами.

Весь свѣтъ удивился тогда благоразумію Дауна. Онъ освободилъ городъ сей отъ осады, не потерявъ ни одного человѣка. Онъ умѣлъ избѣжать баталіи и сопротивника своего довесть наконецъ до того, что ему столь же опасно было отважиться дать бой, какъ и продолжать осаду, и чрезъ самое то принудилъ оставить оную. Однако и король прославился тогда не менѣе своимъ благоразуміемъ Онъ не только отступленіе сіе произвелъ съ толикимъ искуствомъ, что цесарцы не могли ему ничего при томъ здѣлать, но и пошолъ въ такую сторону, куда никто не думалъ. Ибо, вмѣсто отступленія въ Шлезію, пошолъ онъ вдругъ въ сторону къ Богеміи и прямо къ столичному въ ней городу Прагѣ, и въ началѣ іюля расположился лагеремъ при Кёнигсгрецѣ. Даунъ и Лаудонъ послѣдовали за нимъ, одинъ по правую, а другой по лѣвую руку, и стали лагеремъ насупротивъ его при Любшау.

Теперь оставимъ объ сіи арміи, стоявшими въ сей позиціи, и посмотримъ, что между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ происходило.

Колико неудачна была ольмицкая осада королю Прускому, столь удачно было, напротивъ того, начало кампаніи сего лѣта его союзникамъ, гановеранцамъ. Родственникъ его, славной принцъ Фердинандъ Брауншвейгской, соединись съ французскою арміею, бывшею подъ командою принца Клермонта, при Кревельтѣ, одержалъ надъ нею совершенную побѣду. Сія побѣда могла имѣть весьма досадныя слѣдствія для австрійскихъ Нидерландъ.

Принцъ Брауншвейгской, побѣдивши французовъ, пошелъ далѣе, побралъ многіе города, вступилъ въ Нидерланды, взялъ городъ Рюремонтъ, и легкія его войски простирали набѣги свои даже до воротъ столичнаго города Брисселя; но, по щастію, одержанная французскимъ маршаломъ Брогліо, вскорѣ послѣ того, побѣда надъ гессенъ-касельскими войсками, бывшими подъ командою принца Изенбургскаго, при Зундергаузенѣ, поправила нѣсколько дѣла и дурныя обстоятельства французовъ. Они вошли послѣ сей побѣды въ городъ Минденъ, и вся гановеранская земля здѣлалась имъ отверстою. Сіе разстроило такъ много всѣ предпріятія принца Фердинанда, что онъ принужденъ былъ, оставивъ всѣ свои завоеванія, перейтить назадъ чрезъ рѣку Рейнъ и иттить къ Мюнстеру.

Таковыя были произшествія у союзниковъ нашихъ; а теперь время уже намъ обратиться къ нашей арміи и посмотрѣть, что̀ между тѣмъ мы дѣлали и что̀ у насъ происходило.

По занятіи всей Пруссіи нашими войсками, расположился нашъ главнокомандующій генералъ графъ Ферморъ, какъ прежде было уже упоминаемо, вдоль по рѣкѣ Вислѣ кордономъ. Въ семъ положеніи оставалась армія до вскрытія полой воды, и въ теченіе сего времяни старался онъ только занять такимъ же образомъ войсками нашими и предмѣстья города Данцига, какъ заняты были всѣ прочіе польско-прусскіе города: Эльбингъ, Маріенбургъ, Кульмъ, Грауденцъ и Торунь. Однако сіе намѣреніе его не удалось. Данцигскіе жители того не захотѣли, за нихъ вступились министры прочихъ державъ, и такъ принуждено было сіе дѣло оставить. Какъ же скоро весна начала вскрываться, то переправленъ былъ одинъ корпусъ войска, подъ командою генерала Панина, за Вислу, и велѣно было стать лагеремъ подлѣ мѣстечка Диршау, а чрезъ нѣсколько времяни потомъ переправилась и вся армія при Диршау чрезъ Вислу, и расположилась на той сторонѣ лагеремъ.

Всѣ думали тогда, что армія наша выступитъ нимало не медля далѣе въ походъ и, пользуясь отсудствіемъ короля, поспѣшитъ войтить въ предѣлы бранденбургскіе и простирать завоеванія свои далѣе; однако воспослѣдовало противное тому, и, къ удивленію всего свѣта, простояла она въ помянутомъ положеніи и не дѣлая ничего нѣсколько недѣль сряду. Никто не зналъ, что̀ заключать о таковой медлительности, и хотимъ ли мы, или нѣтъ, вправду нападать вооруженною рукою на шлезскія и бранденбургскія земли. Но притчиною тому было, можетъ быть, поджиданіе идущихъ прямо чрезъ Польшу другихъ нашихъ войскъ, а особливо новаго или такъ-называемаго «обзерваціоннаго» корпуса, которой шолъ весьма медлительными стопами. Но какъ бы то ни было, но армія наша стояла до самаго почти іюня праздно и ничего не дѣлала, и не прежде выступила въ походъ, какъ въ исходѣ маія; но и тутъ дошла только до мѣстечка Коница и, остановившись, опять нѣсколько недѣль простояла.

Въ семъ мѣстѣ соединилась, наконецъ, вся армія вмѣстѣ, и генералъ Ферморъ, отдѣливъ особой корпусъ, подъ командою графа Румянцова, для впаденія въ прускую Померанію, самъ поворотилъ влѣво и пошолъ со всею арміею въ Малую Польшу, и чрезъ нѣсколько дней прибылъ въ польской городъ Познань.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило, передовыя наши войски отправленнаго въ Померанію корпуса, подъ командою генералъ-маіора Демику, вступили въ предѣлы померанскіе при мѣстечкѣ Рацебурѣ, неподалеку отъ городка Нейштетина. Въ семъ городкѣ поставленъ былъ отъ прусаковъ одинъ ротмистръ, съ нѣсколькими десятками гусаръ и драгунъ, для примѣчанія нашихъ движеній. Онъ хотѣлъ было захватить одну нашу партію, но самъ охваченъ былъ такъ нашими войсками, что принужденъ былъ три раза прорубаться сквозь нашихъ и съ великою нуждою спасся въ Нейштетинѣ.

Сіе было первоначальное въ сей годъ непріятельское дѣйствіе, и прусаки не-

преминули и въ сей разъ очернить поступки нашихъ войскъ въ глазахъ всего свѣта. Они кричали повсюду, что войски наши, при вшествіи своемъ и въ сей разъ въ предѣлы прускіе, производили безчеловѣчныя варварства и такія жестокости, какія производимы были ими въ минувшемъ году при фельдмаршалѣ Апраксинѣ. По повелѣнію отъ двора ихъ, обнародованы были такія извѣстія, которыя безъ досады читать было не можно. Они писали, что будто бы послѣ вышеупомянутой сшибки оное мѣстечко Рацебуръ со всѣми сосѣдственными деревнями предано было на расхищеніе казакамъ, и что они не только разграбили оныя и опустошили совершенно, но производили и неслыханныя безчеловѣчія. По словамъ ихъ, сундуки и укладки во всѣхъ домахъ были разломаны, хлѣбъ потоптанъ и потравленъ, рогатой скотъ, овцы и лошади отогнаты въ Польшу и тамъ за безцѣнокъ распроданы; а жители, несмотря хотя они все, что̀ у нихъ ни было, охотно отдавали, немилосердо сѣчены были плетьми и мучены. У лотинскаго пастора Гензеля отрублена была сперва рука, а потомъ застрѣленъ онъ былъ тремя пистолетными пулями. Бурценскаго ландрата Остена и нѣсколькихъ другихъ пасторовъ засѣкли до полусмерти кнутьями, отчего ландратъ и умеръ; а другова Остена, шестидесятипятилѣтняго старика, обвязали соломою и, зажегши оную, такъ и оставили, отчего онъ лишился жизни. Безчинія же, дѣлаемыя надъ женщинами всякаго состоянія и возраста, неудобьизобразимы, и такъ далѣе. «Опустошивъ симъ образомъ—продолжали сіи извѣстія говорить далѣе—половину Нейштетинскаго уѣзда, сей корпусъ продолжалъ свой походъ до Драггеймскаго Господства въ Неймаркѣ, и опустошилъ такимъ же образомъ помянутое господство вкупѣ съ Драмбургскимъ и Аренсвальдскимъ уѣздомъ въ Неймаркѣ. Но какъ скоро увѣдомились они, что идутъ противъ ихъ нѣкоторыя отправленныя изъ Кистрина войски, то отступили чрезъ Драгу-рѣку назадъ въ Польшу и испытывали только тамъ дѣлать набѣги, гдѣ не уповали они найти себѣ противоборство».

Вотъ какимъ образомъ писали объ насъ прусаки и, можетъ быть, имѣли къ тому и притчину, ибо за казаковъ нашихъ поручиться никому не можно. Однако и то правда, что никто такъ безстыдно не умѣлъ лгать, какъ прусаки, и что имъ уже не въ диковинку было сплетать иногда сущія лжи или, по крайней мѣрѣ, изъ каждой мухи дѣлать слона. Но я, оставя сіе, возвращусь къ продолженію исторіи.

Главная наша армія, простоявъ дней десять въ Познани и приготовившись совсѣмъ ко вступленію въ непріятельскую землю, выступила, наконецъ, 1-го числа іюля въ походъ и пошла прямо въ Шлезію, направляя походъ свой къ прускому городу Франкфурту, что̀ на рѣкѣ Одерѣ. Разныя небольшія непріятельскія партіи встрѣтили ее тотчасъ при вступленіи въ предѣлы прускіе, и наши передовыя войски принуждены были безпрерывно съ ними сражаться. Ибо какъ скоро получено было королемъ извѣстіе о приближеніи къ границамъ его нашей арміи, то велѣно было отъ него генералу графу Дона оставить обложеніе шведскаго города Стральзунда и поспѣшать къ тому мѣсту, гдѣ мы намѣрены были войтить, и стараться дѣлать намъ въ походѣ возможнѣйшею остановку и помѣшательство, и всячески защищать страну сію отъ войскъ нашихъ. Сей генералъ, имѣя небольшой корпусъ, расположился за рѣкою Одеромъ при Франкфуртѣ, и, для дѣланія намъ остановокъ и препятствія, отправилъ съ отрядами генераловъ Каница, Малаховскаго и Платена, и сіи непреминули учинить все, что̀ только имъ возможно было. Но какъ отряды ихъ были слишкомъ малы, то и не могли они ничего важнаго произвесть противъ столь многочисленной арміи, какова была тогда наша. Они хотя и старались засѣдать въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, чрезъ которыя намъ иттить надлежало, равно какъ и при переправахъ чрезъ нѣкоторыя рѣки дѣлать намъ препятствія и безпокойство, но съ

уроном принуждены были всегда уступать слишкомъ превосходящей ихъ силѣ.

Совсѣмъ тѣмъ, какъ графъ Дона съ корпусомъ своимъ взялъ при Франкфуртѣ такую позицію, что нашей арміи не можно было съ удобностію въ семъ мѣстѣ переправиться чрезъ большую рѣку Одеръ, такъ, какъ армія была сперва намѣрена, то графъ Ферморъ рѣшился выттить опять изъ предѣловъ Шлезіи, въ которые было онъ вошолъ и, поворотивъ вправо, вступить въ предѣлы Мархіи бранденбургской и, переправшись опять чрезъ рѣку Варту, иттить чрезъ Ландсбергъ къ пруской крѣпости Кюстрину, посреди почти рѣки Одера построенной, и стараться овладѣть сею крѣпостью, дабы тутъ удобнѣе было чрезъ помянутую рѣку Одеръ переправиться. Генерала же графа Румянцова съ особливымъ корпусомъ, состоящимъ наиболѣе изъ одной конницы, отправилъ онъ далѣе вправо къ Старгарду, чтобы искать переправы чрезъ Одеръ еще ниже и въ другомъ мѣстѣ. Тако расположась, выступилъ онъ въ исходѣ іюля въ обратной походъ изъ Кёнигсвальда и шелъ съ толикимъ поспѣшеніемъ, что 3 числа августа дошелъ до деревни Гросъ-Камина, отстоящей отъ Кюстрина на одну только милю, и расположился тутъ лагеремъ.

Не успѣлъ онъ приттить въ сіе мѣсто, какъ опредѣлено было на другой же день учинить на Кюстринъ нападеніе. Крѣпость сія, построенная за 200 лѣтъ до сего времяни, не имѣла съ сей стороны никакихъ наружныхъ укрѣпленій. Она окружена была съ одной стороны рѣкою Одеромъ, а съ другой — то-есть съ нашей, топкимъ болотомъ, но которое, однако, не такъ было широко, чтобъ не можно было намъ ее бомбандировать. Совсѣмъ тѣмъ почиталась она весьма важною и крѣпкою крѣпостью, въ которой надеждѣ и свезли въ оную жители всѣхъ тамошнихъ окрестностей наилутчіе свои пожитки и имѣнія, для безопаснѣйшаго сбереженія.

Для аттакованія оной отправленъ былъ генералъ Штоффель съ авангардомъ, состоящимъ изъ 2,000 гранодеръ и нѣкотораго количества легкихъ войскъ. Сей генералъ, пришедъ предъ крѣпость и предмѣстіе оной, увидѣлъ, противъ всякаго чаянія своего, цѣлой корпусъ прускихъ войскъ предъ болотомъ, отдѣляющимъ городъ отъ форштата, поставленной и тысячъ до шести простирающейся. Таковое видѣніе его сперва остановило и принудило нѣсколько назадъ отступить; но генералъ Ферморъ, пріѣхавшей самъ вслѣдъ за симъ генераломъ, велѣлъ тотчасъ помянутымъ гранодерамъ приступить къ самому жилу форштата, и въ тотъ же моментъ привезть пушки, и, поставивъ на чистомъ полѣ, не дѣлая никакихъ траншей и батарей, произвесть прежесточайшею пальбу по мостамъ, отдѣляющимъ городъ отъ форштатовъ. А въ самое то время гранодерамъ напасть съ такою фуріею на прускія войски, что сіи принуждены были съ превеличайшимъ безпорядкомъ бѣжать и спасаться по мостамъ въ городъ.

Между тѣмъ вся армія послѣдовала вслѣдъ за симъ авангардомъ и, пришедъ подъ крѣпость, расположилась предъ оною. И какъ имѣли мы тогда изящную артилерію, то графъ Ферморъ, ни минуты не медля, приказалъ ее нажесточайшимъ образомъ бомбандировать. Сіе произведено было артилеристами нашими съ такимъ искуствомъ, что съ третей бомбы городъ сей загорѣлся и въ нѣсколько часовъ превратился въ пепелъ. Сіе особливое нещастіе сему городу случилось 2 числа августа, и произошло болѣе оттого, что помянутой роковой бомбѣ случилось упасть въ магазинъ, наполненной соломою, и недалеко отъ порохового погреба находившейся. Отчего произошелъ столь ужасной пожаръ, что не только все строеніе въ городѣ превращено было, менѣе нежели въ 6 часовъ, въ пепелъ, но и сами жители насилу успѣли спастись на ту сторону рѣки Одера, откуда принуждены были видѣть всѣ дома и имѣнія свои пожираемыя пламенемъ.

Состояніе, въ какомъ находились тогда нещастные жители сего города, было по справедливости ужасно и плачевно.

Нѣкто изъ нихъ изобразилъ оное въ письмѣ своемъ изъ Берлина наиживѣйшими красками; и какъ изъ письма сего можно всего яснѣе усмотрѣть, въ какомъ жалкомъ положеніи находились тогда сіи нещастные люди, то сообщу я вамъ его отъ слова до слова.

«Я увѣдомляю васъ чрезъ сіе,—говоритъ онъ, — о плачевной гибели города Кюстрина и о жестокомъ жребіи, поразившемъ всѣхъ жителей сего разореннаго мѣста и принудившемъ меня взять сюда мое прибѣжище съ такимъ расположеніемъ духа, которой сообразенъ сему случаю. 2 числа сего мѣсяца, въ три часа послѣ полудни, загремѣлъ у насъ по всему городу слухъ, что русскіе гусары и казаки показались на нашихъ городскихъ поляхъ предъ короткою плотиною. Слухъ сей привелъ весь городъ тѣмъ въ вящее движеніе, что уже извѣстно было о россійской арміи, что вся она, перемѣнивъ свой походъ и повернувъ на Ландсбергъ, приближалась къ Кюстрину. Съ башенъ, колоколенъ и валовъ городскихъ видны были, между гусарами и казаками, нѣкоторые отличнаго достоинства люди, разъѣзжающіе на аглинскихъ и покрытыхъ сѣтками лошадяхъ и смотрящіе на городъ въ подзорныя трубки. Но какъ съ крѣпости учинено было по нихъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, то удалились они опять. О семъ произшествіи донесено было тотчасъ стоящему при Франкфуртѣ графу Дона и прошено о умноженіи гарнизона въ крѣпости, что̀ тотчасъ и учинено было, и вмѣстѣ съ симъ присланъ былъ и новой комендантъ, полковникъ Шакъ.

«3-го числа получено было извѣстіе, что генералъ Ферморъ въ тотъ день со многими другими генералами обѣдалъ въ Вицѣ, за двѣ мили отъ Кюстрина, и что было у нихъ разговариваемо о вчерашнемъ рекогносцированіи, о положеніи крѣпости, о дѣланіи батарей и о томъ, что̀ предпринимать въ послѣдующей день. Несмотря на то, въ Кюстринѣ не чувствовали мы еще никакова страха и спали въ сію ночь покойно, покуда не разбудила насъ поутру, въ 4 часа, перестрѣлка нашихъ гусаръ съ непріятельскими, и нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ. Мы взбѣжали на башни и увидѣли все поле за нашимъ форштатомъ до самаго лѣса покрытое непріятельскими и нашими легкими войсками, стрѣляющими другъ въ друга. Но около десятаго часа увидѣли мы, въ подзорную трубку, превеликую колонну непріятельской пѣхоты, идущею отъ Тамзеля и Варнику къ нашей виноградной горѣ. Не успѣла она приблизиться къ сей горѣ, какъ, поставивъ на ней свои пушки, начала производить изъ нихъ столь жестокую стрѣльбу картечами по нашимъ гусарамъ, что они вмѣстѣ съ протчими нашими войсками принуждены были съ великою поспѣшностію ретироваться въ крѣпость. Послѣ чего не прошло еще и получаса времяни, какъ непріятели кинули къ намъ такое множество бомбъ и карказовъ, что городъ нашъ тотчасъ въ трехъ мѣстахъ загорѣлся и огонь, по причинѣ тѣснаго и сплошного строенія, такъ усилился, что не можно уже было никакъ его потушить. Сіе и продолжавшееся безпрерывно летаніе бомбъ привело всѣхъ жителей въ такой страхъ и изумленіе, что всѣ начали помышлять о спасеніи только единой своей жизни и о ушествіи въ поле.

«Сихъ бомбъ и зажигательныхъ ядеръ было такъ много, что казалось, будто бы все небо разверзлось и сниспустило на насъ дождь огненной, и оттого повсюду, куда ни обращались взоры, видимы были обрушивающіеся дома и побивающіе своихъ хозяевъ. О погашеніи сего пожара не можно было никому и мыслить, а всѣ, кто только могъ имѣть движеніе, обратились въ бѣгство. Самые младенцы у грудей своихъ отчаянныхъ матерей, самые больные, лежавшіе въ своихъ постеляхъ, едва имѣли время, бросивъ все и, полуобнаженными, уйтить изъ погибающаго города. Единой стонъ и жалостные вопли и рыданія слышны были отовсюду, а особливо отъ перебѣжавшихъ за рѣку Одеръ и видѣвшихъ оттуда огнь и дымъ, снѣдающей все ихъ имѣніе и пожитки и уносящей

съ собою въ облака. Премногое-множество погибло тогда людей въ самомъ огнѣ и пламени. Множество другихъ подавлено обрушившимися домами и задохлось въ погребахъ, гдѣ они отъ бомбъ себѣ спасенія искали. Я самъ едва могъ имѣть столько времяни, чтобъ накинуть на себя платье, какъ бомбы уже надъ главою моею съ страшнымъ трескомъ разсѣдались. Тогда не оставалось иного думать, какъ спасать только жену свою и дѣтей. Они поскакали съ постелей своихъ и такъ, какъ спали, полуобнаженныя, принуждены были спѣшить за мною и покидать все наше имѣніе и достатокъ въ жертву огню и пламени. Мы не успѣли еще добѣжать до площади, какъ одна бомба, упадшая предъ ногами нашими, повергла насъ на землю и съ преужаснымъ трескомъ разсѣлась. По щастію, черепы ее насъ не повредили. Весь народъ стремился и бѣжалъ за вороты, и всякой поспѣшалъ спасать себя въ томъ, въ чемъ былъ, и покидая все, что ни было у него на свѣтѣ. Нѣсколько сотъ послѣдовало за нами, такими-жъ полуобнаженными, какъ мы были, и оставляли дома свои, и въ нихъ многіе по нѣскольку тысячъ денегъ. Мы потеряли все, и мнѣ удалось только спасти одну жизнь свою и своихъ домашнихъ, и я благодарю и за то еще Бога.

«Нещастными здѣлались не одни мы, жители сего города, но и многіе пріѣжжіе, убѣжавшіе къ намъ въ городъ съ наилутчими своими пожитками, и погибло при семъ случаѣ и множество церковныхъ утварей, присланныхъ изъ разныхъ мѣстъ сюда для сохраненія. Сверхъ того, не находимъ мы и многихъ людей и не знаемъ, куда они дѣлись. Зной и жаръ отъ огня и пламени былъ такъ великъ, что растопились отъ него даже самыя пушки въ цейгаузѣ. Мостъ, сдѣланной чрезъ рѣку Одеръ, сгорѣлъ весь, и даже самые быки, здѣланные для удержанія льда, обгорѣли по самую воду. Однимъ словомъ, зрѣлище было наиужаснѣйшее и такое, что я сумнѣваюсь, былъ ли подобной тому примѣръ со времянъ разоренія Трои и Іерусалима въ свѣтѣ, чтобъ городъ погибъ столь страшнымъ и плачевнымъ образомъ въ немногіе часы и проглощенъ былъ огнемъ и пламенемъ. Совсѣмъ тѣмъ, городскіе валы и укрѣпленія остались цѣлы и невредимы».

Вотъ какимъ образомъ погибъ сей пруской городъ отъ жестокаго нашего бомбандированія. Но какъ сгорѣли одни только домы, а укрѣпленія остались цѣлыми, и гарнизонъ, несмотря на то и на всѣ наши многократныя требованія и дѣлаемыя ему возможнѣйшія угрозы, не хотѣлъ никакъ здаваться, то и принуждены были наши послѣ того начать формальную осаду; а о семъ, столь удачномъ и скоропостижномъ сожженіи сего города, отправленъ былъ нарочной курьеръ съ увѣдомленіемъ ко двору.

Но письмо мое такъ уже увеличилось, что время оное уже и кончить, а повѣствованіе о дальнѣйшихъ произшествіяхъ предоставить будущему; то и окончу оное, сказавъ вамъ, что я есмь всегда васъ почитающимъ вашъ и протчая.

БИТВА ЦОРНДОРФСКАЯ.

Письмо 66.

Любезной пріятель! Помянутое сожженіе Кюстрина надѣлало тогда много шума въ свѣтѣ. Многіе насъ винили за таковое невинное разореніе бѣдныхъ жителей, а другіе извиняли введеннымъ уже въ свѣтѣ военнымъ обыкновеніемъ, позволяющимъ уже таковыя дѣйствія. Что касается до насъ, находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ, то мы, получая почти ежедневно обо всѣхъ произшествіяхъ въ арміи извѣстія, услышавъ о семъ, не могли, чтобъ не порадоваться сему приключенію, ибо всѣ мы не сомнѣвались, что, претерпѣвъ такое бѣдствіе, не можно будетъ сему городу долго держаться, но оной принужденъ будетъ скоро здаться. Не могу изобразить вамъ, съ какою нетерпѣливостью дожидались мы послѣ того всякой день курьера, ѣдущаго съ ключами города Кюстрина ко двору; ибо столь удостовѣрены были мы, что сей городъ

скоро будетъ въ рукахъ нашихъ. Однако, судьбѣ угодно было опредѣлить инако и произвесть то, чего мы всего меньше ожидали.

Не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ проскакалъ чрезъ Кёнигсбергъ курьеромъ ко двору полковникъ Розенъ. Всѣ мы съ крайнимъ любопытствомъ старались тогда узнать, съ какимъ бы извѣстіемъ онъ ѣхалъ, и услышали, что онъ отправленъ былъ съ извѣстіемъ о бывшей у нашихъ съ прусаками прежестокой баталіи, о которой хотя и говорили, что будто наши ее выиграли и надъ прусаками одержали побѣду, но видъ сего полковника показался намъ столь невеселымъ и унылымъ, что мы не знали, что думать, и начинали уже имѣть нѣкоторое сомнѣніе. Въ сей неизвѣстности находились мы не болѣе двухъ или трехъ дней, то-есть покуда пришла почта и привезла намъ берлинскія газеты. Но вообразите себѣ, любезной пріятель, какова была наша досада и сожалѣніе, когда мы увидѣли изъ оныхъ, что наша армія имѣла дѣло съ самимъ королемъ и что будто имъ разбита на-голову, такъ что число однихъ побитыхъ у насъ простиралось до 20 тысячъ человѣкъ, и что взяли они у насъ 103 пушки, 27 знаменъ и всю походную казну, простирающуюся до 85 тысячъ рублей. Обомлѣли мы, сіе читая; но всего уже несноснѣй для насъ было то, что о своемъ уронѣ писали они, будто оной побитыми простирается не болѣе, какъ до 563 человѣкъ. Такая безстыдная ложь была слишкомъ очевидна. «Умилосердитесь, государи мои,—говорилъ я тѣмъ, которые тому вѣрили,—неужели наши рукъ не имѣли и сами только шеи протягивали и давали себя рубить безъ всякой обороны? Сами же они говорятъ, что баталія цѣлой день продолжалась и было наижесточайшая. Какимъ же образомъ уронъ съ обѣихъ сторонъ таковъ уже слишкомъ несоразмѣренъ? Нѣтъ, говорилъ я далѣе, дѣло, конечно, было, но какъ-нибудь да не такъ, а происходило иначе».

Сіе и дѣйствительно насъ нѣсколько утѣшало; а вскорѣ послѣ того оказалось, что предугадываніе мое было въ самомъ дѣлѣ справедливо, и побѣда сія далеко не такова для прусаковъ была велика, какъ они сперва расхвастались. Но дабы могли вы яснѣйшее понятіе имѣть о сей нашей славной и достопамятной битвѣ, то разскажу я вамъ все произшествіе оной обстоятельнѣе.

Какъ скоро армія наша вышеупомянутымъ образомъ къ границамъ бранденбургскимъ приближилась и въ оныя вступила, то дано было о семъ тотчасъ знать королю Прускому. Сей находился тогда въ Богеміи и вознамѣривался иттить къ Прагѣ для овладѣнія симъ столичнымъ богемскимъ городомъ. Ничто не могло тогда быть досаднѣе для короля Прускаго извѣстія сего, а особливо приносимыхъ жалобъ на дѣлаемыя нами разоренія и опустошенія. Голова его наполнена была пышными замыслами, а сердце надеждами получить надъ цесарцами великія выгоды; и посреди самыхъ сихъ дальновидныхъ замысловъ видѣлъ онъ себя принужденнымъ, оставивъ все, скакать скорѣе къ намъ и стараться защитить самое сердце государства своего отъ нападенія нашего. Къ вящему усугубленію досады его, получилъ онъ извѣстіе, что и самые шведы, освободившись отъ обложенія въ Стральзундѣ, вошли безпрепятственно въ его предѣлы и приближались уже къ самому столичному его городу Берлину. Все сіе принудило его, подхвативъ 14 батальйоновъ пѣхоты и 33 ескадрона конницы, не иттить, а бѣжать на защищеніе своей Бранденбургіи. Скорость шествія сего была такъ велика, что онъ въ двѣ недѣли перешолъ болѣе 120 миль, или около 900 верстъ, и, къ особливому нещастію нашему, успѣлъ еще поспѣть къ Кюстрину благовремянно. Онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ-на-Одерѣ въ самое то время, когда наши осаждали Кюстринъ, и всѣ пушечные наши выстрѣлы были тамъ слышимы. Досада его была такъ велика, что онъ, остановясь тутъ ночевать и смотря, стоючи на крыльцѣ одного дома, на проходящія мимо его

войски, стоялъ какъ изумленной и только-что нюхалъ табакъ при каждомъ услышанномъ имъ выстрѣлѣ нашемъ. Когда же онъ пріѣхалъ въ Кюстринъ и, увидѣвъ жалкое его состояніе, узналъ, что при защищеніи сей крѣпости учинены были комендантомъ великія погрѣшности, и сей, видя его гнѣвъ сталъ извиняться, то онъ такъ былъ раздосадованъ, что коменданту сказалъ: «Не на тебя я досадую, а на себя, что тебя сдѣлалъ комендантомъ».

Симъ образомъ ярясь и пылая на насъ мщеніемъ, не сталъ онъ ни минуты медлить, но, соединившись тутъ съ войсками графа Дона, положилъ, перешедъ рѣку, тотчасъ на насъ напасть. Но какъ въ самомъ Кюстринѣ, за згорѣніемъ моста, перейтить было не можно, то избралъ онъ для переправы себѣ другое и за нѣсколько верстъ ниже Кюстрина мѣсто. Тутъ въ одинъ мигъ поспѣлъ у него мостъ, и онъ, воспользуясь нашею оплошностью и небреженіемъ сего мѣста, переправилъ всю армію свою въ одну ночь и столь удачно, что наши не успѣли здѣлать ему въ томъ ни малѣйшаго помѣшательства, и онъ не только не потерялъ притомъ ни одного человѣка, но и отрѣзалъ насъ чрезъ то отъ Румянцовскаго корпуса, находившагося далѣе внизъ по рѣкѣ Одерѣ и въ довольномъ отъ арміи разстояніи.

Не успѣлъ онъ важную сію преграду перейтить, какъ, пользуясь всякою минутою и не давая намъ время къ принятію его надлежащимъ образомъ приготовиться, пошелъ съ обыкновеннымъ своимъ проворствомъ и скоростью тотъ же часъ для атакованія нашей арміи. Онъ не инако думалъ, что, нашедъ насъ въ безпорядкѣ, побьетъ онъ всѣхъ насъ, какъ свиней, и надѣялся сего тѣмъ наиболѣе, что тогдашная армія его была немногимъ чѣмъ меньше нашей. Однако въ семъ своемъ мнѣніи онъ обманулся. Генералъ Ферморъ, предусмотрѣвъ намѣреніе королевское, успѣлъ отойтить благовремянно отъ города и стать въ весьма выгодномъ мѣстѣ въ ордеръ баталіи. Весь фрунтъ нашъ прикрытъ былъ топкимъ ручьемъ, а фланги прикрывали деревни Кварченъ и Цикеръ, и вся армія поставлена была большимъ кареемъ или четвероугольникомъ. Король обрадовался, нашедъ ее въ таковомъ положеніи. Онъ почиталъ такія расположенія войскъ къ баталіи изъ всѣхъ наихуждшими, ибо какъ вся внутренность такового каре или четвероугольника напичкана была и повозками, и конницею, и самыми нужнѣйшими обозами, то все сіе не только дѣлало крайнее помѣшательство въ движеніяхъ войскъ во время сраженія, но имѣло то выгодное для непріятеля послѣдствіе, что изъ всѣхъ его ядеръ не пропадало ни единаго, но каждое производило вредъ, влетая въ сію огромную кучу народа; и когда пролетало безъ вреда чрезъ передней фрунтъ, такъ попадало въ конницу и обозы внутри карея и ихъ раздробляло; почему и неудивительно, что въ сію баталію одному непріятельскому ядру случилось въ одномъ нашемъ гранодерскомъ полку цѣлыхъ 48 человѣкъ побить и переранить. А какое смятеніе производили сіи ядры въ помянутыхъ внутри карея бывшихъ обозахъ, того изобразить не можно.

Не успѣли прусаки начать изъ артилеріи своей производить по нашему фрунту прежестокую пальбу, а особливо изъ большихъ пушекъ, какъ ядры ихъ и начали вскорѣ ящики, фуры и другія повозки коверкать, опрокидывать, разрывать и приводить въ неописанное замѣшательство; а какъ лошади, оторвавшіяся отъ многихъ, перебѣснились и скакали прямо на фрунтъ и въ ряды, то сіе увеличило еще болѣе и до того здѣлавшееся смятеніе и безпорядокъ, что командиры наши увидѣли тогда, но уже поздно, что они сдѣлали очень худо. Чтобъ пособить сему злу сколько-нибудь, встрянулись они только тогда гнать всѣ сіи лишнія тягости и обозы вонъ изъ карея, но тѣмъ еще болѣе все дѣло испортили и такъ себѣ связали руки, что какъ въ самое время король Пруской сталъ обходить наше правое крыло, чтобъ ударить въ насъ, по обыкновенію своему, косою линіею во флангъ, а надѣясь на-

вѣрное насъ разбить, восхотѣлъ, для совершеннаго насъ погубленія, здѣлать намъ и самую ретираду невозможною, и для того предварительно послалъ легкія свои войски и велѣлъ всѣ бывшіе позади нашей арміи мосты и гати черезъ рѣчки, ручьи и болоты разорить и перепортить, и выгнатые изъ каре наши обозы, нашедъ ихъ разоренными, принуждены были остановиться, и надвинуло ихъ туда превеликое множество; то отъ самаго того и произошла страшная и такая сумятица, что командиры наши хотя и видѣли тогда, что надлежало скорѣй позицію своего войска перемѣнить, но сіе было уже поздно и невозможно. Ибо король, не упуская ни одной минуты, атаковалъ съ величайшимъ усиліемъ и поспѣшностью наше правое крыло и принудилъ тѣмъ ко вступленію въ сраженіе, отчего и загорѣлся тогда вдругъ прежесточайшей огонь какъ изъ пушекъ, такъ и изъ мелкаго ружья.

У насъ случилось тогда на семъ флангѣ стоять, такъ-называемому, новому Шуваловскому или обсерваціонному корпусу, составленному хотя изъ наилутчихъ, но никогда еще въ дѣлѣ и огнѣ небывавшихъ людей. Совсѣмъ тѣмъ выдержалъ оной всю жестокую прускую пальбу съ наивозможнѣйшею храбростію, и удержалъ все стремленіе на себя прускихъ гранодеръ, такъ что они принуждены были сперва остановиться; но какъ въ самое то время конница наша, увидѣвъ обнажившейся прускій лѣвой флангъ, пустилась на оной и храбро въ него врубилась, то и разстроиться и податься назадъ. Не успѣлъ Ферморъ сіе увидѣть, какъ сочтя сіе, хотя и слишкомъ еще рано, совершенною побѣдою, велѣлъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разорвать фрунтъ своего карея для пропущенія конницы, посланной отъ него для преслѣдованія бѣгущихъ; но сіе и испортило все дѣло. Ибо какъ она съ превеликимъ крикомъ и воплемъ поскакала и произвела собою страшную пыль, и сію, къ нещастію, вмѣстѣ съ дымомъ несло вѣтромъ на нашу вторую линію и произошла оттого такая темнота, что ничего вблизи было не видно—то помянутая вторая наша линія, сочтя ее непріятельскою, произвела по ней сильную стрѣльбу сзади, а подоспѣвшей на подкрѣпленіе прускимъ отступающимъ войскамъ храброй генералъ ихъ Зейдлицъ, съ своею конницею, встрѣтилъ ее спереди и съ превеликимъ стремленіемъ ударилъ на нее тремя колоннами, то въ мигъ была она не только опрокинута, но доведена до того, что она поскакала на собственную свою пѣхоту. А въ самое то же время напалъ на нашу пѣхоту сбока и другой еще корпусъ прускої конницы, то и произошла оттого тутъ совершенная разстройка, и какъ въ пыли и въ дыму наши перемѣшались совсѣмъ съ непріятелями, то и началось такое убивственное сраженіе, котораго никакое перо изобразить не въ состояніи.

Прусаки, которымъ всѣмъ предъ началомъ еще сраженія накрѣпко подтверждено было не давать никому пощады, рубили всѣхъ, до кого могли только достигать ихъ сабли, безъ всякаго милосердія и съ такою запальчивостію, что ихъ самое пламя горѣвшей тогда деревни Цорндорфа не могло никакъ удержать; но нѣсколько полковъ прускихъ драгунъ, проскакавъ сквозь пламень, напали также на нашу пѣхоту и производили убивство, а храброй генералъ ихъ Зейдлицъ, разбивши нашу конницу и кончивъ это дѣло, предпріялъ другое и почти до того неслыханное дѣло. Онъ, схватя свой кирасирской полкъ, напалъ, съ саблями въ рукахъ, на нашу главную батарею, изъ большихъ пушекъ составленную, и, овладѣвъ оною, пустился также на пѣхоту. И какъ симъ образомъ была она и спереди, и сзади и съ боковъ атакована и поражаема немилосердымъ образомъ, то и неудивительно, что не помогла ей вся ея храбрость, но все наше правое крыло приведено тѣмъ въ разстройку и въ такой безпорядокъ, что не было тогда уже ни фрунта, ни линей, но солдаты, раздробившись врознь, уже кучками перестрѣливались съ прусаками и не столько уже дрались, какъ оборонялись и жизнь

свою продавали непріятелямъ своимъ очень дорого. Сами прусаки говорятъ, что имъ представилось тогда такое зрѣлище, какова они никогда еще не видывали. Они видѣли вездѣ россіянъ малыми и большими кучками и толпами, стоящихъ по разстрѣляніи всѣхъ патроновъ своихъ, какъ каменныхъ, и оборопяющихся до послѣдней капли крови, и что имъ легче было ихъ убивать, нежели обращать въ бѣгство. Многіе, будучи прострѣлены насквозь, не переставали держаться на ногахъ и до тѣхъ поръ драться, покуда могли ихъ держать на себѣ ноги; иные, потерявъ руку и ногу, лежали уже на землѣ, а не переставали еще другою и здоровою еще рукою обороняться и вредить своихъ непріятелей, и никто изъ всѣхъ не просилъ себѣ почти пощады—съ толикимъ остервенѣніемъ дрались съ обѣихъ сторонъ въ эту кровопролитную битву!

А ко всему тому присовокупилось еще и другое нещастіе. Какъ помянутымъ образомъ все наше правое крыло было спутано и разбито и многіе загнаты были въ болоты и прогнаты до самаго обоза, то солдаты наши бросились на попавшіяся имъ на глаза маркитантскія бочки съ виномъ и, разгромя оныя, пили, какъ скоты, вино сіе и упивались имъ до безпамятства. Тщетно разбивали офицеры и начальники ихъ сіи бочки и выпускали вино на землю: солдаты ложились на землю и сосали сей милой для себя напитокъ изъ земли самой. И сколько померло ихъ тутъ отъ вина одного, сколько погибло отъ единаго остервенѣнія виномъ симъ, въ нихъ произведеннаго! Многіе въ безпамятствѣ бросались на собственныхъ офицеровъ своихъ и ихъ убивали; другіе, какъ бѣшеные и сумасшедшіе, бродили куды зря и не слушали никого, кто-бъ имъ что ни приказывалъ.

Вотъ что происходило на нашемъ правомъ крылѣ и какъ дрались тутъ съ самаго утра до половины дня; но на лѣвомъ до сего времяни не происходило еще ничего, но теперь дошла и до него очередь. Прусаки атаковали и оное, но нашли тутъ уже не новокорпусныхъ, а старые полки и людей, видавшихъ уже непріятеля, и потому не только не въ силахъ были ихъ сломить, но и сами еще ими были опрокинуты и обращены въ бѣгство. Уже бѣжали они при глазахъ самого короля своего какъ скоты, и наши гнали и побивали ихъ безъ милосердія; уже загнали они ихъ въ болото и овладѣли ихъ батареею; уже недостаетъ очень малаго къ тому, чтобъ произойтить во всемъ дѣлѣ великому и для ихъ крайне невыгодному перевороту; уже побѣда начала совсѣмъ склоняться на нашу сторону; уже находился самъ король въ такой опасности, что подлѣ самого его побиты были его пажи, а одинъ изъ адъютантовъ его взятъ въ полонъ и онъ самъ уже отчаявался совсѣмъ въ побѣдѣ — какъ вдругъ скачетъ и сюда тотъ же Зейдлицъ съ своей конницею, и не только останавливаетъ нашихъ въ стремленіи, но и своихъ бѣгущихъ, и возобновляетъ опять всю жестокость сраженія. Онъ выдерживаетъ всю жестокую картечную и оружейную стрѣльбу, по немъ производимую, но нападаетъ и самъ потомъ на нашу конницу. Разстроившаяся ихъ пѣхота опять строится и, ободрившись, подкрѣпляетъ его въ нападеніи и возобновляетъ съ нами опять бой. А все сіе и произвело и на семъ крылѣ такое же убивственное и безпорядочное сраженіе, какое было на правомъ нашемъ крылѣ, и остервенѣніе съ обѣихъ сторонъ было притомъ такъ велико, что найденъ былъ одинъ изъ нашихъ воиновъ, которой, будучи самъ смертельно уже раненъ, лежалъ на умирающемъ также отъ ранъ прусакѣ, и грызъ его своими зубами, и что, наконецъ, дошло до того, что съ обѣихъ сторонъ разстрѣлянъ былъ уже весь порохъ и стали драться на шпагахъ и штыкахъ и продолжали такъ, покуда наступившая ночь сему взаимному убивству положила предѣлы, и принудила какъ насъ, такъ и прусаковъ, выбившихся уже изъ силъ, взять отдохновеніе. И тогда увидѣли, что обѣ арміи, въ дыму и во мракѣ фрунтами своими перевернувшись, стали на мѣстѣ

баталіи попереръ такимъ образомъ, что половина побитыхъ и раненыхъ осталась у насъ, а другая у прусаковъ, и множество пушекъ нашихъ досталось въ руки прусакамъ, а немалое число прускихъ досталось намъ; а сіе и было притчиною, что обѣ стороны имѣли нѣкоторое право приписывать себѣ побѣду, а въ самомъ дѣлѣ почти никто никого не побѣдилъ.

Совсѣмъ тѣмъ, мы на семъ жестокомъ и кровопролитномъ сраженіи потеряли болѣе, нежели прусаки. Они потеряли убитыми не болѣе 3,400 человѣкъ, да ранеными 7,000 и въ полонъ попавшимися до 2,000, всего съ небольшимъ 12 тысячъ, да въ добычу нами получено 26 пушекъ и нѣсколько знаменъ. А мы убитыми одними потеряли до 10,000, да ранеными и въ полонъ попавшими столько-жъ, такъ что весь уронъ нашъ простирался до 21 тысячи, въ томъ числѣ множество генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ; изъ пушекъ же потеряли мы болѣе ста, а знаменъ 37. И все сіе произошло оттого, что разъяренной злобою на насъ, король пруской при началѣ еще сраженія накрѣпко приказалъ не щадить насъ ни мало.

Впрочемъ, нещастіе сіе приписывалось наиболѣе толь славному нашему новому обсерваціонному корпусу, которой не только первой дрогнулъ, но, кинувшись на бочки съ виномъ и разбивъ оныя, напился пьянъ и пошелъ послѣ бурлить безъ всякаго порядка и стрѣлять безъ всякаго разбора, и по своимъ, и по непріятелямъ. Безпорядокъ былъ такъ великъ, что генералы наши потеряли всю команду и, вмѣсто того, чтобъ устроевать войски, принуждены были сами помышлять о спасеніи своей жизни. И какъ наши войски съ вражескими такъ были перемѣшаны, что никто не зналъ куда бѣжать, и гдѣ собираться, то и неудивительно, что лутчіе и ретивѣйшіе генералы попались непріятелю въ полонъ. Въ числѣ ихъ находились два генералъ-порутчика, Салтыковъ и графъ Чернышовъ, генералъ-майоръ Мантейфель и два бригадира, Тизенгаузенъ и Сиверсъ. Перераненно-жъ было множество; но болѣе всѣхъ сожалѣли о генералъ-аншефѣ, старикѣ Броунѣ, которой получилъ болѣе 17 ранъ по головѣ.

Всю ночь послѣ сего жестокаго и кровопролитнаго сраженія простояли обѣ арміи на мѣстѣ баталіи подъ ружьемъ и никто не могъ приписать себѣ прямо побѣды. Наутріе начиналась-было опять баталія. Всѣ совѣтовали Ферморуна то отважиться, и щастливы-бъ мы были, естлибъ онъ сему совѣту послѣдовалъ. Мы могли-бъ вѣрно побѣдить и разбить короля совершенно, ибо у него не было уже пороха ни одного почти заряда. Но судьбѣ видно угодно было, чтобъ славу сего дня получили не мы, а король Пруской. Графъ Ферморъ струсилъ и здѣлалъ наиглупѣйшее дѣло: онъ написалъ письмо къ непріятельскому генералу Дона и просилъ перемирія на три дни для погребенія мертвыхъ, и чтобъ данъ былъ пашпортъ для проѣзду раненому генералу Броуну. Таковая необыкновенная и неимѣющая еще себѣ примѣра поступка возгордила непріятеля. Графъ Дона отвѣтствовалъ ему такимъ же, но горделивѣйшимъ письмомъ. Онъ говорилъ, что какъ король, его государь, одержалъ побѣду, то онъ и будетъ имѣть попеченіе о раненыхъ. И сія досадная, безразсудная и крайне-неблаговремянная переписка и послужила послѣ королю Прускому доказательствомъ, что онъ побѣдилъ. Но сего было еще не довольно: но славной нашъ генералъ Ферморъ здѣлалъ еще того хуже, и вмѣсто того, чтобъ испытать еще свои силы, онъ въ сей день отступилъ къ своему вагенбургу и чрезъ то упустилъ изъ рукъ побѣду; а сіе отступленіе наше и подало королю поводъ уже явно утвердить свою побѣду и славиться оною. Совсѣмъ тѣмъ онъ самъ такъ былъ слабъ, что и непомыслилъ за нами гнаться и насъ болѣе безпокоить; но въ томъ же еще день и свою армію отвелъ назадъ и самъ возвратился въ Кюстринъ.

Симъ образомъ кончилось славное сіе произшествіе; и хотя не можно того сказать, чтобъ король насъ совершенно по-

бѣдилъ, но вся выгода, по крайней мѣрѣ, отъ сего сраженія осталась на его сторонѣ; ибо наша армія, потерявъ не только множество людей, но всю почти артилерію и денежную казну, не въ состояніи уже была ничего болѣе предпринимать, и вмѣсто того, чтобъ иттить далѣе, принуждена была мало-по-малу отступать далѣе назадъ и наконецъ совсѣмъ возвратиться на прежнія зимнія свои квартеры въ Прусію; а король Пруской получилъ свободу съ войсками своими возвратиться опять въ Шлезію и поспѣть еще заблаговремянно къ удержанію успѣховъ, производимыхъ цесарцами.

Впротчемъ, великимъ поспѣшествованіемъ нещастію нашему служило и то, что армія наша въ дѣлѣ семъ не вся находилась, но превеликой корпусъ оной, подъ командою графа Румянцова и Штофеля, случился за нѣсколько миль въ отдаленіи и не могъ поспѣть къ сраженію. Къ вящему нещастію, особливое обстоятельство не допустило корпусъ сей и на другой день подоспѣть къ главной арміи, въ которой годился бы онъ очень кстатъ и могъ бы ослабленнаго короля поразить на-голову. Одинъ изъ нашихъ главныхъ генераловъ, а имянно князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, ушедъ съ баталіи, прискакалъ безъ души къ сему корпусу и увѣрилъ оной, что армія наша вся побита на-голову, и что нѣтъ ей никакова спасенія; а сіе и принудило корпусъ сей, вмѣсто того, чтобъ поспѣшить на мѣсто баталіи, помышлять о собственномъ своемъ спасеніи и о ретирадѣ окольными путями назадъ къ тому мѣсту, гдѣ оставленъ былъ у насъ вагенбургъ. Словомъ, все стеченіе обстоятельствъ было для насъ нещастливое, и единая польза, произшедшая намъ отъ сего сраженія, была та, что войска наши прославились на оной неописанною своею храбростію и непреоборимостію. Самъ король ужаснулся, увидѣвъ, съ какою неколебимостію и неустрашимостію дралась наша пѣхота, и прусаки сами въ реляціяхъ своихъ писали, что насъ легче побивать, нежели принуждать къ бѣгству, и что солдаты наши даютъ себя побивать при своихъ пушкахъ и при бочкахъ съ виномъ, и что пострѣливанія человѣка насквозь еще недостаточно къ совершенному его низложенію. Словомъ, всѣ прусаки съ сего времяни начали уже иначе думать о нашихъ войскахъ и престали солдатъ нашихъ почитать такими свиньями, какими почитали они ихъ прежде. А мужики такъ были на нихъ злы, что какъ прусаки согнали ихъ нѣсколько тысячъ и заставили рыть ямы и погребать побитыхъ, то метали они въ оныя не только мертвые трупы, но и самыхъ тяжелораненыхъ, лежащихъ безпомощными на мѣстѣ сраженія, и зарывали ихъ живыми въ землю. Тщетно нещастные сіи производили вопли, просили милосердія и съ стенаніями напрягали послѣднія свои силы, стараясь выдираться изъ-подъ мертвыхъ груповъ; но вновь накиданныя на нихъ кучи придавляли оныхъ и лишали послѣдняго дыханія. Сами прускіе писатели не стыдились замѣчать сіе обстоятельство въ своихъ о войнѣ сей исторіяхъ, равно какъ и ту не слишкомъ похвальную черту самого короля Прускаго, которой въ то время, какъ попавшіеся въ плѣнъ наши генералы графъ Чернышовъ, Салтыковъ, Сулковской и протчіе представлены были послѣ баталіи къ нему, то онъ, кинувъ на нихъ презрительной взоръ и отворотившись отъ нихъ, сказалъ: «у меня Сибири нѣтъ, куда-бъ ихъ можно было мнѣ сослать, такъ бросьте ихъ въ казематы Кюстринскіе. Сами они приготовили себѣ такія хорошія квартиры, такъ пускай теперь и постоятъ въ нихъ».

Сіе повелѣніе его было и дѣйствительно выполнено, какъ ни досадовалъ на то и ни изъявлялъ неудовольствія своего графъ Чернышовъ коменданту кюстринскому. Онъ спрашивалъ у сего: «неужели казематы назначены жилищемъ для полководцовъ»? но комендантъ отвѣтствовалъ ему: «Вы, государь мой, не оставили ни одного дома въ городѣ въ цѣлости, гдѣ-бъ вамъ можно было отвесть квартиру, итакъ, должны уже быть довольны сими». Итакъ, какъ они ни сердились, но принуждены

были лѣзть въ сіи каменные погреба, здѣланные подъ городскими валами. Однако пробыли они въ нихъ только нѣсколько дней, и король дозволилъ имъ потомъ нанять себѣ квартиры въ кюстринскомъ форштатѣ, уцѣлѣвшемъ отъ пожара.

Съ сего времяни по самую зиму не произошло у насъ съ прусаками ничего важнаго, кромѣ первоначальной осады и бомбандированія померанской приморской крѣпости Кольберга. Въ сію экспедицію отправленъ былъ генералъ-майоръ Пальмбахъ, но и оная была также неудача. Генералъ сей думалъ устрашить городъ сей такимъ же сожженіемъ, какъ Кюстринъ. Онъ нѣсколько разъ посылалъ требовать здачи; но какъ ему въ томъ отказано, то хотя цѣлой мѣсяцъ простоялъ и безпрерывно бомбандировалъ, но не могъ ничего крѣпости сей здѣлать. Всѣ старанія его зажечь ее были безуспѣшны, почему принужденъ онъ былъ дѣлать траншеи; и хотя ими и нарочито-близко приближился къ городу, но какъ корпусъ его былъ слишкомъ малъ, то и не могъ онъ отважиться на приступъ. Когда же присовокупилось къ тому и то нещастіе, что отправленныя къ нему суда съ провіантомъ и амуниціею на морѣ непогодою разбило и въ провіантѣ здѣлался ему недостатокъ, то принужденъ онъ былъ наконецъ осаду сію оставить и со стыдомъ отойтить отъ города.

Симъ окончилась въ сей годъ наша противъ прусаковъ кампанія, которую по справедливости можно почесть нещастною, ибо мы растеряли множество людей, артилеріи, амуниціи и денегъ, а всѣмъ тѣмъ не произвели ничего и принуждены были съ досадою видѣть, что мы въ надеждѣ своей на господина Фермора обманулись, и что онъ въ практикѣ далеко не столь искусной былъ полководецъ и генералъ, какъ мы сперва думали; ибо послѣ извѣстно стало, что онъ надѣлалъ много погрѣшностей; а сверхъ того, поспѣшествовало къ тому много и то, что онъ нелюбимъ былъ всѣми солдатами.

Но не таково окончилась кампанія сего года въ Шлезіи и Саксоніи. Союзникамъ нашимъ, цесарцамъ и французамъ, удалось съ избыткомъ отмстить королю Прускому весь уронъ, причиненной имъ нашей арміи и онъ потерялъ тамъ то, что у насъ выигралъ.

Не успѣли мы тогда съ арміею своею начать отступленіе, какъ король, оставивъ графа Дона съ небольшимъ корпусомъ противъ насъ, а генерала Веделя отправивъ въ Бранденбургію для отогнанія шведовъ, отправился самъ съ великимъ поспѣшеніемъ и съ лутчею частію войскъ помогать брату своему, принцу Гейнриху и избавлять его отъ нужды. Ибо надобно знать, что между тѣмъ, какъ король вышеупомянутымъ образомъ ходилъ къ намъ и съ нами имѣлъ дѣло, искусной генералъ Даунъ съ цесарцами былъ не безъ дѣла: онъ, отправивъ генерала Гарша съ 20,000 человѣкъ для осады шлезской крѣпости Нейса, самъ пошолъ прямо въ Саксонію для изгнанія оттуда прусаковъ. Тамъ находился съ ними принцъ Гейнрихъ, братъ королевской, и былъ уже утѣсняемъ арміею имперскою. Даунъ хотѣлъ утѣснить его съ другой стороны и, соединившись съ имперскою арміею, выгнать его совсѣмъ изъ Саксоніи и овладѣть столичнымъ городомъ Дрезденомъ. Онъ и произвелъ бы сіе, можетъ быть, въ дѣйство, естлибъ не имѣлъ противъ себя столь искуснаго полководца, каковъ былъ принцъ Гейнрихъ. Сей, несмотря на всѣ усилія обѣихъ цесарскихъ армій къ принужденію его къ баталіи, умѣлъ находить средства убѣгать всякой разъ отъ оной, и разными движеніями и оборотами своими занималъ ихъ столь искусно, что проволочилъ дѣло сіе до тѣхъ поръ, покуда успѣлъ подоспѣть на помощь къ нему самъ король Пруской. Весь свѣтъ удивился опять тогда ужасному проворству и скорости, съ каковою король прилетѣлъ отъ насъ въ Саксонію, и съ коликимъ искуствомъ умѣлъ разрушить всѣ замыслы и предпріятія Дауна и имперской арміи; но прославился чрезвычайно притомъ и цесарской предводитель графъ Даунъ. Всѣ движенія и обороты его были такъ благоразумны, что король хотя и усилился надъ нимъ чрезъ

соединеніе съ своимъ братомъ, но не могъ найтить удобнаго случая и мѣста къ атакованію его такъ, какъ ему хотѣлось. Даунъ самъ началъ тогда убѣгать баталіи и становиться въ столь выгодныхъ мѣстахъ, что король не могъ никакъ отважиться на него напасть, что̀ и побудило его перемѣнить свое намѣреніе и, отдѣлившись опять отъ своего брата, поспѣшать въ Шлезію для вспоможенія крѣпости Нейсу. Но не успѣлъ онъ въ сей походъ съ арміею своею отправиться, какъ Даунъ, ни мало не медля, послѣдовалъ за нимъ по стопамъ и умѣлъ спроворить такъ хорошо, что въ одномъ мѣстѣ, выпередивъ короля, заманилъ его въ столь тѣсное и для его предосудительное, а для себя выгодное мѣсто, что любимецъ и наилучшей другъ королевской фельдмаршалъ пруской Кейтъ, увидѣвъ сіе, королю сказалъ: «ежели цесарцы въ сей разъ оставятъ насъ съ покоемъ, то всѣ они достойны повѣшены быть». Но Даунъ и не былъ такъ глупъ, чтобъ упустить изъ рукъ столь вожделѣнной случай: онъ атаковалъ дѣйствительно ихъ при Гогенкирхѣ, и по весьма упорномъ и кровопролитномъ сраженіи былъ столь щастливъ, что короля разбилъ впрахъ, побилъ у него до 10,000 человѣкъ, взялъ болѣе 100 пушекъ, болѣе 30 знаменъ и бо̀льшую часть его обоза и всѣ палатки. Словомъ, король никогда еще не претерпѣвалъ столь великаго убытка и урона, и сіе было ему, власно, какъ въ возмездіе за разбитіе насъ и въ наказаніе за излишнее его хвастовство. Тутъ потерялъ онъ не только множество войска, но, что̀ всего для него чувствительнѣе было, наилутчаго своего друга, вышеупомянутаго фельдмаршала Кейта, о которомъ онъ не могъ довольно натужиться.

Въ самое почти то же время разбили и французы, подъ командою принца Субиза, гессенъ-касельскую армію при Лицебургѣ. Сіе умножило еще болѣе досаду короля Прускаго; однако онъ и при всѣхъ сихъ нещастіяхъ не потерялъ ни мало героическаго своего духа, но дѣяніями своими еще болѣе прославился. Онъ умѣлъ принять такія мѣры и по разбитіи своемъ здѣлалъ такія движенія, что произвелъ то, что всѣ сіи побѣды не имѣли никакихъ вредныхъ для его слѣдствій. Даунъ хотя и хотѣлъ воспользоваться своею побѣдою и, возвратясь къ Дрездену, овладѣть онымъ, однако сіе ему не удалось, и онъ изъ сожалѣнія о семъ городѣ и нехотя разорить его бомбандированіемъ, принужденъ былъ оставить облежаніе онаго и окончить кампанію возвращеніемъ своимъ опять въ Богемію. А королю Прускому удалось освободить и городъ Нейсъ отъ осады и остаться на зиму опять съ покоемъ и имѣть то удовольствіе, что, несмотря на всѣ великія военныя произшествія, бывшія въ сіе лѣто, остался онъ властителемъ всѣхъ прежнихъ своихъ областей и на всѣхъ сраженіяхъ не потерялъ болѣе 30 тысячъ человѣкъ; напротивъ того, уронъ, претерпѣнный всѣми воюющими противъ его союзными державами, щитался до ста тысясъ человѣкъ.

Таковыя-то произшествія были въ теченіе сего лѣта, и таковымъ-то образомъ угодно было провидѣнію Господню расположить оныя. Никто опять не думалъ, чтобъ получили они таковое окончаніе и чтобъ пролитіе толь многой человѣческой крови пропало тщетно и не произвело никакова важнаго послѣдствія.

Теперь, пересказавъ вамъ о войнѣ сего лѣта, время мнѣ возвратиться опять къ продолженію моей повѣсти. Сіе и учиню я въ послѣдующемъ письмѣ, а теперешнее симъ окончавъ скажу, что есмь вашъ и протчее.

ИЗВѢСТІЯ ВОЕННЫЯ.

Письмо 67.

Любезной пріятель! Между тѣмъ, какъ въ Бранденбургіи, Помераніи, Шлезіи и Саксоніи война вышеупомянутымъ образомъ горѣла, и многія тысячи людей погибали понапрасну; мы продолжали жить въ Кёнигсбергѣ наиспокойнѣйшимъ образомъ и такъ, какъ бы находилися въ дружеской землѣ или въ своемъ отечествѣ. Ничто не нарушало нашего спокойствія и не мѣшало намъ упражняться

въ разныхъ увеселеніяхъ. Одни только получаемые непріятные слухи о военныхъ нашихъ произшествіяхъ насъ нѣсколько смущали, но и то не слишкомъ много; ибо какъ мы самоличнаго участія въ бѣдствіяхъ и нуждахъ, претерпѣваемыхъ армейскими, сами не имѣли, то и не чувствовали оныхъ, а занимались только одними любопытными распровѣдываніями отъ пріѣжжихъ изъ арміи обо всемъ тамъ происходившемъ и въ читаніи того, что тогда обо всемъ томъ было писано въ газетахъ.

Никогда и ни о какой баталіи такъ много писано не было, какъ о помянутой Цорндорфской или, какъ нѣкоторые называли, Кюстринской. Ибо какъ обѣимъ сторонамъ хотѣлось побѣду себѣ присвоить, то обѣ сначала многое лгали и либо что-нибудь утаевали, либо лишнее себѣ приписывали; то сіе и подало поводъ къ разнымъ и многократнымъ съ обѣихъ сторонъ возраженіямъ, изъясненіямъ и доказательствамъ, а оттого и были газеты тогдашняго времяни очень любопытны.

Но какъ много ни старались наши сокрыть свой стыдъ и защитить честь нашего оружія, однако самую истину трудно было утаить отъ глазъ свѣта. Самимъ намъ, находившимся тогда въ Кёнигсбергѣ, сколько ни хотѣлось сперва того, чтобъ то была правда, что мы побѣдили и что наши говорили, и все то неправда, что писали прусаки; но полученные наконецъ именные списки всѣмъ побитымъ и раненымъ офицерамъ открыли намъ глаза и заставили судить инако о сей мнимой нашей побѣдѣ, ибо число однихъ офицеровъ побитыхъ, раненыхъ и въ полонъ взятыхъ было такъ велико, что хотя-бъ и дѣйствительно была то правда, что мы побѣдили, но и въ семъ случаѣ побѣда-бъ была слишкомъ дорого куплена. Ибо по собственнымъ нашимъ напечатаннымъ и во всемъ государствѣ обнародованнымъ вѣдомостямъ, число однихъ побитыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 211, да тяжело раненыхъ, коихъ столь же хорошо можно почитать какъ и побитыми, до 415, да легко раненыхъ 238, да въ полонъ прусаками взятыхъ 75,—такъ что число всѣхъ простиралось безъ малаго до 1000 человѣкъ, — количество, какого намъ никогда еще терять не случалось, и которое погрузило все наше отечество въ слезы, рыданія и вздохи. Ибо какъ всѣ сіи офицеры были на бо́льшую часть наши дворяне и дѣйствительные владѣльцы своихъ деревень и имѣній, поелику тогда все дворянство служило, то не остался почти ни одинъ дворянской домъ въ Россіи безъ огорченія, и которой бы не оплакивалъ нещастную судьбу какого-нибудь своего ближняго или родственника. Словомъ, кампанія сего лѣта была для Россіи весьма бѣдственна и такая, какой она еще никогда не имѣла и которая ей долго будетъ памятна.

При таковыхъ обстоятельствахъ легко можете заключить, что мы особливую притчину имѣли благодарить Бога, что намъ не случилось быть въ оной вмѣстѣ съ протчими полками, но мы прожили все сіе лѣто въ Кёнигсбергѣ и провеселились. Изъ помянутыхъ вѣдомостей усмотрѣли мы, что не было ни одного полку, которой бы не потерялъ въ сіе лѣто множества своихъ офицеровъ; итакъ, сколь легко бы могло случиться то и съ нашимъ, естлибъ онъ былъ вмѣстѣ съ протчими въ арміи.

Но никто, я думаю, столь много не былъ тѣмъ доволенъ, какъ я. Нѣсколько разъ приходило мнѣ то на умъ, что въ случаѣ естлибъ находился я въ арміи, то весьма легко могъ бы и я находиться въ числѣ помянутыхъ нещастныхъ и лежать на Цорндорфскихъ поляхъ подъ трупами мертвыхъ; и потому при всякомъ случаѣ и разъ благодарилъ судьбу свою, что она меня отъ того отвела и избавила. А таковыя размышленія подѣйствовали во мнѣ весьма много и при томъ крайне критическомъ для меня случаѣ, о которомъ теперь я вамъ разсказывать стану.

Было то предъ наступленіемъ осени и вскорѣ послѣ вышеупомянутой баталіи.

Армія, потерявъ, какъ на Цорндорфскомъ сраженіи, такъ и при другихъ мел-

кихъ сраженіяхъ, множество людей, требовала себѣ подкрѣпленія. Для сего другова не оставалось, какъ собрать и всѣ послѣднія, въ Прусіи въ разныхъ мѣстахъ остававшіяся войски и присовокупить ихъ къ арміи. Итакъ, тотчасъ разосланы были отъ главнокомандующаго во всѣ мѣста повелѣнія, и велѣно всѣмъ оставшимся полкамъ иттить къ оной и поспѣшать наивозможнѣйшимъ образомъ. Сему жребію подвержены были и оба наши полка, содержавшіе до сего караулъ въ Кёнигсбергѣ, ибо какъ опытность доказала, что большіе караулы были тутъ не слишкомъ нужны, то велѣно было для содержанія оныхъ оставить только третьи баталіоны, съ слабѣйшими и къ походу неспособными людьми, а протчимъ всѣмъ, съ лутчими людьми, итти съ поспѣшностью къ арміи.

Повелѣніе сіе было для насъ власно какъ громовымъ ударомъ. Всѣ наши офицеры встужились и взгоревались, услышавъ оное. Они такъ уже привыкли къ тутошной распутной и для нихъ веселой жизни, что никому не хотѣлось разстаться съ оною. Я самъ смутился, услышавъ о томъ. Обстоятельство, что я хотя и находился тогда при Корфѣ, но изъ полку не былъ выключенъ, да и взятъ былъ къ нему только приватно и на время, приводило меня въ смущеніе. Къ вящему нещастію, прежней нашъ старичокъ-полковникъ около самаго сего времяни изъ полку нашего выбылъ въ отставку, и на мѣсто его пріѣхалъ новой полковникъ, князь Долгоруковъ, о которомъ хотя и увѣрялк насъ, что онъ человѣкъ доброй, однако, по новости своей, былъ онъ никому еще незнакомъ. Его первое дѣло было узнать всѣхъ полку своего офицеровъ. Я долженъ былъ также къ нему явиться: и какъ обо мнѣ насказано ему было отъ протчихъ ужъ довольно, то приласкалъ онъ меня отмѣннымъ образомъ, и хотя сожалѣлъ, что я нахожусь отъ полку въ отлучкѣ, однако приказывалъ ходить къ нему чаще.

[!]Въ сихъ обстоятельствахъ было сіе, какъ получено было въ полкъ вышеупомянутое повелѣніе. До сего времяни не видалъ я отъ сего новаго полковника себѣ никакова худа и никакова добра. Но тогда, какъ началъ онъ перебирать всѣхъ въ полку нашемъ офицеровъ, для оставленія съ баталіономъ самыхъ негоднѣйшихъ, прислано было отъ него и за мною. По приходѣ моемъ, говорилъ онъ мнѣ: что какъ онъ наслышался такъ много о ревности моей къ службѣ и объ особливыхъ моихъ способностяхъ, то нимало не сомнѣвается въ томъ, чтобъ не хотѣлъ и я вмѣстѣ съ ними отправиться къ арміи.— «Конечно такъ»! отвѣчалъ я, ибо въ скорости не могъ ничего иного ему сказать. Вопросъ сей былъ для меня совсѣмъ неожидаемъ, ибо сказать, что «не хочу», казалось мнѣ не только дурно, но и совсѣмъ неприлично. «Когда такъ», сказалъ мнѣ онъ далѣе, «такъ извольте собираться въ походъ, а я уже постараюсь о томъ, чтобъ васъ въ полкъ отпустили».—«Очень хорошо», отвѣтствовалъ я. «Зборы наши не велики и мы къ походу всегда готовы».

Сказавъ сіе, пошолъ я отъ него съ безпокойнымъ духомъ, ибо признаться надобно, что, несмотря на всю выхваляемую имъ мою ревность и усердіе къ службѣ, приказаніе его было для меня не весьма увеселительно, и я далеко не имѣлъ такой охоты къ сопутствованію имъ, какъ онъ думалъ, но гораздо охотнѣе хотѣлъ бы остаться въ Кёнигсбергѣ. Къ тогдашней моей жизни въ семъ городѣ я такъ уже привыкъ, и она мнѣ уже такъ полюбилась, что я между ею и многотрудною и опасною военною жизнію не находилъ уже никакова сравненія, и первой давалъ безконечное преимущество предъ послѣднею. Мнѣ пришли тогда на память всѣ выгоды и пріятности тогдашней моей жизни и все то хорошее, чѣмъ я тогда пользовался, и мысль, что я всего того лишусь дѣлала мнѣ оныя еще драгоцѣннѣйшими. Говорится въ пословицѣ: что мы тогда только узнаемъ прямую цѣну вещамъ, когда ихъ лишаемся—и это очень справедливо.

Тогдашней случай доказалъ мнѣ то наияснѣйшимъ образомъ. Мнѣ никогда еще тогдашняя жизнь столь пріятною и драго-

цѣнною не казалась, какъ въ сіи минуты. Я начиналъ уже тужить, что поспѣшилъ отвѣтомъ своимъ полковнику; и чѣмъ болѣе я о томъ размышлялъ, тѣмъ досада на самого себя становилась больше, что я такъ неосторожень былъ и нимало не подумавъ, но тотчасъ объявилъ согласіе свое котъѣзду съ полкомъ. «Не нелегкая ли меня за языкъ дернула?» говорилъ я самъ себѣ, «и въ своемъ ли я былъ умѣ и разумѣ? Что́ за усердіе и что́ за ретивость такая! Ни котъ, ни кошка о семъ усердіи и ревности твоей не узнаетъ! Никто тебѣ, право, за то не скажетъ спасибо и никого ты тѣмъ ни мало не удивишь, а ни дай, ни вынеси, лишишься покоя, безопасности и тысячи выгодъ, которыми до сего времяни ты пользовался, и безъ всякой нужды подвергнешь себя опять не только всѣмъ прежнимъ трудамъ, нуждамъ, волокитамъ, но и самымъ опасностямъ. Не все такъ можетъ удаваться какъ въ прошломъ году; тогда намъ было хорошо воевать, а нынѣ не слышишь ли каково жарко бываетъ. Не въ сей, а въ другой годъ, и не въ тотъ, такъ въ другой случай дойдетъ и до тебя очередь. Такимъ же образомъ хорошохонько и тебя калѣкою здѣлаютъ и изуродуютъ, какъ другихъ многихъ, и тогда храбрись себѣ пожалуй и величайся ранами, а что въ бокъ понадетъ, того не вынешь.... Объ усердіи и ревности твоей никто и не узнаетъ, а ты изволь влачить на вѣкъ жизнь горестную и нещастную; но хорошо когда бы еще при томъ одномъ осталось и не случилось чего хуждшаго. Какъ укокошутъ молодца по примѣру другихъ, такъ и всѣ бѣси въ воду. Пуля глупа и неразборчива, таково-жъ хорошо и въ меня попасть можетъ, какъ въ другихъ, и тогда славься себѣ пожалуй и утѣшайся тѣмъ, что умеръ на одрѣ чести»!....

Кровь во мнѣ вся взволновалась при помышленіи о семъ, и холодной потъ оросилъ все чело мое.—«Не дуракъ ли и не сущей ли глупецъ я былъ?» говорилъ я самъ себѣ. «Какая нужда была спѣшить мнѣ своимъ отвѣтомъ, можно бы остановиться, можно бы сказать ни то, ни сё и чѣмъ-нибудь отговориться или по крайней мѣрѣ предать на волю; пускай же бы взяли и послали меня неволею, такъ бы уже и быть, а то теперь самъ я на себя оружіе въ руки подалъ. Полковникъ думаетъ, что мнѣ дѣйствительно самому хочется, и вѣрно приступитъ не путемъ къ генералу, и будетъ требовать, чтобъ меня отпустили неотмѣнно!.... Хорошъ, истинно я молодецъ!.. Ничего глупѣе того быть не можетъ, что́ я здѣлалъ»....

Въ таковыхъ-то и подобныхъ сему размышленіяхъ препроводилъ я все то время, покуда шолъ на свою квартиру, и досада моя на самого себя была такъ велика, что я руки себѣ ѣлъ и бранилъ себя всякими браньми. Но какъ перемѣнить того было уже не можно и я завѣрное щиталъ, что меня отпустятъ, то, пришедши домой, велѣлъ я слугамъ своимъ собираться и готовиться къ походу. Оба они, услышавши сіе, взгоревались и перетревожились еще болѣе, нежели я. «Эхъ, баринъ!» говорилъ мнѣ старшей изъ нихъ: «какъ это не могли вы отъ похода отбиться? Что за утѣха иттить въ походъ и, таскаясь, терпѣть нужду? Дѣло бы, право, и безъ насъ тамъ обошлось, а вамъ благо есть случай, вы бы попросили-таки о томъ генерала, можетъ бы васъ и не отпустили».

Слова сіи еще пуще меня смутили. Я чувствовалъ, что онъ говорилъ дѣло и досадовалъ, что мнѣ сего не пришло прежде въ голову. Но какъ тогда помышлять о томъ уже поздно и неприлично было, поелику я самъ согласіе свое къ походу объявилъ, то, закусивъ себѣ губы, я уже молчалъ и въ досадѣ только шагалъ взадъ и впередъ по горницѣ. Слуга, видя мое смущеніе, подступилъ опять съ своими совѣтами: «Право, судырь, подумайте-ка», сказалъ онъ мнѣ: «нельзя ли какъ-нибудь отбиться? Видите нынѣ какія опасности. Волёнъ Богъ и съ ихъ походами и со всѣмъ! Какъ бы здѣсь на одномъ мѣстѣ, такъ бы здоровѣе и лутче было».—Эхъ, молчи!—закричалъ я на него,—и не докучай мнѣ болѣе, мнѣ и безъ тебя грус(т)-

но, а дѣлай, что велятъ. — «Изволь, сударь, сказалъ онъ, за нами дѣло не станетъ; мы скоро соберемся, но не тужить бы вамъ самимъ о томъ послѣ,—хорошее мѣсто скоро потерять, но не скоро опять найтить можно!» Проворчавъ сіе сквозь зубы, пошолъ онъ отъ меня начинать свое дѣло; ибо какъ полку назначено было чрезъ двои сутки отправиться и выступить изъ Кёнигсберга, то надлежало поспѣшать пріуготовленіями къ отъѣзду.

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова впечатлѣлись глубоко въ мои мысли и подали мнѣ поводъ къ новымъ мыслямъ и разсужденіямъ. «А что?» говорилъ я самъ себѣ, не испытать ли мнѣ въ самомъ дѣлѣ какъ-нибудь искусненко отъ сего похода отдѣлаться? Полковнику хотя я и далъ слово, но нельзя ли какъ-нибудь спроворить, чтобъ меня отъ генерала неотпустили?...» Мысли о семъ занимали меня не только во весь тотъ вечеръ, но и во всю почти ночь. Я такъ въ размышленія о томъ углубился, что самой сонъ казался отъ меня убѣжавшимъ и я почти во всю ночь не спалъ, а ворочался только съ боку на бокъ. Съ мыслями моими встрѣчались разные способы и средства. Я разсматривалъ ихъ вдоль и поперёкъ, но всѣ казались мнѣ не весьма способными. Самого генерала просить о томъ казалось мнѣ дурно и неприлично; на иного никого не могъ я надѣяться, а о полковникѣ и помышлять было не можно. Старинное мое правило, чтобъ никуда охотою не набиваться и ни отъ чего не отбиваться, пришло мнѣ также на память. Неизвѣстность, гдѣ можно найтить и гдѣ потерять, смущала меня не менѣе какъ и всѣ выгоды, ожидаемыя отъ того, естли я останусь. «Хорошо!» думалъ я самъ себѣ, «конечно-бъ хорошо было, естлибъ я остался; но почему знать, не послужитъ ли мнѣ то во вредъ, естли я отъ полку отстану? Да и здѣсь, навѣрно ли я знаю, что мнѣ завсегда хорошо будетъ. Не можетъ ли и здѣсь со мною что-нибудь непріятное случиться?» «Дѣло иное, думалъ я далѣе, естлибъ пришло все само собою. Дѣло иное, естлибъ безъ всякаго моего старанія я какъ-нибудь здѣсь оставленъ былъ! Ну, естлибъ самому генералу вздумалось меня не отпустить и полковнику отказать въ прозьбѣ».

Мысль сія была для меня прелестна, однако я не смѣлъ никакъ надеждою сею ласкаться. Обстоятельство, что дѣлъ у меня тогда такъ мало было, что и въ цѣлую недѣлю не доставалось мнѣ почти одной страницы переводить и что въ канцеляріи почти можно было и безъ меня обойтиться, не дозволяло мнѣ питать въ себѣ сію надежду. «Такая бѣда, — говорилъ я, — на ту бѣду и переводовъ нѣтъ; хотя бы они уже мнѣ помогли. Въ иное время ихъ съ три пропасти и я имъ уже не радъ, а теперь и имъ бы я уже радъ былъ, хотьбы ихъ втрое больше было. Какая нужда, быть бы уже такъ, хоть потрудиться»!...

Въ сихъ и подобныхъ тому размышленіяхъ препроводилъ я бо́льшую часть ночи, но остался наконецъ все еще въ нерѣшимости, что̀ дѣлать. Но наконецъ, вспомнивъ старинную пословицу, что утро вечера мудренѣе, и рѣшившись положиться на власть божескую и ожидать всего отъ самого его Промысла, уснулъ я и препроводилъ достальную часть ночи въ спокойномъ снѣ.

Поутру, одѣвшись и подтвердивъ людямъ о поспѣшеніи сборами и поправленіемъ нашей повозки, пошолъ я въ канцелярію ожидать рѣшенія моей судьбы, ибо не сомнѣвался, что полковникъ мой въ тотъ день будетъ у генерала и что рѣчь дѣйствительно и до меня коснется.

Вышеупомянутыя мысли и безпокойство духа такъ состояніе мое разстроили, что я походилъ въ сіе утро болѣе на больного, нежели на здороваго, и сіе было такъ примѣтно, что по приходѣ моемъ въ канцелярію всѣ меня стали спрашивать, не занемогъ ли я и не здѣлалось ли чего со мною? «Нѣтъ, отвѣтствовалъ я, ничего!» и спѣшилъ сѣсть на свое мѣсто,

Тутъ не успѣлъ я товарищамъ своимъ, нѣмцамъ, сказать: «ну, прощайте любезные друзья мои! завтра, или послѣзавтрего, пойдетъ нашъ полкъ въ походъ, и я

съ нимъ вмѣстѣ» — какъ вошелъ ко мнѣ съ великою поспѣшностью нашъ главной секретарь и, подавая мнѣ претолстую тетрадь, сказалъ: «на-ка, братъ, вотъ теперь-то потрудись! да смотри же поскорѣй какъ можно. Быть такъ, хоть почку посиди; намъ отправлять это съ курьеромъ въ армію, и это нарядъ подводъ съ провіантомъ и маршруты, такъ не здѣлать бы остановки!»—Э, э, э!—сказалъ я, увидѣвъ сію громаду,—да этого, батюшка, и въ трои сутки не переведешь; а сверхъ того, я истинно не знаю, когда мнѣ успѣвать будетъ дѣло это дѣлать: полкъ нашъ идетъ послѣзавтраго отсюда и мнѣ велѣно собираться вмѣстѣ съ нимъ въ походъ.—«Да кто это тебѣ приказалъ?» спросилъ, удивившись, секретарь.—Полковникъ нашъ, сказалъ я:—присылалъ вчера нарочнаго за мною и изволилъ мнѣ приказывать.—«Кто это?» подхватилъ онъ, «князь Долгоруковъ? Ха, ха, ха! Князь Долгоруковъ! Враньё, судырь! Статочное ли это дѣло! Отпустимъ ли мы тебя! Да какъ намъ безъ тебя быть? Мы рады, что нашли такого человѣка; г. полковникъ изволитъ умничать! Смотри, пожалуй! великой онъ господинъ, какъ ему у насъ взять».—Да онъ хотѣлъ просить о томъ севодни генерала,—сказалъ я.—«Да хоть распросись себѣ и хоть тресни, такъ этому не бывать; не только онъ, но хотя бы и самъ Ферморъ сталъ, такъ мы не посмотримъ. Я теперь же пойду и доложу о томъ генералу, а вы и не помышляйте о томъ, а начинайте-ка скорѣе переводить.»—Хорошо, судырь!—сказалъ я.—А я было-велѣлъ уже и собираться въ походъ. — «Пустое, судырь», подхватилъ онъ: «пошлите сказать; но, постой, я пошлю самъ. Вѣстовой! побѣгай скорѣй на квартеру Андрея Тимофѣевича, и скажи людямъ его, чтобъ они не заботились и въ походъ не собирались».

Сказавъ сіе, ушолъ онъ въ судейскую и оставилъ меня въ такомъ состояніи, которое я вамъ никакъ изобразить не могу. Стеченіе столь многихъ и неожидаемыхъ совсѣмъ обстоятельствъ и удивило, и обрадовало меня до чрезвычайности. Сердце мое вспрыгалось отъ радости и удовольствія, и я не зналъ вѣрить ли мнѣ своимъ глазамъ и слуху и отваживаться ли ласкаться надеждою, что секретарь то исполнитъ дѣйствительно, о чемъ говорилъ онъ съ толикою достовѣрностію. Пуще всего радовался я тому, что дѣло пошло безъ всякаго съ моей стороны содѣйствія, и взяло нечаянно такой оборотъ, что мнѣ не было нужды никого просить и самому того добиваться.

Никогда еще съ такою охотою не начиналъ я своихъ переводовъ, какъ въ сей разъ. Желаніе мое остаться въ Кёнигсбергѣ было такъ велико, что естлибъ было ихъ втрое больше, такъ бы я не охнулъ и готовъ былъ бы не только одну, но хотя-бъ и цѣлыя три ночи просидѣть и протрудиться, только-бъ помогло мнѣ сіе сидѣнье; но, по особливому щастію, и переводъ тогдашней былъ мнѣ такъ легокъ, что я не писалъ, а летѣлъ переводя оной.

Между тѣмъ, какъ я симъ образомъ сидѣлъ и въ дѣлѣ своемъ упражнялся, секретарь нашъ дѣйствительно пошелъ къ генералу и насказалъ ему столь много о необходимой во мнѣ надобности и о хотѣніи полковника взять меня въ полкъ, что генералъ даже разсердился на нашего полковника, за его предварительное мнѣ приказаніе, и положилъ неотмѣнно меня при себѣ удержать и на своемъ поставить. Все сіе случилось весьма кстатѣ, ибо не успѣлъ секретарь нашъ отъ него выттить, какъ пріѣхалъ къ нему и нашъ полковникъ. Онъ началъ тотчасъ ему обо мнѣ представлять; но какъ генералъ нашъ былъ уже предваренъ, то не далъ онъ ему и слова вымолвить, а наотрѣзъ отказалъ; а не удовольствуясь еще и тѣмъ, послалъ тотчасъ за мною и велѣлъ къ себѣ приттить. Я ничего о томъ не зналъ и не вѣдалъ, но, догадываясь, зачѣмъ меня спрашиваютъ и находясь между страхомъ и надеждою, пошолъ къ нему съ трепещущимъ сердцемъ.

Генералъ не успѣлъ меня завидѣть, какъ, обратясь ко мнѣ съ ласковымъ видомъ, сказалъ: «Нѣтъ, мой другъ! мнѣ те-

бя никакъ отпустить не можно, и ты долженъ неотмѣнно здѣсь при мнѣ остаться и щитаться при баталіонѣ. Однако о семъ пожалуй нимало не тужи; ты и здѣсь такую же, или еще важнѣйшую службу отправлять будешь Государю, какъ и въ войскѣ и потому чрезъ то ничего не потеряешь. Въ этомъ положись ты на меня». Я учинилъ ему пренизкой поклонъ, и легко могъ заключить, что къ послѣднимъ словамъ его поводъ подали представленія нашего полковника, расхвалившаго ему меня и изъявляющаго сожалѣніе свое о томъ, чтобъ я, будучи хорошимъ офицеромъ, не могъ чрезъ таковую отлучку отъ полку потерять линіи своей въ произвожденіи; и потому, обратясь къ стоявшему тутъ же полковнику нашему, хотѣлъ-было только изъ учтивости его спросить, что онъ приказать изволитъ, какъ онъ самъ уже ко мнѣ подошолъ, и тихимъ голосомъ мнѣ сказалъ: «что дѣлать, братецъ! я все здѣлалъ, что мнѣ можно было, но видишь самъ, что не моя воля; итакъ, оставайся уже здѣсь». Я хотѣлъ-было ему только отвѣчать, какъ генералъ, не давъ намъ болѣе воли говорить, мнѣ сказалъ: «Такъ поди-жъ, мой другъ, и продолжай свою работу и поспѣши ради Бога, какъ можно скорѣй». Тогда откланялся я имъ обоимъ и не пошелъ, а полетѣлъ въ канцелярію съ сердцемъ, преисполненнымъ неописаннымъ удовольствіемъ и радостію.

Всѣ канцелярскіе встрѣчали меня съ вопросомъ, что происходило, и услышавъ, изъявляли радость свою о томъ, что я остался съ ними, и называли уже меня своимъ «собеннымъ». Самъ секретарь нашъ привѣтствовалъ меня вмѣстѣ съ протчими и, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «ну, не правду ли я говорилъ? Живи-ка, братъ, лучше съ нами! здѣсь едва-ль не получше-ль тебѣ будетъ; а тамъ, братъ, есть и безъ тебя кому съ прусаками воевать. Не удивишь, право, никого, какъ пуля въ лобъ, а здѣсь по крайней мѣрѣ ее нѣтъ нужды опасаться». Я непреминулъ поблагодарить его за попеченіе о себѣ и просилъ о дальнѣйшей къ себѣ его благосклонности и неоставленіи, что онъ мнѣ охотно и обѣщалъ, будучи самъ собою доволенъ, что онъ сіе могъ здѣлать.

Такимъ образомъ кончилось сіе дѣло и, противъ всякаго моего чаянія, съ превеликимъ для меня удовольствіемъ. Съ той минуты не сталъ я заботиться уже о походѣ, и, нимало не скучая, просидѣлъ не только весь тотъ день, но и бо́льшую часть ночи за моимъ переводомъ; а наутріе, какъ свѣтъ, явился опять въ канцелярію и трудился съ такимъ усердіемъ и ревностію, что переводъ мой, къ великому удовольствію секретаря, предъ вечеромъ того дня кончилъ. Тогда спѣшилъ я уйтить домой, чтобъ по крайней мѣрѣ отдохнуть сколько-нибудь отъ трудовъ столь многихъ. Но неуспѣлъ я притти на квартиру, какъ новое явленіе поразило мой взоръ и привело духъ мой опять въ превеликое смущеніе и безпокойство.

Теперь готовъ я объ закладъ удариться съ вами, что вы не угадаете, что̀-бъ такое сіе было? ибо вамъ столь же мало можетъ приттить въ голову, какъ и мнѣ тогда, чтобъ былъ то адъютантъ нашего полку, присланной ко мнѣ нарочно отъ полковника. Я удивился и не зналъ что думать, когда онъ мнѣ сказалъ, что прислалъ его ко мнѣ полковникъ. — Зачѣмъ такимъ, батюшка,—спросилъ я его, смутившись духомъ и удивившись.—«Его сіятельство приказалъ вамъ сказать», говорилъ онъ мнѣ, «что буде вы хотите вмѣстѣ съ нами въ походъ иттить, то можете завтра поутру, какъ полкъ пойдетъ, тайкомъ отсюда уѣхать, а онъ уже беретъ на себя защитить васъ отъ всѣхъ посягательствъ, могущихъ за то послѣдовать на васъ отъ генерала Корфа».

Могло-ль что страннѣе, удивительнѣе или паче нескладнѣе и смѣшнѣе быть предложенія такова? Я изумился, услышавъ оное и смутился такъ, что не зналъ, нѣсколько минутъ, что ему на то отвѣтствовать, а самъ въ себѣ только помышлялъ: «я покорно, право, благодарствую; человѣкъ радъ, что нечаяннымъ образомъ случилось ему такъ удачно отъ похода отдѣлаться, а его сіятельство хочетъ,

чтобъ я самъ еще къ тому набивался, да еще подвергая себя и опасности немалой. Что я за дуракъ буду, и не съ ума ли мнѣ сойтить, естли сему приглашенію послѣдовать?» Но какъ адъютанту что-нибудь въ отвѣтъ сказать было надобно, то, собравшись нѣсколько съ мыслями, отбоярилъ я его слѣдующимъ образомъ: — Слушай-ка, братецъ—сказалъ я ему:—мнѣ хоть бы и не хотѣлось отъ полку отстать, но я истинно не знаю, можно ли мнѣ то здѣлать, что̀ его сіятельство приказывать изволитъ. Во-первыхъ, я въ походъ вовсе не собирался и у меня къ отъѣзду ничего неготово, а во-вторыхъ, какъ мнѣ можно безъ дозволенія отлучиться и власно какъ уйтить? Мнѣ не только поручено множество важныхъ дѣлъ для перевода, въ чемъ я оба сіи дни денно и ночно упражнялся, но, сверхъ того, и въ каморѣ на рукахъ у меня шнуровыя книги, въ которыя я всякой день приходъ и расходъ всѣхъ здѣшнихъ доходовъ записываю; такъ какъ можно мнѣ, не здавъ ихъ, отлучиться и самовольно уѣхать? Вѣдь меня засудятъ за это и я могу здѣлаться нещастнымъ отъ того. Генералъ нашъ играть собою давать не любитъ; никто меня не защититъ тогда отъ гоненія его. Его сіятельству видно неизвѣстно, сколь онъ силенъ при дворѣ, а намъ это уже довольно свѣдомо. Итакъ, доложите его сіятельству о семъ и скажите отъ меня, что я, несмотря на все мое усердіе и желаніе быть при полку, сего однако здѣлать никакъ не отваживаюсь, да и не думаю, чтобъ его сіятельство и самъ похотѣлъ меня здѣлать чрезъ то нещастнымъ.—«Хорошо», сказалъ адъютантъ, «я ему все это перескажу; но, ну, естли онъ неотмѣнно сего похочетъ, или поступитъ далѣе и велитъ тебя неволею взять? Что тогда изволишь?»—Въ этомъ состоять будетъ его воля,—сказалъ я,—и тогда уже не я, а уже онъ будетъ въ отвѣтѣ; а самовольно мнѣ и тайкомъ уѣхать никакъ не можно, и я повторяю вамъ, что я никакъ на это не отважусь и боюсь преступить повелѣніе генеральское. Неравно дойдетъ то до двора, такъ куда я гожусь?

Симъ отбоярилъ я моего господина адъютанта: онъ пошелъ отъ меня, какъ несолоно хлебавъ, а я, проводивъ его и смотря вслѣдъ, самъ себѣ говорилъ: «ступай-ка, братъ, ступай! да и впредь не подвертывайся къ намъ съ такими дѣлами. Мы съ ума еще не сходили, чтобъ самовольно намъ такой вздоръ дѣлать».

Совсѣмъ тѣмъ послѣднія его слова привели меня въ великое смущеніе. «Чево доброва!» думалъ я самъ въ себѣ: «чтобъ не затѣялъ онъ еще вправду сего здѣлать. Полковникъ въ полку, вѣдь какъ чортъ въ болотѣ, власть его велика. Какъ пришлетъ команду и велитъ насильно взять и увесть, такъ что ты съ нимъ изволишь дѣлать: не караулъ кричать станешь, и хоть не хочешь, а пойдешь. Не узнаетъ о томъ и генералъ нашъ; а нужно ему только изъ города меня выпроводить, а тамъ и прости-прощай! когда-то что будетъ, а я при полку, да при полку». Симъ и подобнымъ сему образомъ разсуждалъ я самъ съ собою и съ людьми своими во весь тотъ вечеръ, и какъ сіи не менѣе моего озабочивались мыслями, узнавъ о всемъ происходившемъ, то и еще болѣе въ смущеніе меня привели, вломивъ мнѣ въ мысли, что ежели вздумаетъ сіе полковникъ, то не здѣлалъ бы того въ самую ночь ту и не велѣлъ бы меня тайкомъ изъ города выпроводить. «Да, говорилъ я, чего добраго; однако не думаю я, чтобъ онъ похотѣлъ такое дурачество здѣлать и за меня съ генераломъ поссориться». — То такъ,—отвѣчалъ мнѣ мой Яковъ:—однако и поручиться за нево никому не можно; говорятъ, судырь, что человѣкъ онъ весьма отважной, и намъ не худо бы на ночь хорошенько позапереться, и ежели придутъ, то никакъ не отворять дверей; пускай же дѣлаютъ гвалтъ и выломаютъ силою.—«Врешь, дуракъ», сказалъ я ему: «запереться пожалуй можно, но не пустить будетъ никакъ нельзя, а лутчѣ постараться какимъ-нибудь образомъ дать тогда скорѣе знать о томъ секретарю нашему Чонжину». — И быть такъ,—сказалъ мой Яковъ: — молчите-жъ, сударь, ежели что̀ будетъ, то я

тотчасъ къ нему брызну и скажу; а гдѣ онъ стоитъ, я знаю. Это въ самомъ дѣлѣ будетъ лутче.

Уговорившись симъ образомъ и ложась спать, заперлись мы въ самомъ дѣлѣ накрѣпко, чтобъ не можно было къ намъ никакъ войтить съ улицы, и препроводили ночь въ безпрерывной опасности, чтобъ насъ не потревожили. Я того и смотрѣлъ, что придутъ либо звать меня къ полковнику, либо совсѣмъ принуждать въ тотъ моментъ выѣжжать изъ города. Однако, опасеніе мое было напрасно. Ночь прошла благополучно и мы не слыхали никакова шума; а не успѣлъ настать день, какъ я, ни минуты не медля, побѣжалъ въ канцелярію и не прежде успокоился духомъ, какъ пришедъ въ оную, ибо тамъ почиталъ себя уже въ совершенной безопасности и самъ себѣ говорилъ: «ну! теперь пускай приходятъ и берутъ меня отсюда». Однако, видно, что полковнику нашему не захотѣлось дѣлать такова дурачества, ибо онъ съ того времяни оставилъ меня съ покоемъ и вышелъ въ тотъ день съ полкомъ своимъ изъ города, не присылая ко мнѣ болѣе никого.

Нельзя довольно изобразить, съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я тогда изъ замка своего на отходящее сіе войско и какъ ждалъ не дождался, чтобъ оно скорѣе вышло. Мнѣ хотя и досадно было, что помянутой случай помѣшалъ мнѣ распрощаться со всѣми моими друзьями и товарищами, идущими въ походъ и воевать противъ непріятеля, однако я собственную свою безопасность предпочелъ сему удовольствію, и пожелалъ имъ заочно щастливаго пути и благополучнаго возвращенія, а самъ радовался тому, что остался на мѣстѣ и съ покоемъ. Однако опасеніе мое и по отшествіи полка было такъ велико, что я не прежде на квартиру возвратился, какъ уже ночью.

Симъ образомъ остался я тогда въ Кёнигсбергѣ и былъ хотя изъ полку своего не исключенъ, но здѣлался уже прямо отъ него отлучнымъ. Что̀ воспослѣдовало со мною далѣе, о томъ услышите вы впредь, а теперь дозвольте мнѣ на семъ мѣстѣ остановиться и окончить мое письмо, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и протчая.

Письмо 68.

Любезной пріятель! Оставшись преждеупомянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ и отлучившись чрезъ то уже существеннѣе отъ полку, и ласкаясь надеждою, что и впредь къ оному не скоро отпущенъ буду, началъ я уже помышлять о расположеніи жизни моей сообразно съ тогдашними моими обстоятельствами. Мое первое стараніе было о томъ, чтобъ мнѣ сжить съ рукъ всѣхъ моихъ лошадей. Какъ онѣ мнѣ уже совсѣмъ были ненадобны и я ими никогда не пользовался, то не хотѣлось мнѣ кормить ихъ попустому и тратить на то множество денегъ. До сего времяни содержаніе ихъ ничего не стоило: ходили онѣ вмѣстѣ съ протчими въ полковомъ табунѣ, и мнѣ не было до нихъ нужды: но какъ полкъ ушолъ и между тѣмъ наступила уже осень, то мнѣ дѣвать ихъ было уже некуда, и я долженъ былъ содержать ихъ на квартерѣ и покупать на нихъ дорогой въ тамошнихъ мѣстахъ кормъ. Сіе наскучило мнѣ очень скоро, и потому положилъ я лутче ихъ продать и получаемыя на нихъ двойныя тогда раціонныя деньги употреблять на лутчее и со склонностями моими сообразнѣйшее дѣло. Сіе я и учинилъ вскорѣ послѣ отшествія полку, и вырученныя на нихъ деньги сохранилъ, дабы, въ случаѣ востребованія меня въ полкъ, можно было на нихъ купить новыхъ.

По сокращеніи съ сей стороны моихъ расходовъ, уменьшилъ я вскорѣ послѣ того оные и еще однимъ обстоятельствомъ. Слуга мой, Яковъ, предложилъ мнѣ, чтобъ постарался я о томъ, чтобъ не отняли у меня той другой квартиры, которая отведена мнѣ была для лошадей моихъ; ибо какъ въ той, гдѣ я стоялъ, не было никакого двора, гдѣ-бъ я могъ помѣстить свою повозку и лошадей, то имѣлъ я другую, худшую, гдѣ жилъ сей слуга съ лошадьми моими. Я удивился предложенію его и спрашивалъ, на что̀-бъ она была намъ надобна? «А

вотъ на что, сударь», сказалъ онъ: «уже за нѣсколько времяни получилъ я охоту промышлять мѣною лошадей. Я покупаю ихъ у пріѣзжающихъ сюда нашихъ русскихъ извощиковъ дешевою цѣною и потомъ, либо промѣниваю, либо продаю ихъ здѣшнимъ прускимъ мужикамъ, и на томъ получаю иногда изрядной барышокъ. Итакъ, когда-бъ у насъ квартира другая попрежнему осталась, то могъ бы я, стоючи на ней, продолжать мой промыслъ, а притомъ и чеботарничать на свободѣ; а вамъ бы отъ того была та выгода, что вамъ не для чего-бъ было терять деньги на пропитаніе и содержаніе меня, но я могъ бы уже самъ себя кормить и одѣвать».—«Это очень хорошо, мой другъ», сказалъ я: «и квартиру за собою удержать мнѣ ничего не стоитъ». И въ самомъ дѣлѣ, мнѣ стоило только сказать о томъ одно слово нашему плацъ-маіору, какъ дѣло было и кончено, и съ того времяни слуга мой жилъ безпрестанно уже на сей другой квартерѣ и отчасти сапожническимъ своимъ рукомесломъ, отчасти вышеупомянутымъ лошадинымъ промысломъ не только самъ себя и кормилъ и одѣвалъ, но накопилъ себѣ и довольно денегъ, которыя самому мнѣ пригодились послѣ весьма кстатѣ, какъ о томъ упомяну я впредь въ своемъ мѣстѣ. Что-жъ касается до другова моего слуги, то сей жилъ на моей квартерѣ и кормился получаемымъ на деньщика мнѣ слѣдуемымъ провіантомъ. Итакъ, содержаніе обоихъ моихъ слугъ съ того времяни мнѣ ничего почти не стоило.

Избавившись отъ сихъ двухъ расходовъ, сталъ я, колико можно, сокращать и всѣ протчіе ненужные расходы, пожиравшіе до того у меня множество денегъ. На содержаніе себя пищею не было почти нужды ничего тратить: обѣденной столъ былъ у меня всякой день готовой у генерала, а ужины мои, какъ я прежде упоминалъ, были у меня столь легкіе и такъ мало стоющіе, что терялъ я на то мало денегъ. Самое лакомство, переводившее до того у меня множество денегъ—по притчинѣ, что я былъ съ малолѣтства до онаго охотникъ, а тогда, по великому множеству продаваемыхъ плодовъ и овощей, а особливо разныхъ родовъ вишенъ, сливъ, яблокъ, грушъ и баргамотовъ, былъ къ тому наивозжделѣннѣйшей случай—положилъ я также поуменьшить и употреблять тѣ деньги лутче на надобное. Играть я ни въ какія азартныя игры не игралъ, да не имѣлъ къ тому и времяни; а буде захаживалъ кой-когда въ трактиры, на дорогѣ стоящіе, такъ не для чего иного, какъ развѣ для читанія газетъ, или чтобъ напиться кофею или чаю, или поиграть съ кѣмъ-нибудь въ биліаръ, да и то не въ деньги, а на однѣ только партіи. Наконецъ, и самымъ платьемъ положилъ я не щеголять, а имѣть только не гнусное и не постыдное. Компаній и пирушекъ у меня никакихъ не было, да и дѣлать ихъ было некогда и не съ кѣмъ; слѣдовательно, и на сіе деньги терять не было нужды. Словомъ, я расположилъ весь родъ тогдашней жизни моей на степенной и уединенной ногѣ и такъ, что, за всѣми моими необходимыми расходами, оставалось у меня отъ жалованья и раціоновъ болѣе половины.

Однако, не подумайте, любезной пріятель, чтобъ я при помянутомъ сокращеніи моихъ расходовъ здѣлался скрягою и скупцомъ, и всѣ оставшіяся отъ нихъ деньги собиралъ въ скопъ и пряталъ. Ахъ, нѣтъ! я былъ отъ этого слишкомъ удаленъ; а признаюсь вамъ, что истрачивалъ ихъ всѣ почти до копейки.

Теперь, ежели полюбопытствуете знать, куда-жъ бы я оныя употреблялъ, такъ необинуяся скажу, что истрачивалъ я всѣ ихъ на то, къ чему стремилось наиболѣе мое сердце и всѣ мои склонности, то-есть, на покупку книгъ, красокъ, картинокъ и на дѣланіе кой-какихъ инструментовъ и любопытныхъ вещей. Охота моя ко всему тому не только не уменьшилась, но становилась часъ отъ часу больше. До того времяни все-таки воздерживался я отъ того сколько-нибудь: отчасти неимѣніе излишнихъ денегъ, отчасти всегдашнее мнѣніе, что мы пойдемъ опять въ походъ — удерживало меня отъ отягощенія себя многими книгами и другими вещами. Случившейся со мною при Ригѣ примѣръ, когда мы всѣ

лишнія вещи принуждены были бросать, былъ мнѣ всегда памятенъ и наводилъ на меня всегдашнее опасеніе. Но какъ скоро полкъ нашъ ушолъ и я удостовѣрился уже въ томъ, что меня не отпустятъ въ армію, и я не имѣю притчины опасаться похода, то далъ стремленіямъ сердца своего уже болѣе воли и пустился уже прямо въ возжделѣнную столь уже издавна покупку книгъ и другихъ вещей.

Не могу безъ смѣха и понынѣ вспомнить, съ какимъ удовольствіемъ, спустя нѣсколько дней послѣ отшествія полку, побѣжалъ я, улучивъ свободное время, въ прежде уже помянутую мною книжную лавку, и съ какимъ восхищеніемъ нѣсколько часовъ пересматривалъ и перебиралъ и покупалъ я тамъ книги. Цѣлой кошелекъ, набитой до верха деньгами, принесъ я въ оную, а не вынесъ изъ ней ни копейки, но всѣ, сколько ихъ ни было со мною, употребилъ я на покупку разныхъ книгъ и сочиненій; и, о Боже! какое удовольствіе ощущалъ я тогда, какъ, связавъ изъ нихъ цѣлую кипу, понесъ я ее съ собою. «Ну!» говорилъ я самъ себѣ, «теперь-то есть что почитать и есть чѣмъ заняться; теперь не говори, что тебѣ скучно: есть чѣмъ уже прогонять оную, а была бы только охота; теперь читай себѣ, пожалуй, любую и забавляйся сколько душѣ угодно»!

Симъ образомъ говоря, притащилъ я кипу мою прямо въ канцелярію. Всѣ удивились великому множеству купленныхъ книгъ, а особливо, какъ я началъ ихъ раскладывать и вновь всѣ пересматривать. Никому поступокъ мой таковъ удивителенъ не показался, какъ господамъ нѣмцамъ, моимъ товарищамъ. «Э! э! э!» закричали они оба въ одинъ голосъ: —«да на что это вы такую пропасть накупили?»— Какъ на что,—отвѣчалъ я имъ: —читать, государи мои. Мнѣ нечего въ праздное время дѣлать, а вы знаете, что я охотникъ и люблю читать.—«Хорошо это!» сказали они далѣе: «да неужели вы хотите для чтенія себѣ книги всѣ покупать и терять на то деньги?—Да какъ же? — отвѣчалъ я. Усмѣхнулись тогда оба мои нѣмцы, и одинъ изъ нихъ, которой болѣе былъ обо всемъ свѣдущъ, мнѣ сказалъ: «нѣтъ, господинъ подпорутчикъ: это слишкомъ для васъ будетъ убыточно. Для покупки столькихъ книгъ, сколько для чтенія вашего надобно, скоро не достанетъ у васъ денегъ, и вы истратите только ваши деньги, а пользы дальней не получите!»—Почему это?—спросилъ я его удивившись.—«Потому, отвѣчалъ онъ, что книгъ у насъ въ лавкахъ преужасное множество; но между ними не столько хорошихъ, сколько дурныхъ и ни къ чему годныхъ. Всѣхъ вамъ ихъ никакъ не перекупить, а покупать вы будете ихъ по выбору. Выборъ же между ими очень труденъ, и всего скорѣе въ немъ ошибиться и такихъ накупить можно, которыя ничего не стоютъ, и кои послѣ бросить будетъ должно, какъ то вѣрно и теперь съ вами случилось. Пожалуйте-ка, дозвольте мнѣ ихъ пересмотрѣть».—Очень хорошо, изволь, братецъ,— сказалъ я, и далъ ему перебрать ихъ какъ онъ хочетъ.

Нѣмецъ мой, усѣвшись, началъ тотчасъ ихъ перебирать и пересматривать по-своему. Онъ не только прочитывалъ надписи, но у незнакомыхъ ему самыя предисловія и по нѣскольку страницъ матеріи, и всѣ раскладывать на разныя кучки. Я смотрѣлъ на него, не спуская глазъ, и ждалъ съ нетерпѣливостію, что онъ наконецъ скажетъ. Но какъ смутился я духомъ, когда онъ, перебравъ всѣ и взявъ самомалѣйшую кучку, мнѣ сказалъ: «вотъ эти изрядныя и деньги за нихъ не потеряны; а сіи,—говорилъ онъ, показывая мнѣ на другую кучку:—ни то ни сё и не стоютъ больше того, какъ одинъ разъ прочесть. Вотъ сіи,—сказалъ онъ, подавая третью кучку, мнѣ незнакомы, и хоть прямо не могу о нихъ судить, однако не сомнѣваюсь и не думаю, чтобъ и въ нихъ много хорошаго было. Но что касается до сихъ,— сказалъ онъ мнѣ, указывая на самую большую стопу,—то сихъ всѣхъ хоть бы вовсе не покупать: всѣ онѣ не стоютъ ничего и деньги за нихъ прямо потеряны». — Нѣтъ, правду ли? — спросилъ я, удивившись, — что вы говорите?—«Конечно такъ!» отвѣ-

чалъ онъ: «мнѣ всѣ онѣ знакомы и я обманывать васъ не стану».

— Эхъ, какая бѣда, и что-жъ это я здѣлалъ! — возопилъ я, взгоревавшись. «Да!» сказалъ мой нѣмецъ, «немножко поспѣшить изволили; а надлежало бы быть поосторожнѣе и не вдругъ спѣшить покупать такое множество. Успѣть бы можно и тогда купить, когда бы вы какую книгу прочли или дѣйствительно узнали, что она хороша».—Да умилосердись, братецъ,—сказалъ я,—какъ ихъ узнаешь и когда ихъ тутъ читать? Ихъ такая тьма, что я не зналъ, на которую и смотрѣть изъ нихъ и едва успѣвалъ и одни ихъ титулы прочитывать. — «А сіи-то титулы», отвѣчалъ мнѣ нѣмецъ: «васъ, сударь, и обманули. По нимъ всего труднѣе узнавать хорошія книги, и на нихъ-то и не надлежитъ никогда полагаться». — Но какъ же быть лутче? — спросилъ я:—и чрезъ что можно-бъ было избѣжать ошибки?—«Чрезъ предварительное прочитываніе», отвѣчалъ онъ: «такъ, какъ я прежде говорилъ; однако есть къ тому и другой способъ. Въ числѣ продажныхъ книгъ есть нѣкоторыя особливыя книжки, содержащія въ себѣ совѣты для молодыхъ людей, желающихъ заводить библіотеки, въ которыхъ сообщается краткая и разумная критика о книгахъ всякаго рода, и предлагаются совѣты, какія бы изъ какова класса лучше избирать и какихъ, напротивъ того, обѣгать должно. Таковою-то бы книжкою надлежало бы вамъ себя напередъ снабдить и чрезъ ее, спознакомившись хотя вскользь съ наилутчими авторами и сочиненіями, поступать уже власно какъ по писанному, и такія выбирать, какія болѣе рекомендуются учеными сочинителями сихъ книжекъ».—Эхъ, жаль же мнѣ,—сказалъ я:—что я этова не зналъ, и что вы мнѣ того прежде не сказали. Не купилъ бы я вправду такова вздора; а теперь что мнѣ съ такимъ множествомъ дѣлать?»...

Потуживъ и погоревавъ о своей неосторожности, спросилъ я наконецъ своего нѣмца: не можетъ ли онъ мнѣ достать такую книжку, о какой онъ теперь говорилъ. «Пожалуй», отвѣчалъ онъ: «и ежели вамъ угодно, то я сейчасъ схожу въ лавку и спрошу нѣтъ ли той, которая мнѣ въ особливости знакома».—Куда бы какъ вы меня тѣмъ одолжили,—сказалъ я:—и я былъ бы вамъ за то невѣдомо какъ благодаренъ.—«Зачѣмъ дѣло стало»? подхватилъ мой нѣмецъ: «я въ сію же минуту схожу. Но постойте, г. подпорутчикъ», продолжалъ онъ, схвативъ шляпу: «не постараться ли мнѣ вамъ оказать и другую еще услугу? Книги эти,—говорилъ онъ, указывая на большую стопу,—въ самомъ дѣлѣ для васъ ни мало не годятся. Не дозволите ли вы мнѣ взять ихъ съ собою: я испытаю, неудастся ли мнѣ ихъ опять втереть въ руки книгопродавцу и получить за нихъ либо обратно ваши деньги, либо увѣрить его, что вы вмѣсто ихъ купите у него послѣ другія, и онъ бы до того времяни остался бы вамъ ими долженъ. Согласны ли вы на это?»—Ахъ, другъ мой!—возопилъ я: возможно-ль, чтобъ не быть согласнымъ, и ты бы меня тѣмъ до безконечности одолжилъ!—«Хорошо, г. подпорутчикъ, поглядимъ и употребимъ все, что только можно»—Сказавъ сіе, подхватилъ онъ мою стопу книгъ и побѣжалъ въ лавку.

Радость моя была тогда превеликая, а нетерпѣливость, съ какою я дожидался его возвращенія, еще того больше. Я не отходилъ почти отъ окошка, но то и дѣло посматривалъ, не идетъ ли онъ назадъ и не несетъ ли съ собою опять всѣхъ книгъ моихъ. Но возвращеніемъ своимъ какъ-то онъ позамедлился. Сіе меня удивило и увеличило еще болѣе мою нетерпѣливость. «Что за диковинка», говорилъ я, «давно бы ему пора возвратиться; лавка недалече. Развѣ книгопродавца дома нѣтъ, или онъ его уговариваетъ и уговорить не можетъ; развѣ зашолъ куда?» Но прошолъ уже цѣлой часъ и начался другой, но его все еще не видать было. «Господи помилуй»! думалъ я: «это уже совсѣмъ непонятное дѣло, и конечно что-нибудь заняло его особливое». Но въ самое то время, когда я, симъ образомъ самъ съ собою разсуждая, въ окошко смотрѣлъ, погляжу — онъ въ двери.—«Ба, ба, ба!» закричалъ я: «откуда вы взялись? и какъ это пришли, что

я не могъ усмотрѣть васъ? Я все смотрѣлъ въ ту улицу, откуда вамъ иттить надлежало». — Я заходилъ на часокъ въ другое мѣсто,—сказалъ онъ: — и пришолъ уже съ другой стороны.—«Ну что-жъ, мой другъ»? подхватилъ я, и началъ его распрашивать: «достали-ль вы ту книжку?»— Вотъ она,—отвѣчалъ онъ, вынимая ее изъ кармана и мнѣ подавая.—«А мои-то книги?» —Видите, что ихъ нѣтъ со мною.— «Конечно, и ихъ съ рукъ сбыли?»—Точно такъ.—«Что книгопродавецъ? небойсь, онъ закарячился и не хотѣлъ ихъ назадъ брать?» — Не безъ тово-то; однако я его уговорилъ и умаслилъ. Человѣкъ онъ у насъ доброй и сговорчивой. Я насказалъ ему столько объ васъ и объ охотѣ вашей къ книгамъ, что онъ наконецъ согласился.— «Ахъ, другъ ты мой! какъ ты меня одолжилъ! Но что-жъ, на чемъ у васъ осталось и что положено: въ долгу ли, что-ль, онъ у меня остался»? — Никакъ; но онъ такъ былъ снисходителенъ, что и деньги отдалъ.—«Не вправду ли?»—Точно, вотъ и деньги ваши.—«Ну, спасибо, право спасибо»! сказалъ я, принимая отъ него подаваемыя деньги и радуясь невѣдомо какъ, что онъ выручилъ назадъ оныя.—Однако, не прогнѣваетесь ли вы на меня, подхватилъ онъ:—что я взялъ смѣлость и изъ вашихъ денегъ талера три на свою нужду истратилъ? Я возвращу вамъ ихъ какъ скоро вамъ угодно будетъ.—«Батюшка ты мой»! отвѣчалъ я ему:—«хоть бы ты и всѣ ихъ истратилъ, такъ бы я слова не сказалъ. Вы и не то для меня здѣлали, а вамъ можно повѣрить хоть и болѣе».

И подлинно, я такъ былъ имъ доволенъ, что готовъ бы былъ ему и послѣднія отдать, естлибъ онъ у меня тогда потребовалъ оныхъ. Однако ему не было въ нихъ нужды, но онъ, поблагодаривъ меня за мою довѣренность къ нему, сказалъ далѣе: «когда вы такъ ко мнѣ благосклонны, то надобно-жъ мнѣ вамъ сказать за то еще что-нибудь хорошенькое».—Что такое, любезной другъ?—спросилъ я, удивившись.— «А вотъ что», сказалъ онъ: «какъ я шолъ изъ лавки обратно сюда, то пришло мнѣ нѣчто особливое въ голову. Книги вѣдь вы, думалъ я, покупаете не для того, чтобъ собирать вамъ библіотеку большую, ибо куда вамъ съ нею дѣваться? но для того, чтобъ читать только ихъ».—Конечно,—отвѣчалъ я. — «Итакъ, не избавить ли мнѣ васъ совсѣмъ отъ покупки ихъ, или по крайней мѣрѣ отъ растери на нихъ множества денегъ, а совсѣмъ тѣмъ охоту вашу къ чтенію удовольствовать».—Да какъ это можно?—спросилъ я, удивившись. — «Возможность къ тому дѣйствительно есть, но будетъ ли только на то воля ваша. У насъ здѣсь есть одинъ домъ, котораго хозяинъ держитъ у себя превеликое множество всякаго рода наилутчихъ книгъ и даетъ ихъ всякому читать, кто хочетъ, и такія, какія кому угодно, а самъ беретъ только за то съ читателей самой маленькой платежъ».—Что вы говорите? — возопилъ я:—не вправду ли?—«Точно такъ, отвѣчалъ онъ: да и платежъ-то очень не великъ, не болѣе какъ по одному нашему грошу, а по вашему по одной копейкѣ на день. Такъ не вздумаете ли вы симъ средствомъ пользоваться. У насъ весьма многіе симъ образомъ читаютъ».— Батюшка ты мой! да я бы готовъ не только по одной, но хотя по три копейки платить на день, естлибъ только могъ пользоваться такою выгодою; но ходить-то къ нему для сего чтенія, какъ сами вы знаете, некогда.—«И того-таки не надобно», отвѣчалъ онъ: «но онъ даетъ всякому книги на домъ; а въ предосторожность, чтобъ не могли распропасть, беретъ только при самомъ началѣ въ закладъ нѣсколько талеровъ денегъ, но которыя онъ послѣ возвращаетъ назадъ, какъ скоро кто читать перестанетъ».—Это еще и того лутче!—возопилъ я съ превеликимъ удовольствіемъ:—и куда бы я радъ былъ, естлибъ могъ съ человѣкомъ симъ познакомиться.—«Зачѣмъ дѣло стало»? отвѣчалъ онъ: «мы васъ тотчасъ съ нимъ познакомимъ. Я знаю, гдѣ онъ живетъ».—Батюшка ты мой!—возопилъ я, сдѣлавъ ему пренизкой поклонъ: — я бы готовъ тебѣ въ ножки поклониться, естлибъ ты мнѣ сіе одолженіе здѣлалъ: ты навѣкъ бы меня тѣмъ одолжилъ. Не можно-ль бы хоть теперь мнѣ съ вами туда сходить?—

Удивился онъ моей нетерпѣливости и, засмѣявшись, мнѣ сказалъ:—«добро, добро, г. подпорутчикъ, когда такъ вамъ сего хочется, такъ не зачѣмъ же вамъ и трудиться и ходить туда. Я васъ и отъ того избавлю: дѣло уже здѣлано. Я, не сомнѣваясь, что вамъ будетъ сіе угодно, тамъ теперь уже и побывалъ и все дѣло кончилъ». — Какъ? спросилъ я, вспрыгнувъ даже отъ радости:—возможно ли?—«Точно такъ», отвѣчалъ онъ: «и, въ доказательство тому вотъ вамъ и росписка отъ него въ полученныхъ имъ въ закладъ помянутыхъ денегъ. Три-то талера я не на себя, а на сіе употребилъ».—Невправду ли? и, ахъ, какъ вы меня одолжили!—сказалъ я, отвѣсивъ ему пренизкой поклонъ.—«А вотъ», продолжалъ онъ, вынимая изъ-за пазухи тетратку, и «печатной реестръ всѣмъ его книгамъ: и вамъ стоитъ только любыя изъ него замѣчать и съ запискою посылать за книгами къ нему, такъ онъ и будетъ присылать. Я за первой мѣсяцъ 30 грошей и заплатилъ уже ему».

Боже мой, какъ обрадовался я тогда всему тому! Я такъ доволенъ былъ поступкомъ моего нѣмца, что, бросившись къ нему на шею, расцѣловалъ даже его и не могъ довольно словъ найтить къ изъявленію ему моей благодарности. Истинно, естли-бъ кто меня подарилъ тогда чѣмъ-нибудь важнымъ, такъ бы радость моя и благодарность не была такъ велика, какъ въ то время; и какъ случилось сіе нечаяннымъ образомъ въ самой день рожденія моего, то день сей былъ мнѣ долго памятенъ, и я не помню, чтобъ я когда-нибудь препроводилъ оной съ такимъ удовольствіемъ, какъ въ сіе время. Но чему и дивиться не можно: ибо удовольствована была тогда во мнѣ одна изъ наивеличайшихъ моихъ склонностей, да и не однимъ еще, а многимъ, ибо и книгъ купленныхъ осталось у меня еще множество, и случай неожиданнымъ образомъ получилъ я такой, какова могло только желать мое сердце. Словомъ, я не могу изобразить вамъ, какъ доволенъ я былъ всѣмъ симъ произшествіемъ и въ какомъ удовольствіи препроводилъ тотъ вечеръ и большую часть ночи, читая и пересматривая мои книги и полученной реестръ, пришедши на квартиру.

Но я заговорился уже такъ, что и позабылъ, что мнѣ давно время письмо мое кончить и сказать вамъ опять, что я есмь вашъ и протчая.

Письмо 69.

Любезной пріятель! Вы, я думаю, предугадывали уже напередъ, что я письмо сіе начну повѣствованіемъ о томъ, какъ я упомянутою въ послѣднемъ моемъ письмѣ нечаянною выгодою началъ пользоваться. Вы и не ошиблись въ томъ, и я дѣйствительно за нужное нахожу вамъ о томъ пересказать. Пунктъ сей времяни былъ особливаго примѣчанія достоинъ въ моей жизни. Мнѣ пошолъ тогда двадцать-первой годъ отъ рожденія, и съ самаго сего времяни началось прямо мое читаніе книгъ, которое послѣ обратилось мнѣ въ толикую пользу. До сего времяни хотя я и читывалъ книги, но все мое читаніе было ущипками и урывками только по времянамъ; а съ сего времяни присѣлъ я, такъ-сказать, вплотную и принялся читать почти уже безпрерывно и не сходя съ мѣста. Тогдашнее осеннее и скучное время, начавшіеся длинные вечера, сидѣніе всякой день въ канцеляріи часу до десятаго вечера, множество остающагося отъ дѣлъ и переводовъ празднаго времяни; обстоятельство, что я, хотя не многія, но платилъ за книги деньги, нехотѣніе терять ихъ попустому, но, напротивъ того, желаніе воспользоваться сколько можно болѣе симъ возжделѣннымъ случаемъ и успѣть множайшія прочесть книги, а наконецъ и самыя любопытныя и пріятныя матеріи тѣхъ книгъ, которыя читалъ я сначала,—были тому притчиною, что я не терялъ почти ни минуты празднаго времяни, но все оное употреблялъ на чтеніе.

Теперь разскажу вамъ, какова рода книги читалъ я тогда наиболѣе. Чрезъ посредство помянутой купленной мнѣ товарищемъ моимъ книжки, хотя и узналъ я о всѣхъ наилутчихъ книгахъ и сочи-

неніяхъ во всѣхъ частяхъ нѣмецкой литературы, и хотя, прочитывая свой каталогъ, къ особливому удовольствію своему находилъ, что многія изъ нихъ были и у того кёнигсбергскаго жителя, у котораго я на другой же день началъ брать книги для читанія; однако, при томъ одномъ я не остался, но просилъ того же нѣмца, моего товарища, которой мнѣ сей случай доставилъ и которой взялъ на себя трудъ проводить туда одного изъ нашихъ канцелярскихъ солдатъ, котораго я положилъ посылать всегда за книгами, чтобъ и онъ мнѣ, съ своей стороны, присовѣтовалъ, какія мнѣ сначала читать лутче, и тѣ бы означилъ въ каталогѣ. Онъ охотно сіе и учинилъ, и означивъ всѣ, которыя ему были знакомы и лутче протчихъ, и пересказавъ мнѣніе свое о добротѣ оныхъ, совѣтовалъ мнѣ начало учинить читаніемъ наилутчихъ нѣмецкихъ романовъ. Онъ говорилъ, что чрезъ то не только я научусь читать книги ихъ проворнѣе и узнаю языкъ ихъ совершеннѣе, но и всего способнѣе заохочусь и къ дальнѣйшему чтенію; а сверхъ того, и веселѣе могу провождать тогдашнее скучное время, а особливо по вечерамъ, ибо какъ они любопытны, то могутъ удобнѣе занимать все мое вниманіе и не давать чувствовать скуки, нежели другова рода книги.

На предложеніе сіе я тѣмъ охотнѣе согласился, что оно сообразно было и съ самыми склонностьми моими. «Клевеландъ» мой и нѣкоторые другіе, читанные мною до того романы, вперили уже давно въ меня вкусъ къ онымъ, и я всегда съ особливымъ удовольствіемъ читывалъ книги, содержащія въ себѣ что-нибудь историческое.

И какъ романовъ было у того пруссака превелнкое множество, и въ томъ числѣ были и всѣ наилутчіе и славнѣйшіе, то пустился я въ чтеніе оныхъ, и упражнялся въ томъ съ такою прилежностію и усердіемъ, что не зналъ даже усталости. Солдатъ мой принужденъ былъ то и дѣло ходить за книгами, и скоро дошло до того, что не только нѣмцы, мои товарищи, но и самъ хозяинъ книгъ не могъ довольно надивиться скорому прочитыванію мною оныхъ, и такъ наконецъ въ меня ввѣрился, что не опасался присылать ко мнѣ и по цѣлому уже десятку вдругъ, и гораздо болѣе, нежели чего весь мой закладъ стоилъ. Но надобно сказать, что и самъ я старался всегда сохранять кредитъ, и не только возвращалъ ему книги его всегда въ цѣлости и исправно, но и берегъ ихъ, власно какъ свои собственныя, чтобъ не могли онѣ какъ затеряться; а сіе и было ему въ особливости пріятно. Я же получилъ изъ того ту выгоду, что изъ множества присылаемыхъ могъ дѣлать выборъ и читать тѣ, которыя были лутче протчихъ и мнѣ болѣе нравились, и оставлять протчія, которыя казались мнѣ не таковы хороши и чтенія моего недостойными.

Въ таковомъ безпрерывномъ чтеніи однихъ романовъ препроводилъ я не только всю тогдашнюю осень, но и всю зиму и даже бо́льшую часть послѣдующаго лѣта; и матерія ихъ не только мнѣ не наскучивала, но, дѣлаясь съ каждымъ днемъ еще пріятнѣйшею, въ самомъ дѣлѣ заохочивала меня отчасу болѣе къ чтенію. Я прочелъ ихъ тогда превеликое множество, и изъ всѣхъ лутчихъ и славнѣйшихъ тогда романовъ не осталось почти ни одного, которой бы не побывалъ у меня въ рукахъ и мною сначала до конца прочитанъ не былъ.

По обыкновенному обвиненію романовъ, что чтеніе ихъ не столько пользы, сколько вреда производитъ и что они нерѣдко ядомъ и отравою молодымъ людямъ почесться могутъ, подумать бы можно было, что и надо мною произвели они подобное тому дѣйствіе; однако я торжественно о себѣ скажу, что мнѣ не здѣлали они ничего худова. Сколько я ихъ ни читалъ, но отъ всего чтенія оныхъ не примѣтилъ я ни тогда, ни послѣ никакихъ худыхъ и предосудительныхъ для себя слѣдствій, не развратились ими мысли мои и не испортилось сердце, не соблазненъ я ими былъ ни къ какимъ худымъ дѣламъ и не вовлеченъ въ пороки и распутную жизнь; но чтеніе оныхъ, на-

противъ того, произвело для меня безчисленныя выгоды и пользы. Умъ мой преисполнился множествомъ новыхъ и такихъ знаній, какихъ онъ до того не имѣлъ, а сердце нѣжными и благородными чувствованіями, способными не преклонять, а отвращать меня отъ пороковъ и худыхъ дѣлъ, которымъ легко бы я могъ здѣлаться подверженнымъ. Словомъ, я никакъ не могу пожаловаться на оные и обвинять ихъ съ своей стороны вредными слѣдствіями, но паче за многое хорошее, имъ весьма обязанъ.

Можетъ быть произошло сіе отъ того, что по особливому щастію съ самаго начала попались мнѣ въ руки романы наилутчаго рода, писанные хорошими и славными сочинителями, со вкусомъ, и такіе, въ которыхъ изящность добродѣтелей и хорошаго поведенія, а гнусность пороковъ и дурной жизни изображена была живѣйшими и плѣняющими красками; ибо какъ, сначала начитавшись оныхъ, научился я хорошему вкусу въ романахъ, то въ состояніи уже былъ дѣлать между дурными и хорошими выборъ, и тѣмъ меньше могъ послѣ развращонъ быть дурными, попадающимися мнѣ койкогда въ руки, но оные удобнѣе могъ презирать и неудостоивать своего чтенія. А много, можетъ быть, поспѣшествовало къ тому и предварительное расположеніе и состояніе моего сердца, имѣющаго отъ малолѣтства болѣе наклонности къ хорошему, нежели къ дурному и уже хорошее основаніе къ любленію добродѣтели.

Но какъ бы то ни было, но помянутое чтеніе романовъ произвело мнѣ многоразличныя пользы. Наиглавнѣйшею изъ нихъ можно почесть ту, что я чрезъ многое чтеніе сіе здѣлался въ нѣмецкомъ языкѣ несравненно знающѣе и совершеннѣе. Не только цѣлыя тысячи словъ и реченій, которыхъ я до того никакъ не зналъ, здѣлались мнѣ тутъ извѣстными и вразумительными, мимоходомъ и безъ всякаго затверживанія ихъ наизусть, но я научился вкусу отчасти и въ самомъ слогѣ сочиненій нѣмецкихъ и узналъ пріятность и красоту онаго, и чрезъ все то приготовилъ себя нечувствительно къ удобнѣйшему разумѣнію и охотнѣйшему чтенію другихъ и полезнѣйшихъ сочиненій. Второю, и не менѣе важною пользою, полученною мною отъ сего чтенія, можно почесть ту, что я, читая описываемыя произшествія во всѣхъ государствахъ и во всѣхъ краяхъ свѣта, нечувствительно сознакомился гораздо ближе со всѣми оными, а особливо съ знатнѣйшими въ свѣтѣ городами. Я узналъ и получилъ довольное понятіе о разныхъ нравахъ и обыкновеніяхъ народовъ и обо всемъ томъ, что во всѣхъ государствахъ есть хорошаго и худого, и какъ люди въ томъ и другомъ государствѣ живутъ и что у нихъ тамъ водится. Сіе замѣнило мнѣ весьма много особливое чтеніе географическихъ книгъ и здѣлало меня съ сей стороны гораздо болѣе знающимъ. Не меньшее-жъ понятіе получилъ я и о родѣ жизни разнаго состоянія людей, начиная отъ владыкъ земныхъ, даже до людей самаго низкаго состоянія. Самая житейская, свѣтская жизнь во всѣхъ ея разныхъ видахъ и состояніяхъ и вообще весь свѣтъ здѣлался мнѣ гораздо знакомѣе предъ прежнимъ и я о многомъ такомъ получилъ яснѣйшее понятіе, о чемъ до того имѣлъ только слабое и несовершенное. Что касается до моего сердца, то отъ многаго чтенія преисполнилось оно столь нѣжными и особыми чувствованіями, что я примѣтно ощущалъ въ себѣ великую перемѣну и совсѣмъ себя власно какъ переродившимся. Я началъ смотрѣть на всѣ произшествія въ свѣтѣ нѣкакими иными и благонравнѣйшими глазами, а все сіе и вперяло въ меня нѣкое отвращеніе отъ грубова и гнуснаго обхожденія и сообщества съ порочными людьми, и отвлекало отчасу больше отъ сообщества съ ними. Наконецъ, проистекла отъ того та польза, что какъ все праздное время по большой части занято у меня было однимъ чтеніемъ, то чрезъ сіе не только не былъ я никогда въ праздности, но и не занимался, кромѣ дѣлъ по должности, никакими другими побоч-

ными дѣлами, которыя легко могли-бъ меня отвлечь отъ моихъ полезныхъ упражненій и завесть въ какія-нибудь заблужденія. Что-жъ касается до увеселенія, производимаго мнѣ симъ чтеніемъ романовъ, то я не знаю уже, съ чѣмъ бы оное сравнить и какъ бы изобразить вамъ оное? А довольно когда скажу, что оное было безпрерывное, и такъ велико, что я и понынѣ еще не могу позабыть тогдашняго времяни и того, сколь оно было для меня пріятно и увеселительно. Мнѣ и понынѣ еще памятно, какъ увеселялся я не только во время читанія, просиживая безъ всякой скуки длинные вечера, но голова моя такъ наполнена была читанными повѣстями и приключеніями, что и во время самаго скучнаго хожденія по ночамъ изъ канцеляріи на квартиру, они не выходили у меня изъ памяти и я ими и въ сіи скучныя путешествія не менѣе занимался мыслями и веселился, какъ и во время чтенія, и чрезъ то не чувствовалъ трудовъ и досады, съ шествіемъ по грязной и скользкой мостовой сопряженной.

Но сего довольно о тогдашнемъ моемъ чтеніи; а надобно разсказать мнѣ вамъ теперь и о другомъ упражненіи, въ которомъ я времянно упражнялся и которое имѣло хотя предметомъ у себя единое увеселеніе, однако также невинное и позволенное. Оное состояло ни въ чемъ иномъ, какъ въ танцованіи, или паче въ ученіи сему искуству. Вы удивитесь сему безсомнѣнно и почтете сіе дѣломъ, нимало съ протчимъ тогдашнимъ расположеніемъ моимъ несообразнымъ; однако сіе дѣйствительно такъ было, и я побужденъ былъ къ тому отчасти склонностью моею съ малолѣтства къ сему упражненію, отчасти бывающими у генерала нашего кой-когда балами и на нихъ танцами. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ ихъ видать, сматривалъ я на нихъ съ восхищеніемъ и всякой разъ внутренно досадовалъ, для чего не могъ я самъ брать въ томъ соучастія. Но низкость чина моего, природная застѣнчивость и несмѣлость, а паче всего, самое неумѣнье мое танцовать, не дозволяло мнѣ и мыслить о томъ, чтобъ я могъ когда-нибудь въ увеселеніи семъ соучаствовать; ибо хотя, будучи рабенкомъ, я и танцовывалъ, но какъ искуству сему никогда не учился, то всѣ тогдашніе танцы мои ничего не значили. Поелику же мнѣ съ того времяни уже никогда болѣе танцовать не случалось, то тогда и щиталъ себя къ тому совсѣмъ неспособнымъ; почему и довольствовался я единымъ только зрѣніемъ, какъ другіе танцуютъ и примѣчаніемъ всѣхъ ихъ движеній и оборотовъ, дабы, пришедъ на квартиру, можно мнѣ было, хоть самоучкою, сколько-нибудь сему искуству понаучиться. Сіе и дѣйствительно я въ праздные часы иногда дѣлывалъ, и тананакая миноветы, учился дѣлать па и другіе обороты. И какъ искуство сіе не такъ было мудрено, чтобъ не можно было перенять, то чрезъ нѣсколько времяни и затвердилъ я оное такъ, что могъ бы по нуждѣ отважиться танцовать и въ публикѣ, и недоставало мнѣ къ тому одного только удобнаго случая.

Неуспѣлъ я до того дойтить, какъ нечаяннымъ образомъ явился къ тому и возжделѣнной случай. Тотъ же нѣмецъ, которой снознакомилъ меня съ книгами, доставилъ мнѣ и сей случай. Нѣкогда, пришедъ въ канцелярію къ намъ, сказывалъ онъ, что въ сосѣдствѣ у него будетъ въ тотъ день жидовская свадьба, и предлагалъ мнѣ, не хочу ли я полюбопытствовать и посмотрѣть оную. — Очень бы хорошо, сказалъ я: — я никогда еще ихъ не видывалъ; но какъ бы можно было это здѣлать? — «Ежели вамъ угодно», отвѣчалъ мой нѣмецъ: «то пойдемъ вмѣстѣ. Я васъ ужо, ввечеру, провожу туда; а надобно только сколько-нибудь полутче одѣться, ибо свадьба будетъ хорошая и порядочная». — Хорошо, — сказалъ я: — но не дурно ли будетъ, что мы придемъ безъ всякаго приглашенія, а сами собою? — И, нѣтъ! господинъ подпорутчикъ. У насъ обыкновеніе такое, что какъ скоро кто затѣетъ свадьбу отправлять публичную и сколько-нибудь полутче, то вольно приходить туда

всякому порядочному человѣку, а особливо вамъ, гг. офицерамъ: вы имѣете къ тому особливое право. Всякой хозяинъ не только не скажетъ вамъ ни единаго слова, но еще за честь себѣ поставлять будетъ; а нужно только самому себя вести порядочно и не начинать никакихъ наглостей, шума, забіячества и другихъ неблагопристойныхъ поступокъ».—О, что касается до этого,—сказалъ я,—то отъ меня ничего такого воспослѣдовать не можетъ.—«Это я знаю и увѣренъ», отвѣчалъ онъ: «а потому-то я вамъ и предлагаю».—Ну, такъ хорошо-жъ!—сказалъ я: — сводите-жъ, пожалуйте, меня туда и удовольствуйте мое любопытство.

Симъ образомъ условившись и сходивъ на квартиру, чтобъ поправить на себѣ волосы и попріодѣться полутче, зашолъ я за нимъ въ назначенной часъ, и какъ онъ меня уже дожидался, то пошли мы тотчасъ съ нимъ на сію свадьбу. Ночь уже была тогда совершенная, но онъ говорилъ, что у нихъ обыкновеніе такое, что свадьбы бываютъ всегда по ночамъ; но какъ я удивился, когда привелъ онъ меня къ превеликому каменному дому, освѣщенному множествомъ огней! — Ужъ не здѣсь ли свадьба-то?—спросилъ я.—«Точно тутъ», отвѣчалъ онъ. — Что ты говоришь!—подхватилъ я запинаясь:—ужъ не дурно ли, что мы незванные придемъ; свадьба, видно, огромная. — «И, нѣтъ!» сказалъ онъ: «ступайте смѣло и не опасайтесь ничего. Вотъ я пойду напередъ и буду служить вамъ проводникомъ». Сказавъ сіе, пошолъ онъ прямо въ сѣни; я послѣдовалъ за нимъ. Не успѣли мы войтить въ сѣни, какъ звукъ преогромной музыки поразилъ мои уши. — Ба, ба, ба! сказалъ я: здѣсь ажно и музыка есть. — «А какъ бы вы думали», отвѣчалъ онъ: «безъ музыки у насъ одни только подлыя свадьбы бываютъ; а естли мало-мало полутче, то всегда музыка». Въ самое то время отворились двери и онъ потащилъ меня за собою. Зала была превеликая, освѣщенная множествомъ свѣчъ и наполненная великимъ множествомъ людей обоего пола.

Я удивился, увидѣвъ, что между всѣми ими не было ни одного человѣка изъ самой подлости, но всѣ люди были порядочно одѣтые и наблюдавшіе всю благопристойность. Иные изъ нихъ сидѣли подлѣ стѣнъ на стульяхъ, иные расхаживали и разговаривали между собою; другіе же и множайшіе стояли кучами и смотрѣли на танцующихъ посреди залы, въ нѣсколько паръ и порядочно, минуетъ. Всѣ, встрѣчающіеся съ нами, давали намъ дорогу и оказывали намъ всякую вѣжливость и учтивость. Все сіе по нечаянности своей поразило меня до безконечности.

— Что ты, это, братецъ, — говорилъ я тихо своему товарищу: — куда ты меня это завелъ? Это и не походитъ на свадьбу, это сущій балъ! — «А какъ бы вы думали», сказалъ онъ: «у насъ и всегда такъ бываетъ».—Да умилосердись,—продолжалъ я ево спрашивать: — скажи-жъ ты мнѣ, гдѣ же женихъ и невѣста, и когда будутъ они вѣнчаться и происходитъ у нихъ свадебная церемонія?—«И, господинъ подпорутчикъ», отвѣчалъ онъ: «да они уже давно и еще давича, въ полдни, и въ другомъ мѣстѣ обвѣнчаны, и намъ до того какая нужда, а здѣсь только свадебной балъ. Вѣнчаются они на домахъ своихъ и при томъ бываютъ одни только родные».— А этотъ домъ развѣ не хозяйской?—спросилъ я, удивившись. — «Ахъ, нѣтъ», отвѣчалъ онъ: «этотъ домъ городской и публичной, и желающіе отправлять свадебные балы его только нанимаютъ на вечеръ и платятъ за то въ ратушу самую почти бездѣлку».—Вотъ судырь,—сказалъ я, удивляясь отчасу больше:—это обыкновеніе у васъ очень хорошо и поэтому свадьбы хозяину немногова стоятъ.—«Конечно, немногова», отвѣчалъ онъ: «ибо весь убытокъ состоитъ въ покупкѣ свѣчъ и въ заплатѣ небольшого количества денегъ музыкантамъ, а то, впротчемъ, не бываетъ тутъ ни ужиновъ, ни подчиваньевъ, да и за играніе музыки платятъ болѣе сами танцующіе».—Какъ это?—спросилъ я, удивившись еще болѣе. — «А вотъ», сказалъ онъ: «это увидите вы сами, дай окончаться миновету, и тогда, естли кому захочется въ особливости что-нибудь танцо-

вать, то онъ велитъ музыкантамъ то играть и за сіе преимущество даетъ имъ бездѣлицу, нѣсколько грошей денегъ, такъ они и заревутъ, и играютъ до тѣхъ поръ, покуда ему хочется».—Вотъ какая диковинка!—сказалъ я: — но, пожалуйте, скажите мнѣ, какіе же это танцуютъ люди да и всѣ вотъ здѣсь находящіеся? — «Всякаго чина и состоянія», отвѣчалъ онъ, «кромѣ только самой подлости: есть тутъ мѣщане, есть хорошіе ремесленники, есть духовные, есть и хорошіе купцы съ своими женами и дочерьми; а изъ молодыхъ и сихъ танцующихъ мущинъ есть множество и штудирующихъ въ здѣшнемъ университетѣ штудентовъ, и въ томъ числѣ хорошихъ дворянскихъ дѣтей; а въ прежнія времяна хаживало сюда и множество нашихъ гг. офицеровъ, и они бывали лутчіе танцовщики. Словомъ, здѣсь есть всякаго сорта люди, ибо всякому дозволено посѣщать сіи пиры, да еще и съ тѣмъ, что буде кто не хочетъ быть знакомъ, такъ можетъ приходить себѣ и въ маскѣ и въ маскарадномъ платьѣ».—Да умилосердись!—продолжалъ я его спрашивать:—когда бываютъ тутъ люди всякаго сорта, и знакомые и незнакомые, то не легко ли могутъ происходить тутъ всякая всячина, напримѣръ: ссоры, шумы, безчинія и тому подобное?—«Ахъ, нѣтъ»! отвѣчалъ онъ: «у насъ сего никогда не бываетъ, да и быть не можетъ. Наша полиція наблюдаетъ весьма строго то, чтобъ ничего подобнаго тому на сихъ съѣздахъ не происходило. Сохрани Господи, естли кому вздумается что-нибудь непристойное и неприличное предпріять: тотчасъ подъ руки, и выведутъ со стыдомъ вонъ и вытолкаютъ въ двери, кто-бъ онъ таковъ ни былъ». — Это, право, очень хорошо! сказалъ я.—Но пожалуйте, сказали вы мнѣ, что эта свадьба жидовская; но чтожъ я жидовъ здѣсь не вижу? — «И, какъ не видать», отвѣчалъ онъ: «развѣ вы ихъ не примѣтили? Ихъ, правда, немного, однако они есть: вонъ, примѣтьте, у которыхъ бороды не чисто всѣ выбриты, а оставлена узенькая полоска на челюстяхъ, подстриженная ножницами: это все жиды, и ихъ по одному только сему распознать можно; а, впротчемъ, они такъ же одѣты, какъ и протчіе, ибо бываютъ тутъ изъ нихъ одни лутчіе и богатѣйшіе». — А женщины-то ихъ? — спросилъ я далѣе. — «А сихъ», сказалъ онъ: «ничѣмъ уже съ протчими различить не можно: онѣ такъ же хорошо одѣваются, какъ и протчія. Вотъ смотрите, узнаете ли въ числѣ сихъ танцующихъ самую невѣсту?» — Нѣтъ,— сказалъ я, пересмотрѣвъ всѣхъ протчихъ:— всѣ онѣ, кажется, одѣты единоравно и всѣ изряднѣхонько».—«Вотъ она», сказалъ онъ, указывая на невѣсту: «ее потому только можно отличить, что она вся въ бѣломъ платьѣ и что голова ея убрана цвѣтами. А вотъ это ее женихъ», сказалъ онъ, указывая на молодого и изряднаго молодца.

Я смотрѣлъ тогда съ особливымъ любопытствомъ на сихъ новобрачныхъ и не могъ довольно надивиться всему поведенію ихъ, которое было столь порядочно, что я никакъ бы не подумалъ, что это жиды были, естлибъ-бъ мнѣ того не сказали. Наконецъ, спросилъ я моего товарища:—Но самъ-то хозяинъ гдѣ-жъ? пожалуйте, мнѣ его покажите.—«Богъ его знаетъ», отвѣчалъ онъ мнѣ:—«мнѣ онъ незнакомъ, и тутъ ли онъ или нѣтъ, я истинно не знаю, да и какая нужда о немъ знать; онъ такой же тутъ гость, какъ и всѣ протчіе, и какъ онъ ни о комъ, такъ и объ немъ никто не заботится».—Вотъ смѣшно и удивительно,—сказалъ я:—но правду сказать, тѣмъ и лутче и вольнѣе.

Въ самое сіе время окончился тотъ польской танецъ, которой тогда послѣ минуета танцовали.—Ну, теперь что будетъ?— сказалъ я.—«Небось, контратанецъ!» отвѣчалъ мой товарищъ, и онъ въ мнѣніи своемъ не обманулся. Мы услышали вдругъ голосъ одного молодого человѣка, кричащаго музыкантамъ, чтобъ играли «режуисансъ» и подающаго имъ нѣсколько денегъ. Не успѣлъ онъ сего вымолвить, какъ по всей залѣ раздалось эхо, множество голосовъ начали говорить: «режуисансъ! режуисансъ!» и всѣ молодые люди начали себѣ искать подругъ и, поднимая моло

дыхъ женщинъ, ранжироваться въ двѣ линіи. Какъ мнѣ имя сего контратанца довольно было извѣстно, потому что я видѣлъ, какъ его нѣсколько разъ танцовали на балахъ у генерала, и мнѣ онъ такъ полюбился, что я и голосъ и фигуру его затвердилъ твердо, то воскипѣлъ я тогда желаніемъ танцовать его. «Эхъ, думалъ я, отвѣдалъ бы потанцовать его! авось-либо не ошибусь; фигура мнѣ знакома». Но несмѣлость моя такъ была велика, что я никакъ не могъ бы на то отважиться, естли-бъ товарищъ мой, примѣтивъ, что я горю желаніемъ, но только не осмѣливаюсь, мнѣ не сказалъ:

Нѣмецъ. — Что, господинъ подпорутчикъ, не вздумаете ли и вы имъ компанію сдѣлать?

Я.—Богъ знаетъ! никогда я контратанца сего еще не танцовывалъ! Правда, фигура его мнѣ знакома, но боюсь, чтобъ не помѣшаться и не спутаться.

Нѣмецъ.—И, господинъ подпорутчикъ, пуститесь, авось-либо не помѣшаетесь; а хоть бы и помѣшались, бѣда не велика, здѣсь люди не знатные, вамъ то отпустятъ; станьте только въ послѣдней парѣ, такъ покуда дойдетъ до васъ очередь, такъ вы и переймете.

Я.—Такъ иттить?

Нѣмецъ.—Ступайте, сударь, ничего не опасаясь.

Я.—Но гдѣ-жъ мнѣ женщину-то взять? ни одна мнѣ незнакома.

Нѣмецъ.—Что нужды! берите любую, ни одна вамъ не откажется, но еще за честь себѣ поставитъ съ вами танцовать, естли только умѣетъ.

Не успѣлъ онъ сего выговорить, какъ увидѣли мы одну молодую и изрядную дѣвушку, бѣгающую по всему залу и ищущую себѣ товарища, и тогда сказалъ мнѣ мой спутникъ:

— Ну, вотъ на что лутче, сама ищетъ, ступайте и адресуйтесь къ ней.

Духа моего едва стало на то, чтобъ къ тому отважиться. Я подступилъ къ ней въ самое то время, какъ она шла мимо насъ, и сказалъ ей:

— Сударыня! конечно, вамъ недостаетъ пары? Не угодно ли со мною?

— Съ охотою моею,—отвѣчала мнѣ дѣвушка, обрадуясь примѣтно моему приглашенію; она подала мнѣ руку и тотчасъ повела-было становиться между первыми парами.

— Сударыня!—сказалъ я, остановивъ ее немного:—не лучше ли немного подалѣе, ибо, признаюсь вамъ, что я сего танца еще не танцовывалъ, развѣ вы меня поправлять станете.

— О, сударь, съ превеликою охотою,— отвѣчала она, и тотчасъ пошла становиться туда, гдѣ мнѣ хотѣлось.

Сердце вострепетало во мнѣ, какъ скоро сталъ я въ порядокъ, и тѣ минуты, которыя надлежало мнѣ дожидаться, покуда дошла до меня очередь, были для меня наимучительнѣйшія. Весь духъ мой находился въ великомъ смущеніи, и я стоялъ ни живъ, ни мертвъ и, власно, какъ дожидаясь невѣдомо чего. Но, наконецъ, рѣшился мой жребій. Меня подхватили, потащили и заставили также бѣгать, прыгать и вертѣться, и сія минута рѣшила все мое сумнѣніе и къ самому себѣ недовѣрчивость. Я протанцовалъ весь контратанецъ безъ малѣйшей ошибки, и такъ исправно, что товарищъ мой не могъ довольно расхвалить меня. И съ того времяни не было ему уже нужды побуждать меня къ танцованію: мнѣ нужна и тяжела была только первая минута; а какъ я однажды уже осмѣлился, то не было почти уже и уйму мнѣ. Я не пропускалъ ни одного танца, которой бы не танцовалъ вмѣстѣ съ протчими, и такъ разохотился, что товарищъ мой уже тому почти и не радъ былъ, но, сѣвъ въ уголокъ, только на меня посматривалъ. Пуще всего нравилось мнѣ то, что всѣ женщины съ особливою охотой со мною танцовали, и не только не смѣялись, естли я когда въ незнакомыхъ еще мнѣ контратанцахъ сначала ошибался, но всякая съ удовольствіемъ мнѣ сказывала, куда иттить и что дѣлать.

Однимъ словомъ, вечеръ сей былъ для

меня наипріятнѣйшей въ жизни. Я не видалъ, какъ оной прошолъ и затанцовался даже до того, что товарищъ мой, наконецъ, ко мнѣ подошолъ и сказалъ: «уже первой часъ, господинъ подпорутчикъ! Не пора ли намъ домой иттить; молодые уже давно ушли и скрылись, и скоро всѣ разъѣдутся». Тогда только опомнился я, что я задержалъ сего добраго человѣка. Я принесъ ему тысячу извиненій и благодареній, что онъ для меня столько трудился и, схватя шляпу, тотчасъ пошолъ съ нимъ.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе; а симъ окончу я и письмо мое, и паки вамъ скажу, что я есмь вашъ и протчее.

Письмо 70.

Любезной пріятель! Вечеръ, препровожденной столь весело, произвелъ мнѣ столько удовольствія и упражненіе въ танцахъ мнѣ такъ понравилось, что они не выходили у меня изъ мыслей во всю дорогу, какъ я возвращался тогда на квартиру. Я благодарилъ товарища моего еще разъ, при разставаніи съ нимъ, и былъ услугою его крайне доволенъ. Танцовать же такъ разохотился, что, идучи далѣе, не одинъ разъ самъ себѣ говорилъ: «ну, естлибъ еще разъ или два случилось мнѣ такимъ же образомъ потанцовать, такъ бы я и пошолъ себѣ, и могъ бы смѣло танцовать и у самого генерала на балахъ». Сіе желаніе мое и совершилось прежде, нежели я думалъ и ожидалъ. Помянутой товарищъ мой, нѣмецъ, не успѣлъ увидѣть меня на другой день, какъ, разсмѣявшись, сказалъ:

— «Ну, господинъ подпорутчикъ, охотники вы танцовать, прямо охотникъ! Я этова и не вѣдалъ, а естлибъ зналъ, то давно бы доставилъ вамъ къ тому случай. Не угодно ли вамъ еще такимъ же образомъ танцами позабавиться? Послѣ-завтрева опять и еще будетъ свадьба».

— Что вы говорите!—возопилъ я:—не уже ли опять такая-жъ?

— Не только такая-жъ, но еще лутче! Вотъ здѣсь близехонько, въ альтштадскомъ городскомъ домѣ, и будетъ женится одинъ зажиточной купецъ. И ежели угодно, то я васъ и туда провожу, но только съ тѣмъ, чтобъ мнѣ тамъ не сидѣть такъ долго, какъ вчера, не чтобъ мнѣ вольно было уйтить оттуда, когда я похочу.

— Ахъ! любезной другъ, ты меня одолжишь тѣмъ до безконечности! А что касается до васъ, то идите себѣ когда хотите, я и одинъ могу остаться.—«Очень хорошо», сказалъ онъ: «я васъ свожу и туда; но что говорить, была бы только у васъ охота танцовать. Я вамъ буду всякой разъ сказывать, какъ скоро узнаю, что будетъ гдѣ-нибудь свадьба. У насъ онѣ въ нынѣшнее осеннее время бываютъ очень часто, и вы можете на всѣхъ ихъ быть, естли только хотите».—Батюшка ты мой,—возопилъ я,—ты меня, ей-Богу, такъ одолжаешь, что я истинно не знаю, чѣмъ и какъ мнѣ тебя возблагодарить за то!

Господинъ Пикартъ (ибо такъ онъ прозывался) сдержалъ дѣйствительно свое слово. Онъ сводилъ меня и на сію свадьбу, которая въ самомъ дѣлѣ была несравненно лучте и во всемъ превосходнѣй первой; не только домъ, въ которомъ она отправлялась, гораздо больше, но и собраніе многочисленнѣйшее, да и состояло оно изъ людей гораздо лутчихъ и знаменитѣйшихъ. Мнѣ и тутъ было чрезвычайно весело; ибо какъ я былъ уже смѣлѣе, то вступилъ тотчасъ въ танцы и протанцовалъ часу до третьяго, такъ что, отъ усталости, насилу дошелъ домой и остальную часть ночи спалъ какъ убитой. А не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ, къ великому удовольствію моему, получилъ чрезъ г. Пикарта и въ третей разъ случай такимъ же образомъ всю почти ночь протанцовать на свадьбѣ.

Чрезъ сіе троекратное и долговремянное упражненіе въ танцованіи я такъ въ танцахъ уже наторѣлъ и наблошнился, что мнѣ всѣ танцуемые тогда въ Кёнигсбергѣ разноманерные танцы здѣлались очень знакомы, и я всѣ ихъ могъ танцовать безъ нужды и безошибочно; а сіе съ столь малымъ трудомъ пріобрѣтенное новое искуство и послужило мнѣ тогда очень кстать.

Ибо не успѣла армія наша возвратиться изъ похода на рѣку Вислу и расположиться тутъ по кантониръ-квартирамъ, какъ городъ нашъ наполнился множествомъ пріѣжжающихъ изъ арміи всякаго рода людей. Изъ всѣхъ полковъ присылаемы были команды и офицеры для разныхъ вещей и покупокъ. Множество другихъ пріѣжжало для собственныхъ своихъ нуждъ и живали тутъ по нѣскольку времяни, и между ними были многіе и генералы, и бригадиры и другіе знаменитые люди. Что-жъ касается до проѣзда чрезъ нашъ городъ многихъ знатныхъ особъ, отчасти изъ арміи въ Петербургъ, отчасти оттуда въ армію, то онъ почти былъ безпрерывной; и какъ всѣ они, обыкновенно, у насъ въ городѣ на нѣсколько дней останавливались, то отъ всего того, равно какъ и отъ съѣзда изъ уѣздовъ на зимнее время въ городъ прускаго дворянства, весь городъ нашъ власно какъ оживотворился; а все сіе и подало поводъ генералу нашему, любящему и безъ того пышную и веселую жизнь, показать себя при этомъ случаѣ во всемъ своемъ блескѣ. Онъ не упускалъ ни одной проѣжжающей знаменитой особы безъ того, чтобъ не угостить у себя наилутчимъ образомъ. Что-жъ касается до пріѣжжающихъ къ намъ и живавшихъ у насъ по нѣскольку недѣль въ городѣ генераловъ, то сіи всѣ имѣли всегдашнее почти у него пребываніе. Не было дня, въ которой бы они его не посѣщали и имъ всячески угощаемы и увеселяемы не были; то и дѣло бывали у него многочисленныя собранія и обѣды. А какъ къ тому присовокупилось и то, что онъ и со всѣмъ прускимъ въ городѣ находящимся дворянствомъ уже снознакомился совершенно и пріобрѣлъ къ себѣ отъ нихъ любовь и почтеніе; а сверхъ всего того нашъ генералъ, несмотря на всѣ свои пожилыя лѣта, не отставалъ еще отъ привычки молодыхъ своихъ лѣтъ, и отъ особливой склонности къ любовнымъ интригамъ и случилось такъ, что онъ въ особливости заразился тутъ страстію къ одной прускій графинѣ, изъ фамиліи Кейзерлингъ; то все сіе побуждало его къ выдумыванію и изобрѣтенію всѣхъ возможнѣйшихъ родовъ увеселеній, и потому не было ни одного праздника и торжественнаго дня, въ которой бы не давалъ онъ всѣмъ знаменитѣйшимъ людямъ у себя великолѣпнаго пира, а потомъ многочисленнаго бала. Не проѣжжалъ ни одинъ изъ знатныхъ людей чрезъ нашъ городъ, для котораго не здѣлано-бъ было имъ также пирушки. Но и всѣмъ тѣмъ онъ еще не удовольствовался; но какъ помянутая страсть его къ графинѣ Кейзерлингшѣ увеличивалась съ часу на часъ и побуждала его искать колико можно частѣйшихъ случаевъ съ нею къ свиданію, то скоро дошло до того, что, кромѣ всѣхъ праздниковъ, положены были и въ каждую недѣлю особливые дни, въ которые бы быть либо у него, либо въ другихъ знаменитѣйшихъ домахъ съѣздамъ и собраніямъ. И такъ всякой почти день были либо у него гости, либо онъ самъ въ гостяхъ. Но какъ никто изъ протчихъ не могъ жить такъ пышно и расходно, какъ онъ, то завелъ онъ преимущественно предъ протчими то, чтобъ всякую недѣлю быть у него, кромѣ обыкновенныхъ съѣздовъ для играніе въ карты, въ одинъ день и всеобщему собранію и балу, продолжавшемуся обыкновенно бо́льшую часть ночи. Словомъ, городъ нашъ здѣлался обиталищемъ утѣхъ и веселостей, а посредѣ тогдашняго шума военнаго оружія однимъ только мѣстомъ, въ которомъ можно было найтить случай повеселиться и время свое препроводить съ пріятностью; и разнесшейся о томъ слухъ и привлекалъ какъ изъ арміи, такъ и изо всѣхъ другихъ мѣстъ множества народа, и всѣ молодые люди стремились туда власно какъ къ нѣкоему центру веселостей.

При таковыхъ обстоятельствахъ, судите, каково́ долженствовало быть мое удовольствіе, когда я, живучи при семъ генералѣ и помянутымъ образомъ получивъ вкусъ въ танцахъ, могъ имѣть случаи всякую недѣлю одинъ, а иногда и нѣсколько разъ не только наслаждаться зрѣніемъ на оные во время баловъ, но и самъ брать въ нихъ соучастіе; ибо сколько сначала и не могъ я ласкаться надеждою

чтобъ мнѣ можно было когда-либо имѣть въ томъ соучастіе, но вскорѣ дошло до того, что меня самого искать и принуждать къ тому стали. Привезенъ былъ къ намъ, взятой въ послѣднюю баталію нашими въ плѣнъ, королевской пруской флигель-адъютантъ, графъ Шверинъ. Какъ онъ былъ весьма знатнаго рода, а притомъ малой молодой, свѣжей, ловкой, проворной и сущей красавецъ и разумница, а притомъ находился до того у короля въ милости, то не только не содержанъ былъ онъ у насъ взаперти, но оказываемо было ему отъ всѣхъ и наивозможнѣйшее уваженіе. Онъ жилъ у насъ совсѣмъ на свободѣ и имѣлъ только у себя для имени двухъ приставовъ, такихъ же ребятъ молодыхъ, такихъ же ловкихъ, проворныхъ и красавцовъ. Одинъ изъ нихъ былъ самой тотъ Орловъ, Григорій Григорьевичъ, которой послѣ былъ столь знаменитъ и игралъ великую роль въ свѣтѣ, а другой—братъ его двоюродной, господинъ Зиновьевъ. Оба они были еще тогда самыми низкими армейскими офицерами и не болѣе какъ поручиками, и оба жили безотлучно при графѣ Шверинѣ на одной квартирѣ, и не столько за нимъ смотрѣли, сколько дѣлали ему компанію.

Сіи три молодца были тогда у насъ первые и наплутчіе танцовщики на балахъ, и какъ красотою своею, такъ щегольствомъ и хорошимъ поведеніемъ своимъ привлекали на себя всѣхъ зрѣніе. Ласковое и, въ особливости, пріятное обхожденіе ихъ пріобрѣло имъ отъ всѣхъ насъ искреннее почтеніе и любовь; но никто тѣмъ такъ не отличался, какъ помянутой господинъ Орловъ. Онъ и тогда имѣлъ во всемъ характерѣ своемъ столь много хорошаго и привлекательнаго, что нельзя было его никому не любить. Ко мнѣ былъ онъ отмѣнно ласковъ и благосклоненъ; ибо какъ квартира ихъ была насупротивъ самаго замка и ему всякой почти день случалось бывать для рапортованія генералу у насъ въ канцелярін, то имѣли мы скоро случай между собою познакомиться и другъ друга полюбить. Словомъ, чрезъ короткое время онъ меня полюбилъ какъ родного брата и никогда не пропускалъ, чтобъ, увидѣвъ меня, не закричать: «Ахъ! Болотенка, мой другъ! (ибо такъ онъ меня обыкновенно называлъ) здравствуй, голубчикъ»! и чтобъ не расцѣловать меня какъ родного.

Таковая любовь и всегдашнія ласки ко мнѣ сего человѣка и доставили мнѣ наконецъ ту выгоду, что я могъ во всѣхъ увеселеніяхъ, бываемыхъ у нашего генерала, брать соучастіе. Я выше уже упоминалъ, что онъ былъ однимъ изъ лутчихъ нашихъ и первыхъ танцовщиковъ и власно какъ душою на балахъ. Ибо, не успѣютъ старики открыть балъ и, потанцовавъ нѣсколько миноветовъ и польскихъ, усѣсться за карты, какъ долженствовали сіи господа, по прозьбѣ генерала, заводить съ молодыми дамами и дѣвицами контратанцы и поддерживать веселость бала во все то время, покуда онъ продолжался; но сіе учинить имъ не таково легко было, какъ онъ сперва думалъ. Встрѣтилось одно обстоятельство, дѣлающее имъ въ томъ превеликую остановку, а именно: молодыхъ дамъ и дѣвицъ было у насъ всегда превеликое множество, но молодыхъ мущинъ, могущихъ танцовать контратанцы и, какъ говорится, пускаться во вся тяжкая, кромѣ ихъ, такъ мало, что они не могли набирать иногда и шести и семи паръ. Ибо хотя дѣлали имъ компанію и пріѣжжіе изъ арміи, случающіеся на сихъ балахъ и нерѣдко и изъ самыхъ генераловъ тѣ, которые были помоложе, какъ, напримѣръ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ и господинъ Вильбоэ, и нѣкоторые другіе; но какъ они не всегда случались, да и не могли имъ безпрестанно сотовариществовать и пускаться съ ними во вся тяжкая, то и была на нихъ превеликая комисія и они не знали, что дѣлать. Сперва пробавлялись они коекакъ нѣсколько времяни; но какъ балы у генерала начались очень частые и имъ, наконецъ, недостатокъ въ товарищахъ себѣ наскучилъ, то и начали они выискивать изъ всѣхъ находившихся тогда въ Кёнигсбергѣ молодыхъ и способныхъ къ тому офицеровъ, и всячески ихъ пре-

клонять и уговаривать приходить на сіи балы.

При семъ случаѣ господинъ Орловъ первѣе всѣхъ устремилъ свое вниманіе на меня. Онъ тотчасъ началъ меня къ тому подговаривать, и я сколько ни отговаривался своимъ неумѣніемъ и тѣмъ, что я не смѣю генерала и не знаю, будетъ ли ему то угодно,—но ничто не помогло. При первомъ случившемся послѣ того балѣ, приступилъ онъ къ генералу: «что, ваше превосходительство», сказалъ онъ ему: «воля ваша, танцовать не съ кѣмъ. Не изволите ли приказать вотъ господину Болотову? Онъ бы могъ намъ помогать». — Пожалуй, душа моя!—сказалъ генералъ: — съ превеликою охотою; но умѣетъ ли только онъ? — «Я думаю, что онъ умѣетъ» сказалъ Орловъ; «но хотя бы и не умѣлъ, такъ мы тотчасъ его научимъ, хоть бы фигуру намъ дѣлалъ; извольте только приказать, а то онъ самъ безъ вашего приказанія не осмѣливается». — И, для чего — отвѣчалъ генералъ, и тотчасъ подошедъ ко мнѣ, наиласковѣйшимъ образомъ сказалъ:—«другъ ты мой! ежели только можешь, то пожалуй себѣ танцуй, чего тебѣ меня опасаться; ты мнѣ тѣмъ великое еще удовольствіе здѣлаешь». — Сего для меня было довольно; ибо какъ сего давно душа моя желала, то я въ тотъ же мигъ полетѣлъ съ господиномъ Орловымъ и пустился во вся тяжкая. Онъ удивился моему умѣнью и не могъ довольно расхвалить меня за то; а и самъ генералъ, увидѣвши, что я танцую порядочно, и на ряду съ ними таково-жъ хорошо прыгаю и верчусь, такъ былъ тѣмъ доволенъ, что, подошедъ ко мнѣ и потрепавъ по плечу, сказалъ: «браво! браво! мой другъ! Пожалуста танцуй и приходи сюда всякой разъ, когда у меня ни случится балъ».

Съ того времяни не пропускалъ уже я ни одного бала, но приходя на нихъ, протанцовывалъ всегда до самаго окончанія оныхъ, и Богу единому извѣстно, сколь великое и многое чувствовалъ я оттого удовольствіе. Правда, сперва было мнѣ нѣсколько трудновато привыкать: не соучаствовавъ никогда въ такихъ знатныхъ компаніхъ и видя себя тогда принужденнымъ танцовать и даже прыгать и вертѣться съ самими принцесами, графинями и баронесами и стоять нерѣдко въ ряду съ самыми нашими генералами въ лентахъ и кавалеріяхъ, а особливо съ столь страшнымъ въ прежнія времяна мнѣ господиномъ Вильбоэмъ, чувствовалъ я иногда превеликое смятеніе и сердце было у меня весьма не на мѣстѣ; но къ чему не можно привыкнуть? Не успѣлъ я нѣсколько оборкаться, какъ ничто уже меня не трогало, и я со всѣми ими и съ такимъ же удовольствіемъ танцовывалъ, какъ и съ ровными себѣ; а сіе весьма много и помогло къ тому, что я въ послѣдующіе потомъ годы моей жизни всегда уже смѣлѣе обходился съ знатными людьми, нежели до дого времяни. Привычка же моя къ танцованью и удовольствіе, чувствуемое при томъ, было такъ велико, что какъ сіи балы ни были у насъ часты, но я всѣмъ тѣмъ далеко еще не удовольствовался, но не пропускалъ и въ городѣ ни одной почти свадьбы, на которой бы мнѣ не побывать и также не потанцовать. Но на сіи хаживалъ я уже не одинъ, а съ нѣсколькими другими офицерами, съ которыми, по случаю танцевъ у генерала, я спознакомился, и они намъ были еще пріятнѣе самыхъ баловъ и болѣе потому, что тамъ составляли уже мы первыхъ танцовщиковъ и пользовались множайшею вольностью нежели на балахъ, по которой притчинѣ нерѣдко хаживалъ съ нами на нихъ и самой Орловъ для компаніи.

Въ таковыхъ-то увеселеніяхъ препроводили мы тогда всю осень; а не успѣла настать зима, какъ генералъ нашъ доставилъ намъ новое удовольствіе. Онъ выписалъ изъ Берлина цѣлую банду комедіантовъ, и какъ у насъ въ городѣ театръ былъ готовой и изрядной каменной, то и начались у насъ театральныя представленія. Зрѣлища сіи были для меня совсѣмъ еще новыя и необыкновенныя, и какъ комедіанты играли довольно

хорошо, то весьма скоро получилъ я и въ нихъ вкусъ и они мнѣ такъ полюбились, что я увеселялся ими еще болѣе, нежели всѣмъ протчимъ, и не упускалъ ни одного театральнаго зрѣлища, чтобъ не быть на немъ, что̀ мнѣ съ тѣмъ лутчею удобностью можно было дѣлать, что мнѣ они ничего не сто́или; ибо какъ содержателю театра была до нашей канцеляріи и собственно-таки до меня нужда, то, изъ учтивости, подарилъ онъ меня съ самаго начала такъ-называемымъ «фрейбилетомъ» или далъ привилегію ходить всегда безденежно.

Не могу изобразить, сколь ко многимъ и безчисленнымъ увеселеніямъ подавали мнѣ эти театральныя зрѣлища поводъ. Частыя перемѣны въ театральныхъ представленіяхъ, комедіи, прологи и трагедіи, никогда мною невиданныя, новостію своею плѣняли меня до безконечности. Я сматривалъ на нихъ не только съ превеликою жадностію, но и съ возможнѣйшимъ примѣчаніемъ, и изъ всѣхъ зрителей вѣрно весьма немногіе удостоивали ихъ такимъ вниманіемъ, какъ я. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ побывать въ театрѣ, наполнена бывала у меня вся голова видѣннымъ и слышаннымъ, и я занимался тѣмъ во весь достальной вечеръ.

Но и сего всего было еще недовольно; но генералъ нашъ, для усовершенствованія нашихъ веселостей и для приданія пышной и великолѣпной своей жизни болѣе блеска, вскорѣ потомъ завелъ у себя и маскарады. Сей родъ увеселеніевъ былъ для меня также совсѣмъ новъ и никогда до того невиданной, и потому въ состояніи былъ не менѣе меня утѣшать, какъ и протчія. Но сначала не могъ я брать въ нихъ соучастія. Начались они сперва небольшія и такъ-сказать комнатныя и въ покояхъ у губернатора; и какъ у тамошняго дворянства не у всѣхъ было маскарадное платье, то и собирались на нихъ только немногіе изъ оныхъ. Однако сіе продлилось недолго. Не успѣла разнестись объ нихъ молва и слухъ, что генералъ, не удовольствуясь приватными маскарадами, намѣренъ давать большіе и всенародные въ оперномъ домѣ, и дать дозволеніе всѣмъ брать въ нихъ соучастіе, какъ вскружились у всѣхъ головы, и всѣ начали строить себѣ маскарадныя платья. Тотчасъ навезено было множество масокъ и у всѣхъ, захотѣвшихъ брать въ нихъ соучастіе, пошли разныя выдумки. Не могу изобразить, какъ поразительно было для меня первое таковое зрѣлище въ большомъ театральномъ залѣ! Нѣсколько сотъ различныхъ масокъ, изъ которыхъ одна другой была страннѣе и удивительнѣе, представившись вдругъ моему зрѣнію, привели оное въ такую разстройку, что я не зналъ, на которую прежде смотрѣть и которою болѣе любоваться. Но никоторая маска такъ хороша и прелестна не казалась, какъ арапская, невольническая, въ которое платье одѣты были Орловъ съ Зиновьевымъ. Сшито оно было все изъ чорнаго бархата, опоясано розовыми тафтяными поясами; чалма украшена бусами и протчими украшеніями, и оба они, будучи одѣты одинаково, скованы были цѣпьми, здѣланными изъ жести. Поелику оба они были высокаго и ровнаго роста и оба имѣли прекрасную талію, то нельзя изобразить, сколь хорошей видъ они собою представляли и какъ обратили всѣхъ зрѣніе на себя. Изъ госпожъ же наилутчую фигуру представляла тогда принцесса Голштейнъ-бекская. Она свела особливое дружество съ молодымъ графомъ Шверинымъ, и была одѣта тогда ему подъ пару и прямо щегольски. Но и кромѣ сихъ, многія другія отличались какъ богатствомъ, такъ и особливостью своихъ маскарадныхъ платьевъ.

Я въ сей разъ находился въ числѣ зрителей, и увеселеніе сіе такъ мнѣ полюбилось, что я руки себѣ ѣлъ, что не здѣлалъ себѣ также, по примѣру другихъ, маскараднаго платья. Почему, не успѣлъ узнать, что вскорѣ будетъ другой и многочисленнѣйшей еще маскарадъ, какъ уже не былъ столь глупъ, но смастерилъ и себѣ прекрасное гишпанское платье. Сей маскарадъ былъ еще лутче и несравнен-

но многолюднѣе прежняго. Казалось, что у всѣхъ жителей Кёнигсбергскихъ вскружилась голова, и что всѣ они восхотѣли взять въ немъ соучастіе и другъ друга перещеголять въ выдумкахъ особыхъ масокъ, и украшеній. Какихъ и какихъ масокъ и какихъ удивительныхъ зрѣлищъ не было на ономъ! Были тутъ не только разныя такъ-называемыя кадрили; были не только маски, изображающія разные дикіе и европейскіе старинные и новые народы; были не только маски, изображающія разныхъ художниковъ и мастеровыхъ, напримѣръ, мельниковъ, трубочистовъ, кузнецовъ и другихъ тому подобныхъ, но долженствовали и самыя бездушныя вещи, какъ, напримѣръ, шканы, пирамиды и протчія тому подобныя, принимать на себя одушевленной видъ и ходить между людьми. Нельзя изобразить, какъ удивили сначала насъ эти движущіеся и расхаживающіе тутъ же между людьми шканы и пирамиды, ибо скрывшихся во внутренности оныхъ людей вовсе не было видно; но послѣ не могли мы тому довольно насмѣяться. Словомъ, маскарадъ сей былъ наивеликолѣпнѣйшей и имѣлъ всѣ свойства лутчихъ маскарадовъ. Мы препроводили на ономъ всю почти ночь въ превеликомъ удовольствіи и танцовали до усталости. Господинъ Орловъ былъ въ сей разъ одѣтъ въ платье древнихъ римскихъ сенаторовъ, которое къ нему такъ пристало, что мы, любуясь, ему нѣсколько разъ говорили: «только бы быть тебѣ, братецъ, большимъ бояриномъ и господиномъ; никакое платье такъ къ тебѣ не пристало, какъ сіе». Симъ образомъ говорили мы ему, не зная, что съ нимъ и дѣйствительно сіе случится и что мы сіе ему власно какъ предсказывали.

Въ таковыхъ-то многоразличныхъ и весьма частыхъ увеселеніяхъ препроводили мы тогдашнею всю зиму, и никогда не были они у насъ столь многочисленны, какъ около начала 1759 года, или въ святки. Во всѣ сіи двѣ недѣли всякой день было у насъ что-нибудь новое, то-есть, либо балъ, либо маскарадъ, либо театръ, либо такъ собраніе и такъ далѣе. А ко всему тому присовокупилось и еще одно увеселительное для насъ и новое также зрѣлище. Въ Кёнигсбергѣ, такъ какъ и во многихъ другихъ европейскихъ нѣмецкихъ городахъ, всякой годъ около Рожества бываетъ еще одна, такъ-называемая, «христова ярмонка». Она начинается въ навечеріе Рожества и продолжается цѣлую недѣлю, и особливое имѣетъ въ себѣ то, что торговля производится не по днямъ, а только по вечерамъ и ночью, при огняхъ. Вся небольшая и прежде упоминаемая площадь въ Альтштатѣ загромащивается лавочками, убранными разными товарами и освѣщенными множествомъ свѣчъ и фонарей; и какъ торговля производится наиболѣе мѣдною посудою и конфектами, то блескъ огней, отпрыгивающій вкупѣ и отъ чистой мѣдной и оловянной посуды, развѣшанной повсюду и разстановленной по всѣмъ полкамъ въ лавкахъ, производитъ довольно пріятное зрѣлище.

Весь городъ дожидается ярмонки сей, власно какъ нѣкоего особливаго праздника, и не успѣетъ наступить навечеріе праздника Рожества Христова, какъ всѣ лутчіе мѣщане со всѣми своими семействами и малолѣтными дѣтьми съѣжжаются и весь вечеръ гуляютъ по рядамъ сихъ лавокъ. Обыкновеніе у нихъ есть покупать малолѣтнымъ дѣтямъ своимъ въ сей вечеръ конфекты, и игрушки, и другіе мелочные подарки и приносить и привозить таковые же остающимся дома. А сіе и притчиною, что всѣ малыя дѣти дня сего дожидаются у нихъ съ великою нетерпѣливостью, и будущими подарками, которые они называютъ «христомъ», веселятся уже заранѣе.

Мы непреминули также посѣщать сію ярмонку въ праздные вечера и брать во всенародномъ удовольствіи соучастіе; а въ сихъ упражненіяхъ и засталъ насъ 1759 годъ.

Но какъ письмо мое получило уже обыкновенную свою величину, то я, окончавъ оное, скажу, что есмь вашъ и протчая.

Письмо 71.

Любезной пріятель! Между тѣмъ, какъ мы упомянутымъ образомъ препровождали всю зиму въ Кёнигсбергѣ въ безчисленныхъ удовольствіяхъ и увеселеніяхъ, армія наша стояла на кантониръ-квартирахъ, расположившись оными вдоль по рѣкѣ Вислѣ, и по ближнимъ къ оной мѣстамъ и селеніямъ. И какъ главному ея командиру, графу Фермору, надлежало, для отчета въ своихъ дѣяніяхъ и полученія новыхъ повелѣній, съѣздить въ Петербургъ, то въ отсутствіе свое поручилъ онъ команду надъ всею арміей старшему изъ бывшихъ тогда въ оной генералъ-аншефовъ, Фролову-Багрееву. Мы удивились, о семъ услышавъ, ибо генералъ сей, служивъ весь свой вѣкъ въ драгунскихъ полкахъ и доживъ до глубокой старости, способнѣе былъ сидѣть съ покоемъ у печки, нежели командовать толь великою арміей, и былъ столь мало знаменитъ, что мы почти и имя его никогда не слыхивали. Но по обстоятельству, что онъ былъ службою всѣхъ протчихъ старѣе, не можно было его никакъ обидѣть, несмотря хотя онъ, будучи мужикъ совсѣмъ простой, не имѣлъ ни малѣйшихъ къ тому способностей.

Сіе обстоятельство притчиною тому было, что мы въ теченіе сей зимы, посреди нашихъ веселостей, однажды чрезвычайно были перетревожены. Нѣкогда, не думая, не гадая, получили мы извѣстіе, что во всей арміи произошла превеликая заворошка, и что вся оная посреди зимы готовится выступить въ походъ. Мы не знали, что̀ о семъ думать, ибо, помышляя всего меньше о войнѣ и объ арміи, не вѣдали ничего, что̀ тамъ, въ отдаленности отъ насъ, происходило, и по скорости пріуготовленія къ выступленію въ походъ, не иное что́ заключали, что король Пруской, пользуясь отсудствіемъ генерала Фермора и зная дряхлость, невѣжество и слабость нашего тогдашняго командира, конечно, вздумалъ учинить нечаянное на нашу армію нападеніе; и какъ мы не могли на него имѣть ни малѣйшей надежды, то и опасались, чтобъ дѣйствительно не воспослѣдовало какова-нибудь бѣдствія.

Къ вящему усугубленію нашей боязни и опасенія получили мы около самаго того-жъ времяни и изъ Петербурга секретное повелѣніе, чтобъ и мы съ своей стороны взяли предосторожность наивозможнѣйшую и въ случаѣ, естли усмотрѣно будетъ отъ жителей кёнигсбергскихъ какое опасеніе, то, для нагнанія на нихъ страха, положили бы на всѣ дома пехкранцы или смоляныя кольцы, и въ случаѣ самой опасности неиначо изъ города вышли, какъ зажогши оныя и превративъ весь городъ въ пепелъ. Таковое необыкновенное и страшное повелѣніе привело насъ самихъ въ превеликое сомнѣніе, а на жителей кёнигсбергскихъ нагнало такой страхъ и ужасъ, что они нѣсколько дней ходили всѣ повѣся головы и позабыли про всѣ веселости и забавы.

Но, по щастію, страхъ сей и опасеніе продлилось недолго. Не успѣло нѣсколько дней пройтить, какъ получили мы извѣстіе, что въ арміи нашей опять все успокоилось и стало тихо и смирно, а сіе успокоило и насъ тотчасъ. Послѣ узнали мы, что произошло сіе оттого, что королю Прускому вздумалось велѣть одному корпусу войскъ вступить изъ Шлезіи въ Польшу. Не успѣлъ дворъ нашъ получить о томъ извѣстіе, какъ велѣно было тотчасъ и нашей арміи выступить изъ своихъ кантониръ-квартиръ и итти на встрѣчу оному; а слухъ о семъ и устрашилъ такъ прусаковъ, что они тотчасъ опять изъ Польши вышли и назадъ въ Шлезію возвратились, а тогда оставили и мы оружіе и по прежнему успокоились.

Между тѣмъ, однако, прошлогоднею нашею кампаніею и претерпѣнными уронами были при дворѣ нашемъ не весьма довольны. Нашлись многіе, которые критиковали все поведеніе нашего главнаго командира; а другіе всю вину возлагали на новой нашъ обсерваціонной корпусъ; наконецъ были и такіе, которые порочили и самую нашу артилерію, а особливо шуваловскія секретныя гаубицы,

приписывая имъ далеко не столь хорошее дѣйствіе, котораго отъ нихъ ожидали. Всѣ таковые разные толки и подали двору нашему поводъ присылать нарочныхъ для свидѣтельствованія нашей артилеріи въ армію: почему и производимо было тамъ около сего времяни при всѣхъ начальникахъ армейскихъ сіе свидѣтельство. И какъ оказалось, что помянутыя гаубицы дѣйствительно имѣли нѣкоторыя неспособности и несовершенствы, то съ того времяни и не были онѣ уже въ такой славѣ, какъ прежде, а болѣе начали говорить уже о единорогахъ, которые около сего времяни введены у насъ въ употребленіе.

Впротчемъ, въ продолженіе сей зимы чинены были съ нашей стороны безпрерывныя и великія приуготовленія къ возобновленію войны на будущее лѣто, и къ продолженію оной усильнѣйшимъ еще образомъ. Англія сколько ни старалась, чрезъ своихъ министровъ, преклонить нашъ дворъ къ воспріятію нейтралитета, но всѣ ея хитрости и старанія были тщетны. Союзные намъ дворы убѣдили императрицу не только продолжать войну, но и вести ее гораздо съ вящимъ усиліемъ, нежели прежде. Они внушали ей, что самая честь ея требуетъ того, чтобъ она отмстила тотъ стыдъ, которой претерпѣла въ минувшее лѣто; и она тѣмъ охотнѣе послѣдовала симъ совѣтамъ, что и сама хотѣла возстановить славу россійскаго оружія, а сверхъ того было бы постыдно оставить безъ нужды свои завоеванія. Всѣ усилія и домогательствы короля Прускаго къ разорванію сего союза были недѣйствительны и безуспѣшны. Совсѣмъ тѣмъ употреблялъ онъ все, что могъ, къ произведенію сего въ дѣйство, и агенты его должны были вездѣ работать и трудиться. Симъ при французскомъ дворѣ хотя и удалось-было прельстить правившаго тогда всѣми дѣлами кардинала Бернис а, и довесть его до того, что онъ началъ-было съ аглинскимъ дворомъ переписку, клонящуюся къ заключенію между собою мира, но, по нещастію ихъ, сіе узнано было благовремянно и приняты такія мѣры, что кардиналъ сей потерялъ чрезъ то самъ свое мѣсто. А вступившей на его мѣсто, дюкъ Шоазель привелъ дѣла опять въ порядокъ и разрушилъ опять все то, что̀ агенты короля Прускаго успѣли-было здѣлать. Таковую-жъ неудачу имѣли они и при турецкомъ дворѣ, которой старались они всѣми образами возжечь и преклонить начать войну либо съ цесарцами, либо съ нами, и здѣлать чрезъ то намъ наивеличайшею диверсію. Король Пруской не жалѣлъ казны и употреблялъ огромныя суммы къ закупленію турецкихъ министровъ и къ обольщенію самого молодого султана; однако деньги его и труды пропали попустому. Цесарскіе и французскіе министры не пожалѣли и съ своей стороны подарковъ, и количество оныхъ превозмогло прускіе. Турки разсудили за полезнѣйшее для себя пользоваться съ обѣихъ сторонъ прибытками, а жить притомъ въ мирѣ и тишинѣ и не подвергая отечество свое уронамъ и военнымъ опасностямъ. Что касается до цесарскаго двора, то при ономъ здѣлать ему было нечего, ибо какъ онъ былъ тогда наиглавнѣйшею всей войнѣ пружиною и болѣе всѣхъ о продолженіи войны старался, то всѣ происки короля Прускаго оставались тщетны.

Все сіе озабочивало весьма короля Прускаго и наводило на него великое опасеніе и тѣмъ паче, что онъ и на единыхъ своихъ союзниковъ, агличанъ, не могъ возлагать дальней надежды. Ему хотя и весьма хотѣлось, чтобъ они прислали сильной флотъ въ наше Балтійское море и посѣтили нашъ Кронштатъ и лифляндскіе берега, но Англія углубилась тогда такъ въ морскую свою войну съ французами въ Азіи, Африкѣ и въ Америкѣ и разлакомилась такъ полученными тамъ завоеваніями и пріобрѣтенными выгодами надъ французами, что почитала за выгоднѣйшее для себя продолжать оныя, нежели безъ всякой льстящей надежды колотиться о пустыя и обнаженныя финляндскія скалы и камни.

Совсѣмъ тѣмъ, дворъ нашъ имѣлъ великое опасеніе, чтобъ сего посѣщенія отъ агличанъ не воспослѣдовало; а самое сіе и притчиною тому было, что старался онъ предварительно заключить особливой союзъ съ шведскимъ и дацкимъ дворомъ и условиться, чтобъ, въ отвращеніе того, поставить соединенной флотъ въ Зундѣ, для воспрепятствованія проходу агличанамъ, что́ и учинено было дѣйствительно въ послѣдующее лѣто.

Между тѣмъ, вся армія наша укомплектована была отчасти вновь набранными рекрутами, отчасти остававшимися внутри Россіи старыми войсками. Всѣмъ онымъ велѣно было иттить въ Пруссію, а мѣста ихъ заступили новонабранные рекруты. Вмѣсто потерянной артилеріи доставлено было въ армію множество другой; и какъ извѣстно здѣлалось, что прежней командиръ арміи нелюбимъ былъ оною, то положено было перемѣнить и онаго и избрать кого-нибудь иного. Однако начало кампаніи велѣно было учинить тому же, почему онъ въ мартѣ мѣсяцѣ и возвратился назадъ къ арміи и началъ дѣлать всѣ нужныя къ рановременнѣйшему началу кампаніи пріуготовленія.

Не въ меньшихъ стараніяхъ и пріуготовленіяхъ упражнялись и протчіе наши союзные дворы, то-есть: цесарской, француской и шведской. Повсюду происходили великія вооруженія, и вездѣ готовились вновь проливать кровь человѣческую и утѣснять со всѣхъ сторонъ и съ вящимъ усиліемъ короля Прускаго.

Но и сей оставался между тѣмъ не безъ дѣла, и чего не могъ успѣть въ политическихъ своихъ происках, то награждалъ протчими своими попеченіями и выдумками. И какъ собственное его государство было мало и не могло его снабдить довольнымъ числомъ людей, для укомплектованія своей арміи, то, имѣя въ своей власти все Саксонское курфирство, воспользовался онъ симъ насильно захваченнымъ княженіемъ, и получилъ силою изъ онаго множество рекрутъ. А не удовольствуясь симъ, навербовалъ онъ великое множество людей и въ самой Польшѣ; также запасся нужными лошадьми и повсюду заготовленными магазинами. Англія, отказавъ ему во флотѣ, снабдила его довольнымъ числомъ денегъ и обѣщала помогать, по прежнему, гановеранскими войсками. Однимъ словомъ, непреминулъ и король учинить всѣ нужныя къ новой кампаніи пріуготовленія и приготовить себя къ мужественному отраженію толь многихъ, окружающихъ его со всѣхъ сторонъ непріятелей.

Въ сихъ-то пріуготовленіяхъ со всѣхъ сторонъ къ продолженію войны прошла вся тогдашняя зима. Мы же, между тѣмъ, жили въ Кёнигсбергѣ въ покоѣ и тишинѣ, и не столько о томъ, сколько о своихъ увеселеніяхъ помышляли. Однако, несмотря на то, сколь много мы ими ни занимались, не отставалъ я и отъ прежнихъ своихъ упражненій, но все праздное и отъ канцелярскихъ переводовъ остающееся время употреблялъ на безпрерывное читаніе книгъ. Я окладенъ ими былъ всегда въ своемъ уголкѣ или окошкѣ, и никто не находилъ меня никогда сидѣвшимъ праздно или, по пословицѣ говоря, бьющимъ табалу и ходящимъ безъ дѣла въ канцеляріи. Я прочелъ въ сіе время невѣдомо сколько романовъ, спознакомился со всѣми лутчими изъ оныхъ, и они мнѣ такъ полюбились, что я, для временной перемѣны въ моихъ упражненіяхъ, вздумалъ одинъ изъ нихъ даже перевести на языкъ русской. Чтобъ не утрудить себя слишкомъ и не заняться надолго симъ переводомъ, то избралъ я къ тому одинъ небольшой и болѣе протчихъ мнѣ полюбившейся романецъ, и трудился надъ переводомъ симъ съ такою прилежностью, что въ нѣсколько недѣль оной совсѣмъ кончилъ. Это была первая почти книга, которую перевелъ я съ начала до конца, и удовольствіе, чувствуемое отъ того, было такъ велико, что я тотчасъ, переписавъ его съ особливою прилежностію на-бѣло, и велѣлъ переплесть его въ три бандажа въ хо-

рошей переплетъ. Книги сіи и понынѣ хранятся у меня въ цѣлости и служатъ памятникомъ тогдашняго моего трудолюбія. Однако судьбѣ не угодно было, чтобъ переводъ сей былъ напечатанъ, ибо тогда о напечатаніи онаго и помышлять было не можно, поелику всѣ книги печатали тогда у насъ только въ одной Академіи и на казенной коштъ. А послѣ, какъ здѣлались свободнѣе типографіи и когда было можно, то вдругъ вышла книга сія изъ печати, переведенная уже другимъ — и такъ мой переводъ и остался: чѣмъ я, однако, послѣ былъ и доволенъ, ибо онъ былъ первоученка и не таковъ хорошъ, чтобъ стóилъ тисненія.

Въ таковыхъ-то упражненіяхъ и обстоятельствахъ застала меня весна сего года. При наступленіи оной потревожилъ-было меня полковникъ нашего полку требованіемъ своимъ въ полкъ; ибо какъ армія стала собираться къ выступанію въ походъ и всѣмъ полкамъ велѣно было собрать своихъ отлучныхъ, то не позабылъ полковникъ нашъ и обо мнѣ и представилъ по командѣ о томъ, чтобъ я былъ истребованъ изъ Кёнигсберга, а командующіе генералы и непреминули писать о томъ къ нашему генералу.

Нельзя довольно изобразить, какъ смутило меня сіе требованіе. Сердце во мнѣ вострепетало и вся кровь моя взволновалась, какъ принесъ ко мнѣ секретарь нашъ сію бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «посмотри-ка, братъ, что объ тебѣ пишутъ! Хотятъ, чтобъ ты въ походъ шелъ... Ну, собирайся!» Съ дрожащими руками принялъ я отъ него сію проклятую бумагу и глаза мои почти отреклись служить мнѣ при читаніи оной. Они остолбенѣли, и я не понималъ ни одного слова изъ читаемаго,—такъ смутила меня сія неожидаемость. Но я не вышелъ еще изъ перваго моего смущенія и не успѣлъ всего прочесть, какъ секретарь, выхватя у меня опять изъ рукъ бумагу и не сказавъ болѣе ни одного слова, помчалъ ее въ судейскую, оставивъ меня съ разстроенными впрахъ мыслями и въ такомъ состояніи, которое я никакъ изобразить не могу.

Пуще всего озабочивало меня то, что у меня тогда ни лошадей и ничего другова въ готовности къ походу не было. Я такъ увѣренъ былъ о неподвижности своей съ мѣста, что, распродавши лошадей и имѣя столъ готовой у губернатора, всего меньше помышлялъ о походѣ и о запасеніи себя нужною походною провизіею. Все сіе надлежало тогда вдругъ доставать и заготовлять, а что всего досаднѣе, то и поспѣшать тѣмъ неукоснительно, ибо требовано было, чтобъ я отпущонъ былъ въ самой скорости. Сверхъ того, признаться надобно, что пребываніе мое въ Кёнигсбергѣ здѣлалось уже мнѣ столь весело и пріятно, что мнѣ и гораздо уже не хотѣлось съ симъ городомъ разстаться и трудную и скучную походную жизнь промѣнять на тутошную, спокойную и пріятную.

Мнѣ не взмилились тогда всѣ мои книги и любимыя до того упражненія. Я ходилъ весь тотъ день повѣся голову и какъ опущенной въ воду, не зналъ, что со мною будетъ; изъ помянутыхъ словъ секретаря и ушествія его, не сказавъ мнѣ ничего дальнѣйшаго, не зналъ я, что̀ заключать, и въ правду ли онъ говорилъ, чтобъ я собирался въ походъ, или шутилъ. Видъ его, съ которымъ онъ произнесъ сіи слова, хотя и льстилъ меня нѣкоторою надеждою, однако я не смѣлъ на то полагаться. Совсѣмъ тѣмъ смущеніе мое было такъ велико, что я не имѣлъ во весь тотъ день столько духа, чтобъ спросить его о себѣ подлиннѣе и истребовать дальнѣйшаго объясненія. Къ усугубленію смущенія моего, не только онъ не начиналъ самъ о томъ говорить далѣе, а весь тотъ день ходилъ нахмурившись и столь сердитымъ, что никто не отваживался съ нимъ начинать словъ, но и никто другой не начиналъ о томъ со мною говорить, власно какъ не вѣдая, что меня въ армію требуютъ. Всему тому не могъ я довольно надивиться, и не зная что заключать, положилъ и самъ соображаться съ ихъ молчаніемъ и ожидать дальнѣйшаго.

Но, по щастію, неизвѣстность сія про-

должилась недолго. Не успѣлъ я, препроводивъ весьма безпокойную ночь, притить поутру на другой день въ канцелярію, какъ одинъ изъ подъячихъ нашихъ, подступивъ ко мнѣ, сказалъ: «кабы дали, баринъ, что-нибудь на вино, такъ я бы вамъ что-нибудь показалъ по секрету».— Очень хорошо! — сказалъ я вынимая нѣсколько мелкихъ денегъ изъ кармана:— деньги вотъ готовы, а показывай только, и чѣмъ пріятнѣе будетъ, тѣмъ и денегъ больше. — «Посмотримъ!» сказалъ онъ, и побѣжалъ отъ меня. Я не зналъ, что-бъ это значило, а догадывался только, что, конечно, что-нибудь касающееся до меня, и догадка моя была справедлива. Копеистъ мой, погодя немного, вышелъ опять и, моргнувъ, далъ мнѣ знать, чтобъ я вышелъ за нимъ въ сѣни. Тутъ, отведя меня въ сокровеннѣйшей уголокъ, вытащилъ онъ изъ-за пазухи бумагу и, подавая мнѣ, сказалъ: «читайте, сударь, скорѣе: мнѣ не велѣно отъ Тимофея Ивановича никому этого показывать, а особливо вамъ». Я удивился сіе услышавъ; но удивленіе мое здѣлалось еще больше, когда я, пробѣжавъ вскользь ее моими глазами, увидѣлъ, что было это отвѣтное писаніе нашего генерала обо мнѣ въ армію. Въ немъ упоминалось, что какъ во мнѣ обстоитъ необходимая надобность, то отпустить меня никакъ не можно, а что представлено будетъ въ Петербургъ, чтобъ присланы были переводчики; и когда пришлются, то въ то время и я въ полкъ отпущенъ буду.

Какъ нѣкая гора съ плечъ у меня тогда свалилась, когда я прочелъ сію бумагу. Я легко могъ усмотрѣть, что мнѣ не было болѣе притчины опасаться скораго отправленія въ армію, и, обрадуясь тому до чрезвычайности, далъ цѣлую полтину на вино моему подъячему — такъ радъ я былъ сему сообщенному мнѣ извѣстію! Однако онъ просилъ меня никому о томъ не сказывать, да и притворяться, будто я о томъ ничего не знаю. Я обѣщалъ ему сіе охотно здѣлать и внутренно хохоталъ, какъ секретарь нашъ, въ тотъ же день ко мнѣ пришедъ, и давая мнѣ нѣчто переводить, опять началъ меня подтуривать и власно какъ страхъ нагоняя, улыбаючись говорить: для чего-жъ я не собираюсь и не готовлюсь ѣхать? Я принялъ тогда принужденной печальной видъ и, жалкимъ образомъ ему отвѣтствуя, сказалъ: «что-жъ дѣлать, когда не можно чего перемѣнить, такъ, знать, тому такъ уже и быть. Ежелибъ захотѣли, то могли-бъ и покинуть, а когда вамъ то надобно, такъ я и поѣду». — Нельзя!—подхватилъ онъ:—вѣдь ты видѣлъ, какъ строго требуютъ. Однако, переведите-ка вотъ это, еще успѣешь собраться!—Сказавъ сіе, пошолъ онъ отъ меня прочь, не сказавъ опять ничего рѣшительнаго. Однако у меня на сердце было уже гораздо легче. «Добро», говорилъ я самъ себѣ: «теперь ты меня уже не проведешь и не обманешь. Я готовъ давать надъ собою тебѣ шутить, только посылай-ка скорѣе то, что обо мнѣ написано!» Онъ и дѣйствительно промучилъ меня болѣе недѣли, все протуривая всякой день ѣхать и паки всякой день останавливая переводами, и не прежде мнѣ объявилъ, какъ уставши уже, по мнѣнію своему, меня мучить. Тогда, будто ничего не зная, благодарилъ я его за одолженіе и приписывалъ все единому его хотѣнію; а сіе было ему всего и милѣе.

Симъ образомъ помогъ мнѣ сей человѣкъ и въ другой разъ; а по его же благосклонности не слишкомъ поспѣшаемо было требованіемъ и изъ Петербурга переводчиковъ. Сіе учинить заставляла ихъ самая необходимость; ибо какъ на всегдашнее удержаніе меня при себѣ не могли сами на себя совершенно надѣяться, то для всякаго нужнаго случая учинено было дѣйствительно помянутое требованіе, но въ пользу мою расположено такъ, что никакъ не можно было ожидать, чтобъ учинено было по оному скорое исполненіе и требуемые переводчики къ намъ были присланы.

Совсѣмъ тѣмъ происшествіе сіе не могло у меня долго изъ головы вытить. Несмотря на отказъ, учиненной генераломъ, и на всѣ увѣренія нашихъ секретарей, все

таки я еще опасался, чтобъ не перемѣнились какимъ-нибудь случаемъ обстоятельствы и чтобъ меня въ армію не турнули; и не прежде успокоился совершенно, какъ по выступленіи арміи въ походъ и по удаленіи за границы прускія въ Польшу.

Но письмо мое уже велико и мнѣ время его кончить; чего ради, прерывая свою рѣчь, поспѣшу вамъ сказать то же, а имянно, что я есмь вашъ и протчая.

Письмо 72.

Любезной пріятель! Такимъ образомъ избавившись опять, безъ всякаго моего домогательства, а случайно, отъ похода, и удостовѣрившись еще болѣе въ неподвижности съ одного мѣста и въ должайшемъ пребываніи въ Кёнигсбергѣ, началъ я продолжать прежней родъ жизни и не только упражняться во всемъ томъ же, но присовокупилъ къ нимъ и нѣкоторыя другія упражненія. Не успѣла пройтить зима и съ нею миновать длинные вечера, толико способные для чтенія книгъ, какъ вмѣстѣ съ наступившею весною перемѣнились во многомъ и наши веселости, забавы и упражненія. Бывшіе въ продолженіе зимы у генерала нашего балы и танцы, хотя и не совсѣмъ пресѣклись, но были уже гораздо рѣже и малолюднѣе. Бо́льшая часть дворянства прускаго разъѣхалась по деревнямъ, а мало также было уже и пріѣжжихъ изъ арміи; всѣ они отъѣхали къ своимъ мѣстамъ и ушли въ походъ, а все сіе и уменьшило наши зимнія веселости и ограничило ихъ такъ, что балы и собранія были у генерала уже очень рѣдко, а когда и случались, то состояли наиболѣе изъ лутчихъ его друзей и знакомцовъ. Недостатокъ сей хотя и награждаемъ имъ былъ частѣйшими выѣздами въ дома знаменитѣйшихъ прускихъ дворянъ, оставшихся въ городѣ, а особливо къ любимицѣ своей графинѣ Кейзерлингшѣ, и гуляніями съ ними по садамъ и другимъ увеселительнымъ мѣстамъ; но какъ забавы и увеселенія сіи были болѣе приватныя, нежели публичныя, то мы не могли въ нихъ брать соучастія, а принуждены были довольствоваться одними торжественными праздниками, изъ которыхъ генералъ нашъ не пропускалъ ни одного, чтобъ не здѣлать у себя торжественнаго пира, а потомъ, чтобъ не дать бала.

Но какъ праздники сіи были рѣдки, мы же къ танцамъ и увеселеніямъ сего рода не такъ мало привыкли, чтобъ могли они насъ удовольствовать, то старались мы недостатокъ сей замѣнить отъискиваніемъ городскихъ свадьбъ и танцованіемъ на оныхъ; но какъ, наконецъ, и сіи по притчинѣ лѣтняго времени здѣлались рѣдки, то принуждены были и мы брать прибѣжище свое къ гуляніямъ въ садахъ, и къ препровожденію въ нихъ съ удовольствіемъ тѣхъ часовъ, которые намъ отъ дѣлъ оставались праздными.

По щастію, находилось тогда въ Кёнигсбергѣ множество такихъ садовъ, въ которые ходить и тамъ съ удовольствіемъ время свое препровождать было намъ невозбранно. Они разбросаны были по всему городу, принадлежали приватнымъ людямъ; были хотя не слишкомъ велики и не пышные, однако иные изъ нихъ довольно изрядные, и содержимые въ порядкѣ. Хозяева оныхъ, для получанія съ нихъ ежегоднаго нѣкотораго дохода, отдаютъ ихъ въ наймы людямъ, питающимся содержаніемъ трактировъ, и сіи, содержа таковые трактиры въ домикахъ, посреди садовъ сихъ находящихся, примануваютъ ими людей для посѣщенія оныхъ, почему и бываютъ они въ лѣтнее время всегда наполнены множествомъ всякаго рода людей. Ходятъ въ нихъ купцы, ходятъ хорошіе мѣщане, ходятъ студенты, а иногда и мастеровые. Словомъ, входъ въ нихъ, кромѣ самой подлости, никому невозбраненъ и всякой имѣетъ свободность въ нихъ сидѣть или гулять, или забавляться разными играми, какъ, напримѣръ, въ карты, кегли, фортунку и въ протчемъ тому подобномъ. Единое только наблюдается строго, чтобъ всегда господствовало тутъ благочиніе, тиши-

на и всякая благопристойность, почему и не услышишь тутъ никогда ни шума, ни крика и никакихъ другихъ вздоровъ; но всѣ посѣщающіе сіи сады, раздѣлясь по партіямъ, либо сидятъ гдѣ-нибудь въ кучкѣ, либо разгуливаютъ себѣ по алеямъ и дорожкамъ, либо забавляются какою-нибудь игрою и провождаютъ время свое въ удовольствіи и въ смѣхахъ. Никакая партія другой не мѣшаетъ и никому нѣтъ ни до кого нужды; но всѣ только стараются другъ другу оказывать всякую вѣжливость и учтивость. Пріятно было по истинѣ видѣть и находить индѣ небольшую кучку пожилыхъ людей, сидящихъ гдѣ-нибудь въ бесѣдкѣ, тихо и смирно, и разыгрывающихъ себѣ свой ломберъ; другихъ же — индѣ на лавочкахъ, подъ вѣтвями деревъ тѣнистыхъ, пьющихъ принесенныя имъ порціи кофея, чая или шоколата, или сидящихъ съ трубкою во рту и со стаканами хорошаго пива предъ собою, и упражняющихся въ важныхъ и степенныхъ разговорахъ. Пиво употребляютъ они для запиванія своего табаку, а прекрасные сухари, испеченные изъ неклеваннаго хлѣба, для заѣданія онаго. Что касается до молодыхъ, то сіи занимаются болѣе игрою въ кегли или такъ-называемый «лангебанъ», играя хотя въ деньги, но безъ всякаго шума, крика, и въ самыя малыя деньги, и отнюдь не для выигрыша, а для единственнаго препровожденія времяни. Индѣ же найдешь ихъ упражняющихся въ играніи въ фортунку или въ самомъ домѣ въ биліардъ; а естли кому похочется чего-нибудь ѣсть, то и тотъ можетъ заказать себѣ что-нибудь сварить или изжарить изъ съѣстнаго; также подать себѣ рюмку водки, ликёра или вина, какое есть тутъ въ домѣ. Болѣе сего ничего тутъ не продается; а что и есть, такъ и то все такъ хорошо, такъ дешево и такъ укромонно, что всякой выходитъ съ удовольствіемъ оттуда.

Мнѣ долго неизвѣстны были сады и гульбищи сего рода, и познакомилъ меня съ ними никто иной, какъ тотъ же товарищъ мой нѣмецъ, г. Пикартъ, которому я такъ много за книги и за свадьбы былъ обязанъ. Онъ, согласясь вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ, повелъ меня однажды въ нихъ, и они мнѣ такъ полюбились, что я съ того времяни въ каждое почти воскресенье, въ которые дни было намъ свободнѣе протчихъ, хаживалъ въ таковые сады пить послѣ обѣда свой чай или кофей, и препровождать все достальное время либо въ играхъ въ кегли и фортуну, либо въ гуляньѣ; а нерѣдко дѣлали и они оба мнѣ компанію и игрывали со мною тамъ въ ломберъ. И могу сказать, что таковыя гулянья мнѣ никогда не наскучивали, но всякой разъ возвращался я изъ нихъ на квартиру съ особливымъ удовольствіемъ. Въ особливости же нравилось мнѣ тихое, кроткое и безмятежное обхожденіе всѣхъ, бываемыхъ въ оныхъ, и вѣжливость, оказываемая всѣми. Правда, сперва всѣ господа прусаки меня, какъ россійскаго офицера, дичились и убѣгали, но какъ скоро начиналъ я съ ними говорить ласково по-нѣмецки, то они, почитая меня природнымъ нѣмцомъ, тотчасъ дѣлались совсѣмъ иными и отмѣнно ласковыми. Они съ охотою пріобщали меня къ своимъ компаніямъ и нерѣдко входили со мною въ разсужденія и даже самые политическіе разговоры. И какъ я охотно давалъ имъ волю обманываться и почитать себя нѣмцомъ, а иногда съ умысла подлаживая имъ въ ихъ мнѣніяхъ, тѣмъ еще больше утверждалъ ихъ въ семъ заблужденіи, то нерѣдко случалось, что я чрезъ самое то узнавалъ отъ нихъ многое такое, чего бы инако никакъ не можно было узнать и провѣдать, а особливо изъ относящихся до тогдашнихъ военныхъ произшествій. О сихъ были они такъ свѣдущи, что я не могъ довольно надивиться; а какимъ образомъ могли они такъ скоро и обстоятельно узнавать всѣ новости, то было для меня совсѣмъ уже непонятно, ибо нерѣдко слыхалъ я отъ нихъ о иныхъ вещахъ недѣли за двѣ или за три до того, какъ писано было въ газетахъ.

Кромѣ сего, нерѣдко прогуливался я и по улицамъ и другимъ лутчимъ мѣстамъ въ городѣ, а особливо по земляным ва-

ламъ, окружающимъ форштаты, которые служили общимъ гульбищемъ для жителей кёнигсбергскихъ. Всякое воскресенье послѣ обѣда наполнены они были нѣсколькими тысячами гуляющаго но нихъ обоего пола народа, и всѣ наилутчимъ гуляньемъ почитали сіе мѣсто. Оно и дѣйствительно было таково, ибо съ высоты оныхъ можно было простирать далеко въ поля свое зрѣніе и съ онымъ встрѣчались во многихъ мѣстахъ наиприкраснѣйшія положенія мѣстъ, окружающихъ сію прускую столицу. Временемъ же хаживали мы для прогулки и за самой городъ, а особливо внизъ по рѣкѣ Прегелю. Мѣсто тутъ низменное и въ особливости хорошо и удобно для гулянья. Оно изрыто множествомъ каналовъ, усаженныхъ алеями изъ деревьевъ, а по главной алеѣ находятся многіе увеселительные домики и трактиры, для отдохновенія гуляющимъ.

Но сколько всѣ таковыя гулянья меня ни занимали, однако я не отставалъ за ними и отъ моихъ протчихъ упражненій, а особливо отъ книгъ. Правда, по наступленіи весны и лѣта время было уже не столь способно къ чтенію, какъ скучное зимнее, поелику множайшее количество наружныхъ прельщающихъ предметовъ отвлекали къ себѣ вниманіе и мѣшали чтенію; однако я хотя съ не такимъ усиліемъ, но все продолжалъ упражняться въ ономъ, но читалъ уже не столько романы, сколько другова сорта книги. Притчиною тому было то, что наилутчіе романы были уже мною всѣ прочтены и остались одни оборуши и такіе которыхъ на чтеніе не хотѣлось почти терять время; а сверхъ того, попались мнѣ нечаянно обѣ тѣ книжки господина Зульцера, которыя писалъ сей славной нѣмецкой авторъ о красотѣ натуры. Матерія, содержащаяся въ нихъ, была для меня совсѣмъ новая, но такъ мнѣ полюбилась, что я совершенно плѣнился оною. Словомъ, обѣ сіи маленькія книжки произвели во мнѣ такое дѣйствіе, которое простерлось на всѣ почти дни живота моего, и были основаніемъ превеликой перемѣнѣ, здѣлавшейся потомъ во всѣхъ моихъ чувствованіяхъ. Онѣ-то первыя начали меня спознакомливать съ чуднымъ устроеніемъ всего свѣта и со всѣми красотами природы, доставлявшими мнѣ потомъ толико пріятныхъ минутъ въ жизни и служившими поводами къ тѣмъ безчисленнымъ, непорочнымъ увеселеніямъ, которыя потомъ знатную часть моего благополучія составляли.

Неуспѣлъ я ихъ прочесть, какъ не только глаза мои власно какъ растворились, и я началъ на всю натуру смотрѣть совсѣмъ иными глазами и находить тамъ тысячи пріятностей, гдѣ до того ни малѣйшихъ не примѣчалъ; но возгорѣлось во мнѣ пламенное и ненасытное желаніе читать множайшія книги такого-жъ сорта и узнавать отчасу далѣе все устроеніе свѣта. Слозомъ, книжки сіи были власно какъ фитилемъ, возпалившимъ гнѣздившеюся въ сердцѣ моемъ и до того самому мнѣ неизвѣстную охоту ко всѣмъ физическимъ и другимъ такъ-называемымъ естественнымъ наукамъ. Съ того момента почти оставлены были мною всѣ романы съ покоемъ, и я сталъ уже выискивать все такія, которыя къ симъ сколько-нибудь имѣли соотношеніе; и поелику у нѣмца, снабжающаго меня книгами, было такихъ мало, то не жалѣлъ я нимало денегъ на покупку совсѣмъ новыхъ изъ лавки и доставалъ вездѣ такія, гдѣ только можно было отъискать. А неуспѣлъ я къ нимъ нѣсколько попривязаться, какъ нечувствительно получилъ вкусъ и къ піитическимъ сочиненіямъ, имѣющимъ толь близкое и тѣсное сродство съ ними; и какъ сего рода книгъ у нѣмца моего было довольно, то пустился я въ чтеніе оныхъ и сіе такъ меня заохотило, что я нечувствительно получилъ и самъ нѣкоторую склонность къ стихотворству, и въ праздные иногда часы не только упражнялся въ сочиненіи кой-какихъ стишковъ, но взялъ на себя трудъ, для удобнѣйшаго пріискиванія рифмъ, составить нѣкоторой родъ піитическаго словаря, которая книжка и понынѣ у меня цѣла и служитъ памятникомъ тогданней моей охоты къ поэзіи. Совсѣмъ тѣмъ судьбѣ, какъ видно, было не угодно здѣлать меня стихотворцомъ. Изъ всѣхъ тогдаш-

нихъ моихъ трудовъ не вышло наконецъ ничего, и я хотя остался любителемъ стихотворства, но не здѣлался поэтомъ и увидѣлъ скоро, что натура не одарила меня потребнымъ къ тому даромъ. Словомъ, трудность составленія рифмъ мнѣ скоро наскучила, а какъ между тѣмъ занялся я другими и важнѣйшими матеріями, то и оставилъ поэзію съ покоемъ.

Впротчемъ, какъ выше уже упомянуто, не въ одномъ чтеніи препровождалъ я все свободное свое время, но съ наступленіемъ весны и полюбленіемъ натурологическихъ книгъ, возродилась во мнѣ старинная моя охота къ рисованью. По притчинѣ вышеупомянутыхъ происходившихъ со мною разныхъ перемѣнъ и за неимѣніемъ свободнаго времяни, не принимался я съ уже цѣлой почти годъ за кисти и краски; но какъ въ сіе лѣто дѣла у насъ такъ уже уменьшились, что времяни у меня всякой день оставалось множество празднаго, то, оборкавшись уже гораздо въ канцеляріи и имѣя особую въ ней комнату, вздумалъ я однажды испытать, не могу ли я иногда, между дѣлъ, въ самой канцеляріи сколько-нибудь порисоваться; и какъ небольшой опытъ мой удался по желанію, и я увидѣлъ, что не только никто меня за то не осуждалъ, но всѣ еще прихаживали смотрѣть, какъ я рисую и, любуясь моими картинками, хвалили мое трудолюбіе и прилежность; то, малу-по-малу, перенесъ я бо́льшую часть моихъ красокъ и протчей рисовальной сбруи въ канцелярію и упражнялся тутъ въ рисованьѣ между дѣлъ, какъ дома. Цѣлой ящикъ въ столѣ накладенъ былъ у меня тутъ раковинами, стеклами, кистями и протчимъ, и я занимался ими по нѣскольку часовъ почти всякой день.

Вмѣстѣ съ симъ мало-по-малу возобновилась охота моя и къ протчимъ любопытнымъ упражненіямъ. Имѣя свободу упражняться вышеупомянутымъ образомъ въ рисованьѣ, разрисовалъ я въ сіе время множество картинъ для прошпективическаго ящика и привелъ весь оной въ такое совершенство, что всѣ, видавшіе его, не могли имъ довольно налюбоваться. Я приносилъ его нѣсколько разъ въ канцелярію, и всѣ наши канцелярскіе расхвалили меня впрахъ за оной и всегда сматривали въ оной съ удовольствіемъ. Онъ и дѣйствительно былъ хорошъ: препорція онаго была такъ удачна, а картины столь живо подъ натуру раскрашены, что въ состояніи были обмануть самого нашего плацъ-маіора господина Миллера. Не могу безъ смѣха вспомнить сего приключенія. Было то у меня на квартирѣ. Помянутому господину плацъ-маіору случилось нѣкогда зайтить ко мнѣ посмотрѣть моей квартеры, ибо я за нѣсколько времяни просилъ его о перемѣнѣ оной и о снабденіи меня лутчею. Ящику моему случилось тогда стоять въ спальнѣ моей, на окнѣ. Онъ попался ему первой на глаза.—«Это что такое у васъ?» спросилъ онъ.—А вотъ посмотрите въ стеклушко,—отвѣчалъ я. Маіоръ наклонился и началъ смотрѣть; но какъ я удивился, какъ онъ чрезъ минуту съ великимъ удивленіемъ закричалъ: «ба, ба, ба! Да гдѣ-жъ эта улица-то и такіе хорошіе домы? Что-жъ я по-сю пору не видалъ; вотъ квартиръ-то сколько»! Сказавъ сіе, отскочилъ онъ отъ ящика и устремилъ съ великою жадностію взоръ свой въ окно, думая, дѣйствительно, что онъ видѣлъ и увидитъ настоящую улицу.—Покатился я со смѣха, увидѣвъ, какъ хорошо онъ обманулся.—«Тьфу, какая пропасть!—закричалъ онъ и начавъ плевать и ругать мой ящикъ:—что это за усовъ! Вѣдь я истинно обманулся и думалъ, что я вижу настоящую улицу. Возможно-ли, какой дуракъ я былъ!—Я старался прикрыть его стыдъ увѣреніемъ, что не одинъ онъ, а многіе такимъ же образомъ обманываются. Однако ему было до чрезвычайности стыдно, и бездѣлка сія здѣлала то, что получилъ я потомъ весьма прекрасную квартиру, ибо онъ всячески старался уже меня задобрить и тѣмъ преклонить, чтобъ я сего дѣла не разславилъ.

Въ самое то-жъ время смастерилъ я на квартирѣ у себя и другую любопытную и такую штучку, которая заставливала многихъ нарочно ко мнѣ приходить и собою

любоваться. Была то хотя сущая дѣтская игрушка, однако существомъ своимъ не недостойная примѣчанія и тѣмъ паче, что составляла второе изобрѣтеніе мое въ жизни, достойное замѣчено быть. Еще съ самаго начала пребыванія моего въ Кёнигсбергѣ полюбились мнѣ въ особливости здѣланныя кой-гдѣ въ семъ городѣ фонтаны, и какъ мнѣ мимо одного изъ нихъ изъ прежней моей квартеры всякой день ходить случалось, то нерѣдко останавливался я и любовался иногда съ полчаса сею безпрерывно вверхъ біющею и на себѣ золотой шаръ поддерживающею водою. Частое виданіе сего фонтана вложило мнѣ нѣкогда весьма странную мысль, а именно: мнѣ захотѣлось испытать, не могу ли я выдумать и здѣлать и для себя хотя небольшой фонтанецъ и смастерить такой, которой бы можно мнѣ было возить всегда съ собою и становить вездѣ, гдѣ бы мнѣ ни похотѣлось. Мысль поистинѣ удивительная и довольно странная. Я смѣялся сначала самъ сей своей затѣѣ и почиталъ дѣло сіе нескладнымъ и невозможнымъ. Но чего не можетъ произвесть охота и склонность къ любопытнымъ художествамъ и искуствамъ? Чѣмъ далѣе я о семъ помышлялъ, тѣмъ менѣе находилъ я невозможностей, и наконецъ удалось мнѣ начертать въ мыслихъ своихъ планъ, показавшейся мнѣ совсѣмъ удобопроизводимымъ. Неуспѣлъ я сего выдумать, какъ, по природной своей нетерпѣливости, восхотѣлось мнѣ выдумку свою произвесть и въ самомъ дѣлѣ. Обстоятельство, что находился я тогда въ такомъ городѣ, которой наполненъ былъ всякими мастеровыми, могущими здѣлать все, что-бъ имъ ни заказать, побуждало меня къ тому еще болѣе; но бывшіе до сего времяни мои недосуги остановили на время произведеніе сего намѣренія въ дѣйство. Но въ сію весну, какъ получилъ я болѣе досуга, и притомъ здѣлался болѣе удостовѣреннымъ, что не пойду въ походъ, то принялся за сіе дѣло и проворилъ съ толикою прилежностію всѣмъ производствомъ онаго и принужденіемъ столяровъ, жестянниковъ, оловянничниковъ, шлесарей и маляровъ скорѣе то дѣлать, что̀ имъ отъ меня было предписано, что недѣли черезъ двѣ я имѣлъ неописанное удовольствіе видѣть миніатюрный свой фонтанъ существующей и производящей дѣйствіемъ своимъ мнѣ болѣе удовольствія, нежели я сколько могъ думать и ожидать. Словомъ, штучка или паче игрушка сія удалась по желанію и достойна была дѣйствительно любопытнаго смотрѣнія отъ всякаго. Весь сей фонтанъ, со всѣми своими принадлежностьми, вмѣщался въ маленькомъ и раскрашенномъ ящичкѣ, имѣвшемъ въ длину и въ ширину не болѣе вершковъ десяти, а вышиною вершковъ трехъ. Совсѣмъ тѣмъ, по вскрытіи сего ящичка, поставленнаго на столикѣ въ углу, подлѣ стѣны и окошка, оказывался въ ономъ прекрасной маленькой, круглой басенецъ, украшенной въ срединѣ одною побольше, а вокругъ двѣнатцатью маленькими вызолоченными фигурѣами, изображающими отчасти дельфиновъ, отчасти лягушекъ. Изъ всѣхъ ихъ было толикое же число маленькихъ фонтанчиковъ, соотвѣтствующихъ большому въ срединѣ, котораго біеніе простиралось вверхъ болѣе полутора аршина и производило пріятной шумъ и плесканье. Словомъ, все такъ было устроено, что съ удовольствіемъ можно было смотрѣть; а что̀ всего лутче, то приведеніе воды изъ поставленнаго на потолокѣ той комнаты ушата было такъ искусно скрыто, что никому того примѣтить было неможно. Длинная жестяная и составная изъ разныхъ, другъ въ друга входящихъ штукъ, трубка, доставляла сію воду въ фонтанъ и была такъ скрыта за стѣною, что ее вовсе не видать было. Когда надобно было фонтанъ собрать, то всѣ штуки сей трубки всовывались другъ въ друга и потомъ полагались въ тотъ же ящикъ, отчего и происходила та удобность, что его всюду возить было можно, и онъ занималъ собою очень мало мѣста.

Теперь не могу изобразить, сколь много утѣшала не только меня, но и всѣхъ приходящихъ ко мнѣ сія игрушка. Всѣ

видѣвшіе не могли ею довольно налюбоваться. На главную трубку, находящуюся посреди басеня, надѣлано было у меня множество разныхъ наставокъ, посредствомъ которыхъ можно было заставливать воду бить разными манерами, какъ напримѣръ: иногда прямою струею вверхъ, иногда разсыпаться на множество брызговъ, на подобіе дождя, иногда образомъ звѣзды, а иногда образомъ павлинаго хвоста, и такъ далѣе. Словомъ, я производилъ имъ множество разныхъ перемѣнъ, и всѣмъ тѣмъ и удивлялъ и забавлялъ зрителей. Всѣ наши канцелярскіе непреминули ко мнѣ приттить, какъ скоро объ немъ услышали, и превозносили меня до небесъ похвалами за искуство мое и за выдумку. Сіе увеличило много хорошее ихъ обо мнѣ мнѣніе. Они непреминули разсказывать то другимъ съ похвалою, и сего довольно уже было для меня въ награжденіе за труды, употребленные при дѣланіи онаго.

Но сколько удовольствія наносилъ я симъ фонтаномъ всѣмъ меня посѣщающимъ, столько браней получалъ я за него отъ многихъ другихъ, проходящихъ мимо моей квартиры. Но бранямъ симъ былъ уже собственно я самъ, или паче моя дурость и рѣзвость, притчиною. Между протчими свинцовыми наставками на трубку моего фонтана, которыя, по большой части, мастерилъ и дѣлалъ я самъ, догадало меня сдѣлать одну кривую и расположенную такъ, чтобъ вода, въ случаѣ пущенія фонтана, била не прямо вверхъ, но дугою въ сторону, сквозь отворенное окошко и, раздробляясь въ капли, упадала на улицу. Въ сію наставку пускалъ я воду тогда, когда случалось кому иттить по улицѣ мимо моей квартиры и единственно для того, чтобъ можно было посмѣяться и похохотать его удивленію; ибо неуспѣвалъ человѣкъ поравняться противъ моего окна, какъ вдругъ орошали его сверху многія капли воды, на подобіе дождя. Человѣкъ, почувствовавъ оныя, удивлялся, смотрѣлъ на небо и на всѣ стороны, вверхъ, и, не видя ничего, дивился и не понималъ, откуда вода взялась. А сіе и подавало иногда поводъ, что иные, пришедъ въ нестроеніе, бранили сами не зная кого, и отходили прочь, осыпая меня изрядными благословеніями. Но ни надъ кѣмъ шутки сей я такъ часто не производилъ, какъ надъ гуляющими иногда по улицамъ, съ тафтяными своими зонтиками, женщинами. Неуспѣю, бывало, завидѣть такихъ госпожъ, какъ, спрятавшись за стѣну, чтобъ меня было не видно, отворялъ я на одну минуту свой фонтанъ и приправливалъ такъ, чтобъ вода упадала прямо на ихъ зонтики и производила на нихъ паденіемъ каплей своихъ шумъ. Боже мой, какой поднимался у нихъ тогда шумъ и крикъ! «Ахъ! Геръ Езу! Геръ Езу! дождь, дождь, дождь!» кричали онѣ и бѣжать начинали, а я надсѣдался со смѣха, сидя въ комнатѣ за стѣною и веселясь ихъ нестроеніемъ.

Неуспѣлъ я сію штучку смастерить и черезъ ее снознакомиться со многими мастеровыми, какъ возобновилась и прежняя моя охота къ гокусъ-покусному, которому научился я еще стоючи въ Эстляндіи, и мнѣ захотѣлось снабдить себя всѣми нужными и къ тому инструментами. Въ единой мигъ надѣлалъ я множество рисунковъ и полетѣлъ съ ними къ разнымъ мастеровымъ. Они и удовольствовали меня, надѣлавъ всѣ оные по моему желанію, и удовольствіе мое было превеликое, когда я увидѣлъ у себя всѣ оные по моему желанію, и могъ самъ дѣлать всѣ тогда перенятыя штучки и хитрости. Однако легко можно заключить, что симъ искуствомъ не имѣлъ я притчины ни предъ кѣмъ величаться, но довольствовался только самъ для себя, какъ и упоминаю о семъ только для того, чтобъ тѣмъ доказать, въ какихъ дѣлахъ я около сего времяни упражнялся и какую склонность уже и тогда имѣлъ ко всякимъ хитростямъ и искуствамъ.

Но сего довольно будетъ для сего раза. Письмо мое довольно уже велико и получило обыкновенные свои предѣлы;

чего ради, предоставя повѣствованіе о дальнѣйшихъ со мною произшествіяхъ будущимъ письмамъ, теперешнее окончу новымъ увѣреніемъ васъ о непремѣнности моей къ вамъ дружбы, и что я навсегда есмь вашъ и протчее.

КОНЕЦЪ ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ АНДРЕЯ БОЛОТОВА

ОПИСАННЫЯ САМИМЪ ИМЪ ДЛЯ СВОИХЪ ПОТОМКОВЪ.

ЧАСТЬ VII.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ИСТОРІИ МОЕЙ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ И ПРЕБЫВАНІЯ МОЕГО ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

ВЪ КЕНИГСБЕРГѢ.

Письмо 73.

Любезной пріятель! Какъ въ послѣднемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на разсказываніи вамъ того, чѣмъ занимался я живучи въ Кёнигсбергѣ послѣ бывшей со мною тревоги по случаю требованія меня къ полку; то, продолжая теперь повѣствованіе мое далѣе, скажу, что между тѣмъ, какъ я помянутымъ образомъ живучи въ покоѣ упражнялся сколько въ дѣлѣ, а не менѣе того и въ сущихъ, хотя весьма позволительныхъ, бездѣлкахъ, и дни мои протекали въ мирѣ и въ тишинѣ, и всякой почти день въ новыхъ удовольствіяхъ,—армія наша находилась въ полномъ походѣ. Прежней предводитель оной, генералъ Ферморъ, не успѣлъ возвратиться изъ Петербурга и дождаться весны, какъ съ наступленіемъ оной, собравъ всѣ разставленныя по кантониръ-квартирамъ и вновь укомплектованныя войски въ окрестностяхъ Торуня, отправился съ ними въ походъ опять въ сторону къ Шлезіи черезъ Польшу. Городъ Познань назначенъ былъ опять генеральнымъ сборнымъ мѣстомъ, и тутъ собралась вся армія довольно еще благовременно. Однако, далѣе сего мѣста онъ съ нею не пошолъ, а дожидался назначеннаго на мѣсто себя другого предводителя.

Къ сему, противъ чаянія всѣхъ, избранъ былъ императрицею генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ, Петръ Семеновичъ. Всѣ удивились, услышавъ о семъ новомъ командирѣ, и тѣмъ паче, что онъ, командуя до сего украинскими ландмилицкими полками, никому почти былъ неизвѣстенъ, и не было объ немъ никакихъ выгодныхъ и громкихъ слуховъ. Самые тѣ, которыхъ случай допустилъ его лично знать, не могли о немъ ничего иного разспрашивающимъ сказывать, кромѣ того, что онъ былъ хотя весьма доброй человѣкъ, но старичокъ простенькой, никакихъ дальнихъ свѣдѣній и достоинствъ не имѣющей и никакимъ знаменитымъ дѣломъ себя еще не отличившей.

Мы увидѣли его прежде нежели армія, ибо ему ѣхать туда чрезъ Кёнигсбергъ надлежало. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ мы его дожидались и съ какими особыми чувствіями смотрѣли на него, расхаживающаго пѣшкомъ по на-

шему городу. Старичокъ сѣденькой, маленькой, простенькой, въ бѣломъ ландмилицкомъ кафтанѣ, безъ всякихъ дальнихъ украшеній и безъ всѣхъ пышностей, ходилъ онъ по улицамъ и не имѣлъ за собою болѣе двухъ или трехъ человѣкъ въ послѣдствіи. Привыкнувшимъ къ пышностямъ и великолѣпіямъ въ командирахъ, чудно намъ сіе и удивительно казалось, и мы не понимали, какъ такому простенькому и по всему видимому ничего незначущему старичку можно было быть главнымъ командиромъ толь великой арміи, какова была наша, и предводительствовать ею противъ такова короля, которой удивлялъ всю Европу своимъ мужествомъ, храбростію, проворствомъ и знаніемъ военнаго искуства. Онъ казался намъ сущею курочкою, и никто не только надеждою ласкаться, но и мыслить того не отваживался, чтобъ могъ онъ учинить что-нибудь важное, столь мало обѣщавалъ намъ его наружной видъ и всѣ его поступки. Генералъ нашъ хотѣлъ-было, по обыкновенію своему, угостить его великолѣпнымъ пиромъ, но онъ имянно истребовалъ, чтобъ ничего особливаго для его предпринимаемо не было и хотѣлъ доволенъ быть наипростѣйшимъ угощеніемъ и обѣдомъ. А сіе и было притчиною, что проѣздъ его чрезъ нашъ городъ былъ нимало не знаменитъ и столь не громокъ, что несмотря хотя онъ пробылъ у насъ дни два и исходилъ пѣшкомъ почти всѣ улицы, но большая половина города и не знала о томъ, что онъ находился въ стѣнахъ онаго. Онъ и поѣхалъ отъ насъ столь же просто, какъ и пріѣхалъ, и мы всѣ проводили его хотя съ усерднымъ желаніемъ, чтобъ онъ щастливѣе былъ искуснаго Фермора, но съ сердцами весьма унылыми и не имѣющими никакой надежды,—столь невеликое и невыгодное мнѣніе мы объ немъ имѣли.

По отбытіи сего новаго начальника принялись мы за свои прежнія дѣла и упражненія: генералъ—за свои разъѣзды по гостямъ и частыя посѣщенія своей графини Кейзерлингши; канцелярскіе наши—за свои бумаги, писанья и дѣла, а я—за свои переводы, читанье, рисованье и другія любопытныя дѣла и упражненія. Охота къ нимъ увеличивалась во мнѣ со дня на день, а особливо съ того времяни, какъ случилось мнѣ однажды побывать въ домѣ у одного старичка, прускаго отставного полковника, великаго охотника до наукъ и до всякихъ рукодѣлій и художествъ. Тутъ-то въ первой еще разъ случилось мнѣ видѣть, какъ живутъ сего рода люди и каково у нихъ въ домахъ бываетъ чисто и прибористо. Старичка сего удавалось мнѣ видать уже давно, и я не одинъ разъ встрѣчался съ нимъ на улицѣ, ибо онъ жилъ въ одной со мною улицѣ и нерѣдко хаживалъ мимо моихъ оконъ. Но мнѣ и на умъ никогда не приходило, чтобъ былъ онъ столь великимъ любителемъ наукъ и художествъ, какъ узналъ я послѣ, а дивился я только всякой разъ его странному одѣянію и походкѣ. При всей старости своей былъ онъ всегда такъ чопоренъ и свѣжъ, какъ бы лѣтъ въ сорокъ, и какая бы погода ни была, но всегда видалъ я его въ шляпѣ, всегда напудреннымъ, въ странномъ паричкѣ и всегда въ старинномъ прускомъ мундирѣ съ долгими и ситами набитыми широкими полами, изъ которыхъ одну носилъ онъ всегда приподнятую лѣвою рукою и приложенною плоскостію своею къ животу. Самымъ симъ страннымъ обыкновеніемъ своимъ и отличался онъ отъ всѣхъ протчихъ людей и дѣлался примѣтнымъ; и какъ никто не зналъ и сказать мнѣ не могъ, для чего-бъ онъ полою своею всегда животъ прикрывалъ, то и почиталъ я его какимъ-нибудь чудакомъ или сумасшедшимъ. Однако, побывавъ у него, мысли свои объ немъ весьма перемѣнилъ и инако сталъ думать.

Случилось сіе ненарочнымъ образомъ. Однажды повстрѣчался я съ нимъ не одинъ, а идучи вмѣстѣ съ помянутымъ господиномъ Орловымъ, графомъ Шверинымъ и еще однимъ нашимъ порутчикомъ, человѣкомъ богатымъ и также весьма любопытнымъ, и великимъ охотникомъ до наукъ, называющимся Ѳедоромъ Богдановичемъ Пассекомъ. Господамъ симъ былъ

онъ болѣе знакомъ, нежели мнѣ, а особливо графу Шверину. Сей послѣдней не успѣлъ его завидѣть, какъ, протягивая ему руку, возопилъ: «Ахъ, господинъ полковникъ! милая, любезная старина! все ли вы находитесь еще въ добромъ здоровьѣ? Такъ давно уже объ васъ не слыхать», продолжалъ онъ, пожимая ему руку: «все ли вы еще живы; все ли по прежнему упражняетесь въ своихъ хитростяхъ и искуствахъ; въ добромъ ли здоровьѣ всѣ ваши машины и инструменты?» — Старичокъ усмѣхнулся на сіе, пожалъ дружески графу руку и сказалъ: — Въ добромъ, въ добромъ, господинъ графъ! и всѣ къ вашимъ услугамъ. — «О, когда такъ», подхватилъ графъ, «то не можно ли опять здѣлать мнѣ удовольствіе и показать ваши упражненія! У насъ есть, сударь, люди», продолжалъ графъ, «которые охотно хотѣли-бъ оныя видѣть».—Сими словами цѣлилъ онъ на товарищей своихъ Орлова и Пасека. Сему послѣднему въ особливости сего хотѣлось и онъ давалъ ему взорами знать, чтобъ убѣдилъ онъ старика учинить сіе тогда же, и показать намъ всѣ свои хитрости; а графу не великаго труда стоило преклонить къ тому престарѣлаго артиста. Старикъ хотя и поупорствовалъ нѣсколько, извиняясь недосугами своими, а отчасти говоря, что и всѣ нынѣшнія его упражненія не такъ важны, чтобъ стоило ихъ смотрѣть; но, по просьбѣ графа, принужденъ онъ былъ на то согласиться и повесть насъ къ себѣ въ домъ, въ ту-жъ самую минуту.

По приведеніи къ оному хотѣлъ-было онъ насъ ввести въ нижнія свои жилыя комнаты и напередъ чѣмъ-нибудь угостить; но графъ и товарищи его не восхотѣли того и говорили, что не за тѣмъ къ нему пришли, чтобъ его озабочивать угощеніемъ, а хотятъ, чтобъ велъ ихъ прямо въ свою рабочую и мастерскую комнату, и тогда почти нехотя принужденъ былъ нашъ старикъ лѣзть вверхъ по крутой лѣс(т)ницѣ и просилъ насъ послѣдовать за нимъ. Тутъ нашли мы превеликую комнату, заставленную и загромощенную всю множествомъ всякаго рода машинъ, орудій и инструментовъ. Не было почти нигдѣ празднаго мѣста, и мы съ трудомъ могли протѣсниться къ маленькому столику, стоявшему подлѣ окна и самому тому, за которымъ онъ болѣе сиживалъ и въ дѣлахъ своихъ упражнялся. Онъ началъ тотчасъ суетиться и, приискивая послѣднія свои работы, показывать гостямъ, а я, между тѣмъ, имѣлъ нѣсколько минутъ свободнаго времяни для обозрѣнія его комнаты и всѣхъ вещей, въ ней находящихся.

Не могу изобразить, съ какимъ ненасытно-любопытнымъ окомъ перебѣгалъ я съ одного предмета на другой, и съ какою жадностью пожиралъ все своими глазами. Превеликое множество находилось тутъ такихъ вещей, какихъ я еще отъ роду не видывалъ и о которыхъ не имѣлъ еще никакова понятія. Были тутъ токарные разныхъ манеровъ станки, были полировальныя машины, было множество разныхъ физическихъ, оптическихъ, математическихъ и механическихъ инструментовъ и орудій. Была огромная библіотека, множество всякаго рода зрительныхъ трубъ, зажигательныхъ зеркаловъ, микроскоповъ, глобусовъ, картъ, естамповъ, разложенныхъ книгъ и развѣшенныхъ по стѣнамъ желѣзныхъ пилъ, долотъ, рѣзцовъ и всякаго рода рабочихъ орудіевъ и инструментовъ. Все сіе составляло для меня новое и такое зрѣлище, котораго я не могъ довольно насмотрѣться; и хотя всѣ сіи многочисленныя вещи стояли, лежали и висѣли тутъ безъ всякаго малѣйшаго порядка, всѣ были запылены и не въ приборѣ, всѣ разметаны почти кое-какъ, но я любовался ими болѣе, нежели драгоцѣнными убранствами, и охотно-бъ согласился пробыть у него цѣлой день и все перебирать и пересматривать, естли-бъ только то было мнѣ можно и когда-бъ только хозяинъ согласился мнѣ все показывать и обо всемъ разсказывать подробно. Но, къ крайнему моему сожалѣнію, сего-то самаго и учинить было не можно. Я составлялъ самую меньшую и всѣхъ маловажнѣйшею особу изъ посѣтителей, и потому принужденъ

былъ довольствоваться тѣмъ только, что показывано было моимъ товарищамъ, и слышаніемъ того, что хозяинъ говорилъ съ ними; со мною же не удалось ему и одного слова промолвить, ибо время было такъ коротко и поспѣшеніе товарищей моихъ такъ велико, что ему не удалось и самимъ имъ сотой доли изъ всего того показать, что онъ имѣлъ и что бы мнѣ видѣть и узнать хотѣлось. Къ вящей же досадѣ моей, и о самыхъ тѣхъ вещахъ, которыя онъ успѣлъ имъ показать, говорено было въ такую скользь и такъ коротко, что я ничего почти понять не могъ. Сіе въ состояніи было любопытство мое только возбудить, а нимало не удовольствовать, и я съ крайнимъ нехотѣніемъ пошолъ вслѣдъ за товарищами своими, спѣшившими тогда иттить въ гости, и помышлялъ уже отстать отъ нихъ и воротиться къ милому и почтенному старичку, чтобъ познакомиться съ нимъ короче; но и сіе мнѣ не удалось. Старикъ вышелъ вслѣдъ за нами со двора и замкнулъ свою комнату, а что всего мнѣ было досаднѣе, что сколько ни ласкался я надеждою познакомиться съ нимъ впредь и убѣдить его прозьбою показать мнѣ и растолковать все, и какъ ни надѣялся узнать и научиться отъ него многому, но мнѣ съ сего времяни не удалось его болѣе и видѣть. Ему случилось вскорѣ послѣ того уѣхать куда-то къ родственникамъ своимъ въ деревню, и тамъ, какъ послѣ я услышалъ, окончилъ онъ жизнь свою.

Совсѣмъ тѣмъ случай сей произвелъ мнѣ много пользы. Я не только получилъ о многихъ незнакомыхъ мнѣ до того вещахъ нѣкоторое понятіе, но снискалъ чрезъ то знакомство съ помянутымъ г-мъ Пассекомъ, бывшимъ до того мнѣ незнакомымъ; ибо какъ они во все обратное свое путешествіе безпрестанно говорили о семъ старикѣ, превозносили похвалами его любопытство и трудолюбіе и дивились множеству его машинъ и инструментовъ, то вмѣшался и я въ ихъ разговоръ. А при семъ случаѣ не успѣлъ я изъявить сожалѣнія своего о томъ, что они недолго у него пробыли, и что мнѣ не удалось многова такова видѣть, что узнать весьма бы мнѣ хотѣлось, какъ самое сіе и побудило г-на Пассека познакомиться со мною короче. Сей былъ изъ всѣхъ ихъ любопытнѣйшимъ, и какъ онъ таковое-жъ любопытство примѣтилъ и во мнѣ, то сіе и побудило его узнать меня покороче: почему и свелъ онъ со мною тотчасъ знакомство, и разставаясь, просилъ меня приттить когда-нибудь къ себѣ, говоря, что когда я такъ любопытенъ, то и онъ можетъ показать мнѣ что-нибудь достойное моего зрѣнія и любопытства.

Сего я и непремінулъ чрезъ нѣсколько дней послѣ того здѣлать, и могу сказать, что посѣщеніемъ симъ былъ крайне доволенъ. Я нашолъ у него то, чего я всего меньше ожидалъ. Онъ былъ хотя простой порутчикъ въ нашей службѣ, находившейся тогда тутъ по нѣкакой порученной ему комисіи, но я не зналъ, что онъ имѣлъ великой достатокъ, былъ знаменитъ родомъ, знакомъ между большими господами и употреблялъ тогда множество денегъ на доставаніе драгоцѣнныхъ книгъ, всякихъ машинъ и инструментовъ. Я нашолъ у него первыхъ нарочитое уже собраніе, а изъ послѣднихъ никоторая меня такъ не удивила и не удовольствовала, какъ электрическая. У него-то въ первой разъ отъ роду случилось мнѣ увидѣть сію чудную машину, здѣлавшуюся потомъ мнѣ столь много извѣстною, и онъ-то подалъ мнѣ объ ней первѣйшее понятіе. Нельзя изобразить, съ какимъ любопытствомъ я ее тогда разсматривалъ и какъ много удивили меня получаемыя отъ ней искры и удары, также и другіе разные дѣлаемые ею експерименты. Машина сія была у него хотя староманерная, съ малымъ пузыремъ и большимъ колесомъ для вращенія, и предъ нынѣшними весьма еще несовершенная и занимавшая собою почти цѣлую комнату, однако стоившая ему не малыхъ денегъ и производившая очень сильное и хорошее дѣйствіе. Она мнѣ такъ полюбилась, что я разславилъ ее между всѣми моими знакомыми, и не проходило почти недѣли, въ которую бы я у него

не побывалъ и не приводилъ съ собою многихъ другихъ для смотрѣнія какъ оной, такъ и микроскоповъ и другихъ физическихъ инструментовъ, а особливо воздушнаго насоса, которые онъ также имѣлъ и съ особливымъ удовольствіемъ намъ опыты свои показывалъ. Но жаль, что пребываніе сего человѣка у насъ въ Кёнигсбергѣ было не долговремянно: онъ тѣмъ же лѣтомъ отъ насъ отбылъ и я съ того времяни его уже не видалъ. Онъ былъ родной братъ тому Пассеку, которой былъ послѣ намѣстникомъ въ Смоленскѣ.

Около самаго того-жъ времяни спознакомился я и съ другимъ нашимъ офицеромъ, которой служилъ капитаномъ, но не въ полевыхъ полкахъ, а въ артилеріи. Звали его Иваномъ Тимофѣевичемъ, и былъ онъ изъ фамиліи господъ Писаревыхъ, и уроженецъ изъ самаго того Каширскаго уѣзда, изъ котораго и я былъ, слѣдовательно, былъ прямой мой землякъ и сосѣдъ по деревнямъ и одинъ изъ потомковъ того самаго Писарева, которой, вмѣстѣ съ предкомъ моимъ, Еремеемъ Гавриловичемъ, находился въ полону у татаръ крымскихъ и о которомъ упоминалъ я при началѣ моей исторіи. Сему человѣку случилось по дѣламъ нѣсколько разъ бывать у насъ въ канцеляріи и со мною кой-о-чемъ разговаривать; и какъ онъ во мнѣ, а я въ немъ примѣтилъ во многомъ одинакія склонности и согласіе въ мысляхъ, то сіе не только познакомило, но и сдружило насъ очень скоро. Онъ полюбилъ меня отмѣнно, а и я почувствовалъ къ нему не только любовь, но и самое почтеніе, чего онъ былъ и достоинъ. Онъ былъ гораздо меня старѣе, любилъ читать книги, почитался степеннымъ и порядочнымъ человѣкомъ, пріобрѣлъ отъ всѣхъ къ себѣ почтеніе и не любилъ говорить о бездѣльѣ, а все о дѣлахъ и дѣлахъ хорошихъ и слушанія достойныхъ; а поелику и я не менѣе любилъ упражняться въ такихъ же разговорахъ, то самое сіе и связало насъ дружествомъ, продолжавшимся многіе годы сряду. Однако, около сего времяни было знакомству нашему только первѣйшее начало, ибо вскорѣ послѣ того отъѣхалъ онъ въ армію.

Что касается до канцелярскихъ моихъ знакомыхъ, то и къ нимъ прибавилось около сего времяни еще двое; ибо какъ письменныя дѣла стали часъ отъ часу умножаться, по притчинѣ, что генералу нашему поручены и всѣ бывшія въ Прусіи войски въ команду, то нужна была для сего особая воинская експедиція, а потому для управленія оною и опредѣлены были два офицера: одинъ порутчикъ Козловъ, по имени Сава Константиновичъ, мужикъ толстой, простой, но довольно изрядной и меня скоро полюбившей, а другой подпорутчикъ Наседкинъ, вышедшей въ офицеры изъ полковыхъ писарей и составлявшей самую приказную строку. Почему съ симъ человѣкомъ имѣлъ я только шапочное знакомство, ибо характеры наши были слишкомъ между собою различны; къ тому-жъ и по дѣламъ не было у меня съ нимъ никакой связи, да и сидѣли оба они въ другихъ и сѣньми отъ насъ отдѣленныхъ покояхъ, а сверхъ того и не обѣдывали съ нами вмѣстѣ у генерала, а хаживали на свои квартиры.

Кромѣ всѣхъ вышеописанныхъ упражненій, имѣлъ я въ сіе лѣто еще одно особливое. Молодежи нашей восхотѣлось ко всѣмъ обыкновеннымъ увеселеніямъ присовокупить еще одно, а имянно составить россійской благородной театръ. Къ сему побудились они наиболѣе тѣмъ, что бывшая у насъ зимою банда комедіантовъ уѣхала въ иные города, и театральныя наши зрѣлищы уже съ самой весны пресѣклись и театральной домъ стоялъ пустъ. Итакъ, вздумалось господамъ нашимъ испытать составить изъ самихъ себя нѣкоторой родъ театра. Первѣйшими заводчиками къ тому были: помянутой господинъ Орловъ, Зиновьевъ и нѣкто изъ пріѣжжихъ и тогда тутъ жившей, по фамиліи господинъ Думашневъ. Не успѣли они сего дѣла затѣять и назначить для перваго опыта одну изъ нашихъ трагедій, а имянно «Демофонта», какъ и стали набирать людей кому бы вмѣстѣ съ ними представлять оную. Но сіе не такъ легко

можно было имъ учинить, какъ они сперва думали. Людей надобно было много, а способныхъ къ тому находили они мало. Тѣ, которые бы могли согласиться, были неспособны, а изъ способныхъ не всякой хотѣлъ отважиться на сіе дѣло и воспріять на себя не только великое бремя, но и самовольно подвергнуться потомъ критикѣ и сужденіямъ. Мнѣ здѣлано было предложеніе отъ нихъ еще съ самаго начала и одному изъ первыхъ, но я самъ долго боролся самъ съ собою и не имѣлъ столько духа, чтобъ на сіе необыкновенное для меня дѣло отважиться, и не прежде на желаніе ихъ согласился, какъ по многой и усиленной отъ всѣхъ ихъ прозьбѣ. Правда, я имѣлъ къ тому уже нѣкоторое приготовленіе. Въ предслѣдующихъ письмахъ упоминалъ я вамъ, что, стоючи еще въ Эстляндіи на зимнихъ квартирахъ, полюбилъ я трагедію «Хоревъ» и не только ее почти всю наизусть выучилъ, но научился порядочно и декламировать рѣчи; и потому дѣло сіе было мнѣ отчасти уже знакомо, а сіе много и помогло тому, что я согласился взять на себя одну ролю. Совсѣмъ тѣмъ, какъ мнѣ никогда еще не случалось видѣть представленій россійскихъ трагедій, то дѣло сіе, а особливо по несмѣлости и застѣнчивости моей, казалось мнѣ очень дико, и естли-бъ не помогло къ тому нѣсколько то, что въ минувшую зиму неоднократно случалось мнѣ видать нѣмецкія трагедіи, то едва-ль бы я далъ себя къ тому уговорить.

Коликаго труда стòило имъ набрать мущинъ, толикого-жъ, или несравненно множайшаго требовалось къ отъисканію способныхъ къ тому женщинъ. Надобны были для трагедіи сей двѣ и, къ нещастію, обѣ молодыя, а мы изъ всѣхъ бывшихъ въ Кёнигсбергѣ русскихъ госпожъ не могли отъискать ни единой. Наконецъ, съ великимъ трудомъ уговорена была къ тому бригадирша Розенша, пребывавшая тогда въ Кёнигсбергѣ. Боярыня сія была русская, но уже не молодая, а что всего хуже — дородная и совсѣмъ неспособная къ представленію любовницы. Но нужда чего не дѣлаетъ: мы и той уже были рады; но какъ другой не могли никакъ отъискать, то рѣшились, чтобъ употребить къ тому молодого мущину. Къ сему избранъ былъ одинъ изъ товарищей нашихъ, а имянно упоминаемой мною прежде родственникъ и товарищъ г. Орлова, г. Зиновьевъ. Молодость, нѣжность, хорошей станъ и самая красота лица сего молодого, любви достойнаго человѣка, побудила всѣхъ упросить его взять на себя ролю любовницы, и какъ онъ на то согласился, то для бригадирши Розенши опредѣлена была роль наперстницы, чѣмъ она была и довольна.

Симъ образомъ, набравши всѣхъ потребныхъ къ тому людей, принялись мы за дѣло. Тотчасъ росписаны и розданы были всѣмъ роли, и тотчасъ начали всѣ ихъ учить и твердить наизусть. Мнѣ досталась нарочито великая, однако я прежде всѣхъ вытвердилъ. Не могу и понынѣ еще безъ смѣха вспомнить, какъ много занимала меня сія роля и съ какимъ рвеніемъ и тщаніемъ я ей учился. Не однажды бывало, что я, запершись одинъ въ своей квартерѣ, прокрикивалъ по нѣскольку часовъ сряду, ходючи взадъ и впередъ по свой комнатѣ; не однажды случалось, что и въ самую ночь, вмѣсто спанья, протверживалъ я выученное и старался тверже и тверже впечатлѣть все въ память. Когда же я дѣло свое кончилъ и всю свою ролю выучилъ, то чувствуемое мною удовольствіе я уже никакъ изобразить не могу. Я возмечталъ о себѣ невѣдомо что и начиналъ уже самъ турить товарищей своихъ, чтобъ они скорѣй роли свои вытверживали; ибо какъ о себѣ я уже ни мало не сомнѣвался, но надѣялся твердо, что я ролю свою сыграю хорошо, то пылалъ я уже нетерпѣливостію, чтобъ начатое нами дѣло скорѣе совершилось. Однако, не то вышло, что̀ мы думали и чего ожидали. Обстоятельствамъ вздумалось вдругъ перемѣниться; произошли нѣкоторыя несогласія между соучастниками въ семъ предпріятіи, и вся наша пышная и великолѣпная затѣя, какъ мыльной пузырь, лопнула и такъ рано, что многіе еще

и половины своихъ роль не успѣли вытвердить.

Не могу изобразить, съ какимъ чувствительнымъ огорченіемъ узналъ я о семъ нечаянномъ всего нашего дѣла разрушеніи. Я получилъ извѣстіе о томъ отъ г-на Орлова. «Знаешь-ли, Болотенко, мой другъ, какое горе!» сказалъ онъ мнѣ, пришедши однимъ утромъ къ намъ и меня обнимая: «вѣдь дѣлу-то нашему не бывать и оно разрушилось!»—И! что ты говоришь?—воскликнулъ я, поразившись:—возможно ли? — «Точно такъ», продолжалъ онъ: «и ты мой другъ, уже болѣе не трудись и роли своей не тверди.»—Вотъ хорошо!—возопилъ я:—роли своей не учи; да она у меня уже давно выучена, и поэтому всѣ труды и старанія мои были напрасны; спасибо!—«Ну, что дѣлать, голубчикъ! такъ уже и быть; я самъ о томъ горюю, у меня и у самого было много выучено; но что дѣлать, произошли обстоятельства и обстоятельства такія, что намъ теперь и помышлять о томъ болѣе уже не можно». — Но какія же такія? спросилъ я. — «Ну, какія бы то ни были», сказалъ онъ: «мнѣ сказать тебѣ того не можно, а довольно, что дѣло кончилось, и ему не бывать никогда». Сказавъ сіе, побѣжалъ онъ отъ меня какъ молнія, такъ что я остался въ превеликомъ изумленіи и на него досадѣ. Совсѣмъ тѣмъ онъ былъ въ разсужденіи сего пункта такъ скроменъ, что я и послѣ, сколько ни старался, но не могъ никакъ узнать ни отъ него, ни отъ другихъ о истинной тому причинѣ. Всѣ протчіе отговаривались, что сами не знаютъ, а онъ зналъ, а говорилъ только всѣмъ, что ему сказать не можно: почему и остался я въ совершенномъ невѣдѣніи, что̀ собственно разрушило сіе наше предпріятіе, и не знаю того даже и понынѣ.

Вскорѣ послѣ сего случилось мнѣ, вмѣстѣ съ ними-жъ и съ помянутою госпожею, бригадиршею Розеншею, быть въ кёнигсбергской жидовской синагогѣ или сонмищѣ, и видѣть ихъ богослуженіе. Зрѣлище сіе было для меня новое и никогда еще до сего времяни невиданное, и я смотрѣлъ оное съ особливымъ любопытствомъ и вниманіемъ.

Знатность бригадирши Розеншн и графа Шверина были причиною тому, что не воспрепятствовано было намъ войтить въ сей домъ молитвы въ самое то время, когда отправлялось у нихъ богослуженіе и все сіе зданіе наполнено было множествомъ народа. Было сіе во время самой Петровской ярмонки и тогда, когда весь городъ наполненъ былъ многими сотнями жидовъ польскихъ. Синагога была каменная, нарочитаго пространства и могла помѣщать въ себѣ множество людей. Мы нашли ее уже всю наполненную народомъ, но не отправляющимъ еще свое служеніе, и какъ мнѣ въ сей разъ удалось видѣть оное съ самаго начала до конца, то и могу я описать какъ оное, такъ и самую синагогу въ подробности.

Зданіе сіе составляло порядочной продолговатой четвероугольникъ и снаружи украшено (было) немногими архитектурными украшеніями, но безъ всякаго сверху купола или какова возвышенія сверхъ кровли; внутри же не имѣло ни малѣйшаго украшенія. Все встрѣтившееся съ зрѣніемъ нашимъ при входѣ состояло въ единомъ только возвышенномъ, аршина на полтора отъ полу, осьмиугольномъ амбонѣ, здѣланномъ посреди сего дома и огороженнаго вверху низенькимъ парапетцомъ. Весь сей амбонъ не имѣлъ болѣе четырехъ аршинъ въ діаметрѣ, и для всхода на него снабденъ съ боковъ двумя лѣсенками по ступенямъ. По обѣимъ сторонамъ сего амбона подѣланы были сплошныя лавки для сидѣнія, такія точно, какія дѣлаются въ церквахъ лютеранскихъ, съ тою только разностію, что стѣнки, преграждающія оныя, были повыше и такой пропорціи, чтобъ стоящему въ лавкахъ человѣку можно было объ нихъ облокотиться. Сими лавками загражденно было все внутреннее пространство сего зданія и проходъ оставленъ былъ только въ серединѣ, шириною аршина на три; также было нѣсколько просторнаго мѣста и впереди, гдѣ въ протчихъ церквахъ дѣлается обыкновенно олтарь, но въ жидов-

сихъ синагогахъ тутъ ничего не было похожаго на олтарь или на престолъ, и сіе потому, что синагога ихъ не есть собственно ихъ церковь или храмъ, котораго они нигдѣ не имѣютъ, а единственно только родъ дома, назначеннаго для сходбища евреевъ, для воспѣванія хвалебныхъ пѣсней и псалмовъ Богу и для поученія себя чтеніемъ священнаго писанія. Почему и здѣланъ у нихъ въ передней стѣнѣ, между оконъ, нѣкоторой родъ небольшого внутри стѣны шкапа или ниша, завѣшеннаго небольшою занавѣскою, и тутъ хранятся у нихъ книги ихъ священнаго писанія ветхаго завѣта, написанныя, по древнему обыкновенію, на пергаментныхъ свиткахъ. Въ сихъ двухъ или трехъ вещахъ, то-есть амбонѣ, лавкахъ и шкапѣ состояли всѣ внутреннія украшенія синагоги ихъ, а четвертую вещь составляли просторные хоры, здѣланные у задней стѣны при входѣ, сокрытые со стороны отъ синагоги столь частою рѣшоткою, что не можно было никакъ всѣхъ стоящихъ на хорахъ видѣть. Хоры сіи, составляющіе совсѣмъ особое отдѣленіе и неимѣющіе со внутренностію синагоги никакова сообщенія, назначены у нихъ для женщинъ, и какъ сіи не должны у нихъ никогда входить туда, гдѣ стоятъ и сидятъ мущины, то и входъ на сіи хоры здѣланъ особой и не снутри, а снаружи зданія.

Мы нашли всѣ помянутыя лавки наполненныя сидящими людьми, изъ которыхъ иные были съ отверстыми главами, а другіе имѣли ихъ покрытыя нѣкоего рода шолковыми разноцвѣтными фатами или покрывалами. Всѣ сидѣли съ крайнимъ благоговѣніемъ и кротостію, и не было во всемъ сонмищѣ ни малѣйшаго шума и крика. Насъ провели и поставили посреди нѣ подлѣ самаго помянутаго амбона, и тутъ произошло у насъ нѣчто смѣшное. Помянутая бывшая съ нами бригадирша Розенша, не зная, не вѣдая на что у нихъ здѣланъ былъ помянутой амбонъ, а щитая оной ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ для знатныхъ особъ, слѣдовательно и для стоянія и себѣ приличнѣйшимъ и спокойнѣйшимъ, и будучи столь неблагоразумна, что, и не спросивъ никого, вздумала вдругъ взойтить на оной и занять себѣ мѣсто. — Боже мой! какой здѣлался въ самую ту минуту во всей синагогѣ шумъ, ворчанье, ропотъ и негодованье! Всѣ обратили на нее глаза свои и многіе поскакали даже съ мѣстъ своихъ и не знали, что̀ дѣлать. Для нихъ и то уже было крайне прикро (?) и непріятно, что одна женщина дерзнула войтить въ ихъ сонмище. Они и на то смотрѣли уже косыми глазами, но, по знатности ея, не смѣли воспрекословить; но увидѣвъ ее взошедшею на мѣсто, которое почитали они священнѣйшимъ, пришли въ крайнее смущеніе и безпокойство. Нѣсколько человѣкъ, и какъ думать надобно, изъ ихъ старѣйшинъ, безъ памяти почти подбѣжали къ намъ, стоящимъ на полу подлѣ амбона, и наижалобнѣйшимъ и униженнѣйшимъ образомъ, кланяясь и указывая на бригадиршу, просили насъ уговорить ее сойтить долой. «Ахъ! царскіе же, царскіе добродѣи!» говорили они намъ, прижимая къ сердцамъ своимъ руки: «ахъ, это не треба! это не треба!» Но мы не допустили ихъ долго безпокоиться и шепнули госножѣ бригадиршѣ, чтобъ изволила она сойтить внизъ; но она и сама, примѣтивъ волненіе, произведенное ею во всемъ сборищѣ, была столь благоразумна, что сошла тотчасъ внизъ и вѣжливымъ образомъ просила себя извинить въ томъ, предлагая свое незнаніе, и сіе успокоило тотчасъ все собраніе.

Вскорѣ послѣ сего началось у нихъ богомоліе. Оное состояло въ пѣніи псалмовъ всѣмъ собраніемъ на еврейскомъ языкѣ. Но тутъ не только госножа бригадирша, но чуть-было и всѣ мы не надѣлали крайняго дурачества. Всѣмъ намъ превеличайшаго труда стоило, чтобъ удержать себя отъ смѣха и отъ того, чтобъ не захохотать во все горло: такъ смѣшно показалось намъ ихъ богомолье. Оно и подлинно имѣло въ себѣ, а особливо для насъ, не привыкшихъ подобное тому видать, много чрезвычайнаго и смѣшного. Не успѣлъ главной ихъ равинъ затянуть

пѣніе своего псалма, какъ всѣ сидѣвшіе въ лавкахъ повскакали съ своихъ мѣстъ и, покрывшись своими покрывалами, здѣлались власно какъ сумасшедшими; они топали ногами, махали руками, кривлялись всѣмъ тѣломъ, качали головами и, въ самое тожъ время, произносили такіе странные визги, вопли и крики, что мы принуждены были почти зажать свои уши, чтобъ избавить слухъ свой отъ такой странной и необыкновенной музыки. Однимъ словомъ, шумъ, крикъ и вопль здѣлался во всей синагогѣ столь превеликой и кривлянье всѣхъ было столь странно и смѣшно, что нѣкоторые изъ насъ дѣйствительно не могли никакъ удержаться отъ смѣха; да и для протчихъ зрѣлище сіе было крайне поразительно, и мы не перестали тому дивиться до тѣхъ поръ, пока не растолковали намъ, что, по еврейскому закону, долженствуетъ Бога хвалить не только устами своими, но и всѣми членами, и что видимое нами кривлянье и стучанье ногами и руками есть производство сей священной должности.

Сіе успокоило насъ нѣсколько и принудило спокойно дождаться конца сего крайне нескладнаго и противнаго для слуха пѣнія. Послѣ сего увидѣли мы, что дѣлано было пріуготовленіе къ нѣкакой процесіи или ходу. Нѣсколько человѣкъ, вышедши изъ своихъ лавокъ, построились съ благоговѣніемъ рядомъ предъ помянутымъ шкафомъ. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что будетъ, и увидѣли потомъ старшаго равина, подошедшаго съ почтеніемъ къ шкапу, отдернувшаго занавѣску и съ превеликимъ благоговѣніемъ вынимающаго оттуда свитки священнаго писанія, написанные на пергаментѣ и обернутые въ дорогіе штофы. Онъ возлагалъ оные на головы подходящихъ къ нему помянутыхъ людей и принимающихъ оныя съ великимъ почтеніемъ. Потомъ, въ предшествіи его самого, понесли они ихъ одинъ за другимъ процесіею вокругъ всѣхъ лавокъ, и взнесли потомъ на помянутой амбонъ. Тутъ приготовленъ уже былъ нѣкоторой родъ низенькаго столика, покрытаго драгоцѣнною матеріею. На семъ развертывали они одинъ свитокъ за другимъ и по нѣскольку времяни читали въ каждомъ изъ нихъ писаніе во все горло и торкая пергаментъ страннымъ образомъ превеликими раззолоченными указками, точно такими, какія употребляются въ нашихъ простыхъ школахъ учащимся грамотѣ ребятишками, но только несравненно величайшими. Сіе зрѣлище было для насъ также забавно и увеселяло насъ даже до смѣха. Но каково ни трудно было намъ воздерживаться отъ смѣха, а особливо видя ихъ смѣшное указываніе, однако мы имѣли столько духа, чтобъ дождаться конца сего страннаго и съ превеликимъ кривляньемъ, коверканьемъ, взываньемъ и вопіяньемъ соединеннаго чтенія. По окончаніи онаго отнесены были сіи свитки съ такою-жъ церемоніею и при всеобщемъ пѣніи опять назадъ и положены по прежнему въ шкафъ и задернуты занавѣскою, а тѣмъ и кончилось все богомолье и всѣ стали расходиться по домамъ, что увидя, вышли и мы изъ сего жидовскаго сонмища, поблагодаривъ напередъ старѣйшихъ за доставленное намъ удовольствіе.

Симъ кончилась тогда наша прогулка; и какъ письмо мое уже велико, то окончу я симъ и оное, сказавъ вамъ, что я есмь вашъ и протчая.

НОВАЯ КВАРТИРА.

Письмо 74.

Любезной пріятель! Продолжая далѣе мое повѣствованіе, скажу теперь, что къ достопамятностямъ сего-жъ лѣта принадлежитъ и то, что я въ оное получилъ себѣ новую и лутчую квартиру, слѣдовательно, перешолъ уже на четвертую. Правда, не совсѣмъ дурна была и та, на которой я стоялъ, однако, какъ она была не слишкомъ близка отъ замка, и ежедневная ходьба въ нее мнѣ наскучила, а особливо въ дождливое осеннее и зимнее время; сверхъ того, находясь въ глухомъ переулкѣ, была она и скучновата, а мнѣ, какъ находившемуся тогда при губернаторѣ и что-нибудь уже значущему,

хотѣлось имѣть квартиру сколько-нибудь уже и полутче. Итакъ, я до тѣхъ поръ не давалъ покою нашему плацъ-маіору, покуда онъ мнѣ не отвелъ новой и самой той, которая была у меня на примѣтѣ. Въ ней стоялъ до того одинъ нашъ армейской поручикъ изъ фамиліи Челищевыхъ, а по имени Иванъ Егоровичъ, самой тотъ, которой послѣ того былъ въ Тулѣ въ уголовной палатѣ совѣтникомъ. И какъ мы съ нимъ были знакомы и пріятели, то по самому сему случаю и узналъ я сію квартиру и съ нетерпѣливостію дожидался того времяни, какъ онъ отправится въ армію. Сіе воспослѣдовало въ началѣ сего лѣта, и тогда не медлилъ я болѣе ни одной минуты, но тотчасъ на нее перебрался.

Съ квартирою сею сопряжены были для меня многія выгоды и никоторою изъ всѣхъ прежнихъ я такъ доволенъ не былъ, какъ сею послѣднею; ибо, во-первыхъ, была она всѣхъ прежнихъ ближе къ замку, и не далѣе саженъ двухъсотъ отъ онаго; во-вторыхъ, стояла въ улицѣ хотя маленькой, но такой, по которой много было ходьбы и ѣзды, а особливо для гулянья по садамъ, слѣдовательно, не скучной. Домикъ былъ хотя небольшой, но весёленькой и теплой. Весь верхней этажъ онаго ассигнованъ былъ для меня, и хотя и весь оной состоялъ только изъ двухъ комнатъ и небольшихъ сѣнецъ, однако для меня было сего довольно и предовольно. Въ одномъ и просторнѣйшемъ изъ помянутыхъ покойцевъ расположился я самъ, и онъ составлялъ у меня и спальню, и переднею и все и все, а другой боковой и гораздо тѣснѣйшей опредѣлилъ я для своего младшаго слуги Аврама и для своего багажа: тутъ былъ мой сундукъ и вся прочая рухлядь. Обѣ сіи комнаты были чистёхонько прибраны, были бѣленькія и снабженныя довольнымъ количествомъ столиковъ и стульевъ, а болѣе сего мнѣ было и не надобно. Видъ изъ дома и оконъ моихъ простирался въ одну сторону въ маленькой плодоносной садикъ, принадлежащей къ сосѣдственному дому, котораго плодовитыя деревья верхами своими простирались даже до самыхъ моихъ оконъ, и къ онымъ почти прикасались, а въ другую — на улицу и чрезъ оную въ прекрасной регулярной, и убранной бесѣдками и партерами садъ, принадлежащей къ большому каменному дому, находившемуся за улицою почти противъ моей квартиры. Сей садъ въ особливости меня увеселялъ. Онъ находился въ такой близости и въ такомъ положеніи, что я могъ весь его обозрѣвать и видѣть всѣхъ въ немъ гуляющихъ и все въ немъ происходящее и находившееся. Самые цвѣты, которыми въ множествѣ усажены были рабатки въ партерахъ, видны мнѣ были до единаго, а запахъ отъ духовитыхъ травъ и цвѣтовъ достигалъ даже до моихъ оконъ, а особливо въ вечернее время. Не одинъ разъ видалъ я въ ономъ цѣлыя компаніи провождающихъ въ прогулкахъ свое время, а иногда сидящаго въ стоячей прямо противъ окна моего полубесѣдкѣ и въ уединеніи читающаго книгу молодого человѣка. Въ иное же время прихаживало туда все семейство того дома и пило чай съ гостями своими. Въ третью сторону хотя изъ оконъ квартеры моей и не было вида, но за то изъ сѣнецъ моихъ былъ проходъ въ нѣкоторой родъ галерейки, придѣланной съ боку къ моему этажу, и изъ которой открывалось напріятнѣйшее для глазъ зрѣлище. Домикъ сей стоялъ на самомъ почти берегѣ того большого и видъ озера имѣющаго пруда, которой находится посреди сего города и о которомъ я имѣлъ уже случай упоминать. Весь противоположной берегъ украшенъ былъ сплошными и одну почти связь составляющими каменными домами. Всѣ они были о нѣсколько этажей, всѣ раскрашены разными красками, всѣ стояли стѣнами своими вплоть къ водѣ, такъ что вода омывала ихъ стѣны и можно было пріѣзжать на лодочкахъ и шлюпкахъ къ самымъ крыльцамъ. Словомъ, по случаю округлости сего берега, составляли они собою наивеликолѣпнѣйшей амфитеатръ, а особливо въ тихую погоду, когда въ гладкой поверхности воды всѣ они и въ ней изображались превратъ-

но, власно какъ въ зеркалѣ. Великое множество оконъ, которыми сіи зданія испещрены были, и разноцвѣтные зонтики, которые отъ многихъ изъ нихъ во время солнца откидывались, придавали картинѣ сей еще болѣе пышности и красы. Не одинъ разъ, выходя, сиживалъ я на сей галерейкѣ и любовался до восхищенія симъ зрѣлищемъ. Не одинъ разъ выносилъ съ собою туда столикъ и по нѣскольку часовъ тутъ въ тѣни, подъ простою кровелькою, сиживалъ на свѣжемъ воздухѣ и, любуясь красотою мѣста, упражнялся либо въ чтеніи какой-нибудь пріятной и полезной книжки, либо въ писаніи чего-нибудь себѣ въ науку и въ наставленіе. Охота къ писанію начинала уже тогда во мнѣ возрождаться, и я производилъ первѣйшіе тому опыты. Нерѣдко извлекали меня на сію галерейку пріятные звуки гармонической музыки. Такъ случилось, что въ домахъ, окружающихъ сей прекрасной прудъ, жило много людей, имѣющихъ охоту къ музыкѣ и потому нерѣдко увеселяемъ былъ слухъ мой изъ иныхъ оконъ пріятнымъ тономъ флейтраверсовъ, изъ иныхъ волторнъ, изъ иныхъ скрипицъ и другихъ инструментовъ; а часто разъѣжжали и по саму пруду на греблѣ маленькія суденушки съ цѣлыми компаніями людей обоего пола и тѣмъ увеселяли еще болѣе зрѣлище. Нерѣдко утѣшались они въ сихъ плаваніяхъ своихъ музыкою или пѣніемъ пріятныхъ пѣсней. Узенькой и предлинной мостъ, здѣланной только для перехода пѣшихъ черезъ весь прудъ и видимой отъ меня въ лѣвой сторонѣ въ нѣкоторомъ отдаленіи и за нимъ отдаленнѣйшіе берега сего пруда, украшенные множествомъ прекрасныхъ регулярныхъ садовъ и бесѣдками разныхъ фигуръ, построенныхъ на самой почти водѣ, придавали еще болѣе красоты сему мѣсту. Помянутой мостъ никогда почти не случалось мнѣ видать порожнимъ, но всегда находилось на немъ множество взадъ и впередъ идущаго народа. Иногда собирался онъ толпами и, облокотясь о перилы, сматривалъ на сіе озеро и красотами онаго, вмѣстѣ со мною, любовался, или утѣшался пріятною музыкою, слышимою изъ многихъ домовъ, по брегамъ онаго построенныхъ.

При всѣхъ сихъ наружныхъ преимуществахъ имѣла квартира моя еще одно особое, по которое для меня всего было пріятнѣе, а имянно хорошаго хозяина. Онъ былъ хотя мастеровой человѣкъ, рукомесломъ лаешникъ и притомъ весьма посредственнаго достатка, но я довольнѣе имъ былъ, нежели самымъ лутчимъ и богатѣйшимъ гражданиномъ сего города. Ни отъ кого во всемъ Кёнигсбергѣ и во всю мою въ немъ бытность я столько добра не видалъ, какъ отъ сего добродушнаго старичка, и могу сказать, что я имъ и всѣмъ его семействомъ былъ очень доволенъ. Онъ имѣлъ у себя жену старушку, такую же добренькую и тихонькую, каковъ былъ самъ, а протчее его семейство составляли два сына и двѣ дочери: всѣ они были взрослые и всѣ добрые, и первые оба помогали отцу въ работѣ, а обѣ послѣднія матери, и всѣ вообще наблюдали къ родителямъ своимъ особливое почтеніе; но сего они были и достойны. Я не могъ довольно налюбоваться кроткимъ, добродушнымъ и благонравнымъ характеромъ обоихъ стариковъ, и дивился, что нашелъ посреди Кёнигсберга такихъ добрыхъ людей. Но удивленіе мое скоро изчезло, когда я узналъ, что старики мои были не природные прусскіе жители, а уроженцы такой страны, которая наполнена людьми добрыми и честными и которая славится добротою характеровъ своихъ жителей, а именно изъ Швейцаріи.

И подлинно, старики сіи меня удивили отмѣнною своею ко мнѣ благосклонностію. Не успѣлъ я съ ними ознакомиться и раза два у нихъ внизу побывать, и съ ними кое-что, а особливо о Швейцаріи, по-нѣмецки поговорить и препроводить въ разговорахъ съ ними часа по два времяни, какъ они меня отмѣнно и такъ полюбили, какъ бы я ихъ какой родной былъ. Они тотчасъ начали мнѣ дѣлать предложенія за предложеніями, и предложенія такія, которыя толико же были для меня пріятны, колико неожидаемы и удивитель-

ны. Наипервѣйшее состояло въ прозьбѣ, чтобъ я велѣлъ прибрать къ сторонѣ и спрятать всю мою походную постелю съ наволоками, подушками и одѣялами, и предоставилъ бы имъ имѣть о семъ попеченіе, говоря, что я можетъ быть ихъ постелью буду доволенъ. Я удивился такому несвойственному прусакамъ благопріятству и, отговариваясь отъ того изъ учтивости, говорилъ, что я имъ тѣмъ навлеку безпокойство и убытокъ. Однако они сего и слышать не хотѣли, а требовали неотмѣнно, чтобъ я на желаніе ихъ согласился, увѣряя что они тѣмъ не приведутъ и себя и меня ни въ малѣйшей убытокъ. Словомъ, какъ я ни отговаривался, но принужденъ былъ на желаніе ихъ согласиться. И какъ же много удивился я, нашедъ на другой же день у себя прекрасную пуховую постелю, съ чистыми бѣлыми и мягкими подушками и съ прекраснымъ бѣлымъ занавѣсомъ, размытымъ и раскрухмаленнымъ въ прахъ. Не спавъ очень давно или, паче, еще никогда на такихъ мягкихъ постеляхъ, спалъ я сію ночь, какъ въ раю, и хотя притомъ и была та неудобность, что я вмѣсто прежняго одѣяла принужденъ былъ одѣваться и спать подъ другимъ, тонкимъ и мягкимъ пуховикомъ, по ихъ обыкновенію, однако, къ удивленію моему, увидѣлъ, что обыкновеніе сіе не такъ дурно, какъ я себѣ сначала воображалъ, но я привыкъ къ тому не только скоро, но такъ полюбилъ, что предпочиталъ уже панлутчимъ одѣяламъ. Многимъ, несыпавшимъ подъ таковыми пуховиками, покажется сіе странно и невѣроятно, но такъ точно и я сначала думалъ, но опытность мнѣ доказала совсѣмъ тому противное. Мягкость нижняго пуховика и отмѣнная рыхлость верхняго производитъ то, что спать въ постелѣ сей очень спокойно можно и что пуховикъ верхней грѣетъ лутче всѣхъ одѣялъ, а тягости не производитъ ни малѣйшей.

Правда, сначала я уперся-было и не хотѣлъ никакъ ложиться подъ пуховикъ, но хотѣніе угодить желанію моихъ хозяевъ превозмогло мое отвращеніе; а тѣмъ и угодилъ я такъ много моимъ хозяевамъ, что они отмѣнное стараніе прилагали о томъ, чтобъ постеля моя всегда была чиста, бѣла и опрятна. Каждое воскресенье перемѣняли они всѣ наволоки и простыни, а въ каждой мѣсяцъ и самой занавѣсъ моей постели. Я удивился сему ихъ прилежанію, но удивился еще болѣе, когда узналъ, что они все бѣлье свое только два раза въ году мывали. Сіе было для меня сначала непонятно, но послѣ узналъ, что у нихъ запасено такое множество бѣлья всякаго рода, что имъ нѣтъ нужды болѣе двухъ разъ мыть оное въ году; но за то и не допускаютъ они никогда, чтобъ какое-нибудь бѣлье у нихъ слишкомъ замаралось. Когда же придетъ время оное мыть, тогда производятъ они сіе наймомъ, дружно, и упражняются въ томъ уже болѣе двухъ недѣль сряду. Сіе бываетъ обыкновенно въ началѣ весны и при концѣ лѣта. И тогда цѣлой почти лугъ устилаютъ они вымытымъ и бѣлящимся на солнцѣ своимъ бѣльемъ, ибо они не только его моютъ, но и бѣлятъ цѣлой день на солнцѣ, прыская безпрерывно водою. Я удивился, увидѣвъ однажды все семейство моего хозяина въ томъ упражняющееся, и ужаснулся великому множеству бѣлья, одному ихъ дому принадлежавшему.

Сколь много я симъ благопріятствомъ хозяевъ моихъ ни былъ доволенъ, но послѣдующее вскорѣ послѣ того другое и новое предложеніе удивило меня еще болѣе. Добродушные старики мои, увидѣвъ, что я никогда дома не обѣдывалъ, а ввечеру, приходя ночевать домой, довольствовался только самымъ легкимъ и малымъ ужиномъ, за которымъ посылалъ обыкновенно въ ближней трактиръ, восхотѣли и отъ сего труда меня избавить и сказали мнѣ однажды, что они совѣстятся предложить мнѣ, не могу ли я доволенъ быть по вечерамъ ихъ мизирною хлѣбомъ-солью, и что они постараются уже о томъ, чтобы я не былъ никогда голоденъ. Меня поразило сіе предложеніе, и какъ мнѣ извѣстно было, что хлѣбъ и соль ихъ не такъ была мизирна, какъ они говорили,

но они ѣли хорошо и сытно, то совѣстился я принять сіе предложеніе, хотя мнѣ оно было и не противно, и не прежде на то согласился, какъ обѣщавъ имъ за все то заплатить, сколько имъ угодно будетъ. «Хорошо, хорошо, господинъ подпорутчикъ!» сказали они мнѣ на сіе, усмѣхнувшись: «это мы увидимъ, а будьте только нашею хлѣбомъ-солью довольными».

Привыкнувъ издавна уже къ легкимъ и малымъ ужинамъ, имѣлъ я тѣмъ болѣе притчины быть ихъ попеченіемъ о себѣ довольнымъ, что съ сего времяни пользовался я всякой вечеръ несравненно лутчими ужинами, нежели прежде. Они такъ меня полюбили, что оставляли для меня наилутчіе куски и части своей пищи, и не было вечера, въ которой бы не было блюдецъ двухъ или трехъ съ прекраснымъ пеклеваннымъ хлѣбомъ и пріятными кусками ко мнѣ наверхъ приносимо. Словомъ, нерѣдко казалось, что они нарочно для меня готовили кушанье и столь хорошее, что я крайне былъ доволенъ. Сія благосклонность ихъ простерлась впослѣдствіи даже до того, что какъ не имѣли мы болѣе стола у губернаторовъ, то таковымъ же образомъ довольствовали они меня не только ужинами, но и самыми обѣдами; и какъ не было дня, въ которой бы я не получалъ отъ нихъ блюдца по три и по четыре прекрасно изготовленнаго и вкуснаго кушанья, то я не могу довольно изобразить, сколь я много доволенъ былъ съ сей стороны моими хозяевами, которые симъ образомъ кормили не только меня, но и самого слугу моего.

Наконецъ дошло до того, что не восхотѣли они, чтобъ я пилъ и собственно чай свой, но просили меня дозволить и оной присылать ко мнѣ всякое утро. На сіе хотя мнѣ и всего совѣстнѣе было согласиться, но я принужденъ былъ и въ томъ уступить ихъ прозьбамъ и желаніямъ, и съ того времяни пивалъ я по утрамъ всегда прекрасной чай съ сливками, а по воскресеньямъ и самой кофей.

Вотъ какіе добрые люди случились у меня хозяева; я дивился и не понималъ, за что они меня такъ любили и одолжали, и не оставлялъ спрашивать ихъ о томъ нѣсколько разъ; но они зажимали мнѣ всегда ротъ и говорили только, что они мною болѣе довольны, нежели я ими, и за щастіе себѣ почитаютъ, что имѣютъ у себя такова кроткаго, смирнаго и постояннаго постояльца.

Единой недостатокъ, сопряженной съ сею квартирою, состоялъ въ томъ, что у нихъ не было столь просторнаго двора, чтобъ могъ я помѣстить на немъ свою повозку и лошадей; но и сему недостатку пособилъ я тѣмъ, что выпросилъ для лошадей и другова человѣка моего другую квартиру, гдѣ онъ у меня жилъ и питался самъ собою, такъ какъ я упоминалъ о томъ уже въ прежнихъ моихъ письмахъ.

Словомъ, съ перемѣною моей квартиры перемѣнились во многомъ и мои обстоятельства. Я жилъ тутъ весело, спокойно и во всякомъ довольствіи, и не было мнѣ нужды заботиться ни о пищѣ, ни о содержаніи своемъ; но признаться надобно, что чѣмъ ласковѣе и услужливѣе были ко мнѣ хозяева, тѣмъ болѣе старался и я вести себя степеннѣе и постояннѣе и чрезъ то поддерживать ихъ о себѣ хорошее мнѣніе.

Однако, надобно сказать и то, что я около самаго сего времяни сталъ болѣе прилежать къ чтенію нравоучительныхъ, а отчасти и самыхъ философическихъ книгъ, и получилъ къ нимъ часъ отчасу болѣе охоты. Случай и поводъ къ тому въ особливости подала мнѣ самая сія квартира, слѣдовательно, я ей и съ сей стороны много обязанъ. Помянутой случай былъ слѣдующей.

Въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ подлѣ оной была наша походная запасная аптека и при оной одинъ аптекарь, человѣкъ отмѣнно хорошаго характера и свойства, по имяни Германъ. Онъ былъ уроженецъ ревельской и малый умной, постоянной, любившей читать книги и упражняться въ наукахъ. Благодѣтельная и пекущаяся обо мнѣ судьба снискала мнѣ случай съ нимъ познакомиться, и какъ жилъ онъ отъ меня шаговъ только со сто, то хаживалъ я къ нему нерѣдко и въ короткое время здѣ-

лались мы съ нимъ друзьями, сиживали, разговаривали и гуливали вмѣстѣ въ одномъ публичномъ, подлѣ его находящемся, садѣ. При сихъ-то свиданіяхъ съ нимъ разговорились мы однажды о книгахъ. Онъ, узнавъ, что я до нихъ охотникъ, рекомендовалъ мнѣ одну въ особливости, и расхвалилъ мнѣ ее столько, что я въ тотъ же еще день купилъ ее себѣ въ книжной лавкѣ. День сей и понынѣ я еще благословляю и благодарю судьбу за случившееся въ оной со мною, ибо книга сія послужила потомъ основаніемъ всей послѣдующей за симъ моей хорошей философической жизни и была власно какъ фундаментомъ, на которомъ начало основываться все зданіе моего спокойствія и благополучія сей жизни. Достопамятная сія книга была извѣстное въ свѣтѣ и столь славное сочиненіе господина Гофмана «О спокойствіи душевномъ», и мнѣ такъ полюбилась, что я нѣсколько разъ ее прочиталъ сначала и до конца и чрезъ то набрался много истинно-философическаго духа, что̀ и причиною было, что я съ сего времяни сталъ отчасу болѣе прилежать къ чтенію и доставанію себѣ хорошихъ нравоучительныхъ, толико поспѣшествовавшимъ потомъ всѣмъ моимъ знаніямъ и наукамъ.

Къ дальнѣйшимъ достопамятностямъ сего времяни относительно до меня принадлежало и то, что я вскорѣ по переѣздѣ моемъ на сію квартиру впервые научился и сталъ табакъ курить. Случай къ тому былъ въ особливости достопамятной. Уже за нѣсколько времяни до того мучился я частыми запорами. Сперва я не уважалъ сіе, но впослѣдствіи времяни становились они мнѣ отчасу отяготительнѣе. Сіе побудило меня поговорить объ нихъ съ однимъ изъ нашихъ докторовъ, человѣкомъ мнѣ знакомымъ и науку врачебную довольно разумѣющимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что происходило сіе отъ многова сидѣнья, и вмѣсто предписанія мнѣ, по требованію моему, лекарства, спросилъ меня, курю ли я табакъ. Какъ услышалъ, что я никогда его еще не куривалъ, то совѣтовалъ мнѣ, вмѣсто всѣхъ лекарствъ, курить по утрамъ съ чаемъ табакъ и послѣ съѣдать либо ломтикъ хлѣба, намазанной чухонскимъ масломъ, либо по нѣскольку ягодъ французскаго чернослива, увѣряя, что сіе не только уничтожитъ мои запоры, но и впредь предохранитъ меня отъ нихъ. Совѣтъ сей былъ благоразумнѣйшей и для меня весьма полезной, и я и понынѣ благодарю еще господина Нилуса за оной; ибо какъ я исполнялъ совѣтъ сей въ самой точности, то не только тогда отъ запоровъ своихъ освободился, но, привыкнувъ съ того времяни уже всегда курить съ чаемъ табакъ, не мучивался онымъ уже никогда болѣе; а что всего лутче, то во все послѣдующее потомъ продолженіе моей жизни не бывалъ почти никогда больнымъ. Отъ того ли сіе здѣлалось, или не отъ того, уже не знаю, только то мнѣ извѣстно, что всѣ наилутчіе въ свѣтѣ медики помянутое куреніе съ чаемъ табака почитаютъ наилутчимъ предохранительнымъ средствомъ отъ многихъ болѣзней и заключаютъ сіе потому, что таковое куреніе содержитъ всегда натуру отверстую; а сіе весьма и справедливо, какъ то доказалъ мнѣ собственной мой примѣръ, а нужно только наблюдать то правило за свято, чтобъ въ другое время уже никакъ табаку не курить, да и во время питья чая не долѣе какъ пьешь оной. Симъ точно образомъ курилъ я во всю мою жизнь табакъ и отъ того, можетъ быть, и былъ онъ мнѣ такъ полезенъ.

Другая достопамятность состояла въ томъ, что я около сего времяни началъ уже гораздо умножать свою библіотеку. Къ сему подало мнѣ наиболѣе поводъ то обстоятельство, что я узналъ, что въ Кёнигсбергѣ можно доставать ихъ покупкою не только въ лавкахъ, но и на бываемыхъ очень часто книжныхъ аукціонахъ, и на сихъ съ тою еще выгодою, что гораздо дешевѣйшею цѣною и нерѣдко за сущую бездѣлицу. О семъ узналъ я отъ тѣхъ же товарищей моихъ, нѣмецкихъ канцеляристовъ. Они не успѣли меня сводить однажды на одинъ изъ такихъ аукціоновъ, какъ мнѣ сіе такъ полюбилось, что я съ того времяни не пропускалъ

ни одного изъ всѣхъ бывшихъ въ мое время, чтобъ не побывать на оном, и, къ неописанному удовольствію моему, бывали они нарочито часто. Городъ сей наполненъ былъ учоными людьми и охотниками до книгъ, и какъ нерѣдко случалось таковымъ умирать, а не у всякаго наслѣдники бывали до книгъ охотники, то сіе и подавало случай къ продажѣ оставшихъ послѣ ихъ книгъ съ аукціоннаго торга. Всякой разъ, когда подобное сему случалось, обнародываво было о томъ въ прибавленіяхъ къ газетамъ и всѣмъ желающимъ раздавались печатные всѣмъ продаваемымъ книгамъ каталоги. И тогда, въ назначенной день, собирались въ тотъ домъ всѣ охотники покупать, усаживались за длинной столъ, а аукціонистъ садился на концѣ онаго и, проглашая книги по нумерамъ, давалъ каждую напередъ всѣмъ сидящимъ за столомъ пересматривать, а потомъ спрашивалъ, кто что́ за нее даетъ, и начинался обыкновенной аукціонной торгъ: всякой прибавлялъ сколько-нибудь цѣны, и какъ скоро переставали надбавлять цѣну, то какая-бъ ни была послѣдняя, но за оную, по удареніи въ третій разъ молоткомъ, уже книга затѣмъ и оставалась.

Нельзя изобразить, съ какимъ удовольствіемъ хаживалъ я на сіи аукціоны, и сколь за малую и ничего нестоющую цѣну доставалъ я иногда на нихъ наипрекраснѣйшія книги. Нерѣдко случалось, что охотниковъ покупать и всѣхъ набиралось очень мало и не болѣе человѣкъ десяти или пятнатцати, а какъ сіи всѣ были разныхъ вкусовъ и не всякому каждая книга была угодна, то случалось, что за иныя не давалъ никто ни копейки и принуждено было отдавать ее тому, кто шутя подастъ копейку или двѣ. А симъ точно образомъ и доставалъ я множество книгъ за самую бездѣлку и досадовалъ нерѣдко, что мнѣ, какъ служивому человѣку, не можно было себя обременять множествомъ оныхъ; ибо я не зналъ, куда мнѣ было дѣвать*ца* и съ тѣми, которыя у меня уже были, въ случаѣ естли вышлютъ меня къ арміи въ походъ. Сіе удерживало меня еще много, а то бы могъ я обогатить библіотеку свою многими рѣдкими и дорогими книгами. Не одинъ разъ случалось, что я, сжавъ сердце, принужденъ былъ разставаться весьма съ прекрасными и дорогими книгами. Совсѣмъ тѣмъ рѣдко случалось, чтобъ съ такового аукціона возвращался я съ пустыми руками, но обыкновенно принашивалъ съ собою цѣлыя связки оныхъ, и тогда какое начиналось у меня разсматриваніе, какое перебиранье купленныхъ книгъ и какое любованье оными! Словомъ, аукціоны сіи доставляли мнѣ многія пріятныя минуты, и квартира моя украсилась скоро цѣлымъ шкапомъ разныхъ книгъ.

Что касается до протчихъ произшествій, бывшихъ около сего времяни у насъ въ Кёнигсбергѣ, то памятны мнѣ только два достойныхъ нѣсколько замѣчанія. Первое состояло въ томъ, что присланъ былъ къ намъ архимандритъ, по имяни Ефремъ, для начальствованія надъ всѣмъ армейскимъ духовенствомъ и долженствующимъ имѣть пребываніе свое у насъ въ городѣ. Но сія духовная особа далеко не соотвѣтствовала общему нашему желанію; но сколько хорошую фигуру ни представляла съ начала своего пріѣзда, столько стала обращаться потомъ въ безславіе наше и въ позоръ духовенству; ибо не успѣлъ онъ нѣсколько недѣль у насъ пообжиться, какъ стали видать его ѣздящаго въ каретѣ съ непотребными женщинами и нерѣдко упивающагося уже слишкомъ крѣпкими напитками. Чрезъ сіе потерялъ онъ скоро все уваженіе и побудилъ губернатора нашего, донеся о томъ, испросить на его мѣсто другого и благоразумнѣйшаго.

Другое произшествіе состояло въ томъ, что мы, узнавъ, что находился въ Кёнигсбергѣ прежней монетной дворъ со всѣми его орудіями и мастерами, вздумали и сами дѣлать особливыя прускія деньги на подобіе тѣхъ, какія дѣлывались тутъ прежде, то-есть полусеребряныя. Не успѣло воспослѣдовать о томъ повелѣніе отъ двора, какъ собрали мы

всѣхъ нужныхъ къ тому мастеровъ, отыскали монетнаго мастера, и мнѣ поручено было отъ губернатора сдѣлать для стемпеля рисунки, которые я и смастерилъ какъ умѣлъ. На всѣхъ сихъ деньгахъ изображаемъ былъ съ одной стороны грудной портретъ императрицы, а съ другой пруской гербъ: одноглавой орелъ съ надписью. Губернаторъ рисунками моими былъ доволенъ и по оному вырѣзаны были штемпели, и мы стали дѣлать деньги. При семъ-то случаѣ удалось мнѣ впервые видѣть какъ дѣлаются на монетныхъ дворахъ и тиснятся деньги. Я смотрѣлъ на все производство сей работы съ отмѣннымъ любопытствомъ и не могъ всѣми выдуманными къ тому орудіями и пособіями довольно налюбоваться. Казна имѣла отъ сего великую прибыль, и деньги наши стали несравненно лутче ходить, нежели тѣ обманныя и дурныя, какими пруской король отягощалъ всѣ свои земли.

Болѣе сего не помню я ничего замѣчанія достойнаго, до самыхъ тѣхъ поръ, покуда стали мы получать отъ арміи нашей извѣстія; но какъ о военныхъ нашихъ произшествіяхъ предоставляю я говорить въ будущемъ письмѣ, то теперешнее симъ кончу, сказавъ, что я навсегда есмь вашъ и протчее.

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ.

Письмо 75.

Любезной пріятель! Между тѣмъ какъ мы помянутымъ образомъ въ Кёнигсбергѣ въ мирѣ и тишинѣ жили и время свое препровождали въ разныхъ увеселеніяхъ, война продолжала горѣть въ Европѣ и пылала полнымъ своимъ пламенемъ. Въ предслѣдующихъ моихъ письмахъ упоминалъ я уже, какія дѣланы были уже со всѣхъ сторонъ съ самой весны пріуготовленія; а теперь, продолжая тогдашнее повѣствованіе далѣе, скажу, что лѣто сіе было наидостопамятнѣйшее изъ всѣхъ бывшихъ въ продолженіе войны сей, а особливо для насъ. Оно прославило войски наши знаменитыми побѣдами, а королю Прускому было въ особливости нещастно; но чтобъ подать вамъ о всѣхъ военныхъ произшествіяхъ сего лѣта яснѣйшее понятіе, то разскажу все по порядку и начну съ весны самой.

Начало кровопролитію учинено было въ сей годъ еще очень рано, и даже въ самомъ еще апрѣлѣ мѣсяцѣ. Ибо какъ королю Прускому никакъ не хотѣлось, чтобъ земли его и впредь были театромъ войны и терпѣли отъ того неизбѣжное разореніе, то и употреблялъ онъ всѣ силы и возможности къ отвлеченію войны въ самую внутренность Германіи и къ удаленію оной отъ своихъ областей. Для самаго сего и приказалъ принцу Фердинанду, соединясь съ принцемъ Изенбургскимъ, атаковать французовъ, стоявшихъ еще на зимнихъ своихъ квартирахъ, въ окрестностяхъ города Франкфурта, что́ на Майнѣ. Итакъ, въ половинѣ еще апрѣля является тамъ вдругъ принцъ Фердинандъ съ сорокью шестью тысячами человѣкъ войска и удивляетъ французовъ. Сими командовалъ тогда дюкъ де-Брогліо. Сему генералу другова не оставалось тогда, какъ собирать скорѣе свои по зимнимъ квартирамъ расположенныя войски и иттить на встрѣчу непріятелю. Онъ и успѣлъ произвесть сіе съ толикою расторопностію, что заслужилъ похвалу отъ всѣхъ знатоковъ военнаго искуства. Не болѣе какъ въ 36 часовъ собралъ онъ весь свой корпусъ, и хотя оной не простирался свыше дватцати-пяти тысячъ человѣкъ, однако онъ не сталъ дожидаться графа Сенжерменя, долженствовавшаго привесть къ нему помощь, но пошолъ съ ними на встрѣчу пруской и въ 46 тысячахъ воиновъ состоящей арміи, и, сошедшись съ нею при Бергенѣ, имѣлъ столь щастливую схватку, что побѣдилъ принца Фердинанда совершенно и принудилъ его, по потеряніи шести тысячъ человѣкъ съ нѣсколькими пушками, отступить назадъ. Симъ пріобрѣлъ сей генералъ себѣ великую славу и пожалованъ былъ за то отъ цесаря княземъ Римской Имперіи, и отъ короля своего—маршаломъ Франціи.

Таковымъ-то нещастнымъ произшествіемъ для Прускаго короля началась сія кампанія, и нещастіе сіе было равно какъ нѣкакимъ предвозвѣстіемъ, что и все лѣто сіе будетъ для него въ особливости нещастно.

Вскорѣ за симъ, а имянно въ теченіе марта мѣсяца, овладѣли цесарцы городомъ Грейфенбергомъ, въ Силезіи, и пріумножили тѣмъ еще болѣе досаду короля Прускаго, которой между тѣмъ, какъ помянутымъ образомъ французы дрались съ гановеранцами въ окрестностяхъ тамошнихъ, расположился стоять самъ противъ цесарскаго фельдмаршала Даuна, какъ предводителя главной цесарской арміи, и наблюдая всѣ его движенія, помышлялъ онъ только о томъ, какъ бы разрушить всѣ планы и намѣренія своихъ непріятелей и воспрепятствовать ихъ исполненію.

Всѣ они были ему довольно извѣстны. Онъ имѣлъ каналы, чрезъ которые могъ узнавать все, что̀ ни было на умѣ у всѣхъ соединившихся противъ его державъ, и потому заблаговремянно принималъ всѣ нужныя къ разрушенію замысловъ ихъ мѣры. Въ сей годъ наиглавнѣйшей планъ ихъ состоялъ въ томъ, чтобъ наиболѣе дѣйствовать противъ него намъ, россіянамъ, съ стороны Шлезіи, и стараться, войдя въ оную, обратить всю силу короля Прускаго противъ себя; а дабы тѣмъ удобнѣе можно было его разбить, то положено было, чтобъ цесарцамъ подкрѣпить насъ знаменитымъ корпусомъ и между тѣмъ, когда король займется нами, самимъ имъ съ главною арміею иттить прямо внутрь его владѣній, и стараться проникнуть хотя бы до самой его резиденціи, города Берлина; а между всѣмъ тѣмъ имперской арміи стараться выгнать прусаковъ изъ Саксоніи и овладѣть тамошними крѣпостями и городами.

Всходствіе сего плана и назначено было нашей арміи иттить прямо въ Шлезію, дабы тѣмъ удобнѣе и скорѣе можно было соединиться ей съ цесарскимъ вспомогательнымъ корпусомъ; и какъ прямѣйшій туда путь былъ черезъ Польшу, то положено было иттить чрезъ оную, и дабы полякамъ сіе вступленіе въ Польшу не такъ было прикро (?), то обнародовано было о семъ походѣ нашего въ сорока тысячахъ состоящаго войска особливою публикаціею еще въ половинѣ маія мѣсяца. Подобное-жъ тому учинили и прусаки, ибо обѣимъ сторонамъ нужно было запасеніе себя провіантомъ и фуражемъ изъ польскихъ предѣловъ, и обѣ стороны старались преклонить поляковъ въ свою пользу. Публикація сія, съ прускои стороны, учинена была генераломъ его, графомъ Дона, самымъ тѣмъ, которой управлялъ арміею его при случаѣ перваго еще дѣла съ нами въ Прусіи, ибо къ воспрепятствованію нашего въ шествіи семъ отправилъ король Прускій сего генерала, давъ ему довольно знаменитой корпусъ. Сей генералъ находился до сего въ Помераніи, но какъ тамъ дѣлать ему было уже нечего, то и поручилъ король ему—буде не воспрепятствовать походу нашей арміи, такъ по крайней мѣрѣ затруднить оной.

Всходствіе сего, генералъ сей, собравъ войско свое около Ландсберга и вступивъ въ Польшу уже 23 іюня, началъ разсылаемыми партіями всячески стараться разорять повсюду заготовленные отъ насъ въ Польшѣ магазины, и ему удалось отнять и разорить оные въ Бромбергѣ, Рогожнѣ и Циннѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, и лишить насъ болѣе шестидесяти тысячъ шефелей крупъ и муки. Такимъ же образомъ, и болѣе всего, хотѣлось ему добраться и до нашего главнаго магазина въ Познанѣ. Но какъ мѣсто сіе было нарочито укрѣплено, а притомъ приближались туда и всѣ наши войски, какъ къ генеральному рандеву или зборному мѣсту, то принужденъ онъ былъ сіе намѣреніе оставить, а занялся отниманіемъ у поляковъ силою и безъ заплаты себѣ хлѣба и фуража, и приневоливаніемъ самыхъ жителей къ принятію въ войскѣ своемъ службы, какъ и набралъ оныхъ силою превеликое множество.

Между тѣмъ, какъ симъ образомъ прусаки хозяйствовали въ Польшѣ, собра-

лись наши войски всѣ въ Познань, куда 29 іюня прибылъ и назначенной имъ главнымъ командиромъ помянутой генералъ-аншефъ графъ Салтыковъ. Генералъ Фермеръ, командовавшій до того войсками, тотчасъ здалъ ему начальство надъ оными и самъ остался тутъ же и безъ малѣйшаго огорченія служить подъ командою онаго. Чрезъ сіе пріобрѣлъ онъ при дворѣ имя великаго патріота, да и при арміи удержалъ всю свою знаменитость и, здѣлавшись первымъ совѣтникомъ графа Салтыкова и первѣйшею пружиною всѣмъ предначинаніямъ, могъ тѣмъ способнѣе отомщать обидѣвшимъ его цесарцамъ, что не подвергалъ себя за то отвѣту.

Первѣйшимъ дѣяніемъ графа Салтыкова было то, что онъ, учинивъ всей арміи смотръ, не сталъ долѣе ни одного дня въ Познанѣ медлить, но выступилъ въ походъ и пошолъ прямымъ путемъ къ городу Кросену, на границахъ Шлезіи находящемуся, при брегахъ рѣки Одера построенному. Графъ Дона непреминулъ тотчасъ подвинуться туда-жъ съ своимъ корпусомъ, и сближившися съ нашею арміею, старался всячески взять у ней передъ и захватить большую дорогу, ведущую къ рѣкѣ Одеру; а самое сіе и подало поводъ къ первому въ сіе лѣто сраженію у насъ съ прусаками. Однако помянутому графу Дона, хотя былъ онъ и искусной генералъ, не удалось при семъ случаѣ предводительствовать самому прускими войсками, но онъ принужденъ былъ наканунѣ сего дня здать все начальство надъ симъ корпусомъ другому присланному отъ короля генералу Веделю.

Сія перемѣна командира въ пруской арміи была никѣмъ не ожидаема, и тѣмъ болѣе для самихъ прусаковъ непостижима и удивительна, что генералъ сей былъ изъ младшихъ генералъ-поручиковъ и присланъ отъ короля съ такимъ полномочіемъ, какое въ прускихъ войскахъ было не въ обыкновеніи и потому для всѣхъ поразительно. Причиною присылки его было то, что король пруской недоволенъ былъ медленностію и нерѣшимостію графа Дона, а особливо упущеніемъ одного выгоднаго случая къ атакованію насъ при мѣстечкѣ Мезеричѣ въ Польшѣ, а избраніе къ тому сего генерала была особливая надѣятельность королевская на сего любимого имъ генерала. Онъ прислалъ съ нимъ къ графу Донѣ и ко всей арміи такое письмо, которое достойно особливаго вниманія, и было слѣдующаго содержанія:

«Любезной мой генералъ-поручикъ
графъ Дона!

«Обстоятельствы, въ которыхъ находится состоящая подъ командою вашею армія, благо и выгоды моего государства и необходимая нужда принудили меня послать слѣдующее повелѣніе мое къ вамъ и ко всей вашей арміи; и моя воля есть, чтобъ выполнено было оно въ самой точности.

«Какъ обстоятельствы не допускаютъ меня самому отправиться къ арміи Доновой для командованія оною, то посылаю я генерала-поручика Веделя, снабдивъ его моими повелѣніями по сему случаю; до тѣхъ поръ, покуда станетъ онъ отправлять сію комисію, представляетъ онъ точно мою особу и всѣ генералы, генералъ-поручики, генералъ-маіоры и другіе офицеры, до послѣдняго рядового, должны ему повиноваться точно такъ, какъ бы я самъ присудствовалъ и повелѣвалъ. Я ему накрѣпко подтвердилъ сажать всякаго тотчасъ подъ арестъ, кто не послушаетъ и не исполнитъ того, что прикажетъ онъ своимъ словомъ; а я всѣхъ таковыхъ ослушниковъ велю судить судомъ военнымъ, какъ преступниковъ присяги. А дабы вся армія была извѣстна о точной моей на сіе волѣ, то все говоренное здѣсь должно обнародовано быть всему войску. Генералъ Веделъ представлять станетъ при арміи то, что представляли нѣкогда диктаторы при арміяхъ римскихъ. Итакъ, всѣмъ офицерамъ, кто бы таковы и какихъ степеней они ни были, должны оказывать ему повиновеніе такое, какое слѣдуетъ мнѣ, и выполнять распоряженія его съ вѣрностію, точностію и мужествомъ. Я есмь—Фридрихъ».

«Въ лагерѣ при Шмотганіенѣ, 20 іюня 1759.

Ниже сего приписано было по-французски собственною королевскою рукою:

«Вы не такъ здоровы, чтобъ могли обременять себя командою, и хорошо здѣлаете, когда велите себя отвезть въ Берлинъ или въ иное мѣсто, гдѣ могли-бъ вы опять возвратить свое здоровье. Прощайте. Фредерикъ».

По полученіи такова повелѣнія, что оставалось господину Донъ дѣлать, какъ не отправиться того же часа въ Берлинъ, оставивъ армію и все на попеченіе господина Веделя, а сему, въ силу имянного повелѣнія королевскаго, тотчасъ дать баталію съ нами.

Оная и воспослѣдовала на другой день пріѣзда господина Веделя, и онъ атаковалъ армію нашу на походѣ, когда она, продолжая шествіе свое, выступила поутру въ походъ, по большой дорогѣ, ведущей къ Кросену, при которомъ городѣ назначено было соединиться ей съ цесарскимъ корпусомъ, идущимъ къ ней подъ командою генерала Лаудона. И такъ какъ король Пруской имянно господину Веделю приказалъ воспрепятствовать сему соединенію, то и не сталъ онъ ни единаго дня медлить, но, не взирая, что ему ни мѣстоположеніе, ни силы непріятеля, ни состояніе собственной своей арміи было неизвѣстно, атаковалъ ее при деревняхъ Палцигѣ и Каіе, неподалеку отъ Цилихау и рѣки Одера, на Бранденбургскихъ границахъ — 12 іюля. Сраженіе началось въ четвертомъ часу пополудни, и продолжалось съ жестокостію до 7 часовъ вечера; и господинъ Ведель, какъ ни искусенъ былъ, и сколь много король на него ни надѣялся, однако баталію сію совершенно проигралъ, и потерявъ до шести тысячъ человѣкъ убитыми, ранеными и въ полонъ взятыми, принужденъ былъ бѣжать и за щастіе себѣ еще почиталъ, что ему не отрѣзали и не перехватили дороги къ Одеру, и допустили спокойно перебраться за оную.

Такимъ образомъ получили наши войски надъ прусаками неоспоримую побѣду, и всѣ бывшіе на семъ сраженіи единогласно свидѣтельствовали, что никогда еще не происходило баталіи столь порядочной, какова была сія. Нигдѣ и ни малѣйшаго безпорядка, во все продолженіе оной, не происходило, какъ у насъ, такъ и прусаковъ, и побѣду приписываютъ болѣе превосходству нашей силы, преимуществу въ выгодахъ мѣстоположенія и хорошему дѣйствію нашихъ единороговъ и шуваловскихъ гоубицъ. Прускія войски цѣлыхъ три раза начинали нашихъ атаковать, и всякой разъ съ отчаяннымъ почти свирѣпствомъ нападали, но не могли никакъ одолѣть оныхъ и принуждены были наконецъ ретироваться. Мы потеряли на семъ сраженіи генералъ-порутчика Демику, 2 штабъ-офицеровъ, 2 капитановъ, 11 оберъ-офицеровъ, а нижнихъ чиновъ и рядовыхъ 578 человѣкъ, съ ранеными же всего урона считалось до 3744 человѣкъ; а у прусаковъ убитъ также былъ славной ихъ генералъ Воберзновъ съ 4220 рядовыми и болѣе нежели 1200 человѣкъ взято было въ полонъ; сверхъ того, получено было въ добычу 14 пушекъ, 4 знамя, 3 штандарта и 45 барабановъ.

Побѣда сія была хотя не изъ знаменитѣйшихъ, но произвела многія и разныя по себѣ послѣдствія, изъ которыхъ нѣкоторыя были для насъ въ особливости выгодны. Изъ сихъ наиглавнѣйшимъ было то, что всѣ войски наши симъ одолѣніемъ непріятеля ободрилися, и стали получать болѣе на старичка своего предводителя надежды, которой имѣлъ щастіе съ самаго уже начала пріѣзда своего солдатамъ полюбиться; а теперь полюбили они его еще болѣе, да и у всѣхъ у насъ здѣлался онъ уже въ лутчемъ уваженіи. Мы, живучи въ Кёнигсбергѣ, и услышавъ о сей баталіи и о томъ, какъ она порядочно происходила, почти вѣрить не хотѣли, чтобъ могъ сіе произвесть старичокъ сей, и удовольствіе наше было неописанное. Вторая выгода произошла намъ отъ баталіи сей та, что арміи нашей ничто уже не мѣшало иттить далѣе впередъ и соединиться потомъ съ поспѣшавшимъ на помощь къ намъ цесарскимъ корпусомъ, подъ начальствомъ славнаго

ихъ генерала Лаудона, состоявшимъ отъ 18 до 19 тысячъ человѣкъ войска и наибольшую часть конницы.

Сей генералъ, будучи отправленъ отъ генерала Дауна къ намъ съ тритцатью тысячами войска, имѣлъ не малой трудъ пройтить изъ своихъ земель чрезъ непріятельскую землю, и, несмотря на всю бдительность короля Прускаго и брата его, принца Генриха, старавшихся его не пропустить, пробрался мастерскимъ образомъ благополучно, и, преодолѣвъ всѣ препятствія, чрезъ всю Лузацію и оставивъ на дорогѣ генерала Гаддика съ двѣнатцатью тысячами войска, прибылъ наконецъ къ рѣкѣ Одеру въ началѣ августа и соединился съ нашею арміею въ самое то время, когда она, идучи внизъ по рѣкѣ Одеру, дошла уже до города Франкфурта и расположилась лагеремъ насупротивъ онаго за рѣкою, приведя симъ приближеніемъ своимъ самой Берлинъ въ превеликую опасность.

Сему удачному пройденію сквозь всю непріятельскую землю генерала Лаудона поспѣшествовала много дѣйствіями своими и имперская армія, производившая до сего такъ мало дѣла, но въ сей разъ оказавшая свою услугу впаденіемъ съ своей стороны въ Саксонію, и принудившая тѣмъ прускаго генерала Финка, которой стерегъ цесарскаго генерала Гаддика, упустить изъ вида и поспѣшать для прикрытія Лейпцига и Торгау.

Самъ король Пруской находился между тѣмъ въ Шлезіи и довольствовался защищеніемъ оной. Онъ стоялъ долгое время при Ландсгутѣ въ ожиданіи выгодной минуты для себя, а Даунъ, съ главною цесарскою арміею, стоялъ противъ его и ожидалъ также выгоднаго времяни къ шествію впередъ или къ сраженію съ прусаками. Чтобъ разрушить сію надежду и австрійцовъ прогнать обратно въ Богемію, то старался король всячески дѣлать имъ возможнѣйшія затрудненія въ снабденіи себя провіантомъ и фуражомъ; и уже въ цесарскомъ лагерѣ начали помышлять о премѣненіи мѣста, какъ получено было извѣстіе о приближеніи нашей арміи къ прускимъ границамъ, и перемѣнило планы обоихъ сихъ полководцовъ. Даунъ, выступя въ походъ, сталъ подвигаться къ намъ ближе для облегченія нашихъ операцій, а король всячески трудиться надъ вымышленіемъ средствъ разрушить наши замыслы.

Нещастная для него баталія палцигская и послѣдовавшее потомъ соединеніе цесарскаго корпуса съ нашею арміею, подвинувшеюся уже близко къ Берлину, побудили наконецъ сего государя поспѣшить самому въ Бранденбургскія свои области; и какъ краткость времяни не дозволила ему въ сей разъ взять изъ арміи своей съ собою ни пѣхоту, ни конницу, то поскакалъ онъ съ небольшимъ только прикрытіемъ гусаръ. Братъ же его, принцъ Генрихъ, долженъ былъ большую часть своей арміи отправить для подкрѣпленія разбитой Вейделевой арміи къ Одеру, а самъ отправился къ арміи королевской, стоявшей въ лагерѣ при Шмукъ-Ейзенѣ, въ сорокъ тысячахъ человѣкахъ, для командованія оною во время отсудствія королевскаго, и для удержанія Дауна, стоящаго противъ оной съ тритцатью тысячами человѣкъ цесарскаго войска. А получилъ также и генералъ Финкъ повелѣніе оставить Саксонію и поспѣшать съ корпусомъ своимъ къ рѣкѣ Одеру, гдѣ мы тогда уже находились.

Путешествіе свое совершилъ король благополучно. Всѣ отправленныя къ нему изъ разныхъ мѣстъ войски пришли въ свое мѣсто безъ всякаго урона. Самъ онъ, въ путешествіи своемъ, наткнулся при мѣстечкѣ Губенѣ на корпусъ цесарскаго генерала Гаддика, и, отнявъ у него нѣсколько пушекъ и пятьсотъ телѣгъ съ мукою, и взявъ человѣкъ съ шестьсотъ въ полонъ, соединился потомъ безпрепятственно съ Вейделевою арміею.

Теперь рѣшился король ни мало немедля дать баталію съ нашею арміею, и хотя вся его армія не превосходила сорокъ тысячъ, а наша армія, вмѣстѣ съ цесарцами, къ намъ пришедшими, состояла тогда болѣе нежели изъ шестидесяти тысячъ человѣкъ, однако онъ несумнѣ-

вался ни мало, что онъ такимъ же образомъ ее разобьетъ, какъ въ прошломъ году при Цорндорфѣ, и былъ въ томъ такъ увѣренъ, что какъ въ сіе время присланъ былъ отъ принца Фердинанда къ нему курьеръ съ радостнымъ извѣстіемъ, что ему удалось разбить французовъ при Минденѣ, и тѣмъ отмстить имъ за разбитіе себя весною, то король остановилъ присланнаго отъ него офицера, говоря: «подождите немного, государь мой, мы отправимъ съ вами же и отъ себя къ принцу такой же поздравительной комплиментъ, какой онъ къ намъ прислалъ».

Однако ему не удалось въ сей разъ сдержать свое слово, и комплиментъ, отправленной съ симъ офицеромъ послѣ, былъ совсѣмъ иного рода. Совсѣмъ тѣмъ, очень малаго не доставало къ тому, чтобъ не быть нашей арміи отъ короля совсѣмъ разбитой, и тотъ же фаворитъ его, генералъ Ведель, подалъ и въ семъ случаѣ собою поводъ ко вторичному его нещастію, какъ все то усмотрится изъ послѣдующаго ниже сего подробнѣйшаго сему славному сраженію описанія.

Оно поистинѣ и достойно того по многимъ обстоятельствамъ. Сраженіе сіе было наидостопамятнѣйшее для насъ во все продолженіе Семилѣтней сей войны; ибо въ сей одинъ только разъ удалось нашимъ побѣдить совершенно короля Прускаго, и сего славнаго въ свѣтѣ героя довесть до такой крайности, что онъ въ день сраженія сего желалъ даже себѣ смерти и былъ дѣйствительно очень близокъ къ оной. И какъ побѣда сія приобрѣла намъ величайшую славу, то и опишу я сраженіе сіе колико можно обстоятельнѣе, и упомяну о всѣхъ знаменитѣйшихъ притомъ произшествіяхъ. Но опишу напередъ положеніе нашей арміи.

Она стояла лагеремъ неподалеку отъ города Франкфурта, что̀ на Одерѣ, подлѣ деревни Кунесдорфа, и имѣла положеніе сколько, съ одной стороны, выгодное и довольно и натурою и искуствомъ укрѣпленное, столько съ другой стороны опасное въ случаѣ нещастія, ибо путь къ ретирадѣ былъ почти совсѣмъ пресѣченъ. Лицомъ стояла она вверхъ по рѣкѣ Одеру, какъ къ той сторонѣ, откуда дожидался непріятель, и правымъ крыломъ примыкала вплоть къ рѣкѣ Одеру, а лѣвымъ къ одному густому лѣсу и крутому бураку, подлѣ его находящемуся. Весь фронтъ или перёдъ оной прикрытъ былъ топкимъ и непроходимымъ почти болотомъ, чрезъ которое находился только одинъ большой и длинной мостъ; а тылъ, или задъ, простирающейся къ городу Франкфурту, прикрывали также нѣкоторыя вязкія и крутыя мѣстоположенія. Деревня Кунесдорфъ находилась въ срединѣ арміи, и вся она расположена была на довольныхъ высотахъ. Для дальнѣйшаго-жъ обезпеченія ее съ обоихъ крыльевъ, оба они укрѣплены были еще ретраншаментами, и правое, стоявшее на горѣ жидовской, здѣланными, на подобіе звѣзды, шанцами, а сверхъ того въ случившемся тутъ лѣсѣ засѣкою; а лѣвое, примыкающее къ помянутому другому и густому лѣсу и прикрытое глубокимъ буеракомъ, укрѣплено было еще ретраншаментомъ и нѣсколькими батареями, содержащими въ себѣ болѣе ста большихъ пушекъ.

На помянутомъ правомъ крылѣ, къ рѣкѣ Одеру, стояла первая дивизія подъ командою графа Фермора; также поставленъ былъ тутъ и авангардной корпусъ, подъ командою генералъ-поручика Вильбоа. Вторая дивизія поставлена была въ срединѣ, и команда надъ нею поручена генералъ-поручику графу Румянцову; а на лѣвомъ крылѣ поставленъ былъ князь Голицынъ, съ такъ-называемымъ новымъ корпусомъ. Что-жъ касается до австрійцовъ, то по тѣснотѣ мѣста въ линію умѣстить ихъ было не можно, а поставлены они были позади праваго крыла, а легкое войско, съ предводителемъ ихъ Тотлебеномъ, поставлено было впереди предъ правымъ крыломъ.

Симъ образомъ укрѣпленъ былъ и натурою и искуствомъ нашъ лагерь, и положеніе арміи было столь выгодно, что хотя и оказалось, что король Прускій совсѣмъ не съ той сторбны приближался, съ которой былъ ожидаемъ, а перепра-

вился чрезъ рѣку Одеръ ниже Франкфурта, въ намѣреніи зайтить арміи нашей въ тылъ; однако предводители наши не разсудили за благо перемѣнить позицію арміи, а оставили ее при прежнемъ ея расположеніи.

Симъ прекращу я сіе письмо, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе и описаніе самой баталіи до послѣдующаго письма; а между тѣмъ остаюсь вашъ и протчее *).

КУНЕСДОРФСКАЯ БАТАЛІЯ.

Письмо 76.

Любезной пріятель! Приступая теперь къ описанію славной франкфуртской или кунесдорфской баталіи, начну оное изображеніемъ хитрости и искуства короля Прускаго въ атакованіи нашей арміи. Прискакавъ изъ Шлезіи, нашолъ онъ Веделеву разбитую армію при мѣстечкѣ Мильрозѣ, подкрѣпленную уже сошедшимися туда и присланными изъ протчихъ мѣстъ войсками, такъ что количество сего войска простиралось уже болѣе сорока тысячъ человѣкъ. Съ сею, хотя небольшою, но по справедливости храброю арміею, не пошолъ онъ такъ, какъ наши ожидали, прямо къ нашей арміи, стоявшей уже тогда при Франкфуртѣ и самой сей городъ занявшей; но судя можетъ быть, что тутъ здѣланы нами, для принятія и встрѣчи его, отъ насъ всѣ нужныя пріуготовленія, и что ему тутъ, въ виду у насъ, трудно будетъ переправляться чрезъ рѣку, разсудилъ повернуть влѣво, и, учинивъ превеликой и дальней вокругъ Франкфурта обходъ чрезъ мѣстечки Фирштенвальдъ и Лебусъ, переправиться чрезъ рѣку Одеръ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы всего меньше думали и ожидали; а имянно гораздо ниже нашей арміи и подъ самыми почти пушками города его Кюстрина, гдѣ при деревнѣ Рейдвенѣ тотчасъ навели для его чрезъ рѣку и мостъ.

Здѣлалъ онъ сіе, во-первыхъ, для того, чтобъ ему тутъ свободнѣе можно было переправиться чрезъ рѣку, и чтобъ мы не успѣли здѣлать въ томъ ему помѣшательства; во-вторыхъ, чтобъ запастись изъ Кюстрина поболѣе большими пушками, кои щиталъ онъ весьма нужными при атакѣ нашей арміи, а въ-третьихъ, чтобъ, переправившись тутъ, зайтить нашей арміи въ тылъ, и чрезъ то разстроить и смутить нашихъ предводителей и облегчить себѣ побѣду.

Все сіе ему и удалось, кромѣ только послѣдняго: ибо командиры нашихъ войскъ хотя и увидѣли себя въ заключеніяхъ своихъ обманувшимися, однако не дали себя смутить симъ неожидаемымъ явленіемъ, а остались при прежнемъ своемъ расположеніи, надѣясь на выгодность своего лагеря, и на здѣланныя со всѣхъ сторонъ укрѣпленія, и спокойно дожидались прибытія его величества короля Прускаго.

Сей не успѣлъ переправиться чрезъ рѣку въ помянутомъ мѣстѣ, какъ не сталъ ни минуты медлить, но, стараясь воспользоваться нашимъ смущеніемъ и не дать намъ собраться съ духомъ, пошолъ тотчасъ для атаки нашей арміи всею своею силою. Какъ положеніе нашего воинства было ему извѣстно, и онъ ни мало не сомнѣвался о побѣдѣ и за вѣрное полагалъ, что насъ разобьетъ, то вознамѣрился напасть на армію нашу вдругъ съ трехъ сторонъ, то-есть спереди, и сзади и во флангъ, гдѣ стояло наше лѣвое крыло, дабы чрезъ то пресѣчь намъ всѣ пути къ ретирадѣ, и прижавъ насъ къ рѣкѣ, истребить всю армію до основанія, что̀ едва было едва и не удалось ему учинить совершенно.

Какъ случилось сіе въ самомъ началѣ августа мѣсяца, и деревня Етшенъ, гдѣ онъ, перешедъ рѣку, съ арміею своею ночевалъ, находилась отъ лагеря нашего не въ близкомъ еще разстояніи, то поднялся онъ очень рано, и по пробитіи только двухъ часовъ, съ мѣста, и поспѣшилъ дойтить до насъ прежде еще наступленія самаго жара. Но какъ ближняя и прямая дорога лежала по горамъ и чрезъ многіе лѣса и буераки, и для шествія арміи со-

*) Декабря 10, 1797 года. А. Т. Болотовъ.

всѣмъ была неспособна, то принужденъ онъ былъ здѣлать еще превеликой обходъ и, взявъ далеко влѣво, иттить черезъ деревни Бишофсзе и Третинъ, и при обхаживаніи многихъ лѣсовъ и прудовъ имѣть не только много труда, но и терять столько времяни, что не прежде могъ поспѣть, какъ предъ самымъ полднемъ.

Позиція арміи нашей хотя и была ему извѣстна, но что касается до самаго мѣстоположенія, то сіе не могло ему быть коротко свѣдомо, и потому при обозрѣваніи нашей арміи смутился онъ, увидѣвъ, что ему ее не такъ легко атаковать со всѣхъ сторонъ, какъ онъ думалъ и ожидалъ; но что тылъ и перёдъ арміи, куда онъ назначилъ иттить своей конницѣ, совсѣмъ были неприступны, и оставался одинъ только лѣвой нашъ флангъ, съ котораго можно было сколько-нибудь учинить атаку. Но сіе мѣсто, какъ я уже упоминалъ, прикрыто было сперва крѣпкимъ и на горѣ здѣланнымъ ретраншаментомъ съ тремя сильными батареями, содержащими въ себѣ до 80 пушекъ, а потомъ глубокимъ и широкимъ оврагомъ, а за нимъ густымъ лѣсомъ. Но какъ другова не оставалось, то самое сіе мѣсто и избралъ король для нападенія на насъ, и, отдѣливъ по нѣкоторому количеству конницы своей для стоянія противъ нашего праваго крыла, также противъ тыла нашей арміи, все протчее войско началъ тотчасъ строить въ помянутомъ лѣсу въ пять линей, изъ коихъ первыя три составлены были изъ пѣхоты, а достальныя двѣ изъ конницы. А между тѣмъ, генералу Финку велѣлъ взвесть пушки на близлежащія высоты, и начать изъ нихъ сильную и страшную со многихъ сторонъ, противъ нашего фланга, канонаду. У насъ тутъ хотя и поставлена была поперешная линія войска, но линія сія была такъ коротка, что по тѣснотѣ мѣста болѣе не умѣстилось двухъ полковъ; ибо на такое разстояніе стояли на семъ крылѣ и обѣ линіи нашей арміи другъ отъ друга. Но какъ недостатокъ сей замѣнялъ помянутой ретраншаментъ, установленной множествомъ пушекъ, а за нимъ превеликой логъ, то командиры наши и почитали мѣсто сіе неприступнымъ и никакъ съ сей стороны атаки не ожидали. Самое сіе обстоятельство и помогло королю въ самое короткое время, опрокинувъ помянутое наше небольшое войско, врѣзаться всей арміи во флангъ, и чрезъ то подвергнуть всю ее въ явную опасность.

Ибо не успѣлъ онъ построить въ лѣсу сперва линіи, а изъ нихъ густыя колонны, какъ велѣлъ тотчасъ гранодерамъ своимъ вдругъ броситься и иттить прямо чрезъ логъ, взодравшись на нашъ сего буерака высокой берегъ, атаковать тутъ нашъ ретраншаментъ и овладѣть онымъ и батареями. Сіи хотя и не молчали во все сіе время, но поражали ихъ изъ пушекъ своихъ кучами, покуда сходили они и спускались въ долъ, но какъ спустились они внизъ, то стрѣльба изъ нашихъ пушекъ здѣлалась недѣйствительна, а при выходѣ ихъ изъ лога на гору хотя и встрѣчены они были картечами изъ пушекъ и мелкимъ ружьемъ изъ ретраншамента, но время было уже слишкомъ коротко, и бросившіеся съ великою яростію на нашихъ, прусаки не допустили нашихъ причинить имъ дальней вредъ; ибо они не только опрокинули совсѣмъ помянутые наши оба полка, но овладѣли въ одинъ мигъ и всѣми нашими бывшими тутъ пушками и батареями.

Таковая скорая и неожидаемая удача колико обрадовала короля Прускаго, толико смутила всѣхъ нашихъ генераловъ и полководцевъ. Всѣ они оробѣли тогда, увидѣвъ явно, что вся армія подверглась чрезъ то крайней и превеличайшей опасности, и въ первыя минуты, не зная что̀ дѣлать и чѣмъ сему злу помочь, дали непріятелю свободу переходить себѣ какъ хотѣлъ чрезъ буеракъ и на горѣ строиться и вытягивать фрунтъ свой для пораженія нашихъ. Но наконецъ самъ Богъ надоумилъ ихъ, вмѣсто опрокинутой и совсѣмъ уничтоженной поперечной короткой линіи составить скорѣе другія, новыя, таковыя-жъ, схватывая по одному полку изъ первой, а по другому изъ второй линіи и составляя изъ нихъ хотя ко-

роткія, но многія перемычки, выставлять ихъ одну послѣ другой предъ непріятеля. И хотя они симъ образомъ выставляемы были власно какъ на побіеніе непріятелю, которой, ежеминутно умножаясь, подвигался отчасу далѣе впередъ и съ неописаннымъ мужествомъ нападалъ на наши маленькія линіи и ихъ, одну за другою, истреблялъ до основанія; однако какъ и они не поджавъ руки стояли, а каждая линія, сидючи на колѣняхъ, до тѣхъ поръ отстрѣливалась, покуда уже не оставалось почти никого въ живыхъ и цѣлыхъ, то все сіе останавливало сколько-нибудь прусаковъ и давало нашимъ генераламъ время хотя нѣсколько обдуматься и собраться съ духомъ; но трудно было тогда придумать какое-нибудь удобное средство къ спасенію себя и всей арміи. Помянутыя перемычки сколько ни задерживали прусаковъ, но не въ состояніи были никакъ удержать всей ихъ пѣхоты, переправившейся чрезъ помянутой долъ и перешедшей уже бо́льшую часть всего нашими тогда занятаго мѣста. Самая деревня Кунесдорфъ, бывшая у насъ до того въ срединѣ арміи, осталась уже у нихъ позади и всѣ оставшія наши войски и полки сжаты были на нашъ правой флангъ и стояли тутъ въ кучѣ и въ превеликомъ стѣсненіи, не имѣя мѣста никуда распространиться, а старались только свозить со всѣхъ сторонъ пушки, и устанавливать ихъ въ разныхъ мѣстахъ для принятія непріятеля, буде дойдетъ очередь и имъ отстрѣливаться по примѣру протчихъ.

Словомъ, бѣдствіе, которому подвержена была тогда наша армія, было превеликое. Она находилась въ явной опасности. Всѣ почитали баталію сію за проигранною, каковою она и дѣйствительно уже была, ибо, ежели-бъ прусаки, овладѣвшіе почти всѣмъ нашимъ мѣстомъ, не похотѣли-бъ ничего далѣе предпринимать, а довольствуясь тѣмъ, что они уже учинили, остались при полученныхъ выгодахъ, то согнанной и стѣсненной въ кучу нашей арміи не можно бы никакъ надолго остаться въ такомъ положеніи, но она принуждена-бъ была либо отдаваться вся въ полонъ, либо спасаться бѣгствомъ чрезъ болото, предъ правымъ ея флангомъ находившееся и одинъ только мостъ чрезъ себя имѣвшее, но которой отъ самихъ же насъ за нѣсколько часовъ до того, для неперепущенія чрезъ него пруской конницы, сожженъ былъ. Самъ старичокъ, нашъ предводитель, находился уже въ такой разстройкѣ и отчаяніи, что, позабывъ все, сошолъ съ лошади, сталъ на колѣни и, воздѣвъ руки къ небу, при всѣхъ просилъ со слезами Всемогущаго помочь ему въ такомъ бѣдствіи и крайности и спасти людей своихъ отъ погибели явной. И молитва сія, приносимая отъ добродѣтельнаго старца, отъ чистой души и сердца, можетъ быть небесами была и услышана; ибо чрезъ самое короткое время послѣ того перемѣнилось все, и произошло то, чего никто не могъ и думать и воображать, и чего всего меньше ожидать можно было.

Сраженіе сіе началось въ самые полдни, и въ 6 часовъ вечера прусаки овладѣли уже всѣми батареями, бывшими на лѣвомъ флангѣ, и имѣли уже во власти своей 180 нашихъ пушекъ и нѣсколько тысячъ взятыхъ у насъ въ плѣнъ; и побѣда была уже неоспоримая никѣмъ и точно такая-жъ, каковая была при Колинѣ и Гохкирхенѣ, такъ что самъ король, почитая ее уже таковою, отправилъ съ мѣста баталіи съ радостнымъ извѣстіемъ симъ уже курьеровъ въ Шлезію и Берлинъ—какъ вдругъ воспослѣдовала помянутая неожидаемость и произошла въ военномъ щастіи ужасная перемѣна.

Притчиною тому было то, что его величество недоволенъ еще былъ всѣми вышеупомянутыми, полученными надъ нами выгодами, но возмнилъ, что ничего еще не здѣлано, буде есть еще что-нибудь, что̀ сдѣлать можно, и ему захотѣлось насъ, такъ сказать, доканать. Во всякое время онъ говаривалъ то, что россійскую армію надобно не только побѣждать, но совсѣмъ и уничтожать и истреблять ее до конца, потому что она опять всегда возвращается и начинаетъ вновь дѣлать опустошенія. А сіи самыя слова проговаривалъ

онъ и при семъ случаѣ публично. Прускіе генералы противопоставляли сему аргументу единое только изнеможеніе войскъ въ тогдашнее время. Они говорили, что солдаты отъ похода, цѣлыхъ пятнатцать часовъ продолжавшагося, и отъ безпрерывной кровавой работы, также отъ ужаснаго жара въ тогдашній знойной день такъ изнемогли, что едва духъ переводить могутъ. Самъ славной и любимой его генералъ Зейдлицъ представлялъ тоже. И представленіе сего великаго полководца, котораго храбрость и мужество королю довольно было извѣстно, столько подѣйствовало, что король начиналъ уже колебаться и хотѣлъ уже приказать войскамъ остановиться; какъ вдругъ приближается къ нему генералъ Ведель, къ которому, несмотря на нещастіе его, все-таки король въ особливости былъ благосклоненъ, и король дѣлаетъ ему честь, вопросивъ его сими словами: «А ты, Ведель, какъ думаешь?» Сей, будучи столько же придворнымъ человѣкомъ, сколько воиномъ, восхотѣлъ королю польстить и изъявилъ совершенное свое согласіе съ его прежнимъ мнѣніемъ и желаніемъ, и тогда король, не долго думая, закричалъ: «ну, такъ маршъ!»

Но, о! сколь дорого стало ему сіе вылетѣвшее изъ устъ его словцо, и сколько разъ сожалѣлъ онъ объ ономъ и хотѣлъ бы охотно возвратить, но то было уже поздно! Всѣ войски его по сему повелѣнію двинулись вновь для докананія насъ, и хотя онъ очень скоро послѣ сего увидѣлъ самъ крайнею свою ошибку въ непослѣдованіи совѣтамъ стариковъ, но начатое дѣйствіе остановить было уже не можно.

Для совершеннаго докананія насъ потребна была непріятелю конница и пушки, а сего-то самаго ему и не доставало. Помянутые овраги, топкія мѣста и буераки мѣшали и конницѣ взять въ дѣйствіи соучастіе, и пушки привезть изъ-за буераковъ; ибо тѣ, которыя отняты были у насъ, по особливому для насъ щастію, прусаки сами загвоздили и здѣлали для употребленія негодными. Итакъ, хотя конницы и перебралось нѣсколько чрезъ вершины и буераки, также подвезено было и пушекъ нѣсколько, но все было оныхъ очень мало и недостаточно къ низложенію оставшей нашей арміи, на горѣ праваго фланга въ кучѣ сбившейся и стоящей. Чтобъ пособить себѣ въ сей нуждѣ, то вздумали они стараться овладѣть одною батареею, покинутою отъ насъ на жидовскомъ кладбищѣ. Батарея сія была превеликая, и очищала все мѣсто баталіи. Наши покинули ее, и ушли съ ней при приближеніи пруской конницы, и какъ она стояла безъ людей, то пруская пѣхота, бывшая отъ нея шаговъ на 800, бросилась для овладѣнія сими пушками, и уже оставалось ей шаговъ полтораста добѣжать, какъ поспѣшаетъ Лаудонъ, занимаетъ батарею сію своею пѣхотою, пущаетъ противъ прусаковъ цѣлой градъ картечей, и останавливаетъ тѣмъ все ихъ стремительство. Всѣ старанія ихъ подойтить ближе были тщетны и имъ не помогли. Они увеличивали только ихъ безпорядокъ, которымъ Лаудонъ не упустилъ воспользоваться и тотчасъ конницѣ своей велѣлъ и справа и слѣва напасть на приступающихъ и врубиться въ пѣхоту и конницу прускую, и сія конница произвела тогда страшное между ими кровопролитіе.

Съ другой стороны, начали прусаки приступать и стараться овладѣть одною высотою, называемою Спицбергенъ, отъ занятія которой зависѣла вся побѣда. Но высота сія занята была наилутчими нашими и цесарскими войсками, и не только установлена пушками, но прикрыта еще была лежащимъ предъ нею буераком, или лощиною, имѣющею въ длину шаговъ 400, въ ширину отъ 50 до 60 шаговъ, а глубиною была футовъ десять или пятнадцать, и притомъ крутоберёга. Въ сію-то лощину бросились прусаки и старались какъ можно взодраться на сопротивной берегъ, но всѣ ихъ старанія о томъ были безуспѣшны; ибо кому и удавалось вскарабкаться наверхъ, всякой находилъ тамъ либо смерть свою, либо опять свергаемъ былъ внизъ въ буеракъ оной.

Наконецъ, натура взяла свой верхъ. Все мужество, вся храбрость и вся отвага прусаковъ не могли наградить истощенныя силы. Они приступали къ горѣ сей нѣсколько разъ съ ряду, но никакъ не могли на нее взодраться; ужасной и безпрерывной огонь, производимой нашими на нихъ изъ мелкаго ружья и изъ многихъ пушекъ, поражалъ ихъ страшнымъ образомъ и они пулями и картечами осыпаемы были какъ смертоноснымъ градомъ. Генералъ Финкъ, старавшейся такимъ же образомъ съ корпусомъ своимъ овладѣть другими высотами, истощалъ также тщетно свои силы. Король, самъ приводившей нѣсколько разъ свѣжія войски и принуждающей приступать, подвергалъ себя наивеличайшей опасности. Весь мундиръ былъ на немъ разстрѣленъ пулями; двѣ лошади подъ нимъ убиты и самъ онъ хотя и слегка, но былъ раненъ. Золотая готовальня, бывшая у него въ карманѣ, спасла жизнь его, удержавши собою пулю, попавшую въ него, и пуля остановилась въ вогнувшемся золотѣ. Въ таковой же близости къ смерти находился онъ, когда тяжко раненая лошадь подъ нимъ начала упадать, и его флигель-адъютанту Гецу удалось еще въ сей разъ спасти короля и подвесть ему свою лошадь. Всѣ наиубѣдительнѣйшимъ образомъ просили короля оставить сіе крайне опасное мѣсто, но онъ отвѣчалъ только: «Намъ надобно всевозможное испытать для полученія побѣды, и мнѣ надлежитъ здѣсь таково-жъ хорошо исправлять должность мою, какъ и всѣмъ протчимъ».

Словомъ, наши россіяне дрались въ сей разъ съ величайшимъ ожесточеніемъ и запальчивостію, и прусаки писали даже сами объ нихъ послѣ, что они будто бы въ сей разъ ложились цѣлыми шеренгами и давали прусакамъ переходить чрезъ себя, какъ чрезъ побитыхъ и мертвыхъ, а потомъ вскакивали и стрѣляли по нихъ сзади. Но какъ бы то ни было, всѣ старанія и домогательства прусаковъ согнать насъ съ горы были тщетны.

Теперь отважилась пруская конница атаковать высоты, но все искуство и вся кавалерійская тактика славнаго ихъ генерала Зейдлица не могла тутъ ничего произвесть. Сія конница, привыкнувшая подъ предводительствомъ его опрокидывать непріятельскую конницу, хотя бы она вдвое или втрое была сильнѣе, обращать пѣхоту при всѣхъ положеніяхъ ея въ бѣгство, брать даже самыя батареи и превозмогать всѣ трудности и неспособности въ мѣстоположеніяхъ, пала здѣсь предъ пушками нашихъ россіянъ, стрѣлявшихъ по ней съ высоты очень мѣтко, и осыпающихъ ее картечами своими какъ градомъ. Самъ Зейдлицъ, сей храброй ея предводитель, былъ раненъ; таковой же участи подверженъ былъ и принцъ Евгеній Виртенбергскій, испытывавшей вторичную атаку. За нимъ послѣдовалъ генералъ Путкамеръ, нападавшей на нашихъ съ своими бѣлыми гусарами, но застрѣленной до смерти. А и протчіе знаменитѣйшіе предводители пруской арміи: генералъ Финкъ и Гильзенъ, были переранены, и всѣ протчія войски, и пѣшія и конныя, пришли въ великой безпорядокъ и замѣшательство.

Въ самыя сіи критическія и опасныя минуты явился вдругъ Лаудонъ, вышедши изъ-за праваго крыла съ свѣжими войсками, и напалъ на совершенно ослабѣвшихъ прусаковъ со стороны и сзади. Сей полководецъ, прославившейся тѣмъ, что умѣлъ всегда на баталіяхъ ловить щастливыя минуты, предводительствовалъ въ сей разъ конницею. Онъ построилъ ее въ отдаленіи отъ мѣста побоища какъ надобно, и напалъ въ наилутчемъ порядкѣ на разстроившихся прусаковъ, а сіе и рѣшило всю участь баталіи. Паническій страхъ и ужасъ напалъ тогда вдругъ на всю прускую армію, и всѣ войски бросились бѣжать въ лѣсъ и на мосты. Всѣмъ хотѣлось перейтить вдругъ; отъ сего здѣлалась страшная тѣснота и неизобразимая сумятица, которая и притчиною тому была, что прусаки принуждены были не только оставить отнятыя у насъ пушки, но бросить и своихъ еще 165. Король самъ чуть-было не попался нашимъ въ полонъ,

находясь въ числѣ самыхъ почти послѣднихъ на мѣстѣ сраженія и долженствующей проѣзжать одною яслиною. Единое только чрезвычайное мужество и рѣдкое присутствіе духа ротмистра Притвица спасло его отъ сего великаго нещастія. Король, самъ почитая то уже неизбѣжнымъ, что его возьмутъ въ полонъ, кричалъ, нѣсколько разъ повторяя: «Притвицъ! Притвицъ! я погибаю!» Но сей храброй офицеръ, имѣвшей при себѣ только сотню гусаръ для сопротивленія цѣлымъ тысячамъ окружающихъ его непріятелей, отвѣтствовалъ ему: «нѣтъ, ваше величество, сему не бывать, покуда есть еще въ насъ дыханіе!» И тогда, вмѣсто того, чтобъ только оборониться, обратясь, поскакалъ онъ самъ атаковать нашихъ россіянъ и до тѣхъ поръ съ ними шурмовалъ, покуда королю удалось убраться впередъ, доскакать до протчихъ своихъ войскъ и соединиться съ ними.

Никогда еще не было твердодушіе сего монарха (какъ прусаки сами въ сочиненіяхъ своихъ отзываются) такъ чрезвычайно потрясено, какъ въ сей нещастной для его день. Въ немногіе часы военное щастіе низвергло (его) съ высоты безсомнѣнной побѣды въ бездну совершеннаго разбитія и пораженія. Онъ испытывалъ и все, и старался всячески остановить свою бѣгущую пѣхоту, но ничто, ни представленія, ни самыя убѣдительнѣйшія уговариванія и прозьбы, устами короля произносимыя, не помогли ни мало, сколь ни дѣйствительны бывали они при другихъ случаяхъ, и говорятъ, что онъ, въ семъ отчаянномъ положеніи находясь, самъ себѣ вслухъ желалъ смерти. Живое умовображеніе его представляло ему, въ первыя минуты, слѣдствія сей потерянной баталіи столь страшными, что онъ съ самаго того-жъ мѣста баталіи, съ котораго за немногіе часы до того отправилъ онъ курьеровъ съ радостнымъ извѣстіемъ о побѣдѣ, послалъ теперь повелѣнія въ Берлинъ, чтобъ принимать скорѣй всѣ мѣры къ безопасности и къ скорѣйшему спасанію всего нужнаго. Онъ уже мнилъ видѣть непріятелей своихъ въ Берлинѣ и все уже разоряющихъ и опустошающихъ, и себя не въ силахъ учинить тому препятствіе. Войски его были такъ разсѣяны, что къ вечеру сего дня не имѣлъ онъ при себѣ болѣе 5000 человѣкъ онаго. Всѣ отнятыя пушки были опять потеряны, а вмѣстѣ съ ними и всѣ почти прускія. Генералъ Вуншъ, поставленной на той сторонѣ рѣки Одера, съ небольшимъ корпусомъ для загражденія намъ пути къ бѣгству, въ случаѣ ожидаемой побѣды, при концѣ сраженія сего прибылъ во Франктфуртъ и захватилъ въ полонъ всѣхъ нашихъ тамъ находившихся; но, услышавъ о разбитіи ихъ арміи, принужденъ былъ опять изъ города сего уйтить и покинуть плѣнъ свой. Наступившая ночь благопріятствовала наконецъ королю Прускому. Онъ собралъ сколько-нибудь своей арміи и достигъ съ нею до нѣкоторыхъ высотъ, которыя наши атаковать не отважились.

Симъ образомъ кончилось, къ безсмертной славѣ нашихъ войскъ, сіе кровопролитное сраженіе. Никоторое еще изъ всѣхъ бывшихъ въ сію войну не было таково убивственно и пагубно, какъ сіе. Прусаки потеряли одними убитыми болѣе 8,000 человѣкъ, а перераненo у нихъ слишкомъ пятнадцать тысячъ человѣкъ, со всѣми почти генералами и наизнаменитѣйшими офицерами. Въ полонъ взято нашими ихъ безъ мала пять тысячъ. И такъ, весь уронъ ихъ простирался около 28 тысячъ. Но не малъ былъ никакъ и нашъ: по собственному признанію графа Салтыкова, число убитыхъ простиралось безъ мала до трехъ, а число раненыхъ безъ мала до одиннатцати тысячъ, кромѣ цесарцовъ, которые также убитыми и раненными потеряли болѣе 2000 человѣкъ. Словомъ, число людей, претерпѣвшихъ въ сей день убивство, раны и плѣнъ, съ обѣихъ сторонъ простиралось почти до пятидесяти тысячъ человѣкъ. У насъ также переранены были многіе генералы, а число раненыхъ штабъ и оберъ-офицеровъ простиралось до 474 человѣкъ, и уронъ нашъ былъ такъ знаменитъ, что самъ графъ Салтыковъ, признаваясь

въ томъ въ письмѣ къ императрицѣ, между протчимъ изъяснялся сими словами: «Ваше величество, не извольте тому удивляться, вамъ извѣстно, что король пруской всегда побѣды надъ собою продаетъ очень дорого».

Также говаривалъ сей полководецъ:— «Ежели мнѣ еще такое же сраженіе выиграть, то принуждено мнѣ будетъ одному съ посошкомъ въ рукахъ несть извѣстіе о томъ въ Петербургъ».

Но какъ бы то ни было и сколь день сей для многихъ былъ ни злощастенъ, но всѣ оставшіе провели вечеръ дня сего въ неописанной радости и удовольствіи, сколько о совершенной побѣдѣ надъ непріятелемъ, столько и о избавленіи отъ очевидной опасности. Но не такъ проводилъ вечеръ сей и ночь сію король Пруской. Онъ ночевалъ въ деревушкѣ Этшеръ и спалъ въ одной, казаками опустошенной и со всѣхъ сторонъ раскрытой, ни дверей, ни оконъ въ цѣлости неимѣющей крестьянской хижинѣ, на клочкѣ соломы и нераздѣтой. Шляпа покрывала половину лица его, а шпага лежала обнаженная подлѣ бока. Въ ногахъ спали два его адъютанта на голой землѣ, а на дворѣ у дверей стоялъ одинъ только гранодеръ на часахъ—ночь, какихъ мало имѣлъ сей славной монархъ и которая была ему во всю жизнь очень памятна!

Тако окончился сей достопамятной день; а симъ окончу и я письмо сіе, сказавъ, что я есмь вашъ и протчее.

Письмо 77.

Любезной пріятель! Извѣстіе о упомянутой въ предслѣдующемъ письмѣ и старичкомъ нашимъ надъ Прускимъ королемъ одержанной, совершенной и знатной побѣдѣ, получили мы въ Кёнигсбергѣ, чрезъ самое короткое время, чрезъ бригадира князя Хованскаго, отправленнаго отъ графа Салтыкова съ извѣстіемъ симъ въ Петербургъ. Нельзя изобразить, сколь много обрадованы всѣ мы были онымъ, и какъ начали торжествовать надъ прусаками, старающимися всегда утверждать, что невозможное совсѣмъ то дѣло, чтобъ наши могли когданибудь побѣдить короля ихъ. Всѣ они, не въ состояніи будучи тогда оспоривать побѣды, повѣсили головы, а мы еще болѣе приводили ихъ въ смущеніе, утверждая, что теперь скоро уже посѣтится и Берлинъ нашими, и король не въ состояніи будетъ спасти оной отъ рукъ нашихъ.

Симъ образомъ заключали не только мы, но и всѣ въ свѣтѣ, ибо по всѣмъ обстоятельствамъ дѣло сіе было не только вѣроятнымъ, но почти безсумнительнымъ. Самъ король не инако думалъ, ибо въ повелѣніи, отправленномъ имъ съ мѣста баталіи въ Берлинъ, находились точно его слова, что теперь находится онъ не въ состояніи защитить городъ, и потому, чтобъ всѣ наизнаменитѣйшіе и богатѣйшіе жители уѣжжали бы изъ онаго и увозили по возможности свое имѣніе. Самая королевская фамилія должна была тотчасъ выѣхать и отправиться въ Магдебургъ; а вывезены были также и архивы.

Но какъ инако и можно было думать? Армія пруская, находящаяся въ тутошныхъ предѣлахъ, двукратнымъ и такъ скоро другъ за другомъ послѣдовавшимъ пораженіемъ, была приведена въ такое изнеможеніе, что она не въ состояніи была ничего предпріять. Я упоминалъ уже, что король по окончаніи сраженія едва могъ собрать вокругъ себя пять тысячъ человѣкъ войска; и хотя на другой день, переправившись назадъ чрезъ Одеръ, и увидѣлъ, что собралось къ нему изъ остатковъ разбитой его арміи и болѣе, такъ что скопилось уже тысячъ до двадцати, но что̀ могъ онъ предпріять безъ пушекъ, безъ припасовъ, безъ амуниціи и всѣхъ потребностей воинскихъ, и будучи притомъ совсѣмъ нашею арміею отрѣзанъ отъ Шлезіи и Саксоніи и находясь въ такомъ положеніи, что и изъ самыхъ своихъ провинцій не можно было ему получать помощи. И какъ при всемъ томъ путь для насъ въ Берлинъ совершенно былъ отверзтъ и свободенъ, то не должно

ли было ожидать, что наши непремнутъ такою славною побѣдою воспользоваться и ни мало не медля пойдутъ прямо къ Берлину и постараются овладѣть онымъ прежде, нежели король соберется опять съ силами.

Далѣе, не сомнѣвались почти всѣ, что побѣда сія послужитъ къ скорому окончанію и войны всей; ибо заключали, что, услышавъ объ ней, непремнутъ и цесарцы напасть съ главною и сильною своею арміею и разбить несравненно слабѣйшей противъ нихъ армію принца Гейнриха, а имперская армія не оставитъ овладѣть всею Саксоніею, и наконецъ и самымъ Магдебургомъ, и довесть короля Прускаго до послѣдней крайности.

Такъ думали и заключали всѣ, и готовились получать вскорѣ извѣстія за извѣстіями о новыхъ побѣдахъ и завоеваніяхъ. Мы сами, живучи въ Кёнигсбергѣ, всякой день ожидали новыхъ радостныхъ извѣстій и готовились уже заблаговремянно поздравлять другъ друга со взятьемъ Берлина. Но удивленіе наше было неописанное, когда прошла недѣля, прошла другая, а къ намъ не только не скакалъ курьеръ съ извѣстіемъ о взятьѣ Берлина, но мы, напротивъ того, услышали, что наши и въ сей разъ поступили по прежнему и старинному своему обыкновенію, и вмѣсто того, чтобъ воспользоваться первыми и драгоцѣнными минутами послѣ одержанной побѣды, зарадовавшись слишкомъ, оныя упустили и до тѣхъ поръ на мѣстѣ сраженія безъ всякаго дѣла и упражняясь въ однихъ только празднествахъ и торжествахъ простояли, покуда король собрался опять съ силами и съ духомъ, и, захвативъ путь къ Берлину, здѣлалъ шествіе наше къ нему невозможнымъ.

Не менѣе-жъ и мы и весь свѣтъ удивился, услышавъ, что и господинъ Даунъ, сей славной цесарской генералъ и опытной полководецъ, въ сей разъ былъ такъ оплошенъ, что ничего не предпріялъ, и не только не напалъ на принца Гейнриха, но ниже не здѣлалъ и движенія съ своей стороны къ Берлину, но вмѣсто всего того за нужное почелъ напередъ повидаться съ предводителемъ нашей арміи и согласиться что̀ дѣлать; и для сего свиданія не только самъ пошолъ совсѣмъ въ противоположную отъ Берлина сторону, но преклонилъ и нашего старика съ арміею своею, вмѣсто Берлина, иттить туда же.

Словомъ, у обоихъ сихъ предводителей войскъ вышла власно какъ нѣкая распря и перебранка. Генералъ Даунъ, услышавъ, что нашъ старикъ былъ такъ оплошенъ, что не воспользовался побѣдою, но, всѣ первыя и драгоцѣнныя минуты упустивъ, находился въ совершенномъ бездѣйствіи, дѣлалъ ему огорчительныя упреканія въ томъ, а сей отвѣтствовалъ ему съ такимъ же огорченіемъ.—«Я выигралъ двѣ баталіи, писалъ онъ къ нему, и теперь затѣмъ нейду далѣе впередъ, что жду извѣстія о двухъ такихъ же побѣдахъ отъ васъ, ибо несправедливо-бъ было, естли-бъ войскамъ моей императрицы однимъ только дѣйствовать».—Странной и удивительной отвѣтъ, а не менѣе страненъ былъ и тотъ, которой далъ онъ шведскому министру Монталамберту, находившемуся при немъ и его всячески убѣждавшему иттить впередъ и старавшемуся преклонить его къ тому тѣмъ представленіемъ, что естли не пойдетъ онъ теперь впередъ, то оставитъ всѣ плоды своей побѣды цесарцамъ. Господинъ Салтыковъ отвѣтствовалъ ему на сіе: «О! я ни мало имъ въ томъ не позавидую, а желаю всѣмъ сердцемъ получить имъ еще болѣе щастія, нежели сколько я имѣлъ, а я съ моей стороны довольно и предовольно уже здѣлалъ».

Богу извѣстно, чему приписать можно такіе странные и повидимому ни мало съ благоразуміемъ несообразные отзывы господина Салтыкова: своенравію ли его, или непростительному упрямству, или трудности, или инымъ какимъ притчинамъ? Нѣкоторые изъ новѣйшихъ иностранныхъ писателей почитаютъ тому притчиною господствовавшее во всѣхъ нашихъ русскихъ генералахъ, а особливо въ главныхъ командирахъ крайнее неудовольствіе и досаду на цесарцовъ. Они говорятъ, что вѣнской

дворъ здѣлалъ ошибку и вмѣсто того, чтобъ командировъ сихъ лично какъ-нибудь задобрить и привлечь на свою сторону, оной приносилъ въ Петербургѣ превеликія жалобы сперва на Апраксина, тамъ на Фермора, а наконецъ и на самого господина Салтыкова, и обвинялъ кого недоброхотствомъ, кого неспособностію, недѣятельностію и нехотѣніемъ подкрѣплять своихъ союзниковъ. А симъ, узнавшимъ все, было сіе огорчительно и досадно, а потому они и не помышляли никогда ревностно австрійцамъ помогать, и производили съ своей стороны лишь столько, чтобъ не можно было подпасть отвѣту, а не болѣе. Вѣнской дворъ хотя и увидѣлъ наконецъ свою ошибку и старался ее всячески исправить, но сіе было уже поздно.

Въ Петербургѣ, между тѣмъ, радость о побѣдѣ, полученной надъ королемъ Прускимъ, была чрезвычайная. Графъ Салтыковъ пожалованъ за нее фельдмаршаломъ, а князь Голицынъ генералъ-аншефомъ. Генералъ-поручики обвѣшены были кавалеріями, а всей арміи выдано было не въ зачетъ полугодовое жалованье. Не менѣе награждены были отъ императрицы и цесарцы. Она подарила Лаудона золотою и богато бриліантами украшенною шпагою, а каждому австрійскому полку, бывшему на сраженіи, пожаловала по пяти тысячъ рублей денегъ; а для увѣковѣчанія сего дня выбито было множество приличныхъ къ тому серебряныхъ медалей и всѣ воины россійскіе, бывшіе на семъ сраженіи, украшены были оными.

Итакъ, отъ помянутой недѣятельности нашей и австрійской арміи потеряны были всѣ плоды, которые можно-бъ было получить отъ обѣихъ побѣдъ нашихъ; и король Пруской, между тѣмъ, покуда мы производили марши и контра-марши и разгуливали у него по Шлезіи, успѣлъ опять поправить всѣ свои дѣла и хотя не получить никакихъ дальнихъ выгодъ, но по крайней мѣрѣ помѣшать и непріятелямъ своимъ произвесть что-нибудь важное. Сіи дѣйствительно упустили цѣлую осень, какъ наиспособнѣйшее къ военнымъ операціямъ время года, безъ всякаго почти важнаго дѣла. Оба предводителя армей, нашей и цесарской, имѣли свиданіе въ мѣстечкѣ Губенѣ, при которомъ свиданіи положили они, чтобъ нашимъ россійскимъ войскамъ не выходить изъ прускихъ земель, а остаться въ провинціяхъ, лежащихъ на лѣвомъ берегѣ рѣки Одера, и Даунъ обязался снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ. Самъ же онъ положилъ дожидаться, покуда имперская армія возьметъ саксонской столичной городъ Дрезденъ, а тогда чтобъ ему предпринять осаду города Нейса, и буде бы осада сія удалась и ему пощастливилось бы обовладѣть симъ городомъ; то обѣимъ бы арміямъ войтить тогда въ Шлезію и занять тутъ свои зимнія квартиры.

Вотъ какое здѣлано было у нихъ положеніе; но щотъ сей производимъ былъ безъ хозяина. Даунъ, здѣлавъ обѣщаніе снабдить нашу армію провіантомъ и фуражемъ, того не помыслилъ, что для арміи нашей потребно было великое множество онаго, и что толикаго числа ему самому взять было негдѣ, да и доставить къ намъ было неудобно. Оправившейся король Пруской слѣдовалъ повсюду по пятамъ нашимъ и цесарскимъ, и старался дѣлать вездѣ помѣшательство. Осада Дрездена между тѣмъ продлилась долго. Армія наша, стоявъ и дожидаясь долгое время взятья сего города, на одномъ мѣстѣ при Фирстенвальдѣ, поѣла весь свой запасной хлѣбъ и, не получая отъ цесарцовъ ничего, не знала чѣмъ себя прокормить. Лузація, въ которой она тогда находилась, принуждена была въ сентябрѣ мѣсяцѣ кормить собою цѣлыхъ четыре арміи, то-есть нашу, цесарскую, и прускихъ двѣ, а имянно ту, которою командовалъ самъ король, и ту, которою предводительствовалъ братъ его принцъ Генрихъ. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ и за недоставленіемъ цесарцами обѣщаннаго провіанта, и почувствовали мы первые недостатокъ въ оном. Дворъ вѣнской, не могши намъ доставить оной въ

натурѣ, предлагалъ намъ деньги на покупку онаго, но Салтыковъ отвѣчалъ, что солдаты его не ѣдятъ денегъ, а имъ надобенъ хлѣбъ. А какъ самаго сего не было и брать болѣе было негдѣ, то и поворотилъ онъ съ арміею своею въ сторону къ Польшѣ, для приближенія себя къ своимъ магазинамъ. Лаудонъ, получивъ новое подкрѣпленіе, не отставалъ отъ онаго и старался всячески убѣдить его предпріять осаду пруской крѣпости Глогау и отвратить какъ можно отъ прехожденія назадъ чрезъ рѣку Одеръ. Но расторопность короля разрушила всѣ сіи планы.

Армія наша, въ соединеніи съ помянутымъ австрійскимъ корпусомъ, пришла 13 сентября на берега рѣки Одера съ тѣмъ, чтобъ иттить вдоль по ней до самаго Глогава. Въ семъ намѣреніи и отправила она передовыхъ для занятія лагеря при мѣстечкѣ Бейтенѣ; но какъ удивился авангардъ нашъ, когда, по приближеніи своемъ туда, увидѣлъ оное мѣсто уже занятымъ отъ короля Прускаго, котораго считали въ Шлезіи и въ отдаленности. Салтыковъ и Лаудонъ посмотрѣли на него издали и не посмѣли никакъ атаковать онаго, хотя и вся армія его не состояла болѣе, какъ въ 24 тысячахъ, а они втрое его были сильнѣе. Несмотря на то, король Пруской намѣренъ былъ защищать Глогау во что-бъ то ни стало, и какъ онъ всякой день ожидалъ отъ нашихъ нападенія, то принуждены были его войска всякое утро становиться въ ружье. Однако страхъ и опасеніе его было напрасное. Наши не отважились его атаковать, а переправившись неподалеку отъ Бейтена на другую сторону рѣки Одера, и разстрѣляли изъ пушекъ мостъ, боясь, чтобъ онъ не погнался за нами. Они направили стопы свои въ сторону къ Бреславлю, но куда ни приходили, вездѣ находили они прусаковъ и всѣ пути заставленные ими; ибо король Пруской послѣдовалъ за нашими и всегда находился вблизи къ намъ.

При семъ-то случаѣ являлась наилутчая оказія намъ къ атакованію и разбитію сей пруской арміи на-голову, но мы оную по невѣдѣнію упустили. Короля въ самое сіе время схватила обыкновенная его болѣзнь подагра, и никогда онъ насъ такъ не трусилъ, какъ въ сіе время, ибо не сомнѣвался, что какъ скоро мы о сей его болѣзни узнаемъ, то непремінемъ его тотчасъ атаковать; ибо извѣстно, что онъ во время сей болѣзни не въ состояніи былъ никакъ командовать самъ войсками, но претерпѣвалъ самое адское мученіе: не въ состояніи былъ ни на лошадь сѣсть, ни возить себя давать. Итакъ, принужденъ бы онъ былъ ждать своей нещастной судьбины. Но по особенному его щастію, мы о томъ никакъ не узнали, а продолжали свой походъ; а онъ между тѣмъ велѣлъ себя солдатамъ на рукахъ отнесть въ мѣстечко Кебенъ, на рѣкѣ Одерѣ, и созвавъ туда своихъ генераловъ, объявилъ имъ о жестокости своей болѣзни, отлучающей его отъ арміи и здѣлалъ имъ слѣдующее порученіе: «Увѣрьте, пожалуйте,—сказалъ онъ имъ,—моихъ храбрыхъ солдатъ, что хотя я въ кампанію сію и много нещастія имѣлъ, но я не успокоюсь прежде, покуда не возстановлю опять всего въ порядокъ. Скажите имъ, что я полагаюсь на ихъ храбрость и что меня одна только смерть можетъ отлучить отъ арміи».

Городокъ Герштатъ долженствовалъ служить предѣломъ тогдашняго нашего шлезскаго похода. Сей, не столько искуствомъ, сколько натурою укрѣпленной городъ занятъ былъ нѣсколькими сотнями прусаковъ. Графъ Салтыковъ потребовалъ отъ коменданта здачи и грозилъ сожженіемъ, ежели не сдастся; но какъ пруской офицеръ отвѣтствовалъ, что имѣетъ онъ повелѣніе городъ защищать, хотя-бъ они и сожигать стали, то сей отвѣтъ такъ разгорячилъ графа Салтыкова, что онъ велѣлъ тотчасъ кинуть въ него нѣсколько зажигательныхъ ядеръ и все оное превратить въ пепелъ.

Сіе было послѣднее въ сей годъ и не великой похвалы достойное военное дѣло; ибо отсюда повернулись наши прямо въ Польшу и пошли къ Познани, такъ что

въ концѣ октября не было болѣе ни въ Шлезіи, ни въ Бранденбургіи изъ россіянъ и австрійцовъ ни единаго человѣка, а курились только повсюду одни слѣды наши. И какъ походъ нашъ продолжался безостановочно, то спросилъ Лаудонъ Салтыкова: «что-жъ ему съ своимъ корпусомъ дѣлать?» — «А что хотите, то и дѣлайте!» сказалъ Салтыковъ: «а я иду въ Познань!» Услышавъ сіе Лаудонъ, и побывъ еще нѣсколько дней съ нами, принужденъ былъ потомъ въ крайнемъ неудовольствіи съ нами разстаться и итти назадъ въ австрійскія земли.

Симъ образомъ окончилась наша кампанія и въ сей годъ, и къ крайнему нашему стыду, опять безъ полученія никакой особливой выгоды, а съ потеряніемъ только множества людей, и съ пріобрѣтеніемъ только одной пустой славы. Король Пруской остался и въ концѣ сего лѣта столь же намъ страшнымъ, какъ былъ прежде, и хотя имперцы и взяли у него въ Саксоніи городъ Дрезденъ и цесарцамъ наконецъ нечаянно удалось не только разбить, но и совсѣмъ въ полонъ взять цѣлой его, въ 18 тысячахъ состоящей, корпусъ, съ 8 человѣками генераловъ и командиромъ ихъ г. Финкомъ, котораго было отправилъ онъ для отнятія опять Дрездена; однако всѣ сіи выгоды не имѣли никакихъ по себѣ дальнихъ послѣдствій и не произвели въ войнѣ никакой перемѣны. Для короля Пруска-го, сколько она ни нещастна была, но онъ находилъ средствы къ подкрѣпленію себя всѣми потребностями, такъ что онъ при концѣ лѣта никакъ не находилъ себя доведеннымъ до такой крайности, чтобъ просить и домогаться мира. Словомъ, стеченіе всѣхъ обстоятельствъ было таково въ сіе лѣто, что самой судьбѣ, какъ казалось, угодно было, чтобъ война сія продлилась еще долѣе и не такъ скоро свой конецъ получила, какъ всѣ думали и ожидали.

Но я остановлюсь на семъ мѣстѣ и, предоставивъ повѣствованіе о дальнѣйшихъ военныхъ произшествіяхъ до другова времяни, возвращусь къ собственной моей исторіи и разскажу, что, между тѣмъ какъ все сіе происходило въ Европѣ, дѣлали мы, живучи въ Кёнигсбергѣ и въ чемъ препровождали осеннее и зимнее время.

Сіе услышите вы въ послѣдующемъ письмѣ; а теперешнее дозвольте симъ кончить и сказать вамъ, что я есмь вашъ и протчее.

Письмо 78.

Любезной пріятель! Между тѣмъ, какъ армія наша возвращалась изъ своего похода, и, расположась на прежнихъ своихъ квартирахъ, отъ трудовъ своихъ отдыхала, а командиры помышляли о пріуготовленіи всего нужнаго къ новому походу и къ продолженію войны сей, мы въ Кёнигсбергѣ продолжали жить по прежнему, весело и въ удовольствіи. Не успѣла начаться осень и длинные зимніе вечера, какъ возобновились у насъ по прежнему балы и маскарады. Первые бывали хотя и во все продолженіе лѣта, однако не такъ часто, какъ осенью и зимою; ибо въ сіи скучныя годовыя времяна не проходило ни одной недѣли, въ которой бы не было у насъ бала и танцовъ, безъ всякаго праздника или особливаго къ тому повода, напримѣръ, проѣзда какого-нибудь знатнаго боярина и генерала. Для сихъ обыкновенно дѣлываны были у насъ балы, а въ праздничные и торжественные дни заводились многочисленные маскарады, либо у губернатора въ домѣ, либо по прежнему, для множайшаго простора, въ театрѣ. Въ семъ наиболѣе бывали только маскарады, и мы впервые еще научили прусаковъ пользоваться театрами для большихъ и многочисленныхъ собраній и, дѣлая надъ всѣми партерами вносные разборные помосты, превращать оные въ соединеніи съ театромъ въ превеличайшую залу. Для меня самого было сіе новое зрѣлище, и я съ начала не понималъ, какъ это дѣлали и удивился, вошедъ въ маскарадъ и не узнавши почти того мѣста, гдѣ были партеры. Однѣ только ложи доказывали прежнее его существованіе. Но самыя сіи

и придавали маскараду наиболѣе пышности и живности, ибо всѣ онѣ наполнены были множествомъ зрителей и всякаго народа, котораго набиралось такое множество, что было для кого наряжаться и выдумывать разнообразныя одежды; въ сихъ старались тогда всѣ, бравшіе въ увеселеніяхъ спхъ соучастіе, другъ друга превзойтить, и можно сказать, что въ выдумкахъ и затѣяхъ сихъ не уступали ни мало намъ и прусаки, а нерѣдко насъ еще въ томъ и превосходили.

Кромѣ баловъ и маскарадовъ, нерѣдко занимались мы и самымъ театромъ. Комедіанты не преминули опять, какъ скоро наступила осень, къ намъ пріѣхать и увеселяли насъ своими прекрасными представленіями; а кромѣ сихъ посѣтилъ насъ въ сію осень и разъѣжжающей по всему свѣту эквилибристъ или балансёръ, и увеселялъ нѣсколько разъ всю нашу небольшую публику на театрѣ показываніемъ намъ своего искуства въ фолтижированьѣ и балансированіи разномъ. Сіе зрѣлище было для меня также новое и никогда еще до сего времяни невиданное, и я не могъ оному довольно насмотрѣться и надивиться тому, какъ можетъ человѣкъ дѣлать такіе удивительные изгибы и перевороты и такъ правильно держать себя въ равновѣсіи.

Итакъ, судя по частымъ и разнымъ увеселеніямъ симъ можно было тогдашнею мою жизнь почесть прямо веселою. Она и была дѣйствительно такова, и была бы для насъ еще и пріятнѣе, естли-бъ только генералъ нашъ не посыпалъ иногда всѣ наши забавы и удовольствія перцомъ и имбиремъ, и въ наилутчія наши веселости не вливалъ желчи по своему безпутному и до безконечности горячему нраву. Нещастной характеръ его съ сей стороны не можно довольно изобразить. Я упоминалъ вамъ уже прежде о странномъ и удивительномъ свойствѣ сего нашего начальника, почему почитаю повторять то за излишнее, а скажу только то, что всѣ мы къ бранямъ и ругательствамъ его наконецъ такъ привыкли, что не ставили почти оныя ни во что и вмѣсто досады смѣивались только, выходя изъ судейской, и другъ предъ другомъ хвастались тѣмъ, что болѣе ли или менѣе разъ были въ тотъ день бранены. И къ удивленію всѣхъ, незнающихъ, постороннихъ людей, не рѣдко, сидя въ канцеляріи, спрашивали другъ у друга, былъ ли кто въ тотъ день въ канцеляріи и сколько разъ? что значило, былъ ли кто въ судейской и браненъ ли былъ отъ генерала? и тогда иной говорилъ: «Вотъ, слава Богу, я еще севодни не былъ ни разу», а другой, вздохнувъ, говорилъ, что онъ уже раза три или четыре побывалъ въ оной. Что касается до меня, то я хотя по должности моей и всѣхъ протчихъ меньше имѣлъ съ нимъ дѣла, потому что всѣ мои переводы и бумаги входили въ руки къ секретарямъ и совѣтникамъ, а не къ нему, однако принужденъ былъ и я пить такую же горькую чашу, какъ и всѣ протчіе, и хотя не такъ часто, какъ другіе сотоварищи мои, однако претерпѣвать иногда также брани и ругательствы. Поводомъ къ тому бывало наиболѣе то обстоятельство, что онъ нерѣдко употреблялъ меня вмѣсто своего адъютанта. Всякой разъ, когда ни случалось сему прихворнуть, а сіе случалось довольно часто, принужденъ я былъ нести его должность, а особливо въ праздничные и торжественные дни, и разъѣжжая по всему городу, развозить поклоны, а наканунѣ тѣхъ дней сзывать на балъ или на обѣдъ все тамошнее дворянство. Сзыванія и разсылки сіи бывали иногда такъ велики, что и обоимъ намъ съ адъютантомъ едва доставало время всѣхъ объѣздить и все нужное исполнить. И при такихъ-то случаяхъ и терпѣли мы оба отъ генерала превеликія иногда брани; ибо какъ онъ былъ не весьма памятливъ, то, позабывъ, что иное приказалъ мнѣ, нападаетъ невиннымъ образомъ на адъютанта; а иногда приказавъ что-нибудь ему, а увидѣвъ меня, начинаетъ спрашивать о томъ у меня, и какъ незнаніемъ станешь оправдываться, то тогда и пойдетъ потѣха и мы только успѣвай слушать его брани и ругательствы. Въ самыхъ даваемыхъ приказаніяхъ бывалъ онъ какъ-то не всегда памятливъ и постояненъ.

Часто случалось, что инова онъ совсѣмъ не приказывалъ, а послѣ взыскивалъ, для чего было не здѣлано; когда же ему скажешь, что онъ того не изволилъ и приказывать, то бранилъ и ругалъ, для чего мы ему того не напомнили: а намъ какъ можно было узнавать, что̀ у него на умѣ и что̀ ему помнить надобно! Словомъ, взыскиванія и брани, а временемъ и самыя ругательства его были столь напрасны и мы претерпѣвали ихъ столь невиннымъ образомъ, что имѣли тысячу притчинъ вовсе оныя не уважать и вмѣсто досады за то всему тому только смѣяться; а особливо вѣдая, что брани сіи никакого послѣдствія не возымѣютъ, но генералъ, несмотря на все сіе, останется къ намъ столь же благорасположеннымъ, какъ былъ и прежде.

Кромѣ сего имѣлъ я въ сію осень паки перетурку. Неуспѣла армія возвратиться изъ своего похода и расположиться на кантониръ-квартирахъ, какъ полковникъ нашего полку не преминулъ возобновить опять требованіе меня обратно въ полкъ, и отъ новаго фельдмаршала тотчасъ прислано было о томъ повелѣніе къ Корфу. Сіе меня паки перетревожило ужаснымъ образомъ и тѣмъ паче, что отъ генерала нашего требованы были уже неоднократно переводчики отъ сената и присылки оныхъ со дня на день ожидали. Но какъ сего и по самое сіе время еще не воспослѣдовало, то сіе обстоятельство, а сверхъ того благосклонность ко мнѣ и генерала и всѣхъ нашихъ канцелярскихъ, и нехотѣніе всѣхъ разстаться со мною, и помогло мнѣ и въ сей разъ отъ арміи благополучно отдѣлаться; ибо, несмотря на присланное повелѣніе, отвѣтствовано было, что безъ меня обойтиться никакъ было не можно, что требованные переводчики еще отъ сената не присланы и что затѣмъ я и не отправленъ, а оставленъ при отправленіи моей прежней и важной должности.

Сіе удержаніе меня еще на нѣкоторое время въ Кёнигсбергѣ было мнѣ тѣмъ пріятнѣе и произвело мнѣ тѣмъ больше удовольствія, что чрезъ самое короткое послѣ того времяни пріѣхали и отправленные уже давно къ намъ переводчики. Были они все студенты изъ московскаго университета и ихъ, вмѣсто двухъ, требуемыхъ генераломъ, прислали къ намъ ровно десять человѣкъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, что по оставленіи изъ нихъ сколько для губернской канцеляріи будетъ надобно, всѣхъ протчихъ чтобъ отдать намъ чему-нибудь учиться. Я вострепеталъ духомъ, о семъ услышавъ, и почиталъ уже то неизбѣжнымъ, что меня тогда тотчасъ уже отправятъ въ армію, такъ какъ и писано было къ фельдмаршалу. И мнѣ не миновать бы того и дѣйствительно, ибо и генералъ и оба совѣтники наши уже помышляли о томъ и говорили уже съ первымъ секретаремъ нашимъ, естли-бъ не помѣшало тому бездѣльное и повидимому ничего нестоющее обстоятельство и не помогло къ тому, что я, несмотря и на сіе, оставленъ былъ еще на нѣсколько времяни къ неописанной моей пользѣ въ Кёнигсбергѣ. Обстоятельство сіе было слѣдующаго рода.

Помянутому первому секретарю нашему г. Чонжину, случилось гдѣ-то и какимъ-то образомъ увидѣть сестру того нещастнаго пилавскаго почтмейстера Вагнера, которой сосланъ былъ, по нѣкоторому подозрѣнію отъ насъ, въ тайную канцелярію въ Петербургъ, а оттуда уже въ Сибирь въ ссылку отправленъ, и которой, чрезъ изданное послѣ о себѣ въ свѣтъ жизнеописаніе, здѣлался всему свѣту извѣстенъ. — Дѣвушка сія была тогда лѣтъ осмнатцати и собою хотя не красавица, однако и недурна. Но какъ бы то ни было, но она имѣла щастіе или нещастіе помянутому секретарю нашему понравиться и его такъ собою очаровать, что она не сходила у него съ ума, и онъ положилъ, во что-бъ то ни стало, а преклонить ее къ себѣ къ любви, что̀ ему какимъ-то образомъ и удалось. Я всего того не зналъ и не вѣдалъ, ибо какъ я и въ разсужденіи самого себя всего меньше о такихъ дѣлахъ помышлялъ, то о постороннемъ заботиться и узнать мнѣ и того меньше было нужды; а здѣлалась мнѣ сія любовная интрига потому только извѣстна, что какъ секретарь нашъ не умѣлъ ни одного слова по-нѣ-

мецки, а она по-русски, а обоимъ имъ нужно было почти всякой день переписываться или посылать другъ къ другу небольшія записочки и билетцы; секретарю же нашему хотѣлось дѣло сіе производить сколько-нибудь скрытнѣе, потому что онъ былъ уже женатъ и тогда въ скоромъ времяни ожидалъ пріѣзда къ себѣ и жены своей, то и нуженъ былъ ему въ семъ случаѣ посредникъ, которой бы его записочки переписывалъ на нѣмецкомъ языкѣ для отправленія къ ней, а ее, присылаемыя къ нему, переводилъ ему на русское. И кому иному можно было комисію сію исправлять, какъ не мнѣ? Онъ на меня ее уже за нѣсколько времяни передъ тѣмъ и навалилъ, и нехотѣвшаго того сперва дѣлать и входить въ такія глупыя и дурныя сплетни, умѣлъ убѣдить своими прозьбами и обѣщаніями заслужить мнѣ то самому впредь, что я наконецъ волю его, хотя съ крайнимъ нехотѣніемъ и всегдашнимъ негодованіемъ, и согласился выполнять, и переводя ихъ небольшія, но можно сказать съ обѣихъ сторонъ наиглупѣйшія записочки, дѣлалъ ему превеликое удовольствіе.

Но какъ бы то ни было, но услуга сія мнѣ крайне сгодилась при помянутомъ случаѣ; ибо какъ секретарю нашему съ сей стороны здѣлался я крайне нужнымъ, то и не хотѣлось ему никакъ отпустить меня въ полкъ; но онъ, имѣя въ генералѣ великую силу, сталъ и безъ всякой моей о томъ прозьбы и домогательства генералу представлять, что меня отпустить еще никакъ не можно, потому что изъ всѣхъ десяти человѣкъ присланныхъ къ намъ студентовъ, по дѣланнымъ испытаніямъ всѣмъ онымъ, не нашолся изъ всѣхъ ихъ ни одинъ, которой бы могъ сколько-нибудь исправлять то, что̀ исправляю я въ канцеляріи; но что всѣ они столь мало умѣютъ по-нѣмецки, что ихъ надлежало еще отдавать сему языку учиться.

Сіе было отчасти и сущая правда, ибо они всѣ хотя и учились въ Москвѣ по-нѣмецки, но, неимѣя практики, казались столь незнающими, что сначала и подумать было не можно о употребленіи ихъ въ переводческую должность; хотя имъ чрезъ самое короткое время можно-бъ было здѣлаться къ тому способными, какъ то послѣ и оказалось, но на тогдашней случай помогло мнѣ ихъ незнаніе. Генералъ самъ, испытавъ ихъ нѣсколько и увидѣвъ то же, тотчасъ на представленіе секретаря согласился, и я оставленъ по прежнему, а господамъ студентамъ велѣно было приискивать себѣ учителей и мѣста, гдѣ бы имъ и чему учиться; что̀ они и не преминули здѣлать и чрезъ короткое время разобрались по разнымъ профессорамъ, и иные стали штудировать философію, иные медицину, нѣкоторые физику, а иные металлургію и такъ далѣе, а я остался опять одинъ въ канцеляріи исправлять должность толмача и переводчика.

Вмѣстѣ почти съ ними пріѣхали къ намъ, для отправленія письменныхъ дѣлъ въ канцеляріи нашей, и два юнкера, господа Олины. Они присланы были къ намъ на мѣсто отбывшаго отъ насъ секретаря Гаврилова, и были оба ребяты молодые и родные братья между собою. Одного изъ нихъ звали Яковомъ Ивановичемъ, а другова Александромъ. И какъ они здѣлались во всемъ нашими сотоварищами и пріобщены были къ свитѣ генеральской, и съ нами не только всякой день вмѣстѣ сидѣли и писали въ канцеляріи, но и обѣдывали у генерала, то и надобно мнѣ сколько-нибудь упомянуть о ихъ характерахъ.

Какъ оба они были хотя дѣти каковато богатаго секретаря, но имѣли уже офицерскіе чины, то и вели они себя совсѣмъ не на подъяческой, а на дворянской ногѣ, и якшались не съ подъячими, а съ нами. Оба они были еще нестары, и старшему не болѣе 21 года, а другой былъ моложе его однимъ только годомъ. Оба весьма не глупы, но, кромѣ русской грамоты, оба ничего не разумѣли. Старшей изъ нихъ велъ себя не только отмѣнно чисто, но въ скоромъ времяни здѣлался у насъ почти первымъ щоголемъ, и смѣшнымъ и несноснымъ петиметромъ. Будучи собою недуренъ, возмечталъ онъ о себѣ, что онъ великой красавецъ и сталъ не только про-

живаться совсѣмъ на уборы и щегольство, но—что всего смѣшнѣе—вздумалъ еще высокомѣриться собою и почитать себя и умнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Сіе вооружило насъ на него всѣхъ; ибо сколько мы его ни любили, но намъ его высокомѣріе было несносно и мы, вмѣсто искомаго имъ себѣ отъ всѣхъ уваженія, ему внутренно только смѣялись.

Что касается до его брата, то сей былъ совсѣмъ отмѣннаго и лутчаго характера: тихъ, дружелюбенъ, скроменъ, ласковъ, низокъ (?) и столь склоненъ къ узнанію всего того, что̀ ему было неизвѣстно, слѣдовательно способенъ къ наученію себя всему, — что мы его всѣ любили; а особливо у меня съ нимъ возстановилось скоро особливое дружество, которое со времянемъ такъ увеличилось, что мы были наилутчими друзьями и препровождали время свое наиболѣе вмѣстѣ.

Вскорѣ послѣ того перетревожены мы были однажды въ самую глухую и темную осеннюю полночь пожаромъ, случившимся у насъ на нашемъ вновь основанномъ монетномъ дворѣ. Какъ оной былъ не подалеку отъ замка и на самой той улицѣ, гдѣ и я имѣлъ свою квартиру и отъ меня недалеко, то перетревоженъ я былъ имъ въ особливости и принужденъ былъ въ полночь вставать, одѣваться, бѣжать на сей пожаръ и помогать его тушить протчимъ. По особливому щастію, удалось намъ не допустить его до усилія, но потушить въ самомъ еще почти началѣ; однако не прошло безъ того, чтобъ не распропало при томъ множества дѣлаемой нами новой монеты, какъ готовой, такъ и не въ отдѣланныхъ еще кружкахъ, которые принуждено было выносить всѣ вонъ и таскать насыпанными вверхъ лотками. Самъ нашъ генералъ былъ на семъ пожарѣ и не меньше всѣхъ насъ старался о скорѣйшемъ погашеніи онаго, поелику отъ сгорѣнія монетнаго двора зависѣла великая важность.

Другой пожаръ, воспослѣдовавшей чрезъ нѣсколько дней послѣ сего, былъ еще того важнѣе и хотя утушенъ также при самомъ еще своемъ началѣ, но навелъ намъ премножество хлопотъ. Случился онъ быть въ самой нашей канцеляріи и также въ глубокое ночное время, когда никого изъ насъ въ канцеляріи не было, а одни только сторожа сидѣли въ подъяческой и дожидалися, покуда выйдетъ изъ судейской совѣтникъ нашъ, господинъ Бауманъ, которой, по многодѣлію своему и по прилежности, нерѣдко просиживалъ одинъ-одинехонекъ и прописывалъ до самой полуночи. Но въ сей разъ господа сторожа наши какъ-то оплошали и не слыхали, какъ онъ изъ судейской вышелъ, ибо изъ оной были двери особыя въ генеральскія комнаты, гдѣ онъ живалъ; но щитая его все въ судейской, не озабочивались ни мало и объ оной и о свѣчахъ, господиномъ Бауманомъ оставленныхъ горящими; да и онъ какъ-то въ сей разъ оплошалъ и вышелъ вонъ, не позвонивъ и не приказавъ сторожамъ потушить свѣчи. Но какъ бы то ни было, но случилось такъ, что отъ одной свѣчи отстрекнулъ кусочикъ горящей еще свѣтильни и, по нещастію, попалъ на лежащія на столѣ во множествѣ разныя бумаги. Сіи тотчасъ начали отъ сего горѣть и полыхать, и въ немногія минуты надѣлали столько дѣла, что намъ цѣлую зиму досталось много потрудиться. Цѣлая половина стола, съ превеликимъ множествомъ накладенныхъ на него важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ не только отъ фельдмаршала и другихъ генераловъ, но и отъ самого двора и отъ сената изъ Петербурга, сгорѣли, отчасти всѣ, отчасти наполовину, и вся судейская наполнилась такимъ множествомъ дыма, что въ нее войтить было не можно. Къ особливому нещастію, сторожу, сидѣвшему въ подъяческой, случилось въ самыя сіи минуты вздремать и онъ до тѣхъ поръ не узналъ о семъ пожарѣ, покуда чадомъ и смрадомъ не наполнилась уже отчасти и подъяческая и оной не разбудилъ его, дремавшаго. Тогда бросился онъ въ судейскую и вострепеталъ, увидѣвъ всю ее наполненную дымомъ, а судейской столъ весь въ огнѣ и въ пламени. Онъ бросился тушить и поднялъ такой крикъ, что перетревожилъ

всѣхъ въ замкѣ. Самъ генералъ, услышавъ о пожарѣ семъ, прибѣжалъ туда безъ памяти, и его столько сей случай раздосадовалъ, что онъ занемогъ отъ сердца.

Но признаться надобно, что и было за что сердиться, ибо погорѣло множество преважныхъ бумагъ и, между протчимъ, не мало и такихъ, по которымъ требовалось скорое исполненіе, а тогда и исполнять было непочему.—Важны также были и рескрипты императрицы, и генералъ нашъ невѣдомо какъ боялся, чтобъ о пожарѣ семъ, произшедшемъ отъ единой оплошности, не дошло свѣдѣніе до самой императрицы и тѣмъ паче, что на мѣсто сгорѣвшихъ нужно было получить рескрипты новые. Но по особливому его щастію, всею тогдашнею, такъ-называемою конференціею, или верховнѣйшимъ нашимъ государственнымъ совѣтомъ въ Петербургѣ, изъ котораго разсылались всюду рескрипты или именные указы и подписываемы были не самою императрицею, а членами сего совѣта, управлялъ тогда своякъ его, великой канцлеръ Воронцовъ, и онъ могъ его чрезъ письмы убѣдить прислать, на мѣсто всѣхъ сгорѣвшихъ рескриптовъ, копіи съ отпусковъ оныхъ; а такимъ же образомъ, чрезъ дружескія и просительныя письмы, досталъ онъ копіи съ отпусковъ и другихъ важнѣйшихъ бумагъ, полученныхъ отъ фельдмаршала и другихъ особъ важнѣйшихъ; протчія же сгорѣвшія бумаги принуждены были всѣ мы замѣнить своими трудами и заняться нѣсколько недѣль сряду всѣ безпрерывнымъ писаніемъ.

Впротчемъ, сей случай побудилъ нашего генерала, на предбудущее время, принять лутчія мѣры для предосторожности и для отвращенія подобныхъ сему бѣдственныхъ произшествій. Онъ приказалъ съ сего времяни, чтобъ всѣмъ намъ, канцелярскимъ членамъ, поочереди въ канцеляріи дежурить и чтобъ дежурнымъ не только не отлучаться ни на одинъ часъ днемъ изъ канцеляріи, но чтобъ и ночевать въ оной, и тѣмъ паче, что послѣднее весьма нужно было и по притчинѣ проѣзжающихъ очень часто и въ армію и изъ арміи курьеровъ. Всѣ они являлись обыкновенно къ намъ въ канцелярію и завозили письмы, а для сихъ нужно было, хотя бы то случилось въ самую полночь, иттить къ генералу и его будить; естлибъ найтить его спящимъ.

Но самая сія предосторожность едва было не произвела у насъ въ канцеляріи другова пожара, и сей чуть-было не произошолъ нечаяннымъ образомъ отъ самого меня. Притчиною тому было самое помянутое дежурство, которое долженъ былъ и я отправлять на-ряду съ протчими. Всѣ мы обыкновенно сыпали въ судейской, приказывая приносить туда свои постели. Итакъ, однажды, какъ мнѣ случилось тутъ ночевать, и для бывшей тогда стужи приказать постелю себѣ постлать на стоящемъ подлѣ самой печи сундукѣ, то какимъ-то образомъ свисла тулупа моего, которымъ я одѣтъ былъ, одна пола въ узкой промежутокъ между печью и сундукомъ. Печь сія была кафельная, тонкая, горячая до самаго пола и топилась, по нѣмецкому обыкновенію, изъ сѣней. И какъ сторожу нашему, по притчинѣ тогдашней стужи, вздумалось встать гораздо поранѣе и судейскую натопить еще до свѣта, и онъ ни мало не пожалѣлъ дровъ и наворотилъ ими ее до самаго свода: то она, будучи тонкою, такъ раскалилась, что пола моего тулупа тотчасъ зачадѣла и, начавъ горѣть, зажгла и простыню и пуховикъ самой. Я, не зная того и не вѣдая продолжалъ себѣ спать крѣпкимъ и пріятнымъ сномъ, и прожогъ бы благополучнымъ образомъ и бокъ себѣ, естлибъ также не услышалъ смрада и вони стоящей часовой въ сѣняхъ и не сказалъ сторожу, чтобы онъ посмотрѣлъ, отчего такъ воняетъ. И сей-то, прибѣжавъ и не меньше прежняго на смерть испугавшись, разбудилъ уже меня, не менѣе сего страннаго случая испужавшагося. Но, по щастію, кромѣ моего тулупа и простыни, не сгорѣло ничего; и случилось сіе такъ рано, что мы успѣли выпустить въ двери и смрадъ и заглушить его такъ курительнымъ порошкомъ, что никто о томъ, кромѣ секре-

тарей нашихъ, не узналъ, которые, любя меня, не захотѣли доводить дѣла сего до нашего бѣшенаго генерала, отъ котораго и безъ того нѣсколько дней сряду передъ тѣмъ принужденъ я былъ, совсѣмъ невиннымъ образомъ, терпѣть ежедневно брани и гонку.

Поводъ къ тому подавало неудовольствіе, здѣланное нашему генералу отъ зимовавшаго тогда у насъ въ Кёнигсбергѣ и командовавшаго всѣми тутъ бывшими баталіонами генерала графа Петра Ивановича Панина. Не знаю, какимъ-то образомъ и чѣмъ-то такимъ проступился онъ противъ нашего генерала, съ которымъ до того была у него всегдашняя дружба. По наружности дѣло касалось только до квартиръ, но мы, по великости произшедшей между ими за сущую бездѣлку ужасной ссоры и распри, заключали, что надлежало быть какой-нибудь потаенной еще притчины. Но какъ бы то ни было, но мнѣ, по нещастію, случилось быть переносчикомъ дѣлаемыхъ обоими ими другъ другу немилосердыхъ браней и ругательствъ; ибо какъ адъютанту нашему случилось въ сіе время занемочь, то принужденъ былъ я, исправляя его должность, нѣсколько дней сряду, и раза по два и по три въ день, ходить къ помянутому генералу, и переносить отъ генерала нашего къ нему, а отъ него къ генералу нашему такіе комплименты, какими истинно едва ли и сами бурлаки и фабричные другъ друга когда подчиваютъ. Словомъ, препорученія сіи составляли тогда для меня не только наитруднѣйшую, но тѣмъ и досаднѣйшую комисію, что я принужденъ былъ со стороны, и за чужіе грѣхи, терпѣть отъ генерала нашего брани и ругательствы; ибо, какъ всякой разъ, посылая меня къ господину Панину, приказывалъ сказывать такой нескладной и до безконечности обидной для того вздоръ, какова безъ смѣха слышать было не можно, и отпуская, накрѣпко приказывалъ пересказывать ему все дѣло точно такими словами; то, подумайте сами, можно ли мнѣ было выполнять въ точности его повелѣніе и ругать армейскаго и тогда очень важнаго генералъ-поручика самыми скверными браньми? Нѣтъ, я сего никакъ не дѣлалъ; но, идучи всякой разъ къ нему, во всю дорогу вымышлялъ и выдумывалъ умѣреннѣйшія и такія выраженія, которыя хотя бы и непріятны были сему генералу, но не такъ бы могли его сердить. Все мое студированіе оставалось почти всякой разъ безполезнымъ; ибо какъ и сей въ перебранкахъ не менѣе того былъ вспыльчивъ, бѣшенъ и горячъ, то какъ ни позлащалъ я присылаемыя къ нему пилюли, но онъ не успѣвалъ ихъ увидѣть, какъ приходилъ въ сущее бѣшенство и въ тотъ же мигъ насказывалъ мнѣ столько нелѣпыхъ браней и ругательствъ, для обратнаго пересказыванія господину Корфу, что я не въ состояніи бывалъ и десятой доли ихъ упомнить. Да правду сказать, я о томъ всего меньше и старался; ибо сколько и сей не оставлялъ мнѣ разъ по пяти подтверждать, чтобъ отвѣтъ его пересказанъ былъ генералу моему точно тѣми словами, какими онъ говорилъ, однако у меня и на умѣ того не было, а я и его отвѣты также переливалъ въ другую и лутчую форму. Но нещастіе мое было то, что иногда не можно было никакъ столь искусно перелаживать на иной ладъ, чтобъ не могли они съ обѣихъ сторонъ догадываться, что я не все то пересказываю, что приказываемо было, или пересказываю совсѣмъ инако, а за сіе самое и терпѣлъ я отъ моего генерала ужасныя брани и ругательствы. Но я хотѣлъ охотнѣе переносить невиннымъ образомъ самъ, нежели, точнымъ пересказываніемъ всѣхъ ихъ рѣчей, ссору ихъ увеличивать еще болѣе, и въ пламя оной подливать еще масло и спиртъ и доводить ихъ до вражды смертельной между собою; а я разсудилъ за лутчее лить въ пламя сіе воду, и оное тушить и уменьшать стараться, въ чомъ и удалось мнѣ успѣть къ собственному моему, а не менѣе и къ обоюдному ихъ удовольствію. Ибо, какъ выдумывая для пересказыванія имъ умѣреннѣйшія и менѣе обидныя слова, помышлялъ я самъ собою и о томъ, какими бы уступками другъ другу и чѣмъ бы

удобнѣе можно было имъ распрю сію прекратить; то, походивъ помянутымъ образомъ взадъ и впередъ, рѣшился наконецъ я преподать обоимъ имъ къ тому мысли, всклепавъ, будто бы я слышалъ то, хотя не отъ самого генерала, а отъ другихъ, при немъ находящихся; а сею выдумкою мало-по-малу и посократилъ ихъ взаимную другъ на друга досаду и огорченіе и побудилъ наконецъ дѣйствительно здѣлать другъ другу, будто желаемыя ими самими снисхожденія, а въ самомъ дѣлѣ мною, единственно для пользы ихъ и прекращенія ссоры ихъ, выдуманныя и имъ искусно предложенныя, и чрезъ самое то прекратить ихъ ссору.

Но я удалился уже отъ повѣствованія о нашихъ пожарахъ и, возвращаясь теперь къ нимъ, скажу, что вышеупомянутымъ третьимъ, случившимся у насъ въ канцеляріи, дѣло еще не кончилось, но они были на насъ въ сію осень и зиму власно какъ напущенные; и послѣ сего случился еще одинъ и хотя не правской, а почти совсѣмъ ложной, но произведшей по себѣ пагубныя и весьма печальныя послѣдствія.

Случилось сіе въ одинъ зимней воскресной день и въ самое то время, когда генералъ нашъ, по случаю бывшаго въ тотъ день викторіальнаго празденства, давалъ превеликой столъ всѣмъ лутчимъ въ Кёнигсбергѣ находившимся особамъ и сидѣлъ съ ними еще за обѣдомъ, хотя уже часъ третей былъ послѣ полудня. Впереди описывая замокъ сей, въ которомъ жилъ тогда нашъ губернаторъ, между прочимъ упоминалъ я, что весь задней фасъ онаго, противоположной тому, гдѣ жилъ губернаторъ, составляла превеликая и огромная кирка или нѣмецкая церковь. Какъ въ приходѣ у оной были всѣ лежащія вокругъ замка кварталы, то и собиралось въ кирку сію въ каждое воскресенье и въ каждой праздничной и торжественной день превеликое множество обоего пола народа, сколько для отправленія божественной службы, а наиболѣе для слушанія проповѣдей, которыя тутъ, какъ въ главной церкви, сказываемы были всегда хорошія и гораздо лутчія, нежели въ другихъ мѣстахъ; и кирка сія была такъ щастлива, что всегда бывала набита народомъ, и не только по утрамъ, но и послѣ обѣда, ибо надобно знать, что у лютеранъ въ праздничные дни бываетъ и послѣ обѣда такая же служба, какъ и до обѣда.

Симъ образомъ случилось и въ сей разъ киркѣ сей и вторично уже быть наполненною превеликимъ множествомъ людей обоего пола и состояній различныхъ, ибо было тутъ сколько низкихъ и подлыхъ, а того еще болѣе зажиточныхъ и хорошихъ кёнигсбергскихъ жителей. Къ вящему нещастію, имѣли всѣ они особливую побудительную притчину сойтиться въ нее въ сіе послѣобѣднешнее время. За годъ до того случилось одному изъ нихъ тутошнихъ пасторовъ и любимѣйшему всѣми ими, говоря проповѣдь, завраться и проболтать нѣкоторыя неприличныя слова противъ нашей императрицы. О семъ узнало тотчасъ наше правительство, и пасторъ сей терпѣлъ за то превеликое истязаніе и цѣлой годъ находился подъ арестомъ и подъ слѣдствіемъ. Всѣ щитали его погибшимъ, но монархинѣ нашей, по милосердію своему, угодно было вину его простить, и повелѣніе о выпускѣ его изъ-подъ ареста получено было дни за три только до сего времяни. И какъ всѣмъ прихожанамъ и всему городу здѣлалось сіе извѣстнымъ, а равно и то, что онъ въ сей день послѣ обѣда вознамѣрился быть тутъ на катедрѣ и сказывать проповѣдь, то обратился почти весь городъ и собрался для слушанія сей проповѣди; но что-жъ и какое нещастіе случись во время самой оной?

У кёнигсбергскихъ зажиточныхъ жительницъ есть обыкновеніе въ зимнее холодное время носить съ собою въ церковь особливые мѣдные, и на подобіе плоскихъ ларчиковъ здѣланные, сосудцы, наполненные жаромъ. Сіи сосудцы или согрѣвальницы, усѣвшись въ своихъ лавкахъ, становятъ онѣ у себя подъ ноги и подъ подолъ, и какъ они и сверху и съ сторонъ дѣлаются скрытыми, то опасности отъ огня быть не можетъ, а тепла производятъ они собою много и согрѣваютъ съ

избыткомъ нѣжныхъ прусачекъ. Симъ образомъ было и въ сей разъ множество женщинъ съ таковыми точно мѣдными и прекрасными коробочками, наполненными жаромъ, въ сей киркѣ. И неизвѣстно уже заподлинно, по какому собственно поводу случилось одной изъ сихъ женщинъ, сидѣвшей посреди самой церкви во время продолженія проповѣди, которую слушали всѣ съ великимъ вниманіемъ, обратиться къ сосѣдкѣ своей и, заворошившись, молвить словцо «феіеръ», что на нашемъ языкѣ собственно значитъ огонь. Обожглась ли она о свою коробочку, растворилась ли она, и высыпался ли изъ ней жаръ, или такъ хотѣла она сосѣдкѣ сказать, что огонь въ коробочкѣ ее потухъ,—всего того заподлинно неизвѣстно, да и допытаться того въ точности послѣ не могли; а довольно только того, что помянутое выговоренное ею словцо услышали многія и другія, и изъ единаго любопытства стали другъ у друга распрашивать, что-бъ такое здѣлалось? и повторять словцо сіе въ тихихъ разговорахъ между собою. Какъ произошло отъ того небольшое шушуканье и другъ у друга спрашиваніе, то къ особливому нещастію и разнеслось слово сіе въ единой мигъ по всей церкви и весь народъ началъ твердить «феіеръ! феіеръ»! Теперь надобно знать, что самымъ симъ словцомъ на нѣмецкомъ языкѣ означаютъ и пожаръ, и какъ въ случаѣ и пожара говорится у нѣмцовъ только «феіеръ, феіеръ», то незнающіе и невидавшіе помянутаго самаго дѣла и возмечтали себѣ, что всѣми говорено тогда было о здѣлавшемся въ той церкви пожарѣ. Мысль сія вдругъ поразила весь народъ сперва смущеніемъ, а потомъ неописаннымъ страхомъ и ужасомъ. Всѣ, власно какъ смолвившись, въ одинъ голосъ закричали: «феіеръ! феіеръ»! или «пожаръ, пожаръ»! и всѣ, повскакавъ съ своихъ лавокъ, побѣжали опрометью къ дверямъ и выходамъ церковнымъ. Сихъ выходовъ было только два, простиравшихся на площадь, внутри замка находящуюся, но оба они были столь просторны и имѣли предъ собою хотя высокіе сходы по ступенямъ, но столь спокойные и широкіе, что безъ всякой нужды и въ самое короткое время можно-бъ было и изъ церкви выттить всѣмъ, естли-бъ сколько-нибудь наблюдать порядокъ и не такъ спѣшить, какъ тогда всѣ, сами не зная для чего и, прямо сказать, безъ ума, безъ разума, спѣшили, и самымъ тѣмъ произвели въ обѣихъ дверяхъ и на обоихъ крыльцахъ такую тѣсноту и давку, какой себѣ никакъ вообразить не можно. А какъ отъ нѣкоторыхъ глупцовъ и бездѣльниковъ разнеслась и та еще молва, что подъ церковью всѣ погреба наполнены отъ русскихъ порохомъ, и что хотятъ подорвать всю кирку и съ пасторомъ ихъ на воздухъ; то сколь вранье сіе ни было сумазбродно и ни съ чѣмъ несогласно, однако оно увеличивало даже до того страхъ и ужасъ всѣхъ находившихся въ церкви, что сіи стали уже силою продавливать всѣхъ сквозь двери и черезъ самое то, поваливъ множество людей, съ крыльца сходящихъ, бросились сами бѣжать вонъ по упавшимъ безъ всякаго разбора и разсмотрѣнія. А другіе, и особливо находящіеся на хорахъ и которымъ нѣсколько лѣс(т)ницъ сходить надлежало, такъ перетрусились и перепугались, что, не надѣясь сойтить внизъ по лѣс(т)ницамъ и выттить дверьми изъ церкви, спрыгивали съ хоръ внизъ на полъ; а иные, перебивъ окончины въ окнахъ церковныхъ, начали изъ нихъ, несмотря на всю ужасную высоту, внизъ по стѣнамъ, на ближнія кровли и на землю спускаться и отъ поспѣшности упадать, ломая у себя руки и ноги. Словомъ, смятеніе и давка, соединенная съ шумомъ и крикомъ, здѣлалась неописанная и вопль, произносимой и выбѣгающими и паки въ церковь обратно для спасенія сродниковъ своихъ бѣгущими, здѣлался столь громокъ, что достигъ до ушей самого генерала нашего, пирующаго съ гостьми своими въ залѣ. И какъ ему на вопросъ: что это такое? донесено было, что весь народъ бѣжитъ что-то въ безпамятствѣ изъ церкви, и въ тотъ же еще мигъ другіе прибѣгшіе доносили, что въ киркѣ здѣлался пожаръ; то все сіе, а особливо то—всѣмъ нашимъ

довольно извѣстное обстоятельство, что подъ церковью сею въ погребахъ дѣйствительно установлены были наши патронные и артилерійскіе ящики и находилось въ погребахъ сихъ множество пороха, такъ, какъ въ цейггаузѣ и въ магазинѣ,—такъ смутило и устрашило всѣхъ пировавшихъ, что они всѣ повскакали съ своихъ мѣстъ и опрометью побѣжали внизъ, и чрезъ площадь, къ дверямъ церковнымъ, куда подоспѣла между тѣмъ и вся гауптвахта. Но ни она, ни мы всѣ и ни самой генералъ не могъ ничего здѣлать съ симъ перепугавшимся и власно какъ съ ума сошедшимъ народомъ. Ничто и никакія увѣренія, что пожара не было и нѣтъ никакова, не помогали ни мало, а мы принуждены были дать волю странному происшествію сему кончиться само собою и слухи свои обратить къ жалкимъ воплямъ и стенаніямъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣли нещастіе въ сумятицѣ сей претерпѣть какое-нибудь поврежденіе. Многіе, выпрыгивая въ окны, переломали себѣ руки и ноги; другіе претерпѣли превеликіе толчки и давленіе въ тѣснотѣ бывшей; у иныхъ разорвано было платье, иные въ кровь изранены; многіе растеряли свои шляпы, и трости и другія вещи; а иные, попавши подъ ноги бѣгущимъ, были немилосердо изуродованы и такъ издавлены ногами, что лежали почти безъ движенія. А одна молодая дѣвушка была такъ нещастна, что въ тѣснотѣ задавили ее, упавшую и попавшую подъ ноги бѣгущимъ, совершенно до смерти. Сіе нещастіе поразило всѣхъ насъ крайнимъ объ ней сожалѣніемъ. И сожалѣніе сіе увеличилось еще болѣе, когда услышали мы, что она была не кёнигсбергская жительница, а пріѣжая изъ уѣзда въ гости къ родственникамъ своимъ, и была одна только дочь у отца и матери и не только собою очень недурна, но хорошаго воспитанія и добраго поведенія и нрава. Бѣдные родители ея были безутѣшны о ея потерѣ, и не только они, но и многіе изъ зрителей не могли удержаться отъ слезъ, когда повезли ее отъ насъ изъ замка.

Симъ окончу я сіе мое уже слишкомъ увеличившееся письмо; и какъ симъ приключеніемъ окончился и 1759 годъ, то въ будущемъ разскажу, что происходило со мною въ послѣдующемъ за симъ годѣ; а между тѣмъ остаюсь вашъ и протчее.

КЕНИГСБЕРГЪ.

Письмо 79.

Любезной пріятель! Какъ святки, такъ и начало 1760 года праздновали мы обыкновеннымъ образомъ—многими увеселеніями, и генералъ нашъ, будучи до нихъ охотникъ, а сверхъ того для любовныхъ своихъ интригъ съ графинею Кейзерлингшею имѣя въ томъ и нужду, въ сей разъ не удовольствовался даваніемъ у себя нѣсколько разъ большихъ обѣдовъ, а по вечерамъ баловъ и маскарадовъ, но восхотѣлъ еще въ новой годъ увеселить всѣхъ своихъ знакомыхъ и друзей, а вмѣстѣ съ ними и всю кёнигсбергскую публику, иллюминаціею, какъ такимъ всенароднымъ зрѣлищемъ, которое въ нѣмецкихъ городахъ бываетъ очень рѣдко. И потому, хотя вся сія иллюминація ничего почти не значила и была самая маленькая, и иллюминирована была тогда только рѣшотка и ворота двора, передъ замкомъ находившагося; но для пруссаковъ было уже и сіе въ великую диковинку, и народъ, собираясь въ великомъ множествѣ, не могъ ей довольно насмотрѣться и ею довольно налюбоваться.

Впротчемъ, какъ всю ее дѣлали не наши, а тамошніе мастера и жители, то имѣлъ я случай видѣть, какъ дѣлаются иллюминаціи въ земляхъ иностранныхъ и какая превеликая разница находится между ихъ иллюминаціями и нашими. У нихъ совсѣмъ не употребляются ни разными красками раскрашенные фонари, изъ какихъ у насъ составлялись въ тогдашнія времяна наипрекраснѣйшія иллюминаціи, ни такія глиняныя и саломъ налитыя плошки, изъ какихъ дѣлаютъ у насъ простыя иллюминаціи; но вмѣсто сихъ надѣлано было изъ жести нѣсколько тысячъ маленькихъ ночничковъ или плоскихъ лампадцовъ, и всѣ они наливаны были масломъ конопп-

нымъ, и горѣло не сало, а масло. Сими установлены были всѣ каменные столбы рѣшотки, также и сама она по прибитымъ еловымъ брусочкамъ и, по укрытіи напередъ всѣхъ столбовъ и рѣшотки еловою хвоею или вѣтвями, а на верхушкахъ столбовъ утверждены были хрустальные шары, наполненные разноцвѣтными подкрашенными водами; и какъ позадь шаровъ сихъ поставлены были также помянутыя жестяныя плошечки, то и казались они какими-то драгоцѣнными круглыми камнями, и хотя дѣлали видъ, но очень малой и почти непримѣтной. Самыя же вороты застановлены были прозрачною и по холстинѣ намалеванною картиною, но сработанною столь съ намѣреніемъ симъ не согласно и дурно, что вся она не заслуживала ни малѣйшаго вниманія; и какъ изъ сей картины и помянутыхъ плошекъ и десятковъ двухъ помянутыхъ стеклянныхъ шаровъ состояла и вся иллюминація, то и вся она не составляла дальней важности.

Вскорѣ за симъ имѣлъ я удовольствіе видѣть одного гишпанскаго знатнаго боярина, проѣжжавшаго чрезъ Кёнигсбергъ въ образѣ полномочнаго посла къ нашему двору. Начитавшись въ книгахъ о гишпанскихъ знатныхъ господахъ, не сомнѣвался я, что найду его и въ натурѣ таковымъ, каковымъ изображало мнѣ его мое умообображеніе; но какъ удивился я, пришедъ къ нему отъ генерала нашего съ поздравленіемъ и съ поклономъ и нашедъ маленькаго, сухощаваго, ничего незначущаго человѣченца и притомъ еще обритаго всего со лба до затылка чисто на чисто и умывающаго въ самое то время не только лицо, но и всю свою обритую голову превеликимъ шматомъ грецкой губки! Зрѣлище сіе было для меня такъ ново и такъ поразительно и смѣшно, что я чуть-было не разсмѣялся; но, по щастію, господину маркизу того было не примѣтно; ибо при входѣ моемъ сидѣлъ онъ на стулѣ, держалъ предъ собою превеликой тазъ съ намыленною водою, а камердинеръ его, ухватя въ обѣ руки помянутой шматъ грецкой губки, теръ ему изо всей силы и лицо и всю голову, и тотъ только-что поморщивался. Ну! нечего сказать, подумалъ я самъ въ себѣ тогда, что̀ городъ, то норовъ, и пословица сія справедлива.

Посолъ сей ѣхалъ къ намъ въ Петербургъ отъ новаго гишпанскаго короля съ извѣщеніемъ о вступленіи его на престолъ, и мы приняли и проводили его съ приличною сану его честію.

Между тѣмъ дѣлались у насъ повсюду пріуготовленія къ новой, съ наступленіемъ весны, кампаніи и продолженію войны нашей, которой конецъ былъ никѣмъ непредвидимъ. Всѣ невоюющія державы хотя и прилагали возможнѣйшія старанія о прекращеніи сего военнаго пламени, которое начинало уже всѣмъ наскучивать, и хотя съ стороны Англіи и короля Прускаго уже дѣланы были стороною нѣкоторыя предложенія, что они не отреклись бы вступить въ мирные переговоры, естлибъ непріятели ихъ къ тому согласились; а старикъ, польской отставной король Станиславъ Лещинскій, уже предлагалъ и мѣсто пребыванія своего, городъ Нанси, для мирнаго конгреса, и голандцы съ своей стороны предлагали къ тому же городъ Бреду, а другіе предлагали для сего конгреса городъ Лейпцигъ; однако, всѣ переписки, и сношенія и переговоры о томъ, продолжавшіеся во всю зиму, были безуспѣшны и въ апрѣлѣ совершенно всѣ пресѣклись, такъ что не осталось ни малѣйшей надежды, чтобы могъ въ сей годъ воспослѣдовать миръ въ Европѣ.

Притчиною тому полагаютъ наиболѣе то, что императрицѣ нашей, ненавидѣвшей лично короля Прускаго, хотѣлось удержать за собою захваченную Прусію, а цесаревѣ хотѣлось неотмѣнно возвратить себѣ назадъ и завоевать всю Шлезію; а для нихъ не соглашались мириться и французы, которые управляемы тогда были любовницею королевскою, маркизою Помпандуршею, и министромъ ихъ Шоазелемъ, кои оба преданы были цесаревѣ.

И какъ у обоихъ нашихъ дворовъ и на умѣ не было въ сей годъ мириться и лишиться потерянныхъ уже толь многихъ тысячъ людей и толь многихъ міліоновъ

денегъ безъ всякаго пріобрѣтенія и пользы, то и не преминули они въ теченіе зимы дѣлать всѣ нужныя къ продолженію войны пріуготовленія. У насъ учрежденъ былъ новой и многочисленной рекрутской наборъ, и множество новыхъ и старыхъ солдатъ отправлено было въ Прусію для укомплектованія полковъ, претерпѣвшихъ уронъ въ послѣднюю кампанію. Прилагаемы были также возможнѣйшія старанія о запасеніи арміи и всего войска довольнымъ количествомъ провіанта и фуража, а артилерію — амуниціею и всѣми нужными припасами. Фельдмаршалъ Салтыковъ призванъ былъ въ Петербургъ, осыпанъ милостьми и благодѣяніями отъ императрицы. Съ нимъ держаны были совѣты о будущей кампаніи и, по расположеніи съ нимъ всѣхъ нужныхъ мѣръ, отправленъ онъ былъ паки въ армію и съ нимъ многіе генералы: а въ томъ числѣ и вымѣненной изъ прускаго плѣна генералъ-порутчикъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, ибо договоръ о размѣнѣ съ обѣихъ сторонъ плѣнныхъ заключонъ былъ у насъ съ прусаками еще осенью въ померанскомъ мѣстечкѣ Бютовѣ.

Всѣ сіи генералы, какъ въ Петербургъ, такъ и обратно въ армію, проѣзжали чрезъ Кёнигсбергъ, и для всѣхъ знаменитѣйшихъ изъ нихъ дѣланы были генераломъ нашимъ пирушки. Всякаго изъ нихъ старался онъ наивозможнѣйшимъ образомъ угостить и всякаго привлечь къ себѣ въ дружбу, въ чемъ онъ весьма много и успѣвалъ чрезъ сіе средство.

А какія дѣлали пріуготовленія мы, — такія же, или еще множайшія, дѣланы были и отъ цесарцовъ; для сихъ продолженіе войны было еще нужнѣе, нежели для насъ, ибо у сихъ Шлезія ихъ не выходила изъ ума и они собирались воевать за нее до самой крайности.

Что касается до короля Прускаго, которому подобныя сему приуготовленія были еще нужнѣе, нежели намъ, потому что онъ въ минувшую кампанію порастерялся и деньгами и людьми, то ему дѣлать ихъ не таково легко было, какъ намъ. Собственныя земли его были не слишкомъ велики, а притомъ уже отчасти поистощены, а чужихъ, кромѣ одной Саксоніи, никакихъ въ рукахъ его не находилось; итакъ, принуждена была бѣдная Саксонія за все про все ему отвѣтствовать и снабжать его и людьми, и деньгами, и хлѣбомъ, и всѣми другими потребностьми. И какихъ, и какихъ посягательствъ онъ на сію бѣдную землю въ сей годъ не дѣлалъ! Одинъ городъ Ерфуртъ принужденъ былъ поставить 400 человѣкъ рекрутъ, 500 лошадей и 100 тысячъ талеровъ деньгами, а Наумбургъ заплатить 200, Мерзебургъ 120, Цвикау 80, Хемницъ 215, а всѣ города Тюрингскаго округа 1 милионъ 375 тысячъ талеровъ. Контрибуція одного города Лейпцига простиралась до 1 милиона и до 100 тысячъ талеровъ, а весь Лейпцигской округъ заплатить 2 милиона деньгами и поставить 10 тысячъ рекрутъ, нѣсколько сотъ тысячъ шефелей хлѣба и многія тысячи лошадей съ великимъ множествомъ рогатаго скота. Сверхъ того, всѣ наилучшіе въ Саксоніи лѣса были срублены, и лѣсъ и дрова богачамъ распроданы или внизъ по Ельбѣ въ Гамбургъ сплавлены; а со всѣхъ арендаторовъ казенныхъ деревень вынуждены оброчныя деньги за цѣлой годъ впередъ.

Сими и подобными сему насильственными средствами накопилъ себѣ король Пруской довольно денегъ. Но не такъ легко можно было ему снабдить себя людьми изъ Саксоніи; сколько ни натаскалъ онъ себѣ рекрутовъ, но количество оныхъ далеко не въ состояніи было замѣнить ему уронъ въ нихъ, въ минувшее лѣто претерпѣнной. Сіе произвело новую вербовальную систему, какой никогда и нигдѣ еще до того времяни не бывало. Всѣ плѣнные изъ всѣхъ непріятельскихъ армей дѣланы были насильно прускими солдатами. Не было спрашивано, хотятъ ли они служить или нѣтъ, но ихъ силою привлекали къ прускимъ знаменамъ, гдѣ принуждены они были присягать и потомъ противъ своихъ одноземцевъ драться. Вся Германія наполнена была тайными прускими вербовальщиками; большая часть

изъ нихъ не были совсѣмъ офицеры, но нанятые проходимцы, употребляющіе всевозможныя выдумки и хитрости къ уловленію глупыхъ и неопытныхъ молодыхъ людей въ свои сѣти.

Одинъ пруской полковникъ, по имени Колиньонъ, человѣкъ самою натурою къ сему дѣлу образованной, былъ ихъ повелителемъ и наставникомъ въ семъ дѣлѣ собственнымъ своимъ примѣромъ. Онъ разъѣжжалъ всюду и всюду въ перемѣнныхъ платьяхъ и разныхъ видахъ, и цѣлыми сотнями подговаривалъ людей вступать въ прускую службу. Онъ не только дѣлалъ обѣщанія и посулы, но раздавалъ даже самые патенты на поручицкіе и на капитанскіе чины въ пруской арміи, и прельщалъ ими многихъ молодыхъ повѣсъ изъ штудентовъ, лавочныхъ сидѣльцовъ и другихъ тому подобныхъ людей, отдавая всякому на волю избирать пѣхоту ли, или конницу, или легкое гусарское войско. Слава прускаго войска была такъ велика и молва о получаемыхъ имъ добычахъ такъ прельстительна, что Колиньонова патентная фабрика въ безпрерывной была работѣ. Ему не было нужды ни о транспортѣ, ни о прокормленіи, ни о снабденіи задатками своихъ рекрутъ имѣть попеченіе, но всѣ его рекруты на бо́льшую часть на собственномъ своемъ иждивеніи отправлялись въ Прусію. Множество негодяевъ сыновей во Франконіи, въ Швабіи и на рѣкѣ Рейнѣ окрадывали своихъ отцовъ и матерей; сидѣльцы и прикащики—своихъ хозяевъ, управители и казначеи свои конторы, для отысканія великодушныхъ пруских офицеровъ, дарящихъ всякаго цѣлыми ротами, какъ калачами. Они поспѣшали всѣ съ офицерскими патентами своими въ Магдебургъ, но тутъ принимаемы они были, какъ простые рекруты и неволею по полкамъ распредѣляемы. Не помогали тутъ никакіе споры и сопротивленія, но палки до тѣхъ поръ на спинахъ работали, покуда оказывалось совершенное послушаніе и во всемъ повиновеніе. Симъ и подобнымъ сему образомъ доставилъ Колиньонъ съ своими помощниками королю въ теченіи войны сей болѣе 60 тысячъ рекрутъ.

Впротчемъ, планъ военнымъ въ сіе лѣто дѣйствіямъ, учиненной между всѣми союзными державами, имѣлъ наиглавною цѣлію то, чтобъ короля Прускаго принудить опростать, либо отдать Саксонію, либо Шлезію. Нашъ и цесарской дворъ не скоро на предложеніе сіе согласились, но и мы, и цесарцы помышляли болѣе о приватныхъ своихъ выгодахъ. Французамъ хотѣлось, чтобъ мы въ сей годъ осадили городъ Штетинъ, въ Помераніи. Салтыкову же хотѣлось войну вести вдоль подлѣ морскихъ береговъ въ Помераніи и онъ настоялъ, чтобъ овладѣть сперва Данцигомъ. Король Августъ просилъ, чтобъ свободить какъ можно скорѣй Саксонію изъ рукъ короля Прускаго, австрійцы помышляли только о завоеваніи Шлезіи. Наконецъ, предложенія сихъ послѣднихъ одержали верхъ, и Салтыковъ получилъ повелѣніе итти съ арміею своею въ Шлезію и осадить Бреславль. Сей планъ почитали въ Петербургѣ наилутчимъ и совершеннѣйшимъ, хотя и былъ тотъ недостатокъ, что армія наша не имѣла при себѣ ни осадной артилеріи, ни снарядовъ. Но сими хотѣли уже снабдить насъ цесарцы изъ Богеміи.

Симъ образомъ вооружалась и приуготовлялась вся Европа къ новымъ въ сей годъ кровопролитіямъ, которыя тотчасъ и начались, какъ скоро весна наступила. Но я возвращусь на время къ продолженію собственной своей исторіи.

Между тѣмъ какъ арміи и правительствы помянутымъ образомъ приготовлялись къ новымъ военнымъ дѣйствіямъ, мы продолжали жить, по прежнему въ Кёнигсбергѣ и все праздное время, остающееся отъ дѣлъ, употреблять на увеселенія разнаго рода. Что касается собственно до меня, то мнѣ съ 7-го октября минувшаго года пошолъ уже дватцать-второй годъ моей жизни, и я начиналъ уже мыслить по-степеннѣе прежняго. Характеръ и склонности мои часъ-отъ-часу развертывались и означались болѣе. Охота моя къ литературѣ и ко всѣмъ ученымъ

упражненіямъ не только не уменьшалась, но со всякимъ днемъ увеличилась болѣе, и можно было уже ясно видѣть, что я рожденъ былъ не для войны, а для наукъ, и что натура одарила меня въ особливости склонностью къ онымъ. И самая отмѣнная склонность сія притчиною тому была, что я далеко не употреблялъ всего своего празднаго времяни на одни только увеселенія и забавы, но употребляль большую часть онаго себѣ гораздо въ лутчую пользу. Я препровождалъ оное отчасти, по прежнему, въ чтеніи нѣмецкихъ книгъ, отчасти въ переводахъ и переписываніи оныхъ на-бѣло, а отчасти занимался красками и рисованьемъ. Однако въ семъ послѣднемъ упражнялся я только времянно, кой-когда и на досугѣ и понемногу, также и перевелъ только небольшой нѣмецкой романъ подъ названіемъ: «Приключенія милорда Кингстона», и переписалъ переводъ сей на-бѣло, хотя и сей былъ еще весьма плоховатъ и того ни мало не стоилъ; а величайшее мое занятіе было чтеніе: въ ономъ углублялся я отчасу болѣе, и всегда находили меня окладеннаго множествомъ книгъ, не только дома, но и въ самой канцеляріи. Но читалъ я и въ сей годъ, какъ выше упомянуто, не одни уже романы и сказочки по прежнему, но мало-по-малу сталъ уже привыкать и къ нравоучительнымъ и степеннымъ книгамъ. И какъ, по особливому щастію, сіи мнѣ съ самаго начала не только не наскучили, но отмѣнно полюбились, то съ сей стороны можно сей годъ почесть уже весьма достопамятнымъ въ моей жизни; ибо съ начала онаго началъ я самъ себя образовать, обдѣлывать свой разумъ, исправлять сердце и дѣлаться человѣкомъ.

Ко всему тому очень много помогло мнѣ то, что попались мнѣ въ руки хорошія нравоучительныя сочиненія, и между протчими, нравоучительныя разсужденія господина Гольберга. Сему славному дацкому барону и сочинителю я очень много въ жизнь свою обязанъ. Онъ почти первый сочиненіями своими вперилъ въ меня охоту къ нравоученію и прилѣпилъ меня такъ сильно къ оному, что мнѣ захотѣлось уже и самому, по примѣру его, здѣлаться нравоучителемъ. За сіе и понынѣ имѣю я къ сему, давно уже умершему, мужу особливое почтеніе и съ особливыми чувствіями смотрю на его портретъ, въ одной книгѣ у себя найденной.

Не мало же обязанъ я въ жизни своей и славному лейпцигскому профессору Готшеду. Сей начальными своими основаніями философіи не только спознакомилъ меня вскользь и со всѣми высшими философическими науками, но и вперилъ первый охоту къ симъ высокимъ знаніямъ и проложилъ помянутыми книгами своими мнѣ путь къ дальнѣйшимъ упражненіямъ въ сей ученой части. Многія и разныя еженедѣльныя сочиненія, издаванныя въ Германіи въ разныя времяна и въ городахъ разныхъ, попавшись мнѣ также въ руки, помогли не только усилиться во мнѣ склонности къ нравоученію, но спознакомили меня и съ естетикою, положили основаніе хорошему вкусу и образовали во многихъ пунктахъ и умъ мой и сердце. Я не только всѣ сіи журналы съ особливымъ усердіемъ и удовольствіемъ читалъ, но многія піесы изъ нихъ, которыя мнѣ наиболѣе нравились, даже испытывалъ переводить на нашъ языкъ и въ трудѣ семъ съ особливымъ удовольствіемъ упражнялся. И сочиненія сего рода мнѣ столь много полюбились, что нѣкогда и самого меня предпріять нѣчто подобное тому и произвесть дѣло, которое едвали кому-нибудь въ свѣтѣ произвесть съ толикимъ успѣхомъ довелось какъ мнѣ, какъ о томъ упомянется въ своемъ мѣстѣ.

Но никому изъ всѣхъ нѣмецкихъ сочинителей не обязанъ я такъ много въ жизнь мою, какъ господину Зульцеру. Онъ, такъ какъ я уже и прежде упоминалъ, обѣими маленькими и свѣту довольно извѣстными книжками о красотѣ натуры спознакомилъ меня первой съ устроеніемъ міра, влилъ въ меня охоту къ физическимъ знаніямъ и научилъ узнавать, примѣчать и любоваться красотами и прелестьми натуры, и чрезъ самое то доста-

вилъ мнѣ въ послѣдующіе потомъ дни, годы и времяна безчисленное множество веселыхъ и драгоцѣнныхъ минутъ въ жизни, каковыми я понынѣ (1789 г.), и даже въ самой своей старости, пользуюсь.

Со всѣми сими и многими другими полезными книгами и лутчими нѣмецкими сочиненіями спознакомила меня отчасти помянутая библіотека, доставлявшая мнѣ книги для чтенія, отчасти товарищи мои, нѣмецкіе канцеляристы, а отчасти и книжные аукціоны. На сіи продолжалъ я съ такою ревностію ходить, что не пропускалъ изъ нихъ ни единаго и не возвращался никогда на квартиру, не принося съ собою по нѣскольку книгъ, купленныхъ на оныхъ. Отъ сего самаго начала уже около сего времяни формироваться у меня порядочная библіотека, и было у меня книгъ уже подъ сотенку и болѣе; но всѣ онѣ стбили мнѣ очень недорогова. Однако, нельзя сказать, чтобъ и не покупалъ я кое-когда и новыхъ. Всякой разъ, когда ни случалось мнѣ узнать какую-нибудь новую и полезную для себя книжку, какъ бѣгивалъ я въ книжную лавку, и, купивъ, отсылалъ къ моему переплетчику. и работникъ его нерѣдко принашивалъ ко мнѣ цѣлыя кипы книгъ, вновь переплетенныхъ.

Впротчемъ, побуждало меня много къ множайшему занимані себя книгами и науками и знакомство, сведенное съ присланными къ намъ изъ Москвы студентами. Всѣ они были не вертопрахи и не шалуны, а прилежные и къ наукамъ склонные молодые люди; и какъ они штудировали и учились у разныхъ профессоровъ и къ намъ не рѣдко хаживали въ канцелярію, то и былъ мнѣ случай всегда съ ними о ученыхъ дѣлахъ говорить, и какъ имъ сообщать свои знанія, такъ и отъ нихъ пользоваться взаимными, и я могу сказать, что я въ образованіи своемъ весьма много и имъ обязанъ.

Между сими ученымъ упражненіями, занимавшими, можно сказать, величайшую часть моего времяни, не оставлялъ я иногда жертвовать нѣкоторою частію онаго и другимъ увеселеніямъ и забавамъ, однако не такимъ, какими занимались множайшіе изъ сверстниковъ моихъ, другіе офицеры, но благороднымъ и позволительнымъ. Въ зимнее и осеннее время захаживалъ я на какіе-нибудь четверть или полчаса въ трактиръ, но не для мотовства и безчинія какова, а единственно для того, чтобъ велѣть напоить себя кофеемъ или чаемъ, а между тѣмъ философическимъ окомъ посмотрѣть на людей разнаго состоянія, въ нихъ находящихся и въ разныхъ играхъ и упражненіяхъ время свое провождающихъ. Иногда читывалъ я тамъ новѣйшія и разныя иностранныя газеты а иногда съ товарищами своими, нѣмцами садились за особой столикъ, составляли свой собственной и неубыточной ломберокъ и играя не для прибытка, а для увеселенія единаго. Времянемъ же биралъ и кій и сыгрывалъ партію-другую съ кѣмъ-нибудь изъ знакомыхъ своихъ въ биліаръ, и также не для выигрыша какова, а для единаго увеселенія. Однако, все сіе случалось не всякой день, но очень рѣдко.

Напротивъ того, въ лѣтнее время уже гораздо чаще хаживалъ я по публичнымъ садамъ, а особливо въ праздничные и воскресные дни послѣ обѣда, и въ нихъ въ сообществѣ не нашихъ, а смирныхъ и кроткихъ кёнигсбергскихъ жителей, препровождалъ всегда съ особливымъ удовольствіемъ время. Чашка чаю или кофея и трубка табаку составляли все мое мотовство въ оныхъ; что очень рѣдко бралъ соучастіе и въ самой неубыточной игрѣ въ кегли.

Иногда же, хотя сіе и рѣдко случалось, выѣжжали мы, сговорясь съ кѣмъ-нибудь вмѣстѣ, и за городъ или хаживали пѣшкомъ по нѣскольку верстъ за ворота городскія. Наилутчія таковыя прогулки бывали у насъ въ сторону къ Пилавѣ и внизъ по рѣкѣ Прегелю, по берегу оной. Дорога была тутъ широкая, гладкая, возвышенная, осажденная съ обѣихъ сторонъ ветлами и имѣющая по одну сторону рѣку Прегель, текущею почти совсѣмъ прямо и покрытую всегда множествомъ судовъ, а по другую сторону—низкіе и ровные луга,

пресѣченные также кой-гдѣ длинными рядами насажденныхъ лозъ. Плывущія по рѣкѣ малыя и большія суда, бѣлые, распростертые ихъ парусы, разноцвѣтные флаги или шумъ отъ веслъ плывущихъ на греблѣ, а съ другой стороны, безчисленное множество всякаго скота, стрегомаго на лугахъ въ отдаленіи; самой городъ, сидящей отчасти на горѣ, отчасти на косогорѣ; многочисленныя его красныя черепичныя, а нидѣ зеленыя и отъ солнца иногда какъ жаръ горящія кровли домовъ высокихъ; королевской замокъ, возвышающейся выше всѣхъ зданій на горѣ и четвероугольною и высокою башнею своею особливой и нѣкакой важной видъ представляющей; высокія и остроконечныя колокольни церквей, видимыхъ въ разныхъ мѣстахъ между безчисленными домами; зеленые валы крѣпости Фридригсбургской, по лѣвую сторону рѣки и при выходѣ изъ города находящейся; цѣлой лѣсъ изъ мачтъ судовъ многихъ, украшенныхъ флюгерами и вымполами разноцвѣтными; многія огромныя и превысокія вѣтряныя мельницы, подлѣ вала въ городѣ и на горѣ воздвигнутыя— все, все сіе представляло глазамъ въ семъ мѣстѣ пріятное зрѣлище, а особливо по отшествіи по сей дорогѣ версты двѣ или три. Вся она въ праздничные и воскресные дни испещрена бывала множествомъ гуляющихъ людей обоего пола; во многихъ мѣстахъ подѣланы были скамейки для отдохновенія онымъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находились небольшіе домики, составляющіе нѣкоторой родъ трактировъ ибо гуляющимъ можно было въ нихъ заѣжжать, заходить и въ нихъ доставать себѣ купить молоко, яйца, масло, колбасы, сыры и протчее тому подобное; а для питья пиво, вино, а въ иныхъ самой чай и кофей; и всѣ такіе домики всегда нахаживалъ я наполненные многими людьми, но нигдѣ и никогда не видалъ я какова-нибудь безчинія и шума, а все было тихо, кротко и хорошо, такъ что мило было смотрѣть и можно было всегда съ пріятностію провождать свое время.

Упоминаніе о сей прогулкѣ приводитъ мнѣ на память и ѣзду мою въ сіе лѣто гулять въ сіи мѣста на шлюпкѣ. Подговорили меня къ сему наши канцелярскіе секретари и сотоварищи, а ихъ взялся симъ образомъ по рѣкѣ покатать одинъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ. Я тѣмъ охотнѣе на уговариванье ихъ вмѣстѣ съ ними ѣхать согласился, что давно уже не ѣзжалъ по водѣ, а на шлюпкахъ и никогда еще не случалось мнѣ кататься. Но, о! какъ досадовалъ я самъ на себя послѣ, что далъ себя уговорить—ѣхать съ ними вмѣстѣ. Никогда не позабуду я сей прогулки и того, какъ много настращался я во время оной. Уже одно и то заставливало меня раскаяваться, когда я, пріѣхавъ съ ними въ одинъ и самой отдаленнѣйшей изъ помянутыхъ домиковъ, увидѣлъ, что главное намѣреніе ихъ было то, чтобъ тутъ, на свободѣ, по парѣчію ихъ говоря, погулять, а по просту сказать— попьянствовать и побуянствовать прямо по русскому манеру.

Покуда мы плыли внизъ по рѣкѣ и не столько гребли, сколько несомы были внизъ стремленіемъ рѣки, до тѣхъ (поръ) все еще я веселился и скоростію плаванія, и встрѣчающимися съ глазами моими разными и невиданными еще до того предметами, ибо я такъ далеко никогда за городъ не ѣзжалъ. Но не успѣли мы доѣхать до помянутаго домика и войтить въ оной, какъ потащили въ него изъ нашего суденышка цѣлыя дюжины бутылокъ разныхъ винъ и напитковъ. «Э! э! э!—возопилъ я тогда самъ въ себѣ, сіе увидѣвъ:— такъ затѣмъ-то мы сюда ѣхали; но волѣнъ Богъ и они, а я имъ не товарищъ и пить съ ними никакъ не стану». Я и сдержалъ дѣйствительно сіе слово, ибо сколько они меня ни уговаривали, сколько ни убѣждали и какъ ни старались даже пристыдивать, но я никакъ не согласился на ихъ прозьбы и желанія, и не хотѣлъ никакъ также изъ ума почти выпиться, какъ они. Но сколь же много мнѣ все сіе стоило! Всѣ они даже разсердились на меня за то, но я всего менѣе уважалъ ихъ гнѣвъ и сердце, а желалъ только, чтобъ скорѣе приближился вечеръ и погналъ ихъ обратно въ городъ.

Наконецъ сей и началъ приближаться; но они такъ распились, что сколько я имъ ни предлагалъ, что пора домой ѣхать, но они и не помышляли о томъ, ибо бутылки не всѣ еще были опорожнены. Наконецъ насилу-насилу осушили они всѣ оныя и рѣшились ѣхать обратно; но тутъ, какъ поразился я страхомъ и ужасомъ, когда увидѣлъ рѣку, вмѣсто прежней гладкости и тишины, всю покрытую страшными волнами; ибо, между тѣмъ, покуда они помянутымъ образомъ пили, погода перемѣнилась и поднялся превеликой вѣтръ снизу и произвелъ въ рѣкѣ превеликое волненіе. Я, имѣя издавна отвращеніе отъ воды и боясь всегда по оной ѣздить, обмеръ тогда, испужался и не зналъ, какъ мы по такимъ страшнымъ волнамъ поѣдемъ. Ежели-бъ были мы не такъ далеко отъ города и было не такъ поздно, то рѣшился-бъ я тотчасъ, оставивъ ихъ, итти пѣшкомъ до города; но какъ мы удалены были отъ онаго болѣе десяти верстъ, и притомъ наступилъ уже вечеръ и никакова народа по дорогѣ уже не было, то о томъ и помыслить было не можно, но я принужденъ былъ вмѣстѣ съ ними опять, но съ замирающимъ уже сердцемъ, садиться въ шлюпку. Что касается до нихъ, то какъ имъ, пьянымъ, казалось самое море по-колѣно, то вмѣсто страха и боязни они только смѣялись мнѣ и называли меня трусомъ. Я имъ далъ уже волю говорить, что хотятъ, а помышлялъ только о опасности и молилъ Бога о томъ, чтобъ намъ доѣхать благополучно.

Но сколь опасность ни казалась мнѣ велика, но я и въ половину таковою ее себѣ не воображалъ, каковою послѣ я ее увидѣлъ; ибо не успѣли мы отвалить отъ берега и выбраться на средину рѣки, какъ опьянившейся нашъ первой секретарь, какъ главная всей прогулки особа, самъ себя почти не помня, морскому офицеру закричалъ: «Братъ и другъ! вели-ка поднять парусъ и пустимся на немъ; видишь, братъ, какой прекрасной вѣтеръ, мы тотчасъ пріѣдемъ».—«Хорошо!» сказалъ офицеръ сквозь зубы и замолчалъ послѣ, но матросъ, правившей рулемъ, подхватилъ: «Не опасно ли, сударь, будетъ и чтобъ не опрокинуться намъ, вѣтеръ слишкомъ великъ!»—«Вотъ какой вздоръ!—закричалъ нашъ Чонжинъ:—поднимай-ка парусъ отъ скорѣе!» Я обмеръ, испужался, сіе услышавъ отъ матроса, и ужасъ мой еще больше увеличился, когда и самъ офицеръ нехотя сталъ приказывать поднимать парусъ.

Но какъ изобразить мнѣ тотъ ужасъ, которымъ поразился я, когда по поднятіи паруса всѣ пересѣли на одну сторону и шлюпку повалили совсѣмъ на бокъ и кричали, чтобъ пересажпвался и я скорѣе также какъ они. Мнѣ сего обыкновенія вовсе было неизвѣстно, и какъ я на шлюпкахъ никогда на парусахъ не ѣжживалъ, да и не видывалъ какъ ѣздятъ, то и не вѣдалъ я, что такъ и надобно; а потому обмеръ, испужался, увидѣвъ одинъ бортъ или край шлюпки почти до самой воды прикоснувшимся и загребающимъ почти воду. Я, позабывъ все, кричалъ, вопилъ, почиталъ себя уже погибшимъ, карабкался и хватался за сопротивной бортъ и, почитая всякую минуту уже послѣднею въ моей жизни, призывалъ всѣхъ святыхъ на помощь; просилъ и умолялъ товарищей моихъ, чтобъ они здѣлали милость и выпустили меня на берегъ; и я хотѣлъ уже, несмотря ни на что, иттить хотя всю ночь одинъ пѣшкомъ—но все сіе было тщетно. Они всѣ только смѣялись и хохотали надо мною, называли меня трусомъ и малодушнымъ и говоря, что мнѣ это за то, для чего я упрямствую и не хотѣлъ никакъ ихъ просьбъ и уговариваніевъ слушать и въ питьѣ ихъ дѣлать имъ компанію.

Тысячу разъ проклиналъ я тогда и шлюпку, и офицера, и всю свою охоту и желаніе покататься на шлюпкѣ, и тысячу разъ раскаявался въ томъ, что не остался на берегѣ и не пошолъ пѣшкомъ въ городъ; но все сіе было уже поздно. Но я болѣе получаса препроводилъ въ невозбразимомъ страхѣ и ужасѣ; и не знаю, что со мною-бъ было, естлибъ сама судьба не похотѣла меня отъ того избавить, ибо приди такъ-называемой шквалъ или родъ

вихря, и погнуло такъ сильно нашу шлюпку, что она дѣйствительно чуть-было въ волнахъ не зарылась и не опрокинулась со всѣми нами, и естлибъ искуство и расторопность кормчаго не помогла, то купаться бы намъ всѣмъ и погибать въ рѣкѣ Прегелѣ. Сами господа наши пьяные рыцари, какъ ни храбровали до того времяни, но какъ бортомъ захватило уже и воды нѣсколько въ нашу шлюпку и она насъ всѣхъ перемочила, то сскочилъ и хмель съ нихъ долой и они закричали всѣ въ одинъ голосъ, чтобъ опускали скорѣе парусъ и принимались бы по прежнему за веслы, и не отреклись вмѣстѣ съ протчими выливать воду изъ шлюпки шляпами и чѣмъ ни попало; а сіе и положило всему страху и опасенію моему предѣлъ, ибо погода какъ была ни велика, но мы на веслахъ доѣхали до города благополучно. Совсѣмъ тѣмъ, выходя изъ шлюпки, заклиналъ я самъ себя, чтобъ впредь никогда и ни подъ какимъ видомъ на ней подобнымъ образомъ не ѣздить.

Симъ кончилось тогда сіе произшествіе; а симъ кончу я и письмо мое, предоставивъ дальнѣйшее повѣствованіе письму послѣдующему; а между тѣмъ остаюсь и протчее.

Письмо 80.

Любезной пріятель! Напоминая далѣе протчее, что у насъ въ теченіе сего года въ Кёнигсбергѣ происходило, приходитъ мнѣ на память между протчимъ то, что генералу нашему скучилось жить въ старинныхъ, скучныхъ и темныхъ герцогскихъ комнатахъ, которыя, будучи во второмъ этажѣ замка, имѣли очень немногія, а притомъ и маленькія окны, отчего, а особливо въ разсужденіи просторности и величины своей, были очень темны; и какъ сверхъ сего этажа было еще два, и одинъ самой лутчей, кли бель-этажъ, а и другой мизенинной, но довольно высокой, но оба сіи этажа не были еще отдѣланы, то генералу нашему восхотѣлось помянутой бель-этажъ отдѣлать для своего жительства, и испросилъ на то дозволеніе у императрицы. Поправленіе и отдѣлка сія стопла намъ не одну тысячу, ибо генералъ отдѣлывалъ покои сіи съ пышной руки и не жалѣя ни мало денегъ; наилутчіе лѣпные мастера и живописцы альфреско употреблены были для убиранія и расписыванія комнатъ, и одна галерея стоила, я думаю, тысячъ двухъ, а о протчихъ и многочисленныхъ, жилыхъ и парадныхъ комнатахъ уже и упоминать нечего. Изъ сихъ убрана и украшена былъ одна другой лутче и весь сей этажъ отдѣланъ былъ такъ хорошо, что ежелибъ пріѣхала къ намъ и сама императрица, такъ бы могла найтить въ немъ себѣ спокойную квартиру.

Работа сія началась у насъ еще въ минувшемъ году и продолжалась болѣе года, и генералъ насилу могъ дождаться отдѣлки онаго, такъ наскучили ему его темныя компаты, нимало несообразныя съ его пышнымъ родомъ жизни. И какъ въ началѣ сего лѣта отдѣлка сія приведена къ окончанію, то генералъ нашъ тотчасъ и перешолъ въ оной, и тутъ-то прямо, какъ говорится въ пословицѣ, развернулся и показалъ, какъ онъ и умѣетъ и любитъ жить. Балы, маскарады и танцы происходили у насъ и до того не рѣдко, а тутъ, когда уже было гдѣ потанцовать и поразгуляться, количество ихъ уже усугубилось и танцованіе мнѣ уже такъ наскучило, что иногда нарочно уже сказывался больнымъ, чтобы не итить на балъ и не истощать силы свои до изнуренія въ танцахъ и прыганьѣ.

Сіе и дѣйствительно было, и болѣе отъ того, что дамъ и дѣвицъ съѣжжалось къ намъ всякой разъ превеликое множество и всѣ онѣ были ужасныя охотницы танцовать, а мущинъ, а особливо молодыхъ и могущихъ танцовать, какъ говорится, во вся тяжкая, очень мало. А какъ я находился уже тогда въ немногомъ числѣ первѣйшихъ и лутчихъ танцовщиковъ, то судите, каково было намъ безъ отдыха по нѣскольку часовъ пропрыгивать и кругомъ вертѣться, танцуя разные контратанцы, изъ которыхъ и одинъ всегда кроваваго пота стоилъ протанцовать; ибо мы ихъ тутъ въ новой и пространной гале-

рѣ танцовали не менѣе, какъ паръ въ тридцать; а другая и такая-жъ или еще множайшая половина молодыхъ госпожъ и дѣвицъ, поджавъ руки, стояла и съ нетерпѣливостью дожидалась окончанія того, дабы начать имъ самимъ другой контратанецъ. И жадность ихъ къ тому и въ пріисканіи себѣ кавалеровъ была такъ велика, что не мы ихъ, а онѣ сами уже насъ отыскивали и не поднимали, а прозьбою прашивали, чтобъ съ ними потанцовать, и спѣшили всякой разъ другъ предъ другомъ захватить себѣ лутчаго танцовщика; такъ что въ половинѣ еще танцуемаго контратанца уже къ намъ сзади подхаживали и обѣщанія рукъ нашихъ себѣ прашивали.

Сперва, и покуда было намъ сіе въ диковинку, ставили мы себѣ то въ особенную честь; но послѣ, когда длина контратанцовъ, а особливо самыхъ бѣшеныхъ и рѣзвыхъ, такъ намъ надоѣла, что ждешь не дождешься покуда и одинъ окончится, ибо и отъ одного рубаха совсѣмъ мокра отъ пота дѣлалась, то начали мы прибѣгать къ разнымъ хитростямъ и обманамъ, и, отдѣлавшись отъ всѣхъ подбѣгающихъ сзади и требующихъ обѣщанія танцовать, увѣреніемъ, что мы уже заняты и дали уже слово свое другимъ, хотя ничего того не бывало, тотчасъ по окончаніи танца уходили въ самые отдаленнѣйшіе и такіе покои, гдѣ никого не было, и тамъ брали себѣ сколько-нибудь отдохновеніе. Но нерѣдко отыскивали насъ и тамъ госпожи, и мы не знали уже куда отъ нихъ, ищущихъ насъ шайками и короводами, дѣваться.

Словомъ, годъ сей былъ для насъ наивеселѣйшей и великолѣпнѣйшей изъ всѣхъ прежнихъ и послѣдующихъ. Генералъ нашъ жилъ такъ, какъ маленькому царику или какому владѣтельному и богатому князю жить слѣдовало, и прямо можно сказать пышною и богатою рукою. Какіе это пиры и многочисленные обѣды и ужины давалъ онъ во всѣ, и даже самомалѣйшіе, праздничные и торжественные дни, но и при случаѣ проѣздовъ всѣхъ знаменитыхъ особъ чрезъ нашъ городъ! какое и всякой разъ новое великолѣпіе и пышность являема была на столахъ! какая пышность въ балахъ и въ маскарадахъ! Со всѣхъ сторонъ выписываемы были и съѣжжались къ намъ наилутчіе музыканты, и для всякаго почти бала привозимы были новыя музыкаліи и танцы. Коротко, все новое и лутчее надлежало видимо и слышано быть у насъ, и можно безошибочно сказать, что жители прускіе не видывали, съ самаго начала своего королевства, никогда такихъ еще въ столичномъ городѣ своемъ пышностей, забавъ и увеселеній, какія тогда видѣли и врядъ ли когда-нибудь и впредь увидятъ; ибо и самые прускіе короли едва ли могутъ когда-нибудь такъ весело, пышно и великолѣпно жить, какъ жилъ тогда нашъ Корфъ. У него прямо былъ какъ маленькой дворокъ, почему и неудивительно, что слухъ и слава о семъ такъ разнеслась повсюду, что со всѣхъ сторонъ съѣжжалось къ намъ не только пруское, но даже и сосѣдственное польское дворянство, дабы брать въ увеселеніяхъ нашихъ соучастіе и чтобъ себя намъ показать и насъ посмотрѣть, и мы всякой разъ имѣли удовольствіе видать новыя лицы и фигуры.

Къ симъ увеселеніямъ, кромѣ обыкновенныхъ празднествъ и торжествъ, подала намъ въ сей годъ поводъ и свадьба, сыгранная нашимъ генераломъ у себя въ домѣ. Одинъ изъ нашихъ совѣтниковъ, а именно господинъ Бауманъ, вздумалъ жениться на одной пруской дворянской дѣвушкѣ, и какъ онъ жилъ въ домѣ генерала и на его былъ содержаніи, то генералъ и помогъ ему сыграть сію свадьбу. Она была великолѣпнѣйшая и такъ, какъ бы какая княжеская, и мнѣ нѣсколько дней сряду удалось потанцовать на оной, а притомъ имѣть случай видѣть какъ производится у нѣмцовъ вѣнчаніе въ домахъ. У насъ производимо оно было въ большой галереѣ, и мы съ удовольствіемъ на сіе зрѣлище смотрѣли, хотя въ самомъ дѣлѣ обрядъ сей у нихъ далеко не такъ зрѣнія достоинъ, какъ при нашихъ свадьбахъ.

Кромѣ сего имѣли мы еще въ теченіе

сего лѣта случай видѣть довольно прекрасной и не малой цѣны стоющей феіерверкъ; ибо какъ сего одного къ увеселеніямъ нашимъ недоставало, то хотѣлось генералу нашему и симъ, никогда еще невиданнымъ, зрѣлищемъ прусаковъ и всю кёнигсбергскую публику увеселить.

Здѣлалъ и смастерилъ намъ его прежде упоминаемой мною, жившей у генерала италіянецъ Морнини; и какъ былъ онъ не малой и составленъ изъ огромнаго фитильнаго и изъ свѣчекъ здѣланнаго щита, и изъ множества колесъ, фонтановъ, ракетъ, бураковъ и другихъ тому подобныхъ вещей, то работалъ онъ его долго, и мнѣ случилось тутъ еще впервые видѣть, какъ они дѣлаются. Сограженіе для него выбрано было у насъ на берегу рѣки Прегеля, неподалеку отъ прежней моей квартеры, и мы сожгли его на Петровъ день, при собраніи безчисленнаго множества народа; и удовольствіе, произведенное зрѣлищемъ симъ, всѣмъ кёнигсбергскимъ жителямъ было превеликое, всѣ они не могли довольно расхвалить его за сіе.

Сей случай сопровождаемъ былъ также большимъ баломъ и торжествомъ; а вскорѣ за симъ получили мы опять случай нѣсколько дней сряду прыгать и вертѣться по случаю проѣзда чрезъ Кёнигсбергъ старшаго графа Чернышова, Петра Григорьевича. Онъ отправленъ былъ отъ двора нашего въ Гишпанію посломъ, для поздравленія новаго короля со вступленіемъ на престолъ, и какъ ему велѣно было надолго тамъ остаться, то и ѣхалъ онъ туда съ женою и обѣими дочерьми, дѣвушками уже невѣстами. Они пробыли у насъ въ Кёнигсбергѣ съ недѣлю, и какъ стояли они въ замкѣ у нашего генерала, то сей и старался ихъ угостить какъ можно лутче и выдумывалъ всякой день новыя увеселенія. Обѣ молодыя графини были превеликія танцовщицы, играли также на разныхъ инструментахъ, навезли намъ множество новыхъ танцовъ, и намъ удалось и съ ними потанцовать до усталости.

Съ отъѣздомъ ихъ лишились мы одного изъ нашихъ друзей и собесѣдниковъ, а имянно вышеупомянутаго италіанца Морнини. Графу Чернышову нуженъ былъ при его посольствѣ человѣкъ таковыхъ способностей, каковъ былъ сей италіанецъ. Онъ уговорилъ его ѣхать въ Гишпанію съ собою и надавалъ ему столько обѣщаній, что сей къ тому наконецъ и склонился. Генералу нашему весьма не хотѣлось его отпустить, а и мы всѣ разставались съ нимъ съ крайнимъ сожалѣніемъ, въ особливости жаль было мнѣ его. Онъ такъ меня любилъ и я такъ къ нему привыкъ и дружбою и ласкою его былъ доволенъ, что проводилъ его, утирая пальцами глаза свои, и не надѣялся болѣе уже никогда его видѣть, какъ и дѣйствительно съ того времяни не имѣлъ уже объ немъ ни малѣйшаго слуха.

Но не одного его, а лишились мы въ сіе лѣто и другова своего собесѣдника. Не захотѣлось болѣе жить при генералѣ нашемъ и адъютанту его, господину Андрееву; но отецъ его, видя, что ему тутъ ничего не выслужить, пріискалъ ему въ Петербургѣ другое, и гораздо лутчее мѣсто, и генералъ нашъ принужденъ былъ хотя нехотя его отъ себя отпустить, и мы проводили его также съ сожалѣніемъ.

Какъ чрезъ отъѣздъ его генералъ нашъ остался безъ адъютанта, то дѣлано было мнѣ стороною предложеніе, не хочу ли я заступить его мѣсто; но я, не долго думая, наотрѣзъ отказался, ибо какъ я при таковой перемѣнѣ званія моего ничего не выигрывалъ, а остался-бъ тѣмъ же подпорутчикомъ, чѣмъ былъ, то не хотѣлось мнѣ самопроизвольно и безъ всякой себѣ пользы наложить на себя весьма тяжкія оковы, и не только убытчиться и разоряться, дѣлая для себя и лутчее платье и наряды, но и быть ежедневно бранену отъ нашего бѣшенаго генерала. «Нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! сказалъ я прямо то мнѣ предлагавшимъ. Я благодарю покорно за честь, мнѣ предлагаемую, но уступаю ее всѣмъ сердцемъ и душою другимъ, а самъ хочу остаться въ прежнемъ своемъ армейскомъ чинѣ и мѣстѣ; адъютанскую же должность, буде угодно генера-

лу, могу отправлять и не будучи адъютантомъ».

Но онъ, ожидая уже такова отъ меня отказа, не хотѣлъ отягощать меня и несеніемъ сей должности, а истребовалъ себѣ другова, и къ нему присланъ былъ нѣкто господинъ Балабинъ, по имяни Иванъ Тимофеевичъ, человѣкъ хотя низкаго происхожденія, но весьма хорошихъ свойствъ и такова характера, что мы его всѣ очень скоро и много полюбили. Въ особливости же, и всѣхъ протчихъ скорѣе сладилъ я съ нимъ и сдружился такъ, что мы навсегда здѣлались хорошими друзьями. Онъ не разумѣлъ хотя языковъ, но охотникъ былъ до чтенія книгъ и читалъ отмѣнно хорошо, и сего было довольно уже къ тому, чтобъ ему меня, а мнѣ его полюбить. Впротчемъ, какъ онъ способнѣе былъ отправлять по канцеляріи письменныя дѣла, нежели чины строить при генералѣ, то и посаженъ онъ былъ къ намъ въ канцелярію, и сидѣлъ отъ меня шага только на два за дощатою перегородкою; а сіе и подало намъ поводъ къ скорѣйшему сведенію знакомства и дружбы.

Впротчемъ, въ мѣсяцѣ іюлѣ сего года обрадованъ я былъ присылкою ко мнѣ изъ деревни нарочнаго человѣка съ письмами и деньгами. Отъ меня давно уже писано было туда, чтобъ присылали ко мнѣ доходы, и я съ самаго вступленія въ Прусію не получалъ оттуда ничего; а потому и присланы они были ко мнѣ въ сіе время. Но, о! какое огромное количество получилъ я тогда съ деревень своихъ доходовъ! Они были хотя тѣ же или еще множайшія передъ нынѣшними, но вмѣсто нынѣшнихъ тысячъ привезли ко мнѣ тогда не болѣе двухъсотъ рублей изъ собранныхъ въ цѣлые два года доходовъ: видно, что была въ нихъ хорошая экономія. Но правду сказать, что и времяна тогдашнія весьма отмѣнны были отъ нынѣшнихъ и мы не получали тогда съ деревень своихъ и пятой доли доходовъ противъ нынѣшнихъ, слѣдовательно, многова и требовать было не можно.

Но какъ бы то ни было, но и сіи деньги, по неимѣнію тогда еще асигнацій, доставить ко мнѣ было трудно и крестьянинъ мой, боясь, чтобъ дорогою у него ихъ не отняли и не украли, спряталъ оныя въ выдолбленную заднюю ось своей телѣги, и самъ принялъ на себя почти нищенской образъ.

Помянутая привезенная тогда ко мнѣ сумма какъ была ни мала, но для меня составляла тогда довольную важность, ибо денегъ было у меня и тамъ немного. Жалованье получалъ я самое маленькое, подпорутчиское, а побочныхъ доходовъ не имѣлъ никакихъ, или имѣлъ, но очень малые и ничего незначущіе. Съ однихъ только прускихъ фурманщиковъ, возящихъ на фурахъ своихъ разныхъ людей и товары изъ Кёнигсберга въ Мемель, въ Ельбингъ и въ Данцигъ, дозволено было мнѣ изъ-подъ руки отъ самого генерала брать по бездѣлкѣ за переводъ пашпортовъ. Пашпорты сіи получали они нѣмецкіе, печатные, за генеральскою рукою и печатью, и вписываемы въ нихъ были имяна ихъ товарищами моими, нѣмецкими канцеляристами. Но какъ фурманщикамъ симъ нуженъ былъ для нашихъ русскихъ и переводъ сихъ пашпортовъ на оборотѣ, я же сіе, какъ совсѣмъ не казенное, а партикулярное дѣло, не обязанъ былъ производить и надъ переводомъ симъ трудиться, то и дозволено было и мнѣ, и товарищамъ моимъ получать отъ фурманщиковъ сихъ небольшую акциденцію, которую они для скорѣйшаго ихъ отправленія намъ охотно и давали.

Но всего того и вмѣстѣ съ жалованьемъ и раціонами едва доставало мнѣ на снабденіе себя платьемъ и обувью и на покупку книгъ, мнѣ нужныхъ, ибо всѣ почти излишки употреблялъ я на оныя, нимало о томъ не жалѣя; когда же привезли ко мнѣ помянутое количество изъ дома, то почиталъ я себя уже богатымъ человѣкомъ и, употребивъ нѣсколько изъ нихъ на покупку давно желаемыхъ книгъ, всѣ протчія положилъ впрокъ для сбереженія на чорной день.

Какъ сему присланному надлежало ѣхать ко мнѣ чрезъ Новгородъ и Псковскую провинцію, то въ сей послѣдней

заѣхалъ онъ и къ старшей сестрѣ моей, жившей, какъ прежде упоминаемо было, въ Островскомъ уѣздѣ, и верстъ за восемьдесятъ отъ Пскова, и привезъ мнѣ объ ней извѣстіе. Въ сіе время находился уже и зять мой, господинъ Неклюдовъ, съ нею въ деревнѣ, ибо ему удалось какъ-то выбиться изъ военной службы, къ которой онъ былъ и неспособенъ, и получить чистую отставку. Итакъ, жилъ онъ тогда уже дома, и оба они съ сестрой моей занимались только воспитаніемъ сына своего, которой у нихъ одинъ только и былъ, и тогда, будучи уже мальчикомъ изряднымъ, учился языкамъ.

Я очень радъ былъ, узнавъ о сихъ ближнихъ и лутчихъ родныхъ, и отпуская обратно присланнаго, написалъ къ сестрѣ своей предлинное письмо и наговорился съ нею заочно до-сыта. Я разсказывалъ ей о себѣ все и все, а наконецъ предлагалъ ей совѣты, какъ бы лутче имъ воспитать и чему и чему обучать моего племянника. Между протчимъ, сколько помнится мнѣ, совѣтовалъ я ей достать для него бывшія тогда въ величайшей у насъ славѣ и только что вышедшія книги, «Дѣтское училище» называемыя. Но мальчикъ сей не рожденъ былъ къ наукамъ и, къ сожалѣнію, такъ изнѣженъ и избалованъ, что вышелъ изъ него превеликой лѣнивецъ.

Впротчемъ, при отправленіи крестьянина моего въ деревню, не преминулъ я помыслить и о деревнѣ и сколько-нибудь о сельской экономіи, изъ которой я тогда хотя и ничего не разумѣлъ, да и надѣяться было не можно, чтобъ я могъ вскорѣ увидѣть свою деревню, однако мнѣ хотѣлось по-крайней-мѣрѣ показать домашнимъ своимъ, что я не совсѣмъ ихъ забываю; и какъ у меня находился тамъ старинной мой дядька Артамонъ, о способностяхъ котораго я былъ довольно увѣренъ, то вздумалось мнѣ велѣть ему разширить одинъ изъ моихъ садовъ, заведенной и основанной покойною моею матерью, и превратить оной изъ простого въ регулярной. Я нарисовалъ ему порядочной планъ, раскрасилъ его красками, здѣлалъ подробнѣйшее описаніе и наставленіе, гдѣ ему и что̀ садить, и какія гдѣ деревья и кустарники, и отправилъ къ нему сіе предписаніе. Сіе было первоначальное мое съ садами предпріятіе, и садикъ сей хотя и не точь-въ-точь такъ, какъ я начертилъ, однако посаженъ былъ имъ довольно порядочно и послужилъ потомъ основаніемъ большому саду. Нѣкоторыя деревья, а особливо вишни и сливы, растутъ еще и понынѣ въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тогда имъ посажены были, и служутъ ему нѣкоторымъ памятникомъ.

Отпустивъ мужичка своего обратно въ деревню, пересталъ я объ ней мыслить, и обратилъ паки всѣ свои помышленія къ службѣ и тогдашнимъ моимъ упражненіямъ. Мнѣ поручена была около сего времяни особая комисія. На всю армію строили тогда у насъ въ Кёнигсбергѣ новыя знамены, и работа сія производилась подъ смотрѣніемъ капитана Кемецкаго; но какъ онъ не разумѣлъ живописи и рисованья, а на знаменахъ должно было малевать всѣхъ полковъ гербы, то надсматриваніе надъ живописцами поручено было мнѣ, и я долженъ былъ ходить къ нимъ всякой день и поправлять ихъ ошибки. Протчее-жъ время дѣлилъ я между чтеніемъ книгъ и рисованьемъ, а нерѣдко въ лѣтнее время хаживалъ по прежнему и гулять по садамъ, а особливо въ Сатургусовъ, которой почитался наилутчимъ и первѣйшимъ изъ садовъ во всемъ Кёнигсбергѣ, и дѣйствительно былъ зрѣнія и хвалы достоинъ. Купецъ, которому онъ принадлежалъ, познакомившись со мною, далъ мнѣ дозволеніе ходить въ садъ его когда мнѣ угодно, и я не упускалъ пользоваться симъ его дозволеніемъ.

Но всѣ сіи гулянья, равно какъ танцованіе на балахъ и на свадьбахъ, которыя по прежнему обыкновенію не оставляли мы посѣщать, не могли меня никакъ совратить съ того хорошаго путя, по которому пошолъ я съ самаго того времяни, какъ опредѣлился въ камору къ генералу и получилъ охоту читать кни-

ги. Я старался часъ отъ часу дѣлаться постояннѣйшимъ и вмѣсто того, чтобъ, по примѣру протчихъ молодыхъ моихъ сверстниковъ и сотоварищей, гоняться за женщинами, посѣщать всякой день трактиры и шататься изъ гостей въ гости, я старался колико можно отъ того удаляться и вести жизнь совсѣмъ не по лѣтамъ моимъ, а прямо философическую. Но мое особливое щастіе было то, что изъ всего того великаго множества молодыхъ женщинъ, которыя къ намъ еженедѣльно на балы съѣжжались, да и изъ всѣхъ протчихъ, живущихъ въ городѣ семъ, коихъ видать удавалось мнѣ, также въ киркахъ, на свадьбахъ и на гуляньяхъ и между которыми много было и хорошихъ, не случилось однако ни одной такой, которая бы въ особливости плѣнила меня своими прелестьми и въ которую бы я могъ страстно влюбиться. Сіе обстоятельство, которому я самъ довольно не надивлюсь, помогло мнѣ въ особливости спастись отъ сей заразы, которая могла-бъ произвесть великія дѣйствія и всѣ мои тогдашнія хорошія намѣренія разрушить; но я хотя часто видалъ женщинъ, но сматривалъ на нихъ на всѣхъ равнодушно, а будучи отъ природы застѣнчивъ и несмѣлъ, не имѣлъ никакова близкаго обхожденія и съ самыми знакомѣйшими изъ нихъ, а ежедневно только помышлялъ о томъ, какъ бы себя отъ всего того дурнова отучить, что̀ находилъ я самъ въ себѣ при чтаніи книгъ нравоучительныхъ. Сіи заставили меня самого себя разсматривать и примѣчать всѣ свои душевныя движенія и страсти, и какъ изъ нихъ находилъ я въ себѣ особливую наклонность къ гнѣву и вспыльчивости, то и старался я въ особливости себя отъ того отучить и наблюдать въ семъ случаѣ самыя тѣ правилы, какія въ книгахъ были предписаны; и могу сказать, что я нарочито въ томъ и успѣлъ и въ одно сіе лѣто такъ много себя передѣлалъ, что не сталъ почти походить самъ на себя, и многіе не могли тому довольно надивиться.

Въ доказательство, какъ много успѣлъ я въ наукѣ обладать самимъ собою и страстьми своими, разскажу я два произшествія, случившіяся со мною въ сіе лѣто. Въ одинъ день понадобилось мнѣ, не помню зачѣмъ, сходить изъ канцеляріи въ необыкновенное время на свою квартиру; кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, обыкновенно просиживалъ я съ утра до вечера въ канцеляріи и на квартиру прихаживалъ только почевать, но въ сей день пришолъ я неожидаемымъ образомъ туда вскорѣ послѣ обѣда. Я вхожу въ большую мою комнату, которая была вкупѣ и моя спальня, и не нашедъ въ ней никого, думаю, что слуга мой Абрамъ, которой одинъ со мною тутъ и жилъ, куда-нибудь вышелъ. Но маленькой шумъ, услышанной мною въ комнатѣ, побудилъ меня туда заглянуть. Но чтожъ я тутъ увидѣлъ? Слуга мой изволилъ трудиться надъ моею шкатулкою и, отперши ее прибраннымъ ключемъ въ самую ту минуту, выдвигалъ потайные ящички и доставалъ изъ нихъ серебренныя деньги. Усердіе его въ сей работѣ было такъ велико, что онъ и не слыхалъ, какъ я вошелъ, и не прежде меня увидѣлъ, какъ я ему сказалъ:—«Э! братъ, что такое это ты дѣлаешь?» — Слова сіи и неожидаемое имъ мое пришествіе такъ его поразило, что онъ остолбенѣлъ и не въ состояніи былъ встать на ноги; но рубли посыпались у него изъ рукъ, и онъ, устремя глаза свои на меня, разинулъ ротъ и не въ состояніи былъ выговорить ни единаго слова.—Явленію таковому натурально долженствовало воспалить всю кровь мою огнемъ и пламенемъ и привесть меня въ бѣшенство, но произошло противное тому. Я успѣлъ опомниться и такъ много себя одолѣлъ, что ниже малѣйшему гнѣву не далъ въ сердцѣ своемъ мѣста, но съ спокойнымъ духомъ, пожавъ только плечьми, сказалъ ему: — «Ну, хорошо это?»—Виноватъ, сударь,—отвѣчалъ онъ,—и что ужъ говорить, виноватъ какъ собака, простите меня. Вотъ вамъ Богъ, впередъ этова не будетъ и буду служить вамъ вѣрно. — «Ну, хорошо», сказалъ я, «посмотримъ, только сдержи свое слово».— Изволь сударь.—Онъ и подлинно устоялъ въ своемъ словѣ и во всѣ протчіе годы

пребыванія его при мнѣ не примѣтилъ я въ немъ ни малѣйшей невѣрности.

Нельзя изобразить, какое истинное душевное удовольствіе имѣлъ я во весь остатокъ того дня и многіе послѣдующіе затѣмъ дни о сей самимъ надъ собою побѣдѣ, которая такъ легка мнѣ показалась, что я не могъ тому довольно надивиться и благодарилъ Бога, что онъ помогъ мнѣ такъ много въ стараніяхъ своихъ о исправленіи своемъ.

Другое произшествіе было слѣдующее въ самой тотъ день, когда былъ у насъ феіерверкъ, случилось мнѣ, въ ожиданіи зажженія онаго, находиться посреди безчисленной толпы сшедшагося смотрѣть оной народа и стоять въ кучкѣ собравшихся для того же нашей братьи офицеровъ. Было тутъ насъ человѣкъ десятокъ и болѣе, и на большую часть знакомыхъ другъ другу, и всѣ они, въ ожиданіи пріѣзда губернаторскаго, провожали время свое тутъ отъ скуки, по обыкновенію своему, въ разныхъ шуточныхъ разговорахъ, смѣхахъ и дружескихъ издѣвкахъ другъ надъ другомъ. Но ни надъ кѣмъ такъ много они тутъ не трунили и не смѣялись, какъ надъ однимъ сотоварищемъ своимъ, которой былъ родомъ изъ Лифляндіи, слѣдовательно нѣмецъ, и по прозвищу г. Кульбарсъ. Какъ всѣ нѣмцы обыкновенно одѣвались чище и убирались лутче нашихъ русскихъ офицеровъ, то случилось такъ, что сей г. Кульбарсъ убранъ, разчосанъ и распудренъ былъ въ сей день отмѣнно какъ-то уже предъ обыкновеннымъ, и даже такъ, что всѣмъ онъ казался смѣшнымъ, и всѣ они надъ нимъ трунили до единаго, а особливо за то, что онъ, убравшись симъ образомъ почти по-дурацки, вздумалъ тѣмъ еще кичиться и не только не хотѣлъ почти ни съ кѣмъ говорить слова, но еще и сердился и досадовалъ, для чего надъ нимъ смѣялись; а сіе, какъ извѣстно, уже и бѣда между молодыми офицерами. Они здѣлали вокругъ его кружокъ, и чѣмъ болѣе онъ сердился, тѣмъ болѣе надъ нимъ трунили и смѣялись. Мнѣ случилось въ самое то время войтить къ нимъ въ кружокъ, когда они наиболѣе его раззадорили и дошли даже до того, что кто-то изъ нихъ, будучи наглѣе всѣхъ протчихъ, дернулъ даже его сзади за толстую его прускую и внизу закорючившуюся косу. Г. Кульбарсъ тотчасъ оборачивается назадъ, и не говоря ни слова, вдругъ опрокидывается на меня, нимало въ томъ не участвовавшаго, а только въ самую ту минуту туда и по нещастію сзади къ нему подошедшаго. Какъ было сіе въ самыя уже сумерки, то хотя не только онъ, но и самъ я истинно не видалъ кто его за косу дернулъ, но онъ счолъ, что это былъ я, и, вспыхнувъ какъ порохъ, началъ меня немилосердымъ образомъ и такъ бранить и ругать, что другой бы, будучи на моемъ мѣстѣ, никакъ не утершѣлъ, но его бы вѣрно съѣздилъ въ рожу и готовъ бы съ нимъ хоть рѣзаться и драться. Но я имѣлъ столько духа, что, будучи совсѣмъ невиненъ, глупости его только усмѣхался и въ соотвѣтствіе на все его лаяніе только ему сказалъ: — «Слушайте, г. Кульбарсъ, я васъ, какъ честной человѣкъ, увѣряю, что я васъ не трогалъ и не замалъ, и что вы меня ругаете напрасно! А кто васъ трогалъ, того не видалъ и не знаю; а таковъ ли я или нѣтъ, какимъ вы меня называете— это отдаю на судъ вотъ всѣмъ здѣсь присудствующимъ! Вы, государи мои, знаете меня всѣ и можете сему господину сказать, достоинъ ли я такихъ наименованій». — Сказавъ сіе хладнокровнѣйшимъ образомъ, пошолъ я отъ нихъ прочь, и симъ самымъ произвелъ то, что вмѣсто того, чтобъ мнѣ съ нимъ перебраниваться, напали на него всѣ тутъ бывшіе и начали, защищая меня единогласно, всячески самого его не только осуждать, но ругать и бранить, какъ напрасно меня обидѣвшаго. Не могу изобразить, съ какимъ истиннымъ и душевнымъ удовольствіемъ слушалъ я издалека сіи дѣлаемыя ото всѣхъ ему тазанія, которыя даже до того простирались, что они для увѣренія его о моей невинности объявили ему и о самомъ томъ, кто его за косу дернулъ, и всѣмъ тѣмъ довели его до того,

что онъ отъ стыда принужденъ былъ уйтить и въ толпѣ народа скрыться отъ нихъ. Тогда подошолъ я опять къ нимъ и благодарилъ ихъ,что они за меня такъ вступились.—Да какъ, братецъ,не вступиться— говорили они мнѣ:—мы не можемъ надивиться, что ты имѣлъ столько духа и этова нѣмчуру не съѣздилъ въ рожу. Мы бы всѣ тебѣ помогли проучить этова невѣжу. — «Добро, добро,– сказалъ я имъ,— оставимъ его съ покоемъ: какъ опомнится, такъ и самъ почувствуетъ, что онъ дурно здѣлалъ». Сіе дѣйствительно и воспослѣдовало, и г. Кульбарсу было такъ передо мною послѣ совѣстно, что онъ, не отыскавъ меня въ тотъ вечеръ, поутру на другой день отыскалъ мою квартиру и пришедъ ко мнѣ, приносилъ тысячу извиненій, и просилъ, чтобъ я ему отпустилъ его глупости и здѣланной имъ отъ вспыльчивости и горячности предо мною непростительной проступокъ. Меня сіе такъ тронуло, что я со слезою на глазахъ подалъ ему мою руку, и пожавъ ею его, сказалъ, что я ему отпущаю все охотно и, вмѣсто досады, прошу только его знать меня короче и быть мнѣ лутче другомъ. Онъ и былъ съ того времяни дѣйствительно таковымъ, и всегда изъявлялъ ко мнѣ отмѣнное почтеніе. Мнѣ же побѣда сія сто разъ пріятнѣе была, нежели-бъ я его приколотилъ палкою.

Симъ образомъ кончилось сіе дѣло, и оно было мнѣ долго памятно, а удовольствіе, полученное отъ того, побуждало меня и впредь симъ образомъ отчасти болѣе обладать самимъ собою и обуздывать всѣ мои страсти; а симъ окончу я и сіе письмо мое, достигшее уже давно до своихъ предѣловъ, и скажу, что я есмь навсегда вашъ и протчее.

Письмо 81 *).

Любезной пріятель! Въ предслѣдующемъ моемъ къ вамъ письмѣ остановился я на разсказываніи вамъ о томъ, какой успѣхъ имѣлъ я въ исправленіи своемъ и въ отученіи себя отъ всѣхъ дурныхъ привычекъ и страстей, натурѣ человѣческой свойственныхъ; а теперь, продолжая ту же матерію, скажу, что ко всему тому побуждали меня болѣе нравоучительныя книги, до чтенія которыхъ здѣлался я такимъ же охотникомъ, какимъ былъ до того до чтенія романовъ. И какъ я имѣлъ тогда наилутчей и наивожделѣннѣйшій случай къ доставанію себѣ оныхъ, потому что помянутая библіотека, изъ которой бралъ я себѣ для чтенія книги, наполнена была не одними только романами, но и всѣхъ родовъ сочиненіями и между протчимъ и самыми философическими и наилутчими нравоучительными, и я могъ получать изъ ней, какія только мнѣ хотѣлось, то и читалъ я почти безпрерывно оныя и наполнялъ умъ свой отъ-часу множайшими и важнѣйшими познаніями. Не могу изобразить, сколь великую пользу онѣ мнѣ принесли и какъ много распространили всѣ мои свѣдѣнія и знанія. Словомъ, чрезъ нихъ узналъ я не только самъ себя, но и все нужнѣйшее, что̀ знать человѣку въ жизни надобно; а что̀ всего лучше, спознакомился гораздо со всѣмъ учонымъ свѣтомъ и безъ всякихъ учителей и наставниковъ узналъ многое такое, чего многіе иные не узнаютъ, учась порядочнымъ образомъ въ академіяхъ и университетахъ и имѣя у себя многихъ учителей и наставниковъ. Словомъ, онѣ были наилутчіе мои друзья, наставники, учители и совѣтники, и помогали невѣдомо какъ мнѣ въ моемъ исправленіи и образованіи моего сердца и духа. И сколь блаженно было для меня тогдашнее время! Я со всякимъ днемъ получалъ новыя знанія и со всякимъ днемъ дѣлался лутчимъ; но можно сказать, что много помогали къ тому и важныя размышленія, въ какихъ я нерѣдко упражнялся и которыя побудили меня предпріять тогда одно особое и такое дѣло, какое рѣдко дѣлаютъ люди такихъ лѣтъ, въ какихъ я тогда находился; а именно: я положилъ всякую хорошую попадающуюся мнѣ мысль и всякое хорошее чувствіе

*) Сверху письма надписано: «ноябрь 4 д. 1800».

души своей записывать на особыхъ лоскуткахъ бумаги, и всякой день предписывать самому себѣ что-нибудь нужное либо къ исполненію, либо къ незабвенію чего-нибудь. И какъ я въ томъ упражнялся почти цѣлое годичное время, то и набралось сихъ исписанныхъ лоскутковъ бумаги такое множество, что, по переписаніи всѣхъ оныхъ на-бѣло, могъ я изъ всѣхъ ихъ составить и велѣть переплесть цѣлую книгу, содержащую въ себѣ столько же самому себѣ предписанныхъ правилъ, сколько дней въ году. Книжка, которая и понынѣ у меня цѣла и которую храню я, какъ нѣкакой монументъ тогдашнихъ моихъ занятій и упражненій, а вкупѣ и первый слабѣйшій опытъ нравоучительныхъ своихъ сочиненій, и которой, всходствіе намѣренія своего, и не придалъ я никакова иного особаго названія, а назвалъ ее просто только памятною книжкою.

Но всего для меня полезнѣе и достопамятнѣе было то, что я въ теченіи сего года началъ учиться и порядочно штудировать философію. Произошло сіе совсѣмъ нечаяннымъ и ненарочнымъ почти образомъ и такъ, что я и сей случай отношу къ особымъ дѣйствіямъ и попеченіямъ о истинномъ благѣ моемъ божескаго Промысла. И какъ произшествіе сіе имѣло вліяніе на всю жизнь мою, то и разскажу я о томъ пространнѣе.

Между многими и разными книгами, читаемыми мною въ тогдашнее время, хотя и читалъ я нѣкоторыя и философическія, и чрезъ то получилъ и о сей важнѣйшей части учености нѣкоторое уже понятіе, однако все мое по сей части знаніе было весьма еще несовершенно; а сверхъ того еще и таково, что могло-бъ мнѣ и въ неописанной еще вредъ обратиться, естлибъ благодѣтельная судьба моя помянутымъ произшествіемъ не положила тому преграды и чрезъ самое то не спасла меня отъ погибели совершенной, какъ о томъ упомяну я послѣ пространнѣе.

Изъ всѣхъ читанныхъ мною до того времяни философическихъ книгъ, ни которая такъ мнѣ не нравилась, какъ Готшедовы начальныя основанія всей философіи. Книга сія содержала въ себѣ краткое изображеніе или сокращеніе всей такъ-называемой Вольфіанской философіи, которая была въ тогдашнее время во всеобщемъ вездѣ употребленіи и, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, почиталась тогда наилутчею. Почему и въ Кёнигсбергѣ всѣ профессоры и учители юношества обучали оной, такъ какъ, къ сожалѣнію, переселясь и къ намъ, господствуетъ она и у насъ еще и понынѣ. И какъ помянутыя книжки, по краткости и ясности своей, мнѣ такъ полюбились, что я непремингулъ даже купить оныя, то, прочитавъ ихъ нѣсколько разъ отъ доски до доски и получивъ о философіи сей нарочитое уже и такое понятіе, что могъ съ разумѣніемъ читать и другія подобныя тому книги, а чрезъ то нечувствительно напоился я и мнѣніями, обо всемъ съ философіею сею сообразными.

Но мнѣ всего меньше извѣстно было тогда то, что философія сія имѣла многіе недостатки и несовершенства, что самыя основанія, на которыхъ все зданіе оной воздвигнуто, были слабы и ненадежны и что вообще была она такова свойства, что дотолѣ, покуда человѣкъ, прилѣпившейся къ оной, будетъ только вскользь оной держаться и оставаться довольнымъ тѣмъ, что въ ней содержится, онъ можетъ быть и добрымъ и безопаснымъ; а какъ скоро изъ послѣдователей оной кто-нибудь похочетъ далѣе простирать свои мысли и углубляться болѣе въ существовещей всѣхъ, то всего и скорѣе можетъ збиться съ правой тропы и заблудиться до того, что здѣлается наконецъ деистомъ вольнодумомъ и самымъ даже безбожникомъ, и что весьма многіе, преразумные впротчемъ люди, дѣйствительно отъ ней таковыми негодяями здѣлались и, вмѣсто искомой пользы, крайней себѣ вредъ пріобрѣли и въ невозвратимую впали пагубу, такъ какъ то же самое едва-было и со мною не случилось, какъ о томъ упомяну я послѣ въ своемъ мѣстѣ.

А сколь мало было мнѣ все сіе извѣстно; столь же мало зналъ я и о томъ, что за

нѣсколько до того лѣтъ проявилась въ свѣтѣ новая и несравненно сей лутчая, основательнѣйшая и не только ни мало не вредная, но и то особливое предъ всѣми бывшими до того философіями преимущество имѣющая философія, что она всякаго прилѣпившагося къ ней человѣка, хотя бы онъ и не хотѣлъ, но по неволѣ почти сдѣлаетъ добрымъ христіанином; такъ какъ, напротивъ того, вольфіанская и хорошаго христіанина превращала почти всегда въ худого или паче въ самаго деиста и маловѣра, и что сія новая и крайне человѣческому роду полезная философія, основанная въ Лейпцигѣ однимъ изъ тамошнихъ ученѣйшихъ людей, по имени Христіаномъ Августомъ Крузіемъ, начинала уже гремѣть въ свѣтѣ, получать многихъ себѣ послѣдователей и мало-по-малу распространяться въ Европѣ и между протчимъ въ самомъ томъ городѣ, гдѣ я тогда находился. Тутъ преподавалъ уже ее или училъ публично одинъ изъ университетскихъ магистровъ, по имяни Вейманъ; но какъ всѣ протчіе профессоры были еще вольфіанцы и послѣдователями помянутой прежней и несовершенной философіи, то и терпѣлъ онъ еще отъ нихъ за то нѣкоторое себѣ гоненіе и недоброхотство, а особливо потому, что многіе изъ студирующихъ въ Кёнигсбергѣ, отставая отъ прежнихъ учителей, прилѣплялись къ оному, и научившись лучшимъ правиламъ, основаніямъ и мыслямъ, дѣлались имъ такими противниками, которыхъ они никакъ преборать были не въ состояніи на обыкновенныхъ своихъ преніяхъ.

Всего того я еще не зналъ и не узналъ бы, можетъ быть, никогда, естлибъ не случилось присланнымъ быть къ намъ изъ Москвы вышеупомянутымъ десяти студентамъ и мнѣ съ двумя изъ нихъ покороче познакомиться. Оба они были наилутченькіе изъ всѣхъ и самые тѣ, которые назначались для занятія моего мѣста и для исправленія моей должности. Одинъ изъ нихъ прозывался Садовскимъ, а другой Малиновскимъ. Оба они были московскіе уроженцы, оба тамошнихъ поповъ дѣти, но оба весьма хорошихъ характеровъ, хорошаго и смирнаго поведенія; оба охотники до наукъ и хорошо въ университетѣ учившіеся и довольныя уже свѣдѣнія обо всемъ имѣющіе, а притомъ съ хорошими чувствіями люди. Какъ обоимъ имъ велѣно до того времяни, покуда понавыкнутъ они болѣе нѣмецкому языку и къ переводамъ здѣлаются способнѣйшими, приискать себѣ учителей изъ тамошнихъ профессоровъ и продолжать у нихъ прежнія свои науки, то, учась еще въ университетѣ философіи, избрали они и тутъ сей самой факультетъ и, приговоривъ одного изъ тамошнихъ профессоровъ, стали продолжать слушать у нихъ лекціи, такъ какъ дѣлывали то, будучи еще въ московскомъ университетѣ.

Такъ случилось, что профессоръ тотъ былъ хотя, какъ и всѣ протчіе, вольфіянецъ, но изъ учениковъ его, тамошнихъ студентовъ, были нѣкоторые, учившіеся тайно и у помянутаго магистра Веймана той новой Крузіанской философіи, о которой упоминалъ я выше, и что сіи, сознакомившись и сдружившись съ обоими нашими студентами, насказали имъ столь много доброва какъ о сей новой философіи, такъ и о Веймане, что возбудили и у нихъ охоту поучиться сей новой и толико лутчей и преимущественной философіи. Они, при помощи оныхъ, и познакомились тотчасъ съ симъ магистромъ; и какъ сей таковымъ новымъ охотникамъ учиться его философіи очень былъ радъ, то и пригласилъ онъ ихъ ходить къ себѣ по вечерамъ, и взялся съ охотою преподавать имъ приватно лекціи, а хотѣлъ только, чтобъ дѣло сіе производимо было тайно и такъ, чтобъ не узналъ того до времяни тотъ профессоръ, у котораго они до того учились, и чтобъ онъ не могъ за то претерпѣть отъ него какова-нибудь себѣ злодѣйства, на что они и сами охотно согласились.

Но не успѣли они у него нѣсколько разъ побывать и лекціевъ его послушать, какъ и плѣнились они столь сильно сею новою философіею, что восхотѣлось имъ и мнѣ сообщить свое удовольствіе. Со

мною имѣли они уже время не только познакомиться, но даже и сдружиться, ибо какъ имъ приказано было отъ времяни до времяни приходить къ намъ и въ канцелярію, то, узнавъ обо мнѣ и объ отмѣнной моей охотѣ до книгъ и до наукъ, тотчасъ со мною познакомились короче и полюбили меня чрезвычайно; а не менѣе полюбилъ тотчасъ и я обоихъ ихъ, и у насъ всегда, какъ ни прихаживали они къ намъ, бывали съ ними обо всемъ и обо всемъ, касающемся до книгъ и до наукъ, безпрерывные и для меня отмѣнно пріятные разговоры, а сіе и подружило насъ между собою очень скоро неразрывною почти дружбою.

Не могу изобразить, какъ удивился я, услышавъ отъ нихъ о помянутой новой и совсѣмъ для меня еще неизвѣстной философіи, и о преимуществахъ ея предъ прежнею и мнѣ знакомою, и какъ заохотили они самого меня узнать короче объ оной и слышать, какъ преподаются объ ней имъ лекціи. Они, услышавъ желаніе мое, не преминули поговорить о томъ съ своимъ магистромъ Вейманомъ и спросить его, не дозволитъ ли онъ имъ привесть меня когда-нибудь съ собою, дабы могъ я хоть одинъ разъ присудствовать при преподаваніи имъ его лекцій; и какъ неописанно обрадовали они меня, принеся извѣстіе ко мнѣ, что онъ не только имъ то дозволилъ, но поставляетъ себѣ за особливую честь и будетъ очень радъ, естли удостою я его своимъ посѣщеніемъ.

Мы условились еще въ тотъ же день иттить къ нему всѣ вмѣстѣ. Вечеръ случился тогда, какъ теперь помню, очень темной, осенней и притомъ ненастной, и хотя иттить намъ было очень дурно и проходить многія улицы и тѣсные переулки по скользкимъ мостовымъ, но я не шолъ, а летѣлъ, ногъ подъ собою не слыша, вслѣдъ за моими проводниками. Я не инако думалъ, что найду порядочной и хорошо убранной домъ; но какъ удивился я, нашедъ сущею хибарочку, во второмъ этажѣ одного посредственнаго домика и въ ней повсюду единые слѣды совершенной бѣдности. Иному не могла бы она ничего иного вперить, кромѣ одного презрѣнія, но у меня не то было на умѣ. Я искалъ въ ней мудрости, и былъ столь щастливъ, что и нашолъ оную.

Господинъ Вейманъ принялъ меня съ отмѣнною ласкою, и, посадивъ насъ, тотчасъ началъ свое дѣло. Матерія, о которой по порядку имъ тогда говорить слѣдовало, была наитончайшая и самая важнѣйшая изъ всей метафизики, какъ теперь помню, о времяни и мѣстѣ, и онъ, несмотря на всю ее гонкость, трактовалъ ее такъ хорошо, такъ внятно и украшалъ ее толь многими до обѣихъ философій относящимися побочностями, что я слушалъ ее съ неописаннымъ удовольствіемъ, и, пользуясь дозволеніемъ его, не уставалъ его то о томъ, то о другомъ, для лутчаго понятія себѣ, разспрашивать. И какъ отмѣннымъ вниманіемъ своимъ, такъ и пониманіемъ всего того, что онъ сказывалъ, равно какъ и совершеннымъ разумѣніемъ нѣмецкаго языка я ему такъ угодилъ, что онъ при отшествіи нашемъ и при дѣлаемыхъ ему благодареніяхъ мнѣ сказалъ, что естли мнѣ только угодно будетъ, то онъ за особливое удовольствіе почтетъ, естли я къ нему и впредь всегда ходить и лекціи его слушать буду, и что онъ не только ничего за то не потребуетъ, но за особливую честь себѣ поставитъ учить меня философіи, которая такъ мнѣ полюбилась.

Я очень доволенъ былъ симъ его приглашеніемъ, и непреминулъ воспользоваться даннымъ отъ него мнѣ дозволеніемъ, и съ самаго того времяни не пропускалъ ни одного раза, чтобъ вмѣстѣ съ сотоварищами моими къ нему не ходить, и всегда располагалъ дѣла свои такъ, чтобъ мнѣ на весь седьмой часъ послѣ обѣда можно было изъ канцеляріи къ нему отлучаться. И г. Вейманъ такъ меня полюбилъ, что изъ всѣхъ своихъ учениковъ почиталъ наилутчимъ и всѣхъ скорѣе и совершеннѣе все понимающимъ, и о просвѣщеніи разума моего такъ много старался, что я могу сказать, что обязанъ сему человѣку очень много въ моей жизни.

Симъ образомъ началъ я съ сего времяни порядочно студировать и слушать философическія лекціи и производилъ сіе такъ сокровенно, что долгое время никто о томъ не зналъ и не вѣдалъ. Но какъ наконецъ частыя и всегда въ одно время бываемыя отлучки мои изъ канцеляріи здѣлались примѣтны, и нѣкоторые изъ нашихъ канцелярскихъ стали подозрѣвать меня и толковать оныя въ худую сторону, то принужденъ я былъ наконецъ открыться въ томъ г. Чонжину и у него выпросить формальное уже для отлучекъ сихъ себѣ дозволеніе. И тогда имѣлъ я удовольствіе видѣть, что обратилось мнѣ сіе не въ предосужденіе, но въ особливую честь и похвалу. Г. Чонжинъ не только разславилъ и разсказалъ о томъ всѣмъ съ превеликою мнѣ похвалою, но сказалъ даже и самому генералу, и такимъ тономъ, что и тотъ не преминулъ меня за то публично похвалить и при многихъ случаяхъ приводить меня въ примѣръ и образецъ молодымъ людямъ, особливо распутнымъ офицерамъ.

Но при семъ одномъ не осталось; но какъ около самаго сего времяни присланъ былъ къ нему изъ Петербурга одинъ изъ дальнихъ родственниковъ его, изъ фамиліи Чоглоковыхъ, для отданія его въ тамошней университетъ учиться языкамъ и наукамъ, и онъ жилъ у одного изъ первыхъ тамошнихъ профессоровъ, г. Ковалевскаго, такъ, какъ въ пенсіонѣ, но молодой человѣкъ сей былъ такова характера, что потребенъ былъ за нимъ присмотръ; то генералъ нашъ не нашолъ никого, кромѣ меня, кому-бъ могъ препоручить сію комисію. Почему и принужденъ былъ я отъ времяни до времяни ходить въ тамошней университетъ, и въ домъ къ помянутому г. Ковалевскому, и не только свидѣтельствовать успѣхи сего его родственника, но освѣдомляться о его поведеніи и поступкахъ. А какъ вскорѣ послѣ того и другой изъ нашихъ армейскихъ и тутъ бывшихъ генераловъ, а имянно господинъ Хомутовъ, по рекомендаціи отъ нашего генерала, усильнымъ образомъ просилъ меня принять подъ присмотръ свой и его сына, учившагося тутъ же въ университетѣ; то все сіе здѣлало меня и въ университетѣ извѣстнымъ и пріобрѣло мнѣ и отъ всѣхъ тамошнихъ профессоровъ честь и особливое уваженіе, простиравшееся даже до того, что они при каждомъ университетскомъ торжествѣ и празднествѣ не упускали никогда приглашать и меня вмѣстѣ съ протчими знаменитѣйшими людьми къ присудствованію при оныхъ, и всѣ оказывали мнѣ, какъ бы уже ученому человѣку, особливую вѣжливость и учтивство.

Теперь легко можно всякому заключить, что для меня все сіе не могло быть противно, но было въ особливости пріятно; а польза, проистекшая отъ того мнѣ, была та, что я чрезъ то имѣлъ случай видѣть всѣ университетскіе обряды и обыкновенія и получить какъ о родѣ ученія, такъ и обо всемъ ближайшее понятіе. Что-жъ касается до помянутаго профессора Ковалевскаго, славившагося въ особливости тѣмъ, что живали у него въ домѣ всегда и учивались многіе пансіонеры и не рѣдко изъ самыхъ знаменитѣйшихъ прускихъ и другихъ земель фамилій, то хотя бывалъ я у него и часто, но, кромѣ одного холодного учтивства, не видалъ отъ него ничего; да и находилъ, что онъ болѣе былъ славенъ, нежели того достоинъ. Все ученіе его не имѣло въ себѣ ничего чрезвычайнаго и особливаго, а и самое смотрѣніе за учениками и стараніе о просвѣщеніи ихъ было весьма посредственно; а единую рѣдкость и особливость въ его домѣ нашолъ я только ту, что у него со всѣхъ бывавшихъ до того и тогда бывшихъ учениковъ списаны были живописные портреты и ими установлена цѣлая комната: но и сіе происходило не отъ чего иного, какъ отъ единаго любославія сего надменнаго и кичащагося тѣмъ человѣка; а впротчемъ нельзя сказать, чтобъ всѣ учащіеся у него получали отъ него многую пользу.

Другая достопамятность, случившаяся со мною около сего времяни, была та, что я повышенъ былъ рангомъ и пожалованъ изъ подпорутчиковъ въ порутчики.

Сей чинъ давно бы я имѣть могъ, ежели-бъ производство мое зависило отъ нашего генерала, но какъ я числялся по арміи и все еще въ полку, то не можно было генералу ничего въ пользу мою здѣлать, и я долженъ былъ ожидать всего отъ главныхъ командировъ арміи и ждать, когда по линіи и по старшинству мнѣ въ порутчики достанется. Но какъ находился я отъ полку въ отлучкѣ и не состоялъ на лицѣ въ арміи, то и не ожидалъ ни мало себѣ повышенія, и всего меньше онаго добивался; но какъ новой нашъ старичокъ фельдмаршалъ, будучи самъ за побѣды отъ императрицы награжденъ и повышенъ чиномъ, восхотѣлъ по возвращеніи своемъ изъ похода въ Польшу оказать благодѣяніе и всѣмъ бывшимъ съ нимъ въ походѣ армейскимъ офицерамъ и обраловать ихъ здѣланіемъ генеральнаго, общаго всѣмъ и большого произвожденія; то при самомъ семъ случаѣ, противъ всякаго чаянія и ожиданія моего, досталось и мнѣ въ порутчики, и сообщено о томъ во извѣстіе отъ полку къ нашему генералу съ повторительнымъ опять требованіемъ и просьбою объ отпускѣ меня и отправленіи къ полку.

Повышеніе сіе было хотя посему ни чрезвычайное какое и не важное, но какъ чины давались тогда очень туго, да и я всего меньше онаго ожидалъ, то и былъ я тѣмъ чрезвычайно обрадованъ. Г. Чонжинъ непреминулъ и при семъ случаѣ сыграть со мною шутку. Онъ узналъ о томъ всѣхъ прежде, но какъ генералъ запретилъ ему о томъ мнѣ сказывать, желая самъ обрадовать меня въ послѣдующее утро, то и восхотѣлось г. Чонжину надо мною позабавиться и приготовить меня къ тому страхомъ и напугаціемъ. Итакъ, не успѣлъ я въ послѣдующее утро приттить въ канцелярію, какъ притворился онъ не только ничего о томъ незнающимъ, но еще сердитымъ и угрюмымъ, и, призвавъ меня къ себѣ въ судейскую, сердитымъ голосомъ и видомъ мнѣ сказалъ: «Что ты тамъ надѣлалъ? Генералъ невѣдомо какъ на тебя сердится. Дошла на тебя къ нему какая-то отъ нѣмчуровъ прозьба; я теперь только у него въ покояхъ былъ, и онъ рветъ и мечетъ, и посмотри, что тебѣ отъ него будетъ». Я остолбенѣлъ, сіе услышавъ, и какъ за собою ничего не вѣдалъ, то и отвѣчалъ ему, что его превосходительству вольно со мною дѣлать, что ему угодно, но я покрайней-мѣрѣ ничего такова за собою не знаю, чѣмъ бы могъ заслужить гнѣвъ его.—«Совсѣмъ тѣмъ,—подхватилъ онъ,—подана на тебя какая-то бумага. Я самъ ее видѣлъ, и писана она по-нѣмецки. Не знаешь ли ты чего за собою?»—«Не знаю, сказалъ я: а развѣ вздумалось какому-нибудь бездѣльнику что-нибудь ложное на меня наклепать!»—«Ну, вотъ посмотримъ, генералъ скоро сюда придетъ и ты готовься только отвѣчать; а мнѣ досадно только, что случилось сіе не къ порѣ и не ко времяни. Ты того не знаешь, что со вчерашнимъ курьеромъ получено между протчимъ вновь требованіе тебя въ полкъ, и я истинно теперь уже не знаю, какъ намъ тебя удержать; и боюсь, чтобъ генералъ въ теперешней досадѣ на тебя не рѣшился наконецъ отпустить тебя, такъ какъ онъ уже и намекалъ мнѣ о томъ».—«Воля его!»—сказалъ я; но признатьша надобно, что сіе послѣднее встревожило духъ мой еще больше и, по пословицѣ говоря, на сердце у меня начали скресть тогда сильно кошки. Не имѣлъ я охоты и до того ѣхать въ армію, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ и подавно не хотѣлось мнѣ никакъ разстаться съ Кёнигсбергомъ.

Въ самую сію минуту вошли въ судейскую наши совѣтники, и г. Чонжинъ далъ мнѣ знакъ, чтобъ я вышелъ вонъ. Я пошодъ, повѣся голову, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ такимъ разстроеннымъ и смущеннымъ видомъ, что всѣ сотоварищи мои тотчасъ сіе примѣтили и, окруживъ меня, стали спрашивать, что такое здѣлалось со мною?—«Что, братцы,—съ досадою сказалъ я имъ,—какая-то бестія, сказываютъ, подала на меня какую-то жалобу генералу, хотя я ничего за собою не знаю, не вѣдаю; а съ другой стороны требуютъ опять въ полкъ, и Тимоѳей

Ивановичъ сказалъ мнѣ, что генералъ, будучи теперь въ превеликихъ сердцахъ на меня, болѣе и удерживать меня не хочетъ и рѣшился отпустить». — «Что вы говорите?»—закричали всѣ въ одинъ голосъ, сіе услышавъ, и здѣлавши вокругъ меня кружокъ, начали всѣ тужить и горевать обо мнѣ; ибо надобно знать, что вся канцелярія меня искренно любила и всѣ до единаго брали въ горести и досадѣ моей живѣйшее соучастіе. Но не успѣли они другъ передъ другомъ напрерывъ начать разспрашивать меня о томъ подробнѣе, какъ вдругъ зашумѣли въ судейской, и сторожъ выбѣжалъ къ намъ оттуда съ извѣстіемъ, что генералъ идетъ.—Въ мигъ тогда разсыпались всѣ, какъ дождь, отъ меня и, усѣвшись по мѣстамъ своимъ, замолчали. Я пошолъ также на свое, за перегородку, но едва успѣлъ усѣсться и начать разсказывать о горѣ своемъ сотоварищамъ своимъ нѣмцамъ, также о томъ любопытствующимъ, какъзагремѣлъ въ судейской кококольчикъ и черезъ минуту потомъ выбѣгаетъ опять сторожъ, бѣжитъ прямо ко мнѣ и говоритъ: «извольте, судырь, къ генералу!» — Я помертвѣлъ сіе услышавъ, и сердце мое во мнѣ такъ забилось и кровь взволновалась во всемъ тѣлѣ, что я едва въ состояніи былъ встать съ мѣста и, сколько въ скорости можно было, пооправиться и изготовиться къ отвѣту. Съ трепещущимъ сердцемъ, съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и съ подгибающимися колѣнами пошолъ я, куда меня звали, и какъ, при раствореніи дверей, издали уже увидѣлъ я генерала, держащаго въ рукахъ бумагу и меня дожидающагося: то, не сомнѣваясь нимало, что была та самая поданная прозьба, о которой сказывалъ мнѣ г. Чонжинъ, еще болѣе отъ того встревожился духомъ, и въ неописанномъ будучи смущеніи, едва былъ въ силахъ войтить въ судейскую и генералу поклониться. Я другова не ожидалъ, какъ того, что онъ въ тотъ же мигъ на меня, по обыкновенію своему, запылитъ огнемъ и пламенемъ и смѣшаетъ меня совсѣмъ съ грязью; но какъ удивился я, увидѣвъ тому противное, и что генералъ безъ всякаго сердитаго вида, а только протянувъ ко мнѣ руку съ бумагою, и власно какъ еще съ нѣкакимъ сожалѣніемъ, сказалъ: «Что дѣлать, Болотовъ! требуютъ тебя опять въ полкъ, и требованія сіи, чортъ ихъ побери, ужъ такъ мнѣ надоѣли, что я не знаю уже что мнѣ дѣлать и рѣшаюсь почти отпустить тебя; вотъ, возьми прочти самъ!»—«Воля ваша въ томъ, ваше превосходительство, въ полкъ такъ въ полкъ», —отвѣчалъ я, и сталъ подходить для принятія бумаги. Но какъ генералъ, взглянувъ пристальнѣе на меня, увидѣлъ, что я съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и крайне съ безпокойнымъ духомъ едва въ состояніи былъ переступать ногами, то, принявъ на себя веселой видъ и усмѣхнувшись, сказалъ мнѣ далѣе: «Ну, добро, добро, господинъ Болотовъ, не безпокойтесь и не смущайтесь духомъ. Требовать васъ хотя и требуютъ, однако мы васъ и въ сей разъ никакъ не отпустимъ, вы и здѣсь не баклуши бьете, а столько-жъ государынѣ своей или еще болѣе служите, нежели другіе многіе; а сверхъ того, похвальнымъ образомъ дѣлаетесь еще и съ другой стороны отечеству полезнымъ». — Слова сіи влили какъ нѣкакой живительной бальзамъ въ смущенное мое сердце, и меня столько ободрили, что я, здѣлавъ генералу пренизкой поклонъ, не хотѣлъ было и читать уже принятой отъ него бумаги; но онъ тотчасъ подхватилъ: «Однако прочтите, прочтите бумагу-то, и прочтите ее въ слухъ намъ; можетъ быть, нѣтъ ли въ ней чего-нибудь еще иного».

Приказаніе сіе меня удивило; но сколь удивленіе сіе безконечно увеличилось, когда, развернувъ бумагу и начавъ читать, увидѣлъ я, что это было извѣщеніе о пожалованіи меня порутчикомъ и требованіе, чтобъ я на сей чинъ приведенъ былъ къ присягѣ. Я остолбенѣлъ почти также отъ нечаянной и неожидаемой сей радости, какъ сперва отъ смущенія, и досада и состояніе мое въ сію минуту было таково, что я оное никакъ описать не въ состояніи, а скажу только, что произшедшее вновь во мнѣ, но пріятное

уже смущеніе духа, произвело то, что я читать остановился, онѣмѣлъ, стоялъ дуракъ дуракомъ и не зналъ, что мнѣ дѣлать; а особливо когда увидѣлъ, что генералъ, развеселившись вдругъ такъ, что таковымъ я давно его не видывалъ, началъ меня поздравлять съ чиномъ и увѣряя, что онъ тому очень радъ, желать мнѣ и дальнѣйшаго еще повышенія. А не успѣли услышать того оба сидѣвшіе съ нимъ за столомъ и меня любившіе совѣтники, какъ послѣдовали его примѣру и напрерывъ другъ предъ другомъ меня поздравляли, говоря, что я того давно уже достоинъ и передостоинъ. Словомъ, со всѣхъ сторонъ были дѣланы мнѣ поздравленія, а особливо когда вышелъ я изъ судейской. Тутъ, въ одинъ мигъ облѣпили меня со всѣхъ сторонъ всѣ канцелярскіе, отъ вышняго до нижняго, всѣ брали въ радости моей искреннее соучастіе, всѣ желали мнѣ дослужиться до генеральскаго чина, и я едва успѣвалъ только всѣмъ откланиваться, и охотно простилъ напужавшему меня г. Чонжину за выдуманную имъ надо мною шутку, въ чомъ признавался онъ, надсѣдаясь со смѣха, а особливо когда узналъ, что генералъ хотѣлъ-было сначала дѣйствительно меня уже отпустить, и что сей господинъ Чонжинъ убѣдилъ его и въ сей разъ меня не отпускать, чему не только я, но и всѣ наши канцелярскіе были очень рады. Впротчемъ, тотчасъ послано было за плацъмаіоромъ и въ тотъ же часъ велѣно меня привесть къ присягѣ, а генералъ столько былъ ко мнѣ милостивъ, что пригласилъ меня въ сей день обѣдать за собственнымъ своимъ столомъ и въ продолженіе онаго удостоилъ выпить рюмку вина за мое здоровье и поздравить меня съ чиномъ.

Симъ кончилось тогда сіе пріятное для меня произшествіе; а послику письмо мое уже здѣлалось довольно велико, то окончу я и оное на семъ мѣстѣ, сказавъ вамъ, что я есмь навсегда вашъ и протчее.

Письмо 82 *).

Любезной пріятель! Продолжая повѣствованіе мое о бывшихъ со мною въ теченіи 1760 года произшествіяхъ, и о томъ, что у насъ въ Кёнигсбергѣ въ сей годъ происходило, скажу, что къ числу первыхъ относится и особая дружба, основанная у меня съ однимъ изъ нашихъ морскихъ офицеровъ, по имени Николаемъ Еремѣевичемъ Тулубьевымъ, — дружба, которая и понынѣ мнѣ памятна и которую я никогда не позабуду. Онъ былъ лейтенантомъ на одномъ изъ нашихъ морскихъ судовъ, и жилъ у насъ въ сіе лѣто въ Кёнигсбергѣ для исправленія нѣкоторыхъ порученныхъ ему комисій. Какъ ему по поводу самыхъ оныхъ часто доходило имѣть дѣло съ нашимъ генераломъ и онъ нерѣдко для того прихаживалъ къ намъ въ канцелярію и провождалъ въ ней и въ самой моей комнатѣ иногда по нѣскольку часовъ сряду, то самой сей случай и познакомилъ меня съ нимъ короче. Онъ былъ человѣкъ еще молодой, однако нѣсколькими годами меня старѣе, и какъ всякому морскому офицеру свойственно, нарочито учонъ и во многомъ столь свѣдущъ, что можно было съ нимъ всегда о многихъ вещахъ съ удовольствіемъ говорить. Но все сіе не сдружило бы насъ съ нимъ такъ много и такъ скоро, естлибъ не случились у обоихъ насъ нравы и склонности во всемъ почти одинакіе и такая между обоими нами натуральная симпатія, что мы съ перваго почти свиданія полюбили другъ друга, а чрезъ нѣсколько дней такъ сдружились и такъ здѣлались коротки, какъ бы ближніе родные. И могу сказать, что ощущанія имѣлъ я къ сему человѣку прямо дружескія и въ каждой разъ былъ въ особливости радъ, когда прихаживалъ онъ къ намъ въ канцелярію. Я покидалъ тогда всѣ свои дѣла и упражненія и занимался разговорами съ симъ любезнымъ человѣ-

*) Ноября 6 д. 1800 г. Помѣта А. Т. Болотова.

комъ; и о чемъ и о чемъ не говаривали мы съ нимъ, и сколько пріятныхъ и неоцѣненныхъ минутъ не препроводили въ сихъ дружескихъ собесѣдованіяхъ съ нимъ! Словомъ, я не уставалъ никогда говорить съ нимъ, а онъ со мною, и изъ всѣхъ, бывшихъ у меня въ жизни друзей, ни къ кому не прилѣпленъ я былъ такимъ нѣжнымъ и искреннимъ дружествомъ, какъ къ сему человѣку. А сіе и было тому притчиною, что мы не только во все время пребыванія его у насъ въ Кёнигсбергѣ видались очень часто и вмѣстѣ съ нимъ сиживали въ канцеляріи, вмѣстѣ гуливали по лутчимъ и пріятнѣйшимъ мѣстамъ города и его окрестностямъ; вмѣстѣ увеселялись красотами и прелестностями натуры, до чего онъ такой же былъ охотникъ, какъ и я; вмѣстѣ читывали наилутчшія и пріятнѣйшія книги; вмѣстѣ занимались разными и о разныхъ матеріяхъ разсужденіями. Но какъ наконецъ надлежало ему отъ насъ отбыть и отправиться жить въ Мемель, гдѣ находилось его судно, то при отъѣздѣ его условились мы продолжать и заочно наши свиданія и разговоры и имѣть съ нимъ частую и еженедѣльную переписку.

Переписка сія была между нами и дѣйствительно. Я первой ее началъ и заохотилъ друга моего такъ, что продолжалась она безпрерывно нѣсколько мѣсяцовъ сряду; и какъ была она особаго и такова рода, какая рѣдко у кого бываетъ, то и доставляла обоимъ намъ безчисленное множество минутъ пріятныхъ и неоцѣненныхъ въ жизни. Я не могу и нынѣ еще позабыть, съ какою нетерпѣливостію всякой разъ дожидался я тогда почты, съ какою жадностію распечатывалъ друга моего пакеты, и съ какимъ удовольствіемъ читывалъ пространныя и дружескія его къ себѣ письмы. Онъ описывалъ мнѣ все, что происходило съ нимъ въ Мемелѣ; а я ему сообщалъ то, что у насъ дѣлалось въ Кёнигсбергѣ, и мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, присовокуплялъ къ тому разныя шутки и другія побочныя и такія матеріи, о которыхъ зналъ, что онѣ будутъ другу моему пріятны, а онъ самое то же дѣлалъ и въ своихъ письмахъ. Словомъ, переписка сія была у насъ примѣрная и не только частая, но и столь пространная, что мы посылывали иногда другъ къ другу цѣлыя почти тетратки и я провождалъ иногда по нѣскольку часовъ сряду въ писаніи и одного письма къ нему. Всѣ сіи минуты были для меня всегда не только утѣшны, но и крайне увеселительны; а какъ и ему столь же пріятно было писать и ко мнѣ, то все сіе увеличивало еще болѣе наше дружество, которое продолжалось до самаго того времяни, какъ онъ отлучился наконецъ въ море, гдѣ вскорѣ послѣ того, къ превеликому моему сожалѣнію, лишился онъ жизни, приказавъ доставить ко мнѣ, вкупѣ съ извѣстіемъ о его смерти, и всѣ присыланныя къ нему мои письмы. Письмы сіи и понынѣ еще хранятся у меня въ цѣлости; и какъ онѣ писаны были всѣ въ одну форму, то велѣлъ я ихъ тогда же еще переплесть и храню ихъ какъ нѣкакой памятникъ тогдашнимъ моимъ чувствованіямъ и упражненіямъ, а вкупѣ и тогдашней моей способности къ писанію и великому еще несовершенству моего слога. Но какъ бы то ни было, но сей случай доказалъ мнѣ самою опытностію, что повѣренная и прямо дружеская и такая переписка, какую имѣлъ тогда я съ симъ человѣкомъ, можетъ быть не только крайне пріятна, но доставлять обоимъ друзьямъ несмѣтное множество минутъ, неоцѣненныхъ въ жизни.

Кстатѣ къ сему упомяну я, что къ числу бывшихъ со мною въ теченіе сего года произшествій принадлежитъ также и то, что я однажды чуть-было не сжогъ самъ себя и со всею квартирою своею, и не подвергся крайней опасности. Произошло сіе отъ неумѣрной охоты моей до чтенія книгъ: я занимался тѣмъ не только во всѣ праздные часы дня и самыхъ вечеровъ, но здѣлалъ какъ-то глупую привычку читать ихъ со свѣчкою и легши уже спать въ постелю, и продолжать оное до тѣхъ поръ, покуда сонъ начнетъ сжимать мои вѣжды и покуда я совсѣмъ забудусь. Тогда чрезъ минуту просыпался

я опять, погашалъ свою свѣчку и предавался уже сну. Такимъ образомъ читывалъ я по вечерамъ книги уже нѣсколько времяни и привычка здѣлалась такъ сильна, что въ каждой разъ бывало то, что чрезъ минуту послѣ того, какъ я забудусь, власно какъ кто меня нарочно для потушенія свѣчки разбудитъ и я, здѣлавъ сіе, засыпалъ уже спокойно. Но какъ смертельно испужался я однажды, когда, проснувшись помянутымъ образомъ, для погашенія своей свѣчки, увидѣлъ себя вдругъ объятаго всего огнемъ и поломемъ, ибо въ теченіи помянутой минуты свѣчка моя была такъ неосторожна, что зажгла повиснувшей, какъ-то близко къ ней, пологъ моей кровати, и онъ уже пылалъ весь въ то время, какъ я очнулся. Не могу изобразить, какимъ ужасомъ и страхомъ я тогда поразился. Я вспрыгнулъ безъ памяти съ кровати и, начавъ тушить, пережогъ и перемаралъ себѣ всѣ руки; и по особливому щастію пламя не достигло еще до потолка, и что мнѣ хотя съ трудомъ, но потушить было еще можно. Какъ совѣстился я тогда предъ добродушными стариками, моими хозяевами, которыхъ всѣхъ сей случай перестращалъ до чрезвычайности, и которые чрезъ сожженіе полога претерпѣли отъ меня убытокъ. Я охотно брался заплатить имъ вдвое противъ того, чего онъ стóитъ, но они никакъ на то не согласились, но были довольны обѣщаніемъ моимъ не читать никогда уже болѣе въ постелѣ съ свѣчкою книги, которое обѣщаніе и постарался я дѣйствительно выполнить; да и самого меня случай сей такъ пастращалъ, что я съ того времяни, во всю жизнь мою, никогда уже по вечерамъ книгъ въ постелѣ со свѣчкою не читывалъ, да и другимъ того дѣлать не совѣтую.

Что касается до посторонних ъ знаменитѣйшихъ произшествій, бывшихъ около сего времяни въ Кёнигсбергѣ, то памятны мнѣ только два, а имянно освященіе нашей церкви и смерть генерала Языкова. Относительно до церкви скажу вамъ, что до того времяни довольствовались мы только маленькою полковою, поставленною въ одномъ домѣ; но какъ Кёнигсбергъ мы себѣ прочили на долгайшее время и можетъ быть на вѣкъ, то во все минувшее время помышляемо было уже о томъ, гдѣ-бъ можно было намъ здѣлать порядочную для всѣхъ россіянъ церковь, которая и нужна была какъ по множеству нашего народа, такъ и потому, что императрицѣ угодно было прислать къ намъ туда для служенія и архимандрита съ свитою, пѣвчими и со всѣмъ прибором ъ. Сперва думали-было достроивать находившуюся на парадномъ мѣстѣ огромную кирку, начатую давно уже строить, но которой строеніе за чѣмъ-то остановилось; но какъ оказалось, что къ отдѣлкѣ сей потребна была великая сумма, а построенныя стѣны не слишкомъ были прочны и надежны, то рѣшились наконецъ велѣть прусакамъ опростать одну изъ ихъ кирокъ, и сію-то кирку надобно намъ было тогда освятить и превратить изъ лютеранской въ греческую. Избрана и назначена была къ тому одна изъ древнѣйшихъ кёнигсбергскихъ кирокъ, довольно хотя просторная, но самой старинной готической архитектуры, съ высокою и остроконечною башнею или шпицемъ, а именно та, которая находилась у нихъ въ Штейндамскомъ форштатѣ, неподалеку отъ зàмка.

Главнѣйшее затрудненіе при семъ дѣлѣ было хотя то, чтоб снять съ помянутаго высокаго шпица обыкновеннаго ихъ пѣтуха и поставить, вмѣсто того, крестъ на оный, однако мы произвели и сіе. Отысканы были люди, отважившіеся взлѣсть на самой верхъ оной башни и снять не только пѣтуха, но и вынуть изъ самаго яблока тотъ свернутой трубкою мѣдной листъ, которой есть у иностранныхъ обыкновеніе полагать въ яблоко на каждой церкви, и на которомъ листѣ вырѣзываютъ они письмена, означающія исторію той церкви, какъ, напримѣръ: когда она, по какому случаю, кѣмъ, какимъ коштомъ, какими мастерами и при какомъ владѣтелѣ построена и освящена, и такъ далѣе. Мнѣ случилось самому видѣть оный вынутой старинной листъ, но ко-

торому означилось, что церковь та построена была болѣе, нежели за двѣсти лѣтъ до того. И мы положили ево опять туда, присовокупивъ къ тому другой и новой, съ вырѣзанными также на немъ латынскими письменами, означающими помянутое превращеніе оной изъ лютеранской въ греческую, съ означеніемъ времяни, когда, по чьему повелѣнію и кѣмъ сіе произведено. А посему и остался теперь въ Кёнигсбергѣ навѣки монументъ, означающей, что мы, россіяне, нѣкогда имъ владѣли и что управлялъ имъ нашъ генералъ Корфъ и производилъ сіе превращеніе. Что касается до иконостаса, то присланъ оной былъ изъ Петербурга, написанной прекрасно на камкѣ и довольно великолѣпной; а прислана была также оттуда и вся протчая церковная утварь и ризница, и, на славу, очень богатая и великолѣпная. Самой архимандритъ присланъ былъ уже другой, по имяни Тихонъ, и мужъ прямо благочестивой, кроткой, ученой и такой, которой не дѣлалъ стыда нашимъ россіянамъ, но всѣмъ поведеніемъ своимъ пріобрѣлъ почтеніе и отъ самыхъ прускихъ духовныхъ. Сей-то самой архимандритъ освящалъ тогда сію церковь, и какъ церемонія здѣлана была при семъ случаѣ самая пышная, то привлекла она безчисленное множество зрителей, и всѣ прусаки не могли духовнымъ обрядамъ нашимъ, а особливо муропомазанію самыхъ церковныхъ стѣнъ, которое и намъ случилось тутъ впервые видѣть, довольно надивиться. И какъ въ сей церкви и служеніе производилось всегда на пышной ногѣ, съ прекрасными пѣвчими, и какъ архимандритомъ, такъ и бывшими съ нимъ іеромонахами сказываны были всегда разумныя проповѣди, то все сіе тамошнимъ жителямъ такъ полюбилось, что не было ни одной почти обѣдни, въ которую не приходило-бъ по нѣскольку человѣкъ изъ тамошнихъ зрителей для смотрѣнія.

Что-жъ касается до второго произшествія, или смерти и погребенія генерала Языкова, то былъ онъ самой тотъ, которой, будучи еще полковникомъ, съ гранодерскимъ своимъ полкомъ такъ храбро защищалъ на Егерсдорфской или Апраксинской баталіи интервалъ между обоими лагерь нашей арміи прикрывающими лѣсами, и которой, будучи при семъ случаѣ весь израненъ, пріобрѣлъ себѣ тѣмъ велнкую славу и пожалованъ за то генераломъ. Отъ сихъ-то ранъ не могъ онъ съ самаго того времяни еще оправиться, но онѣ свели его во гробъ, несмотря хотя и старались ему помочь всѣ наилутчіе какъ наши, такъ и кёнигсбергскіе медики. Мы погребли его тогда со всею должною по чину его и по славѣ честію; и какъ и сія церемонія была одна изъ великолѣпнѣйшихъ и пышныхъ, то обратила и она на себя вниманіе всѣхъ кёнигсбергскихъ жителей и произведена была при стеченіи безчисленнаго множества народа.

Вотъ все, что я могу упомнить относительно до произшествій тогдашняго времяни; и какъ чрезъ описаніе ихъ и сіе письмо нарочито увеличилось, то симъ окончу я и оное, сказавъ вамъ, что я есмь и пребуду навсегда вашъ и протчая.

КОНЕЦЪ СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА
ЗАПИСОКЪ А. Т. БОЛОТОВА.

ЧАСТИ: I, II, III, IV, V, VI и VII.

съ XVI столѣтія по 1760 годъ.

стр.

Предисловіе отъ издателя . . I—XVIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XIV ст.—1750 г.

Предисловіе. Предувѣдомленіе . . 1

Исторія моихъ предковъ и первѣйшихъ лѣтъ моей жизни.

I. **Происхожденіе фамиліи Болотовыхъ.** — Родословіе ихъ. — Пожалованіе предковъ имѣніями (XVI — XVII стол.) 3

II. **Исторія Еремѣя Гавриловича Болотова.**—Битва съ татарами.—Плѣнъ у татаръ. — Бѣгство. — Возвратъ на родину (XVII ст.). 9

III. **Исторія ближнихъ предковъ.**—Воспитаніе дѣтей въ рижской нѣмецкой школѣ. — Гвардіи капитанъ Тимофей Болотовъ, любимецъ Бирона. — Письмо Петра Великаго къ подпоручику Болотову объ отвозѣ нѣмецкихъ женщинъ въ русскія степи. 1700—1738 гг. 23

IV. **Исторія моего младенчества.** — Миръ Россіи съ Турціею. — Жизнь при полку. 1738—1744 гг. 30

V. **При ревизіи во Псковѣ.**—Обученіе грамотѣ. — Дѣтскія шалости. — Викторіальные дни. 1744 — 1746 гг. . . . 37

VI. **Домъ Удрихъ и Лай-Мыза.** — Внутреннее расположеніе домовъ у псковскихъ помѣщиковъ. — Полковая жизнь. — Приданое невѣстъ. — Обученіе письму и рисованію. — Крещеніе татарина въ прорубн. — Пушечная пальба на праздникахъ. — Учителя-иноземцы. — Русскіе нѣмцы въ военной службѣ. 1747 г. 45

VII. **Въ лагерѣ и во Псковѣ.**—Фельдмаршалъ Лессій.—Охота за зайцами.—Петербургъ. — Наводненіе. — Лейбъ-компанія.—Дворецъ.—Педагогическіе пріемы нѣмца-учителя. 1747 г. . . . 58

VIII. **Въ Курляндіи.** — Походъ русскаго вспомогательнаго корпуса въ Австрію.—Вокабулы и розги. — Курляндское гостепріимство. — Поступленіе въ военную службу солдатомъ на 10-мъ году отъ роду. — Воинскія потѣхи. — Производство въ подпрапорщики и каптенармусы. 1748 г. . . . 73

IX. **Въ мызѣ Пацъ.** — Воспитаніе въ семействѣ курляндскаго помѣщика.—Учитель Лейпцигскаго университета. — Дядька Артамонъ. — Производство въ сержанты. 1748 г. 82

X. **Походъ въ Петербургъ.** — Поединокъ. — Первый день въ строю. — Нарвскій комендантъ Штейнъ.—Пансіонъ Ферре, при Сухопутномъ Шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. 1749 г. 102

XI. **Жизнь въ пансіонѣ.**—Товарищи.—Учебныя занятія. — Чтеніе книгъ. — Уроки рисованія. 1750 г. 108

XII. **Въ Выборгѣ.**—Чтеніе. Стрѣль-

стр.

ба. — Городъ и крѣпость. — Смерть отца. — Характеристика покойнаго. 1750 г. 116

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія моего малолѣтства.

1750—1755.

XIII. **Отъѣздъ изъ полка.** — Прибытіе въ Петербургъ. — Оберъ-гофмаршалъ Шепелевъ. — Хлопоты объ отпускѣ въ деревню. 1750 г. 133

XIV. **Ѣзда.** — Поѣздка изъ Петербурга въ деревню. 1750 г. 143

XV. **Въ деревнѣ Дворяниновѣ.** — Сосѣди. — Попы. — Суевѣрія. — Самообученіе. — Обстановка помѣщичьяго дома. — Храмовые праздники. — Провинціальное дворянство. — Посылка дядьки Артамона въ столицу. 1750 г. 151

XVI. **Увольненіе отъ службы для окончанія наукъ.** — Исковая челобитная. — Шалости. — Отправка въ ученье въ Петербургъ. 1751 г. 163

XVII. **Пріѣздъ въ Петербургъ.** — Е. А. Масловъ. — Отдача въ ученье къ французу. — Выработка крѣпостнымъ человѣкомъ платы за воспитаніе барчука. — Жизнь въ свѣтлицахъ конной гвардіи. — Смерть матери. 1752 г. . . 180

XVIII. **Замыслы о поѣздкѣ въ деревню.** — Празднованіе дня именинъ императрицы Елисаветы Петровны. — Иллюминація. — Балъ въ лѣтнемъ дворцѣ. — Полиція. — Результаты обученія наукамъ. 1752 г. 190

XIX. **Ѣзда во Псковъ и прибытіе въ деревню Опанкино.** — Суевѣріе. — Псковскіе помѣщики и помѣщицы. — Пиршества. — Охота на звѣрей съ тенетами. 1752 г. 204

XX. **Въ Опанкинѣ.** — Рыбная ловля зимой. — Обученіе ремесламъ и художествамъ. — Игра на гусляхъ. — Ленъ и его обработка. — Надворныя увеселенія и забавы. 1753 г. 213

XXI. **Пріѣздъ въ Дворяниново.** — Матвѣй Петровичъ Болотовъ и его семья. — Водвореніе въ родительскомъ домѣ. — Воспоминаніе о Минихѣ. — Чтеніе книгъ: «Камень Вѣры» и «Четіи-Минеи». — Изученіе геометріи и фортификаціи. — Страсть къ письму. 1753 г. 227

XXII. **Самообученіе.** — Постройка крѣпостцы. — Народная игра «килка». — Игра въ мячъ. — Святочныя игрища. — Новый товарищъ. — Шалости. 1754 г. 239

XXIII. **Въ деревнѣ.** — Лунатизмъ. — Таинственный голосъ. — Сосѣди. — Ловля перепеловъ ястребами. — Нѣмцы-заводчики. — Дворянскій учитель. 1754. г. 252

XXIV. **Сборы къ возвращенію въ полкъ.** — Достопамятности Москвы. — Путь во Псковъ. — Пребываніе у сестры въ Опанкинѣ. — Прибытіе въ полкъ. 1755 г. 264

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Исторія моей военной службы.

1755—1757.

XXV. **Полковое начальство и штабъ.** — Мартыновна. — Военный постой въ Лифляндіи. — Уроки нѣмецкаго языка. — Офицеры-иноземцы. — Сверстники и товарищи. 1755 г. 276

XXVI. **Походъ въ Ревель.** — Ловъ рыбы кокулями. — Первая командировка. — Ночь въ лѣсу. — Покупка лошади. 1755 г. 287

XXVII. **Ревель и Рогервикъ.** — Непріятныя послѣдствія покупки лошади. — Русскій генералъ изъ нѣмцевъ, баронъ Ливенъ. — Первыя напасти. — Обходъ чиномъ. 1755 г. . . 296

XXVIII. **Поѣздка въ Петербургъ.** — Хлопоты объ отпускѣ для ходатайства о производствѣ въ офицеры. — Дорога по берегу моря. — Яковлевъ, фаворитъ графа Петра Ивановича Шувалова. 1755 г. 307

XXIX. **Пребываніе въ Петербургѣ.** — Пріемная сильнаго человѣка. — Уроки набожности. — Покупка книгъ. — Посѣщеніе родственника. — Производство въ подпоручики. — «Аргенида» и «Жилблазъ». 1755 г. 318

стр.

XXX. **Въ Подмызкѣ.**—Жизнь съ ротой на квартирахъ въ деревняхъ.—Бытъ эстляндскихъ крестьянъ.—Болѣзнь и выздоровленіе. 1755 г. 332

XXXI. **Въ Рогервикѣ.** — Караульная служба.—Предположеніе Петра Великаго объ устройствѣ порта.—Постройка мули (мола).—Каторжные.—«Христосъ».—Андреюшка. — Товарищескія шутки.—Запой до чортиковъ. 1755 г. 342

XXXII. **Экзерцированіе.** — Командировка въ Ревель. — Переводъ «Хиромантіи». — Изученіе фокусъ-покусовъ.—Трагедія «Хоревъ».—Приготовленія къ войнѣ съ Пруссіею.—Успѣхи въ обученіи солдатъ новой экзерціи.—Опасная переправа. 1756 г. . . 353

XXXIII. **Лагерь при Ригѣ.** — Походъ изъ Ревеля въ Ригу.—Лагерныя столики. — Опасенія перевода въ гренадерскій полкъ. 1756 г. 367

XXXIV. **На кантониръ-квартирахъ.** — Нѣмецкія книги.—Первое командованіе ротою.—Женское общество. 1756 г. 380

XXXV. **Въ мызѣ Кальтебрунъ.**—Переводъ нѣмецкаго романа. — Фейерверочныя потѣхи. 1756 г. 394

XXXVI. **Приготовленіе къ походу.** — Болѣзнь. — Голодъ, какъ лекарство отъ лихорадки. — Выступленіе въ походъ. — Масляная мельница. — Приказъ по арміи объ уничтоженіи лишнихъ вещей въ обозѣ офицеровъ. 1757 г. 404

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и прусскіе походы.

1757 г.

XXXVII. **Начало похода.**—Причины войны съ Пруссіею.—Русская армія подъ Ригою.—Смотръ арміи генералъ-фельдмаршаломъ С. Ѳ. Апраксинымъ.—Выѣздъ его изъ Риги. — Шуваловскія гаубицы 417

XXXVIII. **Походъ Литвою.** — Распоряженія Фридриха II къ отпору непріятелей. — Разгромъ австрійцевъ подъ Прагою.—Смерть фельдмаршала графа Шверина. — Походъ русской арміи чрезъ Курляндію и Литву. — Назначеніе полковымъ квартирмейстеромъ 427

XXXIX. **Стояніе въ Ковнахъ.** — Разбивка лагеря. — Арестъ. — Польскій медъ.—Фридрихъ II подъ Прагою. — Бой прусскаго короля съ арміею фельдмаршала Дауна.—Разбитіе прусаковъ.—Учрежденіе ордена Маріи-Терезіи. — Миръ русской арміи въ Ковнѣ 438

XL. **О походѣ къ Пруссіи.**—Смерть и похороны товарищей.—Генеральный смотръ арміи.—Взятіе Мемеля.—Торжество по сему случаю. — Предосторожности противъ непріятеля.—Поимка шпіона 455

XLI. **Вступленіе въ Пруссію и тревога.**—Распоряженія фельдмаршала Левальда къ отпору русской арміи. — Оплошность де-ла-Рюи, маіора русской службы. — Тревога. — Приводъ прусаковъ къ присягѣ на вѣрность русской императрицѣ.—Первая стычка 464

XLII. **Походъ Пруссіею.** — Дѣйствія казаковъ и калмыковъ.—Одежда, пища и богослуженіе калмыковъ.—Наказаніе прусскихъ поселянъ.—Успѣхи казаковъ.—Соединеніе съ арміей корпуса генералъ-аншефа Фермора.—Списочное и наличное состояніе русской арміи 479

XLIII. **Походъ Пруссіею къ Прегелю.** — Фуражировки. — Картофель. — Нѣмецкія извѣстія о варварствѣ русскихъ фуражировъ. — Русская армія за рѣкою Прегелемъ. 491

XLIV. **Первая тревога.**—Расположеніе русской арміи на Эгерсдорфскомъ полѣ.—Двукратная тревога 501

XLV. **Вторая тревога.**—Выѣздъ генералъ-фельдмаршала предъ армію. — Ожиданіе непріятеля.—Канунъ генеральной баталіи 510

XLVI. **Тревога.** — Распоряженія къ битвѣ русскихъ военачальниковъ. — Аттака прусаковъ.—Чувства при началѣ битвы. — Начало Грос-Эгерсдорфскаго боя 19 августа 1757 года. 518

стр.

XLVII. **Баталія.**—Ходъ сраженія.—Аттака донскихъ казаковъ. — Дѣйствія прусской кавалеріи на флангѣ.—Бой въ центрѣ. — Геройская смерть генерала Лопухина. — Разбитіе первой линіи русской арміи. — Удачное вступленіе въ бой двухъ полковъ изъ задней линіи.—Бѣгство непріятеля . 534

XLVIII. **Походъ къ Велавѣ.**—Общій видъ мѣста побоища.—Ограбленіе труповъ.—Уронъ обѣихъ армій.—Торжество побѣдителей.—Погребеніе мертвыхъ. — Реляція Апраксина и прусскія извѣстія о сраженіи 19 августа 1757 г.—Положеніе Фридриха II послѣ грос-эгерсдорфскаго пораженія . 545

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и прусской войны.

1757—1758.

ъ XLIX. **Походъ къ Велавѣ.** — Ропотъ въ арміи на медленность и трусость военачальниковъ. — Сожженіе артилеріею деревни при рѣкѣ Ааль. — Тревога отъ коровъ.—Удальство калмыковъ.—Препятствіе къ переправѣ. 557

L. **При Аленбургѣ.** — Удача военной хитрости пруссаковъ.—Подозрѣніе на генерала Ливена.—Ловля карпіевъ.—Рѣшеніе русскихъ военачальниковъ уйти съ арміею изъ Пруссіи.—Генералъ-аншефъ Сибильскій. — Промахъ французскаго маршала Ришелье. — Поворотъ счастья въ пользу прусскаго короля. 1757 г. 570

LI. **Обратный походъ.**—Лишенія русской арміи. — Погоня пруссаковъ за русскою арміею.—Въ Тильзитѣ и переходъ черезъ рѣку Мемель. . . . 578

LII. **При Тильзитѣ.**—Занятіе Тильзита пруссаками и стрѣльба по русскому лагерю. — Прекращеніе прусской погони.—Бѣдствіе русской арміи при отступленіи къ предѣламъ отечества.—С. О. Апраксинъ.—Расположеніе полковъ по зимнимъ квартирамъ 1757 г. 592

LIII. **Жизнь въ Курляндіи.** — Чтеніе и

стр.

письмо. — Знакомство съ латышскимъ языкомъ. — Переводъ въ гренадерскую роту.—Дѣйствія на театрѣ войны: побѣды Фридриха II надъ союзниками въ концѣ 1757 г. 610

LIV. **Занятіе Кенигсберга.** — Отозваніе Апраксина. — Назначеніе графа Фермора начальникомъ арміи.—Быстрота его дѣйствій.—Зимній походъ въ Пруссію.—Занятіе Тильзита и Кёнигсберга. — Выступленіе въ походъ полковъ, зимовавшихъ въ Курляндіи. 1758 г. 622

LV. **Вторичный походъ въ Пруссію.** — Легкость похода. — Католическія часовни въ Литвѣ.—Синагоги.—Висѣлицы съ казненными ворами.—Польская уха.—Игра въ карты.—Зальцбургскіе эмигранты.—Городъ Гумбины.—Мелкій католическій государь-епископъ.—Самобичеваніе фанатиковъ-католиковъ. — Трудность конца похода 1758 г. 633

LVI. **Стояніе при Торунѣ.**—Жулавы—образцово-благоустроенныя селенія на Вислѣ. — Городъ Торунь. — Нѣмецкій журналъ.—Панорама.—Нелюбовь офицеровъ къ чтенію.—Политическія обстоятельства и интриги.—Тайное соглашеніе короля прусскаго съ наслѣдникомъ россійскаго престола.—Паденіе Бестужева.—Приготовленіе союзниковъ и короля прусскаго къ продолженію войны и новые успѣхи пруссаковъ 649

LVII. **Походъ въ Кенигсбергъ** . . . 664

LVIII. **Входъ въ Кенигсбергъ.**—Квартира. — Покупка и разрисовка картинъ.—Приключеніе въ караулѣ . . 675

LIX. **Въ Кенигсбергѣ.**—Новая квартира.—Панорама.—Знакомство съ оптикомъ и пріобрѣтеніе камеръ-обскуры. — Увлеченіе офицеровъ распутствомъ.—Назначеніе Болотова къ письменнымъ дѣламъ. — Непріязнь нѣмцевъ къ русскимъ. 1758 г. . . . 686

LX. **Описаніе Кенигсберга.** Рѣка Прегель.—Крѣпость.—Замокъ. — Портреты Лютера и его жены. — Публичная библіотека.—Улицы, площади, церкви

стр.

и гробницы. — Садъ купца Сатургуса. — Водяная колокольная игра. — Устройство домовъ.—Нравы, обычаи, образъ жизни кёнигсбергцевъ. 1758 г. 703

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1758—1759.

LXI. **Пребываніе въ Кенигсбергѣ.** — Ярмарка.—Польскіе жиды.—Даровой площадной театръ, для сбыта народу шарлатанскихъ лекарствъ. — Волокитства офицеровъ. 1758 г. 716

LXII. **Пріѣздъ Корфа.** — Обстоятельства возвышенія Н. А. Корфа.—Назначеніе его губернаторомъ, управляющимъ Пруссіею.—Опредѣленіе Болотова переводчикомъ въ канцелярію губернатора. 1758 г. 729

LXIII. **При Корфѣ.** — Причина назначенія Болотова переводчикомъ.—Характеристика лицъ, служащихъ при губернаторѣ и въ его канцеляріи. . 741

LXIV. **Характеръ Корфа.**—Образъ его жизни въ Кёнигсбергѣ.—Балы.—Дворецъ въ Кёнигсбергѣ. — Книга графа Оксенштирна. 1758 г. 752

LXV. **Исторія войны.**—Побѣды пруссаковъ надъ французами.—Взятіе прусскимъ королемъ крѣпости Швейдница.—Безуспѣшная осада крѣпости Ольмица. Дѣйствія принца Брауншвейгскаго. — Движенія и дѣйствія русскихъ войскъ. — Сожженіе города Кюстрина. 1758 г. 766

LXVI. **Битва Цорндорфская.** — Ложность нѣмецкихъ извѣстій.—Быстрота дѣйствій короля прусскаго.—Боевое построеніе русской арміи.—Дѣйствія прусскаго генерала Зейдлица.—Пьянство солдатъ во время сраженія. — Потери обѣихъ сторонъ. — Нерѣшительность генерала Фермора.—Жестокость прусскаго короля съ плѣнными русскими генералами.—Дѣйствія австрійцевъ и французовъ противъ пруссаковъ 782

LXVII. **Извѣстія военныя.** — Чрезвычайная убыль офицеровъ въ русской арміи. — Полковникъ князь Долгоруковъ.—Призывъ въ полкъ.—Выступленіе полка изъ Кёнигсберга 798

LXVIII. **Покупка книгъ.**—Библіотека для чтенія 814

LXIX. **Забавы и развлеченія.**—Романы.—Танцы. — Еврейская свадьба.—Балъ для званыхъ и незваныхъ.—Первые танцы въ обществѣ 824

LXX. **Губернаторскіе балы.**—Любовь Корфа къ графинѣ Кейзерлингъ. — Флигель-адъютантъ короля прусскаго графъ Шверинъ.—Григорій Григорьевичъ Орловъ. — Театръ. — Маскарады. — Ярмарка. 833

LXXI. **Политическія извѣстія.** — Фроловъ Багреевъ.—Опасенія за армію.—Свидѣтельствованіе артиллеріи. — Единороги.—Старанія Англіи и прусскаго короля о склоненіи Россіи къ нейтралитету.—Прусскія и французскія интриги и подкупы въ Турціи.—Политика Англіи.— Союзъ Россіи съ Швеціею и Даніею. — Приготовленія прусскаго короля къ продолженію войны. — Требованіе въ полкъ и оставленіе въ губернаторской канцеляріи. 1759 г. 849

LXXII. **Увеселительные сады.** — Гулянья.—Книга Зульцера о природѣ.— Стихотворство.—Художества. —Устройство фонтана.—Шалости. . . . 859

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

Продолженіе исторіи моей военной службы и пребыванія моего въ Кенигсбергѣ.

1759—1760.

LXXIII. **Въ Кенигсбергѣ.** — Новый главнокомандующій Петръ Семеновичъ Салтыковъ. — Старичокъ-полковникъ, любитель наукъ.—Поручикъ Пассекъ. —Капитанъ Писаревъ.—Приготовленія къ открытію русскихъ любительскихъ спектаклей.—Еврейская синагога. 1759 г. 871

LXXIV. **Новая квартира.**—Хозяева.—Книга Гофмана. — Лекарственное свойство куренья табаку при питьѣ

стр.

чая. — Книжные аукціоны. — Архимандритъ Ефремъ.—Чеканка русской монеты въ Кёнигсбергѣ. 1759 г. . . 888

LXXV. **Исторія войны.** — Разбитіе пруссаковъ французами. — Насильственная вербовка поляковъ въ прусскую армію. — Генералъ Ферморъ.— Письмо прусскаго короля къ графу Дона.—Побѣда русскихъ надъ пруссаками при Одерѣ.—Присоединеніе австрійцевъ къ русской арміи.— 1759 г. . . 901

LXXVI. **Кунесдорфская баталія.**—Аттака короля прусскаго.—Критическое положеніе русской арміи. — Отчаяніе главнокомандующаго. — Увлеченіе прусскаго короля и послѣдованіе совѣту генерала Веделя.—Дѣйствія австрійскаго генерала Лаудона. — Гибель прусской арміи.—Опасность для жизни и свободы Фридриха II и спасеніе его ротмистромъ Притвицомъ.— Потери обѣихъ сражавшихся сторонъ. 1759 г. 913

LXXVII. **Всеобщая увѣренность въ возможности взятія у пруссаковъ Берлина.**—Бездѣйствіе и взаимныя неудовольствія русскихъ и австрійцевъ.— Награды за Кунесдорфскую побѣду.— Недоставка австрійцами провіанта для русскихъ войскъ.—Дѣятельность прусскаго короля.—1759 г. 925

LXXVIII. **Жизнь въ Кенигсбергѣ.** — Маскарады въ театрѣ. — Балансёръ. Брачивость Корфа .— Студенты изъ

стр.

Московскаго университета въ Кёнигсбергѣ. — Любовная шашня секретаря Чонжина.—Братья Олины. — Пожаръ на монетномъ дворѣ.—Пожаръ въ канцеляріи Корфа.—Ссора Корфа съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ. — Тревога въ киркѣ о пожарѣ. 1760 г. 934

LXXIX. **Кенигсбергъ.**—Иллюминація въ день новаго года.—Гишпанскій посолъ. — Новыя приготовленія воюющихъ сторонъ. — Прусскія вербовки.—Науки, чтеніе книгъ, знакомство со студентами.—Увеселенія.—1760 г. 952

LXXX. **Отдѣлка новыхъ покоевъ въ замкѣ для губернатора.**—Празднества.— Свадьба совѣтника Баумана.—Фейерверкъ. — Проѣздъ графа П. Г. Чернышова въ Испанію, въ званіи посла. — Полученіе доходовъ изъ деревни. — Изготовленіе новыхъ знаменъ для арміи.— 1760 г. 967

LXXXI. **Продолженіе самообученія по книгамъ.**—Памятная книжка.—Познаніе превосходства крузіанской философіи предъ вольфіанскою. — Лекціи магистра крузіанской философіи Вейманна. — Пансіонъ Ковалевскаго. — Производство въ поручики. 1760 г. 981

LXXXII. **Дружба съ лейтенантомъ Тулубьевымъ.**—Переписка.—Опасность отъ свѣчи.—Освященіе кирки въ православную церковь.—Смерть и погребеніе генерала Языкова. 1760 г. . . 996

Примѣчаніе. Къ первому тому „Записокъ Болотова“ приложено изображеніе его кабинета, въ которомъ писаны имъ эти записки; рисунокъ сдѣланъ самимъ А. Т. Болотовымъ, гравир. академикъ Л. А. Сѣряковъ. Въ текстѣ записокъ помѣщено шестьдесять рисунковъ Павла Болотова, исполненныхъ по указаніямъ составителя записокъ, и г. Сѣряковымъ гравированныхъ. Подробный алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ автобіографіи Болотова, помѣщенъ при четвертомъ (послѣднемъ) томѣ, его сочиненія.